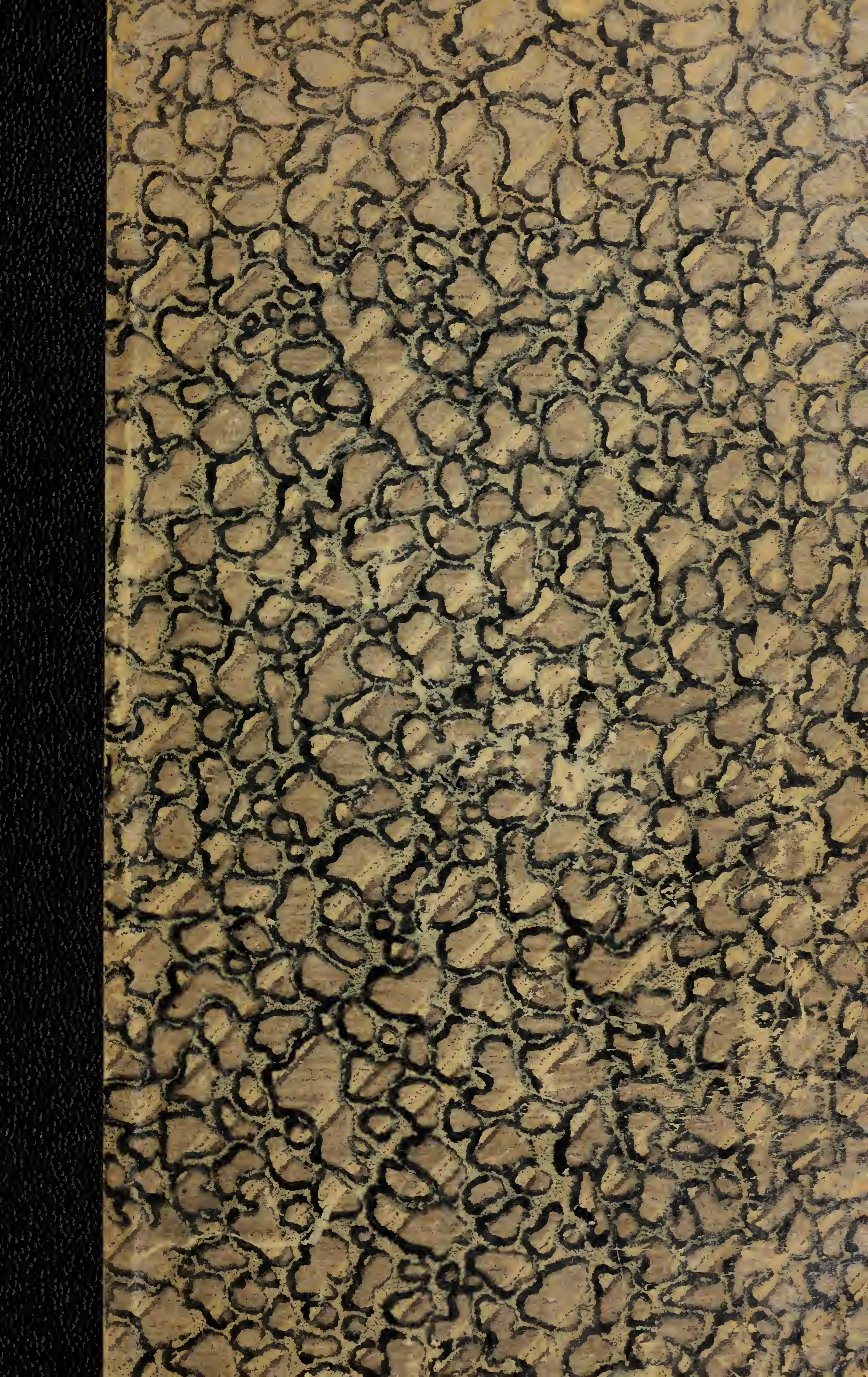

Г. В. Плехановъ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Цѣна 12 р. 50 к.

Литературно-Издательскій Отдѣлъ
Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію
Москва — 1919

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Томъ I

Литературно-Издательскій Отдѣлъ
Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію.
Москва. — 1918.

Всѣ сочиненія **Г. В. Плеханова** пріобрѣтены въ собственность Литературно-Издательскаго Отдѣла Народнаго Камиссаріата по Просвѣщенію срокомъ на пять лѣтъ по 1 января 1924 года.

Никѣмъ изъ книгопродавцевъ указанная на книгѣ **цѣна не можетъ быть повышена** подъ страхомъ отвѣтственности передъ закономъ страны.

Завед. Литер.-Изд. Отд. Нар. Ком. по Просвѣщ.

П. И. Лебедевъ-Полянскій.

Выражаю мою глубокую благодарность тѣмъ изслѣдователямъ, которые,— иногда даже не будучи лично знакомы со мною,— помогли мнѣ доставкою матеріала. Я никогда не забуду ихъ услугъ. Ничто не мѣшаетъ мнѣ, я полагаю, назвать здѣсь по имени Н. А. Рубакина, съ любезностью, поистинѣ безпредѣльной, предоставившаго въ мое полное распоряженіе свою богатѣйшую библіотеку.

Г. Плехановъ.

Оглавленіе I тома.

Иллюстраціи I тома.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи, посвященномъ исторіи русской общественной *мысли*, я исходилъ изъ того основного положенія историческаго матеріализма, что не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе сознаніе. Поэтому, я прежде всего обратился къ обзору объективныхъ условій мѣста и времени, опредѣлявшихъ собою ходъ развитія русской общественной *жизни*. Этому обзору посвящено мое историческое введеніе. Условіями мѣста я называю *географическую*, а условіями времени — *историческую* обстановку названнаго процесса. Изученіе географической обстановки, — другими словами, свойствъ географической среды,—казалось мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что наши историки не всегда посвящали ей должное вниманіе, а когда посвящали, то не всегда смотрѣли на нее съ правильной точки зрѣнія. Примѣромъ не вполнѣ удовлетворительной оцѣнки вліянія географической среды на исторію русскаго народа мнѣ послужили соображенія покойнаго С. М. Соловьева о томъ, какъ должна была вліять эта среда на характеръ нашего народа. Я держусь того убѣжденія, что географическая обстановка вліяетъ на характеръ даннаго народа лишь черезъ посредство общественныхъ отношеній, принимающихъ тотъ или другой видъ, въ зависимости отъ того, замедляетъ или ускоряетъ она ростъ производительныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи даннаго народа. Анализъ географической обстановки русскаго историческаго процесса привелъ меня къ тому заключенію, что подъ ея вліяніемъ ростъ производительныхъ силъ русскаго народа происходилъ очень медленно сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ у болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи народовъ Западной Европы. Уже эта сравнительная медленность роста производительныхъ силъ, а стало быть — и всего хода экономическаго развитія въ значительной степени объясняетъ нѣкоторыя, важныя—хотя, конечно, не абсолютныя, какъ думали славянофилы, а только относительныя—особенности нашего общественнаго быта. Въ свою очередь, анализъ исторической обстановки показалъ мнѣ, что она долго усиливала эти обусловленныя географической

средой особенности, такъ что въ теченіе довольно продолжительной эпохи Русь, по характеру своего соціально-политическаго строя, все болѣе и болѣе удалялась отъ Запада и сближалась съ Востокомъ. Это неизбѣжно должно было наложить глубокій отпечатокъ на то, что называется русскимъ народнымъ духомъ. Но та же историческая обстановка положила, наконецъ, предѣлъ этому сближенію Руси съ Востокомъ и принудила ее искать сближенія съ Западомъ. Петровская реформа составила чрезвычайно важную эпоху въ исторіи русской общественной жизни. Ея неизбѣжнымъ, хотя болѣе или менѣе отдаленнымъ, слѣдствіемъ явилась европеизація нашихъ общественно-политическихъ отношеній, правда, и понынѣ еще не совсѣмъ законченная. Само собой понятно, что европеизація русскаго общественнаго бытія не могла не сопровождаться европеизаціей русскаго общественнаго сознанія, то-есть что послѣ реформы наши идеологи учились у западно-европейскихъ. Теперь очень недурно выяснена исторія «западнаго вліянія» въ русской литературѣ. Но я считалъ необходимымъ остановиться на слѣдующей, до сихъ поръ почти незамѣченной особенности названнаго вліянія. Общественно-политическія отношенія передовыхъ странъ Западной Европы, опредѣлившія собою ходъ развитія западно-европейской общественной мысли, конечно, не оставались неизмѣнными съ тѣхъ поръ, какъ «западное вліяніе» стало замѣтнымъ образомъ проникать въ нашу страну. До 1789 года общественное движеніе происходило на Западѣ подъ знаменемъ буржуазіи, которая вела рѣшительную борьбу съ духовной и свѣтской аристократіей. Идеологи западной буржуазіи были тогда передовыми идеологами всего міра. Но послѣ 1789 года буржуазія, вообще говоря, перестала быть революціоннымъ классомъ. Она обнаруживала съ тѣхъ поръ лишь болѣе или менѣе оппозиціонное настроеніе, вызывавшееся реакціонными стремленіями аристократіи. Наконецъ, послѣ 1848—49 гг. она утратила и это настроеніе, усвоивъ себѣ консервативныя или даже реакціонныя наклонности. Разумѣется, эта перемѣна цѣликомъ отразилась и на дѣятельности ея идеологовъ. До Великой французской революціи они были болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе послѣдовательными революціонерами. Событія 1848 г. сдѣлали ихъ болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе послѣдовательными консерваторами или реакціонерами. Однако, русская интеллигенція только въ лицѣ наиболѣе проницательныхъ своихъ представителей отдавала себѣ ясный отчетъ въ этихъ совершившихся на Западѣ перемѣнахъ. Да и наиболѣе проницательные ея представители не всегда со всѣхъ сторонъ выясняли себѣ тѣсную причинную связь перемѣны, происходившей въ идейной области, съ

перемѣной въ области соціально-политической. Сознавая эту связь въ болѣе знакомыхъ имъ областяхъ мысли, они подчасъ какъ будто вовсе не подозрѣвали ея существованія въ областяхъ имъ менѣе извѣстныхъ. Благодаря этому, у насъ часто выходило такъ: идеологи, заимствовавшіе у западныхъ писателей передовыя общественныя теоріи, своимъ появленіемъ знаменовавшія тотъ до крайности важный историческій фактъ, что роль передового класса переходила на Западѣ отъ буржуазіи къ пролетаріату, придерживались въ то же самое время такихъ философскихъ или литературныхъ понятій, которыя знаменовали собою упадокъ буржуазіи, ея отказъ отъ роли передового застрѣльщика въ освободительной борьбѣ. Возьмемъ примѣръ. Усвоивъ себѣ такія соціальныя теоріи, которыя были самыми передовыми западными соціальными теоріями изо всѣхъ ему извѣстныхъ (наиболѣе передовой между ними теоріи Маркса онъ не зналъ), Чернышевскій былъ вполнѣ послѣдователенъ, держась въ философіи ученія Фейербаха, бывшаго наиболѣе передовымъ изо всѣхъ знакомыхъ ему ученій Запада. Но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ мы уже не видимъ такихъ послѣдовательныхъ мыслителей между передовыми русскими идеологами. Тогда, рядомъ съ передовыми соціальными ученіями Запада у насъ стали распространяться подъ именемъ критицизма такія философскія ученія, успѣхъ которыхъ на Западѣ вызванъ былъ, именно, указаннымъ выше упадкомъ буржуазныхъ идеологій послѣ 1848 года. И съ этихъ поръ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій міросозерцаніе передовыхъ русскихъ писателей,—идеологовъ самаго передового тогда русскаго общественнаго слоя, слоя разночинцевъ,—неизмѣнно страдало электизмомъ, совмѣщая въ себѣ такія совокупности взглядовъ, которыя по самой природѣ своей были несогласимы между собою, такъ какъ служили выраженіемъ діаметрально противоположныхъ и потому совершенно непримиримыхъ между собою общественныхъ теченій. Конечно, это было большимъ минусомъ въ исторіи нашего умственнаго развитія. Чаадаевъ съ горестью восклицалъ когда-то: «лучшія идеи, за отсутствіемъ связи или послѣдовательности, замираютъ въ нашемъ мозгу и превращаются въ безплодные призраки». Это, очевидно, было огромнымъ преувеличеніемъ. Но не менѣе очевидно и то, что въ нашихъ лучшихъ идеяхъ, въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко замѣчается недостатокъ «связи или послѣдовательности». Такой недостатокъ не можетъ не раздражать публициста, избавившагося отъ него благодаря той или другой счастливой случайности. Но историкъ обязанъ «не плакать, не смѣяться, а понимать». Онъ долженъ объяснить, откуда произошелъ недостатокъ «связи или послѣдовательности» въ міросозерцаніи многихъ нашихъ болѣе

или менѣе передовыхъ идеологовъ. Я старался по мѣрѣ силъ добросовѣстно выполнить эту обязанность историка. Анализируя ту историческую обстановку, въ которой совершалось умственное движенiе въ средѣ различныхъ классовъ русскаго населенiя, я постарался учесть влiянiе на него кризиса, вызваннаго въ исторiи западно-европейской мысли революцiоннымъ движенiемъ 1848 года. Мой анализъ привелъ меня къ тому выводу, что н е л о г и ч н о с т ь, нерѣдко проявляемая русскими идеологами, объясняется въ послѣднемъ счетѣ л о г и к о й западно-европейскаго общественнаго развитiя. Какъ ни парадоксаленъ на первый взглядъ этотъ выводъ, я считаю его совершенно неоспоримымъ. Тѣхъ, которые были бы непрiятно удивлены имъ, я попросилъ бы вспомнить, что явленiя, представляющiяся намъ парадоксальными, очень нерѣдко получаются въ результатѣ с л о ж н ы х ъ п р о ц е с с о в ъ какъ въ природѣ, такъ и въ исторiи.

Еще два слова. Для меня несомнѣнно, что въ моей работѣ найдутся тѣ или иные частные промахи. Errare humanum est. Но я глубоко убѣжденъ какъ въ непоколебимой правильности своего указаннаго выше исходнаго положенiя, такъ и въ томъ, что, усвоивъ его себѣ, я долженъ былъ итти въ своемъ изслѣдованiи, именно, тѣмъ путемъ, который только что указанъ здѣсь мною. Логика обязываетъ

———

Часть I.

ВВЕДЕНІЕ.

Очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній.

Ходъ развитія общественной мысли опредѣляется ходомъ развитія общественной жизни. Это основное положеніе историческаго матеріализма рѣдко и неохотно оспаривается теперь даже идеалистами. Да и трудно оспаривать его. Научное изслѣдованіе исторіи мысли,—и всѣхъ вообще идеологій,—только потому и дѣлаетъ теперь нѣкоторые успѣхи, что изслѣдователи начинаютъ сознавать причинную связь между «ходомъ вещей», съ одной стороны, и «ходомъ идей»—съ другой. Въ виду этого, читатель не удивится, если очерку исторіи русской общественной мысли я предпошлю нѣсколько соображеній о ходѣ развитія русскихъ общественныхъ отношеній.

Похожа ли исторія Россіи на исторію Западной Европы? Начиная съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, а пожалуй уже съ конца двадцатыхъ, вопросъ этотъ не переставалъ интересовать всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые не были совершенно беззаботны насчетъ судебъ своего отечества. О немъ очень много спорили и писали. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется много заниматься разными отвѣтами на него. Теперь же умѣстно будетъ замѣтить одно: въ наши дни онъ какъ будто отстоитъ дальше отъ своего рѣшенія, чѣмъ былъ, напримѣръ, въ эпоху знаменитаго, столь богатаго теоретическимъ содержаніемъ, спора славянофиловъ съ западниками. Въ самомъ дѣлѣ, тогда спорившія стороны, расходясь между собою въ очень многомъ, почти во всемъ, были, однако, согласны въ томъ, что исторія Россіи совершенно непохожа на исторію Запада. На этотъ счетъ такой крайній западникъ, какимъ былъ В. Г. Бѣлинскій, вполнѣ соглашался съ такимъ крайнимъ славянофиломъ, какимъ сдѣлался И. В. Кирѣевскій [1]). Ко-

---

[1]) «Одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ состоитъ, что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основаніи ея же самой, а не на основаніи исторій, ничего не имѣющихъ съ нею общаго, европейскихъ народовъ». Такъ писалъ Бѣлинскій въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года». И съ нимъ, разумѣется, вполнѣ согласились бы въ этомъ и Кирѣевскій и Погодинъ.

вечно, признавая, что русская общественная жизнь развивалась совсѣмъ не такъ, какъ западно-европейская, Бѣлинскій и его единомышленники дѣлали отсюда теоретическіе и практическіе выводы, прямо противоположные тѣмъ, къ которымъ приходили славянофилы. Но само это положеніе не оспаривалось ни тѣми, ни другими. В. Г. Бѣлинскій, этотъ «фанатикъ, человѣкъ экстремы», какъ называетъ его въ своемъ дневникѣ Герценъ, именно, за его безграничную враждебность по отношенію къ славянофиламъ, навѣрно, съ удивленіемъ и недовѣріемъ взглянулъ бы на человѣка, который сказалъ бы ему, что общепринятое полное противопоставленіе историческихъ судебъ Россіи историческимъ судьбамъ Западной Европы не имѣетъ подъ собой достаточнаго фактическаго основанія. Онъ, навѣрно, нашелъ бы, что такой человѣкъ заходитъ ужъ слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи западничествомъ. Не то теперь.

Теперь у насъ нѣтъ единодушія на этотъ счетъ.

Такъ, напримѣръ, г. П. Милюковъ повторилъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» взглядъ «людей сороковыхъ годовъ» на полную историческую самобытность Россіи [1]). А покойный Павловъ-Сильванскій, въ своихъ замѣчательныхъ работахъ о феодализмѣ въ древней Руси, не только отвергалъ этотъ старый взглядъ, но даже обнаружилъ склонность уменьшать значеніе тѣхъ неоспоримыхъ различій между русскимъ и западно-европейскимъ феодализмомъ, которыя онъ самъ же вынужденъ былъ признавать въ своихъ сочиненіяхъ. Разногласіе идетъ, какъ видимъ, очень далеко. Однако, мы не должны смущаться имъ. Какъ бы далеко ни расходились теперь между собою отдѣльные изслѣдователи, спорный вопросъ все-таки ближе къ своему рѣшенію, чѣмъ былъ онъ въ эпоху Бѣлинскаго: исторія и соціологія все-таки очень значительно подвинулись впередъ сравнительно съ той эпохой. Попробуемъ же подвести итогъ даннымъ, находящимся теперь въ нашемъ распоряженіи.

I.

Сравнивая Россію въ западомъ Европы, надо помнить, что и на Западѣ ходъ развитія соціально-политическихъ отношеній со-

[1]) «Изучая культуру любого западно-европейскаго государства, мы должны были бы отъ экономическаго строя перейти сперва къ соціальной структурѣ, а затѣмъ уже къ государственной организаціи,—говоритъ г. П. Милюковъ,—относительно Россіи удобнѣе будетъ принять обратный порядокъ, т. е. съ развитіемъ государственности познакомиться раньше, чѣмъ съ развитіемъ соціальнаго строя». Это потому, что «у насъ государство имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на Западѣ общественная организація обусловила государственный строй». «Очерки по исторіи русской культуры». СПБ. 1896, стр. 113—114.

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

вершался не всегда одинаково въ различныхъ странахъ. Одно дѣло Францiя, а другое дѣло, напримѣръ, Пруссiя. Соцiально-политическiя отношенiя Пруссiи развивались подчасъ въ порядкѣ, который можетъ показаться «обратнымъ» сравнительно съ тѣмъ, какой имѣлъ мѣсто во Францiи. Ниже, изучая ожесточенные споры, вызванные вопросомъ—быть или не быть капитализму въ Россiи, мы увидимъ, какъ много путаницы въ понятiяхъ вызывалось слишкомъ отвлеченнымъ представленiемъ о ходѣ экономическаго развитiя Запада. Что же касается вопроса о феодализмѣ въ древней Руси, то, конечно, несправедливо было бы обвинять въ неопредѣленности выраженiй человѣка, болѣе всѣхъ другихъ сдѣлавшаго для рѣшенiя этого вопроса. Онъ всегда совершенно опредѣленно указывалъ, съ какой, именно, страной Запада сравнивалась имъ удѣльная Русь. Для сравненiя ему служила средневѣковая Францiя, которую онъ справедливо считалъ классической страной феодализма. Но нельзя отрицать, что онъ грѣшилъ другимъ грѣхомъ, обратнымъ вышеуказанному: онъ какъ будто позабылъ, что въ ходѣ общественнаго развитiя всѣхъ западныхъ странъ есть черты, значительно отличающiя его отъ хода общественнаго развитiя Востока, т. е., точнѣе, великихъ восточныхъ деспотiй, напримѣръ, древняго Египта или Китая. И это забвенiе помѣшало ему надлежащимъ образомъ использовать свои собственные,—повторяю, весьма цѣнные выводы.

Дѣло вотъ въ чемъ. Павловъ-Сильванскiй былъ совершенно правъ, когда возсталъ противъ «утвердившагося въ нашей наукѣ взгляда на полное своеобразiе русскаго историческаго процесса». И ему удалось вполнѣ убѣдительно показать, что не можетъ быть и рѣчи «о коренномъ несходствѣ древне-русскаго строя съ феодальнымъ». Однако, тамъ, гдѣ отсутствуетъ коренное несходство, можетъ быть налицо несходство второстепенное, придающее все-таки достойное замѣчанiя «своеобразiе» изучаемому процессу. Поэтому отрицательное,—и, въ общемъ, очень удовлетворительное у Павлова-Сильванскаго,—рѣшенiе стараго вопроса о полномъ своеобразiи русскаго историческаго процесса еще отнюдь не исключаетъ вопроса объ его относительномъ своеобразiи.

Мы знаемъ теперь не только то, что Россiя,—подобно европейскому Западу,—прошла черезъ фазу феодализма. Мы знаемъ, кромѣ того, что та же фаза была въ свое время пройдена и Египтомъ, и Халдеей, и Ассирiей, и Персiей, и Японiей, и Китаемъ,—словомъ, всѣми или почти всѣми культурными странами Востока. Поэтому, мы уже не имѣемъ никакого права толковать о полномъ своеобразiи, скажемъ, египетскаго истори-

ческаго процесса сравнительно съ французскимъ. Однако, это еще не значитъ, что мы можемъ объявить тождественными эти два процесса. Вовсе нѣтъ: ходъ общественнаго развитія древняго Египта все-таки въ очень многомъ очень непохожъ на ходъ общественнаго развитія Франціи. То же надо сказать, сравнивая историческое развитіе Франціи съ историческимъ развитіемъ Россіи: о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса не можетъ быть и рѣчи; такого своеобразія вообще не знаетъ соціологія; но, не будучи вполнѣ своеобразнымъ, русскій историческій процессъ все-таки отличается отъ французскаго нѣкоторыми весьма важными чертами. И не только отъ французскаго. Въ немъ есть особенности, очень замѣтно отличающія его отъ историческаго процесса всѣхъ странъ европейскаго Запада и напоминающія процессъ развитія великихъ восточныхъ деспотій. При томъ,—чѣмъ весьма значительно осложняется вопросъ, — особенности эти сами переживаютъ довольно своеобразный процессъ развитія. Онѣ то увеличиваются, то уменьшаются, вслѣдствіе чего Россія какъ бы колеблется между Западомъ и Востокомъ. Въ теченіе московскаго періода ея исторіи онѣ достигаютъ гораздо большихъ размѣровъ, нежели въ теченіе кіевскаго. А послѣ реформы Петра I онѣ опять уменьшаются — сначала очень медленно, потомъ все скорѣе и скорѣе. Эта новая фаза русскаго общественнаго развитія, — фаза сперва медленной и поверхностной, а потомъ все ускоряющейся и углубляющейся европеизаціи Россіи,—далеко еще не закончена и въ наши дни. Все это какъ нельзя болѣе важно для всесторонняго выясненія нашего историческаго процесса. Но Павловъ-Сильванскій какъ-будто закрылъ глаза на все это, удовольствовавшись тѣмъ своимъ, — повторяю, совершенно правильнымъ,—утвержденіемъ, что мысль о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса рѣшительно не выдерживаетъ научной критики.

Онъ основательно упрекалъ русскихъ изслѣдователей въ томъ, что они недостаточно пользуются сравнительнымъ методомъ. Но что значитъ пользоваться имъ? Значитъ ли это отмѣчать только черты сходства двухъ или нѣсколькихъ изучаемыхъ процессовъ? Очевидно, нѣтъ. Отмѣчая черты сходства, также необходимо отмѣчать и черты различія. Кто не обращаетъ достаточнаго вниманія на эти послѣднія, тотъ неправильно пользуется сравнительнымъ методомъ.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что Павловъ-Сильванскій писалъ не философію русской исторіи, а изслѣдованіе о феодализмѣ удѣльной Руси, и что онъ имѣлъ полное право не выходить изъ предѣловъ своей задачи. Это, разумѣется, такъ. Но, во-первыхъ, выдви-

гая вопросъ о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса въ его цѣломъ, онъ самъ вышелъ изъ предѣловъ своего изслѣдованія, а, во-вторыхъ, онъ, къ сожалѣнію, показалъ себя одностороннимъ даже и въ этихъ предѣлахъ. Такъ, онъ самъ призналъ извѣстное несходство между русскимъ феодализмомъ, съ одной стороны, и французскимъ—съ другой. Но вмѣсто того, чтобы внимательно разсмотрѣть это несходство, онъ ограничился мимоходнымъ упоминаніемъ о немъ. Онъ не спросилъ себя, какъ должно было повліять относительное своеобразіе русскаго феодализма на дальнѣйшее развитіе общественныхъ отношеній въ нашей странѣ (т. е., собственно, въ Московской Руси). Отсюда — недостаточно отчетливое представленіе о всемъ вообще русскомъ историческомъ процессѣ. Этотъ недостатокъ объясняется и извиняется реакціей противъ стараго и совершенно несостоятельнаго ученія о томъ, что русская исторія не имѣетъ ровно ничего общаго съ исторіей Запада. Но объяснить и извинить не значитъ устранить. Недостатокъ все-таки существуетъ и его должны заботливо избѣгать тѣ наши будущіе изслѣдователи, которые захотятъ итти по слѣдамъ Павлова-Сильванскаго.

Какъ бы тамъ, однако, ни обстояло дѣло съ выводами этого талантливаго ученаго, едва ли можно усомниться въ томъ, что историкъ русской общественной мысли, отвергая, какъ совершенно устарѣвшее, ученіе о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса, ни въ какомъ случаѣ не можетъ закрыть глаза на его относительное своеобразіе. Вѣдь ясно, что, именно, здѣсь, именно, въ этомъ относительномъ своеобразіи, въ этихъ второстепенныхъ, но все-таки очень важныхъ особенностяхъ русскаго общественнаго развитія, и надо искать объясненія своеобразныхъ чертъ, наблюдаемыхъ въ ходѣ нашего умственнаго развитія и въ нашемъ такъ называемомъ народномъ духѣ

II.

Ходъ развитія всякаго даннаго общества, раздѣленнаго на классы, опредѣляется ходомъ развитія этихъ классовъ и ихъ взаимными отношеніями, т. е., во-первыхъ, ихъ взаимной борьбой тамъ, гдѣ дѣло касается внутренняго общественнаго устройства, и, во-вторыхъ, ихъ болѣе или менѣе дружнымъ сотрудничествомъ тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь о защитѣ страны отъ внѣшнихъ нападеній. Стало быть, ходомъ развитія и взаимными

отношеніями классовъ, составлявшихъ русское общество, и должно быть объяснено неоспоримое относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса.

Наша историческая наука давно уже поставила передъ собой, — слѣдуя поучительному примѣру французскихъ историковъ временъ реставраціи,—вопросъ о томъ, каковы были взаимныя классовыя отношенія въ Россіи. Какъ сказано мною выше, было время, когда люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ сходились у насъ въ томъ убѣжденіи, что исторія Россіи совсѣмъ не похожа на исторію Запада. Несходство это объяснялось тогда тѣмъ, будто бы несомнѣннымъ, обстоятельствомъ, что, въ противоположность Западу, Россія не знала взаимной борьбы классовъ. Теперь это обстоятельство никакъ не можетъ считаться несомнѣннымъ. Теперь серьезному изслѣдователю приходится спрашивать себя не о томъ, имѣла ли классовая борьба мѣсто въ нашей странѣ,— теперь уже доказано, что имѣла,—а о томъ, походила ли она и въ какой мѣрѣ походила она на ту, которая совершалась въ другихъ странахъ.

За разрѣшеніемъ этого коренного вопроса мы прежде всего обратимся къ одному изъ самыхъ авторитетныхъ,—если не самому авторитетному,—теперь русскому историку.

«Исторія нашихъ общественныхъ классовъ,—говоритъ покойный проф. В. Ключевскій,—представляетъ немало поучительнаго въ научномъ отношеніи. Въ ходѣ ихъ возникновенія и развитія, въ процессѣ опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній видимъ дѣйствіе условій, похожихъ на тѣ, какими создавались общественные классы въ другихъ странахъ Европы. Но условія эти у насъ являются въ другихъ сочетаніяхъ, дѣйствуютъ при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и потому созидаемое ими общество получаетъ своеобразный складъ и новыя формы [1]).

Подобно Павлову-Сильванскому, проф. Ключевскій ограничивается одностороннимъ,—завѣщаннымъ эпохой тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка,—сравненіемъ Россіи съ Западомъ. Если бы онъ дополнилъ это одностороннее сравненіе, сопоставивъ наше отечество съ Востокомъ, то сейчасъ же замѣтилъ бы, что чѣмъ болѣе своеобразнымъ становился ходъ нашего общественнаго развитія въ сравненіи съ западно-европейскимъ, тѣмъ менѣе своеобразенъ былъ онъ по отношенію къ ходу развитія восточныхъ странъ, — и наоборотъ. Это замѣча-

[1]) «Боярская Дума древней Руси», изданіе четвертое, стр. 7.

ніе очень пригодилось бы ему въ его дальнѣйшихъ соображеніяхъ. Но въ границахъ своего сравненія онъ совершенно правъ: общественное зданіе, сложившееся на русской почвѣ, обнаруживаетъ «своеобразный складъ и новыя формы». Поэтому намъ остается только разсмотрѣть, чѣмъ же собственно отличались тѣ сочетанія условій, благодаря которымъ исторія нашихъ общественныхъ классовъ приняла не такой видъ, какой получила она «въ другихъ странахъ Европы». Что узнаемъ мы на этотъ счетъ отъ проф. В. Ключевскаго?

По его словамъ, въ исторіи всякаго даннаго общественнаго класса нужно различать два момента: экономическій и политическій. Первый изъ нихъ выражается въ раздѣленіи общества согласно съ раздѣленіемъ общественнаго труда. Второй — дополняетъ, — «завершаетъ», —собою дѣйствіе перваго, распредѣляя общественную власть сообразно организаціи народнаго хозяйства, такъ что «экономическіе классы превращаются въ политическія сословія». Иначе сказать: «политическіе факты вытекаютъ изъ экономическихъ, какъ ихъ послѣдствія». Повидимому, проф. В. Ключевскій считалъ такой ходъ дѣла наиболѣе нормальнымъ. Но онъ находилъ, что мѣстами дѣло шло въ обратномъ порядкѣ. И вотъ, почему. Страна, въ которой народное хозяйство сложилось уже довольно прочно, можетъ подвергнуться завоеванію, а завоеваніе введетъ въ нее новый общественный классъ, и тѣмъ измѣнитъ положеніе и взаимныя отношенія прежнихъ. Это вызоветъ многія перемѣны въ ходѣ ея хозяйственной жизни. Очевидно, что онѣ явятся «прямыми послѣдствіями политическаго факта». Проф. В. Ключевскому казалось, что, именно, такъ или, по крайней мѣрѣ, очень близко къ этой схемѣ, согласно которой политическій моментъ **предшествуетъ** экономическому, создавались многія государства Западной Европы [1]). И онъ приписывалъ огромное значеніе этому способу ихъ возникновенія. Онъ говоритъ, что далеко не все равно, вытекаютъ ли политическіе факты изъ экономическихъ, или же—наоборотъ.

Поясняя эту свою мысль, онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ.

Когда внѣшняя сила вторгается въ общество и вооруженной рукой захватываетъ распоряженіе народнымъ трудомъ, тогда весь создаваемый ею государственный порядокъ приспособляется къ защитѣ пріобрѣтенныхъ ею экономическихъ выгодъ. Этимъ вызывается цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій. «Основанія

---

1) Легко замѣтить, что этотъ взглядъ на ходъ общественнаго развитія Запада прямо противоположенъ взгляду П. Н. Милюкова.

государственнаго устройства, отношенія къ верховной власти и къ другимъ сословіямъ при такомъ ходѣ привлекаютъ къ себѣ заботливое вниманіе господствующаго класса; вопросы государственнаго права выступаютъ на первый планъ, составляютъ самыя видныя явленія въ исторіи общества; частныя гражданскія отношенія лицъ, какъ и ихъ экономическое положеніе, устанавливаются подъ прямымъ вліяніемъ этихъ вопросовъ, въ прямой зависимости отъ того, какъ они разрѣшаются, а не наоборотъ,—и это потому, что господствующій классъ старается такъ опредѣлить свои политическія отношенія, чтобы можно было мирно пользоваться экономическими выгодами, пріобрѣтенными завоеваніемъ [1]). Благодаря всему этому, внутренняя исторія общества получаетъ боевой характеръ, всѣ общественныя отношенія обостряются, учрежденія и классы получаютъ рѣзкія очертанія. Наоборотъ, гдѣ завоеваніе не имѣло мѣста, тамъ основы общественнаго порядка обозначались не такъ явственно и не такъ послѣдовательно проводились на практикѣ, вслѣдствіе чего внутренняя исторія общества пріобрѣтала болѣе мирный характеръ.

Покойный профессоръ не рѣшался утверждать, что развитіе русскихъ общественныхъ отношеній шло этимъ послѣднимъ путемъ. Но въ то же время онъ не считалъ возможнымъ уподобить ходъ этого развитія западно-европейскому. Задавая себѣ вопросъ: «который изъ двухъ моментовъ, политическій или экономическій, предшествовалъ другому въ образованіи нашихъ общественныхъ классовъ, и всегда ли одинъ и тотъ же изъ нихъ шелъ впереди другого?», онъ, въ концѣ концовъ, склонялся къ той мысли, что въ исторіи нашего общества «господствовали смѣшанные процессы», т. е. что у насъ каждый изъ этихъ двухъ моментовъ поочередно игралъ роль то предшествующаго, то послѣдующаго: иногда образованіе сословій н а ч и н а л о с ь политическимъ моментомъ, а иногда оно являлось с л ѣ д с т в і е м ъ экономическаго развитія общества. Вотъ почему, изслѣдователь, хорошо изучившій происхожденіе и развитіе западно-европейскихъ сословій, не встрѣчаетъ у насъ повторенія знакомыхъ ему явленій» [2]).

III.

Итакъ, на Западѣ э к о н о м и ч е с к і й моментъ явился с л ѣ д с т в і е м ъ п о л и т и ч е с к а г о, а у насъ господствовали смѣшанные процессы. Въ этомъ заключается, по мнѣнію проф. В. Ключевскаго, коренная причина относительнаго своеобразія, за-

---

1) «Боярская Дума», стр. 9.
2) Названное сочиненіе, стр. 13—14.

мѣчаемаго въ ходѣ русскаго историческаго развитія. Разберемъ это мнѣніе.

Убѣжденіе высоко-талантливаго историка въ томъ, что на Западѣ политическій моментъ предшествовалъ экономическому, основывалось на фактѣ завоеванія, которому онъ приписывалъ роль перваго толчка въ развитіи западно-европейскаго общества. Но позволительно спросить: имѣемъ ли мы сколько-нибудь серьезное основаніе думать, что политическій моментъ предшествовалъ экономическому въ исторіи какого бы то ни было общества?

На этотъ важный соціологическій вопросъ западная наука отвѣтила рѣшительнымъ отрицаніемъ еще въ лицѣ Гизо и другихъ французскихъ историковъ временъ реставраціи. Мнѣ уже не разъ приходилось излагать взгляды этихъ историковъ, поэтому я не вижу никакой надобности входить въ большія подробности по этому предмету. Однако, мнѣ все-таки придется повторить кое-что изъ сказаннаго мною въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ очень интересное и убѣдительное соображеніе Гизо: «Большая часть писателей, ученыхъ или публицистовъ старалась объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизаціи, его политическими учрежденіями. Было бы благоразумнѣе начинать съ изученія самого общества, для того, чтобы узнать и понять его политическія учрежденія. Прежде, чѣмъ стать причиной, учрежденія являются слѣдствіемъ, общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы о состояніи народа судить по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество, его составъ, образъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ ихъ соціальнаго положенія, отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ, гражданскій бытъ людей,— таковъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ жили народы, и публициста, желающаго знать, какъ они управлялись [1]).

Я не буду приводить здѣсь выписки изъ сочиненій Огюстэна Тьерри и Минье, вполнѣ раздѣлявшихъ этотъ взглядъ Гизо [2]). Я считаю доказаннымъ мною прежде, что еще въ эпоху реставраціи

1) „Essais." dixième édition, pp. 73—74. Можно подумать, что Гизо возражаетъ П. Н. Милюкову.

2) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», изд. четвертое, стр. 13—26, въ предисловіи ко второму изданію моего перевода «Манифеста коммунистической партіи" и въ статьѣ «М. П. Погодинъ и борьба классовъ», «*Современный міръ*», апрѣль и май 1911.

французскіе историки, сами приписывавшіе завоеванію очень большую роль въ развитіи европейскаго общества, отвергали, какъ отжившій научный предразсудокъ, ту мысль, что соціальный строй даннаго народа можетъ быть объясненъ его политическими учрежденіями. Они настойчиво и убѣдительно доказывали, что политическія учрежденія были слѣдствіемъ прежде, нежели стать причиной. И всякій новый успѣхъ въ дѣлѣ научнаго объясненія общественной жизни подтверждалъ и углублялъ это ихъ ученіе. Историческій матеріализмъ Маркса-Энгельса, объясняющій политическія учрежденія соціальнымъ строемъ, а соціальный строй общественной экономикой, окончательно выяснилъ взаимное отношеніе экономическаго и политическаго «моментовъ» общественнаго развитія. Марксъ и Энгельсъ прекрасно понимали огромное историческое значеніе политическаго «момента». Именно, по этой причинѣ они сами дѣятельно занимались политикой. Но они еще яснѣе, нежели Гизо, видѣли, что дѣйствіе названнаго момента всегда представляетъ собою лишь обратное вліяніе слѣдствія на вызвавшую его причину. И легко убѣдиться, что правильность ихъ точки зрѣнія подтверждается, между прочимъ, собственными разсужденіями проф. Ключевскаго.

Онъ такъ изображаетъ ходъ общественнаго развитія въ тѣхъ странахъ, гдѣ политическій «моментъ» шелъ, по его мнѣнію, впереди экономическаго.

«Въ странѣ промышленная культура сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, трудъ населенія успѣлъ до извѣстной степени овладѣть силами и средствами мѣстной природы, народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью, когда эта страна подверглась завоеванію, которое ввело въ нее новый общественный классъ, измѣнивъ положеніе и отношенія прежнихъ туземныхъ. Пользуясь правомъ побѣды, этотъ классъ беретъ въ свое распоряженіе трудъ побѣжденнаго народа. Перемѣны, которыя происходятъ отъ этого въ теченіи народно-хозяйственной жизни, являются прямыми послѣдствіями политическаго факта, вторженія новаго класса, который начинаетъ править обществомъ въ силу завоеванія» [1]).

Это, безспорно, такъ: перемѣны, происходящія въ экономикѣ страны подъ вліяніемъ политическаго факта завоеванія, представляютъ собою послѣдствія политическаго факта. Но вѣдь это простая тавтологія. Вопросъ заключается вовсе не въ томъ, можно ли считать послѣдствіями политическаго факта перемѣны, этимъ фактомъ вызываемыя: само собою разумѣется, что и можно, и должно. Вопросъ заключается въ томъ, отчего же зависитъ, чѣмъ

[1]) Назван. соч., стр. 7—8.

же опредѣляется характеръ тѣхъ перемѣнъ, которыя вызываются политическимъ фактомъ. Другими словами: почему данный политическій фактъ, — скажемъ, то же завоеваніе,—въ одномъ случаѣ вызываетъ однѣ перемѣны въ народномъ хозяйствѣ, а въ другомъ— совершенно другія? И на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: потому, что въ разныхъ случаяхъ различна та степень экономическаго развитія, на которой находятся завоеванные; а также еще и потому, что въ разныхъ случаяхъ различна та степень экономическаго развитія, на которой находятся завоеватели. Но это значитъ, что возможныя послѣдствія политическаго факта заранѣе опредѣляются экономическимъ моментомъ. Иначе сказать, возможное дѣйствіе политическаго момента заранѣе опредѣляется моментомъ экономическимъ.

Это до такой степени вѣрно и до такой степени само собою разумѣется, что самъ проф. Ключевскій молчаливо признаетъ это, рисуя свою схему. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите. Согласно его предположенію, страна подвергается завоеванію уже послѣ того, какъ промышленная культура сдѣлала въ ней нѣкоторые успѣхи, а народное хозяйство уже установилось съ нѣкоторой прочностью. Ясно, что политическій фактъ завоеванія не предшествуетъ здѣсь данному строю экономическихъ отношеній, а дѣйствуетъ на него, какъ на уже существующій. И столь же ясно, что его дѣйствіе будетъ измѣняться въ зависимости отъ характера этого, предварительно даннаго, склада экономическихъ отношеній. Это опять молчаливо признается самимъ проф. Ключевскимъ.

«Завоевателямъ для своего матеріальнаго обезпеченія, — разсуждаетъ онъ, — нѣтъ нужды заводить вновь хозяйство въ захваченной странѣ, указывать пріемы и средства для эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ. Они насильственно вторглись въ установившійся экономическій порядокъ, стали съ оружіемъ въ рукахъ у готоваго хозяйственнаго механизма; по указанію собственныхъ потребностей имъ только нужно переставить нѣкоторыя его части, задать ему нѣкоторыя новыя работы, направить народный трудъ преимущественно на разработку тѣхъ естественныхъ богатствъ края, обладаніе которыми они нашли наиболѣе сподручнымъ и прибыльнымъ. Послѣ того у нихъ оставалась бы забота не устроять технически этотъ механизмъ, а только обезпечить за собой послушное дѣйствіе приставленныхъ къ нему рабочихъ рукъ» [1]).

---

1) Тамъ же, стр. 8.

Это «только» какъ нельзя болѣе многозначительно: оно рѣшаетъ весь вопросъ. Если завоевателямъ нѣтъ надобности «устроять технически» хозяйственный механизмъ попавшей въ ихъ распоряженіе страны; если имъ остается «только» обезпечить за собою послушную дѣятельность рабочихъ рукъ, приводящихъ этотъ механизмъ въ движеніе; если,—говоря языкомъ политической экономіи,—ихъ роль и стремленіе сводятся къ тому, чтобы присвоить себѣ прибавочный продуктъ, производимый трудящимся населеніемъ страны при такихъ хозяйственныхъ условіяхъ, которыя существовали въ ней еще до завоеванія, то не ясно ли, что мы не имѣемъ рѣшительно никакого права считать политическій моментъ предшествующимъ экономическому? Не очевидно ли, что и здѣсь политическій моментъ выступаетъ послѣ экономическаго, и что первый, какъ уже сказано выше, опредѣляется вторымъ въ характерѣ своего дѣйствія? Наконецъ, не очевидно ли, что дѣйствіе это по своему общему характеру ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того, котораго мы можемъ и должны ожидать отъ туземнаго господствующаго класса, т. е. класса, возникающаго независимо отъ завоеванія, въ силу экономическаго развитія страны? Развѣ же такой классъ не стремится обезпечить за собой послушную дѣятельность трудящагося населенія? Развѣ же онъ не старается присвоить себѣ прибавочный продуктъ, создаваемый руками народной массы, не испытавшей завоеванія, но все-таки находящейся въ состояніи экономической зависимости?

«Этого обезпеченія, — продолжаетъ проф. Ключевскій, — господствующій классъ будетъ стараться достигнуть политическими средствами, извѣстной системой законодательства, приспособленной къ цѣли организацiей сословій, соотвѣтственнымъ устройствомъ правительственныхъ учрежденій» [1]).

Все это опять, безспорно, такъ. Но если бы мы имѣли дѣло съ господствующимъ классомъ, въ происхожденіи котораго завоеваніе не играло ровно никакой роли, то и тогда мы непремѣнно увидѣли бы, что онъ заботится о созданіи такой системы законодательства, которая позволила бы ему отстаивать выгоды своего экономическаго положенія. И точно такъ же мы убѣдились бы, что этотъ классъ пользуется политическими средствами для достиженія своей цѣли. Вѣдь иначе и быть не можетъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 8.

IV.

Проф. Ключевскій указываетъ на Новгородъ, какъ на такую часть древней Руси, гдѣ общественное развитіе соотвѣтствовало первой схемѣ: расчлененіе общества по роду занятій, которому соотвѣтствуетъ политическое значеніе разныхъ его классовъ. «Рано освободившись отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и служилой аристократіи, этотъ вольный городокъ усвоилъ себѣ формы демократическаго устройства. Но еще раньше успѣхи внѣшней торговли, ставшей главнымъ жизненнымъ нервомъ города, создали въ немъ нѣсколько крупныхъ торговыхъ домовъ, которые были руководителями новгородской торговли, и въ силу этого сдѣлались потомъ руководителями новгородскаго управленія, правительственной аристократіей, господство которой, однако, всегда оставалось простымъ фактомъ, не сопровождалось отмѣной демократическихъ формъ новгородскаго устройства» [1]).

Тутъ мы видимъ то же самое, что уже видѣли выше: неоспоримые факты ложатся въ основу такого заключенія, которое никакъ не можетъ быть признано неоспоримымъ. И это потому, что заключеніе гораздо шире своей фактической основы.

Исторія показываетъ, что *мѣстами* и *иногда* политическое господство высшаго, — по своему экономическому положенію, — класса «остается простымъ фактомъ», а въ другихъ мѣстахъ или въ другое время облекается въ болѣе или менѣе опредѣленныя и прочныя юридическія формы. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Если въ Новгородѣ мы можемъ наблюдать первый случай, то второй представляется намъ, напримѣръ, въ Венеціи. Первоначально и въ этомъ «вольномъ городкѣ» были только классы, отличавшіеся одинъ отъ другого экономическимъ положеніемъ, но не было сословій съ различными политическими правами. А потомъ дѣло рѣзко измѣнилось. Въ концѣ XIII в. произошла такъ называемая *serrata del maggior consiglio*, положившая прочную основу юридическимъ привилегіямъ венеціанской торговой аристократіи. Что же? Имѣемъ мы право считать эту перемѣну послѣдствіемъ, — хотя бы и очень отдаленнымъ, — завоеванія? Никакого! Адріатическая «царица морей» не знала иностраннаго завоеванія вплоть до вступленія въ нее французскихъ войскъ въ маѣ 1797 г. Мы можемъ сказать словами проф. Ключевскаго, что тамъ экономическій моментъ всегда предшествовалъ политическому. А между тѣмъ, мы наблюдаемъ въ ней то самое явленіе—пріобрѣтеніе политическихъ привилегій

---

[1]) Тамъ же, стр. 11,

экономически господствующимъ классомъ—которое, по мнѣнію нашего автора, возникаетъ лишь въ такихъ странахъ, гдѣ, наоборотъ, политическій моментъ предшествуетъ экономическому. Съ другой стороны, Флоренція, — подвергавшаяся иностранному завоеванію, — въ теченіе продолжительнаго времени неуклонно измѣняла свое политическое устройство въ направленіи демократіи, т.-е. въ направленіи прямо-противоположномъ аристократическому направленію политическаго развитія Венеціи. По какой же причинѣ? Потому ли, что отношеніе (во времени) политическаго момента къ экономическому было тамъ прямо-противоположно тому, которое имѣло мѣсто въ Венеціи? Нѣтъ! Во Флоренціи, какъ и въ Венеціи, какъ и во всемъ мірѣ, экономическій моментъ «предшествовалъ» политическому. Но во Флоренціи онъ вызвалъ иное соотношеніе общественныхъ силъ, нежели въ Венеціи, и тѣмъ обусловилъ противоположное направленіе ея политическаго развитія, т.-е. совсѣмъ иную природу политическаго момента [1]).

Но хотя въ Венеціи утвердилось аристократическое, а во Флоренціи демократическое устройство, однако, и тутъ и тамъ господствовавшій классъ усердно пользовался политическими средствами для защиты своихъ экономическихъ выгодъ. То же было, разумѣется, и въ Новгородѣ. Только средства эти были различны, въ зависимости отъ различій въ политической конституціи, вызванныхъ экономическими причинами. И то же самое мы видимъ и теперь. Въ Пруссіи господствующій классъ до сихъ поръ имѣетъ политическія привилегіи. Во Франціи онъ уже не имѣетъ ихъ. Однако, французская буржуазія такъ же усердно, какъ прусскіе юнкеры и богатые бюргеры, пользуется политическими средствами въ борьбѣ за свое существованіе. И, конечно, она нисколько не меньше ихъ дорожитъ тѣмъ законодательствомъ, которое охраняетъ ея экономическое господство. Это врядъ ли нуждается въ доказательствахъ.

А Россія? Экономическое, а потому и политическое, развитіе было неодинаково въ различныхъ частяхъ этой обширной страны. Но, въ общемъ, мы все-таки можемъ сказать, что до-монгольская Русь знала классы, но не знала сословій, а въ XIII—XV вв. можно замѣтить постепенное появленіе различій въ юридическихъ

---

1) Паскуале Виллари высказалъ нѣсколько очень остроумныхъ догадокъ насчетъ экономическихъ причинъ, обусловившихъ собою разницу въ ходѣ политическаго развитія нѣкоторыхъ большихъ городовъ Италіи. (См. его книгу Nicolo Machiavelli e i suoi tempi, Firenze, 1887, introduzione). Было бы большимъ преувеличеніемъ утверждать, что его догадки рѣшаютъ вопросъ; но онѣ вполнѣ опредѣленно указываютъ, гдѣ надо искать его рѣшенія, а этого здѣсь для насъ вполнѣ достаточно.

правахъ и обязанностяхъ различныхъ классовъ. Эти различія приводятъ,—сначала въ Литовской, а потомъ и въ Московской Руси,—къ образованію болѣе или менѣе рѣзко разграниченныхъ одно отъ другого сословій. Mutatis mutandis, дѣло шло здѣсь такъ же, какъ шло оно въ Венеціи, при чемъ и здѣсь, какъ рѣшительно вездѣ, экономическій моментъ предшествовалъ политическому, давая направленіе его развитію и опредѣляя быстроту его хода и яркость его феноменовъ.

Ошибка проф. Ключевскаго состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ сузилъ понятіе *политическаго средства*, совершенно произвольно отождествивъ его съ понятіемъ: *политическая привилегія*.

Устранивъ эту, чреватую ложными выводами, ошибку, мы,—опять на основаніи собственныхъ соображеній нашего автора,—съ ясностью увидимъ, къ чему сводится, въ дѣйствительности, отношеніе между экономикой и политикой.

«Все это съ теченіемъ времени во многомъ измѣнитъ народное хозяйство, вызоветъ въ немъ много новыхъ отношеній,—говоритъ почтенный историкъ, замѣтивъ, что завоеватели воспользуются политическими средствами для защиты своихъ экономическихъ выгодъ,—и всѣ эти новые экономическіе факты будутъ слѣдствіями предшествовавшихъ имъ фактовъ политическихъ» [1]).

Правильно. Но здѣсь мы будемъ имѣть передъ собою, именно, типичный случай *обратнаго дѣйствія политическаго «момента» на экономическій, обусловившій собою его возникновеніе и характеръ*.

Такіе случаи очень часты въ процессѣ общественнаго развитія, однако, ни одинъ изъ нихъ не подтверждаетъ взгляда проф. Ключевскаго. Всѣ они показываютъ не то, что въ исторіи нѣкоторыхъ странъ политическій моментъ предшествуетъ экономическому, а только то, что политическія отношенія, возникшія на извѣстной хозяйственной подкладкѣ, въ свою очередь, вліяютъ на дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства. Но,—и въ этомъ все дѣло,—такъ бываетъ не только тамъ, гдѣ господствующій классъ пользуется извѣстными юридическими привилегіями; такъ бываетъ рѣшительно всюду, гдѣ находятся налицо извѣстныя политическія отношенія. Такъ было, между прочимъ, и въ новгородской республикѣ, на которую сослался проф. Ключевскій.

Неоспоримо, что завоеваніе можетъ обострить взаимныя отношенія общественныхъ классовъ и придать много драматизма ходу общественнаго развитія. Однако, не всегда придаетъ. Завоеваніе

---

[1]) Тамъ же, стр. 8.

Китая манчжурами не помѣшало внутренней исторіи этой страны оставаться мало драматичной вплоть до самаго послѣдняго времени. Бо́льшая или меньшая степень драматизма въ общественной жизни зависитъ только отъ того, какъ много поводовъ для рѣзкихъ и яркихъ столкновеній между различными общественными силами создается существующимъ общественнымъ порядкомъ. А это опредѣляется не тѣмъ, лежитъ или же не лежитъ въ основѣ этого порядка завоеваніе. Внутренняя исторія Польши полна яркаго драматизма. Потому ли это, что дѣленіе польскаго общества на классы явилось результатомъ завоеванія? Мы еще не имѣемъ права утверждать, что возникновеніе польскаго государства связано съ завоеваніемъ. Это вовсе не доказано.

Проф. Ключевскій не вѣрно и не ясно представлялъ себѣ взаимное отношеніе между экономикой и политикой. Кромѣ того, онъ сильно преувеличивалъ историческую роль завоеваній. Въ этомъ отношеніи онъ еще не вполнѣ освободился отъ вліянія взгляда, господствовавшаго у насъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и заимствованнаго нашими писателями у французскихъ историковъ временъ реставраціи. Гизо, Ог. Тьерри, Минье и др., такъ правильно разсуждавшіе о томъ, что политическія учрежденія должны быть слѣдствіемъ, прежде нежели сдѣлаться причиной, не умѣли, однако, выяснить себѣ происхожденіе западно-европейскаго феодализма. Они не умѣли понять его, какъ слѣдствіе внутренняго развитія «гражданскаго быта» Западной Европы, и потому цѣликомъ относили его на счетъ завоеванія, т.-е. политическаго дѣйствія. Это было противорѣчіемъ, въ которое они попали вслѣдствіе тогдашняго недостатка въ фактическомъ матеріалѣ. Но теперь съ этимъ противорѣчіемъ давно пора кончить.

V.

Уже С. М. Соловьевъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что завоеваніе далеко не объясняетъ всѣхъ относимыхъ на его счетъ общественныхъ явленій.

«Много говорятъ о завоеваніи и незавоеваніи,—писалъ онъ,—полагаютъ главное отличіе исторіи русской отъ исторіи западныхъ государствъ въ томъ, что тамъ было завоеваніе одного племени другимъ, а у насъ его не было. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, односторонен; проводя параллель между западно-европейскими государствами и нашимъ русскимъ, преимущественно обращаютъ вниманіе на Францію, Англію, упуская изъ виду Германію и Скандинавскія государства и ближайшія къ намъ государства славянскія: здѣсь одно племя не было завоевано другимъ, и между тѣмъ исторія этихъ государствъ столько же различна отъ исторіи на-

шего, сколько различна отъ нея исторія Франціи и Англіи. Ясно, слѣдовательно, что въ одномъ отсутствіи завоеванія нельзя искать объясненій главному различію» [1]).

Это, въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя болѣе ясно. Но теперь къ приведеннымъ мною соображеніямъ С. М. Соловьева слѣдуетъ прибавить, что и въ тѣхъ странахъ Запада, гдѣ завоеваніе, несомнѣнно, имѣло мѣсто, оно далеко не такъ сильно и быстро повліяло на ходъ общественнаго развитія, какъ это думали прежде. Возьмемъ одно изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ, по выраженію М. П. Погодина, «все произошло отъ завоеваній»,—Францію, эту классическую страну феодализма. Каковы были соціальныя послѣдствія испытанныхъ ею завоеваній?

«Перемѣны, внесенныя нашествіемъ варваровъ, — пишетъ Альфредъ Рамбо,—были менѣе значительны, чѣмъ это могло бы показаться сначала. Собственно говоря, не было завоеванія Галліи германцами. Визиготы и бургунды вошли во владѣніе своими провинціями именемъ императора, а Галлія... встрѣтила Хлодвига скорѣе какъ друга, чѣмъ какъ врага. Нашествіе не было ни насильственнымъ, ни кровавымъ. За исключеніемъ сѣверо-востока Галліи, гдѣ оно продолжалось нѣсколько столѣтій, страна сохранила свой прежній видъ. Визиготы были немногочисленны въ бассейнѣ Гаронны (ихъ насчитывалось всего 200.000 при переходѣ черезъ Дунай); еще менѣе многочисленны были бургунды въ бассейнѣ Роны (ихъ было не болѣе 80.000, когда Аэцій водворилъ ихъ въ Савойѣ); франки составляли при Хлодвигѣ горсть воиновъ, а не эмигрирующую массу. Словомъ, германцы не могли измѣнить въ большей части Галліи ни расы, ни языка» [2]).

Нетрудно догадаться, что при такихъ условіяхъ они неспособны были передѣлать экономическій бытъ Галліи.

«Они мало измѣнили положеніе жителей, — продолжаетъ Рамбо,—у крестьянъ нельзя было отнять землю, такъ какъ она имъ не принадлежала, и такъ какъ нужно было сохранить ихъ въ качествѣ колоновъ [3]). Что касается собственниковъ, то для нихъ была мало чувствительна потеря части ихъ земель, такъ какъ не всѣ онѣ подвергались обработкѣ. Да эта часть и не была велика, потому что имѣлось достаточно такой земли, которая принадлежала

---

1) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». изд. тов. «Общ. Польза», кн. I. стр. 268, примѣчаніе.

2) „Histoire de la civilisation française,» tome premier, sixième édition, p. 76.

3) Надо замѣтить, что положеніе крестьянъ въ Галліи въ эпоху упадка Римской имперіи было очень тяжелое, и уже въ 285 г. произошло страшное возстаніе ихъ, извѣстное подъ именемъ la bagaude. *Г. П.*

государству и изъ которой можно было надѣлить визиготскихъ, бургундскихъ и франкскихъ воиновъ» [1]).

Не отрицая, что нашествіе варваровъ оказало нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшее развитіе общественно-государственныхъ отношеній, Рамбо настаиваетъ, однако, на томъ, что франкская Галлія начала замѣтно отличаться отъ Галліи римской лишь двѣсти или триста лѣтъ послѣ Хлодвига [2]).

Это едва ли можно оспаривать въ настоящее время. Но въ такомъ случаѣ экономическій «моментъ» имѣлъ вполнѣ достаточно времени для того, чтобы вступить въ свои права и опредѣлить собою весь характеръ всѣхъ возможныхъ послѣдствій германскаго нашествія. Вотъ почему надо признать основательными взгляды тѣхъ историковъ, которые отказываются теперь смотрѣть на это нашествіе, какъ на причину возникновенія западнаго феодализма [3]).

Все это приводитъ насъ къ слѣдующему окончательному выводу: справедливо то мнѣніе проф. В. Ключевскаго, что въ Россіи ходъ развитія общественныхъ классовъ во многомъ отличался отъ западно-европейскаго. Но онъ очень ошибался, объясняя относительное своеобразіе этого хода тѣмъ, что на Западѣ политическій «моментъ» шелъ будто бы впереди экономическаго, тогда какъ въ Россіи господствовали смѣшанные процессы. Это объясненіе, грѣша значительной неясностью мысли, противорѣчитъ также историческимъ фактамъ. Въ дѣйствительности, политическій «моментъ» никогда и нигдѣ не идетъ впереди экономическаго; онъ всегда обусловливается этимъ послѣднимъ, что нисколько не мѣшаетъ ему, впрочемъ, оказывать на него обратное вліяніе.

С. М. Соловьевъ, совершенно справедливо полагавшій, что завоеваніе совсѣмъ не имѣло того значенія въ исторіи развитія западно-европейскаго общества, какое приписывается ему по устарѣлой привычкѣ, съ своей стороны давалъ историкамъ слѣдующее методическое указаніе:

«Рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ,—различіе ощутительное въ самомъ началѣ,—не можетъ объясняться только отсутствіемъ завоеванія, но многими различными причинами, дѣйствующими и въ началѣ, и во все продолженіе исторіи: на всѣ эти причины историкъ долженъ обращать одинаковое вниманіе, если не хочетъ заслужить упрека за односторонность» [4]).

1) Тамъ же, стр. 76—77.

2) Тамъ же, стр. 77.

3) Къ ихъ числу у насъ принадлежитъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ (см. его «Очерки по исторіи литовско-русскаго права». I. «Помѣстья Литовскаго государства». Кіевъ, 1889, стр. 2—3.

4) Названное соч., т. I, стр. 268, примѣчаніе.

По этому поводу приходится сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній.

Во-первыхъ, какъ справедливо напоминалъ изслѣдователямъ самъ же С. М. Соловьевъ, и на западѣ Европы завоеваніе имѣло мѣсто далеко не во всѣхъ странахъ, что не мѣшаетъ, однако, всѣмъ западно-европейскимъ странамъ обнаруживать въ своемъ общественномъ развитии такія черты, которыхъ мы напрасно искали бы въ общественномъ развитіи Россіи.

Во-вторыхъ, даже и въ тѣхъ западныхъ странахъ, гдѣ завоеваніе, несомнѣнно, имѣло мѣсто, какъ, напримѣръ, во Франціи, его вліяніе оказывается несравненно менѣе значительнымъ, чѣмъ это думали прежде. Пусть читатель вспомнитъ, что говоритъ объ этомъ А. Рамбо.

Въ-третьихъ, еще М. П. Погодинъ, основавшій на отсутствіи у насъ завоеванія все свое противопоставленіе Россіи Западу, вынужденъ былъ въ своей полемикѣ съ И. В. Кирѣевскимъ на страницахъ «Москвитянина» объявить отсутствіе это вовсе не такимъ полнымъ, какимъ онъ самъ же изобразилъ его прежде и продолжалъ изображать впослѣдствіи, явно противорѣча самому себѣ. Если принять разсказъ лѣтописи о добровольномъ призваніи варяговъ нѣкоторыми славянскими и финскими племенами, то все-таки нельзя же отрицать, что многія другія племена были «п р и м у ч е н ы» этими пришельцами къ покорности, и что вообще пришельцы эти, нарубивъ въ своемъ новомъ отечествѣ укрѣпленныхъ стоянокъ, повели себя тамъ, по выраженію В. Ключевскаго, завоевателями. Этимъ и объясняется вдохновившее Княжнина,—тоже попавшее въ лѣтопись,—преданіе о бунтѣ противъ Рюрика новгородцевъ подъ предводительствомъ Вадима [1]).

Въ-четвертыхъ, всякій охотно признаетъ правильность того

1) Надо помнить и то, что лѣтописный разсказъ о призваніи варяговъ дошелъ до насъ въ томъ видѣ, какой былъ ему приданъ гораздо позже того времени, о которомъ онъ сообщаетъ, а именно—въ XI и въ началѣ XII в. Тогда отношенія уже измѣнились. «Въ XI в. варяги продолжали приходить на Русь наемниками,—говоритъ В. Ключевскій,—но уже не превращались здѣсь въ завоевателей, и насильственный захватъ власти, переставъ повторяться, казался маловѣроятнымъ». (Курсъ русской исторіи, изд. третье, т. I, стр. 169). Кромѣ того, русскимъ книжникамъ XI в. пріятнѣе было изображать пришествіе варяговъ, какъ слѣдствіе добровольнаго призванія ихъ туземцами. Это совершенно естестве но. Проф. Ключевскій называетъ разсказъ о призваніи князей не народнымъ преданіемъ, а «схематической притчей о происхожденіи государства, приспособленной къ пониманію дѣтей школьнаго возраста». (Тамъ же, стр. 170). С. Ѳ. Платоновъ дѣлаетъ интересное указаніе на то, что англійскій лѣтописецъ Видукиндъ повѣствуетъ о такомъ же точно призваніи бриттами англосаксовъ, при чемъ и свою землю бритты хвалили тѣми же словами, какъ новгородцы свою terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam. (Лекціи по русской исторіи, изд. 6-е, стр. 68).

мнѣнія, что историкъ долженъ, во избѣжаніе односторонности «обращать одинаковое вниманіе» на всѣ причины, вызвавшія своеобразный складъ нашихъ общественно-государственныхъ отношеній. Но это правило слишкомъ неопредѣленно. Да и едва ли оно осуществимо въ своемъ буквальномъ смыслѣ. Часто очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно убѣдиться въ томъ, что мы нашли всѣ причины, содѣйствовавшія возникновенію даннаго явленія. Но, съ точки зрѣнія метода, главное вовсе не въ томъ, чтобы перечислить эти причины всѣ до одной, а въ томъ, чтобы опредѣлить тѣ пути, по которымъ направлялось дѣйствіе самыхъ важныхъ между ними. Вотъ примѣръ.

Уже нѣкоторые древніе писатели принимали въ соображеніе вліяніе географической среды на общественнаго человѣка. Но они ошибались, когда имъ нужно было опредѣлить, какимъ путемъ географическая среда способствуетъ возникновенію того или другого соціально-политическаго строя. Они считали, что «климатъ», физіологически дѣйствуя на индивидуумовъ, составлявшихъ данное общество, вызываетъ у нихъ тѣ или другія психическія предрасположенія, которыми, въ свою очередь, опредѣляется общественное устройство: такъ, климатъ Греціи будто бы физіологически предрасполагалъ людей къ свободнымъ учрежденіямъ, а климатъ Азіи—къ покорности передъ монархами. Это античное ученіе о томъ, что климатъ опредѣляетъ собою политическій строй, непосредственно воздѣйствуя на отдѣльныхъ членовъ общества, перешло къ писателямъ новаго времени, напримѣръ, къ французскимъ просвѣтителямъ XVIII в. и къ Боклю. Теперь его слѣдуетъ признать совершенно устарѣлымъ, такъ какъ теперь уже ясно, что «климатъ», т. е. географическая среда вліяетъ на отдѣльныхъ членовъ общества, главнымъ образомъ,—чтобы не сказать: исключительно,—черезъ посредство среды общественной: свойствами географической среды опредѣляется болѣе или менѣе быстрое развитіе производительныхъ силъ, а отъ степени развитія производительныхъ силъ зависитъ, въ послѣднемъ счетѣ, весь строй общества, т. е. всѣ свойства общественной среды, обусловливающія собою стремленія, чувства, взгляды, словомъ, всю психику отдѣльныхъ людей. Такимъ образомъ, вліяніе географической среды на этихъ послѣднихъ, считавшееся когда-то непосредственнымъ, на самомъ дѣлѣ оказывается лишь косвеннымъ. И только когда это было понято людьми науки, явилась возможность научнаго опредѣленія роли географическаго «момента» въ ходѣ развитія общественныхъ отношеній. Чтобы понять значеніе географической среды, необходимо было выяснить тотъ путь, по которому напра-

вляется ея дѣйствіе на человѣческія общества. И такъ со всѣми другими «моментами» историческаго развитія: дѣйствіе ихъ продолжаетъ быть непонятнымъ,—точнѣе сказать: понимается ошибочно, — пока не удастся правильно опредѣлить путь этого дѣйствія.

VI.

Вопреки своему заботливому стремленію избѣжать односторонности, С. М. Соловьевъ иногда самъ становился одностороннимъ именно потому, что путь дѣйствія различныхъ «факторовъ» историческаго развитія былъ для него неясенъ. Его соображенія,—въ концѣ первой главы перваго тома,—о вліяніи природы на народный характеръ очень поверхностны и на самомъ дѣлѣ ровно ничего не объясняютъ. «Роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ,—говоритъ онъ между прочимъ,—развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ» [1]). Но стремленіе къ поэзіи у скандинавскихъ народовъ или у англичанъ не менѣе сильно, чѣмъ у итальянцевъ или у испанцевъ, а стремленіе къ искусству у эскимосовъ ничуть не слабѣе, нежели у краснокожихъ Бразиліи. Взаимныя отношенія половъ опредѣляются ходомъ развитія семейныхъ отношеній, который зависитъ отъ экономики страны, а не отъ ея географіи. Мы знаемъ, правда, что экономика сама находится въ причинной зависимости отъ географической среды, такъ какъ эта послѣдняя вліяетъ на быстроту роста производительныхъ силъ. Но тутъ мы имѣемъ передъ собой случай посредственнаго вліянія «природы», между тѣмъ какъ С. М. Соловьевъ говоритъ объ ея непосредственномъ вліяніи. Наконецъ, что касается общественныхъ увеселеній, то всякій народъ любитъ ихъ, пока ему живется хоть сколько-нибудь сносно, и пока онъ не утрачиваетъ привычки къ нимъ вслѣдствіе развитія крайняго индивидуализма, которое вызывается не природой, а опять-таки общественными отношеніями.

С. М. Соловьевъ приложилъ свои общія соображенія о зависимости народнаго характера отъ природы страны «къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси». Послѣ сказаннаго, надѣюсь, ясно, что относящіеся къ этому предмету выводы нашего историка не могли быть основательными. Полезнѣе остановиться на другой его попыткѣ объясненія историческихъ судебъ русскаго народа свойствами географической среды.

---

[1]) Указанное изданіе, кн. I, стр. 29—30.

Я говорю объ его знаменитомъ противопоставленіи русскаго дерева западно-европейскому камню. Нашъ авторъ говоритъ, что путешественникъ, переѣзжающій изъ западной Европы въ восточную и находящійся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ внѣшняго различія, первую назоветъ каменной, а вторую—деревянной. По мнѣнію С. М. Соловьева, такая характеристика будетъ вполнѣ вѣрной по отношенію къ внѣшнему виду этихъ двухъ частей Европы.

«Камень, — продолжаетъ онъ, — такъ называли у насъ въ старину горы, камень разбилъ Западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камнѣ свили свои гнѣзда западные мужи и оттуда владѣли мужиками; камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню, поднимаются нерукотворныя горы, громадныя вѣковѣчныя зданія» [1]).

Слово «камень» употребляется здѣсь,—замѣтьте это! — въ двухъ смыслахъ. Оно означаетъ, во-первыхъ, собственно камень, какъ строительный матеріалъ, во-вторыхъ,—горы, всегда болѣе или менѣе разнообразящія поверхность страны. Горы разбили Западную Европу на многія народности и государства, а строительный матеріалъ, ими доставляемый, сообщилъ прочность и опредѣленность внутреннимъ отношеніямъ этихъ государствъ. На востокѣ Европы отсутствіе «камня» вызвало прямо-противоположные результаты.

«На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня,—разсуждаетъ С. М. Соловьевъ,—все ровно, нѣтъ разнообразія народностей, и потому одно небывалое по своей величинѣ государство. Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія, рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія и дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины—переселеніе. Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было разставаться... города состоятъ изъ деревянныхъ избъ, первая искра—и вмѣсто нихъ куча пепла. Бѣда, впрочемъ, не велика... новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала, отсюда съ такою легкостью старинный русскій человѣкъ покидалъ свой домъ,

1) «Исторія Россіи», томъ тридцатый, глава первая, книга третья, стр. 664.

свой родной городъ или село... Отсюда привычка къ расходкѣ въ народонаселеніи и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять» [1]).

Въ качествѣ строительнаго матеріала «камень» далъ высшимъ классамъ Запада матеріальную возможность значительно обособиться отъ низшихъ, и тѣмъ самымъ обострилъ классовую борьбу. А въ качествѣ горъ «камень» оказалъ непосредственное вліяніе на характеръ западныхъ народовъ, сообщивъ имъ стремленіе къ усидчивости и опредѣленности. Недостатокъ этого стремленія у русскаго народа объясняется отсутствіемъ у насъ «камня». Гдѣ нѣтъ усидчивости и опредѣленности, тамъ взаимныя отношенія классовъ остаются неопредѣленными и неустойчивыми, вслѣдствіе чего ихъ взаимная борьба не можетъ достигнуть значительной степени напряженности. Такова мысль С. М. Соловьева. Но она не выдерживаетъ критики.

Въ качествѣ строительнаго матеріала камень отнюдь не всегда игралъ на Западѣ ту исключительную роль, которую приписывалъ ему С. М. Соловьевъ. Западная Европа тоже была нѣкогда «деревянной». Не далѣе, какъ въ X в., замки феодальныхъ сеньеровъ представляли собой во Франціи деревянныя башни, окруженныя рвомъ и изгородью—конечно, тоже деревянной. Правда, уже въ IX в. тамъ возникаютъ,—преимущественно на югѣ,—каменныя феодальныя твердыни; но онѣ начинаютъ распространяться по всей странѣ только въ X и въ XI столѣтіяхъ [2]). А вѣдь Франція, въ самомъ дѣлѣ, была классической страной феодализма. Когда же возникли феодальныя отношенія во Франціи? Не пускаясь въ неумѣстныя здѣсь подробности, я скажу, что въ X в. феодальный порядокъ уже сложился тамъ въ своихъ главныхъ чертахъ. Ясно, стало-быть, что не «камень» обезпечилъ французскимъ «мужамъ» ихъ торжество надъ «мужиками». Эти «мужи» начали строить себѣ «каменныя гнѣзда» лишь послѣ того, какъ имъ удалось наложить на «мужиковъ» свое иго.

А города? Въ Россіи они, по совершенно справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, состояли изъ деревянныхъ избъ. Но изъ какихъ же построекъ состояли города средневѣковаго Запада? Очень нерѣдко тоже изъ деревянныхъ. И при томъ—какіе города! Одно изъ дошедшихъ до насъ постановленій насчетъ заработной платы средневѣковыхъ ремесленниковъ показываетъ, что не позже, какъ въ началѣ XIII вѣка Лондонъ былъ почти исключительно де-

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) «Histoire de la civilisation au moyen âge et dans temps modernes» par Seignobos Parise 1887, p. 12—13, Ср. также Alfred Rambaud, «Histoire de la civilisation française» tome prmier, p. 426.

ревяннымъ городомъ. И само собою разумѣется, что на Западѣ деревянныя постройки были такъ же мало огнеупорны, какъ въ Россіи: онѣ и тамъ, какъ у насъ, часто превращались «въ кучки пепла». Только что упомянутое постановленіе насчетъ заработной платы относилось, собственно, къ плотникамъ и было вызвано тѣмъ, что, по мнѣнію остальныхъ гражданъ, они сдѣлались слишкомъ требовательными послѣ пожара, истребившаго въ 1212 г. значительную часть деревяннаго тогда Лондона [1]).

Французскіе и германскіе города тоже состояли по большей части изъ деревянныхъ домовъ. «Въ городахъ, въ противоположность селамъ, находимъ дома на каменномъ фундаментѣ, хотя самое зданіе въ теченіе всего средневѣковья еще строилось изъ дерева; крыша изъ кирпичей распространяется также лишь постепенно. Въ Гамельнѣ, въ Ньюпортѣ, въ Аміенѣ и даже во Фландріи находимъ соломенныя крыши; въ Геттингенѣ магистратъ выдавалъ тому, кто замѣнялъ солому кирпичами, четвертую часть расходовъ» [2]). Итальянскіе города, повидимому, всегда были гораздо болѣе богаты каменными домами. Но это исключеніе изъ общаго правила,—если оно, дѣйствительно, существовало,—разумѣется, ни мало не подтверждаетъ собою мысли Соловьева: если деревянные города Англіи, Франціи и Германіи шли въ своемъ историческомъ развитіи не тѣми же самыми путями, какими шли тоже деревянные города Россіи, то очевидно, что «дерево» ровно ничего не объясняетъ въ этомъ различіи.

Это не все. Города Литовской Руси тоже были деревянными [3]), а ихъ историческая судьба не похожа ни на судьбу, напримѣръ, французскихъ городовъ, ни на судьбу городовъ Московской Руси: новое доказательство того, что «дерево» или «камень» не при чемъ въ историческихъ особенностяхъ этого рода.

Наконецъ, Соловьевъ позабылъ, что «громадныя вѣковѣчныя зданія» воздвигаются не только изъ камня. Въ Бельгіи и

---

[1]) М. М Ковалевскій. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ СПБ, 1899, стр. 71.

[2]) І. М. Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы СПБ. 1913 г, стр. 126.

[3]) «Изъ Бѣльска я отправился въ Брестъ (Briesti), крѣпость съ деревяннымъ городомъ». «Каменецъ, городъ съ каменной башней въ деревянномъ замкѣ» и т. д. (Герберштейнъ. Записки о Московіи. СПБ. 1866, стр. 212—225). Мысль Соловьева объ историческомъ значеніи камня и дерева пріурочена ко впечатлѣніямъ воображаемаго путешественника. Интересно противопоставить имъ впечатлѣнія, вынесенныя дѣйствительнымъ путешественникомъ изъ гор. Златоуста: «Надъ городомъ нависли гранитныя скалы, камень самъ валится на голову, а городъ весь бревенчатый. Дома-избы, такъ и кажется, сорвались съ картины Рериха «Древняя Русь». Улицы не мощены и проч. (Г. Петровъ. По Золотому дну. «Русское Слово» отъ 14/III 1913 г.). Тутъ вполнѣ очевидно, что дѣло не въ камнѣ.

въ Голландіи ихъ строили изъ кирпича. Но само собою понятно, что ихъ начали строить тамъ только тогда, когда общественное развитіе вызвало потребность въ нихъ и дало экономическую возможность ея удовлетворенія.

Говоря вообще, западно-европейскіе города превращались изъ деревянныхъ въ каменные (или кирпичные) лишь по мѣрѣ того, какъ росли находившіяся въ распоряженіи ихъ жителей производительныя силы, и увеличивалось ихъ экономическое благосостояніе. Поэтому, вполнѣ позволительно думать, что если бы русскіе города богатѣли такъ же быстро, какъ западно-европейскіе, то и въ нихъ дерево постепенно уступило бы мѣсто камню.

Самые богатые города до-монгольской Руси, Кіевъ и Новгородъ, были богаче другихъ каменными постройками. Въ Кіевѣ считалось болѣе 12 каменныхъ церквей [1]. Впослѣдствіи Москва училась каменному дѣлу именно у Новгорода, пока не догадалась обратиться къ западно-европейскимъ мастерамъ. Не въ отсутствіи камня заключалась причина, остановившая развитіе Новгорода, а равно и Кіева.

С. М. Соловьевъ не такъ сильно ошибся въ своемъ взглядѣ на «камень», понимаемый въ смыслѣ горъ. Однако, и тутъ онъ все-таки неправъ.

То правда, что горы разграничиваютъ одно отъ другого первобытныя племена и тѣмъ препятствуютъ сліянію ихъ въ одну народность. Но и это положеніе должно быть принимаемо съ весьма существенными оговорками. «Камень» все-таки не помѣшалъ различнымъ народностямъ Запада вступать въ весьма оживленныя взаимныя сношенія. Развитіе этихъ сношеній тоже опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ ходомъ экономическаго развитія, которое зависитъ отъ географической среды лишь въ той мѣрѣ, въ какой она благопріятствуетъ развитію общественныхъ производительныхъ силъ. С. М. Соловьевъ и здѣсь предполагалъ непосредственное вліяніе географической среды, тогда какъ и здѣсь надо говорить преимущественно объ ея посредственномъ вліяніи. Вотъ почему его гипотеза и не выдерживаетъ критики фактовъ. На западѣ Европы нѣтъ страны болѣе гористой, чѣмъ Швейцарія. Однако, феодальная зависимость «мужиковъ» отъ «мужей» никогда не пріобрѣтала въ ней такой прочности и такихъ широкихъ размѣровъ, какъ на «остъ-эльбской» равнинѣ. Другой примѣръ. Литовская Русь занимала часть той же восточной равнины, которую С. М. Соловьевъ называетъ деревянной страною. Но если мы сопоставимъ ея внутреннія отношенія съ отношеніями

[1] Игорь Грабарь, Исторія русскаго искусства, выпускъ I, стр. 146.

Московской Руси, то увидимъ, что они несравненно меньше походятъ на нихъ, скажемъ, въ XVI в., чѣмъ на отношенія западноевропейскихъ странъ. Правда, можно сказать, — а нерѣдко и говорятъ,—что Литовская Русь выработала свои внутреннія отношенія подъ вліяніемъ Польши, т.-е. того же Запада. Польское вліяніе въ Литвѣ было, въ самомъ дѣлѣ, очень сильно. Но объясняетъ ли оно весь, безъ остатка, складъ ея внутреннихъ отношеній? Нѣтъ, и это по весьма понятной причинѣ: вліяніе одной страны на складъ внутреннихъ отношеній другой возможно только тогда, когда въ этой послѣдней уже находятся налицо такіе общественные элементы, которымъ выгодно взять на себя роль его проводниковъ. Ниже мы еще увидимъ, почему нѣкоторые классы населенія западной Руси такъ охотно сдѣлались проводниками польскаго вліянія. А теперь мы должны вернуться къ С. М. Соловьеву.

VII.

Его разсужденія о вліяніи климата, «камня» и «дерева» весьма неудачны. Но въ его большомъ трудѣ все-таки встрѣчаются совершенно правильныя мысли о томъ, какъ вліяла географическая среда на общественное развитіе нашего отечества. Намъ необходимо внимательно вдуматься въ эти совершенно правильныя мысли.

Въ первой главѣ своего перваго тома онъ, отмѣтивъ однообразный характеръ восточно-европейской равнины, говоритъ:

«Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было вначалѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними» [1]).

Съ точки зрѣнія метода, это разсужденіе тоже нельзя признать безукоризненнымъ. Нашъ историкъ повторяетъ тутъ ошибку большинства изслѣдователей, раньше его писавшихъ о значеніи географической среды въ ходѣ народнаго развитія: онъ тоже прежде всего старается опредѣлить, какія психическія расположенія должны были вызываться этой средой. Лишь послѣ этого онъ указываетъ на тѣ занятія и вообще на тотъ образъ жизни, который обусловливался, по его мнѣнію, этими пред-

---

1) Исторія Россіи и т. д., кн. I. стр. 10.

расположеніями. Это—методъ историческаго идеализма: бытіе объясняется сознаніемъ, несмотря на то, что за точку исхода всего разсужденія берутся извѣстныя матеріальныя условія существованія,—въ данномъ случаѣ свойства поверхности восточной половины Европы. Но идеалистическій методъ такъ неудовлетворителенъ самъ по себѣ, что, когда изслѣдователи, къ нему прибѣгающіе, не ограничиваются словами, а въ самомъ дѣлѣ пытаются найти взаимную связь общественныхъ явленій, они покидаютъ его и на время дѣлаются матеріалистами, т. е. объясняютъ сознаніе бытіемъ [1]. Этой методологической непослѣдовательности ученыхъ общественная наука обязана многими очень важными открытіями. С. М. Соловьевъ тоже не вѣренъ здѣсь своему идеалистическому методу; но и у него эта невѣрность даетъ хорошій теоретическій результатъ. Сказавъ нѣсколько словъ о психическихъ предрасположеніяхъ русскаго племени, будто бы непосредственно вызываемыхъ географической средой, онъ немедленно переходитъ отъ нихъ къ соображеніямъ о томъ, какъ должно было повліять однообразіе природныхъ формъ на занятія и образъ жизни этого племени. Иначе сказать: отъ попытки объяснить бытіе сознаніемъ онъ быстро,—хотя, какъ это видно по всему, самъ того не замѣчая,—переходитъ къ объясненію сознанія бытіемъ. И тутъ мы узнаемъ отъ него, что однообразіе природныхъ формъ ведетъ къ однообразію занятій, а однообразіе занятій производитъ однообразіе обычаевъ, нравовъ, потребностей и вѣрованій, при чемъ однообразіе потребностей указываетъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію и т. д. Это—очень цѣнныя мысли, до сихъ поръ слишкомъ мало принимаемыя въ соображеніе тѣми писателями, которые задумывались о причинахъ относительной самобытности русскаго историческаго процесса.

Представимъ себѣ, что данная клѣточка раздѣлилась, какъ это нерѣдко происходитъ, на двѣ клѣточки-дочери, эти послѣднія раздѣлились на четыре клѣточки-внучки, клѣточки-внучки породили каждая по двѣ правнучки и т. д. и т. д. Число клѣточекъ растетъ въ геометрической прогрессіи, при чемъ ни одна изъ нихъ не ведетъ совершенно отдѣльнаго отъ другихъ существованія. Что у насъ получается? Получается извѣстная совокупность клѣточекъ, живая ткань, но не сколько-нибудь сложный организмъ. Чтобы получился такой организмъ, процессъ

[1]) Я потому говорю «общественныхъ явленій», что въ своей лабораторіи каждый естествоиспытатель поневолѣ дѣлается матеріалистомъ. Чтобы найти примѣры идеалистическаго объясненія явленій природы, нужно было бы вернуться къ натур-философіи Шеллинга.

размноженія клѣточекъ долженъ былъ бы сопровождаться процессомъ ихъ дифференціаціи: безъ дифференціаціи нѣтъ развитія въ природѣ.

Теперь предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ общиной земледѣльцевъ, находящейся въ ровной, со всѣхъ сторонъ открытой и ненаселенной мѣстности. Когда наша община почувствуетъ «земельную тѣсноту», вслѣдствіе возрастанія числа ея членовъ, тогда часть ихъ покинетъ свою деревню и образуетъ новый поселокъ. Когда онъ увеличится настолько, что ему уже недостаточно будетъ окружающей его земли при старыхъ пріемахъ сельскаго хозяйства, онъ тоже выселитъ «на новыя мѣста» часть своихъ жителей. «На новыхъ мѣстахъ» повторится та же исторія и т. д. и т. д. Пока не истощится запасъ «порожнихъ земель», каждая деревня будетъ прибѣгать къ выселенію всякій разъ, когда число ея членовъ достигнетъ извѣстнаго предѣла. Что же получится? Получится много деревень, обрабатывающихъ землю съ помощью старыхъ пріемовъ. Заселенная такимъ образомъ мѣстность окажется, можетъ быть, довольно зажиточной, но уровень ея экономическаго развитія будетъ все-таки очень низокъ. Однообразіе естественныхъ условій и связанное съ нимъ однообразіе занятій замедляетъ повышеніе этого уровня, вслѣдствіе чего задерживается также и духовное развитіе жителей. Марксъ говоритъ: «не абсолютное плодородіе почвы, а ея дифференцированіе, разнообразіе ея естественныхъ произведеній составляетъ естественную основу раздѣленія труда и заставляетъ человѣка, въ силу разнообразія окружающихъ его естественныхъ условій, разнообразить свои собственныя потребности, способности, средства и способы производства [1]). Однообразіе естественныхъ условій, характеризующее собою восточную европейскую равнину, было неблагопріятно прежде всего для успѣховъ ея населенія въ области экономическаго развитія. Но мы знаемъ, что экономическое развитіе опредѣляетъ собою развитіе общественно-политическое и духовное. Поэтому съ указаніемъ С. М. Соловьева на «природныя условія», вызвавшія однообразіе занятій, непремѣнно долженъ считаться всякій, кто желаетъ выяснить себѣ ходъ русскаго общественнаго развитія.

Но это не все. «Великая равнина,—продолжаетъ нашъ историкъ,—открыта на юго-востокѣ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи, толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ и занимаютъ привольныя для нихъ

---

1) «Das Kapital», t. I. dritte Auflage, ss. 524—525

страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра... Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба со степными варварами» [1]).

Какъ же повліяла эта продолжительная борьба съ кочевниками на внутреннее развитіе Россіи? С. М. Соловьевъ дѣлаетъ лишь нѣкоторые намеки на рѣшеніе этого важнаго вопроса. Самъ онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ историковъ, которые приписывали борьбѣ съ кочевниками рѣшающее вліяніе на судьбу русскаго племени. Извѣстно его замѣчаніе о татарахъ: «татары (послѣ покоренія Руси. *Г. П.)* остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все, какъ было» [2]). Но другіе кочевые народы,—предшествовавшіе татарамъ въ своихъ столкновеніяхъ съ русскимъ племенемъ,—еще меньше татаръ «вмѣшивались во внутреннія отношенія». Поэтому мы должны понимать С. М. Соловьева въ томъ смыслѣ, что всѣ эти другіе кочевники еще болѣе, чѣмъ татары, «оставляли все, какъ было». А если это такъ, то въ чемъ же сказалось вліяніе борьбы съ кочевниками на внутреннюю исторію Россіи? Соловьевъ признавалъ, какъ видно, что, оставляя «все, какъ было», кочевники своимъ вліяніемъ замедляли или ускоряли естественное развитіе внутреннихъ отношеній русскаго общества. «Мало того, что степняки, или Половцы, сами нападали на Русь,— говоритъ онъ,—они отрѣзывали ее отъ черноморскихъ береговъ, препятствовали сообщенію съ Византіею. Русскіе князья съ многочисленными дружинами должны были выходить навстрѣчу къ греческимъ купцамъ и провожать ихъ до Кіева, оберегать отъ степныхъ разбойниковъ; варварская Азія стремится отнять у Руси всѣ пути, всѣ отдушины, которыми та сообщалась съ образованною Европою» [3]). Но если это такъ, то очевидно, что и кочевники повліяли на нашу внутреннюю исторію прежде всего,—и, можетъ быть, главнымъ образомъ,—тѣмъ, что замедлили наше экономическое развитіе. Къ сожалѣнію, С. М. Соловьевъ не останавливается на разсмотрѣніи этого важнаго вопроса.

Говоря о пораженіи Витовта Темиръ-Кутлаемъ и Эдигеемъ на берегахъ Ворсклы, онъ замѣчаетъ: «татары побѣдили; но какія же были послѣдствія этой побѣды? —опустошеніе нѣкоторой части литовскихъ владѣній, — и только!» [4]) Это замѣчаніе характерно

---

[1]) Тамъ же, кн. I, стр. 10.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 4.

[4]) Тамъ же, стр. 1034.

для его, разбираемаго здѣсь, взгляда. Онъ, подобно Карамзину, имѣлъ въ виду преимущественно исторію государства, и тамъ, гдѣ событія не оказывали замѣтнаго непосредственнаго вліянія на государственное устройство или на отношеніе государства къ сосѣдямъ, — въ только что указанномъ случаѣ на отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ Ордѣ,—онъ готовъ былъ умалять ихъ историческое значеніе. Кочевники «т о л ь к о» опустошали Русь или брали съ нея дань. Поэтому С. М. Соловьевъ говоритъ, что они оставляли все, какъ было. Но если опустошенія з а д е р ж и в а л и внутреннее развитіе того, что было, то они тѣмъ самымъ могли придать этому развитію новое направленіе, болѣе или менѣе отличное отъ того, которое оно получило бы при другомъ историческомъ сосѣдствѣ. Конечно, р а з н и ц а в ъ б ы с т р о т ѣ развитія есть лишь к о л и ч е с т в е н н а я разница. Но, постепенно накопляясь, количественныя различія переходятъ, наконецъ, въ качественныя. Кто знаетъ? Можетъ быть, опустошая Русь и, стало быть, замедляя ростъ ея производительныхъ силъ, хищные номады способствовали возникновенію и упроченію извѣстныхъ особенностей и въ ея политическомъ строѣ. Вотъ почему внимательнѣе слѣдовало разсмотрѣть вопросъ объ экономическихъ и общественно-политическихъ послѣдствіяхъ борьбы осѣдлаго населенія восточной равнины со своими кочевыми непріятелями.

VIII.

Чѣмъ больше растутъ производительныя силы, находящіяся въ распоряженіи даннаго общества, тѣмъ выше поднимается оно по лѣстницѣ экономическаго развитія. Чѣмъ выше поднимается оно по лѣстницѣ экономическаго развитія, тѣмъ успѣшнѣе отстаиваетъ оно свое существованіе въ борьбѣ съ сосѣдями. «Побѣда основывается на производствѣ оружія,—говоритъ Энгельсъ, оспаривая Дюрингову «теорію насилія»,—а послѣднее, въ свою очередь, на производствѣ вообще, слѣдовательно на «экономической силѣ», на «экономическомъ положеніи», на м а т е р і а л ь н ы х ъ средствахъ, которыми можетъ располагать сила» [1]. Но если это вѣрно,—а это вполнѣ вѣрно,—то чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что земледѣльцы, населявшіе восточную европейскую равнину, такъ долго не могли справиться съ кочевниками, проникавшими въ нее изъ Азіи черезъ «широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ?» Вѣдь въ экономическомъ отношеніи земледѣльцы выше кочевниковъ.

---

[1] Философія.—Политическая экономія.—Соціализмъ.—Анти-Дюрингъ.—Переводъ съ нѣмецкаго, 4-е изданіе, стр. 137.

Въ настоящее время вопросъ этотъ, какъ видно, сильно интересуетъ тѣхъ изъ нашихъ изслѣдователей, которые придерживаются матеріалистическаго объясненія исторіи. Но надо сознаться, что они рѣшаютъ его, къ сожалѣнію, не всегда удачно.

Такъ, В. А. Келтуяла недавно высказалъ ту мысль, что до половины XIII в. преобладающимъ у насъ занятіемъ была охота и связанная съ нею торговля, между тѣмъ какъ татары были скотоводами. Скотоводство выше охоты. Оно требуетъ лучшей организаціи общественныхъ силъ. «Поэтому общественно-политическія организаціи, въ основѣ которыхъ лежитъ скотоводство, обыкновенно сильнѣе организацій, основанныхъ на охотѣ». Этимъ и объясняетъ почтенный авторъ тотъ фактъ, что «охотничье-торговое государство, основавшееся на великомъ водномъ пути, потерпѣло окончательное пораженіе отъ скотоводцевъ-кочевниковъ» [1]).

Выходитъ, что С. М. Соловьевъ былъ неправъ, называя печенеговъ, половцевъ и татаръ азіатскими варварами. А если и правъ; если эти азіаты все-таки могутъ быть названы **варварами**, то мы должны помнить, что на восточно-европейской равнинѣ имъ противостояли русскіе **дикари**-охотники, еще болѣе низкіе по своему экономическому и общественному развитію. Въ виду этого, подчиненіе русскихъ монголамъ представляется простымъ и понятнымъ слѣдствіемъ экономическаго превосходства этихъ послѣднихъ: мы уже знаемъ, что побѣда предполагаетъ производство оружія, а производство оружія основывается на производствѣ вообще, на матеріальныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи тѣхъ, которые побѣждаютъ.

Однако, это объясненіе плохо мирится съ общеизвѣстными историческими фактами.

Вспомнимъ разсказъ лѣтописца о переговорахъ Ольги съ древлянами. Она посылаетъ сказать жителямъ Коростеня: «чего хощете досѣдѣти? А вси ваши городи передашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и землю свою, а вы хощете голодомъ измерети» и проч. [2]). Можно ли предположить, что этотъ разсказъ возникъ въ «охотничье-торговомъ государствѣ»? Ясно, что нѣтъ. Онъ возникъ въ средѣ земледѣльцевъ, дорожащихъ возможностью «дѣлать нивы своя и землю свою» [3]). А онъ вовсе

---

[1]) «Курсъ исторіи русской литературы», часть I, книга вторая, С.-Петербургъ 1911, стр. 68—69.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, СПБ. 1871. стр. 37.

[3]) Къ слову сказать, современная этнологія совсѣмъ не знаетъ «охотничье-торговыхъ» **государствъ**. Охотничьему быту соотвѣтствуетъ общественная организація, основанная **на кровномъ родствѣ**. Теперь въ этомъ врядъ ли можно усомниться, особенно имѣя въ виду превосходныя работы сѣверо-американской этнологической школы, возникшей подъ вліяніемъ знаменитаго Моргана.

не представляетъ собою чего-нибудь исключительнаго. Бѣлгородцы, осажденные въ 997 г. печенѣгами и доведенные ими до крайности, уже хотѣли сдаваться, но одинъ старикъ придумалъ хитрость. Онъ посовѣтовалъ своимъ согражданамъ: «сберите по горсти овса, или пшеницѣ, или отробъ». Когда они исполнили его совѣтъ, онъ приказалъ женщинамъ сдѣлать кисель, вылилъ этотъ кисель въ кадку и опустилъ кадку въ колодезь. Въ другой колодезь была спущена кадка съ медовой сытою. Потомъ онъ послалъ за печенѣгами и сказалъ имъ: «почто губите себѣ? Коли можете перестояти насъ? аще сидите 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ земли; аще ли не вѣруете, да видите своими очима». Печенѣги повѣрили тому, что бѣлгородцы «имѣютъ кормлю отъ земли», и сняли осаду [1]. Этотъ разсказъ тоже могъ сложиться лишь въ народѣ, который, по яркому выраженію, вложенному лѣтописцемъ въ уста хитроумнаго бѣлгородскаго Улиса, получалъ свою «кормлю», именно, «отъ земли» [2]. Не менѣе характеренъ и разсказъ о томъ, какъ Владиміръ Мономахъ уговаривалъ Святополка итти «на поганыхъ» (т. е. на половцевъ). «И начаша глаголати дружина Святополча: «не веремя веснѣ воевати, хочешь погубити смерды, и ролью имъ». И рече Володимеръ: «дивно ми, дружино, оже лошади кто жалуетъ, ею же ореть кто; а сего чему не разсмотрите, оже начнеть смердъ орати, и Половчинъ приѣха ударить смерда стрѣлою, а кобылу его поиметь, а въ село въѣхавъ поиметь жену его и дѣти, и все имѣнье его возьметь?» и т. д. Этотъ доводъ произвелъ такое впечатлѣніе, что «не могоша противу его отвѣщати дружина Святополча» [3]: она, какъ видимъ, хорошо понимала, до какой степени полезно дать смерду возможность спокойно пахать свое поле. Охотники плохо понимаютъ это по той простой причинѣ, что они не пашутъ, да и нѣтъ смердовъ между ними.

За десять лѣтъ до этого совѣщанія князей, торки, осажденные половцами, послали сказать Святополку: «аще не пришлеши брашна (т. е. хлѣба. *Г. П.*), предатися имамы» [4]. Это извѣстіе еще не доказываетъ, конечно, что къ тому времени сами торки [5])

[1]) Тамъ же, стр. 88—89. Тутъ не мѣшаетъ еще замѣтить, что охотничьи народы не имѣютъ обыкновенія отсиживаться отъ непріятелей въ укрѣпленныхъ городахъ.

[2]) «Вятичи, забивавшіеся въ глухіе лѣса между Десной и верхней Окой, платили хазарамъ дань «отъ рала», съ сохи (Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 67). Это опять явленіе, неслыханное въ охотничьемъ быту.

[3]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 183.

[4]) Тамъ же, стр. 154.

[5]) Народецъ, принадлежащій къ тюркскому племени и еще незадолго до указаннаго событія остававшійся кочевымъ.

уже сдѣлались земледѣльцами. Но ихъ просьба о присылкѣ хлѣба вполнѣ убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что они имѣли дѣло съ политическимъ представителемъ мѣстности, населенной преимущественно земледѣльцами. И замѣчательно, что лѣтописецъ, жалуясь на опустошенія, произведенныя тогда половцами, выступаетъ передъ нами идеологомъ, именно, земледѣльческаго племени: онъ на первомъ мѣстѣ отмѣчаетъ, что «лукавии сынове Измаилове пожигаху села і гумна», сожженныя церкви идутъ въ его повѣствованіи лишь послѣ гуменъ и селъ [1]).

Уже въ то отдаленное время главную пищу русскаго народа составляли продукты земледѣлія. «Въ Печерскомъ монастырѣ XI в.,—говоритъ проф. Мих. Грушевскій [2]),—обычной пищей былъ хлѣбъ (главнымъ образомъ, ржаной), сочиво (вареный горохъ и другія стручковыя овощи), либо каша, вареныя и приправленныя растительнымъ масломъ огородныя овощи; въ скоромные дни ѣли сыръ, въ постные—рыбу, но послѣдняя являлась уже лакомствомъ... Хлѣбъ считался болѣе изысканною пищей, чѣмъ сочиво, а на самомъ концѣ, какъ самая послѣдняя ѣда, стояли вареные «городные продукты». По мнѣнію проф. Грушевскаго, это монастырское меню даетъ намъ представленіе о томъ, чѣмъ питались тогда бѣднѣйшіе слои населенія: «хлѣбъ, каша и вареныя овощи (по всей вѣроятности, что-то въ родѣ щей) были въ то время, какъ и въ наше, главной пищей населенія», хотя оно и потребляло больше мяса, нежели теперь [3]).

К этому необходимо прибавить, во избѣжаніе недоразумѣній, что земледѣліе, составлявшее главное занятіе русскаго народа въ теченіе кіевскаго періода, далеко не было тѣмъ первобытнымъ ковыряніемъ почвы, какимъ занимаются или занимались, на ряду съ охотой, нѣкоторыя дикія племена Африки и обѣихъ Америкъ. Употреблявшіяся тогда земледѣльческія орудія,—напримѣръ, плугъ и борона,—указываютъ на значительно болѣе высокую технику, предполагающую употребленіе въ работу домашнихъ животныхъ (лошадей или воловъ).

По словамъ В. А. Келтуялы,—трудъ котораго, несмотря на нѣкоторыя частныя заблужденія, все-таки поистинѣ замѣчателенъ,—

---

[1]) Тамъ же, стр. 155.

[2]) Кіевская Русь, т. I, СПБ. 1911, стр. 326—327.

[3]) Грушевскій. Кіевская Русь, т. I, стр. 327. Въ другомъ мѣстѣ того же тома авторъ замѣчаетъ: «Источники, знавшіе славянъ въ нормальныхъ условіяхъ, на насиженныхъ мѣстахъ, указываютъ на широко развитую у нихъ земледѣльческую культуру, наложившую сильный отпечатокъ на весь славянскій бытъ» (стр. 306—307). Источники эти относятся къ IX, X и XI вв. Ср. «Очеркъ исторіи украинскаго народа» того же автора, второе изданіе, стр. 31—3?.

охота, въ теченіе многихъ тысячелѣтій господствовавшая среди русскаго населенія, наложила на его психику опредѣленный характеръ [1]). Это такъ: разумѣется, наложила; но земледѣліе наложило, затѣмъ, еще болѣе замѣтный характеръ. Когда? Еще въ языческую эпоху, т. е. очень задолго до монголовъ. Это легко доказать фактами, которые во множествѣ собралъ самъ г. Келтуяла въ первой части своего замѣчательнаго труда.

Возьмемъ такъ называемыя калядскія пѣсни. Въ курсѣ г. Келтуялы онѣ дѣлятся на двѣ группы: къ первой относятся пѣсни, сохранившія на себѣ явные слѣды языческихъ представленій; ко второй—пѣсни, разрабатывающія христіанскіе мотивы. Первая группа, очевидно, более древняя. Что же слышимъ мы о ней отъ г. Келтуялы? Вотъ что.

«Среди калядскихъ пѣсенъ первой группы особенно интересны тѣ, которыя носятъ аграрный характеръ. Въ одной пѣснѣ поющій приглашаетъ хозяина встать и посмотрѣть, какъ Господь ходитъ по двору и приготовляетъ плуги и воловъ; далѣе поется о томъ, что Господь приготовляетъ коней, ходитъ на току, кладетъ снопы въ три ряда, пшеницу—въ четыре, устраиваетъ пчеловодство и готовитъ пиво» [2]).

Это, безъ малѣйшаго сомнѣнія, психика земледѣльческаго народа. Охотничьи племена распѣваютъ другія пѣсни. Вотъ, напримѣръ, австраліецъ поетъ: «Кенгуру былъ жиренъ, а я его съѣлъ». Тутъ дѣло ясное: въ этой пѣснѣ, очевидно, отражается охотничья психика. Самъ г. Келтуяла прибавляетъ, что образъ бога, подготовляющаго земледѣльческую работу, повидимому, представляетъ собою отраженіе языческаго Дажь-бога. Но что такое Дажь-богъ? «У Сварна есть дѣти: Дажь-богъ (Дай-богатство)—это солнце (другое названіе этого бога: Хорсъ); это—богъ, который долженъ былъ пріобрѣсти большое значеніе у той части славянства, которая, по преимуществу, стала заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ» [3]). А каково было значеніе Дажь-бога у русскихъ славянъ? Вотъ каково. Слово о полку Игоревѣ, памятникъ, относящійся, какъ это всѣмъ извѣстно, къ христіанскому періоду, называетъ русскій народъ Дажь-божьимъ внукомъ («Возстала обида въ силахъ Дажь-божья внука» и т. д.). Стало быть— очень велико. А это обстоятельство опять говоритъ вовсе не о психикѣ охотничьяго племени. Не менѣе замѣчательно еще и то обстоятельство, что, жалуясь на опустошенія, производимыя княжескими

[1]) Курсъ, ч. II, стр. 68.
[2]) Курсъ, ч. I, СПБ. 1906, стр. 105.
[3]) Тамъ же, стр. 29.

усобицами, слово о полку Игоревѣ говоритъ: «тогда по русской землѣ рѣдко кричали пахари, но зато часто каркали вороны и т. д.». Оба эти обстоятельства отмѣчены самимъ г. Келтуялой [1]).

А другія пѣсни? Послушаемъ того же ученаго.

«За столъ садятся гадающія, которыя кладутъ около блюда свои кольца... Затѣмъ поется рядъ пѣсенъ, получившихъ по имени блюда названіе подблюдныхъ. Первая пѣсня посвящается хлѣбу и соли. По окончаніи ея кладутъ кольца, перстни, хлѣбъ, соль и угольки на блюдо и поютъ слѣдующія пѣсни: «Катилося зерно по бархату», «Идетъ кузнецъ изъ кузницы» и др.». И опять самъ г. Келтуяла прибавляетъ: «Главнымъ предметомъ гаданій въ глубокой древности было, повидимому, богатство въ зависимости отъ развитія силы Дажь-бога», т. е. бога земледѣлія [2]). А вотъ пѣсни, называемыя веснянками. Въ одной изъ нихъ «просятъ весну явиться съ радостью, съ великою милостью, съ высокимъ льномъ, съ глубокимъ корнемъ, съ обильными хлѣбами». Въ другой спрашиваютъ весну, на чемъ она пріѣхала: «на сошечкѣ, на бороночкѣ, на овсяномъ снопу, на ржаномъ колосу?» [3]).

Изъ хороводныхъ пѣсенъ наиболѣе замѣчательна, по мнѣнію г. Келтуялы, пѣсня, изображающая сѣяніе проса въ связи съ выборомъ невѣсты. «Она представляетъ діалогъ между дѣвушками и парнями. Дѣвушки поютъ про то, какъ онѣ просо сѣяли. Парни отвѣчаютъ, что они это просо вытопчутъ» [4]). Подобныя пѣсни часто встрѣчаются и у другихъ земледѣльческихъ народовъ. У нѣкоторыхъ племенъ Малайскаго архипелага существуютъ довольно сложныя пляски, изображающія сѣяніе проса въ дѣйствіяхъ и въ пѣсняхъ. Все это, конечно, очень ярко иллюстрируетъ ту мысль, что не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Но въ томъ-то и дѣло, что бытіе, отразившееся въ пѣсняхъ этого рода, было бытіемъ земледѣльцевъ, а не охотниковъ. Впрочемъ, здѣсь полезно оговориться. Тотъ, сообщаемый хороводной пѣснью, фактъ, что просо сѣяли д ѣ в у ш к и, между тѣмъ какъ п а р н и грозятъ его вытоптать, позволяетъ предположить такую эпоху въ жизни русскихъ славянъ, когда з е м л е д ѣ л і е м ъ занимались ж е н щ и н ы, между тѣмъ какъ м у ж ч и н ы оставались охотниками. Такое раздѣленіе общественнаго труда до самаго недавняго времени существовало у нѣкоторыхъ племенъ центральной Бразиліи. Въ психологіи такихъ племенъ всегда сильно сказываются черты охотничьяго быта.

---

[1]) Курсъ, ч. I, стр. 591.

[2]) Тамъ же, стр. 107.

[3]) Тамъ же, стр. 109.

[4]) Тамъ же, стр. 110.

Г. Келтуяла указываетъ также на жатвенные праздники. Онъ говоритъ, что во второй половинѣ іюля у славянъ-язычниковъ былъ праздникъ въ честь Перуна, бога грома. «Съ его именемъ связывались благодѣтельныя для плодородія грозы, которыми обыкновенно отличается эта часть іюля, и начало жатвенныхъ работъ» [1]).

Довольно. Прибавлю еще только, что, по свидѣтельству г. Келтуялы, русскія пословицы, касающіяся хозяйственныхъ занятій, «отражаютъ, главнымъ образомъ, земледѣльческій трудъ» [2]). Послѣ всего этого мы можемъ уже не сомнѣваться въ томъ, что, именно, этотъ трудъ наложилъ наиболѣе глубокую печать на психику русскаго народа. Это нужно хорошенько запомнить, такъ какъ ниже намъ еще придется считаться съ вопросомъ о томъ, гдѣ лежала главная пружина хозяйственной жизни русскаго народа въ теченіе кіевскаго періода его исторіи. Съ ошибочнымъ рѣшеніемъ этого вопроса связано много ложныхъ представленій о ходѣ нашего общественно-политическаго развитія.

IX.

Итакъ, историческая истина совсѣмъ не на сторонѣ В. А. Келтуялы, а на сторонѣ С. М. Соловьева: въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ кіевскаго періода, кочевники являлись племенами, стоявшими на менѣе высокой степени экономическаго, а стало быть и вообще культурнаго развитія. И напрасно г. Келтуяла,— да и не онъ одинъ,—смущается тѣмъ, что скотоводы-татары покорили русскихъ земледѣльцевъ. Этотъ фактъ такъ же мало противорѣчитъ матеріалистическому объясненію исторіи, какъ движеніе вверхъ шара, наполненнаго газомъ, болѣе легкимъ, нежели атмосферный воздухъ, опровергаетъ теорію тяготѣнія. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ передъ нами лишь мнимый парадоксъ.

Дѣло въ томъ, что движеніе человѣчества по пути культуры вовсе не есть прямолинейное движеніе. Съ переходомъ на болѣе высокую степень экономическаго развитія данное племя (или государство), разумѣется, дѣлаетъ болѣе или менѣе значительный шагъ впередъ. Но не во всѣхъ отношеніяхъ. Извѣстныя стороны его быта могутъ попятиться назадъ, именно, благодаря тому, что оно сдѣлало шагъ,—говоря вообще,—прогрессивный. Вотъ яркій примѣръ. Какъ извѣстно, охотничьи племена обнаруживаютъ несравненно больше склонности и,—главное,—способности

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Тамъ же, стр. 152.

къ пластическимъ искусствамъ, нежели племена, занимающіяся скотоводствомъ и первобытнымъ земледѣліемъ. И точно также, нынѣшняя буржуазная Европа, обладающая такими могучими производительными силами, очень и очень много уступаетъ античному міру въ эстетическомъ отношеніи. Въ мою задачу никакъ не входитъ здѣсь разсмотрѣніе тѣхъ причинъ, которыми вызываются только что указанныя явленія. Достаточно сказать, что причины эти тоже коренятся въ новыхъ условіяхъ, создаваемыхъ новыми техническими завоеваніями и связанными съ ними перемѣнами въ образѣ жизни [1]). Но о кочевникахъ умѣстно сказать еще нѣсколько словъ.

Уже въ книгѣ покойнаго Н. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры», вышедшей первымъ изданіемъ въ 1883 г., встрѣчается интересный анализъ экономическихъ и бытовыхъ условій, породившихъ идею монгольской всемірной имперіи. Излагая взглядъ одного англійскаго писателя, Н. Зиберъ указываетъ на то, что самый образъ жизни кочевыхъ народовъ не располагаетъ ихъ къ миру. «У странствующихъ народовъ, не имѣющихъ никакихъ постоянныхъ границъ,—говоритъ онъ,—не можетъ недоставать поводовъ къ войнѣ, такъ какъ они постоянно вторгаются въ границы пастбищъ одинъ другого. Такимъ образомъ возникаютъ случаи предательской войны» [2]). Затѣмъ онъ отмѣчаетъ ихъ выносливость и ту легкость, съ которой они мобилизуютъ свои военныя силы. «Ихъ суровость и крѣпость даютъ имъ возможность выдерживать усталость отъ продолжительныхъ странствованій, лишеній и изнуреній. Подобная община пастуховъ не нуждается ни въ какомъ коммисаріатѣ. Пища ихъ въ видѣ мяса ихъ быковъ или лошадей, которые привыкли ѣсть одну только траву, можетъ всегда пропитать ихъ на пути. ...Ихъ безразличіе къ жизни дѣлаетъ излишнею всякую предусмотрительность относительно заботы о больныхъ и раненыхъ... Ихъ военная жизнь, включающая продолжительныя странствованія и возвращенія и истощающая въ корень другія войска, мало отличается отъ ихъ обычаевъ во время мира... Побѣда воспламеняла ихъ... пораженіе смиряло на время ихъ духъ, но они всегда имѣли открытое отступленіе въ безконечную пустыню, гдѣ они могли, по меньшей мѣрѣ, спастись отъ мести цивилизованныхъ націй» [3]). Уже эти строки въ значительной степени объясняютъ намъ военные успѣхи кочевниковъ. Но Зиберъ не ограничился ими. Опираясь на того же англійскаго писателя, онъ утверждалъ, что опустошительные на-

---

[1]) Подробнѣе см. объ этомъ въ моихъ статьяхъ объ искусствѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ: «За двадцать лѣтъ» и «Критика нашихъ критиковъ».

[2]) Очерки первобытной экономической культуры.—Изд. 2-ое, СПБ, 1899, стр. 39.

[3]) Тамъ же, стр. 113.

бѣги, которымъ предавались кочевые народы, были для нихъ своего рода необходимостью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось достигнуть господства. «Когда ихъ первые успѣхи привлекали большое число лицъ къ побѣдному знамени, то удержать въ неподвижномъ положенiи такую громадную массу не было возможности. Прежде всего ихъ пастбища скоро были бы истощены, а, во-вторыхъ, ихъ вожди могли поддерживать свое достоинство и свое высокое положенiе надъ единоплеменниками только при помощи активныхъ операцiй. Иностранныя войска, широко входящiя въ составъ ихъ армiй, были всегда готовы отпасть отъ насильственнаго союза. Всякiй признакъ слабости или неспособности вождя сдѣлался бы знакомъ общаго распаденiя» [1]).

Къ этому надо прибавить слѣдующее. Если мы сравнимъ вооруженiе осѣдлыхъ русскихъ племенъ, скажемъ, X или XI в. съ вооруженiемъ тѣхъ кочевниковъ, натискъ которыхъ имъ пришлось отражать, то увидимъ, что превосходство перваго надъ вторымъ очень невелико, а, пожалуй, даже сомнительно. Мечу пѣшаго русскаго воина противостоитъ сабля кочевого всадника. Уступаетъ ли сабля мечу, какъ орудiе нападенiя или самозащиты? Предположимъ, что—да. Но фактъ тотъ, что и русскiе воины нерѣдко предпочитали саблю мечу, а въ XII в., судя по «Слову о полку Игоревѣ», сабли даже преобладали, такъ какъ «выгнутою саблею удобнѣе рубить, чѣмъ прямымъ мечемъ» [2]). Удобнѣе, конечно, только для всадника, но въ тогдашнемъ русскомъ войскѣ конница уже играла очень важную роль, которая, съ теченiемъ времени, становилась еще болѣе важной. Стало быть, со стороны вооруженiя трудно предположить какое-нибудь серьезное превосходство тогдашнихъ (русскихъ) земледѣльцевъ надъ номадами. Достойно замѣчанiя, что если русскiе воины заимствовали оружiе у номадовъ, то цивилизованные римляне не разъ дѣлали подобныя заимствованiя у тѣхъ варваровъ, съ которыми имъ приходилось вести войны. Вообще, въ этомъ отношенiи, какъ и во многихъ другихъ, разстоянiе, отдѣляющее цивилизацiю отъ варварства, первоначально совсѣмъ незначительно и растетъ лишь мало-помалу, но съ постоянно и сильно возрастающимъ ускоренiемъ [3]).

Наконецъ,—и на это необходимо обратить большое вниманiе,—переходъ къ земледѣлiю вызываетъ со временемъ такое раз-

1) Тамъ же, стр. 40.

2) Проф. Грушевскiй. Кiевская Русь, т. I, стр. 339.

3) Человѣкъ, очень свѣдущiй въ военномъ искусствѣ своего времени, капитанъ Маржерэ,—котораго у насъ почему-то называютъ Маржеретомъ,—говоритъ: «Сотня татаръ всегда разгонитъ двѣсти россiянъ» («Состоянiе Россiйской державы и великаго княжества московскаго», СПБ. 1830, стр. 55). Какъ видно изъ его дальнѣйшаго изложенiя, Маржерэ имѣетъ въ виду русскую конницу. Какъ же объяснить это превосходство

дѣленіе общественнаго труда, которое является источникомъ относительной слабости земледѣльцевъ съ военной стороны. У номадовъ всѣ или почти всѣ взрослые мужчины— воины; у земледѣльцевъ военное дѣло становится занятіемъ лишь нѣкоторой части общества, напримѣръ, въ Кіевской Руси—князя и его дружины. Правда, кромѣ княжеской дружины, по временамъ созывается также и народное ополченіе. Но созывы ополченія все-таки представляютъ собою нѣчто исключительное и, кромѣ того, становятся все рѣже и рѣже [1]). Владиміръ Мономахъ хорошо изобразилъ обычное положеніе дѣлъ: смердъ пашетъ, а князь съ дружиной охраняетъ его отъ непріятельскихъ набѣговъ. При такомъ положеніи дѣлъ есть только одно условіе побѣды земледѣльцевъ надъ кочевниками: объединеніе первыхъ въ одинъ большой политическій союзъ, а въ ожиданіи его—сочетаніе усилій всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ политическихъ союзовъ, на которые распадается земледѣльческое населеніе данной территоріи. Вотъ почему всѣ русскіе идеологи кіевскаго періода такъ рѣшительно и единодушно осуждаютъ княжескія усобицы: «почто вы распрю имата межи собою?—говорятъ Святополку «мужѣ смысленѣи»,— а погании губять землю Рускую; послѣдѣся смирита, а нынѣ поидита противу имъ (т. е. противъ половцевъ. *Г. П.)* любо съ миромъ, любо ратью» (ср. краснорѣчивыя жалобы на княжескія усобицы въ «Словѣ о полку Игоревѣ»). И по той же причинѣ такъ сильно было впослѣдствіи сочувствіе русскаго народа къ объединительной политикѣ московскихъ,—а на западной половинѣ русской территоріи литовскихъ,—великихъ князей. Интересно, что Казань и Астрахань пали только тогда, когда окончательно объединилась восточная Русь.

Все это показываетъ, что мы имѣемъ возможность объяснить побѣду кочевниковъ надъ кіевской Русью, не прибѣгая къ совершенно несостоятельной гипотезѣ «охотничье-торговаго государства».

Теперь посмотримъ, каковы были послѣдствія многовѣковаго натиска скотоводовъ-кочевниковъ на земледѣльцевъ, населявшихъ восточную европейскую равнину.

Во-первыхъ, онъ помѣшалъ русскому населенію придвинуться вплотную къ берегамъ Чернаго моря и даже заставилъ его

татарской конницы надъ московской? Неужели тѣмъ, что въ концѣ XVI вѣка Крымъ стоялъ на болѣе высокой ступени экономическаго развитія, нежели Московская Русь? Не думаю, чтобы кто-нибудь рѣшился утверждать это.

[1]) При томъ, вооруженіе ополченцевъ значительно уступаетъ вооруженію дружинниковъ: «обыкновенные курганы содержатъ въ себѣ копья, ножи, стрѣлы и топоры; таково, вѣроятно, было вооруженіе простого воина недружинника» (проф. Грушевскій, тамъ же, стр. 339).

отступить на сѣверъ и на сѣверо-западъ [1]). Это вынужденное отступленіе отъ морскихъ береговъ должно было замедлить экономическое развитіе Руси. Во-вторыхъ, оттѣснивши Русь отъ береговъ Чернаго моря, кочевники продолжали нападать на ея торговые караваны, затрудняли ея сношенія съ Крымомъ и Византіей, чѣмъ создавали новыя препятствія для ея экономическаго развитія. Въ-третьихъ, періодически опустошая территорію осѣдлаго русскаго племени, они мѣшали его росту благосостоянія. «Непрекращающіеся набѣги на города и селенія, жившіе среди вѣчной тревоги на военномъ положеніи; захватъ плѣнниковъ во время набѣговъ въ громадномъ количествѣ, при чемъ работоспособные продавались въ крымскихъ портахъ въ неволю въ чужія страны, а всѣ непригодные къ работѣ и на продажу безжалостно убивались; уничтоженіе цѣлыхъ селеній, и въ результатѣ—бѣгство населенія и запустѣніе цѣлыхъ областей»,—такъ изображаетъ историкъ тогдашнюю жизнь въ мѣстностяхъ, доступныхъ нападеніямъ кочевниковъ [2]). Нечего и говорить, что такая жизнь мало благопріятствовала накопленію богатства. Правда, верхи тогдашняго русскаго общества какъ-будто располагали довольно большими денежными средствами [3]). Однако, въ его низахъ должно было возникнуть много элементовъ, лишенныхъ всякой возможности вести самостоятельное хозяйство. Эти элементы попадали въ зависимость отъ лицъ, обладавшихъ денежными средствами. Ростовщическій капиталъ подчинилъ своей власти значительную часть тогдашняго трудящагося населенія [4]). Но господство ростовщическаго капитала, въ свою очередь, весьма неблагопріятно для развитія производительныхъ силъ страны, такъ какъ онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ довольствуется присвоеніемъ прибавочнаго продукта и совсѣмъ не измѣняетъ способа производства [5]). Въ XII в. Поднѣпровье замѣтно бѣднѣетъ. Въ 1159 г. черниговскій князь Свято-

[1]) Въ VIII в. Русь владѣла устьемъ Днѣпра, а потомъ нижнее теченіе этой рѣки было надолго утрачено ею.

[2]) Проф. М. Грушевскій, тамъ же, стр. 287. Ср. также Курсъ русской исторіи проф. В. Ключевскаго, ч. I, стр. 334 и слѣд.

[3]) В. Ключевскій, тамъ же, стр. 336—337.

[4]) «Тяжелыя условія, упадокъ торговли и земледѣлія подъ вліяніемъ тюркскихъ опустошеній вели къ уменьшенію свободнаго крестьянства, мелкаго свободнаго промысла и къ увеличенію числа безземельныхъ батраковъ несвободныхъ. Разоренныя крестьянскія хозяйства увеличивали собою имѣнія бояръ, а ихъ хозяева попадали въ безсрочную службу закупничества, съ тѣмъ, чтобы оттуда при первомъ случаѣ быть переведенными въ категорію холопей. Условія кредита были очень тяжелы; 15% считалось очень легкимъ «христіанскимъ» процентомъ, а неоплатный должникъ попадалъ въ закупы или въ неволю» (Грушевскій, тамъ же, стр. 121).

[5]) «Ростовщическій капиталъ въ такой формѣ, когда онъ фактически присвоиваетъ весь прибавочный продуктъ непосредственнаго производителя, не измѣняя способа

славъ Ольговичъ даетъ знаменательный отвѣтъ великому князю Изяславу Давидовичу: «Взялъ я городъ Черниговъ съ семью другими городами, да и то пустыми: живутъ въ нихъ псари да половцы». Проф. Ключевскій истолковываетъ эти слова Святослава въ томъ смыслѣ, что «въ этихъ городахъ остались лишь княжескіе дворовые люди, да мирные половцы, перешедшіе на Русь» [1]). И это происходитъ въ то самое время, когда въ передовыхъ странахъ Западной Европы,—въ Италіи, во Франціи и во Фландріи,—города быстро росли и богатѣли [2]).

Въ концѣ концовъ, кочевники, въ лицѣ татаръ, совсѣмъ остановили самостоятельное развитіе юго-западной Руси и вызвали передвиженіе центра тяжести русской исторической жизни на сѣверо-востокъ, гдѣ географическая среда оказалась еще менѣе благопріятной для быстраго роста производительныхъ силъ населенія.

Чѣмъ быстрѣе растутъ производительныя силы даннаго общества, тѣмъ быстрѣе бьется пульсъ его экономической жизни, и тѣмъ болѣе обостряются противорѣчія, свойственныя господствующему въ немъ способу производства. А обостреніе этихъ противорѣчій обнаруживается, между прочимъ, въ обостреніи классовой борьбы, которая, принимая тотъ или другой видъ, всегда ведется во всякомъ обществѣ, раздѣленномъ на классы. Своимъ обостреніемъ борьба классовъ и придаетъ внутренней исторіи общества тотъ боевой характеръ, который пріурочивается проф. Ключевскимъ къ завоеванію; и она же сообщаетъ общественнымъ учрежденіямъ «рѣзкія очертанія». И не только общественнымъ учрежденіямъ. «Споръ есть отецъ всѣхъ вещей»,—говорилъ глубокій эфес-

производства... Когда, слѣдовательно, капиталъ не подчиняетъ себѣ трудъ непосредственно и потому не противополагается ему въ видѣ промышленнаго капитала, такой ростовщическій капиталъ приводитъ этотъ способъ производства въ бѣдственное состояніе, ослабляетъ производительныя силы вмѣсто того, чтобы развивать ихъ, и увѣковѣчиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое плачевное состояніе, въ которомъ общественныя производительныя силы не развиваются на счетъ самого рабочаго, какъ въ капиталистическомъ производствѣ» (К. Марксъ. Капиталъ, т. III, стр. 490—491).

[1]) Курсъ рус. исторіи, ч. I стр. 348—349. «Съ половины XII в. стало замѣтно, съ конца еще замѣтнѣе обѣднѣніе Руси» («Боярская Дума древней Руси», стр. 96). Надо добавить, впрочемъ, что совсѣмъ не убѣдительна и даже странна ссылка проф. Ключевскаго на возрастающую легковѣсность *гривны кунъ*, какъ на одно изъ доказательствъ этого обѣднѣнія. На Западѣ денежныя единицы тоже становились все легковѣснѣе. «In der Geschichte aller modernen Völker derselbe Geldname verblib einem sich stets vermindernden Metallgehalt». K. Marx. Zur Kritik der politischer Oekonomie. Berlin, 1859, I, 89.

[2]) Развитіе въ нихъ и въ окружающихъ ихъ мѣстностяхъ товарнаго производства вызывало,—какъ это мы съ особенной ясностью видимъ въ Италіи,—паденіе несвободнаго земледѣльческаго труда и замѣнъ его трудомъ свободныхъ арендаторовъ. Стало быть, несвободный сельскохозяйственный трудъ исчезаетъ въ передовыхъ итальянскихъ республикахъ въ то самое время, когда онъ упрочивается и распространяется въ Кіевской Руси.

скій мыслитель. Обострившаяся борьба классовъ углубляетъ ходъ идей и учащаетъ ихъ взаимныя столкновенія. Такимъ образомъ, если географическая среда оказалась неблагопріятной для экономическаго развитія Руси уже въ Приднѣпровьи, то мы можемъ ожидать, что въ теченіе кіевскаго періода ея исторіи замѣтна будетъ нѣкоторая неопредѣленность ея общественныхъ отношеній и нѣкоторая вялость ея общественной мысли.

Разсмотримъ общественныя отношенія.

Историкъ такъ описываетъ роль вѣча въ главномъ княжествѣ того времени.

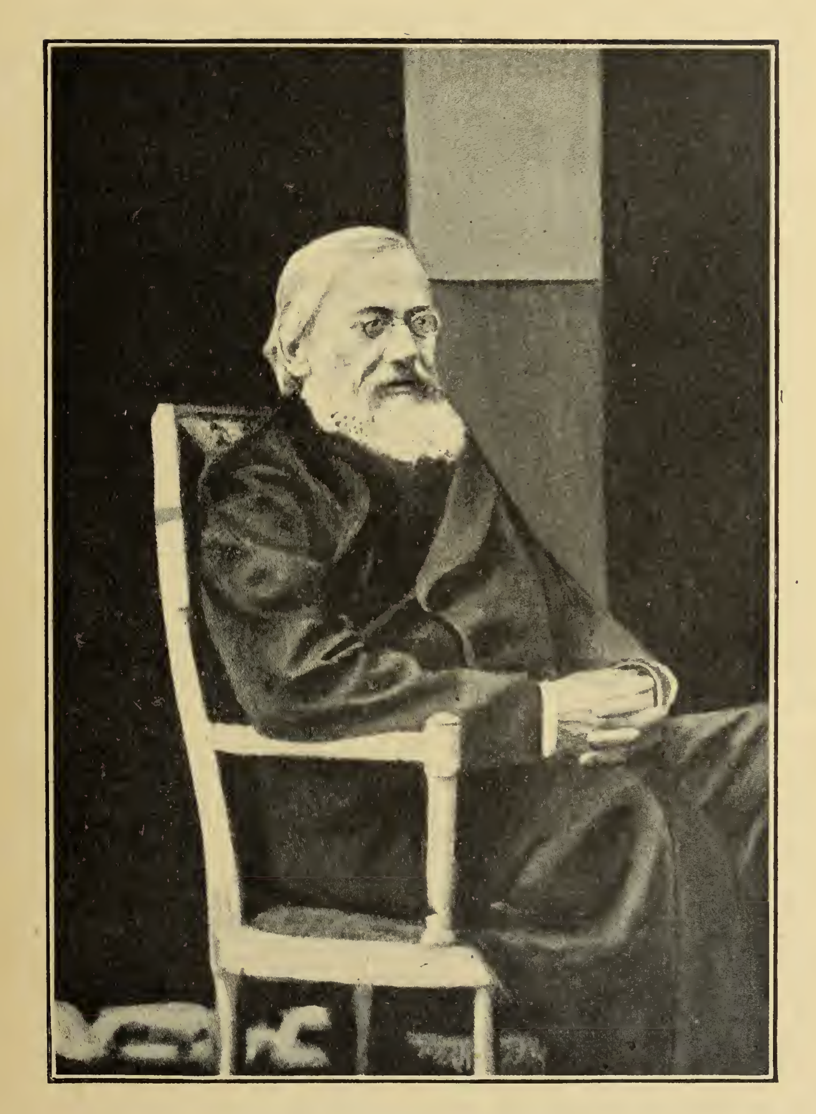
«Несомнѣнно, что въ силу исключительныхъ, тревожныхъ условій, въ какихъ находилась кіевская земля, вѣчевая дѣятельность здѣсь отличалась и наибольшею энергіею». Однако, «и здѣсь вѣче не пріобрѣло никакихъ опредѣленныхъ формъ, ни постоянныхъ и опредѣленныхъ функцій, а осталось явленіемъ экстраординарнымъ. ...Не существовало ни опредѣленныхъ сроковъ, ни мѣста собраній, ни опредѣленной инициативы созванія вѣча, ни какихъ-либо формъ представительства» [1]). Такъ и всегда бываетъ тамъ, гдѣ при неразвитости общественныхъ отношеній еще не чувствуется потребность въ опредѣленной юридической нормѣ. Богатыя городскія общины Западной Европы хорошо знали цѣну юридической нормы. Но тамъ они узнали ее въ борьбѣ съ феодалами, которой не вели города Кіевской Руси [2]). Такой же неопредѣленностью отличались и отношенія князя къ своей дружинѣ. «Боярскій совѣтъ, какъ и вѣче, не выработалъ для себя ни опредѣленныхъ формъ, ни спеціальной компетенціи,—продолжаетъ проф. Грушевскій.—Князь совѣтовался съ тѣми боярами, которые были подъ рукою, или которыхъ онъ желалъ видѣть на совѣщаніи; составъ совѣта въ виду этого могъ быть болѣе или менѣе многочисленнымъ» [3]). Взаимныя отношенія между государемъ и его совѣтниками становятся болѣе опредѣленными лишь тогда и лишь тамъ, когда и гдѣ дружинникъ («антрустіонъ») превращается въ держателя земли. Стремленіе расширить свое право на землю,—главнымъ образомъ, сдѣлать его наслѣдственнымъ,—и побуждаетъ держателя предъявлять государю извѣстныя требованія, находящія свое выраженіе въ извѣстныхъ юридическихъ нормахъ. Но процессъ превращенія дру-

---

[1]) Проф. Грушевскій. Очерки исторіи украинскаго народа, стр. 111—112.

[2]) Конституціи итальянскихъ городовъ отличаются очень большою опредѣленностью и даже излишней сложностью, которая свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о непрерывномъ стремленіи найти точныя нормы для быстро развивающихся и рѣзко обозначающихся общественныхъ отношеній.

[3]) Тамъ же, стр. 114, ср. Ключевскаго, «Боярская Дума», стр. 53.

Василій Осиповичъ Ключевскій.

жинника въ держателя земли совершается съ большей или меньшей быстротой и приводитъ къ тѣмъ или другимъ политическимъ результатамъ, смотря по тому, какъ подвигается впередъ экономическое развитіе данной страны. Онъ замедляется тамъ, гдѣ замедляется это послѣднее. Такъ, напр., въ Польшѣ уже въ XI в., послѣ Болеслава Храбраго (992—1025), дружина исчезла, уступивъ свое мѣсто «воямъ»,—по-латыни «miles»,—получившимъ отъ князя землю на условіи службы, а также выполненія цѣлаго ряда повинностей (stróz'a, podwody, przesieka и т. д.). Эти «вои» постепенно дѣлаютъ свои земли наслѣдственными и увеличиваютъ свои права какъ относительно князя, такъ и относительно другихъ слоевъ населенія [1]). Но въ Кіевской Руси процессъ превращенія дружинника въ «воя», который держалъ бы землю на извѣстныхъ условіяхъ, замедлился вслѣдствіе значительно меньшей скорости экономическаго развитія [2]). Дружина содержалась преимущественно на счетъ даней и прочихъ доходовъ князя. «Слѣдовъ помѣстной практики—вознагражденія за службу землями—мы въ эту эпоху еще не встрѣчаемъ [3]). Дружинники отнюдь не считаютъ себя холопами князя. Они крѣпко держатся за свое право свободнаго перехода. Но переходъ недовольныхъ дружинниковъ отъ одного князя къ другому служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что они еще не имѣли прочнаго положенія въ странѣ. Тамъ, гдѣ у нихъ было такое положеніе, они, въ случаѣ недовольства княземъ, не уходили отъ него, а вступали въ борьбу съ нимъ [4]). Такъ было, вѣроятно, въ княжествѣ Волынскомъ, гдѣ боярство пользуется въ XIII в. большимъ вліяніемъ, и, навѣрно, въ Галицкой землѣ. Но въ Галицкой землѣ такъ было, именно, потому, что обстоятельства благопріятствовали ея экономическому развитію. «Внутреннія войны были здѣсь почти неизвѣстны... Это дало возможность развиться экономическому благосостоянію земли, и особенно повліяло на сформированіе богатаго, могущественнаго и тѣсно-сплоченнаго боярства. Во второй половинѣ XII в. боярство чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что откровенно стремится къ тому, чтобы держать князя подъ своимъ вліяніемъ, и не оста-

---

[1]) Ср. «Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши» д-ра Ст. Кутшебы. переводъ съ польскаго Н. В. Ястребова, С.-Петербургъ 1907, стр. 9—11.

[2]) Болеславъ Храбрый былъ современникомъ Владиміра Святого. Если, какъ мы только что видѣли, въ Польшѣ дружина исчезаетъ послѣ Болеслава Храбраго, то на Руси послѣ смерти Владиміра еще долго процвѣтаетъ дружинный бытъ, такъ ярко выразившійся въ былинахъ.

[3]) Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 117—118.

[4]) В. О. Ключевскій, указавъ на то, что очередной порядокъ княжескаго владѣнія «пріучилъ дружину къ подвижности», замѣчаетъ: «благодаря этой подвижности, старшіе

павливается передъ дворцовыми революціями и иными рѣзкими дѣйствіями для достиженія своихъ плановъ [1]).

Въ началѣ XIII вѣка борьба между галицкими боярами и князьями Игоревичами, которыхъ призвали въ Галицію тѣ же бояре, до того обострилась, что князья составили противъ бояръ настоящій заговоръ и перебили изъ нихъ цѣлыхъ 500 человѣкъ, а бояре, въ свою очередь, побѣдивъ князей съ помощью венгровъ, повѣсили Романа, Святослава и Ростислава «мьсти ради»,—какъ говоритъ лѣтописецъ [2]). Отсюда видно, между прочимъ, что указаніе проф. М. Грушевскаго на отсутствіе внутреннихъ войнъ въ Галицкой землѣ можетъ быть принято лишь съ извѣстной оговоркой: внутреннія войны были и тамъ, какъ видимъ, хорошо извѣстны. Но это не были войны, вызывавшіяся взаимнымъ соперничествомъ князей изъ-за той или другой части территоріи,— хотя случались и такія: это были войны, порожденныя взаимнымъ столкновеніемъ различныхъ политическихъ силъ, выросшихъ на относительно благопріятной экономической почвѣ. Между тѣмъ какъ войны перваго рода ведутъ только къ обѣднѣнію страны и даже къ ея одичанію, вторыя — способствуютъ ея общественно-политическому развитію. Если въ теченіе кіевскаго періода своей исторіи Русь хотя и отставала отъ Западной Европы, вслѣдствіе неблагопріятныхъ географическихъ условій своего развитія, все-таки, — по складу своихъ внутреннихъ отношеній, — была гораздо ближе къ ней, нежели въ московскую эпоху, то Га-

дружинники... занимавшіе высшія правительственныя должности, не могли занимать ихъ долгое время въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ, и черезъ это пріобрѣтать прочное мѣстное политическое значеніе въ извѣстной области, тѣмъ менѣе могли превращать свои должности въ наслѣдственныя, какъ это было на феодальномъ Западѣ и въ сосѣдней Польшѣ». (Курсъ, ч. I, стр. 239). Тутъ слѣдствіе ставится на мѣсто причины. При свободномъ переходѣ дружинниковъ ничто не мѣшало имъ оставаться въ данной волости при перемѣнѣ въ ней князя. Если бы они пріобрѣли тамъ прочное политическое значеніе, то новый князь не имѣлъ бы возможности устранить ихъ отъ занимаемыхъ ими должностей, особенно, если бы онѣ уже сдѣлались наслѣдственными. Стало быть, весь вопросъ въ томъ, почему онѣ не сдѣлались таковыми. А на этотъ вопросъ отвѣчаетъ, не подозрѣвая этого, самъ проф. Ключевскій. «Но легко замѣтить,—говоритъ онъ,—что боярское землевладѣніе развивалось слабо, не составляло главнаго экономическаго интереса для служилыхъ людей. Дружинники предпочитали другіе источники дохода, продолжали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ и получали отъ своихъ князей денежное жалованье» (Тамъ же, та же стр.). Теперь все понятно. Если бы главнымъ источникомъ дохода дружинниковъ являлось независимое отъ князя землевладѣніе, то имъ не надо было бы переходить за княземъ съ мѣста на мѣсто. Но такъ какъ главный доходъ ихъ шелъ отъ князя, то они и «пріучались къ подвижности». Что же касается ихъ торговыхъ оборотовъ, то о нихъ рѣчь будетъ ниже.

1) Грушевскій, тамъ же, стр. 98—99.

2) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 486.

лицкая земля показала себя особенно доступной западному вліянію. Въ XIV в. галицкіе князья употребляютъ печати западнаго образца, а ихъ грамоты пишутся по-латыни [1]). Характерно, что, обращаясь къ магистрамъ нѣмецкаго ордена, послѣдній галицко-волынскій князь, Юрій, называетъ своихъ бояръ любезными и вѣрными баронами своими [2]). Сходство общественныхъ отношеній облегчало усвоеніе свойственныхъ западу политическихъ представленій и выраженій.

Примѣръ Галиціи еще разъ подтверждаетъ ту, высказанную мною выше, мысль, что и независимо отъ завоеванія внутренняя исторія данной страны можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, получить весьма «боевой, драматическій характеръ».

X.

Мы видѣли, что многовѣковый натискъ кочевниковъ замедлялъ ростъ тѣхъ производительныхъ силъ, которыми располагало осѣдлое населеніе Руси, и что замедленіе ихъ роста, въ свою очередь, задерживало процессъ возникновенія въ ней вліятельнаго класса держателей земли и опредѣленныхъ нормъ политической жизни. Теперь слѣдуетъ прибавить, что тотъ же натискъ, экономическія послѣдствія котораго ослабляли силу боярства, и тѣмъ способствовали относительному увеличенію княжеской власти, долженъ былъ содѣйствовать росту этой власти еще и съ другой стороны.

Энгельсъ какъ нельзя болѣе справедливо замѣтилъ, что въ основѣ политическаго господства всюду лежало отправленіе общественной службы, и что политическое господство лишь въ томъ случаѣ сохранялось надолго, когда оно выполняло важную для общественной жизни функцію [3]). Какую же общественную функцію выполнялъ князь со своей дружиной? Функцію защиты княжества отъ непріятельскихъ нападеній. Князь былъ военнымъ сторожемъ земли, по выраженію проф. Ключевскаго. Это вовсе не значитъ, что онъ всегда заботливо и удачно выполнялъ эту свою функцію, и что онъ не приносилъ интересовъ страны въ жертву своимъ собственнымъ интересамъ. Далеко не всѣ князья обладали умомъ и энергіей Владиміра Мономаха и, къ тому же, всѣ они руко-

[1]) М. Грушевскій, стр. 131. Онъ же говоритъ о слѣдахъ западнаго вліянія въ галицкой архитектурѣ и литературѣ (стр. 130).

[2]) Ключевскій. Боярская Дума, стр. 59.

[3]) Анти-Дюрингъ, стр. 149 рус. перевода (въ изд. В. И. Яковенко).

водствовались правиломъ: своя рубашка ближе къ тѣлу [1]). Но въ глазахъ населенія князь прежде всего былъ, именно, военнымъ сторожемъ земли, и чѣмъ нужнѣе былъ такой сторожъ, тѣмъ больше увеличивалось его значеніе, тѣмъ больше росла его власть. Мы уже знаемъ, какъ много сдѣлали кочевники для того, чтобы русская земля почувствовала большую нужду въ «военныхъ сторожахъ». Повидимому, уже печенѣги вынудили Русь защитить отъ нихъ свою границу длиннымъ рядомъ непрерывныхъ укрѣпленій [2]). Неудивительно, поэтому, что, какъ отмѣчаетъ проф. М. Грушевскій,—«княжеско-дружинный укладъ въ періодъ своего развитія вообще сильно придавилъ политическую, самоуправляющуюся силу земли, общины» [3]). Правда, въ Новгородѣ, Псковѣ и отчасти Полоцкѣ вѣче оттѣснило князя на второй планъ; но главное теченіе русской политической жизни шло въ прямо противоположномъ направленіи, и потому вольности болѣе свободныхъ городовъ пали со временемъ подъ ударами княжескаго деспотизма [4]).

«Борьба со степнымъ кочевникомъ, половчиномъ, злымъ татариномъ, длившаяся съ VIII почти до конца XVII в.», — говоритъ проф. Ключевскій, — «самое тяжелое историческое воспоминаніе русскаго народа, особенно глубоко врѣзавшееся въ его памяти и наиболѣе ярко выразившееся въ его былевой поэзіи. Тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ степнымъ азіатомъ—это такое обстоятельство, которое одно можетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни» [5]). Это справедливо, можетъ быть, болѣе, чѣмъ предполагалъ самъ проф. Ключевскій. Даже тѣ «европейскіе недочеты», которые, на первый взглядъ, не

---

1) Когда этого требовали ихъ интересы, князья сами приводили кочевниковъ въ русскую землю, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что «поганые» убивали и разоряли христіанъ.

2) См. проф. Ключевскаго. Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 193

3) Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 110.

4) А. С. Пушкинъ, вполнѣ раздѣлявшій мысль о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса, говоритъ въ разборѣ «Исторіи русскаго народа» Н. Полевого: «Освобожденія городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes) удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ слабости враждующихъ князей». (Полное собр. сочиненій подъ редакціей П. О. Морозова, изд. второе, т. VI, стр. 47). Это чрезвычайно важная мысль. Свободолюбивое населеніе сѣверно-русскихъ республикъ не являлось элементомъ *внутренняго развитія* въ той части страны,—Кіевъ, Москва,—которая въ данный періодъ опредѣляла своимъ вліяніемъ направленіе политической жизни Россіи. По отношенію къ этой части оно являлось наоборотъ, внѣшней силой, столкновенія съ которой объединяли ея населеніе съ княземъ. Мы скоро увидимъ, что подобное же замѣчаніе приходится сдѣлать и по поводу другихъ представителей свободолюбивыхъ стремленій—казаковъ.

5) Курсъ русской исторіи, ч. I (изд 3-е), стр. 73

имѣютъ прямого отношенія къ тысячелѣтнему сосѣдству съ кочевниками, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказываются слѣдствіями замедленнаго борьбой съ кочевниками экономическаго развитія Россіи. Это едва ли нуждается въ новыхъ доказательствахъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о кіевскомъ историческомъ періодѣ. Посмотримъ теперь, подтверждается ли это фактами, относящимися къ позднѣйшему времени.

Признаки паденія Кіевской Руси сильно замѣтны уже во второй половинѣ XII в. Татарское нашествіе наноситъ ей тяжелый ударъ, отъ котораго она долго не можетъ оправиться. Съ этихъ поръ центръ тяжести русской жизни переносится на сѣверо-востокъ въ бассейнъ Оки и верхней Волги. Правда, въ теченіе нѣкотораго времени рядомъ съ этимъ центромъ существуетъ другой. Галицкіе князья именуютъ себя «самодержцами всея Руси» и пытаются взять въ свои руки гегемонію, потерянную Кіевомъ. Мы видѣли, что Галицкая земля болѣе всѣхъ другихъ русскихъ земель подвергалась западному вліянію, и что ея боярство сложилось въ сильный и вліятельный классъ. Если бы галицкіе князья, въ самомъ дѣлѣ, стали «самодержцами всея Руси», т.-е. значительной части русскихъ земель, то центръ тяжести русской жизни остался бы на юго-западѣ, и въ теченіе слѣдующаго періода русской исторіи мы присутствовали бы при развитіи государства, очень близкаго по своему строю къ сосѣднимъ западнымъ государствамъ, напр., къ Польшѣ и Венгріи. Галицкимъ «самодержцамъ всея Руси» пришлось бы уступать все болѣе и болѣе значительную часть своей власти галицкому боярству. Но обстоятельства сложились иначе. Галиція сама вошла въ составъ польскаго государства, и главный центръ русской жизни перенесся на далекій сѣверо-востокъ, гдѣ условія были очень неблагопріятны для упроченія и роста боярскаго вліянія.

Уже въ половинѣ XII в. довольно сильно сказывается антагонизмъ между юго-западной Русью и Русью сѣверо-восточной. Первое и, повидимому, самое естественное объясненіе этого антагонизма заключается въ томъ, что юго-западная Русь была населена малороссами, а сѣверо-восточная—великороссами. Но сѣверо-восточная Русь населилась выходцами изъ юго-западной [1]). И если

---

[1]) «Надобно вслушаться въ названіе новыхъ суздальскихъ городовъ: Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ,—все это южно-русскія названія, которыя мелькаютъ чуть не на каждой страницѣ старой кіевской лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ въ южной Руси; однихъ Звенигородовъ было нѣсколько въ землѣ Кіевской и Галицкой. Имена кіевскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются въ Рязани, во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Извѣстна рѣчка Ирпень въ Кіевской землѣ, притокъ Днѣпра... Ирпенью называется и притокъ Клязьмы во Владимірскомъ уѣздѣ.

южно-руссы кіевскаго періода были малороссами, то процессъ возникновенія великорусской вѣтви русскаго народа есть не болѣе, какъ процессъ измѣненія малорусскихъ выходцевъ изъ южной Руси подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни на сѣверо-востокѣ великой Европейской равнины.

Есть другое объясненіе антагонизма между двумя частями Руси —гораздо болѣе глубокое. Его подсказываетъ намъ профессоръ Ключевскій: «Самая нелюбовь южанъ къ сѣверянамъ, такъ рѣзко проявившаяся уже въ XII в., первоначально имѣла, повидимому, не племенную или областную, а соціальную основу: она развилась изъ досады южно-русскихъ горожанъ и дружинниковъ на смердовъ и холоповъ, вырывавшихся изъ рукъ и уходившихъ на сѣверъ; тѣ платили, разумѣется, соотвѣтственными чувствами боярамъ и «лѣпшимъ» людямъ, какъ южнымъ, такъ и своимъ, залѣсскимъ» [1]).

Соображеніе это очень важно. Антагонизмъ между южной и сѣверной Русью выразился также въ антагонизмѣ между Мстиславомъ Храбрымъ и Андреемъ Боголюбскимъ. Извѣстно, что въ отвѣтъ на одно грозное требованіе Андрея Мстиславъ прогналъ съ безчестіемъ его посла, приказавъ остричь ему бороду и голову [2]). Но онъ поступилъ такъ не по племенной враждѣ, а по весьма опредѣленной политической причинѣ: «Мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви, — велѣлъ онъ передать Андрею, — но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ». Андрей, дѣйствительно, вздумалъ третировать южныхъ князей, какъ своихъ подручниковъ. Но онъ третировалъ такъ не однихъ южно-

---

Имя самого Кіева не было забыто въ Суздальской землѣ: село Кіево на Кіевскомъ оврагѣ знаютъ старинные акты XVI столѣтія въ Московскомъ уѣздѣ; Кіевка—притокъ Оки въ Калужскомъ уѣздѣ, село Кіевцы—близъ Алексина въ Тульской губ.». В. Ключевскій. Курсъ русской ист., ч.I, стр. 357—358. «По совершенно справедливому замѣчанію Ключевскаго, это перенесеніе южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальскій сѣверъ было дѣломъ переселенцевъ, приходившихъ сюда съ кіевскаго юга. Тотъ же ученый съ неменьшимъ основаніемъ говоритъ, что по городамъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки можно репетировать географію доброй доли Стараго Свѣта. Къ этому надо прибавить, однако, что въ Соед. Штатахъ чаще всего встрѣчаются названья *англійскихъ* городовъ, такъ какъ въ теченіе долгаго времени туда переселялись, главнымъ образомъ, англичане, процессъ возникновенія народа, называемаго иногда «*янки*», былъ лишь процессомъ возникновенія нѣкоторыхъ особенностей въ той части англійскаго племени, которая переселилась въ Сѣв. Америку.

[1]) Тамъ же, стр. 407—408.

[2]) Замѣчу мимоходомъ: это показываетъ, что великорусскій обычай ношенія бороды, впослѣдствіи совершенно чуждый малороссамъ, господствовалъ тогда и въ южной Руси, такъ что великоруссы остались хранителями стараго южно-русскаго обычая.

русскихъ князей. Не лучше обращался онъ въ Ростовской землѣ со своими братьями и племянниками. Кромѣ того, онъ очень тѣснилъ «переднихъ мужей» своего отца, т.-е. вліятельныхъ бояръ. Лѣтописецъ находитъ у него намѣреніе сдѣлаться «самовластцемъ» всей Суздальской земли. Это—опять чисто политическое намѣреніе. Поэтому не вполнѣ точно выражается проф. Ключевскій, говоря: «Въ лицѣ князя Андрея великороссъ впервые выступилъ на историческую сцену» [1]. Дѣло тутъ не въ томъ, что Андрей былъ великороссомъ, а въ томъ, что новыя условія въ которыя поставлена была княжеская власть на сѣверо-востокѣ, дали ей возможность обнаружить нѣкоторыя свои стремленія съ такой силой, какой мы еще не видимъ у князей на югѣ.

Мы уже знаемъ, что борьба съ кочевниками, увеличивая власть князя, какъ военнаго сторожа русской земли, вмѣстѣ съ тѣмъ замедляла экономическое развитіе Руси, чѣмъ мѣшала возникновенію въ ней,—за исключеніемъ Волыни и Галиціи,—вліятельнаго боярства, способнаго выставить опредѣленныя политическія требованія и, въ случаѣ надобности, поддержать ихъ силой. Тѣ условія, въ которыхъ очутилось русское населеніе, перебравшееся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, еще болѣе усиливали эти «европейскіе недочеты въ русской исторической жизни» и тѣмъ содѣйствовали постепенному сближенію русскаго общественнаго быта и строя съ бытомъ и строемъ великихъ восточныхъ деспотій.

XI

Какія же это условія? Начнемъ съ экономики сѣверо-восточной Руси.

По мнѣнію проф. Ключевскаго, принятому значительнымъ числомъ современныхъ изслѣдователей, внѣшняя торговля была главной пружиной народнаго хозяйства въ Кіевской Руси, между тѣмъ какъ сѣверо-восточная Русь занялась преимущественно земледѣліемъ [2]. Но чѣмъ же торговала Кіевская Русь?

Она торговала сырьемъ. Какъ добывалось это сырье, и какова была его природа? «Это была дань натурой, собранная княземъ и его дружиной во время зимняго объѣзда, произведенія лѣсныхъ промысловъ: мѣха, медъ, воскъ. Къ этимъ товарамъ присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины» [3]. Это до-

1) Ключевскій. Курсъ, ч. I стр. 403.
2) Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 382—383.
3) Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 184.

статочно характерно. Необходимость торговли опредѣлилась общественной функціей князя при данныхъ экономическихъ условіяхъ: «зимою онъ правилъ, ходилъ по людямъ, побирался, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собиралъ въ продолженіе зимы» [1]. Значитъ ли это, что торговля была главной пружиной хозяйственной дѣятельности русскаго населенія? Нѣтъ. Это значитъ лишь то, что торговля доставляла средства существованія для князя и его дружины. Да и эти средства она доставляла путемъ обращенія въ товаръ продуктовъ лѣсныхъ промысловъ и охоты. Потому-то В. А. Келтуяла и называетъ русское государство того времени «охотничье-торговымъ». Но для того, чтобы мы имѣли право называть его такъ, нужно было бы, во-первыхъ, чтобы охота и лѣсные промыслы составляли преобладающую отрасль народнаго хозяйства; во-вторыхъ, чтобы большая часть продуктовъ, доставляемыхъ охотой и лѣсными промыслами, обращалась въ товары. Но ни того, ни другого условія не было тогда налицо.

Что касается перваго условія, то мы уже видѣли, какъ сильно ошибся В. А. Келтуяла,—вѣрнѣе будетъ, пожалуй, сказать: какъ сильно ошиблись тѣ авторы, взглядъ которыхъ, преувеличивъ его, усвоилъ онъ себѣ,—объявивъ охоту главной отраслью народнохозяйственной дѣятельности въ Кіевской Руси. А насчетъ второго условія замѣтимъ, что едва ли возможно такое общество, которое тратило бы большую часть ежегоднаго продукта своего труда на свое управленіе и самозащиту. Конечно, ходя «по людямъ», князья старались отобрать у нихъ все, что только можно было отобрать. Церемонностью въ этомъ отношеніи они не отличались, какъ показываетъ примѣръ Игоря, котораго древляне не безъ основанія сравнивали съ волкомъ. Но какъ ни жадны были эти военные сторожа русской земли, на ихъ долю шла только часть того ежегоднаго продукта, который народъ создавалъ своимъ трудомъ. И, какъ сказано, не наибольшая часть. Это видно изъ того, что князьямъ доставались, преимущественно, продукты лѣсныхъ промысловъ и охоты, между тѣмъ какъ главнымъ народнымъ занятіемъ было,—это доказано выше,—земледѣліе [2]. Вспомнимъ еще разъ ссору Ольги съ древлянами. Убѣждая жителей Коростеня покориться, она говоритъ имъ: «Вси ваши городи передашася мнѣ... и дѣлаютъ нива своя и землю свою». Она обращалась, какъ уже отмѣчено выше, къ земледѣльцамъ. Но когда эти земледѣльцы рѣшились покориться, они сказали ей: «Что хочеши у

---

[1]) Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 185.
[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 37.

насъ? Ради даемъ и медомъ и скорою» [1]). Это значитъ, что, занимаясь главнымъ образомъ земледѣліемъ, русскія племена того времени уплачивали дань продуктами своихъ подсобныхъ промысловъ. Вотъ эти-то продукты и вывозились князьями на продажу [2]). Ихъ превращеніе въ товары точно такъ же не дѣлало торговли главной пружиной русскаго народнаго хозяйства, какъ затрата на ихъ добываніе извѣстной части народнаго труда не дѣлала охоты другой главной пружиной этого хозяйства. Можно спросить, разумѣется: почему же князья брали дань «скорою», а не хлѣбомъ? Отвѣтъ заключается въ томъ самомъ обстоятельствѣ, что князьямъ нужно было продавать собираемую ими дань или обмѣнивать ее на другіе товары. Продать можно было только то, что спрашивалось на рынкѣ. Въ «Грѣкахъ» легко можно было продать мѣха и другіе подобные продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, служившіе предметами роскоши; но въ привозномъ хлѣбѣ врядъ ли нуждались «Грѣкы»: жители Балканскаго полуострова сами занимались тогда, какъ занимаются до сихъ поръ, главнымъ образомъ, земледѣліемъ [3]). Вообще, наши изслѣдователи какъ-будто забыли, что только капитализмъ сдѣлалъ предметами всемірной торговли продукты, служащіе для массоваго потребленія, тогда какъ до него въ торговлѣ обращались преимущественно предметы роскоши [4]). И когда Ключевскій говоритъ, что большинство нашихъ древнихъ крупныхъ городовъ (Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ) вытянулось цѣпью по линіи, «образовавшей операціонный базисъ русской промышленности» [5]),—т. е. по пути «Изъ Варягъ въ Грѣкы»,—то онъ

[1]) Къ тому же, при господствѣ натуральнаго хозяйства крайне трудно, а вѣрнѣе сказать, совсѣмъ невозможно обобрать производителя такъ «чисто», какъ удается сдѣлать это навысшихъ ступеняхъ экономическаго развитія. Въ Кіевской Руси экономически немыслимы были бы финансовые кудесники нашихъ дней. Всякому овощу свое время. Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, «законъ экономическаго развития» заключается въ томъ, что все болѣе и болѣе возрастаетъ та доля, которую берутъ у народа его «сторожа» и эксплуататоры.

[2]) «Дань, шедшая кіевскому князю съ дружиной, питала внѣшнюю торговлю Руси» Ключевскій. Курсъ, ч. I, стр. 186.

[3]) Завоеваніе арабами Египта и Сиріи, откуда доставлялся хлѣбъ на константинопольскій рынокъ, даже содѣйствовало развитію земледѣлія на Балканскомъ полуостровѣ (см. Pierre Grenier, L'empire Byzantin, son èvolution sociale et politque, t. I стр. 160). Вѣрнѣе, пожалуй, предположить, что завоеваніе арабами Египта и Сиріи усилило не замледѣліе на Балканскомъ полуостровѣ, а только вывозъ его продуктовъ на рынокъ, прежде удовлетворявшійся сирійскими и египетскими продуктами.

[4]) Впрочемъ, понятія нашихъ изслѣдователей о капитализмѣ довольно своеобразны. В. О. Ключевскій отождествлялъ капиталъ со «средствами для работы» (см «Боярская Дума древней Руси», стр. 10).

[5]) «Боярская Дума», стр. 22.

смѣшиваетъ понятіе промышленности съ понятіемъ торговли, для чего вовсе нѣтъ, однако, достаточнаго основанія. По указанной линіи направлялись только предметы, которые были обращаемы въ товары и на добываніе которыхъ затрачивалась совсѣмъ не бо́льшая, а лишь меньшая часть народнаго труда. Направлялось сырье, доставляемое охотой и лѣсными промыслами. И если мы сравнимъ направлявшуюся по этой линіи торговлю указанными предметами съ тою торговлей, которую вели торговые города тогдашняго Запада, то немедленно и ясно увидимъ, въ чемъ заключался «европейскій недочетъ въ русской исторической жизни»: «промышленность» крупныхъ городовъ Западной Европы отнюдь не ограничивалась торговлей тѣми продуктами, которые доставлялись охотой и лѣсными промыслами; она была промышленностью въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. ремесленной, а потомъ мануфактурной промышленностью. Наличность такой промышленности вводила новый и чрезвычайно важный элементъ въ общественную жизнь Запада [1]).

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ та,—сильно смахивающая на разбойничью, — торговля «скорою», которую вели наши князья и ихъ «подвижные» дружинники, могла вызвать къ жизни крупные городскіе центры? Этотъ вопросъ навсегда остался бы неразрѣшимымъ, если бы въ сочиненіяхъ нашихъ историковъ не находилось данныхъ, совершенно достаточныхъ для его рѣшенія въ смыслѣ, прямо противоположномъ мнѣнію тѣхъ же самыхъ историковъ. Возьмемъ опять покойнаго Ключевскаго, какъ наиболѣе талантливаго между ними. Отъ него мы слышимъ, что рѣкою Волховомъ Новгородъ дѣлился на двѣ стороны: правая называлась Торговой, а лѣвая—Софійской. Торговая сторона состояла изъ двухъ концовъ: Плотницкаго и Славенскаго; Софійская—дѣлилась на три конца: Неревскій, Загородскій и Гончарскій. Это, конечно, не ново, но вотъ что важно. «Названія концовъ Гончарскаго и Плотницкаго указываютъ, по мнѣнію В. Ключевскаго, на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались концы Новгорода. Недаромъ кіевляне въ XI в. бранили новгородцевъ презри-

[1]) Вернеръ Зомбартъ опредѣляетъ разбойничью торговлю (Raubhandel), какъ торговлю, при которой продавцы не производятъ сами своихъ продуктовъ и не покупаютъ ихъ, а берутъ ихъ силой (Der Moperne Kapitalismus, erster Band, S. 163). Нельзя не признать, что торговля, которую вели русскіе князья и ихъ дружинники кіевскаго періода, имѣла очень много общаго съ такой разбойничьей торговлей. О промышлености итальянскихъ средневѣковыхъ городовъ дастъ понятіе интересная работа Ромолло д'Айано, «Der Venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelaters», Stuttgart 1893.

тельной кличкой плотниковъ» [1]). Полезно прибавить, что Гончарскій конецъ назывался также Людинымъ: это позволяетъ предположить, что названія другихъ концовъ: «Неревскій», «Славенскій» и «Загородскій» отнюдь не исключали ремесленнаго характера ихъ населенія. Такъ, напримѣръ, Славенскій конецъ получилъ свое названіе отъ вошедшей въ составъ Новгорода древней слободы Славна. Возможно, что жители этой слободы тоже занимались тѣмъ или другимъ ремесломъ, хотя, вѣроятно, и не въ такой степени, какъ жители поселка Людина, который стали предпочтительно называть Гончарскимъ концомъ, и того поселка, который стали предпочтительно низывать Плотницкимъ. Какъ бы тамъ ни было, мы съ удивленіемъ видимъ, что въ «охотничье-торговомъ» быту, сложившемся на восточно-европейской равнинѣ въ теченіе кіевскаго періода, была болѣе или менѣе распространена ремесленная дѣятельность. А разъ тамъ была распространена такая дѣятельность, то ясно, что и торговали тамъ не только «медомъ и скорой», т. е. не только продуктами охоты и лѣсныхъ промысловъ, а также продуктами ремесленнаго труда. Наличностью такого труда уже въ значительной степени объясняется наличность крупныхъ городскихъ центровъ. Далѣе. Чѣмъ больше развивался такой трудъ, тѣмъ больше росла та общественная сила, которая могла ограничить власть князя. И мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что эта власть была слабѣе всего, именно, въ «торговыхъ» городахъ кіевскаго періода. Наконецъ, если эти города торговали не только «медомъ и скорой»; если въ нихъ создавались продукты ремесленнаго труда, то спрашивается: куда же они сбывались? Если бы они вывозились за границу, въ Византію или въ западныя страны, то это значило бы, что русскіе ремесленники опередили византійскихъ и западно-европейскихъ. Но въ томъ-то и дѣло, что за границу вывозились «медъ и скора», т. е. уже знакомые намъ продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, между тѣмъ какъ оттуда ввозились въ русскую землю ремесленные и мануфактурные продукты [2]). А это значитъ, что русскіе ремесленники уступали заграничнымъ. Въ этомъ заключался

[1]) Курсъ, ч. II, стр. 66.

[2]) Такъ и понимали это люди того періода. Лѣтописецъ вкладываетъ въ уста Святослава слѣдующія разсужденія о преимуществахъ Переяславца на Дунаѣ: «Яко ту вся благая сходяться: отъ грѣкъ паволокы, золото, вино и овощи разноличныя (т.-е., вѣроятно, южные плоды. *Г. П.*), и изъ Чеховъ, и изъ Угоръ серебро и комени, изъ Руси же скора и воскъ медъ и челядь» (Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 44). Главными предметами русскаго вывоза были невольники, мѣха, воскъ и медъ,—не только въ Византію, но и вообще во всѣхъ направленіяхъ русской торговли. «Мѣха, воскъ и медъ были самымъ цѣннымъ изъ того, что производили земли кіевскаго государства». (М. Грушевскій. Кіевская Русь, т. I, стр. 33). Вотъ это послѣднее обстоятельство убѣдило нѣкоторыхъ изслѣдователей, что охота была главной отраслью русской «про-

одинъ изъ важнѣйшихъ «европейскихъ недочетовъ» тогдашней русской жизни.

Но насъ интересуетъ здѣсь другой вопросъ. Если издѣлія русскихъ ремесленниковъ не вывозились за границу, то ясно, что они сбывались на внутреннемъ рынкѣ. Господство натуральнаго хозяйства не устраняло нужды русскаго земледѣльческаго населенія въ нѣкоторыхъ издѣліяхъ «ремесленныхъ слободъ». Такимъ образомъ открывался путь для развитія на Руси средняго сословія. Впрочемъ я уже отмѣтилъ выше то неблагопріятное для этого развитія обстоятельство, что торгово-ремесленные элементы соединялись въ крупные городскіе центры не въ предѣлахъ тѣхъ русскихъ земель, которымъ принадлежала гегемонія въ процессѣ русскаго политическаго развитія, а за этими предѣлами. Благодаря этому, какъ ясно видѣлъ еще Пушкинъ, указанные торгово-ремесленные элементы не выступали на исторической аренѣ въ видѣ силы, которая непосредственно вліяла бы на общественно-политическій строй княжествъ-гегемоновъ. Не играя роли во внутренней исторіи этихъ княжествъ, они не ограничивали власти князя и его дружины. Напротивъ, они даже увеличивали ее, поскольку ихъ борьба съ княжествами-гегемонами увеличивала потребность этихъ послѣднихъ въ военной силѣ. Общественно-политическій строй княжествъ-гегемоновъ складывался, такимъ образомъ, подъ вліяніями менѣе благопріятными, чѣмъ это было на Западѣ, для «третьяго сословія». Усиленіе Москвы привело, наконецъ, къ тому, что великіе князья совершенно подчинили себѣ наши сѣверо-западные торговые города и положили предѣлъ ихъ торгово-промышленному развитію. Это не устранило, конечно, нужды земледѣльческаго населенія въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ ремесленнаго труда. Но, какъ увидимъ ниже, значительная часть производителей, удовлетворявшихъ этой потребности, должна была жить и дѣйствовать въ совершенно иной соціально-политической обстановкѣ.

XII.

А какъ складывалась эта новая обстановка? Съ ея экономической стороны наши изслѣдователи чаще всего характеризуютъ

мышленности» кіевскаго періода. Однако, повторяю, оно показываетъ только то, что при тогдашнемъ господствѣ натуральнаго хозяйства продукты главной отрасли народнаго труда, земледѣлія, еще не входили или мало входили въ торговый оборотъ, главными же предметами котораго являлись продукты подсобныхъ промысловъ: охоты, пчеловодства и т. п.

ее упадкомъ торговли, которая прежде составляла будто бы главную пружину русской хозяйственной жизни. «Въ верхне-волжской Руси, слишкомъ удаленной отъ приморскихъ рынковъ, внѣшняя торговля не могла стать главной движущей силой народнаго хозяйства,—говоритъ Ключевскій.—Вотъ почему здѣсь видимъ въ XV—XVI вв. сравнительно незначительное количество городовъ, да и въ тѣхъ значительная часть населенія занималась хлѣбопашествомъ» [1]. Это утвержденіе талантливаго историка опять требуетъ критическаго анализа. Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ опредѣляетъ разницу княжескаго хозяйства въ днѣпровской Руси, съ одной стороны, и въ верхне-волжской—съ другой. «Тамъ главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебныя и другія пошлины. Въ лѣтописяхъ XII и XIII вв. находимъ указанія на дворцовыя княжескія земли... Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимыя дворцовыя имущества не были значительны, не могли стать главнымъ основаніемъ княжескаго хозяйства. Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ получалъ какъ правитель и военный сторожъ земли, а не какъ личный собственникъ—хозяинъ. Дворецъ еще не былъ такимъ могущественнымъ центромъ управленія, какимъ онъ сталъ потомъ въ удѣльныхъ княжествахъ на верхне-волжскомъ сѣверѣ, гдѣ дворцово-хозяйственная администрація слилась съ центральнымъ управленіемъ, поглотила его» [2].

Тутъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее. Если свой дворъ, свою дружину князь содержалъ не доходами съ недвижимыхъ дворцовыхъ имуществъ, а тѣмъ, что получалъ, какъ правитель и военный сторожъ земли, и если, въ качествѣ такого правителя, онъ бралъ у населенія, какъ мы знаемъ, главнымъ образомъ, продукты охоты и лѣсныхъ промысловъ, то выходитъ, что этими продуктами и покрывались, въ своей главной части, расходы, вызываемые такой важной общественно-политической функціей, какъ управленіе и защита страны отъ внѣшнихъ нападеній. Съ перенесеніемъ же центра тяжести русской политической жизни на верхнюю Волгу, расходы по выполненію этой функціи стали покрываться земледѣліемъ. Прогрессъ это, или регрессъ? Вообще говоря, это — несомнѣннѣйшій шагъ впередъ. Земледѣльческій трудъ много производительнѣе охотничьяго. А чѣмъ производительнѣе та отрасль народнаго труда, продуктами которой покрывается извѣстная общественная функція, тѣмъ, конечно, выгоднѣе

1) Курсъ, ч. I. стр. 382—383.
2) „Боярская Дума“, стр. 59.

это, при прочихъ равныхъ условіяхъ, для народа. Надо замѣтить, однако, что, при переселеніи на сѣверо-востокъ, далеко не всѣ прочія условія остались равными.

Начнемъ съ почвы. На сѣверо-востокѣ она была далеко не такъ плодородна, какъ на юго-западѣ. Проф. Ключевскій очень хорошо говоритъ, что переселившіеся на сѣверо-востокъ южноруссы въ теченіе цѣлыхъ поколѣній должны были «подсѣкать и жечь лѣсъ, работать сохою и возить навозъ, чтобы создать на верхне-волжскомъ суглинкѣ пригодную почву для прочнаго осѣдлаго земледѣлія» [1]). Стало быть, новыя географическія условія сдѣлали земледѣльческій трудъ,—ставшій теперь главною основой княжескаго хозяйства, — менѣе производительнымъ, нежели онъ былъ прежде. А этотъ менѣе производительный земледѣльческій трудъ долженъ былъ покрывать, между прочимъ, и расходы по выполненію той общественной функціи, которая прежде покрывалась побочными, второстепенными отраслями народнаго труда. Другими словами: бо́льшая, чѣмъ прежде, часть прибавочнаго труда земледѣльца должна была отбираться отъ него для покрытія государственныхъ расходовъ [2]). Или еще иначе: новыя географическія условія вынудили государство предъявлять земледѣльцу требованія болѣе тяжелыя, нежели тѣ, которыя оно предъявляло ему въ южной Руси. А чтобы обезпечить себѣ исполненіе этихъ требованій, ему нужно было увеличить размѣры своей непосредственной власти надъ сельскимъ населеніемъ. Исторія этого населенія въ бассейнѣ Волги есть процессъ постепеннаго закрѣпощенія его государствомъ.

Правда, процессъ этотъ на первыхъ порахъ почти не замѣтенъ [3]). Въ Суздальской Руси первоначально положеніе крестьянина было, вообще говоря, лучше, нежели въ кіевской. «По актамъ XV вѣка», — говоритъ проф. Ключевскій, — видно, что здѣсь крестьянинъ-должникъ не только не превращался въ холопа за уходъ съ земли частнаго владѣльца безъ расплаты, но и послѣ

---

1) Боярская Дума, стр. 98.

2) Не слѣдуетъ думать, что князья и княжескія дружины кіевскаго періода питались «скорой и медомъ». Они тоже ѣли хлѣбъ и, вѣроятно, въ немаломъ количествѣ, если судить по ихъ аппетиту, воспѣтому былинами. Этотъ хлѣбъ доставлялся, конечно, земледѣльцами того періода.

3) Хотя въ этомъ направленіи принимаютъ нѣкоторыя, весьма недвусмысленныя, мѣры уже князья удѣльной эпохи. «Въ ихъ договорныхъ граматахъ постоянно встрѣчаемъ условіе не перезывать и не принимать другъ отъ друга людей, которые потягли къ соцкому, тяглыхъ или письменныхъ. Точно такъ же князья стали препятствовать и уходу своихъ тяглыхъ людей въ боярскія и монастырскія вотчины». Проф. М. Любавскій. Начало закрѣпощенія крестьянъ (въ юбилейномъ изданіи «Великая Реформа», т. 1, стр. 9).

ухода уплачивалъ свой долгъ съ разсрочкой и безъ процентовъ. Нужда въ рабочихъ рукахъ, вмѣстѣ съ невозможностью удержать ихъ насильственными средствами при общемъ броженіи, несомнѣнно, всего болѣе содѣйствовала такой льготной перемѣнѣ въ юридическомъ положеніи крестьянъ [1]. Оно и неудивительно. Мы уже видѣли, что антагонизмъ между сѣверо-восточною и юго-западной Русью, обнаружившійся еще задолго до татарскаго нашествія, вызывался, преимущественно, экономической причиной: южно-русскіе бояре и всѣ общественные слои, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ, недоброжелательно смотрѣли на представителей тѣхъ мѣстностей, въ которыя уходили отъ нихъ рабочія силы, между тѣмъ какъ эти послѣднія уносили съ собою не весьма отрадныя воспоминанія о своемъ старомъ мѣстожительствѣ. Почему же уходили онѣ на сѣверо-востокъ? Потому что смерды искали безопасности «отъ поганыхъ». Но также, а, можетъ быть, и главнымъ образомъ, еще и по другой причинѣ. Смерды искали «на новыхъ мѣстахъ» избавленія отъ той кабальной зависимости по отношенію къ верхнему классу, въ которую они все болѣе и болѣе попадали у себя на родинѣ. На первыхъ порахъ они, какъ сказано, дѣйствительно, нашли такую независимость.

Прибавлю мимоходомъ, что первымъ политическимъ слѣдствіемъ экономическаго положенія, созданнаго на сѣверо-востокѣ тѣмъ классовымъ антагонизмомъ, который первоначально возникъ на плодородной почвѣ юго-западной Руси, должно было явиться усиленіе княжеской власти. Смерды, бѣжавшіе на верхнюю Волгу отъ боярской эксплуатаціи, конечно, не были расположены становиться на сторону суздальскихъ, владимірскихъ и московскихъ бояръ въ ихъ столкновеніяхъ съ сѣверо-восточными «самовластцами». Напротивъ. Они должны были поддерживать самовластцевъ, надѣясь найти у нихъ помощь въ своей собственной борьбѣ съ крупными землевладѣльцами. И самовластцы очень хорошо умѣли использовать эту надежду, всегда оставаясь готовыми безстыдно обмануть ее при первой практической надобности.

А практическая надобность представилась очень скоро. Земледѣльческій трудъ сдѣлался теперь главной основной «княжескаго хозяйства». Однако, это хозяйство, какъ и все хозяйство тогдашней Руси, было н а т у р а л ь н ы м ъ. Князья частью сами хозяйничали на своихъ земляхъ, а частью раздавали ихъ своимъ служилымъ людямъ. Но дать землю служилому человѣку чаще всего значило дать ему извѣстное, болѣе или менѣе широкое, право распоряжаться трудомъ сидѣвшихъ на ней земледѣльцевъ: вѣдь

---

[1]) Боярская Дума, стр. 307.

служилый человѣкъ не самъ обрабатывалъ тѣ земельные участки, доходы съ которыхъ, обезпечивая его существованіе, давали ему возможность служить своему «государю» [1]). Опредѣленіе размѣровъ этого права на трудъ земледѣльца, сидѣвшаго на землѣ, пожалованной служилому человѣку, имѣло огромное практическое значеніе для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Служилый человѣкъ стремился раздвинуть эти предѣлы какъ можно шире, а земледѣлецъ, наоборотъ, пытался сузить ихъ до послѣдней степени возможности. Каждая сторона апеллировала къ князю. А для князя выгоднѣе всего было рѣшить спорный вопросъ такъ, чтобы, обезпечивъ себѣ всю полноту политической власти надъ служилымъ человѣкомъ, предоставить этому послѣднему всю широту возможной экономической эксплуатаціи земледѣльца. Въ этомъ смыслѣ вопросъ мало-по-малу и былъ рѣшенъ внутренней исторіей сѣверо-восточной Руси. Крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ явилась, между прочимъ, юридическимъ выраженіемъ этого, найденнаго исторіей, рѣшенія.

Однако, не будемъ забѣгать впередъ. На первыхъ порахъ до крѣпостной зависимости было еще далеко. На первыхъ порахъ землевладѣльцамъ и служилымъ людямъ Суздальской Руси можно было только мечтать, — если хватало дальновидности, — о томъ счастливомъ времени, когда крестьянину такъ же будетъ некуда податься на верхней Волгѣ, какъ некуда было податься на Днѣпрѣ. Это счастливое время не такъ уже долго заставило себя ждать. Въ междурѣчьѣ Оки и Волги, куда прежде всего направились выходцы изъ юго-западной Руси, населеніе все болѣе и болѣе сгущалось, такъ какъ ему было крайне затруднительно передвигаться дальше на востокъ и на сѣверъ. Это явленіе, сильно способствовавшее экономическому прогрессу мѣстности, не менѣе сильно упрочивало позицію землевладѣльцевъ и правительства по отношенію къ земледѣльцамъ. «Пока продолжалось насильственное скученіе населенія въ этомъ краю, тяглый людъ поневолѣ дѣлался болѣе усидчивымъ, облегчая устроительную работу мѣстныхъ правительствъ и землевладѣльцевъ» [2]). Но уже съ половины XV вѣка землевладѣльцы стараются добиться законодательнаго регулированія крестьянскихъ переходовъ. Отвѣтомъ на ихъ домогательства явился знаменитый, вошедшій даже въ посло-

---

[1]) Были, правда, и такіе служилые люди, которые сами работали на своихъ участкахъ. Такихъ служилыхъ людей мы встрѣчаемъ также и въ Литовской Руси. Но они вездѣ стояли на самой низшей ступени служебной лѣстницы и впослѣдствіи слились съ крестьянствомъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о нихъ.

[2]) Проф. Ключевскій, тамъ же, стр. 308.

вицу, Юрьевъ день. Проф. Ключевскій замѣчаетъ, что извѣстіе Герберштейна о шестидневной крестьянской барщинѣ преувеличено, «но самимъ преувеличеніемъ тягости ихъ положенія оно свидѣтельствуетъ, какую самоувѣренность пріобрѣлъ сѣверно-русскій землевладѣлецъ, и до какихъ значительныхъ размѣровъ достигла къ началу XVI вѣка его вотчинная власть надъ крестьянами, благодаря привилегіи. Это подтверждается и русскими свидѣтельствами того же времени» [1].

При всемъ томъ, Юрьевъ день только ограничилъ право крестьянскаго перехода, а не упразднилъ его. Да въ его упраздненіи и не было крайней надобности до тѣхъ поръ, пока продолжали существовать условія, препятствовавшія крестьянамъ покидать междурѣчье Оки и верхней Волги. Эти препятствія окончательно исчезли въ половинѣ XVI в. И тогда населеніе широкимъ потокомъ хлынуло изъ центральнаго междурѣчья на юго-востокъ, по Волгѣ, и на югъ, по Дону. Пустѣли не только деревни, но цѣлые города. По сильному выраженію проф. Ключевскаго, ходъ сельскаго хозяйства въ московской Руси «представлялъ, можно сказать, геометрическую прогрессію запустѣнія». Необходимо было остановить запустѣніе. И вотъ, уже въ серединѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ грамоты, которыя представляютъ посадскимъ волостнымъ людямъ «на пустыя мѣста дворовыя, на посадѣ и въ станѣхъ, и въ волостѣхъ, въ пустыя деревни и на пустоши, и на старыя селища хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежде того». Такъ предписывала поступать уставная Важская грамота въ 1552 году, т.-е. за 40 лѣтъ до того пока еще не найденнаго указа, который, по извѣстному предположенію, уничтожилъ свободу крестьянскаго перехода. Въ жалованныхъ грамотахъ Строганова, 1564—68 гг., запрещается принимать къ себѣ «тяглыхъ людей письменныхъ» и предписывается отсылать такихъ людей на прежнее мѣстожительство по требованію мѣстныхъ властей [2]. Приказывая возвращать «хрестьянъ изъ-за монастырей на старыя мѣста въ посадѣхъ и въ станѣхъ», государство охраняло свой собственный интересъ, но не слѣдуетъ думать, что оно забывало интересъ землевладѣльцевъ. Мы узнаемъ отъ И. Энгельмана, что «еще за 150 лѣтъ до общаго запрещенія крестьянскихъ переходовъ знаменитый Троицко-Сергіевъ монастырь получилъ при-

---

[1]) Боярская Дума, стр. 308.

[2]) М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московск. государствѣ (XVI—XVII вв.), стр. 6—7, въ XII вып. «Лѣтописей занятій археограф. комиссіи».

вилегію не отпускать своихъ крестьянъ» [1]). Безполезно разсказывать дальше исторію крестьянскаго закрѣпощенія. Достаточно повторить, во избѣжаніе недоразумѣній, что она была очень продолжительна: ея окончаніе относится къ петербургскому періоду. Екатерина Вторая распространила крѣпостное право на Малороссію, а Павелъ Первый на Новую Россію, «дабы единожды навсегда водворить въ помянутыхъ мѣстахъ по сей части порядокъ и утвердить въ вѣчность собственность каждаго владѣльца» [2]).

XIII.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію другой стороны того же процесса. Кому принадлежала та земля, къ которой прикрѣпляли крестьянъ?

Проф. Ключевскій утверждаетъ, что крестьяне XVI вѣка «по отношеніямъ своимъ къ землевладѣльцамъ были вольными и перехожими арендаторами чужой земли — государевой, церковной или служилой» [3]). Такъ какъ никто не арендуетъ своей собственной земли, то арендовать вообще можно только чужую землю. Но не въ томъ дѣло. Всегда ли крестьяне были арендаторами? Другой изслѣдователь, проф. Любавскій, полагаетъ, что «въ центральномъ Ростовско-Суздальскомъ районѣ Сѣверо-Восточной Руси» они являются въ качествѣ арендаторовъ уже въ XIV вѣкѣ [4]). Но и это еще не рѣшаетъ вопроса. Врядъ ли можно предположить, что уже съ самаго появленія своего въ этой мѣстности они обрабатывали чужую землю. Мы видѣли, что они переселялись сюда изъ юго-западной Руси, спасаясь отъ кабалы, въ которую загоняли ихъ тамъ неблагопріятныя условія жизни. Появленіе «смердовъ» предшествовало на сѣверо-востокѣ появленію тамъ болѣе или менѣе крупныхъ земледѣльцевъ. А если это такъ, то мы можемъ сказать, что земля, на которую они здѣсь садились, была «чужою» развѣ только въ томъ смыслѣ, что они, можетъ быть, и тогда уже называли ее «божьей». Но «божью» землю никто и никогда не стѣснялся присваивать себѣ, когда это было нужно и возможно. Значитъ, сѣверо-восточные крестьяне обрабатывали свою собственную «божью» землю прежде, чѣмъ увидѣли себя вынужденными взяться за обработку чужой земли. А отсюда слѣдуетъ, что со временемъ у нихъ было отнято право собственности на ихъ земли. Какъ произошла эта экспропріація земледѣльцевъ?

---

[1]) Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи, Москва, 1900, стр. 55. Благочестивые старцы не забывали, какъ видимъ, своихъ земныхъ интересовъ.

[2]) Энгельманъ, назв. соч., стр. 179.

[3]) Курсъ, ч. II, стр. 372.

[4]) Назв. статья въ сборникѣ «Великая реформа», т. I, стр. 7.

Двумя путями: во-первыхъ, «смердъ» въ Суздальской Руси нерѣдко, хотя на первыхъ порахъ и много рѣже, чѣмъ въ Кіевской,— попадалъ въ такія неблагопріятныя условія, которыя лишали его возможности вести самостоятельное хозяйство. Тогда онъ долженъ былъ искать помощи на сторонѣ. И если онъ находилъ ее у болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца, онъ становился «арендаторомъ чужой земли». Во-вторыхъ, удѣльные князья сѣверо-восточной Руси уже рано стали разсматривать земли, занятыя «смердами», какъ свою собственность. Пока въ ихъ княжествахъ оставалось много пустыхъ, никѣмъ незанятыхъ земель, этотъ взглядъ на крестьянскую землю, какъ на княжескую собственность, не имѣлъ тяжелыхъ для крестьянъ практическихъ послѣдствій. Но ростъ народонаселенія и захватъ земель служилыми людьми и духовенствомъ привели къ тому, что князья стали на дѣлѣ обращаться съ крестьянами, сидѣвшими на своей землѣ, какъ съ «арендаторами» земли государственной. Объединившая сѣверо-восточную Русь Москва дѣйствовала въ томъ же самомъ направленіи, со все болѣе возраставшей послѣдовательностью и со все болѣе входившею въ административные нравы жестокостью. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича выразило въ видѣ весьма опредѣленной юридической нормы то, что давно уже упрочилось практикой московскаго государства. Оно запретило тяглымъ людямъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ продавать и закладывать свою землю: «А кто черныя люди тѣ свои дворы продадутъ или заложатъ, и тѣхъ черныхъ людей за воровство бити кнутомъ». Проф. Ключевскій говоритъ: «Даже сидя на черныхъ земляхъ, не составлявшихъ ничьей собственности, крестьяне не считали этихъ земель своими. Про такія земли крестьянинъ XVI вѣка говорилъ: «Та земля великаго князя, а моего владѣнія»; «та земля Божья да государева, распаши и ржи наши». Итакъ, черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю отъ права пользованія ею [1]). Это логичный выводъ. Остается неизслѣдованнымъ лишь вопросъ о томъ, сколько батоговъ поломали на спинѣ крестьянина великокняжескіе слуги для того, чтобы поднять его на высоту такого «яснаго» отличенія.

Петербургъ не только не отказался отъ этой политики Москвы, но довелъ ее до самыхъ крайнихъ ея послѣдствій. Москва стремилась къ тому, чтобы з е м л я не выходила изъ «т я г л а». Этого ей удалось достигнуть. Но это не помѣшало существованію въ Московской Руси довольно значительнаго числа «гулящихъ людей», ухитрившихся избѣгать весьма и весьма сомнительнаго удо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 369.

вольствія числиться въ спискахъ «тяглецовъ», на которыхъ лежало все бремя государственныхъ повинностей и платежей. Петръ I поставилъ себѣ цѣлью добиться того, «чтобы никто не былъ въ избылыхъ». Эта цѣль была достигнута указомъ 1722 г. о введеніи подушной подати. «Если, какъ справедливо и давно уже замѣтила г-жа Ефименко, государство есть настоящій собственникъ тяглой земли, а не крестьянство,—естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждой душой возможность платить путемъ надѣленія ея землей» [1]. Въ теченіе всего XVIII вѣка петербургское правительство и стремилось обезпечить такую возможность за каждой душой. Знаменитыя межевыя инструкціи 1754 и 1766 гг. произвели, можно сказать, цѣлую революцію въ землевладѣніи крестьянъ и однодворцевъ, т. е. низшаго разряда служилыхъ людей, охранявшихъ нѣкогда московскія «украйны», но постепенно слившихся съ крестьянами. Мѣстами крестьяне ходатайствовали о «неотъемѣ отъ нихъ старинной ихъ владѣемой земли»; ихъ просьбы были оставляемы безъ послѣдствій. Мѣстами они, не ограничиваясь просьбами, сопротивлялись «отъему» у нихъ земли «многолюдственно, съ дубьемъ и дрекольемъ»; но ихъ сопротивленіе побѣждалось вооруженной силой солдатъ; бунтовщикамъ «чинилось нещадное батожьемъ наказаніе», и, въ концѣ концовъ, земля все-таки передѣлялась согласно видамъ петербургскаго правительства [2]. Такъ сложились мало-по-малу, путемъ медленнаго процесса обезземеленія крестьянина и длиннаго ряда жестокихъ нарушеній его правъ, знаменитые въ исторіи нашей общественной мысли аграрные «устои»

---

[1]) «Изслѣдованія народной жизни», вып. I, Москва 1884 г., стр. 362. Ср. также Кейслера «Zur Geschichte und Kritik des Gemeinde—Besitzes in Russland» I., стр. 106—107, п. III, стр. 33 и слѣд.

[2]) Одинъ изъ многихъ примѣровъ. «Іюня-де 14-го сего 774-го года при указѣ изъ Государственной Коллегіи Экономіи прислано для поселенія вѣдомства Экономическаго Воронежскаго уѣзда при селѣ Лѣвой Розсошѣ на оставшую за удовольствіемъ того села крестьянъ положенной пропорціи землю изъ Оболенскаго уѣзда крестьянъ 150 душъ, и велѣно онымъ крестьянамъ земли для пашни и другихъ угодій отвесть противъ тамошнихъ крестьянъ безъ всякаго недостатка». Крестьяне села Лѣвой Розсоши, «собравшись многолюдственно... кричали упорно, что они оныхъ Оболенскихъ крестьянъ къ поселенію не допустятъ, чего ради ...... посланъ былъ ...... капралъ Силуянъ Хрипуновъ, который того іюня 16-го репортомъ ...... объявилъ, что-де по пріѣздѣ его оные жъ села Лѣвой Розсоши экономическіе крестьяне, собрався съ дубьемъ и съ дрекольемъ, какъ онаго капрала Хрипунова, такъ и показанныхъ Оболенскихъ крестьянъ намѣрялись бить и къ поселенію не допускаютъ». Подлежащее начальство постановило: «просить отъ Воронежскаго господина губернатора и кавалера пристойной команды и при ней повелѣнное правленіемъ исполненіе учинить, а пущихъ ослушниковъ, дабы имъ впредь того чинить было неповадно, въ страхъ другимъ при вотчинѣ наказать батожьемъ». В. І. Якушкинъ. «Очерки по исторіи русской поземельной политики XVIII и XIX вв., приложеніе, стр. 101—106).

русской народной жизни. Представленіе о нихъ связывается обыкновенно съ представленіемъ о нашей сельской общинѣ. Но передѣлы земли между государственными крестьянами выходили далеко за границы отдѣльныхъ общинъ и, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, распространялись на все государство. «Постановка вопроса о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ на широкой государственной основѣ,—говоритъ В. І. Якушкинъ,—приводила къ тому, что за всякимъ крестьяниномъ, всякимъ лицомъ, состоящимъ въ крестьянствѣ, признавалось неотъемлемое право на поземельный надѣлъ: если выдавался случай, что кто-либо, состоя въ крестьянскомъ званіи, не имѣлъ «отведенныхъ имъ земель», то по этому поводу возбуждалось дѣло, наводились справки, дѣлались запросы.—Поземельный надѣлъ сталъ такимъ неотъемлемымъ правомъ казеннаго крестьянина, что въ одномъ именномъ указѣ прямо высказано: «каждому поселянину на каждую душу надлежащее число десятинъ годной пашенной земли, луговъ, лѣсовъ—полагается по государственнымъ учрежденіямъ» [1]).

Закрѣпощеніе крестьянъ государствомъ было дополнено системой земельныхъ передѣловъ, а система земельныхъ передѣловъ, въ свою очередь, завершила собою закрѣпощеніе крестьянъ государствомъ. «Смердъ», бѣжавшій съ юго-запада на сѣверо-востокъ и первоначально нашедшій тамъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое улучшеніе своей участи, мало-по-малу окончательно утратилъ тамъ и свою собственность на землю, и свою свободу. Наша пресловутая сельская община съ передѣлками означала не то, что земля принадлежала обществу крестьянъ, а то, что и земля, и крестьяне составляли собственность государства или помѣщика. Земельные передѣлы дополнялись круговой порукой и паспортной системой. По указу 19 мая 1769 г., старостъ и выборныхъ забирали, въ случаѣ неуплаты крестьянами подушной недоимки, подъ караулъ и употребляли въ тяжелыя работы «безъ платежа заработныхъ денегъ», вплоть до полной уплаты подати. А. П. Заблоцкій-Десятовскій справедливо назвалъ этотъ указъ жестокимъ и не менѣе справедливо опредѣлилъ его бытовое значеніе: «онъ уничтожилъ личную отвѣтственность плательщика за подать, ввелъ круговую поруку, обратилъ сельскія свободныя общины въ податныя единицы, а податной системѣ придавалъ значеніе постоянной контрибуціи» [2]).

[1]) «Очерки», стр. 168—169. Подробнѣе объ исторіи происхожденія нашихъ «устоевъ» см. въ моей, изданной подъ псевдонимомъ А. Волгина, книгѣ: «Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.)». С.-Петербургъ, 1896, стр. 101—121.

[2]) «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». Т. II, Спб. 1882, стр. 30. Послѣ всего сказаннаго выше ясно, однако, что и до указа 1769 г. общины государственныхъ крестьянъ могли быть названы «свободными» лишь cum grano salis.

Словомъ, это было полное торжество крѣпостничества въ отношеніяхъ между государствомъ и его главной рабочей силой—крестьяниномъ.

Но и на этомъ дѣло не остановилось. Система шла дальше, стремясь къ своему логическому концу. Наибольшей степени развитія достигла она, благодаря административному усердію и, если хотите, организаторскому таланту пресловутаго министра государственныхъ имуществъ гр. П. Д. Киселева.

«Вообразите крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца. Этотъ рабовладѣлецъ не кто иной, какъ само государство; графъ Киселевъ—это главный управляющій, министерство государственныхъ имуществъ—его вотчинная контора, а окружные начальники—бурмистры, дѣйствующіе на мѣстахъ. Ихъ дѣйствія подкрѣплялись зуботычинами, засадкой въ холодную, драньемъ и, сверхъ того, взиманіемъ «денежной молитвы» [1]).

XIV

Подневольный бытъ русскаго крестьянина сталъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на бытъ земледѣльца великихъ восточныхъ деспотій. Напрасно думалъ Н. А. Благовѣщенскій, что «ничего подобнаго никогда и нигдѣ не было и не могло быть, кромѣ Россіи». Нѣчто совершенно подобное существовало вездѣ, гдѣ крестьянинъ былъ закрѣпощенъ государствомъ: въ древнемъ Египтѣ, въ Халдеѣ, въ Китаѣ, въ Персіи, въ Индіи. Конечно, не вездѣ эти отношенія достигали одинаковой степени развитія. Больше всего они были, повидимому, развиты въ Китаѣ и въ Египтѣ. «Въ принципѣ, весь Египетъ составлялъ,—говоритъ А. Бушэ-Леклеркъ,—одно государево имѣніе, населенное крѣпостными, работавшими на государя и поддерживавшими свое существованіе тою частью его доходовъ, которую онъ представлялъ въ ихъ распоряженіе» [2]). Мы сейчасъ увидимъ, въ какомъ смыслѣ это положеніе представляется Бушэ-Леклерку только принципіальнымъ. Но и теперь уже умѣстно будетъ замѣтить, что въ Египтѣ отнятіе у земледѣльцевъ права собственности на землю подвинулось впередъ значительно дальше, нежели, напримѣръ, въ Халдеѣ. Въ этой послѣдней земля въ значительной степени продолжала оставаться собственностью кровныхъ союзовъ, и нерѣдко случалось, что когда государь хотѣлъ по своему распоряжаться частью земли, принадле-

---

[1]) Н. А. Благовѣщенскій. Четвертное право. М. 1899, стр. 134.

[2]) Histoire des Lagides, Tome troisième, Paris 1906, стр. 179

жавшей тому или другому изъ этихъ союзовъ, то онъ покупалъ ее у нихъ [1]). Въ древнемъ Египтѣ и въ Московской Руси государь совсѣмъ не считалъ себя обязаннымъ вознаграждать экспропріируемыхъ [2]). Въ Московскомъ государствѣ такъ было, по крайней мѣрѣ, со временъ Грознаго. Что касается Китая, то тамъ, какъ это показываетъ изслѣдованіе Захарова, установилась приблизительно за тысячу лѣтъ до Рождества Христова такая система: тяглый крестьянинъ сидѣлъ на землѣ, которая принадлежала государству и отчасти непосредственно воздѣлывалась имъ для того же государства, а всѣ служилые люди получали вознагражденіе землею. Въ продолженіе болѣе, чѣмъ тысяча лѣтъ, вся внутренняя исторія Китая совпадала, по выраженію Элизэ Реклю, съ исторіей землевладѣнія, а эта послѣдняя, въ свою очередь, сводилась къ борьбѣ за землю между различными классами китайскаго общества. Служилые люди стремились обратить въ наслѣдственную собственность тѣ участки, которые отводились въ ихъ пользованіе, государство же, опираясь на нуждавшуюся въ землѣ и жадно стремившуюся къ ней крестьянскую массу, противодѣйствовало этому стремленію съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Когда китайское правительство вновь получало практическую возможность распоряжаться въ интересахъ государства тѣми землями, которыя были на болѣе или менѣе продолжительное время присвоены себѣ служилыми людьми, совершался настоящій «черный передѣлъ», могущій, при недостаточной освѣдомленности, представиться чѣмъ-то похожимъ на соціалистическую революцію [1]). Но на самомъ дѣлѣ, такіе перевороты прямо противоположны соціализму по своей природѣ: соціализмъ означаетъ господство производителя надъ средствами производства. А здѣсь самъ произво-

---

[1]) См. La propriété foncière en Chaldée d'après les pierres limites (Kandourrous) du Musée du Louvre par E d o u a r d C u q, professeur à la faculté de droit de l'université de Paris. Paris 1907, стр. 720, 728 и др.

[2]) Одинъ изъ такихъ переворотовъ, совершившійся въ 1069 г. нашей эры, Элизе Реклю наивно описалъ, какъ попытку «китайскихъ соціалистовъ» осуществить свои идеи. «Достаточно было перемѣны царствованія,—назидательно прибавляетъ Реклю,— чтобы низвергнуть новый режимъ, который такъ же мало соотвѣтствовалъ желаніямъ народа, какъ и стремленіямъ высокопоставленныхъ лицъ, и который къ тому же создалъ цѣлый классъ инквизиторовъ, сдѣлавшихся настоящими землевладѣльцами» (Nouvelle géographie, tome VII, p. 77). Это, не лишенное нѣкотораго злорадства назидательное замѣчаніе объясняется тѣмъ, что Реклю въ качествѣ анархиста (правда, совершенно платоническаго) терпѣть не могъ «государственныхъ соціалистовъ», къ которымъ онъ совсѣмъ неосновательно приравнялъ китайскаго министра Ванъ-Ганъ-Че, совершившаго въ Китаѣ „черный передѣлъ“ 1069 г.. На самомъ дѣлѣ, скорое крушеніе въ Китаѣ мнимаго государственнаго соціализма означало не болѣе, какъ новое и скорое торжество служилыхъ людей, стремившихся вернуть себѣ отобранную у нихъ государствомъ землю.

дитель представляетъ собою собственность государства, его говорящее орудіе производства (instrumentum vocale). Ниже мы подробно разсмотримъ, какую вредную роль сыграло въ исторіи русской общественной мысли неправильное представленіе о родствѣ аграрной политики восточныхъ деспотій съ соціализмомъ Западной Европы.

XV.

Когда самъ крестьянинъ является принадлежащимъ государству средствомъ производства, тогда его нельзя наказать, лишивъ его части имущества или свободы: у него нѣтъ ни того, ни другой. Поэтому за свои проступки онъ расплачивается своею спиною. Если, какъ мы видѣли выше, система земельныхъ передѣловъ дополнялась у насъ паспортной системой и круговой порукой, то круговая порука, уничтожившая личную отвѣтственность плательщика передъ государствомъ, имѣла своимъ естественнымъ дополненіемъ «выколачиваніе податей». Государство выколачивало ихъ изъ общины въ лицѣ ея отвѣтственныхъ передъ нимъ представителей, а община—изъ своихъ неплательщиковъ. Основаніе этому было положено еще въ московскій періодъ.

«Взиманіе недоимокъ большею частью не ограничивалось однимъ сборомъ, а сопровождалось правежомъ, — говоритъ г. А. Лаппо-Данилевскій.—Правежъ производился двумя способами: или воевода посылалъ въ уѣздъ своихъ подчиненныхъ и поручалъ имъ доправить недоимки и взыскать съ плательщиковъ прогоны (иногда въ двойномъ количествѣ), «ѣздъ и кормъ», или крестьяне высылались для правежа въ городъ къ воеводѣ, который допрашивалъ съ нихъ прогоны вдвое, иногда конфисковалъ ихъ «животы», лавки, заводы и промыслы, а ихъ владѣльцевъ билъ батогами нещадно, чтобы «инымъ сошнымъ людямъ впредь воровать было неповадно», правилъ съ нихъ подати весь день до вечера, а на ночь «металъ» ихъ въ тюрьму» [1]).

На почвѣ такихъ отношеній возникали своеобразные нравы, главная отличительная черта которыхъ заключалась въ томъ, что порабощенный государствомъ крестьянинъ иногда избѣгалъ платить подати, даже и въ томъ случаѣ, если не вполнѣ былъ лишенъ матеріальной возможности сдѣлать это, предпочитая расплату спиною расплатѣ трудомъ, продуктами или деньгами. Некрасовскій «свято-русскій богатырь» Савелій («Кому на Руси жить хо-

---

[1]) А. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Спб. 1890, стр. 341—342.

рошо») — типичный представитель такихъ нравовъ. Читателю, который захотѣлъ бы лишній разъ убѣдиться въ томъ, что одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія, можно указать для сравненія на изслѣдованіе Уилькинсона «Manners and Customs of ancient Egyptians», во второмъ томѣ котораго есть поучительная глава: «The bastinado», т. е., наказаніе палками, «батожьемъ». Вся разница тутъ лишь въ томъ, что у древнихъ египтянъ на батоги употреблялось дерево другой породы, преимущественно—пальма [1]).

Соловьевъ былъ совершенно правъ, говоря, что исторія Россіи есть исторія колонизующейся страны. Но дѣло не только въ томъ, что Россія была *колонизующейся* страной. Дѣло еще, во-первыхъ, въ томъ, что колонизація совершалась,—какъ на это указалъ, впрочемъ, и Соловьевъ,—при постоянномъ и сильномъ натискѣ со стороны кочевниковъ, а во-вторыхъ, въ томъ, что хозяйство русскаго племени, колонизовавшаго восточную равнину Европы, было натуральнымъ хозяйствомъ. Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ тоже была исторіей колонизующейся страны. Но тамъ колонизація совершалась при совсѣмъ другихъ экономическихъ условіяхъ и при совсѣмъ другихъ международныхъ отношеніяхъ. Поэтому тамъ она дала совершенно другіе соціально-политическіе результаты.

Я уже предупреждалъ читателя на счетъ того, что не слѣдуетъ преувеличивать роль торговли въ экономической жизни кіевскаго періода. Въ товары и тогда обращалась лишь небольшая часть ежегоднаго продукта народнаго труда, при чемъ часть эта доставлялась не столько земледѣліемъ, сколько второстепенными, подсобными промыслами. Но съ перенесеніемъ центра тяжести исторической жизни въ междурѣчье Оки и Волги, торговля,—по крайней мѣрѣ *внѣшняя*,—стала играть еще меньшую роль. Тогда расходы, вызываемые управленіемъ страны и ея защитой, стали покрываться, какъ мы уже знаемъ, преимущественно земледѣльческимъ, а не охотничьимъ трудомъ населенія. Причина этого коренится въ новыхъ географическихъ условіяхъ. Посылка продуктовъ охоты и лѣсныхъ промысловъ изъ Суздальской Руси «въ Грѣкы» и на европейскій Западъ была очень затруднительна. Сбывать же «скору и воскъ» инородцамъ, между которыми водворялись на новыхъ мѣстахъ переселенцы изъ юго-западной Руси, было совершенно невозможно уже по одному тому, что у

---

1) Также интересную брошюру *Масперо*: «Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique», Paris 1872, гдѣ описывается выбиваніе недоимокъ съ помощью пальмовыхъ розогъ. Палачами при этой фискальной операціи служили обыкновенно негры.

нихъ и скоры, и воску, и меду было, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ у самихъ переселенцевъ. Но если расходы по управленію страною и по ея самооборонѣ больше не могли покрываться продажей продуктовъ охоты и лѣсныхъ промысловъ; если эти важныя функціи общественной жизни должны были почти исключительно опереться на земледѣліе; если, стремясь обезпечить ихъ исполненіе, государство, какъ мы видѣли, вынуждено было постепенно ограничивать свободу земледѣльца, а въ концѣ концовъ, и совершенно закрѣпостить его, и если этотъ постепенный процессъ утраты крестьяниномъ своей свободы открывалъ все больше и больше простора для эксплуатаціи и угнетенія его служилыми людьми, то, съ другой стороны, тѣ же географическія условія, при которыхъ совершалась колонизація сѣверо-восточной Руси, были неблагопріятны для роста силы его сопротивленія угнетателямъ и эксплуататорамъ.

«На сѣверѣ поселенецъ посреди лѣсовъ и болотъ съ трудомъ отыскиваетъ сухое мѣсто, на которомъ можно было бы съ нѣкоторою безопасностью и удобствомъ поставить ногу, выстроить избу. Такія сухія мѣста, открытые пригорки, являлись рѣдкими островками среди моря лѣсовъ и болотъ. На такомъ островкѣ можно было поставить одинъ, два, много три крестьянскихъ двора. Вотъ почему деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора является господствующей формой разселенія въ сѣверной Россіи чуть не до конца XVII в.» [1]). Вполнѣ понятно, что сила сопротивленія подобной деревни очень невелика. Чтобы обезопасить себя отъ внѣшнихъ нападеній,—напримѣръ, отъ набѣговъ тѣхъ же кочевниковъ, которые и на сѣверо-востокѣ не оставляли въ покоѣ русскаго земледѣльца,—обитатели подобной деревни будутъ расположены поддерживать всѣми зависящими отъ нихъ средствами усиленіе центральной власти, сосредоточивающей въ своихъ рукахъ оборону страны, и расширеніе подчиненной ей территоріи: чѣмъ больше такая территорія, тѣмъ больше людей можетъ быть привлечено къ дѣлу ея обороны. И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что сѣверо-восточные русскіе крестьяне охотно способствуютъ увеличенію княжеской власти и расширенію государственной территоріи. Знаменитое «собираніе Руси» великими московскими князьями могло итти такъ успѣшно только потому, что «собирательная» политика пользовалась горячимъ сочувствіемъ со стороны народа. Но въ то же самое время сѣверо-восточные русскіе земледѣльцы, разсѣянные въ лѣсной глуши и разбитые на крошечные поселки, были безсильны противъ притязаній и злоупотребленій этой, ихъ же

[1]) «Курсъ русской исторіи», проф. В. Ключевскаго, ч. I, Москва 1908, стр. 383.

нуждами и ихъ же сочувствіемъ укрѣплявшейся, центральной власти: крошечная деревенька въ два-три двора могла оказывать только пассивное сопротивленіе московскимъ посягательствамъ на ея свободу, а всѣ остальныя деревеньки были слишкомъ разобщены съ нею, чтобы поддержать ее въ роковую для нея минуту; напротивъ, онѣ же и дали бы Москвѣ средства для борьбы съ «воровствомъ» непокорныхъ поселковъ. Если, по замѣчанію Энгельса, деревенскія общины всюду, отъ Индіи до Россіи, служили экономической основой деспотизма, то одна изъ самыхъ главныхъ причинъ этого явленія лежитъ въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, исключающихъ экономическое раздѣленіе труда и разбивающихъ все земледѣльческое населеніе обширнаго государства на небольшія группы, не нуждающіяся одна въ другой, а потому и равнодушныя другъ къ другу, именно, въ силу полнаго тождества ихъ экономическаго и общественнаго положенія [1]). Конечно, въ каждой изъ восточныхъ деспотій были свои особыя условія, ослаблявшія или усиливавшія дѣйствіе указанной причины. Къ числу причинъ, чрезвычайно усиливавшихъ ея дѣйствіе въ восточныхъ деспотіяхъ, надо отнести необходимость орошенія. «Каждая изъ многочисленныхъ восточныхъ деспотій знала очень хорошо, что она, прежде всего, является представительницей народа въ дѣлѣ орошенія рѣчныхъ долинъ, безъ чего тамъ было немыслимо и самое земледѣліе» [2]). Однако, не будемъ удаляться отъ Россіи.

XVI.

Мы знаемъ: положеніе русскаго крестьянина мало-по-малу сдѣлалось очень похожимъ на положеніе крестьянина любой изъ великихъ восточныхъ деспотій. Съ этой стороны Россія въ теченіе цѣлыхъ столѣтій все болѣе и болѣе удалялась отъ европейскаго

[1]) Къ этому надо прибавить уже хорошо знакомое намъ вліяніе кочевниковъ, которое теперь выражалось, между прочимъ, въ слѣдующемъ: «со времени татарскаго господства князья усилили владычество на землѣ и на живущихъ на ней, потому что должны были отвѣчать за исправность платежей, слѣдовавшихъ ханамъ съ земли и ея обитателей». «Промышленность древней Руси», Н. Аристова. Спб. 1866, стр. 49.

[2]) «Анти Дюрингъ», стр. 140. Орошеніе нужно было для всѣхъ, но ни одна группа жителей не принимала во вниманіе нуждъ другихъ группъ. Каждая считалась только со своимъ собственнымъ интересомъ. «Отсюда,—по словамъ Ж. Маспэро,—происходили постоянныя ссоры и драки. Чтобы заставить уважать права слабыхъ и чтобы организовать систему распредѣленія воды, необходимо было положить въ странѣ, по крайней мѣрѣ, начало той соціальной организаціи, которую она имѣла впослѣдствіи: Нилъ подсказалъ Египту его политическую конституцію точно такъ же, какъ онъ подсказалъ физическую конституцію его». Histoire ancienne des Peuples de l'Orient classique, Tome I, Paris 1895; p. 70.

Запада и сближалась съ Востокомъ. Но такъ какъ все общественно-политическое зданіе держалось въ земледѣльческой Россіи на широкой спинѣ крестьянства, то и положеніе служилаго класса не могло не пріобрѣсти въ ней очень замѣтнаго восточнаго оттѣнка.

Выше было указано, что отношенія между главою государства и служилымъ классомъ становятся болѣе опредѣленными лишь тогда и лишь тамъ, когда и гдѣ дружинники превращаются въ держателей земли. Процессъ этого превращенія сопровождается борьбою держателей земли съ государемъ. Держатели стремятся сдѣлать свои земли наслѣдственными; государь противится этому стремленію. Тамъ, гдѣ болѣе сильными оказываются держатели, они обезпечиваютъ себѣ наслѣдственность леновъ, и на этой соціальной основѣ расцвѣтаютъ политическія «учрежденія независимости». Такъ было, напримѣръ, во Франціи [1]); такъ было и въ Польшѣ, на которую я уже ссылался, говоря о Кіевской Руси.

Польское служилое сословіе быстро превращается въ привилегированное, заботливо ограждающее свою независимость отъ короля уже въ 1373 г. Кошицкая привилегія сдѣлала наслѣдственными всѣ имѣнія «милитовъ», гарантируя князю только два гроша съ лана въ годъ, въ видѣ подати съ такихъ имѣній, и военную службу, сообразно съ количествомъ находившейся въ нихъ земли. Червиньская привилегія 1422 г. установила, что король не имѣетъ права безъ суда конфисковать имущество шляхты, а привилегіи 1425, 1430 и 1433 гг. опредѣлили тѣ шесть случаевъ, за исключеніемъ которыхъ шляхтичъ, безъ суда, не можетъ быть лишенъ свободы. Нешавскіе статуты 1454 г. освободили шляхту отъ суда королевскихъ чиновниковъ и открыли ей доступъ къ законодательной власти: въ силу этихъ статутовъ, всякая мѣра, налагающая какое-нибудь обязательство на шляхту, должна была подлежать ея предварительному обсужденію. Наконецъ, конституція, извѣстная подъ именемъ конституціи «Nihil novi», провозгласила, что безъ согласія сейма король не можетъ ограничить личныя права шляхтичей. Съ этихъ поръ вся внутрен-

---

1) Le courant d'idées qui imposait à toute propriété, à toute fonction, à toute délégation d'autorité la forme féodale, la condition de fief héréditaire, finit par tout emporter. De l'ancien pouvoir exercé par le suzerain sur sa terre concédée, sur son bénéfice, il ne resta plus à l'époque capétienne, que certaines prérogatives et certains droits fixés par la coutume: une apparence de consentement à la transmission héréditaire, le droit plus ou moins contesté de reprendre le fief dans quelques cas déterminés; certains profits matériels; bref, une ombre de propriété». (Manuel des Institutions Françaises, période des capétiens directs, par Achille Luchaire, Paris 1892), p. 154. Напомню еще разъ, что Франція сдѣлалась классической страной западно-европейскаго феодализма.

няя исторія Польши была исторіей страны, въ которой безраздѣльно господствовало привилегированное сословіе земледѣльцевъ, оставившее королю одну только тѣнь политической власти.

Не то мы видимъ въ сѣверо-восточной Руси. Здѣшніе «милиты» выступаютъ сначала, какъ «вольные слуги» удѣльныхъ князей, а кончаютъ тѣмъ, что становятся «холопями» московскихъ великихъ князей и, подобно крестьянамъ, утрачиваютъ право свободнаго перехода. Уже въ половинѣ XVI столѣтія служилое сословіе оказывается совершенно закрѣпощеннымъ государству, и это его закрѣпощеніе,—можетъ быть еще больше, нежели закрѣпощеніе крестьянства, — уподобляетъ общественно-политическій строй московской Руси строю великихъ восточныхъ деспотій. Герберштейнъ, посѣтившій Россію въ 1517 г., т.-е. при Василіи Ивановичѣ, былъ пораженъ безпредѣльностью княжеской власти.

«Онъ имѣетъ власть, какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей; потому они даже называютъ его Божьимъ ключникомъ и постельникомъ, и, наконецъ, вѣрятъ, что онъ есть исполнитель воли Божіей. Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто-нибудь спрашиваетъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ,—обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь. Неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана-государя, или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ» [1]).

Надо думать, что если бы ожила мумія какого-нибудь «холопа» или дьяка,—scribe, какъ выражаются французскіе египто-

---

[1]) «Записки о Московіи». Спб. 1866, ср. 28. Стр. Флетчера: «Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, которому они, повидимому, стараются подражать... Правленіе у нихъ чисто тиранническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного царя и, сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ». Затѣмъ Флетчеръ указываетъ, что порабощены не только крестьяне, но и дворяне, и отмѣчаетъ полную необезпеченость имущественныхъ правъ обоихъ классовъ. По его словамъ, и дворяне, и простолюдины въ отношеніи къ своему имуществу суть не что иное, какъ хранители царскихъ доходовъ, потому что все нажитое ими рано или поздно переходитъ въ царскіе сундуки». («О государствѣ русскомъ» и т. д., въ изданіи популярно научной библіотеки. Спб. 1906, стр. 33 и 33—34).

логи, — одного изъ египетскихъ фараоновъ, скажемъ, XII-ой династіи, и совершила путешествіе въ Московію, то, въ противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительнаго для себя въ общественно-политическомъ быту этой страны. Она рѣшила бы, что отношенія москвитянъ къ верховной власти, весьма близкія къ тому, что существовало на ея далекой родинѣ, именно, таковы, какими они должны быть въ благоустроенной странѣ.

Мѣстности, въ которыхъ сложились великія восточныя деспотіи, тоже прошли черезъ фазу феодализма. Но въ нихъ держателямъ земли, несмотря на ихъ усилія, не удалось обратить лены въ свою наслѣдственную собственность. Государи не только въ принципѣ сохранили верховное право на землю, но и на практикѣ постоянно пользовались имъ. Такъ, въ Халдеѣ, согласно своду законовъ, извѣстному подъ именемъ кодекса Гаммураби, служилый человѣкъ получалъ отъ казны домъ съ садомъ, участокъ пахотной земли и быковъ для его обработки. Это имущество составляло нѣчто въ родѣ его помѣстья, остававшагося за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ исполнялъ свою службу. Статья тридцатая названнаго Свода говоритъ, что держатель лишается земли, если не исполняетъ службы въ теченіе 3-хъ лѣтъ; статьи 35-ая и 36-ая объявляютъ эту землю неотчуждаемой; наконецъ, статьи 32-ая и 38-ая предупреждаютъ, что никакихъ исключеній тутъ не допускается [1]). Передъ нами тутъ помѣстное землевладѣніе, въ родѣ московскаго, вполнѣ сложившееся за 2.000 лѣтъ до начала нашей эры.

Въ Персіи земля до недавняго времени составляла собственность шаха. «Феодальнымъ сеньорамъ, частнымъ лицамъ, даже религіознымъ корпораціямъ доступно, — говоритъ Э. Лорини, — только пользованіе, физическое распоряженіе; но ихъ право владѣнія всегда зависитъ отъ произвола монарха, который можетъ упразднить его когда бы то ни было» [2]). Точно такъ же въ Московской Руси имѣніе служилаго человѣка всегда могло быть «отписано на государя». Вообще, вотчинное землевладѣніе все больше и больше отступало тамъ передъ помѣстнымъ. И чѣмъ больше оно отступало передъ нимъ, тѣмъ больше возрастала зависимость служилаго сословія отъ князя, тѣмъ болѣе прежніе вольные люди превращались въ «холопей». Теперь уже хорошо извѣстно, какими мѣрами боролся Грозный со своими «измѣнниками» изъ боярской среды. Его опричнина служила ему не только для того, чтобы казнить «измѣнниковъ»; она нанесла страшный ударъ боярскому

[1]) «La propriété foncière en Chald ée» par Eduard Cuq, page 72-8.

[2]) «La Persia economica contemporanea», Roma 1900, стр. 217 и слѣд

землевладѣнію. «Ликвидируя въ опричнинѣ старыя поземельныя отношенія, завѣщанныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взамѣнъ ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывавшіе право землевладѣнія съ обязательною службою» [1]). Чѣмъ крѣпче связывалось землевладѣніе съ обязательной службой, тѣмъ больше крѣпла зависимость служилаго человѣка отъ верховной власти, и тѣмъ полнѣе становилась сама эта власть. Но не Грозный выдумалъ помѣстную систему. Она возникла и окрѣпла задолго до него. Уже его дѣдъ, Иванъ III, какъ нельзя лучше понималъ великое значеніе помѣстной системы въ государственномъ хозяйствѣ Москвы. Въ декабрѣ 1477 г. его бояре говорили новгородскимъ посламъ: «великій князь велѣлъ вамъ сказать, что Великій Новгородъ долженъ отписать на насъ волости и села; ибо намъ, великимъ князьямъ, государство свое на своей отчинѣ въ Новгородѣ безъ того нельзя держать». А 4-го января слѣдующаго года Иванъ предъявилъ новгородцамъ точно опредѣленныя требованія отписать на его имя «половину волостей владычныхъ и монастырскихъ и половину волостей Новоторжскихъ, чьи бы ни были» [2]). Такимъ образомъ, уже въ концѣ XV-го вѣка земли, подлежавшія раздачѣ въ помѣстья, сдѣлались въ рукахъ московскаго правительства главнымъ средствомъ выполненія важнѣйшихъ государственныхъ функцій: управленія и обороны страны.

Иванъ III такъ дорожилъ своимъ помѣстнымъ фондомъ и такъ заботился объ его увеличеніи, что не прочь былъ наложить руку и на земли, принадлежавшія церкви. Его терпимое и даже какъ бы сочувственное отношеніе къ ереси «жидовствующихъ» объясняется тѣмъ, что «жидовствующіе» были противниками монашества. Экспропріація монастырей передала бы въ руки московскаго правительства ихъ огромныя недвижимыя имущества. Соблазнъ былъ такъ великъ, что за «жидовствующихъ» стояла очень сильная партія при дворѣ Ивана. Секуляризація церковныхъ имѣній была въ интересахъ всего служилаго класса. Но церковь сумѣла отклонить грозившую ей опасность. Она не безъ основанія указала на то, что «мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ святыхъ церквей и отъ священныхъ мѣстъ ничтоже имаху, и недвижныхъ вещей не смѣли двигнути, и судити, или поколебати... и зѣло по святыхъ церквахъ побораху, не токмо въ

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Изд. третье. С-Петербургъ 1910, стр. 148.

[2]) Бѣляевъ. Исторія Новгорода Великаго. Москва 1864 г., стр. 608 и 609. Ср. также «Исторію Россіи» Соловьева, кн. I, стр. 1375.

своихъ странахъ, но и въ Руссійскомъ вашемъ царствіи, и ярлыки давали». Упоминаніе объ ярлыкахъ показываетъ, что краснорѣчивые защитники неприкосновенности церковныхъ имуществъ подъ «невѣрными и нечестивыми царями» понимали собственно татарскихъ хановъ. Русская православная церковь, въ самомъ дѣлѣ, жила нѣкогда въ трогательномъ согласіи съ «невѣрными и нечестивыми» татарскими ханами. Митрополитъ Кириллъ,—первый русскій митрополитъ, поставленный послѣ разоренія Кіева,—учредилъ православную епископію въ ханской столицѣ и получилъ отъ Менгу-Темира жалованную грамоту, ограждавшую на вѣчныя времена права духовенства. Оно освобождалось отъ всякихъ даней и повинностей. Его земли и люди были объявлены неприкосновенными. Хула противъ православной вѣры и,—что было еще важнѣе,—всякое нарушеніе предоставленныхъ духовенству привилегій наказывалось смертной казнью. Такимъ образомъ, князья не имѣли права ни облагать его повинностями, ни посягать на его имущества. Великое народное несчастіе,—татарское нашествіе,—принесло, такимъ образомъ, большую пользу «богомольцамъ» русской земли, которые, съ своей стороны, умѣли цѣнить любезность «невѣрныхъ и нечестивыхъ царей». Это согласіе между «нечестивыми царями» кочевыхъ хищниковъ и благочестивыми «богомольцами» осѣдлаго русскаго населенія на время сдѣлало нашу духовную власть почти независимой отъ свѣтской [1]). Наши митрополиты опирались на татаръ, какъ римскіе папы опирались когда-то на франковъ. Разница,—и весьма существенная,—была тутъ лишь въ томъ, что поддержка со стороны франковъ оказалась надежнѣй татарской поддержки. При Иванѣ III совершенно прекратилось подчиненіе Московскаго княжества татарамъ. Тогда московскому духовенству пришлось разсчитывать только на свои собственныя силы, которыя были несравненно слабѣе силъ римско-католическаго духовенства. Дальнѣйшее усиленіе власти московскихъ государей все болѣе и болѣе ставило «богомольцевъ» въ подчиненное отношеніе къ нимъ. «Богомольцы» сдѣлались de facto такими же царскими «холопями», какъ и служилые люди. Монастырскія имѣнія были секуляризованы въ XVIII вѣкѣ,—что было облегчено развитіемъ денежнаго хозяйства, — а всѣ важныя церковныя дѣла стали рѣшаться, въ концѣ концовъ, оберъ-прокуроромъ, въ роли котораго выступали подчасъ даже военные люди. Это не могло нравиться «богомольцамъ». Однако, они до такой степени были вѣрны преданіямъ, вынесеннымъ ими, по выраженію Чаадаева, изъ растлѣн-

---

[1]) См. В. Сергѣевича, «Русскія юридическія древности», т. II, выпускъ 2-й, Спб. 1896, стр. 617—618.

ной Византіи, что духовенство, какъ сословіе, было и остается враждебнымъ всякому освободительному движенію. Это дѣлаетъ его одной изъ самыхъ надежныхъ опоръ реакціи. Оно всегда смотрѣло на Востокъ, и ни о какой европеизаціи его не могло быть и рѣчи.

Мнѣ, конечно, прекрасно извѣстно, что и на Западѣ верховная власть въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ побѣдила центробѣжныя стремленія феодаловъ. Людовикъ XIV съ полнымъ основаніемъ говорилъ: «L'état, c'est moi!» Но было бы крайне ошибочно отрицать на этомъ основаніи относительное,—однако, совсѣмъ немаловажное,—своеобразіе русскаго историческаго процесса. Подчиняя себѣ феодальное дворянство, французскіе короли не ограничивали его правъ на землю и не принуждали его къ службѣ [1]). Поэтому возвышеніе монарха во Франціи не означало закрѣпощенія государству дворянскаго сословія [2]). Это происходило, разумѣется, не потому, чтобы французскіе короли больше дорожили человѣческой или хотя бы только дворянской свободой. Они дорожили ею не больше, чѣмъ московскіе великіе князья или восточные деспоты. Но они дѣйствовали при другихъ общественно-политическихъ условіяхъ, и потому ихъ дѣйствія привели къ другимъ результатамъ. Экономическое развитіе Франціи шло несравненно быстрѣе, нежели экономическое развитіе Россіи; натуральное хозяйство гораздо быстрѣе, чѣмъ на Руси, замѣнялось въ ней денежнымъ, а это уже рано дало французскимъ королямъ возможность учредить постоянную армію, расходы на содержаніе которой покрывались ихъ денежными доходами. Уже Филиппъ Красивый имѣлъ у себя на службѣ немалое число наемниковъ; съ появленіемъ же наемника измѣнялся и самый характеръ военной службы: изъ обязательной она превращалась въ добровольную. Другими словами, служилый человѣкъ уступалъ мѣсто сол-

---

1) ...«On ne peut considérer comme un devoir légal l'obligation morale, l'usage invétéré de porter les armes. Les nobles servaient à l' armée en grande majorité, mais, non pas sans exception, tandis que tous sans exception étaient exempts de la taille. Et s'ils étaient dispensés de la taille, ce n'étais pas parce qu'ils servaient, mais parce qu'ils étaient nobles. Le privilège n'était pas la récompense du service rendu, mais le droit de la naissance». La noblesse française sous Richelieu par le vicomte G. d'Avenel. Paris, стр. 40—41.

2) Французское дворянство любило повторять, что короли—не болѣе, какъ первые дворяне. «Les rois, plus d'une fois, mirent quelque affectation à dire: Nous ne sommes pas davantage. Cette parité originelle était ce qui tenait le plus au coeur de la noblesse. Le souverain ne l'ignorait pas, et le Roi—Soleil lui—même n'aurait pas cru pouvoir battre un gentilhomme sans le faire tort». D'Avenel, тамъ же, стр. 13. Московскіе князья и цари смотрѣли на этотъ вопросъ иначе, да иначе же смотрѣли на него и ихъ служилые «холопи», тѣ за тычкомъ не гнались.

дату по профессіи («Soldat par métier») [1]. Опираясь на своихъ солдатъ по профессіи, французскіе короли мало-по-малу уничтожили старыя политическія права феодаловъ, но должны были оставить неприкосновенными ихъ права на землю. Ни о какомъ превращеніи дворянскихъ земель въ государственный фондъ, составляющій экономическую основу системы народной обороны, во Франціи не могло быть и рѣчи: при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ этой страны такое превращеніе просто-напросто никому не приходило въ голову. Наоборотъ, экономическія условія Московской Руси настоятельно его требовали. Поэтому вотчинное землевладѣніе и отступило у насъ такъ далеко передъ помѣстнымъ. Поэтому отношеніе служилаго человѣка къ князю вышло у насъ такъ мало похожимъ на отношеніе французскаго дворянина къ своему королю. Поэтому же,—вѣрнѣе: между прочимъ, поэтому же,—московскій великій князь произвелъ на западнаго барона Герберштейна впечатлѣніе монарха, полнотою и объемомъ своей власти превосходившаго всѣхъ монарховъ всего цивилизованнаго міра.

XVII.

Исторія Россіи была исторіей страны, колонизовавшейся при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Колонизація означала,—какъ это замѣтилъ еще Соловьевъ,—однообразіе занятій и постоянную подвижность населенія, мѣшавшія,—какъ я прибавилъ бы отъ себя,—углубленію тѣхъ классовыхъ различій, которыя возникаютъ вслѣдствіе общественнаго раздѣленія труда. А это значитъ, что, благодаря указаннымъ условіямъ, внутренняя исторія Россіи не могла отличиться интенсивною взаимною борьбою общественныхъ классовъ. Источникъ политической силы высшаго класса—его экономическое господство надъ значительною частью населенія—не могъ быть обильнымъ и притомъ постоянно грозилъ изсякнуть благодаря непрерывному переходу этого населенія на «новыя мѣста». Только въ теченіе того, не очень продолжительнаго, времени, когда земледѣльческое населеніе Великороссіи отличалось довольно большой густотой, вслѣдствіе постояннаго притока переселенцевъ изъ юго-западной Руси въ бассейнъ верхней Волги и невозможности дальнѣйшаго переселенія на сѣверъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ,

[1]) Ср. А. Рамбо, «Histoire de la civilisation Française», т. I, pp. 228. «Legalement, les nobles n'etaient tenus à combattre qu'en cas d'appel du ban et de l'arrière—ban. On y eut recours deux fois sous Louis XIII, chaque fois sous une forme différrente et chaque fois, cet appel donna des résultats tellement désastreux ou tellement insignifiants, qu'il démontra l'impossibilité de fonder sur lui la défense de l'Etat pour l'aveuir». D'Avenel, тамъ же стр. 54.

высшему классу удалось расширить и упрочить свое непосредственное экономическое господство надъ низшимъ. Тогда сложилось тамъ довольно крупное и вліятельное боярское землевладѣніе. Но когда ростъ Московскаго государства устранилъ препятствія, временно пріостановившія колонизацію, тогда земледѣльцы опять во множествѣ устремились на «новыя мѣста», и тогда опять затрещало и зашаталось экономическое господство землевладѣльцевъ. Какъ извѣстно, крупное землевладѣніе пережило тогда настоящій кризисъ. Чтобы найти выходъ изъ тяжелаго положенія, землевладѣльцы должны были добиваться окончательнаго прикрѣпленія крестьянина къ землѣ, на что охотно согласилась центральная власть, сама бывшая, какъ мы знаемъ, крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ и сама не менѣе бояръ страдавшая отъ крестьянскихъ переходовъ. Но чѣмъ нужнѣе былъ для крупныхъ землевладѣльцевъ союзъ съ центральною властью ради прикрѣпленія къ землѣ крестьянина, тѣмъ слабѣе должна была становиться ихъ политическая оппозиція великому князю. На это съ поразительною мѣткостью указалъ еще Ключевскій.

«Положеніе дѣлъ въ селѣ давало тонъ политическому настроенію боярства, направленіе его правительственной дѣятельности, роняло цѣну однихъ его интересовъ въ пользу другихъ, ставило, напримѣръ, мысль объ отношеніяхъ къ селу впереди мысли объ отношеніяхъ къ дворцу, заставляло въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ искать опоры для обезпеченія первыхъ, а не наоборотъ: словомъ, землевладѣльческіе тревоги и опасности, не дѣлая боярина опытнымъ и предусмотрительнымъ сельскимъ хозяиномъ, дѣлали его робкимъ или равнодушнымъ политикомъ» [1]).

По мнѣнію проф. Ключевскаго, село XVI-го вѣка и надобно признать одной изъ главныхъ причинъ того, что политическій строй Московскаго государства не сдѣлался аристократическимъ. Но положеніе села того времени было, именно, положеніемъ села въ странѣ, колонизующейся при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Стало быть, эта важная причина сама является однимъ изъ слѣдствій подобной колонизаціи.

Другой, не менѣе важной, причиной, тоже составляющей слѣдствіе колонизаціи, надо признать обиліе тѣхъ свободныхъ земель, на которыя могло наложить свою руку московское правительство въ открывшихся передъ нимъ во второй половинѣ XVI-го вѣка новыхъ лѣсныхъ и степныхъ мѣстностяхъ. Надѣляя этими землями низшіе и средніе слои служилаго класса, оно создавало себѣ въ лицѣ этихъ слоевъ прочную опору для борьбы съ

---

[1]) «Боярская Дума древней Руси», изд. 4-е, Москва 1909, стр. 313.

высшимъ, аристократическимъ слоемъ того же класса съ «княжатами»—боярами. Тотъ фактъ, что во второй половинѣ XVI-го вѣка вотчинное землевладѣніе далеко отступило назадъ передъ помѣстнымъ, въ переводѣ на политическій языкъ означалъ, что дворянинъ заставилъ очень сильно попятиться боярина и помогъ главѣ государства безпощадно раздавить всѣ политическія претензіи «княжатъ». Во Франціи королевская власть тоже не избѣгаетъ союза съ низшимъ дворянствомъ. Въ лицѣ Карла VII она даже ищетъ такого союза. Но во Франціи развитіе денежнаго хозяйства рано даетъ королямъ возможность создать постоянную армію, составленную, какъ сказано выше, не изъ служилаго дворянства, а изъ профессіональныхъ солдатъ разночиннаго происхожденія. Весьма характерно, что тотъ же самый Карлъ VII, королевскій совѣтъ котораго состоялъ изъ представителей низшаго дворянства и третьяго сословія, очень много сдѣлалъ для реорганизаціи военной силы въ указанномъ смыслѣ [1]). А реорганизація арміи въ этомъ смыслѣ все болѣе и болѣе побуждала французскую королевскую власть и давала ей все большую и большую возможность опираться въ своей борьбѣ съ аристократіей не столько на мелкое и среднее дворянство, на которое опирались московскіе «самовластцы», сколько на третье сословіе. Вообще, одна изъ главныхъ отличительныхъ чертъ французскаго феодализма, сравнительно съ русскимъ, заключается въ томъ, что въ нѣдрахъ французскаго феодальнаго общества возникло гораздо болѣе многочисленное, богатое и сильное третье сословіе, нежели въ удѣльной Руси. Эта особенность французскаго феодализма не могла не отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ развитія французскаго общества и французской королевской власти. Представительство на московскихъ земскихъ соборахъ XVI вѣка является представительствомъ почти исключительно служилыхъ людей [2]), между тѣмъ какъ во Франціи третье сословіе уже въ половинѣ XIV вѣка играетъ въ собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ очень яркую роль, а въ слѣдующемъ столѣтіи его представители на этихъ собраніяхъ сознательно оказываютъ королю весьма существенную поддержку въ борьбѣ съ дворянствомъ [3]). Сообразно съ этимъ, неодинаково и отношеніе представительныхъ собраній къ центральной власти. «Земскій соборъ XVI вѣка былъ,—говоритъ проф. Ключевскій,—въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства съ собственными агентами [4]). Неудивительно, что «агенты»,

---

[1]) Ср. Histoire de France, par Victor Duruy, Paris, 1893, т. I, стр. 545—546.

[2]) См. Ключевскаго. Курсъ, ч. II, стр. 488 и слѣд.

[3]) См. I томъ извѣстнаго сочиненія Ж. Пико. Histoire des Etats Généraux.

[4]) Курсъ, ч. II, стр. 486.

въ отвѣтъ на правительственные вопросы, высказывались въ томъ духѣ, что они готовы за государя головы свои класть, а впрочемъ, во всемъ воля божья да государева [1]). Въ Москвѣ XVI вѣка думали, что «народъ не можетъ имѣть своей воли, а обязанъ хотѣть волею власти, его представляющей» [2]). Между тѣмъ, въ Парижѣ, во второй половинѣ XIV вѣка, канцлеръ де-Дорманъ,—тоже въ своемъ родѣ «агентъ» верховной власти,—чтобы успокоить волнующихся горожанъ, нашелъ нужнымъ польстить имъ рѣчью, въ которой провозглашалъ, что «короли властвуютъ лишь волею народовъ, и что только сила народовъ дѣлаетъ ихъ страшными» [3]).

Служилые люди Московскаго государства недаромъ называли себя великокняжескими, а потомъ царскими «холопями». Они были закрѣпощены государству такъ же, какъ были закрѣпощены ему крестьяне. На каждомъ изъ этихъ двухъ сословій лежалъ гнетъ, къ концу XVI в. становившійся все болѣе и болѣе тяжелымъ. Возрастаніе тяжести этого гнета находитъ свое объясненіе въ томъ, уже не разъ упомянутомъ обстоятельствѣ, что Россія была страной, колонизовавшейся при условіяхъ натуральнаго хозяйства. С. В. Рождественскій вполнѣ правильно говоритъ, что недостатокъ денежныхъ средствъ былъ одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ экономическаго положенія служилаго класса въ XVI в. «Самый же этотъ недостатокъ,—прибавляетъ онъ,—объясняется несоотвѣтствіемъ между постоянно развивающимися и прогрессирующими потребностями государства и общества, съ одной стороны, и слабымъ развитіемъ, инертностью народнаго хозяйства—съ другой, преобладаніемъ хозяйства натуральнаго надъ денежнымъ, котораго требовали новыя обстоятельства» [4]).

На Востокѣ населеніе тоже закрѣпощено было государству. Но, не говоря уже о бо̀льшемъ плодородіи почвы, восточныя деспотіи не имѣли такихъ сосѣдей, которые превосходили бы ихъ по своему культурному развитію. Напротивъ, каждое изъ этихъ цивилизованныхъ государствъ имѣло сосѣдями, главнымъ образомъ, варваровъ, значительно уступавшихъ имъ въ смыслѣ культуры. Правда, кочевые варвары нерѣдко заставляли сильно страдать земледѣльческое населеніе восточныхъ деспотій или даже покоряли его на болѣе или менѣе продолжительное время своей власти. Для примѣра можно указать на завоеваніе Египта «пастухами», о которыхъ Манеѳонъ говоритъ почти въ такихъ же

---

1) Ср. у. Ключевскаго, тамъ же, стр. 492.

2) Ключевскій, тамъ же, стр. 487.

3) Ж. Пико, назв. соч., т. I, стр. 228.

4) «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка», С.-Петербургъ. 1897, стр. 83.

выраженіяхъ, какъ наши лѣтописи о монголахъ. Но пока тотъ же Египетъ не сдѣлалъ завоеваній въ Азіи, у него совсѣмъ не было цивилизованныхъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ гораздо счастливѣе Московскаго государства, которому на своей западной границѣ приходилось имѣть дѣло съ сосѣдями, гораздо дальше его ушедшими по пути цивилизаціи. Борьба съ этими сосѣдями была еще несравненно тяжелѣе, нежели такъ дорого стоившая русскому народу борьба съ кочевниками. Покорившая Казань и Астрахань Москва XVI в. потерпѣла жестокую неудачу въ рѣшительномъ столкновеніи со своими западными сосѣдями. Чтобы отстоять свое существованіе въ борьбѣ съ противниками, далеко опередившими ее въ экономическомъ отношеніи, ей пришлось посвятить на дѣло самообороны,—посредственно и непосредственно,—такую долю своихъ силъ, которая, навѣрно, была гораздо больше, нежели доля, употреблявшаяся съ тою же цѣлью населеніемъ восточныхъ деспотій.

Въ этомъ заключается, весьма достойная нашего вниманія, относительная особенность нашего историческаго процесса, сравнительно съ такимъ же процессомъ восточныхъ деспотій. При сопоставленіи этой особенности съ тою, которую мы отмѣтили, сравнивая общественно-политическій строй Московскаго государства со строемъ западно европейскихъ странъ, у насъ получается слѣдующій итогъ: государство это отличалось отъ западныхъ тѣмъ, что закрѣпостило себѣ не только низшій земледѣльческій, но и высшій, служилый классъ, а отъ восточныхъ, на которыя оно очень походило съ этой стороны,—тѣмъ, что вынуждено было наложить гораздо болѣе тяжелое иго на свое закрѣпощенное населеніе.

XVIII.

Пока у насъ господствовало убѣжденіе въ абсолютномъ своеобразіи нашего историческаго процесса, общественная роль городского населенія сѣверо-восточной Руси считалась близкой къ нулю. «Зачѣмъ намъ города?—спрашивалъ другъ и единомышленникъ А. И. Герцена Н. П. Огаревъ.—Наши города только правительственная фантазія, а въ дѣйствительности они не имѣютъ ни значенія, ни силы» [1]). (Само собою разумѣется, что во всѣхъ разсужденіяхъ этого рода дѣлалось молчаливое исключеніе для вольныхъ городовъ Новгорода и Пскова). Это была большая ошибка.

[1]) «Колоколъ», № 51.

Даже на «верхне-волжскомъ суглинкѣ» наша городская жизнь никогда не была совершенно ничтожной. Теперь уже можно признать безспорнымъ, что города сѣверо-восточной Руси вовсе не были тѣми болѣе или менѣе обширными деревнями, за которыя ихъ такъ охотно принимали теоретики русской самобытности. Этой Руси тоже нечуждо было экономическое раздѣленіе труда между городомъ и деревней. «Если тутъ и была, главнымъ образомъ, разница не качественная, а количественная,—говоритъ Н. Д. Чечулинъ,—т. е., если мы и находимъ въ городахъ, какъ въ селахъ, жителей съ одними и тѣми же правами и особенностями, а частью даже и занимавшихся одинаково земледѣліемъ и ремеслами, такъ что только размѣры поселеній и большее или меньшее развитіе того или другого рода занятій жителей отличало городъ отъ деревни, то, во всякомъ случаѣ, и такая количественная разница была тутъ настолько значительна, что даетъ намъ полное право разсматривать положеніе городовъ отдѣльно отъ изученія положенія селъ и деревень» [1].

Хотя ремесленники, населявшіе города сѣверо-восточной Руси, подобно ремесленникамъ средневѣковыхъ городовъ Западной Европы, занимались также и земледѣліемъ, однако, главнымъ источникомъ ихъ дохода былъ, надо думать, ремесленный, а не земледѣльческій трудъ. Г. Чечулинъ даетъ длинный списокъ названій тѣхъ ремеслъ, какія встрѣчались въ русскихъ городахъ. Тутъ мы видимъ 34 названія ремеслъ, относящихся къ производству и обработкѣ съѣстныхъ припасовъ; 32 ремесла, посвященныхъ производству одежды; 25 ремеслъ, относящихся къ строительному дѣлу и производству домашней утвари; и, наконецъ, 119 названій разнаго рода другихъ ремеслъ, въ родѣ булавочниковъ, гребенниковъ, мечниковъ, сабельниковъ, лучниковъ, стрѣльниковъ, зольниковъ, извозчиковъ, огородниковъ, колокольниковъ, садовниковъ, струнниковъ, стекольниковъ, стригольниковъ, угольниковъ, фонарниковъ и т. д., и т. д. [2]. Г. Чечулинъ прибавляетъ: «въ данныхъ о ремесленникахъ, отнесенныхъ нами ко второй группѣ, большое число сапожниковъ... невольно заставляетъ думать, что тогда очень многіе носили сапоги» (стр. 340). Короче, признавая, что бо̀льшая часть ремеслъ посвящалась въ XVI в. производству предметовъ первой необходимости, г. Чечулинъ рѣшительно отвергаетъ то мнѣніе, что «тогдашняя Русь едва умѣла обрабатывать самыя грубыя ткани, и что, вообще, ремесленной дѣятельности тогда почти не существовало» [3]. Мы

[1]) Города московскаго государства, СПБ. 1889, стр. 309—310.

[2]) Тамъ же, стр. 339, примѣчаніе.

[3]) Тамъ же, стр. 316.

находимъ въ его интересномъ изслѣдованіи еще болѣе важное для насъ указаніе на то, что тогда въ городахъ встрѣчалось много,— по его словамъ, даже очень много,—книгъ [1]). И хотя книги эти были, какъ видно, духовнаго содержанія, но все-таки наличность значительнаго числа ихъ въ городахъ показываетъ, что въ Московской Руси. какъ и вездѣ, городская жизнь вызывала у населенія болѣе или менѣе разнообразные и настоятельные умственные запросы.

Словомъ, полнаго своеобразія отнюдь не было и въ этой области; но и въ ней наблюдается очень важное относительное своеобразіе.

Всѣ тѣ, указанныя выше, разнообразныя причины, которыя замедляли развитіе производительныхъ силъ русскаго населенія, ослабляли значеніе городовъ въ исторической жизни сѣверо-восточной Руси. То, что С. В. Рождественскій назвалъ «инертностью народнаго хозяйства», неизбѣжно вело за собою политическую инертность городского населенія. Пушкинъ былъ правъ. Наши города не были тѣмъ, чѣмъ были западно-европейскія городскія общины. Если къ началу XVI в. въ подмосковныхъ городахъ замѣчается довольно оживленная и разнообразная ремесленная дѣятельность, то къ концу вѣка они сильно пустѣютъ. «Прогрессированіе этого запустѣнія,—говоритъ г. Чечулинъ,— видно, какъ изъ того, что всего менѣе пустоты въ Серпуховѣ, описаніе котораго (въ писцовыхъ книгахъ. *Г. П.)* относится къ серединѣ вѣка, а болѣе всего въ Коломнѣ и Можайскѣ, описаніе которыхъ относится къ концу вѣка, такъ и изъ данныхъ о Муромѣ по двумъ описямъ и, наконецъ, еще изъ указаній, находящихся въ можайской книгѣ, когда и какъ, именно, запустѣлъ тотъ или другой дворъ». Фактъ запустѣнія подмосковныхъ городовъ подтверждается, по словамъ того же изслѣдователя, скопленіемъ населенія въ пограничныхъ городахъ, въ которые устремлялись выходцы изъ центральныхъ мѣстностей [2]).

Чѣмъ болѣе пустѣли подмосковные города, тѣмъ болѣе падало ихъ значеніе въ общественной жизни Московскаго государства. Исторія Россіи была исторіей страны, въ которой на много столѣтій затянулся процессъ колонизаціи. Колонизація совершалась въ ней при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Развитіе городовъ нарушало однообразіе этихъ условій, выражая собою прогрессъ экономическаго раздѣленія труда и успѣхи товарнаго производства. Но, какъ мы только что видѣли, колонизація вызвала

---

1) Тамъ же, стр. 311—312.

2) См. тамъ же, стр. 173—175.

въ XVI в. запустѣніе подмосковныхъ городовъ, а это значитъ, что она замедлила развитіе денежнаго хозяйства и тѣмъ поддержала или даже увеличила «инертность» народно-хозяйственной жизни. Чтобы положить предѣлъ запустѣнію городовъ центральныхъ мѣстностей, московское правительство обратилось къ тѣмъ же мѣрамъ, съ помощью которыхъ оно боролось противъ запустѣнія «села»: посадскій человѣкъ былъ такъ же прикрѣпленъ къ мѣсту своего жительства, какъ и крестьянинъ. Горожанинъ очутился въ такомъ же подневольномъ положеніи, какъ «государевъ сирота»—крестьянинъ и «государевъ холопъ»—служилый человѣкъ [1]. Закрѣпощеніе распространилось на всѣ стороны общественной жизни Московскаго государства. Что положеніе въ немъ «торговаго мужика» было менѣе благопріятно для экономической дѣятельности этого послѣдняго, нежели положеніе новгородскаго или псковскаго купца, который пользовался выгодами вольной общественной жизни, это не нуждается въ доказательствахъ. Но сила была не на сторонѣ нашихъ вольныхъ городскихъ республикъ. Московскіе «самовластцы» наложили на нихъ свою тяжелую руку, а какъ отразилось это на характерѣ ихъ населенія, показываютъ слѣдующіе отзывы Герберштейна. О Новгородѣ: «народъ былъ здѣсь весьма образованный (humanissima) и честный, а теперь сталъ самый испорченный, заразившись, безъ сомнѣнія, московскою

[1] „По смыслу постановленій Уложенія, посадъ является торгово-промышленной тяглой общиной. На этомъ основаніи торговый промыселъ на посадѣ для лицъ, къ посадской общинѣ не принадлежащихъ, запрещается закономъ: торговыхъ крестьянъ, не принадлежащихъ къ посадскому состоянію, 9 ст. XIX главы Уложенія предписываетъ отдавать на крѣпкія поруки въ томъ, что имъ впредь въ лавкахъ и погребахъ не сидѣть и не торговать и варницъ и кабаковъ не откупать, а самыя ихъ торговыя и промышленныя заведенія продать тяглымъ людямъ,.. Тяглая торгово-промышленная посадская община скрѣплялась принципомъ безвыходности посадскаго состоянія... Принципъ безвыходности посадскаго состоянія соединялся съ обязательнымъ прикрѣпленіемъ посадскихъ тяглецовъ къ опредѣленной общинѣ безъ права переходить въ другіе посады... Императорская Россія XVIII ст. унаслѣдовала отъ Московскаго царства эту общину. Въ теченіе всего XVIII ст., вплоть до городового положенія Екатерины II, посадъ остается общиной торгово-промышленныхъ тяглецовъ стараго типа, несмотря на всѣ коснувшіяся его преобразованія отъ Петра I до Екатерины II“. (А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII ст. Москва 1903, стр. 1—4). Какъ сильно старалось правительство утвердить стѣну, отдѣлявшую крестьянъ отъ посадскихъ людей, видно изъ того, что за женитьбу посадскаго человѣка на крестьянкѣ безъ отпускной и за выходъ замужъ дѣвушки изъ посада за крестьянина правительство грозило въ половинѣ XVII в. смертною казнью (см. изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 172, примѣчаніе). По замѣчанію г. Лаппо-Данилевскаго, строгость наказанія показываетъ, что запрещеніе это часто нарушалось. Это такъ. Но она же показываетъ, какъ упорно боролось правительство со свободой передвиженія.

порчею, которую принесли съ собою приходящіе сюда московиты» [1]. О Псковѣ: «образованность и мягкіе нравы псковитянъ замѣнились московскими нравами, которые почти во всемъ хуже. Ибо въ своихъ купеческихъ сдѣлкахъ псковитяне показывали такую честность, чистосердечіе и простоту, что цѣна товару у нихъ показывалась безъ запросу и безъ всякаго многословія ради обмана покупателя» [2]. Торжество восточныхъ порядковъ обусловило собою распространеніе восточныхъ нравовъ. Иначе и быть не могло.

На Западѣ городское населеніе пополнялось выходцами изъ деревень. По мѣрѣ того, какъ развивались и укрѣплялись московскіе порядки, такой ростъ города на счетъ деревни все болѣе и болѣе затруднялся на Руси тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что все прочнѣе и короче становилась цѣпь, привязывавшая крестьянина къ землѣ, все равно къ помѣщичьей или къ государственной. Закрѣпощеніе населенія явилось весьма сильнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія товарнаго производства. Однако, оно не могло совсѣмъ остановить его. Потребность населенія въ нѣкоторыхъ продуктахъ ремесленнаго труда не могла быть ни удовлетворена, ни устранена наложеніемъ на русскихъ обывателей крѣпостного ига. Неблагопріятныя условія, сильно замедлявшія ростъ городовъ Московскаго государства и развитіе въ нихъ ремесленной дѣятельности, вызвали распространеніе кустарной промышленности въ селахъ и деревняхъ. Вслѣдствіе этого экономическая жизнь крѣпостной Россіи пріобрѣла своеобразный характеръ, парадоксальности котораго не видѣли писатели, любившіе ссылаться на низкій процентъ русскаго городского населенія, какъ на лучшее доказательство того, что «Россія—не Западъ», и что русскій человѣкъ будто бы знать не хочетъ промышленнаго труда, исключительно посвящая себя земледѣльческому. Въ 1861 г. А. Корсакъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, относившихся къ 1856 г., показалъ, что въ самыхъ промышленныхъ губерніяхъ пропорція городского населенія была меньше средней для цѣлой Россіи: въ Орловской губерніи городское населеніе равнялось 9,77%, въ Харьковской—10,72%, въ Кіевской—10,88%, въ Таврической—18,38%, а въ Херсонской даже—21,35%; между тѣмъ, въ Ярославской губерніи оно не превышало 8,2%, въ Московской (за исключеніемъ Московскаго уѣзда)—6,37%, а во Владимірской—5,87% [3]. Выходило, что

---

[1] «Записки о Московіи», стр. 115.

[2] Тамъ же, стр. 116.

[3] «О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ Западной Европѣ и Россіи», Москва 1861 г., стр. 210—211.

если наши города были по своему экономическому значенію похожи на деревни,—какъ въ этомъ увѣряли идеологи русской самобытности,—то деревни нашихъ центральныхъ губерній въ значительной степени приняли на себя экономическую роль городовъ, взявшись за промышленную дѣятельность [1]). Что же это значило? Только вотъ что.

Неблагопріятныя условія историческаго развитія сильно замедляли, еще начиная съ кіевскаго періода, ростъ производительныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи русскаго народа. Однако, хотя и медленно, силы эти все-таки росли, какъ въ Поднѣпровьи, такъ и, впослѣдствіи, на «верхневолжскомъ суглинкѣ». При ростѣ производительныхъ силъ неизбѣженъ процессъ отдѣленія промышленнаго труда отъ земледѣльческаго. Этотъ процессъ наблюдается и въ Кіевской, и въ Московской Руси. Но обстоятельства, обусловившія собою закрѣпощеніе жителей Московскаго государства, привели къ тому, что процессъ этотъ былъ, въ свою очередь, хотя и не вполнѣ остановленъ, однако, значительно задержанъ. Промышленная дѣятельность не сосредоточивалась въ городахъ, а распространялась въ деревенскомъ населеніи. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было замедленіе техническаго прогресса. Извѣстно, что наши кустари трудились съ помощью самыхъ элементарныхъ орудій. Съ экономической стороны, распространеніе кустарной промышленности означало внѣдреніе въ деревню тѣхъ противорѣчій, которыя вездѣ порождаются экономическимъ прогрессомъ, и на мнимомъ отсутствіи которыхъ въ Россіи основывались упованія теоретиковъ нашей полной экономической самобытности. Но такъ какъ при указанныхъ условіяхъ экономическій прогрессъ совершался у насъ очень медленно, то и противорѣчія, порождавшіяся имъ въ экономическомъ быту деревни, долго оставались въ зачаточномъ состояніи. Производитель, отдававшій значительную часть своего рабочаго времени промышленному труду, продолжалъ оставаться крестьяниномъ. И хотя ему самому нерѣдко приходилось прибѣгать къ покупкѣ рабочей силы другихъ, подобныхъ ему, производителей, онъ былъ всецѣло во власти ростовщическаго капитала, представителемъ котораго выступалъ въ деревнѣ кулакъ-скупщикъ. Ростовщическій капиталъ, жестоко эксплуатируя производителя, не улучшаетъ при этомъ способовъ производства. Поэтому, его господство надъ промышленнымъ трудомъ производителя, крѣпко привязаннаго госу-

---

[1]) Болѣе подробныя указанія на это находятся въ моей книгѣ противъ г. В. Воронцова, стр. 215—241. Проф. Ключевскій указываетъ на то, что помѣстное землевладѣніе «подорвало развитіе русскихъ городовъ и городской промышленности». «Курсъ», ч. II, стр, 302—303).

дарствомъ къ «верхне-волжскому суглинку», составляло новое препятствіе для техническаго и экономическаго прогресса. Въ то же время жизнь въ деревнѣ лишала производителей возможности того объединенія своихъ силъ для борьбы съ эксплуататорами, которое такъ облегчается жизнью въ крупныхъ городскихъ центрахъ, и чрезвычайно затрудняла развитіе ихъ сознанія. Производитель, который нерѣдко извлекалъ изъ промышленнаго труда значительно бо̀льшую долю своего годового дохода, продолжалъ хранить всѣ суевѣрія и всѣ политическіе предразсудки земледѣльца. Нечего и говорить, что его умственная отсталость была чрезвычайно полезна для того общественно-политическаго порядка, который посадилъ его на цѣпь крѣпостного права. Она ручалась за его прочность.

XIX.

Прежде, чѣмъ итти дальше, полезно подвести итогъ всему тому, что узнали мы о московскихъ порядкахъ. Не менѣе полезно выразить этотъ итогъ словами того изслѣдователя, который своей работой о феодализмѣ въ древней Руси нанесъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ ударовъ славянофильской теоріи нашей абсолютной самобытности.

«Основнымъ началомъ русскаго общественнаго строя московскаго времени было полное подчиненіе личности интересамъ государства. Внѣшнія обстоятельства жизни Московской Руси, ея упорная борьба за существованіе съ восточными и западными сосѣдями требовали крайняго напряженія народныхъ силъ. Въ обществѣ развито было сознаніе о первѣйшей обязанности каждаго подданнаго служить государству по мѣрѣ силъ и жертвовать собою для защиты русской земли и православной христіанской вѣры. Служилый человѣкъ обязанъ нести ратную службу въ теченіе всей своей жизни и «биться до смерти съ ногайскими или нѣмецкими людьми, не щадя живота». Посадскіе люди и волостные крестьяне должны жертвовать своимъ достояніемъ для помощи ратнымъ людямъ. Всѣ классы населенія прикрѣплены къ службѣ или тяглу, чтобы «каждый въ своемъ крѣпостномъ уставѣ и въ царскомъ повелѣніи стоялъ твердо и непоколебимо» [1]).

Полное подчиненіе личности интересамъ государства не было вызвано какими-нибудь особыми свойствами русскаго «народнаго духа». Оно явилось вынужденнымъ слѣдствіемъ тѣхъ условій, при

---

1) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые, люди кабальные и закладные. 2-ое изд., Спб. 1909, стр. 223.

которыхъ пришлось вести борьбу за свое историческое существованіе русскимъ людямъ, поселившимся въ верховьяхъ Волги и мало-по-малу объединеннымъ Москвою. Разъ возникнувъ, слѣдствіе это само сдѣлалось причиной, сильно замедлявшей дальнѣйшій экономическій и культурный прогрессъ Великороссіи. Но это не все. Оно затрудняло, кромѣ того, ту историческую работу собиранія русскихъ земель, за которую уже рано принялась Москва, и которая до конца первой трети XVI в., вообще говоря, подвигалась впередъ очень быстро.

Собирая русскія земли, Московское государство столкнулось съ Литвою, которая тоже собирала Русь, и,—послѣ того, какъ пала независимость Галиціи,—собирала такъ успѣшно, что скоро въ Литовскомъ государствѣ стало преобладать русское,—хотя и не великорусское,—населеніе [1]). «Объединеніе западно-русскихъ земель вокругъ Литвы было, въ сущности, возстановленіемъ разрушеннаго политическаго единства кіевской эпохи,—говоритъ профессоръ М. К. Любавскій,—нахожденіемъ утраченнаго политическаго средоточія» [2]). По мнѣнію профессора Любавскаго, разница была только въ томъ, что это средоточіе помѣщалось теперь не на рѣкѣ Днѣпрѣ, а на рѣкѣ Виліи. Однако,—что хорошо видно, между прочимъ, и изъ его собственнаго изложенія,—разница была не только въ этомъ. Въ теченіе кіевскаго періода попытка объединенія русскихъ земель дѣлалась исключительно силами русскаго населенія. Попытка эта кончилась неудачей, главнымъ образомъ, благодаря напору кочевниковъ. Послѣ того возникло два средоточія: одно въ бассейнѣ верхней Волги, другое—сначала въ Галиціи, а потомъ «на р. Виліи». Средоточіе «на рѣкѣ Виліи» отличалось отъ верхневолжскаго тѣмъ, что объединяло въ себѣ не однѣ только русскія силы. Силы эти сочетались въ немъ съ литовскими, которымъ, какъ извѣстно, принадлежалъ даже починъ объединенія. Это сочетаніе силъ двухъ различныхъ племенъ не обходилось безъ столкновеній между ними, особенно участившихся послѣ уніи Литвы съ Польшею въ концѣ XIV в. Литовскіе аристократы, опираясь на поддержку со стороны польскихъ, не безъ успѣха старались ослабить въ своихъ интересахъ государственное значеніе аристократіи бѣлорусской и малорусской. Москва воспользовалась этими столкновеніями для того,

---

[1]) Литовскіе князья считали себя законными наслѣдниками всѣхъ земель Кіевской Руси. Ольгердъ говорилъ прусскимъ рыцарямъ: Omnis Russia ad Letwinos devet simpliciter pertinere». (Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 155, примѣчаніе).

[2]) «Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи включительно», Москва 1910, стр. 33.

чтобы усилиться на счетъ Литвы. Тяготѣніемъ къ ней западно-русскихъ аристократовъ объясняются поразительные успѣхи Ивана III въ борьбѣ съ великими князьями литовскими, Казиміромъ и Александромъ. Тяготѣніе продолжалось и при сынѣ Ивана III. Но замѣчательно, что уже въ 1514 г. смоленская аристократія склоняется на сторону литовскаго короля. Не менѣе достойно замѣчанія и то, что сильнѣйшее пораженіе, испытанное тогда Москвою, было нанесено ей литовскимъ войскомъ подъ предводительствомъ православнаго западно-русскаго князя Константина Острожскаго. Карамзинъ чувствительно замѣчаетъ по этому поводу: «на другой день Константинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе россіянъ». Но радость Константина по случаю истребленія имъ единовѣрныхъ ему «россіянъ», какъ и вся настойчивость этого князя въ борьбѣ съ Москвою, показываетъ, что уже тогда многіе западно-русскіе аристократы предпочитали литовскіе порядки московскимъ. Это нисколько не удивитъ насъ, если мы вспомнимъ, что, именно, въ эту эпоху московскіе служилые люди все больше и больше становились безправными «холопями» великаго князя, между тѣмъ, какъ служилое сословіе литовско-русскаго государства пріобрѣтало одну вольность за другою. Огромная разница общественно-политическаго положенія служилаго класса въ Москвѣ, съ одной стороны, и въ Литвѣ—съ другой едва ли не съ наибольшею яркостью обнаружилась во второй половинѣ XVI столѣтія, когда въ Москвѣ Иванъ Грозный своей опричниной разбилъ боярское замлевладѣніе и окончательто превратилъ служилыхъ людей въ царскихъ холоповъ, между тѣмъ какъ въ Литвѣ Берестейскій сеймъ 1566 г. далъ шляхтѣ право безусловнаго распоряженія своимъ имуществомъ. И. И. Лаппо превосходно оттѣняетъ историческій смыслъ провозглашенія этого права. «Оно было,—говоритъ онъ,—знакомъ превращенія подданныхъ, владѣльцевъ земли, верховнымъ собственникомъ которой былъ великій князь, въ свободный народъ—въ собственника своей земли, своихъ «осѣдлостей». Изъ подданныхъ великаго князя, какъ лица, шляхта литовская, въ признаніи закона, обратилась въ подданныхъ государства и государя, какъ его главы» [1]. При этомъ отношеніе шляхты къ великому князю, какъ къ главѣ государства, опредѣлялось тѣмъ, что въ первомъ ряду ея полити-

---

[1]) «Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586)», томъ первый, Спб. 1901, стр. 518.—Какъ видимъ, въ приведенныхъ строкахъ выраженіе н а р о д ъ употребляется И. И. Лаппо, согласно старинному долго господствовавшему польско-литовскому обычаю, въ смыслѣ шляхетскаго с о с л о в і я.

ческихъ правъ стояло право выбора себѣ государя. Само собою понятно, что западно-русская шляхта не могла не видѣть огромной выгоды своего положенія въ Литвѣ.

Дѣло было вовсе не въ томъ, что тотъ или другой московскій великій князь или царь склонялся къ тираніи: это могло быть сочтено за простую случайность. Дѣло было въ томъ, что при тогдашнихъ московскихъ порядкахъ служилый человѣкъ не могъ не быть рабомъ даже при государѣ, лично вовсе не склонномъ къ тираніи (въ родѣ того, какимъ былъ впослѣдствіи «тишайшій» Алексѣй Михайловичъ). Вотъ это и оттолкнуло отъ Москвы высшій классъ литовской Руси. Изслѣдователи, жалующіеся на то, что классъ этотъ ополячился, забываютъ одно: прежнее тяготѣніе этого класса къ Москвѣ уступило мѣсто его отвращенію отъ нея значительно раньше, чѣмъ совершилось его ополяченіе. Въ XVI в. только немногіе представители западно-русской шляхты усвоили себѣ польскій языкъ. Третій Литовскій Статутъ, составленный въ царствованіе Стефана Баторія, требовалъ, подобно второму Статуту, чтобы земскій писарь «всѣ листы, выписы и позвы» писалъ «по руску, литерами и словы рускими». По замѣчанію И. И. Лаппо, «польскій языкъ и польскіе обычаи могли считаться принятыми литовской шляхтой лишь во второй половинѣ и въ концѣ XVII столѣтія, что выразилось и въ coaequatio jurium конца этого вѣка» [1]). Отворачиваясь отъ Москвы, западно-русская шляхта отвернулась въ то же время и отъ православія. Она стала увлекаться реформаціей. И нетрудно понять, что въ этомъ ея увлеченіи выражалась та же любовь къ «золотой вольности»: для нея, какъ и для польской шляхты, кальвинизмъ былъ средствомъ борьбы съ духовенствомъ [2]).

Короче, общественно-политическіе порядки, восторжествовавшіе въ Москвѣ, убили всякое сочувствіе къ ней со стороны высшаго сословія единоплеменной литовской Руси, и тѣмъ толкнули это сословіе въ объятія Польши, которая была классической страной шляхетскихъ вольностей. Въ низшемъ сословіи литовско-русскаго населенія сочувствіе къ московскимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ сохранилось на гораздо болѣе продолжительное время. Оно поддерживалось въ немъ борьбою съ ополя-

---

[1]) Назв. соч., стр. 227; ср. также стр. 81 и 231.

[2]) Ср. И. И. Лаппо, назв. соч., стр. 232. До чего доходило увлеченіе кальвинизмомъ, показываетъ такой примѣръ: «въ новгородскомъ воеводствѣ изъ болѣе чѣмъ 600 шляхетскихъ домовъ греческой вѣры остались неувлеченными реформаціей лишь 16 или еще менѣе». (И. И. Лаппо, тамъ же, стр. 235). Замѣчу отъ себя, что это увлеченіе подготовляло будущее торжество католицизма надъ православіемъ.

ченной и окатоличенной западно-русской шляхтой. Но и въ немъ это сочувствіе подвергалось жестокому испытанію въ случаяхъ близкаго соприкосновенія съ представителями московской администраціи, т. е. знаменитой «московской волокиты». Когда началась, въ XVII в., война съ Польшею изъ-за Малороссіи, «бѣлоруссы сами призывали великоруссовъ, сносились съ ними, измѣняли полякамъ, но какъ только они почувствовали на себѣ тяжесть московскаго управленія, они очутились въ безвыходномъ положеніи и начали мало-по-малу снова тянуть къ Польшѣ» [1]). Мѣстами отношенія между бѣлоруссами и великоруссами обострялись до того, что, напримѣръ, могилевцы перебили московскій гарнизонъ. Это объясняетъ намъ, почему война, первоначально веденная въ Бѣлоруссіи съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, потомъ привела къ неудачѣ; и почему,—какъ замѣчаетъ г. Довнаръ-Запольскій,—соединеніе Великой Россіи съ Бѣлоруссіей не могло произойти при Алексѣѣ Михайловичѣ [2]).

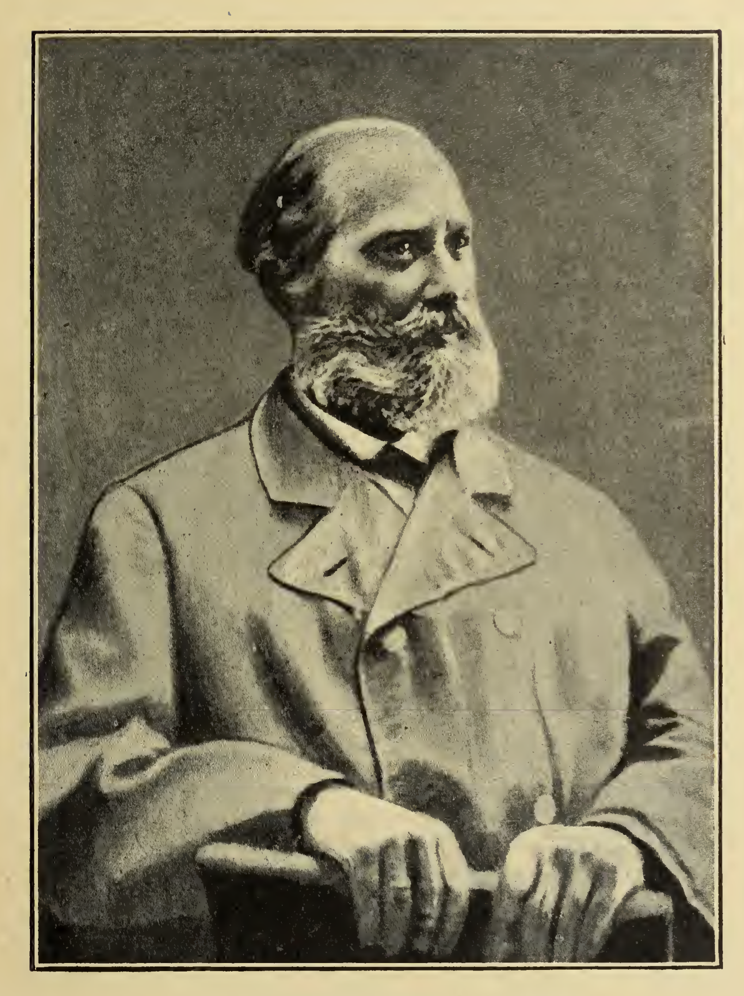
Совершенно то же видимъ и въ Малороссіи. Казацкая старшина сначала охотно идетъ «подъ высокую руку» московскаго царя, а потомъ, отвѣдавъ московскихъ порядковъ, опять начинаетъ тянуть къ Польшѣ. Благодаря этому, правобережная Украина оказывается надолго потерянной для русскаго государства.

Петровская реформа дала этому государству матеріальную силу, необходимую для продолженія московской политики собиранія русскихъ земель. Петербургъ почти додѣлалъ то, чего не могла додѣлать Москва. Онъ объединилъ всѣ русскія земли, за исключеніемъ Галичины и Угорской Руси. Но ополяченная часть населенія западной Россіи сохранила, а, можетъ быть, даже усилила свои польскія симпатіи. Она не принимала никакого участія въ духовной жизни Руси петербургскаго періода, болѣе или менѣе дѣятельно стремясь къ возстановленію старой «Рѣчи Посполитой» или хотя бы только мечтая о такомъ возстановленіи. Настроенная временами очень революціонно, она не принимала, однако, никакого участія ни въ литературныхъ, ни въ политическихъ движеніяхъ русскаго «общества», опять сдѣлавшагося болѣе доступнымъ для западно-европейскаго вліянія со времени реформы Петра, а особенно съ конца XVIII вѣка. Это не могло не уменьшать быстроты культурнаго движенія въ теченіе петербургскаго періода. Получалось вотъ что.

Присоединивъ къ своему государству западно-русскія земли, петербургское правительство не только увеличило этимъ силу

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій. Изслѣдованіе и статьи, т. I. Кіевъ 1909 стр. 335.

[2]) См. тамъ же, стр. 336.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

своего сопротивленія возможному внѣшнему непріятелю. Оно, кромѣ того, упрочило свою позицію въ борьбѣ съ тѣми мыслящими элементами, которые понемногу начинали такъ или иначе выступать противъ господствовавшаго въ Россіи всесторонняго крѣпостничества. Между тѣмъ почва, на которой выростали эти оппозиціонные элементы, ограничивалась лишь частью русскаго государства, такъ какъ другая его часть жила не русскими, а польскими духовными интересами. Русское государство оказывалось относительно болѣе бѣднымъ культурными и оппозиціонными силами, чѣмъ оно было бы при другихъ условіяхъ своего развитія. Такимъ образомъ, почти доконченное Петербургомъ, собираніе русскихъ земель измѣнило соотношеніе общественныхъ силъ въ Россіи не въ пользу прогресса, а въ пользу застоя. Эта, неблагопріятная для прогресса, перемѣна въ соотношеніи общественныхъ силъ явилась какъ бы историческимъ наказаніемъ всего русскаго народа за то, чѣмъ погрѣшила собственно только великорусская его часть: за продолжительное господство въ Москвѣ общественно-политическаго строя, свойственнаго восточнымъ деспотіямъ. Разумѣется, такъ было только до тѣхъ поръ, пока центръ тяжести русской культурной жизни оставался въ предѣлахъ высшаго общественнаго сословія, потому что только это сословіе тяготѣло къ западной Россіи, къ Польшѣ. Но русская культура очень долго оставалась почти исключительно дворянской культурой.

Ниже, разсматривая различныя направленія русской общественной мысли, мы увидимъ, какъ мучительно сознавалось наиболѣе выдающимися ея представителями неблагопріятное для прогресса соотношеніе русскихъ общественныхъ силъ. Я считалъ поэтому нелишнимъ отмѣтить здѣсь то обстоятельство, которое, несомнѣнно, укрѣпляло неблагопріятный характеръ этого соотношенія, а въ то же время совершенно упускалось изъ виду историками нашего общественнаго развитія.

Кромѣ того, ополяченіе наиболѣе образованныхъ элементовъ западно-русскаго населенія было фактомъ, значительно осложнившимъ вопросъ о польско-русскихъ отношеніяхъ въ Россіи. Такъ какъ намъ, конечно, надо будетъ говорить, между прочимъ, и объ этомъ вопросѣ, — съ которымъ пришлось считаться уже декабристамъ, — то нельзя было оставить безъ анализа соціально-политическія причины, породившія названный фактъ ополяченія. Послѣ сказаннаго ясно, что у насъ нѣтъ никакого основанія сваливать на поляковъ отвѣтственность за этотъ фактъ.

XX.

Предыдущее изложеніе, надѣюсь, достаточно показало читателю, въ какой мѣрѣ можетъ быть признана правильной та мысль Соловьева, что ходъ событій постоянно подчинялся у насъ, какъ и вездѣ, природнымъ условіямъ. Относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса, въ самомъ дѣлѣ, объясняется относительнымъ своеобразіемъ той географической среды, въ которой пришлось жить и дѣйствовать русскому народу. Ея вліяніе было чрезвычайно велико. Однако, оно было чрезвычайно велико единственно потому, что относительное своеобразіе природныхъ условій опредѣлило собою относительно своеобразный ходъ русскаго экономическаго развитія, въ результатѣ котораго явился не менѣе своеобразный соціально-политическій строй Московскаго государства. При этомъ Соловьевъ недостаточно оцѣнилъ относительное своеобразіе московскаго общественно-политическаго быта. Описывая борьбу русскихъ племенъ съ азіатскими кочевниками, онъ говоритъ, между прочимъ: «отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ азіатцы въ лицѣ монголовъ; съ конца же XVI вѣка пересиливаетъ Европа въ лицѣ Россіи» [1]. Но мы видѣли, что когда осѣдлая русская Европа получила возможность справиться съ кочевой Азіей, то ея собственныя общественно-политическія отношенія оказались очень похожими на тѣ, которыя господствовали въ азіатскихъ деспотіяхъ. Стало быть, Европа побѣдила «азіатцевъ» лишь потому, что сама сдѣлалась Азіей. Въ дѣйствительности та побѣда надъ «азіатцами», которую отмѣчаетъ здѣсь Соловьевъ, совсѣмъ не безпримѣрна и въ исторіи Востока. Земледѣльческое населеніе и тамъ оказывалось сильнѣе кочевниковъ, послѣ того, какъ ему удавалось объединить свои силы въ большихъ деспотическихъ государствахъ. Особенность русскаго историческаго процесса,—на этотъ разъ выгодная для прогресса особенность,— заключается здѣсь въ томъ, что послѣ того, какъ осѣдлая русская Европа весьма значительно уподобилась осѣдлой Азіи, ея общественное развитіе стало очень медленно, но неизмѣнно поворачиваться въ сторону европейскаго Запада. Собственно азіатскія государства только съ половины XIX вѣка стали давать намъ, хотя бы въ лицѣ Японіи, примѣры подобнаго поворота въ сторону европеизаціи.

Но Соловьевъ не ограничивается изученіемъ вліянія кочевниковъ на ходъ событій въ русской исторіи. Попутно онъ выдвигаетъ еще другой вопросъ, не менѣе интересный. Онъ пишетъ:

---

[1]) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга первая, стр. 10.

«Природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ и не съ моремъ, но соприкасается со степью, широкою и вмѣстѣ привольною для житья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обществѣ, или принуждены оставить его, открывается путь къ выходу изъ государства и пріятная будущность—свободная, разгульная жизнь въ степи. Вслѣдствіе этого южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населялись казацкими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, нерѣдко враждовали съ нимъ, иногда были для него опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степей, съ кочевыми азіатскими народами и съ казаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности» [1]).

Спора нѣтъ: только благодаря указаннымъ здѣсь особенностямъ географической среды и возможно было возникновеніе казачества. Правъ Соловьевъ и въ томъ, что казаки были для русскаго государства подчасъ опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Однако, этими указаніями еще не исчерпывается вопросъ о роли казацкихъ удальцовъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія. А такъ какъ онъ сильно интересовалъ когда-то нашихъ народниковъ, то намъ приходится досказать то, чего не досказалъ покойный историкъ.

По его словамъ, казачество составилось изъ такихъ людей, которые по разнымъ причинамъ не хотѣли оставаться въ обществѣ или должны были уйти изъ него. Но между этими разными причинами легко замѣтить одну, самую важную: тяжелое, а иногда и прямо невыносимое положеніе низшаго класса, изъ котораго, главнымъ образомъ, и вербовалось казачество. Мы видѣли, что возраставшее запустѣніе государственнаго центра вынудило московское правительство прикрѣпить крестьянъ и посадскихъ людей къ мѣсту ихъ жительства. Человѣкъ, которому становилась невыносимой его жизнь на крѣпостной цѣпи, имѣлъ передъ собой только одинъ выходъ: побѣгъ. А такъ какъ московское правительство ловило бѣглыхъ и, учинивъ имъ надлежащее наказаніе, снова сажало ихъ на цѣпь, то имъ нужно было скрываться «за предѣлы досягаемости», иначе сказать—за границу Московскаго государства. Вотъ тутъ-то и выручали ихъ «южныя степныя страны

[1]) Тамъ же, стр. 10—11.

Россіи по теченію большихъ рѣкъ». Чѣмъ больше возрасталъ гнетъ, лежавшій на низшемъ классѣ Московскаго государства, тѣмъ больше являлось побужденій для побѣга, и тѣмъ многочисленнѣе становилось населеніе по берегамъ казачьихъ рѣкъ, т.-е. Дона и Яика, Волги и Терека. А чѣмъ многочисленнѣе становилось населеніе этихъ мѣстностей, тѣмъ болѣе сильный отпоръ могло оно давать Москвѣ, когда та показывала намѣреніе поставить его подъ свою «высокую руку». Мало того. Предпріимчивые, подвижные, по необходимости воинственные, казаки временами переходили въ наступленіе, и тогда они дѣйствительно становились для Москвы опаснѣе, чѣмъ «кочевыя орды», которыя, впрочемъ, нерѣдко выступали ихъ союзниками въ борьбѣ съ нею. Они много причинили ей хлопотъ въ Смутное время, хорошо «тряхнули ею» въ царствованіе Алексѣя Михайловича (Ст. Разинъ), а потомъ не на шутку перепугали и Петербургъ въ царствованіе Екатерины II (Е. Пугачевъ). Ихъ сила заключалась въ недовольствѣ закрѣпощеннаго населенія. Крестьянскіе и посадскіе люди видѣли въ нихъ мстителей за народное горе. Описывая движеніе сторонниковъ Разина, самъ Соловьевъ такъ характеризуетъ отношеніе къ нему народа: «Заслышавъ приближеніе этихъ воровскихъ шаекъ въ городахъ, чернь бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей, впускала въ городъ казаковъ, принимала атамана вмѣсто воеводы, вводила казацкое устройство» [1]). А это значитъ, что казачество, даже когда оно шло противъ русскаго государства, не могло быть отнесено къ одному разряду съ его внѣшними врагами. Вражда казачества направлялась преимущественно противъ угнетателей народа. По этой причинѣ народныя пѣсни и величали казаковъ «удалыми, добрыми молодцами», и по той же причинѣ казацкія движенія были такъ сильно идеализированы впослѣдствіи нашими народниками. Теоретики народничества видѣли въ Разинѣ, Булавинѣ и Пугачевѣ воплощеніе народнаго протеста и народныхъ революціонныхъ стремленій. Но они, въ свою очередь, ошибались. Казаки жестоко мстили московскимъ бюрократамъ за народное угнетеніе. Однако, возставая противъ него, они, въ лучшемъ случаѣ, могли бы только разрушить существовавшій общественно-политическій порядокъ. Они неспособны были замѣнить его новымъ.

Чтобы замѣнить его новымъ, они должны были бы нести съ собою новый способъ производства, а въ томъ быту, который они создали въ своихъ привольныхъ степяхъ, на новый способъ производства не было даже и намека. И разрушенный ими общественно-политическій порядокъ постепенно возстановлялся бы по мѣрѣ

---

[1]) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга третья. стр. 314.

того, какъ населеніе убѣждалось бы въ невозможности оставлять неудовлетворенными тѣ общественно-политическія нужды, которыми былъ нѣкогда вызванъ къ жизни этотъ порядокъ. Можно съ увѣренностью прибавить, что поскольку казаки продолжали бы стоять во главѣ народа, они сами должны были бы взяться за возстановленіе того, что имъ удалось бы разрушить. Не мѣшаетъ напомнить, какъ излагаетъ патріархъ Гермогенъ содержаніе тѣхъ «воровскихъ листовъ», съ которыми обращались въ Смутное время казаки Болотникова къ закрѣпощенному классу населенія. По его словамъ, они внушали этому классу «всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ». Какая же была цѣль этихъ злыхъ дѣлъ? Патріархъ говоритъ, что авторы листовъ «велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины, и помѣстья имъ сулятъ; и шпынямъ и безымянникомъ—воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество» [1]. Очень легко понять, что нельзя было бы наградить возставшихъ боярскихъ холоповъ вотчинами и помѣстьями, не возстановивъ подневольнаго земледѣльческаго труда, которымъ, главнымъ образомъ, и вызывалось крестьянское недовольство. Весьма вѣроятно, что патріархъ Гермогенъ мало заботился о дословной точности въ передачѣ содержанія «воровскихъ листовъ». Но врядъ ли можно усомниться въ томъ, что онъ точно уловилъ ихъ общій духъ. Въ доказательство можно сослаться на малороссійское казачество, судьба котораго отличается отъ судьбы великорусскаго только тѣмъ, что ему удалось то, чего никогда не удавалось этому послѣднему: добиться хотя бы частичной побѣды. «Кто козакъ—будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ—тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать»,—такъ говорилъ Богданъ Хмельницкій въ одной изъ договорныхъ статей, предложенныхъ имъ московскому правительству въ 1654 году. А послы «козацкаго батька» выпрашивали у московскаго правительства для себя грамотъ на имѣнія «и домогались, чтобы въ нихъ было спеціально упомянуто о неограниченныхъ правахъ ихъ надъ крестьянами, какіе окажутся въ этихъ имѣніяхъ, или будутъ ими наново поселены» [2]. Получалось нѣчто, отчасти похожее на то, что имѣло иногда мѣсто въ античномъ мірѣ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ античныхъ городахъ-государствахъ возставшимъ рабамъ удалось побѣдить своихъ бывшихъ господъ. Но, оказавшись побѣдителями, бывшіе рабы сами обращались къ

---

[1]) Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, стр. 305.

[2]) Проф. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа, стр. 281.

рабскому труду и сами становились рабовладѣльцами. Проф. Грушевскій говоритъ о малороссійскомъ казачествѣ: «оно смотрѣло на себя, какъ на высшее, привилегированное сословіе. Хотя оно боролось противъ польскаго шляхетскаго режима, но въ его представленіи общественныя отношенія укладывались не иначе, какъ по типу того же сословнаго государства, Польши прежде всего, въ порядкахъ которой они выросли» [1]. Но не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Для того, чтобы въ представленіи казаковъ общественныя отношенія сложились не по типу сословнаго государства, нужна была наличность совсѣмъ другого способа производства. А это необходимое условіе тогда совершенно отсутствовало. И потому,— говоря словами того же проф. Грушевскаго,—«начиная съ Хмельницкаго и кончая послѣднимъ украинскимъ демагогомъ Петрикомъ (конца XVII в.), украинская интеллигенція вообще и козацкая старшина спеціально не представляла себѣ общественнаго строя безъ сословныхъ привилегій, безъ подданныхъ и господъ, и ихъ чувство оскорблялось только тѣмъ, что господами были поляки, люди чужой народности и вѣры, или тѣмъ, что претендовали на панство люди худородные, незаслуженные» [2]. Между тѣмъ малорусское казачество было значительно культурнѣе великорусскаго, потому что западная Русь была тогда развитѣе въ экономическомъ отношеніи. Принявъ во вниманіе все это, мы увидимъ, какъ естественно было то, что, напр., въ 1611 г. московскіе люди, шедшіе на выручку Москвы, предлагали тѣмъ казакамъ, которые давно служатъ Московскому государству, «верстаться помѣстными и денежными оклады и служить съ городы» [3]. Великорусскихъ казаковъ отнюдь не могло удивить такое предложеніе, такъ какъ и въ ихъ головахъ служба государству связывалась съ тою же мыслью о неизбѣжности подчиненія крестьянства служилому классу, какая сидѣла въ головахъ малороссійской казацкой старшины. Но, именно, потому надо признать, что, какъ бы ни было велико потрясеніе государственнаго организма, вызывавшееся тѣмъ или другимъ крупнымъ казацкимъ возстаніемъ, революціоннаго въ такомъ возстаніи было всегда очень мало. Не говорю: не было совсѣмъ. Поднимая противъ государства угнетенный классъ, казачество тѣмъ самымъ будило его сознаніе и дѣлало его болѣе готовымъ и болѣе способнымъ постоять за себя противъ своихъ угнетателей. Вслѣдствіе этого въ процессѣ возстановленія имъ же раз-

---

1) Тамъ же, стр. 280.

2) Тамъ же, стр. 280—281.

3) С. Ѳ. Платоновъ, назв. соч., стр. 481, сравни также стр. 483.

рушеннаго общественно-политическаго порядка, казачеству пришлось бы до извѣстной степени считаться съ народною массой и сдѣлать ей нѣкоторыя уступки. Недаромъ послы Хмельницкаго, вернувшись на Украину, держали до поры до времени въ секретѣ тѣ грамоты, которыя были имъ выданы въ Москвѣ, и которыми закрѣпощались ихъ крестьяне [1]). Но какъ бы тамъ ни было, существенныхъ перемѣнъ казачество рѣшительно не могло принести въ случаѣ своего торжества по той очевидной причинѣ, что оно своими движеніями отнюдь не подготовляло торжества новаго способа производства.

Если мы сравнимъ казацкія возстанія съ освободительнымъ движеніемъ городскихъ общинъ и третьяго сословія въ передовыхъ странахъ европейскаго Запада, то замѣтимъ новый,—и опять очень значительный,—«европейскій недочетъ» въ русской исторіи. Городскія общины и третье сословіе западныхъ странъ, борясь съ феодализмомъ и съ пережитками феодальныхъ отношеній, дѣлали какъ разъ то историческое дѣло, выполненіе котораго не могло выпасть на долю казаковъ: они подготовляли торжество новаго способа производства, новыхъ производственныхъ отношеній, а потому и новаго общественно-политическаго порядка. Въ этомъ смыслѣ и была,—въ отличіе отъ казацкой,—революціонна ихъ освободительная борьба съ государствомъ.

Объясненіе этого «европейскаго недочета» въ нашей исторіи опять находится въ томъ, что исторія Россіи была исторіей страны, колонизовавшейся при условіяхъ натуральнаго хозяйства. Въ передовыхъ странахъ Запада недовольные элементы, уходившіе изъ деревень, скоплялись въ городахъ, такъ какъ больше имъ податься было некуда. Въ городахъ возникали новыя экономическія отношенія, изъ нихъ, какъ изъ центра, распространялось въ странѣ денежное хозяйство. Наши недовольные элементы бѣжали въ степь, гдѣ хозяйственная жизнь по необходимости являлась еще гораздо болѣе отсталой, нежели въ центральныхъ мѣстностяхъ Московскаго государства. Такимъ образомъ, на Западѣ эти элементы были незамѣнимыми элементами прогресса, а у насъ казачество явилось чѣмъ-то въ родѣ клапана, предохранявшаго старый порядокъ отъ взрыва. Протестъ казаковъ былъ исторически безплоденъ, и, въ концѣ концовъ, они превратились въ орудіе угнетенія той самой народной массы, изъ которой они когда-то вышли, и которая величала ихъ «добрыми молодцами», любуясь ихъ удалыми подвигами, какъ выраженіемъ своего собственнаго протеста... Проф. С. Ѳ. Платоновъ нашелъ интересную отмѣтку о донскихъ казакахъ

---

[1]) Проф. Грушевскій, назв. соч. 281.

отъ 22 декабря 1613 г., т.-е. отъ того времени, когда, несмотря на избраніе Михаила Θедоровича, Смута далеко еще не была окончена. Отмѣтка гласитъ, что «они-де во всемъ царскому величеству послушны и на всякихъ государевыхъ недруговъ стоять готовы» [1]. Конечно, отмѣтка слишкомъ сгущала краски. Донскіе удальцы еще не одинъ разъ сами превращались потомъ въ «государевыхъ недруговъ». Но, какъ сказано, ихъ общественный протестъ вышелъ исторически безплоднымъ. А ихъ служба государству, въ концѣ концовъ, сдѣлала ихъ однимъ изъ удобнѣйшихъ орудій борьбы реакціи съ истинно-освободительнымъ движеніемъ народа. Такъ что въ послѣднемъ счетѣ исторія вполнѣ оправдала отмѣтку.

Западная Европа не имѣла ничего подобнаго казачеству. Даже австрійская Военная Граница была совсѣмъ непохожа на него по своему происхожденію и по своему общественному значенію. Потому-то западному европейцу до сихъ поръ такъ трудно составить себѣ сколько-нибудь правильное представленіе о казакахъ. Но въ другихъ частяхъ свѣта существовало свое казачество.

«Подобно бѣглымъ неграмъ Суринама, нѣкогда столь опаснымъ для голландцевъ, бѣглые рабы Занзибара образовали что-то въ родѣ Либеріи между горою Іомбо и Шимбалійскою частью береговой горной цѣпи. Они нападаютъ на караваны, идущіе прямымъ путемъ изъ Момбаса въ Узумбару, и успѣшно сопротивляются нападеніямъ Муазаньомбе,—такъ называется одно изъ подраздѣленій племени Вуадиго,—султанъ которыхъ смотритъ на нихъ какъ на своихъ подданныхъ. Судя по разсказамъ арабовъ, есть еще маленькая республика того же происхожденія въ окрестностяхъ Гулуана... путешественники съ ужасомъ говорятъ о насиліяхъ и жестокости населяющихъ ее бѣглецовъ» [2].

Африканскіе и южно-американскіе (суринамскіе) бѣглецы, это—черные казаки, протестовавшіе противъ бѣлыхъ рабовладѣльцевъ и черныхъ «самовластцевъ». Но ихъ протестъ былъ такъ же непроизводителенъ въ смыслѣ прогресса общественныхъ отношеній, какъ и протестъ бѣлыхъ казаковъ русскаго происхожденія.

XXI.

Закрѣпощеніе государствомъ всѣхъ слоевъ русскаго населенія было, какъ мы видѣли, результатомъ «инертности народнаго хозяйства», въ свою очередь, вызванной причинами, возвращаться къ которымъ здѣсь было бы совершенно излишне. Разъ возникнувъ,

---

[1]) Назв. соч., стр. 601, примѣч. 252.

[2]) Voyage aux grands Lacs d'Afrique orientale, par le capitaine Burton, Paris 1862, p. 672.

закрѣпощеніе это само стало причиной, замедлявшей экономическое развитіе Россіи. Однако, оно не остановило, да и не могло остановить его. Денежное хозяйство развивалось въ странѣ медленно, но неуклонно. Прежде натуральный характеръ русскаго народнаго хозяйства велъ къ тому, что даже посадскіе люди, промышлявшіе «торжишкомъ», уплачивали хлѣбомъ нѣкоторые, причитавшіеся съ нихъ, сборы. Во второй половинѣ XVII в. развитіе «торжишка» привело къ тому, что такой способъ уплаты становился для нихъ затруднительнымъ. Въ 1673 г. приказано было взимать съ посадскихъ людей деньги взамѣнъ, такъ называемаго, стрѣлецкаго хлѣба [1]). Эти успѣхи денежнаго хозяйства создавали экономическую основу для будущей реформы Петра, программа которой, по превосходнѣйшему замѣчанію Ключевскаго, «была вся готова еще до начала дѣятельности преобразователя», а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шла «даже дальше того, что онъ сдѣлалъ» [2]). Такъ, уже въ XVII в. московское правительство начало преобразовывать свою армію, все болѣе и болѣе дополняя старую дворянскую конницу полками «иноземнаго строя». Но по мѣрѣ того, какъ возрастало число такихъ полковъ,—а оно и тогда уже возрастало довольно быстро,—росли денежные расходы правительства на армію. При Петрѣ дѣло дошло до того, что прекратилась раздача помѣстій, такъ какъ основнымъ вознагражденіемъ за службу стало при немъ денежное жалованье, а не помѣстное. «При Петрѣ и въ послѣдующія царствованія служащіе нерѣдко получали земли, населенныя имѣнія, но уже не для обезпеченія службы, какъ прежде раздавались помѣстья, а въ видѣ особой награды за службу и не въ условное владѣніе, а въ собственность на томъ же основаніи, какъ ранѣе раздавались выслуженныя, жалованныя вотчины» [3]).

Вопреки тому, что говорили о немъ славянофилы, Петръ своей преобразовательною дѣятельностью вовсе не шелъ противъ общаго теченія русской исторической жизни. Но его царствованіе было одной изъ тѣхъ, совершенно неизбѣжныхъ въ процессѣ соціальнаго развитія, эпохъ, когда постепенно накопляющіяся количественныя измѣненія превращаются въ качественныя. Такое превращеніе всегда совершается посредствомъ скачковъ, которые при недостаткѣ освѣдомленности или вдумчивости кажутся внезапными, т.-е. совершенно лишенными надлежащей органической подготовки. Подобнымъ оптическимъ обманомъ и объясняются обильно сыплющіеся на главныхъ дѣятелей такихъ эпохъ упреки

1) См. назв. соч. г. А. Лаппо-Данилевскаго, стр. 169.
2) «Курсъ», ч. III, стр. 473.
3) Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Государевы служилые люди», стр. 235.

въ невниманіи къ предшествовавшему ходу общественнаго развитія. «Первоочередное преобразовательное дѣло Петра» (выраженіе проф. Ключевскаго),—реформа арміи—издавна подготовлялась умноженіемъ полковъ «иноземнаго строя». Однако, и это дѣло совершилось при Петрѣ посредствомъ скачка, потому что постепенныя измѣненія въ организаціи военной силы привели къ тому, что количество могло и должно было перейти въ качество. Своей реформой арміи Петръ сдѣлалъ то самое дѣло, которое очень задолго до него выполнили въ своей странѣ французскіе короли. И совершенно такъ же, какъ во Франціи, реформа арміи внесла у насъ новый смыслъ въ отношеніе высшаго класса къ землѣ. Прежде смыслъ заключался въ томъ, что землевладѣніе давало высшему классу возможность нести военную службу. Теперь, когда классъ этотъ сталъ получать за свою службу денежное, а не земельное «жалованье», онъ долженъ былъ или перестать владѣть землею или владѣть ею уже на какомъ-то новомъ основаніи. Перестать владѣть ею было очень невыгодно для него, и онъ избѣжалъ такого невыгоднаго оборота дѣла, воспользовавшись своимъ положеніемъ высшаго класса, съ интересами котораго не могло не считаться даже деспотическое правительство. Къ тому же экономическое разореніе этого класса, изъ котораго продолжали вербоваться главные служилые элементы, было не въ интересахъ государства. Поэтому Петровская реформа и тутъ совершила лишь то, что было подготовлено предшествовавшимъ ходомъ русскаго общественнаго развитія. Уже въ XVII в. помѣстья постепенно сливались съ вотчинами. Закономъ 1714 г. о единонаслѣдіи Петръ довершилъ это сліяніе, сравнявъ помѣстья съ вотчинами подъ общимъ именемъ недвижимыхъ имуществъ. Законъ о единонаслѣдіи не понравился русскому дворянству, и оно добилось его отмѣны при Аннѣ Ивановнѣ. Но тотъ же самый указъ, который отмѣнялъ его, предписывалъ «впредь какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать одно недвижимое имѣніе, вотчина». Отъ этого пріобрѣтенія ни за что не захотѣло бы отказаться русское дворянство. Характерно, что оно подтверждено было, именно, той императрицей, которой дворянство помогло удержать въ своихъ рукахъ самодержавную власть вопреки замысламъ «верховниковъ». И та же императрица, указомъ 31 декабря 1736 г., ограничила срокъ обязательной службы дворянъ 25-ю годами, предоставивъ, кромѣ того, отцамъ право удерживать одного изъ своихъ сыновей дома для хозяйства. Этимъ положено было начало раскрѣпощенію русскаго служилаго класса, который именовался тогда шляхетствомъ. Указъ 1736 г. такъ обрадовалъ дворянъ, что тѣ изъ нихъ, которые выслужили срокъ, стали во множествѣ выходить въ отставку, вслѣдствіе чего правитель-

ство вынуждено было дать указу ограничительное толкованіе. Но этимъ процессъ раскрѣпощенія былъ только пріостановленъ, да и то не надолго. Ограничительное толкованіе было отмѣнено Елизаветой, а Петръ III манифестомъ 18 февраля 1762 г. далъ «всему россійскому благородному дворянству вольность и свободу». Вольность и свобода были, 23 года спустя, подтверждены Екатериной II: ея жалованная грамота дала дворянамъ права внутренняго сословнаго самоуправленія и позволила имъ дѣлать черезъ своихъ депутатовъ представленія Сенату и верховной власти. Все это дополнялось весьма пріятными для дворянства постановленіями: «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго», и «да не судится благородный окромѣ своими равными». Дворянство недаромъ любило матушку Екатерину: матушка привела процессъ дворянскаго раскрѣпощенія къ благополучному концу. О настоящихъ политическихъ правахъ дворянство не мечтало, да, какъ увидимъ, и не могло мечтать.

Общественно-политическій бытъ русскаго государства представлялъ собою какъ бы двухъярусное зданіе, въ которомъ закрѣпощеніе обитателей нижняго яруса оправдывалось закрѣпощеніемъ обитателей верхняго: крестьянинъ и посадскій человѣкъ были закрѣпощены для того, чтобы дать дворянину экономическую возможность нести свою крѣпостную службу государству. Но классъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается выполненіе важнѣйшихъ общественныхъ функцій, не преминетъ воспользоваться этимъ, во-первыхъ, для того, чтобы увеличить свою власть надъ низшимъ классомъ, а, во-вторыхъ, для того, чтобы облегчить себѣ исполненіе своихъ общественныхъ обязанностей. Такъ и поступило русское дворянство. Оно постепенно увеличило свою власть надъ крестьянствомъ и постепенно раскрѣпостило самого себя. Ему тѣмъ легче было сдѣлать и то и другое, что военная сила государства была въ его рукахъ.

Реформируя свою армію, Петръ для заполненія офицерскихъ мѣстъ, разсчитывалъ преимущественно на дворянство. Но онъ хотѣлъ, чтобы производимые въ офицеры дворяне знали «съ фундамента солдатское дѣло». Указы 1714 и 1719 гг. требовали, «чтобы изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь въ офицеры не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи» [1]). Благодаря этому, наши первые гвардейскіе полки были наполнены рядовыми изъ дворянъ, исполнявшими всѣ обязанности нижнихъ чиновъ. Но по той же причинѣ петербургскіе «самовластцы» оказались въ полной зависимости отъ одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры дворянъ.

---

[1]) Павловъ-Сильванскій, назв. соч., стр. 240.

Биронъ былъ по своему вполнѣ правъ, не любя дворянской гвардіи и величая гвардейскихъ дворянъ янычарами: «Почти всѣ правительства, смѣнявшіяся со смерти Павла I до воцаренія Екатерины II, были дѣломъ гвардіи; съ ея участіемъ въ 37 лѣтъ при дворѣ произошло пять-шесть переворотовъ. Петербургская гвардейская казарма явилась соперницей Сената и Верховнаго Тайнаго Совѣта, преемницей московскаго Земскаго Собора» [1]. Можно сказать даже больше: въ теченіе нѣкотораго времени петербургское самодержавіе было de facto ограничено саблей гвардейскаго офицера и штыкомъ гвардейскаго солдата. Но ограниченіе не могло быть прочнымъ. Достаточно было передать гвардейскій штыкъ въ крестьянскія руки, чтобы и на дѣлѣ возстановить самодержавіе во всей его полнотѣ. Классовыя отношенія въ тогдашней Россіи были таковы, что она рѣшительно не могла сдѣлаться дворянски-республиканской страной, какою была Польша, а должна была оставаться страной абсолютной монархіи

Современникъ Петра, Иванъ Посошковъ, самъ происходившій изъ крестьянскаго званія, выразилъ общее крестьянское убѣжденіе, сказавъ въ своей «Книгѣ о скудости и о богатствѣ»: «крестьянамъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Посошковъ совѣтовалъ царскимъ указомъ предписать, «чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное» [2]. Такъ думало крестьянство еще при Петрѣ, т.-е. тогда, когда обязательная служба дворянъ еще не была отмѣнена. Въ этой службѣ они видѣли единственное оправданіе своего временнаго закрѣпощенія помѣщикамъ. Когда дворяне были раскрѣпощены, крестьяне рѣшили, что теперь очередь за ними, такъ какъ теперь ихъ временно-подневольный трудъ лишился всякаго смысла. Либеральная Екатерина вынуждена была разувѣрять ихъ въ этомъ. Тотчасъ же по своемъ вступленіи на престолъ она объявила, что намѣрена «помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять и крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать». Но это не разбудило крестьянъ, они не переставали ждать воли, и почти каждый новый государь долженъ былъ повторять, что уничтоженіе крѣпостного права не входитъ въ программу его царствованія. Крестьяне заносили эти повторенія въ счетъ помѣщиковъ. Они хорошо понимали, что помѣщики всѣми мѣрами противятся и должны

---

1) Ключевскій. «Курсъ», ч. 4-я, стр. 352.

2) «Книга о скудости и о богатствѣ», съ предисловіемъ А. А. Кизеветтера. Москва 1911, стр. 78—79.

противиться ихъ освобожденію. Чѣмъ больше они стремились къ нему, тѣмъ больше ненавидѣли помѣщиковъ. А ихъ ненависть къ помѣщикамъ упрочивала петербургское самодержавіе. Всякая попытка дворянства явно и формально ограничить самодержавную власть быстро и жестоко разбилась бы объ единодушное сопротивленіе низшаго класса. Совершенно неразвитое въ политическомъ смыслѣ крестьянство, въ средѣ котораго постоянно вспыхивали то здѣсь, то тамъ «бунты» противъ помѣщиковъ, неизмѣнно пріурочивало къ предполагаемой имъ доброй волѣ русскихъ государей всѣ свои упованія на лучшее будущее: извѣстно, что Пугачевъ счелъ нужнымъ выдать себя за Петра III. Осуществленіе этихъ упованій представлялось крестьянству тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ полнѣе была монархическая власть. Естественно было поэтому, что оно смотрѣло, какъ на самыхъ злыхъ недруговъ народа, на всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ оно подозрѣвало намѣреніе возстать противъ царя. Это его настроеніе не разъ дало почувствовать себя въ XIX в. при разнаго рода оппозиціонныхъ и революціонныхъ выступленіяхъ разночинцевъ. Мы увидимъ, что оно имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ революціонныхъ программъ и нѣкоторыхъ тактическихъ пріемовъ революціонной борьбы. Одной изъ главныхъ причинъ смѣны народничества «народовольствомъ» послужило недовѣрчивое отношеніе народа къ тѣмъ, пытавшимся сблизиться съ нимъ, революціоннымъ разночинцамъ, которые не раздѣляли его главнаго политическаго вѣрованія.

XXII.

Помѣщики хорошо понимали, что крестьянскій аполитизмъ имѣлъ свой политическій смыслъ. Они не могли не чувствовать, что въ борьбѣ съ ними у самодержавія былъ бы въ лицѣ крестьянъ страшный для нихъ союзникъ. Уже по одному этому они не могли быть расположенными добиваться формальнаго ограниченія центральной власти. Съ другой стороны, союзъ съ самодержавіемъ былъ нуженъ имъ самимъ для того, чтобы держать въ уздѣ свою, всегда недовольную и, казалось, всегда готовую перейти въ наступленіе, «крещеную собственность». Это дѣлало ихъ еще менѣе расположенными выдвигать какія-нибудь опредѣленныя политическія требованія. Послѣ того, какъ гвардейскій штыкъ изъ рукъ дворянина перешелъ въ руки крестьянина, благородное сословіе могло противопоставить волѣ самодержавныхъ монарховъ только одну силу: силу пассивнаго сопротивленія, да развѣ еще чисто офицерскіе заговоры, въ родѣ того, который закончился ка-

тастрофой 11 марта 1801 г. Сила дворянскаго пассивнаго сопротивленія была при случаѣ очень велика и имѣла въ исторіи нашего внутренняго развитія несравненно большее значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Съ нею приходилось считаться даже такому настойчивому, убѣжденному и ревнивому представителю самодержавной власти, какимъ былъ Николай [1]). Но сила пассивнаго сопротивленія была вполнѣ консервативной силой, а событія, въ родѣ катастрофы 11 марта 1801 г., могли быть очень опасны для отдѣльныхъ представителей власти, но для политической системы въ ея цѣломъ они были еще менѣе опасны, чѣмъ «лейбъ-кампанскіе» подвиги XVIII в.

Такимъ образомъ, нашъ монархическій строй былъ проченъ совсѣмъ не отсутствіемъ у насъ борьбы классовъ,—какъ это утверждали Погодинъ и славянофилы, собственно такъ называемые,—а именно ея наличностью. Но одной изъ замѣчательныхъ особенностей русскаго историческаго процесса явился тотъ фактъ, что наша борьба классовъ, чаще всего остававшаяся въ скрытомъ состояніи, въ теченіе очень долгаго времени не только не колебала существовавшаго у насъ политическаго порядка, а, напротивъ, чрезвычайно упрочивала его.

Далѣе. Помѣстное землевладѣніе въ теченіе долгаго времени было экономически необходимымъ условіемъ исправнаго отбыванія службы дворянами. Это ясно сознавали какъ сами «всепокорнѣйшіе рабы» русскихъ государей, такъ и ихъ собственные рабы—крестьяне. Но съ развитіемъ денежнаго хозяйства дѣло существенно измѣнилось. Армія была преобразована, и раздача земель уступила мѣсто денежному жалованью. Это тоже не ускользнуло отъ вниманія народа. Дворянское землевладѣніе лишилось смысла въ его глазахъ. Если крѣпостные крестьяне были убѣждены, что за отмѣной обязательной службы помѣщиковъ должно послѣдовать ихъ собственное освобожденіе, то они представляли его себѣ не иначе, какъ въ видѣ свобожденія съ землею. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не чувствовалось земельной «тѣсноты», крестьяне, на-

---

[1]) См. чрезвычайно интересный фельетонъ Е. В. Тарле «Императоръ Николай I и дворянство (1842—1847)», напечатанный въ «Рѣчи» отъ 17 октября 1911 г. Авторъ разсказываетъ, на основаніи неизданныхъ донесеній французскаго посланника, какъ настойчиво и успѣшно противилось русское дворянство намѣреніямъ Николая I внести нѣкоторыя ограниченія въ крѣпостное право помѣщиковъ. Перье писалъ министру Гизо въ одномъ изъ своихъ донесеній (отъ $^{8}/_{20}$ апрѣля 1842 г.), что Николай «отступилъ, не желая признаваться въ этомъ, предъ затрудненіями, которыхъ не предвидѣлъ, предъ недовольствомъ дворянства, которое взволновалось, когда увидѣло посягательство на свои богатства и старинныя права».

вѣрно, ничего не имѣли противъ того, чтобы извѣстная часть земли осталась за помѣщиками. Но зато тамъ, гдѣ такая «тѣснота» уже ощущалась, они нисколько не сомнѣвались, что слѣдуетъ произвести «черный передѣлъ», т.-е. отобрать всѣ помѣщичьи земли въ казну и распредѣлить ихъ поровну между земледѣльцами. Дворянское землевладѣніе не имѣло теперь въ ихъ глазахъ никакого оправданія, а кромѣ того, съ ними самими такъ мало церемонились, когда заходила рѣчь объ удовлетвореніи той или другой государственной потребности, что они рѣшительно не понимали, почему правительство церемонится съ помѣщиками. Чѣмъ болѣе росла крестьянская нужда въ землѣ, тѣмъ нетерпѣливѣе становилось крестьянское ожиданіе «чернаго передѣла», или «слушнаго часа». Не дождавшись отъ высшей власти призыва къ передѣлу, они сами взялись за него. Такъ начались аграрныя волненія 1902—5 гг.

Волненія эти обыкновенно приписывались вліянію революціонной пропаганды. Но ея вліяніе на крестьянъ никогда не было велико, и потому она далеко не объясняетъ всѣхъ случаевъ аграрныхъ волненій. Дѣло тутъ было не въ революціонной пропагандѣ, а въ той психологіи крестьянина, которая въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ создавалась аграрной политикой россійскаго государства. Когда крестьянинъ требовалъ отобранія земли у помѣщиковъ, и даже когда онъ самъ принимался отбирать ее, онъ велъ себя не какъ революціонеръ, а, напротивъ, какъ самый убѣжденный охранитель: онъ охранялъ ту аграрную основу, на которой такъ долго держался весь общественно-политическій строй Россіи. Противившіеся «черному передѣлу», помѣщики возставали противъ этой основы, и потому являлись въ глазахъ крестьянъ самыми опасными бунтовщиками. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что, выдвигая такое радикальное экономическое требованіе, какъ требованіе земельнаго передѣла, наши земледѣльцы въ то же самое время оставались совершенно чуждыми всякаго политическаго радикализма. Даже тамъ, гдѣ, утративъ свои старыя политическія вѣрованія, крестьяне не выступали защитниками неограниченной монархической власти, они все-таки были равнодушны къ политикѣ. Ихъ поле зрѣнія ограничивалось вопросомъ о земельномъ передѣлѣ. Потому и выходило такъ, что въ крупныхъ центрахъ рабочихъ и «интеллигенцію» разстрѣливали одѣтыя въ солдатскіе мундиры дѣти тѣхъ самыхъ «государевыхъ сиротъ», которые въ деревняхъ разоряли «дворянскія гнѣзда» и дѣлили между собою помѣщичью землю. Правда, бывало нерѣдко такъ, что на митингахъ, созывавшихся въ большихъ селахъ, крестьяне одобряли резолюціи, требовавшія, между прочимъ, созыва учредительнаго собранія.

Но для огромнаго большинства участниковъ такихъ митинговъ со словами: «учредительное собраніе» не связывалось никакого опредѣленнаго политическаго представленія. Резолюціи, написанныя людьми совсѣмъ другого образа мыслей, одобрялись собиравшимися на митинги крестьянами не потому, что онѣ содержали въ себѣ требованіе учредительнаго собранія, а потому, что, кромѣ этого, непонятнаго и неинтереснаго для нихъ требованія, въ резолюціяхъ заключалось вполнѣ понятное для земледѣльца и чрезвычайно важное въ его глазахъ требованіе земельнаго передѣла. Въ смутное время православные обитатели Казани, собираясь отстаивать Московское государство и «домъ Пресвятой Богородицы» противъ «казаковъ и литовскихъ людей», вошли на этотъ предметъ въ соглашеніе «съ горными и луговыми татарами и Луговою Черемисою». Татарамъ, а также, я думаю, и «Луговой Черемисѣ», которая, навѣрно, не очень дорожила христіанствомъ, было, конечно, рѣшительно все равно, какъ обернется дѣло съ «домомъ Пресвятой Богородицы». Но и татары, и «Луговая Черемиса», какъ видно, страдали отъ господствовавшаго въ смутное время безпорядка, и потому готовы были итти съ тѣми, которые, собираясь возстановить порядокъ, вспоминали, между прочимъ, и о названномъ «домѣ». Въ грамотахъ, на которыя сочувственно откликались татары и черемисы, ихъ трогало не то, что говорилось о «домѣ Пресвятой Богородицы», а именно и только то, что указывало на необходимость возстановленія порядка. Точно также и въ резолюціяхъ, принимавшихся на митингахъ, крестьянъ въ большинствѣ случаевъ трогали вовсе не тѣ строки, которыя требовали созыва учредительнаго собранія, а именно и только тѣ, въ которыхъ говорилось о «землицѣ». Крестьяне жадно ловили всѣ слухи о дѣятельности первой и второй Государственной Думы. Но и эти слухи интересовали ихъ лишь примѣнительно къ той же «землицѣ». Совершенно недоступной осталась для нихъ политическая сторона вопроса о народномъ представительствѣ. Они не понимали его природы: вмѣсто того, чтобы видѣть въ себѣ источникъ силы Государственной Думы, они смотрѣли на Думу какъ на такое учрежденіе, которое дастъ народу силу, нужную ему для борьбы съ противниками «земельнаго равненія». Поэтому имъ и въ голову не приходило, что народъ можетъ и долженъ отстаивать своихъ представителей въ борьбѣ съ реакціей.

Въ этой психологіи русскаго крестьянства, сложившейся на основѣ нашего стараго общественно-политическаго быта, такъ сильно напоминающаго собою бытъ восточныхъ деспотій, заключается разгадка той загадки, которую недавно одинъ изъ органовъ нашей періодической печати назвалъ «міровой загадкой движенія,

начавшагося такимъ высокимъ подъемомъ и окончившагося столь неудачно» [1]), т.-е., проще говоря, того, что революціонный взрывъ 1905—6 гг. оказался гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ это показалось спачала и нашимъ революціонерамъ, и нашимъ охранителямъ. Указанный взрывъ явился результатомъ сочетанія двухъ силъ, совершенно различныхъ по своей природѣ. Одна изъ нихъ создана была начавшимся еще въ концѣ XVII в. процессомъ европеизаціи Россіи, другую—породилъ нашъ старый восточный бытъ. Одна была революціонна по своему существу даже тогда, когда она избѣгала всякихъ насильственныхъ дѣйствій; другая сохраняла свой консервативный характеръ даже тогда, когда проявляла себя самыми рѣзкими насиліями. Въ теченіе нѣкотораго времени дѣйствіе первой силы подкрѣплялось дѣйствіемъ второй, что и придало взрыву 1905—6 гг. очень значительный видъ. Но скоро вторая сила оказалась неспособной къ дальнѣйшей поддержкѣ первой силы, и тогда стало выясняться, что взрывъ вовсе не такъ значителенъ на самомъ дѣлѣ, какъ это подумали сначала. Переставъ поддерживать силу революціонную, консервативная сила тѣмъ самымъ чрезвычайно укрѣпила позиціи защитниковъ стараго порядка и содѣйствовала его возстановленію. Вотъ почему «движеніе, начавшееся такимъ высокимъ подъемомъ», окончилось,—если окончилось,—«столь неудачно». Взрывъ 1905—6 гг. былъ слѣдствіемъ европеизаціи Россіи. А его «неудача» была причинена тѣмъ, что процессъ европеизаціи переработалъ пока еще далеко не всю Россію. Послѣдствія «неудачи» будутъ ослабляться сообразно дальнѣйшему ходу названнаго процесса.

А пока что, приходится опять вспоминать, что исторія Россіи есть исторія колонизующейся страны. Потерявъ надежду на «черный передѣлъ» въ Россіи, крестьянство огромной массой устремилось въ наши азіатскія владѣнія. Правительство, которое очень долго старалось затруднять переселенія, такъ какъ боялось, что они лишатъ помѣщиковъ дешевой рабочей силы, на этотъ разъ широко открыло предохранительный клапанъ колонизаціи. Оно разсчитывало, что колонизація удалитъ изъ европейской Россіи безпокойные элементы крестьянства. Будущее покажетъ, былъ ли этотъ расчетъ правиленъ, и если да, то—въ какой мѣрѣ. Теперь же для всѣхъ очевидно одно: въ послѣдніе годы притокъ переселенцевъ въ азіатскую Россію быстро уменьшается. Такъ «Освѣдомительное Бюро» сообщало, что въ 1909 г. въ наши азіатскія владѣнія прошло ходоковъ и переселенцевъ 707.400 душъ, въ 1910 г.— 353.000 д., а въ 1911 г.—226.000 д. Такимъ образомъ, дѣйствіе предохранительнаго клапана значительно и быстро сокращается.

---

[1]) «Рѣчь», № 127, 11 мая 1912 г.

Съ другой стороны, ростъ населенія въ азіатской Россіи увеличиваетъ емкость внутренняго рынка Имперіи и тѣмъ способствуетъ росту ея промышленнаго развитія, т.-е. ускоряетъ процессъ европеизаціи ея передовыхъ мѣстностей, вслѣдствіе чего уменьшаются шансы новой побѣды реакціи.

XXIII.

Мы знаемъ, что сближеніе общественно-политическаго строя сѣверо-восточной Руси со строемъ восточныхъ деспотій объясняется въ послѣднемъ счетѣ обстоятельствами, замедлившими ростъ ея производительныхъ силъ и тѣмъ самымъ причинившими «инертность» ея хозяйства. Но эта страна, такъ похожая по своему быту на азіатскія страны, должна была отстаивать свое существованіе не только отъ нападенія со стороны азіатовъ. На Западѣ она граничила съ Европой, и уже съ XVI в. каждое враждебное столкновеніе съ европейскими странами давало ей болѣзненно почувствовать превосходство европейской цивилизаціи. Волей-неволей надо было подумать о томъ, чтобы кое-чему поучиться у Европы. При этомъ, какъ мы уже видѣли, начато было съ того, въ чемъ чувствовалась наиболѣе острая нужда: съ усвоенія западно-европейскаго военнаго искусства. Къ концу XVII в. полки иноземнаго строя значительно превосходили своею численностью помѣстную дворянскую конницу. Правда, первоначально войско иноземнаго строя было немногимъ лучше дворянскихъ ополченій. Но и тогда уже становилось ясно, что для преобразованія арміи нужно много денегъ, а для того, чтобы имѣть деньги, нужно заимствовать у тѣхъ же западныхъ еретиковъ, у «латинцевъ» и у «люторы», ихъ умѣнье пользоваться природными богатствами своей страны. Уже при Алексѣѣ Михайловичѣ принимается рядъ мѣръ для умноженія производительныхъ силъ страны. Но мѣры эти были слишкомъ недостаточны для того, чтобы имѣть сколько-нибудь серьезное вліяніе на развитіе народнаго хозяйства. Что же касается понятій и привычекъ населенія, то при Алексѣѣ Михайловичѣ европеизація распространилась только на горсть отдѣльныхъ лицъ, да и къ нимъ почти цѣликомъ примѣнимо то замѣчаніе, которое В. О. Ключевскій дѣлаетъ о Ртищевѣ и Ординѣ-Нащокинѣ: «западные образцы и научныя знанія они направляли не противъ отечественной старины, а на охрану ея жизненныхъ основъ отъ нея самой, отъ узкаго и черстваго ея пониманія, воспитаннаго въ народной массѣ дурнымъ государственнымъ и церковнымъ руководительствомъ, отъ рутины, которая ихъ мертвила» [1]. Интересно, что

[1]) «Курсъ», ч. III, стр. 455.

воспитанный иностранными учителями сынъ Ордина-Нащокина, Воинъ, не ужился въ тогдашней Москвѣ, гдѣ «стошнило ему окончательно», и бѣжалъ за границу, сначала къ Польскому королю, а потомъ во Францію [1]. И хотя при Өедорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софьѣ уже стали при царскомъ дворѣ заводить «политессъ съ манеру польскаго», но дѣйствительная европеизація Россіи начинается только съ Петра. Вотъ почему вопросъ о значеніи петровской реформы и сдѣлался у насъ кореннымъ вопросомъ публицистики. Онъ былъ равнозначителенъ вопросу о томъ, въ какомъ направленіи должна развиваться Россія: въ сторону Запада, или же въ сторону Востока.

Петру приписываютъ слова: «намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны повернуться задомъ». Трудно рѣшить, въ самомъ ли дѣлѣ онъ произнесъ ихъ. Вѣрнѣе, что—нѣтъ. И все-таки они имѣютъ глубокій историческій смыслъ. Какъ ни сильно увлекала Петра западно-европейская цивилизація, въ своей преобразовательной дѣятельности онъ былъ и могъ быть западникомъ только отчасти. Этимъ и объясняется тотъ разрывъ между верхнимъ, болѣе или менѣе глубоко европеизованнымъ классомъ, съ одной стороны, и народомъ—съ другой, который былъ результатомъ петровской реформы, и который такъ горько оплакивали впослѣдствіи славянофилы.

Если главной отличительной чертой, сближавшей русскій бытъ съ бытомъ восточныхъ деспотій, являлось полное закрѣпощеніе всѣхъ классовъ народа государству, то совершенно неоспоримо, что реформа Петра не могла, да и не имѣла въ виду европеизовать крестьянство. Напротивъ. Петербургскій періодъ довелъ, какъ мы уже видѣли, закрѣпощеніе крестьянина государству и землевладѣльцамъ до его крайнихъ логическихъ выводовъ. Въ длинный промежутокъ времени отъ Петра до генерала Киселева положеніе русскаго крестьянина все болѣе и болѣе приближалось къ положенію низшаго, порабощеннаго класса восточныхъ деспотій. Подневольный крестьянскій трудъ на пользу помѣщиковъ и государства дѣлался все болѣе и болѣе тяжелымъ. Уже при Петрѣ положеніе крестьянина ухудшилось весьма значительно. Сравнивая общія цифры податного населенія Россіи по переписямъ 1678 и 1710 гг., г. П. Милюковъ показалъ, что за этотъ періодъ

[1]) См. Соловьева, «Исторія Россіи», книга 3-я, стр. 67. Курьезно, что «тишайшій» Алексѣй Михайловичъ, очень огорченный побѣгомъ молодого Нащокина, хлопоталъ о возвращеніи его изъ-за границы, а на случай неудачи находилъ нужнымъ «извести его тамъ», при чемъ совѣтовалъ съ большою осмотрительностью пріучать старика Нащокина къ мысли о «небытіи на свѣтѣ» его бѣглаго сына. (См. Соловьева, тамъ же, стр. 69).

времени населеніе это не возрасло, какъ этого слѣдовало бы ожидать, а уменьшилось на одну пятую часть. «Но необходимо помнить, — прибавляетъ названный историкъ, — что этотъ результатъ есть уже, такъ сказать, равнодѣйствующая дѣйствительной убыли и того естественнаго прироста, который долженъ былъ нѣсколько прикрыть и замаскировать ее» [1]). Такою страшною цѣною заплатило податное населеніе Россіи за петровскую реформу! Г. Милюковъ не безъ наивности замѣчаетъ, что, «за исключеніемъ мѣръ, принятыхъ въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ идей меркантилизма въ пользу городского класса, Петръ не былъ соціальнымъ реформаторомъ» [2]). Съ этимъ очень легко согласиться: какая ужъ тамъ соціальная реформа! Соціальная реформа имѣетъ въ виду облегчить положеніе низшаго класса, а Петру было совсѣмъ не до того. Его экономическая политика по отношенію къ трудящимся осталась вѣрной завѣтамъ Московскаго государства, ни о какой «соціальной реформѣ» никогда не помышлявшаго. Но если Москва била податное населеніе бичами, то Петербургъ, въ лицѣ Петра, сталъ бить его скорпіонами. Неудивительно, что уже въ 1700 г. въ народѣ стала распространяться легенда о томъ, что наступили послѣднія времена и что въ лицѣ Петра воцарился антихристъ. Короче, съ этой стороны ни о какой европеизаціи говорить невозможно.

Надо еще прибавить, что ко времени Петровской реформы въ передовыхъ странахъ европейскаго Запада быстро исчезали послѣдніе остатки крѣпостного права. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собою какъ бы два процесса, параллельныхъ одинъ другому, но направленныхъ въ обратныя стороны: закрѣпощеніе крестьянъ доходитъ у насъ до апогея въ тотъ самый періодъ времени, когда оно исчезаетъ на Западѣ. Этимъ еще болѣе увеличивается разница положенія русскаго крестьянина съ положеніемъ западнаго.

Не то увидимъ мы, обратившись къ д в о р я н с т в у. Если самъ Петръ ничего не предпринялъ для его освобожденія отъ обязательной службы, то совершенное имъ преобразованіе

---

[1]) «Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго», Спб. 1892, стр. 268—269.

[2]) По мнѣнію проф. С. Ѳ. П л а т о н о в а, Петръ въ своей экономической политикѣ «отдавалъ дань идеямъ своего вѣка, создавшимъ на Западѣ извѣстную меркантильно-покровительственную систему» (Лекціи по русской исторіи, изд. 6-е, стран. 488—489). Петръ больше всего отдавалъ тутъ дань старой Москвѣ, съ которой онъ такъ жестоко воевалъ въ другихъ случаяхъ.

арміи дало дворянству возможность добиться сравненія помѣстій съ вотчинами и тѣмъ положить экономическую основу своей «вольности». Въ послѣдующія царствованія дворянство, отчасти благодаря тому же преобразованію арміи, пріобрѣло «вольность» въ той ея полнотѣ, какая была нужна для него при данныхъ условіяхъ. По мѣрѣ того, какъ оно приближалось къ «вольности», его роль въ государствѣ переставала быть похожей на роль служилаго класса въ восточныхъ деспотіяхъ и болѣе или менѣе уподоблялась роли высшаго сословія въ абсолютныхъ монархіяхъ Запада. Слѣдовательно, соціальное положеніе «благороднаго» сословія измѣнялось въ одну сторону,—въ сторону Запада,—въ то самое время, когда соціальное положеніе «подлыхъ людей» продолжало измѣняться въ сторону прямо противоположную,—въ сторону Востока. Передъ нами здѣсь опять два параллельныхъ процесса, и опять эти два процесса идутъ въ прямо противоположныя стороны. Вотъ тутъ-то и лежитъ наиболѣе глубокая общественная причина упомянутаго выше разрыва между народомъ и болѣе или менѣе просвѣщеннымъ обществомъ. Собственно говоря, подобный разрывъ существовалъ и въ западныхъ странахъ, напримѣръ, въ той же Франціи. Можно было бы привести нѣкоторые примѣры изъ жизни энциклопедистовъ, наглядно показывающіе, какъ трудно было французскому просвѣтителю XVIII в. столковаться съ французскимъ же крестьяниномъ, если только въ глазахъ этого послѣдняго онъ являлся бариномъ. Такая трудность взаимнаго пониманія есть неизбѣжный плодъ классового или сословнаго антагонизма. Но нигдѣ она не достигла такихъ большихъ размѣровъ, какъ въ Россіи. Сблизивъ съ Западомъ высшее сословіе и отдаливъ отъ него низшее, Петровская реформа тѣмъ самымъ увеличила недовѣріе этого послѣдняго ко всему тому, что шло къ намъ изъ Европы. Недовѣріе къ иностранцу помножалось на недовѣріе къ эксплуататору. Даже тогда, когда осуществленіе въ Россіи данной западно-европейской идеи пошло бы прежде всего на пользу угнетенныхъ сословій,—когда сама эта идея являлась на Западѣ продуктомъ освободительной борьбы угнетенныхъ съ угнетателями,—русскій крестьянинъ склоненъ былъ видѣть въ ней барскій «подвохъ», если только ее проповѣдывалъ человѣкъ, одѣтый въ нѣмецкое платье. Отъ этого много страдали передовые люди Россіи. Это была большая бѣда; но это была еще не самая большая. Самая большая бѣда была другая.

Когда европеизованные представители русской общественной мысли стали задумываться не только о тяжеломъ положеніи низшаго класса народа, но также объ его прошлой исторической судьбѣ и о шансахъ его будущаго развитія, тогда они, весьма естественно,

стали судить объ этихъ важнѣйшихъ предметахъ съ точки зрѣнія своихъ, заимствованныхъ у Запада, общественныхъ теорій. Но западныя теоріи возникли на почвѣ западно-европейскихъ общественныхъ отношеній. Положеніе же русскаго крестьянина, равно какъ и его историческое прошлое, напоминало собою несравненно болѣе Востокъ, чѣмъ Западъ. Поэтому, и то и другое, и положеніе и историческое прошлое, чрезвычайно трудно поддавалось анализу съ точки зрѣнія западныхъ общественныхъ теорій. Съ точки зрѣнія этихъ теорій, и то и другое представлялось полнымъ самыхъ неожиданныхъ противорѣчій. Вотъ примѣръ. Герцена поражалъ тотъ «страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ бо̀льшей части населенія шло (въ Россіи. *Г. П.*), увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени». Подобный фактъ былъ бы, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, «нелѣпъ» въ исторіи Италіи, Франціи, Англіи и большинства германскихъ странъ. Но принимая во вниманіе исторію экономическаго развитія сѣверо-восточной Россіи въ данной исторической обстановкѣ, фактъ этотъ у насъ представляется вполнѣ естественнымъ и даже неизбѣжнымъ. Еще труднѣе было, держась западныхъ общественныхъ теорій, составить себѣ сколько-нибудь вѣроятную схему будущаго развитія Россіи въ сторону идеаловъ передового человѣчества. Этой трудностью вызванъ былъ, между прочимъ, тотъ благородный крикъ отчаянія, который называется первымъ «философскимъ письмомъ» П. Я. Чаадаева. Ею же объясняется появленіе у насъ теорій «самобытнаго» русскаго прогресса—отъ славянофильства до народничества и субъективизма включительно. Наконецъ, она же вела къ тому, что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій отворачиваться отъ «самобытности» можно было только при одномъ условіи: обѣими ногами держась на почвѣ историческаго идеализма. Несходство нашего общественнаго «бытія» особенно (въ томъ, что касалось положенія и исторической судьбы низшаго класса народа) съ общественнымъ бытіемъ Запада могло не смущать нашихъ передовыхъ идеологовъ только въ одномъ случаѣ: если они раздѣляли то убѣжденіе, что не бытіе опредѣляетъ собою сознаніе, а сознаніе опредѣляетъ бытіе. Тому, кто, подобно французскимъ просвѣтителямъ XVIII в., думалъ, что la raison finit toujours par avoir raison (разумъ, въ концѣ концовъ, всегда оказывается правымъ), достаточно было убѣдиться въ р а з у м н о с т и того или другого передового ученія Запада, чтобы твердо повѣрить въ его будущее торжество. А кто сказалъ бы себѣ, что «разумность» разума измѣняется въ зависимости отъ общественныхъ условій, и что торжество даннаго вида его «разумности»,—даннаго передового ученія,—всегда предполагаетъ опредѣленное сочетаніе этихъ условій, тотъ, въ виду нашей тогдашней русской дѣйствительно-

сти, вынужденъ былъ бы признать, что даже и вполнѣ умѣстныя у себя на родинѣ передовыя ученія Запада «нелѣпы» въ Россіи. Мы увидимъ, что къ этому выводу пришелъ Бѣлинскій въ эпоху своего знаменитаго «примиренія съ дѣйствительностью». Однако, этотъ выводъ былъ невыносимъ для передовыхъ русскихъ людей. И мы увидимъ также, что самъ, безстрашный передъ истиной, Бѣлинскій могъ ужиться съ нимъ только на самое короткое время. Но и Бѣлинскому, чтобы отказаться отъ него, нужно было перейти на точку зрѣнія субъективнаго историческаго идеализма. Субъективный историческій идеализмъ благопріятствуетъ развитію соціальнаго утопизма. И мы убѣдимся, что самые передовые и даровитые представители русской общественной мысли въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, несмотря на всѣ свои усилія, не могли, въ своихъ соціальныхъ программахъ, выбиться изъ области утопіи.

Разрывъ народа съ передовой интеллигенціей страшно затруднялъ его собственную борьбу за свое освобожденіе и осуждалъ людей, стремившихся помочь ему, на жалкую роль «умныхъ ненужностей». Славянофилы говорили, что европеизованное русское «общество» представляло собою какъ бы европейскую колонію, живущую среди варваровъ. Это было вполнѣ вѣрно. Но измѣнить къ лучшему тяжелое положеніе иностранной колоніи, заброшенной въ среду русскихъ варваровъ, могло только одно общественное явленіе: европеизація варваровъ. Другого средства быть не могло по той простой причинѣ, что, вопреки мнѣнію славянофиловъ, въ общественной жизни Московской Руси не было,—да и неоткуда было взять,—такихъ «началъ», которыя давали бы ей возможность создать самобытную культуру, способную помѣряться съ культурой европейскаго Запада. «Начала» общественной жизни Москвы сводились, въ послѣднемъ счетѣ, къ закрѣпощенію всѣхъ классовъ населенія государству, а закрѣпощеніе совсѣмъ неблагопріятно для роста культуры. Правда, нѣкоторыя деспотіи Востока,—древній Египетъ или древняя Халдея,—тоже закрѣпощавшія государству всѣ народныя силы, были болѣе цивилизованы, нежели Московская Русь XVII столѣтія [1]). Нѣтъ основанія думать, что къ концу XVII в. Московская Русь дошла до послѣдняго предѣла той цивилизаціи, которая являлась болѣе

---

[1]) На счетъ Халдеи надо, впрочемъ, сдѣлать вотъ какую оговорку. Когда халдейскій царь эпохи касситовъ «отписывалъ на себя» землю той или другой изъ своихъ «черныхъ волостей», онъ, какъ отмѣчено мною выше, платилъ за нее вознагражденіе (Cuq, la propriété foncière en Chaldée, p. 720). Московскіе «самовластцы» ничего никому не платили въ такихъ случаяхъ. Это значитъ, что Москва закрѣпостила своихъ «сиротъ» гораздо болѣе основательно, нежели Халдея указанной эпохи.

или менѣе самобытнымъ плодомъ ея собственныхъ «началъ». Позволительно предположить, что она, въ концѣ концовъ, почти сравнялась бы съ древнимъ Египтомъ или съ древней Халдеей [1]. Но закрѣпощеніе населенія, явившееся въ результатѣ медленнаго развитія производительныхъ силъ, съ своей стороны, задерживаетъ это развитіе, чѣмъ задерживается и развитіе цивилизаціи. Западная Европа, никогда не знавшая закрѣпощенія въ той его полнотѣ, какую мы наблюдаемъ въ государствахъ Востока и въ московской Руси, выработала у себя несравненно болѣе значительныя производительныя силы и гораздо болѣе могучую цивилизацію. Въ сравненіи съ этой послѣдней самобытная цивилизація восточныхъ странъ оказалась бы слишкомъ слабой. Въ концѣ XVII, въ XVIII и въ XIX столѣтіяхъ,—не до Р. Х., а послѣ него,—необходимо было усвоить культуру европейскаго Запада или пойти назадъ, склониться къ упадку и разложенію. Къ счастью для Россіи, процессъ усвоенія ею цивилизаціи Западной Европы не могъ ограничиться европеизаціей ея служилаго сословія.

XXIV.

Петръ не только упрочилъ закрѣпощеніе крестьянства. Даже его многочисленныя и разнообразныя техническія заимствованія у Запада вели не столько къ европеизаціи нашихъ общественныхъ отношеній, сколько къ еще болѣе послѣдовательному переустройству ихъ въ старомосковскомъ духѣ. Желая дать толчокъ развитію производительныхъ силъ своей страны, онъ обратился къ тому средству, которое такъ широко примѣнялось въ Московской Руси: къ подневольному труду и обязательной службѣ разныхъ подходящихъ для данныхъ цѣлей классовъ населенія. Московское государство имѣло своихъ служилыхъ ремесленниковъ, т.-е. посадскихъ людей, обязанныхъ заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Со времени Петра у насъ появились служилые фабриканты и заводчики [2]. Въ передовыхъ странахъ Запада распространеніе

[1] Ей трудно было бы вполнѣ сравняться съ ними вслѣдствіе менѣе благопріятныхъ природныхъ условій культурнаго развитія.

[2] «Хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ»,—разсуждалъ Петръ, и потому предписывалъ мануфактуръ коллегіи дѣйствовать на фабрикахъ «не предложеніемъ однимъ, но и принужденіемъ». Въ 1723 г. онъ, оглядываясь назадъ, говорилъ, что у него «все неволею сдѣлано» (Ключевскій Курсъ, ч. IV. стр. 143—144). Въ виду этой «неволи», представлявшей собою самое выдающееся изъ всѣхъ «началъ» московской жизни, В. О. Ключевскій имѣлъ полное

фабрично-заводскаго производства означало распространеніе системы наемнаго труда. Въ Россіи Петръ, основывая фабрики и заводы, приписывалъ къ нимъ окрестныхъ крестьянъ, чѣмъ создавался новый видъ крѣпостного состоянія. Эта относительная особенность нашего историческаго процесса,—тотъ фактъ, что новыя, заимствованныя у Запада, производства окружены были на нашей почвѣ азіатской обстановкой,—вызвана была нашей экономической отсталостью и, въ свою очередь, замедляла дальнѣйшее экономическое развитіе Россіи. Но, кромѣ того, она затрудняла и европеизацію той части населенія, которая занималась новыми производствами. Я уже не говорю о приписанныхъ къ фабрикамъ крестьянахъ, но и купечество, все-таки бывшее до извѣстной степени привилегированнымъ сословіемъ, въ своемъ образѣ жизни и въ своихъ понятіяхъ долго и упорно держалось старины. Купцы не довѣряли шедшимъ съ Запада новшествамъ, такъ какъ не любили Запада, чувствуя себя слабыми сравнительно съ своими западно-европейскими конкурентами, превосходившими ихъ не только по своему богатству, но,—что весьма важно,—и по своему правовому положенію. Посошковъ, вообще говоря, очень одобрявшій Петровскую реформу, всегда очень недоброжелательно отзывается объ иностранцахъ. И когда представишь себѣ подобнаго ему «торговаго мужика», по рукамъ и по ногамъ связаннаго нашей приказной «волокитой», ведущимъ дѣла или соперничающимъ съ иностранными торговцами, то понимаешь, что онъ не могъ не сознавать своей слабости, и что сознаніе этой слабости не могло не вызывать въ немъ раздраженія противъ заморскихъ гостей. Наибольшій запасъ такого раздраженія долженъ былъ накопиться у низшаго слоя городской буржуазіи, у совершенно безправныхъ «посадскихъ людей», напримѣръ, у ремесленниковъ, которыхъ европеизація служилаго класса лишала заказчиковъ, предпочитавшихъ обращаться по возможности къ иностраннымъ мастерамъ. Если богатое купечество долго сохраняло привычки, нашедшія свое безсмертное выраженіе въ комедіяхъ Островскаго, то низшіе слои городской буржуазіи представляли собою благопріятную почву для развитія понятій, въ послѣднее время получившихъ у насъ весьма неудачное названіе «черносотенныхъ». Нерасположеніе торгово-ремесленнаго сословія къ западнымъ новшествамъ усиливалось еще и тѣмъ, что болѣе или менѣе европеизованное россійское благородное шляхетство пользо-

---

право сказать, что при Петрѣ «русское общество окончательно получило тотъ складъ, какой стремилось дать ему московское законодательство XVII вѣка». (Тамъ же, стр. 281).

валось своимъ господствующимъ положеніемъ въ государствѣ, конечно, не къ выгодѣ «бородачей». Вполнѣ естественный антагонизмъ между купечествомъ и дворянствомъ создалъ, стало быть, еще одно препятствіе для европеизаціи Россіи. До половины XIX в. новая русская культура имѣла весьма явственный дворянскій отпечатокъ. Но при всемъ томъ процессъ европеизаціи не остановился. Мало-по-малу онъ вышелъ и непремѣнно долженъ былъ выйти за тѣсные предѣлы высшаго сословія. Новыя, заимствованныя у Запада, производства развивались, благодаря своей азіатской обстановкѣ, очень медленно, но все-таки развивались. А чѣмъ больше развивались они, тѣмъ болѣе становилось очевиднымъ, что азіатская обстановка должна быть устранена. Какъ ни трудно было сдѣлать это въ такой странѣ, господствующее сословіе которой воспитывалось въ преданіяхъ крѣпостного права, но двигательная сила экономическаго развитія, въ концѣ концовъ, преодолѣла инерцію крѣпостническихъ интересовъ и преданій. Я сказалъ, что дворяне въ 40-хъ гг. XIX вѣка оказали побѣдоносное пассивное сопротивленіе попыткѣ Николая I кое-въ чемъ ограничить крѣпостное право. Но въ то же самое время между дворянами появляются такіе сельскіе хозяева, которые, вполнѣ чуждаясь освободительныхъ «утопій», житейскимъ опытомъ и простымъ ариѳметическимъ расчетомъ убѣждались въ невыгодности крѣпостного труда. Въ 1845 г. министръ Перовскій говорилъ въ запискѣ, поданной имъ Николаю, что «образованные помѣщики» теперь уже «вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы». По словамъ министра, «помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ, и что было бы желательно измѣнить эти обоюдо невыгодныя отношенія». При этомъ Перовскій нисколько не обманывался насчетъ причины, вызвавшей такую перемѣну во взглядахъ помѣщиковъ. Онъ указывалъ на повысившіяся цѣны земли и на удачные опыты примѣненія наемнаго сельско-хозяйственнаго труда въ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ [1]). Еще болѣе «обоюдо невыгодными» становились крѣпостническія «отношенія» въ торгово-промышленной области народнаго хозяйства. Необходимо было разстаться съ «неволей», завѣщанной старой Московской Русью. Но, какъ замѣчалъ Перовскій, даже «образованное» дворянство опасалось «послѣдствій переворота, коихъ всякій благоразумный человѣкъ, знающій народъ и его понятія и наклонности, долженъ опасаться» [2]). Эти дворянскіе

---

[1]) См. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», В. И. Семевскаго, т. 2, стр. 135, 136 и 138.

[2]) Семевскій, тамъ же, стр. 138.

страхи еще надолго задержали бы дѣло уничтоженія крѣпостного права, если бы не крымская катастрофа, доказавшая, по выраженію Энгельса, что «Россія, даже съ чисто военной точки зрѣнія, нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ и крупной промышленности». Хотя наша высшая бюрократія была насквозь пропитана дворянскимъ духомъ, неумолимая логика положенія вынудила ее взяться за крестьянскую реформу. Мѣры, принятыя правительствомъ Александра II для такъ называемаго освобожденія крестьянъ, сами очень сильно отзывались Азіей. Это ихъ, неподлежащее сомнѣнію, свойство долго ставилось ему въ заслугу подъ названіемъ будто бы безпримѣрнаго въ исторіи Запада освобожденія крестьянъ съ землею. Я позволю себѣ объяснить эту его мнимую заслугу тѣми же словами, какими я объяснилъ ее въ другой своей работѣ. «Крупнѣйшій въ мірѣ помѣщикъ-рабовладѣлецъ,—государство,—рѣшительно не могъ помириться съ тою мыслью, что освобождаемыя крестьянскія «души», съ которыми онъ уже собирался распорядиться по-своему, сразу предстанутъ передъ нимъ въ видѣ многомилліоннаго пролетаріата. Съ этой стороны его интересы разошлись съ интересами остальныхъ рабовладѣльцевъ, чѣмъ и объясняются тѣ тренія между тогдашними помѣщиками и «петербургскими чиновниками», которыя нѣкоторые добродушные люди до сихъ поръ объясняютъ народолюбіемъ извѣстныхъ слоевъ тогдашней бюрократіи» [1]). По мнѣнію крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца, чтобы освободить крестьянъ, надо было сдѣлать ихъ вполнѣ зависимыми отъ государства, уничтоживъ ихъ крѣпостную зависимость по отношенію къ помѣщикамъ. Такъ онъ и поступилъ. «Освобожденный» имъ крестьянинъ остался совершенно безправнымъ передъ лицомъ государства, которое позаботилось о томъ, чтобы сохранить старую, завѣщанную московскимъ и петербургскимъ крѣпостничествомъ, форму крестьянскаго землевладѣнія: передѣлы полей въ сельскихъ общинахъ. Азіатскій характеръ крестьянскаго «освобожденія», неблагопріятный для дальнѣйшаго промышленнаго развитія Россіи, еще болѣе неблагопріятенъ былъ для самихъ крестьянъ. Не давъ имъ хотя бы части тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя необходимы производителю въ обществѣ, основанномъ на товарномъ производствѣ, наша «крестьянская реформа» заставила ихъ гораздо чаще, чѣмъ прежде, выступать на товарномъ рынкѣ отчасти въ качествѣ продавцовъ продуктовъ своего несложнаго сельскаго хозяйства, а отчасти въ качествѣ продавцовъ своей собственной рабочей силы. Понятно, какъ невыгодны для нихъ были рыночныя сдѣлки, совершавшіяся при подобныхъ условіяхъ. «Осво-

---

[1]) См. мою статью «Освобожденіе крестьянъ», «Совр. Міръ», 1911, кн. 2.

божденное» крестьянство бѣднѣло, а его обѣднѣніе задерживало ростъ внутренняго рынка для предметовъ промышленности, что было значительнымъ препятствіемъ для быстраго развитія русскаго капитализма. Но капитализмъ такъ или иначе справился и съ этимъ препятствіемъ. Онъ все-таки шелъ впередъ, а съ нимъ все-таки подвигалась впередъ и европеизація Россіи. Если Петръ своей реформой «прорубилъ окно въ Европу», то теперь для европейскихъ вліяній открылись широкія ворота.

Черезъ эти ворота они стали проникать въ тѣ части населенія, которыя прежде оставались недоступными для нихъ: сначала въ торгово-промышленный классъ, а потомъ и въ крестьянство,—въ той мѣрѣ, въ какой новыя отношенія производства разлагали старые экономическіе устои земледѣльческаго быта. Въ средѣ торгово-промышленнаго класса довольно быстро подвигалось впередъ давно уже начавшееся, но долго непорождавшее замѣтныхъ соціально-политическихъ послѣдствій, подраздѣленіе на два новыхъ класса: буржуазію и пролетаріатъ. Чѣмъ быстрѣе подвигалось впередъ это подраздѣленіе, тѣмъ больше европеизовалась Россія. И. С. Аксаковъ говорилъ, что, только «обезнародивъ народъ», можно сдѣлать его воспріимчивымъ къ передовымъ идеямъ Западной Европы. Развитіе капиталистическаго способа производства совершило, именно, это чудо, представлявшееся совершенно невозможнымъ славянофильскому публицисту: оно «обезнародило» значительную часть русскаго народа. Пресловутый «народный духъ» не выдержалъ напора капитализма. Попадая въ положеніе пролетарія, русскій производитель, хотя и продолжалъ въ большинствѣ случаевъ числиться на бумагѣ крестьяниномъ, началъ понемногу выступать на тотъ самый путь, на которомъ его далеко опередили западно-европейскіе работники: на путь борьбы съ капиталомъ. Эта борьба быстро развивала въ немъ новыя, прежде неслыханныя на Руси, настроенія и стремленія. А такъ какъ полицейское государство усердно отстаивало интересы капитала, то русскій пролетарій быстро терялъ, одинъ за другимъ, выносимые имъ изъ деревень вѣковѣчные политическіе предразсудки крестьянина. Правда, развитіе капитализма постоянно толкало въ ряды пролетаріата новыя и новыя толпы «сѣрой деревенщины». Этимъ замедлялся ростъ политическаго сознанія русскаго рабочаго класса. До недавняго времени даже въ самыхъ громкихъ выступленіяхъ его,—напримѣръ въ выступленіи 9 января 1905 г.,—замѣтно это отрицательное психологическое вліяніе деревни. Нельзя закрывать глаза и на то, что отсталые слои рабочаго класса принимали иногда участіе въ погромахъ евреевъ и передовой интеллигенціи. Но если развитіе

капитализма не могло сразу «обезнародить» отсталые слои пролетаріата, то, говоря вообще, классъ этотъ очень быстро развивался въ политическомъ смыслѣ, и составилъ собою одну изъ тѣхъ двухъ силъ, сочетаніе которыхъ вызвало взрывъ 1905—6 гг.: силу революціонную. Другою силою, участвовавшею въ этомъ взрывѣ, была,—сказалъ я,—сила крестьянскаго населенія, добивавшагося «чернаго передѣла» согласно старымъ традиціямъ аграрной политики россійскаго государства, положеннымъ, между прочимъ, и въ основу надѣленія крестьянъ землею. Пока и поскольку эти двѣ силы дѣйствовали въ одномъ направленіи, до тѣхъ поръ и постольку побѣждала революція. Но, разнородныя по своей природѣ, онѣ не могли долго дѣйствовать вмѣстѣ: движеніе русской крестьянской Азіи лишь на короткое время совпало съ движеніемъ русской рабочей Европы. Когда онѣ перестали дѣйствовать вмѣстѣ, стала торжествовать реакція, т.-е. стало побѣждать дворянство, защищавшее свои «недвижимыя имущества». Въ этомъ все дѣло.

Одной изъ первыхъ реформъ, совершенныхъ той дворянской контръ-революціей, которая восторжествовала благодаря слишкомъ еще недостаточной европеизаціи крестьянства предыдущимъ ходомъ экономическаго развитія, было законодательное уничтоженіе поземельной общины. Дворянство разсчитывало, что, уничтоживъ поземельную общину, оно убьетъ ту старую аграрную традицію, во имя которой крестьянство считало себя въ правѣ экспропріировать помѣщиковъ. И, разумѣется, оно рано или поздно убьетъ ее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно убьетъ все старое крестьянское міросозерцаніе, окончательно разрушивъ ту экономическую основу, на которой столько вѣковъ держался нашъ старый политическій порядокъ. Это врядъ ли будетъ согласно съ интересами дворянства, но навѣрно будетъ вполнѣ согласно съ интересами пролетаріата, поступательное движеніе котораго задерживалось и задерживается политической инертностью стараго крестьянства. Какъ бы тамъ ни было, этотъ шагъ дворянской контръ-революціи есть шагъ въ сторону европеизаціи нашихъ общественно-экономическихъ отношеній, хотя, разумѣется, оплаченный народомъ несравненно дороже, чѣмъ пришлось бы заплатить за него при другихъ политическихъ условіяхъ [1]).

---

[1]) Эти строки были уже набраны, когда я прочиталъ чрезвычайно обстоятельную брошюру А. Е. Лосицкаго: «Распаденіе общины», Спб. 1912. Очень рекомендую вниманію читателя окончательный выводъ уважаемаго статистика, «несмотря на политическія тенденціи новаго законодательства объ общинѣ и его недостатки, а равно и способы его проведенія, оно оказалось отвѣчающимъ интересамъ значительныхъ массъ крестьянства, получило широкое примѣненіе и имѣетъ серьезный характеръ. Распространеніе укрѣ-

XXV.

«Обезнародивъ» часть трудящагося населенія Россіи, капитализмъ впервые обезпечилъ прочную общественную поддержку передовымъ стремленіямъ, проникавшимъ съ Запада въ Россію. Только съ этихъ поръ идеологи названныхъ стремленій перестали быть «умными ненужностями» и «лишними людьми». Только съ этихъ поръ ихъ, заимствованные у Запада, идеалы получили шансы на осуществленіе въ Россіи.

Я уже сказалъ, что новая культура, послѣ Петровской реформы проникшая съ Запада въ Россію, долго имѣла дворянскій отпечатокъ. Это особенно замѣтно въ томъ, что составляло лучшій плодъ этой культуры: въ литературѣ. Хотя уже почти на первыхъ порахъ крестьянство дало ей такого чрезвычайно выдающагося дѣятеля, какъ Ломоносовъ, однако, въ теченіе долгаго времени наши литераторы вербовались, главнымъ образомъ, изъ среды дворянства. Въ живописи это было не совсѣмъ такъ, но и живопись долго обслуживала эстетическія потребности дворянства и считалась, главнымъ образомъ, съ его вкусами. Однако, консервативная часть дворянства была слишкомъ мало просвѣщена для того, чтобы интересоваться литературой и искусствомъ; къ тому же, она мало имѣла практической нужды въ литературѣ (живопись, во всякомъ случаѣ, могла понадобиться для портретовъ), такъ какъ ея главныя сословныя нужды достаточно удовлетворялись посредствомъ «action directe», исходившей изъ среды высшей бюрократіи и изъ гвардейской казармы. Передовая же часть дворянства начинала выражать свои стремленія въ русской литературѣ въ такое время, когда на Западѣ уже завязывалась освободительная борьба третьяго сословія со свѣтской и духовной аристократіей. Это не могло не отразиться на характерѣ стремленій передового дворянства. Продолжая быть, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, «барами» до конца ногтей, молодые дворянскіе идеологи становились въ отрицательное отношеніе къ наиболѣе грубымъ проявленіямъ дворянскаго сословнаго эгоизма. Такъ, уже въ XVIII в. они рѣзко нападали на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, а нѣкоторые изъ нихъ заговорили и о полномъ его уничтоженіи. Скажу больше. Вышедшіе изъ дворянской среды передовые люди выставляли иногда такія соціально-политическія требованія, осу-

---

пленій и, особенно, разверстаній и выдѣловъ знаменуетъ движеніе деревни отъ феодальнаго уклада къ капиталистическимъ отношеніямъ, но оно оставляетъ нерѣшенными вопросы о крестьянскомъ малоземельи и о безправіи, — борьба съ которыми еще впереди» (стр. 44).

ществленіе которыхъ означало бы полную отмѣну привилегій благороднаго сословія, и проложило бы дорогу для широкаго развитія буржуазіи и въ экономической жизни, и въ политикѣ. Достаточно напомнить декабристовъ [1]). Въ тридцатыхъ годахъ XIX в. нѣкоторые идеологи дворянскаго происхожденія переходятъ даже на точку зрѣнія трудящейся массы, поскольку такая точка зрѣнія свойственна тогдашнему утопическому соціализму: А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ и ихъ кружокъ. Нечего и говорить, что подобныя стремленія отнюдь не могли увлечь дворянское сословіе. Чѣмъ дальше впередъ устремлялась тонкая струйка европеизованной дворянской мысли, тѣмъ тоньше она становилась, и тѣмъ мучительнѣе сознавали передовые европеизованные дворяне свое практическое безсиліе. «Наше состояніе безвыходно, потому что ложно,—писалъ А. И. Герценъ въ своемъ дневникѣ,—потому что историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей, и наше дѣло—отчаянное страданіе».

Какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, дворянская гегемонія смѣнилась въ половинѣ XIX в. гегемоніей разночинцевъ. Разночинцы входили, разумѣется, въ составъ нашего «третьяго сословія», но принадлежали къ его демократическому крылу. Вліятельная, въ экономическомъ смыслѣ, часть этого сословія долго не оказывала прямого воздѣйствія на развитіе нашей литературы и нашего искусства. Первоначально она, по указанной выше причинѣ, не поддавалась европеизаціи, а когда причина эта мало-по-малу перестала дѣйствовать, наша буржуазія долго не чувствовала нужды въ печатномъ выраженіи своихъ требованій, ограничиваясь непосредственными сдѣлками съ правительствомъ, у котораго она не переставала выпрашивать «субсидій», «гарантій» и покровительства «отечественной промышленности». Замѣчу мимоходомъ, что такое ея поведеніе составляетъ еще одну изъ относительныхъ особенностей нашего историческаго процесса сравнительно съ историческимъ процессомъ крайняго европейскаго Запада: тамъ буржуазія сыграла гораздо болѣе революціонную роль.

Когда дворянскій періодъ литературы, искусства и общественной мысли смѣнился у насъ разночинскимъ періодомъ, вошло въ обычай насмѣхаться надъ «лишними людьми» недавняго прошлаго. Передовые разночинцы были твердо убѣждены, что имъ не суждено выступать въ этой печальной роли. Однако,

---

[1]) Извѣстна та острота гр. Растопчина, что у насъ аристократы поставили передъ собой такую политическую задачу, которую во Франціи ставили передъ собой «сапожники».

хотя и они были гораздо многочисленнѣе передовыхъ дворянъ, они, въ свою очередь, были ничтожны какъ общественная сила. «Охранители» легко подавляли всѣ ихъ практическія попытки борьбы до тѣхъ поръ, пока на историческую сцену не выступилъ новый борецъ въ лицѣ пролетаріата. Съ появленіемъ этого борца дѣло измѣнилось, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что теперь уже смѣшно было спорить о томъ, должна или не должна Россія итти по пути западно-европейскаго развитія: ясно было, что не только должна итти, но уже идетъ, потому что капитализмъ становится въ ней господствующимъ способомъ производства; во-вторыхъ, стало очевидно, что «мы» вовсе не «внѣ народныхъ потребностей», какъ съ отчаяніемъ восклицалъ нѣкогда Герценъ, и что экономическая европеизація Россіи должна сопровождаться ея политической европеизаціей. А это открывало такія широкія и отрадныя перспективы передъ русской разночинной интеллигенціей, что на нѣкоторое время она вообразила себя готовой цѣликомъ перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Всѣ мало-мальски передовые люди объявили себя марксистами.

Но рядомъ съ пролетаріатомъ на исторической сценѣ Россіи все-таки стояла буржуазія, тогда уже достаточно европеизованная въ своихъ наиболѣе развитыхъ слояхъ. Ея историческое воспитаніе въ атмосферѣ всякихъ субсидій, гарантій и покровительствъ не выработало въ ней боевого темперамента. Однако, она не чужда была политическаго недовольства, и мало-по-малу у нея явилась потребность въ соотвѣтствующемъ ея оппозиціонному настроенію духовномъ оружіи. За приготовленіе такого оружія, за идеологическую европеизацію нашей передовой буржуазіи, взялись представители того же слоя разночинцевъ, который уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шелъ во главѣ нашего умственнаго движенія. Въ его средѣ, почти тотчасъ же послѣ сплошного увлеченія Марксомъ, родилось новое увлеченіе: увлеченіе «критикой» Маркса.

Критика эта представляла собою у насъ попытку приспособить къ умственнымъ нуждамъ передовой русской буржуазіи такую общественную теорію, которая выражала собою стремленія сознательнаго западно-европейскаго пролетаріата. Подобная попытка могла явиться только въ такое время, когда буржуазныя общественныя теоріи Запада обнаружили свою несостоятельность. Задача, которую задавали себѣ люди, дѣлавшіе такую попытку, была теоретически нелѣпа, и потому неразрѣшима. А такъ какъ она была неразрѣшима, то очень скоро «критика Маркса» сдѣлалась просто «критикой», а просто «критика» свелась къ разогрѣванію и передѣлкѣ на новый ладъ старыхъ буржуазныхъ теорій. Дѣломъ такого разогрѣванія сплошь да рядомъ занимаются теперь писа-

тели, еще не такъ давно вполнѣ искренно считавшіе себя марксистами.

Такимъ образомъ, за дворянскимъ и разночинскимъ періодами исторіи русской общественной мысли послѣдовалъ новый, и теперь еще продолжающійся, періодъ, въ которомъ уже гораздо менѣе замѣтна идейная гегемонія какого-нибудь одного общественнаго класса или слоя. Теперь нѣтъ господствующихъ умственныхъ теченій; теперь умственныя силы распредѣляются, главнымъ образомъ, между двумя полюсами: полюсомъ пролетаріата, съ одной стороны, и полюсомъ буржуазіи—съ другой. Кромѣ того, выступаютъ еще теоретики прежней школы, не желающіе разстаться съ дорогой для нихъ вѣрой въ старые «устои» народно-экономической жизни. Но по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ европеизація Россіи, теоретическія позиціи этихъ носителей старыхъ «завѣтовъ» становятся все болѣе и болѣе шаткими, а сами носители обнаруживаютъ все больше и больше растерянности. Дни ихъ сочтены. Вся послѣдующая исторія нашей общественной мысли опредѣлится взаимными классовыми отношеніями пролетаріата съ буржуазіей. Въ ходѣ развитія этихъ отношеній на «восточной равнинѣ» Европы опять будутъ, конечно, свои относительныя особенности, которыя вызовутъ относительныя особенности духовнаго развитія. Безполезно гадать теперь какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ. Но небезполезно отмѣтить то, что уже можетъ быть предметомъ наблюденія.

Мы видѣли, что пока русское общественное бытіе оставалось непонятнымъ съ точки зрѣнія западныхъ соціально-политическихъ ученій, историческій идеализмъ былъ единственно возможнымъ убѣжищемъ для свободомыслящихъ русскихъ людей, не желавшихъ примириться съ «гнусной рассейской дѣйствительностью». Когда успѣхи капитализма «обезнародили» русскій народъ до такой степени, что уже неудобно стало толковать о самобытныхъ путяхъ нашего общественнаго развитія, акціи историческаго идеализма страшно упали въ цѣнѣ. Тогда явился сильнѣйшій спросъ на историческій матеріализмъ, потому что только съ его помощью можно было сдѣлать удовлетворительный анализъ какъ западно-европейскаго, такъ и русскаго общественнаго бытія. Но точка зрѣнія историческаго матеріализма была точкой зрѣнія теоретиковъ пролетаріата. Выводы, къ которымъ приводилъ анализъ русскаго общественнаго бытія съ помощью историческаго матеріализма, были непріемлемы для идеологовъ нашей европеизованной буржуазіи. Поэтому историческій матеріализмъ пользовался у насъ широкой популярностью только до тѣхъ поръ, пока продолжалась борьба съ совершенно устарѣлыми теоріями

народничества и субъективизма. Тотчасъ же послѣ ниспроверженія этихъ теорій началась «критика Маркса», означавшая, между прочимъ, также и отступленіе отъ историческаго матеріализма «н а з а д ъ», къ болѣе или менѣе передѣланному на новый ладъ историческому идеализму. Это отступленіе прикрывалось атакой на позиціи того, что̀ было названо философскимъ матеріализмомъ и что̀ въ дѣйствительности составляетъ теоретико-познавательную основу матеріалистическаго объясненія исторіи. Уже въ послѣдніе годы XIX вѣка идеологи нашей европеизованной буржуазіи провозгласили философскій матеріализмъ совершенно мертвымъ ученіемъ. Интересно, что имъ повѣрили въ этомъ случаѣ даже нѣкоторые писатели, примыкавшіе къ пролетарскому лагерю, и еще болѣе интересно, что эти идеологи пролетаріата, повѣрившіе на-слово идеологамъ буржуазіи, показали себя неисправимыми утопистами въ тактическихъ вопросахъ.

Говорилъ или не говорилъ Петръ, что Россія со временемъ должна будетъ повернуться «задомъ къ Европѣ»,—ясно, что въ настоящее время она уже совершенно лишена всякой возможности поступить такъ. Это тѣмъ болѣе ясно, что даже самыя типичныя изъ странъ Востока движутся теперь къ Западу. Между ними есть такія, которыя какъ будто грозятъ обогнать Россію въ процессѣ этого движенія. Китай сдѣлался республикой, тогда какъ въ Россіи еще не утвердился парламентскій режимъ. Это объясняется одной изъ самыхъ невыгодныхъ для насъ относительныхъ особенностей нашего историческаго процесса: русское полицейское государство было достаточно европеизовано для того, чтобы пользоваться въ своей борьбѣ съ новаторами почти всѣми завоеваніями европейской техники, между тѣмъ какъ наши новаторы только съ недавняго времени стали опираться на народную массу, которая, какъ мы видѣли, европеизована только въ лицѣ одной своей,— пролетарской,—части. Россія платится за то, что она слишкомъ европеизована сравнительно съ Азіей и недостаточно европеизована сравнительно съ Европой.

Теперь мы можемъ перейти къ подробному разсмотрѣнію того, какъ перечисленныя выше о т н о с и т е л ь н ы я особенности русскаго общественнаго б ы т і я отразились на ходѣ развитія русскаго общественнаго с о з н а н і я.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ РОССІИ.

Часть II.

ДВИЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

Глава I.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы духовной власти со свѣтской.

Противорѣчіе ведетъ впередъ (der Widerspruch ist das Fortleitende), говорилъ Гегель. Это глубокое положеніе какъ нельзя лучше оправдывается исторіей общественной мысли во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Чѣмъ болѣе обостряется взаимная борьба общественныхъ классовъ, тѣмъ быстрѣе движется впередъ общественная мысль. Но такъ какъ взаимная борьба общественныхъ классовъ во всякой данной странѣ опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, ходомъ ея экономическаго развитія, то всѣ тѣ обстоятельства, которыя замедляютъ этотъ ходъ, задерживаютъ также и движеніе общественной мысли.

Намъ уже знакомы теперь обстоятельства, замедлившія экономическое развитіе Россіи и приведшія къ продолжительному закрѣпощенію государствомъ всѣхъ общественныхъ силъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, можно было бы a priori сказать, что движеніе общественной мысли на Руси должно совершаться очень медленно, сравнительно съ западно-европейскими странами, находившимися въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ экономическаго развитія. Къ этому апріорному выводу можно было бы еще добавить, что, отставая отъ общественныхъ взглядовъ западныхъ европейцевъ, общественные взгляды русскихъ людей станутъ сближаться со взглядами обитателей восточныхъ деспотій въ той самой мѣрѣ, въ какой русскія, т.-е. собственно московскія, общественныя отношенія станутъ пріобрѣтать восточный характеръ.

Первымъ сильнымъ толчкомъ къ развитію общественной мысли въ средне-вѣковой Европѣ послужила, какъ извѣстно, взаимная борьба свѣтской и духовной властей. Чѣмъ больше обострялась она, и чѣмъ меньше расположены были противники щадить другъ друга, тѣмъ болѣе щекотливыми становились тѣ политическіе вопросы, которые выдвигались самимъ ходомъ спора. Говорю: «политическіе вопросы», потому, что собственно

богословскія позиціи были одинаковы для обѣихъ споровшихъ сторонъ. Для того, чтобы, въ свою очередь, могли стать предметомъ спора эти позиціи, общественное развитіе Западной Европы должно было сдѣлать еще много новыхъ шаговъ впередъ и выдвинуть на историческую сцену новыя, болѣе прогрессивныя общественныя силы. Но и то, что было сказано, напр., во время столкновенія Григорія VII съ Генрихомъ IV, представляло собою нѣчто довольно поучительное или,—если вы предпочитаете такъ выразиться,—соблазнительное. Извѣстно, что Григорій VII, отлучивъ императора отъ церкви, объявилъ его лишеннымъ престола. Это вызывало вопросъ: имѣлъ ли онъ право поступить такъ? А этотъ вопросъ естественно наталкивалъ споровшихъ на разсмотрѣніе новаго и болѣе глубокаго вопроса о существѣ верховной политической власти. Защитники императора объявляли его власть божественнымъ учрежденіемъ. Защитники же папы расположены были смотрѣть на нее совсѣмъ другими глазами. Они говорили, что государи получаютъ свою власть отъ народа и въ интересахъ народа. Поэтому государи должны быть мудры, благочестивы и справедливы. Народы облекаютъ ихъ властью не для того, чтобы подчинить себя деспотамъ, а для того, чтобы имѣть защитниковъ противъ тираніи. Значитъ, если государь становится тираномъ, то онъ самъ нарушаетъ договоръ, связывавшій его съ народомъ, и тогда народъ уже не обязанъ ему повиноваться. Мы видимъ отсюда, что уже въ XI вѣкѣ [1]) публицисты западной Европы приходятъ къ теоріи договора между народомъ и государемъ, игравшей впослѣдствіи такую большую роль въ освободительномъ движеніи третьяго сословія. И надо замѣтить, что у защитниковъ папы мы встрѣчаемъ подчасъ довольно пикантные комментаріи этой идеи. Одинъ изъ нихъ разсуждаетъ такъ. Вообразите, что нѣкто нанялъ человѣка, чтобы пасти своихъ свиней, а наемникъ не только не исполняетъ своей обязанности, но губитъ ввѣренное ему свиное стадо. Какъ поступитъ наниматель? Конечно, онъ съ бранью и позоромъ прогонитъ недобросовѣстнаго наемника. А если можно прогнать свиного пастуха, не исполняющаго своей обязанности, то тѣмъ болѣе можно прогнать правителя, злоупотребляющаго своею властью. Право народа на устраненіе дурного государя во столько разъ больше права нанимателя на устраненіе свиного пастуха, во сколько достоинство человѣка выше достоинства свиньи. Находчивый авторъ, приводящій этотъ примѣръ, умѣетъ найти возраженіе и противъ извѣстнаго довода, гласящаго,

---

[1]) Императоръ Генрихъ IV былъ отлученъ отъ церкви папой Григоріемъ VII въ 1076 г.

что нѣсть власть аще не отъ Бога. Онъ говоритъ, что тотъ же самый апостолъ, у котораго былъ заимствованъ этотъ доводъ, предпочелъ смерть подчиненію тирану. Вообще, ко власти государя слѣдуетъ относиться съ самымъ большимъ почтеніемъ. Но чтить надо не лицо, а санъ, и разъ данное лицо лишилось своего сана, оно уже теряетъ право на какое-нибудь исключительное почтеніе [1]).

Держась такой точки зрѣнія, можно оправдать самыя рѣшительныя дѣйствія народа противъ дурного правителя. Защитники церкви нерѣдко повторяли слова Іисуса: «я не миръ принесъ, а мечъ». Нѣкоторые,—правда, лишь самые крайніе,—изъ нихъ даже вмѣняли вѣрующимъ въ обязанность убійство тирановъ, а отличительный признакъ тираніи видѣли въ нарушеніи государемъ правъ народа: «истинный государь защищаетъ законы и народную свободу,—писалъ одинъ изъ епископовъ г. Шартра въ XII в.,—тиранъ попираетъ законы ногами и обращаетъ народъ въ своего раба. Первый есть образъ Божій, второй—воплощенный Люциферъ. Перваго надо любить; второго умертвить». Людвигъ Гумпловичъ, можетъ быть, не безъ основанія называетъ епископа, проповѣдывавшаго такой взглядъ (Іоанна Сольсберійскаго), первымъ представителемъ доктрины «пропаганды дѣйствіемъ» [2]).

Защитники папской власти доходили не только до теоріи договора между государемъ и его народомъ. Обращаясь къ исторіи, они видѣли, что государи сплошь и рядомъ присвоивали себѣ власть помимо какого бы то ни было договора. Изъ этого они дѣлали выводъ весьма неблагопріятный для государей. Въ 1081 г. папа Григорій VII писалъ мецскому епископу: «кто не знаетъ, что свѣтскіе государи обязаны своею властью врагамъ Бога, которыми предводительствуетъ сатана и которые хотятъ господствовать надъ равными себѣ людьми посредствомъ высокомѣрія, грабежа, измѣны, предательскихъ убійствъ и всѣхъ другихъ преступленій?» Если Іоаннъ Сольсберійскій явился первымъ представителемъ доктрины «пропаганды дѣйствіемъ» [3]), то папу Григорія VII можно, пожалуй, назвать однимъ изъ первыхъ вкладчиковъ въ анархическую теорію «анти-этатизма» (противо-государственности).

Западо-европейскіе публицисты того времени,—какъ тѣ, которые стояли за папу, такъ и тѣ, которые защищали императора,—

[1]) См. «Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII» von Dr. Carl Mirbt, Leipzig, 1894, стр. 227—228.

[2]) См. его Geschichte der Staatstheorien. Innsbruck, 1905, стр. 98.

[3]) Первымъ—въ христіанскомъ мірѣ. Въ античномъ мірѣ теорія «пропаганды дѣйствіемъ» была довольно распространенной, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ памятникъ Гармодію и Аристогитону, красовавшійся на одной изъ площадей Аѳинъ.

принадлежали почти исключительно къ духовенству. Почти исключительно къ духовенству принадлежали тогда и тѣ читатели, которые интересовались теоретическими вопросами указаннаго рода [1]). Но столкновеніе было такъ сильно, что вызванная имъ работа мысли не могла не распространиться, по крайней мѣрѣ отчасти, и на другія сословія, тѣмъ болѣе, что воинствующая церковь очень охотно аппелировала къ народу. Такимъ образомъ, взаимная борьба свѣтской и духовной властей способствовала политическому воспитанію населенія.

То противорѣчіе, которое привело на Западѣ къ только что отмѣченной мною работѣ общественной мысли, существовало и въ Россіи. Здѣсь духовная власть тоже сталкивалась со свѣтской; но здѣсь столкновенія этого рода никогда не достигали значительной степени обостренія. Поэтому наши защитники церкви никогда не доходили до такихъ крайнихъ выводовъ, какъ западно-европейскіе, хотя,—необходимо теперь же отмѣтить это,—мысль ихъ начинала иногда работать въ томъ же самомъ направленіи.

Въ теченіе кіевскаго періода нашей исторіи глава русской церкви, митрополитъ, былъ независимъ отъ свѣтской власти князей. Онъ выбирался константинопольскимъ патріархомъ, къ которому и должна была обращаться свѣтская власть въ случаѣ какого-нибудь недовольства его ставленникомъ. Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ справедливо замѣчаетъ, что въ то время «духовный владыка русской земли былъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣе и вліятельнѣе разъединенныхъ и враждующихъ между собою свѣтскихъ владыкъ» [2]). Такое соотношеніе силъ стало измѣняться въ противоположномъ смыслѣ съ тѣхъ поръ, какъ упрочилась власть московскихъ князей. Московскіе князья начали вмѣшиваться въ дѣла о поставленіи митрополита. Это не могло нравиться ни константинопольскому патріарху, ни русскому духовенству. Отстаиваніе правъ константинопольскаго патріарха явилось для этого послѣдняго едва ли не важнѣйшимъ средствомъ защиты своей независимости по отношенію къ свѣтской власти. «Чинъ избранія и поставленія въ епископы» требовалъ отъ новопоставленнаго слѣдующаго знаменательнаго обязательства: «не хотѣти ми примати иного митрополита, развѣ кого поставятъ изъ Царяграда, какъ есми то изначала пріяли». Но власть константинопольскаго патріарха была несрав-

---

[1]) Посвященные этимъ вопросамъ трактаты писались по-латыни. Знаніе же латинскаго языка было тогда почти исключительной принадлежностью духовнаго сословія. Ср. Мирбта, названное соч., стр. 121—130.

[2]) Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", т. II, стр. 52. Выше было уже указано мною, что татарское иго содѣйствовало укрѣпленію независимости духовной власти.

венно слабѣе власти римскаго папы. Во-первыхъ, на православномъ Востокѣ, кромѣ царяградскаго, были еще и другіе патріархи, мало расположенные поддерживать его въ столкновеніяхъ съ московскими великими князьями. Такъ, напримѣръ, въ 60-хъ годахъ XV в., во время разрыва Москвы съ Константинополемъ, іерусалимскій патріархъ всецѣло былъ на сторонѣ московскаго князя [1]). Во-вторыхъ, принятіе константинопольскимъ патріархомъ флорентійской уніи сильно подорвало его авторитетъ въ Москвѣ. Наконецъ, константинопольскій патріархъ самъ зависѣлъ отъ византійскаго императора. Поэтому его власть надъ русской церковью равносильна была зависимости московскихъ великихъ князей отъ византійской свѣтской власти. Такая зависимость была не въ интересахъ московскихъ князей, и неудивительно, что они старались избавиться отъ нея. Съ тѣхъ поръ, какъ взятъ былъ турками Константинополь, о ней, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Тогда постановка вопроса значительно упростилась: тогда споръ свѣтской власти съ духовной сталъ домашнимъ споромъ московскихъ великихъ князей съ московскимъ духовенствомъ. Въ теоріи московское духовенство держалось того убѣжденія, что «ино есть власть церковная, святительская, ино есть власть царская, земная» [2]). Но эта теорія такъ неопредѣленна, что допускаетъ самыя различныя толкованія. Вполнѣ признавая, что власть «святительская» представляетъ собою нѣчто совершенно иное, чѣмъ власть «земная», позволительно все таки спросить себя: какая же изъ нихъ выше? На Западѣ соотношеніе общественныхъ силъ въ теченіе долгаго времени рѣшало этотъ послѣдній вопросъ въ пользу «святительской» власти; на Руси,—т.-е. опять-таки собственно въ Московскомъ государствѣ,—ходъ общественнаго развитія рѣшалъ его, наоборотъ, въ пользу власти земной—сначала великокняжеской, потомъ царской.

Тамъ, гдѣ всѣ общественныя силы страны были закрѣпощены государствомъ, духовная власть не могла остаться независимой отъ свѣтской. И мы видимъ, что сама духовная власть готова поставить свѣтскую на недосягаемую высоту. Знаменитый Іосифъ Волоцкой утверждалъ въ своемъ «Просвѣтителѣ», что царь «естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу» [3]). Это—чисто восточный взглядъ на царя. Въ древнемъ Египтѣ фараонъ до такой степени превосходилъ, по словамъ Мас-

---

1) См. М. А. Дьяконова, „Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній", „Сб. Историч. общ. при С.-Петербургскомъ университетѣ", т. III, стр. 84.

2) Дьяконовъ, тамъ же, стр. 88.

3) См. М. А. Дьяконова, „Власть московскихъ государей—очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси до конца XVI в.». Спб. 1889 г., стр. 99.

пэро, все его окружавшее, что возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на него какъ на человѣка или же, какъ на Бога. «И его подданные въ самомъ дѣлѣ смотрѣли на него, какъ на Бога: они называли его добрымъ богомъ, великимъ богомъ» [1]). Конечно, тутъ есть и разница. Московскій глава свѣтской власти по «естеству» продолжаетъ считаться человѣкомъ. Кромѣ того, онъ не «служитъ» въ храмѣ, какъ это дѣлалъ египетскій фараонъ. Но, какъ правитель, онъ обоготворяется подобно фараону. А это въ данномъ случаѣ главное [2]).

М. А. Дьяконовъ давно уже указалъ на то, что подчиненіе духовной власти свѣтской обусловливалось у насъ, главнымъ образомъ, экономической зависимостью церковной іерархіи отъ государства [3]). Церковь была крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ въ Московской Руси. Но мы уже знаемъ, что крупное землевладѣніе совсѣмъ не отличалось у насъ такой независимостью по отношенію къ царской власти, какую мы видимъ на Западѣ. Болѣе того: намъ уже извѣстно, что верховной власти удалось у насъ наложить свою тяжелую руку, между прочимъ, и на крупное землевладѣніе. Церковь не составила въ этомъ случаѣ исключенія изъ общаго правила. Свѣтская власть пошла такъ далеко, что уже при Иванѣ III стала задумываться надъ тѣмъ, могутъ ли монастыри владѣть землями, т.-е. надъ вопросомъ объ экспропріаціи церковныхъ земель. Споръ, вызванный этимъ вопросомъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ въ исторіи общественной мысли допетровской Руси.

Читатель помнитъ, что, по мнѣнію одного изъ епископовъ г. Шартра, истинный государь защищаетъ законы и народную свободу, между тѣмъ какъ тиранъ попираетъ законы и порабощаетъ свой народъ. Опираясь на это различіе истиннаго государя отъ тирана, этотъ епископъ приходилъ къ тому выводу, что христіане обязаны повиноваться только первому, а второму должны сопротивляться всѣми мѣрами до тираноубійства включительно. Византійскіе духовные писатели, имѣвшіе такое огромное вліяніе на рус-

---

1) Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, Paris. 1895, т. I. стр. 258. Сравни также стр. 263.

2) Тутъ можно еще замѣтить, что и на Востокѣ обоготвореніе монарховъ не всегда было такъ полно, какъ въ Египтѣ. По словамъ Масперо, халдейскіе короли были въ этомъ отношеніи значительно скромнѣе современныхъ имъ фараоновъ: «Они довольствовались среднимъ мѣстомъ между своими подданными и божествомъ» (тамъ же, и I, стр. 703). Mutatis mutandis, на подобное среднее мѣсто между богомъ и подданными предъявляли претензіи и московскіе самодержцы.

3) «Власть московскихъ государей», стр. 114.

скихъ, тоже умѣли различать хорошихъ правителей отъ дурныхъ. Но это различіе приводило ихъ совсѣмъ не къ тѣмъ выводамъ, къ какимъ пришелъ епископъ шартрскій. Въ Изборникѣ Святослава помѣщенъ вопросъ Анастасія Синаита: «да едва убо всякъ царь и князь отъ Бога поставляется?» Этотъ вопросъ разрѣшается въ такомъ смыслѣ: «ови князи и царіе достойни, таковые чти, отъ Бога поставляются; ови же паки недостойни суще противу достоинству людямъ, тѣхъ недостоинство по Божію попущенію или хотѣнію поставляются... разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ мучителемъ предаемся» [1]. Если мучители поставляются Богомъ за наше беззаконіе, то ясно, что намъ слѣдуетъ возставать не противъ нихъ, а противъ самихъ себя, противъ своихъ собственныхъ грѣховныхъ побужденій, т.-е. отвѣчать на угнетеніе покаяніемъ, постомъ и молитвою. Это—крайнее развитіе византійскаго взгляда; дальше этого смиреніе итти не можетъ. При такомъ смиренномъ отношеніи къ правителямъ нѣтъ мѣста для развитія общественной мысли, а есть мѣсто лишь для духовныхъ упражненій. Но безусловнаго смиренія не бываетъ. Не было безусловнымъ и смиреніе русскихъ духовныхъ іерарховъ [2]. Когда возникъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, московское духовенство стало въ оппозицію къ свѣтской власти. И тогда его теоретики не могли ограничиться разсужденіями о постѣ и молитвѣ. Неизвѣстный авторъ статьи «О свободѣ святыя церкви» слѣдующимъ образомъ разграничиваетъ взаимныя обязанности свѣтской и духовной властей: церковный пастырь долженъ молиться за своего временнаго господина; «господинъ же пастыря своего съ вещьми церковными (sic!) защищати долженъ есть». Вообще временный господинъ долженъ подчиняться духовной власти и не уклоняться «на десно или на шую» отъ заповѣдей пастыря своего. Съ своей стороны пастырь долженъ защищать права церкви «храбрѣ даже до своего кровопролитія, т.-е. рискуя своей жизнью» [3]. Это ужъ далеко не такъ смиренно, такъ отвѣты Анастасія Синаита.

Въ Новгородѣ, духовенство котораго дважды вынуждено было,

---

[1]) М. А. Дьяконовъ, «Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси», Спб. 1908, стр. 400. У г. Дьяконова рѣчь идетъ объ изборникѣ 1073 г.

[2]) Оно не было таковымъ, между прочимъ, и въ Византіи. При случаѣ византійское духовенство умѣло оказать свѣтской власти довольно дѣятельное сопротивленіе, какъ это показываетъ исторія иконоборства. Но, говоря вообще, духовная власть была сильно подчинена въ Византіи свѣтской власти, и это обстоятельство наложило свой глубокій слѣдъ на тѣ общественныя теоріи, которыя пришли къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанскимъ духовенствомъ.

[3]) В. Жмакинъ «Митр. Даніилъ», стр. 94, примѣч. 2-е Цитировано у Дьяконова, «Власть московскихъ государей», стр. 127.

какъ извѣстно, уступить значительную часть своихъ земель московскому великому князю Ивану III, включено было въ «чинъ Православія» слѣдующее проклятіе: «вси начальствующіи и обидящіи святыя божія церкви и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и винограды, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты». Это проклятіе повторялось, повидимому, и въ другихъ епархіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ [1]).

Въ высшей степени замѣчательно, что споръ о церковныхъ имуществахъ побудилъ русскихъ духовныхъ писателей обратиться къ латинскимъ источникамъ и заимствовать изъ нихъ теорію двухъ мечей: вещественнаго и духовнаго. Эта теорія развивается въ «Словѣ краткомъ противу тѣхъ, иже въ вещи священные подвижные и неподвижные соборные церкви вступаются и отъимати противу спасенія души своея дерзаютъ, заповѣди божіи и церковные презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съ клятвою законоположеніе разоряюще и заповѣди божіи преобидяще». По мнѣнію автора этого слова, пастыри церкви должны прежде всего дѣйствовать духовнымъ мечомъ «даже и до своего кровопролитія», а также и до преданія противниковъ анаѳемѣ. Однако, на этомъ имъ не слѣдуетъ останавливаться. Если «непослушни не сотворятъ повелѣнія и сопротивни пребудутъ, не хотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити», тогда помощью «плечій мирскихъ дѣйствовати могутъ мечемъ вещественнымъ на отвращеніе силы сопротивныхъ». Въ доказательство авторъ ссылается на общее отношеніе духовной власти къ свѣтской. Свѣтская власть ниже духовной, и эта послѣдняя не должна уступать ей при ея посягательствахъ. «Понеже по апостольскому ученію наче подобаетъ повиноваться Богу, нежели человѣкомъ. Мірстіи бо властели человѣцы суть: тѣло отъяти могутъ, души же ни» [2]).

---

[1]) Въ московской Типографской библіотекѣ есть рукописный синодикъ, по которому совершался чинъ православія *въ Ростовѣ въ 1642 году*, и въ которомъ противъ анаѳемы «на обидящихъ святыя Божіи церкви и монастыри» сдѣлана замѣтка для протодьякона: «возгласи вельми!» (А. Павловъ, „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», часть I, Одесса 1871 г., стр. 51).

[2]) Дьяконовъ, тамъ же, стр. 127. Сравни его же «Очерки общественнаго государственнаго строя древней Руси“, стр. 417. Впрочемъ, надо замѣтить, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, авторъ «Слова» былъ западно-руссомъ. Мнѣніе это подтверждается указаніемъ на его хорошее знакомство съ католической канеоникой. Но, какъ замѣтилъ А. Павловъ, и въ московскомъ государствѣ,—въ Новогородѣ,—были люди, знавшіе латинскій языкъ и католическое богословіе. А. Павловъ склонялся къ тому предположенію, что слово написано было, именно, въ Новгородѣ (см. названное сочиненіе, стр. 62—63, примѣчаніе).

Даже Іосифъ Волоцкой, готовый обожествлять верховнаго представителя свѣтской власти, поспѣшилъ, по выраженію М. А. Дьяконова, внести къ своему ученію революціонную поправку относительно царя, надъ которымъ царствуютъ скверныя страсти и грѣхи, лукавство и неправда, гордость и ярость, невѣріе и хула. Такой царь, училъ благочестивый Іосифъ, не только не Богъ, а даже «не Божій слуга, но дьяволъ, и не царь, но мучитель». Іосифъ совѣтуетъ не повиноваться такому царю: «и ты убо такого царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучитъ аще смертію претитъ» [1]. Конечно, поправку эту можно признать революціонной лишь съ большой оговоркой: у нашего автора рѣчь идетъ только о пассивномъ сопротивленіи «мучителю»; мы ни слова не слышимъ отъ него о томъ активномъ сопротивленіи недостойному государю, о которомъ такъ горячо распространялись на Западѣ еще Григорій VII и его сторонники. Но какъ бы тамъ ни было, это опять уже не только постъ и не только молитва. Мы видимъ, что наша церковь тоже не была безусловной сторонницей покорности свѣтской власти. Ея теоретики проповѣдывали покорность только тогда, когда считали ее согласной съ интересами своего сословія. А когда этимъ интересамъ грозила опасность со стороны свѣтской власти, они замѣняли проповѣдь покорности проповѣдью сопротивленія, хотя бы и пассивнаго. Говоря о соборѣ 1503 года,—на которомъ былъ поднятъ вопросъ о монастырскихъ владѣніяхъ,—одинъ изъ историковъ нашей церкви замѣчаетъ: «Если, можетъ быть, великій князь ожидалъ и разсчитывалъ, что архіереи выдадутъ монаховъ, то онъ совершенно ошибался. Архіереи были изъ тѣхъ же монаховъ и принимали къ сердцу интересы послѣднихъ, какъ свои собственные» [2]. Какъ выражается тотъ же историкъ, «у членовъ собора нашлось мужество съ рѣшительной твердостью возстать на защиту монастырскихъ имуществъ». Они сослались на то, что еще евреи приносили въ даръ Богу дома и нивы, и что «левиты еврейскіе имѣли города волости и селы, которые не могли быть продаваемы и отдаваемы и имѣли оставаться ихъ одержаніемъ вѣчнымъ». Кромѣ того, они привели длинный рядъ подобныхъ же примѣровъ изъ византійской и русской исторіи. Не довольствуясь этимъ, они сочли нужнымъ

---

[1]) Дьяконовъ, «Очерки», стр. 416. Іосифъ сдѣлалъ эту «революціонную» прибавку къ своему ученію не въ спорѣ о монастырскихъ имѣніяхъ, а въ спорѣ о томъ, нужно или не нужно преслѣдовать ересь «жидовствующихъ». Но это тѣмъ менѣе измѣняетъ дѣло, что «жидовствующіе» тоже стояли за секуляризацію церковныхъ имуществъ, вслѣдствіе чего довольно долго пользовались весьма замѣтнымъ сочувствіемъ Ивана III.

[2]) Е. Голубинскій, «Исторія русской церкви», 1-я половина 2-го тома, Москва 1909, стр. 683.

указать даже на языческій Египетъ, гдѣ жрецы имѣли свои земли, неприкосновенныя для фараона [1]. Словомъ, духовные отцы пустили въ оборотъ весь запасъ своихъ историческихъ свѣдѣній и всѣ силы своей логики. Этотъ, какъ нельзя болѣе важный для нихъ, споръ направилъ ихъ мысль въ ту самую сторону, въ которую уже давно устремилась мысль римско-католическаго духовенства. Одинаковыя причины всегда порождаютъ одинаковыя слѣдствія. И если бы это столкновеніе духовной власти со свѣтской обострилось у насъ до такой степени, до какой обострялись подобныя столкновенія на Западѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что и наши духовные писатели не побоялись бы тѣхъ крайнихъ выводовъ, къ которымъ приходили теоретики западнаго духовенства. Между этими писателями нашлись бы, какъ и на Западѣ, свои горячіе проповѣдники активнаго сопротивленія и даже свои «монархомахи». Очень возможно, что въ роли теоретическаго монархомаха не затруднился бы выступить самъ Іосифъ Волоцкой. Но для этого не было, да при указанныхъ московскихъ условіяхъ и не могло быть, достаточной общественной причины.

Споръ о монастырскихъ имѣніяхъ, толкнувшій мысль московскихъ духовныхъ публицистовъ въ ту самую сторону, въ которую такъ рано и такъ смѣло пошла мысль западныхъ духовныхъ монархомаховъ, очень скоро окончился мировой сдѣлкой. Иванъ III покинулъ мысль о секуляризаціи монастырскихъ имѣній и даже согласился на жестокое преслѣдованіе ненавистныхъ православному духовенству «жидовствующихъ», которыхъ онъ еще такъ недавно и такъ недвусмысленно поддерживалъ. А это, въ свою очередь, повело къ тому, что мысль духовныхъ писателей перестала развиваться въ оппозиціонномъ направленіи. Въ томъ, что М. А. Дьяконовъ назвалъ революціонной прибавкой къ ученію Іосифа Волоцкого о свѣтской власти, теперь уже не было никакой надобности, и потому о ней позабылъ самъ Іосифъ.

М. А. Дьяконовъ замѣчаетъ, что Волоцкой со своими учениками и послѣ уступки Ивана III старался «поставить авторитетъ священства выше авторитета государственной власти», такъ какъ не былъ увѣренъ въ ея стойкости [2]. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что Іосифъ вспомнилъ бы о своей «революціонной» прибавкѣ, а главное, вложилъ бы въ нее дѣйствительно революціонное содержаніе, если бы свѣтская власть рѣшилась отобрать монастырскія имущества. Но московскіе князья уже не повторяли своей попытки или, по крайней мѣрѣ, избѣгали дѣлать это

---

[1] Голубинскій, тамъ же, примѣчаніе къ стр. 634.

[2] «Власть московскихъ государей», стр. 129.

открыто. Имъ невыгодно было возстановлять противъ себя духовенство, такъ сильно содѣйствовавшее укрѣпленію и расширенію ихъ собственной власти. При томъ же не надо думать, что, отстоявъ свои недвижимыя имущества, духовная власть сдѣлалась независимой по отношенію къ свѣтской. Напротивъ, сохраненіе церковью своихъ имуществъ надолго сдѣлалось причиной новаго усиленія и упроченія зависимости «святительской» власти отъ земной. Опасеніе потерять эти имущества располагало «святителей» ко все большей и большей уступчивости. Церковь стала подчиняться государству даже въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь шла о важнѣйшихъ вопросахъ церковной организаціи. Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ отмѣчаетъ тотъ, дѣйствительно, весьма знаменательный фактъ, что, когда Ѳедоръ Ивановичъ вздумалъ учредить у насъ патріаршество, то онъ, по свидѣтельству статейнаго списка, «помысля со своею благовѣрною христолюбивою царицею Ириною», обратился за совѣтомъ къ боярамъ и, когда они одобрили его мысль, поручилъ Борису Годунову вступить въ переговоры съ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ. «На участіе въ этомъ церковномъ дѣлѣ какого-либо духовнаго лица, а тѣмъ болѣе цѣлаго собора іерарховъ, нѣтъ и намека», говоритъ г. Каптеревъ. «Очевидно, участіе духовныхъ властей въ обсужденіи вопроса объ учрежденіи у насъ патріаршества считалось пока совершенно излишнимъ» [1]).

Легко представить себѣ поэтому, каково могло быть значеніе патріарха въ общественной жизни московскаго государства. Поставленный по замыслу свѣтской власти, онъ былъ силенъ и вліятеленъ только до тѣхъ поръ, пока ей подчинялся. Это убѣдительно показываетъ судьба Никона.

По словамъ Н. Ѳ. Каптерева, еще нѣкоторые современники пресловутаго патріарха высказывали ту догадку, что онъ «и самаго патріаршества былъ лишенъ въ дѣйствительности вовсе не за церковь или за что-либо духовное, а за землю и за вотчины, которыя онъ такъ неразборчиво пріобрѣталъ. Выходило, по ихъ представленію, что корыстолюбивая политика Никона грозила въ дальнѣйшемъ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ патріаршихъ владѣній, и по этой только причинѣ его непремѣнно надо было удалить съ патріаршей каѳедры» [2]). Проф. Каптеревъ полагаетъ, что такой взглядъ современниковъ на дѣло Никона имѣлъ серьезное основаніе въ дѣйствительности.

Въ томъ-то и дѣло, что уступка, на которую пошелъ Иванъ III

---

[1]) «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», томъ II, стр. 57. Впрочемъ, проф. Каптеревъ могъ бы замѣтить, что еще гораздо раньше починъ протеста противъ флорентійской уніи взяла на себя не духовная власть, а свѣтская.

[2]) Тамъ же, стр. 167.

въ вопросѣ о монастырскихъ земляхъ, не была такъ велика, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Правда, земли остались въ рукахъ духовенства; но московское правительство приняло всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы подчинить распоряженіе ими своему контролю. Извѣстно, что почти все архіерейское управленіе находилось въ рукахъ не духовныхъ, а свѣтскихъ лицъ: архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, на разсмотрѣніе которыхъ нерѣдко поступали даже собственно духовныя дѣла. И вотъ этихъ-то лицъ московское правительство постаралось подчинить своей власти. Согласно постановленію Стоглаваго собора, архіереи не имѣли права назначать и увольнять безъ согласія царя своихъ свѣтскихъ чиновниковъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ проф. Каптеревъ,—въ лицѣ архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ царемъ, все епархіальное управленіе архіерея, а также и патріарха, необходимо было подчинено очень чувствительному и стѣснительному... контролю свѣтской власти» [1]. Само собою понятно, что этимъ раздражалось духовенство. Уже до Никона мы встрѣчаемъ владыкъ, склонныхъ «къ возгорженію на царскую державу». Однимъ изъ такихъ владыкъ былъ новгородскій митрополитъ Кипріанъ, который занималъ въ Новгородѣ каѳедру за 16 лѣтъ до Никона и былъ какъ бы его «прямымъ предшественникомъ». Свѣтская власть была очень недовольна «неправдами и непригожими рѣчами Кипріана» [2], имѣвшими самое непосредственное отношеніе къ только что указанному, весьма стѣснительному для духовныхъ владыкъ, контролю свѣтской власти. Противъ того же контроля ополчился и патріархъ Никонъ.

«И егда повелитъ царь быти собору,—жаловался онъ,—тогда бываетъ; и кого велитъ избрати и поставити архіереевъ,—избираютъ и поставляютъ; и кого велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ. И вся елика суть во епархіи патріаршаго имѣнія, царское величество на свои протори емлетъ, и гдѣ велитъ, даютъ безчинно. Сице и отъ митрополичихъ епархій, и отъ архіепископлихъ и епископлихъ, и честныхъ и великихъ монастырей имѣнія, по повелѣнію его, емлютъ, и людей на службу, и хлѣбъ и деньги повелѣніемъ своимъ велитъ взять и возмутъ немилостиво и дани тяжки. И еще весь родъ христіанскій утягчи данми сугубо и трегубо и вящше и нѣчто бываетъ на пользу» [3].

Противорѣчіе ведетъ впередъ. Никонъ вовсе не склоненъ былъ

---

1) Тамъ же, стр. 73.

2) Н. Ѳ. Каптеревъ, такъ же, стр. 214.

3) Тамъ же, стр. 193.

Патріархъ Никонъ.

думать объ интересахъ народа. Но разъ вступивъ въ борьбу со свѣтской властью, стѣснявшей духовенство, онъ вспомнилъ и объ этихъ интересахъ. Онъ утверждалъ, что отъ неправды и насилій царя плачетъ не только «мати его святая великая соборная церковь», но и весь православный народъ: «Государь царь за едино слово, аще кто о правдѣ молвитъ, языки рѣжетъ, и руки и ноги отсѣкаетъ, въ заточеніе невозвратное посылаетъ, забывъ смертный часъ, аки безсмертенъ и не чая будущаго суда Божія». Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Никонъ характеризуетъ дѣятельность царя слѣдующими сильными выраженіями: «И весь родъ христіанскій утягчи данми сугубо и трегубо и вящше и ничто бываетъ въ пользу». Въ письмѣ къ самому царю Никонъ доходитъ до ѣдкаго сарказма: «Ты всѣмъ проповѣдуешь постити,—пишетъ онъ,—а нынѣ и невѣдомо кто не постится; скудости ради хлѣбныя во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся и ѣсть нечего: и нѣсть, кто бы помилованъ былъ, но отъ начала царствія твоего вси купно отписаны давидскимъ беззаконнымъ отписаніемъ: нищіе и маломощные, слѣпые, хромые, вдовицы и черницы, и всѣ данми обложены тяжкими и неудобь искусными,—вездѣ плачь и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, и нѣсть никого веселящася во днехъ сихъ» [1]).

Всѣ эти жалобы и упреки Никона были совершенно основательны. Какъ мало церемонился «тишайшій» царь со своими «богомольцами», показываетъ, между прочимъ, слѣдующій трагикомическій эпизодъ съ казначеемъ монастыря преп. Саввы Сторожевскаго Никитой. Почтенный клирикъ сильно запилъ и въ пьяномъ видѣ сталъ вести себя не совсѣмъ благообразно. Тогда Алексѣй Михайловичъ приказалъ держать его въ кельѣ подъ арестомъ, а для вѣрности поставить къ дверямъ его кельи стрѣльцовъ. Никита обидѣлся этимъ и написалъ кому-то, что царь его обезчестилъ. Слухъ о письмѣ дошелъ до Алексѣя Михайловича, который, съ своей стороны, отправилъ грозное посланіе бѣдному Никитѣ. «Да ты жь, сатанинъ угодникъ,—гремѣлъ онъ въ своемъ письмѣ,—пишешь къ друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестье свое вражье, что стрѣльцы у твоей кельи стоятъ. И дорого добрѣ, что у тебя, скота, стрѣльцы стоятъ. Лутче тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы, по нашему указу, которой владыко тѣмъ же путемъ ходитъ, что и ты, окаянный». Проф. Каптеревъ совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Очевидно, Алексѣй Михайловичъ приказывалъ, какъ обычное дѣло, выдерживать подъ арестомъ и

[1]) Тамъ же, стр. 196.

самихъ митрополитовъ, если который владыка начиналъ вести себя такъ же неблаговидно, какъ и саввинскій казначей Никита» [1]. Алексѣй Михайловичъ считалъ обычнымъ дѣломъ не только сажаніе подъ арестъ зашибавшихъ хмѣлемъ прелатовъ. Никонъ сообщаетъ: «А келейную-де его рухлядь всю, по указу великаго государя, бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи перебирали, и пересматривали, и переписывали и исъ той ево келейные рухледи лутчее все изволилъ великій государь взять на себя, государя». Это было совершенно въ духѣ московскаго и вообще восточнаго деспотизма: подданный, какъ бы высоко ни стоялъ онъ на общественной лѣстницѣ, владѣлъ своею «рухлядью» лишь до тѣхъ поръ, пока это было угодно земному богу—государю.

Недовольный зависимымъ положеніемъ церкви, энергичный Никонъ выдвинулъ ту самую теорію, на которую опирались папы въ своей борьбѣ со свѣтской властью. Онъ утверждалъ, что «власти небесныя, сиречь духовныя, преизряднѣйше суть, нежели міра сего или временныя», и что поэтому «царь имать быти менѣе архіерея» [2]. Цари не должны были, по его мнѣнію, «прикасатися намъ, помазанникомъ Божіимъ, судомъ и управою чрезъ каноны» [3]. Но если римскіе папы могли въ подтвержденіе этой теоріи выставить дѣйствительную,—и сравнительно очень большую,—общественную силу, то Никонъ въ состояніи былъ подкрѣпить ее только ссылками на апостоловъ и на святого духа. Этого было слишкомъ мало. Однако, разъ возникшій споръ надо было кончить, и свѣтская власть была по своему вполнѣ права, добиваясь его рѣшенія въ свою пользу.

Проф. Каптеревъ превосходно говоритъ: «Напрасно думаютъ нежеланіе царя возстановить Никона на патріаршей каѳедрѣ объяснить только происками и интригами враговъ Никона, ненавистью къ нему бояръ и вообще лицъ, чѣмъ-либо имъ оскорбленныхъ— въ дѣйствительности причина паденія и окончательнаго осужденія Никона лежала глубже: она заключалась въ тѣхъ воззрѣніяхъ Никона на относительное достоинство священства и царства, какія онъ такъ откровенно рѣзко высказалъ послѣ удаленія съ патріаршей каѳедры. Конечное осужденіе Никона сдѣлалось прямо государственной необходимостью, этого требовали интересы верховной государственной власти, безотносительно къ церковной реформа-

---

1) Н. Ѳ. Каптеревъ, тамъ же, стр. 74.
2) Н. Ѳ. Каптеревъ, тамъ же, стр. 129.
3) Тамъ же, стр. 130.

торской дѣятельности Никона, къ тѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, какія питали къ нему тѣ или другія лица» [1]).

Но кто же могъ осудить Никона? Только церковный соборъ. Было ли въ интересахъ духовенства безусловное осужденіе человѣка, главная вина котораго заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ поставить духовную власть выше свѣтской? При всей своей угодливости по отношенію къ свѣтской власти русское духовенство должно было сознавать, что это вовсе не въ его интересахъ. Опасаясь его оппозиціи, «тишайшій» царь обратился къ восточнымъ патріархамъ, на которыхъ онъ могъ вполнѣ разсчитывать, такъ какъ они не переставали докучать ему самыми назойливыми и подчасъ поистинѣ безстыдными просьбами о «милостынѣ». Алексѣй Михайловичъ легко могъ сообразить и то, что интересы греческаго духовенства совсѣмъ не затрагивались стѣсненіемъ правъ духовной власти въ предѣлахъ Московскаго государства. Греки не обманули его ожиданій. На соборѣ 1667 г. они всѣми силами поддерживали царскія притязанія. Если бы исходъ преній на соборѣ зависѣлъ только отъ нихъ, то духовная власть Московскаго государства не только на практикѣ, но и въ теоріи была бы совершенно подчинена свѣтской. Этому отчасти помѣшала оппозиція со стороны русскаго духовенства. Деспотическій и несдержанный Никонъ былъ очень нелюбимъ своими подчиненными. Присутствовавшіе на соборѣ 1667 г. русскіе духовные владыки ровно ничего не имѣли противъ его низложенія. Тутъ они были цѣликомъ согласны съ царемъ и съ греками. Но ихъ настроеніе рѣзко измѣнилось, когда рѣчь зашла о взаимномъ отношеніи двухъ властей. Тогда русскіе владыки если не совершенно перешли на сторону Никона, то все-таки отказались согласиться съ греческими бродягами,—какъ называлъ ихъ подсудимый патріархъ,—головой выдававшими царю московское духовенство. Интересенъ дипломатическій доводъ, выдвинутый ими противъ грековъ. Мы уже знаемъ, что Никонъ ѣдко обвинялъ царя въ жестокомъ угнетеніи церкви. Его бывшіе подчиненные, оспаривавшіе ученіе греческихъ іерарховъ о подчиненіи царю духовной власти, выражались мягче и дипломатичнѣе. Они говорили грекамъ, что если бы въ Московскомъ государствѣ всегда были такіе добрые люди, какъ Алексѣй Михайловичъ, то церковь не пострадала бы отъ своего подчиненія имъ. Но со временемъ могутъ явиться менѣе благодушные государи, и тогда церкви придется плохо. Въ отвѣтъ на это греческіе «бродяги»,—устами хитрѣйшаго Паисія Лигарида,—лицемѣрно выразили почтительное убѣжденіе въ томъ, что у такого добраго царя, какъ Алексѣй Михайловичъ, не

[1]) Н. Ѳ. Каптеревъ, тамъ же, стр. 206—207.

можетъ быть злыхъ наслѣдниковъ, и что поэтому теорія, подчиняющая духовную власть свѣтской, никогда не принесетъ вреда русской церкви [1]). Само собою понятно, что этотъ лицемѣрно и нелѣпо оптимистическій доводъ не могъ успокоить русскихъ архіереевъ; но силъ за ними не было, ихъ положеніе на соборѣ становилось затруднительнымъ, и они, вѣроятно, съ облегченіемъ вздохнули, когда греки согласились на сдѣлку, состоявшую въ признаніи теоріи «двухъ свѣтильниковъ». Какъ въ природѣ есть два свѣтильника, одинъ изъ которыхъ свѣтитъ только днемъ, а другой только ночью, такъ и въ государствѣ должно быть двѣ власти, одна, завѣдующая духовными дѣлами, а другая—свѣтскими. Ни одна власть не должна вмѣшиваться въ дѣла, подчиненныя другой. Собственно говоря, такая теорія ровно ничего не рѣшала по своей крайней растяжимости [2]). Но для слабой стороны всегда гораздо выгоднѣе оставить спорный вопросъ неразрѣшеннымъ, чѣмъ согласиться на категорическое рѣшеніе его въ пользу сильнаго противника. Кромѣ того, московское правительство, которому съ тылу угрожалъ расколъ, вызванный вполнѣ одобренными имъ церковными «новшествами» Никона, въ свою очередь, не могло не пойти на нѣкоторыя уступки въ области практики. Такъ, напримѣръ, уничтоженъ былъ, хотя и не такъ скоро послѣ собора, ненавистный

---

[1]) Во 2-мъ томѣ своего интереснаго сочиненія проф. Каптеревъ даетъ, можно сказать, всестороннюю характеристику Паисія Лигарида. Оказывается, что этотъ свѣтильникъ церкви былъ не только маклеромъ и обманщикомъ (см. стр. 269, 271, 272 и 273 2-го тома), но считался «латынщикомъ» и былъ одно время отлученъ отъ церкви и даже проклятъ іерусалимскимъ патріархомъ. Предусмотрительный Алексѣй Михайловичъ настойчиво хлопоталъ о снятіи съ Паисія Лигарида отлученія и проклятія и о возстановленіи его въ правахъ газскаго митрополита. Какъ и слѣдовало ожидать, хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Москва заплатила іерусалимскому патріарху за прощеніе Паисія больше тысячи рублей, что по тому времени составляло довольно крупную сумму (стр. 509, 511, 517 того же тома). Для характеристики Лигарида имѣетъ также большое значеніе стр. 517 того же тома названнаго сочиненія.

[2]) Теоріи двухъ свѣтильниковъ держались и теоретики римско-католическаго духовенства. Но у нихъ она получила совершенно другой смыслъ, несомнѣнно, болѣе сообразный съ требованіемъ логики. Одинъ изъ двухъ существующихъ въ природѣ свѣтильниковъ заимствуетъ свой свѣтъ отъ другого. Какая же власть должна играть роль луны: свѣтская, или духовная? Въ этомъ былъ весь вопросъ. Средневѣковые теоретики западно-европейскаго духовенства смѣло подходили къ нему и, не колеблясь, рѣшали его въ пользу духовной власти. А теоретики восточнаго духовенства, участвовавшіе на московскомъ соборѣ 1667 г. и тоже выдвинувшіе теорію двухъ свѣтильниковъ, не имѣли мужества коснуться того, что составляло ея сущность. Они придали ей логически неправильное толкованіе, и единственно поэтому могли воспользоваться ею для компромисса. Никакая общественная теорія нигдѣ не развивается сама изъ себя, своею внутреннею силой: вездѣ и всегда развитіе всякой данной общественной теоріи опредѣляется соотношеніемъ общественныхъ силъ.

Никону монастырскій приказъ, сильно стѣснявшій духовенство въ распоряженіи его имуществомъ и дѣлами. Но эта практическая уступка тоже не имѣла существеннаго значенія, потому что значительная часть дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію монастырскаго приказа, перешла въ приказъ Большого Дворца.

Свѣтская власть все-таки не забыла своего столкновенія съ патріархомъ Никономъ. Недодѣланное Алексѣемъ Михайловичемъ, было додѣлано Петромъ Алексѣевичемъ, который, какъ извѣстно, совсѣмъ упразднилъ въ Россіи званіе патріарха. Съ учрежденіемъ синода ни о какихъ столкновеніяхъ свѣтской власти съ духовной не могло быть у насъ и рѣчи. Съ этихъ поръ склоннымъ къ теоретическимъ упражненіямъ церковнымъ іерархамъ оставалось лишь доказывать «правду воли монаршей». Сомнѣваться въ этой правдѣ имъ рѣдко приходило въ голову. А если когда и приходило, то они все таки предпочитали благоразумное молчаніе [1]). Нечего и говорить, что съ тѣхъ поръ никто изъ нихъ ни разу не рѣшился поставить свѣтской власти на видъ,—какъ это сдѣлалъ когда-то ехидный Никонъ,—до какой степени излишне рекомендовать постъ народу, уже и безъ того осужденному ею на безпрерывное недоѣданіе. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи я могу не заниматься вопросомъ объ отношеніи русской духовной власти къ свѣтской, такъ какъ оно уже не давало ровно никакого матеріала для послѣдующаго развитія русской общественной мысли.

---

[1]) Извѣстно, что «мѣстоблюститель патріаршаго престола» Стефанъ Яворскій не одобрялъ реформъ Петра и даже позволялъ себѣ иногда въ своихъ проповѣдяхъ коекакія выходки противъ нихъ. Но какъ легко было Петру привести его въ трепетъ, показываетъ извѣстное дѣло «еретика» Тверитинова. Стефанъ Яворскій повелъ себя въ этомъ дѣлѣ несогласно съ царской волей; Петръ разсердился, и на-смерть испугавшійся мѣстоблюститель извинялся передъ нимъ въ такихъ выраженіяхъ: «Великодержавнѣйшій царь, государь премилостивѣйшій! Въ настоящее время великострастнаго пятка, егда Христосъ на крестѣ гласитъ кличемъ велимъ: отче! отпусти имъ,—желаю себѣ и азъ подражати Христу. Сего ради къ вашему царскому величеству, аки къ общему всѣхъ насъ отцу, припадая, вопію: отче! отпусти. Тамо Христосъ гласитъ: не вѣдятъ бо что творятъ, не вѣдяхъ и азъ, яко то дѣло, еже сотворихъ, неугодно имѣло быти предъ вашимъ царскимъ величествомъ. Аще же въ невѣжествѣ согрѣшихъ, убо грѣхъ мой достоинъ есть прощенія, ибо и Павелъ апостолъ глаголетъ: гонихъ, рече, по премногу церковь Божію, но сего ради помилованъ былъ яко въ невѣжествѣ сіе сотворихъ». См. соч. Тихонравова, т. II, «Русская литература XVII и XVIII вв.», Москва 1898, стр. 275. Униженнѣе выражаться невозможно. Униженнѣе, навѣрно, никогда не выражались и духовные іерархи «растлѣнной Византіи».

Глава II.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ боярствомъ.

Если первымъ крупнымъ побужденіемъ къ развитію общественной мысли въ средневѣковой Европѣ послужила борьба свѣтской и духовной властей, то второй, гораздо болѣе крупный и несравненно болѣе плодотворный, толчокъ данъ былъ освободительнымъ движеніемъ третьяго сословія. Общественно-политическое вліяніе этого движенія было такъ велико, что даже развитіе абсолютной монархіи въ передовыхъ странахъ европейскаго материка можетъ быть разсматриваемо лишь какъ одинъ изъ его эпизодовъ. Для примѣра можно указать на Францію, бывшую нѣкогда классической страной феодализма. Борясь съ феодалами, французскіе короли опирались именно на третье сословіе, которому выгодно было усиливать монархическую власть на счетъ власти землевладѣльческой аристократіи. Я уже указалъ (см. Введеніе) на ту относительную,—однакоже, совсѣмъ немаловажную,—особенность русскаго историческаго процесса, которая вызвана была экономической отсталостью Московской Руси и заключалась въ томъ, что русскіе монархи въ своей борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ опирались не столько на горожанъ, сколько на мелкое служилое сословіе, съ теченіемъ времени получившее названіе дворянства. Эта особенность, какъ и слѣдовало ожидать, отразилась также и на исторіи нашей общественной мысли. Во Франціи замѣчательнѣйшими публицистами, отстаивавшими права королевской власти, были идеологи третьяго сословія, къ числу которыхъ нельзя не отнести, между прочимъ, знаменитаго Жана Бодэна, называемаго предшественникомъ Монтескье. Въ допетровской Руси наиболѣе выдающимся теоретикомъ московскаго абсолютизма является человѣкъ, обѣими ногами стоявшій на точкѣ зрѣнія мелкаго служилаго сословія: старшій современникъ Жана Бодэна, царскій «холопъ Іванецъ Семеновъ сынъ Пересвѣтовъ».

І. С. Пересвѣтовъ былъ родомъ изъ Литвы, откуда издавна приходило въ Москву много всякаго рода искателей счастья [1]. Положимъ, ему въ Москвѣ не повезло: хотя онъ и получилъ помѣстье, однако, оно скоро запустѣло. Но этотъ неудачникъ написалъ нѣсколько сочиненій, которыя заключали въ себѣ цѣлую программу внутренней и внѣшней политики, удивительнымъ образомъ совпадавшую съ важнѣйшими,—частью лишь значительно позже возникшими,—планами Ивана Грознаго.

Прежде чѣмъ пріѣхать въ Москву, нашему публицисту пришлось немало постранствовать. Онъ служилъ въ Молдавіи, въ Венгріи и въ Богеміи. Но интересно, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ апеллировалъ не къ Западу, а къ Востоку. Идеаломъ служилъ ему «турецкій царь Махметъ-салтанъ», который былъ, по его увѣренію, «философ мудрый по своим книгам по турецким», а потомъ прочелъ греческія книги, вслѣдствіе чего «великія мудрости прибыло у царя» [2].

Пересвѣтовъ всей душой ненавидитъ «велможъ». Онъ неустанно повторяетъ, что отъ нихъ идетъ все зло въ государствѣ. Для доказательства этого положенія нашъ публицистъ написалъ даже особое «Сказаніе о царѣ Константинѣ». Герой этого сказанія—тотъ «благовѣрный царь Константинъ Івановичъ», при которомъ «Царьград взят бысть от турецкаго царя Махмета». Въ Константинѣ была «ангельская сила», и онъ родился такимъ воиномъ, что отъ его меча «вся подсолнечная не могла сохранитися». Но его «укротѣли» вельможи, имѣвшіе на него самое вредное вліяніе и своими неправдами навлекшіе на Царьградъ неутолимый гнѣвъ Божій. Вотъ какъ вели себя гордые вельможи.

«Он (Константинъ. *Г. П.*), от своего отца, благовѣрнаго царя Іванна, остася млад царствовати, трех лѣт от роженія своего в Константинѣ-градѣ і на всемъ царствѣ греческаго закону християнскія вѣры. Вельможи его до возрасту царева царствомъ его обладали і измытарили, і неправдами ісцѣпили і своими неправедными суды, і особную брань въ царствѣ томъ учинили; другъ ко другу сердца своего не могъ обратити въ добродѣтели, і сипѣли другъ на друга, яко змеи, і наполнили велможи его нечистымъ собраніемъ казны свои великимъ богатствомъ, і отъ бѣдъ, от слезъ і от кровей роду христіанского неправедными суды своими, емлючи посулы со обоихъ странъ, съ правого і съ вино-

---

[1]) Онъ пріѣхалъ въ концѣ 30-хъ годовъ XVI вѣка (см. изслѣдованіе В. Ѳ. Ржиги. «І. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в.», Москва 1908, стр. 13).

[2]) См. 71-ую стр. только-что названнаго изслѣдованія В. Ѳ. Ржиги. Въ приложеніи къ этому изслѣдованію, начиная съ 59-й стр., напечатаны собственныя сочиненія Пересвѣтова.

ватаго, і казны свои наполнили златом і сребромъ і многоцѣнным каменіемъ, нечистымъ своимъ собраніемъ» [1]).

Въ дѣйствительности, царь Константинъ XI, при которомъ взятъ былъ турками Константинополь, лишился отца 20-ти лѣтъ, а вступилъ на престолъ на 44-омъ году. Такимъ образомъ, Пересвѣтовское «сказаніе» о немъ противорѣчитъ исторической истинѣ. Мы не имѣемъ теперь никакой возможности рѣшить, зналъ или не зналъ Пересвѣтовъ, какъ обстояло дѣло съ дѣйствительнымъ Константиномъ. Но у насъ есть полная возможность рѣшить, подъ какимъ вліяніемъ онъ исказилъ,—умышленно или по незнанію, это въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно,—въ своемъ повѣствованіи историческую истину. Для этого достаточно вспомнить, что Иванъ IV потерялъ отца 3-хъ лѣтъ отъ роду, и сопоставить слѣдующія жалобы этого царя съ только что цитированными строками изъ «Сказанія» Пересвѣтова о Константинѣ.

«Тако же изволися судьбами Божіими быти, родительницѣ нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ прейти отъ земного царствія на небесное,—говоритъ Иванъ,—намъ же со святопочившимъ братомъ Георгіемъ сиротствующимъ отставъ родителей своихъ, ни откуду промышленія уповающе, и на пресвятыя Богородицы милость и всѣхъ святыхъ молитвы и на родителей своихъ благословеніе упованіе положихомъ. Мнѣ же осмому лѣту отъ рожденія тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо государей своихъ ни коего промышленія добротнаго не сподобиша, сами же премѣсишася богатству, и славѣ, и тако скачаша другъ на друга» и т. д. [2]).

Тутъ поразительное сходство: «Сказаніе» Пересвѣтова, написанное лѣтъ за 16—17 до начала полемики Ивана съ Курбскимъ [3]), цѣликомъ предвосхищаетъ жалобы Грознаго. Это значитъ, что Пересвѣтовъ отнесъ на счетъ византійскихъ «велможъ» начала XV вѣка все слышанное имъ о дѣтствѣ Ивана IV въ томъ кругу московскаго служилаго сословія XVI вѣка, который былъ враждебенъ боярству. А это даетъ намъ право думать, что настроеніе того же круга служилаго сословія отразилось и на другихъ повѣствованіяхъ и обличительныхъ произведеніяхъ Пересвѣтова.

По его словамъ, византійскіе «велможи», грабя народъ и наполняя свои казны великимъ богатствомъ, со страхомъ помышляли

---

1) Тамъ же, стр. 70.

2) «Сказанія князя Курбскаго, изд. 3-е, Н. Устрялова, Спб. 1868 г., стр. 158.

3) Г. Ржига думаетъ, что сказаніе Пересвѣтова о царѣ Константинѣ написано въ 1546 или въ 1547 г. (Назв. сочин., стр. 19).

о томъ времени, когда молодой царь придетъ въ возрастъ и покажетъ свои необыкновенныя воинскія способности. Чтобы не лишиться «своего упокою», они придумали написать «от Бога с великою клятвою» книги, въ которыхъ доказывалось, что христіанскому государю позволительно вести только оборонительныя, а не наступательныя войны. Константинъ прочелъ эти книги и оставилъ свои прежніе воинственные замыслы («да и укротѣл»). А когда онъ «укротѣлъ», то Махметъ-салтану, пришедшему подъ Царьградъ съ великою силою по суху и по морю, легко было справиться съ нимъ.

Пересвѣтовъ такъ выражаетъ главную мысль своего сказанія: «богатый николи же воинствы не думаетъ, мыслитъ о смиреніи і о кротости. Царь кротокъ і смирен на царствѣ своемъ, і царство его оскудѣетъ, і слава его низится. Царь на царствѣ грозенъ і мудръ, царство его ширѣетъ, і имя его славно по всѣм землям.— А греки благовѣрнаго царя Константина укротили отъ ереси своея, і они царство потеряли» [1].

Константинъ палъ и погубилъ свое государство, благодаря тому, что довѣрился «велможамъ». Его побѣдитель, Махметъ-салтанъ, умѣлъ крѣпко держать въ своихъ рукахъ турецкихъ «велможъ». Онъ никому изъ нихъ ни въ которомъ градѣ не далъ намѣстничества, чтобы «не прелщалися неправдою судити»; съ тѣми же судьями, которые были назначены имъ по городамъ, онъ расправлялся подчасъ съ утонченною жестокостью. «Да по малѣ времени обыскалъ царь судей своихъ, какъ они судятъ, і на нихъ довели пред царемъ злоемство, что они по посуламъ судятъ. І царь имъ вины в том не учинил, только ихъ велѣлъ живых одрати да рек такъ: есть ли онѣ обростутъ тѣломъ опять, іно имъ вина отдается. І кожи ихъ велѣл продѣлати, і велѣл бумаги набити, і в судебняхъ велѣл желѣзнымъ гвоздіемъ прибити, і написати велѣл на кожахъ ихъ: Без таковыя грозы правды въ царство не мочно ввести. Правда въвести царю въ царство свое, іно любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Какъ конь под царемъ безъ узды, такъ царство без грозы» [2]. Пересвѣтовъ вполнѣ одобряетъ эту жестокость своего героя. Онъ говоритъ, что ею Магометъ «правый судъ въ царство свое ввелъ, а ложь вывелъ» [3]. Жестокость необходима, по его мнѣнію, «чтобы люди не слабѣли ни в чемъ і Бога не гнѣвили». Это мнѣніе Пересвѣтова о пользѣ жестокости для блага всей страны было высказано значительно

---

[1]) Тамъ же, стр. 70—71.

[2]) Тамъ же, стр. 72.

[3]) Тамъ же, стр. 73.

раньше, чѣмъ Иванъ IV сдѣлался грозой своихъ бояръ. Отсюда мы видимъ, что его терроръ былъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, въ духѣ своего времени, т.-е. что онъ соотвѣтствовалъ взглядамъ, нравамъ и требованіямъ нѣкоторой и при томъ, по своему, вліятельной части тогдашняго населенія московскаго государства.

«Великая гроза царева» распространена была Махметъ-салтаномъ, между прочимъ, и на войско. Но это не помѣшало ему любить своихъ воинниковъ: онъ «умножилъ сердце свое к войску своему і возвеселил вся войска своя» [1]. «Воинники» несли тяжелую службу и за то пользовались заботливымъ вниманіемъ со стороны царя. Онъ говорилъ имъ: «не скорбите, братіе, службою, мы же без службы не можем быти на земли; хотя мало цар оплошится и окротѣетъ, іно царство его оскудѣетъ і иному царю достанется; яко же небесное по земному, а земное по небесному, ангели божіи, небесныя силы, ни на единъ часъ пламеннаго оружія из рукъ не испущаютъ, хранят и стрегутъ родъ человѣческій отъ Адама і по всякъ часъ, да и тѣ небесныя силы службою не стужаютъ» [2]. По словамъ Пересвѣтова, Махметъ «умудрился», организовавъ 40.000 «янычанъ», «горазныхъ стрѣльцовъ со огненою стрѣльбою». Это сорокатысячное войско нужно ему и всему царству: «Для того ихъ блиско себя держитъ, чтобы его недругъ въ его земли не явился і измѣны бы не учинилъ, і въ грѣхъ бы не впалъ безумный царя потребитъ, велми множившися, и разгордится і царемъ похищетъ быти, то же ся ему не достанет, а самъ навѣки погибнетъ от грѣха своего, а царство безъ царя не будетъ; для того царь бережетъ, а янычяня у него, вѣрныя люди, любячи царя, вѣрно ему служатъ про его царьское жалованіе» [3]. Но важнѣе всего то, что, пополняя ряды этой турецкой опричины, султанъ Махметъ считался не съ происхожденіемъ служилыхъ людей, а съ ихъ личными качествами. Пересвѣтовъ приписываетъ турецкому монарху весьма характерныя соображенія по этой части. «Братіе,—говорилъ будто бы Махметъ,—всѣ есмя дѣти Адамовы; кто у меня вѣрно служитъ і против недруга люто стоит, тот у меня и лутчей будетъ» [4]. Это соображеніе не могло понравиться московскимъ боярамъ, въ глазахъ которыхъ мѣстническіе счеты имѣли такую огромную важность; но оно должно было встрѣтить очень сочувственный откликъ въ неродовитой части московскаго служилаго сословія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 74.
[2]) Тамъ же, стр. 74.
[3]) Тамъ же, стр. 74.
[4]) Тамъ же, стр. 76.

Когда Иванъ Грозный заводилъ на Москвѣ своихъ русскихъ «янычаръ», онъ тоже цѣнилъ «адамовыхъ дѣтей» не по ихъ родовитости, а по ихъ годности къ исполненію его плановъ. Но Пересвѣтовъ былъ не только лишеннымъ родовыхъ связей служилымъ человѣкомъ; онъ былъ, какъ мы знаемъ, литовскимъ выходцемъ. Вѣроятно, поэтому въ своемъ политическомъ романѣ онъ и не позабылъ приписать Махметъ-салтану внимательное отношеніе къ служилымъ людямъ иностраннаго происхожденія. «А у нынѣшняго у царя у турецкаго Орнаутъ-паша Орнаутьскіе земли полоняникъ былъ, да удался против недруга крѣпко стояти и полки пробивати; да Короманъ-паша—Коромансkiе земли полоняникъ, для того имъ слава повышена, для ихъ великія мудрости, что умѣютъ царю служити і против недруга крѣпко стояти. А вѣдома нѣтъ, какова отца онѣ дѣти, да для ихъ мудрости царь велико на нихъ имя положилъ для того, чтобы і иные такоже удавалися вѣрно царю служити» [1]).

Укажу еще одну достойную вниманія черту этого чрезвычайно интереснаго русскаго политическаго романа XVI вѣка. Его грозный и жестокій герой былъ рѣшительнымъ противникомъ рабства. Онъ находилъ, что человѣкъ можетъ быть только рабомъ Божіимъ: «велѣл перед себя книги принести полныя и докладныя, да огнемъ велѣлъ пожещи. І полоняником уставил урок, доколѣ кому работати, в седмь лѣтъ выробився, і в силахъ—девять лѣтъ. Есть ли кто кого дорого купитъ, а чрез девят лѣтъ будетъ держати, і будет на него жалоба от полоняника, іно на таковаго царьская опала і казнь смертная» [2]). Пересвѣтовъ выступаетъ здѣсь передъ нами сторонникомъ освобожденія кабальныхъ холоповъ. Такое требованіе можетъ показаться страннымъ въ устахъ московскаго «воинника» XVI столѣтія. Въ виду этого не мѣшаетъ напомнить нѣкоторыя, уже указанныя во Введеніи, черты хозяйственнаго развитія Московскаго государства.

Служилые люди этого государства очень нуждались въ рабочихъ рукахъ для обработки своихъ земель. Уходъ крестьянъ изъ вотчины или помѣстья равносиленъ былъ разоренію вотчинника или помѣщика. Поэтому и помѣщики, и вотчинники одинаково заинтересованы были въ томъ, чтобы воспрепятствовать такому уходу. Точно такъ же и тѣ, и другіе одинаково заинтересованы были въ томъ, чтобы привлекать на свои земли крестьянъ, еще не утратившихъ тогда своей свободы переселенія. Но богатые вотчинники могли дать больше льготъ крестьянамъ, селившимся на ихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 76.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

земляхъ, чѣмъ бѣдные помѣщики. Оттого крестьяне охотнѣе шли къ нимъ, покидая помѣщичьи земли. Вполнѣ понятно, что помѣщики не могли равнодушно относиться къ такому переходу. Запустѣніе ихъ имѣній очень раздражало ихъ какъ противъ самихъ крестьянъ, которыхъ они старались задерживать всѣми средствами, до насильственныхъ включительно, такъ и противъ владѣльцевъ крупныхъ имѣній. Около половины XVI вѣка дѣло значительно осложнилось и ухудшилось массовымъ уходомъ крестьянъ изъ центральныхъ мѣстностей московскаго государства на южныя и юго-восточныя окраины, постепенно дѣлавшіяся все болѣе и болѣе доступными для земледѣльцевъ. Центральнымъ мѣстностямъ пришлось тогда пережить хозяйственный кризисъ, имѣвшій очень важныя политическія послѣдствія. Переселеніе крестьянъ изъ центра на окраины въ концѣ подрывало благосостояніе не только мелкихъ помѣщиковъ, но и крупныхъ вотчинниковъ. Становясь бѣднѣе, родовитое боярство теряло свое прежнее вліяніе въ московскомъ обществѣ и, какъ уже отмѣчено во Введеніи, дѣлалось все менѣе рѣшительнымъ въ своихъ столкновеніяхъ съ верховной властью, которая не переставала стремиться къ полному подчиненію себѣ всѣхъ общественныхъ силъ. Хозяйственный кризисъ половины XVI вѣка весьма значительно облегчилъ и ускорилъ окончательное торжество московскаго деспотизма. И не только тѣмъ, что, ослабивъ общественное значеніе бояръ, уменьшилъ силу ихъ сопротивленія государю. Помѣщики, разорявшіеся вслѣдствіе ухода крестьянъ изъ центра на окраины, дѣлались все болѣе и болѣе послушными орудіями центральной власти, такъ какъ только она одна и могла притти имъ на помощь. Это ихъ настроеніе и отразилось вообще на публицистическихъ трудахъ Пересвѣтова, а въ частности на его разсужденіи о рабствѣ. Хозяйственный кризисъ очень обострилъ взаимное соперничество мелкихъ помѣщиковъ и крупныхъ вотчинниковъ изъ-за рабочей силы крестьянина. Но и теперь, какъ прежде, крупному вотчиннику легко было одержать побѣду надъ мелкимъ помѣщикомъ. Теперь въ крупныхъ вотчинахъ крестьянъ стали закабалять, чтобы воспрепятствовать ихъ уходу. И это закабаленіе приняло, какъ видно, довольно широкіе размѣры [1].

[1]) Вотъ какъ описываетъ это явленіе Авраамій Палицынъ въ своемъ «Сказаніи». Правда, его описаніе относится уже къ царствованію Θеодора Ивановича, а закабаленіе ставится имъ въ вину, главнымъ образомъ, Борису Годунову и его сторонникамъ. Однако, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что явленіе это началось уже въ царствованіе Ивана IV, и что закабалять рабочія силы стремились всѣ тѣ землевладѣльцы, которые имѣли необходимыя для этого средства. Палицынъ пишетъ о немъ такъ: „Борисъ Годуновъ и иніи мнози отъ вельможъ, не токмо родъ его, но и

Оно не ускользнуло отъ проницательнаго взора Пересвѣтова. Какъ человѣкъ смѣлый и послѣдовательный въ своихъ сужденіяхъ, онъ придумалъ коренную мѣру борьбы съ распространеніемъ холопства: полное его уничтоженіе. А разъ придумавъ эту коренную мѣру, онъ, по своему обыкновенію, захотѣлъ оправдать ее ссылкой на исторіи Византіи: «При цари Константинѣ у велможъ его лучшіе люди порабощены были в неволю», вслѣдствіе чего потеряли всякое мужество, «противъ недруга крѣпкаго бою не держали і з бою утѣкали і ужасъ полкомъ царевымъ інымъ давали, они же прелщалися» [1]. Это, по словамъ Пересвѣтова, и побудило Махметъ-салтана освободить ихъ. Когда онъ далъ имъ свободу, «они стали у царя храбры, лутчіе люди, которые у велможъ царевыхъ въ неволи были» [2]. Это указаніе Пересвѣтова на причинную связь между личнымъ мужествомъ и состояніемъ свободы представляетъ собою едва ли не самый интересный фактъ въ исторіи общественной мысли Московской Руси. Мы сейчасъ увидимъ, однако, въ какіе тѣсные предѣлы заключено было у Пересвѣтова понятіе свободы.

Замѣтивъ, какъ храбро ведутъ себя на войнѣ люди, освобожденные имъ изъ кабалы, Махметъ-салтанъ сказалъ: «Волю Божію сотворилъ есмь, что Богъ любитъ, в полкъ к себѣ юнаков храбрыхъ прибавилъ» [3]. Онъ вообще часто ссылался на Бога и былъ такъ благочестивъ, что если и не обратился въ христіанскую вѣру, то единственно потому, что этому воспротивились его «сеиты». Но, яркими красками изображая благочестіе своего героя, Пересвѣтовъ никогда не покидаетъ, однако, чисто свѣтской точки зрѣнія. Онъ находитъ, что иное дѣло «истинная вѣра», а иное дѣло «правда». Его повѣсть о Махметъ-салтанѣ заканчивается пожеланіемъ,—вложеннымъ въ уста одного изъ «латынянъ», будто бы спорившихъ съ греками о причинахъ паденія Византіи,—чтобы русскіе

блюдоміи ими, многихъ человѣкъ въ неволю къ себѣ введше служить, инѣхъ же ласканіемъ и дарами въ домы своя притягнувше,—и не отъ простыхъ токмо ради нарочитаго рукодѣльства или какова хитра художества, но и отъ чествующихъ издавна многимъ имѣніемъ и съ селы и съ винограды, наипаче же избранныхъ меченосцевъ и крѣпцихъ со оружіи во бранѣхъ, и свѣтлы и красны образомъ и взрастомъ лишествующи. И многіи иніи, начальствующемъ послѣдствующе, въ неволю поработивающе кого мощно и написаніе служивое силою и муками емлюще, инѣхъ же винца токмо испити взывающи—и по трехъ или по четырехъ чарочкохъ достовѣренъ неволею рабъ бываше тѣмъ». См. «Памятники древней русской письменности, относящіеся къ Смутному времени», въ XIII томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографическою Коммиссіею, стр. 482—483.

[1]) Тамъ же, стр. 75.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) Тамъ же, та же страница.

къ своей истинной христіанской вѣрѣ прибавили правду турецкую: «А къ той бы правдѣ турецкой да вѣра христіанская, іно бы с ними ангели же бесѣдовали» [1]). Въ другихъ мѣстахъ онъ идетъ еще дальше и весьма прозрачно намекаетъ, что правда важнѣе вѣры. «Коли правды нѣтъ, то всего нѣтъ», говоритъ у него въ первой изъ двухъ челобитныхъ, поданныхъ царю Ивану Васильевичу, «воевода волоскій» (молдавскій господарь) Петръ. Тотъ же Петръ, отъ имени котораго Пересвѣтовъ обличаетъ тогдашніе русскіе порядки, такъ разсуждаетъ у него въ той же челобитной: «Іно невѣрный іноплеменникъ да познал силу Божію, Махметъ-салтанъ, царь турецкій, взялъ Царьградъ і управилъ праведенъ судъ, что Богъ любитъ, во всемъ царствѣ своемъ, і утѣшил Бога сердечною радостію, і за то ему Богъ помогаетъ, многіе царства обладал» [2]). Наконецъ, нѣсколькими строками ниже, волоскій воевода категорически заявляетъ: «не вѣру Богъ любитъ, но правду» [3]). Съ этимъ врядъ ли согласились бы духовные писатели вродѣ Іосифа Волоцкаго.

Правда, которую отстаиваетъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ нашъ авторъ, и на защиту которой онъ выдвигаетъ волоскаго воеводу,—та самая правда, какую мы уже видѣли въ «Сказаніи о Махметъ-салтанѣ». Пересвѣтовъ вездѣ является непримиримымъ врагомъ боярства. «Такъ говоритъ волоскій воевода про русское царство,—читаемъ мы у него,—что вельможи русскаго царя сами богатѣютъ і лѣнивѣютъ, а царство его оскужаютъ; і тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно і конно і людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру християнскую не стоятъ і люто противъ недруга смертною игрою не играютъ, тѣмъ Богу лжутъ і государю» [4]). Вельможъ у русскаго царя много, но пользы отъ нихъ ему и царству мало; они слишкомъ богаты для того, чтобы хорошо служить. «Что ихъ много, коли у них сердца нѣтъ добраго, і смерти ся боятъ, і не хотятъ умрети за вѣру християнскую, і какъ бы имъ не умирати всегды,—продолжаетъ тотъ же воевода.— Богатый о войнѣ не мыслитъ, мыслитъ о упокои; хотя и богатырь обогатѣетъ, і онъ обленивѣетъ» [5]).

Пересвѣтовъ готовъ обвинять «велможъ» въ ересяхъ и даже въ колдовствѣ. Тѣ изъ нихъ, которые приближены къ царю не за воинскую выслугу и не за особенную «мудрость», кажутся ему

---

[1]) Тамъ же, стр. 78.

[2]) Тамъ же, стр. 66.

[3]) Тамъ же, та же страница.

[4]) Тамъ же, стр. 62.

[5]) Тамъ же, та же страница.

преимущественно подозрительными по части колдовства и ереси. «Іно про тѣх говорят такъ мудрыя ѳилософы: то есть чародѣи і ересники, у царя счастіе отнимаютъ і мудрость царьскую, і къ себѣ царьское сердце зажигаютъ ересію і чародѣйством, і воиньство кротятъ» [1]).

Съ такими нужна, по мнѣнію Пересвѣтова, безпощадная расправа. Волоскій воевода говоритъ у него: «таковыхъ подобаетъ огнемъ жещи і иные лютые смерти имъ давати, чтобы зла не множилос» [2]). Въ назиданіе русскому царю опять дѣлается ссылка на исторію Византіи: «А благовѣрнаго князя Константина осѣтили кудесы і вражбами і уловили, і мудрость от него воинскую отлучили, і богатырство его укротили, і меч царьскій воинскій отпустили, і учинили его в безпутномъ житіи; именемъ было царскимъ не мочно прожить никому, ни главы із дому не выклонити, ни версты перѣхати от бѣдъ і от обид велможъ его: все царство заложилося за велможъ его, і слыли ихъ имянем для прожитку, ждучи мудрости царския, і не дождали» [3]).

Все русское царство также заложится за вельможъ, если царь Иванъ не позаботится о томъ, чтобы своевременно предотвратить эту опасность. Еще въ «Сказаніи о Махметъ-салтанѣ» Пересвѣтовъ сообщалъ о томъ, какъ турецкій царь «велѣл со всего царства всѣ доходы себѣ въ казну імати, а никому ни в котором градѣ намѣстничества не дал велможамъ своимъ для того, чтобы не прелщалися неправдою судити, і оброчилъ велможъ своихъ іс казны своей, кто чего достоинъ» [4]). Съ точки зрѣнія тогдашнихъ русскихъ порядковъ, это сочувственное сообщеніе о полезныхъ для царства мѣропріятіяхъ Махметъ-салтана равносильно было совѣту отмѣнить ненавистную московскому населенію систему «кормленій», открывавшую такой широкій просторъ для злоупотребленій со стороны бояръ, кормившихся на счетъ ввѣренныхъ имъ мѣстностей. Надо замѣтить, что московское правительство скоро сдѣлало рѣшительные шаги для отмѣны системы кормленій. Правда, реформа была сдѣлана не въ духѣ Пересвѣтова. Онъ былъ послѣдовательнымъ централистомъ и совѣтовалъ поставить во главѣ областного управленія царскихъ чиновниковъ съ опредѣленнымъ денежнымъ жалованіемъ. На самомъ же дѣлѣ, вмѣсто царскихъ чиновниковъ во главѣ областного управленія вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 65.
[2]) Тамъ же, та же страница.
[3]) Тамъ же, стр. 67.
[4]) Тамъ же, стр. 72.

ступили, въ 50-хъ годахъ XVI вѣка, излюбленные старосты, излюбленные головы и земскіе судьи. Такая система требовала меньшихъ расходовъ, нежели рекомендованный Пересвѣтовымъ послѣдовательный бюрократическій централизмъ. Вообще во всѣхъ практическихъ разсужденіяхъ нашего публициста замѣтна черта, кажется, еще не отмѣченная изслѣдователями. Этотъ талантливый человѣкъ, такъ ярко выражающій стремленія тогдашняго дворянства, какъ будто не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ жило и дѣйствовало населеніе московскаго государства: онъ очень сильно преувеличиваетъ его денежныя средства. Доказывая необходимость прочнаго обезпеченія «воинниковъ», онъ предполагалъ, повидимому, что московское государство въ состояніи оплатить всю ихъ службу денежнымъ жалованіемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно могло платить за нее, главнымъ образомъ, землею. Вотъ почему планы Пересвѣтова съ экономической своей стороны представляются несравненно болѣе отвлеченными, нежели со стороны политической. Слѣдуетъ думать, что этотъ ихъ недостатокъ объясняется иноземнымъ происхожденіемъ Пересвѣтова. Проведя значительную часть своей жизни въ такихъ странахъ, какъ Польша и Богемія, гораздо болѣе нежели Москва богатыхъ денежными средствами, онъ, должно быть, плохо выяснилъ себѣ экономическія средства, которыми могъ располагать его новый государь.

«Ересники» и чародѣи, отнимающіе у царя его счастье и его мудрость, помимо всѣхъ своихъ другихъ грѣховъ, особенно опасны для государства тѣмъ, что они «воиньство кротятъ». «Воинниками царь силенъ і славенъ» [1]). Оттого онъ долженъ «веселить сердца воинниковъ ис казны своея». Если онъ станетъ держаться этого правила, то царской казнѣ конца не будетъ, а царство никогда не оскудѣетъ. И снова и снова возвращается Пересвѣтовъ къ той мысли, что награждать и возвышать воинниковъ надо не за ихъ происхожденіе, а единственно только за ихъ личныя заслуги. Воинниковъ, не щадящихъ своей жизни въ борьбѣ съ царскими недругами, царь долженъ къ себѣ «припущати блиско, і во всемъ имъ вѣрити, і жалоба ихъ послушати во всемъ, і любити ихъ, яко отцу дѣтей своихъ, і быти до нихъ щедру» [2]). Эту идиллію Иванъ Грозный на свой звѣриный манеръ осуществлялъ потомъ въ своихъ сношеніяхъ съ опричниками.

---

[1]) Тамъ же, стр. 65.
[2]) Тамъ же, стр. 63.

Какъ уже сказано выше, вниманіе Пересвѣтова привлекала къ себѣ не только внутренняя, но и внѣшняя политика московскаго государства. Намъ уже извѣстно, какую губительную роль играли набѣги хищныхъ кочевниковъ въ жизни осѣдлыхъ русскихъ земледѣльцевъ. Пересвѣтовъ обнаруживаетъ вполнѣ ясное пониманіе этой губительной роли.

Онъ приписываетъ молдавскому господарю, между прочимъ, такое мнѣніе о задачахъ московскаго царя въ борьбѣ съ кочевниками:

«Таковому государю годится держати двадцать тысящъ юнаковъ храбрых со огненою стрѣльбою, гораздо учиненою, и стояли бы поляницы съ украины на поли при крѣпостех отъ недруга, от крымскаго царя, изоброчивши ихъ ис казны своимъ жалованіемъ государским годовымъ; і они навыкнутъ в поли жити і недруга его, крымскаго царя, воевати. Іно та ему двадцат тысящъ лутчи будутъ ста тысящъ, а украины его всѣ будутъ богаты і не оскужены отъ недруговъ. А мочно ему, таковому сильному царю, то все учинити» [1]).

Не меньше интересуетъ Пересвѣтова и отношеніе Москвы къ Казанскому царству. Неизмѣнный доброжелатель московскаго государя, «волоскій воевода», говоритъ у него такъ: «а слышалъ есми про ту землю, про Казанское царство; у многих воинниковъ, которые въ царствѣ Казанскомъ бывали, что про нея говорят, примѣняютъ ея к подрайской землѣ угодіемъ великимъ» [2]). Землю эту непремѣнно надо завоевать. «Да тому велми дивимся»,—продолжаетъ волоскій воевода,—«что таковая землица не великая, велми угодная, у таковаго великаго, сильнаго царя под пазухою, а не въ дружбѣ, а онъ ей долго терьпитъ і кручину от нихъ великую пріимает; хотя бы таковая землица угодная і в дружбѣ была, іно было ей не мочно терпѣти за такое угодне» [3]). Этого мнѣнія держался не одинъ волоскій воевода. Если вѣрить Пересвѣтову, въ Литвѣ «философи і докторы латинскіе» предсказывали царю Ивану Васильевичу побѣду надъ Казанскимъ царствомъ, которое онъ «возметъ своимъ мудрымъ воинствомъ, да і креститъ» [4]). Тѣ же мудрые и ученые люди думаютъ, что царскую столицу слѣдуетъ перенести въ Нижній-Новгородъ [5]).

Доводя до свѣдѣнія царя о мнѣніяхъ его поклонника, воло-

---

[1]) Тамъ же, стр. 63.
[2]) Тамъ же, стр. 68.
[3]) Тамъ же, стр. 68.
[4]) Тамъ же, стр. 78—79.
[5]) Тамъ же, стр. 78.

скаго воеводы, Пересвѣтовъ опять заговариваетъ объ освобожденіи кабальныхъ людей. Тутъ у него выходитъ, что кабала придумана была дьяволомъ, искусившимъ Адама послѣ изгнанія его изъ рая и взявшимъ съ него «запись». Богъ сжалился надъ Адамомъ и, искупивъ его грѣхъ своею «волною страстію», извелъ его изъ ада, а запись изодралъ. Тѣ, которые записываютъ теперь людей въ работу навѣки, угождаютъ дьяволу, губя свою душу. Приведя этотъ доводъ отъ богословія,—верховный доводъ того времени,— Пересвѣтовъ опять выдвигаетъ уже знакомый намъ аргументъ отъ общественной психологіи, подкрѣпляя его для вѣрности тѣмъ же богословскимъ доводомъ: «которая земля порабощена, в той землѣ все зло сотворяется: і татба, и разбой, і обида, і всему царству оскуженіе великое, всѣмъ Бога гнѣвятъ, а дьяволу угожаютъ» [1]. Здѣсь уже совсѣмъ ясно, что требовать освобожденія холоповъ побуждала Пересвѣтова боязнь боярскаго засилія [2].

Которая земля порабощена, въ той землѣ все зло сотворяется. Это совершенно справедливая мысль. Очень важно отмѣтить, что эта совершенно справедливая мысль была хорошо знакома, по крайней мѣрѣ, одному,—а, вѣроятно, и не только одному,—изъ служилыхъ людей грознаго царя Ивана Васильевича. Но не менѣе полезно отмѣтить и то, что она побуждаетъ Пересвѣтова лишь къ требованію уничтоженія холопства. Кабала есть только одинъ изъ многихъ видовъ порабощенія человѣка человѣкомъ. Однако, Пересвѣтовъ не спрашиваетъ себя, исчезло ли бы порабощеніе, а съ нимъ и «все зло» въ московскомъ государствѣ съ уничтоженіемъ холопства. Если же и спрашиваетъ, то къ требованію уничтоженія кабалы прибавляетъ еще только одно: требованіе ограниченія силы и вліянія боярства. Лучшимъ средствомъ практическаго осуществленія этого требованія представляется ему развитіе царскаго самодержавія. Ему и въ голову не приходитъ, что оно само

---

[1] Тамъ же, стр. 67.

[2] Вотъ почему нельзя безъ оговорки принять то мнѣніе г. Ржиги, что возраженіе противъ рабства заставляетъ предполагать связь Пересвѣтова съ той средой, въ которой зарождались тогдашнія ереси. Г. Гжига указываетъ на Матвѣя Башкина, осужденнаго на церковномъ соборѣ 1553—1554 гг. и, подобно Пересвѣтову, признававшаго рабство несогласнымъ съ духомъ христіанскаго ученія. Но въ томъ-то и дѣло, что, высказываясь противъ рабства, Пересвѣтовъ опирается не только на богословскія соображенія. Онъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Въ его отзывѣ о вліяніи рабства слышенъ прежде всего врагъ бояръ, закабаливавшихъ трудящееся населеніе. А такъ какъ враговъ боярства много было въ тогдашнемъ служиломъ сословіи и кромѣ Пересвѣтова, то можно предполагать, что боязнь боярскаго засилія приводила и нѣкоторыхъ другихъ низшихъ людей къ убѣжденію въ томъ, что полезно было бы освободить холоповъ. Извѣстно, напримѣръ, что попъ Сильвестръ освободилъ всѣхъ своихъ кабальныхъ.

можетъ сдѣлаться источникомъ порабощенія страны и всякаго зла въ ней. Въ его сочиненіяхъ мы никогда не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія на тѣ желательныя границы, которыя нужно было бы поставить верховной власти. И съ этой стороны онъ очень невыгодно отличается отъ своего, уже названнаго выше, современника, француза Жана Бодэна.

Жанъ Бодэнъ тоже убѣжденный монархистъ. Но онъ хочетъ, чтобы монархъ повиновался «законамъ природы», обезпечивающимъ «естественную свободу» его подданныхъ [1]). Онъ различаетъ три вида монархической власти. «Всякая монархія,—говоритъ онъ,—есть или вотчинная, или королевская, или тиранническая» (Toute monarchie est seigneuriale, ou royale, ou tirannique. P. 272). Въ королевской монархіи глава государства уважаетъ, какъ уже сказано, естественную свободу своихъ подданныхъ. А эта свобода выражается; между прочимъ, въ томъ, что подданнымъ обезпечивается свобода распоряжаться своимъ имуществомъ (proprieté des biens). Отличительнымъ признакомъ вотчинной монархіи является, по ученію Бодэна, отсутствіе у подданныхъ свободы распоряженія какъ своей личностью, такъ и своимъ достояніемъ. Бодэнъ полагаетъ, что вотчинная монархія «была первой» (т.-е. первой формой политическаго устройства. *Г. П.).* Не надо смѣшивать ее съ тираніей. Тиранъ тотъ, кто попираетъ законы съ своей стороны, а вотчинный монархъ можетъ быть вполнѣ законнымъ государемъ. Какъ на примѣръ вотчинной монархіи, Бодэнъ указываетъ на древнюю Персію, гдѣ все принадлежало царю, и гдѣ всѣ жители были его рабами. Съ теченіемъ времени рабская зависимость подданныхъ отъ государя смягчается, такъ что, въ концѣ концовъ, монархія остается вотчинной только по имени. Однако, и теперь она мѣстами еще сохранила дѣйствительное существованіе. Она встрѣчается въ Азіи, въ Эѳіопіи и даже въ Европѣ: въ Турціи, въ Татаріи и въ Московіи. Отъ вниманія Бодэна не ускользнуло то обстоятельство, что подданные московскаго царя называютъ себя его холопами (онъ пишетъ: хлопами, les chlopes), «т.-е.,—поясняетъ онъ,—рабами» [2]). По мнѣнію Бодэна, государя боготворятъ въ вотчинной монархіи именно потому, что онъ является тамъ господиномъ какъ надъ лицами, такъ и надъ имуществомъ. Будучи рабами своего государя, жители тѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ вотчинная монархія, подвергаются и рабскимъ наказаніямъ. Въ Персіи цари, предшествовавшіе Артаксерксу, имѣли

1) См. Les six livres de la République de J. Bodin, Angevin.—A. Paris 1580. Livre second, p. 273.

2) Тамъ же, стр. 274.

привычку (avaient acoustumé) наказывать своихъ подданныхъ, даже самыхъ высокопоставленныхъ, подвергая ихъ, какъ рабовъ, тѣлесному наказанію. Артаксерксъ впервые постановилъ, что подвергая наказанію преступниковъ, ихъ будутъ раздѣвать, какъ раздѣвали прежде, но сѣчь будутъ не ихъ, а только ихъ платье. По его же распоряженію перестали вырывать волосы у преступниковъ, ограничиваясь вырываніемъ волосковъ изъ ихъ шапокъ [1]). Бодэнъ видѣлъ въ этомъ доказательство того, что съ теченіемъ времени персидская монархія на дѣлѣ перестала быть вотчинной. Такимъ образомъ, для него тѣлесное наказаніе подданныхъ было главнымъ внѣшнимъ признакомъ вотчинной монархіи. Причиной же, вызывавшей существованіе этого признака, онъ считалъ рабскую зависимость подданныхъ отъ государя, выражавшуюся въ томъ, что они не имѣли права свободно распоряжаться ни самими собой, ни своимъ имуществомъ. Такой взглядъ несравненно глубже того ходячаго воззрѣнія, согласно которому тѣлесное наказаніе, примѣнявшееся въ восточныхъ деспотіяхъ даже къ наиболѣе высокопоставленнымъ лицамъ,—вспомнимъ старую Москву съ ея кнутомъ, батогами и вырываніемъ бородъ по волоску,—вызывалось недостаткомъ «культуры». Бодэнъ зналъ, что даже въ весьма культурныхъ странахъ (Греція, Римъ) господа подвергали своихъ рабовъ тѣлеснымъ наказаніямъ, между тѣмъ какъ свободные жители гораздо менѣе культурныхъ странъ не допускали и мысли о подобномъ обращеніи съ ними ихъ государей. Онъ понималъ, что дѣло тутъ не въ отсутствіи «культуры»,—которое, къ тому же, само могло быть только слѣдствіемъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній, а именно—въ этихъ отношеніяхъ, сущность которыхъ заключалась въ закрѣпощеніи всѣхъ общественныхъ силъ государству въ лицѣ его представителя, государя. Такъ же хорошо, повидимому, сознавалъ онъ и то, что когда подданные вотчинныхъ монархій обоготворяютъ своихъ государей, то это происходитъ не въ силу ихъ некультурности, а въ силу ихъ рабскаго положенія, при которомъ монархъ является для нихъ, какъ Богъ, единственнымъ источникомъ всѣхъ благъ [2]). Самъ онъ,—хотя и считалъ нужнымъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 276.

[2]) Проф. Ключевскій называлъ «аномаліей» соединеніе «въ одномъ существѣ верховной власти» двухъ непримиримыхъ свойствъ: царя и вотчинника («Курсъ русской исторіи», ч. III, стр. 16). Съ несравненно большимъ основаніемъ Бодэнъ считалъ примиреніе, а лучше сказать, полное совпаденіе этихъ двухъ свойствъ вполнѣ нормальнымъ для восточныхъ деспотій. Ключевскій говоритъ: «государство понимали не какъ союзъ народный, управляемый верховной властью, а какъ государево хозяйство, въ составъ котораго входили со значеніемъ хозяйственныхъ статей и классы населенія, обитавшаго на территоріи государевой вотчины. Поэтому народное благо, цѣль

въ интересахъ теоріи, напомнить своимъ читателямъ, что иное дѣло вотчинный монархъ, а иное дѣло тиранъ,—былъ рѣшительнымъ сторонникомъ «королевской монархіи», оставляющей за жителями страны «естественную свободу» распоряженія самими собой и своимъ имуществомъ. Это вполнѣ понятно. Въ ученіи о государствѣ Бодэнъ—идеологъ третьяго сословія, находящагося на извѣстной стадіи своего развитія. Стадія эта характеризуется прежде всего тѣмъ, что въ освободительной борьбѣ съ феодалами названное сословіе еще не вполнѣ довѣряетъ своимъ собственнымъ силамъ, и потому поддерживаетъ короля съ его притязаніями на абсолютную власть. Абсолютная власть помогаетъ буржуазіи расчистить лежащія на ея историческомъ пути феодальныя препятствія. Поэтому она мирится съ нею и даже идеализуетъ ее. Но она мирится съ нею и даже идеализуетъ ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой она помогаетъ ей итти впередъ, т.-е.,—чтобы употребить здѣсь выраженіе Бодэна,—въ какой она остается королевской монархіей и не посягаетъ на личную свободу гражданъ и на ихъ права «истинныхъ собственниковъ» (vrais propriétaires). Абсолютная власть показалась бы французскому третьему сословію несноснымъ игомъ, если бы государь вздумалъ обращаться съ имуществомъ своихъ подданныхъ и съ ними самими такъ, какъ обращается вотчинный монархъ въ своей странѣ. Такого государя Бодэнъ непремѣнно отнесъ бы къ числу тирановъ.

Не общественное сознаніе опредѣляетъ собою общественное бытіе, а общественное бытіе опредѣляетъ собою общественное сознаніе. Московскимъ публицистамъ XVI вѣка были совершенно недоступны тѣ общественно-политическія понятія, которыя были выработаны передовыми публицистами тогдашней Франціи. Бодэнъ вполнѣ правильно отнесъ «Московію» къ числу вотчинныхъ монархій. Общественныя силы все больше и больше закрѣпощались въ ней государствомъ, глава котораго естественно третировалъ ихъ,—на что обратилъ вниманіе еще Бодэнъ,—какъ своихъ холоповъ. При такомъ направленіи общественнаго развитія, публицисты, по той или по другой причинѣ отстаивавшіе царское самодержавіе, не могли даже и представить себѣ такихъ «зако-

государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли, и самый законъ носилъ характеръ хозяйственнаго распоряженія, исходившаго изъ москворѣцкой кремлевской усадьбы и устанавливавшаго порядокъ дѣятельности подчиненнаго преимущественно областного управленія, а всего чаще—порядокъ отбыванія разныхъ государственныхъ повинностей обывателями». (Тамъ же, стр. 16). Но именно то же встрѣчаемъ мы во всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ. И если это «аномалія», то надо сказать, что въ восточныхъ деспотіяхъ она служила «нормой» въ продолженіе многихъ вѣковъ и даже цѣлыхъ тысячелѣтій.

новъ природы», которые полагали бы ей какіе-нибудь предѣлы въ гражданскомъ или экономическомъ быту. Мы знаемъ, что Пересвѣтову не только не было чуждо понятіе свободы, но онъ ясно видѣлъ причинную связь многихъ общественныхъ золъ съ порабощеніемъ. Однако, въ своихъ практическихъ планахъ онъ не шелъ дальше требованія отмѣны холопства. «Свобода» есть формальное понятіе, содержаніе котораго въ каждое данное время опредѣляется данными конкретными,—въ послѣднемъ счетѣ экономическими,—условіями. Съ точки зрѣнія Пересвѣтова, освободить жителей страны значило уничтожить («изодрать») кабальныя записи. Онъ не могъ, подобно Бодэну, требовать для жителей московскаго государства правъ «истинныхъ собственниковъ». Онъ былъ идеологомъ той части служилаго сословія, судьба которой тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ судьбой помѣстнаго землевладѣнія. Помѣстное же землевладѣніе въ своемъ чистомъ видѣ оставляетъ всѣ права «истиннаго собственника» за государемъ, давая помѣщику лишь право временнаго пользованія землею за его службу. Государь распредѣляетъ землю между помѣщиками за исправное выполненіе ими службы, какъ до не очень давняго времени министерство государственныхъ имуществъ распредѣляло у насъ землю между крестьянами своего вѣдомства. Въ 1556 г. Иванъ IV обратилъ вниманіе на то, что «которые вельможы и всякіе воины многими землями завладали, службою оскудѣша, не противъ государева жалованія и вотчинъ служба ихъ». Поэтому онъ приказалъ,—указъ его сохранился въ лѣтописной передачѣ,—произвести уравненіе: «въ помѣстьяхъ землемѣріе имъ учиниша, комуждо что достойно, такъ устроиша, преизлишки же неимущимъ» [1]. Это былъ настоящій «черный передѣлъ» въ помѣщичьей средѣ. Его невозможно было бы произвести, если бы землевладѣльцы имѣли права «истинныхъ собственниковъ». А между тѣмъ, въ тогдашнемъ экономическомъ положеніи московскаго государства подобные передѣлы были необходимы въ интересахъ «службы» и полезны для самихъ помѣщиковъ. Вотъ почему теоретикъ помѣщичьяго класса Пересвѣтовъ не могъ бы допустить, что они противорѣчатъ «законамъ природы», какъ это, навѣрно, сказалъ бы теоретикъ третьяго сословія Бодэнъ. Больше того. Пересвѣтову такіе передѣлы—а, стало-быть, и перенесеніе на государя всѣхъ правъ «истиннаго собственника» земли,—должны были казаться необходимымъ условіемъ обезпеченія, т.-е. фактической свободы, «воинниковъ». Какъ я замѣтилъ выше, возможно, что, проведя многіе

---

[1]) Дьяконовъ, «Очерки общественнаго и политическаго строя древней Руси» стр. 269 — 270.

годы въ странахъ, въ которыхъ общественно-экономическое развитіе шло иначе, нежели въ Москвѣ, онъ не очень ясно сознавалъ особенности московскаго экономическаго быта. Но, утвердившись на точкѣ зрѣнія указанной части московскаго служилаго сословія, онъ неизбѣжно долженъ былъ усвоить себѣ все то понятіе о природѣ монархической власти, которое подсказывалось этими особенностями. Онъ не пошелъ въ своемъ требованіи свободы дальше требованія отмѣны холопства. А когда онъ искалъ образца для своего политическаго идеала, тогда его взоръ естественно обратился не на Западъ, а на Востокъ, къ одной изъ странъ, справедливо названныхъ Бодэномъ вотчинными монархіями и отличавшихся рабской зависимостью жителей отъ своихъ государей.

У Бодэна есть чрезвычайно поучительная ссылка на Плутархово жизнеописаніе Ѳемистокла. Артабанъ, одинъ изъ начальниковъ царскихъ тѣлохранителей при персидскомъ дворѣ, говоритъ въ этомъ жизнеописаніи Ѳемистоклу: «вы, греки, больше всего дорожите свободой и равенствомъ. А по нашему, лучше всѣхъ нашихъ многочисленныхъ законовъ тотъ, который повелѣваетъ намъ чтить нашего царя и поклоняться ему, какъ Богу». Жители Московскаго государства тоже считали себя обязанными, не только за страхъ, но и за совѣсть, чтить своего государя и поклоняться ему, какъ земному богу. Одинаковыя причины всегда производятъ одинаковыя слѣдствія. По мѣрѣ того, какъ историческое развитіе раздвигало предѣлы власти московскаго государя до той широты, какая свойственна была соотвѣтствующей власти въ восточныхъ «вотчинныхъ монархіяхъ», московская общественная мысль все болѣе и болѣе пріобрѣтала восточную складку. Ниже мы увидимъ, что въ своихъ разговорахъ съ поляками въ эпоху Смуты московскіе люди разсуждали совершенно такъ, какъ очень задолго до того разсуждалъ Артабанъ въ своемъ разговорѣ съ Ѳемистокломъ.

Глава III.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы боярства съ духовенствомъ.

Пересвѣтовъ является передъ нами теоретикомъ той части московскаго служилаго сословія, которая существенно заинтересована была въ расширеніи царскаго права распоряжаться имуществомъ,—прежде всего, конечно, недвижимымъ, земельнымъ, имуществомъ,—своихъ подданныхъ. Совершенно понятно, что у него не было ни малѣйшей склонности задумываться о какихъ бы то ни было «законахъ природы», полагающихъ предѣлы царской власти. Но возникаетъ вопросъ: не задумывалась ли о такихъ законахъ та высшая часть служилаго сословія, которая, обладая болѣе или менѣе обширными вотчинами, могла сильно пострадать и скоро дѣйствительно пострадала отъ «чернаго передѣла» въ пользу «воинниковъ». На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно: да, она думала о нихъ. Но замѣчательно, что и она никогда не приходила къ мысли объ ограниченіи царской власти посредствомъ точно опредѣленныхъ нормъ закона. Она не столько требовала, сколько совѣтовала, и при томъ совѣты ея касались не государственнаго *устройства*, а государственнаго *управленія*. Съ этой стороны представляетъ не малый интересъ литературное произведеніе, озаглавленное «Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ» и, повидимому, относящееся ко второй половинѣ 50-хъ годовъ XVI в. [1]).

Преподобные Сергій и Германъ, отъ имени которыхъ написана вся бесѣда, настоятельно рекомендуютъ «отцамъ и братіямъ», т.-е. монахамъ, полное подчиненіе царю. Они говорятъ:

«Молимъ васъ, возлюбленніи отцы и драгая братія, покоряйтеся благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ и въ благовѣріи княземъ русскимъ радѣйте и во всемъ имъ прямите, и Бога за

---

[1]) См. «Лѣтопись занятій археографической комиссіи, 1885—1887 гг.», вып. X, Спб. 1895, стр. XIX, отд. II.

нихъ молите, аки сами за себя и паче себя, да таковыя ради молитвы и мы помилованы будемъ. И добра государемъ своимъ во всемъ хотите и за ихъ достоитъ животомъ своимъ помирати и главы покладати, аки за православную вѣру свою, да ни власъ главъ нашихъ не погибнетъ за таковую къ Богу добродѣтель» [1]). Мы сейчасъ увидимъ, почему авторъ «Бесѣды» заставляетъ названныхъ святыхъ обращаться именно къ отцамъ и братіямъ, т.-е. къ монахамъ, и почему онъ счелъ нужнымъ напомнить имъ о необходимости полнаго подчиненія. Мы убѣдимся тогда, что это напоминаніе обязано своимъ происхожденіемъ одному изъ знакомыхъ уже намъ противорѣчій московской общественной жизни. Теперь же слѣдуетъ указать на то, что, коснувшись царской власти, авторъ «бесѣды» изображаетъ ее какъ власть, которая должна быть неограниченной. «Богомъ бо вся свыше предана есть помазаннику царю и великому Богомъ избранному князю. Благовѣрнымъ княземъ русскимъ свыше всѣхъ дана есть Богомъ царю власть надо всѣми» [2]). Къ такому опредѣленію размѣровъ царской власти едва ли нашелъ бы что-нибудь прибавить самъ Пересвѣтовъ или даже собесѣдникъ Ѳемистокла, персидскій служилый человѣкъ Артабанъ. И вполнѣ согласно съ этимъ ученіемъ о безпредѣльности царской власти то убѣжденіе автора «Бесѣды», что на царѣ лежитъ верховная забота о благочестіи: «Царю и великому князю,—совѣтуетъ онъ,—уставити по монастырямъ и вездѣ своею царскою смиренною грозою, брадъ и усовъ не брѣти, не торшити и сану своего ни чѣмъ не вредити, крестное знаменіе на лицѣ своемъ сполна воображати, каятися говѣти по вся годы всякому человѣку вездѣ, исповѣдатися Господеви и отцемъ духовнымъ отъ двоюнадесяте лѣтъ мужеска полу и женска. О томъ царю за весь міръ крѣпко пещися паствы и войска своего, да не за всѣхъ станетъ ко отвѣту передъ Вышнимъ Царемъ» [3]). Царь же обязанъ заботиться и объ исправленіи церковныхъ книгъ [4]). Авторъ рѣшительно отвергаетъ то мнѣніе,—какъ видно, тоже возникавшее въ Московскомъ государствѣ XVI-го вѣка,—что Богъ сотворилъ человѣка «самовольна» или «самовластна»: «аще бы самовластна человѣка сотворилъ Богъ на сей свѣтъ, и онъ бы не уставилъ царей и великихъ князей и прочихъ властей и не раздѣлилъ бы орды отъ орды» [5]) (sic). Подобно Пересвѣтову, авторъ «Бесѣды»

---

[1]) «Лѣтопись археографической комиссіи», отд. II, стр. 2.
[2]) Тамъ же, стр. 2—3.
[3]) Тамъ же, стр. 24—25.
[4]) Тамъ же, стр. 27.
[5]) Тамъ же, стр. 25.

считаетъ необходимой царскую грозу. Если бы не царская гроза, то люди перестали бы поститься, каяться и уважать священниковъ [1]). Но между тѣмъ какъ Пересвѣтовъ стремится направить царскую грозу преимущественно на «велможъ», авторъ «Бесѣды» находитъ, что царю надлежитъ всегда совѣтоваться съ ними, съ ненавистными Пересвѣтову «велможами». Преподобные Сергій и Германъ прямо говорятъ у него: «а царемъ съ боляры и съ ближними пріятели о всемъ совѣтовати накрѣпко». По всему видно, что онъ, если не самъ принадлежалъ къ «велможамъ», то безраздѣльно стоялъ на ихъ точкѣ зрѣнія. Какъ мірской человѣкъ того времени, онъ отнюдь не отрицалъ важнаго значенія «воинниковъ». Но онъ зналъ и помнилъ, что ихъ поведеніе часто бываетъ не совсѣмъ «христолюбивымъ», и нашелъ нужнымъ прочитать имъ отъ имени святыхъ угодниковъ такое наставленіе: «Невѣрные тщатся въ ратѣхъ на убійство, и на грабленіе, и на блудъ, и на всякую нечистоту и злобу своими храбростьми и тѣмъ хвалятся. А вѣрнымъ воиномъ подобаетъ въ войнахъ быти съ царскаго повелѣнія и стояти противу враговъ креста Христова крѣпко и неподвижно; а къ своевѣрнымъ и въ домѣхъ ихъ быти кротко, щедро и милостиво, и ихъ не бити, ниже мучити, и грабленія не творити, женъ и дѣвицъ не скверните, черницъ и вдовицъ и прочихъ сиротъ и всѣхъ православныхъ христіанъ ничѣмъ не вредити, да отъ ихъ слезъ и воздыханія войскомъ всѣмъ злѣ не постражутъ» [2]).

Авторъ «Бесѣды» пространно доказываетъ, что «всѣмъ владѣти» надлежитъ царю и поставленнымъ царемъ мірскимъ властямъ. Онъ тоже какъ за «вотчинную монархію». Но онъ совѣтуетъ царю щадить платежныя силы страны. «Подобаетъ и царемъ изъ міру съ пощадою собрати всякіе доходы и дѣла дѣлати милосердно, а не гнѣвно, ни по наносу» [3]). При всемъ своемъ огромномъ уваженіи ко власти самодержца, авторъ «Бесѣды» заставляетъ валаамскихъ чудотворцевъ высказывать большія опасенія по части царскаго «небреженія» въ управленіи страною и царской «простоты» (т.-е., скажемъ,... недогадливости). Небреженіе и простота обнаруживаются, по мнѣнію чудотворцевъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что цари перестаютъ слушать своихъ естественныхъ совѣтниковъ (т.-е. бояръ) и подпадаютъ подъ вліяніе чернаго духовенства, которое пользуется этимъ для своего обогащенія. «А царю достоитъ не простотовати, совѣтники совѣтъ совѣщевати о всякомъ дѣлѣ... Много множество безъ числа царіе спроста просто-

---

1) Тамъ же, та же страница.

2) Тамъ же, стр. 21—22.

3) Тамъ же, стр. 21.

тою своею отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ иноковъ въ великую и безконечную погибель, по иноческому къ царю ложному челобитью» [1]). Не грѣшащій простотою царь управляетъ своимъ царствомъ черезъ посредство своихъ воеводъ, а не черезъ посредство иноковъ: «аще гдѣ въ мірѣ будетъ власть иноческая, а не царскихъ воеводъ, ту милости Божія нѣсть» [2]). Валаамскіе чудотворцы выступаютъ въ «Бесѣдѣ» съ самыми рѣзкими обличеніями иноковъ. Святые угодники убѣгали отъ міра и не стремились къ богатству, «а мы окаяннiи многогрѣшнiи иноцы вылгали у всемилостиваго у небеснаго Владыки, таковый нося великій образъ, а нареклися иноцы, а иноцы есмы, да только не на иноческую добродѣтель, но на всякую злобу иноки, а не на добродѣтель» [3]). Жадность привела иноковъ къ «новой ереси», заключающейся въ томъ ошибочномъ мнѣніи, что имъ позволительно имѣть земельныя имущества. «Отнюдь то есть инокомъ погибель. Тѣми неподобными статьями лукавый бѣсъ родъ христіанскій во иноческомъ образѣ царскою простотою и великихъ князей жалованіемъ отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ ихъ въ великую и въ безконечную погибель, потому что таковыя власти даны міра сего свыше отъ Бога царемъ и великимъ княземъ и мірскимъ властелемъ, а не инокомъ» [4]). Иноки изображаются въ «Бесѣдѣ» людьми способными на всякія хитрости и даже подлоги. Чтобы добиться своихъ цѣлей, они готовы сознательно искажать священное Писаніе. «А сего царіе не вѣдаютъ и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцѣхъ по дьявольскому наносному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ, и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе и на тоже мѣсто въ тѣжъ книги приписываютъ лучшая и полѣзная себе, носятъ на соборы во свидѣтельство, будьтося подлинное святыхъ отецъ писаніе» [5]). Это мѣсто показываетъ, что автора «Бесѣды» не такъ-то легко было запугать доводами «отъ Писанія». Для полноты эффекта онъ пугаетъ читателя «послѣднимъ временемъ»: «при послѣднемъ времени прельстятъ иноки лжами царей и великихъ князей и прочихъ властей, и испосулятъ ближнихъ всѣхъ, аки прежніе старцы съ книжники на распятіе, Іуда на преданіе Христа. Такоже при послѣднемъ времени умышляютъ иноки съ книж-

---

[1]) Тамъ же, стр. 10.
[2]) Тамъ же, стр. 23.
[3]) Тамъ же, стр. 20.
[4]) Тамъ же, стр. 21.
[5]) Тамъ же, стр. 11.

ники прелести своими, начнутъ лжами красти царей и великихъ князей. Царіе же не внимаютъ сего и слушаютъ ихъ обавниковъ, которыхъ испосулятъ они» [1]). Какъ намъ уже извѣстно, въ допетровской Руси доводъ отъ «послѣдняго времени» является однимъ изъ самыхъ внушительныхъ богословскихъ доводовъ. Не удивительно, что нашему автору захотѣлось обратить его противъ столь непріятныхъ ему «старцевъ».

Однако, читатель сильно ошибся бы, если бы подумалъ, что, рисуя картину «послѣдняго времени», авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» оперировалъ лишь съ помощью своей фантазіи. Матеріаломъ для этой картины послужили ему данныя, полученныя наблюденіемъ того, что происходило въ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что за иноческіе грѣхи и за царскую простоту при «послѣднемъ времени» произойдетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Начнутъ люди напрасными бѣдами спасатися, и по мѣстамъ за таковые грѣхи начнутъ быти глады и морове частые, и многіе всякіе трусы и потопы, и междоусобные брани и войны, и всяко въ мірѣ начнутъ гинути грады и стѣснятся, и смятенія будутъ во царствахъ велики и ужасти, и будутъ никимъ гоними волости и села пустѣютъ дома христіанскіе, люди начнутъ всяко убывати, и земля начнетъ пространнѣе быти, а людей будетъ менше, и тѣмъ досталнымъ людемъ будетъ на пространной земли жити негдѣ» [2]).

Указанное выше запустѣніе центральныхъ мѣстностей Московскаго государства привело именно къ тому, что хотя московская земля начала «пространнѣе быти», но такъ какъ рабочихъ рукъ стало меньше, и производительныя силы населенія ослабѣли, то «досталные люди» терпѣли на пространной землѣ гораздо бо́льшую нужду, чѣмъ прежде. Это обстоятельство не укрылось отъ вниманія автора «Бесѣды», и онъ яркими красками изобразилъ его въ своей картинѣ «послѣдняго времени». Другія, не менѣе выдающіяся, черты этой картины заставляютъ думать, что нелишенные проницательности московскіе люди той эпохи уже предвидѣли наступленіе Смуты. Едва ли простымъ риторическимъ украшеніемъ является въ «Бесѣдѣ» предсказаніе гибели градовъ, междуусобной брани и войнъ. И также врядъ ли простою склонностью къ риторикѣ подсказаны нашему автору вотъ эти строки: «царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися за свою царскую простоту и за иноческіе грѣхи и за

[1]) Тамъ же, стр. 26.
[2]) Тамъ же, стр. 9.

міркое невоздержаніе» [1]). Извѣстно, что англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Московское государство въ царствованіе Θедора Ивановича, предсказалъ наступленіе Смуты. Вполнѣ позволительно думать, что онъ сдѣлалъ это свое предсказаніе, основываясь на слышанномъ имъ отъ московскихъ людей, входившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ. А нарисованная авторомъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» картина «послѣдняго времени» наводитъ на ту мысль, что болѣе или менѣе сознательное ожиданіе «междуусобной брани» возникало уже при Иванѣ IV. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что автору «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» еще нельзя было предвидѣть прекращеніе династіи.

Итакъ, подъ диктовку человѣка, несомнѣнно, вышедшаго изъ мірской среды, валаамскіе чудотворцы въ своей «Бесѣдѣ» начертали цѣлую программу, содержаніе которой можетъ быть изложено приблизительно такъ:

I. Царю принадлежитъ неограниченная власть въ государствѣ.

II. Онъ управляетъ государствомъ, совѣтуясь съ боярами и не подчиняясь вліянію иноковъ, этихъ «непогребенныхъ мертвецовъ».

III. Онъ щадитъ платежныя силы страны и держитъ въ уздѣ воинниковъ, не позволяя имъ притѣснять мирныхъ жителей.

IV. Монастыри перестаютъ владѣть населенными землями.

Мы видимъ, что, благопріятная для «велможъ», программа эта неблагопріятна для духовенства. Она направлена противъ него какъ въ своей экономической, такъ и въ своей политической части. И она дополняетъ то, что сказано было мною въ первой главѣ о взаимной борьбѣ свѣтской и духовной власти въ московской Руси.

Московскому государю нужны были земли; ему нужно было очень много земель. Чтобы увеличить свой земельный фондъ, московское правительство еще въ лицѣ Ивана III подняло вопросъ о секуляризаціи духовныхъ имѣній. Параллельно съ этимъ оно постепенно, но неуклонно суживало права вотчинныхъ землевладѣльцевъ. Его идеаломъ въ этой области было полное превращеніе вотчинъ въ помѣстья. Для такого превращенія очень много сдѣлалъ грозный внукъ Ивана III, осуществившій программу Пересвѣтова съ помощью своей опричнины и поставившій въ ней точки надъ «і» именно тамъ, гдѣ отъ точекъ-то и зависѣло все ея содержаніе, т.-е. тамъ, гдѣ дѣло касалось отношенія неограниченнаго царя къ имуществу его подданныхъ. По словамъ проф. С. Θ. Платонова, «опричнина сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ-старины. Посредствомъ принудительной и

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

систематически произведенной мѣны земель она уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскидала подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ» [1]). Когда программа литовскаго выходца была осуществлена и надлежащимъ образомъ дополнена «прирожденнымъ» московскимъ государемъ примѣнительно къ московскимъ экономическимъ условіямъ; когда совершилась настоящая революція въ области имущественныхъ отношеній служилаго класса, политическое значеніе боярства было,—по замѣчанію того же проф. Платонова,—безповоротно уничтожено. Но пока революція еще только подготовлялась; пока жизнь еще только создавала, одну за другой, конкретныя основы будущей программы Пересвѣтова; пока еще не было безповоротно уничтожено политическое значеніе родовитаго боярства,—служилые московскіе «княжата» стремились отстоять свое существованіе, отвратить отъ себя надвигавшуюся грозу и направить ее въ другую сторону. Но они были людьми практики, а не теоріи. Имъ очень хорошо извѣстно было хозяйственное положеніе Московскаго государства. Они прекрасно знали, что увеличеніе земельнаго фонда, дѣйствительно, было при тогдашнихъ условіяхъ одной изъ самыхъ настоятельныхъ государственныхъ нуждъ. Поэтому, они охотно откликнулись на проповѣдь «заволжскихъ старцевъ», т.-е. той,—весьма мало, впрочемъ, вліятельной въ своей средѣ,—части монашества, которая, держась точки зрѣнія религіознаго аскетизма, находила, что монастыри не должны владѣть населенными имѣніями. Секуляризація многочисленныхъ и весьма обширныхъ монастырскихъ имѣній въ значительной степени увеличила бы земельный фондъ государства и тѣмъ самымъ отдалила бы опасность превращенія свѣтскихъ вотчинъ въ помѣстья. Этимъ достаточно объясняется вся экономическая сторона программы, написанной отъ имени валаамскихъ чудотворцевъ публицистомъ, отстаивавшимъ боярскіе интересы.

Что касается политической стороны этой программы, то здѣсь надо имѣть въ виду слѣдующее. Послѣ того, какъ московское правительство, натолкнувшись на рѣшительное сопротивленіе духовенства въ вопросѣ объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ, пошло на сдѣлку и оставило ихъ въ рукахъ «непогребенныхъ мертвецовъ», ограничившись распространеніемъ своего контроля на монастырскія земли, духовная власть надолго, почти до временъ патріарха Никона, разсталась съ оппозиціоннымъ настроеніемъ и вы-

---

[1]) «Очерки по исторіи смуты», стр. 147.

ступила въ роли дѣятельной помощницы московскихъ самодержцевъ. Защитники монастырскихъ владѣній, Іосифъ Волоцкой и его ученики, «осифляне», еще такъ недавно склонявшіеся къ критикѣ дѣйствій свѣтской власти, сдѣлались теперь убѣжденными пропагандистами абсолютизма. Въ этомъ отношеніи они сходились съ идеологами дворянства, которое въ своей борьбѣ съ боярствомъ старалось опереться на неограниченную власть царя. Ничѣмъ неограниченная царская власть была необходима для того, чтобы совершить указанную выше аграрную революцію, которая была такъ благопріятна для дворянскихъ и такъ неблагопріятна для боярскихъ интересовъ. Въ томъ, что касалось этой революціи, «осифляне» были цѣликомъ на сторонѣ царя и дворянства. Какъ бояре не имѣли ничего противъ секуляризаціи монастырскихъ имѣній, такъ и «осифлянская» часть духовенства,—т.-е. наибольшая часть его, одна только и обладавшая сколько-нибудь серьезнымъ практическимъ значеніемъ,—ровно ничего не имѣла противъ безцеремоннаго обращенія царской власти съ вотчинами княжатъ. Неудивительно поэтому, что бояре боялись вліянія «осифлянъ» на государя. Уже по своему положенію земныхъ боговъ, обязанныхъ отстаивать чистоту вѣры въ Бога небеснаго, московскіе великіе князья и цари должны были гораздо чаще соприкасаться съ вліятельными духовными лицами, нежели съ представителями низшей части служилаго сословія. Пересвѣтовъ писалъ во второй своей челобитной царю: «а выѣзду моему, государь, одиннадцат лѣтъ. И яз тебя, государя благовѣрнаго царя, доступити не могу» [1]). Несравненно легче было «доступити государя благовѣрнаго царя» какому-нибудь московскому архимандриту или епископу, не говоря уже о царскомъ духовникѣ. Да и не только—московскому. Заходя нѣсколько впередъ въ своемъ изложеніи, я напомню здѣсь извѣстный разсказъ князя Курбскаго о свиданіи Ивана IV съ монахомъ Вассіаномъ Топорковымъ въ отдаленномъ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Царь спросилъ Вассіана: «како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?» На это старецъ «по древней своей обыкновенной злости» хитро отвѣчалъ: «аще хощеши самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ» [2]). Курбскій былъ убѣжденъ, что этотъ «силлогизмъ сатанинскій», какъ называетъ онъ отвѣтъ То-

---

[1]) Ржига. названное соч., стр. 79.

[2]) «Сказаніе князя Курбскаго», стр. 37—38.

поркова, пришелся по душѣ царю и имѣлъ большое вліяніе на его внутреннюю политику. Въ виду всего этого, становятся совершенно понятными пространныя разсужденія валаамскихъ чудотворцевъ о томъ, какъ вредны для страны совѣщанія «простоватыхъ» царей съ «непогребенными мертвецами». Вліяніе на царя «непогребенныхъ мертвецовъ»,—конечно, «осифлянскаго» направленія,—въ корнѣ подрывало вліяніе на него родовитаго боярства. Стало быть, не спроста авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» грозилъ «послѣднимъ временемъ» такому царю, который захотѣлъ бы совѣщаться съ монахами.

Это, надѣюсь, не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Но вотъ, что надо отмѣтить еще въ разбираемой «Бесѣдѣ». Преподобные Сергій и Германъ обращаютъ вниманіе на тяжелое положеніе монастырскихъ трудниковъ, т.-е. крестьянъ: «нынѣ мы окаянніи... подъ собою имѣемъ волости со христіаны и надъ ними властвуемъ немилосердство и злобу показуемъ и всякую неправду» [1]). Валаамскіе чудотворцы напоминаютъ, что иноки должны были бы любить всѣхъ трудниковъ и бѣльцовъ и прочихъ православныхъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ они жестоко эксплуатируютъ подчиненныхъ имъ земледѣльцевъ. Трудники «на насъ иноковъ по вся дни тружаются безъ выбору и насъ иноковъ питаютъ своими вольными и невольными трудами, во всемъ передъ нами послушаніе творятъ. А мы окаянніи по діаволю наученію таковыхъ Богоизбранныхъ лишаемъ брашна своего, аки невѣрныхъ иноземцевъ и прочихъ поганыхъ. О мы безумніи! камо ся дѣнемъ и како противу ихъ станемъ отвѣщати предъ страшнымъ и праведнымъ судіею» и т. д. [2]). Какъ фактъ изъ исторіи русской общественной мысли, это страстное воззваніе преподобныхъ Сергія и Германа означаетъ, что авторъ «Бесѣды», обѣими ногами стоявшій на боярской точкѣ зрѣнія, сознавалъ и осуждалъ тяжелое положеніе монастырскаго крестьянства. Ему совершенно ясно, что иноки монастырей, обладающихъ вотчинами, живутъ эксплуатаціей крестьянства, какъ сказали бы мы теперь. И онъ не стѣсняется высказать это. Противорѣчіе ведетъ впередъ. Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы,—или на сословія, это въ данномъ случаѣ безразлично,—классовая борьба открываетъ людямъ глаза на такія истины, которыя безъ нея остались бы недоступными для нихъ. Правда, когда такія истины доходятъ до сознанія людей привилегированнаго положенія, то онѣ понимаются ими довольно односторонне. Валаамскіе чудотворцы оплакивали тяжелое положеніе

[1]) «Лѣтопись занятій археографической комиссіи», отд. II, стр. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 17—18.

монастырскихъ крестьянъ. Однако, они забыли спросить себя, каково живется крестьянамъ въ боярскихъ вотчинахъ. Это произошло оттого, что авторъ «Бесѣды» отстаивалъ, какъ мы знаемъ, боярскіе интересы. Много времени спустя, англійскіе лорды жестоко упрекали англійскихъ фабрикантовъ въ безпощадной эксплуатаціи промышленнаго пролетаріата. Но добрые лорды тоже забывали спросить себя: «а какую жизнь ведутъ рабочіе въ нашихъ собственныхъ имѣніяхъ?» Этотъ вопросъ поставили за нихъ фабриканты. Они услужливо предприняли цѣлое изслѣдованіе, убѣдительно показавшее, что положеніе англійскихъ рабочихъ было въ сельскихъ округахъ ничуть не лучше, нежели въ промышленныхъ. Насколько мнѣ извѣстно, защищавшіе монастырскія владѣнія «осифляне» не догадались отплатить такою же любезностью московскимъ боярамъ XVI в. И это очень жаль!

Въ нѣкоторыхъ своихъ спискахъ «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» сопровождается интереснымъ документомъ, озаглавленнымъ: «Ино сказаніе тоежъ бесѣды, отъ видѣнія извѣтъ преподобныхъ игуменовъ Сергія и Германа Валаамскихъ начальниковъ властующему князю великаго Новограда, посадникамъ и сущимъ Новгородцамъ съ ними». Въ дѣйствительности, этотъ документъ вовсе не представляетъ собою разновидности «тоежъ бесѣды» и принадлежитъ, по всей видимости, другому автору. Но это дѣлаетъ его тѣмъ болѣе интереснымъ.

По мнѣнію автора «Иного сказанія», христолюбивымъ царямъ русской земли подобаетъ укрѣплять своихъ воеводъ и свое войско и во всѣ стороны распространять свое государство. Но это дѣло не можетъ быть сдѣлано силами одной верховной власти. Для него необходимо сочетаніе всѣхъ общественныхъ силъ.

«И на такое дѣло благое достоитъ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ и православнымъ благочестивымъ «папамъ» (?), преосвященнымъ митрополитамъ и всѣмъ священнымъ архіепископомъ и епископомъ и преподобнымъ архимаритомъ и игуменомъ и всему священническому и иноческому чину благословити царей и великихъ князей русскихъ московскихъ на единомысленный вселенскій совѣтъ». Такой совѣтъ надлежитъ царю «воздвигнути отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безо величества и безъ высокоумія гордости, христоподобною смиренной мудростію», и держать при себѣ погодно. Другими словами, авторъ требуетъ созванія земскаго собора съ широкимъ и дѣйствительнымъ представительствомъ отъ городовъ и уѣздовъ. Это весьма ясное само по себѣ требованіе показалось страннымъ и неяснымъ покойному А. Н. Пыпину только по той причинѣ, что, совѣтуя созвать соборъ, авторъ «Иного сказанія» рекомендуетъ царю «рас-

просити» его о постѣ и покаяніи: «и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому о всегоднемъ посту и о каяніи міра всего и про всякое дѣло міра сего» [1]). А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ: «выходитъ такъ, что вселенскій соборъ нуженъ для наблюденія того, держатся ли посты и исповѣдь, и затѣмъ уже для другихъ дѣлъ сего міра» [2]). Но что же тутъ удивительнаго? Мы уже знаемъ, что по понятіямъ московскихъ публицистовъ XVI в.,—и при томъ всѣхъ, безъ различія партій,—царь былъ верховнымъ охранителемъ благочестія въ странѣ. Читатель не забылъ, надѣюсь, какъ и кѣмъ сдѣланы были первые шаги для учрежденія патріаршества въ Россіи. Когда царю Ѳедору Ивановичу, религіозная благонамѣренность котораго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія (извѣстно, что отецъ насмѣшливо называлъ его пономаремъ), пришла мысль учредить патріаршество, онъ посовѣтовался объ этомъ со своей супругою и съ боярами и только заручившись ихъ одобреніемъ обратился къ духовенству, которому оставалось лишь привести въ исполненіе планъ, уже обдуманный царемъ съ царицей и боярами. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что авторъ «Иного сказанія» предоставляетъ свѣтской власти верховную заботу о постахъ и исповѣди. Далѣе. Мы видѣли, что даже Пересвѣтовъ, для котораго правда была важнѣе вѣры, любилъ ставить доводы отъ религіи во главу своей аргументаціи. Вотъ почему вполнѣ естественно, что авторъ «Иного сказанія» рекомендуетъ «вселенскому собору» прежде всего внимательное отношеніе къ вопросамъ церковнаго благочестія. Это было какъ нельзя болѣе согласно съ привычками и образомъ мысли московскихъ людей. Съ другой стороны, очень мало распространенъ былъ тогда, во-первыхъ, тотъ взглядъ, что забота объ охраненіи благочестія принадлежитъ не только царю съ боярами, но также и народнымъ представителямъ, а, во-вторыхъ,— тотъ, что съ тѣми же народными представителями царь «на всякъ день» долженъ совѣщаться также о «всякомъ дѣлѣ міра сего». Взглядъ этотъ составляетъ чрезвычайно интересную особенность «Иного сказанія», и какъ ни запутанно выражается его авторъ,— А. Н. Пыпинъ недаромъ говоритъ объ его «плохой грамотности»,— онъ все-таки представляетъ собою замѣчательное явленіе въ тогдашней нашей публицистикѣ.

А. Н. Пыпинъ не рѣшается сказать съ увѣренностью, что авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» былъ сознательнымъ приверженцемъ боярской партіи. «Могло быть,—говоритъ онъ,— что, выставляя князей и бояръ естественными совѣтниками царя

[1]) Тамъ же, стр. 29 и 39.

[2]) Пыпинъ, «Исторія русской литературы», т. II, стр. 157.

въ правленіи, онъ только повторялъ традиціонное представленіе о царскомъ правленіи,—главное было для него въ томъ, чтобы въ правленіе не мѣшались «непогребенные мертвецы» [1]). Конечно, это могло быть. Но самъ же А. Н. Пыпинъ указываетъ на то, что авторъ «Бесѣды» былъ не монахомъ, а «мірскимъ человѣкомъ», живо затронутымъ тогдашними толками по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ, о вмѣшательствѣ іерархіи въ государственныя дѣла, объ упадкѣ боярскаго вліянія» [2]). А мірской о мірскомъ и думаетъ. И если даже допустить, что авторъ «Бесѣды» больше всего опасался вмѣшательства «непогребенныхъ мертвецовъ» въ дѣла государственнаго управленія, то и тогда у насъ не будетъ права сомнѣваться въ сознательномъ отношеніи автора «Бесѣды» къ боярскимъ притязаніямъ: иноки «осифлянскаго» направленія могли, какъ уже сказано, своимъ вліяніемъ на свѣтскую власть сильно повредить интересамъ боярства.

---

1) Тамъ же, та же страница.
2) Тамъ же, стр. 151—152.

Глава IV.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы царя съ боярствомъ.

Заводя рѣчь о борьбѣ московскихъ государей съ боярствомъ, необходимо сейчасъ же сдѣлать ту существенную оговорку, что въ этой борьбѣ бояре держались оборонительной, а не наступательной тактики. Знакомыя уже намъ особенности экономическаго развитія московскаго государства сдѣлали бояръ неспособными не только вырывать у государей новыя привилегіи, но и отстаивать старыя. Московское боярство не выставляло опредѣленныхъ политическихъ требованій. Во время дѣтства Ивана IV власть фактически была въ рукахъ крупныхъ боярскихъ родовъ. Но они воспользовались ею для взаимной борьбы и для взаимныхъ счетовъ, а не для усиленія своей политической позиціи. Когда Иванъ IV пришелъ въ возрастъ и далъ имъ почувствовать свои деспотическія наклонности, они тоже показали себя недоросшими до мысли объ юридическомъ ограниченіи верховной власти. Они вполнѣ готовы были удовольствоваться фактическимъ ограниченіемъ ея посредствомъ личнаго вліянія на самодержца со стороны его совѣтниковъ. Да и съ этой стороны они не обнаружили аристократической исключительности. Энергичный и талантливый идеологъ московскаго боярства XVI вѣка, князь Андрей Михайловичъ Курбскій съ величайшей похвалою отзывается въ своей «Исторіи князя великаго московскаго» о томъ періодѣ царствованія Ивана IV, когда онъ правилъ государствомъ согласно указаніямъ «избранной рады». Но вѣдь рада эта состояла не изъ однихъ бояръ. Если въ нее входилъ самъ кн. А. М. Курбскій, то въ нее же входилъ и митрополитъ Макарій, и попъ Сильвестръ, и мелкій дворянинъ Алексѣй Адашевъ. Намъ уже извѣстно изъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ», какъ опасались бояре вмѣшательства духовенства въ дѣла государственнаго управленія. Знаемъ мы и то, что въ XVI вѣкѣ многіе существенные интересы родовитаго бояр-

ства были прямо противоположны не менѣе существеннымъ интересамъ мелкаго дворянства. Однако, Курбскій ни мало не осуждаетъ участія въ «избранной радѣ» попа Сильвестра и дворянина Адашева. Совершенно наоборотъ. Онъ не находитъ достаточно яркихъ словъ для изображенія благотворности ихъ вліянія на царя. Сообщая о совѣтникахъ, привлеченныхъ Сильвестромъ и Адашевымъ къ управленію государствомъ, онъ тоже не показываетъ себя исключительнымъ сторонникомъ боярскаго вліянія. Въ его глазахъ важнѣе всего то, что совѣтники были «мужами разумными и совершенными... такожъ предобрыми и храбрыми... въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусными». Онъ признаетъ, что отъ «избранной рады» зависѣло все управленіе государствомъ, но въ своей характеристикѣ ея дѣятельности онъ съ похвалою выдвигаетъ на видъ ея готовность наградить всякаго служилаго человѣка, показавшаго усердіе и талантъ. Онъ пишетъ: «и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились» [1]). Награда сообразуется только съ заслугой. О родовитости награждаемаго нѣтъ и рѣчи. Это вполнѣ одобрилъ бы самъ Пересвѣтовъ. Мало того. Въ своихъ письмахъ къ Курбскому Иванъ говоритъ объ Адашевѣ: «собакѣ Алексѣю вашему начальнику» и т. д. [2]). Иногда «начальникомъ» онъ называетъ также и попа Сильвестра. Противъ этого Курбскій ровно ничего не возражаетъ въ своихъ отвѣтахъ. Это даетъ поводъ думать, что преобладающую роль въ «избранной радѣ» дѣйствительно играли люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу. А все это вмѣстѣ взятое означаетъ, что мы попали бы въ большую ошибку, если бы представили себѣ названную раду органомъ исключительнаго боярскаго вліянія. Нѣтъ, время ея господства въ управленіи государствомъ было временемъ компромисса между боярствомъ, духовенствомъ и дворянствомъ [3]). Боярству такой компромиссъ былъ выго-

---

[1]) «Сказанія кн. Курбскаго», стр. 10.

[2]) Тамъ же, стр. 162.

[3]) В. А Келтуяла считаетъ попа Сильвестра «выразителемъ интерссовъ торгово-промышленнаго класса населенія «посадскихъ» на томъ основаніи, что онъ обладалъ большимъ состояніемъ и находился въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими и иностранными купцами («Курсъ», ч. I, кн. 2-я, стр. 626). Но богатый священникъ, ведущій большіе торговые обороты, не всегда переходитъ на точку зрѣнія торгово-промышленнаго класса, хотя, разумѣется, не можетъ и пренебрегать его интересами. Впрочемъ, если бы взглядъ В. А. Келтуялы и былъ справедливъ, то онъ явился бы только новымъ доводомъ въ пользу того моего мнѣнія, что «избранная рада» не была органомъ чисто боярскаго вліянія: по мнѣнію г. Келтуялы, духовенство было представлено въ «избранной радѣ» митрополитомъ Макаріемъ.

денъ, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ, отсрачивалъ наступательный противъ него союзъ духовенства и дворянства съ царемъ, уже рано обнаружившимъ свое нерасположеніе къ боярамъ. Съ другой стороны, мыслившіе представители духовенства и дворянства могли находить полезнымъ союзъ свой съ представителями боярства для вразумленія Ивана, который тогда уже показалъ себя дикимъ и взбалмошнымъ не только въ обращеніи съ боярами [1]). Оставляя въ сторонѣ едва ли разрѣшимый теперь вопросъ о томъ, какими именно путями достигла «избранная рада» своего вліянія на молодого царя, нельзя, кажется, не признать, что оно было въ теченіе нѣкотораго времени почти безграничнымъ. Мы видимъ это какъ изъ «Исторіи» Курбскаго, такъ и изъ писемъ Ивана. Въ своемъ первомъ отвѣтѣ Курбскому Грозный говоритъ, что во время похода на Казань его «аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю» [2]). Больше того. Иванъ утверждаетъ, что онъ былъ лишенъ своей воли даже въ мелочахъ, касавшихся «обуща и спанья». Короче: «вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ» [3]). Если правда то, что своенравный и распущенный царь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подчинялся такому режиму, то мы, можетъ-быть, имѣемъ передъ собою интересный случай гипнотическаго вліянія. Но вліяніе это мало-по-малу ослабѣло. А тотъ компромиссъ, которому онъ шелъ на пользу, уступилъ мѣсто новому обостренію взаимной классовой борьбы въ московскомъ обществѣ. По разсказу Курбскаго о встрѣчѣ Ивана съ Вассіаномъ Топорковымъ выходитъ, что компромиссъ нарушенъ былъ происками «осифлянскаго» духовенства. Но онъ и не могъ быть прочнымъ по извѣстнымъ уже намъ историческимъ условіямъ того времени. Московское государство все болѣе и болѣе превращалось въ вотчинную монархію восточнаго типа не потому, что этого хотѣлъ тотъ или другой государь, тотъ или другой, свѣтскій или духовный, совѣтникъ того или другого государя. Напротивъ, го-

---

[1]) Извѣстенъ пріемъ, оказанный имъ псковитянамъ, пришедшимъ жаловаться на своего воеводу кн. Турунтая: онъ «опалился» на нихъ страшнымъ гнѣвомъ и сталъ ихъ мучить, что называется ни за что ни про что. Курбскій разсказываетъ, что Иванъ «началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ... Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ («Сказанія», стр. 6)». Образумить такого удальца важно было для всѣхъ жителей страны безъ различія званій и состояній.

[2]) «Сказанія», стр. 165.

[3]) Тамъ же, стр. 164.

сударп и ихъ совѣтники потому и хотѣли превратить Московское государство въ вотчинную монархію, т.-е. распространить власть монарха не только на лицъ, но и на все ихъ имущество, что такая политика предписывалась историческими условіями хозяйственнаго развитія страны. Компромиссъ между боярствомъ, дворянствомъ и духовенствомъ не могъ устранить эти условія. И точно такъ же не могъ онъ привести къ тому, чтобы превращеніе вотчинъ въ помѣстья, такъ рѣзко противорѣчившее интересамъ бояръ, перестало быть весьма выгоднымъ для дворянства. Та среда, настроеніе которой выразилось въ сочиненіяхъ Пересвѣтова, продолжала, конечно, существовать и тогда, когда заключенъ былъ компромиссъ. Ея стремленія должны были рано или поздно дать себя почувствовать. Когда Иванъ освободился отъ гипнотическаго вліянія «избранной рады», онъ пошелъ какъ разъ въ томъ направленіи, какое указано было въ сочиненіяхъ Пересвѣтова. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ программу этого послѣдняго; но только онъ наполнилъ ее гораздо болѣе конкретнымъ содержаніемъ, совершивъ съ помощью своихъ опричныхъ «воинниковъ» вышеуказанный земельный переворотъ и проявивъ при этомъ такую безудержную жестокость, такое дикое самодурство, о какихъ вовсе не мечталъ Пересвѣтовъ, рисуя образъ своего жестокаго, но мудраго Махметъ-салтана. Когда компромиссъ былъ нарушенъ, царю, опиравшемуся на дворянство и на «осифлянское» духовенство, выпала на долю роль нападающаго, а боярству оставалось только защищаться. Вотъ почему, боярскій публицистъ Курбскій въ своей полемикѣ съ Грознымъ никогда не покидаетъ оборонительной позиціи. Но такъ какъ предыдущая исторія Московскаго государства, вслѣдствіе слабости общественной дифференціаціи, не только не выработала юридическихъ нормъ, которыя опредѣляли бы права отдѣльныхъ классовъ, но и не вызвала ни въ одномъ изъ нихъ сознательнаго стремленія къ созданію такихъ нормъ, то Курбскій заимствуетъ свои доводы не столько изъ области политики, сколько изъ области морали, подкрѣпляя ихъ ссылками на св. Писаніе. Онъ не предъявляетъ конституціонныхъ требованій; его взоръ,—подобно взору автора «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ»,—не простирается дальше системы управленія государствомъ.

Его первое письмо къ Ивану,—такъ художественно воспроизведенное гр. Толстымъ въ стихотвореніи «Василій Шибановъ»,—содержитъ въ себѣ почти однѣ только жалобы на жестокое обращеніе царя съ боярами. «Прочто, царю! сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ

Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ, проліялъ еси? и мученическими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси?.. Что провинили предъ тобою, о царю, и чимъ прогнѣвали тя христіанскіе предстатели? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша, праотцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ?» [1]). Какъ слаба оборонительная позиція опальнаго князя, видно изъ того, что онъ можетъ погрозить жестокому царю лишь возмездіемъ на томъ свѣтѣ. «Или безсмертенъ, царю! мнишись? Или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному Судіи, богоначальному Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ, и не обинуяся истязати ихъ... яко же словеса глаголютъ? Онъ есть—Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычествія во превысокихъ—судитель между тобою и мною» [2]). Когда польскіе и литовскіе магнаты были очень недовольны своимъ королемъ, они грозили ему «рокошемъ», а не судебнымъ разбирательствомъ на томъ свѣтѣ. Но ихъ общественное положеніе было совсѣмъ другое, чѣмъ положеніе московскихъ бояръ.

Курбскій чувствовалъ, что преслѣдованіе, обрушившееся на родовитыхъ бояръ, имѣло свою экономическую основу. Въ своей «Исторіи князя великаго московскаго» онъ, говоря о преслѣдованіи Иваномъ князей Прозоровскихъ и Ушатыхъ, прибавляетъ: «понеже имѣли отчины великія; мню негли (вѣроятно, *Г. П.*) изъ того ихъ погубилъ» [3]). Въ своемъ «краткомъ отвѣщаніи на зѣло широкую епистолію» Ивана Курбскій упрекаетъ царя въ томъ, что онъ отнялъ у бояръ все то, чего не успѣли «разграбить» его отецъ и дѣдъ, всѣ «движимыя стяжанія и недвижимыя» [4]).

Упрекъ въ отнятіи у бояръ ихъ «стяжаній» сопровождается у Курбскаго напоминаніемъ Ивану о томъ, что истребленные и ограбленные имъ «княжата» были одного съ нимъ племени, происходя «отъ роду великаго Владиміра» [5]). Это напоминаніе показываетъ, что споръ Курбскаго съ Иваномъ былъ не только споромъ служилаго человѣка со своимъ государемъ. Въ извѣстной мѣрѣ онъ являлся также споромъ двухъ вѣтвей одного и того

---

1) «Сказанія», стр. 132.
2) Тамъ же, та же страница.
3) «Сказанія», стр. 85.
4) «Сказанія», стр. 192.
5) Тамъ же, та же страница.

же «рода великаго Владиміра». Иначе сказать: въ лицѣ Курбскаго говорилъ не только недовольный «велможа»; въ его лицѣ говорилъ также,—а, можетъ быть, и еще того больше?—одинъ изъ потомковъ ярославскихъ князей, обиженный однимъ изъ сильныхъ князей московскихъ [1]). А это значитъ, что стремленія подобныхъ ему «княжатъ» продолжали имѣть двойственный характеръ, будучи въ значительной степени опредѣляемы воспоминаніями о связи боярскихъ семействъ съ «родомъ великаго Владиміра», а не современнымъ ихъ положеніемъ въ государствѣ. Этимъ неопредѣленнымъ характеромъ объясняется и двойственная, противорѣчивая природа пресловутаго московскаго мѣстничества [2]). Нетрудно видѣть, наконецъ, что двойственный характеръ указанныхъ стремленій объясняется тѣми историческими условіями, которыя помѣшали возникновенію и упроченію въ Москвѣ сильной и вліятельной землевладѣльческой аристократіи. Когда «аристократъ» отстаиваетъ свое значеніе, опираясь лишь на свою принадлежность къ тому роду, отъ котораго происходитъ государь, тогда онъ еще не настоящій аристократъ. Литовскіе «паны-рада» основывали свою «вольность» на политическихъ правахъ, завоеванныхъ путемъ долгой борьбы; понятіе о подобныхъ правахъ выработалось въ Литвѣ,—какъ и въ Польшѣ, какъ и въ другихъ западныхъ государствахъ,—совершенно независимо отъ соображеній о болѣе или менѣе кровной близости той или другой аристократической семьи къ королевскому роду. Поэтому въ Литвѣ, какъ и въ западныхъ государствахъ, не было московскаго мѣстничества.

А. Н. Пыпинъ нашелъ нужнымъ защитить Курбскаго отъ обвиненія въ томъ, что онъ отстаивалъ право отъѣзда и право совѣта [3]). Какъ я уже замѣтилъ выше, Курбскій вообще не выдвигалъ опредѣленныхъ политическихъ требованій и не отстаивалъ опредѣленныхъ политическихъ понятій. Но все-таки ясно, что въ его глазахъ отъѣздъ не могъ быть такимъ плохимъ дѣломъ, какимъ былъ онъ въ глазахъ Ивана. Иванъ считалъ его измѣной: «измѣнниче», говоритъ онъ, обращаясь къ Курбскому въ одномъ изъ своихъ писемъ. А. Курбскій, по всей вѣроятности, хорошо помнилъ, что еще очень недавно право отъѣзда признавалось самими

---

[1]) Въ отвѣтѣ на второе письмо Ивана Курбскій употребляетъ негодующее выраженіе: «тотъ вашъ издавна кровопивственный родъ». «Сказанія», стр. 203. Тутъ мы видимъ скорѣе столкновеніе двухъ княжескихъ родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ одного общаго корня, нежели столкновеніе аристократіи съ верховной властью.

[2]) Спорившіе между собою изъ-за «мѣстъ» родовитые московскіе бояре апеллировали къ «Родословцу», а «Родословецъ» опять напоминалъ объ ихъ родственной связи съ владѣтельнымъ домомъ.

[3]) «Исторія русской литературы», томъ II, стр. 171.

московскими государями [1]). Притомъ, литовское великое княжество въ большей части своей территоріи тоже было Русью, хотя и подъ «державою» католическаго государя. Въ своемъ отвѣтѣ на второе письмо Ивана Курбскій говоритъ между прочимъ: «царь Перекопскій, присылалъ яко королеви моляся, такъ и насъ просячи, иже бы пошелъ есть съ нимъ на тую часть Русскія земли, яжъ подъ державою твоею» [2]). Послѣднія слова этого отрывка свидѣтельствуютъ, что въ представленіи Курбскаго предѣлы русской земли совсѣмъ не совпадали съ предѣлами Московскаго государства. Интересно, что Курбскій отказался пойти противъ москвитянъ съ «перекопскимъ царемъ», вопреки приказанію своего новаго государя, польскаго короля и великаго литовскаго князя [3]). А если онъ «воевалъ» московскую землю, выступая подъ литовскими знаменами, то литовская Русь издавна привыкла бороться съ московской, какъ московская Русь издавна привыкла нападать на литовскую.

Взглядъ Курбскаго на право отъѣзда достаточно полно выраженъ въ слѣдующихъ строкахъ отвѣта его на второе письмо Ивана: «азъ давно уже на широковѣщательный листъ твой отписахъ ти, да не возмогохъ послати, непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ; и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку до чужихъ земель, яко Іисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ; а если изымаютъ на предѣлѣ, и ты казнишь различными смертьми (тако жъ и здѣ, тобѣ уподобяся, жестоцѣ творятъ)» [4]). Очевидно, что Курбскій считалъ нарушеніе права отъѣзда однимъ изъ проявленій тираническихъ наклонностей московскаго царя.

Переходя отъ вопроса объ отъѣздѣ къ вопросу о совѣтѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ своихъ письмахъ къ Ивану Курбскій не касается этого послѣдняго вопроса. Но зато ставитъ его въ своей исторіи. «Царь же,—говоритъ онъ тамъ,—аще и почтенъ цар-

---

1) Это было одно изъ немногихъ правъ служилыхъ людей, формально признававшихся князьями. Въ послѣдній разъ оно признано было въ договорѣ великаго князя Василія Ивановича съ роднымъ братомъ своимъ Юріемъ Ивановичемъ въ 1531 г. (М. Дьяконовъ, «Очерки», стр. 255). Но въ томъ-то и бѣда, что признавалось оно въ договорахъ князей между собою, а не въ договорахъ государей со служилыми людьми. Московское служилое сословіе не доросло до такихъ договоровъ. Оттого въ практику московскихъ государей издавна вошло наказаніе тѣхъ, пользовавшихся правомъ отъѣзда, служилыхъ людей, которые снова попадали въ ихъ руки.

2) «Сказанія», стр. 202.

3) Тамъ же, та же страница.

4) Тамъ же, стр. 204.

ствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могутство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ» [1]). Тутъ мы опять не находимъ опредѣленнаго требованія по части государственнаго устройства, но зато опять встрѣчаемся съ весьма опредѣленнымъ указаніемъ на счетъ государственнаго управленія. Указаніе это еще болѣе увеличивается въ своемъ вѣсѣ, благодаря исторической ссылкѣ Курбскаго на Ивана Ш, который освободилъ отъ татаръ свое государство, возвеличилъ его и расширилъ его предѣлы, оттого что былъ «любосовѣтенъ» и имѣлъ обычай «ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта» [2]). Но Иванъ III, который, къ слову сказать, тоже былъ довольно-таки деспотиченъ, совѣщался съ боярской думой, а не со «всенародными человѣки». Поэтому Курбскій ставитъ вопросъ шире, чѣмъ рѣшался онъ практикой государственнаго управленія при дѣдѣ Грознаго. Признавая «всенародныхъ человѣкъ» желательными совѣтниками царя, онъ заставляетъ вспомнить объ «Иномъ сказаніи», рекомендовавшемъ созваніе царемъ вселенскаго собора. Правда, онъ выражается не вполнѣ ясно. И сказанное имъ о «всенародныхъ человѣкъ» можетъ, пожалуй, быть истолковано не въ смыслѣ созванія земскаго собора, а въ гораздо болѣе ограниченномъ смыслѣ привлеченія въ царскую «раду» отдѣльныхъ выдающихся представителей народа. Но все-таки Курбскій желаетъ не только того, чтобы «въ правленіи участвовали люди честные и опытные»,—какъ выражается А. Н. Пыпинъ. Онъ хочетъ также, чтобы царь совѣщался съ опытными и честными людьми, участвующими въ государственномъ управленіи. А это не одно и то же.

Если взглядъ Курбскаго на «совѣтъ» заставляетъ насъ вспомнить объ «Иномъ сказаніи», то отвѣты Грознаго не разъ приводятъ намъ на память «Бесѣду валаамскихъ чудотворцевъ». Въ первомъ изъ нихъ Грозный говоритъ Курбскому: «или речеши ми, яко святительскія поученія тако пріимаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и тѣлесами пещися: ино убо есть постническое пребываніе, инож̀ъ во общемъ житіи сожитіе, иножъ святительская власть, иножъ царское правленіе» [3]). Авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотвор-

[1]) Тамъ же, стр. 39—40.
[2]) Тамъ же, стр. 40.
[3]) «Сказанія», стр. 153.

цевъ» тоже весьма пространно доказывалъ, какъ мы знаемъ, что иное дѣло царское правленіе, а иное—святительская власть [1]). Это не мѣшаетъ доводамъ Ивана IV напоминать и доводы Пересвѣтова. Подобно Пересвѣтову, онъ ссылается на паденіе Константинополя, какъ на яркій примѣръ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ какимъ ведетъ подчиненіе царя своимъ совѣтникамъ. «Смотри же убо се и разумѣй,—пишетъ онъ,—каково правленіе составляется въ разныхъ началѣхъ и властехъ, и понеже убо тамо быша царіе послушны епархомъ и сигклитомъ, и въ какову погибель пріидоша! Сія ли убо намъ совѣтуеши, еже къ таковѣ погибели прійти. И се ли убо благочестіе, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ человѣкъ не взустити и къ разоренію иноплеменныхъ подати?» [2]). Такимъ образомъ, аргументація Грознаго является какъ бы синтезомъ тѣхъ доводовъ, которые выдвигались идеологами дворянства противъ господства «велможъ», съ тѣми, которые выставлялись боярскими идеологами противъ вмѣшательства духовенства. Это соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ въ то время. Верховная власть сумѣла превосходно воспользоваться взаимной борьбой различныхъ общественныхъ силъ въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Въ нашей литературѣ довольно распространенъ взглядъ на Грознаго, какъ на талантливаго публициста и въ особенности полемиста. Но тому, кто далъ себѣ трудъ прочитать хотя бы только первый отвѣтъ его къ Курбскому, легко признать справедливость тѣхъ насмѣшекъ, съ которыми встрѣтилъ опальный бояринъ «зѣло широкую епистолію великаго князя московскаго». Весьма замѣчателенъ по своей полной основательности ядовитый отзывъ Курбскаго о ссылкѣ его противника на св. Писаніе: «а наипаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со многою яростію и лютостію, ни строками, а ни стихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати, въ краткихъ словесѣхъ многъ разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и звязливо, цѣлыми книгами, и паремьями цѣлыми, и посланьми!» [3]). Грозный, въ самомъ дѣлѣ, до смѣшного неловокъ и неуклюжъ въ своемъ обращеніи съ цитатами. Не менѣе основательно и ядовитое указаніе Курбскаго на то, что цитаты изъ

---

[1]) Выше я сказалъ, что формула: иное дѣло власть святительская, а иное— власть земная, страдаетъ крайней растяжимостью. Это лучше всего подтверждается ссылкой на нее деспотическаго Ивана, до послѣднихъ предѣловъ распространившаго свою «земную» власть и жестоко каравшаго святителей, хоть немного склонныхъ къ независимости.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) «Сказанія», стр. 191.

священныхъ книгъ перемѣшаны у Ивана съ нелѣпыми сплетнями: «туто же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ, и иныя безчисленныя, воистину, яко бы неистовыхъ бабъ басни» [1]). Наконецъ, правъ, хотя и рѣзокъ Курбскій и въ своемъ окончательномъ отзывѣ о письмѣ Ивана. По его словамъ, оно написано «такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтямъ съ удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные» [2]).

И при всемъ томъ, эта неуклюжая «епистолія» вызываетъ не только удивленіе и смѣхъ. Мѣстами она способна привести въ содроганіе поразительнымъ лицемѣріемъ безпорядочно напиханныхъ въ нее доводовъ. Этотъ разнузданный «звѣрь-человѣкъ», съ наслажденіемъ купавшійся въ крови своихъ подданныхъ, говоритъ, что напрасно Курбскій бѣжалъ отъ него, убоявшись смерти: «понеже смерть Адамскій грѣхъ, общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ» [3]). Неповинная смерть,—увѣряетъ онъ,—не смерть, а пріобрѣтеніе. «И аще праведенъ еси и благочестивъ,—продолжаетъ обиженный Іудушка,—почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдать и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы, и сребролюбія, и сладости міра сего, все свое благочестіе душевное со христіанскою вѣрою и закономъ попралъ еси, уподобился еси къ сѣмени, падающему на камени» [4]). Здѣсь къ лицемѣрію присоединяется еще отсутствіе логики, такъ какъ Иванъ предполагаетъ доказаннымъ именно то, что еще нужно доказать, т.-е. что отъѣздъ служилаго человѣка отъ одного государя къ другому есть смертный грѣхъ.

Впрочемъ, Иванъ самъ чувствуетъ, что плохимъ оправданіемъ для него служитъ указаніе на смерть, какъ на «общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ». Онъ понимаетъ, что ему невозможно отолгаться отъ общеизвѣстнаго факта безпощаднаго пролитія имъ крови своихъ подданныхъ. Его безпокоитъ замѣчаніе Курбскаго о томъ, что кровь эта вопіетъ къ Богу. И вотъ, онъ начинаетъ увѣрять, что крамольные бояре тоже проливали его кровь, кровь бѣднаго, угнетеннаго ими государя. И это пролитіе боярами его крови гораздо грѣшнѣе, по его словамъ, чѣмъ пролитіе государемъ боярской крови. «Кольми же паче,—восклицаетъ онъ,—наша

---

1) Тамъ же, та же страница.

2) Тамъ же, та же страница.

3) Тамъ же, стр. 180—181.

4) Тамъ же, стр. 139.

кровь на васъ вопiетъ къ Богу, отъ васъ самихъ пролитая» [1]). Но какая же это кровь? Когда же проливали ее бояре? Слушайте! «Не ранами, ниже кровными каплями, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпотно, яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многаго вашего озлобленiя и утѣсненiя, вмѣсто кровей много излiяся слезъ нашихъ, паче жъ и воздыханiя и стѣнанiя сердечная; и отъ сего убо пречреслiе прiяхъ» [2]). При этомъ ужасъ опять смѣняется въ душѣ читателя удивленiемъ и смѣхомъ. Крокодиловы слезы никого не трогаютъ. Да и слишкомъ понятно, что для «пречреслiя» находится достаточное объясненiе въ нѣкоторыхъ привычкахъ разнузданнаго тирана.

Нечего и говорить, что, обвиняя Курбскаго и его единомышленниковъ въ смерти царицы Настасiи, Иванъ ничѣмъ не подтверждаетъ своего обвиненiя. Читателю остается предположить, что державный полемистъ опять повторяетъ «неистовыхъ бабъ басни» или же самъ придумываетъ таковыя [3]).

Мы знаемъ, что въ своихъ письмахъ къ царю Курбскiй не выдвигаетъ опредѣленныхъ политическихъ требованiй. Наоборотъ, Иванъ въ своихъ отвѣтахъ къ Курбскому съ непреложнымъ убѣжденiемъ отстаиваетъ совершенно опредѣленный политическiй взглядъ. Онъ выступаетъ послѣдовательнымъ теоретикомъ самодержавной власти въ восточномъ смыслѣ этихъ словъ. Онъ требуетъ отъ своихъ подданныхъ самаго полнаго и безусловнаго повиновенiя. Они въ глазахъ его—холопы и только холопы. Онъ считаетъ себя «вольнымъ» «казнить и жаловать» ихъ по своему усмо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 185.

[2]) Тамъ же, стр. 185—186. Пречреслiе—боль въ поясницѣ.

[3]) На это обвиненiе, поскольку оно касалось лично его, Курбскiй возражалъ: «Аще и зѣло многогрѣшенъ есмь и недостоинъ, но обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени жъ великаго князя Смоленскаго Θеодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добрѣ вѣси отъ лѣтописцевъ Русскихъ, иже тое плѣницы княжата не обыкли тѣла своего ясти и крове братiи своей пити, яко есть нѣкоторымъ издавна обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрiй Московскiй въ ордѣ на святаго великаго князя Михайла Тверского, а потомъ и прочiе, сущiе во свѣжей еще памяти и предъ очима, что Углицкимъ учинено и Ярославичемъ и прочимъ единыя крови, и како ихъ всероднѣ заглажено и потреблено... еже ко слышанiю тяжко, ужасно!.. отъ сосцовъ матернихъ оторвавши, во премрачныхъ темницахъ затворенно и многими лѣты поморенно, и внуку оному блаженному и присно Боговѣнчанному! А тая твоя царица, мнѣ, убогому, ближняя сродница, яко узришь сродство оно на странѣ того листа написано». («Сказанiя Курбскаго», стр. 202—203). Курбскiй опять разсуждаетъ, какъ человѣкъ болѣе всего гордый своимъ происхожденiемъ отъ одного общаго корня съ царствующимъ домомъ.

трҍнію [1]). За свое обращеніе съ ними онъ считаетъ себя обязаннымъ давать отвҍтъ одному Богу. «Кто убо постави судію и властеля надъ нами? Или ты даси отвҍтъ за душу мою въ день Страшнаго суда?» [2])—спрашиваетъ онъ Курбскаго. Забывая или не желая знать исторію княжеской власти на Руси, онъ выводитъ самодержавіе еще отъ св. Владиміра. «Самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвҍтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнҍйшую честь воспріемшу, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нҍмцы побҍду показавшаго, и хваламъ достойнаго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побҍду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дҍда нашего, великаго государя Ивана, и въ закоснҍнныхъ прародительствіяхъ земли обрҍтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василія, даже дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія» [3]). Въ своемъ качествҍ законнаго представителя самодержавной власти, Иванъ крайне презрительно отзывается объ ограниченныхъ монархахъ. По его мнҍнію, всҍ они «царствіи своими не владҍютъ: како имъ повелятъ работные ихъ, такъ и владҍютъ» [4]). Даже «королевская монархія» Жана Бодэна, навҍрно, вызвала бы пренебрежительный отзывъ съ его стороны. Онъ убҍжденъ, что его бояре ҍдятъ е г о «хлҍбъ» [5]). Все, что принадлежитъ государству или отдҍльнымъ жителямъ государства, есть, по его твердому убҍжденію, собственность государя. Если бы Бодэнъ знакомъ былъ съ его письмами, онъ увидҍлъ бы въ нихъ великолҍпнҍйшую иллюстрацію своей теоріи «вотчинной монархіи».

Историческое значеніе Грознаго въ томъ и заключается, что онъ съ помощью своей опричнины завершилъ превращеніе Московскаго государства въ такую монархію, т.-е. въ монархію восточнаго типа. Значеніе же его писемъ къ Курбскому состоитъ въ томъ, что они содержатъ въ себҍ идеологію «вотчинной монархіи». Совершенно правы историки, утверждающіе, что въ своемъ спорҍ съ Курбскимъ Иванъ является новаторомъ, а его опальный противникъ—защитникомъ старины. Весь вопросъ въ томъ, что же именно новаго внесъ Иванъ IV въ теорію и практику московскаго

---

1) «А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя». «Сказанія», стр. 156.

2) Тамъ же, стр. 147

3) «Сказанія», стр. 136—137. Сравни также стр. 141.

4) Тамъ же, стр. 141.

5) Тамъ же, стр. 154.

государства. А на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: введенная имъ новизна означала полное уничтоженіе всего того, что такъ или иначе задерживало окончательное превращеніе жителей Московскаго государства въ рабовъ передъ лицомъ государя, совершенно безправныхъ какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи. Вотъ почему Курбскій, несмотря на свой несомнѣнный консерватизмъ, представляется въ своихъ письмахъ сравнительно свободолюбивымъ человѣкомъ и тѣмъ привлекаетъ къ себѣ сочувствіе читателя. Онъ рѣшительно неспособенъ противопоставить послѣдовательному ученію Ивана о безпредѣльной власти царя сколько-нибудь стройную теорію политическихъ правъ, если не всѣхъ жителей страны, то хотя бы высшихъ ея классовъ. Такая теорія не могла и вырасти на скудной почвѣ общественныхъ отношеній тогдашней Москвы. Но въ немъ нѣтъ холопскаго настроенія. Въ его лицѣ московскій бояринъ отказывается сложить свое человѣческое достоинство къ ногамъ государя.

Поэтому его консерватизмъ много симпатичнѣе, нежели новаторство Ивана IV.

Иванъ IV.

Глава V.

Движеніе общественной мысли въ эпоху Смуты.

«Въ бесѣдахъ съ Москвитянами,—говоритъ польскій шляхтичъ Самуилъ Маскѣвичъ,—наши, выхваляя свою вольность, совѣтовали имъ соединиться съ народомъ польскимъ и также пріобрѣсти свободу. Но русскіе отвѣчали: «вамъ дорога ваша воля, намъ—неволя. У васъ не воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго, можетъ отнять у него имѣніе и самую жизнь. Искать же правосудія по вашимъ законамъ долго—дѣло затянется на нѣсколько лѣтъ. А съ иного и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ Царь творитъ судъ и расправу. Если же самъ Государь поступитъ неправосудно, его власть: какъ Богъ, онъ караетъ и милуетъ. Намъ легче перенесть обиду отъ Царя, чѣмъ отъ своего брата: ибо онъ владыка всего свѣта» [1].

Собесѣдники Маскѣвича разсуждали совершенно такъ, какъ разсуждалъ, по свидѣтельству Плутарха, Артабанъ въ своемъ разговорѣ съ Ѳемистокломъ. Только они подробнѣе обосновывали свое мнѣніе. Если вѣрить Маскѣвичу, то важнѣйшимъ изъ всѣхъ соображеній, которыя побуждали ихъ предпочитать московскую неволю польско-литовской вольности, было то, что въ Москвѣ легче добиться правосудія. «Москвитяне» увѣряли, будто царь творитъ судъ и расправу по первой жалобѣ. Неизвѣстно, что отвѣчалъ имъ на это Маскѣвичъ. Но мы достаточно знаемъ теперь внутреннія отношенія Московскаго государства, чтобы понимать, какъ мало соотвѣтствовало дѣйствительности указанное соображеніе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ судъ и расправу творили въ Москвѣ приказные люди, по всей справедливости заслужившіе выразительное названіе «крапивнаго сѣмени». Сами жители Московскаго государства нерѣдко жаловались на то, что имъ пуще, нежели отъ

---

[1]) Записки Маскѣвича въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», V, стр. 68. Спб. 1834.

турокъ и татаръ, приходится страдать отъ нестерпимой московской волокиты. Что же касается собственно царскаго суда, то въ приводимомъ Маскѣвичемъ отзывѣ о немъ московскихъ людей нота смиренія слышится гораздо яснѣе, нежели нота довѣрія: если царь поступитъ неправосудно—его власть: онъ караетъ и милуетъ, какъ Богъ. И нельзя не признать, что послѣ Грознаго нота довѣрія была несравненно менѣе умѣстна въ подобныхъ отзывахъ, нежели нота смиренія. Но, какъ видимъ, московскіе люди мирились даже съ тѣми невыгодными сторонами неограниченной власти, которыя съ такою потрясающей ясностью должны были представиться ихъ взорамъ въ царствованіе Ивана IV. Маскѣвичъ говоритъ: «Русскіе дѣйствительно увѣрены, что нѣтъ въ мірѣ монарха, равнаго Царю ихъ, котораго посему называютъ: Солнце праведное, свѣтило Русское» [1]). Артабанъ, конечно, не менѣе твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ въ мірѣ монарха, равнаго царю персидскому. Одинаковость общественныхъ положеній вела за собою одинаковость политическихъ воззрѣній.

Московскіе люди были не очень далеки отъ истины, когда говорили, что польско-литовская вольность похожа на своеволіе. Бѣжавъ изъ Москвы отъ царскаго деспотизма, Курбскій много претерпѣлъ впослѣдствіи на Литвѣ отъ шляхетскаго «нраву моему не препятствуй». Однако, своевольный польско-литовскій шляхтичъ умѣлъ дорожить достоинствомъ, не скажу человѣка,—человѣческое достоинство «хлопа» ставилось имъ ни во что,—но, по крайней мѣрѣ, «рыцаря». И когда Курбскій поселился въ Литвѣ, онъ, прежде гордившійся преимущественно своей принадлежностью къ роду Владиміра, сталъ замѣтно проникаться гордымъ сознаніемъ своего «рыцарскаго» достоинства. Въ его письмахъ къ Ивану встрѣчаются мысли, которыя врядъ ли были знакомы ему до его бѣгства изъ Москвы. Отклоняя отъ себя обвиненіе въ измѣнѣ, Курбскій упрекаетъ Грознаго, какъ мы видѣли, въ томъ, что онъ «аки во адовѣ твердынѣ» затворилъ русское царство, «сирѣчь свободное естество человѣческое». Можно почти съ полной увѣренностью сказать, что эта ссылка на свободное естество человѣка,—хотя бы и понимаемая на шляхетскій ладъ, т. е. крайне узко,—явилась плодомъ тѣхъ новыхъ размышленій, которымъ сталъ предаваться бѣглый князь въ новой общественной обстановкѣ. Мы видѣли, что Пересвѣтовъ требовалъ освобожденія холоповъ, указывая на нравственныя преимущества свободнаго состоянія. Стало быть, понятіе свободы не оставалось совершенно не-

[1]) Записки Маскѣвича, та же стр.

извѣстнымъ московскимъ людямъ [1]). Но мы видѣли также, какъ узко было оно у Пересвѣтова, и какъ мало задумывался онъ о какихъ-нибудь политическихъ вольностяхъ. Его программа логически вела къ полному игнорированію правъ того «человѣческаго естества» (въ его рыцарскомъ видѣ), на которое ссылался Курбскій. Осуществивъ эту программу, Грозный могъ съ полнымъ основаніемъ смотрѣть на всѣхъ своихъ подданныхъ какъ на своихъ холоповъ и быть увѣреннымъ, что въ своемъ обращеніи съ ними онъ долженъ давать отчетъ одному только Богу. Но чѣмъ больше закрѣпощались государству,—въ лицѣ государя,—всѣ жители московской земли, тѣмъ тяжелѣе давила на нихъ государственная машина, и тѣмъ естественнѣе было имъ стремиться къ облегченію своего тяжелаго положенія. Уже авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» видѣлъ, что далеко не все обстоитъ благополучно въ Московскомъ государствѣ, и опасался наступленія такого времени, когда начнутся междоусобія, и зашатается царскій тронъ. Эпоха Смуты оправдала всѣ его опасенія. И вотъ, возникаетъ вопросъ: какъ же повліяло Смутное время на политическія понятія московскихъ людей?

Проф. Ключевскій говоритъ, что уже въ царствованіе Грознаго зародилось недовольство московскимъ политическимъ порядкомъ. «Произволъ царя, безпричинныя казни, опалы и конфискаціи вызвали ропотъ, и не только въ высшихъ классахъ, но и въ народной массѣ, «тугу и ненависть на царя въ міру», и въ обществѣ проснулась смутная и робкая потребность въ законномъ обезпеченіи лица и имущества отъ усмотрѣнія и настроенія власти» [2]). Событія Смутнаго времени дали, по словамъ того же ученаго, «первый и очень болѣзненный толчокъ движенію новыхъ понятій, недостававшихъ государственному порядку, построенному угасшею династіею» [3]). Къ чему же, однако, привело движеніе новыхъ понятій? Сообщаемые Маскѣвичемъ отзывы москвитянъ о преимуществахъ ихъ неволи передъ польско-литовской вольностью показываютъ, что въ самый разгаръ Смуты [4]) населеніе Великороссіи продолжало сохранять тотъ же взглядъ на отношеніе подданныхъ къ верховной власти, который сложился къ концу царствованія Грознаго. И всѣ тѣ факты, на которые

[1]) Мнѣ, пожалуй, могутъ напомнить, что самъ Пересвѣтовъ былъ литовскимъ выходцемъ. Но его сочиненія носятъ на себѣ такой глубокій отпечатокъ московскихъ порядковъ, что мы имѣемъ право не относить на счетъ его литовскаго происхожденія мысли его о нравственномъ вліяніи свободы.

[2]) Курсъ русской исторіи. Часть III, стр. 68.

[3]) Тамъ же, стр. 17.

[4]) Сообщеніе объ этихъ отзывахъ относится въ запискахъ Маскѣвича къ 1611 г.

ссылается проф. Ключевскій, подкрѣпляя свое мнѣніе, свидѣтельствуютъ скорѣе о застоѣ, чѣмъ о движеніи общественной мысли въ періодъ Смуты. Разсмотримъ поближе эти факты.

В. О. Ключевскій думаетъ, что воцареніе Василія Шуйскаго составило эпоху въ нашей политической исторіи, такъ какъ новый царь ограничилъ свою власть и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія жителей своего государства въ особой разосланной по областямъ записи, на которой онъ цѣловалъ крестъ. Но самъ же Ключевскій признаетъ, что содержаніе подкрестной записи Шуйскаго отличалось большой односторонностью. «Всѣ обязательства, принятыя на себя царемъ Василіемъ по этой записи,—говоритъ онъ,—направлены были исключительно къ огражденію личной и имущественной безопасности подданныхъ отъ произвола сверху, но не касались прямо общихъ основаній государственнаго порядка, не измѣняли и даже не опредѣляли точнѣе значенія, компетенціи и взаимнаго отношенія царя и высшихъ правительственныхъ учрежденій» [1]). Это какъ нельзя болѣе справедливо. Сущность подкрестной записи Василія Ивановича сводится къ тому, что онъ обѣщаетъ «всѣмъ православномъ крестьяномъ» (т.-е. христіанамъ.—*Г. П.*) судить ихъ праведнымъ судомъ, оберегать ихъ отъ всякаго насильства и безъ вины не класть своей опалы ни на кого изъ нихъ. Объ измѣненіи политическаго строя въ ней не говорится ни слова. Больше того. Въ своей грамотѣ въ Пермь Великую Шуйскій, сообщая о своемъ восшествіи на престолъ, обѣщаетъ
... ржати Московское государство по тому жъ, какъ прародители
где... великіе Государи Російскіи Цари» [2]). Это значитъ, что, по
натии ... ваго царя, политическій строй Московскаго государства
мнѣнію въ ... ъ оставаться безъ всякаго измѣненія. Правда, Шуй-
долженъ бы ... удить своихъ подданныхъ «съ бояры своими». Но,
скій обѣщалъ с ... замѣчаетъ самъ В. О. Ключевскій, ограниченіе
какъ справедливо ... лишь въ его отношеніи къ отдѣльнымъ ли-
это связывало царя ... бояръ въ царскомъ судѣ вовсе не явля-
цамъ. Притомъ участіе ... омъ государствѣ. Гдѣ же тутъ движе-
лось новостью въ Московск...
ніе политическихъ понятій? ... тъ, что подкрестная запись Шуй-
В. О. Ключевскій прибавля... рію. Тотчасъ по своемъ про-
скаго имѣла свою закулисную ист... въ Успенскій соборъ и тамъ
возглашеніи новый царь отправился в... томъ, что мнѣ ни надъ
заявилъ: «Цѣлую крестъ всей землѣ н... ого дурна». Это заявле-
кѣмъ ничего не дѣлати безъ собору, никак...

---

1) Тамъ же, стр. 43.

2) «Памятники исторіи Смутнаго времени», подъ ред. А. И. Як... овлева. Изд. Клочкова. Стр. 17. Москва 1909.

ніе весьма не понравилось боярамъ; но царь Василій сдѣлалъ его не безъ умысла: «клятвенно обязуясь передъ всей землей не карать безъ собора, онъ разсчитывалъ избавиться отъ боярской опеки, стать земскимъ царемъ и ограничить свою власть учрежденіемъ, къ тому непривычнымъ, т.-е. освободить ее отъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія» [1]. Предположивъ, что это было въ самомъ дѣлѣ такъ, и вспомнивъ, что въ земскихъ соборахъ XVI вѣка участвовали, главнымъ образомъ, служилые люди, мы должны будемъ признать, что происшествіе въ Успенскомъ соборѣ означало лишь попытку новаго царя опереться на низшую часть служилаго сословія для ослабленія непріятныхъ ему боярскихъ притязаній. Подобная попытка хорошо удалась какъ Грозному, такъ и Борису Годунову, и привела лишь къ расширенію самодержавной власти. Странно, кромѣ того, что въ подкрестной записи уже нѣтъ рѣчи о соборѣ, а говорится только объ участіи бояръ въ царскомъ судѣ. Ключевскій объясняетъ эту странность тѣмъ, что подкрестная запись явилась плодомъ сдѣлки бояръ съ новымъ царемъ. «По предварительному негласному уговору царь дѣлилъ свою власть съ боярами во всѣхъ дѣлахъ законодательства, управленія и суда. Отстоявъ свою думу противъ земскаго собора, бояре не настаивали на обнародованіи всѣхъ вынужденныхъ ими у царя уступокъ: съ ихъ стороны было даже неблагоразумно являть всему обществу, какъ чисто удалось имъ ощипать своего стараго пѣтуха» [2]. Въ этомъ будто бы и заключалась причина того, что подкрестная запись отмѣтила значеніе Боярской думы лишь какъ полномочной сотрудницы новаго царя. Это слишкомъ тонко. Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ тотъ взглядъ профессора Платонова, согласно которому подкрестная запись царя Василія вовсе не была ограничительной, а являлась только торжественнымъ манифестомъ новаго правительства, скрѣпленнымъ присягою его главы. Обѣщаясь «держать» Московское государство такъ, какъ держали его прежніе цари, Шуйскій имѣлъ въ виду старый порядокъ, существовавшій до опричнины, т.-е. до того времени, когда Грозный принялся отнимать родовыя боярскія земли, губить знатныхъ людей и налагать опалы на цѣлыя группы великородныхъ семей. Въ лицѣ Шуйскаго старая знать снова заняла первое мѣсто въ странѣ. «Устами своего царя въ его записи она торжественно отрекалась отъ только-что дѣйствовавшей системы и обѣщала «истинный судъ» и избавленіе отъ «всякаго на-

[1]) Ключевскій. «Курсъ русской исторіи», часть III, стр. 44. Ср. также «Боярская Дума древней Руси», стр. 366—367.

[2]) «Курсъ», стр. 44—45. Ср. «Боярская Дума», стр. 367.

сильства» и неправды, въ которыхъ обвиняла предшествовавшія правительства»[1]). Но въ такомъ случаѣ подкрестная запись царя Василія является лишь обѣщаніемъ осуществить въ дѣлѣ государственнаго правленія тотъ идеалъ, къ которому стремился еще авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ». Никакого новаго движенія понятій въ ней незамѣтно. Поэтому и воцареніе Шуйскаго не можетъ считаться новой эпохой въ нашей политической исторіи.

Ключевскій находилъ, что, обѣщая истинный судъ своимъ подданнымъ, Шуйскій отрицалъ между прочимъ ту прерогативу царской власти, которая выразилась въ словахъ Ивана IV: «мы вольны жаловать и казнить своихъ холоповъ». Такимъ образомъ онъ будто бы превращался «изъ государя холоповъ въ правомѣрнаго царя подданныхъ, правящаго по законамъ»[2]). Если бы это было такъ, то вступленіе на престолъ Василія Шуйскаго въ самомъ дѣлѣ составило бы эпоху въ нашей политической исторіи. Но это не было такъ. Московскіе цари и впослѣдствіи продолжали быть царями холоповъ. Олеарій, посѣтившій Москву въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, опредѣляетъ русскій государственный строй выраженіемъ: «monarchia dominica et despotica», и онъ такъ поясняетъ это опредѣленіе: «государь, каковымъ является царь или великій князь, получившій по наслѣдію корону, одинъ управляетъ всей страною, и всѣ его подданные, какъ дворяне и князья, такъ и простонародье, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, съ которыми онъ обращается, какъ хозяинъ со своими слугами»[3]). Это какъ разъ то, что говорилъ объ отношеніи московскаго государя къ своимъ подданнымъ Герберштейнъ или Флетчеръ. Правда, Олеарій считалъ русское правленіе тираническимъ[4]), и надо согласиться, московскіе государи могли быть и бывали тиранами,—да еще какими! Но уже Боданъ весьма справедливо замѣтилъ, что восточная

---

1) С. Ѳ. Платоновъ, „Очерки по исторіи Смуты", изд. 3-е, стр. 286—287. Сообщеніе о томъ, что царь обѣщалъ въ церкви ничего не дѣлать безъ Земскаго Собора, проф. Платоновъ объясняетъ недоразумѣніемъ: лѣтописецъ просто плохо понялъ царскія слова и записалъ ихъ несогласно съ текстомъ подлинной подкрестной записи. (См. тамъ же, стр. 286).

2) «Курсъ», стр. 46. Своимъ содержаніемъ подкрестная запись царя Василія означала, по мнѣнію Ключевскаго, отказъ еще отъ той привилегіи, которую дѣдъ Грознаго выразилъ словами: «кому хочу, тому и дамъ княженіе». Но эти слова относятся къ вопросу о правѣ наслѣдованія престола, между тѣмъ какъ подкрестная запись совсѣмъ не касается этого вопроса.

3) Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно, стр. 223. Спб. 1906.

4) Тамъ же, та же страница.

вотчинная монархія,—какою являлось, между прочимъ, и Московское государство,—могла быть очень далекой отъ тираніи, вполнѣ сохраняя, однако, свой главный отличительный признакъ: отсутствіе у подданныхъ права распоряжаться не только своей личностью, но и своимъ имуществомъ. Вотчинная монархія установилась въ Москвѣ не потому, что московскіе государи склонны были къ тираніи, а потому, что она являлась естественнымъ политическимъ слѣдствіемъ историческихъ и, главнымъ образомъ, экономическихъ условій развитія Великороссіи. Конечно, возникновеніе склонности къ тираніи чрезвычайно облегчалось безправіемъ жителей. Съ прекращеніемъ старой династіи лица, добивавшіяся московскаго престола, считали выгоднымъ для себя гласно отказываться отъ тираническихъ замашекъ. Однако, они не могли, если бы даже и захотѣли, передѣлать внутреннія отношенія Московскаго государства. Имъ невозможно было превратить это государство изъ вотчинной монархіи въ королевскую (чтобы опять употребить здѣсь термины Бодэна), если бы они даже и доросли до сознанія преимуществъ правленія, основаннаго на «законахъ природы». Но при данной обстановкѣ они, конечно, и не могли дорасти до такого сознанія. Отзывы собесѣдниковъ Маскѣвича о выгодахъ московской неволи показываютъ, какъ хорошо приспособились понятія москвитянъ ко внутреннимъ отношеніямъ вотчинной монархіи.

Правда, въ договорѣ тушинскихъ депутатовъ съ королемъ Сигизмундомъ объ избраніи королевича Владислава на московскій престолъ видно уже нѣсколько иное отношеніе къ московской неволѣ. По мнѣнію В. О. Ключевскаго, въ немъ уже выступаетъ идея личныхъ правъ, столь мало замѣтная у насъ прежде. Но и здѣсь идея эта, по признанію того же историка, сводится, собственно, къ тому, что всѣ должны быть судимы по закону, и никого не слѣдуетъ наказывать безъ суда. А въ этомъ своемъ видѣ она опять направлялась не противъ вотчинной монархіи, а только противъ тираніи. В. О. Ключевскій признаетъ, что въ опредѣленіи сословныхъ правъ тушинскіе послы проявили мало свободомыслія и справедливости. Онъ говоритъ: «договоръ обязываетъ блюсти и расширять по заслугамъ права и преимущества духовенства, думныхъ и приказныхъ людей, столичныхъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, частію и торговыхъ людей. Но «мужикамъ хрестьянамъ» король не дозволяетъ перехода ни изъ Руси въ Литву, ни изъ Литвы на Русь, а также и между русскими людьми всякихъ чиновъ, т.-е. между землевладѣльцами. Холопы остаются въ прежней зависимости отъ господъ, а вольности имъ государь давать не будетъ» [1]. Оно и понятно: насчетъ холоповъ и «мужиковъ

[1]) «Курсъ русской исторіи», часть III, стр. 50.

хрестьянъ» польско-литовская шляхта тоже не показывала ни справедливости, ни свободомыслія. Договоръ такъ и говоритъ, что «холопы невольники» должны служить «бояромъ альбо паномъ» попрежнему. Это значитъ, что паны столь же мало склонялись къ улучшенію участи холоповъ, какъ и бояръ: какъ мы только что видѣли, насчетъ «мужиковъ хрестьянъ» установленъ былъ двухсторонній договоръ: имъ запрещался выходъ съ Руси на Литву и съ Литвы на Русь [1]). Несравненно болѣе характерными для тогдашнихъ московскихъ отношеній были тѣ статьи договора, которыя касались духовенства и служилыхъ людей. Духовенству обѣщана была неприкосновенность его имуществъ: «наданья вси прошлыхъ господаровъ Московскихъ, и боярскіе и всякихъ людей наданья на церкви Божіи и на монастыри въ цѣлости при церквахъ и монастырехъ зоставити будутъ, ни въ чомъ ихъ не нарушаючи» и т. д. [2]). Это было его старинное требованіе, осуществленіе котораго должно было представляться болѣе легкимъ при смѣнѣ династіи. Служилымъ людямъ обѣщаны были учтивость и ласки господарскія. Но отъ учтивости и ласки еще вовсе не такъ близко до признанія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ политическихъ правъ. Сигизмундъ обѣщалъ за своего сына сохраненіе старыхъ преимуществъ служилыхъ людей: «а жалованье, денежные оброки, и помѣстья и отчизны, кто что мѣлъ передъ тымъ, тое и впередъ мѣти маетъ, а господарь его милость зъ ласки и щодробливости своее, и надъ то водлугъ заслугъ кождого прибавляти и причинятися будетъ рачити» [3]). Это не могло не нравиться московскимъ служилымъ людямъ. Но это не создавало для нихъ никакихъ новыхъ привилегій. Правда, договоръ обѣщаетъ «великихъ становъ людей невиннѣ не понижати, а меншіе станы подносити водлугъ заслугъ». Однако, и это обѣщаніе опредѣленно развѣ въ томъ смыслѣ, что, какъ указалъ проф. Платоновъ, оно не даетъ никакихъ сословныхъ льготъ и преимуществъ «московскимъ княженецкимъ родамъ», да еще въ томъ, что говоритъ о повышеніи служилыхъ людей сообразно съ личными заслугами. Эта послѣдняя уступка, очевидно, не имѣла ничего общаго съ дарованіемъ какихъ-нибудь аристократическихъ привилегій. Напротивъ, въ немъ обнаружи-

---

[1]) По поводу запрещенія крестьянскихъ переходовъ мы встрѣчаемъ слѣдующее важное замѣчаніе у проф. Платонова: «Этотъ пунктъ нельзя еще считать доказательствомъ того, что въ 1610 году переходы крестьянскіе были въ Москвѣ уже уничтожены. Въ этомъ требованіи могло выразиться только желаніе договаривавшихся уничтожить переходъ, а не отмѣчался совершившійся фактъ». (Лекціи по русской исторіи, изд. 6-ое, стр. 258).

[2]) «Памятники исторіи Смутнаго времени», стр. 47.

[3]) Тамъ же, стр. 48.

вается стремленіе «худородныхъ» служилыхъ людей завершить то, что началось при Грозномъ и продолжалось при Годуновѣ. «Съ этихъ страницъ февральскаго договора,—говоритъ проф. Платоновъ,—вѣетъ духомъ опричнины и Годуновскаго режима, тѣми новшествами правительственнаго обихода, которыя сочетались съ новшествами житейскими» [1]. Но для политической свободы еще не было мѣста между этими новшествами правительственнаго обихода. Къ тому же для нея совсѣмъ неблагопріятенъ духъ опричнины.

Договоръ 4-го февраля, несомнѣнно, ставилъ нѣкоторыя преграды царской власти. Такъ, напримѣръ, измѣнять законы и судебные обычаи новый государь могъ лишь съ согласія бояръ и «всей земли». Это — значительное ограниченіе. Но и здѣсь никакъ нельзя согласиться съ проф. Платоновымъ, который полагаетъ, что оно «имѣло цѣлью не перестройку прежняго политическаго порядка, а, напротивъ, охрану и укрѣпленіе «звычаевъ всѣхъ давныхъ добрыхъ» отъ возможныхъ нарушеній со стороны непривычной къ московскимъ отношеніямъ власти» [2]. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, избранъ былъ въ цари человѣкъ русскаго происхожденія, къ нему отнеслись съ меньшимъ недовѣріемъ и потому уже не такъ заботились,—если вообще заботились,—объ ограниченіи его власти. На соборѣ 1613 г. народный умъ предпочелъ, по признанію проф. Ключевскаго, вернуться къ старинѣ [3].

И все-таки для московскихъ людей не прошли безъ слѣда ихъ безпрестанныя сношенія съ польско-литовской шляхтой въ періодъ Смутнаго времени. Въ договорѣ 4-го (14-го) февраля 1610 г. польско-литовское вліяніе замѣтнѣе всего сказалось въ требованіи, имѣющемъ не столько политическій, сколько экономическій характеръ. Статья 11-я этого договора говоритъ, между прочимъ: «отчизнъ тежъ и маетностей ни въ кого не брати: але естли хто безъ потомства за сего свѣта зойдетъ, ино на близкихъ повинныхъ спадати маютъ» [4]. Осуществленіе этого требованія, въ самомъ дѣлѣ, составило бы важную эпоху въ исторіи московскаго государства. Оно оградило бы имущественныя права, по крайней мѣрѣ, высшихъ слоевъ населенія и тѣмъ самымъ создало бы ту соціальную основу, на которую только и могли бы опереться при подходящихъ обстоятельствахъ политическія права этихъ слоевъ. Бодэнъ сказалъ бы, что осуществленіе этого требованія

---

[1] «Очерки по исторіи Смуты», стр. 403.

[2] «Лекціи по русской исторіи», изд. 6-е, стр. 259.

[3] См. «Курсъ», часть III, стр. 85.

[4] «Памятники исторіи Смутнаго времени», стр. 48.

превратило бы московскую монархію изъ вотчинной въ королевскую. Но оно осталось неосуществленнымъ. Смута нанесла окончательный ударъ родовитому боярству, которое было болѣе всѣхъ другихъ классовъ заинтересовано въ неприкосновенности «отчизнъ и маетностей». Помѣстное дворянство пока еще могло прекрасно уживаться съ вотчинной монархіей, по своему произволу распоряжавшейся «маетностями» подданныхъ. Оттого оно, какъ видно, и не придавало большого значенія указанной статьѣ договора 4-го февраля 1610 г.

Интереснымъ и важнымъ новшествомъ являлись въ той же статьѣ строки, гласившія: «а для науки вольно каждому зъ народу Московского людемъ ѣздити въ иншые господарства хрестіянскіе, опрочь бусурманскихъ поганскихъ, а господарь его милость отчизнъ и маетностей у нихъ за то отыймовати не будетъ» [1]. Но замѣчательно, что это требованіе исчезло изъ договора съ Сигизмундомъ, когда къ нему послѣ сведенія съ престола Шуйскаго присоединилось московское боярство. «Правящая знать оказалась на низшемъ уровнѣ понятій сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами» [2],—замѣчаетъ по этому случаю проф. Ключевскій. Онъ могъ бы прибавить, что когда высшій общественный классъ или слой обгоняется тѣмъ, который непосредственно за нимъ стоитъ на общественной лѣстницѣ, то этотъ послѣдній уже не далекъ отъ побѣды надъ «высшей знатью». Напрасно московская знать вычеркивала изъ договора 4-го февраля статью о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ и о томъ, чтобы «Московскихъ княженетскихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати». «Княженетскіе роды» неумолимо оттѣснялись на задній планъ ходомъ развитія московской вотчинной монархіи. Послѣ Смуты простое дворянство окончательно стало господствующимъ сословіемъ, разумѣется, поскольку можетъ итти рѣчь о такомъ сословіи въ «вотчинной монархіи», въ которой и господа были «холопями» государя.

---

1) Тамъ же, стр. 48—49.

2) «Курсъ», часть III, стр. 52.

ГЛАВА VI.

Общественный быть и общественное настроеніе Московской Руси послѣ Смутнаго времени.

I.

Явленія, отмѣченныя мною въ предыдущей главѣ, прекрасно объясняются объективною силою вещей.

Возстановляя нарушенный Смутой порядокъ своей жизни, московскіе люди не могли произвольно придать тотъ или иной характеръ своимъ взаимнымъ экономическимъ отношеніямъ. Отношенія эти опредѣлялись въ сѣверо-восточной Руси,—какъ опредѣляются они всегда и вездѣ,—состояніемъ производительныхъ силъ. Что же касается состоянія производительныхъ силъ, то Смута могла измѣнить его не къ лучшему, а только къ худшему. Площадь воздѣлываемыхъ земель сократилась; крестьянство обѣднѣло. Обѣднѣніе крестьянства, на широкой спинѣ котораго держалось все соціально-политическое зданіе, естественно повело за собою обѣднѣніе служилаго класса и замедлило развитіе торгово-промышленной дѣятельности. Если мы примемъ въ соображеніе, что какъ разъ тогда въ западныхъ государствахъ совершался быстрый ростъ производительныхъ силъ, то мы придемъ къ тому неизбѣжному выводу, что послѣ Смуты Московская Русь являлась, по отношенію къ Западу, значительно болѣе, чѣмъ прежде, отсталой страной. Этого мало. Значительно отставая отъ своихъ западныхъ сосѣдей въ хозяйственномъ отношеніи, Московская Русь XVII-го вѣка вела съ ними продолжительныя войны [1]. Вслѣдствіе этого ей пришлось затрачивать все бо́льшую и бо́льшую долю своихъ средствъ и силъ на поддержаніе органовъ самозащиты [2].

[1] „Внѣшняя политика государства вынуждала все большее напряженіе народныхъ силъ. Достаточно краткаго перечня войнъ, веденныхъ первыми тремя царями новой династіи, чтобы почувствовать степень этого напряженія... Если вы разсчитаете продолжительность всѣхъ этихъ войнъ, увидите, что на какія-нибудь 70 лѣтъ (1613—1682) приходится до 30 лѣтъ войны, иногда одновременно съ нѣсколькими непріятелями“ (Ключевскій. Курсъ, III, 161).

[2] „Рать въ конецъ заѣдала казну“,—говоритъ Ключевскій.—„Сопоставляя по возможности однородныя части войскъ... находимъ, что съ 1631 года вооруженныя силы, лежавшія на плечахъ казны, возросли почти въ 2½ раза (въ теченіе полувѣка)“. Тамъ же, стр. 275 и 278.

въ странѣ, продолжавшей оставаться колонизующейся страною, это роковымъ образомъ вело ко все бо́льшему и бо́льшему закрѣпощенію всѣхъ слоевъ населенія, а въ особенности трудящейся массы, для непосредственной или посредственной службы государству. Другими словами: общественное развитіе непремѣнно должно было двигаться въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ двигалось оно до Смуты. Скорость движенія постоянно возрастала, а его результаты дѣлались все болѣе и болѣе выпуклыми. Къ концу XVII-го вѣка тяглая масса такъ распредѣлялась между разными разрядами владѣльцевъ:

Посадскихъ и черныхъ крестьянскихъ дворовъ. . .	92	тысячи	10,4%
Церковныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ. . . .	118	„	13,3%
Дворцовыхъ	83	„	9,3%
Боярскихъ	88	„	10,0%
Дворянскихъ	507	„	57,0%
	888	„	100,0%

Приведя эту таблицу, Ключевскій отмѣчаетъ, что только десятая часть (10,4%) городской и сельской тяглой массы удержала за собой тогдашнюю свободу (т.-е., вѣрнѣе сказать, была закрѣпощена непосредственно государству), а почти девять десятыхъ ея попало въ крѣпостную зависимость отъ церкви, дворца и военно-служилыхъ людей. «Отъ государственнаго организма, такъ сложившагося,—прибавляетъ этотъ историкъ,—несправедливо было бы ждать желательнаго роста политическаго, экономическаго, гражданскаго и нравственнаго» [1]).

Не касаясь вопроса о желательности роста, я замѣчу съ своей стороны, что такъ какъ государственный организмъ продолжалъ «расти» въ прежнемъ направленіи, въ немъ не могли возникнуть какія-нибудь новыя политическія стремленія и взгляды. Изслѣдователи говорятъ иногда о воспитательномъ значеніи Смутнаго времени. И нельзя не согласиться, что значеніе это было далеко не маловажно. Смута принудила людей Московскаго государства къ самодѣятельности. Но ихъ вынужденная самодѣятельность ярче всего выразилась въ возстановленіи и упроченіи «вотчинной монархіи», главнѣйшія отличительныя черты которой опредѣлились уже во второй половинѣ XVI-го вѣка. Точно такъ же Смута сдѣлала людей Московскаго государства болѣе требовательными, чѣмъ были они прежде. Недаромъ историки называютъ XVII столѣтіе

---

[1]) Курсъ III, стр. 299 и 300.

вѣкомъ народныхъ волненій. Но, какъ мы увидимъ это ниже,—и какъ это понятно само собою,—характеръ народныхъ волненій XVII-го вѣка вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру тѣхъ соціально политическихъ отношеній, противъ которыхъ возставала волновавшаяся народная масса. Новыхъ политическихъ понятій не возникало и въ процессѣ волненій, хотя онъ становился подчасъ весьма острымъ. Общественное сознаніе измѣняется только тамъ, гдѣ происходятъ перемѣны въ общественномъ бытіи.

II.

До сихъ поръ не конченъ споръ о томъ, была или не была взята ограничительная «запись» съ Михаила при его избраніи на царство. Всего вѣрнѣе, что была. Московскіе люди XVII-го вѣка вѣрили въ ея существованіе. Извѣстный подьячій Котошихинъ, книгу котораго о Россіи мы скоро должны будемъ разсмотрѣть довольно подробно, говоритъ: «Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство: и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ боляры и зъ думными людми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати» [1]). Это вполнѣ опредѣленно. Не менѣе опредѣленно и слѣдующее показаніе Котошихина: «А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича.—*Г. П.*) обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ». Мы видимъ отсюда, что согласно убѣжденію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ московскихъ людей XVII-го вѣка, царь Михаилъ далъ ограничительную «запись», а царь Алексѣй не возобновилъ ея. Съ этимъ вполнѣ совпадаютъ свидѣтельства нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей. Только не совсѣмъ ясно, какія, именно, ограничительныя обязательства бралъ на себя новый царь. Правда, Котошихинъ какъ будто и тутъ даетъ совершенно опредѣленное указаніе. По его словамъ, обязательства состояли въ томъ, что царь обѣщался быть не жестокимъ, никого не казнить безъ суда и о всѣхъ дѣлахъ совѣщаться съ боярами и съ думными людьми. Но тутъ показаніе Котошихина вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. «Какъ стояли дѣла въ моментъ избранія новаго царя,—говоритъ П. Н. Милюковъ,—бояре были безсильны и не могли наложить никакихъ обязательствъ: они сами, наравнѣ

---

[1]) Григ. Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, стр. 141—142. Спб. 1884.

съ казаками, сдѣлались... предметомъ вражды всей земли, всемогущей тогда въ лицѣ своей рати и своихъ представителей на земскомъ соборѣ» [1]). Если бояре были безсильны, то какъ же они могли принудить новаго царя къ ограниченію своей власти? Представляется болѣе вѣроятнымъ, что ограничительную запись взяла «земля» въ лицѣ своей рати или, вообще, въ лицѣ своихъ представителей. Но тогда непонятно, почему «земля» ограничила царскую власть не въ свою собственную пользу,—т. е. не въ пользу «всѣхъ чиновъ людей россійскаго царствія»,—а только въ пользу бояръ и думныхъ людей. Въ виду этого приходится предположить, что Котошихинъ выразился неправильно, и что, по дѣйствительному смыслу ограничительной «записи», вновь избранный царь обязанъ былъ совѣщаться, именно, съ представителями всей земли, скажемъ, съ Земскимъ Соборомъ. Но тутъ возникаютъ новыя затрудненія: почему обязательство, согласно послѣднему предположенію, данное Михаиломъ всей землѣ, осталось, по выраженію Ключевскаго, незамѣтнымъ въ офиціальныхъ документахъ? И почему не нашли нужнымъ взять ограничительную запись съ царя Алексѣя? Неужели только потому, что считали его «тихимъ»? Допустимъ, что, въ самомъ дѣлѣ, только поэтому. Но тогда надо выяснить, кто же рѣшилъ, кто имѣлъ право рѣшить, что не слѣдуетъ брать съ Алексѣя запись въ виду его «тихости». Кажется, что это могъ рѣшить только Земскій Соборъ, такъ какъ, согласно нашему послѣднему предположенію, именно ему было дано царемъ ограничительное обязательство. Но на подобное рѣшеніе Земскаго Собора нѣтъ никакихъ указаній. Въ виду всего этого, наиболѣе вѣроятно, что, какъ думаетъ Ключевскій, запись, ограничивавшая власть Михаила, была плодомъ негласной придворной сдѣлки, состоявшейся за кулисами избирательнаго Земскаго Собора. Большіе боярскіе роды были безсильны на открытой политической аренѣ, но, искусившіеся во всевозможныхъ интригахъ, они могли поставить много препятствій на пути Михаила. «Да и для сторонниковъ Михаила власть, случайно или нечисто добытая, была костью, изъ-за которой они при случаѣ готовы были перегрызться. Общимъ интересомъ обѣихъ сторонъ было оградить себя отъ повторенія испытанныхъ уже непріятностей, когда царь, или временщикъ его именемъ, расправлялся съ боярами, какъ съ холопами» [2]). Сдѣлка была направлена къ огражденію бояръ отъ царскаго произвола. Поэтому она и осталась негласной. Передъ лицомъ Земскаго Собора неловко было оглашать договоръ, благодаря которому царь

---

[1]) «Очерки по исторіи русской культуры», ч. III, выпускъ 1, стр. 86

[2]) Ключевскій. Курсъ, III, стр. 96—97.

могъ представиться «землѣ» орудіемъ давно уже ненавистнаго ей боярства. Ключевскій утверждалъ, что первые годы царствованія Михаила вполнѣ оправдываютъ его предположеніе: «Тогда видѣли и разсказывали, какъ своевольничали въ странѣ правящіе люди, «гнушаясь» своимъ государемъ, вынужденнымъ смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія своихъ приближенныхъ» [1]). Къ этому можно добавить, что за предположеніе Ключевскаго говоритъ, напримѣръ, также извѣстіе, согласно которому Ѳ. И. Шереметевъ писалъ въ Польшу кн. Голицыну: «Миша-де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ». Съ такого «поваднаго» кандидата нетрудно было взять выгодное для бояръ обязательство. Но такъ какъ оно оставалось негласнымъ, то его не только трудно, а прямо невозможно было защищать передъ лицомъ «земли». А къ «землѣ», безусловно, необходимо было обращаться, занимаясь труднымъ дѣломъ возстановленія стараго государственнаго порядка въ разоренной странѣ. Въ царствованіе Михаила представители «земли» часто созывались на Соборъ. Вотъ они-то и дали верховной власти возможность свести на нѣтъ все значеніе ограничительной записи, вырванной у нея закулисной интригой. Верховная власть воспользовалась этой возможностью тотчасъ же по возвращеніи изъ польскаго плѣна очень мало «поваднаго» Филарета Никитича. Въ виду же того, что фактически уничтожено было значеніе ограничительной записи, совсѣмъ неудивительно, что она не была повторена Алексѣемъ.

III.

Но если съѣзжавшіеся на Соборъ представители «земли» имѣли полное основаніе не желать боярской олигархіи, то они не могли не довѣрять самимъ себѣ. Почему же не подумали они о томъ, чтобы взять ограничительную запись въ пользу «всенароднаго множества»? И если они, по той или другой мимолетной причинѣ, упустили случай взять запись въ началѣ 1613 года, то отчего они и впослѣдствіи никогда не пытались поправить свою ошибку? Отвѣтъ заключается въ указанномъ выше ходѣ развитія московскаго соціальнаго строя. Тамъ, гдѣ неумолимая экономическая необходимость съ возрастающимъ ускореніемъ вела къ посредственному или непосредственному закрѣпощенію всѣхъ силъ страны, не могла возникнуть мысль даже о самой умѣренной *политической* свободѣ.

Избирательный соборъ 1613 года былъ, въ сущности, учредительнымъ собраніемъ. Но, какъ говоритъ Ключевскій, это учре-

[1]) Тамъ же, стр. 97.

дительное собраніе тотчасъ по выборѣ царя превратилось въ распорядительную комиссію, задача которой состояла въ томъ, чтобы принимать предварительныя мѣры въ ожиданіи времени, когда сформируется настоящее правительство. Эта роль распорядительной комиссіи подчиняла Соборъ верховной власти. А изъ этой роли онъ выходилъ потомъ только для того, чтобы принимать на себя роль челобитчика. Дальше челобитій онъ никогда не шелъ. Ключевскій замѣчаетъ, что иное дѣло быть носителемъ народной воли, а иное дѣло быть выразителемъ народныхъ жалобъ и желаній. Съ этимъ легко согласиться. Но нужно помнить тѣ конкретныя условія, въ которыхъ совершалась дѣятельность Земскаго Собора. Въ 1619 году созвали на Соборъ «добрыхъ и разумныхъ» выборныхъ людей, которые должны были довести земскія нужды до свѣдѣнія центральнаго правительства. И первымъ дѣломъ этихъ «добрыхъ и разумныхъ» земскихъ выборныхъ было принятіе мѣръ для возвращенія на мѣста бѣглыхъ. Это значитъ, что съѣхавшіеся въ Москву выборные русскіе люди признали самой настоятельной нуждой своей страны возстановленіе той неволи, въ которой жила прежде трудящаяся масса, и гнетъ которой былъ наиболѣе глубокой причиной волненій, пережитыхъ Московской Русью во время Смуты. А по мѣрѣ того, какъ возстановлялась и еще болѣе расширялась эта неволя; по мѣрѣ того, какъ увеличивалась часть населенія, попадавшая въ тотъ или другой видъ крѣпостной зависимости,—суживалась та соціальная основа, на которую опиралось земское представительство. Крѣпостные не посылали своихъ представителей на соборъ. Поэтому главное вліяніе на немъ принадлежало классу, жившему трудомъ закрѣпощеннаго сельскаго населенія, т.-е. дворянству. Дворянство же было въ полной зависимости отъ центральнаго правительства, между прочимъ, потому, что въ тогдашнихъ условіяхъ только съ его помощью оно могло держать въ повиновеніи крѣпостныхъ людей, своимъ трудомъ дурно или хорошо обезпечивавшихъ его существованіе. Такимъ образомъ соціальная неволя крестьянъ обусловливала собою политическую неволю дворянства, какъ на это превосходно указалъ тотъ же Ключевскій: «Въ господствующемъ землевладѣльческомъ классѣ, отчужденномъ отъ остального общества своими привилегіями, поглощенномъ дрязгами крѣпостного владѣнія, разслабляемомъ даровымъ трудомъ, тупѣло чувство земскаго интереса и дряхлѣла энергія общественной дѣятельности. Барская усадьба, угнетая деревню и чуждаясь посада, не могла сладить съ столичной канцеляріей, чтобы дать земскому собору значеніе самодѣятельнаго проводника земской мысли и воли» [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 244.

Не слѣдуетъ думать, что дворянство было довольно своимъ положеніемъ. Оно было очень бѣдно [1]). Оно само находилось на крѣпостной службѣ у государства и само немало терпѣло отъ того строя, который создавался и поддерживался, главнымъ образомъ, его же усиліями и въ его же интересахъ. Въ январѣ 1642 г. на соборѣ, созванномъ по вопросу о томъ, принять или не принять отъ донскихъ казаковъ Азовъ, отнятый ими у турокъ, дворянскіе представители многихъ уѣздовъ горько жаловались: «а разорены мы пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ» [2]). Но чѣмъ бѣднѣе было это сословіе, тѣмъ сильнѣе чувствовало и тѣмъ лучше сознавало оно свою зависимость отъ центральнаго правительства, которое награждало его «землишками». А чѣмъ лучше сознавалась ими эта зависимость, тѣмъ меньше было у него расположенія къ оппозиціи, и тѣмъ меньше способно было оно дорасти до другихъ политическихъ понятій, кромѣ чисто восточнаго понятія о холопствѣ служилаго человѣка. На земскіе соборы XVI столѣтія созывались представители служилаго класса. Они были совѣщаніемъ правительства со своими собственными чиновниками. Соціально-политическія нужды, созданныя событіями Смутной эпохи, выдвинули на русскую историческую сцену Земскій Соборъ, составлявшійся изъ представителей «людей всѣхъ чиновъ». На соборахъ XVII вѣка московское правительство совѣщалось съ «землей», возстановившей его своими усиліями. Но такъ какъ все большая и большая часть населенія Московскаго государства, попадая въ крѣпостную зависимость по отношенію къ разнаго рода владѣльцамъ, переставала посылать на соборъ своихъ представителей, то выборные отъ служилаго класса играли все болѣе и болѣе преобладающую роль на соборныхъ совѣщаніяхъ. Уже одного этого было достаточно, чтобы постепенно превратить соборъ XVII вѣка въ совѣщаніе правительства со своими собственными чиновниками, т.-е. вернуть его къ старому типу XVI столѣтія. А когда онъ вернулся къ этому старому типу, московское правительство легко могло замѣнить его совѣщаніями другого рода. Оно стало созывать «свѣдущихъ людей» отъ отдѣльныхъ слоевъ населенія, болѣе заинтересованныхъ, по его мнѣнію, въ

[1]) „Помѣстья уѣздныхъ дворянъ были вообще очень мелки и населены крайне скудно“. Въ нѣкоторыхъ южныхъ уѣздахъ „было много дворянъ совсѣмъ безземельныхъ, однодворцевъ, имѣвшихъ только усадьбы, безъ крестьянъ и бобылей, и пустомѣстныхъ, у которыхъ не было и усадебъ... нѣкоторые дворяне бросали свои вотчины и помѣстья, поступали въ казаки или шли въ боярскіе дворы кабальными холопами и въ монастыри служками“. (Ключевскій, тамъ же, стр. 111).

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1256,—57,—58

рѣшеніи вопроса, подлежавшаго разсмотрѣнію въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ хирѣлъ и умиралъ центральный органъ народнаго представительства въ Московской Руси. Во второй половинѣ XVII вѣка соборъ не созывался вплоть до смерти царя Ѳедора. Ключевскій утверждаетъ, что идея Земскаго Собора, постепенно погасавшая въ правящихъ и привилегированныхъ слояхъ, нѣкоторое время держалась среди торгово-промышленныхъ людей, у которыхъ еще теплилось чувство гражданскаго долга. Онъ напоминаетъ, какъ московскіе торговые люди указывали правительству на необходимость созыва земскаго собора въ виду кризиса, вызваннаго неудачной операціей съ мѣдными деньгами. Но онъ же спѣшитъ прибавить, что московскіе «гостишки и торговые людишки» (какъ они сами себя называли) были слишкомъ незначительной величиной, чтобы уравновѣсить общественныя отношенія. Представители этого слоя, несшаго на себѣ весьма обременительное государственное тягло, «становились на соборѣ передъ подавляющимъ большинствомъ служилаго люда и передъ служилымъ же боярски-приказнымъ правительствомъ» [1]). Ясно, что не ихъ голосъ,—къ тому же совсѣмъ не громкій и не рѣшительный,—могъ измѣнить къ лучшему судьбу народнаго представительства въ Московской Руси. Земскій Соборъ, о созывѣ котораго почтительно просили московскіе «гостишки и торговые людишки» въ 1662 году, такъ и не былъ созванъ.

IV.

Сказаннымъ, полагаемъ, достаточно характеризуются экономическія и соціальныя условія, опредѣлившія собою взаимныя отношенія власти и народнаго представительства, а слѣдовательно—и ходъ развитія политической мысли въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Наши изслѣдователи охотно проводятъ параллель между русскимъ Земскимъ Соборомъ и народнымъ представительствомъ въ государствахъ Западной Европы. Однако, она не всегда проводится ими правильно. Такъ, по мнѣнію Ключевскаго, «народное представительство возникло у насъ не для ограниченія власти, а чтобы найти и укрѣпить власть: въ этомъ его отличіе отъ западноевропейскаго представительства» [2]). Но въ какомъ же изъ западноевропейскихъ государствъ народное представительство в о з н и к а л о для ограниченія королевской власти? Оно вездѣ возникало для содѣйствія ей въ управленіи страною. И въ процессѣ

[1]) Тамъ же, стр. 267.
[2]) Тамъ же, стр. 272.

этого содѣйствія оно укрѣпляло ее. Это особенно справедливо въ примѣненіи къ представительству третьяго сословія. Во Франціи Филиппъ Красивый, созывая Генеральные Штаты, пригласилъ его представителей вовсе не затѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними властью. Онъ надѣялся найти съ ихъ стороны поддержку въ своемъ столкновеніи съ папой Бонифаціемъ VIII. Генеральные Штаты 1302 года,—первый по времени земскій соборъ во Франціи,—выразили пожеланіе, чтобы король отстаивалъ «верховную свободу» своего государства и не признавалъ надъ собой,—въ томъ, что касается свѣтской власти,—никакого другого государя, кромѣ Бога («que vous ne reconnaissiez, pour le temporel, souverain en terre, fors Dieu»). Выразить королю такое пожеланіе, несомнѣнно, значило способствовать укрѣпленію его власти. Генеральные Штаты и впослѣдствіи служили орудіемъ такого укрѣпленія. Они были ареной борьбы третьяго сословія со свѣтской и духовной аристократіей. А эта борьба, какъ извѣстно, и создала абсолютную монархію. Она привела къ тому, что французскіе короли получили, наконецъ, возможность обходиться безъ созыва Генеральныхъ Штатовъ и пользовались ею въ теченіе весьма продолжительнаго времени (1614—1789 гг.). Съ своей стороны, короли эти, созывая народныхъ представителей, чаще всего имѣли въ виду только одну цѣль: подоить своихъ вѣрныхъ подданныхъ («traire de l'argent»). По словамъ Ключевскаго, Земскій Соборъ былъ не политической силой, а правительственнымъ пособіемъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, это же съ полнымъ правомъ можно сказать о французскихъ Генеральныхъ Штатахъ. И съ неменьшимъ правомъ можно утверждать,—какъ говоритъ тотъ же ученый о Земскомъ Соборѣ,—что имъ предоставлялось возбужденіе законодательныхъ мѣръ въ формѣ ходатайствъ, между тѣмъ какъ верховное управленіе удерживало за собой право рѣшать возбужденные вопросы [1]). Тутъ—неоспоримое сходство. Но различіе исторической обстановки привело къ тому, что во Франціи сословное народное представительство, послужившее королю весьма важнымъ «пособіемъ» и сильно содѣйствовавшее укрѣпленію и расширенію его верховной власти, стало къ нему въ отношеніе, существенно отличавшееся отъ того, которое установилось въ

---

[1]) „Alors que le Parlement anglais remplaçait les petitions par des „bills" les États français continuaient à présenter leurs cahiers de doléances, laissant au gouvernement le droit de ne tenir aucun compte de leurs demandes dans ses ordonnances. La même chose avait lieu en Russie, où les lois nouvelles etaient décrétées directement par le czar et sa douma et où le „Verdict général du pays" resta pendant de longues années sans effet". Maxime Kowalewsky: „Institutions Politiques de la Russie". Paris. 1903, p. 98.

Московскомъ государствѣ между Земскимъ Соборомъ и царемъ. Я уже не разъ указывалъ на то, что московскіе цари въ своей борьбѣ съ боярствомъ опирались, главнымъ образомъ, на помѣстное дворянство, между тѣмъ какъ во Франціи самою главною поддержкой королей въ ихъ борьбѣ съ феодалами явилось третье сословіе. Первоначальная роль этого сословія была очень скромной. Это достаточно доказывается тѣмъ фактомъ, что его представители могли говорить въ присутствіи короля, только опустившись на колѣни, тогда какъ представители высшихъ сословій произносили свои рѣчи стоя. Но вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ быстро росло значеніе третьяго сословія въ соціальной жизни Франціи. А вмѣстѣ съ ростомъ его значенія въ соціальной жизни развивалось и его политическое самосознаніе. Его представители, прежде смиренно считавшіе себя «людишками», все болѣе и болѣе чувствовали себя людьми. При этомъ они не перестали помогать королю, поскольку дѣло касалось его борьбы съ феодалами. Но, продолжая служить ему «пособіемъ» въ этой борьбѣ, они въ то же время стремились положить извѣстные предѣлы его власти («ограничить» ее) въ области государственнаго управленія тамъ, гдѣ дѣло касалось общенароднаго интереса. Поэтому на собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ часто раздавались такія рѣчи, о какихъ и помыслить не могли «добрые и разумные люди», съѣзжавшіеся на Земскій Соборъ въ Московскомъ государствѣ.

Вотъ примѣръ.

На собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1484 года въ торжественномъ засѣданіи 28 февраля руанскій депутатъ Масселэнъ, сказавъ, что король долженъ позаботиться объ уменьшеніи лежавшаго на французскомъ народѣ податного бремени, счелъ нужнымъ прибавить: «Поступая такъ, онъ не окажетъ милости своему народу, а только исполнитъ долгъ справедливости: говорить о милости значило бы злоупотреблять словами». Подобный языкъ знаютъ только люди: «людишки» выражаются иначе. Продолжая свою рѣчь, Масселэнъ воскликнулъ: «Да, въ монархіи народъ остается верховнымъ господиномъ своего имущества, и нельзя отнимать его у народа, когда онъ въ полномъ своемъ составѣ противится этому. Онъ принадлежитъ къ свободному состоянію: онъ не рабъ, а подданный королевской власти» [1]). Тутъ мы опять встрѣчаемъ прекрасно знакомое намъ, по разсужденіямъ Бодэна, различеніе холопа и подданнаго. Холопъ распоряжается своимъ имуществомъ лишь

---

[1]) „Liberae siquidem conditionis est, non servilis, ut pote regii regiminis subditus" Histoire des États Généraux par Georges Picot, 2-me édit., t. I, p. 378—379.

съ позволенія своего господина, а подданный остается верховнымъ собственникомъ того, чѣмъ онъ владѣетъ, и король не можетъ безъ его согласія «отписать на себя» его имѣніе. На Земскій Соборъ съѣзжались холопы московскаго государя; на собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ выступали подданные французскаго короля.

Наканунѣ засѣданія, на которомъ произнесена была цитированная мною рѣчь Масселэна, депутаты третьяго сословія въ совѣщаніи съ королевскими совѣтниками, пытавшимися побудить ихъ къ уступчивости, говорили имъ: «Никто не долженъ удивляться или сердиться, видя, что, получивъ свои полномочія отъ народа, взявшись за его дѣло и поклявшись поддерживать его, народные представители защищаютъ его всѣми своими силами». Они заявляли, что смотрятъ на себя, прежде всего, какъ на довѣренныхъ лицъ народа [1]), и что имъ «пришлось бы нести страшную отвѣтственность, если бы они покинули народное дѣло, подавивъ крикъ своей собственной совѣсти» [2]). Это—опять языкъ людей а не «людишекъ». Раздраженный этимъ благороднымъ языкомъ, одинъ изъ представителей тогдашнихъ французскихъ правящихъ сферъ воскликнулъ, что онъ знаетъ вилэновъ: «Не надо, чтобы предъ ними мелькалъ образъ свободы, имъ нужно ярмо». Въ высшей степени достойны замѣчанія заключительныя слова, сказанныя представителями третьяго сословія королевскимъ совѣтникамъ: «Въ тотъ день, когда король соблаговолитъ принять насъ, наши ораторы будутъ достаточно краснорѣчивы, чтобы побить нашихъ противниковъ оружіемъ разума и чтобы сдѣлать очевиднымъ для всѣхъ, что королю не позволено налагать руку на имущество своихъ подданныхъ, вопреки единодушному мнѣнію Штатовъ». Читатель не долженъ забывать, что я привелъ здѣсь отрывки изъ рѣчей французскихъ депутатовъ XV, а не конца XVIII столѣтія.

V.

Онъ долженъ, кромѣ того, помнить, что во Франціи языкомъ людей умѣли говорить не только депутаты третьяго сословія. Французскіе феодалы тоже никогда не имѣли склонности къ роли холоповъ. И если «христіаннѣйшіе» короли Франціи опирались на третье сословіе въ борьбѣ съ ними, то они, въ свою очередь, пытались,—тамъ, гдѣ такія попытки не требовали отъ нихъ отказа

---

1) „Procuratores populi", какъ выражается тотъ же Масселэнъ въ своемъ латинскомъ дневникѣ Генеральныхъ Штатовъ.

2) Тамъ же, стр. 377.

отъ своихъ привилегій,—заручиться симпатіями этого сословія въ борьбѣ съ королями. Для примѣра можно указать на руководящее участіе ихъ въ Лигѣ Народнаго Блага (Ligue du Bien Publique) при Людовикѣ XI. Положимъ, Людовикъ XI обнаружилъ довольно тонкое пониманіе феодальнаго народолюбія, сказавъ: «Если бы мы согласились увеличить ихъ пенсіи и позволили имъ попрежнему угнетать своихъ вассаловъ, то имъ и въ голову не пришла бы мысль объ общемъ благѣ» [1]). Но откуда бы ни приходила въ головы феодаловъ мысль объ общемъ благѣ, важно то, что временами она дѣйствительно забредала туда. На томъ же собраніи Генеральныхъ Штатовъ въ Турѣ (1484 года) депутатъ бургонскаго дворянства Филиппъ По (seigneur de la Roche) говорилъ такъ: «Согласно исторіи, самодержавный народъ (le peuple souverain) создалъ королей своимъ выборомъ, при чемъ онъ предпочиталъ для этого такихъ людей, которые превосходили другихъ умѣлостью и добродѣтелью. Въ самомъ дѣлѣ, народъ выбираетъ себѣ господина (maître) въ своемъ собственномъ интересѣ. Государи облечены огромною властью не затѣмъ, чтобы обогащаться на счетъ народа, а затѣмъ, чтобы обогащать государство и улучшать его положеніе. Если они поступаютъ иногда иначе, то они ведутъ себя, какъ тираны, и похожи на тѣхъ пастырей, которые вмѣсто того, чтобы защищать своихъ овецъ, пожираютъ ихъ, какъ злые волки... Кто не знаетъ и кто не повторяетъ, что государственное дѣло есть дѣло народа? А если это такъ, то какъ же можетъ народъ не заботиться о государственномъ дѣлѣ? Какъ могутъ низкіе льстецы приписывать самодержавіе государю, который существуетъ только черезъ народъ?.. Народъ имѣетъ двойное право на завѣдываніе своими дѣлами, такъ какъ онъ господинъ надъ ними и такъ какъ, въ послѣднемъ счетѣ, онъ всегда является жертвой дурного правительства».

Выписывая этотъ отрывокъ, я снова невольно спрашивалъ себя, не слѣдуетъ ли напомнить читателю, что рѣчь, изъ которой я взялъ его, была произнесена не во время великой революціи, а болѣе чѣмъ за триста лѣтъ до нея: такъ значительны обнаруженныя въ ней политическая требовательность и сознаніе народнаго достоинства. Конечно, сходство не есть тождество. Филиппъ По счелъ нужнымъ напомнить о самодержавіи народа собственно по тому поводу, что за малолѣтствомъ Карла VIII верховная власть попала въ руки королевскаго совѣта, о составѣ котораго и велся споръ: принцы крови стремились обезпечить себѣ преобладающее вліяніе въ

[1]) Picot, названн. сочин., т. I, стр. 331 въ примѣчаніи.

немъ, между тѣмъ какъ Филиппъ По и депутаты, согласные съ нимъ по этому вопросу, хотѣли подчинить совѣтъ вліянію Штатовъ черезъ посредство лицъ, вводимыхъ въ него этими послѣдними. При взросломъ королѣ ссылки на народное самодержавіе, вѣроятно, не были бы такъ рѣшительны. Характерно для дворянскаго депутата и сдѣланное имъ опредѣленіе народа: «Я называю народомъ не только низшее сословіе, но всѣхъ людей всѣхъ сословій, живущихъ въ государствѣ». Во время великой революціи словомъ народъ обозначалась вся совокупность населенія минусъ привилегированные (moins les privilegiés). Филиппъ По, конечно, отвергъ бы такое опредѣленіе. И это вполнѣ понятно. Но замѣчательно,—и для того, кто помнитъ московскія политическія отношенія, пожалуй, даже удивительно,—что въ концѣ XV вѣка одинъ изъ представителей французскаго дворянства могъ на собраніи Генеральныхъ Штатовъ произнести рѣчь, въ которой,—хотя бы и въ виду исключительныхъ обстоятельствъ,—горячо и умно отстаивался принципъ народнаго самодержавія, сыгравшій такую большую роль въ политической литературѣ XVIII и XIX столѣтій.

Не менѣе достойно замѣчанія и слѣдующее. Отмѣтивъ, что во Франціи нѣтъ ни одного законодательнаго положенія, въ силу котораго (при малолѣтствѣ короля) управленіе дѣлами должно было бы принадлежать всѣмъ принцамъ крови или одному изъ нихъ, По сказалъ: «Значитъ, все это нужно опредѣлить; и надо выполнить это безъ колебаній. Сдѣлаемъ такъ, чтобы ничто не осталось не опредѣленнымъ. Не покинемъ государственнаго блага на произволъ горсти лицъ; ибо кто поручится намъ за то, что короли всегда будутъ добры и справедливы? Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, нужно выставить твердое правило и начертать поведеніе (fixer une règle et tracer une conduite» [1]). Если вѣрить Котошихину, то московскіе люди, «обирая» на царство Алексѣя Михайловича, не нашли нужнымъ «выставить твердое правило и начертать поведеніе», положившись на «тихій» нравъ молодого царя.

Филиппъ По признавалъ, что народъ не имѣетъ права царствовать. «Но поймите,—говорилъ онъ,—что онъ имѣетъ право управлять государствомъ черезъ посредство своихъ выборныхъ» [2]). До такихъ политическихъ мыслей никогда не возвышалось московское дворянство, въ XVII вѣкѣ ставшее господствующимъ сословіемъ.

---

[1]) Picot, назв. соч., т. II, стр. 5—6.

[2]) Тамъ же, тотъ же томъ, стр. 6—7.

VI.

Русскій историческій процессъ не отличается абсолютнымъ своеобразіемъ; но нужно быть слѣпымъ, чтобы, сравнивая его съ историческимъ процессомъ западныхъ государствъ,—скажемъ, Франціи,—не замѣтить въ немъ своеобразія относительнаго.

Съ точки зрѣнія качественнаго анализа, химическій составъ воды одинаковъ съ составомъ перекиси водорода. Каждое изъ этихъ тѣлъ образуется соединеніемъ кислорода съ водородомъ. Но съ точки зрѣнія количественнаго анализа, между ними есть несомнѣнная разница: перекись водорода (H_2O_2) богаче кислородомъ, нежели вода (H_2O). И этимъ количественнымъ различіемъ объясняется большое различіе ихъ свойствъ, т.-е. качественная разница между ними. Нѣчто совершенно подобное мы видимъ и въ исторіи. Съ точки зрѣнія качественнаго анализа, соціально составъ Московскаго государства былъ одинаковъ съ составомъ Французскаго королевства: и тутъ, и тамъ были крестьяне, торгово-промышленное населеніе, дворянство, аристократія, духовенство и, наконецъ, монархъ. Но количественный анализъ открываетъ большую разницу въ ихъ соціальномъ составѣ: вслѣдствіе большой экономической отсталости Московскаго государства сравнительно съ Франціей торгово-промышленное сословіе играло въ первомъ изъ этихъ двухъ государствъ гораздо менѣе вліятельную роль, нежели во второмъ. Въ своей борьбѣ съ феодальными землевладѣльцами московскій монархъ опирался, преимущественно, на помѣстное дворянство, а французскій—на третье сословіе. Географическая среда гораздо менѣе благопріятствовала развитію производительныхъ силъ въ Великороссіи, нежели во Франціи. Это важное обстоятельство, обусловившее собой количественную разницу въ соціальномъ составѣ населенія двухъ названныхъ странъ, вызвало также весьма существенное различіе во взаимныхъ отношеніяхъ составныхъ соціальныхъ элементовъ той и другой. Московское государство было страной, въ которой на очень долгое время затянулся процессъ колонизаціи при преобладаніи условій натуральнаго хозяйства. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ исключительной длительности этого процесса явилась крѣпостная зависимость трудящейся массы по отношенію къ частнымъ лицамъ и государству. Въ составъ закрѣпощенной трудящейся массы входило не только сельское, но и городское населеніе. Посадскіе люди не могли дѣлаться крѣпостными частныхъ

владѣльцевъ. Уложеніе 1649 года грозило кнутомъ и ссылкой въ Сибирь тѣмъ изъ нихъ, которые приняли бы на себя крѣпостныя обязательства путемъ такъ называемаго з а к л а д а. Но, по превосходному замѣчанію Ключевскаго, личная свобода, которая поддерживалась кнутомъ, сама становилась родомъ государственной повинности. «Уложеніе не отмѣняло личной неволи во имя свободы,— говоритъ онъ,—а личную свободу превращало въ неволю во имя государственнаго интереса» [1]. Такимъ образомъ тотъ или другой родъ крѣпостной зависимости распространился на все трудящееся населеніе Московскаго государства за самыми малыми исключеніями. Наконецъ, историческая обстановка, въ которой развивалось Московское государство, обусловила собою то, что оно вынуждено было затрачивать все большую часть своихъ средствъ на защиту своего существованія въ борьбѣ съ западными сосѣдями, все болѣе и болѣе опережавшими ее на пути экономическаго развитія [2]. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе усиливало лежавшій на его населеніи гнетъ крѣпостной зависимости. И, наоборотъ, извѣстно, что во Франціи число крѣпостныхъ постоянно уменьшалось, начиная со Среднихъ Вѣковъ. По словамъ Рамбо, въ Нормандіи уже въ XII вѣкѣ не оставалось и слѣда отъ крѣпостничества. Въ другихъ частяхъ Франціи оно исчезало медленнѣе. Но и тамъ число крѣпостныхъ (serfs) постоянно уменьшалось. Въ 1315 году Людовикъ X позволилъ крѣпостнымъ королевскихъ владѣній в ы к у п а т ь с я на волю. Это, конечно, мало говоритъ въ пользу королевскаго безкорыстія, но неоспоримо свидѣтельствуетъ о значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ денежнымъ хозяйствомъ въ тогдашней Франціи. Что касается Генеральныхъ Штатовъ, то уже съ конца XV вѣка крестьянство участвовало въ выборѣ тѣхъ представителей, которыхъ посылало туда третье сословіе. Оно принимало участіе также въ выработкѣ наказовъ депутатамъ (cahiers). Мы видимъ, стало быть, что если въ Московской Руси ходъ экономическаго развитія неуклонно суживалъ ту соціальную основу, на которой стояло политическое зданіе народнаго представительства, то во Франціи онъ, наоборотъ, постоянно расширялъ ее. Неудивительно, что значеніе этого представительства было далеко не одинаково во Франціи и въ Московской Руси.

Конечно, и здѣсь мы имѣемъ передъ собой различіе не абсолютное, а только относительное; не качественное, а лишь количественное. Какъ отмѣчено мною выше, французскіе Генеральные Штаты тоже могли только бить челомъ государю о своихъ нуждахъ

---

[1]) «Курсъ», III, стр. 185—186.

[2]) См. примѣчаніе второе на стр. 203.

Право окончательнаго рѣшенія принадлежало верховной власти. Отъ нея же зависѣло и созваніе и распущеніе Штатовъ. И она не созывала ихъ въ теченіе долгаго времени.

Все это такъ. Но въ вопросахъ этого рода едва ли не больше, нежели гдѣ-нибудь, надо помнить, что количественныя различія переходятъ въ качественныя. Хотя французскіе Генеральные Штаты тоже обладали въ послѣднемъ счетѣ лишь правомъ челобитій, но то населеніе, которое, въ лицѣ своихъ представителей, говорило на ихъ собраніяхъ о своихъ нуждахъ, все-таки имѣло гораздо болѣе значительное вліяніе на законодательство своей страны, нежели населеніе Московской Руси. Жители Французскаго королевства считали себя подданными своего государя, жители Московскаго государства величали себя царскими холопами. Да и на это названіе имѣли право не всѣ, а только болѣе высокопоставленные. Люди низшаго класса назывались царскими сиротами. «Понятно, что ни въ безпомощныхъ сиротахъ, ни въ холопахъ нельзя искать силы и самостоятельности»,—пишетъ Соловьевъ [1]). И это, въ самомъ дѣлѣ, такъ. Съѣзжавшіеся на Соборъ представители служилыхъ холоповъ и посадскихъ сиротъ не обнаруживали ни силы, ни самостоятельности. Въ отличіе отъ нихъ, собиравшіеся на Генеральные Штаты представители подданныхъ французскаго короля не разъ выказывали и силу, и самостоятельность. Соловьевъ говоритъ тамъ же, что безпомощные сироты и холопы не могутъ имѣть собственнаго мнѣнія. Однако, это уже не совсѣмъ такъ. И тѣ, и другіе имѣли свое мнѣніе, но оно соотвѣтствовало ихъ униженному положенію и никогда не развивалось въ сколько-нибудь широкое политическое сознаніе. Вотъ почему на Земскихъ Соборахъ Московскаго государства никогда не раздавалось такихъ рѣчей объ обязанностяхъ главы государства и о правахъ народа, какія произносились на собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Повторяю, количественныя различія переходятъ въ качественныя.

VII.

«Читая записки, поданныя сословными представителями на этомъ Соборѣ (на Соборѣ 1642 года.—*Г. П.*), чувствуешь,—читаемъ мы у Ключевскаго, — что этимъ представителямъ нечего дѣлать вмѣстѣ, у нихъ общаго дѣла нѣтъ, а осталась только вражда интересовъ. Каждый классъ думаетъ про себя, особо отъ другихъ, знаетъ только свои ближайшія нужды и несправедливыя преимущества другихъ. Очевидно, политическое обособленіе сословій

---

1) Исторія Россіи, кн. III, стр. 804.

повело ко взаимному нравственному ихъ отчужденію, при которомъ не могла не расторгнуться ихъ совмѣстная соборная дѣятельность» [1]).

На собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ вражда интересовъ тоже вела ко взаимному нравственному отчужденію сословій. И это отчужденіе тоже сильно мѣшало подчасъ ихъ совмѣстной политической дѣятельности. Центральная власть сумѣла воспользоваться этимъ во Франціи, какъ и въ Россіи. Но, отмѣчая это сходство, не забудемъ и того важнаго различія, которое намъ теперь хорошо извѣстно. Если въ Московскомъ государствѣ, вслѣдствіе закрѣпощенія трудящейся массы, каждое изъ сословій, представленныхъ на Соборѣ, перестало видѣть что-либо за предѣлами своихъ ближайшихъ сословныхъ нуждъ, то во Франціи даже представители привилегированныхъ сословій въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвышались до яснаго пониманія общегосударственнаго интереса.

Представители же торгово-промышленнаго сословія часто обнаруживали широкое пониманіе интересовъ всего трудящагося населенія. Въ одномъ изъ засѣданій Генеральныхъ Штатовъ 1614-го года одинъ изъ нихъ выразилъ королю свое удивленіе тому, что французскій народъ можетъ удовлетворять всѣмъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ. «Онъ долженъ доставлять пищу вашему величеству, а также всему духовенству, дворянству и третьему сословію. Если бы не работалъ бѣдный народъ, то какое значеніе имѣли бы для церкви принадлежащія ей десятины и большія имѣнія, для дворянства—его прекрасныя земли, его большія феодальныя имущества (grands fiefs)? Для третьяго сословія—его дома, его ренты, его наслѣдства? Далѣе. Кто даетъ вашему величеству средства поддерживать свое королевское достоинство и удовлетворять насущныя государственныя нужды внутри и внѣ королевства? Кто дастъ вамъ средства собирать войско, если не земледѣлецъ?» Характеризуя затѣмъ несчастное положеніе бѣдныхъ земледѣльцевъ, которыхъ «обдираютъ» (écorchent) военные люди, этотъ депутатъ,—prevôt des marchands, купеческій голова, Миронъ,—воскликнулъ, что французскій народъ меньше страдалъ отъ сарацыновъ, когда они приходили во Францію [2]), По внѣшности это тождественно съ жалобой нашихъ дворянъ на то, что московская волокита разоряла ихъ больше, нежели турки и татары. Но, во-первыхъ, московскіе служилые люди заботились только о своемъ сословіи, между тѣмъ какъ парижскій «гость» Миронъ говорилъ

---

[1]) Курсъ, III, стр. 264.

[2]) G. Picot. Histoire des États Généraux, t, IV, p. 244.

о крестьянахъ; во-вторыхъ, московскіе дворяне только жаловались, а французскій купеческій голова грозилъ: «Если ваше величество не приметъ мѣръ (противъ указаннаго Мирономъ зла.—*Г. П.*), то доведенный до отчаянія бѣдный народъ можетъ сообразить, что солдатъ есть не кто иной, какъ вооруженный крестьянинъ, и что виноградарь, взявъ въ руки аркебузъ, перестанетъ быть наковальней и сдѣлается молотомъ» [1]).

Поучительныя размышленія Мирона обнаруживаютъ большую широту «собственнаго мнѣнія» у представителей французскихъ «гостей». Они не забывали и ближайшихъ нуждъ своихъ довѣрителей. Конечно, нѣтъ! Но ихъ политическое развитіе поднялось уже на ту ступень, съ которой видна была, несомнѣнно, существовавшая тогда въ дѣйствительности, тѣсная связь этихъ нуждъ съ коренными нуждами всего трудящагося населенія Франціи. Въ высшей степени достойно замѣчанія, что на томъ же собраніи Генеральныхъ Штатовъ (1614-го года) представители третьяго сословія потребовали принятія мѣръ для полной отмѣны остатковъ крѣпостного права во Франціи [2]). Въ виду подобныхъ требованій, можно сказать, что, хотя у представителей третьяго сословія было очень мало «общаго дѣла» съ представителями привилегированныхъ сословій,—съ которыми они жестоко ссорились,—но они показали себя способными понять общность своего «дѣла» съ «дѣломъ» всего трудящагося населенія Франціи. А это несравненно важнѣе. Это значитъ, что не лишено было основанія опасеніе королевскаго совѣтника, воскликнувшаго въ 1484 г., послѣ совѣщанія съ представителями третьяго сословія, что передъ вилэнами не долженъ мелькать образъ свободы. Плѣнительный образъ этотъ, какъ видно, уже давно мелькалъ передъ образованной французской буржуазіей. Ходъ развитія давно уже подготовлялъ ее къ роли гегемона во всенародномъ освободительномъ движеніи противъ «стараго порядка». Въ слѣдующемъ столѣтіи она и взяла на себя эту роль.

VIII.

Теперь я приглашу читателя вернуться со мною въ Москву XVI вѣка и вспомнить, что, по мнѣнію одного изъ публицистовъ этого вѣка,—автора приложенія, въ нѣкоторыхъ спискахъ сопровождающаго «Бесѣду валаамскихъ чудотворцевъ» и носящаго названіе: «Ино сказаніе тоежъ бесѣды»,—царю надлежитъ править, опираясь на всѣ общественныя силы Московскаго государства. А для

---

1) Тамъ же, та же страница.
2) Тамъ же, т. V, стр. 2—3.

этого слѣдуетъ созвать «единомысленный вселенскій совѣтъ», т.-е. Земскій Соборъ. Чтобы совѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ вселенскимъ, его необходимо, по мнѣнію указаннаго публициста, «воздвигнути отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безо величества и безъ высокоумія гордости». Это значитъ, авторъ «Иного сказанія» требовалъ широкаго представительства всего населенія Московскаго государства на Соборѣ. Но это требованіе оказалось неосуществимымъ, такъ какъ на трудящуюся массу все больше и больше распространялся гнетъ крѣпостной зависимости. Произошло это не отъ чьего-нибудь «высокоумія гордости», а по неумолимымъ экономическимъ причинамъ. Безъ сомнѣнія, «высокоуміе гордости» въ самой высокой степени свойственно было центральной власти Московскаго государства. Но оно явилось слѣдствіемъ, а не причиной. Оно произошло оттого, что торгово-промышленное населеніе было слишкомъ слабо, чтобы энергично отстаивать идею представительства, между тѣмъ какъ служилое сословіе перестало дорожить ею. «Съ установленіемъ крѣпостной неволи крестьянъ дворянство, поглощая въ себя боярство, сдѣлалось господствующимъ классомъ; но оно, помимо Собора, нашло болѣе удобный путь для проведенія своихъ интересовъ—непосредственное обращеніе къ верховной власти съ коллективными челобитьями, а боярско-дворянскіе кружки, преемственно обсѣдавшіе престолъ слабыхъ царей, облегчали этотъ путь» [1]). Неудивительно, что въ исторіи нашего Земскаго Собора нѣтъ того драматизма, какимъ отличается исторія французскихъ Генеральныхъ Штатовъ (объ исторіи народнаго представительства въ Англіи нечего и говорить). Тотъ фактъ, что уже въ XVI вѣкѣ нѣкоторые русскіе люди задумывались о пользѣ, которую принесло бы странѣ созваніе совѣта на основѣ «вселенскаго», т.-е. всенароднаго, представительства, ясно показываетъ, что и въ московскихъ головахъ могли возникать политическія мысли, имѣвшія огромное значеніе въ исторіи развитія общественнаго сознанія Западной Европы. Но общественное бытіе было неблагопріятно у насъ для сколько-нибудь значительнаго развитія этихъ мыслей. Поэтому онѣ отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть. По той же причинѣ онѣ всегда оставались смутными. Тутъ было только одно исключеніе: мысль о безграничности монархической власти уже въ XVI вѣкѣ приняла вполнѣ опредѣленный характеръ. «А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя», писалъ Грозный Курбскому. Невозможно выражаться опредѣленнѣе. И эта мысль о безграничности царской власти была чужда всякаго элемента утопіи. Она вполнѣ соотвѣт-

[1] Ключевскій. Курсъ III, стр. 273.

ствовала ходу общественнаго развитія. Отсутствіе въ ней утопическаго элемента, ея полное соотвѣтствіе ходу общественнаго развитія вело за собой то, что въ предѣлахъ Московскаго государства она никакъ не могла встрѣтиться съ противоположной ей мыслью о народномъ самодержавіи, которая нерѣдко враждебно сталкивалась съ ней на Западѣ даже въ монархической Франціи. Холопы не способны были дорасти и до несравненно менѣе широкой мысли объ огражденіи правъ высшихъ классовъ общества какими-нибудь законными нормами. Я уже говорилъ, что крайне бѣдно было политическое содержаніе ограничительныхъ записей, полученныхъ боярами отъ нѣкоторыхъ московскихъ государей. Этотъ отзывъ идетъ вразрѣзъ съ авторитетнымъ мнѣніемъ Ключевскаго, который считаетъ, что подкрестная запись Шуйскаго открыла собою новую эру въ нашей политической исторіи. Но, какъ я уже замѣтилъ, у того же историка мы встрѣчаемъ такія строки: «Царская власть ограничивалась совѣтомъ бояръ, вмѣстѣ съ которымъ она дѣйствовала и прежде; но это ограниченіе связывало царя лишь въ судныхъ дѣлахъ, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ» [1]. Если ограниченіе распространялось т о л ь к о на отношеніе царя къ одѣльнымъ лицамъ, то ясно, что въ государственныхъ дѣлахъ его власть оставалась безпредѣльной.

IX.

Въ другомъ мѣстѣ Ключевскій говоритъ: «Василій Шуйскій, формально ограничившій свою власть, въ оффиціальныхъ актахъ писался «самодержцемъ», какъ титуловались природные московскіе государи [2]). Онъ объясняетъ это неподатливостью московскаго мышленія. Хотя оно дѣйствительно было до крайности неподатливо, однако, нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ оно показало себя очень послѣдовательнымъ. Принявъ на себя извѣстныя обязательства только въ томъ, что касалось судныхъ дѣлъ, Шуйскій остался такимъ же самодержцемъ, какимъ были «природные» московскіе государи. При вѣнчаніи на царство природнаго московскаго государя Ѳедора Ивановича митрополитъ Діонисій въ поученіи, сказанномъ по этому торжественному случаю, увѣщевалъ царя «имѣть вѣру ко святымъ церквамъ и честнымъ монастырямъ; ему, митрополиту, и всѣмъ своимъ богомольцамъ повиноваться, ибо честь, воздающаяся святителю, къ Самому Христу восходитъ; братью свою по плоти любить и почитать; бояръ и

---

1) Курсъ, III, стр. 43.
2) Тамъ же, стр. [illegible].

вельможъ жаловать и беречь по ихъ отечеству, и ко всѣмъ князьямъ и княжатамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и ко всему воинству быть приступну, милостиву и привѣтну; всѣхъ православныхъ христіанъ блюсти, жаловать и попеченіе о нихъ имѣть отъ всего сердца; за обидимыхъ стоять царски и мужески, не давать обижать ни по суду и ни по правдѣ; языка льстиваго и слуха суетнаго не принимать, оболгателя не слушать, и злымъ людямъ вѣры не давать; быть любомудру или мудрымъ послѣдовать, потому что на нихъ, какъ на престолѣ, Богъ почиваетъ; раздавать саны безвозмездно, ибо купившій власть мздоимцемъ бываетъ, и проч.» [1]). Все это прекрасные совѣты, но все это совѣты самодержавному государю. Съ мыслью объ ограниченіи царской власти въ нихъ нѣтъ ничего общаго. Всякій понимаетъ, почему митрополитъ нашелъ такіе совѣты умѣстными при вѣнчаніи на царство Ѳедора Ивановича: потому, что покойный отецъ новаго царя богомольцамъ своимъ не повиновался; бояръ и вельможъ не берегъ и не жаловалъ; православныхъ христіанъ не блюлъ; за обидимыхъ не стоялъ, а напротивъ, самъ обижалъ своихъ холопей и сиротъ всѣми мѣрами и всѣми способами; языка льстиваго принималъ; оболгателя слушалъ; злымъ людямъ вѣру давалъ и т. д., и т. д. Служилому сословію никакъ не могла нравиться такая практика царскаго самодержавія. Извѣстно, что и холопы всегда предпочитали добрыхъ господъ злымъ. Митрополитъ Діонисій счелъ себя нравственно обязаннымъ посовѣтовать Ѳедору Ивановичу быть добрымъ господиномъ. Иванъ Грозный далъ своимъ подданнымъ наглядный политическій урокъ, смыслъ котораго сводился къ тому, что иное дѣло неограниченный монархъ, хотя бы и въ восточномъ смыслѣ, а иное дѣло—жестокій тиранъ. Страшно дорогой цѣной заплативъ за этотъ урокъ, высшій слой служилаго сословія въ теченіе нѣкотораго времени находилъ нужнымъ напоминать новымъ царямъ о различіи между неограниченнымъ монархомъ и тираномъ. Нѣкоторые изъ царей давали ему даже росписки въ томъ, что ими усвоено это различіе [2]). Но холопы добраго господина все-таки—холопы. Беря со своихъ царей «записи», служилые люди Московскаго государства нимало не избавляли себя отъ холопской зависимости по отношенію къ нимъ. Вотъ почему

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 540.

[2]) «Язъ царь и великій князь Василей Ивановичь Всеа Русіи, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, что мнѣ жалуя судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати, и отъ всякаго насилства отбѣгати». При чтеніи этихъ строкъ изъ записи В. Шуйскаго можно подумать, что онѣ цѣликомъ взяты изъ поученія митрополита Діонисія

«записи» фактически ровно ничего не измѣняли даже въ судныхъ дѣлахъ. И если мы предположимъ, что боярамъ удалось взять съ Михаила болѣе содержательное обязательство, то вѣдь отъ самого же Ключевскаго мы слышали, при какихъ обстоятельствахъ оно возникло. Плодъ тайныхъ интригъ, происходившихъ за кулисами избирательнаго земскаго собора, оно могло болѣе или менѣе долго вліять на ходъ государственнаго управленія, но отнюдь не измѣнило государственнаго строя. Московская Русь, несмотря на записи, осталась вотчинной монархіей, при чемъ распространеніе населенія все болѣе и болѣе упрочивало вотчинный характеръ верховной власти. Московскіе люди недаромъ говорили Маскѣвичу, что предпочитаютъ свое политическое безправіе польской вольности. Они чувствовали, что у нихъ не можетъ быть другого политическаго порядка, и находили отсутствіе вольности чѣмъ-то естественнымъ и чуть ли не благочестивымъ. Въ своемъ «Извѣтѣ царю Василію Ивановичю всеа Росіи» старецъ Варлаамъ, разсказывая о своемъ путешествіи съ Григоріемъ Отрепьевымъ въ Литву, сообщаетъ, какъ они устроились въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, и какъ онъ жаловался на своего спутника, когда тотъ захотѣлъ снять съ себя иноческое платье. Печерскій архимандритъ Елисѣй и вся монастырская братія, выслушавъ его жалобу, отвѣтили ему: «Здѣся де земля въ Литвѣ вольная; въ коей хто вѣрѣ хочетъ, въ той и пребываетъ». Они же почему-то,—можетъ быть, находя излишней его московскую ревность о Господѣ,—не позволили Варлааму дольше оставаться въ монастырѣ, такъ что и онъ ушелъ въ Острогъ, куда направился Отрепьевъ. Тутъ имъ опять овладѣла забота о спасеніи души своего спутника, который началъ «учитися въ шкочѣ по-латынски и по-польски и люторской грамотѣ, и бысть отметникъ и законопреступникъ православныя сущія христіанскія вѣры». Позабывъ о томъ, что Литва «земля вольная», онъ опять отправился съ доносомъ—на этотъ разъ къ самому князю Василію Острожскому. Но и на этотъ разъ доносъ не произвелъ того дѣйствія, какого ждалъ отъ него, основываясь на своемъ московскомъ опытѣ, усердный старецъ. «И князь Василей и всѣ его дворовые люди говорили мнѣ: здѣся де земля, какъ хто хочетъ, тотъ въ той вѣрѣ и пребываетъ.—Да князь же мнѣ говорилъ: сынъ де мой князь Янышъ родился во христіянской вѣрѣ, а держитъ Ляшскую вѣру, и мнѣ де его не уняти» [1]). Получая такого рода отвѣты, Варлаамъ никакъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что существуютъ

---

[1]) Памятники древней письменности, относящіеся къ Смутному времени. (Русская истор. библіот., издаваемая Археограф. комиссіею, томъ XIII. СПБ. 1891. стр. 19—22).

на свѣтѣ болѣе или менѣе вольныя страны. Но ниоткуда не видно, чтобы, нимало не сомнѣваясь въ существованіи «вольныхъ» странъ, нашъ бывалый старецъ хоть на минуту остановился передъ вопросомъ о томъ, не слѣдуетъ ли прибавить «воли» московскимъ людямъ: иное дѣло «вольныя» страны, а иное дѣло московское государство; въ вольныхъ странахъ «въ коей хто вѣрѣ хочетъ, въ той и пребываетъ», а въ Московскомъ государствѣ можно и должно принуждать людей ко спасенію своей души батожьемъ, тюрьмой и тому подобными твердыми доводами и рѣшительными мѣрами. Въ «вольныхъ» странахъ каждый можетъ учиться даже «люторской грамотѣ», а въ Москвѣ этого нельзя дѣлать подъ страхомъ обвиненія въ ереси. «Вольныя» страны Москвѣ не указъ!

X.

Какъ низокъ былъ уровень политическихъ понятій въ населеніи Московскаго государства XVII вѣка, показываютъ тогдашніе политическіе процессы. Такіе процессы вызывались обыкновенно «непригожими словами» о государѣ, говорившимися «спроста ума своего», «хмельнымъ дѣломъ». Въ первые годы царствованія Михаила въ «непригожихъ словахъ» встрѣчается иногда, правда, крайне рѣдко, нѣчто похожее на кое-какое,—хотя и весьма элементарное,—политическое содержаніе, завѣщанное Смутой. Обывателя приглашаютъ выпить за благочестиваго государя Михаила Ѳеодоровича, а онъ спрашиваетъ: «да не живъ ли еще царь Дмитрій Ивановичъ?» Его притѣсняютъ царскіе воеводы, а онъ, потерявъ терпѣніе, кричитъ: «такъ не поступали и литовскіе люди». Но потомъ въ нихъ постепенно пропадаетъ и это элементарнѣйшее политическое содержаніе. Человѣкъ обвиняется въ томъ, что онъ сказалъ: «Въ меня де такова жъ борода, что у государя». Почему этотъ бѣднякъ, которому, очевидно, грозятъ «нещадные батоги», вспомнилъ о государевой бородѣ? Стольникъ и воевода Н. С. Собакинъ въ своемъ донесеніи подробно разъясняетъ эту психологическую загадку. Допрошенный имъ боярскій сынъ Сергѣевъ показалъ: «Въ прошломъ де во 135-мъ (т.-е. 1627.—*Г. П.*) году у Антошка Плотникова на бесѣдѣ я былъ и напився де пьянъ, тюремный сторожъ Сенька учалъ меня лаять и я де ему молылъ: мужикъ де, про что меня лаешь? бороду де тебѣ за то выдеру! И онъ де Сенька молылъ: не дери де моей бороды, мужикъ де я государевъ и борода де у меня государева. А опроче де я того про г. неподобнаго слова не слыхалъ». Это подтвердили и другіе свидѣтели [1]). Выходитъ, что «воровство» Сеньки со-

[1]) Н. Новомберскій. Слово и дѣло государевы. Т. I. 1911. Стр. 49—50.

стояло не въ томъ, что онъ дерзостно сравнилъ свою бороду съ бородой московскаго государя, а только въ томъ, что онъ объявилъ ее царской собственностью. Это, какъ видите, не заключало въ себѣ ровно ничего опаснаго для московскаго политическаго порядка. Скажу больше. Тутъ и «воровства»-то никакого не было! Возвѣщая, хотя бы и «по пьяному дѣлу», о томъ, что онъ цѣликомъ, до бороды включительно, принадлежитъ государю, злополучный Сенька показалъ лишь ясное пониманіе соціальной основы московской вотчинной монархіи и свою непоколебимую вѣрность этой основѣ. Вотъ другой примѣръ: «141 г. (т.-е. 1633) ноября въ 6 д. колодникъ Петръ Резанцовъ... пришедъ въ съѣзжую избу, сказалъ: ноября же де въ 5 д. ввечеру пришедъ на караулъ десятникъ стрѣлецкій Ивашко Распопинъ, и почелъ де меня вязать и лаять всякою неподобною лаею, и язъ де ему сталъ говорить: за что меня лаешь, язъ де буду на тебя г. бить челомъ! И тотъ де Ивашко Распопинъ показалъ мнѣ перстъ и молылъ мнѣ: вотъ де тебѣ и съ государемъ» [1]). Конечно, показаніе перста было въ данномъ случаѣ жестомъ довольно непочтительнымъ. Но и оно не даетъ ни малѣйшаго повода думать, что политическія понятія Ивашки Распопина чѣмъ-нибудь грозили московскому политическому порядку. Приведу еще два поучительныхъ случая. На Святой недѣлѣ 157 года (т.-е. 1649) «сынчишко боярскій» Иванъ Пашковъ поругался съ дьячкомъ церкви свв. Аѳанасія и Кирилла, Нежданомъ. Онъ крикнулъ дьячку: «Чей де ты?» И дьячекъ ему сказалъ: «Я де государевъ, и Аѳанасія и Кирилла церковный дьячокъ». «А дьячекъ Ивану говорилъ: а ты де чей?» И Иванъ сказалъ: «Я де х. (олопъ) государевъ, нашъ де г. ц. и в. к. А. М. в. Р. (государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи) выше Аѳанасія и Кирилла». И дьячекъ ему сказалъ: «Г. (осударь) де ц. (арь) Богъ земной, а Аѳанасію и Кириллу молится». Этотъ споръ свѣтской и духовной власти кончился дракой. Разобравъ дѣло, Москва съ полнымъ безпристрастіемъ постановила: сына боярскаго бить батоги нещадно—«пей брагу да такихъ словъ не говори», и дьячка бить потому жъ [2]). Въ 148 (1640) году мещевскіе казаки Алпатовъ, Исаевъ, Филипповъ и Пикифоровъ жаловались на посадскаго чело-

[1]) Тамъ же, стр. 78. Странно, что по этому дѣлу отъ царя пришла грамота, предписывавшая нещадно наказать батогами не Ивашку Распопина, а стрѣльца Ѳедьку Калачникова. Между тѣмъ, изъ дѣла видно, что этотъ послѣдній былъ за нѣкоторое время до того зарѣзанъ тѣмъ самымъ Петромъ Резанцовымъ, который донесъ на Распопина. Московскіе дьяки, писавшіе грамоту отъ имени царя, ошиблись—тоже, пожалуй, „[illegible]ѣльнымъ дѣломъ".

[2]) Тамъ же, стр. 553—55[illegible].

вѣка Блестина. Они обвиняли его въ томъ, что онъ сказалъ такое «слово»: «глупъ де князь великій, что васъ казаковъ поитъ и кормитъ». Блестинъ признавалъ, что онъ выразился «негораздо», но ссылался на слѣдующее смягчающее обстоятельство: «Въ хмелю и безъ хмелю ко мнѣ, сиротѣ, приступаетъ, сброжу съ ума, а вѣдома та моя болѣзнь всему городу Мещевску. «Москва приказала мещевскому воеводѣ бить больного Блестина «батоги нещадно чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать» [1]).

Интересно, что къ дѣламъ о подобномъ, совершенно безобидномъ, «воровствѣ» привлекались, главнымъ образомъ, низшіе слои населенія. Изъ служилыхъ людей «непригожія рѣчи» говорили «спроста ума своего» едва ли не исключительно «сынчишки боярскіе». Врядъ ли возможно предположить, что стоявшіе выше ихъ слои служилаго класса рѣже занимались «пьянымъ дѣломъ». Можетъ быть, они отличались во хмелю большей сдержанностью или не любили доносить другъ на друга? Но, какъ бы тамъ ни было, политическіе процессы въ московскомъ государствѣ XVII вѣка отнюдь не свидѣтельствуютъ о томъ, что въ немъ существовали хотя бы зародыши сколько-нибудь серьезной политической оппозиціи.

XI.

Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается изученіемъ довольно многочисленныхъ литературныхъ памятниковъ, относящихся къ Смутному времени. Нечего и говорить, что авторы этихъ памятниковъ смотрятъ на историческія событія съ нравственно-религіозной точки зрѣнія и видятъ въ бѣдствіяхъ Смуты божье наказаніе за грѣхи. Въ «Повѣсти о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію» говорится: «Самъ бо рече Господь: «егда падая, не востанетъ ли? Или отвращаяся не обратится?» И паки: «обратитися ко Мнѣ и обращуся къ вамъ», глаголетъ Господь, наказуя насъ овогда гладомъ, овогда огненными запаленіи, овогда же безбожныхъ нахоженьми, и межиусобною бранію, и прочими таковыми, понеже бо согрѣшиша отъ главы и до ногу, сірѣчь, отъ великихъ и до нижайшихъ» [2]). Нѣкоторые другіе авторы объясняютъ печальныя событія Смутнаго времени преимущественно грѣхами отдѣльныхъ лицъ, напр., Бориса Годунова. Но въ общемъ всѣ они держатся того взгляда на исторію, о которомъ Огюстъ Контъ сказалъ бы, что онъ принадлежитъ къ теологической фазѣ

[1]) Тамъ же, стр. 498—499.

[2]) Русская историческая библіотека, т. XIII, стр. 250.

развитія мысли [1]). Конечно, нравственно-религіозная точка зрѣнія нимало не исключаетъ политическихъ симпатій или антипатій. Замѣтны такія симпатіи и антипатіи и въ сказаніяхъ о Смутномъ времени. Такъ, напримѣръ, одни изъ нихъ хвалятъ Шуйскаго, другіе не любятъ его. Различіе отношеній къ этому царю показываетъ, что одни изъ авторовъ сказаній сочувствовали боярскимъ тенденціямъ, между тѣмъ какъ другіе пропитаны были соціально-политическими стремленіями дворянства. Но трудно согласиться съ В. А. Келтуялой, который въ авторѣ одного изъ сказаній видитъ противника самодержавія. Этотъ уважаемый изслѣдователь совершенно правъ, говоря, что указанный имъ авторъ «стоитъ за царя Шуйскаго и нападаетъ на Бориса и Лжедимитрія» [2]). Но нападки на Бориса доказываютъ въ данномъ случаѣ только то, что авторъ сказанія не любилъ въ немъ продолжателя враждебной боярству соціальной политики Ивана Грознаго. Что же касается самодержавія, то не надо упускать изъ виду, что, говоря о Шуйскомъ, на сторонѣ котораго онъ стоитъ всецѣло, авторъ сказанія безъ всякихъ оговорокъ называетъ этого царя «всеа Русіи самодержцемъ» и утверждаетъ, что онъ пріялъ скипетръ въ свою десницу отъ всемогущаго Бога. При этомъ онъ сообщаетъ, что «праведный и благочестивый» Шуйскій былъ прежнихъ благовѣрныхъ царей «корене» [3]). На свое происхожденіе отъ корня прежнихъ царей заботливо указывалъ, какъ извѣстно, самъ Шуйскій. Но понятно, что онъ дѣлалъ это вовсе не съ цѣлью умаленія своихъ самодержавныхъ правъ. Нашему автору хорошо извѣстна «запись цѣловальная, по которой самъ царь цѣловалъ крестъ»: онъ включилъ ее въ свое сказаніе. Но если бы онъ видѣлъ въ ней документъ, ограничивавшій власть новаго царя, и если бы самъ онъ былъ противникомъ самодержавія, то онъ, конечно, отнесъ бы ее къ числу тѣхъ радостей, которыя, по его словамъ, Господь даровалъ православнымъ христіанамъ. Но онъ повѣствуетъ только о трехъ радостяхъ: 1) паденіе богомерзкаго богоотступника, еретика

---

[1]) М. Козловичъ замѣчаетъ, что уже самое названіе извѣстнаго сказанія Авраамія Палицына даетъ возможность понять воззрѣнія и пріемы автора („Исторія русскаго самосознанія", изд. 3, стр. 75). Это вѣрно. Вотъ какъ озаглавилъ Палицынъ свое сказаніе: „Исторія въ память сущимъ предъидущимъ родомъ, да незабвена будутъ благодѣянія, еже показа намъ мати слова Божія, всегда отъ всея твари благословенная присподѣвая Марія, и како соверши обѣщаніе къ преподобному Сергію яко неотступно буду отъ обители твоея.—И нынѣ всякъ возрастъ да разумѣетъ и всякъ да приложитъ ухо слышать, кіихъ ради грѣхъ попусти Господь Богъ нашъ праведное свое наказаніе и отъ концъ до концъ всея Росія, и како весь словенскій языкъ возмутися и вся мѣста по Росіи огнемъ и мечемъ пояденцы быша". (Русск. истор. б-ка, т. XIII, стр. 473).

[2]) Курсъ исторіи русской литературы. Спб. 1911, Ч. I, кн. 2, стр. 730.

[3]) Русская историческая библіотека, т. XIII, стр. 60 и 62.

Гришки Отрепьева; 2) дождь и теплота солнечная на всеплодіе; 3) перенесеніе мощей царевича Дмитрія изъ Углича въ Москву. Объ ограниченіи самодержавія нѣтъ и рѣчи. Наконецъ, характеризуя правленіе Шуйскаго, который называется у него истиннымъ пастыремъ, а не наемникомъ, авторъ говоритъ, что царь этотъ «и нынѣ соблюдаетъ истинную православную вѣру христіянскую, яко зѣницу ока, и управляетъ и наставляетъ всякаго на путь спасенія, дабы по отшествіи своемъ (т.-е., по смерти. Г. П.) вси были наслѣдници породы жизненныя, а не ведетъ насъ въ погибель и, паки реку, совращаетъ съ пути погибельнаго». Вотъ и все. Авторъ въ восторгѣ отъ душеспасительной политики Шуйскаго. Онъ восклицаетъ: «и о семъ во всемъ слава Богу, сотворившему насъ. Аминь» [1]). Но это свидѣтельствуетъ только объ его собственномъ благочестивомъ настроеніи, а не о томъ, что онъ былъ противникомъ самодержавія.

Въ политическомъ отношеніи, пожалуй, наиболѣе содержательнымъ изъ всѣхъ сказаній, насъ здѣсь интересующихъ, является «Временникъ» дьяка Ивана Тимоѳеева. Дьякъ этотъ, разумѣется, тоже стоитъ на религіозно-нравственной точкѣ зрѣнія. Но у него яснѣе, чѣмъ у другихъ, выходитъ, что подъ грѣхами, за которые наказалъ Богъ Московское государство, надо, въ сущности, разумѣть ошибки въ соціально-политической области. Пока не было ошибокъ, все шло хорошо; а когда онѣ были сдѣланы, земля замутилась. Въ какомъ же именно видѣ представляется Тимоѳееву хорошій ходъ дѣлъ, прекратившійся вслѣдствіе ошибокъ? Вотъ отвѣтъ, до послѣдней степени характерный для московскаго мышленія XVII вѣка.

«И якоже Адамови прежде преступленія ему дивіи вси быша самопокорни о всемъ, еще сему подобне во временахъ послѣднихъ и наша самодержавніи во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы своими... къ нимъ же быхомъ отъ всѣхъ многъ вѣкъ доселѣ непрекословни, елико по писанію быти достоитъ ко своимъ владыкомъ рабомъ повиннѣмъ... тако безотвѣтни быша къ нимъ, яко рыбы безгласни, всяко со тщаніемъ кротцѣ рабское иго ношахомъ, повинующеся имъ во страсѣ подобнѣ, честь страха ради творяще вмалѣ, яко не равну зъ Богомъ».

Что же нарушило эту московскую идиллію? Потрудитесь прочесть.

«Восхотѣша бо обдержателе ушеса своя сладцѣ преклоняти къ ложнымъ шепотнымъ глаголомъ,—яко же въ ветсѣмъ прабаба всѣхъ Евва змію любезнику подаде любезнѣ своя слуха, симъ вмалѣ и огорчися, абіе подъяше бо обще малжена бесчестное исъ

[1]) Русская ист. библ., т. XIII. стр. 60—64.

породы изгнаніе,—лжевный же недугъ и горкій плевелъ тернія, посреди всего царствія израстая, умножашеся и истинствующія пшеницы класы являя превосходя. Языки бо своими убиваху люди, яко мечи, съ любленіемъ тѣхъ послушателей возношаху бо ся зѣло надъ правдою въ неявственныхъ своихъ похвалахъ державній же; и никакоже тѣхъ отщутиша, дондеже плодъ горести тоя пожаша и въ снопы связаша, якоже и въ хранилища имъ своя сихъ положити, тогда сихъ вкусу добрѣ уразумѣша» [1]).

Итакъ, московскіе люди были вѣрными рабами своихъ «обдержателей», пока тѣ оставались добрыми господами. Но постепенно господа начали утрачивать свою доброту. Они стали преклонять «ушеса» къ разнаго рода льстецамъ и доносчикамъ. Доносчиками посѣяно было зло, породившее Смуту. Это опять—прекрасно знакомый намъ взглядъ московскихъ людей: существованіе рабства естественно и даже угодно Богу. Но плохо то, что рабовладѣльцы не всегда добры. Когда они становятся злыми, они нарушаютъ Божью волю, и тогда Богъ наказываетъ всю страну за грѣхи ея «обдержателей». Все это весьма просто.

Французскій дворянинъ Филиппъ По,—разсужденія котораго приведены были выше,—находилъ нужнымъ изложить своимъ товарищамъ - депутатамъ все, что было узнано имъ отъ великихъ людей и отъ мудрецовъ о власти Генеральныхъ Штатовъ. Для усвоенія взглядовъ, подобныхъ тому, который встрѣчаемъ мы въ сочиненіи московскаго дьяка Ивана Тимоѳеева, не было никакой надобности въ помощи мудрецовъ и великихъ людей. Московскія головы могли усваивать ихъ безъ малѣйшаго напряженія.

Заслуживаетъ вниманія взглядъ Тимоѳеева на то, какъ слѣдуетъ писать исторію. Онъ говоритъ, что о настоящихъ,—«первосущихъ»,—царяхъ не удобно «писанми износити неподобная, иже въ жизни си аще и безмѣстно что сотвориша и погрѣшно; но развѣ что добротно къ сихъ славѣ, къ чести же и къ похвалѣ, се достояше уяшпяти, единою сполагати въ писаніохъ будущимъ ревнителемъ въ память» [2]). Осуждать «обдержателей» историкъ не долженъ потому, что ихъ дурныя дѣла судитъ «единъ Богъ». Правда, самъ Тимоѳеевъ не всегда придерживается этого рецепта. Да и крайне трудно держаться его, повѣствуя о подвигахъ Ивана IV Васильевича. Но все-таки рецептъ, придуманный московскимъ дьякомъ XVII вѣка, не безъ успѣха примѣнялся у насъ впослѣдствіи и примѣняется донынѣ многими составителями учебниковъ по русской,—а иногда и не только по русской,—исторіи...

---

[1]) Тамъ же, стр. 261—262 и 262—253.

[2]) Тамъ же, стр. 300.

XII.

Изъ всего сказаннаго опять никакъ не слѣдуетъ, что населеніе Московскаго государства XVII вѣка было довольно своей печальной судьбой. Въ этомъ вѣкѣ его тяглые люди часто и сильно волновались. Но мы скоро увидимъ, что въ волненіяхъ своихъ они обнаруживали такую же политическую неразвитость, какъ и въ своихъ пьяныхъ спорахъ. Царскимъ холопамъ тоже, какъ извѣстно, немного радости давала ихъ вѣковѣчная и жестокая служебная лямка. Князь Иванъ Голицынъ сказалъ однажды польскимъ посламъ: «Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести,—одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины лучшихъ русскихъ людей» [1]. Безъ сомнѣнія, князь выразился черезчуръ сильно. Невозможно предположить, чтобы московское дворянство такъ легко могло поддаться польскому соблазну. Но не спроста же говорилъ онъ. Повидимому, съ теченіемъ времени между служилыми людьми Московскаго государства дѣйствительно стала распространяться та мысль, что служба польскому королю много легче и пріятнѣе службы московскому государю. При всемъ томъ, они были слишкомъ безсильны въ соціальномъ отношеніи и слишкомъ неразвиты въ политическомъ, чтобы задумываться о перенесеніи какихъ-нибудь западныхъ «вольностей» на московскую почву. Еще при Годуновѣ худородные служилые люди говорили: «Великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». При новой династіи, обязанной своимъ возвышеніемъ преимущественно усиліямъ дворянства, принципъ этотъ окончательно восторжествовалъ въ государственномъ управленіи, и, конечно, не московскіе служилые люди могли бы возразить что-нибудь противъ него по существу. Какъ помѣстное сословіе, дворянство слишкомъ заинтересовано было въ незыблемости постепенно утвердившагося на московской почвѣ восточнаго абсолютизма.

По соціальному и политическому положенію своему, боярство никогда не могло сочувствовать этому принципу. Оно долго сопротивлялось его практическому осуществленію. Но боярское сопротивленіе было пассивнымъ, и въ боярской средѣ Московскаго государства тоже никогда не цвѣла политическая мысль [2]. При

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1381.

[2]) „Даже у лучшихъ представителей этого круга, Вассіана Косого, Берсеня-Беклемишева, кн. Курбского, у автора валаамской бесѣды, успѣвшихъ обдумать дома и повидать на чужбинѣ много такого, чего не думала и не видала ихъ рядовая

выборѣ новой династіи высшій боярскій слой не рѣшился выставить открыто свои политическія притязанія, удовольствовавшись закулисной интригой. Плодомъ интриги была «запись» Михаила. Но «запись» осталась клочкомъ бумаги. Она не могла вернуть невозвратное. Когда Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софью вѣнчаться на царство, онъ, между прочимъ, сказалъ имъ, что не надо опасаться бояръ: «это зяблое, палое дерево» [1]). Однако, утративъ свое вліяніе, московское боярство еще не утратило охоты имѣть его. Въ царствованіе Өедора Алексѣевича его высшіе представители попытались обезпечить себѣ вліятельное положеніе въ государствѣ посредствомъ новой закулисной интриги. «Палатные бояре» выработали проектъ, согласно которому въ Новгородѣ, Казани, Астрахани, Сибири и другихъ мѣстахъ учреждались «вѣчные» царскіе намѣстники изъ «великородныхъ боляръ» съ титуломъ этихъ областей. Проектъ сулилъ соотвѣтственное расширеніе власти и высшимъ представителямъ духовенства. Слабый Өедоръ, одной ногой уже стоявшій въ гробу, «на сіе дѣло изволилъ». Однако, эта новая закулисная интрига разрушилась, столкнувшись съ другой закулисной интригой. Патріархъ Іоакимъ уговорилъ царя не исполнять обѣщанія, даннаго «палатскимъ подустителямъ», намѣренія которыхъ грозили, по его словамъ, ослабить «самодержавство» и разорить единовластіе [2]). Московское духовенство не пошло на боярскую приманку: оно было одной изъ самыхъ надежныхъ опоръ самодержавной власти. Правда, патріархъ преувеличилъ опасность. При московскихъ условіяхъ «палатскіе подустители» не принесли бы серьезнаго вреда «самодержавству». То, что̀ далъ бы имъ умиравшій Өедоръ, безъ труда взялъ бы назадъ одинъ изъ его наслѣдниковъ,—особенно такой энергичный, какъ Петръ. Но совершенно вѣрно то, что институтъ несмѣняемыхъ намѣстниковъ не согласимъ ни съ абсолютизмомъ вообще, ни съ тѣмъ его видомъ, который Бодэнъ называлъ вотчинной монархіей, а Олеарій обозначалъ словами: monarchia dominica et despotica Борясь съ «палатскими подустителями», патріархъ Іоакимъ показалъ, что онъ умѣлъ дѣлать правильные выводы изъ данныхъ исторіей посылокъ. Но намъ уже извѣстно, что, неясное и непослѣ-

---

братія, едва брезжитъ по временамъ невыясненная и неустановившаяся мысль объ общемъ народномъ благѣ и государственномъ порядкѣ". Ключевскій. Боярская дума.—Изд. 4-ое, стр. 305.

[1]) Приводя эти его слова, Ключевскій какъ нельзя болѣе кстати обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что они были произнесены выслужившимся дьякомъ. Тамъ же, стр. 388.

[2]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 880—881; ср. Ключевскаго. Курсъ русской исторіи, т. III, стр. 104.

довательное во всѣхъ другихъ случаяхъ, политическое мышленіе московскихъ людей становилось яснымъ и послѣдовательнымъ, когда оно направлялось на защиту безграничныхъ правъ верховной власти.

XIII.

Ключевскій назвалъ XVII вѣкъ эпохой народныхъ мятежей въ нашей исторіи. Мятежей, дѣйствительно, было тогда много, особенно въ царствованіе Алексѣя [1]. Но что же узнаемъ мы изъ нихъ о политическомъ настроеніи народной массы? «Въ этихъ мятежахъ,—отвѣчаетъ только что цитированный мною историкъ,—рѣзко вскрылось отношеніе простого народа къ власти, которое тщательно закрашивалось офиціальнымъ церемоніаломъ и церковнымъ поученіемъ; ни тѣни не то что благоговѣнія, а и простой вѣжливости и не только къ правительству, но и къ самому носителю верховной власти» [2] Съ этимъ нельзя согласиться. События говорятъ не то.

Въ маѣ 1648 года московскій народъ, требуя выдачи Морозова и Траханьотова, заявлялъ, что онъ не жалуется на царя, а только на людей, «ворующихъ» его именемъ. Когда, во время крестнаго хода, Алексѣй Михайловичъ со слезами на глазахъ уговаривалъ своихъ возмутившихся москвичей не настаивать на обѣщанной имъ выдачѣ Морозова, въ отвѣтъ ему раздались крики: «Да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!» Означаютъ ли такія заявленія и такіе крики, что жители Москвы не только не питали благоговѣнія къ носителю верховной власти, но просто были невѣжливы съ нимъ? Нисколько! И во всякомъ случаѣ, эти ихъ слова означаютъ, что они относились къ царю съ полнымъ довѣріемъ. Когда религіозный человѣкъ говоритъ: «да будетъ воля Божія и государева», это показываетъ, что въ его отношеніи къ государю присутствуетъ тотъ же элементъ благоговѣнія, съ которымъ онъ относится къ Богу. Даже на западной окраинѣ, во время волненій въ Новгородѣ и Псковѣ, не-

---

[1]) „Въ 1648 году мятежи въ Москвѣ, Устюгѣ, Козловѣ, Сольвычегодскѣ, Томскѣ и др. городахъ; въ 1649 г. приготовленія къ новому мятежу закладчиковъ въ Москвѣ, во-время предупрежденному; въ 1650 г. бунты въ Псковѣ и Новгородѣ; въ 1662 г. новый мятежъ въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ; наконецъ, въ 1670—71 гг. огромный мятежъ Разина на поволжскомъ юго-востокѣ, зародившійся среди донского казачества, но получившій чисто соціальный характеръ, когда съ нимъ слилось имъ же возбужденное движеніе простонародья противъ высшихъ классовъ". (Ключевскій. Курсъ, т. III, стр. 308—309).

[2]) Тамъ же, стр. 309.

довольные распоряженіями начальства посадскіе люди повторяли: «государь этого не знаетъ». Отсюда опять видно, что бунтовщики,— гилевщики, какъ ихъ тогда называли,—довѣрчиво относились къ царю. Правда, потомъ въ ихъ средѣ скоро начали раздаваться иныя рѣчи. Они стали поговаривать: «государь объ насъ не радѣетъ». Но, энергично сопротивляясь распоряженіямъ царскихъ воеводъ, «гилевщики» обѣщались «стоять всѣмъ заодно за государя». Они продолжали смотрѣть на него, какъ на воплощеніе всего государства [1]). Въ грамотѣ, тайно отправленной въ Москву и поданной боярину Н. И. Романову, псковичи предъявили московскому правительству чрезвычайно умѣренныя требованія: они просили, чтобы впредь воеводы и дьяки судили съ земскими старостами и съ выборными людьми по правдѣ, а не по мздѣ и посуламъ, и чтобы псковичей избавили отъ обязанности ѣздить на судъ въ Москву [2]).

Такимъ образомъ «бунташное время» выдвигаетъ передъ нами то же самое соціально-психологическое явленіе, которое мы уже имѣли случай наблюдать, изучая состояніе мысли въ высшихъ классахъ московскаго государства. Недовольные добиваются не измѣненія соціально-политическаго устройства, а только новыхъ, менѣе тяжелыхъ для даннаго общественнаго класса или слоя, пріемовъ государственнаго управленія. Историки объясняютъ обиліе народныхъ волненій въ царствованіе Алексѣя Михайловича тѣмъ, что Смутное время отучило московскій народъ отъ пассивнаго подчиненія власти. По всей вѣроятности, они правы. Но если они правы, то тѣмъ болѣе замѣчателенъ тотъ фактъ, что, даже отвыкнувъ пассивно подчиняться властямъ, московскій народъ отнюдь не выдвигалъ такихъ требованій, которыя хоть немного шли бы вразрѣзъ съ основами «вотчинной монархіи».

XIV.

Нѣкоторые иностранные писатели называютъ Смутное время трагедіей (tragedia moscovitica). Называя его такъ, они врядъ ли вполнѣ сознавали, до какой степени оно было удачно. «Великая

---

[1]) Въ Псковѣ, въ самый разгаръ „гиля", одинъ человѣкъ, побывавшій по торговымъ дѣламъ въ одномъ изъ зарубежныхъ городовъ, разсказывалъ, что „тамъ на городовыхъ воротахъ прибитъ листъ, на листу написана королева (шведская.—Г. П.), какъ живая сидитъ, съ мечомъ, а внизу подъ нею, наклонясь, стоитъ праведный государь Алексѣй Михайловичъ". (Соловьевъ, тамъ же, стр. 1545). Этотъ листъ какъ будто долженъ былъ знаменовать собою нѣчто въ родѣ вассальной зависимости, грозившей Московскому государству вслѣдствіе боярской „измѣны".

[2]) Соловьевъ, тамъ же, стр. 1544.

разруха» преисполнена трагизма. Ея трагизмъ заключается въ томъ, что народъ, недовольство котораго вызвало страшное потрясеніе московскаго соціально-политическаго строя, по тогдашнимъ условіямъ не имѣлъ объективной возможности замѣнить этотъ строй какимъ-нибудь новымъ, менѣе обременительнымъ для него порядкомъ. Это отсутствіе объективной возможности устранить старый, для всѣхъ обременительный, порядокъ и нашло свое субъективное выраженіе въ томъ, что участники волненій не выдвигали какихъ-нибудь новыхъ соціально-политическихъ требованій. По выраженію Ключевскаго, они искали личныхъ льготъ, а не сословныхъ обезпеченій. Поэтому, когда служилый классъ, посадскіе люди и отчасти черносошные сѣверные крестьяне, выведенные изъ терпѣнья «литовскими людьми» и русскими «ворами», взялись за возстановленіе соціально-политическаго порядка, они возстановили,—и непремѣнно должны были возстановить,—его въ старомъ видѣ, т.-е. въ томъ самомъ его видѣ, недовольство которымъ и вызвало Смуту. У тогдашнихъ московскихъ людей не было другого выхода. Этотъ трагизмъ безвыходности превосходно характеризуется слѣдующимъ «бытовымъ явленіемъ».

Правительство царя Михаила отправило нѣкоего Андрея Образцова для сбора податей на Бѣло-Озеро. Тамъ еще возобновлялись иногда набѣги литовскихъ людей. Подати поступали туго, за что Образцову былъ отъ имени царя посланъ выговоръ. Но онъ не признавалъ за собой никакой вины, такъ какъ находилъ, что имъ сдѣлано было все человѣчески-возможное въ борьбѣ съ недоимкой.

«Я, государь,—писалъ онъ,—посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ не даю; пока не было вѣстей о литовскихъ людяхъ, то я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть; а теперь, государь, на посадскихъ людяхъ твоихъ денегъ править нельзя, въ томъ воленъ ты, государь; а я, холопъ твой, блюдясь приходу Литовскихъ людей, безпрестанно днемъ и ночью стою съ посадскими людьми по острогу и разсылаю ихъ на сторожи» [1]).

Посмотрите же. Когда приходятъ литовскіе грабители, посадскіе люди ополчаются на нихъ подъ предводительствомъ своего воеводы и усердно чинятъ надъ ними промыселъ «днемъ и ночью». Имъ иначе поступить нельзя: литовскіе грабители, подкрѣпляемые московскими «ворами», отнимаютъ у нихъ имущество и самую

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1322.

жизнь. А когда имъ удается прогнать литовскихъ людей и усмирить московскихъ «воровъ», мѣстный воевода открываетъ засѣданіе въ приказной избѣ и отбираетъ у нихъ, для наполненія государевой казны, только что спасенное общими усиліями имущество. При этомъ онъ показываетъ такъ много усердія на царской службѣ, что, по его собственному признанію, побиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на смерть. Какъ быть? Возмутиться противъ слишкомъ старательнаго служилаго человѣка? Смута показала московскимъ людямъ, что въ концѣ-концовъ это вовсе не такъ трудно, какъ они думали въ доброе старое время. Но та же Смута привела ихъ къ тому печальному убѣжденію, что, прогоняя отъ себя царскихъ воеводъ, они очень сильно рисковали сдѣлаться жертвой еще болѣе безпощадныхъ грабителей. Изъ двухъ золъ они выбирали меньшее. Однако, выбравъ меньшее зло, они находили, что, въ абсолютномъ смыслѣ, оно все-таки очень велико. И они не ошибались: бюрократическое усердіе Адреевъ Образцовыхъ не могло дать имъ ничего хорошаго. Если объективныя условія лишали ихъ возможности побороть или хотя бы только уменьшить зло собственными силами, то имъ оставалось лишь искать помощи на сторонѣ. И они искали ее въ той же Москвѣ, откуда пріѣзжали къ нимъ Андреи Образцовы. Это можетъ показаться страннымъ; но это было такъ: они надѣялись, что о подвигахъ этихъ служилыхъ людей «государь не знаетъ». Тутъ они ошибались. Такъ, напримѣръ: Москва прекрасно освѣдомлена была о человѣкоубійственныхъ подвигахъ усерднаго воеводы Образцова. Но не подлежитъ сомнѣнію, что, закрѣпощая трудящуюся массу, правительство было заинтересовано въ устраненіи такихъ злоупотребленій, вслѣдствіе которыхъ она окончательно утратила бы способность нести свое тягло. Мѣры, которыя правительство принимало въ этомъ направленіи, рѣдко достигали своей цѣли. Однако, оно принимало ихъ и тѣмъ самымъ поддерживало въ народѣ ту отрадную для него мысль, что центральная власть заботится объ его благѣ.

Въ 1620 году изъ Москвы была разослана такая грамота:

«Извѣстились мы, что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, монастырямъ, служилымъ, посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки и продажи великіе, посулы, поминки и кормы берутъ многіе. Великій государь, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ, приговорилъ съ боярами: послать въ города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ наши грамоты, чтобъ они насильства и продажъ не дѣлали, посуловъ, поминковъ и кормовъ не брали... а если въ которыхъ городахъ воеводы станутъ дѣлать не по нашему указу, и будутъ на нихъ челобитчики,

то мы велѣли взять на нихъ все вдвое; да имъ же быть отъ насъ въ великой опалѣ» [1]).

Достаточно было тяглымъ людямъ данной мѣстности ознакомиться съ содержаніемъ хотя бы одной подобной грамоты, чтобы вопросъ: «совершается ли это по государеву указу?» возникалъ у нихъ каждый разъ, когда царскіе слуги дѣлали то или другое обременительное для народа распоряженіе. И вполнѣ естественно, что въ каждомъ такомъ случаѣ они склонны были думать, что ихъ притѣсняютъ вопреки государеву указу.

Ошибаются изслѣдователи, полагающіе, что московское правительство XVII вѣка совсѣмъ не заботилось объ участи крѣпостныхъ крестьянъ. Оно и здѣсь держалось своей обычной политики. Неуклонно расширяя права землевладѣльцевъ на крестьянскій трудъ, оно, по мѣрѣ возможности, заботилось о томъ, чтобы крестьянство не подвергалось полному разоренію. Котошихинъ категорически говоритъ, что когда боярамъ и инымъ чинамъ давались населенныя земли, имъ предписывалось не слишкомъ обременять своихъ новыхъ подданныхъ работой и поборами, «чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не розогнать и въ нищіе не привесть». Владѣльцамъ, не считавшимся съ этимъ предписаніемъ, правительство грозило чувствительнымъ возмездіемъ. «И у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ,—продолжаетъ тотъ же писатель,—помѣстья ихъ и вотчины, которыя даны будутъ отъ царя, возмутъ назадъ на царя, а что онъ съ кого ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежемъ, и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ; а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку». Это еще не все. Государство стремилось оградить отъ обнищанія не только помѣщичьихъ крестьянъ. У Котошихина прямо сказано: «а будетъ кто учнетъ чинить такимъ же обычаемъ надъ своими вотчинными купленными мужиками: и у него тѣхъ крестьянъ возмутъ безденежно, и отдадутъ сродственникамъ его, добрымъ людемъ, безденежно жъ, а не такимъ разорителямъ» [2]). На основаніи этихъ интересныхъ свидѣтельствъ можно заключить, что какъ ни плохо было положеніе крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVII в., но власть надъ ними ихъ владѣльцевъ еще не имѣла той полноты, какой постепенно достигла она въ теченіе «просвѣщеннаго» XVIII столѣтія. Однако, здѣсь для насъ важна лишь соціально-психологическая сторона вопроса. Совершенно ясно, что крестьяне не

---

[1]) Соловьевъ, тамъ же, стр. 1324.
[2]) Котошихинъ, назв. соч., стр. 161.

могли не знать о существованіи предписаній, подобныхъ вышеприведенному. И не менѣе ясно, какъ именно должны были влiять подобныя предписанія на ихъ психологію. Неся тяжелое иго крѣпостной зависимости, крестьяне утѣшали себя той мыслью, что у нихъ есть въ Москвѣ защитникъ, который, въ случаѣ крайней нужды, уже теперь придетъ къ нимъ на помощь, а со временемъ, можетъ быть, и совсѣмъ освободитъ ихъ. Когда Посошковъ писалъ впослѣдствіи, что помѣщики крестьянамъ не вѣковѣчные владѣльцы, онъ,—самъ принадлежавшій къ крестьянскому сословію,—выражалъ ту же мысль. Мы знаемъ, что она не выходила изъ крестьянскихъ головъ вплоть до 1861 года и даже пережила его, такъ какъ «воля», данная 19 февраля, казалась имъ не «настоящей».

XV.

Грамоты, выражавшія заботу московскаго правительства о положеніи тяглой массы, составлялись очень искусно. Бюрократія еще не научилась тогда говорить такимъ русскимъ языкомъ, который не больше понятенъ нашему народу, чѣмъ китайскій. «Пишемъ мы къ вамъ,—продолжаетъ грамота, цитированная мною выше,—милосердуя о васъ, чтобъ вы, Божіею милостію и нашимъ милостивымъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы вамъ, продажи и никакихъ другихъ налоговъ не чинилось, и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны». Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе производили на народъ подобныя обращенія къ нему центральнаго правительства. Они дѣлали непоколебимымъ то его убѣжденіе, что царскіе воеводы притѣсняютъ его безъ вѣдома государя.

Въ жалованныхъ грамотахъ городамъ говорилось, что царь велѣлъ приказнымъ своимъ людямъ оборонять ихъ отъ бояръ своихъ и отъ всякихъ людей. Конечно, посадскіе люди никакъ не могли повѣрить, что приказные захотятъ добросовѣстно охранять ихъ отъ боярскихъ притѣсненій: имъ слишкомъ хорошо были извѣстны нравы «крапивнаго сѣмени». Но если хорошія распоряженія центральной власти не исполнялись благодаря приказнымъ, то народъ винилъ въ этомъ т о л ь к о приказныхъ и тѣмъ съ большимъ упованіемъ смотрѣлъ на своего «надежу-государя». Вотъ почему, возставая противъ царскихъ слугъ, тяглое населеніе московскаго государства отнюдь не было расположено возставать противъ царя. Это замѣтилъ еще Олеа-

рій [1]). И это же, пожалуй еще лучше Олеарія, замѣтили «воровскіе» казаки, тогдашніе спеціалисты по части бунтовъ. Сами они, дѣйствительно, имѣли мало благоговѣнія къ высшему представителю центральной власти. «Скажи воеводѣ,—говорилъ Стенька Разинъ служилому человѣку, явившемуся къ нему отъ астраханскаго воеводы,—скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его». И онъ же хвалился, что возьметъ Москву и сожжетъ всѣ бумаги «въ верху», т.-е. въ государевомъ дворцѣ. Но тотъ же Разинъ, собираясь итти вверхъ по Волгѣ, объявлялъ, что онъ идетъ только противъ бояръ; царскимъ стрѣльцамъ его сподвижники говорили: «вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя». Въ войскѣ Разина былъ самозванецъ, Максимъ Осиповъ, выдававшій себя за царевича Алексѣя [2]). Отсюда видно, какъ представляли себѣ «воровскіе» казаки отношеніе тяглой массы къ государю.

Ключевскій говоритъ, что въ эпоху Смуты самозванство сдѣлалось стереотипной формой русскаго политическаго мышленія, въ которую отливалось всякое общественное недовольство [3]). Указанная тактика сподвижниковъ Разина убѣждаетъ насъ въ томъ, что самозванство не перестало быть такой формой и во второй половинѣ XVII вѣка. А какую роль сыграло оно въ слѣдующемъ столѣтіи, это мы всѣ знаемъ изъ исторіи Пугачевскаго бунта.

Но почему же русское политическое мышленіе отлилось въ форму самозванства? Именно потому, что оно было крайне мало развито. Тяглая масса Московскаго государства, подвергавшаяся притѣсненіямъ отъ царскихъ слугъ и временами возстававшая противъ нихъ, сохраняла вѣру въ царя, какъ въ своего естественнаго защитника. Впослѣдствіи этотъ взглядъ распространился по лицу русской земли далеко за предѣлы Великороссіи. Только широкимъ распространеніемъ объясняется извѣстная чигиринская попытка южно-русскихъ «бунтарей» Стефановича и Дейча, имѣвшая мѣсто во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ XIX вѣка [4]).

---

[1]) „Правда, русскіе, въ особенности изъ простонародья, въ рабствѣ своемъ и подъ тяжкимъ ярмомъ, изъ любви къ властителю своему, могутъ многое перенести и перестрадать, но если при этомъ мѣра оказывается превзойденною, то и про нихъ можно сказать: patientia Saepellaesa fit tandem furor... въ такихъ случаяхъ дѣло кончается опаснымъ мятежемъ, при чемъ опасность обращается не столько противъ главы государства, сколько противъ низшихъ властей“. (Описаніе путешествія въ Московію, стр. 200—201).

[2]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 303—315.

[3]) Курсъ, III, стр. 46—47.

[4]) Лѣтомъ 1683 года какой-то чернецъ Іосифъ распространялъ на Дону „воровскія“ письма, въ одномъ изъ которыхъ, писанномъ отъ имени царя Ивана Алексѣевича

Для центральной власти, старавшейся положить извѣстные предѣлы аппетитамъ служилаго сословія, вопросъ былъ въ томъ, чтобы не слишкомъ уменьшалась та часть прибавочнаго труда тяглыхъ людей, которая непосредственно шла на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Въ этомъ отношеніи его интересъ сходился съ интересомъ трудящейся массы, нерѣдко и довольно настоятельно требовавшей, чтобы «все было государево». Это совершенно согласно со складомъ общественныхъ отношеній въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ трудящейся массѣ, осужденной на безвыходную крѣпостную зависимость, въ лучшемъ случаѣ остается только выбирать между различными родами этой зависимости, и гдѣ онъ чаще всего предпочитаетъ зависимость отъ центральной власти. Но иногда борьба съ произволомъ служилыхъ людей наводила трудящуюся массу даже въ XVII в. на ту мысль, что самоуправленіе гораздо выгоднѣе для нея, нежели бюрократическая «волокита», и тогда обнаруживалось рѣзкое противорѣчіе между желаніемъ народа, съ одной стороны, и тенденціями восточной монархіи — съ другой. Какъ ни умѣренны были бунтовавшіе псковичи въ своихъ требованіяхъ, они получили рѣзкій отказъ отъ московскаго правительства. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ имъ: «Холопи наши и сироты намъ великимъ государямъ никогда не указывали, и вамъ надо было бить челомъ до нынѣшняго смятенія, а самимъ не управляться». Тишайшій царь имѣлъ свой, совершенно опредѣленный, взглядъ на вопросъ объ участіи народа въ управленіи государствомъ. «При предкахъ нашихъ никогда не бывало,—сказалъ онъ,—чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впередъ того не будетъ» [1]). Скромные псковскіе челобитчики, которымъ позволено было видѣть царскія очи, могли бы возразить, что даже самый грозный изъ «предковъ» Алексѣя Михайловича,—Иванъ IV Васильевичъ,—нашелъ нужнымъ дозволить «мужикамъ» быть у расправныхъ дѣлъ. Но со времени Ивана Грознаго много воды утекло подъ московскими мостами; вотчинная монархія ушла далеко впередъ въ процессѣ развитія свойственныхъ ей соціально-политическихъ отношеній. И то, что въ XVI вѣкѣ допущено было

говорилось, что онъ приказываетъ казакамъ итти въ Москву, такъ какъ бояре его не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, „и другія многія непристойныя слова которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіереевъ написаны також многія непристойныя слова“ (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. III, стр. 931). Народная психологія, подсказавшая южно-русскимъ „бунтарямъ“ XIX века ихъ пріемъ агитаціи съ помощью фальшивой грамоты отъ царя Александра II, была въ интересующемъ насъ отношеніи какъ двѣ капли воды похожа на ту, примѣняясь къ которой агитаторы XVII столѣтія сочиняли фальшивыя грамоты отъ царя Ивана V.

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. II, стр. 1544.

кровожаднымъ тираномъ, въ XVII—показалось недопустимымъ даже тишайшему «обдержателю»: такъ мало зависѣла объективная логика вещей отъ личныхъ свойствъ государей.

XVI.

По мнѣнію Ключевскаго, въ Москвѣ «общество не представляло безразличной массы, какъ въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ равенство всѣхъ покоится на общемъ безправіи. Общество расчленено, дѣлится на классы, сложившіеся еще въ удѣльные вѣка» [1]). Но, вопреки этому мнѣнію, ни въ одной восточной деспотіи общество не представляло безразличной массы. Въ каждой изъ нихъ оно было болѣе или менѣе расчленено; въ каждой изъ нихъ оно дѣлилось на классы. И всѣ онѣ имѣли ту общую черту, что, несмотря на расчлененіе и дѣленіе, ихъ жители уравнивались между собой своимъ безправіемъ по отношенію къ государю: богдыхану, фараону, шаху, султану и т. п. И какъ разъ эта черта свойственна была Московскому государству. Неудивительно, что восточному складу его внутреннихъ отношеній соотвѣтствовали и свойственныя восточнымъ монархіямъ политическія понятія его населенія.

Говоря о «вѣжливости» въ народныхъ движеніяхъ,—какъ это дѣлаетъ Ключевскій,—полезно выяснить себѣ, что́, собственно, надо понимать подъ нею. Спора нѣтъ, «невѣжливо» поступили московскіе «гилевщики» въ маѣ 1648 года, схватившіе за узду лошадь царя, желая добиться отъ него отставки Леонтія Плещеева. Такъ же мало «вѣжливости» проявили и тѣ волновавшіеся тяглые люди, которые, придя въ Коломенское въ іюлѣ 1662 года, помѣшали Алексѣю Михайловичу, праздновавшему рожденіе своей дочери, дослушать обѣдню' и, держа его за пуговицы, требовали, чтобы онъ расправился съ измѣнниками. Наконецъ, верхомъ «невѣжливости» было то, что въ отвѣтъ на его обѣщанія они скептически спрашивали: «чему вѣрить?» и успокоились только тогда, когда заставили царя побожиться и ударить съ ними по рукамъ. Государевы сироты, вообще, не имѣли возможности усвоить себѣ по-тогдашнему вѣжливыя придворныя манеры царскихъ холоповъ. Но это не мѣшало имъ быть самыми горячими сторонниками и самыми рѣшительными защитниками неограниченной царской власти.

Кромѣ того, слѣдуетъ принять въ соображеніе еще вотъ что. Московскіе «гилевщики» вели себя въ XVII вѣкѣ такъ же, какъ

([1]) Курсъ, III, стр. 66.

и «гилевщики» XVI столѣтія. Въ апрѣлѣ 1547 года они убили родного дядю царскаго, М. В. Глинскаго, а потомъ пошли къ молодому царю въ село Воробьево требовать, чтобы онъ выдалъ имъ свою бабку, княгиню Анну Глинскую, и ея сына, которыхъ онъ пряталъ у себя въ покояхъ. Тутъ тоже очень мало «вѣжливости». Достойно замѣчанія, что эта манифестація передъ царскимъ загороднымъ дворцомъ прекращена была такими же мѣрами, какія приняты были впослѣдствіи противъ «гилевщиковъ», приходившихъ въ Коломенское къ царю Алексѣю: по распоряженію Ивана она была разогнана вооруженною силой. Разница только въ томъ, что коломенская манифестація обошлась народу дороже, нежели воробьевская. Но тѣ же самые «гилевщики», которые держали царя Алексѣя за пуговицы и говорили, что онъ еще глупъ и смотритъ изъ рта бояръ, съ искреннѣйшимъ негодованіемъ возстали бы противъ служилаго класса, если бы услыхали о какихъ-нибудь попыткахъ его ограничить самодержавіе. Служилый классъ прекрасно зналъ это. Его холопски-«вѣжливое» отношеніе къ царямъ въ значительной степени подсказывалось ему этимъ настроеніемъ народа. И этимъ же настроеніемъ объясняется то замѣчательное явленіе, что боярскія попытки взять съ царей тѣ или другія «записи», въ дѣйствительности, ни къ чему не приводили. «Надобно читать принадлежащее горожанину Псковское сказаніе о Смутномъ времени и о царствованіи Михаила Ѳедоровича,—говоритъ Соловьевъ,—чтобы узнать все нерасположеніе горожанъ къ поступку бояръ относительно записи, обезпечивавшей интересъ боярскій» [1]). А между тѣмъ, именно, горожане-то и волновались, именно, они-то и показали себя «невѣжливыми» въ «бунташное время» конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ XVII вѣка.

Что касается «благоговѣнія», то извѣстно, что оно на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія принимаетъ разные виды. Такъ, оно не мѣшаетъ варварамъ очень «невѣжливо» обращаться со своими божками въ минуты раздраженія. Однако, изъ того, что раздраженный варваръ иногда сѣчетъ своего божка, вовсе не слѣдуетъ, что онъ считаетъ себя способнымъ обходиться безъ его помощи. Напротивъ, раздраженіе варвара вызывается, именно, тѣмъ, что онъ не видитъ никакой возможности защитить себя безъ помощи божка: побои имѣютъ цѣлью возбудить добрую волю этого послѣдняго.

«Бунташное» время нисколько не поколебало,—ни въ посадахъ, ни въ деревняхъ,—традиціоннаго отношенія московскаго

---

1) Тамъ же, кн. II, стр. 1298.

народа къ верховной власти. Чтобы поколебать его, недостаточно было распространявшихся между «гилевщиками» слуховъ о томъ, что царь по своей слабости или неопытности мирволитъ служилымъ людямъ. Какъ увидимъ ниже, оно немного заколебалось подъ вліяніемъ раскола. Но очень немного. Въ сущности, оно и тогда совсѣмъ не измѣнило своей природы.

Трудящееся населеніе Франціи, возставая противъ ненавистнаго ему соляного налога, кричало: «Vive le roi sans gabelle! (да здравствуетъ король безъ соляной подати!)». Въ теченіе долгаго времени оно, страдая отъ нестерпимой парижской «волокиты» и возмущаясь ею, утѣшалось тѣмъ соображеніемъ, что «дуренъ не король, а его министры». И пока оно утѣшало себя такими соображеніями, могло, пожалуй, казаться, что во Франціи трудящійся людъ смотритъ на верховную власть тѣми же самыми глазами, какими онъ смотритъ на нее въ Московскомъ государствѣ. Дѣйствительно, и тутъ и тамъ его представленіе о ней складывалось изъ одинаковыхъ психологическихъ элементовъ. Но, вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ различій въ соціальномъ составѣ и въ соціально-политическомъ строеніи этихъ двухъ государствъ, одинаковые психологическіе элементы сочетались во Франціи и въ Московской Руси въ такія политическія представленія, которыя оставались различными даже тогда, когда, на первый взглядъ, казались одинаковыми. Излюбленные московскіе люди, съѣзжавшіеся на Земскій Соборъ, никогда не возвышались до того distinguo, которое такъ часто встрѣчается въ рѣчахъ депутатовъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Они не говорили, что иное дѣло усердный холопъ, а иное дѣло вѣрный подданный. Сообразно съ этимъ, и французской трудящейся массѣ было несравненно легче доразвиться до пониманія того, что когда дурны министры, то въ этомъ надо винить если не короля, какъ личность, то абсолютную монархію, какъ у ч р е ж д е н і е. На этотъ счетъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія событія конца XVIII вѣка.

Глава VII.

Поворотъ къ Западу.

I.

Въ теченіе столѣтія, слѣдовавшаго за Смутой, внутреннія отношенія Московскаго государства все болѣе и болѣе принимали тотъ характеръ, которымъ отличались великія деспотіи Востока. Такой ходъ развитія общественнаго бытія непремѣнно долженъ былъ отразиться на ходѣ развитія общественнаго сознанія. И мы, въ самомъ дѣлѣ, убѣдились, что политическія понятія московскихъ людей того времени получили яркій восточный оттѣнокъ. Но въ теченіе того же времени совершался сначала весьма медленный, а затѣмъ все болѣе быстрый поворотъ Московскаго государства къ Западу [1]). Этотъ поворотъ тоже не могъ не отразиться на ходѣ развитія русской общественной мысли. Извѣстно, что борьба противоположныхъ вліяній въ области умственнаго развитія данной страны всегда вноситъ въ эту область болѣе или менѣе значительный элементъ драматизма. Мы увидимъ сейчасъ, что исторія общественной мысли Московской Руси XVII вѣка не лишена этого элемента. Но для того, чтобы лучше выяснить себѣ общественно-историческія условія той борьбы двухъ противоположныхъ вліяній, которая совершалась въ умственной области, полезно будетъ еще разъ остановиться на вопросѣ о томъ, почему Московская Русь стала поворачивать къ Западу какъ разъ въ такое время, когда она, по характеру своихъ внутреннихъ отношеній, болѣе чѣмъ когда-нибудь сблизилась и продолжала сближаться съ Востокомъ, т.-е. когда она, казалось бы, должна была все менѣе и менѣе интересоваться Западомъ.

Недавно этотъ важный вопросъ вновь былъ поднятъ,—хотя и въ иной формулировкѣ,—нашимъ извѣстнымъ историкомъ М. Н. Покровскимъ. Онъ утверждаетъ, что многіе изъ его предшественни-

---

[1]) „Русь трогалась съ востока на западъ“... (Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 798).

ковъ держались неумѣстной въ данномъ случаѣ педагогической точки зрѣнія: «Россія начала учиться у Запада, потому что сознала, наконецъ, пользу просвѣщенія. Русскіе стали ѣздить за границу (при этомъ всегда разсказывалось нѣсколько анекдотовъ, показывающихъ, какіе они тогда были смѣшные), иностранцы стали ѣздить въ Москву—такъ какъ рѣчь шла о просвѣщеніи, то изъ иностранцевъ на первый планъ выдвигались врачи, аптекаря, художники и техники всякаго рода; мало-по-малу началось «культурное взаимодѣйствіе», благополучно приведшее при Петрѣ къ тому, что московскіе дикари, сбривъ волосы, естественно росшіе у нихъ на подбородкѣ, увеличили запасъ волосъ на головѣ большой искусственной накладкой, въ видѣ кудряваго, волнистаго парика. Въ то же время они построили флотъ и завели сначала элементарныя школы, а потомъ и Академію наукъ, послѣ чего въ Россію стали пріѣзжать не только аптекаря и врачи, но и свѣтила европейской науки» [1]).

Заранѣе предупреждая тотъ упрекъ, что онъ вдается въ карикатуру, М. Н. Покровскій совѣтуетъ своимъ читателямъ заняться изученіемъ многочисленныхъ писаній покойнаго Брикнера, въ сочиненіяхъ котораго «обширный—и иногда очень цѣнный—фактическій матеріалъ объединенъ, именно, съ этой точки зрѣнія». Онъ прибавляетъ, что даже Соловьевъ «не очень далеко ушелъ отъ этого наивнаго школярства».

Остановимся пока на этомъ предварительномъ критическомъ замѣчаніи М. Н. Покровскаго. Какъ слѣдуетъ назвать тотъ взглядъ, согласно которому одна страна начинаетъ учиться у другой по той простой причинѣ, что убѣждается въ пользѣ просвѣщенія? Это — типичный взглядъ просвѣтителей XVIII вѣка, взглядъ историческаго идеализма. Выходитъ, стало быть, что многіе писатели, изслѣдовавшіе вопросъ объ европеизаціи Россіи, были идеалистами. Это совершенно справедливо. Справедливо, въ частности, и замѣчаніе объ А. Брикнерѣ: онъ до конца дней своихъ держался идеалистической точки зрѣнія, и можно сказать, что у него она становилась подчасъ точкой зрѣнія «наивнаго школярства» [2]). Впрочемъ, мы увидимъ, что, опи-

---

[1]) М. Н. Покровскій. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Томъ III, ст. 76—77.

[2]) Вотъ, примѣръ. Брикнеръ совершенно правъ, когда говоритъ, что послѣ татарскаго нашествія русскія общественно-политическія отношенія стали принимать восточный характеръ («Orientalischer Charakter des Staats»). Однако, онъ совсѣмъ неправильно обозначаетъ это сближеніе словомъ «татаризація» («Tatarisierung»). Татары называются у него «степными рыцарями» («Steppiteenrer»), т.-е. номадами. Стало быть, если бы Россія «татаризовалась», то занятія жителей и ихъ взаимныя отношенія все

сывая ходъ европеизаціи Россіи, самъ Брикнеръ не всегда въ состояніи былъ оставаться послѣдовательнымъ идеалистомъ. Соловьевъ же,—часто тоже платившій обильную дань историческому идеализму,—именно, въ вопросѣ объ европеизаціи Россіи, вопреки мнѣнію М. Н. Покровскаго, очень далеко ушелъ отъ «наивнаго школярства» просвѣтителей.

Онъ писалъ: «Русскій народъ, послѣ осьмивѣкового движенія на Востокъ, круто началъ поворачивать на Западъ; поворота, новаго пути для народной жизни, требовало банкротство экономическое и нравственное» [1]. Уже эти строки недвусмысленно показываютъ, что наиболѣе глубокой причины поворота русскаго народа отъ Востока на Западъ Соловьевъ искалъ въ его экономическихъ нуждахъ. Стараться объяснить экономическими нуждами даннаго народа важнѣйшія,—поворотныя,—эпохи его исторіи не значитъ грѣшить историческимъ идеализмомъ. Конечно, онъ указывалъ также и на нравственное банкротство Московскаго государства. Но вѣдь его невозможно отрицать. А, кромѣ того, замѣтьте, что «банкротство экономическое» отмѣчается Соловьевымъ прежде банкротства нравственнаго. Мы имѣемъ право заключить отсюда, что въ своемъ изслѣдованіи процесса европеизаціи Россіи онъ былъ близокъ къ тому пониманію исторіи, согласно которому не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. По всей вѣроятности, онъ самъ не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, въ какой мѣрѣ приблизился онъ къ этому пониманію. Да и нѣтъ у насъ основанія думать, чтобъ онъ былъ

болѣе и болѣе походили бы въ ней на тѣ, которыя свойственны кочевымъ народамъ. Между тѣмъ мы видимъ совсѣмъ другое. Правда, сѣверо-восточная Русь заимствовала у татаръ нѣкоторыя слова и нѣкоторые обычаи. Но это заимствованіе осталось поверхностнымъ. Не быту номадовъ уподоблялся внутренній бытъ великорусскаго государства, а быту большихъ земледѣльческихъ деспотій Востока. Эти деспотіи тоже страдали отъ «степныхъ рыцарей» и тоже кое-что заимствовали у нихъ по части «культуры». Но несомнѣнно, что подъ вліяніемъ столкновеній со «степными рыцарями» во всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ все больше и больше развивались такія соціально-политическія отношенія, которыя все больше и больше удалялись отъ соціально-политическихъ отношеній, свойственныхъ кочевникамъ. Брикнеръ не замѣтилъ этого обстоятельства, именно, потому, что хотя онъ и стремился объяснить историческій процессъ ходомъ развитія «культуры», но въ своемъ общемъ взглядѣ на движущую причину культурнаго развитія остался чистокровнымъ идеалистомъ. Онъ разсуждалъ такъ: татары были непросвѣщеннымъ народомъ; благодаря ихъ нашествію Русь стала менѣе просвѣщенной, чѣмъ была прежде. Значитъ, она «татаризовалась». Съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, о которомъ Брикнеръ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, вліяніе кочевниковъ на ходъ развитія внутреннихъ отношеній у земледѣльческихъ народовъ представляется гораздо болѣе сложнымъ.

[1]) Исторія Россіи, кн. 3, стр. 803.

знакомъ съ теоріей историческаго матеріализма. Но все-таки несправедливо обвинять его въ идеализмѣ тамъ, гдѣ онъ, хотя бы и безсознательно, покидалъ идеализмъ и приближался къ матеріалистической точкѣ зрѣнія.

II.

Правда, М. Н. Покровскій самъ признаетъ, что скоро русскіе историки перестали довольствоваться уподобленіемъ Московской Руси гимназическому классу и увидѣли себя вынужденными «искать конкретныхъ, осязательныхъ корней европеизма въ московской почвѣ». Но и эти поиски онъ считаетъ весьма неудачными. «Объективная необходимость переворота впервые была демонстрирована, какъ необходимость, военно-финансовая. Россія должна была стать Европой потому, что иначе она не могла бы выдержать конкуренціи съ европейскими государствами: такъ можно вкратцѣ резюмировать новую схему. Внимательный читатель уже уловилъ, что̀ въ этой схемѣ осталось отъ чичеринско-соловьевской метафизики. Заранѣе предполагалось, что Россія для чего-то должна существовать, что въ этомъ одна изъ цѣлей міроваго процесса. Но пока планъ этого послѣдняго намъ не извѣстенъ, и есть даже большія основанія сомнѣваться въ самомъ существованіи этого плана, объясненіе виситъ въ воздухѣ. Оно напоминаетъ извѣстную тавтологію. Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала для того, чтобы уцѣлѣть: опіумъ усыпляетъ, потому что онъ обладаетъ усыпительной силой, а не будь въ немъ этой усыпительной силы, онъ не былъ бы опіумомъ» [1].

Признаюсь, это разсужденіе почтеннаго ученаго кажется мнѣ мало убѣдительнымъ. Онъ вполнѣ справедливо полагаетъ, что у насъ есть большія основанія сомнѣваться въ существованіи какого-то плана міроваго процесса. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что «виситъ въ воздухѣ» объясненіе европеизаціи Россіи указаніемъ на военно-финансовую необходимость. Этого мало. Вовсе не тавтологія была той логической ошибкой, которая угрожала въ данномъ случаѣ историкамъ. Изъ того, какъ изображаетъ дѣло самъ М. Н. Покровскій, очевидно, что имъ угрожалъ такъ называемый порочный кругъ (circulus vitiosus). Въ этой логической ошибкѣ—существенно отличной отъ тавтологіи—мы имѣли бы право упрекнуть ихъ, если бы разсуждали такъ: «Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала потому, что уцѣлѣла». Но вѣдь, по словамъ на-

[1]) Тамъ же, стр. 78.

шего автора, они разсуждали совсѣмъ иначе. Они говорили: «Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала для того, чтобы уцѣлѣть». Два предложенія, соединенныя здѣсь между собою частицей *а*, такъ же далеки, по своему содержанію, отъ порочнаго круга, какъ, напримѣръ, два слѣдующихъ: Джіованни уцѣлѣлъ, потому что покинулъ Мессину раньше землетрясенія, а покинулъ онъ ее для того, чтобы уцѣлѣть. Другими словами: Джіованни предвидѣлъ катастрофу и, опасаясь гибели, удалился изъ Мессины. Если я скажу такъ, то читатель будетъ имѣть право спросить меня: въ самомъ ли дѣлѣ Джіованни предвидѣлъ землетрясеніе? и могъ ли онъ предвидѣть его при данныхъ условіяхъ? Это будутъ questiones facti, рѣшеніе которыхъ потребуетъ подробнаго изученія предмета. Можетъ быть, изученіе обнаружитъ мою ошибку; можетъ быть, окажется, что Джіованни покинулъ Мессину съ другою цѣлью, и что, вообще, въ то время, когда онъ покидалъ ее, невозможно было предвидѣть катастрофу. Но если бы даже я и ошибся по отношенію къ факту, то читатель не имѣлъ бы ни малѣйшаго права сказать, что я погрѣшилъ противъ логики. Не погрѣшили противъ нея и тѣ историки, которые объясняли европеизацію Россіи военно-финансовой необходимостью. Здѣсь тоже можно поставить только вопросы о фактахъ: была ли налицо названная необходимость? И достаточно ли было ея наличности, чтобы Московская Русь повернула къ Западу?

Мы сейчасъ займемся этими вопросами. Но предварительно слѣдуетъ замѣтить еще вотъ что.

По словамъ М. Н. Покровскаго, Соловьевъ вмѣстѣ съ Чичеринымъ искалъ спасенія отъ «наивнаго школярства» въ «туманной метафизикѣ». И, безъ сомнѣнія, вдался бы въ «туманную метафизику» тотъ историкъ, который сказалъ бы, что существованіе Россіи составляетъ одну изъ цѣлей міроваго процесса. Но Соловьевъ этого не говорилъ. Онъ указывалъ лишь на то, что Московская Русь усваивала западно-европейскую технику, желая отстоять свое существованіе. Въ этомъ я не вижу ни метафизики вообще, ни туманной метафизики въ особенности. Конечно, и тутъ возможно сомнѣніе насчетъ фактовъ. Можно спросить: точно ли находила Московская Русь нужнымъ отстаивать свое существованіе? Но этотъ вопросъ очень просто рѣшается, помимо общихъ соображеній, ссылкой на всѣмъ извѣстныя обстоятельства. Достаточно вспомнить эпоху Смуты, кстати сказать, очень близкую къ тому времени, когда начался интересующій насъ здѣсь процессъ европеизаціи Россіи. Вотъ что писали, напримѣръ, ратные и земскіе люди Нижняго Новгорода въ грамотѣ къ другимъ городамъ:

«По Христову слову, встали многіе лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся Земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ, и длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасенія, Польскіе и Литовскіе люди, умыслили Московское государство разорить, и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ—быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать» и т. д. [1]).

Люди, писавшіе и разсылавшіе эту грамоту, были, какъ видимъ, твердо убѣждены въ томъ, «что Россія для чего-то д о л ж н а существовать», какъ независимое государство. И нетрудно догадаться—для чего именно. Для того, чтобы ея жители,—т.-е., между прочимъ, тѣ самые, которые писали подобныя грамоты, разсылали ихъ или сочувственно внимали имъ,—не терпѣли притѣсненій отъ чужестранцевъ и не подвергались разоренію со стороны своихъ собственныхъ «воровъ». А разъ у нихъ было такое убѣжденіе, подсказанное какъ нельзя болѣе естественнымъ желаніемъ жить, то намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности апеллировать къ «цѣлямъ мірового процесса»,—въ самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе чѣмъ сомнительнымъ,—для того, чтобы выяснить значеніе военно-финансовой необходимости въ ходѣ культурнаго развитія Россіи. Всего вѣроятнѣе, что у огромнаго большинства московскихъ людей,—даже тѣхъ классовъ, усиліями которыхъ было возстановлено Московское государство,—убѣжденіе въ необходимости существованія этого государства становилось яснымъ только въ исключительныхъ случаяхъ, а въ обыкновенное время оставалось за порогомъ сознанія. Но у меньшинства ихъ,—у тѣхъ, которые управляли страною,—указанное убѣжденіе не могло не быть яснымъ даже въ обыкновенное время: вѣдь ихъ дѣло заключалось, именно, въ томъ, чтобы бороться съ опасностями, извнѣ или изнутри грозившими государству.

III.

Мы знаемъ, что уже Иванъ III приглашалъ въ Россію иностранныхъ мастеровъ. Если бы мы сказали, что онъ поступалъ такъ изъ любви къ просвѣщенію, то мы сдѣлали бы ту методологическую ошибку, которую осмѣиваетъ М. Н. Покровскій. Но мы

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. 2, стр. 1012.

такъ не скажемъ, потому что мы знаемъ отъ русскихъ историковъ, какими «конкретными, осязательными» нуждами вызвана была любовь великаго князя къ просвѣщенію. Благодаря русскимъ историкамъ, намъ извѣстно, напримѣръ, что сначала Иванъ III поручилъ постройку Успенскаго собора въ Москвѣ мѣстнымъ каменщикамъ, но тѣ оказались неискусными, и зданіе рухнуло, когда начали сводить своды. Тогда, по совѣту своей жены Софьи, великій князь обратился въ Венецію. Пріѣхавшій оттуда Аристотель Фіоравенти (или Фіораванти) удачно закончилъ постройку собора. Это ясно показываетъ намъ, что итальянскій мастеръ вызванъ былъ въ Москву не вслѣдствіе неопредѣленной любви ея жителей къ просвѣщенію, а вслѣдствіе того, что ея правители встрѣтились съ «конкретной, осязательной» потребностью. Впадали ли въ метафизику изслѣдователи, указывавшіе на такую потребность для объясненія того, что московскіе великіе князья стали обращаться къ иностранцамъ? Единственный возможный отвѣтъ гласитъ: въ этомъ случаѣ методъ ихъ былъ прямо противоположенъ метафизическому.

Далѣе. Фіоравенти не только построилъ Успенскій соборъ; онъ чеканилъ въ Москвѣ монету и лилъ пушки. Этой его дѣятельностью опять удовлетворялись такія государственныя потребности, въ указаніи на которыя нѣтъ ровно ничего метафизическаго. Тутъ все какъ нельзя болѣе «конкретно» и «осязательно». Московскому государству нужны были каменныя постройки и пушки; ему нужна была монета; наконецъ, его «обдержатели» испытывали по временамъ нужду въ медицинской помощи. И вотъ московское правительство вызываетъ изъ-за границы каменщиковъ «хитрыхъ»; лекарей «добрыхъ»; мастеровъ, умѣющихъ «къ городамъ приступать и изъ пушекъ стрѣлять», и т. п. Для обращенія къ иностраннымъ мастерамъ необходимо было только одно предварительное условіе: правительство должно было убѣдиться въ томъ, что заграничные мастера «хитрѣе», а лекаря «добрѣе» московскихъ. Въ этомъ же ему совсѣмъ нетрудно было убѣдиться; по этой части оно получало отъ жизни много наглядныхъ уроковъ, за которые оно особенно дорого платило въ случаяхъ, относившихся къ военному дѣлу. Въ царствованіе Грознаго Московская Русь одержала рядъ очень важныхъ побѣдъ на Востокѣ и Юго-Востокѣ. Но когда Иванъ IV обратился противъ своихъ западныхъ сосѣдей, онъ самъ оказался побѣжденнымъ. Трудно ли было ему понять, что его пораженія причинены были превосходствомъ западной военной техники надъ московской? Я этого не думаю.

Польскій король Сигизмундъ-Августъ писалъ англійской ко-

ролевѣ Елизаветѣ: «Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; привозятъ не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безызвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?»

Скажемъ ли мы, что, питая и выражая подобныя опасенія, Сигизмундъ-Августъ вдавался въ «туманную метафизику»? Мы скажемъ наоборотъ: онъ показалъ себя сообразительнымъ практикомъ. Но мы прибавимъ, что по этой части московскіе государи не уступали ему въ сообразительности. Если онъ опасался, что, усвоивъ западную технику, они сдѣлаются слишкомъ могущественными, то они, съ своей стороны, поняли, что усвоеніе этой техники было необходимо для увеличенія степени ихъ могущества. Вотъ на это и указывали Соловьевъ и другіе историки того же направленія. И поскольку они указывали на это, они были какъ нельзя болѣе далеки отъ метафизики.

Что военная «необходимость» вызывала мысль о преобразованіяхъ еще до того времени, когда власть досталась Петру, это очень хорошо видно изъ наказа, даннаго кн. В. В. Голицыну въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича и приводимаго тѣмъ же Соловьевымъ: «Вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски надъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то новомышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобы имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобъ прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ неприбыльно, перемѣнить на лучшее, а которыя и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріятелями имѣются пристойны,—и тѣмъ быть безъ перемѣны» [1]).

Въ то время, когда былъ писанъ этотъ наказъ, московскіе люди должны были хорошо знать, что, собственно, западные «непріятели» могли научить ихъ чему-нибудь новому въ дѣлѣ

[1]) Исторія Россіи, кн. 3, стр. 876.

войны. И они внимательно смотрѣли на Западъ. Но вотъ обстоятельства привели ихъ въ столкновеніе съ Китаемъ, и въ октябрѣ 1687-го года окольничій Ѳ. Головинъ, ведшій съ китайцами переговоры объ Албазинѣ, получилъ, между прочимъ, такое приказаніе: «Развѣдать подлинно и разсмотрѣть, каковы китайскіе люди къ войнѣ, какой у нихъ бой, въ какомъ числѣ, какимъ ополченіемъ и строемъ ходятъ, и воинскіе промыслы чинятъ полевыми ль боями или водяными путями или приступами и осадами городовъ и крѣпостей, и къ чему больше охочи и привычны, и на какой народъ въ воинскихъ поведеніяхъ похожи» [1]). Едва ли возможно было внимательнѣе относиться къ тогдашней «военной необходимости».

Въ виду несомнѣннаго значенія военной «необходимости», какъ источника преобразованій Московской Руси, пріобрѣтаетъ огромную научную цѣнность та мысль Ключевскаго, что реформа Петра, по своему первоначальному замыслу, направлялась, собственно, къ перестройкѣ военныхъ силъ и къ расширенію финансовыхъ средствъ государства и лишь постепенно расширила свою програму, при чемъ «взбаломутила всю застоявшуюся плѣсень русской жизни, взволновала всѣ классы общества» [2]). При яркомъ свѣтѣ этой мысли становится очевиднымъ, что Петровская реформа, съ точки зрѣнія историческаго идеализма, представлявшаяся чрезвычайно счастливой случайностью, отъ начала до конца направлялась объективной логикой соціально-политической жизни. Съ «метафизикой» эта мысль не имѣетъ ничего общаго.

IV.

Въ грамотѣ, данной извѣстному Адаму Олеарію въ 1639-мъ году отъ имени царя Михаила, мы читаемъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ въ астроломіи, и геграфусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многихъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ: а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ». Если принять въ соображеніе, что уже за два года до этого офиціальнаго признанія важности наукъ «астроломіи» и «географусъ», по указу того же государя, было переведено съ латинскаго сочиненіе по космографіи, то у насъ какъ будто получится доводъ въ пользу того мнѣнія, что московскіе правители вызывали западныхъ мастеровъ, повинуясь отвлеченной любви къ просвѣщенію. Однако, на самомъ дѣлѣ это было

---

1) Соловьевъ. Исторія, кн. 3, стр. 1029.

2) Курсъ русской исторіи, ч. IV, стр. 19—292.

не такъ. Иностранныхъ мастеровъ вызывали потому, что они были «годны» великимъ государямъ для удовлетворенія извѣстныхъ практическихъ нуждъ; а когда ближе познакомились съ ними, то стали соображать, что они «хитрѣе» московскихъ потому, что обладаютъ извѣстными научными свѣдѣніями. Соображали это московскіе «обдержатели» крайне медленно, туго, да и о наукахъ имѣли такое темное представленіе, что сильно искажали ихъ названія. Но все-таки кое-какъ соображали, и потому начинали поговаривать объ «астроломіи» и заставляли переводить космографію. Отсюда еще очень далеко было до принятія серьезныхъ мѣръ для распространенія въ Московскомъ государствѣ естественно-научныхъ познаній [1]). Но это намъ сейчасъ неинтересно. Здѣсь для насъ,—какъ и въ соображеніяхъ Ключевскаго о реформѣ Петра Великаго,—важно указаніе на то, что не сознаніе опредѣлило собою бытіе, а бытіе опредѣлило собою сознаніе: извѣстныя «конкретныя» нужды заставили московскихъ правителей обратиться къ иностраннымъ мастерамъ, а болѣе близкое знакомство съ этими послѣдними убѣдило,—если убѣдило,—ихъ, что Московскому государству нужны также и теоретическія свѣдѣнія. Этимъ указаніемъ мы обязаны такимъ изслѣдователямъ, какъ Соловьевъ. Зачѣмъ же попрекать ихъ «метафизикой» тамъ, гдѣ они поворачиваются къ ней спиной?

А если ужъ попрекать «метафизикой» за указаніе на военно-финансовую необходимость, то слѣдуетъ направить этотъ упрекъ также по адресу, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ основоположниковъ историческаго матеріализма, именно Фридриха Энгельса. Вотъ что говорилъ онъ о вліяніи Крымской войны на внутреннюю жизнь нашего отечества:

«Война доказала, что Россія, даже съ чисто военной точки зрѣнія, нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ и крупной промышленности. Правительство принялось поэтому заботиться о размноженіи класса капиталистовъ... Новая крупная буржуазія старательно выращивалась въ тепличной атмосферѣ желѣзнодорожныхъ привилегій, покровительственнаго тарифа и всякихъ другихъ преимуществъ. Всѣмъ этимъ какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, была произведена полнѣйшая соціальная революція, при которой не могло замереть разъ начавшееся умственное движеніе. Появленіе молодой буржуазіи отразилось въ либерально-

[1]) При Михаилѣ было офиціально признано, что великому государю „годенъ" мастеръ, знакомый съ „астроломіей". А на Стоглавомъ соборѣ царь отнесъ „астроломію" къ числу „составовъ и мудростей еретическихъ". Московская Обломовка все-таки шла впередъ, хотя и крайне медленно.

конституціонномъ движеніи; возникновеніе пролетаріата—въ движеніи, обыкновенно называемомъ нигилизмомъ».

Энгельсъ употребляетъ здѣсь какъ разъ тотъ методологическій пріемъ, которымъ пользовались Соловьевъ, Ключевскій и другіе русскіе изслѣдователи, стараясь найти соціологическое объясненіе реформы Петра I.

Историческій процессъ несравненно лучше объясняется матеріализмомъ, нежели идеализмомъ. Чтобы выразиться точнѣе, надо сказать, что научное объясненіе историческаго процесса становится возможнымъ только тогда, когда изслѣдователи сознательно или безсознательно переходятъ на почву матеріализма. Однако, поле зрѣнія историческаго матеріалиста не ограничивается одной экономикой. Въ него не только входитъ, но непремѣнно должна входить вся та «надстройка», которая, возникая на экономической основѣ, всегда имѣетъ болѣе или менѣе сильное обратное вліяніе на нее. Если бы матеріалистъ не захотѣлъ принимать во вниманіе это обратное вліяніе, то онъ тѣмъ самымъ измѣнилъ бы своему собственному методу: устранить изъ своего поля зрѣнія «надстройку» вовсе не значитъ объяснить ея происхожденіе изъ экономической основы и ея обратное воздѣйствіе на эту послѣднюю.

V.

Намъ неизвѣстны такія цивилизованныя общества, которыя не приходили бы въ соприкосновеніе со своими сосѣдями. Для каждаго такого общества существуетъ извѣстная историческая среда, неизбѣжно вліяющая на его развитіе. И для каждаго общества среда эта различна. Этимъ вносится элементъ разнообразія въ ходъ историческаго движенія. И этимъ въ значительной степени объясняется то, что нѣтъ и не можетъ быть двухъ обществъ, процессъ развитія которыхъ былъ бы совершенно одинаковъ. Воздѣйствіе одного общества на другое,—«взаимодѣйствіе» между ними,—не выдумка «туманныхъ метафизиковъ», а простой историческій фактъ. Для соціолога вопросъ заключается не въ томъ, существуетъ ли оно,—это стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія,—а въ томъ, по какимъ путямъ оно, прежде всего, направляется. Послѣдовательные идеалисты, считавшіе «мнѣніе» главной движущей силой общественнаго развитія, были по-своему совершенно правы, думая, что одно общество воздѣйствуетъ на другое, прежде всего, посредствомъ своихъ идей («просвѣщенія»). Послѣдовательные матеріалисты нисколько не отрицаютъ идейнаго взаимодѣйствія между народами. Но, по ихъ научному убѣжденію, путь для него подготовляется тѣми международными сношеніями, которыя обусловлива-

ются матеріальными нуждами народовъ. Матеріальныя нужды побуждаютъ ихъ ко взаимному обмѣну продуктовъ своей хозяйственной дѣятельности. Этнологія показываетъ, что такой обмѣнъ возникаетъ уже на очень низкихъ стадіяхъ хозяйственнаго развитія. Но, кромѣ обмѣна,—который самъ въ теченіе нѣкотораго времени весьма нерѣдко сливается съ разбоемъ,—матеріальныя нужды вызываютъ военныя столкновенія между обществами (племенами, городами, народами) [1]. Этими столкновеніями со временемъ порождается извѣстная военная организація. Ея характеръ зависитъ отъ степени экономическаго развитія, достигнутой даннымъ обществомъ. Разъ возникнувъ, она отвлекаетъ ту или другую долю общественнаго труда отъ его первоначальнаго назначенія: производства продуктовъ для непосредственнаго удовлетворенія потребностей членовъ общества, а также для производства средствъ производства. Если данное общество вступаетъ въ соприкосновеніе съ народами, стоящими на болѣе высокой ступени экономическаго развитія и потому обладающими болѣе совершенной военной техникой, то, подъ страхомъ окончательнаго пораженія и потери независимости, ему приходится усвапвать себѣ эту болѣе совершенную военную технику. Возможность подобнаго усвоенія, а также болѣе или менѣе своеобразный ходъ и быстрота его процесса опредѣляются экономикой отсталаго общества и выросшими на ея основѣ соціально-политическими отношеніями. Но болѣе совершенная военная техника возникаетъ на болѣе высокой ступени экономическаго развитія. Поэтому, если усвоеніе имѣетъ мѣсто, то политическіе представители отсталой страны видятъ себя вынужденными позаботиться о насажденіи въ ней такихъ производствъ и о введеніи такихъ учрежденій, въ которыхъ она вовсе не имѣла бы нужды или имѣла бы значительно меньшую нужду при другой исторической обстановкѣ. Иначе сказать, экономическая политика отсталаго государства не получила бы такого вида, не будь у него сосѣдей, обладающихъ, вслѣдствіе болѣе высокаго экономическаго развитія, болѣе могучей военной техникой. Правители начинаютъ заводить фабрики, принимаютъ мѣры для развитія торговли и ремеслъ, словомъ, спо-

---

[1]) Воюете ли Вы со своими сосѣдями?—спросилъ однажды Стэнли представителей одного изъ племенъ экваторіальной Африки. — „Нѣтъ“, отвѣчали ему: „но иногда наши ребята идутъ на охоту въ сосѣдній лѣсъ. Иногда наши сосѣди заходятъ въ нашъ. И тогда мы деремся, пока не побѣдятъ они, или не побѣдимъ мы. (Stanley. Dans les Tènêbres de l' Afrique. Paris 1890, t. 2, p. 91). „Всѣ африканскія войны преслѣдуютъ одну изъ двухъ цѣлей: похищеніе скота или захватъ плѣнниковъ“ (Burton. Voyage aux grands lacs de l' Afrique Orientale. Paris 1862, p. 666). Плѣнники работаютъ на своихъ повелителей въ качествѣ рабовъ или продаются.

собствуютъ росту призводительныхъ силъ страны. Такимъ образомъ военная потребность даннаго общества, выросшая на данной экономической основѣ, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ оказываетъ значительно увеличенное вліяніе на дальнѣйшее развитіе названной основы. Это хорошо видно уже на примѣрѣ нѣкоторыхъ западныхъ государствъ. Потерпѣвъ жестокія пораженія въ борьбѣ съ Франціей, которую обновила революціонная буря, правительство Пруссіи предприняло цѣлый рядъ реформъ, много содѣйствовавшихъ дальнѣйшему экономическому развитію этой страны. И то же самое, только въ гораздо бо̀льшей степени, видно на примѣрѣ Московской Руси [1]).

Въ подобныхъ случаяхъ правительство отсталой страны неизбѣжно играетъ болѣе или менѣе прогрессивную роль, и эта его роль обезпечиваетъ ему на извѣстное время сочувствіе передовыхъ умовъ его страны. Только прогрессивнымъ значеніемъ Петровской реформы объясняется восторженный взглядъ Бѣлинскаго на Петра, какъ на «божество», воззвавшее насъ къ жизни. Разладъ между передовыми умами отсталой страны и ея правительствомъ начинается лишь послѣ того,—и иногда довольно долго послѣ того,—какъ это послѣднее окончательно отказывается отъ прогрессивной роли. Цѣлый періодъ въ исторіи русской общественной мысли останется непонятнымъ для насъ, если мы не отдадимъ себѣ отчета въ этой діалектикѣ исторіи.

М. Н. Покровскій недоволенъ тѣмъ, что историки, указывавшіе на военно-финансовую необходимость, какъ на причину Петровской реформы, не обратили надлежащаго вниманія на состояніе народнаго хозяйства въ Москвѣ XVII вѣка. Этотъ упрекъ далеко не лишенъ основанія. Надо признать, что до сихъ поръ русскіе, да и не одни русскіе, историки недостаточно внимательно изучали развитіе экономическихъ отношеній. До сихъ поръ въ ихъ разсужденіяхъ слишкомъ часто обнаруживается достойный край-

---

1) „Петръ нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ изыскивать новые источники государственныхъ доходовъ. Забота о пополненіи государственной казны постояннымъ бременемъ лежала на немъ и привела Петра къ той мысли, что поднять финансы страны возможно только путемъ коренныхъ улучшеній народнаго хозяйства. Путь къ такимъ улучшеніямъ Петръ видѣлъ въ развитіи національной промышленности и торговли. Къ развитію торговли и промышленности онъ и направлялъ всю свою экономическую политику". (Лекціи по русской исторіи С. Ѳ. Платонова, стр. 488). Кстати, М. Н. Покровскій приписываетъ историческимъ идеалистамъ то соображеніе, что „такъ какъ рѣчь шла о просвѣщеніи, то изъ иностранцевъ на первый планъ выдвигались врачи, аптекаря, художники и техники всякаго рода" (*курсивъ мой*). Это „такъ какъ... то" меня удивляетъ. Историческимъ идеализмомъ выдвигается на первый планъ не техника, не медицина, не аптека, а „мнѣніе" людей, т.-е. ихъ общее міросозерцаніе. Аптека и техника очень сильно отдаютъ матеріализмомъ.

няго сожалѣнія недостатокъ точныхъ политико-экономическихъ знаній. М. Н. Покровскій безусловно правъ, полагая, что нельзя понять Петровскую реформу, не ознакомившись предварительно съ экономикой Московскаго государства XVII столѣтія. Но и самъ онъ врядъ ли вполнѣ точно характеризуетъ это состояніе. Вотъ примѣръ.

Онъ пишетъ: «Первые цари дома Романовыхъ монополизировали въ своихъ рукахъ, въ сущности, всѣ наиболѣе цѣнные предметы сбыта. «Царь—первый купецъ въ своемъ государствѣ», говоритъ долго проживщій въ Россіи Коллинсъ. Перечень царскихъ монополій даетъ намъ любопытную картину концентраціи русскаго вывоза, создавшій почву, на которой выросталъ туземный торговый капитализмъ» [1]). Картина эта, въ самомъ дѣлѣ, очень любопытна. Но она отнюдь не свидѣтельствуетъ о цвѣтущемъ состояніи московскаго «торговаго капитализма». То обстоятельство, что царь былъ первымъ купцомъ въ своемъ государствѣ, указываетъ на низкую ступень экономическаго развитія страны и на близость ея общественныхъ отношеній къ общественнымъ отношеніямъ восточныхъ деспотій [2]). Въ древнемъ Египтѣ первымъ купцомъ тоже являлся глава государства. Экономическая неразвитость Московской Руси XVII вѣка недостаточно оттѣнена М. Н. Покровскимъ [3]). Онъ правъ говоря, что «торговый капитализмъ XVII вѣка имѣлъ громадное вліяніе и на внѣшнюю и на внутреннюю политику Московскаго государства» [4]). Но онъ

---

[1]) Покровскій. Русская Исторія, т. III, стр. 91.

[2]) Экономическая отсталость Московскаго государства, ставившая русскихъ торговцевъ въ весьма невыгодное отношеніе къ иностраннымъ, обусловила собою, какъ мы это увидимъ ниже, упроченіе націоналистическаго оттѣнка во взглядахъ московскаго торговаго сословія.

[3]) Онъ самъ справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ еще ничего не доказываетъ приводимое г. Тугановъ-Барановскимъ замѣчаніе Кильбургера о любви всѣхъ русскихъ, отъ высшихъ до низшихъ, къ торговлѣ. (Тамъ же, стр. 79). Онъ могъ бы прибавить, что, по свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, китайскіе горожане всегда очень любили торговлю. „Они — настоящіе, дѣйствительные, прирожденные торговцы", говоритъ о нихъ Эрчибальдъ Кольхоунъ: „во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,— даже въ такихъ, которыя меньше всего относятся къ торговлѣ — они, если можно такъ выразиться, думаютъ на деньги"... (цитировано у Элизэ и Онэзима Реклю: „L'Empire du Milieu", стр. 520—521). Извѣстно, однако, что страсть къ торговлѣ не помѣшала китайцамъ далеко отстать отъ Западной Европы по части „торговаго капитализма". Кильбургеръ утверждалъ, что московскія лавки были въ большинствѣ случаевъ такъ малы и узки, что продавцы съ трудомъ поворачивались въ нихъ Таково же было до послѣдняго времени и большинство лавокъ въ страстно любящемъ торговлю Китаѣ. Какъ мало доказываетъ сама по себѣ „любовь къ торговлѣ", видно изъ того, что ею отличаются нѣкоторыя африканскія племена, едва достигшія средней ступени варварства.

[4]) Покровскій. Тамъ же, III, стр. 101.

врядъ ли обратилъ достаточное вниманіе на тѣ соціально-политическія отношенія, при которыхъ имѣло мѣсто это вліяніе [1]. И только потому, что онъ не обратилъ на нихъ достаточнаго вниманія, онъ увидѣлъ нѣчто «метафизическое» въ извѣстномъ уже намъ указаніи на финансовую необходимость. На самомъ дѣлѣ совершенно понятно, что эта необходимость сыграла огромную роль въ дальнѣйшемъ развитіи той страны, въ которой государь былъ первымъ купцомъ. Царскія монополіи сами служили средствомъ удовлетворенія тѣхъ финансовыхъ потребностей московскаго государства, которыя, въ свою очередь, порождались его военными нуждами. Такимъ образомъ, «торговый капитализмъ» московскаго правительства находился въ тѣсной причинной зависимости отъ «военно-финансовой необходимости», и противопоставлять его ей нѣтъ основанія [2].

VI.

Неоспоримо, что та же военно-финансовая необходимость опредѣлила собою тотъ родъ просвѣтительнаго вліянія, который взялъ верхъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ прежнее время русскіе книжники довольствовались сознаніемъ своей вѣрности православной церкви: «не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, но разумъ Христовъ въ себѣ имѣю». Однако, въ XVII вѣкѣ московскіе блюстители православія столкнулись съ вопросомъ о критеріи, съ помощью котораго можно было бы отличать людей, имѣющихъ въ себѣ «разумъ Христовъ». Они увидѣли, что обряды московской церкви во многомъ отличаются отъ греческихъ. На это не однажды съ укоромъ указывали представители греческой церкви. Незадолго до вступленія Ни-

---

[1] Какъ велико было это вліяніе, видно изъ слѣдующаго. Когда голландецъ Андрей Виніусъ получилъ (въ 1632 г.) концессію на устройство заводовъ близъ Тулы, то для обезпеченія заводовъ рабочими къ нимъ приписана была цѣлая дворцовая волость. На Западѣ фабрично-заводская промышленность возникла при совершенно иныхъ производственныхъ отношеніяхъ. Замѣчу кстати, что тульскіе заводы были основаны передъ самой войной съ Польшей, а ихъ основатель обязался поставлять московскому правительству по удешевленнымъ цѣнамъ пушки, ядра, ружья и, вообще, всякое желѣзо. Отсюда видно какую цѣль преслѣдовало правительство, поддерживая предпріятіе Виніуса.

[2] Царскія торговыя монополіи не только порождены были экономической отсталостью Московскаго государства, но и сами поддерживали эту отсталость. Псковскій лѣтописецъ жаловался на то, что въ 1636 г. у псковичей было отнято право торговли льномъ: „и гость московскій присланъ велѣно ему купить на государя по указной цѣнѣ московской; много отъ этого было убытку монастырямъ и всякимъ людямъ, деньги— корелки худыя, цѣна невольная, купля нелюбовная, во всемъ скорбь великая, вражда несказанная и всей землѣ связа, никто не смѣй ни купить, ни продать“. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. 2, стр. 1340.

кона на патріаршій престолъ монахи греческихъ монастырей на Аѳонѣ объявили ересью московское двуперстіе, сожгли московскія богослужебныя книги и въ избыткѣ религіознаго рвенія хотѣли даже сжечь того монаха,—серба Дамаскина,—у котораго нашлись эти книги. Мало того. Въ славянскомъ текстѣ молитвъ и богослужебныхъ книгъ обнаружились несходства съ греческимъ текстомъ. Чтобы рѣшить, допустимы ли эти отклоненія, и разобраться въ вопросѣ о церковныхъ обрядахъ, нужно было обратиться къ богословію, опиравшемуся, какъ на вспомогательныя науки, на «діалектику, риторику и философію». Словомъ, нужно было учиться [1]). Сознаніе нужды въ просвѣщеніи должно было подкрѣпляться дѣйствіемъ исторической обстановки того времени. Въ XVII вѣкѣ православное Московское государство приняло дѣятельное участіе въ борьбѣ юго-западной Руси съ католической Польшей. Если ратные люди боролись оружіемъ, то православному духовенству нельзя было избѣжать идейной борьбы съ католицизмомъ. Борьба эта давно уже началась въ Западной Руси, и хотя москвитяне мало интересовались тонкостями западно-русской православной аргументаціи, но въ половинѣ XVII вѣка имъ уже невозможно было сохранить полное равнодушіе къ нимъ. Наконецъ, если московскіе пастыри хотѣли предохранить свое духовное стадо отъ «ерсей», носителями которыхъ являлись иностранцы, вызывавшіеся въ Москву правительствомъ, то и здѣсь имъ нельзя было обойтись безъ «діалектики, риторики и философіи». И вотъ мы видимъ, что одновременно съ западно-европейскими пушечными мастерами и «рудознатцами» Москва зоветъ къ себѣ ученыхъ грековъ и западноруссовъ, которымъ она отдаетъ въ науку своихъ молодыхъ людей. Уже въ 30-хъ годахъ XVII вѣка патріархъ Филаретъ устроилъ при Чудовомъ монастырѣ школу, получившую названіе патріаршей. Въ концѣ 40-хъ годовъ бояринъ Ртищевъ завелъ при Андреевскомъ монастырѣ училище, отданное имъ въ завѣдываніе западнорусскихъ ученыхъ иноковъ. Въ 1679 году учреждено училище, названное Еллино-греческимъ, потомъ переименованное въ Славяно-латинскую, а еще позже—въ Славяно-греко-латинскую академію. Въ этой академіи преподавали грамматику, піитику, риторику, діалектику, философію, богословіе, церковное и граждан-

[1]) Уже знакомый намъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ говорилъ, что наводненіе христоименитаго русскаго царства ересями,—т.-е. движеніе, извѣстное подъ именемъ раскола, — вызвано было отсутствіемъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Онъ прибавлялъ, что если бы его спросили: „какіе столпы церкви и государства?“, то онъ отвѣтилъ бы: „во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и, въ-третьихъ, училища“ Крайнее невѣжество московскаго духовенства признано было еще на Стоглавомъ соборѣ.

ское право. Проектъ устава для нея написанъ былъ знаменитымъ въ лѣтописяхъ московскаго просвѣщенія западно-руссомъ Симеономъ Полоцкимъ.

Между греческими просвѣтителями, съ одной стороны, и западно-русскими—съ другой, тотчасъ возникли несогласія и соперничество. При устройствѣ школъ много спорили о томъ, къ какому типу онѣ должны приближаться: къ греческому или же къ западно-русскому.

Другими словами: въ дѣлѣ школьнаго образованія, направленномъ на удовлетвореніе нравственно-религіозныхъ цѣлей, тоже происходила борьба в о с т о ч н а г о (греческаго) вліянія съ з а п а д н ы м ъ (кіевскимъ). Но эта борьба двухъ вліяній, совершавшаяся въ одной и той же области идей, имѣетъ ничтожное историческое значеніе въ сравненіи со взаимной борьбой двухъ вліяній, исходившихъ изъ двухъ, вполнѣ различныхъ по своей природѣ, отраслей знанія: технической—съ одной стороны, и литературно-богословской—съ другой. Хотя московскому духовенству до крайности нужно было пополнить запасъ своихъ свѣдѣній, но въ тогдашней исторической обстановкѣ даже посредственный пушечный мастеръ или рудознатецъ былъ несравненно важнѣе для Москвы, нежели самый ученый богословъ или самый пышный «витія» [1]). Москва, какъ видно, сама сознавала это «кіевскіе ученые,—говоритъ Ключевскій,—вознаграждались умѣреннѣе нѣмецкихъ наемныхъ офицеровъ [2]). Понятно, почему у насъ въ концѣ-концовъ одержало рѣшительную побѣду не греческое и не кіевское вліяніе, а вліяніе тѣхъ западныхъ странъ, христіанскихъ жителей которыхъ Москва въ своей простотѣ искренно считала «нехристями».

Соціологическая причина этой побѣды «еретическаго» вліянія надъ православнымъ прекрасно выяснена Соловьевымъ.

«Прежде всего нужно было выйти изъ экономической несостоятельности, нужно было разбогатѣть и усилиться,—разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ; нужно было море,—пробиться къ морю нужно было съ оружіемъ въ рукахъ; нужно было свести старые счеты, освободиться отъ татарской дани, которую

---

[1]) Въ одной изъ своихъ проповѣдей Епифаній Славинецкій восклицалъ, обращаясь къ православнымъ слушателямъ: «Раздеремъ жестокое сердецъ нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетазму, неплодную ума нашего истрясемъ землю, и злосмрадныхъ душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныхъ, отвержемъ страсти, да отъ смерти духовной свободимся», и т. д. Это было, можетъ быть, превосходно въ смыслѣ тогдашней риторики, но съ точки зрѣнія государственныхъ потребностей это, навѣрно, не стоило хорошей пищали.

[2]) Курсъ, ч. III, стр. 356.

платили въ Крымъ подъ именемъ поминковъ,—нужно было, слѣдовательно, выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на нихъ, строить крѣпости. Чтобы поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы, — нужно было выучиться всякимъ искусствамъ и ремесламъ» [1]).

По поводу этихъ строкъ мнѣ опять хочется сказать, что Соловьева нельзя относить безъ важныхъ оговорокъ къ числу историческихъ идеалистовъ и туманныхъ «метафизиковъ». Но довольно объ этомъ.

---

[1]) Соловьевъ. Тамъ же, кн. III, стр. 805

Глава VIII.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ И ПРОСВѢТИТЕЛИ.

Кн. И. А. Хворостининъ.—В. А. Ординъ-Нащокинъ.

I. Кн. И. А. Хворостининъ.

1.

Если въ Московскомъ государствѣ побѣдило вліяніе «нехристей», то и въ этомъ послѣднемъ были свои важные оттѣнки: польское вліяніе сильно отличалось, по всему своему характеру, отъ «нѣмецкаго». При Петрѣ «нѣмецкое» вліяніе вытѣснило польское; но въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Петровской реформѣ, польское вліяніе было въ Москвѣ довольно сильно. Въ 1671 году, въ письмѣ къ царю одинъ изъ западно-руссовъ (Л. Барановичъ) говорилъ, что «синклитъ царскаго пресвѣтлаго величества польскаго языка не гнушается, но чтутъ книги ляцкія въ сладость». Въ слѣдующемъ году была сдѣлана, правда, кончившаяся неудачей, попытка организовать въ Москвѣ продажу польскихъ книгъ [1]). Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ владѣлъ польскимъ языкомъ. Въ домахъ московской знати появилась польская утварь.

«Ляцкій» языкъ, «ляцкія» книги и «ляцкія» издѣлія прокладывали путь,—правда, весьма узкій: чуть замѣтную тропинку,—«ляцкимъ» идеямъ. Намъ извѣстно сообщеніе Маскѣвича о томъ, какъ упорно защищали москвичи въ разговорахъ съ нимъ особенности своего политическаго строя. Говоря вообще, польское вліяніе никогда не могло поколебать убѣжденіе московскихъ людей XVII вѣка въ преимуществахъ восточно-русскаго политическаго порядка и общественнаго быта. Но нѣтъ правила безъ исключеній. Близкія сношенія съ поляками въ эпоху Смуты имѣли то послѣдствіе, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣльные москвичи стали

---

1) Милюковъ, назв. соч.

отрицательно относиться и къ названному быту, и къ названному порядку [1]). Къ числу этихъ рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе интересныхъ исключеній принадлежалъ кн. И. А. Хворостининъ изъ рода ярославскихъ князей.

Князь Иванъ Андреевичъ находился при дворѣ перваго Лжедимитрія въ должности кравчаго. Согласно нѣкоторымъ источникамъ, онъ состоялъ въ позорной связи съ самозванцемъ. Говорятъ также, что онъ уже въ то время показалъ себя надменнымъ. Не останавливаясь на этихъ обвиненіяхъ, отмѣтимъ, что польское вліяніе вызвало у него до извѣстной степени свободное отношеніе къ религіознымъ понятіямъ московскихъ людей. Указъ, «сказанный» ему впослѣдствіи отъ великихъ государей (царя Михаила и патріарха Филарета), упрекалъ его въ томъ, что онъ еще «при Разстригѣ заразился ересью. Невозможно рѣшить теперь, какъ далеко шло въ то время религіозное свободомысліе Хворостинина. Можетъ быть, между поляками, во множествѣ съѣхавшимися тогда въ столицу восточной Руси, просто нашлись люди, сумѣвшіе объяснить молодому и, по общему признанію, очень способному человѣку, что глубоко ошибались православные москвичи, принимая католиковъ за «нехристей». Ему достаточно было проникнуться такимъ убѣжденіемъ, чтобы прослыть между своими соотечественниками еретикомъ. «При Разстригѣ» подобная ересь была не только не опасна, а, пожалуй, даже выгодна въ смыслѣ придворной карьеры. Но при Шуйскомъ она навлекла на Хворостинина гоненіе: его сослали на покаяніе въ Іосифовъ монастырь. Неизвѣстно, какъ долго оставался онъ тамъ. Повидимому, его скоро возвратили въ Москву, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ очевидцемъ столкновенія патріарха Гермогена съ боярскимъ правительствомъ. Въ началѣ 1613 года онъ служилъ воеводою во Мценскѣ и въ этомъ своемъ званіи долженъ былъ «промышлять» надъ непріятелемъ. Въ слѣдующемъ году мы видимъ его воеводою сторожевого полка въ Новосилѣ. Во время нашествія на Москву

---

[1]) Московскіе люди ставили себя гораздо выше иностранцевъ. Но въ XVII вѣкѣ столкновенія съ Западомъ подорвали это самомнѣніе. Не одинъ Хворостининъ презрительно отзывался о своихъ соотечественникахъ. Въ 1634 г. Василія Измайлова, сына воеводы Измайлова, командовавшаго вмѣстѣ съ Шеинымъ московской ратью подъ Смоленскомъ, обвиняли въ томъ, что онъ, восхваляя литовскаго короля, говорилъ: «Какъ противъ такого великаго государя монарха нашему московскому плюгавству биться?» Въ томъ же былъ обвиненъ Гаврила Бакинъ, который, «будучи въ Можайскѣ, хвалилъ литовскаго короля и литовскихъ людей передъ русскими, называя послѣднихъ плюгавствомъ» (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1207—1208). Интересно, что москвичи задумались надъ своимъ „плюгавствомъ“ именно вслѣдствіе неудачъ въ войнѣ съ сосѣднимъ западнымъ государствомъ.

Владислава съ малороссійскимъ гетманомъ Сагайдачнымъ, онъ «отсидѣлся отъ черкасъ» въ Переяславлѣ, за что получилъ отъ царя серебряный кубокъ и шубу въ 160 рублей. Въ то время онъ былъ уже стольникомъ. Но въ немъ, какъ видно, продолжали дѣйствовать польскія дрожжи: онъ не позабылъ своей «ереси». Кромѣ того, онъ попрежнему производилъ на своихъ современниковъ впечатлѣніе рѣзкаго, «надменнаго», человѣка. Въ этомъ смыслѣ о немъ отзывается его дальній родственникъ, князь С. И. Шаховской. По словамъ Шаховского, Хворостининъ былъ «фарисейскою гордостью надменъ». Отъ того же современника мы узнаемъ о спорѣ, который онъ велъ съ Хворостининымъ. Предметомъ спора былъ шестой вселенскій соборъ, и Хворостининъ говорилъ тономъ, сильно обидѣвшимъ его собесѣдника. Кн. С. И. Шаховской писалъ ему: «Укорялъ меня еси вчерашняго дня въ дому своемъ, величаяся въ рабѣхъ своихъ и превозношася многимъ велерѣчіемъ и гордясь, реку, фарисейски, мняся превыше всѣхъ человѣкъ ученьемъ божественныхъ догматъ превзыти. Наше же убожество грубо и несмысленно нарековалъ еси и отнюдь чужа ученію священнаго и отцепреданнаго писанія, и за малое мое нѣкое реченіе препирахся еси гнѣвно и лютѣ свирѣпствова». По этому поводу Шаховской разсудительно замѣчаетъ, что «нѣсть полезно благовѣрну мужу тщеславіемъ побѣжденну быти или звѣрски яритися на друга». Къ этому онъ прибавляетъ, что Хворостининъ «измлада обыкохъ въ таковѣ велехвальнѣ обычаѣ быти». Интересно, что онъ называетъ «главнымъ потаковникомъ» дурныхъ склонностей Хворостинина нѣкоего Заблоцкаго, который только что перешелъ въ православіе и, по весьма вѣроятному предположенію проф. С. Ѳ. Платонова, былъ польскаго происхожденія [1]).

2.

Отъ вниманія московскаго правительства не ускользнула своеобычность Хворостинина. Оно стало преслѣдовать его, «вынимая» у него «латинскіе» образа и книги, т.-е. говоря по-нынѣшнему, дѣлая у него обыски. Но въ то время его «ересь» уже приняла, если вѣрить указу, довольно широкіе размѣры. Онъ не только самъ пересталъ ходить въ церковь, но «билъ и мучилъ» тѣхъ своихъ людей, которые ходили туда (вольнодумецъ сохранилъ въ себѣ боярское самодурство!). Онъ говорилъ теперь «хульныя» слова

---

[1]) Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Изд. 2-е. Спб. 1913. Стр. 232—237.

объ угодникахъ и отрицалъ воскресеніе мертвыхъ. Это какъ будто означаетъ, что Хворостининъ пришелъ къ отрицанію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части христіанскаго ученія. Но какъ долженъ былъ почувствовать себя, придя къ подобному отрицанію, человѣкъ, воспитанный въ такой средѣ, въ глазахъ которой значеніе нравственности опредѣлялось прежде всего той санкціей, которую она получаетъ отъ религіи? Когда религія служитъ опорой нравственности, тогда религіозныя сомнѣнія часто вызываютъ скептическое отношеніе къ нравственнымъ правиламъ. Нравственность, не научившаяся ходить на собственныхъ ногахъ, начинаетъ хромать, когда лишается религіозныхъ костылей. На основаніи указа, «сказаннаго» Хворостинину, можно заключить, что, переставъ чаять воскресенія мертвыхъ, онъ запилъ горькую. Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ онъ и не сдѣлался такимъ пьяницей, какимъ выставляетъ его указъ. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что пьянство было противно нраву его. Но ничего психологически-невозможнаго не заключаетъ въ себѣ и то предположеніе, что, когда почва заколебалась у него подъ ногами, вольнодумный потомокъ ярославскихъ князей временно очень подружился съ бутылкой [1]. Это тѣмъ болѣе возможно, что при своихъ новыхъ взглядахъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ. Критическая работа его мысли не ограничилась областью религіи. Уже и прежде смотрѣвшій на своихъ соотечественниковъ сверху внизъ, онъ сталъ теперь отзываться о нихъ самымъ презрительнымъ образомъ. Упрекая ихъ въ неразумномъ отношеніи къ вопросамъ вѣры, онъ прибавлялъ, что они сѣютъ землю рожью, а живутъ ложью, и писалъ по ихъ адресу «многія укоризненныя слова на виршъ», т.-е. стихами. Изъ этого видно, что хотя, можетъ быть Хворостининъ по временамъ и злоупотре-

[1]) Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что само по себѣ пьянство не считалось „на Москвѣ“ большимъ порокомъ („вино есть веселіе Руси пити“). Авторы указа обвиняютъ Хворостинина не столько въ томъ, что онъ «безпрестанно пилъ», сколько въ томъ, что въ 1622 г. онъ «пилъ безъ просыпу» всю Страстную недѣлю и былъ пьянъ накапунѣ Свѣтлаго воскресенія. Этотъ грѣхъ они ставятъ рядомъ съ тѣмъ его грѣхомъ, что онъ не пошелъ къ заутренѣ и къ обѣднѣ и разговѣлся раньше, чѣмъ слѣдовало. Интересно, что противъ Никона выставлялись обвиненія, очень похожія на тѣ, которыя указъ великихъ государей выдвинулъ противъ Хворостинина. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича на бывшаго патріарха доносили, что онъ «по преставленіи царя Алексѣя во весь Великій постъ пилъ до-пьяна и, напившись, всякихъ людей мучилъ безвинно»... А вотъ обвиненіе, относящееся, повидимому, къ области половой нравственности: «Пріѣзжала къ нему дѣвица 20 лѣтъ съ братомъ малымъ ребенкомъ для леченія, и Никонъ ее запоилъ до-пьяна, отчего она умерла» (Соловьевъ. Ист. Рос., кн. III, стр. 819). Что это? Одна изъ ходячихъ формъ доноса, или же нравственная неудовлетворительность, въ самомъ дѣлѣ, выражалась тогда, между прочимъ въ поступкахъ, подобныхъ тѣмъ, на которые указывали такіе доносы?

блялъ крѣпкими напитками, но это не мѣшало ему предъявлять къ своимъ ближнимъ, а, вѣроятно, и къ самому себѣ серьезныя нравственныя требованія. Стало быть, если почва и колебалась у него подъ ногами, то не въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходила о важнѣйшихъ вопросахъ нравственности. Авторы указа выставляютъ противъ него еще тотъ упрекъ, что онъ называлъ московскаго царя деспотомъ русскимъ. Они видятъ въ этомъ умаленіе царскаго титула [1]. Но возможно, что тутъ было нѣчто болѣе серьезное, нежели желаніе «умалить титулъ». Если въ спорахъ съ Маскѣвичемъ жители Москвы обыкновенно высказывались за свой царизмъ, то, уже тогда не вполнѣ похожій на остальныхъ москвичей и склонявшійся къ польскимъ понятіямъ, князь Иванъ Андреевичъ могъ, наоборотъ, предпочитать шляхетскую свободу и, не позволяя себѣ почти ребяческой выходки умаленія царскаго титула, укоризненно называть деспотизмомъ московское самодержавіе. Въ такомъ отношеніи къ московской политической дѣйствительности авторы указа,—да, безъ сомнѣнія, и не только они,— видѣли «гордость и безмѣрство». Но, разъ начавшись въ головѣ московскаго человѣка, работа критической мысли неизбѣжно должна была дѣлать крайне затруднительнымъ для него «пріобщеніе» со своими, чуждыми «ереси» соотечественниками. А люди, чуждые «ереси», и составляли въ тогдашней Москвѣ общественную среду. Поэтому Хворостинину оставалось или томиться одиночествомъ, или покинуть предѣлы Московскаго государства: о сомнительномъ утѣшеніи съ помощью бутылки я здѣсь не говорю. Указъ приписываетъ Хворостинину намѣреніе отъѣхать въ Литву. Если оно, дѣйствительно, было у него, то въ лицѣ кн. Хворостинина мы имѣемъ передъ собою перваго московскаго человѣка, которому пришло въ голову покинуть свою страну вслѣдствіе разлада съ окружавшей его общественной средою. Курбскій тоже бѣжалъ за предѣлы Московскаго государства. Но онъ бѣжалъ не потому, чтобы лишился нравственной возможности имѣть «пріобщеніе» съ близкими ему по общественному положенію москвичами. У него, навѣрно, было весьма тѣсное «пріобщеніе» съ очень многими изъ тогдашнихъ бояръ: Иванъ IV нисколько не обманывался на этотъ счетъ. Курбскій не могъ чувствовать себя нравственно одинокимъ «на Москвѣ», несмотря на свою принадлежность къ общественному слою, осужденному исторіей на политическую гибель. Не то съ

[1] «Да въ твоемъ же письмѣ написано государево именованье не по достоинству: государь названъ деспотомъ русскимъ; но деспота слыветъ греческою рѣчью— владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ, а ты, князь Иванъ, не иноземецъ, московскій природный человѣкъ, и тебѣ такъ про государское именованье писать было не пристойно». Соловьевъ, кн. II, стр. 1373.

Ив. Хворостининымъ. Хотя, находясь подъ вліяніемъ польскихъ понятій, онъ не одобрялъ московскаго деспотизма, но собирался,— если собирался,—отъѣхать въ Литву онъ врядъ ли потому, что боялся преслѣдованій за свое политическое вольномысліе. Какъ мы сейчасъ увидимъ, собственно политическіе вопросы очень мало привлекали къ себѣ его вниманіе. Онъ просто слишкомъ тяготился жизнью между людьми, сдѣлавшимися совершенно чуждыми ему по своему міросозерцанію. «Это былъ,—говоритъ о немъ Ключевскій,—своеобразный русскій вольнодумецъ на католической подкладкѣ, проникшійся глубокой антипатіей къ византійско-церковной черствой обрядности и ко всей русской жизни, ею пропитанной,—отдаленный духовный предокъ Чаадаева» [1]).

Ключевскій не совсѣмъ правъ. Но если бы онъ и былъ правъ, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что пессимизмъ Чаадаева является лишь однимъ изъ наиболѣе яркихъ образчиковъ той безнадежности, которая овладѣвала нашими западниками, когда они чувствовали себя совершенно безсильными въ борьбѣ съ русскимъ застоемъ, и которая проникала подчасъ въ сердца даже самыхъ бодрыхъ и энергичныхъ между ними.

5.

Въ Литву Хворостининъ не уѣхалъ. Въ концѣ 1622 или въ началѣ 1623 года его опять сослали «подъ началъ»,—на этотъ разъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ онъ долженъ былъ жить подъ надзоромъ «добраго» старца. Патріархъ приказывалъ, «чтобъ у него безъ келейнаго правила не было ни одного дни и церковнаго бъ пѣнія николи не отбывалъ». Въ Кирилловѣ,—какъ прежде въ Іосифовѣ,— монастырѣ нашъ вольнодумецъ оставался недолго. Его освободили въ январѣ 1624 г., взявъ съ него подписку объ отреченіи отъ «ереси». Черезъ годъ съ небольшимъ, 28 февраля 1625 г., онъ умеръ. Но умеръ уже не Иваномъ, а Іосифомъ, такъ какъ незадолго до смерти сдѣлался монахомъ Троице-Сергіева монастыря, въ которомъ его и похоронили. Послѣ него остались сочиненія, въ своемъ родѣ весьма интересныя. Одно изъ нихъ представляетъ собою сказаніе о Смутномъ времени и озаглавлено такъ: «Словеса дней и царей и святителей московскихъ, еже есть въ Россіи. Списано вкратцѣ, предложеніе историческо, написано бѣ ко исправленію и ко прочитанію благочестіе любящихъ. составлено Иваномъ дуксомъ. Сіе

---

[1]) Курсъ, т. III, стр. 312

князь Иванова слогу Андреевича Хворостинина» [1]). То обстоятельство, что «Словеса» предназначались для читателей, любящихъ благочестіе, вызываетъ вопросъ, какого же рода благочестіе имѣлъ въ виду авторъ, смущавшій современниковъ своей «ересью». Оказывается, что въ этомъ сочиненіи мы имѣемъ дѣло съ самымъ зауряднымъ благочестіемъ тогдашнихъ московскихъ людей. Хворостининъ радуется тому, что русская земля, въ языче твѣ бывшая самой нечестивой изо всѣхъ, стала, наоборотъ, самой благочестивой послѣ принятія христіанства. Онъ говоритъ: «И во инѣхъ бо странахъ аще и мнози быша благочестиви же и праведни, но мнози бѣяху и нечестиви и невѣрни, съ ними живуще и еретическая мудрствующе,—въ Рустѣй же земли не токмо веси и села мнози свѣдоми, но и грады мнози суть единаго пастыря Христа едина овчата суть, и вси единомудрствующе и вси славяще святую Троицу» [2]). «Словеса» заключаютъ въ себѣ весьма почтительные отзывы о московскихъ святыняхъ и восторженныя похвалы по адресу патріарха Гермогена, отъ котораго авторъ пострадалъ, по его словамъ, очень сильно. Если къ этому прибавить, что въ «Словесахъ» Филаретъ называется не патріархомъ, а ростовскимъ митрополитомъ, то представится вполнѣ достовѣрной та догадка проф. Платонова, согласно которой они написаны до поставленія Филарета на патріаршество. Но такъ какъ Хворостининъ упоминаетъ въ нихъ о своей службѣ рязанскимъ воеводой, относящейся къ 1618 г. и къ началу слѣдующаго, то опять приходится предположить, вмѣстѣ съ проф. Платоновымъ, что «Словеса» писаны въ первой половинѣ 1619 г. и имѣли цѣлью самооправданіе Хворостинина. «Въ этомъ году возвратился изъ Польши Филаретъ Никитичъ и сталъ патріархомъ,—говоритъ только что названный изслѣдователь.—О «владѣтельномъ» и о «пальчивомъ» его характерѣ въ Москвѣ, конечно, знали, и Хворостининъ могъ опасаться отъ него гоненій за свое прошлое. Явиться въ глазахъ Филарета православнымъ человѣкомъ и патріотомъ было для него весьма важно. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Хворостининъ избралъ для этого литературный путь» [3]). Если это такъ, то заурядное благочестіе, пропитывающее собою «Словеса», должно быть признано весьма цѣлесообразнымъ. Но въ такомъ случаѣ спрашивается: былъ ли искрененъ Хворостининъ, выдавая себя въ своемъ сочиненіи за православнаго человѣка и патріота? При рѣшеніи этого вопроса

---

1) Оно напечатано въ часто цитированномъ мною выше XIII т. Русской Исторической Библіотеки, изд. археографической комиссіей, стр. 525—557.

2) Истор. библ., XIII, стр. 530.

3) Платоновъ, назв. соч., стр. 256—257.

необходимо помнить, что въ другомъ своемъ литературномъ трудѣ, съ которымъ мы сейчасъ ознакомимся, Хворостининъ называлъ лишенными всякаго основанія обвиненія его въ «ереси». Это его утвержденіе не можетъ быть принято въ буквальномъ смыслѣ, поскольку оно относится къ тому періоду его жизни, который начался послѣ написанія «Словесъ», и въ теченіе котораго онъ, по выраженію проф. Платонова, не скрывалъ своихъ «еретическихъ» взглядовъ. Но и въ теченіе этого періода (1621—1622 гг.) его отступленія отъ православной вѣры, можетъ быть, не достигали такихъ большихъ размѣровъ, какіе они приняли въ глазахъ современниковъ. Что же касается вольнодумства, обнаруженнаго Хворостининымъ «при Разстригѣ», то, какъ сказано выше, оно могло ограничиваться простымъ отрицаніемъ стараго московскаго взгляда на католиковъ, какъ на нехристей, и соотвѣтствующимъ такому отрицанію уважительнымъ отношеніемъ къ католическимъ образамъ и къ католическому богослуженію. Если мы допустимъ все это,—а на такое допущеніе мы, повидимому, имѣемъ полное право,—то выйдетъ, что хотя, конечно, Хворостининъ сильно подчеркнулъ и даже преувеличилъ въ «Словесахъ» свое благочестивое настроеніе, но все-таки онъ былъ въ нихъ далекъ отъ того лицемѣрія, въ которомъ его можно заподозрѣть при недостаточно критическомъ отношеніи къ дѣлу. Какъ бы тамъ ни было, «Словеса» содержатъ въ себѣ много если не прямыхъ, то косвенныхъ данныхъ для характеристики образа мыслей этого выдающагося человѣка.

4.

Выше я замѣтилъ, что сказанія московскихъ людей XVII вѣка о Смутномъ времени свидѣтельствуютъ объ очень низкомъ уровнѣ политическаго развитія ихъ авторовъ. Это замѣчаніе надо распространить также и на «Словеса» Хворостинина. Хотя, подчинившись польскому вліянію, онъ не могъ оставаться сторонникомъ московскаго политическаго порядка, но его повѣсть о Смутномъ времени не носитъ на себѣ слѣдовъ серьезныхъ размышленій о политикѣ. Повѣствованіе о вступленіи Шуйскаго на престолъ давало ему, казалось бы, самый подходящій поводъ выразить,—если не ясно, то хотя бы съ помощью намека,—свой взглядъ на вопросъ объ ограниченіи царской власти. Онъ не воспользовался этимъ поводомъ. Присяга, принесенная Шуйскимъ, вызываетъ у него такое восклицаніе: «И тако всему міру клятва потребу творити всѣмъ въ царствіи его живущимъ! О бѣда! о скорбь! единаго ради малаго времени житія сего свѣтомъ льстится царь и клятву возводитъ на

главу свою, никто не отъ человѣкъ того отъ него требуя, по самоволнѣ клятвѣ издався. О, властолюбецъ сый, а не боголюбецъ!» [1]). Это восклицаніе перестанетъ быть для насъ непонятнымъ только при томъ предположеніи, что увлекавшійся западными обычаями Хворостининъ разбирался въ политикѣ не многимъ лучше защитниковъ стараго образа жизни. Вѣдь и послѣ него на Руси было немало западниковъ, остававшихся дѣтьми въ политическихъ вопросахъ.

Не слѣдуетъ думать, что, претерпѣвъ отъ Шуйскаго гоненія, онъ склоненъ былъ осуждать его во что бы то ни стало. Вѣдь хвалилъ же онъ Гермогена, котораго считалъ главнымъ виновникомъ своихъ несчастій. Можно возразить, пожалуй, что въ царствованіе Михаила и при патріархѣ Филаретѣ нападки на Шуйскаго не грозили Хворостинину никакой опасностью, тогда какъ напасть на Гермогена значило не достигнуть той цѣли, ради которой и написаны были «Словеса», т.-е. самооправданія. Но я уже сказалъ, что, признавая апологетическій характеръ этого сочиненія, я отказываюсь признать его автора лицемѣромъ.

Интересная подробность. Родовитый потомокъ ярославскихъ князей рѣзко осуждаетъ поведеніе бояръ во время междуцарствія [2]).

Наконецъ, запомнимъ еще вотъ что. Уже въ «Словесахъ»,— т.-е., согласно предположенію проф. Платонова, въ первой половинѣ 1619 года,—Хворостининъ къ числу дурныхъ сторонъ царствованія Бориса Годунова относитъ то, что онъ своей политикой «ненавидѣніе и лесть въ рабѣхъ сотвори, и возведе работныхъ на свободныя» [3])

Этотъ отзывъ потому заслуживаетъ вниманія, что въ другомъ сочиненіи («Изложение на іретикі»), которое Хворостининъ написалъ по старой памяти «на виршъ», вѣроятно, уже послѣ поступленія своего въ монахи, онъ говоритъ, что пострадалъ вслѣдствіе холопскихъ доносовъ.

Но и рабы мои быша мнѣ сопостаты,
Разрушили души моей полаты,
Крѣпость і огражденіе отъяша
І оклеветаніе на мя совѣщаша.
Злы бо ихъ зѣло беззаконныя злобы,
Творили на мя смертныя гробы.
Зла бо быша ихъ порода,
Аки аспидскаго рода.

---

[1]) Русская Истор. Библ., т. XIII, стр. 542.
[2]) Тамъ же, стр. 553.
[3]) Тамъ же, стр. 532.

Пущали на мя свои яды,
Творили измѣнныя ряды,
Вопчѣ на мя приносили
И злочестемъ меня обносили [1]).

Дайте вѣру этой жалобѣ, и передъ вами встанетъ слѣдующее бытовое явленіе. Довольно знатный московскій служилый человѣкъ, склонившись къ западнымъ обычаямъ, высказываетъ,—и, по свидѣтельству князя Шаховского, высказываетъ рѣзко, раздражительно,—смѣлые по тому времени религіозные взгляды. Сообразно этимъ своимъ смѣлымъ взглядамъ, онъ не ходитъ въ церковь и вообще отвергаетъ византійскую обрядность, составлявшую въ глазахъ московскихъ людей самую сущность благочестія. И не только самъ не ходитъ въ церковь, не только самъ отвергаетъ обрядность: онъ хочетъ, чтобы и «рабы» его перестали отождествлять религію съ обрядностью. А такъ какъ нашъ западникъ остается рабовладѣльцемъ, то холопамъ своимъ онъ внушаетъ религіозное вольномысліе посредствомъ приказаній и даже побоевъ. Съ своей стороны, холопы слѣдуютъ обычаю, установившемуся въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, со времен Годунова: они спѣшатъ донести на своего господина, котораго ссылаютъ за ересь въ монастырь, гдѣ старательно «истязаютъ въ вѣрѣ». Частью вслѣдствіе «истязаній», а частью вслѣдствіе того, что вліяніе Запада не очень глубоко проникло въ его душу, господинъ возвращается въ лоно православія и даже поступаетъ въ монахи. Но несмотря на овладѣвшее имъ теперь православно-благочестивое настроеніе, онъ, простившій, можетъ быть, всѣ прегрѣшенія всѣмъ своимъ ближнимъ свободнаго состоянія, не можетъ забыть измѣну своихъ «рабовъ». Рожденный полемистомъ, онъ не устаетъ язвить ихъ «двоестрочнымъ согласіемъ». Разсказавъ о томъ, какъ они «обносили» его своимъ «злочестіемъ», онъ восклицаетъ:

Владыка Господи! Ты имъ суди
I съ ними мя разсуди,
Ты вѣси мое чювство,
Ты зриши ихъ буйство.
Хлѣбы мои же вскормиша,
I благость моя на зло ихъ обратиша.
Слава быша въ руцѣ Господня [2])
Краше сладчайшаго крина [3])

[1]) См. «Вновь открытыя полемич. сочиненія XVII в. противъ еретиковъ». Спб. 1907, стр. 79—80. Сочиненія эти открыты проф. В. Н. Саввою и напечатаны подъ его редакціей и съ его предисловіемъ.

[2]) Кажется, слѣдуетъ читать: Господина.—Г. П.

[3]) Тамъ же, стр. 80.

5.

Больше всего печалитъ князя-инока то, что онъ считаетъ неблагодарностью «рабовъ»: онъ ихъ вскормилъ своимъ хлѣбомъ и былъ добръ съ ними, а они на него донесли. Былое свободомысліе Хворостинина не открыло передъ нимъ той истины, что не владѣльцы «кормятъ» своихъ «рабовъ», а, наоборотъ, «рабы»—своихъ владѣльцевъ. Но до сознанія этой истины далеко не доходили и польскіе шляхтичи, своимъ вліяніемъ расположившіе его къ свободомыслію. Вѣроятно, въ своемъ иночествѣ Хворостининъ вспоминалъ, какъ онъ пытался привить своимъ «рабамъ» просвѣщенный взглядъ на религію, и какъ его попытки,—надо надѣяться, не всегда имѣвшія боевой характеръ,—кончились неудачей. Онъ пришелъ къ тому твердому убѣжденію, что и дѣлать не слѣдовало такихъ попытокъ.

Не сыпте злата предъ свиніями,
Да не осквернятъ своими ногами.

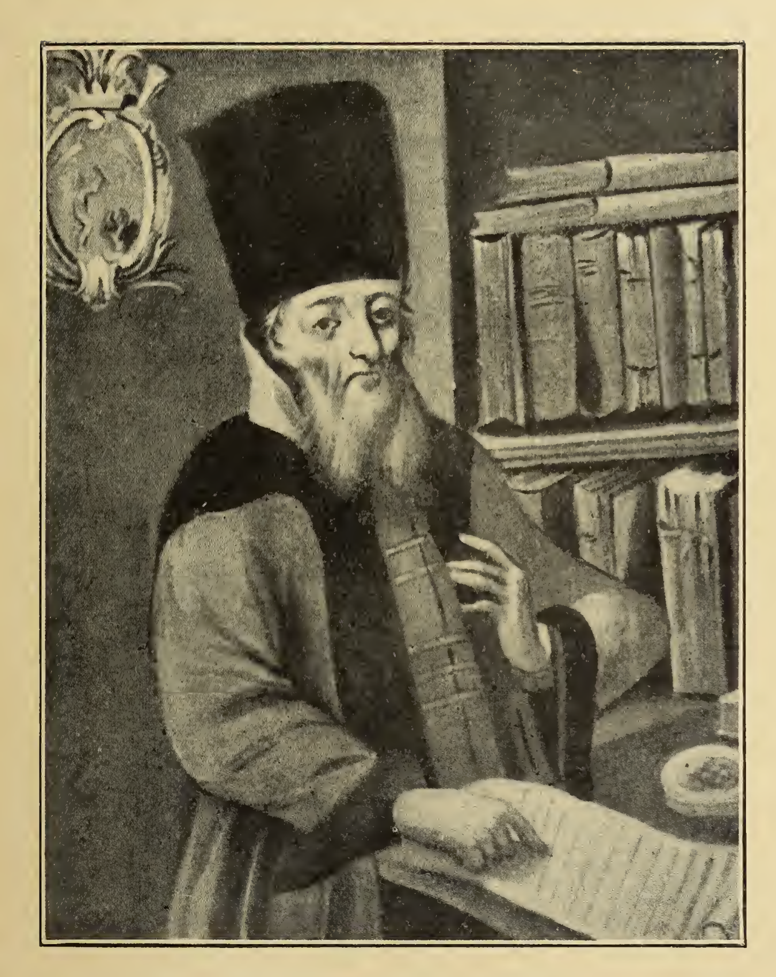
А потомъ онъ снова и снова возвращается къ измѣнѣ «рабовъ» и опять хулитъ ихъ «на виршѣ»:

Отъ рабъ пріахъ многи налоги,
Сотворили на мя злыя прілоги.
Не помянули Христова слова,
І не избѣгнулъ азъ отъ нихъ злаго лова.

Чтобы объяснить дурное поведеніе «рабовъ», нашъ duксъ Иванъ пишетъ цѣлый психологическій очеркъ. И подъ его перомъ «рабская» психологія пріобрѣтаетъ непривлекательный видъ.

Они не боятся небеснаго Бога,
Иже всѣмъ даетъ добра многа.
Словеса ихъ вѣрна, аки паучина,
И злоба ихъ—злая паучина.
Азъ быхъ единъ надъ ними,
Надъ измѣнники своими,
Господиномъ имъ поставленъ
И отъ Бога паче ихъ прославленъ.
Но быша ми зѣлныя врази
И осквернили клятвою душевныя прази
Ради часовыя своей воли,
Хотяше отбѣгнути господскія неволи.

Надо думать, что «рабы» подтвердили свое обвиненіе Хворостинина въ ереси присягою. Убѣжденный съ своей стороны въ томъ, что это обвиненіе было несправедливо, Хворостининъ есте-

А. Л. Ординъ-Нащокинъ.

ственно считалъ ихъ присягу клятвопреступленіемъ. Поэтому онъ и говоритъ, что они осквернили свои души, и что словеса ихъ вѣрны, «аки паучина». Но почему же они рѣшились осквернить свои души? По словамъ Хворостинина, они были недовольны тѣмъ, что онъ былъ поставленъ надъ ними господиномъ, т.-е. тяготились своей холопской зависимостью. Донося на него, они надѣялись «отбѣгнути господьскія неволи», т.-е. получить отъ правительства свободу. Нельзя не признать, что это—весьма вѣроятное объясненіе. Въ соціально-политической обстановкѣ, созданной экономической отсталостью Московскаго государства, недовольство трудящагося класса своимъ положеніемъ должно было нерѣдко выражаться въ отталкивающихъ дѣйствіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя клеймилъ двоестрочнымъ согласіемъ кн. Хворостининъ. Кто понимаетъ психологію демократическихъ элементовъ нынѣшней нашей «черной сотни», тотъ знаетъ, что эти элементы тоже ведутъ классовую борьбу, но, по своей крайней неразвитости, ведутъ ее дикимъ, совсѣмъ нецѣлесообразнымъ и отвратительнымъ способомъ. Мы видимъ теперь, въ какихъ историческихъ условіяхъ коренится указанная психологія [1]).

Возраженія Хворостинина противъ «іретиковъ» сами по себѣ мало интересны. Но изложены они, согласно темпераменту автора, рѣзко, и порой въ нихъ блещетъ остроуміе. Такъ, напримѣръ, упрекнувъ римскую церковь въ томъ, что она за деньги продаетъ спасеніе, онъ иронически спрашиваетъ, почему она не продаетъ отпущенія грѣховъ самому бѣсу.

Къ римскому папѣ онъ обращается съ такимъ увѣщаніемъ:

О прегордый папо! откинь свои блуды,
Ниже являй тѣ свои всему міру студы.
Гдѣ же Петръ повелѣ паствы раззыряти
І зъ благочестивыми злочестивыхъ породняти?
Почтожъ отъ блудницъ дани збираешъ
І имъ блудитися явно повелѣваешь?
Чего ради празднуешъ праздники съ жидами,
Христоубійцами, Божіими врагами?
Клятва апостоловъ тебе погубитъ
І святыми ихъ заповѣдми будешъ убитъ.
І еуангельскаго реченія чего ради не прочитаешь? [2])

Это—довольно прѣсно. И еще болѣе прѣснымъ становится

[1]) Въ другомъ мѣстѣ я уже говорилъ, что старинный московскій терминъ «черная сотня» получилъ у насъ теперь неудачное примѣненіе. Но при общеупотребительности этого термина къ нему вынуждены прибѣгать даже тѣ, которые его не одобряютъ.

[2]) Тамъ же, стр. 60—69.

бѣдный «duксъ», когда, вопреки своему темпераменту, беретъ на себя роль благочестиваго проповѣдника православія. Напримѣръ:

Кто православныя вѣры отступаетъ,
Паки со святымъ жребіи не вступаетъ.
Таковаго бываетъ душа мѐртва,
И самъ есть гнусная грѣховная жертва.

Гордое сознаніе своего превосходства надъ окружающей его средой и горькое сожалѣніе объ ея темнотѣ не покинули Хворостинина до конца дней. Они пробиваются наружу даже чрезъ его прѣсно-благочестивыя разглагольствованія объ истинной вѣрѣ, такъ что невольно спрашиваешь себя: не было ли для него постриженіе своего рода замѣной неудавшагося отъѣзда за границу; средствомъ удалиться отъ общественной среды, состоявшей изъ людей, которые землю сѣяли рожью, а жили ложью? И не попалъ ли онъ изъ огня да въ полымя?

II. В. А. Ординъ-Нащокинъ.

Князь И. А. Хворостининъ только мечталъ о томъ, чтобы покинуть Московское государство, а В. А. Нащокинъ въ самомъ дѣлѣ бѣжалъ за границу.

Это случилось уже при Алексѣѣ Михайловичѣ,—въ февралѣ 1660 года. Сынъ знаменитаго московскаго дипломата Аѳанасія Лаврентьевича, Воинъ Ординъ-Нащокинъ былъ посланъ къ своему отцу съ важнымъ порученіемъ и воспользовался этимъ для «измѣны». Это было такъ неожиданно и такъ не согласовалось съ общественнымъ положеніемъ молодого бѣглеца, что благочестивые москвичи могли объяснить себѣ этотъ казусъ только происками исконнаго врага человѣческаго рода. Алексѣй Михайловичъ положительно утверждалъ въ письмѣ къ Ордину-Нащокину-отцу, что дѣло приключилось, благодаря вмѣшательству «самого сатаны и даже всѣхъ силъ бѣсовскихъ», отторгнувшихъ отъ отца «сего добраго агнца яростнымъ и смраднымъ своимъ дуновеніемъ». Однако, историки объясняютъ дѣло проще. Вотъ что̀ говоритъ о немъ С. М. Соловьевъ.

«Воинъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ умный и распорядительный молодой человѣкъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодого человѣка было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ давно уже пріучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на западъ постоянными выходками своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками,

что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными поляками, и эти учители постарались съ своей стороны усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбье къ своему, воспламеняли его разсказами о польской «волѣ». Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи, онъ поѣхалъ за границу, въ Данцигъ къ польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію» [1]).

Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ порицалъ московскіе порядки и говорилъ, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Онъ уже зналъ цѣну западной цивилизаціи. Но онъ полагалъ, что, дѣлая заимствованія у Запада, московскіе люди могутъ и должны сохранить въ его существенныхъ чертахъ свой старый образъ жизни. А Воинъ Нащокинъ уже до крайности тяготился старымъ московскимъ бытомъ. Онъ задыхался въ Москвѣ, испытывалъ въ ней «окончательную» тошноту. С. М. Соловьевъ какъ будто винитъ въ этомъ польскихъ учителей, которые якобы постарались усилить въ своемъ ученикѣ страсть къ чужеземцамъ и воспламенить его разсказами о польской свободѣ. Но польскимъ учителямъ молодого Нащокина не было надобности сознательно внушать ему отвращеніе «къ своему» быту. Тогдашніе московскіе порядки и обычаи говорили сами за себя. Отзывчивому и пылкому молодому человѣку достаточно было увлечься нарисованной передъ нимъ картиной западно-европейской цивилизаціи, чтобы почувствовать жестокіе приступы «тошноты». И тогда желаніе уѣхать за границу становилось вполнѣ естественнымъ.

Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ настойчиво добиваться выдачи бѣглеца. Онъ наказывалъ старику Нащокину всячески промышлять о своемъ сынѣ, «чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать пять, шесть и десять тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аѳанасію надобно, то сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». Лицу, съ которымъ былъ отправленъ этотъ наказъ А. Л. Нащокину, тишайшій царь совѣтовалъ «о небытіи его (молодого Нащокина.—Г. П.) на свѣтѣ говорить (съ его отцомъ.—Г. П.) не прежде, какъ выслушавъ отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ» [2]).

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи» кн III стр. 67.

[2]) Соловьевъ. тамъ же, стр. 69.

Я не знаю, какъ, именно, переданы были огорченному А. Л. Ордину-Нащокину «тишайшіе» царскіе совѣты, и согласился ли онъ способствовать,—если представится казенная «надобность»,—небытію на свѣтѣ своего сына. Думаю, что не всякій отецъ пошелъ бы на это даже въ тогдашней Москвѣ.

Людей, подобныхъ кн. Ив. Хворостинину и Воину Нащокину, «топнило» въ Москвѣ и тянуло за рубежъ. Но имъ трудно было приспособиться и къ западно-европейской жизни. Ихъ бѣда, большая, неизбывная бѣда, заключалась въ томъ, что они были иностранцами по обѣ стороны московскаго рубежа. Къ тому же и денежныя дѣла русскихъ бѣглецовъ должны были приходить въ разстройство вслѣдствіе разрыва старыхъ связей: не всякій получалъ помѣстья въ Литвѣ. Вынужденное бездѣлье и томительная неопредѣленность положенія заставляли ихъ поклониться тому, что прежде сжигалось ими. Молодой Ординъ-Нащокинъ раскаялся въ своей «измѣнѣ» и былъ прощенъ. Въ концѣ августа 1665 года ему послана была грамота, въ которой отъ имени царя говорилось: «Челобитье твое принявъ, милостиво прощаемъ и обнадеживаемъ цѣлу и безъ навѣту нашимъ высокимъ милосердіемъ... свободну быти». Однако, жить онъ долженъ былъ въ отцовскихъ деревняхъ. Да и тамъ его скоро потревожили. Въ сентябрѣ 1666 года онъ былъ сосланъ «подъ крѣпкій началъ» въ тотъ же Кирилловъ монастырь, который за сорокъ лѣтъ до того видѣлъ въ своихъ стѣнахъ «дукса Ивана». Монастырскія власти обязаны были слѣдить, чтобы онъ каждый день посѣщалъ церковь. Неизвѣстно, «истязали» ли его въ вѣрѣ, какъ истязали Хворостинина, но въ январѣ слѣдующаго года Алексѣй Михайловичъ указалъ Воина Нащокина изъ-подъ начала освободить и отпустить къ Москвѣ. Это было сдѣлано имъ въ виду заслугъ Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина по заключенію Андрусовскаго перемирія съ Польшей. Однако, когда заслуженный «посольскихъ дѣлъ оберегатель» попытался снова открыть для своего сына дипломатическую карьеру, это ему не удалось: Воина вернули въ деревню, впрочемъ, опять, не навсегда. Въ концѣ-концовъ бывшій эмигрантъ попалъ на должность воеводы въ одномъ изъ провинціальныхъ захолустій [1]).

Къ сожалѣнію, мы никогда не узнаемъ, что передумалъ и перечувствовалъ онъ, прося помилованія и переселяясь—по своей волѣ и по приказанію начальства—изъ-за границы въ Москву, изъ Москвы въ отцовскую деревню, изъ деревни въ монастырь, изъ мона-

---

[1]) См. замѣтку г. Виталія Эйнгорна: «Страница изъ біографіи Воина Ордина Нащокина» въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1897 г., стр. 883—887.

стыря сначала опять въ деревню, а потомъ на воеводство. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ, по тому времени на рѣдкость образованный, человѣкъ пережилъ длинную и мучительную душевную драму. На него можно смотрѣть, какъ на одну изъ самыхъ первыхъ жертвъ поворота Москвы отъ Востока къ Западу. «Тошнота», испытанная имъ въ Москвѣ и побудившая его бѣжать за границу, есть то тяжелое настроеніе, пережить которое пришлось впослѣдствіи многимъ и многимъ русскимъ западникамъ. Можно сказать, что въ XIX столѣтіи даровитый профессоръ В. С. Печеринъ бѣжалъ изъ Москвы по дорогѣ, впервые проложенной въ XVII вѣкѣ В. А. Ординымъ-Нащокинымъ [1]) Только В. С. Печеринъ и умеръ за границей...

---

[1]) Пусть читатель извинитъ меня въ томъ, что я забѣгаю впередъ, но мнѣ сами собой приходятъ на память слѣдующія строки изъ письма В. С. Печерина отъ 23 марта 1837 г. къ гр. Строганову, бывшему тогда попечителемъ Московскаго учебнаго округа: «...Вы призвали меня въ Москву... ахъ, графъ! Сколько зла Вы мнѣ сдѣлали, сами того не желая! Когда я увидѣлъ эту грубо-животную жизнь, эти униженныя существа.., этихъ людей, на челѣ которыхъ напрасно было бы искать отпечатка ихъ Создателя; когда я увидѣлъ все это, я погибъ!., Я говорилъ себѣ: ...ты будешь вынужденъ спуститься къ уровню этихъ людей, которыхъ ты теперь презираешь; ты будешь валяться въ грязи ихъ общества, и ты станешь, какъ они, благонамѣреннымъ старымъ профессоромъ, насыщеннымъ деньгами, крестиками и всякою мерзостью! Тогда моимъ сердцемъ овладѣло глубокое отчаяніе, неизлечимая тоска. Мысль о самоубійствѣ, какъ черное облако, носилась надъ моимъ умомъ...» Какъ видите, Печерина въ Москвѣ тоже «окончательно стошнило».

Глава IX.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ И ПРОСВѢТИТЕЛИ.

(Продолженіе).

Г. К. Котошихинъ.—Ю. Крижаничъ.

I. Г. К. Котошихинъ.

1.

Нѣсколько лѣтъ послѣ В. А. Нащокина,—въ концѣ 1664 г.,—бѣжалъ за границу дьякъ посольскаго приказа Григорій Карповичъ Котошихинъ, на котораго мнѣ приходилось ссылаться выше, говоря о «записи», взятой съ Михаила при его избраніи на престолъ, и о нѣкоторой заботливости Московскаго правительства по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Было бы натяжкой относить побѣгъ Котошихина всецѣло на счетъ идеальныхъ побужденій. Уже въ іюлѣ 1663 г. нѣкто Эберсъ, пріѣхавшій въ Москву по порученію шведскаго правительства, получилъ отъ Котошихина нѣкоторыя дипломатическія свѣдѣнія, хранившіяся въ тайнѣ. За эту услугу онъ вознаградилъ его деньгами (40 руб.). Такимъ образомъ передъ нами неоспоримый фактъ государственной измѣны. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ московскіе славянофилы жестоко порицали Котошихина за его поступокъ. И само собою разумѣется, что западники тоже никакъ не могли одобрить его измѣну. Однако, не говоря уже о томъ, что, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ изслѣдователей, московское приказное сословіе вообще отличалось сомнительной нравственностью и охотно продавало свои услуги, не слѣдуетъ забывать, что Эберсъ въ донесеніи шведскому королю характеризовалъ Котошихина какъ человѣка, бывшаго, несмотря на русское происхожденіе, добрымъ шведомъ по своимъ симпатіямъ. Это похоже на то, что Эберсъ не смотрѣлъ на него просто, какъ на шпіона, руководившагося одними корыстными расчетами. Заслуживаетъ вниманія и тотъ фактъ, что еще раньше Котошихинъ былъ знакомъ съ ивангородскимъ (нарвскимъ) купцомъ Кузьмой Овчинниковымъ, состоявшимъ въ шведскомъ подданствѣ. Впослѣдствіи, уже бѣжавъ за границу, Григорій Кар-

повичъ, по его собственнымъ словамъ, увидѣлъ, что Овчинниковъ былъ «своимъ мужественнымъ духомъ преклоненъ къ службѣ его королевскаго величества». Нѣтъ основанія думать, что «преклоненіе» Овчинникова къ шведской службѣ возникло уже послѣ побѣга Котошихина. Вѣроятно, оно было налицо уже во время первой встрѣчи шведско-подданнаго россіянина съ московскимъ подьячимъ. А такъ какъ у Овчинникова не было никакой надобности скрывать свои шведскія симпатіи, то, можетъ быть, его-то вліяніе и способствовало тому, что у самого Котошихина явилось «преклоненіе» оказывать услуги шведамъ. Возможно, разумѣется, что Котошихинъ «преклонился» и подъ непосредственнымъ вліяніемъ шведскихъ дипломатовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло уже начиная съ 1659 года. Наконецъ, вспомнимъ, что какъ разъ во время дипломатическихъ сношеній его со шведами съ нимъ случилась непріятность, осязательная даже для толстой московской кожи того времени. За невинную описку въ государевомъ титулѣ его наказали батогами. Въ то время, когда уже начался хотя бы и робкій, медленный поворотъ къ Западу, батоги могли способствовать пробужденію въ нѣкоторыхъ московскихъ головахъ критической мысли. Какъ нарочно, въ томъ же самомъ 1660 году, когда бѣдный подьячій отвѣдалъ московскихъ батоговъ, его два раза посылали съ дипломатическими бумагами въ Ревель, къ шведскому посольству. Наблюдая сравнительно мягкіе нравы шведовъ, Котошихинъ, спина котораго, навѣрно, еще хорошо помнила тогда твердость московскихъ батоговъ, могъ прійти къ заключеніямъ, не выгоднымъ для своей родины. Въ половинѣ слѣдующаго года онъ опять сносился со шведами, принимая участіе въ заключеніи Кардисскаго мира. По возвращеніи въ Москву, онъ испыталъ новую непріятность. Въ его отсутствіе у него отняли домъ со всѣми пожитками. «Все это сдѣлано,—говоритъ онъ въ своей автобіографической запискѣ [1],—за вину моего отца, который былъ казначеемъ въ одномъ московскомъ монастырѣ и терпѣлъ гоненія отъ думнаго дворянина Прокофья Елизарова, ложно обнесшаго отца моего въ томъ, что будто онъ расточилъ ввѣренную ему казну монастырскую, что, впрочемъ, не подтвердилось, ибо по учиненіи розыска оказалось въ недочетѣ на отцѣ моемъ только пять алтынъ... несмотря на то, мнѣ, когда я вернулся изъ Кардиса, не возвратили моего имущества, сколько я ни просилъ и ни заботился о томъ». Подобныя происшествія тоже способны были навести на размышленія, не весьма лестныя для московскихъ порядковъ. Вскорѣ послѣ

---

[1]) «О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича». Изд. III. Спб. 1884. Стр. XVIII—XIX.

этого Котошихина опять отправили гонцомъ, и опять къ шведамъ. Тѣ приняли его очень хорошо и подарили ему два серебряныхъ бокала цѣною въ 304 далера. Не Богъ знаетъ, какіе цѣнные подарки! Но извѣстно, что лучше маленькій домъ, нежели большая болѣзнь. Въ Швеціи Котошихина награждали серебряными бокалами, хотя и не чрезвычайно цѣнными, а въ Москвѣ били батогами и разоряли. Впослѣдствіи самъ онъ утверждалъ, что желаніе поступить на шведскую службу возникло у него во время этого путешествія въ Стокгольмъ. Разъ явилось у него это желаніе, то выдача имъ государственныхъ тайнъ Эберсу могла быть въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ искреннихъ симпатій его къ Швеціи. Повторяю, измѣна остается измѣной; но указываемыя мною обстоятельства проливаютъ свѣтъ на условія, вызвавшія склонность къ ней.

Обстоятельство, непосредственно предшествовавшее побѣгу Котошихина изъ Россіи, тоже заслуживаетъ большого вниманія. Въ то время (1664 г.) Россія вела, какъ извѣстно, войну съ Польшей. Котошихинъ долженъ былъ состоять при войскѣ подъ начальствомъ царскихъ воеводъ. По доброму старому московскому обычаю, воеводы жестоко ссорились между собою и писали другъ на друга доносы въ Москву. Князь Юрій Долгорукій «улещивалъ» Котошихина, чтобы тотъ поддержалъ доносъ его на князя Якова Черкасскаго. По той или по другой причинѣ Котошихинъ отказался сдѣлать это, чѣмъ, конечно, навлекъ на себя неудовольствіе князя Юрія. Тогда у него и сложилось окончательно намѣреніе покинуть родину. Вотъ какъ разсказываетъ онъ объ этомъ.

«Бывъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, сожалѣя о томъ, что не возвратился въ Москву съ княземъ Яковомъ, а еще болѣе горюя о худой удачѣ мнѣ на службѣ царской, въ которой за вѣрность и усердіе награжденъ былъ при безвинномъ поруганіи моего отца, лишеніемъ дома и всего моего благосостоянія, и принимая во вниманіе, что если бы я вернулся къ Долгорукову въ армію, то меня, по всей вѣроятности, ожидали бы тамъ его злоба, истязанія и пытки, за неисполненіе мною его желанія повредить князю Якову, я рѣшился покинуть мое отечество, гдѣ не оставалось для меня никакой надежды» [1]).

Черезъ Польшу Котошихинъ достигъ Швеціи, гдѣ былъ принятъ на государственную службу. Шведы сумѣли оцѣнить его вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. XX—XXI. Замѣтьте, что о батогахъ онъ не упоминаетъ. Должно быть, ему стыдно было признаться шведамъ въ томъ, что на его долю выпало такое наказаніе.

дающіяся способности. Но не повезло ему и въ Швеціи. Въ августѣ 1667 г. онъ имѣлъ несчастіе подраться со своимъ пьянымъ домохозяиномъ, ревновавшимъ его къ своей женѣ. Котошихинъ смертельно ранилъ кинжаломъ своего противника, за что и былъ казненъ. Шведскій его біографъ, Баркгузенъ, категорически говоритъ, что его преступленіе было непреднамѣренное. Онъ называетъ Котошихина мужемъ несравненнаго ума (ingenio incomparabli) [1]).

Въ своемъ презрительномъ отношеніи къ измѣннику славянофилы забывали спросить себя: почему же этотъ «мужъ несравненнаго ума» не ужился въ Москвѣ? Почему Москва не нашла приложенія для его богатыхъ способностей?

2.

Написанное Котошихинымъ сочиненіе о Россіи содержитъ въ себѣ много важнѣйшихъ данныхъ для характеристики Московскаго государства XVII вѣка. Съ точки зрѣнія исторіи русской общественной мысли, оно очень важно, какъ человѣческій документъ, свидѣтельствующій о томъ впечатлѣніи, которое производила допетровская Москва на способнаго русскаго человѣка, имѣвшаго нѣкоторое понятіе о западно-европейской общественной жизни и не стоявшаго на высокихъ ступеняхъ общественной іерархіи.

Князь Ив. Хворостининъ упрекалъ московскихъ людей въ недостаткѣ правдивости. Котошихинъ осуждаетъ грубость ихъ «натуры», при чемъ объясняетъ ее отсутствіемъ въ нихъ «богобоязливости». Сообщивъ о томъ, что въ день погребенія москсвскихъ царей правительство освобождало изъ тюремъ преступниковъ, онъ восклицаетъ:

«Горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество Московскихъ и пріѣзжихъ изъ городовъ и изъ уѣздовъ; а Московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска пола и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщетца того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ болши ста человѣкъ» [2]).

Живописенъ знаменитый отзывъ Котошихина о тѣхъ боярахъ, которые получали свое высокое званіе «не по разуму ихъ, но по

---

[1]) О Россіи и т. д., предисловіе, стр. XXV.

[2]) О Россіи и т. д., стр. 23.

великой породѣ». Засѣдая въ государевой Думѣ, такіе бояре молчали, «брады свои уставя», потому что ничего не понимали въ дѣлахъ и часто были «грамотѣ не ученые и не студерованные» [1]).

Котошихину трудно было помириться съ тѣмъ, что московскіе люди не учатся. Онъ хотѣлъ бы, чтобы учились не только мужчины, но и женщины. Разсказывая о пріемѣ въ Москвѣ пословъ польскаго короля Яна-Казимира, онъ отмѣчаетъ, что они не были допущены къ царицѣ подъ предлогомъ ея болѣзни, хотя она была въ то время здорова. По этому случаю онъ ставитъ вопросъ: для чего такъ творятъ? Отвѣтъ гласитъ:

«Московскаго государства женской полъ грамотѣ не ученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы» [2]). Несмышленость и неумѣстная «стыдливость» московскаго женскаго пола заставляютъ нашего автора задуматься о томъ, откуда берутся эти непривлекательныя свойства. Онъ объясняетъ ихъ затворничествомъ московскихъ женщинъ высшаго круга: «Понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ—и потому мочно дознатца, отчегобъ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ. Такъ же какъ и замужъ выйдутъ, и ихъ потомужъ люди видаютъ мало». Неудивительно, значитъ, что царицѣ не совсѣмъ удобно было принимать польскихъ пословъ: «и толко бъ царь въ то время учинилъ такъ, что Полскимъ посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посолствѣ, а она бъ выслушавъ посолство собою ствѣта не учинила бъ никакого, и оттого пришло бъ самому царю въ стыдъ» [3]).

Въ предисловіи къ первому изданію книги Котошихина только что приведенное соображеніе его отмѣчено, какъ погрѣшность. «Не недостатокъ образованія, а освященный древностію обычай былъ,—сказано тамъ,—причиною, что царственныя лица женскаго пола уклонялись отъ придворныхъ и другихъ публичныхъ обрядовъ, до временъ Петра Великаго». Въ доказательство авторъ предисловія ссылается на царевну Софью Алексѣевну, «объ умѣ которой не только Русскіе, но и иностранцы отзывались съ особенной похвалой» [4]). Но, во-первыхъ, у Котошихина рѣчь идетъ не столько объ умѣ московскихъ женщинъ, сколько объ ихъ образованіи. Во-вторыхъ, всѣмъ извѣстно, что царевна Софья

---

[1]) Тамъ же, стр. 26—27.

[2]) Тамъ же, стр. 63.

[3]) Тамъ же, та же стр.

[4]) Стр. XXXV.

была рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Да и это исключеніе явилось лишь послѣ отъѣзда Котошихина за границу.

Принимая участіе въ посольствахъ, даровитый подьячій, должно быть, не разъ испытывалъ смущеніе и досаду при видѣ того, какъ дурно вели себя московскіе послы. Онъ пишетъ, что на съѣздахъ съ представителями иностранныхъ государствъ они говорили по наказамъ, какіе давались имъ изъ Москвы. Эти ихъ рѣчи записывались подьячими. Но къ тому, что было говорено на самомъ дѣлѣ, прибавлялось много другого, выставлявшаго посольскій «разумъ на обманство» съ цѣлью достать у царя честь и жалованье. И опять Котошихинъ ставитъ вопросъ: «для чего такъ творятъ?» И опять у него выходитъ, что творятъ главнымъ образомъ по своему необразованію.

«Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого доброго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; и ненаученіемъ своимъ говорятъ многіе рѣчи къ противности, или скоростію своею къ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ времянемъ запрутся и превращаютъ на иные мысли; а что они какихъ словъ говоря запираются, и тое вину возлагаютъ на переводчиковъ, будто измѣною толмачатъ» [1]).

Котошихинъ писалъ свою книгу для освѣдомленія о Россіи иностранцевъ. И временами у него возникала боязнь, что его сообщенія о недостаткахъ московской жизни будутъ недовѣрчиво встрѣчены западными читателями. Тогда онъ начиналъ увѣрять ихъ въ своей правдивости. Вотъ, напримѣръ, сказавъ о необразованности московскихъ пословъ, онъ оговаривается:

«Благоразумный читателю! чтучи сего писанія, не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в-ыные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, и вольность благую, начали бъ свою вѣру отмѣнить и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичемъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» [2]).

3.

Молодые люди, посланные Борисомъ Годуновымъ для науки за границу, остались тамъ навсегда. Котошихинъ, навѣрно, слышалъ объ этомъ. Кромѣ того, онъ и по собственному опыту зналъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 58.

Тамъ же, та же стр.

какъ трудно выносить московскіе батоги, получивъ нѣкоторое понятіе о западной «волности». Уже Курбскій упрекалъ московскаго царя въ томъ, что онъ лишилъ своихъ подданныхъ права свободнаго выѣзда за границу. Не нравится отсутствіе такого права и Котошихину. Онъ пишетъ:

«И о поѣздѣ Московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими, ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не поволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли в-ыные государства, и по нихъ по знатныхъ нарочитыхъ людехъ собираютъ поручные записи, за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и зъ животами в-ыныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого-нибудь дѣла в-ыное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было в-ызмѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были на царя; и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его осталися сродственники, и ихъ бы пытали, не вѣдали ль они мысль сродственника своего; или бъ кто послалъ сына, или брата, или племянника, и его потомужъ пытали бъ, для чего онъ послалъ в-ыное государство, не напроваживаючи ль какихъ воинскихъ людей на Московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровского умышленія по чьему наученію» [1]).

Измѣна измѣной, а фактъ тотъ, что Котошихинъ далъ вполнѣ вѣрную,—хотя, конечно, безотрадную,—картину московскаго быта. Я думаю, что славянофилы хорошо сознавали это, и что въ особенности поэтому они такъ раздражительно отзывались о Котошихинѣ. Въ столь любезномъ славянофиламъ Московскомъ государствѣ не было даже намека на «волность». Надо полагать, что если бы Котошихинъ написалъ программу нужныхъ Московскому государству реформъ, то на одномъ изъ самыхъ первыхъ ея мѣстъ онъ поставилъ бы болѣе или менѣе полную свободу передвиженія. Это требованіе было бы, пожалуй, крайнимъ предѣломъ его политическаго свободомыслія. Собственно въ политической области его критическая мысль,—какъ и мысль Хворостинина,—работала вяло, почти цѣликомъ сохраняя свою московскую неповоротливость. Разумѣется, онъ не одобрялъ жестокостей Ивана IV, котораго онъ называетъ не Грознымъ, а Гордымъ. По его словамъ, Иванъ Гордый правилъ своимъ государствомъ «въ ярости и во

[1]) Тамъ же, стр. 58—59.

злобѣ силнѣ тиранскимъ обычаемъ» [1]). Но «гордаго» царя Ивана осуждали за его тиранство очень многіе изъ тѣхъ московскихъ людей, которые ровно ничего не имѣли противъ восточной,—«вотчинной»,—монархіи. Строки, посвященныя Котошихинымъ судьбѣ «записи», взятой съ Михаила, отнюдь не свидѣтельствуютъ объ ясности его политическаго мышленія. Онъ довольствуется тѣмъ сообщеніемъ, что при восшествіи Алексѣя ограничительная запись не была возобновлена въ виду его «тихаго» нрава. Онъ не спрашиваетъ себя, даетъ ли тихій нравъ неограниченнаго правителя достаточную гарантію управляемымъ. Кромѣ того, онъ не находитъ нужнымъ выяснить, что̀ значитъ,—съ точки зрѣнія взаимныхъ политическихъ обязательствъ главы государства и его подданныхъ,—«обрать» царя на царство. Онъ цѣнилъ «вольность благую». Но онъ еще не понималъ, что она должна быть обезпечена опредѣленными политическими учрежденіями.

Наконецъ, вотъ еще одно проявленіе неповоротливости его политическаго мышленія. Желая объяснить, почему царь Алексѣй называется самодержцемъ, онъ указываетъ на то, что съ него не было взято ограничительной записи. Между тѣмъ, самъ же онъ говоритъ, что царь Михаилъ, давшій «запись», тоже писался самодержцемъ. Казалось бы, ему нетрудно было замѣтить, что если это такъ, то «писмо» не имѣло никакого отношенія къ происхожденію указаннаго титула. Но Котошихинъ мало интересовался вопросами этого рода.

Если онъ плохо понималъ значеніе опредѣленныхъ политическихъ нормъ, то онъ очень хорошо видѣлъ, что московская неволя страшно мѣшаетъ развитію производительныхъ силъ страны: тутъ онъ былъ настоящимъ западникомъ. «А въ Московскомъ государствѣ,—пишетъ онъ,—золота и серебра не родится, хотя въ Кроникахъ пишутъ, что русская земля на золото и на серебро урожайная, однако, сыскати не могутъ, а когда и сыщутъ, и то малое, и къ такому дѣлу Московскіе люди не промышлены; а иныхъ государствъ люди тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро, сыскали бъ, а не хотятъ къ тому дѣлу пристать, для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ окажутъ, и потомъ ихъ ни во что промыслъ и заводъ поставятъ и отъ дѣла отлучатъ» [2]).

Такъ вѣдь оно и было. Когда московское правительство признавало за благо «отписать на царя» имущество того или другого обывателя, этотъ послѣдній лишенъ былъ всякой законной воз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 1.

[2]) Такъ же, стр. 111.

можности отстоять его. И, конечно, это не могло способствовать ни развитію предпріимчивости въ московскомъ населеніи, ни привлеченію въ страну чужеземныхъ капиталовъ.

А. Н. Пыпинъ справедливо замѣтилъ, что ошибочно изображать Котошихина какимъ-то единичнымъ и злонамѣреннымъ отрицателемъ благоустроеннаго московскаго порядка. По части отрицательнаго отношенія къ этому порядку у даровитаго подьячаго были свои предшественники. Въ предыдущей главѣ читатель познакомился съ двумя предшественниками Котошихина.

II. Юрій Крижаничъ.

1.

Хворостининъ, Ординъ-Нащокинъ и Котошихинъ являются представителями западнаго,—въ тогдашней Москвѣ еще только зарождавшагося,—направленія русской общественной мысли. Въ лицѣ Юрія Крижанича мы имѣемъ дѣло съ не менѣе новымъ тогда славянофильскимъ, точнѣе,—панславистскимъ, направленіемъ. Не слѣдуетъ однако, думать, что панславизмъ Крижанича имѣетъ много общаго съ нашимъ позднѣйшимъ панславизмомъ или славянофильствомъ.

Крижаничъ не былъ природнымъ жителемъ московскаго государства [1]). Онъ пришелъ,—по его выраженію,—жить подъ крыломъ милости русскаго царя, руководимый своей горячей любовью къ славянскому племени. Ему хотѣлось поселиться среди того народа, который одинъ изо всѣхъ отраслей великаго славянскаго племени былъ не «подверженъ» чужеземцамъ: «ляховъ» онъ считалъ уже совершенно подчинившимися иностранному вліянію. Въ Москвѣ онъ собирался составить грамматику и лексиконъ славянскаго языка, а также написать русскую исторію. Наконецъ, онъ надѣялся, какъ видно, попасть ко двору и, благодаря своимъ обширнымъ и разнообразнымъ знаніямъ, сдѣлаться царскимъ совѣтникомъ. Онъ много писалъ; но для насъ здѣсь важно его незаконченное сочиненіе, посвященное политикѣ (Политичныя Думы) [2]).

---

[1]) Онъ родился (въ 1617 г.) въ Хорватіи; учился въ католической духовной семинаріи въ Вѣнѣ; въ 1646—50 гг. жилъ въ Московскомъ государствѣ, въ 1660 г. опять пріѣхалъ туда, а въ слѣдующемъ былъ сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ до 1676 г., умеръ послѣ 1680 г.

[2]) Оно было открыто и, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, издано П. Безсоновымъ въ приложеніи къ нѣсколькимъ номерамъ «Русской Бесѣды» за 1859 годъ.

Трудно сказать, въ какомъ видѣ представлялась Крижаничу русская жизнь до его пріѣзда въ Москву. Но мы ясно видимъ, что его московскія впечатлѣнія были не изъ пріятныхъ.

Неутомимый защитникъ славянства и непримиримый противникъ «нѣмцевъ», онъ горько упрекалъ иностранныхъ путешественниковъ въ томъ, что они писали о московскомъ народѣ «срамотныя солганныя повѣсти». Но при этомъ онъ самъ былъ вынужденъ признать, что не все ложь въ «срамотныхъ повѣстяхъ». Вотъ печальный примѣръ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не устарѣвшій. «Да бы ты, Борисе, весь широкій свѣтъ кругомъ обшелъ, нигдѣ не бы нашелъ тако мерзкого, гнюсного и страшного пьянства, яко здѣсь на Руси» [1]. Непріятно поразили Крижанича москвичи также своею «неумѣтельностью», «обманливостью» и вытекающей изъ нея недовѣрчивостью [2]. Вообще, весьма много «несподобій» замѣтилъ онъ въ людяхъ московскаго государства. Но нашъ панславистъ утѣшалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что замѣченные имъ крупные недостатки московскаго народа происходятъ не отъ «уроженія» и не отъ вѣры,—какъ это утверждаютъ, по его словамъ, инородцы,—а отъ «злого законоставія». О «русакахъ» говорятъ, что они не дѣлаютъ ничего хорошаго иначе, какъ изъ-подъ палки; «нѣмцы» объясняютъ это скотской природой «русаковъ» [3]. Крижаничъ съ жаромъ восклицаетъ по этому поводу, что «то есть сама (т.-е. одна.—Г. П.) ложь». Если многіе «русаки» поступаютъ хорошо не изъ любви къ добру, а изъ страха наказанія, то причина этого лежитъ въ московскомъ «крутомъ владаніи», вслѣдствіе котораго сама жизнь становится имъ «мерзкой». Попади въ такія условія нѣмецкій или любой другой

---

[1]) Въ указанномъ сочиненіи Крижаничъ мѣстами излагаетъ свои мысли въ формѣ діалога между Борисомъ,—жителемъ Московскаго государства, мало свѣдущимъ въ наукахъ,—и Хервоемъ, славяниномъ, отличающимся значительнымъ образованіемъ и выражающимъ взгляды автора.

[2] «Разумы наши тупы и руки неумѣтельны». Впрочемъ, это послѣднее замѣчаніе относится у него ко всему славянству. Русскіе, поляки и весь «словенскій» народъ не ведутъ «далекаго торгованія» ни на сушѣ, ни на морѣ. «Самыя аритметики... не учятся наши торговцы. Зато инородны торговцы лехко насъ прехитряютъ и обманляютъ (обманываютъ) нещадно во всяко время». (Крижаничъ пишетъ на самодѣльномъ нарѣчіи, представляющемъ собою странную, порой малопонятную смѣсь изъ словъ и формъ разныхъ славянскихъ языковъ

[3]) Безъ сомнѣнія, Крижаничъ имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующія слова Олеарія: «Подобно тому, какъ русскіе по природѣ жестокосерды и какъ бы рождены для рабства, ихъ и приходится держать постоянно подъ жестокимъ и суровымъ ярмомъ и принужденіемъ и постоянно понуждать къ работѣ, прибѣгая къ побоямъ и бичамъ». («Описаніе», стр. 194—195).

народъ,—у него возникнутъ подобные же или еще худшіе недостатки. Главнымъ источникомъ золъ въ Московскомъ государствѣ служитъ, по мнѣнію Крижанича, именно «крутое владаніе». При умѣренномъ «владаніи» государство это было бы вдвое болѣе населеннымъ. «Крутое владаніе» больше препятствуетъ умноженію населенія, нежели стихійныя бѣдствія [1]). Эти мысли Крижанича о послѣдствіяхъ «крутого владанія» напоминаютъ извѣстный афоризмъ Монтескье: «Les pays sont cultivés non en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté». Крижаничъ, по всей вѣроятности, вполнѣ согласился бы въ этомъ случаѣ съ авторомъ «Esprit des lois»; хотя, какъ это понятно само собою, онъ не могъ бы сойтись съ нимъ въ опредѣленіи понятія свободы.

Непріятно поразило Крижанича отсутствіе правосудія въ Московскомъ государствѣ. Онъ объяснялъ его тѣмъ, что служба приказныхъ очень плохо оплачивалась. Но, понимая причину зла, онъ все же не могъ помириться съ нимъ. По его словамъ, положеніе было таково, что каждый представитель учрежденій, на обязанности которыхъ лежала охрана собственности, какъ будто говорилъ ворамъ: «воруйте, братцы, слободно, разбіяйте, крадите, и мнѣ дѣлъ (долю) приносите: и все вамъ будетъ просто (прощено)». Въ виду этого Крижаничъ удивлялся не тому, что въ Москвѣ было много воровъ и разбойниковъ, а тому, что тамъ еще могли жить «люди праведны».

Убѣдившись въ томъ, что самая главная бѣда «русаковъ» заключается въ свойственномъ ихъ государству «крутомъ владаніи» и «зломъ законоставіи», Крижаничъ намѣтилъ цѣлую программу реформъ.

Ключевскій сказалъ, что, читая выработанный имъ проектъ преобразованій, невольно воскликнешь: «Да это программа Петра Великаго, даже съ ея недостатками и противорѣчіями» [2]). Это и такъ, и очень не такъ. Программа Крижанича, въ самомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ программу Петра. Подобно Петру, онъ придавалъ огромное значеніе развитію производительныхъ силъ страны. Онъ твердилъ, что въ бѣдной странѣ бѣденъ и государь. Мало того, онъ хотѣлъ, чтобы правительство было внимательно къ низшему слою населенія: «гдѣ бо суть черняки многи и богаты, тамо и краль и властели да боляры есуть (т.-е. суть) богаты и сильны». Это замѣчаніе ученаго хорвата напоминаетъ слова основателя физіократической школы въ политиче-

[1]) «Моръ, гладъ, и война, не чинятъ долгія пустоши: но по претеченію мала годовъ, опять ся земля наполнитъ жителевъ».

[2]) Курсъ, ч. III, стр. 325—326.

ской экономіи Франсуа Кенэ: «pauvres paysans, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi». Такую же мысль мы встрѣтимъ въ книгѣ современника Петра, крестьянина Посошкова «О скудости и богатствѣ». Наличность этой мысли въ книгѣ Посошкова дала нѣкоторымъ нашимъ писателямъ мнимое основаніе хвастливо утверждать, что въ Россіи предвосхищено было одно изъ величайшихъ открытій западно-европейской экономической науки. Говорить такіе пустяки можно было только при полномъ незнаніи исторіи политической экономіи и экономической политики западно-европейскихъ государствъ. То «открытіе», что государь бѣденъ тамъ, гдѣ бѣдно трудящееся населеніе страны, сдѣлано было «инородными» гораздо раньше, нежели его усвоили себѣ славянскіе писатели. И не подлежитъ сомнѣнію, что у «инородныхъ» оно стало извѣстно теоретикамъ уже послѣ того, какъ къ нему пришли люди практики: именно тѣ, обязанностью и интересомъ которыхъ было наполненіе казеннаго ящика. Самъ Крижаничъ слѣдующимъ образомъ поясняетъ, почему правительство должно заботиться о благосостояніи трудящейся массы: «краль [1]), властели и боляры, тако имаютъ справлять черняковъ, да будутъ могли всегда что отъ нихъ взять». Тутъ ясно, что и для него дѣло не столько въ «чернякахъ», сколько въ возможности «взять» [2]). Впослѣдствіи теорема: «бѣдность трудящейся массы обусловливаетъ собой бѣдность страны» перестала соотвѣтствовать экономической дѣйствительности. Соціалисты справедливо говорили, что матеріальное положеніе трудящейся массы хуже всего какъ разъ въ богатыхъ странахъ. И мы увидимъ, что самому Крижаничу пришлось отмѣтить въ своей книгѣ это мнимо парадоксальное явленіе. Но въ его время развитіе капитализма только еще начинало опровергать, самимъ ходомъ своимъ, указанную теорему. Поэтому ее признавали и повторяли въ Западной Европѣ очень многіе теоретики и практики. У нихъ заимствовалъ ее и «сербенинъ Юрій Иванычъ», какъ называли Крижанича московскіе люди. Но какъ бы

---

[1]) Государя Крижаничъ вездѣ называетъ к р а л е м ъ, считая это названіе гораздо болѣе почетнымъ, нежели—ц а р ь.

[2]) Осенью 1726 г. Меньшиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ, въ отвѣтъ на вопросы, поставленные членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, подали записку, гдѣ, между другими мнѣніями, мы находимъ слѣдующее: „Если армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, то и о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе, потому что солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, то не будетъ и солдата“ (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 887). Отсюда какъ нельзя болѣе ясно видно, п о ч е м у заботились бюрократы, — к о г д а въ с а м о м ъ д ѣ л ѣ з а б о т и л и с ь,—о „чернякахъ“.

тамъ ни было, онъ настоятельно совѣтовалъ развивать производительныя силы московской земли и въ этомъ отношеніи дѣйствительно сходился съ Петромъ. На вопросъ, какое государство можно назвать богатымъ, онъ отвѣчалъ, что богато то, въ которомъ много золота, серебра и иныхъ рудъ; еще богаче то, которое изобилуетъ матеріалами для одежды и «вещми къ ѣденію и къ питію пригожими»; всѣхъ же богаче и сильнѣе то, гдѣ развито «всяко рукодѣліе», гдѣ процвѣтаетъ морская торговля. Это мы видимъ въ Англичанской и въ Брабанской землѣ (т.-е. въ Нидерландахъ.—Г. П.). Тутъ съ нимъ вполнѣ сошелся бы Петръ, ѣздившій учиться въ Голландію.

2

Но дальше начинается важное различіе. Между тѣмъ какъ Петръ любилъ «инородныхъ» и привлекалъ ихъ въ свое государство, Крижаничъ ихъ терпѣть не могъ: онъ проповѣдывалъ «гостогонство»,—иначе «ксенеласію»,—и «запертіе рубежевъ». Онъ утверждалъ, что нашему народу выгоденъ и нуженъ «предобрый законъ», воспрещающій подданнымъ московскаго государя скитаться по чужимъ землямъ, а «всякимъ инородникомъ прехажать и разглядать нашихъ державъ». Онъ до такой степени дорожилъ «запертіемъ», что относилъ его къ числу «основательныхъ столповъ и подпоръ» Московской Руси, на ряду съ православной вѣрой, самодержавіемъ, нераздѣльностью государства и народной независимостью. Въ этомъ отношеніи Крижаничъ сильно отставалъ не только отъ Котошихина, но и отъ Курбскаго, который, какъ помнитъ читатель, ставилъ въ вину Ивану IV, между прочимъ, это самое «запертіе рубежевъ». Склонность Крижанича къ «запертію» находится въ прямомъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ его заботами о развитіи производительныхъ силъ страны, ради котораго онъ совѣтовалъ вызывать въ Россію изъ-за границы, хотя бы и за большую плату, хорошихъ ремесленниковъ для обученія русскихъ людей. Точно такъ же взглядъ Крижанича на крупную торговлю, какъ на одно изъ необходимыхъ условій развитія народнаго богатства, довольно плохо уживался съ другимъ его взглядомъ, согласно которому торговцы являются «бездѣлниками и хлѣбогубцами», вслѣдствіе чего правительство имѣетъ право меньше церемониться съ ними, нежели съ какимъ бы то ни было другимъ классомъ населенія. Подобныя противорѣчія, очень странныя въ такомъ образованномъ человѣкѣ, отчасти объясняются, пожалуй, тѣмъ, что его главное сочиненіе дошло до насъ не вполнѣ

обработаннымъ. Занимаясь окончательной его отдѣлкой, Крижаничъ, можетъ быть, сумѣлъ бы изложить свои взгляды въ такомъ видѣ, что они перестали бы казаться намъ несогласимыми или, по крайней мѣрѣ, очень трудно согласимыми между собой [1]. Но если это и такъ, то, во всякомъ случаѣ, «запертіе» и крайне рѣзкіе отзывы о торговцахъ дѣлаютъ сомнительнымъ полное тождество программы Крижанича съ программой Петра. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду,—и это, конечно, самое главное,—что Крижаничъ совсѣмъ не такъ, какъ Петръ, относился къ важнѣйшимъ особенностямъ московскаго общественнаго быта.

Онъ писалъ, что краль есть Божій намѣстникъ и «живое законоставіе»; что его власть не ограничена, а дѣйствія не подлежатъ суду человѣческому; наконецъ, что краль имѣетъ право собственности на все находящееся въ его государствѣ. Встрѣчаясь у него съ такими взглядами, начинаешь думать, что противъ его политическаго ученія ничего не возразилъ бы самъ Иванъ Грозный. Но очень скоро убѣждаешься, что самодержавіе Грознаго представлялось Крижаничу злѣйшей тираніей, а этотъ убѣжденный сторонникъ самодержавія былъ непримиримымъ врагомъ тираніи. На вопросъ москвитянина Бориса: «что есть тиранъ?» западный славянинъ Хервой со страстью отвѣчаетъ въ одномъ изъ его діалоговъ: «тиранъ есть разбойникъ народный, не боячься суда, ни муки. Есть катъ безъ судца и закона. Есть человѣкъ, кій есть заверголъ (отвергъ) человѣчество. Есть чертъ въ тѣло видно облеченъ. Могелъ бо бы едною своею рѣчію неконечно добро учинить... а не хочетъ. А нашимъ языкомъ тиранъ слыветъ людодерецъ». Тиранъ—волкъ, а краль долженъ быть пастыремъ. Честь краля выше всѣхъ видовъ чести «подъ небомъ», а тиранство есть самая большая «кралевская срамота». Крижаничъ указывалъ на Грознаго, какъ на самаго жестокаго «людодерца», дѣйствія котораго взывали къ небу о «помщеніи» [2]. Нашъ «сербенинъ» былъ увѣренъ, что пресѣченіе династіи Рюрика явилось Божіимъ наказаніемъ за «людодерство» царя Ивана Васильевича. Конечно, такое рѣшительное порицаніе жестокостей Ивана IV само по себѣ еще

---

[1]) Я допускаю также возможность разрѣшить указанныя противорѣчія Крижанича тѣмъ предположеніемъ, что его термины не всегда точно соотвѣтствовали его мыслямъ. Такъ, «запертіе рубежевъ» могло, въ концѣ-концовъ, означать у него лишь крайне неудачно выраженное убѣжденіе въ необходимости покровительственнаго тарифа для развитія національной промышленности. Это послѣднее убѣжденіе у него дѣйствительно было. Для примѣра укажу на раздѣлъ 2: «Объ реместву», въ приложеніи къ № 1 «Русской Бесѣды» 1859 г., стр. 34, гдѣ Крижаничъ разсуждаетъ, какъ разсуждалъ впослѣдствіи Фридрихъ Листъ.

[2]) Онъ «есть былъ зачальникъ сему крутому владанію».

не представляло бы чего-нибудь оригинальнаго. Мы видѣли, что всѣ московскія попытки брать съ государей записи вызваны были желаніемъ предупредить повтореніе такихъ жестокостей. Но Крижаничъ не ограничивался ненавистью къ «людодерству». Его понятіе о неограниченной власти государя существенно отличалось отъ ходячаго взгляда на нее жителей Московскаго государства. Недаромъ онъ говорилъ, что царская доброта «при злыхъ законехъ не користна». Въ высшей степени замѣчательно, что этотъ рѣшительный защитникъ самодержавія, утверждавшій, что даже ненавистное ему «людодерство» лучше охлократіи [1]), считалъ нужнымъ положить извѣстные предѣлы для «кралеской» власти. Онъ говорилъ, что «всеконечная область» (т.-е. безпредѣльная власть) супротивна божьему и уроженному законоставію, т.-е. законамъ бога и природы. Богъ даетъ власть на созиданіе, а не на разореніе. А природа «повѣдаетъ» намъ, что «не кралества зарадъ кралевъ, но крали зарадъ кралестовъ есуть поставлены».—«И сія рѣчи не груститъ ми ся множе кратъ повторять: а бо бы ю морали крали (т.-е. ее должны были бы короли) много кратъ въ мысли обращать».

Согласно ученію сербенина Юрія, кралевская власть имѣетъ троякое происхожденіе. Она можетъ быть получена по наслѣдству, завоевана или вручена данному лицу народомъ [2]). Такъ какъ очевидно, что завоеватель властвуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока завоеванные не станутъ сильнѣе его, то, въ сущности, остается только два законныхъ источника власти. Но по наслѣдству никто не можетъ передать больше того, чѣмъ самъ имѣетъ. Вслѣдствіе этого кралевская власть не можетъ законно выходить за предѣлы, которые ставятъ ей «избиральники». Эти же послѣдніе не могли дать кралю право по своему произволу дѣлать добро или зло: «продать, отчужить, спустошить, разорить». И хотя разъ выбранный государь не подлежитъ человѣческому суду, но онъ все-таки грѣшитъ противъ Бога и природы, когда нарушаетъ естественныя права своихъ подданныхъ. Это напоминаетъ то,—думаю, уже вполнѣ хорошо извѣстное читателямъ—различеніе, которое дѣлалъ Бодэнъ между «вотчинной монархіей» и монархіей европейской.

Правда, каждый по-своему истолковываетъ волю Бога и природы; поэтому ссылка на нее всегда оставляетъ неопредѣленнымъ

---

[1]) Т.-е. что тиранія одного лица все-таки лучше тираніи народа.

[2]) Лѣтописный разсказъ о призваніи князей представляется Крижаничу глупой «басней». Онъ разсуждаетъ такъ: князей призвали будто бы потому, что страдали отъ междоусобій. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же призвали не одного князя, а цѣлыхъ трехъ? Славяне не могли сдѣлать такую глупость.

какъ разъ то, что требуется опредѣлить. Но мысль Крижанича удачно дополняется ходомъ его разсужденій.

Онъ приводитъ, передавая ихъ своимъ самодѣльнымъ славянскимъ языкомъ, слова, сказанныя израильтянамъ пророкомъ Самуиломъ: «Вашіе сыны хочетъ краль емать: и творить себѣ коньниковъ, и предотечь, и войводъ: вашіе нивы, и винограды хочетъ емать: и давать слугамъ своимъ: вашіе рабы и рабыни и скотъ емать: и поставлять въ дѣло сво-. Вашіе сѣтвы и стада обдесятинить [1]: и давать слугамъ своимъ. И вы будете ему рабы». Слова эти легко могутъ быть истолкованы, какъ доводъ отъ Писанія въ пользу деспотизма. Но у нашего автора они пріобрѣтаютъ совсѣмъ другое значеніе.

«Израильцы,—говоритъ онъ,—тогда бяху запросили краля отъ Бога, недовольны будучь Самуиломъ судцемъ и пророкомъ, мужемъ святымъ, коего имъ Богъ бяше наставилъ. За то разсерженъ Господь есть заповѣдалъ произъявить имъ тяготы, которыя имаше чинить краль». Нѣкоторыя изъ дѣйствій, перечисленныхъ Самуиломъ, какъ возможныя дѣйствія будущаго короля, кажутся Крижаничу явно неправильными, напр., отнятіе у подданныхъ принадлежащихъ имъ нивъ, виноградниковъ и скота. Онъ ссылается на Ахава, который, по разсказу Библіи, тщетно пытался купить у Навота его виноградникъ. Если бы израильскій краль имѣлъ право отнимать у подданныхъ ихъ имущество, то онъ силой отобралъ бы понравившійся ему виноградникъ, послѣ того, какъ Навотъ отказался добровольно уступить его. Но Ахавъ этого не сдѣлалъ, «або тоя области (власти) не имаше»: по совѣту жены онъ сталъ судиться съ Навотомъ, выставивъ противъ него лжесвидѣтелей.

Разсказавъ о поступкѣ Ахава, Крижаничъ дипломатично прибавляетъ, что ему неизвѣстно, какъ поступили бы въ подобномъ случаѣ нынѣшніе крали. Конечно, онъ не могъ не знать, что московскіе государи не вели судебныхъ споровъ со своими «холопями» и сиротами, а безцеремонно отписывали на себя ихъ имущество, если только находили это почему-либо полезнымъ или просто пріятнымъ. Но онъ счелъ благоразумнымъ умолчать объ этомъ. Зато съ турецкимъ султаномъ и съ персидскимъ шахомъ,—короче, съ восточными деспотами,—онъ не находилъ нужнымъ стѣсняться. О нихъ у него прямо сказано, что они грабятъ своихъ подданныхъ. И не только грабятъ подданныхъ: они и дѣтей своихъ убиваютъ «будто по закону», приказывая считать это праведнымъ. Мы не должны подражать имъ, утверждаетъ сербенинъ.

[1] Т.-е. взимать съ нихъ подать, извѣстную подъ именемъ десятины.

Все это было написано ad usum delphini и все это значитъ, что нашему автору хотѣлось бы европеизовать Московское государство, заставивъ его отказаться отъ обычаевъ и,—что гораздо важнѣе,—отъ учрежденій, свойственныхъ восточнымъ деспотіямъ.

3.

Безъ всякаго сомнѣнія, идеаломъ для Крижанича служило французское королевство. Онъ прямо говоритъ, что самымъ славнымъ и счастливымъ изъ всѣхъ является то государство, въ которомъ не только развиты ремесла и торговля, но «и добры суть законы: якоже видимъ быть во Франскомъ кралеству» [1]). Вслѣдствіе этого своего пристрастія къ французскому политическому строю онъ истолковывалъ законы Бога и природы въ томъ же смыслѣ, въ какомъ прежде него истолковывалъ ихъ Бодэнъ. Петръ Великій не призналъ бы такого толкованія. Онъ всѣми силами души стоялъ за «вотчинную монархію», или,—чтобы употребить здѣсь выраженіе Крижанича,—за «крутое владаніе» [2]).

Программа реформъ Крижанича изложена имъ въ воображаемомъ обращеніи московскаго царя къ жителямъ своей страны. Прежде всего царь заявляетъ, что въ его землѣ до сихъ поръ не было «добрыхъ законовъ», и что онъ желаетъ восполнить этотъ недостатокъ. «Хочемъ,—говоритъ онъ,—всякому стану и ряду людей дать сподобныя слободины: тако да всѣ будутъ своимъ жребіемъ и станомъ задовольны».

По словамъ царя, онъ пересмотрѣлъ «законоставіе» разныхъ государствъ,—греческаго, французскаго, испанскаго, нѣмецкаго, польскаго,—и, выбравъ оттуда годные законы, рѣшилъ «щедро подаровать» ихъ своимъ подданнымъ. Прежде, чѣмъ говорить о содержаніи этихъ годныхъ законовъ, обратимъ вниманіе на формальную сторону законодательной утопіи Крижанича.

---

1) Приложеніе къ № 1 «Рус. Б.» за указ. годъ, стр. 7. Курсивъ нашъ.

2) «Въ основѣ теоріи Іоанна Грознаго, если отрѣшить ее отъ личныхъ и временныхъ вліяній, лежали давнія преданія русской исторіи. Политическая жизнь сѣверо-восточной Россіи уже до Іоанна сложилась подъ вліяніемъ многихъ условій, создавшихся гораздо ранѣе, не потерявшихъ всей своей силы и послѣ реформы Петра, не исчезнувшихъ совершенно и въ наше время». («В. Н. Татищевъ и его время» В. Н. Попова. Москва. Стр. 67). Въ 1861 году, когда появилось сочиненіе Н. Попова, слова эти требовали оговорки развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что до Грознаго политическая жизнь сѣверо-восточной Руси еще только стремилась принять тотъ видъ, который послѣ него безъ всякихъ серьезныхъ перемѣнъ существовалъ до «нашего времени» включительно.

Извѣстно, что въ началѣ 1649 года закончилось составленіе Уложенія, при выработкѣ котораго московское правительство пересматривало «законоставіе» разныхъ государствъ. Кромѣ московскаго царскаго Судебника, оно обращалось, между прочимъ, ко второй части Кормчей книги, заключающей въ себѣ кодексы и законы греческихъ царей, и къ Литовскому Статуту 1588 года. Изъ этого видно, что въ своей утопіи Крижаничъ заставляетъ царя поступать приблизительно такъ, какъ поступало московское правительство въ своей кодификаціонной работѣ. Крижаничъ не забылъ даже греческаго «законоставія». Но на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду не греческій и ужъ въ особенности не польскій и не германскій политическій порядокъ. Какъ сказано мною выше, Крижанича больше всего привлекала къ себѣ французская монархія. Неудивительно поэтому, что царь преимущественно ссылается у него на французовъ да еще, пожалуй, на испанцевъ, у которыхъ высшее сословіе имѣетъ «пристойныя слободины» [1]).

Составленный нашимъ авторомъ проектъ «слободинъ» касается, главнымъ образомъ, высшихъ классовъ.

Духовенство будетъ изъято изъ вѣдѣнія приказовъ и мірскихъ судовъ. Кромѣ того, оно освобождается «отъ работъ и отъ поборовъ всякихъ». Служилое сословіе будетъ раздѣлено на три ряда или стана. Именитые люди перваго стана будутъ называться князьями. Каждый изъ нихъ получитъ въ свою власть одинъ укрѣпленный городъ и одинъ острогъ. Царю «видится», что достаточно будетъ двѣнадцати князей. Служилые люди второго стана названы будутъ боярами, а люди третьяго,—«непристойно» называвшіеся до тѣхъ поръ боярскими дѣтьми,—племянами. Всѣ эти три стана вмѣстѣ будутъ именоваться вѣрными слугами, дворянами и племенитыми людьми, но не холопами [2]). Принадлежащіе къ нимъ служилые люди «да ся не зовутъ уменьшальными именми, Борко, Владко; но цѣлыми именми, Борисъ, Владиміръ». Царь запрещаетъ имъ бить челомъ, т.-е. кланяться до земли: «таковъ поклонъ да ся чинитъ единому Богу и святымъ Иконамъ: а людемъ да ся не чинитъ». Переставъ быть холопами своего государя, служилые люди навѣки увольня-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ своимъ подданнымъ, на этотъ разъ по-латыни „Quas autem et quales uobis dabimus Libertates? Nempe liberalissimas. Dabimus enim uobis omnes pene illas libertates, quibus gaudent quicunque Europae populi: quantum eas non rescire potuimus, et quantum expedit saluti, ac felici statui huius regni et totius populi“.

[2]) Какъ читатель помнитъ, еще Боданъ говорилъ, что въ «вотчинныхъ монархіяхъ» служилые люди являются холопами своихъ государей, а въ европейскихъ монархіяхъ этого нѣтъ.

ются «отъ Кнутья, отъ Батожья, и отъ Остуднаго кажненія (позорящаго наказанія), яково есть, Пятнаніе; носа, ушесъ, рукъ Отрѣзаніе». Ихъ наказаніемъ будетъ: тюрьма, отставленіе отъ должности, ссылка и т. п. Царь обѣщаетъ освободить ихъ отъ всякихъ холопскихъ работъ и повинностей.

По мнѣнію Крижанича, всѣ эти «слободины» не только не повредятъ королевской власти, но пойдутъ ей на пользу. Въ благоустроенныхъ западныхъ государствахъ не позволяютъ себѣ никакого «нечестія» ни народъ, ни войско. Въ этихъ государствахъ верховная власть прочнѣе, нежели въ Турціи, гдѣ, при отсутствіи свободъ, государь подчиненъ «простыхъ пѣшихъ стрѣльцевъ глуподерзію». Въ то время, когда Крижаничъ писалъ свой проектъ реформъ, у всѣхъ московскихъ людей еще живы были въ памяти впечатлѣнія, вынесенныя ими изъ «бунташнаго времени». Поэтому онъ изображаетъ проектируемыя имъ «слободины» отчасти, какъ гарантію противъ народныхъ возстаній.

Слѣдуя примѣру западныхъ государствъ, царь установляетъ недѣлимость имѣній своихъ князей и властителей: «да ся и вашія отчины и помѣстія не дѣлятъ» [1]).

Города получаютъ въ проектѣ Крижанича извѣстное самоуправленіе; ремесленники организуются въ цехи и избавляются отъ принудительныхъ работъ на государство [2]). Но,—слѣдуетъ замѣтить это,—права, даруемыя торгово-промышленному классу, значительно меньше, нежели «слободины», достающіяся на долю служилыхъ людей. Нашъ авторъ находитъ, что не слѣдуетъ давать торговцамъ вольности навсегда (in perpetuum), «но подъ именемъ Временного жалованія, кое ся всегда можетъ отнять». Считая торговцевъ «хлѣбогубцами и бездѣльниками», Крижаничъ, естественно, не видѣлъ надобности церемониться съ ними. Царь говоритъ у него: «Межу иными пакъ народными и земскими пожитки еденъ есть, Добытокъ изъ торговства. Сію адда Корысть (будучь она велика и изрядна) мы есмо объявили и объявляемъ быть нашу» [3]). Это какъ будто рѣзко противорѣчитъ сужденію Крижанича о поступкѣ Ахава съ Навотомъ. Но, объявляя торговую «Корысть» «нашей», краль хочетъ сказать лишь то, что за нимъ остается право дѣлать своей монополіей выгоднѣйшія отрасли торговли. Какъ мы уже слышали отъ М. Н. Покровскаго,

---

[1]) Впрочемъ, и въ Московскомъ государствѣ помѣстья могли дѣлиться лишь съ согласія правительства.

[2]) «Реместниковъ никто не смѣетъ изобижать, никто на понужныя (принудительныя) работы приганять». Крижаничъ совѣтуетъ давать свободу тѣмъ дѣтямъ холоповъ, которыя научатся какому-нибудь «мудрому реместву».

[3]) Тамъ же, стр. 65.

въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка царь широко пользовался такимъ правомъ. Вполнѣ одобряя это, Крижаничъ говоритъ, что торговля есть дѣло хорошее, почетное и даже «прямо кралевское», когда ведется не для личной выгоды, а для общей народной пользы. Такимъ образомъ, царскія торговыя монополіи являются въ его глазахъ средствомъ удовлетворенія народной,—т.-е., собственно, государственной,—потребности. Но необходимость прибѣгать къ этому средству удовлетворенія государственныхъ потребностей поставлена у него въ причинную связь съ экономической неразвитостью Московскаго государства. Не занимаются торговлей, по его словамъ, тѣ государи, подданные которыхъ достаточно сильны для того, чтобы собственными средствами вести обширныя торговыя предпріятія. Но и эти короли очень заботятся объ интересахъ торговли: «при всемъ томъ Фряжескій (французскій) краль неустойно (постоянно) держитъ великаго посла въ Цареграду, а Англичанскій краль посланника, для ради единого торговства своихъ подданниковъ. А Хиспанскій и Португальскій крали, для ради своего и своихъ подданниковъ торговства, высылаютъ на море всѣ свои ратныя силы, на спроважаніе Индѣйскихъ плутовъ (флотовъ)» [1].

Эти ссылки на заботливую охрану французскимъ, англійскимъ, испанскимъ и португальскимъ королями торговыхъ интересовъ своихъ подданныхъ показываютъ, что вышеприведенный рѣзкій отзывъ Крижанича о купцахъ («бездѣльники и хлѣбогубцы») не мѣшалъ ему понимать важное значеніе торговли въ экономической жизни цивилизованныхъ государствъ. При всемъ томъ неоспоримо, что онъ надѣлялъ ихъ въ своемъ проектѣ значительно меньшими «слободинами», нежели служилыхъ людей. Еще меньше правъ сулилъ его проектъ крестьянамъ (кметамъ, тежакамъ, чернякамъ). Крижаничъ заявляетъ: «Черняки да си не привлащаютъ слободъ (не присваиваютъ свободъ)». Они должны быть готовы «гъ данемъ и къ инымъ тяготамъ, на всяку кралеву заповѣдь, за всякую кралества потребу». Это, какъ видитъ читатель, не очень завидная участь. Но Крижаничъ утверждаетъ, что таково положеніе низшаго класса во всѣхъ европейскихъ странахъ. Заговоривъ объ этомъ положеніи, онъ дѣлаетъ чрезвычайно важное для исторіи теоріи замѣчаніе, идущее

[1]) Тамъ же, I, стр. 10—11.

вразрѣзъ съ его, уже знакомымъ читателю, правиломъ: гдѣ бы суть черняки многи и богаты, тамо и краль и властели да боляры есуть богаты и сильны». Теперь мы узнаемъ отъ него, что, хотя зажиточные люди живутъ лучше и обильнѣе въ богатыхъ странахъ, но положеніе земледѣльцевъ и бѣдныхъ горожанъ, занимающихся ремеслами («кои ся ручнымъ дѣломъ животятъ»), много лучше въ бѣдномъ Московскомъ государствѣ. Крижаничъ объясняетъ это тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, каменистая почва гораздо хуже вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, а также тѣмъ, что въ богатыхъ странахъ значительная часть населенія не сѣетъ для себя хлѣба, вслѣдствіе чего «круто нужно (очень бѣдно) живетъ». За границей, по его словамъ, есть мѣстности, гдѣ люди питаются хлѣбомъ, болѣе похожимъ на землю, чѣмъ на настоящій хлѣбъ. На Руси же самые бѣдные жители ѣдятъ хорошій хлѣбъ, рыбу и мясо и пьютъ если не пиво, то, по крайней мѣрѣ, квасъ. Этотъ благопріятный для Московской Руси отзывъ могъ быть подсказанъ желаніемъ порадовать ея правителей, для которыхъ, собственно, и предназначалось сочиненіе Крижанича. И нельзя не признать, что «сербенинъ Юрій Иванычъ» въ слишкомъ отрадномъ видѣ изобразилъ экономическое положеніе великорусскаго народа. Но была и правда въ нарисованной имъ картинѣ. Въ такихъ странахъ, гдѣ преобладаетъ натуральное хозяйство, предметы первой необходимости, въ родѣ хлѣба и мяса, гораздо доступнѣе для населенія, нежели въ странахъ, отличающихся значительнымъ развитіемъ товарнаго обмѣна [1]). Мы знаемъ теперь, что раздѣленіе общественнаго труда въ западной Европѣ сопровождалось обѣднѣніемъ трудящейся массы. Такимъ образомъ была, повторяю, неоспоримая истина въ указанномъ противопоставленіи Московской Руси Западу. Крижаничъ былъ первымъ, по времени, писателемъ, сдѣлавшимъ такое противопоставленіе въ книгѣ, предназначавшейся хотя бы и для неболь-

[1]) Авраамій Палицынъ сообщаетъ, что въ Смутное время «обрѣтеся безчислено расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы не истощены, и поля скирдъ стояху, гумны же пренаполнены одоней и копонъ и зародовъ до четырехнадесять лѣтъ отъ смятенія во всей Русской землѣ, и питахуся вси отполъ старыми труды; а ранѣе бо и сѣятва и жатва мятяшеся, мечю бо на выи у всѣхъ всегда надлежащу». (Русская Истор. Библ., т. XIII, стр. 481). Само собою разумѣется, что въ передовыхъ странахъ Запада дѣло обстояло уже совсѣмъ не такъ. Правда, и въ Московскомъ государствѣ товарный обмѣнъ сдѣлалъ въ теченіе XVII в. довольно значительные успѣхи. Но все относительно. По сравненію съ Западомъ Московская Русь, безспорно, и тогда оставалась страной натуральнаго хозяйства.

наго числа русскихъ людей. Это противопоставленіе создавало достаточное логическое основаніе для постановки вопроса о томъ, не грѣшатъ ли противъ народа тѣ, которые заботятся о развитіи производительныхъ силъ страны? У самого Крижанича такой вопросъ не возникалъ, да и не могъ возникнуть ни по общимъ условіямъ той эпохи, ни по особенностямъ его личнаго настроенія: горячій панславистъ и убѣжденный противникъ деспотизма, Юрій Иванычъ не отличался очень большимъ народолюбіемъ. Но русской интеллигенціи XIX вѣка, сильно дорожившей интересами трудящейся массы, пришлось затратить едва ли не наибольшую часть своихъ умственныхъ силъ на рѣшеніе этого «проклятаго вопроса».

Крижаничъ говоритъ еще, что «въ нѣкоихъ окольныхъ державахъ» боярскіе и военные люди могутъ безнаказанно обижать крестьянъ. Это, повидимому, намекъ на Рѣчь Посполитую. Но какъ ни справедливъ этотъ намекъ самъ по себѣ, невозможно допустить, чтобы Крижаничъ не зналъ, какъ сильно страдали «тежаки» Московскаго государства отъ всевозможныхъ насилій со стороны высшихъ сословій. Стало быть, тутъ онъ опять писалъ ad usum delphini.

Награжденные «слободинами» подданные московскаго царя присягаютъ ему на вѣрность. Крижаничъ предусмотрительно составилъ для нихъ длиннѣйшую формулу присяги. Въ свою очередь, краль клянется соблюдать права своихъ подданныхъ: «да мы и наши наступники будемъ должны (предъ кралевскимъ нашимъ вѣнчаніемъ) присягою себѣ обвязать: еже хочемъ вамъ, нашимъ вѣрнымъ подданникомъ, неподвижно обдержавать сія всія слободины, коя мы вамъ сада даемъ и даруемъ» [1]).

Это второе обязательство было совсѣмъ не въ духѣ московской вотчинной монархіи. Когда, въ январѣ 1654 года, Богданъ Хмельницкій, принеся присягу на подданство московскому царю, попросилъ царскаго посла, боярина Бутурлина, присягнуть за государя въ томъ, что не будутъ нарушены вольности малороссійскаго народа, то получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Въ Московскомъ государствѣ прежнимъ великимъ государямъ нашимъ присягали ихъ государскіе подданные, также и великому государю царю Алексѣю Михайловичу клянутся служить и прямить и всякаго добра хо-

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ. «Русское государство въ половинѣ XVII в»., приложеніе къ кн. IV «Русской Бесѣды» за 1859 г., стр. 36.

тѣть; а того, что за великаго государя присягать, никогда не бывало и впредь не будетъ; тебѣ, гетману, и говорить объ этомъ не пристойно, потому что всякій подданный повиненъ присягнуть своему государю».

5.

П. Безсоновъ упрекалъ Крижанича въ томъ, что онъ «въ самой стойкости основныхъ народныхъ началъ готовъ видѣть косность, препятствіе къ развитію, и хотѣлъ бы переломить ихъ упорство, и самыя начала пустить въ ходъ переработки» [1]). Дѣйствительно «хотѣлъ бы»! Читатель видѣлъ, что выработанный Крижаничемъ планъ реформъ направленъ былъ на превращеніе Московскаго государства изъ восточной—въ неограниченную монархію западно-европейскаго (французскаго) склада. Теперь пора отмѣтить, что, отстаивая православіе (vera fides), Крижаничъ имѣлъ въ виду римскій католицизмъ, а не греко-россійское вѣроисповѣданіе, являвшееся въ его глазахъ не болѣе какъ «схизмой». Точно такъ же и представленіе Крижанича о русской народности далеко не покрывается представленіемъ о ней московскихъ, — «офиціальныхъ» и неофиціальныхъ, — славянофиловъ XIX столѣтія. Говоря о народности, эти славянофилы имѣли въ виду собственно великорусское племя съ тѣми особенностями его быта и его общественно-политическихъ воззрѣній, которыя развились и упрочились, преимущественно, въ теченіе московскаго періода русской исторіи. А Крижаничъ сплошь и рядомъ смотрѣлъ на эти особенности, какъ на «неподобія», унижающія русскій народъ и въ корнѣ подрывающія его благосостояніе. Людямъ Московскаго государства онъ охотно указывалъ, какъ на примѣры, достойные подражанія, на малороссовъ и на бѣлоруссовъ. Это показываетъ, что его взглядъ на русскую народность былъ значительно шире взгляда нашихъ позднѣйшихъ славянофиловъ и нашихъ нынѣшнихъ украйнофиловъ.

Позднѣйшіе славянофилы могли только рукоплескать Крижаничу, встрѣчая у него такія строки: «nihil potest esse perniciosius alicui genti et regno, quam cum homines fastidiunt aut deserunt suos bonos mores, leges, instituta, et linguam; et assumunt alienos

---

1) Предисловіе къ сочиненію Крижанича, стр. XXVI приложенія къ «Русской Бесѣдѣ», № 1 за указ. годъ.

mores, et linguas; et conantur se transformare in aliam gentem[1])». Должна была нравиться имъ и его склонность къ «гостогонству» («ксенеласіи» тожъ). Но совершенно ясно, что если бы Московская Русь осуществила преобразовательную программу такъ долго занимавшаго насъ хорватскаго панслависта XVII вѣка, то у нея очень мало осталось бы отъ тѣхъ основныхъ «началъ», которыя приводили въ умиленіе московскихъ славянофиловъ XIX столѣтія. Въ своемъ отношеніи къ соціально-политическому строю Московскаго государства («крутому владанію») Крижаничъ былъ западникомъ, между тѣмъ какъ Петръ I, реформу котораго такъ превозносили наши западники и такъ порицали наши славянофилы, самъ являлся чистокровнымъ славянофиломъ въ томъ смыслѣ, какой это слово пріобрѣло у насъ въ XIX вѣкѣ.

Съ Петромъ Крижанича сближаетъ,—кромѣ отмѣченной выше заботы о развитіи производительныхъ силъ,—еще ненависть къ «бездѣльникамъ». До такой степени сближаетъ, что, вопреки своему настойчивому желанію передѣлать политическій строй Московскаго государства на французскій ладъ, Крижаничъ сохранилъ въ своемъ проектѣ тягловой характеръ этого государства. Высшій классъ несетъ, въ его проектѣ реформъ, обязательную государственную службу. Исключеніемъ изъ этого общаго правила является лишь даваемое князьямъ позволеніе выходить въ отставку, прослуживъ всего нѣсколько лѣтъ. Этимъ отчасти предвосхищается въ проектѣ Крижанича та «слободина», которой постепенно добилось для себя все русское дворянство въ слѣдующемъ вѣкѣ.

«Сочиненіе Котошихина,—говоритъ Ключевскій,—не было никѣмъ прочитано въ Россіи до четвертаго десятилѣтія минувшаго (т.-е. XIX.—*Г. П.)* вѣка, когда его нашелъ въ библіотекѣ Упсальскаго университета одинъ русскій профессоръ. Книга Крижанича была «на верху», во дворцѣ, у царей Алексѣя и Ѳедора; списки ея находились у вліятельныхъ приверженцевъ царевны Софьи, Медвѣдева и кн. В. Голицына; кажется, при царѣ Ѳедорѣ ее собирались даже напечатать»[2]). Однако, только—собирались; книга осталась ненапечатанной. Подобными фактами опредѣляются размѣры вліянія, какое могли имѣть въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ люди, несомнѣнно, представляющіе собою родо-

---

[1]) «Ничего не можетъ быть гибельнѣе для извѣстнаго народа и государства, какъ если люди оставляютъ въ пренебреженіи или совсѣмъ покидаютъ добрые нравы, законы, учрежденія, языкъ своей родины и воспринимаютъ нравы чуждые, рѣчь чуждую, стараясь преобразить себя въ народъ чуждый». (Переводъ П. Безсонова).

[2]) Курсъ III, стр. 328—329.

начальниковъ русской «интеллигенціи». Размѣры эти были до послѣдней степени узки [1]). О непосредственномъ воздѣйствіи на общественную жизнь родоначальникамъ русской «интеллигенціи» нельзя было и думать: у нихъ не было аудиторіи, составляющей необходимое условіе воздѣйствія этого рода; оставалось заботиться о посредственномъ,—т.-е., косвенномъ,—воздѣйствіи. Наиболѣе производительнымъ его видомъ должно было представляться воздѣйствіе черезъ посредство верховной власти. Неограниченный монархъ легко можетъ, если захочетъ, перестроить жизнь своего народа согласно указаніямъ разума. Такъ разсуждали люди, не имѣвшіе понятія о дѣйствительныхъ причинахъ общественнаго развитія. Поэтому для нихъ вопросъ долженъ былъ сводиться лишь къ тому, захочетъ ли данный неограниченный монархъ выступить въ роли преобразователя. Первымъ московскимъ западникамъ это представлялось до такой степени невѣроятнымъ, что они, испытывая непреодолимую «тошноту» у себя дома, бѣжали или только собирались бѣжать за границу, а не то—искали спасенія отъ безобразной дѣйствительности за монастырскими стѣнами. Но Крижаничъ вѣрилъ въ возможность коренной реформы сверху, и потому смѣло обращался къ московскому государю. «О Царю,—восклицалъ онъ,—ты въ рукахъ держишь Чудотворный Моисеевъ Прутъ (жезлъ): и можешь нимъ творить дивна во владанію чудеса». Съ помощью Моисеева прута московскій государь можетъ «лехко поправить всякую сказу и поблудокъ (порчу и ошибку), аще бы ся въ немъ нашло кое нерядіе въ народныхъ справахъ (дѣлахъ)».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что надежда на «Моисеевъ Прутъ» временами исчезала въ русской интеллигенціи, а временами воскресала съ новой силой. Мы не безъ удивленія встрѣтимся съ ней въ нѣкоторыхъ заграничныхъ произведеніяхъ А. И. Герцена и въ нѣкоторыхъ легальныхъ статьяхъ Н. К. Михайловскаго.

Выше было сказано, что Крижаничъ прожилъ довольно долгое время въ сибирской ссылкѣ. Читатель, любящій историческія сближенія, отмѣтитъ, пожалуй, что съ этой стороны судьба «сербенина Юрія Иваныча», питавшаго такую твердую вѣру въ «Мои-

---

[1]) Въ 1648 г. сборникъ „Книга о вѣрѣ", составленный игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря Наѳанаиломъ и изданный въ Москвѣ „тщательствомъ" царскаго духовника Стефана Вонифатьева, разошелся въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ въ 800 экземплярахъ (В. А. Келтуяла, назв. соч., ч. I, кн. 2-я, стр. 844). Значитъ, Москва не отказывалась читать то, что было ей по плечу.

сеевъ Прутъ», преобразуютъ собою судьбу большого числа русскихъ «интеллигентовъ».

Но это мимоходомъ. Я предпочитаю сдѣлать сближеніе другого рода.

Бѣлинскій писалъ въ статьѣ «Мысли и замѣтки о русской литературѣ», что литература эта «положила начало внутреннему сближенію сословій, образовала родъ общественнаго мнѣнія и произвела нѣчто въ родѣ особеннаго класса въ обществѣ, который отъ обыкновеннаго средняго сословія отличается тѣмъ, что состоитъ не изъ купечества и мѣщанства только, но изъ людей всѣхъ сословій, сблизившихся между собою черезъ образованіе, которое у насъ исключительно сосредоточивается на любви къ литературѣ» [1]).

«Особенный классъ въ обществѣ», созданный, по словамъ Бѣлинскаго, литературой, и есть та русская интеллигенція, родоначальниками которой выступаютъ передъ нами въ XVII в. люди, въ родѣ И. А. Хворостинина, В. А. Ордина-Нащокина, Г. К. Котошихина и даже Юрія Крижанича, хотя этотъ послѣдній и не былъ природнымъ россіяниномъ. На самомъ дѣлѣ, цѣлаго общественнаго класса интеллигенція у насъ никогда не составляла, да и нигдѣ не можетъ составлять. Это былъ лишь тонкій общественный слой; но этотъ тонкій слой сыгралъ важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Бѣлинскій былъ правъ, говоря, что къ этому слою принадлежали люди всѣхъ сословій, сближавшіеся между собою черезъ образованіе. Но вѣрная мысль изложена имъ въ неправильной перспективѣ: по его словамъ, «классъ», созданный въ Россіи литературой, состоитъ не только изъ купечества и мѣщанства, но—и т. д. Выходитъ, какъ будто купечество и мѣщанство составляютъ ядро этого «класса». Однако, въ XVII вѣкѣ мы совсѣмъ не видимъ между родоначальниками русской интеллигенціи людей купеческаго и мѣщанскаго происхожденія. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій купечество и мѣщанство давали своихъ представителей въ ряды интеллигенціи, но вплоть до 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда выступили разночинцы, они оставались тамъ въ меньшинствѣ [2]). Этимъ русская интеллигенція отличалась, напр., отъ французской, гдѣ издавна преобладали люди того сословія, которое у Бѣлинскаго названо среднимъ, а во Франціи носило названіе третьяго (tier état). И это понятно. Мы уже знаемъ, что во Франціи

[1]) Сочиненія, ч. XII. Москва, 1882. Стр. 243.

[2]) Представители собственно купечества и до сихъ поръ, какъ извѣстно, весьма немногочисленны.

монархическая власть, въ своей борьбѣ съ феодалами, опиралась, преимущественно, на третье сословіе. Этимъ относительнымъ различіемъ двухъ историческихъ процессовъ объясняется и только что указанное мною различіе въ составѣ интеллигенціи Россіи, съ одной стороны, и Франціи—съ другой. Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ относительное своеобразіе соціальнаго состава русской интеллигенціи, обусловленное относительнымъ своеобразіемъ русскаго историческаго процесса, отразилась на дальнѣйшемъ ходѣ развитія русской общественной мысли.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Томъ II.

Литературно-Издательскій Отдѣлъ
Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію.
Москва.—1918.

Часть II.

ДВИЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

(ОКОНЧАНІЕ).

Оглавленіе II тома.

Иллюстраціи II тома.

Глава X.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ И ПРОСВѢТИТЕЛИ.

(Окончаніе).

В. В. Голицынъ.

I

В. А. Ординъ-Нащокинъ, И. А. Хворостининъ, Г. К. Котошихинъ не нашли въ окружавшей ихъ общественной обстановкѣ приложенія для своихъ богатыхъ духовныхъ силъ. Поэтому каждаго изъ нихъ такъ или иначе «тошнило» въ современной имъ Москвѣ. Судьба кн. В. В. Голицына была другая. Онъ, несомнѣнно, былъ убѣжденнымъ западникомъ. Но обстоятельства сложились такъ, что онъ имѣлъ возможность, по крайней мѣрѣ, попытаться видоизмѣнить окружавшую его некрасивую дѣйствительность. Поэтому «тошнота» врядъ ли была преобладающей чертой его настроенія. Какъ преобразователь, онъ долженъ былъ вести упорную борьбу со множествомъ практическихъ препятствій. Извѣстно, что борьба только закаляетъ сильные характеры. Но кн. В. В. Голицынъ едва ли обладалъ очень сильнымъ характеромъ. Къ тому же политическій строй Московскаго государства дѣлалъ доступнымъ для этого родовитаго боярина только одинъ видъ борьбы: борьбу съ помощью придворной интриги. Придворная интрига дала ему на нѣсколько лѣтъ почти всю полноту власти. Она же приготовила ему очень жалкій конецъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, какъ у насъ говорилось когда-то, въ своемъ родѣ не послѣдній. И послѣ него на Руси являлись реформаторы, прибѣгавшіе къ тому же оружію. И всѣ они кончали не многимъ лучше, нежели кн. В. В. Голицынъ. Въ каждомъ положеніи есть своя объективная логика.

В. В. Голицынъ много читалъ и учился. Когда, послѣ его паденія, правительство Петра I, по старому московскому обычаю, «отписало на государя» имущество опальнаго служилаго человѣка, въ его библіотекѣ найдены были слѣдующія книги: Похвала благочестивымъ государемъ царемъ, сложеніе іеромонаха Антонія Русаковскаго. Книга печатная благодарственная къ В. Госуда-

ремъ. Книга писанная—врученіе привиліе на академію. Книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже належатъ обще народу (эта книга, конечно, должна была сильно привлекать къ себѣ вниманіе реформатора. *Г. П.* [1]). Книга Тестаментъ или завѣтъ Василія царя Греческаго, сыну его Льву Философу. Како царица Олунда близнятъ породи и како ихъ свекровь и ея матъ цесаревна хотя погубити. Граматикъ печатной. Книга писанная на польскомъ языкѣ. Книга Іова Лудольфа письменная. Книга письменная, переводъ отъ вселенскихъ патріарховъ, Мелетія дьякона. Книга переводъ съ польскаго письма съ печатныя книги, глаголемой Алкоранъ Махметовъ. Книга съ польскаго письма съ исторіи о Магилонѣ Кралевнѣ. Книга о послахъ, гдѣ кому въ которомъ государствѣ поклониться. Четыре книги нѣмецкихъ. Четыре книги письменныя о строеніи комедіи. Восемь книгъ календарей разныхъ лѣтъ. Книга рукописнаго права, или уставъ воинской Голландской Земли. Пѣвчая нѣмецкаго языка. Граматикъ польскаго и латинскаго языка. Исторія письменная польскаго языка. Конскій лѣчебникъ. Книга на нѣмецкомъ языкѣ всякимъ рыбамъ и звѣрямъ въ лицахъ. Судебникъ. Родословная. Артикульная. Рукопись Юрія Сербенина. Лѣтописецъ Кіевскій. Соловецкая челобитная. Книга о ратномъ строю. Книга землемѣрная нѣмецкая [2]).

Своимъ составомъ библіотека В. В. Голицына напоминаетъ о томъ переходномъ времени, когда въ Московскомъ государствѣ польское вліяніе боролось съ «нѣмецкимъ» и было сильнѣе его. Польскому вліянію предшествовало, какъ извѣстно, западно-русское. В. В. Голицынъ охотно оказывалъ услуги ученымъ кіевлянамъ. Когда возгорѣлся споръ о времени пресуществленія Св. Даровъ, онъ,—уже бывшій фаворитомъ царевны Софьи,—принялъ сторону западно-русскихъ богослововъ противъ греческихъ [3]). Оно

---

[1]) Это былъ русскій переводъ книги поляка Ан. Фр. Модревіуса (Моджевскаго 1503—1589): „De emendanda republica", частью вышедшей въ Краковѣ въ 1551 г., а полностью въ Базелѣ въ 1554 г. Книга эта для своего времени замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Ея авторъ высказался, между прочимъ, за равенство всѣхъ передъ закономъ и былъ убѣжденнымъ анти-клерикаломъ. О немъ см. у Л. Гумпловича, „Geschichte der Staatstheorien", Innsbruck, 1903, стр. 163—174. О русскомъ переводѣ его книги, сдѣланномъ, вѣроятно, въ 1678 г., см. у А. И. Соболевскаго: „Переводная литература Московской Руси". Спб. 1903, стр. 160.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. III, стр. 1051—1052.

[3]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 1048—1050. Ср. также ст. проф. А. К. Бороздина „Сильвестръ Медвѣдевъ" въ сборн. „Русское религіозное разномысліе" (СПБ. 1907.). Проф. Бороздинъ отмѣчаетъ, собственно, отношеніе Медвѣдева къ Софьѣ, но за Софьей стоялъ и дѣйствовалъ В. В. Голицынъ. Иностранцы считали его даже сторонникомъ іезуитовъ, а нѣкоторые изъ нихъ приписывали ему намѣреніе перейти въ католичество.

и не удивительно. Съ тогдашними греками рѣшительно нечего было дѣлать этому убѣжденному западнику. Польское вліяніе побудило его къ изученію польскаго и латинскаго языковъ. Въ его библіотекѣ мы видимъ грамматики того и другого языка, а также нѣсколько польскихъ книгъ. Латинскимъ языкомъ онъ владѣлъ такъ хорошо, что велъ на немъ переговоры съ иностранными послами. Но составъ его библіотеки еще не даетъ понятія о широтѣ его умственныхъ интересовъ. Де-ла-Нэвиль разсказываетъ, что В. В. Голицынъ велъ съ нимъ (на латинскомъ языкѣ) разговоръ обо всемъ, происходившемъ въ Европѣ, «особенно объ англійской революціи (et surtout de la révolution d'Angleterre) [1])»: недаромъ въ библіотекѣ просвѣщеннаго князя находилось рукописное сочиненіе «о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже надлежатъ обще народу».

Описывая пріемъ, оказанный ему княземъ Голицынымъ, де-ла-Нэвиль замѣчаетъ, что можно было вообразить, будто находишься при дворѣ какого-нибудь итальянскаго государя. По словамъ того же де-ла-Нэвиля, домъ Голицына былъ однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ въ Европѣ: онъ былъ «покрытъ мѣдью и украшенъ очень богатыми драпировками и весьма интересными картинами» [2]). Соловьевъ приводитъ описаніе этого дома, сдѣланное одновременно съ описаніемъ библіотеки при конфискаціи правительствомъ имущества кн. Голицына. «Въ палатѣ подволока накатная, прикрыта холстами, въ серединѣ подволоки солнце съ лучами, вызолочено сусальнымъ золотомъ; кругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планеты писаны живописью; отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило бѣлое костяное о пяти поясахъ, въ поясѣ по осьми подсвѣчниковъ; цѣна паникадилу сто рублей. А по другую сторону солнца—мѣсяцъ въ лучахъ, посеребренъ; кругъ подволоки въ двадцати клеймахъ рѣзныхъ позолоченныхъ, писаны пророческія и пророчицъ лица [3]). Въ

---

[1]) De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. La Haye, 1699, pp. 14—16.

[2]) Тамъ же, стр. 177—178.

[3]) Возможно, что, между прочимъ, и къ этимъ „лицамъ" относится отзывъ де-ла Нэвиля о „весьма интересныхъ картинахъ", украшавшихъ жилище В. В. Голицына. Московскіе писцы видѣли только „лица", а не художественныя произведенія. Впрочемъ, въ то время уже не одинъ Голицынъ украшалъ свое жилище произведеніями искусства. „Картины, эстампы, географическіе чертежи и другіе подобные предметы не составляли принадлежности одного только дворца, но проникали, хотя и рѣдко, и въ боярскіе дома, —говоритъ И. Забѣлинъ. — Притомъ знаменитый Матвѣевъ... и не менѣе знаменитый В. В. Голицынъ, въ настоящемъ случаѣ не могутъ, однако жъ, служить единственнымъ исключительнымъ примѣромъ. Кромѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, современниковъ имъ, мы можемъ указать также на Никиту Ивановича Романова . . , который... любилъ музыку, носилъ даже нѣмецкое платье, по крайней мѣрѣ, выѣз-

четырехъ рамахъ рѣзныхъ четыре листа нѣмецкихъ (вѣроятно, гравюры. *Г. П.*), за листъ по пяти рублей». Кромѣ того, палаты Голицына были украшены зеркалами и портретами великихъ князей и царей: великаго князя Владимира Кіевскаго, Ивана Грознаго, Ѳеодора Ивановича, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора, Ивана и Петра Алексѣевичей. Упоминаются еще какія-то четыре персоны королевскихъ. Но лучше опять уступить слово обстоятельнымъ царскимъ писцамъ. «Въ той же палатѣ 46 оконъ съ оконницами стеклянными, въ нихъ стекла съ личинами. Въ спальнѣ въ рамахъ деревянныхъ вызолоченныхъ землемѣрные чертежи печатные, нѣмецкіе, на полотнѣ; четыре зеркала, двѣ личины человѣческихъ каменныхъ арапскія; кровать нѣмецкая орѣховая, рѣзная, рѣзь сквозная, личины человѣческія и птицы и травы; на кровати верхъ орѣховый же, рѣзной, въ серединѣ зеркало круглое; цѣна 150 рублей. Девять стульевъ, обитыхъ кожами золотными; кресло съ подножіемъ, обито бархатомъ». Вообще, было чему подивиться наивнымъ москвичамъ въ домѣ князя Голицына. Вотъ, напримѣръ, они занесли въ свою опись, кромѣ всего вышесказаннаго, «нѣмчина на конѣ, а въ лошади часы»; или: «Три фигуры нѣмецкія орѣховыя, у нихъ въ срединахъ трубки стекляныя, на нихъ по мишени мѣдной, на мишеняхъ вырѣзаны слова нѣмецкія, а подъ трубками въ стекляныхъ чашкахъ ртуть (барометры? *Г. П.*)» [1]).

II.

Обстановка роскошнаго дворца В. В. Голицына убѣдительно говорила въ пользу его европейскихъ вкусовъ. Но обстановка, это—внѣшность. Посмотримъ, каковы были преобразовательные планы просвѣщеннаго князя.

Еще въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича ему было «указано» вѣдать ратныя дѣла для лучшаго устроенія и управленія царскаго войска. У этого дѣла съ нимъ были выборные стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскія, а также генералы и полковники рейтарскихъ и пѣхотныхъ полковъ. Работа этой,—какъ ее называетъ Соловьевъ,

---

жалъ въ немъ на охоту. Вообще, въ XVII столѣтіи боярскій бытъ сталъ во многомъ измѣняться противъ прежняго. Примѣры первыхъ бояръ не оставались безъ вліянія". Даже у Никона было „двѣсти семьдесятъ листовъ фряжскихъ, листъ печатной большой подволочной; на большомъ листу часть Козмографіи; на большомъ же листу Козмографія". Въ 80-хъ гг. XVII в. Афанасій Звѣревъ рѣзалъ для государя „всякія фряжскія рѣзи" („Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.", ч. I, Москва, 1872, стр. 180 и 177).

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 1050—1051.

употребляя нынѣшній терминъ,—комиссіи, привела, между прочимъ, (въ январѣ 1682 г.) къ уничтоженію мѣстничества. Позволительно думать, что этотъ плодъ дѣятельности ратной комиссіи получился не безъ вліянія В. В. Голицына, много думавшаго о преобразованіи московскаго войска и, конечно, понимавшаго, какой вредъ приносило мѣстничество военному дѣлу.

По всему видно, что онъ всѣми силами души стремился къ власти и готовъ былъ ради нея входить въ сдѣлки со своей совѣстью. Но у него не замѣтно старыхъ боярскихъ притязаній. Если вѣрить де-ла Нэвилю, онъ «очень презиралъ сильныхъ (les grands) по причинѣ ихъ неспособности» и давалъ дорогу только даровитымъ людямъ, за что московская знать (familles patriciennes) платила ему ненавистью. Онъ доказывалъ патриціанскимъ семьямъ необходимость учить своихъ дѣтей, а для этого отдавать ихъ въ польскія школы или приглашать на домъ польскихъ гувернеровъ. Характеризуя широкіе планы Голицына, де-ла-Нэвиль говоритъ, что онъ хотѣлъ «населить пустыни, обогатить нищихъ дикарей, сдѣлавъ ихъ людьми, и превратить трусовъ въ храбрыхъ, а пастушескія хижины въ каменные дворцы». Все это широковѣщательно, но, къ сожалѣнію, неопредѣленно.

И всего досаднѣе неопредѣленность широковѣщательныхъ выраженій де-ла-Нэвиля тамъ, гдѣ рѣчь идетъ у него о намѣреніи князя-западника «освободить крестьянъ (affranchir les paysans)» [1]. По поводу этого намѣренія Ключевскій справедливо говоритъ, что мысли о разрѣшеніи крѣпостного вопроса стали возвращаться въ русскіе государственные умы не раньше, какъ полтора вѣка спустя послѣ Голицына [2]. М. Н. Покровскій думаетъ, что Голицынъ собирался не освободить крестьянъ, а лишь болѣе точно опредѣлить ихъ повинности. Трудно съ увѣренностью сказать теперь, какъ оно было на самомъ дѣлѣ. Вотъ, слова де-ла-Нэвиля:

«Такъ какъ намѣреніе этого князя заключалось въ томъ, чтобы поставить это государство на равную ногу съ прочими, то онъ велѣлъ доставить себѣ описаніе всѣхъ европейскихъ государствъ и ихъ правительствъ. Прежде всего онъ хотѣлъ освободить крестьянъ и отдать въ ихъ распоряженіе земли, ими обрабатываемыя въ пользу царя. За это они платили бы еже-

---

[1]) Есть основаніе думать, что на мысль объ улучшеніи положенія крестьянъ В. В. Голицынъ былъ наведенъ благороднымъ Модржевскимъ, который, въ своемъ выше названномъ сочиненіи съ жаромъ обрушивался на помѣщиковъ, обращавшихся съ крестьянами, какъ съ рабами, и ставившими ихъ въ невыносимое положеніе (Гумпловичъ, назван. сочин., стр. 169—172).

[2]) „Курсъ русской исторіи“, III, 460.

годную подать, которая, по его вычисленію, болѣе чѣмъ на половину увеличила бы доходъ этихъ государей (т.-е. царствовавшихъ тогда Петра и Ивана.—*Г. П.*) [1]).

Ключевскій полагалъ, что, такъ какъ, по плану В. В. Голицына, за дворянами оставалась обязанность военной службы, то подать, которую уплачивали бы крестьяне за свои земельные участки, должна была увеличить дворянскіе оклады денежнаго жалованья и «служить вознагражденіемъ за потерянные помѣщиками доходы съ крестьянъ и за отошедшія къ нимъ земли». Но за чьи же земли? У де-ла-Нэвиля рѣчь идетъ не о помѣщичьихъ земляхъ, а о тѣхъ, которыя обрабатывались крестьянами «въ пользу царя». Странно, что Ключевскій не обратилъ на это вниманія. На основаніи точнаго смысла словъ де-ла-Нэвиля, можно предположить, что В. В. Голицынъ собирался освободить,—или, если угодно, опредѣлить и перевести на деньги повинности,—крестьянъ дворцовыхъ волостей. Если допустить это предположеніе, то выйдетъ, что одинъ изъ самыхъ передовыхъ московскихъ западниковъ конца XVII вѣка, получивъ власть въ свои руки, мечталъ объ осуществленіи реформы, болѣе или менѣе однородной съ тою, которая совершилась во Франціи въ 1315 г., по указу короля Людовика X. Какъ мы уже знаемъ, этотъ король основывалъ принятую имъ мѣру на томъ соображеніи, что «по естественному праву всякій долженъ родиться свободнымъ» (Selon le droit de nature chacun doit naître franc). Изъ записокъ де-ла-Нэвиля не видно, доходилъ ли до подобныхъ соображеній московскій князь-западникъ, читавшій «Книгу, писанную о гражданскомъ житіи» и интересовавшійся англійской революціей. Но фактъ тотъ, что его намѣреніе не осуществилось. Вслѣдствіе разницы экономическихъ условій, для Москвы конца семнадцатаго столѣтія была преждевременной мысль о мѣрѣ, съ успѣхомъ принятой во Франціи въ началѣ четырнадцатаго.

III.

Предположивъ, что задуманная В. В. Голицынымъ крестьянская реформа должна была распространяться только на дворцовыя волости,—или, можетъ быть, еще на волости черносошныхъ крестьянъ,—надо, однако, имѣть въ виду еще слѣдующія слова де-ла-Нэвиля:

«Онъ хотѣлъ также, чтобы дворянство путешествовало и чтобы оно училось военному дѣлу въ другихъ странахъ; ибо онъ

---

[1]) Де-ла Нэвиль, указ. соч., стр. 215.

намѣревался превратить въ хорошихъ солдатъ легіоны крестьянъ, земли которыхъ остаются невоздѣланными, когда ихъ ведутъ на войну. Вмѣсто этой безполезной для государства службы [1]), онъ собирался обложить ихъ необременительнымъ поголовнымъ денежнымъ налогомъ (au lieu de ce service inutile à l'État, imposer sur chaque tête une somme raisonnable).

Эти слова могутъ довести до отчаянія своей крайней запутанностью. Превратить въ хорошихъ солдатъ легіоны «даточныхъ» рекрутовъ—значило хорошо обучить ихъ военному дѣлу. А замѣнить ихъ безполезную для государства военную службу необременительной денежной податью—значило избавить ихъ отъ этой службы. Одно противорѣчитъ другому. Какъ это слѣдуетъ изъ другихъ объясненій де-ла-Нэвиля, и какъ это думаетъ Ключевскій, Голицынъ собирался совсѣмъ отмѣнить пополненіе московскаго войска даточными рекрутами изъ тяглыхъ людей и холоповъ, такъ что «превращеніе» легіоновъ крестьянъ въ хорошихъ солдатъ надо понимать, какъ замѣну этихъ легіоновъ дворянскими полками. На содержаніе дворянскихъ полковъ и должна была итти денежная подать съ крестьянъ, избавляемыхъ отъ воинской повинности. Нельзя не признать, что этотъ замыселъ В. В. Голицына былъ неудаченъ: онъ шелъ вразрѣзъ съ тогдашними военными нуждами Московскаго государства.

Сообщивъ о намѣреніи Голицына замѣнить обязательную обработку крестьянами царской земли денежною податью, де-ла-Нэвиль прибавляетъ, по своему обыкновенію, очень сбивчиво: «Онъ хотѣлъ такъ же поступить съ кабаками и съ другими видами продажи предметовъ потребленія (et autres ventes et denrées), желая вызвать у этихъ народовъ надежду на обогащеніе и тѣмъ сдѣлать ихъ трудолюбивыми и промышленными (industrieux) [2])». Если вспомнить, что кабаки составляли тогда царскую монополію («царевъ кабакъ»), то эти неясныя слова станутъ нѣсколько болѣе ясными. Повидимому, де-ла-Нэвиль хотѣлъ сказать, что Голицынъ собирался предоставить подданнымъ Московскаго государства свободу промышленной дѣятельности и этимъ вызвать у нихъ экономическую предпріимчивость. Блестящій фаворитъ царевны Софьи вообще очень много заботился о развитіи промысловъ въ Московскомъ государствѣ и объ увеличеніи его торговыхъ сношеній съ другими странами Запада и Востока. Онъ прокладывалъ дороги и установилъ правильную ямскую гонь-

---

[1]) Голицынъ говорилъ, что изъ такъ называвшихся тогда „даточныхъ" крестьянъ и холоповъ выходили очень плохіе воины.

[2]) Тамъ же, стр. 215.

бу между Москвой и Тобольскомъ [1]). Онъ же отправилъ въ Китай особаго посла для упорядоченія торговли московскихъ людей съ этой отдаленной страной.

Даже частичное освобожденіе торгово-промышленной дѣятельности московскихъ людей отъ безчисленныхъ и крѣпкихъ узъ, наложенныхъ на нихъ свойственнымъ ихъ государству «крутымъ владаніемъ», принесло бы имъ огромную пользу. В. В. Голицынъ хорошо подмѣтилъ главное зло народно-хозяйственной жизни Великороссіи. Но, не говоря уже объ особенностяхъ его личнаго положенія, «самобытность» этой жизни дѣлала его планы неосуществимыми. Она вела за собою то, что для удовлетворенія ближайшихъ нуждъ государства приходилось жертвовать его болѣе отдаленными, но не менѣе существенными потребностями. «Военно-финансовая необходимость» побуждала правителей Московскаго государства къ реформамъ въ духѣ сближенія съ Западомъ. Правительство стало заботиться о развитіи производительныхъ силъ страны. Но въ интересахъ этого развитія оно,— преимущественно, въ лицѣ Петра,—вынуждено было принять рядъ такихъ мѣръ, которыя должны были, въ послѣднемъ счетѣ, сильно замедлять ходъ того самаго развитія производительныхъ силъ, для ускоренія котораго онѣ принимались. Такъ, желая поощрить предпріимчивость купечества, Петръ до крайности стѣснилъ торгово-промышленную дѣятельность крестьянства. А между тѣмъ,— какъ уже сказано во введеніи,—въ Московской Руси раздѣленіе труда между городомъ и деревней было очень далеко отъ той степени, какой достигло оно въ передовыхъ государствахъ Запада. Полное отсутствіе свободы передвиженія замедлило въ ней развитіе городовъ, но зато вызвало значительный ростъ кустарной промышленности въ деревняхъ. На судьбахъ этой промышленности мѣры, принятыя Петромъ и поддержанныя его преемниками въ интересахъ купечества, не могли не отразиться въ высшей степени неблагопріятно: онѣ должны были поддерживать ее въ томъ состояніи первобытной неразвитости, въ какомъ она такъ долго оставалась, а отчасти остается и въ наши дни. Само собою понятно, что этимъ сильно замедлялся процессъ экономическаго развитія великорусскаго племени [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 221 — 223. Не лишено интереса что распоряженію Голицына де-ла Нэвиль приписываетъ разстановку по дорогамъ Московскаго государства верстовыхъ столбовъ.

[2]) Уже самое учрежденіе помѣщичьяго войска отразилось неблагопріятно на судьбѣ городовъ. Я указывалъ на это во введеніи, ссылаясь на мнѣніе Ключевскаго. Теперь приведу чрезвычайно интересное мнѣніе Соловьева. „Въ древности городскіе жители имѣли то важное значеніе, что участвовали своими особыми полками въ

Кн. Василій Васильевичъ Голицынъ.

Если бы В. В. Голицыну удалось хоть нѣсколько ослабить узы «крутого владанія», то онъ значительно облегчилъ бы экономическую дѣятельность московскихъ людей. Но можно думать, что онъ самъ, болѣе или менѣе, смутно чувствовалъ противорѣчивость того положенія, въ которое должны были попадать московскіе реформаторы, благодаря соціально-политической «самобытности» своей отсталой страны. Онъ хотѣлъ, чтобы Московское государственное хозяйство окончательно приняло денежный характеръ. Для этого нужно было много денегъ. Чтобы добыть нужныя деньги, онъ собирался, между прочимъ, установить государственную монополію для продажи русскаго пушного товара за границей [1]). И въ то же время онъ самъ, какъ мы видѣли, понималъ, что государственныя монополіи не содѣйствуютъ развитію частной предпріимчивости: недаромъ онъ хотѣлъ ввести свободную продажу вина и другихъ предметовъ потребленія. Но ему, какъ послѣ него Петру, приходилось считаться въ своихъ преобразовательныхъ планахъ съ данной экономической дѣйствительностью.

IV.

«Личныя отношенія князя Голицына не дали ему возможности даже начать практическую разработку своихъ преобразовательныхъ замысловъ,—говоритъ Ключевскій:—связавъ свою судьбу съ царевной Софьей, онъ палъ вмѣстѣ съ нею и не принималъ участія въ преобразовательной дѣятельности Петра, хотя былъ ближайшимъ его предшественникомъ и могъ бы быть хорошимъ его сотрудникомъ, если не лучшимъ. Въ законодательствѣ слабо отразился духъ его плановъ [2])».

Покойный профессоръ могъ бы выразиться сильнѣе. Законодательство того времени, когда господствовалъ В. В. Голицынъ, отчасти шло путемъ, противнымъ духу его преобразовательныхъ замысловъ. По свидѣтельству де-ла-Нэвиля, онъ хотѣлъ обезпечить московскимъ людямъ свободу совѣсти, а между тѣмъ въ его

военныхъ дѣйствіяхъ которыхъ исходъ во время княжескихъ усобицъ много зависѣлъ отъ нихъ. Даже въ началѣ княженія Ивана III московскіе полки отправлялись на рать съ особымъ воеводою. Но потомъ установленіе многочисленнаго помѣщичьяго войска дало правительству возможность не нуждаться болѣе въ городовыхъ полкахъ; горожане перестаютъ участвовать въ войскахъ, становятся вполнѣ сословіемъ невооруженнымъ, вполнѣ мужиками, полулюдьми относительно полныхъ людей, мужей, т е. вооруженныхъ, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, только вооруженный, только воинъ; (былъ полный, полноправный человѣк*. (Исторія, кн. III, стр. 657).

[1]) Тамъ же, стр. 218.

[2]) Курсъ, III, 461

время раскольники подвергались жестокимъ гоненіямъ. Точно также ни одна практическая мѣра не была принята для облегченія участи крѣпостного крестьянства. Ключевскій, какъ нельзя лучше, объясняетъ это: «Ничего не могло сдѣлать и для крѣпостныхъ крестьянъ правительство царевны, пристращавшей буйныхъ стрѣльцовъ дворянами, пока не явилась возможность припугнуть дворянъ стрѣльцами и казаками [1])». Не выдерживаетъ даже и снисходительной критики то славянофильское мнѣніе, что на Руси не было борьбы классовъ. Но неоспоримо, что Московское государство отличалось такой «самобытностью», благодаря которой даже классовая борьба случаевъ, служащая источникомъ прогресса, очень часто служила въ ней источникомъ застоя.

Если затруднительно было положеніе царевны Софьи, которой приходилось опираться на дворянъ противъ стрѣльцовъ и на стрѣльцовъ противъ дворянъ, то еще болѣе затруднительно было положеніе ея просвѣщеннаго любовника, которому нужно было, въ интересахъ самосохраненія, направлять огромную долю своихъ умственныхъ силъ и своего вниманія на разнаго рода придворныя интриги. Повидимому, немало затрудненій причиняла ему даже любовная связь съ Софьей, давшая ему такую большую власть въ государствѣ. Царевна страстно его любила [2]). А онъ, по словамъ де-ла-Нэвиля, сошелся съ нею только потому, что хотѣлъ возвыситься («il n'aimait que par rapport à sa fortune»). Тяготясь своей незаконной, но всѣмъ извѣстной связью съ нимъ, Софья хотѣла выйти за него замужъ. Для этого нужно было предварительно постричь въ монахини его жену, а ему, какъ увѣряетъ де-ла-Нэвиль, этого вовсе не хотѣлось. Въ концѣ концовъ, онъ уступилъ и добился отъ своей жены обѣщанія пойти въ монастырь. Уже одна эта семейная драма должна была дорого стоить «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателю», какъ именовался теперь Голицынъ. Но одновременно съ нею происходила роковая для него борьба съ партіей Петра. Софья твердо вѣрила въ успѣхъ своего дѣла, а Голицынъ сомнѣвался и въ то же время не могъ не видѣть, что развязка при-

---

[1]) Тамъ же, та же стр.

[2]) „Письма твои... къ намъ всѣ дошли въ цѣлости, — писала она ему во время второго крымскаго похода.—Изъ-подъ Перекопи пришли отписки въ пятокъ 11 числа. Я брела пѣша изъ-подъ Воздвиженскаго; только подхожу къ монастырю Сергія чудотворца, къ самымъ Святымъ воротамъ, а отъ воротъ отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взошла чла, идучи! Не вѣдаю, чѣмъ Его, Свѣта, благодарить за такую милость Его, и Матерь Его, и Преподобнаго Сергія чудотворца милостиваго! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила: по всѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣша". (Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 1022—1023). Никакое сомнѣніе въ искренности чувства здѣсь не допустимо.

ближается. Могъ ли онъ сохранить необходимое для серьезной преобразовательной дѣятельности спокойствіе духа?

Побѣда Петра дала ему почувствовать всю страшную унизительность положенія московскихъ служилыхъ людей, подвергавшихся опалѣ. Этотъ по-европейски образованный князь вынужденъ былъ заговорить гнуснымъ языкомъ царскаго холопа. «Ѳедька Шакловитый мнѣ Васькѣ крайній другъ николи не бывалъ»—писалъ онъ, ѣдучи въ ссылку, въ челобитной, посланной царямъ изъ Ярославля. Изъ Яренска онъ, продолжая то же путешествіе, снова писалъ государямъ: «Страждемъ мы бѣдные (т.-е. онъ съ семьею,—*Г. П.*) близъ конца живота своего; а оклеветаны вамъ, В. государямъ, невинно. Какъ насъ холопей вашихъ везли къ Томѣ и, не доѣзжая города, на рѣкѣ Сухонѣ, возки женъ нашихъ и дѣтей и дворовыхъ людишекъ въ воду обломились; и женъ и дѣтишекъ нашихъ малыхъ насилу изъ рѣки вытаскали и лежали въ безпамятствѣ многое время». Изъ Пустозерска онъ опять писалъ по тому же адресу: «Нынѣ въ пути мучимъ животъ свой и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли [1])»...

Нечего и говорить: тяжело было въ этомъ крайнемъ оскудѣніи человѣку, много лѣтъ обитавшему въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ дворцовъ Европы. Но когда читаешь его челобитную, жалѣешь, что великій Голицынъ,—какъ называлъ его де-ла-Нэвиль,—не предпочелъ молча перенести выпавшія на его долю огромныя лишенія и тѣмъ избѣжать унизительной необходимости лишній разъ обозвать себя царскимъ холопомъ Васькой.

V.

Фаворитъ Софьи былъ родоначальникомъ тѣхъ русскихъ западниковъ, которые для осуществленія своихъ преобразовательныхъ плановъ старались тѣми или другими путями пріобрѣсти личное вліяніе на верховную власть. Изъ ихъ стараній рѣдко выходило что-нибудь доброе. Чаще всего эти люди падали, растративъ бóльшую часть своихъ, нерѣдко очень крупныхъ, силъ на безплодныя, но неизбѣжныя въ ихъ положеніи интриги. Западники, пытавшіеся осуществить общественныя реформы снизу, иногда относились съ суровымъ осужденіемъ къ надеждамъ преобразовать Россію сверху. Въ статьѣ «Русскій реформаторъ», написанной (въ 1861 г.) по поводу выхода въ свѣтъ книги барона М. Корфа «Жизнь графа Сперанскаго», Н. Г. Чернышевскій уди-

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 1079—1080.

влялся, какъ могъ Сперанскій такъ долго упорствовать въ предположеніи о возможности выиграть свое дѣло, т.-е. приняться за реформу: «Удивительно, говоримъ мы, такое грубое самообольщеніе въ человѣкѣ такого тонкаго ума; но это изумленіе надобно относить не къ однимъ тѣмъ годамъ напрасной надежды, которые тянулись отъ возвращенія Сперанскаго до кончины императора Александра Павловича. Столь же очевидною должна была бы представляться ему неосновательность его ожиданій и въ прежнее время, когда онъ былъ государственнымъ секретаремъ. Чтобы признать себя мечтателемъ, ему... нужно было бы тогда только сообразить характеръ и размѣръ своихъ стремленій съ качествомъ средствъ, которыми онъ думалъ пользоваться. Видно, что онъ уже отъ природы былъ осужденъ на странную забывчивость въ этомъ отношеніи». Чернышевскій объяснялъ забывчивость Сперанскаго горячностью его стремленій. Онъ сравнивалъ его съ человѣкомъ, который, желая обогатиться, беретъ лотерейные билеты, хотя и понимаетъ разорительность этой игры. Сперанскій, по его мнѣнію, походилъ также на влюбленнаго, не замѣчающаго даже очевидныхъ недостатковъ любимой женщины. «Всѣ такіе люди смѣшны, ихъ обольщенія мелочны»—прибавлялъ онъ;—но они могутъ быть вредны обществу, когда обольщаются въ серьезныхъ дѣлахъ. Въ своей восторженной хлопотливости на ложномъ пути, они какъ будто добиваются нѣкотораго успѣха и тѣмъ сбиваютъ съ толку многихъ, заимствующихъ изъ этого мнимаго успѣха мысль итти тѣмъ же ложнымъ путемъ. Съ этой стороны дѣятельность Сперанскаго можно назвать вредной» [1]).

Точка зрѣнія Чернышевскаго была въ этомъ случаѣ точкой зрѣнія публициста. Съ точки зрѣнія историка, дѣятельность людей, подобныхъ Сперанскому, не всегда представляется въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она представлялась идеологу передовыхъ русскихъ разночинцевъ въ 60-хъ гг. XIX столѣтія. Историкъ не можетъ не спросить себя: въ самомъ ли дѣлѣ существовали въ эпоху того же Сперанскаго тѣ «многіе», которыхъ могла бы при другихъ условіяхъ ввести въ заблужденіе его «восторженная хлопотливость»? И не послужила ли его неудача однимъ изъ историческихъ условій, способствовавшихъ возникновенію мысли декабристовъ о необходимости совсѣмъ другого способа преобразовательной дѣятельности? Что же касается кн. В. В. Голицына, то ему уже совсѣмъ некого было сбивать съ правильнаго пути въ современной ему Москвѣ. Къ тому же, хотя совсѣмъ не осуществились его широкіе преобразовательные планы, но все-таки не безъ

---

[1]) Полное собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. VIII, стр. 318—319.

пользы для московской страны прошли тѣ годы, когда онъ стоялъ у власти, т.-е. годы правленія Софьи. Ключевскій указываетъ на замѣчательный отзывъ объ этихъ годахъ сторонника Петра, кн. Б. И. Куракина.

«Правленіе царевны Софьи Алексѣевны началось со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было; и все государство пришло во время ея правленія чрезъ семь лѣтъ въ цвѣтъ великаго богатства, также умножилась коммерція и всякія ремесла, и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку... и торжествовала тогда довольность народная». Ключевскій сопоставляетъ это свидѣтельство Куракина съ тѣмъ сообщеніемъ де-ла-Нэвиля, что въ Москвѣ во время господства Голицына построено было болѣе 3.000 каменныхъ домовъ [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что не совсѣмъ же даромъ трудился князь-западникъ.

Де-ла-Нэвиль говоритъ: «Москва все потеряла съ паденіемъ Голицына». Такъ должно было представляться ему во время этого паденія [2]). Мы знаемъ теперь, что вышло иначе. За преобразовательными замыслами Голицына послѣдовали рѣшительныя преобразовательныя дѣйствія Петра. Однако, остается тотъ указанный Ключевскимъ фактъ, что въ лицѣ В. В. Голицына царь-реформаторъ отправилъ въ далекую ссылку такого человѣка, который могъ бы быть самымъ надежнымъ его помощникомъ по части реформы. Невольно мелькаетъ мысль: гораздо лучше было бы имъ столковаться между собою. Но оба они дѣйствовали въ условіяхъ данной среды. А въ этихъ условіяхъ играла огромную роль дворцовая интрига, результатомъ которой и явилась борьба партіи Софьи съ партіей Петра. Въ каждомъ положеніи есть своя объективная логика [3]).

---

[1]) Ключевскій. „Курсъ", III, 461 — 462.

[2]) Де-ла-Нэвиль пріѣхалъ въ Москву посланцемъ отъ польскаго короля незадолго до побѣды партіи Петра надъ Голицынымъ и Софьей. *Г. П.*

[3]) Альфрэ Рамбо (Histoire de la Russie, 5 éd., p. 350) называетъ Софью „une Byzantine" и противопоставляетъ ей Петра, который стремился „à être un européen". Но вѣдь и Петръ, подобно Софьѣ, родился, воспитался и дѣйствовалъ въ „византійской" обстановкѣ.

Глава XI.

НАЦІОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ЗАПАДНОМУ ВЛІЯНІЮ.

I.

Въ 1655 году вологодское духовенство обратилось къ архіерею съ вопросомъ, можно ли пускать въ церковь бѣлоруссовъ и ходить къ нимъ съ требами. Архіерей почувствовалъ себя не въ силахъ рѣшить этотъ важный вопросъ и, съ своей стороны, аппеллировалъ къ патріарху. Патріархъ,—Никонъ,—отвѣтилъ такъ: «Если кто не истинно крещенъ, обливанъ, тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать» [1]).

Это даетъ намъ мѣру той поразительной ограниченности, до которой дошло сознаніе московскихъ людей подъ вліяніемъ ихъ восточнаго быта. Если спрашивали, можно ли православному великорусскому священнику хоронить православнаго бѣлорусса, и не слѣдуетъ ли считать этого послѣдняго нехристемъ на томъ единственномъ основаніи, что при крещеніи его, можетъ быть, обливали водой, а не погружали въ нее, то дальше итти,—вѣрнѣе сказать: дальше пятиться,—было некуда [2]). Огораживаясь китайской стѣной не только отъ нѣмцевъ и поляковъ, но даже отъ своихъ братьевъ бѣлоруссовъ и малороссовъ, великоруссы тѣмъ самымъ очень затрудняли осуществленіе той цѣли, которую ихъ государи поставили себѣ со времени возвышенія Москвы: соби-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III, стр. 737.

[2]) Это одна изъ безчисленнаго множества возможныхъ иллюстрацій къ тому замѣчанію г. Е. Голубинскаго, что послѣ нашествія монголовъ русскіе, — точнѣе, великорусскіе, — люди „стали представлять изъ себя какъ бы европейскій Китай“ (Исторія русской церкви, т. I, первая половина тома, Москва, 1901 г., стр. 461). А вотъ еще двѣ иллюстраціи: „Наши великіе князья и цари, послѣ торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ пословъ, обыкновенно обмывали руки, къ которымъ во время этихъ пріемовъ прикладывались послы, и которые считались оскверненными такимъ прикосновеніемъ.... Въ кормчихъ предлагались такого рода правила: аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, измывши, молитву сотворити и т. п. (А. Царевскій. Посошковъ и его сочиненія. Москва, 1883, стр. 144).

раніе русскихъ земель. Духовная исключительность такъ же сильно противорѣчила этой цѣли, какъ и московское «крутое владаніе», приводившее въ ужасъ жителей Западной Руси. Болѣе проницательные правители Московскаго государства понимали вредъ такой исключительности и старались хоть отчасти ослабить ее. Какъ мы уже знаемъ, настоятельныя государственныя нужды заставляли ихъ вызывать въ Московію западныхъ ремесленниковъ, техниковъ и врачей. Это не нравилось московскому духовенству. Когда Борисъ захотѣлъ основать школы, въ которыхъ иностранцы учили бы молодыхъ русскихъ людей разнымъ языкамъ, духовенство признало это вреднымъ для религіи. Оно говорило, что «обширная страна ихъ едина по нравамъ, религіи и языку; будетъ много языковъ, встанетъ смута въ Землѣ» [1]). Впрочемъ, сопротивленіе духовенства никогда не могло имѣть очень большого значенія въ Московскомъ государствѣ. Въ царствованіе Бориса въ самой Москвѣ началось подражаніе иностраннымъ обычаямъ. Нѣкоторые москвичи стали носить иностранный костюмъ и брить бороду, не смущаясь тѣмъ, что еще при митрополитѣ Даніилѣ (1522—1539 гг.) московское духовенство помѣстило въ Кормчую книгу мнимое правило апостоловъ: «если кто браду брѣетъ и умретъ, не подобаетъ его хоронить, съ невѣрными да причтется». Авраамій Палицынъ увѣряетъ даже въ своемъ сказаніи, что Борисъ «ереси Арменстѣй и Латынстѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть; и въ женскоподобныхъ образѣхъ любящеи бровити, зѣло таковіи любими отъ него быша, и старые мужи въ юноши премѣняхуся» [2]).

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. II, стр. 724. Именно это сопротивленіе духовенства и побудило Бориса послать за границу,—въ Любекъ, Францію, Австрію, Англію,—молодыхъ людей, которые оттуда уже не вернулись. Характерно для Московскаго государства, что оно не позабыло объ этихъ „ребятахъ“, несмотря на всѣ треволненія Смутнаго времени. Въ іюлѣ 1617 года, отправляя пословъ въ Англію, оно наказывало имъ „говорить накрѣпко, всякими мѣрами, чтобъ велѣно было ребятъ, отданныхъ при Годуновѣ въ ученіе, сыскать и отдать“. Правда, оно прибавляло: „а какихъ отдадутъ, взять къ себѣ и держать съ великимъ береженіемъ, тѣсноты и нужды ни въ чемъ не дѣлать, ихъ этимъ не отогнать, во всемъ ихъ тѣшить“ (Соловьевъ, тамъ же, стр. 1174; ср. стр. 1178—79). Разумѣется, привезя въ Москву, ихъ можно было бы попотчевать „батожьемъ“. Англійское правительство русскихъ „ребятъ“ не „отдало“, объявивши, что оно никого неволей у себя не держитъ.

[2]) Русская ист. библ., т. XIII, стр. 487—488. Противъ бритья бороды возставалъ и Максимъ Грекъ, хотя его религіозность и не была исключительно внѣшней, обрядовой религіозностью. Въ своемъ посланіи къ Ивану Васильевичу о брадобритіи онъ утверждалъ, что усы и борода „предобрѣйше умышлена быша премудрѣйшимъ хитрецемъ Богомъ, не точію къ раззнанію женскаго пола и мужскаго, но еще и честновидному благолѣпію лицъ нашихъ“. Онъ разсказываетъ, что „нѣціи“ остригли козлу бороду, „и той не стерпѣвъ досады . . . . самого себя убилъ до смерти, бія безъ милости главу свою къ земли“. На этомъ основаніи Максимъ назидательно при-

Духовенство роптало, но хорошо помнило пословицу: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Оно не рѣшалось крѣпко спорить съ верховной властью. Приверженцы старины обращались къ патріарху (Іову), говоря ему: «Отецъ святый! зачѣмъ ты молчишь, видя все это?» Однако, Іовъ не рѣшался нарушить молчаніе: «видя сѣмена лукавствія, сѣемыя въ виноградѣ Христовомъ, дѣлатель изнемогъ, и, только къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами» [1]). Вообще, неповоротливое мышленіе московскихъ людей умѣло уступать, хотя и съ медленностью, очевидной практической необходимости. Подъ ея давленіемъ они побѣждали свою боязнь сближенія съ иностранцами. И даже западнымъ людямъ они подчасъ,—и ужь, конечно, совсѣмъ неожиданно для тѣхъ,—читали наставленія на ту тему, что одно дѣло—вѣра, а другое дѣло—практическія сношенія. «Вѣра дружбѣ не помѣха,—говорили бояре Ивана IV. послу просвѣщенной англійской королевы Елизаветы,—вотъ ваша государыня и не одной вѣры съ нашимъ государемъ, а государь нашъ хочетъ быть съ нею въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей» [2]). Но бѣда была въ томъ, что практическія сношенія съ западными европейцами далеко не всегда были выгодны московскимъ людямъ. Благодаря своей отсталости, эти послѣдніе дѣлались предметомъ эксплуатаціи для жителей болѣе передовыхъ странъ. Поэтому недовѣріе къ «латынамъ, лютерамъ и кальвинамъ» поддерживалось и усиливалось причинами, не имѣвшими ровно никакого отношенія къ религіи.

II.

Это мы видимъ уже въ памятникахъ XVI вѣка. Извѣстная читателю «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» содержитъ такія строки:

«Царю и великому князю уставити по монастыремъ и вездѣ своею царскою смиренною (sic!) грозою, брадъ и усовъ не брѣти, не торшити и сану своего ничѣмъ не вредити, крестное знаменіе на лицѣ своемъ сполна воображати, каятися, говѣти по вся годы человѣку вездѣ, исповѣдоватися Господиви и отцемъ духовнымъ отъ двоюнадесяти лѣтъ мужеска пола и женска» [3]).

оавляетъ: „уразумѣемъ, коль честно и любезно есть бородное украшеніе и безсловесному животну". „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія".—Изслѣдованіе В. Жмакина, Москва, 1881, приложеніе, стр. 83—84.

[1]) Рукописная исторія объ Іовѣ патріархѣ, цитир. у Соловьева. Ист., кн. II, стр. 726.

[2]) Соловьевъ, кн. II, стр. 298—299.

[3]) Лѣтопись занятій археограф. комиссіи, вып. X, стр. 24.

Такъ какъ авторомъ «Бесѣды» былъ, по всей вѣроятности, міряининъ, то его заботливость о благочестіи внутреннемъ и внѣшнемъ, включительно до крестнаго знаменія и бритья бороды, можетъ показаться преувеличенной. Но въ самой «Бесѣдѣ» мы встрѣчаемъ ясное доказательство того, что заботливость эта имѣла,— хотя, можетъ быть, и безъ вѣдома автора,—чисто мірское происхожденіе.

«Горе роду христіанскому,—читаемъ мы тамъ,—прельстившимся въ невѣрныхъ порты и шлыки [1]) и имущимъ ихъ на себѣ, держащимъ ихъ невѣрныхъ прелести и впушающе ихъ въ землю свою и ищущимъ отъ нихъ помощи и хранящимся ими и ихъ храбростію израильтескіе [2]) грады и станы [3]). Таковые нѣсть рабы, но враги именуются; понеже оставя Божію помощь, и отъ невѣрныхъ ищутъ помощи и надежи, и потомъ ими же обезчестени и изневолени будутъ, и грады ихъ ими обладани» [4]).

Московскіе великіе князья издáвна и охотно принимали къ себѣ на службу отдѣльныхъ выходцевъ изъ другихъ странъ. Выходцы эти являлись конкурентами московскихъ служилыхъ людей. И вотъ, идеологъ одного изъ слоевъ московскаго служилаго класса сулитъ горе тому роду христіанскому, который хочетъ защитить себя съ помощью «невѣрныхъ». Онъ предсказываетъ, что христіанскій родъ будетъ «обезчещенъ и изневоленъ» иноземцами. По естественной ассоціаціи идей, неудовольствіе на иноземцевъ, загораживавшихъ имъ дорогу, порождало у московскихъ служилыхъ людей отвращеніе отъ ихъ «портовъ», «шлыковъ» и «сиртыковъ» [5]).

Торговля сближаетъ различные племена и народы. Обмѣниваясь между собою своими произведеніями, они обмѣниваются также идеями. По справедливому замѣчанію Маркса, товаръ возвышается надъ всякой религіозной, политической, національной и лингвистической ограниченностью. Но если въ процессѣ обмѣна одна изъ сторонъ имѣетъ большія преимущества надъ другой, то въ числѣ его временныхъ слѣдствій можетъ явиться у слабой стороны усиленіе религіозной и національной ограниченности. Это мы видимъ на примѣрѣ московскаго торговаго сословія.

Уже въ XVI вѣкѣ Московское государство не могло обходиться безъ западно-европейскихъ товаровъ. Нуждаясь въ этихъ товарахъ, его правители давали иностраннымъ купцамъ большія

---

1) Въ одномъ изъ другихъ списковъ: сиртыки.

2) Въ одномъ изъ другихъ списковъ: христіанскіе.

3) Въ большинствѣ др. списковъ: страны.

4) Тамъ же, стр. 22—23.

5) Еще Берсень говорилъ Максиму Греку: „Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ“.

льготы. Такъ, при Борисѣ ливонскіе купцы, выведенные въ Москву еще Грознымъ, получили по 300 и по 400 рублей взаймы изъ царской казны, безъ роста, на безсрочное время. Двоимъ изъ нихъ Борисъ далъ жалованныя грамоты на званіе московскихъ лучшихъ торговыхъ людей; они «ничего не тянули» съ московскими посадскими людьми, а ихъ дворы были освобождены отъ всякихъ податей и повинностей [1]). Легко понять, что это не могло понравиться московскимъ посадскимъ людямъ, которымъ приходилось «тянуть» очень много. Не могло нравиться торгово-промышленному населенію Московскаго государства и то, что англійская торговая компанія еще при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ получила исключительныя права [2]). По словамъ Костомарова, торговля съ русскими была въ XVI вѣкѣ такъ же выгодна для англичанъ, какъ торговля съ сѣверо-восточными инородцами выгодна была для русскихъ. «Захвативъ въ свои руки торговые пути, произвольно возвышая цѣны на свои произведенія, понижая на русскія, англичане оказывали презрительное обхожденіе русскому народу и черезъ то возбудили противъ себя неудовольствіе» [3]). На почвѣ такого неудовольствія естественно было развиваться всякаго рода предубѣжденіямъ противъ иностранныхъ «нехристей». Послѣ Смутнаго времени это неудовольствіе не исчезло, потому что не была устранена вызывавшая его причина. При царѣ Михаилѣ иностранные купцы опять стали стремиться къ пріобрѣтенію разныхъ привилегій. Между прочимъ, англичане желали получить право проѣзда по Волгѣ въ Персію. Имѣя нужду въ деньгахъ, московское правительство готово было удовлетворить эту ихъ просьбу; однако, оно сочло нужнымъ посовѣтоваться съ московскими гостями. Царь и патріархъ спрашивали ихъ: «А если дать англійскимъ гостямъ дорогу въ Персію, то не будетъ ли отъ того московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ помѣшки и оскудѣнія?»

Поблагодаривъ великихъ государей за милость и заранѣе смиренно извинившись въ томъ, что будутъ говорить по своему крайнему разумѣнію, спроста, московскіе торговые люди и гости, въ общемъ, высказались такъ: «Если съ англичанъ брать пошлину, то государевой казнѣ прибыль будетъ большая, а у торговыхъ людей промыслы отнимутся, потому что имъ съ англичанами не

---

[1]) Соловьевъ, кн. II, стр. 720.

[2]) Интересно, что Иванъ IV, которому тоже приходилось имѣть дѣло съ англійскими купцами, величалъ ихъ торговыми мужиками. Этимъ ярко характеризуется его отношеніе къ московскому „торговому капитализму“.

[3]) Историческія монографіи и изслѣдованія Николая Костомарова, т. XX, Очеркъ торговли Моск. гос. въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 22.

стянуть» [1]). И это «не стянуть» повторялось всякій разъ, когда московскіе люди имѣли возможность откровенно высказать свое мнѣніе о торговлѣ западно-европейскихъ (не однихъ только англійскихъ) купцовъ въ Россіи. Московскіе торговые люди боялись попасть въ кабалу къ своимъ опаснымъ конкурентамъ. Когда, въ самомъ началѣ царствованія Ѳедора Алексѣевича, голландскій посланникъ, фанъ-Кленкъ, добивался, чтобы позволено было голландцамъ торговать съ персіанами въ Россіи, а персіанамъ ѣздить съ шелкомъ-сырцомъ черезъ Россію въ Голландію, то московскіе торговые люди опять выразили опасеніе, что иностранцы всѣхъ ихъ «отъ торгу отлучатъ» и завладѣютъ всѣми промыслами. При этомъ они ссылались на примѣръ восточной Индіи, въ которой голландцы «завладѣли золотою и серебряною рудами и всякими другими промыслами, отчего и теперь великое богатство себѣ пріобрѣтаютъ, а тамошнихъ жителей привели до скудости» [2]).

Московскіе торговые люди совершенно правильно оцѣнивали тѣ послѣдствія, которыя имѣла для туземцевъ восточной Индіи колоніальная политика голландцевъ. Стало быть, крайняя ограниченность, свойственная жителямъ Московскаго государства, не мѣшала имъ быть дальнозоркими тамъ, гдѣ дѣло касалось ихъ, сознанныхъ ими, интересовъ. Но отсюда видно также, какимъ слабымъ чувствовалъ себя московскій «торговый капитализмъ» въ своихъ столкновеніяхъ съ торговымъ капитализмомъ Запада.

III.

Не будучи въ состояніи «стянуть» въ экономической борьбѣ съ западнымъ европейцемъ, московскій торговый человѣкъ испытывалъ непріязненное чувство къ нему, естественно распространившееся на всѣ его обычаи, привычки и даже внѣшность [3]). Костомаровъ говоритъ: «Русскіе торговцы, какъ и вообще русскіе люди, оставались внѣ связи съ образованнымъ человѣчествомъ, а это сообщало имъ характеръ самоотдѣльности, невѣ-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. II, стр. 1175—1176

[2]) Соловьевъ, кн. Ш, стр. 886.

[3]) Въ 1646 г. московское купечество подало царю жалобу на „англійскихъ нѣмцевъ", въ которой, на ряду со многими другими доводами, стояло слѣдующее курьезное соображеніе: „У нихъ въ жалованной грамотѣ написано, что грамота дана имъ по прошенью ихъ короля Карлуса; но они, Англичане, торговые люди всѣ Карлусу королю неподручны, отъ него отложились и бьются съ нимъ четвертый годъ". (Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. II., стр. 1507—1508). Доводъ отъ монархизма и впослѣдствіи весьма часто фигурировалъ въ „ходайствахъ" россійскаго купечества.

дѣнія и враждебности ко всему остальному»[1]). Мы видѣли,—отчасти благодаря указаніямъ того же историка,—что враждебность ко всему остальному коренилась въ экономической отсталости Московскаго государства и была тѣмъ непріязненнымъ чувствомъ, которое эксплуатируемый питаетъ по отношенію къ эксплуататору. Но, какъ бы тамъ ни было, враждебность ко всему остальному должна была въ теченіе нѣкотораго времени усиливаться по мѣрѣ того, какъ учащались торговыя сношенія Московскаго государства съ западно-европейскими странами. Какъ до Петра, такъ и долго послѣ него русское купечество обнаруживало консервативное настроеніе и не поддавалось европеизаціи, хотя фактически дѣлало такое дѣло, которое, въ концѣ концовъ, должно было разрушить экономическіе устои стараго московскаго быта. Это консервативное настроеніе до сихъ поръ обнаруживается въ «черносотенныхъ» взглядахъ значительной части мѣщанства нашихъ провинціальныхъ городовъ, приводимаго въ благочестивый ужасъ торжествомъ новѣйшаго капитализма.

Въ трудящейся массѣ Московскаго государства «невѣдѣнія» было еще больше, нежели въ высшихъ классахъ. Но и тутъ предубѣжденіе противъ иностранцевъ обусловливалось далеко не однимъ «невѣдѣніемъ»[2]). Народная масса предчувствовала, что поворотъ къ Западу отразится на ея житьѣ-бытьѣ въ видѣ новаго увеличенія ея и безъ того почти невыносимыхъ тягостей. Къ тому же служилые иностранцы, во множествѣ появившіеся въ Московскомъ государствѣ XVII столѣтія, смотря на московскихъ людей сверху внизъ, конечно, больше всего презирали именно трудящуюся массу, представители которой,—въ видѣ «даточныхъ» тяглыхъ людей и холоповъ,—попадали подъ ихъ начальство. Не удивительно поэтому, что и она не любила иностранцевъ. Псковскіе «гилевщики» въ своей челобитной Алексѣю Михайловичу ставили на видъ, что «при прежнихъ государяхъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ иноземцы никакіе не служили». Въ той же челобитной они выдвигали обвиненіе противъ людей, хвалившихъ «нѣмецкую вѣру». Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Псковѣ и Новгородѣ предубѣжденіе противъ «нѣмецкой вѣры» было, по историческимъ условіямъ ихъ развитія, несравненно слабѣе, нежели въ Москвѣ. Ереси, возникавшія въ этихъ городскихъ республикахъ въ теченіе XIV и XV столѣтій, находились въ тѣсной идейной связи съ «нѣмецкой вѣрой». Алексѣй Михаиловичъ

---

[1]) Назв. соч., стр. 180.

[2]) Само по себѣ „невѣдѣніе" еще ровно ничего не рѣшаетъ въ дѣлахъ этого рода. Какъ ни велико „невѣдѣніе" такъ называемыхъ дикарей, они начинаютъ испытывать вражду къ чужеземцамъ только тогда, когда тѣ притѣсняютъ ихъ.

отвѣчалъ псковичамъ: «Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи и король Магнусъ, и многіе иноземцы» [1]). Это была правда. И ужъ вовсе несомнѣнно, что націоналистическая реакція не могла избавить Московскую Русь XVII столѣтія отъ необходимости привлекать служилыхъ иностранцевъ. Но чѣмъ болѣе давала себя чувствовать эта необходимость, тѣмъ болѣе обнаруживалась націоналистическая реакція. При ограниченности, свойственной московскимъ людямъ и доводившей ихъ до того, что они, какъ мы уже знаемъ, спрашивали себя, не слѣдуетъ ли относить къ числу «нехристей» православныхъ бѣлоруссовъ, реакціонеры не могли не возмущаться приливомъ въ Москву ученыхъ изъ Западной Руси и даже изъ Греціи. Сохранился отрывокъ слѣдствія, производившагося въ 1650 году надъ нѣкоторыми представителями націоналистической реакціи. Они принадлежали, по выраженію Ключевскаго, къ учащейся московской молодежи. Ихъ было четверо: Лучка Голосовъ, впослѣдствіи дослужившійся до степеней извѣстныхъ, Степанъ Алябьевъ, Иванъ Засѣцкій и дьячокъ Благовѣщенскаго собора Костка (Константинъ Ивановъ). Они возмущались знаменитымъ царскимъ постельничимъ, Ѳ. М. Ртищевымъ, выстроившимъ недалеко отъ Москвы монастырь и поселившимъ въ немъ тридцать малороссійскихъ монаховъ, которые обязаны были учить желающихъ славянской и греческой грамматикѣ, риторикѣ и философіи. Самъ Ртищевъ проводилъ въ бесѣдахъ съ этими учеными малороссами цѣлыя ночи. Но «московская учащаяся молодежь» роптала: «вотъ учатся у кіевлянъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть». Изъ показаній Степана Алябьева видно, что онъ началъ учиться по-латыни у старца Арсенія Грека, но когда этого старца сослали въ Соловки, учиться пересталъ и азбуку изодралъ, такъ какъ родные, а съ ними Лучка Голосовъ и Ивашка Засѣцкій сказали ему: «перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали». Ѳ. М. Ртищевъ требовалъ, чтобы самъ Лучка Голосовъ учился по-латыни у кіевскихъ монаховъ. Но Лучка противился. «Скажи своему протопопу,—говорилъ онъ вышеупомянутому дьячку Благовѣщенскаго собора, Константину Иванову,—что я у кіевскихъ старцевъ учиться не хочу, старцы они не добрые, я въ нихъ добра не позналъ, теперь я маню Ѳедору Ртищеву, боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочу, кто по-латыни научится, съ праваго пути совратится». Осуждала эта, по принужденію учившаяся, молодежь и поѣздки болѣе или менѣе ученыхъ москвичей въ Кіевъ для доверш енія образованія.

---

[1]) Соловьевъ, кн. II, стр. 1544.

Тотъ же Лучка говорилъ своему другу Косткѣ: «да и о томъ вспомяни протопопу [1]): поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту проѣзжую Ѳедоръ Ртищевъ промыслилъ; поѣхали они доучиваться у старцевъ кіевлянъ по-латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты». Дьячокъ Костка самъ не одобрялъ этой поѣздки. Онъ отвѣчалъ своему другу: «Мнѣ и попъ Ѳома говорилъ: скажи, пожалуй, какъ быть? Дѣти мои духовныя Иванъ Озеровъ, да Перфилій Зеркальниковъ просятся въ Кіевъ учиться.—Я (Костка.—*Г. П.*) ему говорилъ: не отпускай Бога ради, Богъ на твоей душѣ это взыщетъ, а Ѳома говоритъ: радъ бы не отпустить, да они безпрестанно со слезами просятся и меня мало слушаютъ и ни во что не ставятъ».

Этотъ послѣдній отвѣтъ попа Ѳомы даетъ намъ новую, несравненно болѣе отрадную черту для характеристики «учащейся московской молодежи» того времени. Если въ ея средѣ были,—и, по всей вѣроятности, преобладали,—личности, въ родѣ Степана Алябьева и Луки Голосова, не желавшихъ учиться изъ опасенія впасть въ ересь, то, къ счастью для дальнѣйшаго развитія страны, встрѣчались и такія, которыя «безпрестанно, со слезами» умоляли о томъ, чтобы имъ дали возможность продолжать въ Кіевѣ образованіе, начатое въ Москвѣ. У этихъ послѣднихъ было вполнѣ достаточное основаніе для того, чтобы слезно просить позволенія ѣхать въ Кіевъ. Они не питали никакого уваженія къ своимъ благочестивымъ московскимъ учителямъ, говоря: «враки де они вракаютъ, слушать у нихъ нечего и себѣ чести не дѣлаютъ, учатъ просто, сами не знаютъ, чему учатъ» [2]). Этихъ любознательныхъ молодыхъ людей тоже нѣкоторымъ образомъ «тошнило» въ матушкѣ Москвѣ, и они, подобно Воину Ордину-Нащокину, стремились вырваться изъ нея. Къ сожалѣнію, ихъ было пока еще крайне мало.

IV.

Въ виду націоналистической реакціи, возникавшей вслѣдствіе поворота къ Западу и непрерывно возраставшей вмѣстѣ съ ростомъ западнаго вліянія, можно думать, что, проповѣдуя свою «ксенеласію», Юрій Крижаничъ отчасти подчинился настроенію, сильно распространенному въ тогдашней Москвѣ. Я потому говорю: «отчасти», что Крижаничъ уже и до пріѣзда своего въ Мо-

---

[1]) Протопопомъ Благовѣщенскаго собора былъ въ то время царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ

[2]) Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. III, стр. 365. Ср. также Соловьевъ, Исторія, кн. II. стр. 1525—1526.

сковское государство обладалъ весьма порядочнымъ запасомъ нелюбви къ «нѣмцамъ». Въ Москвѣ, слыша съ разныхъ сторонъ раздававшіяся жалобы на «нѣмецкое» засилье (какъ выразились бы теперь наши націоналисты), Юрій Сербенинъ могъ еще болѣе укрѣпиться въ своемъ нерасположеніи къ «нѣмцамъ» и потому окончательно склониться къ «гостогонству». Националистическая реакція нашла свое выраженіе, между прочимъ, и въ расколѣ. Скажу больше. Расколъ старообрядства былъ самымъ яркимъ ея выраженіемъ въ московской жизни XVII вѣка. «Охъ, бѣдная Русь,—восклицалъ знаменитый расколоучитель, протопопъ Аввакумъ,—чего-то тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступокъ!» Другой расколоучитель, попъ Лазарь, взывалъ къ Алексѣю Михайловичу: «Царю благородный! како времени сего не испытуешь: имѣеши у себе мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадаютъ. Государь! таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши... Ветхій законъ стѣнь благодати есть: егда въ законѣхъ отеческихъ неотступно пребываху, того ради вся благая отъ Бога пріимаху; а егда въ законѣхъ отеческихъ блудствоваху, того ради вся злая бываху имъ. Подобаетъ ти Царю заповѣдати благороднымъ чадомъ своимъ, да пребываютъ въ законѣхъ отеческихъ во вѣки неотступно». Третій защитникъ древняго благочестія, дьяконъ Ѳедоръ, оплакивалъ конецъ старой Руси. «Иного отступленія,—говорилъ онъ,—уже не будетъ: здѣ бо бысть послѣдняя Русь...» [1]). Но и самъ патріархъ Никонъ, представлявшійся раскольникамъ опаснымъ нововводителемъ, не избѣжалъ вліянія националистической реакціи. Алепскій архидіаконъ Павелъ сообщаетъ, что, когда московскіе живописцы стали усваивать пріемы западныхъ художниковъ, московскіе вельможи начали покупать у нихъ иконы новой манеры, Никонъ отобралъ оныя и издалъ указъ, что кто впредь будетъ живописать ихъ, тотъ подвергнется строжайшему наказанію. Такія иконы, собранныя по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, зарыты были въ землю, а пишущіе въ духѣ новой школы преданы анаѳемѣ [2]). Подобной энергіи въ дѣлѣ борьбы съ Западомъ могли бы позавидовать самые жестоковыйные расколоучители [3]).

---

[1]) Сочиненія А. П. **Щапова**, т. I, СПБ. 1906, стр. 219—220.

[2]) **Щаповъ**, тамъ же, стр. 204, примѣчаніе.

[3]) **Проф. Каптеревъ** говоритъ, что къ западной наукѣ Никонъ относился такъ же враждебно, какъ и его противники расколоучители. Однажды Паисій Лигаридъ сослался въ разговорѣ съ нимъ на физику. Никонъ сердито возразилъ ему:

Настроеніе, выразившееся потомъ въ расколѣ, почти окончательно сформировалась еще въ то время, когда Никонъ былъ только новгородскимъ митрополитомъ и не имѣлъ вліянія на судьбу русской церкви. Уже тогда между вѣрующими распространялись сборники, въ которыхъ говорилось объ антихристѣ, и вычислялось время его пришествія. Въ книгѣ «О вѣрѣ», напечатанной при патріархѣ Іосифѣ, предшественникѣ Никона, было сказано: «По тысящѣ лѣтъ отъ воплощенія Сына Божія Римъ отпаде отъ восточныя церкве; въ 595-е лѣто по тысящѣ жителіе Малой Россіи къ римскому костелу приступили. Се второе отторженіе христіанъ отъ церкве. Оберегая сіе пишемъ: егда исполнится 1666 лѣтъ, да чтобы отъ прежнихъ винъ зло нѣкако и намъ не пострадати» [1]). Какъ извѣстно, въ 1666 году въ Москвѣ состоялся соборъ русскаго духовенства, одобрившій никоновы новшества и принявшій жестокія мѣры противъ нераскаянныхъ раскольниковъ (протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Ѳедора). Этимъ какъ бы оправдывалось только что приведенное предсказаніе, вслѣдствіе чего книга, заключавшая его въ себѣ, должна была пріобрѣсти большой авторитетъ въ глазахъ защитниковъ старой вѣры.

Еще разъ: противниками новшествъ были въ XVII вѣкѣ вовсе не одни раскольники. Въ февралѣ 1690 года, т.-е., когда власть фактически была уже въ рукахъ Петра, патріархъ Іоакимъ, приглашенный къ царскому столу на обѣдъ по случаю рожденія царевича Алексѣя Петровича, потребовалъ и добился, чтобы за столомъ не было иноземцевъ. Передъ своею смертью онъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ разразился цѣлой филиппикой противъ проклятыхъ еретиковъ иноземцевъ.

«Какая отъ нихъ православному воинству можетъ быть помощь?—наивно вопрошалъ святитель,—только гнѣвъ Божій наводятъ. Когда православные молятся, тогда еретики спятъ; христіане просятъ помощи у Богородицы и всѣхъ святыхъ,—еретики надъ всѣмъ этимъ смѣются; христіане постятся,—еретики никогда. На-

---

„Недостало тебѣ святыхъ божественныхъ книгъ въ отвѣтъ, которыми велѣли апостоли святіи и отцы святіи учити, и заповѣди и отвѣти творити. Ты же физиками и орѣховымъ листьемъ и иными шпынскими прибавками отвѣты творишь“. Вообще, по словамъ проф. Каптерева пониманіе Никономъ „разныхъ явленій, пріемы и характеръ его сужденій настолько у него были сходны съ его противниками—старообрядцами, что часто почти нѣтъ никакой возможности отличить разсужденія Никона отъ разсужденій противниковъ его реформы. („Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“, т. II, стр. 358).

[1]) Щаповъ, тамъ же, стр. 210—211.

чальствуютъ волки надъ агнцами! Благодатію Божіею въ Русскомъ царствѣ людей благочестивыхъ, въ ратоборствѣ искусныхъ, очень много. Опять напоминаю, чтобъ иновѣрцамъ еретикамъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, Татарамъ мечетей не давать строить нигдѣ, новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ по иноземски не вводить» [1]) и т. д.

Но при всемъ томъ, не подлежитъ сомнѣнію, что ярче всего выразилась націоналистическая реакція противъ поворота къ Западу, именно въ расколѣ.

---

[1]) Соловьевъ, кн. III стр. 1095

Глава XII.

ДВИЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ БОРЬБЫ ЦАРЯ СЪ БОЯРСТВОМЪ.

I.

Формальное происхожденіе раскола въ высшей степени характерно для Московской Руси. Извѣстно, что начало ему положено было исправленіемъ религіознаго обряда и нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ. Починъ въ дѣлѣ этого исправленія принадлежалъ патріарху Никону. Никонъ считалъ установившійся въ Москвѣ религіозный обрядъ несогласнымъ со старымъ обрядомъ восточной церкви. Онъ ошибался. Московскій обрядъ былъ старше того обряда, во имя котораго его отвергалъ Никонъ, и который господствовалъ въ XVII вѣкѣ у православныхъ грековъ. Христіане сначала крестились однимъ пальцемъ; потомъ «единоперстіе» замѣнено было «двоеперстіемъ» на Востокѣ, откуда оно перешло на Русь. Но со временемъ греки стали креститься, вмѣсто двухъ, тремя пальцами, между тѣмъ какъ московскіе люди удержали «двоеперстіе». По всему видно, что эти историческіе факты остались неизвѣстными Никону. Оно и не удивительно, такъ какъ Никонъ не зналъ греческаго языка и, вообще, былъ недостаточно образованъ для того, чтобы дѣлать историческія справки такого рода. Но достойно замѣчанія, что греческіе патріархи, предсѣдательствовавшіе на Московскомъ духовномъ соборѣ 1667 г., и одобрившіе преданіе анаѳемѣ тѣхъ, которые принимали старый русскій обрядъ, были незнакомы съ исторіей своей собственной церкви. Впрочемъ, возможно, что имъ была извѣстна эта исторія, но они постарались забыть о ней. Какъ говоритъ проф. Каптеревъ, они «слишкомъ увлекались предвзятымъ, тенденціознымъ желаніемъ осудить невѣжественныхъ русскихъ за ихъ стремленіе освободиться въ своей церковной жизни отъ опеки и подчиненія современнымъ грекамъ, увлекались желаніемъ, путемъ осужденія и приниженія всего періода русской самостоятельной независимой отъ грековъ церковной жизни, возвысить, какъ откровенно вы-

ражаются сами патріархи, «преизящный греческій родъ», возстановить въ мнѣніи русскихъ «лѣпоту рода греческаго», а вмѣстѣ съ этимъ увеличить и количество милостыни, посылаемой русскимъ правительствомъ восточнымъ патріаршимъ каѳедрамъ [1])».

Преданіе анаѳемѣ лицъ, державшихся русскаго обряда, неизбѣжно должно было утвердить расколъ тамъ, гдѣ при болѣе мягкомъ отношеніи къ предмету было бы только разногласіе по несущественному вопросу. А это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ то мнѣніе проф. Каптерева, что «нашъ расколъ старообрядчества своимъ формальнымъ происхожденіемъ обязанъ исключительно дѣйствіямъ на соборѣ двухъ восточныхъ патріарховъ, а не русскимъ іерархамъ, которые на соборѣ 1667 года въ сужденіяхъ о старомъ русскомъ обрядѣ только пассивно подчинились воздѣйствію двухъ вселенскихъ патріарховъ и другихъ грековъ, какъ людей, болѣе ихъ авторитетныхъ и свѣдующихъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ [2])». Конечно, при отсутствіи «крутого владанія» въ московской церкви греческимъ іерархамъ не удалось бы принести такъ много вреда русской землѣ, а это «крутое владаніе» не грекамъ обязано было своимъ происхожденіемъ. Но какъ бы то ни было, вина грековъ, несомнѣнно, очень велика.

Главными виновниками формальнаго раскола русской церкви проф. Каптеревъ считаетъ,—кромѣ двухъ восточныхъ патріарховъ—Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго—Паисія Лигарида и аѳонскаго иверскаго архимандрита Діонисія [3]). Въ одной изъ предшествующихъ главъ мнѣ уже приходилось говорить о весьма сомнительной нравственности Паисія Лигарида. Теперь я вынужденъ прибавить, что весьма сомнительной нравственностью отличался между православными греками, къ сожалѣнію, не онъ одинъ. Проф. Каптеревъ думаетъ, что, признавъ въ церковныхъ дѣлахъ авторитетъ грековъ, какъ людей, обладавшихъ научными знаніями, москвичи въ то же время составили себѣ довольно ясное представленіе объ ихъ нравственныхъ недостаткахъ. Онъ пишетъ: «Русскіе не могли не видѣть, что греки ѣхали въ Москву, прежде всего и главнымъ образомъ, ради личной наживы на счетъ тароватаго на подачки московскаго правительства и всѣхъ русскихъ вообще. Русскіе видѣли, что греки, въ видахъ наживы, пускали въ ходъ всѣ средства, не исключая даже самыхъ сомнительныхъ, что они готовы были на всякія послуги, лишь бы имъ хорошо за

---

[1]) Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Сергіевъ посадъ, 1912. Т. II, стр. 528.

[2]) Тамъ же, стр. 527.

[3]) Тамъ же, стр. 531.

нихъ платили [1])». Сами восточные патріархи вели себя въ Москвѣ не вполнѣ безукоризненно. Они стали торговать индульгенціями, продавая ихъ по рублю за штуку, что составляетъ на нынѣшнія деньги около 20 рублей. Цѣна, можно сказать, сходная, но москвичи роптали. Сохранилась челобитная неизвѣстнаго лица на имя государя, въ которой говорится: «Палестинскіе патріархи приходили въ твое государство и онѣ отъ себя давали здѣ, въ Московскомъ государствѣ, разрѣшальные грамоты в' прежъ содѣянныхъ грѣсѣхъ, і впредь кто согрѣшитъ—грѣха не имать, а имали всего за такіе грамоты по рублю: какіе въ нихъ правды и истины искать? Нѣсть цѣлости въ нихъ, но острупѣли з'главы и до ногъ,—развѣ сотая часть въ нихъ обрящется струпа неимущая [2])». Дѣйствительно—острупѣли! Но если наше духовенство все-таки признавало авторитетъ этихъ острупѣлыхъ людей, то отсюда видно, какимъ безпомощнымъ почувствовало себя въ тогдашнихъ условіяхъ,—нѣкогда преисполненное самодовольства,—офиціальное богословіе Московскаго государства. Что же касается свѣтскихъ правителей, то у нихъ, несомнѣнно, былъ свой расчетъ. Выше [3]), я уже сказалъ, что въ своемъ столкновеніи съ Никономъ Алексѣй Михайловичъ искалъ поддержки со стороны восточныхъ патріарховъ. Я отмѣтилъ также, что тишайшій царь не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: готовые на всякія послуги греки энергично поддерживали его... разумѣется, не безвозмездно.

II.

Проф. Каптеревъ категорически утверждаетъ, что рѣшительное осужденіе русскаго стараго обряда соборомъ 1667 г., руководимымъ двумя восточными патріархами, было «сплошнымъ» недоразумѣніемъ [4]). Это, повидимому, совершенно справедливо. Но нельзя согласиться съ этимъ даровитымъ и смѣлымъ изслѣдователемъ, когда онъ говоритъ, что у нашего раскола старообрядства «по самому его существу не имѣлось никакой серьезной почвы для дальнѣйшаго сколько-нибудь прочнаго и продолжительнаго существованія». Какъ же «не имѣлось», когда онъ существовалъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и до сихъ поръ существуетъ довольно «прочно»? Проф. Каптеревъ думаетъ, что «истинной основой всей его (раскола.—*Г. П.*) жизни было только недоразу-

---

1) Тамъ же, стр. 541.
2) Тамъ же, стр. 541—2, примѣч.
3) См. гл. „Борьба свѣтской и духовной власти“.
4) Цит. соч., т. II, стр. 529.

мѣніе и непониманіе дѣла обѣими боровшимися сторонами [1])». Что и говорить,—«на Москвѣ» всегда было очень много всякаго рода непониманія и недоразумѣній! Но почему же именно это недоразумѣніе и это непониманіе такъ глубоко всколыхнули общественную жизнь Московскаго государства? Нашъ авторъ отвѣчаетъ: «Чѣмъ настойчивѣе реформа Никона указывала на несостоятельность, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, русской церковной старины, на необходимость перемѣнъ въ ней, согласно съ современнымъ греческимъ—вселенскимъ, тѣмъ настойчивѣе и крѣпче держались за старину противники реформы, тѣмъ рѣшительнѣе между ними утверждалось убѣжденіе, что всякое критическое отношеніе къ русской старинѣ... есть тяжкое преступленіе, гибельное и для церкви и для государства». Но вѣдь вопросъ состоитъ именно въ томъ, почему московскіе люди такъ крѣпко ухватились за старину. Проф. Каптеревъ приводитъ знаменитыя слова: «Держу до смерти, якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ; до насъ положено; лежи такъ во вѣки вѣковъ». Онъ говоритъ по ихъ поводу: «Вотъ основной принципъ, высказанный протопопомъ Аввакумомъ, и усвоенный всѣми его послѣдователями». Нѣсколькими строками ниже онъ повторяетъ: «Притягательная и обаятельная для массы сила противниковъ Никона въ томъ, между прочимъ, и заключалась, что они являлись борцами и защитниками за родную, попираемую Никономъ, святую старину, борцами за такъ называемую теперь русскую самобытность, которой угрожало гибельное вторженіе иностранныхъ новшествъ [2])». Это опять ничего не объясняетъ. Зачѣмъ такъ понадобилась народной массѣ «русская самобытность», и почему старина сдѣлалась въ ея глазахъ «святою»?

Въ предыдущей главѣ мною указаны были тѣ общія историческія условія, благодаря которымъ поворотъ Московской Руси къ Западу вызвалъ въ ея населеніи значительную націоналистическую реакцію. Теперь присмотримся къ этимъ условіямъ нѣсколько внимательнѣе.

Первые расколоучители вышли изъ среды московскаго духовенства. Что побудило ихъ возстать противъ никоновскихъ новшествъ?

По словамъ Щапова, расколъ возникъ изъ демократической оппозиціи слишкомъ строгому Никону, котораго низшее духовенство называло вторымъ папою. Щаповъ считаетъ ненависть къ патріарху Никону основнымъ принципомъ раскола въ его перво-

1) Тамъ же, стр. 532.
2) Тамъ же, стр. 533.

начальномъ видѣ. «Духовный клерикальный и религіозный демократизмъ,—говоритъ онъ,—вотъ первая, ближайшая, первоначальная причина происхожденія раскола именно отъ низшаго духовенства [1])». Это, какъ мы увидимъ ниже, нуждается въ нѣкоторыхъ оговоркахъ, но все-таки представляетъ собою несравненно болѣе конкретное указаніе, нежели чисто-раціоналистическая ссылка на недоразумѣніе и невѣдѣніе.

Пойдемъ дальше. Почему трудящаяся масса такъ охотно откликнулась на раскольничью проповѣдь, починъ которой принадлежалъ низшему московскому духовенству? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Щаповъ приводитъ длинную выдержку изъ «возмутительнаго письма», сочиненнаго бывшимъ подьячимъ, старообрядцемъ Докукинымъ. Оно относится, правда, уже къ эпохѣ Петра, но это нисколько не умаляетъ его значенія, какъ человѣческаго документа, уясняющаго психологію раскольничьяго движенія въ народной массѣ. Вотъ нѣкоторыя строки изъ него.

«Зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, како мы... здѣсь живущіе на землѣ... свободной жизни лишаеми, гоними изъ дома въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ... и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія, и градскихъ и древле уставленныхъ законовъ лишились».

Эти строки убѣдительно свидѣтельствуютъ, что склонность къ расколу вызывалась въ трудящейся массѣ ея тяжелымъ положеніемъ. Но это не все. Далѣе мы встрѣчаемъ еще болѣе ясныя указанія.

«Древеса самыя нужныя въ дѣлахъ нашихъ повсюду заповѣданы быша, рыбныя ловли и торговые и завоцкіе промыслы отняты многіе и вездѣ бѣдами погружаемы, на правежѣхъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей... гладомъ истаеваемы и многіе отъ того умерщвляемы, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обветшали, древодѣлій и каменосѣдцевъ отгнали...»

Тутъ передъ нами цѣлый рядъ весьма опредѣленныхъ жалобъ. Каждую изъ нихъ можно было бы пояснить ссылкою на соотвѣтствующее, стѣснительное для народа, распоряженіе Петра. Въ виду этого совершенно очевидно, что не только недоразумѣніе и не только невѣдѣніе лежало въ основѣ раскольничьяго движенія въ народѣ. Движеніе это, несомнѣнно, опиралось на недовольство народа своимъ постоянно ухудшавшимся положені-

---

[1]) Сочин., т. I, стр. 217.

емъ [1]). Это неоспоримое обстоятельство и дало довольно многимъ ученымъ и публицистамъ поводъ для идеализаціи раскола, сыгравшей большую роль въ исторіи русскихъ демократическихъ идей 60-хъ и 70-хъ гг. XIX столѣтія.

III.

Щаповъ говоритъ: «Люди старой вѣры, вмѣстѣ съ Докукинымъ, вопіяли при Петрѣ... противъ лишенія свободной жизни, и многіе оттого бѣжали въ расколъ... Встарину всѣ земскіе люди, и гости посадскіе, и крестьяне, пользовались полнымъ правомъ житейской свободы, жили на всей своей волѣ... и вотъ, когда появилось первое ограниченіе воли, прикрѣпленіе къ мѣсту, вмѣстѣ съ государственнымъ тягломъ; когда настало прикрѣпленіе крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ къ посадской,—земскіе люди постоянно избывали отъ тягла, стремились жить на льготѣ, на волѣ, не хотя быть въ тяглѣ, чинились сильны и государеву указу не послушны... самохотно селились въ льготныя, свободныя торгово-промышленныя слободы... А какъ во второй половинѣ XVII в. и въ царствованіе Петра, съ развитіемъ всеобщей, всенародной крѣпостности и повинности государству, и свободныя торгово-промышленныя слободы дѣлались государевыми, казенными, и классъ вольныхъ гулящихъ людей уничтожался, то, естественно, это должно было вызвать реакцію со стороны всѣхъ этихъ вольныхъ гулящихъ людей и свободныхъ слободъ [2])». Преслѣдуемые правительствомъ, гулящіе люди бѣжали въ лѣса и въ степи, заселяли окраины, основывая тамъ новыя слободы. Но эти новыя слободы были уже раскольничьими слободами. Усиливаясь отстоять свои старыя вольности, трудящаяся масса встрѣтилась съ первыми расколоучителями изъ духовной среды, стре-

---

[1]) Вотъ почему жестоко ошибается г. П. Смирновъ, утверждающій, будто памятники показываютъ, что въ основѣ раскола лежали стремленія исключительно религіозныя, и будто ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ „ни одного слова противъ жизни государственной, ни одного намека на тяжесть соціальнаго строя, ни одного вздоха о порядкахъ экономическихъ“. (Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ. Изслѣдованіе изъ начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ, изданнымъ и рукописнымъ.—С.-Петербургъ 1898, стр. CXXVIII—CXXIX). „Намеки“ и „вздохи“ въ памятникахъ этого рода были. Въ своемъ взглядѣ на расколъ Щаповъ гораздо болѣе правъ, нежели изслѣдователи, подобные г. Смирнову. Но Щаповъ ошибся въ противоположномъ направленіи: онъ взглянулъ на „вздохи“ и „намеки“, какъ на выраженіе сознательнаго демократическаго протеста; а между тѣмъ, такого протеста тогда не было и быть не могло.

[2]) „Земство и расколъ“, въ соч. А. Щапова, т. I, стр. 485—487.

мившимися къ демократизму въ церковномъ устройствѣ, и охотно предоставила имъ роль идеологовъ общенароднаго протеста противъ крѣпостнической практики московскихъ централистовъ.

Эти разсужденія Щапова составляли канву, по которой съ большимъ или меньшимъ усердіемъ и талантомъ вышивали всѣ другіе «идеализаторы раскола» [1]). Въ настоящее время легко замѣтить непрочность этой канвы.

Въ передовыхъ государствахъ Западной Европы «религіозный демократизмъ» выражался въ опредѣленныхъ политическихъ стремленіяхъ и служилъ толчкомъ для дѣятельной работы мысли. Почти то же можно сказать о возникавшихъ въ сѣверно-русскихъ «народоправствахъ» религіозныхъ движеніяхъ. Еще Костомаровъ обращалъ вниманіе своихъ читателей на то, что такъ называемые стригольники затрагивали въ своемъ религіозномъ протестѣ не букву, а сущность вѣрованій. Ихъ религіозная мысль не стояла на одномъ мѣстѣ. Какъ говоритъ тотъ же историкъ, они доходили вплоть до чистаго деизма и отвергали преданія не только церковныя, но и апостольскія [2]). Ересь жидовствующихъ тоже обнаружила значительное свободомысліе и показала сильное стремленіе впередъ. Костомаровъ полагаетъ, что нѣкоторые ея сторонники доходили до матеріализма [3]). Вообще, они отличались значительнымъ для того времени образованіемъ, интересуясь не однимъ только священнымъ писаніемъ. Недаромъ Іосифъ Волоцкой обвинялъ ихъ въ томъ, что они прилежали «многымъ баснотвореніемъ» [4]). Г. Е. Голубинскій находитъ, что ересь стригольниковъ представляетъ весьма близкое сходство съ нынѣшними нашими раскольниками безпоповцами. Но если есть неоспоримое сходство, то есть и существенное различіе: безпоповщина держалась и держится за букву едва ли меньше поповщины, между тѣмъ какъ стригольники, а послѣ нихъ жидовствующіе, очень мало дорожили ею.

При томъ псковскіе и новгородскіе еретики не чурались Запада, а, напротивъ, склонны были къ сближенію съ нимъ. Оно и понятно: религіозные взгляды ихъ возникли подъ очевиднымъ и сильнымъ его вліяніемъ.

Наконецъ, даже въ Москвѣ мы встрѣчаемъ,—у М. С. Баш-

---

[1]) Выраженіе И. Харламова. См. его ст. „Идеализаторы раскола" въ журн. „Дѣло", 1881, авг. и сент.

[2]) Историческія монографіи и изслѣдованія, т. VIII, стр. 422—425.

[3]) Сѣверно-русскія народоправства, стр. 426.

[4]) Ср. Е. Голубинскаго „Исторія русской церкви", т. II, 1-ая половина, стр. 579, примѣчаніе. Ср. также В. Ѳ. Боцяновскаго. Русскіе вольнодумцы XIV—XV вв.—„Новое Слово", 1896, кн. III, стр. 168.

кина и Θеодосія Косого,—прилежную работу критической мысли, не имѣющую ровно ничего общаго съ тупою приверженностью къ старому обряду и буквѣ. Для старообрядцевъ,—да, какъ мы видѣли выше, и для самого Никона,—вопросъ о томъ, какъ писать иконы, имѣлъ первостепенное значеніе. А Θеодосій Косой болѣе чѣмъ за 100 лѣтъ до ихъ появленія утверждалъ, что иконы—тѣ же идолы: «Очи имъ писаны, и уши, и ноздри, и уста, и руки, и ноги, и ничто же ими дѣйствуетъ, не могутъ двигнути». Онъ отвергалъ все христіанское церковное устройство и считалъ Христа за «человѣка проста» [1]). Согласно ученію этого замѣчательнаго человѣка, христіанство состоитъ не въ соблюденіи обрядовъ, а въ исполненіи заповѣди Іисуса о любви къ ближнимъ. Но что болѣе всего поражаетъ при сопоставленіи его взглядовъ со взглядами старообрядцевъ, такъ это полное отсутствіе у него національной исключительности. Онъ говорилъ, что всѣ люди суть одно у Бога: «и татары, и нѣмцы, и прочіе языки» [2]).

Почему же въ Московской Руси XVII вѣка религіозное возбужденіе и народное недовольство выразились только въ слѣпой привязанности къ мертвой буквѣ? Когда защищавшее старый обрядъ московское духовенство кричало: «до насъ положено; лежи такъ во вѣки вѣковъ!»; когда оно умирало за «святую» старину, оно тѣмъ самымъ показывало, что въ его средѣ «религіозный демократизмъ» не только прекрасно уживался съ умственнымъ застоемъ, но еще усиливалъ его собою. Откуда же взялась эта своеобразная черта у московскаго религіознаго демократизма? Щаповъ и другіе «идеализаторы раскола» мало занимались этимъ интереснымъ вопросомъ. А когда они занимались имъ, то отвѣчали на него въ духѣ раціоналистовъ. Вотъ примѣръ.

Одинъ изъ самыхъ усердныхъ «идеализаторовъ раскола»,—вѣрнѣе сказать, самый усердный между ними,—І. Юзовъ писалъ: «Къ сожалѣнію, для людей, жаждущихъ духовной жизни, былъ у насъ одинъ исходъ—расколъ... Всякій крестьянинъ, ощущавшій въ себѣ... «душевный гладъ», не имѣлъ никакого другого исхода, какъ искать въ расколѣ утоленія мучившаго его глада,—всѣ остальныя дороги были для него закрыты» [3]).

Въ послѣднемъ счетѣ это значитъ, что народъ хватался за расколъ по причинѣ полнаго отсутствія у него другихъ источниковъ просвѣщенія. А это очень похоже на то, приведенное

---

[1]) См. „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“.—Соч. инока Зиновія. Казань, 1863, стр. 358. Ср. также стр. 430 и 510.

[2]) Е. Голубинскій, назв. соч., т. II, 1-ая половина, Москва, 1900, стр. 828; ср. также 826—27 и 329—30.

[3]) Русскіе диссиденты. — Старовѣры и духовные христіане. Спб. 1881, стр. 110.

мною выше мнѣніе проф. Каптерева, что расколъ коренился въ недоразумѣніи и невѣдѣніи.

Въ другомъ мѣстѣ Юзовъ дѣлаетъ длинныя выписки изъ одной челобитной, написанной отъ имени раскольниковъ, присоединившихся къ единовѣрію. Между этими выписками есть одна, имѣющая для насъ немалый интересъ. Рѣчь идетъ объ анаѳемѣ, произнесенной противъ раскольниковъ.

«Осужденіе это,—говорится въ интересующемъ насъ здѣсь отрывкѣ челобитной,—произнесено однимъ архипастырствомъ россійской церкви, вопреки ей самой, т.-е. вопреки народу, самому тѣлу церкви и хранителю благочестія. А какъ архипастырство одно не составляетъ собою церкви въ собственномъ ея смыслѣ, то и осужденіе это произнесено не только не апостольскою церковью, но даже и не россійскою. А слѣдовательно, оно и не дѣйствительно, потому что не церковное» [1]). Я не буду разбирать, насколько соотвѣтствуетъ исторической истинѣ представленіе авторовъ челобитной о томъ, по чьему почину прокляты защитники стараго русскаго обряда. Приведенныя выше соображенія проф. Каптерева можно считать исчерпывающими этотъ предметъ. Но достойно замѣчанія, что въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые сторонники раскола, если не всегда, то въ эпоху составленія челобитной [2]) дорожили церковнымъ демократизмомъ. Въ ихъ глазахъ хранителемъ благочестія и тѣломъ церкви былъ народъ. И нельзя не согласиться съ ними, когда они, развивая дальше свой взглядъ, пишутъ: «И кому въ церкви всероссійской разсуждать о догматахъ, о вѣрѣ; по апостольскому примѣру надлежитъ разсуждать соборне, а въ церкви всероссійской какіе соборы? Сѵнодъ подъ командой офицера занимается только внѣшними дѣлами» [3]).

Авторы челобитной пишутъ затѣмъ, что апостольская церковь «никогда не придавала и не придаетъ обряду догматической неизмѣняемости и вселенской обязательной единообразности, но каждой частной церкви, по мѣрѣ ея самостоятельности, предоставляла благоустроить свои чины и уставы, обычаи и обряды, *сообразно времени, мѣсту и духу народа*» [4]). Юзовъ не оговаривается, кому принадлежитъ курсивъ въ этомъ отрывкѣ. Я полагаю, что ему. Но кто бы ни подчеркнулъ слова: «сообразно времени, мѣсту и духу народа», на нихъ стоитъ остановиться.

Почему двоеперстіе, хожденіе посолонь, сугубая алилуйя, именованіе Спасителя Ісусомъ и т. д., были въ Москвѣ сообразны

---

1) Назв. соч., стр. 54.

2) „Единовѣріе“ датируетъ, какъ извѣстно, съ конца 1800 года.

3) Юзовъ, тамъ же, стр. 55.

4) Юзовъ, тамъ же, стр. 54.

«времени, мѣсту и духу народа»? Объ этомъ нѣтъ рѣчи ни у авторовъ челобитной, ни у самого I. Юзова. Если бы кто-нибудь вплотную поставилъ передъ нимъ этотъ вопросъ, то онъ повторилъ бы, что «расколъ былъ у насъ единственнымъ исходомъ для людей, жаждущихъ духовной жизни». И опять этотъ отвѣтъ совсѣмъ не былъ бы отвѣтомъ. Есть расколъ и расколъ; есть ересь и ересь. Въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ «еретики» анализировали, какъ мы знаемъ, духъ религіознаго ученія; въ Московскомъ государствѣ они готовы были умирать за букву («за азъ»). Задача науки въ томъ и заключается, чтобы указать тѣ свойства общественнаго бытія, которыми обусловлены были эти существенныя различія въ общественномъ сознаніи.

IV.

Прежде, чѣмъ рѣшать эту задачу, изучимъ внимательно психологію старообрядцевъ. Неоспоримо, что первые расколоучители возмущались деспотизмомъ Никона. «Ничто же тако расколъ творитъ въ церквахъ, яко же любоначаліе во властѣхъ»,—говорилъ еще протопопъ Аввакумъ въ своей челобитной Алексѣю Михайловичу. Но чѣмъ больше всего возмущался Аввакумъ въ дѣятельности Никона? Его обрядовыми новшествами. «Мы же задумалися, сошедшися между собою,—разсказываетъ онъ о себѣ и о другомъ, не менѣе его знаменитомъ расколоучителѣ, казанскомъ протопопѣ «Іоаннѣ» Нероновѣ:—видимъ, яко зима хощетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ образа гласъ бысть...» Это страшное нравственное потрясеніе вызвано было не чѣмъ инымъ, какъ слѣдующимъ распоряженіемъ Никона: «По преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метаніе творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя персты бы крестились». Слышанный Нероновымъ въ Чудовѣ гласъ отъ образа, возвѣщалъ: «Время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Люди, подобные Аввакуму и его друзьямъ, не боялись страданій. Они немедленно принялись дѣйствовать. «Мы съ Даніиломъ [1]) написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонѣхъ и подали Государю. Много писано было» [2]). Это правда! Но много писано было о поклонѣхъ, о сложеніи перстъ и прочихъ обрядахъ, между тѣмъ какъ «духовный демо-

---

[1]) Костромской протопопъ.

[2]) „Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ“, изд. 2-е, СПБ. 1904. стр. 7.

кратизмъ», хотя и проявлялся въ сочиненіяхъ раскольничьихъ первоучителей, но проявлялся очень рѣдко.

У протопопа Аввакума была духовная дочь, дѣвица Анна. Благохитрый бѣсъ однажды сдѣлалъ такъ, что она, стоя въ правилѣ, задремала и сонная повалилась на лавку. Спала она три дня, а на четвертый очнулась и, гораздо поплакавъ, разсказала своему духовному отцу слѣдующее:

«Егда де я въ правилѣ задремала и повалилась, приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ, и на лѣвой сторонѣ плачь и рыданіе, и гласы умиленны; потомъ-де меня привели во свѣтлое мѣсто—зѣло гораздо красно и показали-де многія красныя жилища и палаты; а всѣхъ-де краше палата неизрѣченною красотою сіяетъ паче всѣхъ и велика гораздо; ввели-де меня въ нее..., а подержавъ же меня паки изъ палаты повели и сами говорятъ: «знаешь ли чья палата сія?» и азъ отвѣщала: «не знаю, пустите меня въ нее»; они же отвѣщали: «отца твоего протопопа Аввакума палата сія: слушай его и живи такъ, какъ онъ тебѣ показываетъ персты слагать и креститься и кланяться, Богу молясь, и во всемъ не противься ему, такъ и ты будешь съ нимъ здѣсь» [1]).

Какъ видимъ, сами ангелы, придавая рѣшающее значеніе сложенію перстовъ и поклонамъ, совсѣмъ забывали о «клерикальномъ и религіозномъ демократизмѣ». Это значитъ, что, если расколъ въ средѣ духовенства имѣлъ своей точкой исхода «клерикальный и религіозный демократизмъ», то въ своей программѣ дѣйствій онъ не нашелъ мѣста почти ни для чего, кромѣ старыхъ обрядовъ, ни съ какимъ демократизмомъ ничего общаго не имѣющихъ.

Кромѣ того, Щаповъ сильно преувеличилъ демократизмъ возставшаго противъ Никона низшаго духовенства. Иванъ («Іоаннъ») Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ и весь, по своему весьма замѣчательный, кружокъ первыхъ расколоучителей ничего не имѣлъ противъ того устройства, которое господствовало въ московской церкви въ періодъ, непосредственно предшествовавшій патріаршеству Никона, и которое тоже не отличалось демократизмомъ. Онъ возставалъ только противъ нѣкоторыхъ безпорядковъ въ богослуженіи. До вступленія Никона на патріаршій престолъ, входившіе въ этотъ кружокъ ревнители благочестія могли безпрепятственно ходатайствовать передъ церковными властями объ исправленіи разныхъ церковныхъ нестроеній и даже «извѣщать» о нихъ государя. Крутой Никонъ такъ подтянулъ своихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 26.

подчиненныхъ, что скоро отъ этой свободы не осталось и слѣда. «Егда поставили патріархомъ,—говоритъ о немъ Аввакумъ,—такъ друзей не сталъ и въ Крестовую пускать и сей ядъ отрыгнулъ» [1]). На основаніи этихъ словъ, легко опредѣлить химическій составъ «яда». Бѣда заключалась не столько въ томъ, что московскому патріарху принадлежала большая власть надъ церковью, и что «народъ» не принималъ участія въ церковномъ управленіи, сколько въ томъ, что большая власть надъ церковью досталась въ руки крутого патріарха, не считавшаго нужнымъ совѣщаться со своими «друзьями» [2]). Клерикальная оппозиція напоминаетъ собою ту, которая давала себя чувствовать подчасъ въ средѣ служилыхъ людей, особенно между боярами. Служилые люди ничего не имѣли противъ устройства Московскаго государства, но время отъ времени они становились недовольными системой государственнаго управленія, практиковавшейся тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ,—своенравнымъ и «пальчивымъ»,—государемъ. Правда, служилые люди, огорчившіеся дѣйствіями государей-тирановъ, въ родѣ Ивана IV, были все-таки практичнѣе духовенства, возставшаго противъ тирана-патріарха. Они добивались «записей», содержаніемъ которыхъ служила не обрядовая сторона сношеній, съ «потустороннимъ» міромъ, а возможныя государевы дѣйствія, имѣющія тѣснѣйшее отношеніе къ нашей юдоли плача: казни безъ суда, конфискаціи имуществъ и т. д. Но, несмотря на эту, сравнительно большую, практичность служилыхъ людей, въ ихъ требованіяхъ ни разу не обнаружилась сколько-нибудь зрѣлая политическая мысль. Не находимъ ея мы и въ требованіяхъ низшаго духовенства.

V.

Какъ сомнителенъ былъ демократизмъ первыхъ расколоучителей, доказываетъ слѣдующее разсужденіе Аввакума: «Знаете ли, вѣрніи, Никонъ пресквернѣйшій,—отъ него бѣда та на церковь ту пришла. Какъ бы добрый царь, повѣсилъ бы его на высокое дерево, яко древле Артаксерксъ Амана, хотяща погубити Мардохея и родъ израилевъ искоренити. Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ. А то чему быть! Умъ отнялъ у милово, у нынѣшняго, какъ близь его былъ [3])».

Аввакумъ рѣзко порицалъ обрушившіяся на раскольниковъ

[1]) Житіе, стр. 7.

[2]) Предшественникъ Никона былъ „проще". Но по отношенію къ нему Аввакумъ, Нероновъ и ихъ друзья сами выступали въ роли новаторовъ, недостаточно почитавшихъ старый религіозный обрядъ. Такова иронія исторіи!

[3]) Каптеревъ, назван. соч., т. I, стр. 381—382.

гоненія. «Чудо!—восклицалъ онъ,—какъ то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ да кнутомъ да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ да висѣлицею въ вѣру приводить [1])». Это и правильно, и чрезвычайно талантливо выражено. Но «мой Христосъ» врядъ ли одобрилъ бы «указы» Ивана Васильевича, а нашъ протопопъ очень жалѣлъ, что Алексѣй Михайловичъ не слѣдовалъ примѣру этого «миленькаго царя». Онъ наивно писалъ тишайшему государю: «Перестань-ко ты насъ мучить того! Возми еретиковъ тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ. Право будетъ хорошо [2])». Ужъ чего лучше! Конечно, «мой Христосъ» не велѣлъ расправляться огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею. Но благочестивый протопопъ думалъ, должно быть, что нехорошо расправляться огнемъ да кнутомъ лишь со сторонниками стараго обряда, а съ «латынниками и жидами» это позволительно и даже обязательно. Тутъ передъ нами новая черта для характеристики «демократизма» первыхъ расколоучителей.

Когда Аввакумъ убѣдился, что царь Алексѣй не отвергнетъ совершенной Никономъ церковной реформы, онъ сталъ отзываться о немъ весьма непочтительно. «Два рога у звѣря,—писалъ онъ,— двѣ власти знаменуетъ: одинъ побѣдитель... Никонъ, а другой пособитель Алексѣй.., являясь добрымъ, бодый церковь рогами и уставы ея стирая» и т. д. Или: «накудесилъ много горюнъ въ жизни сей, яко козелъ скача по холмамъ, вѣтры гоня, облетая по аэру, яко пернатъ, ища станъ святыхъ, како бы ихъ поглотити и во адъ съ собою свести».

Разочаровавшись въ Алексѣѣ, Аввакумъ началъ уповать на его наслѣдника. Онъ писалъ нѣкогда любезному ему «Михайловичу»: «Сынъ твой послѣ тебя распуститъ же о Христѣ всѣхъ страждущихъ и вѣрныхъ... на шестомъ соборѣ бысть же сіе,— Константинъ Брадатый проклялъ же мучителя отца своего еретика и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животъ даровалъ». Константину Брадатому Аввакумъ охотно предоставилъ бы всю полноту той власти, какою пользовался «миленькой царь» Иванъ Васильевичъ.

Недовольство Алексѣемъ Михайловичемъ породило у Аввакума твердую увѣренность въ томъ, что грѣшнаго царя ждутъ адскія муки: «За что ты здѣсь отщепился отъ Христа, и пречи-

---

[1]) Житіе протопопа Аввакума, стр. 22.
[2]) Каптеревъ, назв. соч, т. I, стр. 382.

стую икону, Богородичну со престола согналъ и прочія ереси любезнѣ держалъ, а правовѣрныхъ пекъ и огнемъ палилъ? Будетъ ти и самому жарко въ день лютъ отъ Господа; а печеные тѣ отъ вѣры живы будутъ тамъ» [1]).

Въ свое время кн. А. Курбскій тоже могъ пугнуть царя только небеснымъ судьею.

Характерный фактъ. Между учениками Іосифа Волоцкаго, который былъ самымъ послѣдовательнымъ идеологомъ безграничной власти московскихъ государей... поскольку они соглашались не налагать руку на церковныя имущества, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занималъ уже упомянутый выше мимоходомъ митрополитъ Даніилъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ неуклонно проводилъ взгляды Іосифа. И вотъ этотъ-то, до крайности консервативный писатель пользовался величайшимъ уваженіемъ со стороны старообрядцевъ. Они ставили его литературныя произведенія на одну доску съ твореніями святыхъ отцовъ. И, по своему, они были правы.

«Вѣковое тяготѣніе старообрядцевъ къ личности и сочиненіямъ митрополита Даніила,—говоритъ В. Жмакинъ,—обусловливается не только симпатіей ихъ къ тѣмъ или другимъ частнымъ воззрѣніямъ и религіознымъ обрядовымъ особенностямъ, оправданія для которыхъ находятся въ его сочиненіяхъ, но однородностію и тѣсною связію, какая существовала и существуетъ между расколомъ и вообще всѣмъ тѣмъ направленіемъ, проводникомъ и ратоборцемъ, котораго былъ въ свое время митрополитъ Даніилъ» [2]).

VI.

Я сказалъ, что есть ересь и ересь, расколъ и расколъ. Это справедливо, между прочимъ, и въ примѣненіи къ расколу старообрядства. Иное дѣло «поповщина», а иное дѣло «безпоповщина». Въ своей борьбѣ съ официальной церковью «безпоповщина» ушла гораздо дальше «поповщины». Во второй половинѣ XVIII вѣка въ средѣ «безпоповцевъ» могла возникнуть такая крайняя секта, какъ секта бѣгуновъ. Хронологически эта секта далеко стоитъ за предѣлами настоящей главы. Но я все-таки буду при случаѣ ссылаться на нее здѣсь, потому что она, именно благодаря своимъ крайнимъ стремленіямъ, лучше, нежели всѣ другія «безпоповскія» секты, показываетъ, какъ страшно узокъ былъ умственный кругозоръ старообрядства. Съ другой стороны, старообрядство такъ мало

---

[1]) См. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. I, стр. 351—362.

[2]) „Митрополитъ Даніилъ“, стр. 761 и 762.

подвигалось впередъ, что его идеологи въ теченіе послѣдующихъ столѣтій продолжали держаться въ сущности той же самой точки зрѣнія, на которую они встали въ XVII вѣкѣ.

Безпоповцы выставляли противъ Никона слѣдующія обвиненія:

«1. Къ имени Іисуса прибавилъ іоту, разумѣя подъ *і* божество, а подъ *и*—человѣчество...

«2. Сдѣлалъ (вмѣсто зачалъ) стихораздѣленіе Евангельское—ересь Павла Самосадскаго и Латынская.

«3. Училъ, что Спаситель крещенъ поливаніемъ—ересь Лютеранская.

«4. О зачатіи человѣчестемъ училъ подобно Манихеямъ, Еллиномъ, Латинамъ и Оригену.

«5. Въ пѣсни: А л л и л у й я прибавилъ 3-ье алл.—ересь Латинъ.

«6. Въ той же пѣсни по описателю житія Евфроима, чуждаго бога языческаго приложилъ.

«7. Ввелъ моленіе на прежде освященной литургіи и въ Троицынъ день на колѣняхъ—ересь Латинская и Срацинская.

«8. Ввелъ изображеніе распятія Христова на двучастномъ крестѣ—ересь Лютеранская и Латинская».

Число такихъ обвиненій доходитъ до двадцати четырехъ. Было бы скучно и безполезно приводить остальныя. Довольно сказать, что всѣ они по внутренней природѣ своей похожи на только что приведенныя. И подобно только что приведеннымъ, ни одно изъ остальныхъ обвиненій не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ какому демократизму.

Но источникъ, изъ котораго я заимствую эти обвиненія, возстаетъ не только противъ Никона. Въ немъ находится еще сто другихъ пунктовъ, характеризующихъ состояніе господствующей церкви послѣ патріарха. Въ этой сотнѣ обвиненій противъ офиціальнаго православія находится т о л ь к о о д н о т а к о е, которое, будучи истолковано надлежащимъ образомъ, могло бы получить общественное значеніе. Оно гласитъ:

«Гонятъ и умерщвляютъ непріемлющихъ нововведеній». Дальше идутъ обвиненія въ такомъ родѣ:

«Въ книгѣ Жезлъ въ имени Іисусъ истолкована Троица и два естества.

«Брадобритіе со введеніемъ клеветы на св. Димитрія и Георгія.

«На черствыхъ просфорахъ служатъ.

«Въ трехъугольникѣ пишутъ по-латинѣ Богъ.

«Не хранятъ постовъ, разрѣшая себѣ: духовные—рыбу, мірскіе—мясо.

Боярыня Морозова посѣщаетъ протопопа Аввакума въ заключенiи.

«Не кладутъ поклоновъ при пѣніи: аллилуя» и т. д. и т. д.

Мысль, выдвинувшая эти обвиненія, дорожитъ буквой, а не духомъ. Это ясно. Но рядомъ съ обвиненіями, свидѣтельствующими объ исключительной привязанности къ буквѣ, стоятъ обвиненія, показывающія, что,—какъ и поповщина,—безпоповщина была однимъ изъ плодовъ націоналистической реакціи, вызванной поворотомъ Московскаго государства къ Западу. Вотъ, нѣкоторыя изъ нихъ:

«Съ музыкою, плясаніемъ и плесканіемъ пьютъ и ѣдятъ.

«Съ волосами, выпудренными и намазанными саломъ, ходятъ въ церковь и даже въ алтарь.

«Составляютъ календари.

«Новый годъ празднуютъ января 1-го дня, сокративъ лѣта Господня на 8 лѣтъ (Латин.)

«Учатся Астрономіи, во увѣреніе правленія звѣздъ по книгамъ и обычаямъ поганскимъ.

«На комедіяхъ мущины одѣваются въ женскія, а женщины въ мужскія платья» [1]).

При самой сильной склонности къ идеализаціи раскола, невозможно найти въ этихъ обвиненіяхъ что-нибудь прогрессивное.

Чѣмъ-то сходнымъ съ политической оппозиціей представляется отказъ нѣкоторыхъ безпоповскихъ сектъ молиться за царя. Неоспоримый фактъ этого отказа навелъ Щапова на слѣдующее размышленіе о ходѣ общественнаго развитія въ Московскомъ государствѣ XVII столѣтія.

«Такимъ образомъ, изумительно, загадочно и многозначительно, какое «непостоянство большое», по выраженію русскихъ людей XVII вѣка, совершилось въ образѣ мыслей большей части массы народной, въ Москвѣ и по всѣмъ областямъ, послѣ всенароднаго согласья на земскомъ соборѣ 1613 года. Во второе десятилѣтіе семнадцатаго вѣка избранъ былъ царь по согласію всей земли, а съ послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка стали возникать и сильно распространяться въ массѣ народной противоположныя согласья,—началось непризнаніе, отрицаніе царя... такъ кончилась древняя Россія» [2]).

Здѣсь выводъ историка безконечно шире тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя можно было положить въ его основу. «Безпоповскія» согласія, отказывавшіяся молиться за главу русской

[1]) См. „Обвинительныя статьи противъ православія", выписка изъ книги, взятой въ сент. 1853 г. у окружнаго наставника филипповскаго согласія Савватія Петрова. Сборникъ правител. свѣдѣній о раскольникахъ, составленный Ф. Кельсіевымъ, вып. IV, Лондонъ, 1862, стр. 191—197.

[2]) Томъ I, стр. 470.

верховной власти, «отрицали» не царизмъ, какъ учрежденіе, а только «неблагочестивыхъ» царей: царь гонитъ правую вѣру; поэтому грѣшно молиться за него, называть его въ молитвахъ «благочестивѣйшимъ». Исключительно этимъ соображеніемъ руководствовалась даже такая крайняя секта, какъ бѣгуны, иначе называемые странниками. Но наличность у нея такого соображенія отнюдь не убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ ея лицѣ «кончилась древняя Россія».

Странникъ Осипъ Семеновъ показывалъ на допросѣ: «Со времени отставшаго отъ вѣры Патріарха Никона царство антихристово настало, и представитель этого царства есть вашъ Господинъ Императоръ... Если бъ вздумалъ признать власть государя, то обманулъ бы этимъ Бога» [1]). Это звучитъ до послѣдней степени радикально. Но дальше Осипъ Семеновъ говорилъ: «Въ книгѣ Хронографѣ я читалъ, что св. отцы велѣли платить дань Діоклитіану царю, если не будетъ стѣснять ихъ, иначе не признавать его власти; и я платилъ бы дань вашему государю, если бы онъ не запрещалъ намъ исповѣдывать истинную вѣру» [2]). Другой странникъ, Домэтіанъ Өеофановъ, на допросѣ 12 марта 1848 г., показалъ.

«Книги Великороссійской церкви за святыя не принимаю; вѣрую только тому писанію, которое печатано при благочестивыхъ царяхъ; вѣрую во святую соборню и апостольскую церковь, утвержденную семью вселенскими соборами. Царя и власти считаю нужными—только потому, что ни одна земля безъ царя быть не можетъ; но того, по повелѣнію коего странниковъ и христіанъ содержатъ въ темницахъ, за Царя не почитаю, а за мучителя. Св. Писаніе свидѣтельствуетъ, что въ комъ отступленіе отъ вѣры и помраченіе ума, тотъ Антихристъ, а отъ лѣтъ Никона всѣ вѣрующіе его ученію отступники отъ православной вѣры» [3]).

Өеофановъ убѣжденъ, что ни одна земля безъ царя жить не можетъ. Это—политическая сторона его взглядовъ. Но царь отступилъ отъ истинной вѣры; онъ сталъ антихристомъ. Поэтому онъ пересталъ быть царемъ. И вотъ политическій консерватизмъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 206.

[2]) Кельсіевъ. Сборн. правит. свѣд. о раскольникахъ, вып. IV, стр. 285. Эти показанія написаны чиновникомъ и подписаны Осипомъ Семеновымъ. Можно, пожалуй, спросить, заслуживаютъ ли они полнаго довѣрія, будучи даны при такихъ условіяхъ. Но, какъ мы видѣли, допрашиваемый не боялся говорить очень смѣло. Что же касается чиновника, то онъ по обыкновенію склоненъ былъ преувеличивать, а вовсе не смягчать радикализмъ воззрѣній допрашиваемаго. Слова, набранныя курсивомъ, навѣрно, были подчеркнуты имъ, а не Осипомъ Семеновымъ.

[3]) Тамъ же, стр. 287.

завѣщанный Московской Русью, осложняется въ головѣ Ѳеофанова вызваннымъ религіозными соображеніями отрицательнымъ отношеніемъ къ царямъ даннаго мѣста и времени. Въ результатѣ получилось сочетаніе, весьма похожее на то, съ которымъ мы познакомились изъ сочиненій протопопа Аввакума. Но ни проповѣдь Аввакума, ни только что приведенный мною взглядъ странника Дометіана Ѳеофанова не возвѣщаетъ конца древней Россіи.

VII.

Самъ основатель секты бѣгуновъ,—этой, какъ сказано, крайней секты,—Евфимій, называетъ царя Михаила Ѳедоровича «въ благочестіи сіявшимъ и законъ Христовъ добре хранившимъ». За такого царя онъ счелъ бы себя обязаннымъ молиться. Грѣшно было, по его мнѣнію, молиться за Петра и его преемниковъ. Имъ нельзя покорятъся: это значило бы слушаться «самого Сатаны». Но нельзя покорятъся имъ единственно вслѣдствіе ихъ нечестія, а не по какимъ-нибудь политическимъ побужденіямъ [1]).

Удивительно, какъ Щаповъ, приписывая крайнимъ раскольничьимъ согласіямъ XVII вѣка отрицаніе царя, позабылъ о слѣдующемъ отрывкѣ, имъ же самимъ написанномъ, едва за нѣсколько страницъ до того, въ той же самой работѣ:

«И вотъ какъ легко въ XVII вѣкѣ демократизмъ массы разъигрывался игрой въ самозванцы-цари, такъ точно простой крестьянинъ Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Иванъ Тимоѳеичъ Сусловъ, явился религіознымъ самозванцемъ, антропоморфически назвалъ себя Господомъ-Христомъ. И съ тѣхъ поръ самозванцевъ-Христовъ явилось нѣсколько» [2]).

Самозванцы-цари являлись на Руси не потому, что русскій народъ «отрицалъ» царей, а, напротивъ, потому, что онъ, подобно Дометіану Ѳеофанову, считалъ царскую власть необходимой во всякой землѣ. Въ такомъ взглядѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака демократизма. Совершенно такъ же нѣтъ намека на него и въ фактѣ существованія на Руси самозванныхъ Христовъ. Эти по-

---

[1]) См. выписку изъ посланія Евфимія къ московскимъ старцамъ 1787 г., у Кельсіева, вып. 4-й, стр. 252—256. (Тутъ надо согласиться съ г. П. Смирновымъ, который говоритъ, что отказъ отъ молитвы за царя логически вытекалъ изъ того убѣжденія, что наступило царство антихриста: „Въ самомъ дѣлѣ, возможно молиться за царя невѣрнаго и подобаетъ молиться по апостолу, но невозможно молиться за антихриста или за чрезвычайный сосудъ его, потому что это было бы даже грѣшно“. (Внутренніе вопросы въ расколѣ, стр. 105).

[2]) Соч., т. 1, стр. 464.

слѣдніе представляютъ собою лишь фантастическое дополненіе къ самозваннымъ царямъ. И какъ тѣ, такъ и другіе самой возможностью своего появленія доказываютъ не окончаніе древней Руси, а ея живучесть. Впрочемъ, самозванцы-христы появлялись въ согласіяхъ, уже отличающихся отъ старообрядческихъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

Что старовѣры,—поповцы и безпоповцы,—противились предержащимъ властямъ не только изъ-за буквы, это очевидно, кромѣ всего другого, изъ слѣдующихъ соображеній Евфимія:

«Не явственнѣе-ли таковое Антихриста одержаніе являетъ быти въ 1-ю опись народную, егда 1 императоръ описалъ всѣхъ человѣкъ и раздѣлилъ ихъ на разные чины.... имъ-же размеживъ землю, лѣса и воды, даде я въ наслѣдіе комуждо ихъ, откуду и дань потребовася отъ умершихъ.... и паче посылати въ пустынныя мѣста оныхъ властей своихъ губительныхъ искати безмолвныхъ, работающихъ Господеви, кіихъ прежде благочестивіи царіе почитающе и принося къ нимъ потребная, благословеніе отъ нихъ пріимаху... онъ-же идѣ-же обрѣтая ихъ грабленникъ имъ сотворися... мучаще и смерти предаяше» [1]).

Евфимій былъ недоволенъ не только тѣмъ, что Петръ раздѣлилъ народъ на разные чины. Его возмущало размежеваніе земли, лѣса и воды. Отвергая такое размежеваніе, Евфимій доходилъ даже до коммунистическихъ выводовъ. «Глаголъ: мое отъ дьявола, рече введеся,—писалъ онъ;—вся вамъ общая сотворилъ есть Богъ». Установленіемъ частной собственности («имѣній своихъ») онъ объяснялъ порчу нравственности: «Сего ради оттолѣ начаша бывати обманы, неправыя мѣры, неистовые вѣсы, и во всякую вещь неудобные примѣсы; родишася божбы и клятвы, жаждательства имѣнія, ненависть, зависть, вражда и драки и междоусобныя брани до свирѣпства, обиды до грабительствъ, все сіе онаго ради запрещенія и раздѣленія; кому оный императоръ надѣли много, кому мало, иному же ничего же давъ. токмо едино рукодѣліе имѣти повелѣ» [2]).

Эти выводы и соображенія Евфимія свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ очень богато одаренъ отъ природы [3]). Они свидѣтельствуютъ также о томъ, что великорусское племя по своимъ природнымъ способностямъ нисколько не уступало другимъ и при благопріятныхъ условіяхъ могло бы предаваться такой же смѣлой работѣ мысли, какую мы видимъ на западѣ Европы. Но общественныя условія не оставляли въ Московскомъ государствѣ никакого

---

[1]) „Посланіе къ московскимъ старцамъ“ у Кельсіева, вып. 4, стр. 260—261.
[2]) Посланіе, тамъ же, стр. 262.
[3]) Этотъ бѣглый солдатъ не получилъ никакого образованія.

простора развитію общественнаго сознанія. Поэтому московскіе люди показывали себя крайне безпомощными всякій разъ, когда обстоятельства вызывали ихъ на обсужденіе ими же самими созданнаго соціально-политическаго строя. Гегель говорилъ, характеризуя правовыя и нравственныя понятія Китая, что требованія нравственности представлялись китайцамъ не побужденіями собственной совѣсти, а полученными извнѣ приказаніями. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что личность не могла развиваться при свойственныхъ китайской деспотіи соціально-политическихъ условіяхъ. Но личность совершенно въ такой же мѣрѣ лишена была возможности развиваться въ Московской «вотчинной монархіи», какъ и въ деспотическомъ Китаѣ. Нравственность московскихъ людей изображается иностранными путешественниками,—къ числу которыхъ здѣсь можно отнести и весьма расположеннаго къ русскимъ славянина Крижанича,—въ такомъ же видѣ, въ какомъ Гегель изображалъ, тоже на основаніи отзывовъ иностранныхъ путешественниковъ, китайскую нравственность въ своей философіи исторіи. Извѣстно, что въ теченіе долгихъ періодовъ культурнаго развитія нравственность и даже право получаютъ свое освященіе отъ религіи. Такъ было, конечно, и въ Московскомъ государствѣ. Но если требованія нравственности представлялись московскимъ людямъ не побужденіями ихъ собственной совѣсти, а полученными извнѣ приказаніями, то естественно, что и религія, освящавшая эти требованія, сводилась въ ихъ представленіи къ совокупности мертвыхъ,—т.-е. не одухотворенныхъ работой индивидуальной мысли,—догматовъ и обрядовъ. Вслѣдствіе этого, возставая противъ чего-либо во имя нравственности и религіи, московскіе люди должны были опираться на мертвую догму и въ лучшемъ случаѣ,—т.-е. когда они въ своемъ протестѣ доходили до послѣдней крайности,—«умирать за азъ». Вотъ въ чемъ разгадка того, что двоеперстіе, хожденіе посолонь, сугубая аллилуія и прочіе, старозавѣтные пустяки были въ Московскомъ государствѣ «сообразны времени, мѣсту и духу народа» [1].

Націоналистическая реакція, вызванная поворотомъ Московскаго государства къ Западу, должна была еще болѣе укрѣпить у недовольныхъ этимъ поворотомъ московскихъ людей неосмысленную приверженность къ разной обрядовой ветоши.

Въ продолженіе значительной части «петербургскаго періода» русское трудящееся населеніе оставалось въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ находилось оно до реформы Петра. Разница была лишь въ томъ, что эти условія стали еще гораздо болѣе

---

[1]) См. выше выписку изъ единовѣрческой челобитной.

тяжелыми и еще менѣе благопріятными для развитія личности. Поэтому психологія народной массы оставалась, по своему существу, та же самая. Это обстоятельство и даетъ мнѣ право ссылаться на взгляды старообрядцевъ XVIII и XIX столѣтій, при изученіи психологіи старообрядцевъ XVII вѣка. Оно же позволитъ мнѣ ограничиваться въ дальнѣйшемъ изложеніи лишь бѣглыми указаніями на старообрядство, какъ на одно изъ выраженій народнаго настроенія.

VIII.

Крайніе представители безпоповства тоже находились подъ вліяніемъ націоналистической реакціи. Въ нихъ еще продолжала жить старая Московская Русь. И даже такой, неоспоримо, очень даровитый человѣкъ, какимъ былъ Евфимій, возставая противъ общественнаго неравенства и противъ непосильной тяготы, взваленной Петромъ I на плечи русскаго народа, нагромождалъ на свои правильные и смѣлые выводы массу негоднаго хлама, лишавшаго ихъ практическаго значенія. Петръ I согрѣшилъ, по его мнѣнію, не только тѣмъ, что поставилъ трудящуюся массу въ крайне тяжелое положеніе. Непростительный грѣхъ перваго императора состоитъ также въ томъ, что онъ «умысли Елинскіе и Латинскіе и прочіе языки законы установляти, яко се: брады брити, платіе нѣмецкое носити, власы растити и плѣсти косы, банты привязывати, петли на шеяхъ имѣти, пукли связывати и лаверкъ, (т.-е. косу. *Г. П.*) саломъ намазывати, и мукою главу припутривати, и т а б а к ъ н о с о м ъ п и т и и устами курити, и со псы изъ единыхъ сосудовъ ясти» и т. д. Вслѣдствіе того, что Петръ до конца истребилъ благочестивые обычаи, исполнилось «реченное»: «и г л а д ъ б у д е т ъ в е л и к ъ» [1]). Эти послѣднія слова воочію показываютъ намъ, какимъ образомъ критическая мысль Евфимія, отправляясь отъ реальныхъ фактовъ, немедленно попадала въ безпросвѣтную область націоналистической реакціи. Онъ слышалъ, что при Петрѣ положеніе народа было тяжело: «гладъ былъ великъ». Нужно было найти причину этого явленія. Она тотчасъ и подсказывалась богословскими пріемами мышленія, подкрѣпленными реакціоннымъ націонализмомъ: гладъ былъ великъ оттого, что стали брады брити, платье нѣмецкое носити, табакъ устами курити, носомъ его пити и проч., и проч., и проч. Но, принимая такое объясненіе, Евфимій тѣмъ самымъ лишалъ себя возможности успѣшно бороться съ тѣмъ общественнымъ зломъ, наличность котораго онъ совершенно правильно констатировалъ.

---

[2]) К е л ь с і е в ъ, тамъ же, стр. 265.—Трудно рѣшить, кѣмъ подчеркнуты здѣсь слова: „табакъ носомъ пити“ и „гладъ будетъ великъ“.

Н. И. Костомаровъ опредѣлялъ когда-то расколъ, какъ своеобразный, хотя несовершенный и неправильный, органъ народнаго самообразованія [1]). Это опредѣленіе, пожалуй, можно принять, переставивъ его составныя части. Я сказалъ бы: расколъ явился, хотя и своеобразнымъ, но несовершеннымъ и неправильнымъ органомъ народнаго самообразованія. Правда, такіе термины, какъ «неправильный» и «несовершенный», могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Но здѣсь ясно, въ какомъ смыслѣ надо понимать ихъ.

Общественное сознаніе опредѣляется общественнымъ бытіемъ. Поступательное движеніе общественнаго бытія вызываетъ движеніе впередъ общественнаго сознанія. И не только вызываетъ его, но и само вызывается имъ въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ. Для прогресса общественнаго бытія въ высшей степени важно, чтобы всякій данный «органъ народнаго самообразованія» былъ «совершеннымъ» и «правильнымъ». А всякій такой органъ тѣмъ болѣе правиленъ и совершененъ, чѣмъ болѣе онъ цѣлесообразенъ, т.-е чѣмъ лучше понимаетъ народъ, черезъ его посредство, причинную связь явленій общественнаго бытія. Едва ли нужно пояснять, почему это такъ: для борьбы съ общественнымъ зломъ необходимо правильное пониманіе его причины. Но мы сейчасъ видѣли, что старообрядческая идеологія не только не облегчала, а прямо затрудняла народу пониманіе истинныхъ причинъ его тяжелаго положенія. Поэтому, если расколъ и былъ органомъ народнаго самообразованія, то неправильность и несовершенство этого органа достигали такой степени, что онъ являлся въ то же время органомъ народнаго застоя, а вовсе не прогресса, какимъ его считалъ Костомаровъ.

Костомаровъ писалъ также:

«Мы не согласимся съ мнѣніемъ, распространеннымъ у насъ издавна и сдѣлавшимся, такъ сказать, ходячимъ: будто расколъ есть старая Русь. Нѣтъ; расколъ — явленіе новое, чуждое старой Руси».

Эту мысль онъ пояснялъ тѣмъ соображеніемъ, что въ расколѣ народная масса впервые проявила своеобразную дѣятельность. Однако, старообрядческимъ сектамъ предшествовали на Руси секты стригольниковъ и жидовствующихъ. Секты эти были гораздо болѣе правильными и совершенными органами народнаго умственнаго прогресса, нежели расколъ старообрядства. Правда, онѣ возникли хотя и въ русской землѣ, но за предѣлами Московскаго государства. Есть также основаніе думать, что онѣ были плодомъ

---

[1]) Исторія раскола у раскольниковъ. „Вѣстникъ Европы", апрѣль 1871 г., стр. 500.

мысли, главнымъ образомъ, высшихъ классовъ сѣверо-западныхъ русскихъ республикъ. Но и въ самой Москвѣ ересь Ѳеодосія Косого была по своему умственному содержанію несравненно цѣннѣе даже безпоповскаго старообрядства. Бѣглому солдату XVIII вѣка, Евфимію, далеко до бѣглаго холопа XVI столѣтія, Ѳеодосія Косого. Чѣмъ болѣе расширялись и упрочивались основы московской «вотчинной монархіи», тѣмъ менѣе благопріятными становились общественныя условія для умственной дѣятельности народной массы. И когда значительная часть этой массы приняла довольно широкое и очень энергичное участіе въ борьбѣ за старую вѣру, она тотчасъ обнаружила всю ту поразительную слабость общественнаго самосознанія, которая обусловливалась соціально-политическими отношеніями Московскаго государства. Поэтому невозможно считать расколъ, какъ это дѣлаетъ Костомаровъ, явленіемъ, чуждымъ старой Руси; въ немъ лучше, выпуклѣе, ярче, нежели въ чемъ-либо другомъ, выразила свою духовную природу именно старая Московская Русь.

IX.

Щаповъ говорилъ чистую правду, когда утверждалъ, что давимые государствомъ крестьяне и посадскіе люди всѣми силами старались «избывать отъ тягла» и «жить на волѣ». Ни мало не грѣшилъ онъ противъ исторической истины и тогда, когда писалъ, что это стремленіе крестьянъ и посадскихъ людей нерѣдко побуждало ихъ «чиниться государеву указу непослушными». Но гдѣ же могло быть осуществлено стремленіе къ волѣ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ самъ Щаповъ.

Мы встрѣчаемъ у него указаніе на тотъ курьезный фактъ, что въ учительскихъ «каталогахъ» первой половины XVIII вѣка противъ именъ бурсаковъ часто стояли слова: semper fugitiosus. Этими двумя словами можно превосходно характеризовать всѣ протестующіе элементы, выходившіе изъ среды русскаго народа. Каждый изъ нихъ былъ на свой ладъ semper fugitiosus. «Бѣжали и бѣгали по бѣлу свѣту всякихъ чиновъ люди, но всѣхъ болѣ податные крѣпостные и служилые,—продолжаетъ нашъ авторъ.—И собирались эти бѣглые въ разныя компаніи, согласія, скопища» [1]). Въ высшей степени замѣчательно, что крайняя старообрядческая секта получила уже знакомое намъ названіе странниковъ или бѣгуновъ.

---

[1]) Сочин., т. I, стр. 532.

Пренія о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ (1682 г.).

Я сокроюсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрями,
Тамъ я стану жить:
Тамъ пріятный воздухъ чистъ,
И услышу птичій свистъ.
Нѣжны вѣтры тамо дышутъ
И токи водъ журчатъ [1]).

Такъ воспѣвали темные лѣса тѣ энергичные представители русской трудящейся массы, которые не могли ужиться въ неволѣ. Они же сочиняли чувствительныя обращенія къ «прекрасной пустынѣ».

Съ горя, со кручины,
Я пойду же разгуляюсь,
Во прекрасной во пустынѣ
Моя матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Пріими меня пустыня
Со премногими грѣхами,
Со горючими слезами... [1]).

Въ «пустынѣ» бѣглецъ могъ себя чувствовать очень хорошо въ виду отсутствія бояръ, податей, повинностей, приказныхъ, московскихъ батоговъ и петербургскихъ шпицрутеновъ. Правда, его ожидало тамъ много матеріальныхъ лишеній. Сама матушка пустыня предупреждала бѣглеца:

У меня же во пустынѣ
Нѣту сладкіе-то пищи.
У меня же во пустынѣ
Нѣту питія медвяна, и т. д

Но это было съ полгоря, тѣмъ болѣе, что прекрасная пустыня изобиловала разными естественными угодьями. Горе заключалось въ томъ, что, какъ замѣчала та же матушка:

У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить.

Говоря это, «пустыня» имѣла, собственно, въ виду, что пришедшему въ нее «молодому юношѣ» будетъ «не съ кѣмъ разгуляться». Но, съ исторической точки зрѣнія, дѣло представляется гораздо болѣе серьезнымъ. Въ «пустынѣ» не съ кѣмъ было не только разгуляться, но и обмѣняться мыслями, а это останавливало умственное развитіе бѣглецовъ. Великія соціально-политическія идеи зарождались и развивались не въ пустынѣ, а въ большихъ культурныхъ центрахъ. Возникавшія тамъ общественныя

---

[1]) Щаповъ, тамъ же, стр. 550—551.

противорѣчія служили самыми энергичными двигателями умственнаго прогресса.

Юзовъ писалъ: «Наши старовѣры ополчились на защиту старины не ради того, что она—старина, а потому, что она казалась имъ болѣе соотвѣтствующей потребностямъ народа, нежели вновь вводимые порядки» [1]. Это, конечно, такъ. Но и кто же ополчается на защиту стараго (или новаго) единственно ради того, что оно старо (или ново)? Всегда и вездѣ старое (или новое) дорого людямъ только потому, что они признаютъ его болѣе соотвѣтствующимъ ихъ нуждамъ, нежели новое (или старое). Такъ было и въ Московскомъ государствѣ. Какъ выяснено въ главѣ, посвященной націоналистической реакціи, значительная часть населенія этого государства еще до появленія раскола возставала противъ новыхъ условій, вызванныхъ поворотомъ къ Западу. Мы знаемъ также, что самъ расколъ явился однимъ изъ выраженій націоналистической реакціи. Мы знаемъ, наконецъ, что реакція эта явилась не безъ причины. Она вызвана была тѣмъ, что новыя условія жизни, создаваемыя поворотомъ къ Западу, такъ или иначе нарушали болѣе или менѣе существенные интересы разныхъ классовъ народа. Но бѣда была въ томъ, что интересы эти заставляли оппозиціонную мысль Московскаго государства смотрѣть н е в п е р е д ъ, а н а з а д ъ.

Она смотрѣла назадъ въ лицѣ бояръ, недовольныхъ безграничнымъ ростомъ власти московскихъ государей и появленіемъ на Руси служилыхъ иноземцевъ; она смотрѣла назадъ въ лицѣ низшаго духовенства, возмущавшагося деспотизмомъ Никона; она смотрѣла назадъ въ лицѣ торговыхъ людей, тѣснимыхъ конкуренціей иностранныхъ купцовъ; наконецъ, она стала смотрѣть назадъ въ лицѣ трудящейся массы въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ [2]. Постоянное обращеніе оппозиціонной мысли назадъ, а не впередъ, обусловливалось неразвитостью общественныхъ отношеній, отнимавшей у представителей оппозиціи всякую возможность намѣтить для своей страны путь п о с т у п а т е л ь н а г о,—а н е п о п я т н а г о,—движенія.

X.

Но неразвитость общественныхъ отношеній имѣла еще то слѣдствіе, что оппозиціонныя направленія въ общественной мысли Московскаго государства оставались безплодными для дальнѣй-

[1]) Русскіе диссиденты, стр. 50. Ср. также стр. 22.

[2]) Это признаетъ даже Щаповъ, такъ сильно склонный къ идеализаціи раскола. „Національное сознаніе массы народа,—говоритъ онъ,—почти всецѣло проникнуто было духомъ старины и устремлено было не впередъ, а назадъ, къ преданіямъ XVI и XVII вв.“ (Соч., т. I, стр. 221).

шаго идейнаго развитія страны. «Идеализаторы раскола» разсуждали такъ: «старовѣры, критически относясь къ новому, не могли не прилагать того же критическаго метода и къ своимъ старымъ воззрѣніямъ—отсюда возможность дальнѣйшаго развитія» [1]. Такое разсужденіе могло казаться убѣдительнымъ лишь для тѣхъ изслѣдователей, которые придерживались идеалистическаго взгляда на исторію. Если люди никогда не защищаютъ стараго (или новаго) только потому, что оно старо (или ново), то они точно такъ же никогда не берутся за критику,—стараго или новаго, это въ данномъ случаѣ все равно,—только потому, что она критика. И если трудящееся населеніе Московскаго государства критически относилось къ новому, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что оно должно было, войдя во вкусъ, критически отнестись и къ старому. «Возможность дальнѣйшаго развитія» въ умственной области всегда есть у людей. Однако она переходитъ въ дѣйствительность только тогда, когда являются необходимыя для этого общественныя условія. А этихъ условій было все меньше по мѣрѣ того, какъ складывался свойственный Московскому государству соціально-политическій порядокъ. Поэтому религіозная оппозиція, еще въ XVI столѣтіи выдвинувшая Ѳеодосія Косого, могла въ слѣдующемъ вѣкѣ выдвинуть только протопопа Аввакума и другихъ ему подобныхъ ревнителей «древняго благочестія».

Въ передовыхъ государствахъ Запада недовольные элементы сосредоточивались въ городахъ; въ Московскомъ государствѣ они спасались въ прекрасную пустыню. Тутъ передъ нами секретъ того, что въ Московскомъ государствѣ старое оказалось какъ въ области общественныхъ отношеній, такъ и въ области идей несравненно болѣе живучимъ, нежели въ передовыхъ государствахъ Запада [2].

Сосредоточиваясь въ культурныхъ центрахъ, недовольные элементы населенія передовыхъ государствъ Запада не имѣли другого средства улучшить свою судьбу, кромѣ болѣе или менѣе полной передѣлки даннаго политическаго строя. Толкая ихъ на борьбу съ нимъ, объективная сила общественнаго развитія тѣмъ самымъ заставляла ихъ мысль критиковать этотъ строй. И чѣмъ болѣе обострялась общественная борьба, тѣмъ глубже проникала

---

[1]) Юзовъ, тамъ же, та же стр.

[2]) Старообрядческіе проповѣдники провозглашали: „Нѣсть въ градѣхъ живущимъ спасенія“ (П. С. Смирновъ, назв. соч., стр. 101). То же твердили на свой ладъ (въ девятнадцатомъ вѣкѣ!) славянофилы,—напримѣръ, И. С. Аксаковъ, охотно противопоставлявшій „село“ городу,—и народники, видѣвшіе въ городскомъ рабочемъ населеніи гораздо болѣе вредный, нежели полезный, въ культурномъ смыслѣ, продуктъ „неправильнаго“ экономическаго развитія Россіи.

въ основу стараго порядка критическая мысль недовольныхъ элементовъ. Въ Московскомъ государствѣ было не такъ. Чѣмъ невыносимѣе становилось положеніе тяглой массы, тѣмъ сильнѣе подвергались наиболѣе энергичные элементы ея искушенію бѣжать въ «прекрасную пустыню». Собирались они тамъ въ казацкіе круги или заводили раскольничьи скиты — это зависѣло отъ обстоятельствъ. Но, во всякомъ случаѣ, устремляясь на окраины, они не имѣли повода задумываться о средствахъ улучшенія давившаго ихъ общественнаго порядка. Имъ достаточно было убѣдиться въ томъ, что онъ ихъ давитъ. Если давитъ, то надо «разбредаться розно»—вотъ крайній выводъ, къ которому приходила народная мысль при данныхъ историческихъ и географическихъ условіяхъ. Онъ не заключалъ въ себѣ ровно ничего прогрессивнаго.

Разъ являлось у тяглыхъ людей желаніе «разбрестись розно», они, разумѣется, весьма охотно слушали тѣхъ, которые доказывали имъ, что на старомъ мѣстѣ ничего хорошаго ждать нельзя. Временами это доказывали удалые добрые молодцы, приглашавшіе измученныхъ тягломъ государевыхъ сиротъ погулять по широкому степному или рѣчному раздолью въ шайкахъ голутвенныхъ казаковъ. А иногда покидать насиженныя мѣста настоятельно совѣтовали «старцы», звавшіе православныхъ на борьбу за «древлее благочестіе». У «старцевъ» не могло быть въ запасѣ довода, болѣе убѣдительнаго, чѣмъ тотъ, что Антихристъ уже воцарился и ловитъ въ свои сѣти православныхъ христіанъ. Если онъ воцарился, то «разбрестись розно» не только нужно ради своихъ матеріальныхъ интересовъ, но необходимо для спасенія души.

Таковы были, кромѣ всѣхъ указанныхъ выше, тѣ условія общественнаго бытія, которыя сдѣлали народное сознаніе воспріимчивымъ къ проповѣди расколоучителей, впервые вышедшихъ изъ среды низшаго духовенства.

И. Н. Харламовъ писалъ еще въ 80-хъ годахъ: «Странникъ поражается образомъ антихриста и поражаетъ имъ массу. Указывая на спеціальное зло и объясняя его какъ дѣло сатаны-антихриста, онъ путаетъ массовую мысль, изъ реальной сферы выталкиваетъ ее въ сферу фантазіи, отъ попытокъ массы «скопомъ» отбыть отъ житейской тяги онъ уводитъ народную мысль въ другую область—личной нравственности, затѣняетъ общество, мысль объ обществѣ, выпирая на первый планъ личность» [1]).

Mutatis mutandis,— это можно сказать, за немногими исключеніями, о всѣхъ христіанскихъ сектахъ: чаще всего ихъ пропа-

[1]) Странники. Очеркъ изъ исторіи раскола. „Русская Мысль". 1884 г., № 5, стр. 127.

ганда выталкиваетъ человѣческую мысль изъ реальной сферы въ фантастическую и тѣмъ самымъ замедляетъ ея развитіе. Но больше другихъ должна замедлять это развитіе пропаганда того ученія, которое рекомендуетъ своимъ послѣдователямъ «умирать за азъ» и удаляться въ «пустыню». Чѣмъ больше успѣха имѣетъ такая пропаганда, тѣмъ больше служитъ она сохраненію стараго порядка на старомъ мѣстѣ [1]).

Поселившись въ «пустынѣ», невозможно было довольствоваться пріятнымъ чистымъ воздухомъ и птичьимъ свистомъ. Нужно было жить. Въ интересахъ борьбы за существованіе бѣглецы соединялись вмѣстѣ, постепенно образуя довольно большіе поселки. На эти поселки государство въ теченіе нѣкотораго времени не было въ состояніи наложить свою тяжелую руку. Но взаимныя отношенія ихъ жителей складывались, въ концѣ концовъ, по тому же типу, который выработался благодаря господствовавшему на старыхъ мѣстахъ способу производства. Разница заключалась лишь въ томъ, что естественныя богатства «пустыни» и отсутствіе государственнаго гнета помогали переселенцамъ достигать «на новыхъ мѣстахъ» гораздо болѣе высокой степени благосостоянія. Это, разумѣется, было очень хорошо. Но при тѣхъ условіяхъ, которыя существовали въ западныхъ странахъ,—включая сюда и западную Русь,—болѣе высокая степень благосостоянія влекла за собою болѣе быстрое развитіе соотвѣтствующихъ данному способу производства общественныхъ противорѣчій, въ свою очередь ускорявшихъ движеніе общественной мысли. А въ прекрасной матушкѣ-пустынѣ и это было не такъ. Правда, между поселенцами возникало неравенство имуществъ, появлялись бѣд-

---

[1]) Покойный И. Харламовъ съ замѣчательной для своего времени ясностью подмѣтилъ отрицательное вліяніе географическихъ условій на ходъ умственнаго развитія нашего народа. „Когда, какъ у насъ, равнина обширна до отчаянія, — писалъ онъ, — когда для исхода накопившагося недовольства постоянно въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ открытъ клапанъ заимки пустопорожнихъ мѣстъ, тогда понятно, что процессъ нарастанія, скученія населенія происходитъ чрезвычайно медленно, незамѣтно. Не возникаетъ въ сознаніи и мысли о возможности какой-нибудь другой борьбы съ соціальнымъ зломъ, кромѣ колонизаціоннаго ухода. Да и самое зло, отъ котораго уходитъ человѣкъ, только чувствуется. Отъ тяготы человѣкъ уходитъ, знаетъ, что тамъ тяжело, а почему именно, отчего, главнымъ образомъ, происходятъ тягости и неудобства,—о томъ почти нѣтъ и мысли“. (Назв. статья, „Р. М.“, 1884, кн. II, стр. 197.) Къ сожалѣнію, И. Харламовъ не былъ знакомъ съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи, и потому высказанная имъ глубоко вѣрная мысль не получила у него надлежащаго развитія; а въ своей полемикѣ съ „идеализаторами раскола“ онъ самъ склонялся въ послѣднемъ счетѣ къ идеалистической точкѣ зрѣнія. Съ его соображеніями о значеніи географическихъ условій въ ходѣ развитія русской общественной мысли интересно сопоставить жалобы Г. И. Успенскаго на „сплошной бытъ“ русскаго народа

няки и богачи. Предприниматели-старовѣры наживали свои, порой очень большіе, капиталы едва ли не столько же путемъ эксплуатаціи своихъ бѣдныхъ единомышленниковъ, сколько посредствомъ торговыхъ и промышленныхъ сношеній съ «внѣшними» (иначе: никоніанцами) [1]). Однако бѣдняки охотно шли за ними, видя въ нихъ благочестивыхъ «христолюбцевъ». Такимъ образомъ, и съ этой стороны расколъ былъ до послѣдней степени «несовершеннымъ» органомъ умственнаго прогресса: онъ задерживалъ его вмѣсто того, чтобы способствовать ему.

Общественное бытіе не оставляло никакой возможности для плодотворнаго развитія тѣхъ элементовъ прогрессивнаго мышленія, которые возникали иногда,—хотя и весьма рѣдко,—въ крайнихъ сектахъ безпоповщины. Коммунистическіе взгляды основателя секты странниковъ остались въ состояніи зародыша. Въ сущности, они такъ неопредѣленны, что даже самые усердные «идеализаторы раскола» не рѣшались признать ихъ коммунистическими въ полномъ смыслѣ слова. Юзовъ полагалъ, что въ ученіи Евфимія коммунизмъ распространялся только на недвижимую собственность [2]). Если это, въ самомъ дѣлѣ, такъ,—что весьма вѣроятно,—то Евфимій лишь давалъ религіозную санкцію тому, что фактически существовало въ «пустынѣ», гдѣ земля, лѣсъ и прочія угодья не составляли ничьей собственности.

Но какъ бы тамъ ни было, а странники вынуждены были считаться съ дѣйствительными экономическими отношеніями. Между ними тоже было много торговцевъ и промышленниковъ, уже

---

[1]) „Богачи-раскольники, захватившіе въ свои руки, особенно со второй половины XVIII столѣтія, многія отрасли торговли и промышленности и завладѣвшіе торговлею предметами мѣстной промышленной производительности, чрезъ то держали въ своихъ рукахъ значительную часть мѣстнаго народонаселенія. Бѣдные крестьяне, поставленные въ такую неизбѣжную зависимость отъ торговыхъ раскольниковъ, иногда поневолѣ принимали расколъ, чтобы не лишиться средствъ безбѣднаго существованія; они или нанимались къ богатымъ раскольникамъ въ работники или продавали имъ свои произведенія и, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ пользоваться выгодами, одинаковыми съ раскольниками, соглашались на расколъ" (Щаповъ, I, 319).— „Какъ только скопецъ станетъ на ноги (не говоря уже о богачахъ), онъ уже обращается къ наемному труду" (Олекминскіе скопцы.—Историко-бытовой очеркъ I—на. СПБ. 1895, стр. 28). „Наемнымъ рабочимъ скопцы, правда, даютъ болѣе высокую, чѣмъ горожане или крестьяне, плату и лучшую пищу, но зато выжимаютъ изъ нихъ всѣ соки". (Тамъ же, стр. 21).

[2]) „Г. Розовъ говоритъ, что въ числѣ основныхъ идей основателя страннического согласія, Евфимія, находится и идея коммунизма; но врядъ ли съ этимъ можно согласиться. Сами бѣгуны не такъ толкуютъ слова своего учителя, относящіяся къ этому предмету; по мнѣнію большинства странниковъ, эти слова относятся только къ поземельной собственности, рыбнымъ ловлямъ, солянымъ сферамъ и т. п. предметамъ". (Русскіе диссиденты, стр. 116.)

совсѣмъ несклонныхъ проклинать глаголъ: «мое, твое». Эти торговцы и промышленники образовали въ сектѣ особый слой «мірскихъ», или «жилыхъ», бѣгуновъ. Для нихъ уходъ въ пустыню былъ, по выраженію Щапова, одною только формальностью. Ихъ истинная обязанность заключалась въ пристанодержательствѣ, т.-е. въ устройствѣ тайныхъ пріютовъ для настоящихъ бѣгуновъ. Этимъ послѣднимъ невозможно было обойтись безъ такихъ тайныхъ пріютовъ, и они вынуждены были пойти на сдѣлку со своими богатыми единомышленниками. Но эта неизбѣжная сдѣлка была весьма существенной уступкой духу «Антихриста». Необходимо замѣтить, кромѣ того, что, по крайней мѣрѣ въ XIX в., секта странниковъ сильно распространилась въ промышленныхъ великорусскихъ губерніяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстностяхъ русской земли, сказывалась сила капитала, и гдѣ, несмотря на обиліе лѣсовъ, «прекрасная пустыня» быстро утрачивала свою старую природу.

XI.

Однако перестанемъ заходить впередъ. Обратимся снова къ Московской Руси.

Щаповъ утверждалъ, что въ расколѣ воплотился духъ Степана Разина [1]). Но это не точно. Степанъ Разинъ, насколько можно говорить объ его образѣ мыслей, вовсе не придавалъ значенія вопросамъ обрядности, такъ страстно волновавшимъ Аввакума, Ивана Неронова, Никиту Пустосвята и другихъ ревнителей старой вѣры. Когда онъ овладѣлъ Астраханью, ея жители, слѣдуя его примѣру, стали ѣсть въ постные дни молоко и мясо и били тѣхъ, которые возмущались этимъ [2]). Когда въ Черкасскѣ сгорѣли церкви, Разинъ отказался пожертвовать что-нибудь на ихъ возобновленіе. «На что церкви? Къ чему попы?—спрашивалъ онъ.—Вѣнчать, что ли? Да не все ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да пропляшите вокругъ него—вотъ и повѣнчались!» Костомаровъ говоритъ по этому поводу, что Разинъ сдѣлался «врагомъ и самой вѣры, ибо вѣра не покровительствуетъ мятежамъ и убійствамъ» [3]). Очень сомнительно, чтобы знаменитый вождь «голутвенныхъ» казаковъ былъ когда-нибудь, по тѣмъ и по другимъ побужденіямъ, сознательнымъ врагомъ религіи. Если онъ въ самомъ дѣлѣ отрицалъ надобность въ попахъ и церквахъ,

---

[1]) Соч., I, стр. 170.

[2]) Историч. монографіи Н. Костомарова, т. II, стр. 308.

[3]) Тамъ же, стр. 284

совѣтуя ограничиваться, при заключеніи браковъ, пляской вокругъ «ракитова куста», то въ этомъ слѣдуетъ видѣть не столько «вражду къ вѣрѣ», сколько проявленіе той «озорной» удали, которая не останавливается даже передъ тѣмъ, что самъ удалецъ продолжаетъ чтить въ глубинѣ своей души. Но при всемъ томъ совершенно неоспоримо, что добрый молодецъ, способный на подобное удальство, не могъ увлечься расколомъ. Какъ мало интересовались Разинъ и его ближайшіе сторонники вопросами, страстно волновавшими тогда московскихъ начетчиковъ, видно изъ важной тактической ошибки, которой они, конечно, не сдѣлали бы, если бы были лучше освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ Московскомъ государствѣ: они пытались привлечь на свою сторону патріарха Никона. Хотя онъ, какъ и надо было ожидать, «на ту воровскую прелесть не подался», однако они все-таки распустили слухъ, что онъ плыветъ съ ними на одномъ изъ струговъ. Никонъ незадолго до того потерпѣлъ жестокое пораженіе въ борьбѣ со свѣтской властью и, сдѣлавшись жертвой этой послѣдней, показался «воровскимъ» казакамъ подходящимъ орудіемъ агитаціи въ народѣ. Но они упустили изъ виду, что оппозиціонные элементы трудящейся массы гораздо болѣе склонны были идти противъ Никона, нежели за него. Проф. Н. Н. Ѳирсовъ давно уже указалъ на религіозный индифферентизмъ Разина, какъ на источникъ этой крупной ошибки [1]). Беззаботность «воровскихъ» казаковъ насчетъ спорныхъ вопросовъ богослужебнаго обряда, можетъ быть, еще лучше доказывается тѣмъ, что, выдавая себя на Волгѣ за сторонниковъ Никона, они обѣщали соловецкимъ старцамъ свою поддержку въ борьбѣ противъ никоновскихъ новшествъ. Они говорили имъ: «Постойте, братіе, за истинную вѣру, не креститесь тремя перстами, это антихристова печать!» Уже современники понимали, что въ такихъ рѣчахъ «работничковъ Стеньки Разина» не было искренности. И въ самомъ дѣлѣ, будучи съ участіемъ приняты въ Соловецкомъ монастырѣ, работнички «отстранили иноковъ и бѣглецовъ отъ дѣлъ, избрали начальниками свою братію, Ѳаддейку Кожевника да Ивашку Сарафанова, и не только учили не повиноваться церкви, но и не считать царя государемъ [2]). Сто лѣтъ спустя, Пугачевъ и пугачевцы обнаружили въ своей агитаціонной дѣятельности несравненно большее умѣнье считаться съ расколомъ, какъ съ однимъ изъ видовъ выраженія народнаго недовольства.

---

[1]) Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Изданіе М. О. Вольфа, стр. 41—42.

[2]) Костомаровъ, назв. соч., стр. 337.

Трудящаяся масса шла за «помощничками» Ст. Разина, повинуясь «бунташному» настроенію. Въ Московскомъ государствѣ сельское населеніе было,—какъ оно бываетъ вездѣ и всегда,—болѣе пассивно, нежели городское. Поэтому въ городахъ «бунташное» настроеніе проявило себя уже въ 1648—1650 и 1662 гг., а въ деревняхъ только въ 1670—1671 гг. [1]). Въ деревняхъ оно было еще болѣе безнадежно, нежели и въ городахъ. Тогда не было налицо такихъ условій, которыми создавалась бы объективная возможность водворенія новаго общественнаго порядка, и тѣмъ самымъ обезпечивалась бы побѣда народнаго движенія, направлявшагося противъ старыхъ соціально-политическихъ отношеній. Выше я уже отмѣтилъ, что «воровскому» казачеству приходилось считаться съ монархическими убѣжденіями шедшей за ними тяглой массы. Къ приведеннымъ тамъ примѣрамъ прибавлю, что тотъ самый Разинъ, который не боялся насмѣхаться надъ духовенствомъ и надъ церковными таинствами, нашелъ нужнымъ, въ бытность свою въ Астрахани, сдѣлалъ митрополиту визитъ въ день именинъ царевича Ѳеодора. Народная масса, видѣвшая въ Разинѣ смирителя всѣхъ ея лиходѣевъ и на всемъ пространствѣ Московскаго государства готовая встрѣчать своего «батюшку» съ хлѣбомъ и солью, надѣялась на него много больше, нежели на самое себя. Вотъ почему она поднималась тамъ, гдѣ появлялись казаки, и покорно подставляла шею подъ старое ярмо тамъ, гдѣ казаки вынуждены были предоставить ее собственнымъ ея силамъ [2]). Да и само казачество, ставшее во главѣ недовольнаго народа, было противодѣйствіемъ стараго новому, а не новаго старому. Сообразно съ этимъ, царское войско, въ которомъ уже были тогда полки, обученные по-европейски, показало себя болѣе искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ, чѣмъ казаки, посвящавшіе, однако, тому же дѣлу всю свою жизнь. Но, несмотря на все это, бунтъ Разина представляетъ собою общественное явленіе, несравненно болѣе богатое жизненной энергіей, чѣмъ расколъ старообрядства. Участники этого бунта отстаивали земной,—хотя, конечно, отжившій,—идеалъ, тогда какъ расколъ стремился къ «Іерусалиму небесному». Психологія русскихъ народныхъ движеній еще недостаточно изучена. Но едва ли мы ошибемся, предположивъ, что склонность народной массы къ расколу была обратно пропорціональна ея вѣрѣ въ возможность собственными

[1]) Вся половина XVII в.,—говоритъ Костомаровъ,—была приготовленіемъ эпохи Стеньки Разина". (Наз. соч., стр. 212.)

[2]) Этимъ и объясняется возникновеніе долго жившей въ народѣ легенды, согласно которой Стенька Разинъ не былъ казненъ, а только скрылся и „придетъ, непремѣнно придетъ" (ср. Костомарова, наз. соч., стр. 380).

силами побѣдить царящее зло, и что, такимъ образомъ, расколъ съ особеннымъ успѣхомъ распространялся послѣ выпадавшихъ на долю народа крупныхъ пораженій. По всей вѣроятности, тутъ совершался тотъ же соціально-психологическій процессъ, который мы до сихъ поръ можемъ наблюдать въ нашей интеллигенціи, съ наибольшимъ усердіемъ предающейся «религіознымъ исканіямъ» именно въ мрачныя эпохи торжества реакціи и упадка общественной энергіи.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ РОССІИ.

Часть III.

ДВИЖЕНІЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПОСЛѢ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.

Глава I.

Непосредственное вліяніе реформы на ходъ развитія русской общественной мысли.

Реформа Петра сильно участила сношенія московскихъ людей съ жителями Западной Европы.

Это обстоятельство непремѣнно должно было внести новые элементы въ образъ мыслей, по крайней мѣрѣ, тѣхъ россіянъ, которымъ волей или неволей пришлось принять участіе въ дѣлѣ преобразованія.

Внесеніе новыхъ элементовъ въ образъ мыслей нашихъ предковъ я и называю непосредственнымъ вліяніемъ реформы на ходъ развитія русской общественной мысли.

Разумѣется, такимъ вліяніемъ не ограничился процессъ европеизаціи Россіи.

Участившіяся сношенія съ Западомъ мало-по-малу вызвали рядъ болѣе или менѣе глубокихъ измѣненій въ общественномъ строѣ Россіи, что, въ свою очередь, причинило извѣстныя перемѣны въ области общественнаго сознанія. Эти перемѣны въ области сознанія, вызванныя предварительными измѣненіями въ области бытія, разсматриваются мною какъ плодъ посредственнаго вліянія той же реформы.

Мы увидимъ, что ея посредственное вліяніе сказалось довольно скоро. Но вполнѣ понятно, что оно обнаружилось не такъ рано, какъ непосредственное.

Мы убѣдимся также, что непосредственное вліяніе было и могло быть прочнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно подкрѣплялось болѣе позднимъ, но зато несравненно болѣе глубокимъ посредственнымъ вліяніемъ.

I.

Когда въ доброе, старое,—до-петровское,—время московскимъ людямъ случалось попадать въ передовыя страны Запада,

они простодушно удивлялись чудесамъ тамошней, сравнительно очень богатой, культуры. Епископъ Авраамій, ѣздившій съ митрополитомъ Исидоромъ на флорентійскій церковный соборъ, такъ закончилъ свой разсказъ о представленіи мистеріи Благовѣщенія:

«Се же чюдное то видѣше и хитрое дѣлание видѣхомъ во градѣ, зовомомъ Флорензѣ: елико можахомъ своимъ малоуміемъ вмѣстити, написахомъ противу тому видѣнію, якоже видѣхомъ; иного же немощно и списати, зане пречюдно есть и отнюдь несказанно» [1]).

Условія умственнаго развитія въ Московскомъ государствѣ были таковы, что его жителямъ, въ самомъ дѣлѣ, крайне трудно было «вмѣстить» то, что приходилось имъ видѣть во время своихъ рѣдкихъ путешествій на Западъ. Вслѣдствіе своей неподготовленности къ серьезному наблюденію жизни болѣе передовыхъ странъ, эти брадатые и долгополые путешественники останавливали свое вниманіе на ничтожныхъ мелочахъ, равнодушно проходя мимо важныхъ явленій. О нихъ съ полнымъ правомъ можно сказать, что изъ-за деревьевъ они не видѣли лѣса. Такъ было, впрочемъ, не только тогда, когда судьба заносила ихъ на Западъ. Кому «малоуміе» не позволяетъ возвыситься до общаго, тотъ поневолѣ теряется въ частностяхъ. Вотъ, для примѣра, нѣсколько выписокъ изъ «Хожденія странначескаго смиреннаго инока Варсонофія ко святому граду Іерусалиму», относящагося къ 1456 г.

«Святая же церковь велика, Христово Воскресеніе, поставлена. Якоже бысть предъ вроты, предъ дверьми церковными сотворенъ придѣлъ великъ и круголъ, стѣны камены. И на тѣхъ стѣнахъ поставлены брусіе древяное встонь, вверхъ покато и покрыто досками древяными, и поверху тоя кровли побито свинцемъ, и сотворенъ сводъ круглъ, аки корчажное устіе».

Или: «Святое жъ мѣсто Снятіе со креста—10 пядей въ длину и вкругъ 17 пядей, кладено разными мраморы: черлеными, и черными, и бѣлыми».

А вотъ еще: «Идучи ко кресту Господню есть двѣ лѣстницы камены, идѣже обрѣте святая царица Елена 3 кресты: 2 разбойнича креста, единъ же живодавець; а въ первой лѣстницы 30 ступеней, а ширина лѣстницы 3 сажени» [2]).

Инокъ Варсонофій до такой степени обстоятеленъ въ описаніи всякихъ частностей осмотрѣнныхъ имъ зданій, что его путевыя

---

[1]) Цитировано у Н. С. Тихонравова, Сочиненія, т. I, Древняя русская литература, стр. 276.

[2]) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, стр. 284, 285 и 286.

замѣтки получили въ глазахъ нынѣшнихъ археологовъ значенiе довольно цѣннаго источника [1]). Но этотъ обстоятельный человѣкъ, очень точно измѣряющiй длину лѣстницъ и высоту стѣнъ, ничего не говоритъ намъ объ общемъ архитектурномъ характерѣ видѣнныхъ имъ храмовъ. Правда, онъ неравнодушенъ къ ихъ внѣшнему виду. О колокольнѣ церкви Воскресенья въ Iерусалимѣ онъ говоритъ: «Вельми велика и хороша», но это и все. Не распространяясь о стилѣ колокольни, онъ спѣшитъ прибавить указанiя на матерiалъ, изъ котораго она построена, и на ея положенiе: «Каменна, отполуденныя страны» [2]).

Запасъ общихъ понятiй, сопровождавшiй инока Варсонофiя въ его путешествiи къ святымъ мѣстамъ, былъ крайне скуденъ. Такъ же скуденъ былъ и тотъ умственный багажъ, съ которымъ московскiе служилые люди отправились по приказу Петра за границу учиться (навигацкой) и другимъ наукамъ. Было бы ошибочно думать, что рѣшительно никто изъ нихъ не поднимался выше умственнаго уровня инока Варсонофiя. Исключенiя были. Въ теченiе XVII вѣка западно-европейскiя понятiя стали проникать въ головы нѣкоторыхъ московскихъ людей. Мы видѣли это выше. Но отдѣльныя исключенiя не опровергаютъ общаго правила. А общимъ правиломъ была полная неподготовленность служилыхъ людей Петра I къ серьезному сужденiю о развертывавшейся передъ ними картинѣ западно-европейской общественной и духовной жизни. П. Пекарскiй говоритъ объ дневникѣ П. А. Толстого:

«Въ дневникѣ его, какъ и во всѣхъ замѣткахъ русскихъ того времени о Европѣ, первое мѣсто отведено то подробнымъ, то краткимъ описанiямъ внѣшности встрѣчавшихся на пути городовъ, селенiй, монастырей, церквей, различныхъ построекъ, украшенiй и т. д. Тотчасъ можно замѣтить, что путешественника занимали всего болѣе предметы, относящiеся до разныхъ церковныхъ обрядовъ, чудесъ, одеждъ и проч.: онъ описывалъ охотно и съ большими подробностями все видѣнное въ костелахъ, даже какъ были одѣты церковнослужители, изъ какой матерiи сшито было ихъ платье, цвѣтъ ея. Сколько разъ стрѣляли изъ пушекъ на Пасху, количество чтецовъ евангелiя за обѣдней, мѣщанъ, участвовавшихъ въ процессiи, наконецъ, свѣчъ, горѣвшихъ передъ иконами».

По словамъ П. Пекарскаго, Толстой и на памятники, встрѣчавшiеся ему на пути, смотрѣлъ съ особой точки зрѣнiя: «Его

---

[1]) См. объ этомъ у **Тихонравова**, указ. томъ соч., стр. 283, 284.
[2]) **Тихонравовъ**, тамъ же, стр. 289.

болѣе интересовала внѣшность памятника, но не событіе, которое подало поводъ къ его сооруженію» [1]).

Все это очень похоже на инока Варсонофія. А между тѣмъ Толстой, отправляясь за границу, уже не чуждъ былъ кой-какихъ знаній и обладалъ болѣе широкимъ кругозоромъ, нежели большинство его служилыхъ современниковъ.

Другой московскій путешественникъ того времени, неизвѣстный авторъ «Журнала, како шествіе было его величества, Государя Петра Великаго», далеко уступаетъ Толстому. Онъ буквально не идетъ дальше внѣшности описываемыхъ имъ явленій. Удивляться этому, разумѣется, невозможно. Чтобы получить способность проникать своею мыслію дальше внѣшности вещей и событій, московскіе люди должны были предварительно пойти черезъ ту школу, которой именно недоставало имъ на ихъ родинѣ. Пріѣхавъ въ Роттердамъ, авторъ только что названнаго «Журнала» отмѣтилъ, что видѣлъ «славнаго человѣка ученнаго, персону, изъ мѣди вылита; подобно человѣку и книга, мѣдная въ рукахъ, а какъ двѣнадцать ударитъ, то перекинетъ листъ; а имя ему—Эразмусъ» [2]).

Какъ вы думаете, что зналъ этотъ московскій служилый человѣкъ объ авторѣ «Похвалы глупости»? До пріѣзда въ Роттердамъ, навѣрное, ровно ничего. А пріѣхавъ туда и увидавъ его памятникъ, онъ услыхалъ только то, что Эразмусъ былъ славенъ своей ученостью. Это очень немного! Вполнѣ естественно, поэтому, что, говоря объ «Эразмусѣ», онъ ограничился описаніемъ «внѣшности его памятника». И точно такъ же неудивительно, что, побывавши въ Кельнѣ, онъ написалъ такія строки: «Въ Куленѣ на ярмаркѣ видѣлъ младенца о двухъ головахъ; въ Куленѣ жъ видѣлъ въ аптекѣ крокодила двухъ сажень. Изъ Кулена поѣхали водою вверхъ лошадьми» [3]) и т. п. Это менѣе благочестиво, нежели замѣтки инока Варсонофія, но такъ же мелочно и такъ же чуждо какихъ-нибудь общихъ соображеній.

Неповоротливое московское мышленіе всегда очень неохотно пускалось въ такія соображенія, къ этому надо прибавить, что въ эпоху реформы Петра Московской Руси нужны были не общія идеи,—въ которыхъ ощущала такую настоятельную нужду, напримѣръ, Франція XVIII вѣка,—а техническія знанія. Этого рода знанія и должны были пріобрѣтать русскіе люди, въ

---

[1]) П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Томъ I, стр. 146.

[2]) Ibidem.

[3]) „Отечественныя Записки", 1846 г., кн. 8, отдѣлъ: „Наука и Художество". Стр. 136—137.

силу исторической необходимости и по царскому приказу ѣхавшіе за границу. Вотъ чего требуетъ наказъ, данный, въ началѣ 1697 г., стольникамъ, ѣхавшимъ въ чужія страны.

«1) Знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе. 2) Владѣть судномъ, какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на каторгахъ и на иныхъ судахъ весла, и пр. 3) Сколь возможно искать того, чтобъ быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать; однакожъ видѣвшимъ и не видѣвшимъ бои отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствованные листы за руками ихъ и за печатьми, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея. 4) Ежели кто похощетъ впредь получить милость большую, по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеописаннымъ повелѣніямъ и ученію, научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примутъ» [1]).

Главное дѣло было въ томъ, чтобы пріобрѣсти извѣстныя техническія свѣдѣнія. Какъ же дѣлали это главное тогда дѣло московскіе служилые люди? Довольно плохо.

Смягчающимъ обстоятельствомъ должно быть признано здѣсь то, что ихъ «учоба» въ чужихъ краяхъ нерѣдко являлась для нихъ тяжелымъ испытаніемъ. Вотъ что одинъ изъ нихъ,—замѣтьте, человѣкъ весьма «родословный»,—писалъ на родину въ 1711 году: «О житіѣ моемъ возвѣщаю, житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо учитца языка, незнамо науки».

Петръ всегда былъ очень расчетливъ. Отправляя своихъ служилыхъ людей за границу, онъ не обременялъ ихъ кошельковъ деньгами. А его ближайшіе помощники ухитрялись уменьшить и то немногое, что назначалъ на путешествіе Петръ. Извѣстенъ отзывъ одного изъ самыхъ близкихъ помощниковъ Петра, Ѳеофана Прокоповича, объ архіерейскихъ слугахъ. Онъ говорилъ, что они «сбычнѣ бываютъ лакомыя скотины» и, гдѣ имѣютъ возможность, «безстудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются». Подобными лакомыми скотинами были, какъ извѣстно, не только архіерейскіе слуги. Помощники Петра сохранили во всей неприкосновенности старую московскую привычку обкрадывать казну при всякомъ удобномъ случаѣ. Отъ этого русскимъ служилымъ людямъ, обучавшимся за границей, въ самомъ дѣлѣ приходилось

[1]) П. Пекарскій. Наука и литература, томъ I, стр. 146.

порой доходитъ до полнаго нищенства. Кононъ Зотовъ доносилъ однажды кабинетъ-секретарю Макарову, что, помирая съ голоду, многіе русскіе гардемарины намѣревались «итти въ холопи». Истинно московское средство выхода изъ нищеты! Зотовъ тоже совсѣмъ по-московски боролся съ преступнымъ намѣреніемъ голодныхъ гардемариновъ. «Я стращаю ихъ жестокимъ наказаніемъ», писалъ онъ.

Москва умѣла жестоко наказывать, а Петръ довелъ это ея умѣніе до совершенства. Но... кому же въ умъ пойдетъ на желудокъ пѣть голодный?

Была и еще одна причина, немало затруднявшая московскимъ людямъ дѣло усвоенія ими техническихъ знаній. Въ 1717 году тотъ же Зотовъ писалъ самому царю: «Господинъ маршалъ Д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги». Мѣсяцъ спустя Зотовъ слалъ Петру новую жалобу: «Гардемаринъ Глѣбовъ покололъ шпагою гардемарина Барятинскаго, и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ (французовъ) такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ лицомъ къ лицу. Они же нынѣ всѣ по міру скитаются». Въ 1718 г. русскій резидентъ въ Лондонѣ, Ѳ. Веселовскій, извѣщалъ: «Ремесленные ученики послѣдней присылки приняли такое самовольство, что не хотятъ ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать, но требуютъ возвратиться въ Россію безъ всякой причины» [1]).

При всѣхъ этихъ условіяхъ крайне трудно было московскимъ людямъ усвоивать себѣ хотя бы чисто техническія знанія. Еще Фокеродтъ говорилъ, что ихъ заграничныя поѣздки не принесли никакой пользы. Какъ утверждалъ онъ, самъ Петръ скоро убѣдился, что москвитяне возвращались домой почти съ такимъ же запасомъ свѣдѣній, съ какимъ уѣзжали за границу [2]). Ключевскій склоненъ былъ принять это мнѣніе Фокеродта. Онъ говоритъ: «Петръ хотѣлъ сдѣлать дворянство разсадникомъ европейской военной и морской техники. Скоро оказалось, что техническія науки плохо прививались къ сословію, что русскому дворянину рѣдко и съ великимъ трудомъ удавалось стать инжене-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 230.

[2]) Russland unter Peter dem Grossen nach den handschriftlichen Berichten Iohann Gottlieb Vockerodt's und Otto Pleyers. Herausgegeben von Dr. Ernst Herrmann. Leipzig, 1872., стр. 102.

ромъ или капитаномъ корабля, да и пріобрѣтенныя познанія не всегда находили приложеніе дома: Меншиковъ въ Саардамѣ вмѣстѣ съ Петромъ лазилъ по реямъ, учился дѣлать мачты, а въ отечествѣ былъ самымъ сухопутнымъ генераломъ-губернаторомъ [1]).

Тутъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень много справедливаго. Предшествовавшее состояніе Московскаго государства давало себя знать. Еще Крижаничъ жаловался: „разумы наши тупы, а руки неумѣтельны". Обладателямъ „тупыхъ",—то-есть неразвитыхъ,— „разумовъ" и „неумѣтельныхъ" рукъ крайне трудно давалось то, что сравнительно легко давалось такъ сильно опередившимъ ихъ обитателямъ западно-европейскихъ странъ. Горячо оспаривая пренебрежительные отзывы иностранныхъ путешественниковъ о жителяхъ Московскаго государства, Крижаничъ признавалъ, однако, что только принужденіемъ можно подвинуть ихъ на что-нибудь хорошее. Онъ совершенно правильно объяснялъ это свойственнымъ Москвѣ „крутымъ владаніемъ" Но разъ „крутое владаніе" довело москвитянъ до такого нравственнаго упадка, они оказывались несравненно лучше подготовленными къ тому, чтобы пассивно препятствовать реформѣ, нежели дѣятельно способствовать ей. Они были подневольными работниками прогресса, а извѣстно, что подневольные работники всегда обходятся очень дорого. Московскіе люди служили прогрессу, въ общемъ, такъ плохо, что страна должна была заплатить невѣроятно дорогую цѣну за ихъ работу [2]). Во всякомъ общественно-политическомъ положеніи есть своя логика.

Съ другой стороны, не надо и преувеличивать отрицательнаго значенія вынесеннаго Ключевскимъ приговора. Во всякомъ случаѣ, надо помнить, что самъ Ключевскій нашелъ нужнымъ обставить свой приговоръ извѣстными оговорками. Онъ прибавлялъ, что поѣздки московскихъ людей за границу все-таки оставляли извѣстный слѣдъ. „Обязательное обученіе не давало значительнаго запаса научныхъ познаній,—говорилъ онъ,—но все-таки пріучала дворянина къ процессу выучки и возбуждало нѣкоторый аппетитъ къ знанію: дворянинъ все же обучался чему-нибудь, хотя бы и не тому, за чѣмъ его посылали" [3]).

Читателю уже извѣстно, что при тогдашнихъ историческихъ условіяхъ рѣчь могла итти не о пріобрѣтеніи „научныхъ познаній

[1]) Курсъ, IV, стр. 314.

[2]) Какой дорогой цѣной заплатила Московская Русь вообще за преобразованіе, лучше всего показываютъ извѣстныя изслѣдованія П. Н. Милюкова: Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVII столѣтія и реформа Петра Великаго. С.-Петербургъ, 1892.

[3]) Курсъ, IV, стр. 314.

знаній“, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а лишь объ усвоеніи техническихъ свѣдѣній. Что же касается этихъ свѣдѣній, то какъ ни малъ былъ ихъ запасъ, но онъ далъ возможность прійти отъ Нарвы къ Полтавѣ. Критикуя внѣшнюю политику императрицы Анны, Ключевскій называетъ превосходнымъ войско, оставшееся послѣ Петра. И оно въ самомъ дѣлѣ было превосходнымъ въ сравненіи съ нестройными толпами служилыхъ людей, составлявшими военную силу прежнихъ московскихъ государей. Уже одна организація сравнительно превосходнаго петровскаго войска предполагала наличность извѣстныхъ техническихъ знаній. А кромѣ войска, все-таки созданъ былъ еще флотъ, „вещь намъ прежде невѣдомая“, какъ выразился о немъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. И не слѣдуетъ думать, что техническими свѣдѣніями обладали тогда одни только иностранцы, поступавшіе на русскую службу. Рядомъ съ иностранцами, уже при Петрѣ, стали выступать не лишенные техническихъ знаній русскіе люди. Между ними можно назвать, напримѣръ, Алексѣя Зыбина, считавшагося порядочнымъ инженеромъ и морякомъ, Семена Алабердеева, недурно ознакомившагося съ „навигацкой“ наукой и съ геодезіей, Ѳедора Самойлова, хорошо изучившаго въ Голландіи морское дѣло, Льва Измайлова, нѣкоторое время служившаго въ датской арміи, знаменитаго Вас. Ник. Татищева, обладавшаго, между прочимъ, обстоятельными познаніями въ горномъ дѣлѣ, и др. Самъ Меншиковъ,—къ слову сказать, по своему происхожденію не принадлежавшій къ дворянскому сословію,—былъ не только „сухопутнымъ генералъ-губернаторомъ“: какъ извѣстно, онъ не безъ успѣха распоряжался въ сраженіяхъ. Даже боярство, въ общемъ и цѣломъ упиравшееся противъ Петровской реформы, можетъ быть, больше всѣхъ остальныхъ слоевъ служилаго класса показало себя въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей не лишеннымъ способности къ усвоенію заморскихъ „хитростей“. Говорятъ, что кн. М. М. Голицынъ-старшій былъ хорошимъ генераломъ. Герцогъ де-Лиріа, называющій его героемъ Россіи, утверждаетъ, что онъ былъ уменъ, храбръ, свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ и любимъ войскомъ. Въ своемъ увлеченіи имъ, испанскій посланникъ прибавляетъ, что въ менѣе варварской странѣ онъ былъ бы истинно великимъ человѣкомъ [1]. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы увидимъ, что участившіяся сноше-

---

[1]) Надо признать, что и у себя на родинѣ этотъ Голицынъ обнаружилъ несомнѣнное величіе, хотя и не въ той области, о которой идетъ здѣсь рѣчь: онъ „въ числѣ немногихъ русскихъ вельможъ имѣлъ мужество въ 1718 году отказать Петру Великому въ подписи смертнаго приговора царевичу Алексѣю Петровичу“. (Д. А. Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны, стр. 40. Казань, 1880).

нія съ Западомъ отчасти отразились и на политическихъ взглядахъ московскихъ служилыхъ—а особенно родословныхъ,—людей. Теперь же взглянемъ пока на другую сторону дѣла.

II.

Неуклюже, неохотно, съ огромнымъ трудомъ, съ тяжелыми вздохами поворачивалась къ Западу старая московская Обломовка, однако все-таки поворачивалась. Правда, она продолжала недолюбливать иностранцевъ, но перенимала отъ нихъ то одинъ, то другой обычай. Европеизація Московской Руси неуклонно, хотя крайне медленно, подвигалась впередъ. Въ теченіе продолжительнаго времени она распространялась почти исключительно только на высшій—служилый классъ. Но зато въ этомъ классѣ нѣкоторыя его послѣдствія становятся замѣтными уже въ теченіе первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка.

Какъ это вездѣ и всегда бываетъ, въ подобныхъ случаяхъ измѣнялась, прежде всего, внѣшность. Уже Фокеродтъ считалъ невозможнымъ даже при благопріятныхъ для реакціи условіяхъ отказъ передовой части россійскаго населенія отъ западно-европейскаго покроя платья и отъ бритья бороды. Онъ же утверждалъ, что она никогда болѣе не вернется къ затворничеству женщинъ и къ извѣстнымъ, простодушно-реалистическимъ, свадебнымъ обычаямъ [1]). И какъ ни скептично было его отношеніе къ европеизованнымъ россіянамъ, онъ признавалъ, что, благодаря участившимся сношеніямъ съ иностранцами, лица высшаго круга и даже многіе простые обыватели („ja sogar viele unter der Bürgerschaft“) пріобрѣтали болѣе вѣжливыя манеры [2]).

Эти указанія Фокеродта можно подтвердить ссылками на любопытные человѣческіе документы.

Сынъ знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича, Андрей Артамоновичъ, попавши въ 1705 г. въ Парижъ, занесъ на бумагу слѣдующее наблюденіе надъ французскими нравами: „Больше же всего тотъ порядокъ въ семъ народѣ хваленъ есть, что дѣти ихъ никакой косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей не имѣютъ, но отъ добраго и остраго наказанія словеснаго, паче нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются“.

Пріятно поразило его также отсутствіе во Франціи затворничества женщинъ, обычнаго въ высшемъ классѣ Московскаго государства. „Ни самый женскій полъ во Франціи, – говоритъ онъ,—

---

1) Russland unter Peter dem Grossen, стр. 106—107.

2) Тамъ же, стр. 107.

никакого зазору отнюдь не имѣетъ во всѣхъ честныхъ обращаться поведеніяхъ съ мужескимъ поломъ, какъ бы самые мужи, со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ и учтивостью. Особенно же высокихъ фамилій дамы между собой повседневно съѣзжаются и, имѣя музыки, сами на нихъ играютъ беззазорно и поютъ, куда свободно не токмо особъ чинныхъ изъ господъ французовъ, но и изъ иностранныхъ свободно есть пріѣздъ съ ними веселиться, что онѣ за честь еще и за увеселеніе вмѣняютъ" [1]).

А. А. Матвѣевъ уже въ дѣтствѣ получилъ хорошее образованіе. Поэтому весьма естественно, что онъ подмѣчалъ даже такія явленія, которыя ускользали отъ вниманія менѣе культурныхъ его современниковъ. Но и П. А. Толстой, пріѣхавъ въ Польшу, сдѣлалъ подобное же замѣчаніе о женскихъ нравахъ. Онъ писалъ: „По городу и въ маетности ѣздятъ сенаторы, и жены ихъ и дочери-дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ" [2]).

Вліяніе женскаго общества, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ другихъ вліяній способствовало смягченію, если не нравовъ, то манеръ тѣхъ русскихъ людей, которымъ, въ большей или меньшей степени, пришлось принимать участіе въ дѣлѣ Петровской реформы. Вообще усвоеніе приличныхъ манеръ начинало считаться необходимымъ. Извѣстно, что съ 1708 г. книги недуховнаго содержанія печатались у насъ, по приказанію Петра, новымъ, такъ называемымъ гражданскимъ шрифтомъ. Первой книгой, напечатанной этимъ шрифтомъ, была „Геометріа, славенски землемѣріе". Это вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру тѣхъ знаній, которыя особенно нужны были Россіи въ эпоху преобразованія [3]). Но, какъ на это указалъ еще Ключевскій, второй книгой, изданной „новотіпографскімъ тісненіемъ", было не какое-нибудь техническое руководство, а сочиненіе, носившее многообѣщающее названіе: „Пріклады, како пішутся комплементы разные на нѣмецкомъ языкѣ, то-есть, пісанія отъ потентатовъ къ потентатомъ, поздравителные и сожалѣтелные, і іные, такожде между сродниковъ и прі-

---

[1]) Пекарскій. Поѣздка гр. Матвѣева въ Парижъ въ 1705 г. „Современникъ", 1865, томъ 57-й, стр. 61.

[2]) Путевой дневникъ П. А. Толстого, „Русскій Архивъ", 1888, кн. I, стр. 193.

[3]) Во второмъ заглавіи точно опредѣлялось практическое назначеніе этой книги: „пріемы ціркуля і лінеікѣ ілі ізбраннѣішое начало въ математіческіхъ іскуствахъ, імже возможно легкімъ і новымъ способомъ вскорѣ доступіті землемѣріа і іныхъ ізъ онаго проісходящіхъ искусствъ". Пекарскій, назв. соч., т. II, стр. 178. Въ прежнее время занятіе геометріей считалось грѣхомъ: „Богомерзостенъ передъ Господомъ Богомъ,—утверждали благочестивые люди,—всякъ любяй геометрію"...

ятелѳі. Переведены съ нѣмецкаго на россіiскі языкъ" и т. д. Фактъ появленія этого письмовника показываетъ, какъ спѣшилъ Петръ сообщить своимъ „рабамъ" европейскіе обычаи и приличія. Приводя одинъ изъ содержащихся въ письмовникѣ „прiкладовъ" и сравнивая его языкъ съ языкомъ московско-русскихъ писемъ до-петровской эпохи, Пекарскій замѣчаетъ:

„Въ этомъ письмѣ языкъ тяжелъ до смѣшного, каждая фраза почти германизмъ; но здѣсь уже нѣтъ помина о челобитьѣ до земли, нѣтъ гиперболическихъ уподобленій и превознесенія до небесъ лица, къ которому написано посланіе, и жалкаго самоуниженія подписывающаго письмо,—все это стало исчезать". Пекарскій обращаетъ вниманіе читателя еще на то, что въ личныхъ обращеніяхъ „прiклады" ставятъ „вы", а не старое московское „ты". Однако къ этому требованію вѣжливости привыкнуть было нелегко, и потому смѣсь множественнаго числа съ единственнымъ является, по замѣчанію того же изслѣдователя, обычной, какъ въ перепискѣ, такъ и въ разговорной рѣчи россіянъ вплоть до конца XVIII вѣка [1]).

„Прiклады"—это значитъ примѣры—требуемаго приличіями письменнаго языка переведены были у насъ съ нѣмецкаго. Въ свою очередь, нѣмцы учились приличіямъ у французовъ, а французы у итальянцевъ. Въ XVI в. Италія въ этомъ отношеніи, какъ и въ очень многихъ другихъ, давала тонъ всей остальной Западной Европѣ [2]). Иначе и быть не могло, такъ какъ въ ней раньше, нежели въ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ, развилась городская культура. Когда россіяне нашли нужнымъ усвоить себѣ приличное обращеніе, они не могли, конечно, удовлетвориться однимъ Письмовникомъ: l'appétit vient en mangeant. И вотъ въ 1717 г. напечатано было, опять по приказанію Петра, новое руководство: „Юности честное зерцало или показаніе къ жітеіскому обхожденію". Оно учило молодыхъ россійскихъ „шляхтичей", какъ слѣдуетъ ходить по улицамъ (не вѣшая головы и не потупляя глазъ); какъ глядѣть на людей (не косо, а весело и пріятно, съ благообразнымъ постоянствомъ); какъ раскланиваться при встрѣчахъ со знакомыми (снимая шляпу за три шага); какъ сидѣть за столомъ (руками на столъ не опираться, перстовъ не облизывать, ножемъ зубовъ не чистить и проч.), и даже, какъ плевать (не вкругъ, а на сторону). Для соціолога въ этомъ сборникѣ („Зерцало", „собрано отъ разныхъ ав-

---

1) Такъ же, стр. 182.

2) Burkhardt. La civilisation en Italie au temps de la renaissance. Trad. de M. Schmitt. Tome second. Paris, 1885, p. 185.

торовъ“) интересны соображенія, которыми часто подкрѣпляются эти хорошіе совѣты „отрокамъ“. Вотъ, напримѣръ, не надо чавкать надъ пищей, какъ свинья, и не надо говорить, не проглотя куска, потому что такъ дѣлаютъ крестьяне. Благовоспитанная „юность“ должна, прежде всего, заботиться о томъ, чтобы не походить на мужика. Къ людямъ низшаго класса, особенно къ слугамъ и служанкамъ, „Зерцало“ питаетъ глубочайшее пренебреженіе. Оно совѣтуетъ:

„Съ своими или съ посторонними служители гораздо не сообщайся; но ежели оные прилежные, то такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь для того, что они грубы и невѣжы (неразсудливы) будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестись, а отошедши прочь, на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради, смотри прилежно, когда что хощешь о другихъ говорить, опасайся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было, а именъ не упоминай, но обиняками говори, чтобъ дознатца было не можно, потому что такіе люди много приложить и прибавить искусны... Младые люди всегда должны между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознатца не могли, и чтобъ ихъ можно отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать, ибо каждый купецъ, товаръ свой похваляя, продаетъ, какъ можетъ“ [1]).

У Мольера,—въ его Précieuses ridicules,—Горжибюсъ находитъ, что влюбленный поступаетъ честно, когда женится на предметѣ своихъ ухаживаній. Въ отвѣтъ на это его дочь Magdelon восклицаетъ:

— Ah, mon père, ce que vous dites là est du dernier bourgeois. Cela me fait honte de vous ouïr parler de la sorte, et vous devriez un peu vous faire apprendre le bel air des choses“ [2]).

Въ XVII в. французскій аристократъ считалъ себя человѣкомъ хорошаго тона, когда не походилъ своими манерами на человѣка буржуазнаго воспитанія. Знаменитая préciosité, такъ ѣдко осмѣянная Мольеромъ, была лишь доведенной до абсурда, и потому смѣшною крайностью аристократическаго стремленія отличиться отъ буржуазной среды. Magdelon отнюдь не аристократка; она дочь самаго несомнѣннаго буржуа, „bon bourgeois“, какъ называетъ его Мольеръ. Но она подражаетъ аристократамъ, и потому тоже стыдится буржуазныхъ манеръ.

---

[1]) Пекарскій, назв. соч., т. II, стр. 382—383.

[2]) То, что вы сказали, папенька, до послѣдней степени буржуазно. Мнѣ стыдно, когда вы такъ говорите, и вамъ слѣдовало бы поучиться тонкому обращенію.

Аристократическое стремленіе къ буржуазнымъ манерамъ служило субъективнымъ выраженіемъ объективныхъ общественныхъ отношеній: привилегированнаго положенія аристократіи. Въ Московской Руси естественная склонность привилегированныхъ отличиться отъ непривилегированныхъ выражалась, благодаря сравнительной неразвитости общественныхъ отношеній, нѣсколько иначе: тамъ служилые люди считали, что имъ стыдно походить на „мужиковъ-страдниковъ". Пскарскій держался того убѣжденія, что интересующее насъ здѣсь „Честное зерцало" было переведено съ нѣмецкаго. Но достойно замѣчанія, что и оно, въ качествѣ довода отъ противнаго, беретъ не буржуа, а крестьянъ и служителей. Такой доводъ былъ понятнѣе русскимъ молодымъ „шляхтичамъ", нежели доводъ отъ буржуа. Еще болѣе понятной для россіянъ была рекомендованная „Зерцаломъ" осторожность по части разговоровъ въ присутствіи слугъ. Еще „дуксъ" Хворостининъ горько жаловался на предательство „рабовъ". Усердный преобразователь Петръ нимало не пренебрегалъ „рабьими" доносами въ своихъ кровавыхъ расправахъ съ тѣми представителями служилаго класса, которые такъ или иначе навлекали на себя его неудовольствіе. А такъ какъ вызвать это неудовольствіе было очень нетрудно, то благоразуміе подсказывало имъ крайнюю сдержанность въ бесѣдахъ при слугахъ или... разговоръ на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Сильно топорщились московскіе служилые люди, когда ихъ сажали за иностранные „вокабулы"; горекъ былъ для нихъ корень ученія. Но, овладѣвъ тѣмъ или другимъ изъ иностранныхъ языковъ, они, хотя бы уже въ виду указаннаго обстоятельства, должны были признать, что плодъ ученія сладокъ, и что, стало быть, справедлива французская поговорка: à quelque chose malheur est bon.

„Честное зерцало" много занималось слугами. Оно совѣтовало держать ихъ въ страхѣ и больше двухъ разъ вины имъ не прощать: „Когда кто своихъ домашнихъ въ страсѣ содержитъ, оному благочинно и услуженно бываетъ, ибо раби, по своему нраву, невѣжливи, упрями, безстыдливи и горди бываютъ, того ради надо ихъ смирять и унижать.

Не зная того нѣмецкаго подлинника,—вѣрнѣе тѣхъ подлинниковъ,—съ котораго (которыхъ) переведено было „Зерцало", невозможно провѣрить точность перевода. Однако можно съ увѣренностью сказать, что тамъ нѣтъ слова Sklaven, а есть слово „Hausknechte" или „Diener". Но въ русскомъ переводѣ стоятъ „раби". Это было въ духѣ нашего тогдашнаго соціальнаго строя.

Бѣда лишь въ томъ, что слово „раби" не подходитъ къ тексту. Въ текстѣ говорится о томъ, что слугъ, провинившихся въ

третій разъ, слѣдуетъ, въ наказаніе, прогонять изъ дому. Но многіе россійскіе „раби", навѣрно, ничего не имѣли противъ такого наказанія, а ихъ господа, наоборотъ, вовсе не расположены были наказывать ихъ такимъ способомъ: когда „раби" бѣжали изъ дому, они старались поймать ихъ и вернуть назадъ. Послѣдующія разсужденія „Честнаго зерцала" о поведеніи рабовъ тоже не вполнѣ соотвѣтствуютъ положенію дѣла въ россійскомъ государствѣ. „Не надлежитъ,—поясняетъ «Зерцало»,—отъ слуги терпѣть, чтобы онъ переговаривалъ, или, какъ песъ, огрызался, ибо слуги всегда хотятъ больше права имѣть, нежели господинъ, для того не надобно имъ попущать. Нѣтъ того мерзостнѣе, какъ убогой гордый (убожество плохо вяжется съ гордостью,—*Г. П.*), нахалливой и противной слуга, отчего и пословица зачалась: въ нищенской гордости имѣетъ дьяволъ свою утѣху". Что „холопи", составлявшіе дворни служилыхъ людей, могли быть „нахалливы", это разумѣется, совершенно допустимо. Но чтобы они хотѣли „больше права имѣть, нежели господинъ", это — совсѣмъ невѣроятно. Подобныя претензіи проявляются, — если проявляются, — развѣ только наемными слугами, не имѣющими юридическаго основанія опасаться барскихъ кулаковъ.

Интересно было бы знать, замѣчали ли русскіе читатели „Зерцала", что рѣчь идетъ въ немъ не о русскихъ слугахъ. Но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что ихъ домашняя практика гораздо больше соотвѣтствовала русскимъ условіямъ, чѣмъ изложенная въ „Зерцалѣ" теорія.

„Зерцало" имѣло большой успѣхъ. Въ царствованіе Петра оно выдержало цѣлыхъ три изданія [1]).

III.

Итакъ, передовые россіяне учились прилично держать себя въ обществѣ и говорить дамамъ „комплементы"! Многіе изъ нихъ, навѣрно, усваивали это искусство съ бо́льшей охотой, нежели „навигацкую" науку. Литература отразила въ себѣ совершавшуюся перемѣну общественныхъ привычекъ. Герои нѣкоторыхъ русскихъ повѣстей первой половины XVII в. говорятъ языкомъ, который, въ значительной степени сохраняя старую московскую дубоватость, дѣлается якобы утонченнымъ и порой становится напыщеннымъ и слащавымъ. Когда кто-нибудь изъ этихъ господъ влюбляется, это значитъ, что его „уязвила купидова стрѣла". Влюбившись, они очень скоро приходятъ въ „изумленіе", т.-е.

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. II, стр. 383.

сходятъ съ ума. Если К. Зотовъ доносилъ Петру, что наши гардемарины въ Тулонѣ дрались между собой и бранились самою позорною бранью, вслѣдствіе чего у нихъ отбирались шпаги, то дѣйствующія лица повѣстей показываютъ себя болѣе благовоспитанными. Разсердившись на „ковалера“ Александра, „ковалеръ“ Тигнаноръ говоритъ ему уже не безъ рыцарства: „Иди ты, бестія, со мной на поединокъ!“ И при каждомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ эти благовоспитанные „ковалеры“ выражають свои нѣжныя чувства пѣніемъ. Такъ, влюбившись въ дѣвицу Элеонору и не надѣясь на ея взаимность, россійскій дворянинъ „Олександръ“ отправляется за городъ и, найдя тамъ „место прохладное и воздухъ приятный“, запѣваетъ слѣдующую чувствительную „арию“:

„Дивну красоту твою, граде лиллъ, я нынѣ зрю [1]): врата імаш, позлощенныі, а внутри копие изочренны! почто чинишь сомьною прю?

„Стенами крепчаешими отвсюду откруженъ; здание предивно імашь, вруце держишь палашь! стобою уязвленъ!

„Кнеи похвалы імам днесъ предати, храбрость мою уничтожил, печал вомне умножил! покин стрелы метати!

„Всебе драгоценнеіши камен бралиантъ імашь, ах, элеонору девку, полну ярости ігневу! помощи мне втом ждать,—зрю ѳартуна злящая мною ныне владетъ, несчастия комне течетъ, ікогробу уже влечетъ! что мнѣ вpомощъ успеетъ?“ [2]) и т. д.

Съ своей стороны, Элеонора упрекая себя за то, что холодностью довела „Олександра“ до тяжкой болѣзни, „неутешно плакала івтех слезах пела арию:

„Щастие, элеоноре, сама ты погубила! нанесла печал(ь) своеи младости! гордым ответомъ болезнъ возбудила, кое причестна ныне сладости!

„Кою ползу гордостию себе бедная сотьворила? вчемъ себя более признаваешь? здравия почто ты себя лишила, авгорести уже пропадаешь!

„Пріиди, любезнеіши! ізми мя отзлеишия муки інедаі напрасно погибати! Ускори мне впомощь іпростри руку: неимам, на кого уповати!“ [3])

Благодаря слабому развитію у насъ общественной дѣятельности, русская интеллигенція обсуждала въ своихъ кружкахъ во-

[1]) Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Лиллѣ.

[2]) Сиповскій. Русская повѣсть XVII—XVIII вв., I, Спб. 1905 г., „Исторія о Александрѣ россійскомъ дворянине“, стр. 155, 132, 133.

[3]) Тамъ же, стр. 133.

просъ о разумныхъ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ внимательнѣе, нежели западноевропейская. Но этотъ вопросъ, возникшій у насъ подъ французскимъ вліяніемъ, въ самой Франціи поставленъ былъ лишь въ XIX столѣтіи. А въ то же время, о которомъ я говорю теперь, его не поднимали даже и на Западѣ. „Розсиски ковалеры", въ родѣ „Олександра", интересовались женскимъ вопросомъ преимущественно въ томъ смыслѣ, что старались возможно больше умножить число своихъ любовныхъ похожденій. Названный выше „дворянинъ Олександръ" только и думалъ о томъ, чтобы встрѣтить даму или дѣвицу, „с которою бы можно спознатца і зсобою вести". Онъ всецѣло предавался волокитству въ самомъ пошломъ смыслѣ этого слова.

И не только въ пошломъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать, что, усваивая себѣ нѣкоторыя сентиментальные обороты рѣчи, тогдашніе россійскіе „ковалеры" цѣликомъ утрачивали свою старую грубость. Ихъ пылкая любовь отличается первобытной практичностью. Когда дѣвица Тирро, слѣдуя приглашенію Александра, пріѣзжаетъ къ нему на квартиру, онъ радостно бросается къ ней навстрѣчу и, не тратя лишнихъ словъ, говоритъ: „Надеюсь ползу получить" [1]). Добившись отъ нея письменнаго признанія въ любви, онъ радуется „о получени писма полезнаго". Но Александръ — джентельменъ по сравненіи съ другимъ героемъ той же повѣсти, дворяниномъ „Владимеромъ", который въ обращеніи съ женщинами выступаетъ самымъ гнуснымъ негодяемъ и самымъ противнымъ скотомъ [2]). Между прочимъ, онъ подробно передаетъ Александру разсужденія нѣкоего „гдацкаго" барона Ѳоръяра, — который категорически заявляетъ, что мы всѣ любимъ для одного веселья. А какъ понимаетъ „гдацкій" баронъ „веселье" въ любви, показываютъ слѣдующія слова его пѣсенки: „воли (любимой женщинѣ. *Г. П.*) не давай: и нередко, по щеке ударяі, дабы, яко раба, предстояла, в том со страхом пребывала неотступно всегда".

Мнѣ сдается, что, когда авторъ повѣсти влагалъ въ уста датчанина эту пѣсенку, онъ „поэтически" выражалъ больше то, что видѣлъ у себя дома, нежели то, что узналъ о западно-европейскихъ нравахъ: до такой степени взглядъ на женщину, какъ на рабу, и расправа съ ней посредствомъ пощечинъ соотвѣтствуютъ понятіямъ и обычаямъ москвичей добраго стараго времени.

Дѣйствующія лица интересующихъ насъ повѣстей получили вкусъ не только къ волокитству, но и къ роскоши. Приплывши

---

[1]) Сиповскій, названное сочиненіе, стр. 151.

[2]) См. тамъ же, стр. 166, 168.

въ Цесарію (т.-е. въ Австрію. *Г. П.*), россійскій матросъ Василій Коріотской [1]) „нанелъ нѣкоторый министерской домъ зѣло украшенъ, за которой платилъ на каждый мѣсяцъ по пятидесятъ червонцевъ.... И нанелъ себѣ въ лакеи пятдесятъ человѣкъ, которымъ подѣлалъ ливреи, велми съ богатымъ уборомъ, что при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою“ [2]). Пріобрѣтать вкусъ къ роскошной обстановкѣ тоже легче было, чѣмъ изучать „навигацкую“ науку или геодезію.

Однако будемъ справедливы. Указанныя повѣсти замѣчательны, между прочимъ, и тѣмъ, что ихъ герои уже убѣдились въ почетной необходимости ученья. Такъ, о матросѣ Василіи Коріотскомъ сказано, что о немъ прошла великая слава „за его науку и услугу, понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро, по морямъ, гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздухи. И за эту науку на корабляхъ старшимъ пребывалъ и отъ всѣхъ старшихъ матросовъ въ великой славѣ прославлялся“.

Дворянинъ Александръ, придя въ возрастъ, обратился къ своимъ родителямъ со слѣдующими напыщенными, но въ то же время характерными словами:

„Понеже во всемъ свете доединого обычая імеютъ чадъ своихъ обучити іпотомъ вчуждыя государства для обретения вящей чести іславы отпускаютъ,—того ради ія, вашъ рабъ, взялъ намерение вначале благословеніе ікпутешествованию позволения увас испросити. Знаю, государи, что горячность іотеческая любовь ваша кразлуке конечно совѣтовать небудетъ, однакожъ покорнеиши прошу, учините мя равно сподобными мнѣ: ібо чрез удеръжание свое можете мне вечное поношение учинити,—ікако могу назватися ічемъ похвалюся? нетокмо похвалитися, ноидворяниномъ назватися небуду достоин! Сотворите милость, недопустите довечнаго позору!“

Наконецъ, авторъ „Гисторіи королевича Архилабона“ повѣствуетъ: „Немецкаго государства король Фридерикъ, імея усебя королеву Марию Крустину вдоволной любви, зачелъ сына ипорождении названъ орхилабономъ. Авпять летъ возраста вданъ вакодемию для наукъ разныхъ языковъ іинструментовъ, вкоторой продолжался дошеснатцати летъ“ [3]). Эта третья повѣсть относится, повидимому, къ срединѣ XVIII вѣка. Но въ ней сказывается чисто Петровскій взглядъ на „наукі“: заниматься ими значитъ

[1]) Герой „Гисторіи о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли“ въ томъ же изданіи Сиповскаго.

[2]) Сиповскій, названное соч., стр. 118.

[3]) Русскія повѣсти, стр. 90, 109, 129.

изучать разные языки и „інструменты“. Архилабонъ пробылъ въ ученіи отъ пяти до шестнадцати лѣтъ, а когда обучился „доволно разнымъ языкам инаінструментахъ“, поступилъ въ военную службу. Это опять было совершенно согласно съ обычаями созданными реформы.

Изъ другихъ источниковъ видно, что повѣствовательная литература вѣрно отразила начавшуюся перемѣну во взглядѣ на ученіе. Существуетъ „отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальніе страны юному сыну“, напечатанное въ первомъ томѣ сочиненій Ивана Посошкова [1]). Посошковъ, очевидно, не былъ его авторомъ; но это для насъ здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Важно содержаніе этого документа. Неизвѣстный авторъ его такъ наставляетъ своего сына:

„Понеже великая есть и трудная преграда между вѣденіемъ и невѣденіемъ; сего ради дражайшее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единаго часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, яко ни что же драгоцѣннѣе есть времени, его же часть, день или часъ, къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точію вся красная мира сего получимъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благами дѣлы достигаемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ надсаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣйно въ наукахъ провождати да потщишися“.

Въ выборѣ наукъ, рекомендуемыхъ имъ своему сыну, отецъ, написавшій это поученіе, цѣликомъ стоитъ на точкѣ зрѣнія своего вѣка. Онъ говоритъ:

„Скорѣйшаго же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти Нѣмецкой, или наипаче чистой Французской языкъ учити, и въ началѣ въ томъ языкѣ, его же изберешь, учити ариѳметику, яже всѣмъ математическимъ наукамъ дверь и основаніе есть; потомъ сокращенную математику яже въ себѣ содержитъ Геометрію, Архитектуру, и Фортификацію, еже вѣдѣніе земнаго глобуса, таже искусство земныхъ и морскихъ чертежей, компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ“ [2]).

Не лишено интереса и то соображеніе, которымъ подкрѣпляется мысль о необходимости изученія математики, архитектуры и т. д. Изучать ихъ надо не для того, чтобы самому сдѣлаться „инженеромъ или корабельщикомъ“, а для того, чтобы быть въ состояніи наблюдать за служилыми иноземцами. Если служилый

---

[1]) Изд. М. П. Погодина.

[2]) Соч. И. Посошкова, Москва 1842 г. Томъ I, стр. 297—298.

иноземецъ, которому поручены будутъ какія-нибудь инженерныя работы, начнетъ дѣлать что-нибудь „къ шкодѣ или поврежденію Великаго Государя градовъ... тогда ты самъ, вѣденіемъ тѣхъ наукъ исполненъ... возможешь познати правду... и тѣмъ пріймешь отъ Великаго Государя и Монарха своего похвалу, отъ братіижъ своихъ честь, а такіе иноземцы, не право учиня, къ тебѣ будутъ имѣти страхъ“ [3]).

Замѣтное уже въ „Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ“ нерасположеніе къ служилымъ иноземцамъ должно было расти по мѣрѣ того, какъ усиливался притокъ ихъ въ Россію. Оно оставило свой слѣдъ въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія нашей общественной жизни и мысли.

Петровская реформа не только научила передовыхъ россійскихъ людей уважать науки и „інструменты“. Она открыла передъ ними новый міръ, прежде имъ почти совсѣмъ неизвѣстный. Жители Московскаго государства никогда не были большими домосѣдами; напротивъ, они охотно устремлялись на „новыя мѣста“,—такъ охотно, что приходилось привязывать ихъ къ мѣсту ихъ жительства. Но хотя нѣкоторые—служилые люди и крестьяне, жившіе недалеко отъ литовскаго рубежа—искали порой убѣжища на Западѣ, уходя на Литовскую Русь, однако, въ общемъ, они предпочитали двигаться на Востокъ. На Востокъ обращены были и ихъ умственные взоры. Читатель помнитъ, надѣюсь, какъ часто приводилъ въ примѣръ Турцію московскій публицистъ XVI в. І. Пересвѣтовъ. Авторъ „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ“, желая сказать: въ иныхъ государствахъ, дѣлаетъ иногда характерный lapsus linguae, говоря: въ иныхъ ордахъ. Со времени Петровской реформы дѣло измѣнилось. Взоры передовыхъ россіянъ обратились на Западъ. Нашъ знакомецъ, россійскій матросъ Василій Коріотской родился „въ Россійскихъ Европияхъ“. Послѣ своего путешествія въ Голландію, Англію и Францію, онъ, „поднявъ парусы“, возвращается опять-таки въ „Россійскую Европію“. Прекрасная королевна Флоренской земли Ираклія, разсказывая ему о своихъ злоключеніяхъ, сообщаетъ, какъ въ эту землю пришли „изъ Европіи кораблями россиіские купцы“. Такимъ образомъ, русская земля представляется какъ бы „Европіей“ по преимуществу [2]).

Василій тоже не упускаетъ случая довести до свѣдѣнія королевны, что онъ родомъ изъ „Россійской Европіи“. При чемъ его разсказъ о своихъ путешествіяхъ производитъ такое впечат-

---

[1]) Тамъ же, стр. 298.

[2]) В. В. Сиповскій, названн. соч., стр. 108, 110, 115.

лѣніе, какъ будто дворянинъ-матросъ превосходно чувствовалъ себя на Западѣ и ото всѣхъ получалъ одно „почтеніе“:

„Посланъ для наукъ въ Галандію и такъ (тамъ? *Г. П.*) былъ почтенъ отъ галанскаго купца, отъ котораго ходилъ съ товарами въ Англію и Францію на корабляхъ и оттуда возвратился, и великіи ему учинилъ прибытки, почтенъ былъ вмѣсто сына родного“ [1]).

Дѣйствующія лица новыхъ повѣстей, возникшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петровской реформы, по большей части, плохо знаютъ географію и жестоко искажаютъ названія западно-европейскихъ городовъ и странъ. Но это отнюдь не мѣшаетъ имъ пребывать въ той пріятной увѣренности, что вся Европа живо заинтересована ихъ подвигами. „Розсіиски ковалеръ“ Александръ,—обиженный англійскимъ „шаутбѣнахтомъ“ [2]), самоувѣренно говоритъ англійскому королю: „я надеюсь, и вы знали, что вся Европия за „ковалера гнева і побѣды“ востанетъ“ [3]). Это, конечно, смѣшно. Но и это заслуживаетъ вниманія, какъ знаменіе того переходнаго времени.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще двѣ черты характера выводимыхъ въ повѣстяхъ новыхъ людей.

Господа эти, усердно изучающіе любовную науку, часто приходящіе въ „изумленіе“, а еще чаще распѣвающіе чувствительныя аріи, выказываютъ при случаѣ большую жестокость. Уже много разъ упомянутый мною матросъ-дворянинъ г. Коріотской приказываетъ учинить „теранственное мученіе“ попавшему въ его руки флоренскому адмиралу, который когда-то пытался утопить его въ морѣ: онъ „повелѣ адмирала предъ войскомъ цесарскимъ вывесть и съ живого кожу снять“ [4]). Это во вкусѣ Ивана Васильевича Грознаго, но къ, сожалѣнію, это не очень далеко ушло и отъ привычекъ великаго преобразователя.

Во-вторыхъ, „ковалеры“ продолжаютъ постарому смотрѣть на отношеніе подданныхъ къ государю. Когда австрійскій цесарь пригласилъ матроса Василія къ своему столу, тотъ „съ почтеніемъ“ произнесъ:

„Пожалуй, государь великій царь, меня недостойнаго оставь, понеже я вашъ рабъ, и недостойно мнѣ съ вашею персоною сидѣть, а достойно мнѣ предъ вашимъ величествомъ стоять“.

На это цесарь возразилъ:

---

[1]) Тамъ же, стр. 116.

[2]) Тогдашнее названіе одного изъ высшихъ флотскихъ чиновъ.

[3]) Тамъ же, стр. 160. „Ковалеромъ гнѣва і побѣды“ и былъ нашъ дворянинъ „Олександръ“.

[4]) Сиповскій, назв. соч., стр. 128.

Петръ Великій. Съ гравюры Кнеллера.

„Почто напрасно отговариваешься? Понеже я вижу васъ достойно разума, то васъ жалую своимъ сердцемъ искреннимъ; хотя бы мой которой и подданый рабъ, а я его жалую, велю садиться съ собою, и тотъ меня слушаетъ; а ты прiѣзжай ко мнѣ гость, изволте садиться“.

Матросъ Василiй выразилъ свое „почтенiе“ къ австрiйскому цесарю совсѣмъ по-старо-московски.

Аѳанасiй Власьевъ, котораго Лжедимитрiй послалъ въ Краковъ представлять особу царя при обрученiи съ Мариной Мнишекъ, будучи приглашенъ къ королевскому столу, отказывался ѣсть, потому что холопу неприлично принимать пищу при такихъ высокихъ особахъ, а довольно съ него чести смотрѣть, какъ онѣ кушаютъ. За обѣдомъ онъ, сидя рядомъ съ царской невѣстой, не переставалъ заботиться о томъ, чтобы его одежда какъ-нибудь не прикоснулась къ ея платью. Во время обряда обрученiя онъ, прежде чѣмъ взять Марину за руку, счелъ нужнымъ обернуть свою собственную руку.

Согласитесь, что славный матросъ Василiй похожъ на Аѳанасья Власьева. Въ разговорѣ съ цесаремъ онъ называетъ себя его рабомъ, простодушно полагая, что этого требуетъ отъ него долгъ вѣжливости по отношенiю къ коронованнымъ особамъ. Онъ и не подозрѣваетъ, что иное дѣло рабъ, а иное дѣло подданный. Но мы знаемъ, что хотя Петръ и запретилъ россiянамъ подписываться въ обращенiяхъ къ нему уничижительными именами,— Ванька, Сенька и т. д.,—однако его подданные остались его рабами. Поэтому повѣсть о матросѣ Василiи и здѣсь вѣрна духу своей эпохи.

Петровская реформа не устранила основъ Московской „вотчинной монархiи“. На довольно долгое время основы эти были еще болѣе расширены и упрочены ею. Поэтому отношенiе служилаго класса къ верховной власти не только сохранило свой старый характеръ, но еще болѣе выявило его. Однако примѣръ Запада и тутъ не остался совершенно безъ влiянiя на умы служилыхъ людей, особенно наиболѣе „фамильныхъ“ между ними. Это довольно ясно обнаружилось всего нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Петра Перваго. Но объ этомъ ниже.

IV.

Павловъ-Сильванскiй справедливо замѣтилъ, что Петръ со своими ближайшими сотрудниками далеко не былъ такъ одинокъ, какъ это думали нѣкоторые, основываясь на словахъ И. Посошкова: „онъ (преобразователь) на гору аще самъ десять тянетъ, а

подъ гору милліоны тянутъ, то какъ дѣло его споро будетъ?" Теперь уже врядъ ли кто станетъ оспаривать это замѣчаніе Павлова-Сильванскаго. А тому, кто все-таки усомнился бы въ его справедливости, можно было бы указать, кромѣ другихъ источниковъ, на весьма обстоятельное сочиненіе только что названнаго мною покойнаго ученаго: „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго" (Спб. 1897). Въ немъ съ большой ясностью показано, что очень многіе преобразовательные планы Петра заимствованы были имъ отъ своихъ помощниковъ. Впрочемъ, еще раньше Павлова-Сильванскаго та же мысль была высказана и обоснована П. Н. Милюковымъ въ его названномъ мною выше изслѣдованіи: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформы Петра Великаго". П. Н. Милюковъ утверждалъ, что въ Петровской реформѣ личный починъ государя сводился къ гораздо болѣе узкимъ рамкамъ, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ. „Вопросы ставила жизнь,—говоритъ онъ,—формулировали болѣе или менѣе знающіе люди; царь схватывалъ иногда главную мысль формулировки или—и, можетъ быть, чаще—ухватывался за ея прикладной выводъ; обсужденіе необходимыхъ при осуществленіи подробностей поставленной, формулированной и одобренной идеи представлялось царемъ правительству вмѣстѣ съ подавшими мысль совѣтчиками—и въ результатѣ получался указъ" [1]). Этотъ выводъ очень важенъ какъ для историка, такъ и для соціолога [2]). Но все-таки интересно, что же собственно происходило въ эпоху реформы послѣ того, какъ „получался указъ".

Петровскіе указы почти всегда требовали отъ населенія огромныхъ жертвъ [3]). Это обстоятельство вызывало въ немъ большое неудовольствіе. Кромѣ того, указы эти нарушали многія старыя привычки и затрагивали многіе укоренившіеся предразсудки. Этимъ еще болѣе усиливалось неудовольствіе, вызывавшееся Петровскими указами. Даже служилый классъ, менѣе другихъ классовъ московскаго населенія враждебный реформѣ, роптал и сопротивлялся. Правда, его сопротивленіе всегда оставалось пассивнымъ. Дворянство не бунтовало, какъ это дѣлали, напримѣръ, казаки. Но и пассивное сопротивленіе очень много вредило дѣлу реформы. Петръ и тѣ его современники, которые подсказывали ему преобразовательные планы или разрабатывали съ нимъ планы, имъ самимъ придуманные, всегда оставались въ меньшинствѣ. Посошковъ былъ не

---

[1]) Названное сочиненіе, стр. 514, 587 и 588.

[2]) Особенно для того, котораго интересуетъ вопросъ „о роли личности въ исторіи".

[3]) Это убѣдительнѣе всѣхъ другихъ показалъ именно П. Н. Милюковъ.

совсѣмъ неправъ. Охотниковъ тянуть „подъ гору“ было несравненно больше, нежели тянувшихъ „на гору“ [1]). Положимъ, у Петра была безпредѣльная власть, и онъ очень охотно и крайне широко пользовался ею. Бунтовщиковъ онъ „весьма“ лишалъ живота; на пассивное сопротивленіе отвѣчалъ жестокими истязаніями и каторжными работами. Его указы испещрены угрозами. Одинъ иностранный писатель справедливо сказалъ, что они написаны кнутомъ. Но Государь и его помощники, несмотря на непоколебимую вѣру свою въ спасительную силу наказанія, сознавали, что для преобразованія Россіи недостаточно вѣшать бунтовщиковъ и терзать кнутомъ или ссылать въ Рогервикъ „нѣтчиковъ“. Они старались склонить на свою сторону общественное мнѣніе страны. Противники реформы не ограничивались устнымъ ропотомъ; они создали цѣлую литературу „подъметныхъ писемъ“ и другого рода письменныхъ протестовъ. Петръ не хотѣлъ оставаться въ литературномъ долгу у своихъ противниковъ. Поэтому его указы не только грозили лишеніемъ живота и нещаднымъ наказаніемъ; они старались, кромѣ того, убѣдить. Съ этой стороны они представляютъ собой любопытныя публицистическія произведенія.

Едва ли не любопытнѣе всѣхъ остальныхъ указъ 1702 года о вызовѣ иностранцевъ въ Россію. Въ него вошло цѣлое разсужденіе о смыслѣ и пользѣ реформы.

„Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которыя Всевышній нашему правленію подчинилъ,—говорится въ этомъ указѣ,—что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы имъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе; на сей конецъ мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе, защитить государство отъ внѣшняго нападенія и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цѣли мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащіе перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и

[1]) Самъ Павловъ-Сильванскій говорилъ, что даже ближайшіе помощники Петра далеко не всегда были такими энергичными сторонниками реформы, какимъ былъ онъ самъ. Послѣ его смерти новое правительство сохраняетъ всѣ важнѣйшія нововведенія, но для поддержанія многихъ изъ нихъ и дальнѣйшаго развитія у него не хватаетъ ни силъ, ни энергіи (ст. „Судъ надъ реформой Петра Великаго въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ“, въ сборникѣ „О минувшемъ“, Спб. 1909, стр. 3; ср. его же статью: „Мнѣнія верховниковъ о реформахъ Петра Великаго“, сочиненія, т. II, стр. 373—401).

удобнѣе научаться понынѣ имъ неизвѣстнымъ показаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Чего ради мы всѣ, наипаче къ споспѣшествованію торговли съ иностранцами необходимыя приказанія, распоряженія и учрежденія всемилостивѣйше учинили и впредь чинить намѣрены; поелику въ такомъ положеніи находятся, какъ бы мы того желали, и что наши подданные не могутъ еще въ совершенномъ спокойствіи насладиться плодами трудовъ нашихъ, того ради помышляли мы о другихъ еще способахъ, какъ бы обезопасить предѣлы наши отъ нападенія непріятельскаго и сохранить права и преимущества нашего государства и всеобщее спокойствіе въ христіанствѣ, какъ то христіанскому монарху слѣдуетъ. Для достиженія сихъ благихъ цѣлей, мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденіи военнаго штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ; но дабы сіе тѣмъ болѣе усовершенствовать и побудить иноземцевъ, которые къ сей цѣли содѣйствовать и къ таковому улучшенію способствовать могутъ, купно съ прочими государству полезными художниками къ намъ пріѣзжать и какъ въ нашей службѣ, такъ и въ нашей землѣ оставаться, указали мы сей манифестъ съ нижеписанными пунктами повсюду объявить и, напечатавъ, по всей Европѣ обнародовать" [1]).

Другой примѣръ. Издавая указъ о недѣлимости дворянскихъ имѣній,—такъ называемый, хотя и неправильно, указъ о маіоратѣ,— Петръ поясняетъ, какой пользы слѣдуетъ отъ него ждать.

„Если недвижимое будетъ всегда идти одному сыну, а прочимъ движимое, то государственные доходы будутъ оправнѣе, ибо съ большаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по малу возьметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять, и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять. Вторая причина: фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы. Третья причина: прочіе (сыновья) не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что они сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть" и т. д. [2]).

Или возьмемъ „Духовный регламентъ". Это не только уставъ. Это—также произведеніе публициста, обнаруживающаго по временамъ несомнѣнное полемическое увлеченіе и дарованіе. Въ указѣ о монашествѣ и монастыряхъ, отчасти дополняющемъ со-

---

[1]) Приведено у Соловьева, „Исторія Россіи", кн. III, стр. 1344

[2]) Соловьевъ, тамъ же, кн. IV, стр. 151.

бою „Духовный регламентъ“, публицистическій элементъ становится преобладающимъ. Указъ заключаетъ въ себѣ цѣлый очеркъ исторіи монашества, начиная съ древнихъ евреевъ.

„Былъ чинъ еще у евреевъ чинъ, монашескому нѣчто подобный, нарицаемый назореи (кн. Чис., гл. VI),—повѣтствуетъ указъ,—но по обѣщанію на время, а не вѣчный, и ниже присягою обязанный“. О монашескомъ чинѣ у христіанъ сообщается, что онъ возникъ ради хорошихъ цѣлей, а потомъ сталъ приносить „убыль обществу“ и вызывать соблазнъ между инославными. Авторы указа говорятъ, что разумнымъ это явно, „а прочимъ здѣ покажемъ“. И они въ самомъ дѣлѣ очень старательно показываютъ это.

Петръ смотрѣлъ на монашество, какъ и на все прочее, съ точки зрѣнія государственной пользы. Но пользы отъ него онъ видѣлъ мало, а вреда очень много. И вотъ, Петръ ссылается на ту эпоху византійской исторіи, когда греческіе императоры, „покинувъ свое званіе, ханжить начали“ и подчинились вредному вліянію „нѣкоторыхъ плутовъ“. Избѣгая труда и стремясь питаться „трудами другихъ“, плуты довели дѣло до того, что „на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря, даже до Царя-города, который не болѣе тридцати верстъ протягивается“, было до трехсотъ монастырей. Въ другихъ мѣстахъ они были еще многочисленнѣе, и „всѣ съ великими доходы“. Эта гангрена привела къ полному ослабленію военной силы Византійской имперіи: „И тако, какъ отъ прочаго несмотрѣнія, такъ и отъ сего, въ такое бѣдство пришли, что когда турки осадили Царь-городъ, ниже 6000 человѣкъ воиновъ сыскать могли“.

Если вѣрить авторамъ указа, то Россійскому государству монастыри приносятъ не больше пользы, чѣмъ приносили они Византіи: „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность и сколько забобоновъ [1]) раскольныхъ и возмутителей произошло, всѣмъ вѣдомо есть“.

Петру тѣмъ труднѣе было помириться съ тунеядствомъ и „забобонами“ монаховъ, что они у насъ были „почитай всѣ изъ поселянъ“, ну, а поселянинъ, конечно, долженъ работать, а не разсуждать. Когда поселянинъ поступаетъ въ монашеское званіе, онъ не отрекается отъ мірскихъ благъ; напротивъ, онъ получаетъ ихъ больше, чѣмъ прежде: „ибо дома былъ троеданникъ, то-есть дому своему, государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое; а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть,

[1]) Т.-е. суевѣрій.

ибо токмо одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ". При этомъ они совсѣмъ не учатся и священныхъ книгъ не читаютъ. Выходитъ, что обществу нѣтъ отъ нихъ рѣшительно никакой „прибыли". „Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ". При Петрѣ запрещено было постригать крѣпостныхъ крестьянъ, кромѣ тѣхъ, которые имѣли отъ помѣщика „отпускныя письма". Да и въ этомъ случаѣ предписано было смотрѣть, кто и какъ и каковыхъ лѣтъ и для чего освобожденъ отъ своего помѣщика, и умѣетъ ли „граммадѣ".—Неграмотные вовсе не принимались въ монахи [1]).

Указъ этотъ написанъ сообща Петромъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ [2]). Мы видимъ отсюда, что Петръ не былъ одинокимъ и тогда, когда выступалъ въ роли публициста. Указъ 1714 года, такъ называемый указъ о маіоратѣ, выписки изъ котораго приведены мною выше, тоже опирался на доводы, не исключительно принадлежавшіе Петру. П. Н. Милюковъ какъ нельзя болѣе убѣдительно доказалъ, что главнѣйшіе изъ этихъ доводовъ заимствованы были Петромъ изъ одной работы Ѳеодора Салтыкова [3]). Наиболѣе дѣятельнымъ помощникомъ Петра по части публицистики былъ, безъ всякаго сомнѣнія, Ѳеофанъ Прокоповичъ, котораго можно назвать самымъ плодовитымъ и самымъ талантливымъ публицистомъ эпохи преобразованія.

Въ своихъ проповѣдяхъ Прокоповичъ неустанно защищалъ Петровскую реформу съ самыхъ различныхъ ея сторонъ. Вотъ, напримѣръ, неповоротливое московское мышленіе не могло помириться съ поѣздками за границу Петра и его служилыхъ людей. Поэтому Прокоповичъ нашелъ нужнымъ распространиться о пользѣ путешествій. Въ „Словѣ въ недѣлю осмую надесять (октября въ 23 день 1717 года)", онъ говорилъ: „Якоже бо рѣка далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ припадающихъ потоковъ, и тако шествіемъ своимъ умножается, и великую пріемлетъ силу; тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чего жъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли силы? но ся подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ прочіимъ убыточно есть. Чегожъ инаго? того, еже и есть

---

[1]) „Духовный Регламентъ", Москва, Син. типографія, стр. 117.

[2]) Онъ цѣликомъ приведенъ въ одномъ изъ приложеній къ книгѣ П. Чистовича, „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время". Спб. 1868, стр. 709—718.

[3]) Доношеніе о нѣкоторыхъ состоятельныхъ, которыя прилежно выбраны изъ правленія уставовъ разныхъ, какъ аглинскихъ, французскихъ, германскихъ, такожде и прочихъ европскихъ присудствуемыхъ приличеству самодержавія. (См. „Государственное хозяйство Россіи при Петрѣ Великомъ", стр. 536.)

и собственному и общему добру основаніе, искусства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ Еллинскій Оміръ въ началѣ книгъ своихъ Одиссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похваливши Улисса вождя Греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видювшаго. Сокращенная похвала, но великая; многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ".

По словамъ Прокоповича, путешествія вообще развиваютъ умъ, а въ частности политическій смыслъ путешественниковъ: „Смѣло реку, есть тое лучшая и живая честныя политики школа". Но Ѳеофанъ не былъ бы сотрудникомъ Петра, если бы не взглянулъ на вопросъ о пользѣ путешествій также и съ точки зрѣнія военнаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія они представлялись ему даже наиболѣе полезными.

„Особенно же дѣламъ военнымъ, изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ странствованіе... Кому же и легко сіе разсуждающему не явѣ есть, аще бо Географическія карты много къ походу военному пользуютъ, кольми паче свѣдаши самыя страны, и грады, и народы. Не видимъ на картѣ какая сія или оная крѣпость, въ чемъ оныя надежда и въ чемъ боязнь, каковое искусство людей, и каковыя сего и онаго народа сердца, не видимъ на картахъ, которыя угодныя, и которыя трудныя мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталій и прочая симъ подобная. Странствованіе едино все тое какъ на દланѣ показуетъ и живую Географію въ памяти написуетъ, такъ, что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы на воздусѣ летая имѣлъ оныя предъ очима" [1]).

V.

Однимъ изъ наиболѣе дорогихъ нововведеній былъ флотъ, постройка котораго тоже вызывала сильный ропотъ. Прокоповичъ нашелъ нужнымъ выступить на защиту флота. Въ „Словѣ похвальномъ о флотѣ Россійскомъ, и о побѣдѣ галерами россійскими надъ кораблями шведскими Іуліа 27 дня полученной", произнесенной въ Петербургѣ 8 сентября 1720 года, онъ поднимаетъ вопросъ о мореплаваніи на высоту философіи-исторіи.

Вполнѣ согласно съ религіознымъ міросозерцаніемъ проповѣдника изображеніе мореплаванія въ видѣ одного изъ средствъ, избранныхъ Богомъ для культурнаго воспитанія человѣческаго рода.

„Премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное дружелюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякія

---

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ. Слова и рѣчи поучительныя, похвальныя и поздравительныя, часть I, Спб., 1760 г., стр. 207—208.

плоды житію нашему потребныя произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оніи на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другого помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягашися могли. Но понеже не возможно было людемъ имѣти коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужиши могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ сего нелюбящій, не любитъ добра своего, и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть".

Впрочемъ, Прокоповичъ не считаетъ нужнымъ долго распространяться вообще о пользѣ флота, такъ какъ она очевидна всякому „благоразсудному". Онъ спѣшитъ перейти къ разсмотрѣнію пользы, приносимой флотомъ собственно Россійскому государству. Безчестно, по его словамъ, не имѣть флота въ такой странѣ, которая прилегаетъ ко многимъ морямъ: „Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ". Благодаря этому, наше море оказывается не нашимъ. Кромѣ того, страна, не имѣющая флота, не имѣетъ достаточной силы сопротивленія непріятелямъ.

„Трудно земнымъ при рѣкѣ Нілѣ животнымъ обходитися съ крокодилами.—Также то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебе благословеніемъ благостыннымъ, и не возбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго духа къ устроенію флота" [1]). Такимъ образомъ, и постройка флота является, въ послѣднемъ счетѣ, дѣломъ Божественнаго промысла. Естественно поэтому, что Ѳеофанъ приглашаетъ своихъ слушателей возблагодарить Бога за возникновеніе русскаго флота и за побѣду русскихъ моряковъ:

Прославимъ убо прославившаго насъ, благодаримъ обрадовавшему насъ: его дѣло есть флотъ Россійскій, его благословеніе есть толикая сила и толикія плоды флота Россійскаго. Онъ смотреніемъ своимъ навелъ очи Монаршія на презрѣнный ботикъ: онъ Царское сердце зажеглъ ко Архітектурѣ корабельной; онъ предопредѣляя Россіи возвращеніе своихъ, и полученіе новыхъ поморскихъ странъ, предварилъ ю благословеніемъ своимъ, сильну же и дѣйственну на морѣ сотворилъ, вооруживъ флотомъ, и то-

---

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ. Слова и рѣчи, часть II, стр. 52, 53, 54, 55.

ликими ущедривъ побѣдами. Благословенъ Богъ нашъ изволивый тако! Буди имя господне, благословенно отъ нынѣ и до вѣка!“ [1]).

Извѣстно, что на запросъ, сдѣланный имъ князю Д. М. Голицыну въ началѣ 1709 года: „нѣтъ ли въ монахахъ братскаго монастыря какого подозрѣнія?“ Петръ получилъ отвѣтъ: „Во всемъ Кіевѣ нашелъ я одного человѣка, именно изъ братскаго монастыря префекта, который къ намъ снисходителенъ“. Этимъ префектомъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ былъ „снисходителенъ“ къ реформѣ еще прежде сближенія своего съ Петромъ. Характерно, что его школьная „трагедокомедія“, написанная въ 1705 году, имѣетъ предметомъ тоже реформу: введеніе христіанства въ Россію. Она называется „Владиміръ, Славяноросcійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святымъ“. Впослѣдствіи было замѣчено Н. И. Гнѣдичемъ, что въ этой трагедокомедіи выражались такія мысли, какія въ тотъ вѣкъ и на ухо выражать страшились. И въ самомъ дѣлѣ, трагедокомедія многимъ казалась слишкомъ смѣлой и полной язвительныхъ выходокъ противъ духовенства. Послѣ смерти Петра, Маркеллъ Радышевскій доносилъ, что Ѳеофанъ „архіереевъ, іереевъ православныхъ жрецами и фарисеями называетъ... Священниковъ россійскихъ называетъ жериволами, лицемѣрами, идольскими жрецами, а чернцовъ—черными мужиками и чертями, и монашество и черницъ желаетъ искоренить“ Ѳеофану пришлось оправдываться, ссылаясь на то, что онъ осуждалъ не сплошь всѣхъ священниковъ, а только великую часть ихъ, которая непотребна и таковыхъ именъ и подобій достойна, не по званію своему, но по нраву и негодности [2]). При жизни Петра Прокоповичъ могъ не бояться доносовъ, такъ какъ первый русскій императоръ самъ не долюбливалъ „жериволовъ“, а сочувствіе къ реформѣ не могло не быть большой заслугой въ его глазахъ. Послѣ его смерти настали другія времена.

Не надо думать, однако, что, выступивъ на защиту Петровской реформы, Прокоповичъ явился исключеніемъ въ тогдашнемъ русскомъ духовенствѣ. Къ реформѣ были „снисходительны“ довольно многія духовныя лица малорусскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ защищали реформу вообще и флотъ въ частности, такъ сказать, ex professo. Сошлюсь на Гавріила Бужинскаго, назначеннаго въ 1719 году оберъ-іеромонахомъ флота. Онъ доказывалъ въ своихъ проповѣдяхъ, что государство, лишенное

---

[1]) Тамъ же, стр. 59.

[2]) См. статью: „Трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича, Владиміръ“ въ сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова, томъ II, стр. 152.

флота, подобно птицѣ, которая захотѣла бы летать съ однимъ крыломъ. Онъ усердно оттѣнялъ также „неизреченную“ пользу, приносимую государству купечествомъ. „Ни одно царство,—говорилъ онъ,—не можетъ быть довольнымъ собою безъ торговъ“. Другой іеромонахъ флота обличалъ главныхъ противниковъ Петровской реформы, раскольниковъ, и перевелъ на русскій языкъ „Увѣщанія и приклады политическіе, отъ различныхъ историковъ Юстомъ Липсіемъ на латинскомъ языкѣ собранные“ [1]).

Мѣстоблюститель Патріаршаго престола Стефанъ Яворскій не одобрялъ многихъ мѣръ Петра. Царевичъ Алексѣй не безъ основанія считалъ его своимъ сторонникомъ. Но духовная власть была тогда у насъ до такой степени подчинена свѣтской, что и Яворскій вынужденъ былъ, скрѣпя сердце и по своему, отстаивать „правду воли Монаршей“. Въ усердной защитѣ флота онъ мало уступалъ Прокоповичу. И тутъ онъ, кажется, не лицемѣрилъ.

Онъ сравнивалъ Петра съ Ноемъ, который оказывается у него первымъ мастеромъ и адмираломъ. Благодаря новому Ною, Россія заняла несравненно болѣе выгодное положеніе, чѣмъ прежде. Прежде „вѣстей никакихъ ни откуда Россіяне не имѣаху, поведеній нравовъ и обычаевъ въ иныхъ государствахъ политичныхъ отнюдь не знаяху, тѣмже и поношенія, и укоризны, и досады многія отъ прочихъ государствъ терпяху, аки дѣтища нѣкіе и отроки невѣжливые, которымъ развѣ то вѣдомо, что въ дому дѣется“. Теперь Богъ ключомъ Петровымъ отворилъ Россіи ворота, черезъ которыя она можетъ войти въ сношенія съ остальнымъ свѣтомъ. Флотъ полезенъ не только въ смыслѣ просвѣщенія, но также въ смыслѣ обогащенія: „Флотомъ морскимъ мощно звѣдати, что на свѣтѣ дѣется, мощно узрѣти различные государства, ихъ поведенія, политику, красоту градовъ, различіе нравовъ въ людехъ различныхъ, и премногіе иные прежде невиданные диковинки. Кораблями вскорѣ мощно обогатитися. Сей одинъ градъ (Петербургъ) всѣ убылѣ, въ нынѣшнемъ военномъ времени бываемыя, кораблями и пристанью своею можетъ наверстати. А что твои караваны въ китайское царство? бездѣлица то есть: весь караванъ насилу съ единымъ караблемъ сравнитися можетъ. Да уже не надобѣ лошадей ни кормити, ни теряти, ни телѣгъ ломати, ни слугъ много имѣти“ [2])...

Точкой отправленія для всѣхъ этихъ правительственныхъ публицистовъ служилъ тотъ взглядъ, что надо приневолить

---

[1]) О немъ см. у Пекарскаго: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, томъ I, стр. 218, 219 и 492—494.

[2]) Цитировано у П. Морозова: „Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“, стр. 86.

Россіянъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя необходимы для ихъ собственной пользы. Въ своихъ указахъ Петръ безпрестанно повторялъ этотъ взглядъ. Въ указѣ 1723 года онъ говорилъ: „Нашъ народъ, яко дѣти, не ученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ:—не все-ль неволею сдѣлано? и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“ [1]).

Но приневолить можно только тѣхъ, которые подчиняются. И хотя Россіяне и безъ того не имѣли привычки отказывать верховной власти въ повиновеніи, но всѣ правительственные публицисты въ одинъ голосъ твердили имъ о вредѣ неповиновенія. У духовныхъ проповѣдниковъ указаніе на его вредъ неизмѣнно подкрѣпляется указаніемъ на то, что неповиновеніе земной власти настоятельно запрещается и немилосердно карается властью небесной. Тутъ нѣтъ и намека на оговорки, нерѣдко дѣлавшіяся католическими духовными въ ихъ разсужденіяхъ о подчиненіи свѣтской власти.

VI.

Убѣжденіе въ необходимости „приневоливанія“ часто высказывалось западно-европейскими теоретиками просвѣщеннаго деспотизма. Нашего Петра тоже называютъ просвѣщеннымъ деспотомъ. И это, конечно, справедливо. Но, говоря о просвѣщенномъ деспотизмѣ Петра, никогда не надо упускать изъ виду ту, уже много разъ отмѣченную мною, особенность, которая отличаетъ деспотизмъ восточныхъ монархій отъ абсолютизма западно-европейскихъ государствъ. Восточному деспоту принадлежитъ право по произволу распоряжаться имуществомъ своихъ подданныхъ. Въ западно-европейскихъ абсолютныхъ монархіяхъ государь могъ распоряжаться имуществомъ своихъ подданныхъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ или обычаемъ. Излишне повторять здѣсь, что разница эта вызвана была отнюдь не какими-нибудь нравственными преимуществами западныхъ монарховъ передъ восточными, а единственно только неодинаковымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ. Но фактъ остается фактомъ: совершая свою реформу, Петръ обладалъ безпредѣльной властью восточнаго деспота. И онъ широко пользовался этой безпредѣльной властью. Стремясь развить производительныя силы Россіи, онъ началъ съ того, что окончательно

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 782—783.

закрѣпилъ государству всѣ тѣ ея силы, которыя уже находились налицо. Во время своего перваго заграничнаго путешествія онъ нанялъ много иностранныхъ горныхъ мастеровъ. По возвращеніи домой онъ продолжалъ усиленно заботиться о развитіи горнаго дѣла въ Европейской Россіи и Сибири. Чтобы обезпечить успѣхъ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты имъ съ этой цѣлью, онъ уже въ 1700 году далъ каждому право сыскивать руды во всемъ государствѣ, независимо отъ воли землевладѣльца. Тѣ помѣщики, въ чьихъ земляхъ была бы открыта руда, получали право прежде всѣхъ другихъ просить о дозволеніи построить на нихъ заводы. Если бы они не захотѣли или не были въ состояніи воспользоваться этимъ правомъ, то оно предоставлялось всякому желающему завести новое дѣло и имѣющему необходимыя для этого средства: „дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось“. Кто утаивалъ руду или препятствовалъ другимъ въ устроеніи заводовъ, тотъ подвергался тѣлесному наказанію и смертной казни. Какъ ни велика была привычка жителей Московскаго государства къ безцеремонному обращенію верховной власти съ ихъ имуществомъ, но все-таки новыя нарушенія ихъ имущественныхъ правъ, вызванныя заботами Петра о развитіи горнаго дѣла, вызывали, по крайней мѣрѣ, пассивное сопротивленіе съ ихъ стороны. Не имѣя возможности открыто сопротивляться царскимъ распоряженіямъ, землевладѣльцы вымещали зло на пріискателяхъ. Петру „учинилось вѣдомо, что пріискателямъ въ пріискѣ рудъ и минераловъ чинятся великія обиды и помѣшательства“. И вотъ, въ 1722 году, Бергъ-Коллегіи предписано было произвести по этому поводу цѣлое слѣдствіе. Не менѣе характерны мѣры, принятыя Петромъ для развитія жемчужной ловли въ Россіи. Указъ 1716 года требовалъ, чтобы никто не чинилъ капитану Вельяшеву и людямъ, отъ него посылаемымъ, препятствій въ пріисканіи жемчуга. Вельяшевъ получалъ право нанимать для пріисканія жемчуга людей, знакомыхъ съ этимъ дѣломъ. Если же такіе люди не захотѣли бы наняться къ нему, то онъ могъ силой заставить ихъ работать, платя имъ въ мѣсяцъ по три рубля каждому и при этомъ смотря „накрѣпко“, чтобы они работали прилежно.

Нуждаясь въ хорошемъ деревѣ для постройки флота, Петръ de facto превратилъ лѣса въ государственное имущество. Тогда явилось много заповѣдныхъ лѣсовъ, неприкосновенныхъ даже для своихъ владѣльцевъ. За порубку корабельныхъ деревьевъ полагалась смертная казнь. Впослѣдствіи Петръ нашелъ, однако, нужнымъ смягчить это наказаніе. За порубку дубовыхъ деревьевъ

стали только... вырѣзывать ноздри и ссылать на каторгу. Наконецъ, и эта кара найдена была,—согласитесь, не безъ нѣкотораго основанія! — слишкомъ жестокой и замѣнена денежнымъ штрафомъ: за дубъ пятнадцать рублей; за остальныя деревья десять рублей. Однако вырѣзываніе ноздрей и каторга сохранены были для рецидивистовъ.

Во имя государственной пользы рыбныя ловли тоже отобраны были изъ частнаго владѣнія.

Въ маѣ 1722 года приказано было раздать многовотчиннымъ людямъ,—соразмѣрно числу ихъ деревень,—тонкорунныхъ овецъ, содержавшихся прежде на казенныхъ заводахъ. Принимать на свое попеченіе этихъ овецъ обязанъ былъ даже тотъ, „кто самъ и не хотѣлъ принять". Другими словами, уходъ за тонкорунными овцами становился одной изъ натуральныхъ повинностей, возложенныхъ на обывателя съ цѣлью развитія производства суконъ.

Въ интересахъ этого дѣла, тѣсно связаннаго съ нуждами новосозданной арміи, многовотчиннымъ владѣльцамъ раздавались не только о в ц ы, но и о в ч а р ы. Овчаровъ не спрашивали, желаютъ ли они поступать въ услуженіе къ такимъ-то владѣльцамъ, совершенно такъ же, какъ не спрашивали ловцовъ жемчуга, желаютъ ли они наняться къ капитану Вельяшеву. Трудящееся населеніе страны разсматривалось какъ государственная собственность. Изученіе ремеслъ тоже сдѣлалось повинностью и тоже ради „государственной пользы". Въ 1712 году приказано было во всѣхъ губерніяхъ выбрать 315 молодыхъ людей изъ кузнецовъ и столяровъ, лучшихъ въ своемъ мастерствѣ, и обучить ихъ выдѣлкѣ стволовъ, замковъ и ружейныхъ ложъ. Кромѣ того, въ каждой губерніи по два человѣка должны были обучаться сѣдельному мастерству, для полковъ. Люди, знавшіе тѣ или другія ремесла, должны были идти на государственныя работы по первому требованію правительства. Въ 1709 году выслано было въ Петербургъ, для городового строенія, сорокъ тысячъ человѣкъ, не считая каменщиковъ и кирпичниковъ. Въ 1711 году опять потребованы были изъ губерній мастеровые люди для адмиралтейскихъ работъ и т. д., и т. д.

Какъ смотрѣлъ Петръ на трудящееся населеніе, лучше всего видно изъ слѣдующаго. Въ сентябрѣ 1702 г. онъ предписалъ Шереметеву „купить изъ лифляндскихъ жителей земледѣльцевъ и прислать ихъ въ Россію для поселенія въ разныхъ нехлѣбородныхъ мѣстахъ, чтобъ такимъ образомъ, посредствомъ ихъ, научить русскихъ лучшему обрабатыванію полей". Предпріятіе это получило неожиданно благопріятный оборотъ. При

наличности большого числа плѣнныхъ въ покупкѣ „чухны“ не оказалось надобности. Шереметевъ отвѣчалъ царю: „Указалъ ты, Государь, купя прислать Чухны и Латышей, а твоимъ Государевымъ счастьемъ и не купленныхъ пришлю. Можно бы и не одну тысячу послать, только трудно будетъ вести“. Однако, несмотря на трудность, въ Москву отправлено было 600 человѣкъ обоего пола [1]).

Европеизуя Россію, Петръ доводилъ до его крайняго логическаго конца то безправіе жителей по отношенію къ государству, которая характеризуетъ собою восточныя деспотіи. Не церемонясь съ трудящимся населеніемъ („съ государевыми сиротами“), царь-преобразователь не считалъ нужнымъ церемониться и со служилыми людьми („съ государевыми холопами“). Пріобрѣтеніе разнаго рода техническихъ знаній (изученіе „навигацкой“ науки и „інструментовъ“) тоже сдѣлалось однимъ изъ многочисленыхъ видовъ натуральной повинности: натуральной повинностью дворянства. Мы уже знаемъ, что дворянство плохо исполняло эту свою повинность, но все-таки въ извѣстной, хотя и незначительной, мѣрѣ исполняло. Въ свою очередь, глава государства дорожилъ дворянствомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно исполняло свою обязанность служить и готовиться къ службѣ. Петръ неустанно твердилъ дворянству, что только посредствомъ службы оно дѣлается „благороднымъ“ и отличнымъ отъ „подлости“, т.-е. отъ простого народа. Но если только служба дѣлала дворянъ „благородными“, то было вполнѣ естественно давать дворянскія права всякому заслуженному человѣку. Петръ такъ и поступалъ. По указу 16 января 1721 г. всякій, дослужившійся до оберъ-офицерскаго чина, получалъ потомственное дворянство. Установляя въ январѣ слѣдующаго года знаменитую „Табель о рангахъ“, Петръ пояснялъ, что люди знатной породы не получатъ никакого ранга до тѣхъ поръ, пока они не покажутъ заслугъ государству и отечеству. Уже за нѣсколько лѣтъ до того,—въ февралѣ 1714 г.,—запрещено было производить въ офицеры тѣхъ служилыхъ людей „изъ дворянскихъ породъ“, которые сами не прошли солдатской службы въ гвардіи и „съ фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ“. Согласно Воинскому Уставу 1716 г., „шляхетству Россійскому иной способъ не остается въ офицеры происходить, кромѣ, что служить въ гвардіи“. Вслѣдствіе этого гвардейскіе полки сдѣлались дворянскими по преимуществу. Въ гвардейскомъ

---

[1]) См. въ „Современникѣ“ (1847 г., книга VI) статью: „Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ“, стр. 90, 91. Оттуда же заимствованы и другіе, приведенные мною, примѣры этого рода.

полку [1]), который состоялъ исключительно изъ „шляхетскихъ дѣтей“, числилось до трехсотъ рядовыхъ съ княжескимъ титуломъ. „Дворянинъ гвардеецъ,—говоритъ Ключевскій,—жилъ, какъ солдатъ, въ полковой казармѣ, получалъ солдатскій паекъ и исполнялъ всѣ работы рядового [2]). При этомъ сіятельный рядовой очень часто попадалъ подъ команду человѣка, выслужившагося „изъ самой подлости“. Такимъ образомъ, порода отступала назадъ передъ чиномъ. Это было вполнѣ согласно съ тѣмъ ходомъ соціально-политическаго развитія Московскаго государства, который опредѣлился по меньшей мѣрѣ со временъ Ивана Грознаго: опричнина для того и учреждалась, чтобы заставить породу попятиться передъ выслугой. Европеизуя Россію, Петръ и здѣсь довелъ до крайности ту черту ея строя, которая сближала ее съ восточными деспотіями. По недоразумѣнію, указанная черта принималась иногда за признакъ демократизма. Въ такомъ видѣ выступаетъ она, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ историческихъ разсужденіяхъ М. П. Погодина и въ нѣкоторыхъ „художественныхъ“ произведеніяхъ Н. Кукольника. На самомъ дѣлѣ она не имѣетъ съ демократизмомъ ровно ничего общаго. Строй, характеризуемый преобладаніемъ этой черты, прямо противоположенъ демократическому: въ немъ всѣ порабощены, кромѣ одного, между тѣмъ какъ въ демократіи всѣ свободны, по крайней мѣрѣ, de jure. Въ обширномъ промежуткѣ между этими двумя крайностями помѣщаются всѣ конституціи, характеризуемыя свободой болѣе или менѣе значительнаго числа привилегированныхъ.

Дѣлая гвардейскіе полки дворянскими по составу, Петръ тѣмъ самымъ сообщалъ служилому дворянству такую организацію, какой оно не имѣло прежде. По замѣчанію Ключевскаго, гвардейцы, бывшіе подъ сильной рукой слѣпымъ орудіемъ власти, подъ слабой рукой становились преторіанцами или янычарами. При преемникахъ Петра, гвардейцы, въ самомъ дѣлѣ, часто выступали въ роли янычаръ или преторіанцевъ. Но выступленіе въ этой роли не мѣшало имъ оставаться землевладѣльцами, эксплуатировавшими трудъ закрѣпощеннаго крестьянства. Въ качествѣ такихъ землевладѣльцевъ они предъявляли извѣстныя требованія, съ которыми не могли не считаться даже абсолютные монархи. Осуществленіе этихъ требованій въ извѣстной мѣрѣ и постепенно нарушало свойственное россійскимъ обыва-

---

[1]) Въ такъ называемомъ лейбъ-регментѣ, сформированномъ въ 1719 г. въ добавленіе къ двумъ пѣхотнымъ гвардейскимъ полкамъ и впослѣдствіи переименованномъ въ конно-гвардейскій.

[2]) Курсъ русской исторіи, часть IV, стр. 105, 106.

телямъ равенство безправія. Дворянство мало-по-малу остановилось привилегированнымъ сословіемъ. А такъ какъ гвардейская организація дворянства, несомнѣнно, содѣйствовала осуществленію его требованій, то мы приходимъ къ тому выводу, что своимъ переустройствомъ войска Петръ далъ толчокъ развитію сословныхъ преимуществъ служилаго класса. Не надо забывать также, что, при преемникахъ Петра, въ роли преторіанцевъ или янычаръ выступало то дворянство, которое самой центральной властью настоятельно побуждалось къ нѣкоторому сближенію съ западными европейцами. Неудивительно, что при воцареніи Анны Ивановны янычары, или преторіанцы, обнаружили такое знакомство съ политическими понятіями Запада, какимъ никогда не обладали служилые люди до-Петровской Руси.

Свѣдѣнія, пріобрѣтавшіяся дворянствомъ по царскому приказу, никогда не были обширны. Въ возрастѣ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ учившіеся должны были пройти „цифирь", начальную геометрію и Законъ Божій. Послѣ пятнадцати лѣтъ обязательное ученіе прекращалось, и начиналась обязательная служба. Заботясь о томъ, чтобы служилые люди не уклонялись отъ ученія, правительство не меньше заботилось и о томъ, чтобы ученіе не мѣшало службѣ. Указъ 17 октября 1723 г. запретилъ людямъ свѣтскихъ чиновъ оставаться въ школахъ послѣ пятнадцатилѣтняго возраста, „дабы подъ именемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались". Впрочемъ, хотя тогдашнее дворянство и любило укрываться отъ службы, однако не въ его привычкахъ было укрываться отъ нея въ школахъ. Когда дѣло шло о томъ, чтобы учиться, его представители также охотно сказывались въ „нѣтяхъ", какъ и тогда, когда ему надо было отправляться на службу.

Иногда они записывались въ одну школу для того, чтобы избѣжать поступленія въ другую, казавшуюся имъ болѣе трудной. Однажды случилось такъ, что много дворянъ, не желавшихъ поступить въ математическую школу, записалось въ духовное Заиконоспасское училище въ Москвѣ. „Петръ велѣлъ взять любителей богословія въ Петербургъ въ морскую школу и въ наказаніе заставилъ ихъ бить сваи на Мойкѣ" [1]).

Иначе, разумѣется, и быть не могло. Откуда явилась бы сильная склонность къ просвѣщенію въ такой общественной средѣ, до которой просвѣщеніе раньше почти совсѣмъ не доходило? Хотя Петръ не былъ одинокъ въ современной ему Россіи, но тѣмъ

---

[1]) Ключевскій. Курсъ, IV, стр. 104.

не менѣе даже ко многимъ изъ его „птенцовъ“ вполнѣ приложимъ строгій отзывъ историка:

„Сотрудники реформы поневолѣ, эти люди не были въ душѣ ея искренними приверженцами, не столько поддерживали ее, сколько сами за нее держались, потому что она давала имъ выгодное положеніе... Служить Петру еще не значило служить Россіи. Идея отечества была для его слугъ слишкомъ высока, не по ихъ гражданскому росту. Ближайшіе къ Петру люди были не дѣятели реформы, а его личные дворовые слуги... Это были истыя дѣти воспитавшаго ихъ фискально-полицейскаго государства съ его произволомъ, его презрѣніемъ къ законности и человѣческой личности, съ притупленіемъ нравственнаго чувства...“ [1]).

Точнѣе было бы сказать, что въ московской вотчинной монархіи личность уважалась еще меньше, а законность презиралась еще больше, нежели въ фискально-полицейскихъ государствахъ Запада. Вотчинная монархія была почвой, совсѣмъ неблагопріятной для развитія просвѣщенія. Но если, несмотря на то, уже въ до-Петровскую эпоху мы встрѣтили въ Москвѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ людей, искренно увлекавшихся западными обычаями и западной наукой, то естественно ожидать, что при Петрѣ и послѣ него такіе люди, не переставая быть исключеніями, станутъ, однако, уже менѣе рѣдкими исключеніями. И мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что со времени Петровской реформы на Руси не переводятся искренніе приверженцы западнаго просвѣщенія. Въ средѣ этихъ людей и развивалась русская общественная мысль. Одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ Петра, самъ принадлежавшій къ нимъ,—нѣсколько разъ цитированный мною выше Ѳеофанъ Прокоповичъ, — назвалъ ихъ ученой дружиной [2]).

Члены этой дружины во многихъ отношеніяхъ являются людьми интересными и даже прямо замѣчательными. Намъ пора поближе познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ.

---

[1]) Ключевскій, тамъ же, IV, стр. 333—336.

[2]) Въ одномъ изъ стихотворныхъ обращеній къ А. Кантемиру Прокоповичъ говорилъ:

А ты какъ началъ течи путь преславный,
Коимъ книжны текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины и т. д.

Глава II.

„Ученая дружина" и самодержавіе.

Западниковъ до-Петровской эпохи,—Хворостинина, В. Ордина-Нащокина, даже Котошихина,—„тошнило" въ Москвѣ. „Тошнота"—мучительное ощущеніе. Чтобы избавиться отъ нея, одни бѣжали за границу, другіе постригались въ монахи. Это были „einsame Geister" въ полномъ смыслѣ слова. На сочувствіе со стороны окружавшихъ имъ приходилось оставить всякую надежду. Точно такъ же имъ и въ голову не могло придти, что наступитъ время, когда правительство потребуетъ отъ русскихъ людей усвоенія западныхъ обычаевъ и западныхъ знаній подъ страхомъ жестокаго наказанія. У нихъ не было основанія вѣрить въ просвѣтительныя намѣренія московскихъ государей. Поэтому у нихъ не было и стремленія служить государямъ „не токмо за страхъ, но и за совѣсть". Они мало думали о политическихъ вопросахъ и плохо разбирались въ нихъ. Но ихъ настроеніе не было и не могло быть настроеніемъ дѣятельныхъ сторонниковъ московскаго самодержавія. Читатель не забылъ, можетъ быть, что въ указѣ, „сказанномъ" Хворостинину, его упрекали, между прочимъ, въ употребленіи слова деспотъ вмѣсто слова царь. Приведя эпизодъ съ этимъ указомъ, я замѣтилъ, что едва ли его авторы правильно объяснили, почему Хворостининъ назвалъ московскаго царя деспотомъ. Они думали,—или, по крайней мѣрѣ, снисходительно сдѣлали видъ, что думаютъ,—будто Хворостининъ выразился такъ вслѣдствіе простой неосвѣдомленности на счетъ значенія слова деспотъ. И они упрекнули его въ умаленіи царскаго титула. Но, вѣроятно, Хворостининъ употребилъ слово деспотъ затѣмъ, чтобы посредствомъ его выразить свое неодобрительное отношеніе къ полной неограниченности царской власти. Осуждалъ такую неограниченность и панславистъ Юрій Крижаничъ, принесшій съ собою въ Москву сложившееся у него на Западѣ убѣжденіе въ томъ, что иное дѣло подданный, а иное—холопъ. Крижаничъ горячо порицалъ установившееся въ Московскомъ государствѣ „крутое владаніе". Но мы знаемъ,

что тотъ же Крижаничъ смотрѣлъ на обширную власть московскихъ государей, какъ на самое могучее изо всѣхъ возможныхъ средствъ преобразованія Руси. „О царю, ты въ рукахъ держишь чудотворный Моисеевъ Прутъ,—восклицалъ онъ,—и можешь нимъ творить дивна во владѣнію чудеса“. Юрію Сербенину не суждено было увидать „дивна чудеса“ въ Московской землѣ. Напротивъ, онъ самъ сдѣлался одной изъ жертвъ „крутого владанія“. Но при Петрѣ въ извѣстной мѣрѣ осуществился завѣтъ Юрія Крижанича. Съ помощью „чудотворнаго Моисеева Прута“ царь сталъ дѣлать одно „дивно чудо“ за другимъ. Теперь навлечь на себя преслѣдованія рисковали не тѣ, которыхъ „тошнило“ отъ старыхъ московскихъ порядковъ, а, наоборотъ, тѣ, которые испытывали „тошноту“ при видѣ порядковъ и обычаевъ Западной Европы. Это значитъ, что теперь положеніе нашихъ западниковъ существенно измѣнилось. Имъ уже не надо было бѣжать за границу или искать убѣжища въ монастыряхъ: передъ ними открывалась возможность плодотворной практической дѣятельности въ родной сторонѣ. Россія перерождалась на ихъ глазахъ, сближаясь съ тѣмъ самымъ Западомъ, культура котораго такъ высоко цѣнилась ими. Мы знаемъ теперь, что процессъ преобразованія Россіи на долго оставилъ неприкосновенными, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже упрочилъ старыя основы ея соціально-политическаго строя. Мы знаемъ также, что европеизація Россіи долго оставалась весьма поверхностной. Но современникамъ Петра дѣло представлялось совершенно въ другомъ видѣ. Основныхъ вопросовъ общественно-политическаго быта никто изъ русскихъ людей тогда еще не поднималъ; что же касается второстепенныхъ, производныхъ чертъ общественной жизни, то какъ противники, такъ и сторонники реформы Петра находили ихъ измѣнившимися до неузнаваемости. И они относили эту перемѣну на счетъ государя. Неутомимый защитникъ преобразовательной дѣятельности Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ, ни мало не лицемѣрилъ, говоря, что Россія есть статуя Петра, и называя перваго русскаго императора виновникомъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, виновникомъ, воскресившимъ свою страну аки отъ мертвыхъ. Въ его знаменитомъ „Словѣ на погребеніе Петра“, конечно, много риторики: наше духовное краснорѣчіе безъ нея никогда не обходилось и не обходится. Привычкѣ къ риторикѣ нужно приписать, напримѣръ, то утвержденіе Прокоповича, что Петръ одновременно былъ Самсономъ, Яфетомъ и Соломономъ Россіи, да къ тому же еще Давидомъ и Константиномъ россійской церкви. Привычкой къ риторикѣ объясняется и совсѣмъ неумѣстная при указанныхъ обстоятельствахъ игра

словъ въ родѣ той, что Петръ засталъ въ Россіи силу слабую, а оставилъ „по имени своему каменную, Адамантову“. Но когда проповѣдникъ развиваетъ свою риторически выраженную мысль, мы чувствуемъ, что онъ вполнѣ искренно восхищается величіемъ Петрова дѣла.

По его словамъ, Петръ „засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же востающыя на насъ разрушалъ, купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и заградивъ уста зависти славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ“. Съ этимъ не могли не согласиться его слушатели.

Не могли не согласиться съ нимъ они,—по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые сочувствовали реформамъ Петра,—и тогда, когда онъ, оправдывая названіе покойнаго царя Соломономъ Россіи, говорилъ: „Недовольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная и многимъ подданнымъ вліянная, и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія, хитрости и мастерства: еще же и чины, и степени, и порядки гражданскіе, и честные образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правило: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отъ внутрь и отъ внѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся“ [1]).

Чтобы оцѣнить силу впечатлѣнія, произведеннаго на русскихъ людей нѣкоторыми изъ ближайшихъ послѣдствій Петровской реформы, надо вспомнить, какими глазами начинали смотрѣть на себя московскіе люди во второй половинѣ XVII столѣтія. Сравнивая силы своей страны съ силами западно-европейскихъ государствъ, они съ горькой насмѣшкой поговаривали, что трудно разсчитывать на побѣду московскому „плюгавству“. Нарва показала, насколько справедливо было это пренебрежительное мнѣніе московскихъ людей о самихъ себѣ. Но Полтава съ другими побѣдами, ей предшествовавшими и за ней слѣдовавшими, давала имъ пріятный поводъ думать, что время „плюгавства“ безвозвратно миновало, и что отнынѣ Россія можетъ успѣшно бороться съ любымъ изъ западно-европейскихъ государствъ. Сознаніе этой перемѣны поднимало въ нихъ чувство самоуваженія, льстило ихъ народной гордости.

---

[1]) Слова и Рѣчи, II, стр. 129 и 130.

Въ „Словѣ похвальномъ“, произнесенномъ въ день рожденія царевича Петра Петровича, Ѳеофанъ очень ярко выразилъ это переживаніе тогдашнихъ русскихъ западниковъ.

Онъ напоминалъ тамъ, оговариваясь, впрочемъ, что дѣлаетъ это „не въ срамоту, какъ смотрѣли на Россію прежде иноземные народы“: „Бѣхомъ у политическихъ мнимiи варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желателная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганы“. Петръ заставилъ иноземцевъ уважать Россію: „Нынѣ же храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества, не себѣ точію, но и всему Россійскому народу содѣла Пресвѣтлый нашъ Монархъ? То, что которыи насъ гнушалися яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которыи безчестили, славятъ, которыи грозили, боятся и трепещутъ, которыи презирали, служити намъ не стыдятся“.

Въ своемъ упоеніи тою честью, которую оказываетъ Россіи измѣнившееся къ ней отношеніе иноземцевъ, Прокоповичъ обнаружилъ порядочную дозу наивности. Онъ сказалъ:

„Многіи въ Европѣ коронованныи главы не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотно; но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе“.

Эта, почти непонятная теперь, наивность показываетъ, что хотя Прокоповичъ и очень гордился преобразованной Россіей,— восторженно называя ее „свѣтлой, красной, сильной, другомъ любимой, врагомъ страшной“ [1]), — но онъ продолжалъ ставить ее несравненно ниже просвѣщенныхъ странъ Запада.

Чтобы подняться на одинъ уровень съ ними, ей нужно было вполнѣ овладѣть ихъ просвѣщеніемъ. Ѳеофанъ и его друзья были убѣжденными просвѣтителями. А такъ какъ починъ распространенія просвѣщенія въ Россіи цѣликомъ приписывался ими Петру, то было весьма естественно, что они относились къ царю-преобразователю съ самымъ искреннимъ поклоненіемъ. Другой членъ „ученой дружины“, В. Н. Татищевъ, утверждая, что „Петръ Великій открылъ своему народу путь къ просвѣщенію сысканіемъ способовъ пріобрѣсть оное внутрь предѣловъ своего отечества“, такъ говорилъ о самомъ себѣ:

„Все, что имѣю, чины, честь, имѣніе и главное надъ всѣмъ— разумъ, единственно все по милости Его Величества имѣю; ибо естьли бы онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ, а милостію не ободрялъ, то бы я не могъ ничего того получить, и хотя мое желаніе къ благодар-

---

[1]) Слова и Рѣчи, I, стр. 114—115.

ности, славы и чести Его Величества не болѣе умножить можетъ, какъ двѣ лепты въ сокровища храма Соломонова, или капля воды, кинутая въ море, но мое желаніе къ тому не измѣримо, и болѣ всего сокровища Соломона и многоводной рѣки Оби" [1]).

Такъ же восторженно чтилъ Петра и „рогатый пророкъ" „ученой дружины", Антіохъ Кантемиръ, писавшій въ своей „Петрадѣ":

„Петра, когда глаголю,—что не заключаю
Въ той самой Рѣчи? Мудрость, мужество къ случаю
Злу и благополучну, осторожность сильну,
Любовь, попеченіе, пріятность умильну,
Правдиваго судію, царя домостройна,
Друга вѣрна, воина, всѣхъ лавровъ достойна,
Словомъ: все, что либо звать совершеннымъ можно".

'акъ относились къ Петру наши западники первой половины XVIII в. Впослѣдствіи мы убѣдимся, что такое отношеніе къ нему осталось неизмѣннымъ въ западномъ лагерѣ вплоть до очень недавняго времени. Запомнить это необходимо для выясненія себѣ хода развитія русской общественной мысли. Поэтому я теперь же приведу два-три примѣра изъ исторіи этой мысли въ XIX столѣтіи.

Въ письмѣ къ К. Д. Кавелину отъ 22 ноября 1847 г. Бѣлинскій говорилъ:

„Для меня Петръ—моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи. Это примѣръ для великихъ и малыхъ, которые хотятъ что-нибудь дѣлать, быть чѣмъ-нибудь полезными" [2]).

Почти наканунѣ своей смерти онъ,—какъ это видно изъ его письма къ П. В. Анненкову отъ 15 февраля 1848 г.,—доказывалъ своему „вѣрующему другу" (М. А. Бакунину), что „для Россіи нуженъ новый Петръ Великій" [3]),

Н. Г. Чернышевскій въ началѣ своей литературной дѣятельности цѣликомъ раздѣлялъ этотъ взглядъ Бѣлинскаго на Петра I. Въ четвертой статьѣ его „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы" мы находимъ слѣдующія многознаменательныя строки:

---

[1]) Исторія Россійская, книга I, часть I, Москва, 1768 г., стр. XVI (Предъизвѣщеніе).

[2]) Въ томъ же году, въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года", онъ высказалъ такой взглядъ на происхожденіе русской литературы: „Какъ и все, что ни есть въ современной Россіи живого, прекраснаго и разумнаго, наша литература есть результатъ реформы Петра Великаго".

[3]) Бѣлинскій. Письма, томъ III, Спб., 1914, стр. 300 и 329.

„Для насъ идеалъ патріота—Петръ Великій; высочайшій патріотизмъ — страстное, безпредѣльное желаніе блага родинѣ, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю дѣятельность этого великаго человѣка“.

Возможно, что примѣръ Петра взятъ былъ Чернышевскимъ отчасти для успокоенія цензуры. Если бы не цензура, то онъ выбралъ бы, можетъ быть, другой примѣръ. Ему нужно было собственно сказать, что задача передовыхъ русскихъ людей до сихъ поръ заключается въ распространеніи у себя на родинѣ знаній, добытыхъ болѣе просвѣщенными народами, а не въ самостоятельномъ добываніи такихъ знаній. Но, во-первыхъ, никакая цензура не обязывала его отзываться о Петрѣ въ такихъ похвальныхъ выраженіяхъ, какія мы находимъ въ только что сдѣланной выпискѣ. Во-вторыхъ, очевидно, не для цензуры ставилъ онъ задачу современныхъ ему русскихъ просвѣтителей въ прямую и тѣсную связь съ реформой Петра: „Пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло (нежели работа области „чистой“ науки. *Г. П.*), болѣе близкое къ сердцу—содѣйствіе, по мѣрѣ силъ, дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ“.

Увлеченіе Петромъ способствовало распространенію въ русскомъ западническомъ лагерѣ того взгляда, что у насъ великія преобразованія могутъ идти только сверху. Этотъ взглядъ раздѣлялъ еще Бѣлинскій, подъ его вліяніемъ склонявшійся къ признанію славянофильскаго ученія о полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса. Мы увидимъ, что Бѣлинскому и его послѣдователямъ невозможно было соединить такія понятія въ одно стройное цѣлое съ другими ихъ общественными взглядами, заимствованными у передовыхъ писателей современной Европы. Эти понятія дѣлали противорѣчивымъ соціально-политическое credo нашихъ просвѣтителей XIX вѣка.

Не то было съ просвѣтителями первой половины XVIII столѣтія. Соціально-политическое credo „ученой дружины“ было гораздо проще. Въ немъ не было такихъ элементовъ, которыхъ нельзя было бы логически согласить съ тѣмъ убѣжденіемъ, что у насъ все великое идетъ сверху. Поэтому они оставались вполнѣ вѣрными себѣ, когда не только безо всякихъ оговоровъ восторгались личностью и дѣятельностью Петра, но вообще упорно отстаивали идею самодержавія. Прокоповичъ, Татищевъ и Кантемиръ могутъ считаться первыми идеологами абсолютной монархіи въ Россіи.

I. Ѳ. Прокоповичъ.

въ своемъ качествѣ духовнаго лица Прокоповичъ не скупился на тексты. Онъ ссылается на слова апостола Петра: „Повинитеся всякому человѣчу созданію Господа ради: аще Царю яко преобладающу: аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ, по отмщеніе убо злодѣемъ, похвалу же благотворцемъ. Яко тако есть воля Божія, благотворящымъ обуздовати безумныхъ человѣкъ невѣжество". Не забываетъ онъ, конечно, и знаменитыхъ словъ апостола Павла: („Учителя народовъ"): „Всяка душа властемъ предержащымъ да повинуется. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущыя же власти отъ Бога учинены суть" [1]).

Чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно того, какого именно повиновенія властямъ требуетъ апостолъ, Прокоповичъ поясняетъ, что „не ради страха, но и за совѣсть повиноватися долженствуемъ". Затѣмъ онъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на то, какъ старательно отстаиваетъ апостолъ Павелъ царскую власть: „Реклъ бы еси, что отъ самого Царя посланъ былъ Павелъ на сію проповѣдь, такъ прилѣжно и домогательно увѣщаваетъ аки млатомъ толчетъ, тожде паки и паки повторяетъ". Но христіане не должны думать, будто Павелъ хотѣлъ угодить предержащимъ властямъ: „не тождесловіе тщетное се, по данной бо себѣ премудрости учитъ, не ласкательство се; ни человѣкоугодникъ бо, но избранный сосудъ Хрістовъ глаголетъ; но да чувственныхъ и бодрыхъ хрістіанъ сотворитъ, и да не попуститъ ниже мало дремати всѣмъ, такъ подвижно долбетъ. И молю всякаго разсудить, чтобъ вящше моглъ рещи самый вѣрнѣйшій министръ царскій?" [2])

Но оказывается, что вѣрнѣйшій министръ царскій могъ бы „рещи" и другое. Такъ думаетъ, повидимому, самъ Прокоповичъ, потому что, не довольствуясь доводами отъ писанія, онъ выдвигаетъ въ защиту царской власти еще доводы отъ естественнаго права. И замѣчательно, что наиболѣе выдающійся публицистъ эпохи Петра ссылается на естественное право раньше, нежели на писаніе; недаромъ ревнители православія считали его малонадежнымъ богословомъ.

„Вопросимъ первѣе, самаго естества нашего, что намъ скажетъ о семъ; ибо кромѣ писанія, есть въ самомъ естествѣ законъ

---

[1]) „Слово въ недѣлю цвѣтную о власти и чести царской, яко отъ самаго Бога въ мірѣ учинена есть, и како почитати Царей, и онымъ повиноватися людіе долженствуютъ; кто же суть, и коликій имѣетъ грѣхъ противляющійся имъ". (Слова и Рѣчи, I, стр. 249—250.)

[2]) Тамъ же, стр. 250—251.

отъ Бога положенный", говоритъ онъ. Естественные законы требуютъ отъ насъ, чтобы мы любили и боялись Бога, охраняли свою жизнь, не дѣлали другимъ, чего не желаемъ себѣ, почитали своихъ родителей и т. п. О существованіи этихъ законовъ свидѣтельствуетъ наша совѣсть. Но къ ихъ числу принадлежитъ и тотъ, который предписываетъ намъ подчиненіе предержащей власти. Больше того: это—самый главный изъ нихъ: „Ибо понеже съ стороны одной велитъ намъ естество любити себѣ, и другому не творити, что намъ не любо, а съ другой стороны злоба рода растлѣннаго разоряти законъ сей не сумнится: всегда и вездѣ желателенъ былъ стражъ и защитникъ, и силный поборникъ закона, и той есть державная власть" [1]).

Это не весьма убѣдительно, такъ какъ отъ желательности стража, защитника и сильнаго поборника закона, еще очень далеко до необходимости деспотизма, завѣщаннаго московскими царями первому всероссійскому императору и еще болѣе утвержденному этимъ послѣднимъ. Ѳеофанъ говоритъ, что если бы кто-нибудь былъ лишенъ защиты со стороны стража и поборника закона, то люди очень скоро дали бы ему понять, какъ худо жить безъ власти. На это можно опять возразить, что власть власти рознь, и что польза приносимая властью еще не доказываетъ преимущества самовластія. Какъ человѣкъ, несомнѣнно очень умный, Прокоповичъ, вѣроятно, и самъ болѣе или менѣе смутно сознавалъ слабость этого довода. Поэтому онъ нашелъ нужнымъ подкрѣпить его повѣстью о Вейдевутѣ, „первомъ прусскомъ и жмудскомъ властелинѣ". Страдая отъ внѣшнихъ враговъ и отъ собственныхъ междоусобій, народъ, еще не бывшій подъ властью Вейдевута, обратился къ нему за совѣтомъ, какъ быть. Вейдевутъ сказалъ: „вамъ жилось бы хорошо, если бы вы не были глупѣе своихъ пчелъ". Народъ, разумѣется, этого не понялъ, и тогда мудрецъ такъ пояснилъ свою мысль: „пчелы, малыя и безсловесныя мухи, имѣютъ Царя, вы же человѣцы не имѣете". Теперь все стало понятно, и мысль Вейдевута такъ понравилась народу, что тотъ немедленно сдѣлалъ его своимъ государемъ. Эта ребяческая повѣсть тоже совсѣмъ не убѣдительна. Но довольный ею краснорѣчивый проповѣдникъ не долго останавливается на ней; онъ спѣшитъ вернуться назадъ и повторяетъ, что весь міръ свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени нужна власть. Послѣ этого онъ считаетъ вопросъ окончательно исчерпаннымъ. „Извѣстно убо имамы,—возвѣщаетъ онъ,—яко власть верховная отъ самаго естества начало и вину пріемлетъ". Теперь

---

[1]) Тамъ же, стр. 245, 246.

ему остается только перейти отъ естественнаго права къ богословію. Переходъ изъ одной области въ другую совершается съ помощью того соображенія, что естественный законъ написанъ въ сердцахъ людей Богомъ, создателемъ естества. Воля Бога и поясняется ссылками на писанія, въ родѣ указанныхъ мною выше.

Приводя примѣры изъ исторіи церкви, Прокоповичъ указываетъ на то, что христіане считали себя обязанными повиноваться даже языческимъ царямъ. Тѣмъ болѣе обязательно повиновеніе царямъ христіанскимъ. Но свѣтскіе подданные Петра кажутся ему болѣе склонными къ повиновенію, нежели духовенство. И вотъ, онъ находитъ нужнымъ остановиться на вопросѣ объ отношеніи духовной власти къ свѣтской.

Есть люди,—и ихъ, по словамъ Прокоповича, много,—которые думаютъ, что священство и монашество не обязано подчиняться царю. Нашъ проповѣдникъ энергично возстаетъ противъ этого мнѣнія. Онъ восклицаетъ: „Се тернъ, или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, Папѣжскій се духъ“ [1]).

Прокоповичъ утверждаетъ,—и это одна изъ самыхъ любимыхъ его мыслей,—что духовенство не должно составлять государства въ государствѣ. Оно имѣетъ свое особое дѣло, подобно тому, какъ имѣютъ его военные люди, гражданскіе чиновники, врачи, разнаго рода художники. Имѣя особое дѣло, духовенство составляетъ особый чинъ въ государствѣ. Но какъ и всѣ другіе чины, оно обязано покоряться „державнымъ властямъ“. Это ниже подтверждается ссылкой на писаніе: „устроевая Богъ Моисея вождемъ быти Ісраілю, егда посылаетъ его къ фараону и придаетъ въ помощь Аарона, на священство намѣреннаго, заповѣдуетъ Моисею, да будетъ въ Бога Аарону“; левиты всегда подчинялись израильскимъ царямъ; самъ Господь (т.-е. Іисусъ) „даде властямъ дань отъ себе“ и т. д. и т. д. [2]).

Въ своемъ огромномъ большинствѣ духовенство, особенно великорусское, было противъ Петровской реформы. Петръ и его единомышленники боялись, что оно станетъ толкать народъ на открытое сопротивленіе преобразованіямъ. Они еще не знали, до чего лишена была наша духовная власть всякой возможности, а оттого и всякой склонности вступать въ рѣшительную борьбу со свѣтской властью. Духовенство въ своей оппозиціи реформѣ не пошло дальше тѣхъ выходокъ, которыя иногда позволялъ себѣ въ своихъ проповѣдяхъ брюзгливый мѣстоблюститель патріаршаго престола. „Папежскаго“ взгляда на политическую власть

---

[1]) Тамъ же, стр. 257.

[2]) Тамъ же, стр. 258.

у нашего духовенства не было и быть не могло. Въ дѣйствительности оно уже давно составляло не болѣе, какъ особый чинъ въ государствѣ: чинъ „государевыхъ богомольцевъ“. Но такъ какъ въ дѣятельности Петра еще ярче, нежели въ дѣятельности его предшественниковъ, выразилось стремленіе русскихъ государей совершенно подчинить себѣ своихъ богомольцевъ, то естественно, что при немъ большее, чѣмъ прежде, число „большихъ бородъ“ (его собственное выраженіе) было недовольно. Съ недовольными легко справлялись не только въ царствованіе энергичнаго Петра, но и въ царствованіе его гораздо менѣе энергичныхъ преемниковъ: „ребелизантами“ они никогда не становились. Но для „ученой дружины“ очень характерно то обстоятельство, что она, не только въ лицѣ Прокоповича, безусловно осуждала всякую оппозицію „большихъ бородъ“.

„Ученость“ этой „дружины“ существенно отличалась отъ учености московскихъ столповъ церкви. Большія бороды въ лучшемъ случаѣ были свѣдущими начетчиками, т.-е. обладали извѣстнымъ запасомъ начитанности въ области религіозной литературы. О сколько-нибудь серьезномъ, научномъ или философскомъ образованіи этихъ благочестивыхъ людей не могло быть и рѣчи. Но люди, въ родѣ Прокоповича, Татищева, Кантемира, обладали значительнымъ образованіемъ. Извѣстно, что Прокоповичъ изучалъ въ Римѣ свѣтскую литературу, исторію и философію. Датскій путешественниковъ фонъ-Гавенъ, познакомившійся съ нимъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, далъ о немъ слѣдующій интересный отзывъ:

„Этотъ превосходный человѣкъ по знаніямъ своимъ не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанную охоту къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго,—и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще съ иноземцами; со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ“ [1]).

Другой иностранецъ, Рибейра,—католическій монахъ и, стало быть, человѣкъ скорѣе предубѣжденный противъ Прокоповича,

---

[1]) Цит. у П. Морозова: „Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“, стр. 392. (Сравни также И. Чистовича, назв. сочиненіе, стр. 627—628.) Г. П. Морозовъ поправляетъ свидѣтельство фонъ-Гавена, замѣчая, что изъ иностранныхъ языковъ Прокоповичъ зналъ только итальянскій и польскій.

не разъ рѣзко отзывавшагося о католикахъ въ своихъ проповѣдяхъ и книгахъ,—говоритъ: „Если его слѣдуетъ порицать за что-либо, такъ это за его религіозныя убѣжденія, если онъ ихъ вообще имѣетъ. Его библіотека, открытая для ученыхъ, значительно превосходитъ императорскую и библіотеку Троицкаго монастыря; по своему богатству она не имѣетъ себѣ равныхъ въ Россіи, странѣ, бѣдной книгами“ [1]),

Какъ видимъ, испанскій монахъ Рибейра не былъ увѣренъ, что у Прокоповича были какія-нибудь религіозныя убѣжденія. Русское же духовенство упрекало его въ непростительной слабости къ протестантизму. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: міросозерцаніе Прокоповича въ значительной степени свободно было отъ византійской окраски, которая такъ высоко цѣнилась московскими начетчиками. Въ этомъ міросозерцаніи былъ силенъ тотъ свѣтскій элементъ, который и возбуждалъ неудовольствіе „большихъ бородъ“. Сохранился анекдотъ о томъ, какъ одинъ изъ архіереевъ хотѣлъ обличить передъ Петромъ Ѳеофана въ грѣховномъ пристрастіи къ музыкѣ.

Согласно доносу архіерея, Прокоповичъ не только самъ наслаждался музыкой, но и угощалъ ею иностранныхъ министровъ („нехристей“). Петръ сказалъ доносчику: „хорошо, поѣдемъ, батюшка, къ нему съ тобою и увидимъ, правда ли то“. Подъѣхавъ къ дому грѣшника, они дѣйствительно услышали звуки музыки. Дальше пусть разсказываетъ лицо, сохранившее этотъ анекдотъ.

„Государь съ архіереемъ вошли въ собраніе. Случилось такъ, что хозяинъ въ то самое время держалъ въ рукѣ кубокъ вина; но увидя Государя, далъ знать, чтобы музыка замолкла и, поднявъ руку, громогласно произнесъ: се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же, его же обрящетъ унывающа. Здравствуй, всемилостивѣйшій Государь! Въ ту же минуту подносится всѣмъ присутствующимъ по такому же бокалу вина, и всѣ пьютъ за здоровье его величества. Государь, обратившись къ сопровождавшему его архіерею, сказалъ: „ежели хотите, то можете остаться здѣсь; а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой, а я побуду съ столь пріятной компаніей“ [2]).

Доносчикъ-архіерей, вѣроятно, имѣлъ очень жалкій видъ, когда возвращался домой, оставивъ Петра въ „пріятной компаніи“ Ѳеофана Прокоповича и его иностранныхъ гостей. Ѳеофанъ тоже дослужился до высокаго духовнаго сана: онъ былъ сна-

[1]) П. Морозовъ, тамъ же, стр. 393.

[2]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, т. XV стр. 212; цит. у Чистовича, назв. соч., стр. 628—629.

чала псковскимъ, а потомъ новгородскимъ архіереемъ. Но, при своемъ образованіи и при своихъ привычкахъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, совсѣмъ неуютно чувствовалъ себя въ духовной средѣ. Уже одного этого было достаточно, чтобы побудить его принять сторону Петра въ его борьбѣ съ оппозиціей духовенства.

Во взглядахъ другихъ членовъ „ученой дружины" свѣтскій элементъ былъ еще сильнѣе, нежели во взглядахъ Прокоповича. Какъ мы это скоро увидимъ, Татищевъ былъ сильно предубѣжденъ противъ духовенства. Нѣкоторые подозрѣвали его въ „аѳеизмѣ". Самъ Ѳеофанъ, поддерживавшій съ нимъ пріятельскія отношенія, смущался подчасъ его „злорѣчіемъ" по адресу нѣкоторыхъ священныхъ книгъ [1]). Весьма понятно, что при такомъ отношеніи къ духовенству, „ученая дружина" не расположена была ставить его выше другихъ „чиновъ" въ государствѣ.

Менѣе понятно то, что Прокоповичъ, при всемъ своемъ образованіи, сумѣлъ выставить въ пользу самодержавія лишь очень мало убѣдительные доводы. Не возвращаясь болѣе къ его „Слову о власти и чести царской" и къ др. „Словамъ", я отмѣчу здѣсь еще одно его соображеніе въ пользу абсолютизма, заключающее въ себѣ сущность всѣхъ остальныхъ.

Оно было высказано Прокоповичемъ уже по смерти Петра и сводится вотъ къ чему: „Русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а если каковое нибудь иное владѣнія правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благости отнюдь не возможно" [2]).

Соображеніе это такъ же бѣдно теоретическимъ содержаніемъ, какъ и доводы московскихъ людей, въ началѣ XVII в. отстаивавшихъ передъ полякомъ Маскѣвичемъ преимущество деспотизма. Однако оно поучительно именно крайней убогостью своего теоретическаго содержанія. Его убогость показываетъ, что не западная наука, а тогдашняя россійская дѣйствительность побуждала Прокоповича отстаивать самодержавіе. Дѣйствительность эта привела „ученую дружину" къ тому убѣжденію, что самой надежной опорой ея просвѣтительныхъ стремленій является рука склоннаго

---

[1]) Одинъ изъ споровъ съ Татищевымъ далъ Ѳеофану поводъ написать разсужденіе: „О книгѣ Соломоновой, нарицаемой Пѣсни пѣсней". (И. Чистовичъ, назв. сочин., стр. 613—614.)

[2]) Это соображеніе высказано Прокоповичемъ въ его описаніи „затѣйки" верховниковъ. Мы еще вернемся къ этому описанію, когда будемъ говорить о „затѣйкѣ". Оно напечатано въ приложеніи къ сдѣланному Д. Языковымъ переводу „Записокъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго", Спб., 1845 г. Приводимое мною соображеніе Прокоповича находится на стр. 919.

къ просвѣщенію государя. Не въ интересахъ „ученой дружины“ было вырывать изъ этой руки чудотворный „Прутъ Моисея“.

Разумѣется, дѣло тутъ не въ однихъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ. При Петрѣ I „порода“ давала дорогу выслугѣ („чину“). При Петрѣ II порода сдѣлала попытку вернуть хоть нѣкоторыя потерянныя ею позиціи. Положеніе „ученой дружины“ сдѣлалось тогда весьма затруднительнымъ. Къ этому времени относится полное грусти поэтическое,—т.-е., точнѣе, лишь болѣе или менѣе поэтическое,—произведеніе Ѳеофана: „Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастіи“. Оно недурно выражаетъ тогдашнее настроеніе нашихъ просвѣтителей. Ѳеофанъ жалуется:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
Все ненастье,
Нѣтъ и надежды, многобѣдно [1]) мое счастье;
Хотя-жъ малую явитъ отраду
И поманитъ,
И будто нѣчто польготитъ стаду
Да обманетъ...

Находясь въ такомъ положеніи, оставалось уповать лишь на то, что со временемъ опять воцарится лицо, умѣющее надлежащимъ образомъ употреблять въ дѣло „Моисеевъ Прутъ“. Понятно, поэтому, что Прокоповичъ и его единомышленники всѣми силами должны были противиться всякимъ попыткамъ такъ или иначе укоротить чудотворный инструментъ.

На „Моисеевъ Прутъ“ возлагали большія надежды даже французскіе просвѣтители второй половины XVIII столѣтія, т.-е. люди, воспитавшіеся въ исторической обстановкѣ, мало похожей на русскую. Вѣра въ просвѣщенный деспотизмъ была сильна и широко распространена во все продолженіе того вѣка. Вольтеръ умѣлъ говорить прекрасные комплименты государямъ-„философамъ“. Говаривалъ ихъ и даже Дидро, не рожденный для роли друга царей.

[1]) Какъ малороссъ, Прокоповичъ произносилъ: многобидно. Выраженіе „пастушокъ“, какъ кажется, нерѣдко употреблялось тогда нашими духовными для обозначенія пастыря церкви. Пекарскій (Наука и литература, I, стр. 368, 370) приводитъ стихотвореніе, написанное въ честь Петра I валдайскимъ священникомъ Михаиломъ и подписанное: „Пастушокъ Михаилъ валдайскій“. Тотъ же изслѣдователь указываетъ, что въ своихъ письмахъ къ Петру Яворскій часто подписывался: „Стефанъ—пастушокъ рязанскій“.

Но мы уже знаемъ, что русскій абсолютизмъ значительно отличался отъ западно-европейскаго. Такъ какъ Петровская реформа не только не уничтожила отличительныхъ чертъ русскаго соціально-политическаго строя, а напротивъ, довела ихъ до крайности, то русскимъ сторонникамъ просвѣщеннаго деспотизма пришлось мириться съ такими пріемами управленія, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ просвѣщеніемъ. Петру принадлежитъ выраженіе: „мы—новые люди во всемъ“. Но въ управленіи онъ сохранилъ очень много стараго. И к а к о г о! Если страшный Ромодановскій, по его собственному выраженію, умывался кровью въ Преображенскомъ, то это было совершенно въ духѣ Петровскаго царствованія. Өеофанъ Прокоповичъ прекрасно зналъ о кровавыхъ расправахъ царя и... разрѣшалъ его,—какъ превосходно замѣтилъ г. П. Морозовъ,—„на вся“. И не только съ кровавыми расправами надо было мириться русскимъ поклонникамъ „Моисеева Прута“; р а с п р а в а м ъ предшествовали д о н о с ы; и новые доносы выростали въ процессѣ расправъ. А такъ какъ всякое положеніе имѣетъ свою внутренюю логику, то вождю „ученой дружины“ пришлось самому упражняться въ доносахъ, разбиравшихся въ застѣнкѣ. Въ борьбѣ со старо-церковной партіей,—особенно въ мрачную эпоху Дирина,—нашъ „пастушокъ“ показалъ, что онъ обладалъ не только весьма пушистымъ лисьимъ хвостомъ, но также и очень острыми волчьими зубами. „Священниковъ и монаховъ какъ мушекъ давили, казнили, разстригали,—говоритъ одинъ позднѣйшій проповѣдникъ, вспоминая объ этой эпохѣ,—непрестанныя почты водою и сухимъ путемъ—куды? зачѣмъ? священниковъ, монаховъ и благочестивыхъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ отвозятъ... Была година темная“. П. Морозовъ, у котораго я заимствую эти слова позднѣйшаго проповѣдника, прибавляетъ къ нимъ: „главнымъ дѣятелемъ этой темной годины былъ Өеофанъ“ [1]). Отводя Өеофану первое мѣсто, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду сферу церковнаго управленія. Однако для характеристики вождя „ученой дружины“ достаточно первенства въ дѣлѣ сыска и жестокихъ расправъ хотя бы и въ одной только сферѣ.

Конечно, „благочестивые люди“, такъ сильно страдавшіе отъ просвѣщеннаго „пастушка“, сами ровно ничего не имѣли ни противъ сыска, ни противъ застѣнка... если могли воспользоваться ими для своихъ цѣлей. И не только ничего не имѣли противъ нихъ, но и на самомъ дѣлѣ прибѣгали къ нимъ въ борьбѣ съ тѣмъ же Прокоповичемъ. Они, въ свою очередь, заставили его

---

[1]) Назв. соч., стр. 357.

пережить много тяжелыхъ минутъ. Но вѣдь то были сторонники застоя, а Прокоповичъ, вмѣстѣ со всей „ученой дружиной“, стремился впередъ, хотѣлъ распространять просвѣщеніе!

Г. П. Морозовъ превосходно выяснилъ, что отвратительные поступки Прокоповича подсказывались ему строгой логикой его положенія.

„Признавая дальнѣйшее развитіе Россіи возможнымъ только въ томъ направленіи, какому онъ былъ всецѣло преданъ, и какое было дано Петромъ, слѣдовательно, исходило отъ правительства, Ѳеофанъ является безусловнымъ сторонникомъ правительства, хотя бы даже бироновскаго. Во всѣхъ его разсужденіяхъ этого времени видно развитіе силлогизма: мѣропріятія Петра Великаго имѣли цѣлью народное благосостояніе; эти мѣры не отмѣнены, а напротивъ, охраняются правительствомъ; слѣдовательно, Россія благоденствуетъ; утверждать противное могутъ только „свербоязычные буесловцы“, которыхъ слѣдуетъ уничтожить, какъ враговъ государства. Роль оффиціальнаго публициста, взятая на себя Прокоповичемъ,—роль, которой онъ не покидалъ до конца своей жизни, не допускала иной линіи разсужденій. Достаточно вспомнить, что въ самую блестящую эпоху его дѣятельности ни одного печатнаго листа не выходило безъ высочайшаго повелѣнія, ни о какой гласности, кромѣ оффиціальной, не было и рѣчи, а „обмѣнъ мыслей“ происходилъ только въ Преображенскомъ приказѣ,—достаточно вспомнить все это, чтобы понять, почему Ѳеофанъ Прокоповичъ не могъ разсуждать иначе“ [1]).

Теперь я попрошу читателя вникнуть въ слѣдующій отрывокъ изъ проповѣди противника Прокоповича, Степана Яворскаго, произнесенной еще въ 1708 г.

Выше мнѣ уже приходилось ссылаться на эту проповѣдь. Яворскій тоже выступалъ въ ней защитникомъ Петровской реформы. Но здѣсь для насъ интересно то, что и Яворскій, не одобрявшій многихъ дѣйствій Петра, настойчиво и по-своему образно предостерегалъ Россію отъ всякой мысли о сопротивленіи власти государя.

„Нагружай корабли различными товарами и въ различныхъ государствахъ куплю дѣйствуй, продавай, купуй, богатися,—гремитъ онъ, обращаясь къ Россіи,—только блюдися, мати моя, блюдися, раю мой прекрасный, ползущихъ зміевъ, то-есть бунтовщиковъ, которыи по подобію змія райскаго на зло подущаютъ и шепчутъ въ уши неосторожныхъ, глаголюще: никакоже умрете,

---

[1]) Назв. сочин., стр. 360.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

но будете яко бози, точію пожелайте высочайшія власти. Таковыхъ ты зміевъ и скорпіевъ вселютѣйшихъ блюдися, раю прекрасный, и бѣсовскимъ словесамъ не вѣруй, что глаголютъ. Ложь есть ложь. Погибнутъ и зміе прелщающіи, погибнутъ и прелщенныи и въ яму юже сдѣлаша впадутъ, а тебе, раю мой, аще имъ уха приклониши, великаго бѣдства набявятъ. Не тако бо бѣдствіямъ вредъ наносятъ, врази посторонніи, яко врази домашніи“ [1]).

Какъ по формѣ, такъ и по содержанію этотъ отрывокъ вполнѣ равноцѣненъ съ нападками Прокоповича на противниковъ царской власти и на критиковъ Петровыхъ дѣйствій, „свербоязычныхъ буесловцевъ“. А это значитъ, что въ политическомъ отношеніи вождь ученой дружины ни на шагъ не подвинулся дальше той точки, на которой стоялъ его непримиримый противникъ Яворскій, склонный къ консерватизму и лишь съ большими оговорками одобрявшій реформу.

Скажу больше. Нашъ просвѣщенный западникъ въ политическомъ отношеніи ни на шагъ не подвинулся дальше Іванца Пересвѣтова, тоже бывшаго, какъ помнитъ читатель, убѣжденнымъ сторонникомъ монархизма въ его восточной безпредѣльности. Но Пересвѣтовъ выдвигалъ вопросъ объ освобожденіи кабальныхъ холоповъ. Онъ разсказывалъ, что въ Византіи, при царѣ Константинѣ, лучшіе люди порабощены были въ неволю, вслѣдствіе чего противъ недруга крѣпкаго бою не держали и съ бою утекали, а когда получили свободу, сдѣлались храбрыми воинами. Передъ Прокоповичемъ никогда не вставали подобные соціальные вопросы. Положеніе народной массы, невѣроятно дорого заплатившей за преобразованіе Россіи, интересовало его, какъ видно, меньше, чѣмъ нѣкоторыхъ современныхъ ему прожектеровъ или членовъ Верховнаго Тайнаго совѣта, которыхъ крайняя бѣдность крестьянства безпокоила хотя бы по той причинѣ, что „когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата“.

II. В. Н. Татищевъ [2]).

Несмотря на свои пріятельскія отношенія къ Татищеву, Прокоповичъ былъ довольно сильно раздраженъ его рѣзкимъ и смѣлымъ сужденіемъ о книгѣ „Пѣснь Пѣсней“ [3]). Написанное „дивнымъ“

[1]) Цитир. у Морозова, назв. соч., стр. 86—87.

[2]) Родился въ 1686 г., умеръ въ 1750 г.

[3]) Оно состояло въ томъ, что Соломонъ написалъ названную книгу, „распаляясь похотью къ невѣстѣ своей, царевнѣ египетской“, и что поэтому въ ней говорится исключительно о „плотскихъ любезностяхъ“.

„первосвященникомъ“ разсужденіе объ этой книгѣ направлено было противъ „неискусныхъ и малоразсудныхъ мудрецовъ, легко о книгѣ сей разсуждающихъ“ (собственныя слова Прокоповича). Это сердито, но, какъ отзывъ о Василіи Никитичѣ Татищевѣ, совершенно несправедливо.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ богословіи Василій Никитичъ былъ „неискусенъ“. Но „малоразсуднымъ“ онъ не являлся никогда и нигдѣ. „Разсудность“ составляетъ главную отличительную черту его мышленія. Въ ней заключается какъ сильная, такъ и слабая его сторона. Къ тому же онъ, подобно Прокоповичу, былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ русскихъ людей своего времени. Въ составъ его обширной библіотеки входили: „Гобезіевъ“ Левіаѳанъ, книга Локка „О правленіи гражданскомъ“, сочиненія Маккіавелли, Декарта, Ньютона, Галилея и т. п. [1]). Онъ былъ знакомъ съ сочиненіями Бейля [2]). Въ русской исторіи, географіи и въ исторіи русскаго права онъ выступилъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Вообще ему была недурно извѣстна философская и политическая литература того времени [3]). И именно потому, что онъ былъ, вѣроятно, „неискусенъ“ въ богословіи, его міросозерцаніе имѣло передъ міросозерцаніемъ Прокоповича то огромное преимущество, что было совсѣмъ свободно отъ схоластическаго сора и отличалось совершенно свѣтскимъ характеромъ.

Эта сторона его взглядовъ дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ интересныхъ представителей того типа русскихъ людей, который сложился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петровской реформы.

Въ Московской Руси образованіе имѣло „духовный“ характеръ и, за самыми рѣдкими исключеніями, составляло монополію духовенства, учившагося рѣдко, мало и неохотно [4]). Петров-

---

1) Н. Поповъ. Татищевъ и его время. Спб., 1861, стр. 433.

2) Тамъ же, стр. 464.

3) Правда, Татищевъ говоритъ о себѣ, что онъ „въ философіи неученъ“. Но это, безъ сомнѣнія, излишняя скромность. Между философами едва ли не наибольшимъ его уваженіемъ пользовался Христіанъ Вольфъ. Вольфу же слѣдовалъ онъ и въ томъ, что касается „до начала сообществъ, порядковъ, правительствъ и должности правителей и подданныхъ“. Къ политическимъ ученіямъ Маккіавелли, „Гоббезія“ и Локка онъ относился отрицательно.

4) „Старинную до-петровскую нашу образованность можно весьма вѣрно опредѣлить тѣмъ же словомъ, которымъ она сама себя опредѣлила: книжность—книжность именно въ томъ частномъ смыслѣ, въ какомъ она означаетъ только начитанность. Главный характерь этой книжности былъ духовный, церковный, потому что и самое слово книга означало въ древнее время единственно только священное писаніе и книги церковныя вообще. Съ теченіемъ времени, особенно къ концу XVII столѣтія, въ эту

ская реформа такъ или иначе отдала въ ученье новый общественный классъ и, заставивъ его пріобрѣтать знанія, относящіяся къ земной, а не къ небесной жизни, привила своимъ лучшимъ дѣятелямъ твердое убѣжденіе въ томъ, что учиться надо постоянно, много и усердно. „Ученая дружина“ съ жаромъ отстаивала это убѣжденіе, преимущественно налегая на свѣтскія науки. Въ этомъ отношеніи сходились между собой всѣ сторонники реформы, ознакомившіеся съ западнымъ просвѣщеніемъ. Еще Ѳ. Салтыковъ совѣтовалъ Петру замѣнить, при обученіи грамотѣ, духовныя книги „гисторіями универсальными и партикулярными“, которыя слѣдовало для этой цѣли перевести на русскій языкъ [1]).

Въ своемъ „Разговорѣ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ“, написанномъ въ 1733 г. и потомъ подвергавшемся дальнѣйшей обработкѣ, Татищевъ исходитъ изъ того положенія, что „истинное увеселеніе въ дѣтяхъ есть разумъ“, а чтобы ребенокъ разуменъ былъ, надобно ему прежде учиться. Мы находимъ въ „Разговорѣ“ цѣлую и притомъ широкую программу тѣхъ свѣдѣній, пріобрѣтеніе которыхъ настоятельно рекомендуется Татищевымъ. И хотя, въ своемъ качествѣ „птенца Петрова“, Татищевъ смотритъ на науку преимущественно,—чтобы не сказать исключительно,—съ точки зрѣнія пользы [2]), однако предлагаемая имъ программа уже одной своей широтою даетъ понять, какъ велико было разстояніе, отдѣлившее образованныхъ людей Петровской эпохи отъ начетчиковъ Московской Руси. Въ такой же мѣрѣ замѣчательна

книжность вошли нѣкоторые посторонніе предметы, сочиненія историческія (хронографы), географическія (космографіи), средневѣковые повѣсти, романы; но они, по существу своему, не въ силахъ были измѣнить общаго направленія книжности, ибо это не была наука, а были отрывочныя, безсвязныя свѣдѣнія, исполненныя средневѣковыхъ басенъ“. И. Забѣлинъ, Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи. „Отечественныя Записки“, 1856 г., кн. 2, стр. 12—18.

[1]) Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ, стр. 24.

[2]) Зачѣмъ нужно изучать географію? „Землеописаніе или географія показуетъ не токмо положеніе мѣстъ, дабы въ случаѣ войны и другихъ приключеній знать всѣ онаго (государства *Г. П.*) во укрѣпленіяхъ и проходахъ способности и невозможности, притомъ нравы людей, природное состояніе воздуха и земли, довольство плодовъ и богатствъ, избыточество и недостатки во всякихъ вещахъ, наипаче же собственнаго отечества, потомъ пограничныхъ, съ которыми часто нѣкоторыя дѣла, яко надежду къ помощи и опасность отъ ихъ нападенія имѣемъ, весьма обстоятельно знать, дабы въ государственномъ правленіи и совѣтахъ, будучи о всемъ со благоразуміемъ, а не яко слѣпой о краскахъ разсуждать мочь“.—Слѣдуетъ ли знать физику? Слѣдуетъ: „весьма полезно знать свойства вещей по естеству, что изъ чего состоитъ, по которому разсуждать можно, что изъ того происходитъ и приключается, а черезъ то многія будущія обстоятельства разсудить и себя отъ вреда предостерегать удобно“ и т. д. и т. д. („Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“, съ предисловіемъ и указателями Нила Попова. Москва, 1887 г., стр. 81—82.)

эта программа тѣмъ, что въ ней какъ нельзя болѣе ясно обнаруживается чисто свѣтскій взглядъ ея составителя на науки и просвѣщеніе. Примѣръ Татищева показываетъ, что Петровская реформа положила конецъ преобладанію теологическаго элемента въ міросозерцаніи наиболѣе образованныхъ людей Россіи.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что Татищевъ былъ вообще мало расположенъ къ духовенству. Вліяніе этого сословія на ходъ общественнаго развитія представлялось ему скорѣе вреднымъ, нежели полезнымъ. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что на Руси уже со времени распространенія христіанства существовали многія училища, въ которыхъ изучались даже греческій и латинскій языки. Но татарское иго, ослабившее власть государей, увеличило значеніе духовныхъ, а этимъ послѣднимъ „для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ, оспаривая то мнѣніе, что наука подрываетъ вѣру, говоритъ, что защищать его могутъ только „невѣжды и невѣдующіе, въ чемъ истинная философія состоитъ“, или же „злоковарные нѣкоторые церковнослужители“, въ интересахъ своего сословія стремящіеся къ тому, „чтобы народъ былъ неученый и ни́ о коей истинѣ разсуждать имущей (т.-е. могущій. *Г. П.*), но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ вѣрили“ [2]). Тутъ Татищевъ прибавляетъ, можетъ быть, отчасти по соображеніямъ осторожности, что особенно сильно враждовало съ просвѣщеніемъ римско-католическое духовенство: „наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали“ [3]).

Эти упреки духовенству заслуживаютъ большого вниманія. Уже Московская Русь знала, какъ мы видѣли въ первомъ томѣ, антагонизмъ между служилыми людьми, съ одной стороны, и духовенствомъ, съ другой. Источникомъ этого антагонизма служилъ земельный вопросъ, бывшій важнѣйшимъ экономическимъ, а потому и самымъ жгучимъ политическимъ вопросомъ въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ. Духовенство старалось сохранить и расширить свои земельныя имущества. Служилые люди были, наоборотъ, сильно заинтересованы въ томъ, чтобы имущества эти перешли въ распоряженіе государя, награждавшаго

---

[1]) Н. Поповъ, назв. соч., стр. 514.

[2]) „Разговоръ“, стр. 58.

[3]) „Разговоръ“, стр. 58.

своихъ „холоповъ“ помѣстьями. Антагонизмъ этотъ перешелъ и въ Петровскую Русь. Его легко подмѣтить въ той готовности, съ какой служилые люди этой Руси поддерживали всѣ мѣропріятія правительства, направленныя къ ограниченію политическаго вліянія, а особенно имущественныхъ правъ церкви. Но ярче всего обнаружился онъ въ настроеніи „птенцовъ Петровыхъ“.

Нашего автора очень интересовалъ вопросъ объ употребленіи монастырскихъ доходовъ. Онъ съ большой похвалой отзывается о тѣхъ указахъ Петра, которыми повелѣвалось по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ заводить училища и содержать ихъ на счетъ монастырей. По его словамъ, у монастырей немало „излишнихъ сверхъ необходимо нужныхъ на церкви“ доходовъ. Ихъ будетъ достаточно для содержанія училищъ, а „Богу пріятно, что такіе туне гиблющіе доходы не на что иное, какъ въ честь Богу и пользу всего государства употреблять“ [1]).

Еще Ивану Ш нравилась та мысль, что Богу будетъ пріятно, если монастырскія земли окажутся отписанными на Московскаго государя. Ему не удалось осуществить эту благочестивую мысль. Въ его лицѣ государство принужденно было вступить въ сдѣлку съ духовенствомъ. Оно на время отказалось отъ своего намѣренія наложить руку на монастырскія имѣнія, довольно щедро вознаградивъ себя за такой отказъ планомѣрнымъ и все болѣе дѣятельнымъ вмѣшательствомъ въ имущественныя дѣла церкви. При Петрѣ и послѣ него вмѣшательство центральной власти въ эти дѣла сдѣлалось прямо-таки угрожающимъ. Но и при немъ до окончательной развязки было еще далеко. Хотя Петръ тоже очень не прочь былъ „въ честь Богу“ экспропріировать духовенство, однако это оказалось возможнымъ только при Екатеринѣ II. Духовенство было слишкомъ полезнымъ орудіемъ центральной власти, чтобы даже такіе деспотическіе представители ея, какъ Петръ I, могли совершенно пренебрегать его интересами и его настроеніемъ. Дворянство тоже не хотѣло полнаго разрыва съ нимъ. На такой разрывъ способна была,—и то въ теченіе очень непродолжительнаго времени,—только революціонная буржуазія Франціи. Поэтому даже наименѣе расположенные къ духовенству представители образованнаго русскаго дворянства не шли,—пока держались своей сословной точки зрѣнія,—дальше протестантскаго взгляда на отношеніе государства къ церкви. Протестантскій взглядъ встрѣчаемъ мы и у Татищева.

Татищевъ вполнѣ признаетъ „безсумнѣнныя утвержденія

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 154, ср. также 243, примѣчаніе на вторую книгу „Исторіи Россійской“. стр. 425.

письма святого". Онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ „свойствъ", т.-е. изъ души и тѣла. Опираясь на ученіе о природѣ души, онъ доказываетъ ея безсмертіе: „свойство души есть духъ, не имущій никакого тѣла или частей, слѣдовательно, нераздѣльна, а когда нераздѣльна, то и безсмертна" [1]). Впослѣдствіи мы увидимъ, что къ этому самому доводу прибѣгалъ Радищевъ, стараясь отговориться отъ крайнихъ выводовъ освободительной французской философіи XVIII вѣка. Вплоть до конца XVIII в. доводъ этотъ считали неопровержимымъ всѣ мыслители, склонные къ компромиссу съ богословами, а такихъ было большинство, особенно въ Германіи.

Неумѣстно было бы опредѣлять здѣсь теоретическую цѣнность указаннаго довода. Но для характеристики міросозерцанія Татищева нужно замѣтить, что соображеніе о двухъ „свойствахъ" человѣка служитъ у него основой одной изъ двухъ, одинаково принимаемыхъ имъ, классификацій наукъ. Онъ говоритъ: „Науки раздѣляются у философовъ по объявленнымъ свойствамъ сугубо: душевное Богословія и тѣлесное философія" [2]). Такимъ образомъ, „Богословія" имѣетъ свою особую область. Татищевъ заботливо избѣгаетъ вторгаться въ нее. Но зато тѣмъ старательнѣе оберегаетъ онъ „тѣлесную" область „философіи" отъ богословскихъ вторженій. Даже ученіе о нравственности опирается у него не на предписанія религіи, а на „законъ естественный, который намъ при сотвореніи Адама всѣмъ въ сердцахъ нашихъ вкорененъ" [3]). Естественный законъ „во всемъ, паче же въ главнѣйшемъ", согласенъ съ „писменнымъ" закономъ, который былъ Богомъ черезъ пророковъ возвѣщенъ, а потомъ возобновленъ и изъясненъ Спасителемъ [4]). Для доказательства этого Татищевъ сопоставляетъ основное положеніе естественнаго закона съ основнымъ положеніемъ „писменнаго". „Основаніе естественнаго закона: еже любить себѣ самаго съ разумомъ, съ основаніемъ писменнаго весьма согласно,—говоритъ онъ,—ибо изъ любви разумной къ себѣ всѣ добродѣтели происходятъ, отъ любви же неразумной или самолюбія всѣ злодѣянія рождаются" [5]). Въ этой попыткѣ обосновать все ученіе о нравственности на разумной любви къ себѣ Татищевъ выступаетъ передъ нами типичнымъ „просвѣтителемъ" XVIII столѣтія — Aufklärer, какъ говорятъ нѣмцы. Впрочемъ, съ этой стороны просвѣтители XVIII столѣтія

---

[1]) „Разговоръ", стр. 7.
[2]) Тамъ же, стр. 76.
[3]) Тамъ же, стр. 20.
[4]) Тамъ же, стр. 20—21.
[5]) Тамъ же, стр. 22.

ничѣмъ не отличаются отъ просвѣтителей другихъ эпохъ. Сократъ, какъ его изображаетъ Ксенофонтъ, тоже основывалъ нравственность на разумномъ эгоизмѣ. И такъ же поступали наши просвѣтители шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка: Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ.

У Татищева выходитъ, что мы и Бога должны любить по разумно-эгоистическимъ соображеніямъ. „Я хотя самою малою вещію въ мірѣ почитаюсь,—говоритъ онъ,—однако жъ то признать долженъ, что я Имъ сотворенъ и что имѣю все отъ него, то долженъ, яко отца и первѣйшаго благодѣтеля, любить возмѣрно. Еще же какъ я желаю благополучіе мое всегда пріумножить, а вѣдая, что ни отъ кого болѣе какъ отъ него получить могу, и для того отъ любви разумной къ себѣ долженъ и заимодательно (sic!) или предварительно Бога любить“ [1]).

Надо признаться: это почти смѣшно. Но правильное обоснованіе ученія о нравственности можетъ дать только соціологія, а просвѣтители очень рѣдко умѣли освѣтить ея свѣтомъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Не будемъ упрекать Татищева въ томъ, что онъ не былъ соціологомъ, и обратимъ вниманіе на сильную сторону его взглядовъ.

Стараясь защитить область „тѣлесной“ философіи отъ богословскихъ вторженій, онъ искренно возмущается тѣми преслѣдованіями, съ которыми религіозные невѣжды издавна обрушивались на людей науки и мысли. Сократъ былъ „злочестіями и безбожествомъ оклеветанъ и на смерть осужденъ, но потомъ не токмо отъ язычниковъ за премудрѣйшаго во всей Греціи почтенъ, но и христіанскіе учители... его хвалили и о спасеніи его не сумнѣвались“ [2]). Еще болѣе возмущаютъ его такія обвиненія и преслѣдованія, когда они исходятъ отъ христіанъ. „Паче же ужасно видѣть,—пишетъ онъ,—что подобнаго тому въ христіанствѣ послѣдовало, видимъ бо высокаго ума и науки людей невинно тѣмъ оклеветанныхъ и проклятію отъ папъ преданныхъ, какъ-то Виргилій епискупъ за ученіе, что земля шаровидна, Коперникусъ за то, что написалъ: земля около солнца, а мѣсяцъ около земли ходитъ; Картезій за опроверженіе аристотелической философіи и за ученіе, чтобы все сущими доказательствы, а не пустыми силлогизмы доводить; Пуфендорфъ за изъясненіе естественнаго права, которымъ нѣсколько непристойные папежскіе законы или юсъ каноникусъ нарушались, прокляты, аѳеистами

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 22,—*курсивъ мой*.

[2]) Тамъ же, стр. 48.

оглашенны и книги ихъ употреблять запрещены были, но потомъ нехотя сами папы все оное не токмо за полезно но и правильно признали" [1]).

Татищевъ—рѣшительный сторонникъ вѣротерпимости. Онъ рѣзко осуждаетъ преслѣдованіе раскольниковъ, хотя и считаетъ ихъ „безумными" Вѣрный своему утилитарному взгляду на вопросы знанія и общежитія, онъ доказываетъ, что религіозныя распри приносятъ большой вредъ государствамъ, и ставитъ на видъ, что онѣ происходятъ собственно отъ корыстолюбивыхъ поповъ и отъ суевѣрныхъ ханжей, а „между же людьми умными произойти не могутъ, понеже умному до вѣры другого ничто касается и ему равно Люторъ ли Кальвинъ ли или язычникъ съ нимъ въ одномъ городѣ живетъ, или съ нимъ торгуется, ибо не смотритъ на вѣру, но смотритъ на его товаръ, на его поступки и нравъ" [2]).

Это хоть бы и Вольтеру въ пору! Впрочемъ, удивляться тутъ нечему. Татищевъ не даромъ читалъ сочиненія Пьера Бейля, этого настойчиваго и умнаго проповѣдника терпимости. Какъ извѣстно, Бейль доказывалъ, что государству не только не вредно, но даже выгодно, если его жители держатся неодинаковыхъ религіозныхъ взглядовъ, и что общество можетъ существовать даже вовсе безъ религіи (общество атеистовъ). Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ Татищевъ, можетъ быть, и не согласился бы: въ своей „Духовной" онъ выступаетъ передъ нами вѣрующимъ христіаниномъ, а вѣрующему христіанину надо быть Бейлемъ, чтобы не имѣть предубѣжденія противъ атеистовъ. Но мы только что видѣли, какъ далекъ былъ Татищевъ отъ мысли о необходимости единства религіозныхъ вѣрованій.

Въ эпоху Татищева великой задачей человѣчества являлось— какъ говоритъ Фейербахъ—пониманіе независимости этики отъ религіи [3]). И нельзя не признать, что Татищевъ былъ очень недурно подготовленъ для пониманія этой независимости. Но тутъ надо замѣтить слѣдующее.

Изъ самого „Разговора" видно, что не одни „суевѣрные ханжи" клевещутъ на распространителей новыхъ ученій. „Епикуръ, который жилъ до Христа за 450 лѣтъ,—читаемъ мы тамъ,— за то, что поклоненіе идоломъ и на нихъ надежду отвергалъ, и сотвореніе свѣта не тѣмъ богомъ, которымъ протчіе приписывали,

---

[1]) „Разговоръ", стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 71.

[3]) L. Feuerbach's sämmtliche Werke. Fünfter Band (Pierre Bayle)., Stuttgart 1905 S. 910. См. также стр. 319: „Bayle's Bedeutung für die Philosophie liegt hauptsächlich in seinem negativen Verhältnis zur Theologie".

но невидимой силѣ или разумной причинѣ присвоялъ, угодженію душевному черезъ воздержаніе телѣсное училъ отъ стоиковъ [1]) многими неистовствы оклеветанъ, якобы тварь самобытну училъ, и за то атеистомъ именованъ" [2]).

Татищевъ впалъ въ ошибку относительно времени жизни Эпикура, родившагося въ 342 или 341 и умершаго въ 272 или 270 году до нашей эры. Кромѣ того, хотя Эпикуръ и не былъ „атеистомъ", но богамъ, въ самомъ дѣлѣ, отвелъ ничтожную роль въ своей системѣ міра и въ извѣстномъ смыслѣ „училъ тварь самобытну". Но эти неточности не имѣютъ здѣсь значенія. Совершенно вѣрно то, что на Эпикура много клеветали даже образованные и, по-своему, чуждые суевѣрій люди. Писатели, занимавшіеся исторіей философской мысли, въ большинствѣ случаевъ были такъ же несправедливы къ нему, какъ и къ другимъ матеріалистамъ. И нельзя не похвалить Татищева за то, что онъ, хотя самъ и не былъ матеріалистомъ, нашелъ, однако, нужнымъ сказать слово въ защиту Эпикура. Это достойное похвалы безпристрастіе объясняется, пожалуй, тѣмъ, что,—homo novus въ дѣлѣ европейскаго просвѣщенія,—онъ не успѣлъ еще научиться уважать условную ложь цивилизованнаго міра. Нынѣшніе наши противники матеріализма относятся къ этой лжи съ достодолжнымъ почтеніемъ.

Интересно, что, проповѣдуя вѣротерпимость, Татищевъ настоятельно совѣтуетъ правительству принимать крутыя мѣры противъ людей, тратящихъ свое время на пустыя занятія. Дѣло въ томъ, что, кромѣ раздѣленія знаній сообразно двумъ областямъ—„душевной" и „тѣлесной"—онъ распредѣляетъ всѣ науки на слѣдующіе пять отдѣловъ: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія, или увеселяющія, 4) любопытныя, или тщетныя, 5) вредительныя. Ко вредительнымъ наукамъ онъ относитъ „разныхъ качествъ" волхвованіе: 1) некромантію, 2) аеромантію, 3) пиромантію, 4) гидромантію и т. п. Болѣе извѣстными въ Россіи „качествами" волхвованія онъ называетъ заговоры и приговоры, толкованіе сновъ, „чернокнижество", ворожбу и проч. И вотъ, по поводу этихъ-то „вредительныхъ" наукъ онъ пишетъ:

„Хотя сіи науки зломудрія ничего совершеннаго въ себѣ не имѣютъ и по разсужденію многихъ философовъ смертью ихъ (т.-е. людей, предающихся имъ. *Г. П.*), яко умоизступленныхъ, казнить не безгрѣшно, но за то, что оставя полезное, въ безпут-

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: „Отъ историковъ".
[2]) „Разговоръ", стр. 48.

ствѣ время тратятъ и другихъ обманываютъ, тѣлесное наказаніе неизбѣжно понести должны“ [1]).

Тѣлесное наказаніе за „безпутную“ трату времени! Въ этомъ требованіи хорошо виденъ вѣрный ученикъ Петра, желавшаго, чтобы даже монахини, спасая свою душу, занимались въ то же время какимъ-нибудь рукодѣльемъ.

Татищевъ считалъ обманщиками кликуновъ и кликушъ, по народному вѣрованію одержимыхъ бѣсами. Онъ злорадно ссылается на того же Петра, который „жестокими на тѣлѣ наказаніи всѣхъ оныхъ бѣсовъ повыгналъ такъ, что нынѣ почитай уже не слышно, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ благоразсудный начальникъ случится“ [2]).

„Разговоръ“ Татищева даетъ гораздо больше, нежели обѣщаетъ его заглавіе. Это чуть не цѣлая энциклопедія. Въ немъ излагается все міросозерцаніе этого замѣчательнаго человѣка. Но все-таки весьма значительная часть „Разговора“ посвящена доказательству той, казалось бы слишкомъ простой и очевидной, истины, что учиться нужно и полезно. Порой скучновато теперь перечитывать это длинное доказательство. Однако несправедливо было бы упрекать за это Татищева. Ему, какъ и всей „ученой дружинѣ“, приходилось вести ожесточенную войну съ упрямыми стародумами, на разные голоса кричавшими о вредѣ науки. Вѣдь и А. Кантемиру пришлось въ первой же своей сатирѣ бичевать „хулящихъ ученіе“.

Стародумы выставляли противъ науки всевозможные доводы и, между прочимъ, тотъ, что она подрываетъ уваженіе не только къ духовной, но и къ политической власти. По совершенно понятной причинѣ, Татищевъ считаетъ нужнымъ внимательно разобрать доводъ отъ политики.

„Никогда никаковъ бунтъ,—утверждаетъ онъ,—отъ благоразумныхъ людей начинанія не имѣлъ, но, равномѣрно ересямъ, отъ коварныхъ плутовъ съ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія начинается, которой междо подлостью разсѣявъ производятъ“. Въ подтвержденіе онъ ссылается на то, что наши русскіе бунтовщики, въ родѣ Болотникова, Разина, стрѣльцовъ и „черни“, всѣ

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 85.

[2]) Тамъ же, та же страница. Извѣстно, что кликуны и кликуши не переводились у насъ, несмотря на усердіе „благоразсудныхъ начальниковъ“. Еще Карамзинъ послалъ своему бурмистру такое распоряженіе: „Кликушамъ объявить моимъ господскимъ именемъ, чтобы онѣ унялись и перестали кликать; если же не уймутся, то приказываю тебѣ высѣчь ихъ розгами: ибо это обманъ и притворство“. (П. Смирновскій. Исторія русской литературы девятнадцатаго вѣка, выпускъ II, Спб., 1899 г., стр. 90.)

принадлежали къ „самой подлости“ и были невѣжественны. Правда, за границей мы видимъ въ числѣ бунтовщиковъ Кромвеля, который былъ ученымъ человѣкомъ, но и онъ принялъ на себя „образъ сущія простоты и благочестія“, а когда добился власти, всѣ училища разорилъ, учителей и учениковъ разогналъ, „дабы внѣ ученыхъ удобнѣе коварство свое скрыть могъ“. Благоразумные государи заботятся о просвѣщеніи своихъ подданныхъ именно потому, что бунты неизвѣстны тамъ, гдѣ процвѣтаютъ науки [1]).

Первая англійская революція облекла соціально-политическія требованія непривилегированной массы въ религіозную форму. Этого было достаточно, чтобы просвѣтители XVIII в. относили ее къ числу такихъ движеній, которыя могутъ быть опасны для ихъ дѣла. Такъ смотрѣли на нее, напримѣръ, французскіе просвѣтители, собиравшіеся у Гольбаха и служившіе выразителями революціонныхъ требованій третьяго сословія. Это свойственное очень многимъ просвѣтителямъ недовѣріе къ общественнымъ движеніямъ, совершавшимся подъ знаменемъ религіи, дополнялось у Татищева твердымъ убѣжденіемъ во вредѣ всякихъ вообще революціонныхъ движеній. Неудивительно, что Кромвель представлялся ему настоящимъ злодѣемъ. „Ученая дружина“ была безраздѣльно предана абсолютной монархіи. И мы имѣемъ полное право назвать Татищева главнымъ теоретикомъ, выдвинутымъ ею на защиту абсолютизма.

На вопросъ, какое правленіе надо признать самымъ лучшимъ, онъ отвѣчаетъ, что это зависитъ отъ обстоятельствъ. „Малые“ и не подвергающіеся непріятельскимъ нападеніямъ народы съ удобствомъ могутъ усвоить себѣ демократическій строй („правиться общенародно“). Народы „великіе“, но безопасные отъ нападеній со стороны другихъ народовъ, могутъ принять аристократическое правленіе. „Великія же и отъ сосѣдей не безопасныя государства безъ самовластнаго государя быть и въ цѣлости сохраняться не могутъ“ [2]).

Россія обязана монархіи всѣми своими успѣхами. Она только тогда и процвѣтала, когда въ ней было „единовластительство“. Когда наступили въ ней времена удѣловъ, усилившія значеніе аристократіи, она была покорена татарами и литовцами. Ея положеніе улучшилось только благодаря Ивану III, „основавшему монархію“, а также его сыну и внуку. Но въ смутное время бояре предписали Шуйскому „законы нѣкоторые, государству вредительные“, а когда онъ лишился престола, то установилось „по-

---

1) „Разговоръ“, стр. 65—66.

2) „Разговоръ“, стр. 137—138. См. также Нилъ Поповъ, назв. соч., стр. 116—117.

читай общенародное правленіе". Это привело Россію къ разоренію „паче татарскаго нападенія". Только выборомъ самовластнаго и наслѣдственнаго государя положенъ былъ конецъ этому „безпутству" и возстановленъ „надлежащій прежній порядокъ" [1]).

Өеофанъ Прокоповичъ то же говорилъ: „Русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а если каковое нибудь иное владѣнія правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благости не возможно" [2]). Мнѣ еще придется говорить о томъ, какъ энергично возстала „ученая дружина" противъ попытки верховниковъ ограничить власть Анны Ивановны. Она видѣла въ неограниченной власти монарховъ вѣрнѣйшій залогъ успѣшнаго хода русскаго просвѣщенія и потому была сознательной и последовательной ея сторонницей. Полной искренностью вѣетъ отъ совѣта, съ которымъ Татищевъ обращается къ своему сыну: „Власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай, а съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуй, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ" [3]).

Итакъ, въ политикѣ Татищевъ совершенно чуждъ какихъ-нибудь „разрушительныхъ" стремленій. Также рѣшительно чуждался онъ ихъ и въ области соціальныхъ отношеній. Онъ былъ помѣщикомъ и, въ качествѣ человѣка, прошедшаго суровую школу Петра Перваго, какъ видно, крутенько расправлялся съ тѣми своими крѣпостными, которыхъ почему-либо находилъ виноватыми. „Для винныхъ людей имѣть тюрьму", писалъ онъ своимъ приказчикамъ. Требовалъ онъ еще,—этимъ также напоминая намъ о своемъ качествѣ „птенца Петрова",—чтобы его крестьяне не теряли даромъ времени. Такъ какъ зимой они не были заняты полевыми работами, то онъ предписывалъ обучать ихъ разнымъ „художествамъ": „кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коневальному, шерсть бить, войлоки валять, портному, сапожному и всему тому подобному, что крестьянину необходимо имѣть надлежитъ" [4]). Подкрѣплялъ онъ это свое предписаніе тѣмъ со-

---

[1]) „Разговоръ", стр. 138—139. Н. Поповъ, назв. соч., стр. 118.

[2]) Смотри его описаніе „затѣйки" верховниковъ, напечатанное въ приложеніи къ „Запискамъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго". Переводъ съ французскаго Д. Языкова. Спб., 1845 г.

[3]) См. „Духовную В. Н. Татищева", изданную подъ наблюденіемъ члена Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи Андрея Островскаго. Казань 1885, стр. 15.

[4]) См. его „Краткія экономическія до деревни относящіяся записки", сообщенныя С. Серебряковымъ и напечанныя во „Временникѣ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ", книга 12. Москва, 1852 г.

ображеніемъ, что, обучившись „художествамъ“, его крестьяне будутъ въ состояніи „особливо зимою безъ тяжкой работы получить свои интересы“. Однако само собою понятно, что при этомъ не былъ забытъ имъ и свой собственный помѣщичій интересъ. Крестьянскихъ ребятъ,—замѣтьте, обоего пола,—онъ приказывалъ обучать, въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, письму и чтенію. Вообще онъ стоялъ за распространеніе знаній въ народѣ, указывая на государственныя, преимущественно военныя, нужды. Въ этихъ его указаніяхъ очень много ума. Относящіяся сюда страницы „Разговора“ и теперь полезно было бы перечитывать почаще нашимъ обскурантамъ. Но тутъ онъ остается, какъ былъ, „шляхтичемъ“. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы учащееся „шляхетство“ было „особно отъ подлости отдѣлено“. Общеніе дворянскихъ дѣтей съ прислугой и съ „рабскими дѣтьми“ кажется ему очень вреднымъ въ нравственномъ отношеніи [1]).

Одна изъ причинъ, въ силу которыхъ основанная Петромъ академія наукъ показала себя мало „способной“ къ „наученію“ шляхетскихъ дѣтей, состояла, по его словамъ, въ томъ, что дворянскія дѣти смѣшивались въ ней съ дѣтьми „подлыхъ“ людей: „Имѣя съ подлостью безъ призрѣнія родительскаго обхожденіе, могутъ скорѣе пристойность и благонравіе погубить“. Осуждалъ онъ и то, что въ академіи „многихъ шляхетскихъ нужныхъ наукъ не опредѣлено, яко на шпагѣ биться, на лошадяхъ ѣздить, тонцовать, знаменованіе (т.-е. рисованіе. *Г. П.*) и пр. тому подобнаго“. Поэтому онъ думалъ, что „надлежитъ инаго училища для дѣтей шляхетскихъ искать и болѣе одобрялъ основанное при Аннѣ „Кадетское училище“ [2]).

Въ „Разсужденіи о ревизіи поголовной“ Татищевъ жаловался, что у насъ между шляхтичемъ и „подлымъ“ нѣтъ никакой „разности“. Вслѣдствіе отсутствія закона, который опредѣлялъ бы права и преимущества высшаго сословія, „почитаются всѣ имѣющіе деревни, подьячіе, поповичи, посадскіе, холопи, имѣющіе отчины, купленныя или инымъ случаемъ полученныя, за шляхетство, гербы себѣ берутъ, кто какой самъ вымыслитъ, и почитаются по богатству, чего нигдѣ не ведется“. Это ведетъ, по мнѣнію Татищева, къ печальнымъ для общественной нравственности послѣдствіямъ: „Видя, что у насъ единственно богатство и великолѣпіе почитаемо, всякъ о томъ токмо прилежитъ, какимъ-нибудь способомъ богатство пріобрѣсти, а когда оное получитъ, то чины,

---

[1]) См. „Разговоръ“, стр. 154 и 109. Какъ мы увидимъ, наша интеллигенція XIX вѣка находила въ такомъ общеніи, наоборотъ, много хорошаго (Герценъ, Боборыкинъ и другіе).

[2]) „Разговоръ“, стр. 112.

чести и доходы купить уже нетрудно, великолѣпнымъ чванствомъ единъ другого тщася преуспѣть, не разумѣетъ, что тѣмъ себя и отечество раззоряютъ, что всякому довольно видимо“ [1]).

Татищевъ говоритъ, что Петръ Первый собирался положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ и даже издалъ нѣкоторые законы, дававшіе дворянству извѣстныя преимущества по службѣ, но послѣ него „невѣжество, или злость, или собственныя пользы тѣхъ, кому то производить и наблюдать надлежало, все въ забвеніи оставили“.

Это весьма знаменательно. Въ своей борьбѣ съ боярствомъ дворянство выступало противъ породы и склонялось къ той мысли, что положеніе служилаго человѣка въ общественной іерархіи должно опредѣляться только его заслугой. Петръ Первый безусловно одобрялъ эту склонность дворянства. Онъ по-своему поддерживалъ ее, заставляя породу отступать передъ чиномъ. Не могли не сочувствовать этой склонности дворянства и птенцы Петровы. Ниже мы увидимъ, что ихъ сочувствіе къ ней нашло себѣ выраженіе даже въ изящной литературѣ (именно во второй сатирѣ Кантемира). Но поскольку дворянство само становилось привилегированнымъ сословіемъ, постольку въ немъ должна была пробуждаться и дѣйствительно пробуждалась противоположная склонность къ тому, чтобы добиться изданія законовъ, устанавливающихъ „разность“ между „шляхетствомъ“ и „подлостью“. Поскольку птенцы Петровы принадлежали къ дворянству, они не были свободны также и отъ этой склонности своего класса. Отсюда—двойственность въ понятіяхъ и разсужденіяхъ, весьма замѣтная у Татищева.

Нашъ убѣжденный просвѣтитель оставался не менѣе убѣжденнымъ идеологомъ „шляхетства“. А между тѣмъ теоріи, которыя легли въ основу его міросозерцанія и которыя были теоріями западно-европейскихъ просвѣтителей, выражали собою освободительныя стремленія третьяго сословія и, слѣдовательно, были въ большей или меньшей степени враждебны „старому порядку“. Одной изъ нихъ была теорія естественнаго права и естественной религіи,—вообще „естественнаго закона“,—за которую крѣпко держался, какъ мы видѣли, нашъ авторъ. Какъ же разрѣшить это противорѣчіе? Надо принять въ соображеніе, что указанныя теоріи лишь постепенно доведены были до своихъ крайнихъ логическихъ—на практикѣ революціонныхъ—выводовъ. Поэтому и на Западѣ ихъ сплошь да рядомъ усваивали себѣ и распространяли люди, не имѣвшіе ровно никакихъ ре-

---

[1]) Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 771—772.

волюціонныхъ стремленій. Такихъ людей было особенно много въ Германіи, сильно отставшей тогда отъ Франціи и Англіи. Такъ, напримѣръ, С. Пуффендорфъ, у котораго такъ много заимствовалъ Татищевъ, былъ настроенъ скорѣе консервативно. Абсолютизмъ имѣлъ въ немъ твердаго приверженца. Этимъ онъ, вѣроятно, и нравился Петру. Правда, даже французскіе просвѣтители второй половины XVIII столѣтія охотно возлагали свои надежды на государей („les princes éclairés"). Однако Пуффендорфъ былъ не только приверженцемъ абсолютизма. Онъ готовъ былъ мириться даже съ такими учрежденіями, которыя рѣзко осуждались французскими просвѣтителями и которыхъ въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя было оправдать ссылкою на естественное право. Укажу на рабство. Пуффендорфъ выводилъ его изъ договора: „nam perpetua illa obligatio compensatur perpetua alimantorum certitudine". На это послѣдовательный сторонникъ „естественнаго закона" возразилъ бы, что если даже допустить, что одинъ человѣкъ можетъ навсегда отдать другому свою собственную свободу, то онъ рѣшительно не имѣетъ права жертвовать свободой своего потомства. И съ такимъ возраженіемъ Пуффендорфу никакъ нельзя было бы справиться, пока онъ не покинулъ бы точки зрѣнія естественнаго права.

Но какъ бы тамъ ни было съ Пуффендорфомъ, несомнѣнно, что именно подобные ему непослѣдовательные сторонники просвѣтительныхъ теорій и годились въ учителя идеологамъ нашего европеизованнаго дворянства: послѣдовательные слишкомъ скоро и ясно обнаружили бы, до какой степени не соотвѣтствовалъ соціально-политическій строй Россіи требованіямъ „естественнаго закона", возникшимъ на Западѣ въ процессѣ борьбы противъ „стараго порядка".

Во Франціи освободительное движеніе третьяго сословія было несравненно сильнѣе, нежели въ Германіи. Поэтому французскіе просвѣтители были гораздо смѣлѣе и гораздо послѣдовательнѣе германскихъ; русскіе же просвѣтители шли за тѣми или другими, смотря по своему отношенію къ россійской дѣйствительности, какъ стали выражаться у насъ въ XIX столѣтіи. Поскольку они мирились съ ея основами, они болѣе склонялись къ нѣмцамъ, а поскольку возставали противъ нея, у нихъ начиналось тяготѣніе къ французамъ. Кажущіяся исключенія изъ этого правила только подтверждаютъ его (исторія вліянія Вольтера на болѣе или менѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей). Даже нѣкоторыя отдѣльныя личности (Радищевъ, Бѣлинскій) склонялись къ французамъ въ тѣ періоды своей жизни, когда были настроены радикально, а къ нѣмцамъ, когда мирились съ „дѣйствитель-

ностью“ (Бѣлинскій) или, по крайней мѣрѣ, начинали уставать въ борьбѣ съ нею (Радищевъ). Но объ этомъ потомъ.

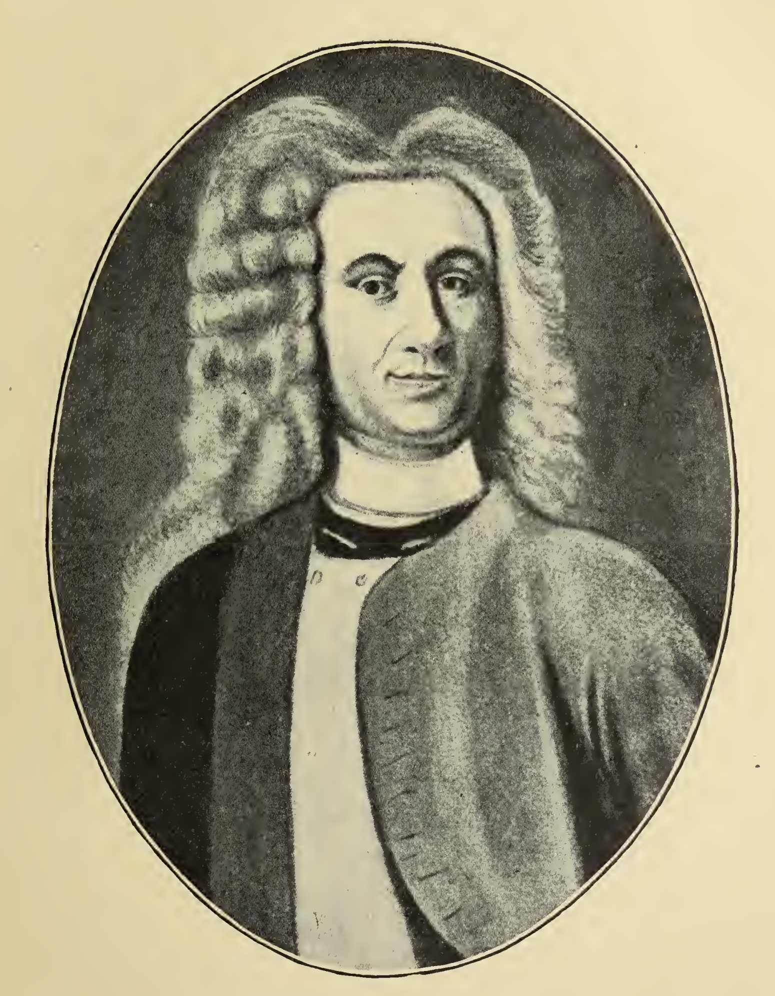
Посмотримъ же, какъ обращается съ ученіемъ о „естественномъ законѣ“ Татищевъ.

Онъ разсуждаетъ такъ: „Воля по естеству только нужна и полезна, что ни едино благополучіе ей сравниться не можетъ“. Это звучитъ почти какъ революціонный призывъ. Но это почти революціонное положеніе сопровождается у него важными оговорками. Воля приноситъ людямъ пользу только тогда, когда они разумно пользуются ею. А на это способны не всѣ. Ребенокъ для своей собственной пользы долженъ быть подчиненъ родителямъ. Изъ власти отца вытекаетъ власть монарха, которому должны подчиняться его подданные. Наконецъ слуга тоже носитъ узду неволи: онъ подчиняется своему господину. Но если власть отца и власть монарха создается самой природой, то власть господина надъ слугой обязана своимъ происхожденіемъ договору: „Напримѣръ, единъ самъ себѣ пропитанія, одежды и жилища промыслить или отъ непріятеля защититься не способенъ, а другой тѣмъ изобилуетъ... Тогда они согласятся, что сей обѣщаетъ сему служить и его волѣ повиноваться; противно же (т.-е. сообразно. *Г. П.*) тому, оной обѣщается пищею, одеждою и жилищемъ снабдить и отъ обиды защитить, чрезъ что тотъ, отдавшійся въ волю другого, своей воли не имѣетъ“ [1]).

Здѣсь Татищевъ мѣстами чрезвычайно близокъ къ Пуффендорфу. Однако онъ расходится съ нимъ во взглядѣ на происхожденіе власти монарха. У нѣмецкаго писателя она выводится изъ договора, между тѣмъ какъ русскій авторъ объявляетъ ее учрежденіемъ, созданнымъ, подобно родительской власти, самой природой. Откуда эта разница? Какъ видно, Татищевъ находилъ, что теорія договора не можетъ служить надежной теоретической основой власти русскихъ государей. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что теорія эта была въ данномъ случаѣ ненадежна: вѣдь она носила въ себѣ самые крайніе выводы, сдѣланные впослѣдствіи французскими революціонерами. Но не болѣе годилась эта теорія и для оправданія,—съ точки зрѣнія „естественнаго закона“,—наслѣдственной зависимости слуги отъ господина. Однако Татищевъ воспользовался ею именно съ этой цѣлью. Набросавъ схему договора, по которому „сей“ обязывается служить, а „оный“— кормить и защищать за это „сего“, нашъ авторъ прибавляетъ: „изъ сего договора возникаетъ неволя холопа или слуги“. Исторически онъ правъ. Кабальное холопство основывалось на семъ

---

[1]) „Разговоръ“, стр. 139—141.

Василій Никитичъ Татищевъ.

„договорѣ". Но въ томъ-то и дѣло, что просвѣтитель, оставаясь послѣдовательнымъ, не могъ довольствоваться историческимъ объясненіемъ даннаго рода зависимости, а долженъ былъ или осудить ее или найти для нея оправданіе въ выводахъ разума.

Въ высшей степени замѣчательно, что, распространяясь въ своемъ „Разговорѣ" о необходимости „узды неволи", Татищевъ ни однимъ словомъ не коснулся крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Онъ какъ будто сознавалъ, что даже историческое ея происхожденіе не можетъ быть вполнѣ объяснено договоромъ. Но это еще не все. Онъ вообще отрицалъ,—повторяю, въ „Разговорѣ",—правомѣрность „рабства или невольничества", хотя и называлъ дѣтей крѣпостной прислуги „рабскими дѣтьми" (см. выше). Рабство или невольничество есть плодъ насилія, а насиліе права не создаетъ: „Понеже человѣкъ по естеству въ защищеніи и охраненіи себя имѣетъ свободу,—разсуждалъ Татищевъ,—того ради онъ такое лишеніе своея воли терпѣть болѣе не долженъ, какъ до возможнаго къ освобожденію случая" [1]). Отсюда логически слѣдуетъ, что если низшій классъ общества насильственно удерживается въ неволѣ высшимъ, то онъ имѣетъ естественное право подняться противъ своихъ поработителей. Правда, Татищевъ и тутъ оговаривается: „Но и сіе съ разумомъ; ибо если бы я былъ (бывъ? *Г. П.*) въ неволѣ у разбойниковъ или въ пленѣ у непріятеля, дерзнулъ несравненною моею малою силою имъ отмщить и себя освободить, тобъ я самъ своей погибели причиною былъ". И это, конечно, справедливо. Но вопросъ, насъ интересующій, состоитъ не въ томъ, при какихъ условіяхъ было бы цѣлесообразно возстаніе порабощенныхъ противъ своихъ поработителей, а въ томъ, слѣдуетъ ли признать его правомѣрнымъ, а на этотъ вопросъ Татищевъ уже далъ намъ категорическій отвѣтъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Не думайте, что онъ хотя бы въ теоріи былъ противъ крѣпостного права. Въ другомъ мѣстѣ онъ категорически высказался за него. Но не умѣя оправдать его съ помощью „естественнаго закона", онъ перенесъ дѣло въ другую инстанцію. Онъ апеллировалъ къ политикѣ. „Вольность" крестьянъ и холопей полезна въ другихъ государствахъ, говоритъ онъ. Возможно, что она приносила пользу и у насъ во времена Грознаго, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда „безпутные отчинники" утѣсняли своихъ людей. Но „оное (т.-е. она. *Г. П*) съ нашею формою правле-

[1]) „Разговоръ". стр. 141.

нія монархическаго не согласуетъ и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно“.

Примѣръ Татищева показываетъ намъ, какимъ образомъ просвѣщенные шляхтичи, созданные въ Великороссіи Петровской реформой и недурно освѣдомленные насчетъ соціально-политическихъ порядковъ западныхъ странъ, объединяли въ теоріи свои помѣщичьи интересы съ интересами самодержавія.

Но хотя ихъ ссылка на государственную безопасность долго казалась убѣдительной какъ имъ самимъ, такъ и представителямъ центральной власти, однако она все-таки не давала логической возможности оправдать крѣпостное право съ точки зрѣнія „естественнаго закона“. Затрудненіе, о которое запнулся Татищевъ, оставалось неустраненнымъ. Да и не одно это затрудненіе.

Европеизованнымъ идеологамъ русскаго дворянства приходилось объяснять и оправдывать привилегированное положеніе своего сословія съ помощью ученій, неудобныхъ для этой цѣли по своему оппозиціонному происхожденію. Можно сказать, разумѣется, что вѣдь были же на Западѣ и болѣе консервативныя теоріи, нежели, напримѣръ, теорія „естественнаго закона“. Но, во-первыхъ, слишкомъ слабы были консервативныя теоріи Запада въ сравненіи съ теоріями, возникшими въ процессѣ освободительнаго движенія. Во-вторыхъ,—и это главное,—было одно важное соціально-политическое условіе, помѣшавшее птенцамъ Петровымъ усвоить себѣ ученіе западно-европейскихъ консерваторовъ. Оно состояло въ томъ, что консерваторы эти защищали такія политическія требованія высшихъ классовъ, о какихъ и слышать не хотѣла русская центральная власть, особенно въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ Иванъ IV или Петръ I. Такъ какъ западно-европейская буржуазія, борясь со свѣтской и духовной аристократіей, въ теченіе нѣкотораго времени поддерживала абсолютизмъ, то и теоріи, выдвинутыя ея идеологами, казались болѣе соотвѣтствующими политическому строю Россіи, пока французская революція не обнаружила грозныхъ выводовъ, таившихся въ нѣдрахъ этихъ теорій.

Но если до поры до времени онѣ могли казаться болѣе подходящими къ русскимъ политическимъ условіямъ, то все-таки изъ нихъ никакими усиліями невозможно было выжать сколько-нибудь серьезные логическіе доводы въ пользу „самобытныхъ“ учрежденій въ родѣ нашего крѣпостного права. А это значитъ, что позиція просвѣщенныхъ идеологовъ нашего дворянства была, въ концѣ концовъ, все-таки очень невыгодна. Вотъ почему они такъ неудачно боролись впослѣдствіи съ тѣми русскими людьми, которые

выступали,—хотя нерѣдко только въ молодости,—сознательными сторонниками революціонныхъ ученій Запада.

Вернемся къ Татищеву. Характеристика его, какъ идеолога русскаго дворянства, осталась бы неполной, если бы не была отмѣчена его заботливость о крестьянахъ, выражавшаяся почти на каждой страницѣ его „Экономическихъ Записокъ“. Онъ предписывалъ заводить для своихъ людей не только тюрьмы, но также школы и бани [1]). Его приказчикъ и староста должны были строго наблюдать за тѣмъ, чтобы „каждой крестьянинъ, мужъ съ женой имѣлъ у себя лошадей работныхъ двухъ, быковъ кладеныхъ (воловъ. *Г. П.*) двухъ, барановъ 5, овецъ 10, свиней 2, гусей старыхъ двѣ пары, куръ старыхъ 10; а кто пожелаетъ имѣть больше, дозволяется, а меньше вышеписаннаго положенія отнюдь не имѣть“. Для старыхъ и больныхъ крестьянъ учреждена была имъ богадѣльня, въ которой они содержались „боярскимъ коштомъ“. Заботливое вниманіе помѣщика распространялось даже на домашнюю утварь его крестьянъ. Каждый изъ нихъ обязанъ былъ имѣть „блюды, тарелки, ножи, вилки, оловянныя ложки, солонки, стаканы, скатерти, полотенцы, шкафы, или поставцы, желѣзные половники и ковши“. Крестьянъ, по нерадѣнію своему не имѣвшихъ всего этого, ожидала суровая кара: ихъ отдавали въ батраки къ исправнымъ домохозяевамъ, которые получали право безплатно пользоваться ихъ трудомъ и землею, внося за нихъ подати. „Лѣнивцы“ оставались въ такомъ положеніи, пока не заслуживали „хорошей похвалы“.

Нечего и говорить: въ этой заботливости Татищева о своихъ крестьянахъ виденъ „шляхтичъ“—рабовладѣлецъ, знающій цѣну „крещеной собственности“ и умѣющій пользоваться ея трудомъ. Онъ строго приказываетъ старостѣ слѣдить, „дабы лѣтомъ во время работы не малой лѣности и дальнаго покою крестьянамъ происходить не могло“ [2]). Но онъ, по крайней мѣрѣ, обезпечивалъ своимъ „душамъ“ экономическое довольство, чего не дѣлали многіе и многіе другіе рабовладѣльцы.

Но что всего замѣчательнѣе, такъ это отношеніе Татищева къ женщинѣ. Особенность этого отношенія обнаруживается отчасти уже въ его заботливости о томъ, чтобы грамотѣ обучались его крѣпостные обоего пола. А всего ярче сказывается оно въ слѣдующемъ совѣтѣ Василія Никитича своему сыну: „Паче же имѣй то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощ-

---

[1]) „Двѣ бани большихъ мускую и женскую, которыя топить каждую субботу послѣ обѣда по очередѣ“. „Временникъ“, стр. 20.

[2]) „Временникъ“, стр. 20.

ница во всемъ и другомъ должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и тебѣ къ ней должно быть“ [1])...

Усердно неся государственную службу, Татищевъ не хотѣлъ, однако, „прислуживаться“ и съ большимъ недовѣріемъ смотрѣлъ на придворныхъ. Онъ не совѣтуетъ своему сыну искать „придворной услуги“, такъ какъ „тутъ лицемѣрство, коварство лесть, зависть и ненависть едва не всѣмъ ли добродѣтелямъ предходятъ, а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, несмотря на то, что губя невинныхъ, сами вскорѣ судомъ божескимъ погибнутъ“ [2]).

Бояринъ Берсень Беклемишевъ говорилъ Максиму Греку: „Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля недолго стоитъ“. Такъ смотрѣла Московская Русь. „Птенцы Петровы“ выработали себѣ другой взглядъ. Оставаясь консерваторами въ томъ, что касалось основъ русской общественно-политической жизни, они одобряли „перестановку“ родныхъ обычаевъ. У Татищева есть даже цѣлая теорія прогресса. Если онъ и не ждалъ въ будущемъ золотого вѣка, то, навѣрно, согласился бы съ Сэнъ-Симономъ въ томъ, что нѣтъ никакого основанія помѣщать этотъ вѣкъ позади насъ. „Что касается до наукъ и разума прежнихъ народовъ,—говоритъ онъ,—то мы, взирая на извѣстныя намъ древнія дѣйствія, равно можемъ о нихъ сказать, какъ о единственномъ человѣкѣ, что со младенчества ничего, въ юности же мало что полезное показали; но приходя въ станъ мужескій едва что полезное показывать стали“ [3]).

Французскіе просвѣтители XVIII вѣка часто судили о ходѣ общественнаго развитія по аналогіи съ ходомъ развитія „единственнаго человѣка“. Отъ нихъ этотъ аналогическій методъ перешелъ къ соціалистамъ-утопистамъ первой половины XIX столѣтія. Къ нему любилъ прибѣгать Сенъ-Симонъ, пытавшійся обосновать посредствомъ его свой законъ трехъ фазисовъ умственнаго развитія человѣчества [4]). Такимъ образомъ, по пріемамъ своего мышленія Татищевъ здѣсь, какъ и въ разсужденіяхъ своихъ о „естественномъ законѣ“, выступаетъ передъ нами просвѣтителемъ [5]).

Наконецъ, просвѣтителемъ же является онъ и въ своемъ общемъ взглядѣ на главную причину историческаго движенія.

---

[1]) „Духовная“, стр. 13.

[2]) „Духовная“, стр. 20.

[3]) „Разговоръ“, стр. 38.

[4]) Подробнѣе объ этомъ см. въ III главѣ моей книги: „Къ вопросу о развитіи монистическаго вгляда на исторію“.

[5]) Хронологически первымъ русскимъ просвѣтителемъ.

Движеніе это объясняется у него „просвѣщеніемъ ума“. Но что такое просвѣщеніе ума? Накопленіе и распространеніе знаній. А что такое знаніе? На этотъ вопросъ русскій просвѣтитель первой половины XVIII вѣка отвѣчалъ не вполнѣ такъ, какъ отвѣчали на него французскіе просвѣтители, особенно во второй половинѣ того же столѣтія.

Французскіе просвѣтители относились къ религіи отрицательно. Поэтому религіозныя представленія не имѣли въ ихъ глазахъ ничего общаго съ научными понятіями. Успѣхи просвѣщенія должны были, по ихъ словамъ, расшатывать религіозную вѣру и суживать ея область. Не такъ смотрѣлъ Татищевъ. Мы уже видѣли, что онъ уважалъ права религіи. Въ его философіи исторіи отводится широкое мѣсто развитію религіозныхъ представленій, какъ средству просвѣщенія. „Первое просвѣщеніе ума,—говоритъ онъ,—подавало обрѣтеніе письма, другое великое примѣненіе учинило пришествіе и ученіе Христово; третье обрѣтеніе тисненія книгъ“ [1]). Написавъ эти строки, Татищевъ какъ будто вспомнилъ ученіе церкви объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому и поспѣшилъ прибавить: „И такъ мнится, что удобно можемъ сравнять до обрѣтенія письма и закона Моисеева со временемъ младенчества человѣка“ [2]).

По свидѣтельству доктора Лерха, Татищевъ имѣлъ особыя мнѣнія насчетъ религіи, вслѣдствіе чего многіе не считали его православнымъ [3]). Въ своей „Духовной“ нашъ авторъ презрительно отталкиваетъ отъ себя обвиненіе въ безбожіи и въ ереси. Выше я сказалъ, что рѣшительное преобладаніе въ его взглядахъ свѣтскаго элемента дѣлало ихъ очень непохожими на міросозерцаніе русскихъ начетчиковъ до-Петровскаго времени, но что все-таки онъ не разрывалъ съ религіей. Теперь мы видимъ, что Татищевъ былъ склоненъ къ компромиссу съ нею также и въ

---

[1]) Сравни у него же „Предизвѣщеніе“ къ „Исторіи Россійской“, книга первая, часть первая, Москва, 1768 г. „Способы всемірнаго умопросвѣщенія разумѣю три величайшія. Яко первое обрѣтенія буквъ, чрезъ которыя возъимѣли способъ вѣчно написанное въ память сохранить, и далеко отлучнымъ наше мнѣніе изъявить.—Второе Христа Спасителя на землю пришествіе, которымъ совершенно открылось познаніе Творца и должность твари къ Богу, себѣ и ближнему. Третіе чрезъ обрѣтеніе тисненія книгъ и вольное всѣмъ употребленіе, черезъ которое весьма великое просвѣщеніе міръ получилъ, ибо и чрезъ то науки вольныя возрасли, и число книгъ полезныхъ умножилось“ (стр. XXVII).

[2]) „Разговоръ“, стр. 38. См. статью Бестужева-Рюмина, „Василій Никитичъ Татищевъ“, въ „Древней и новой Россіи“, 1875 г., II, стр. 261. Всѣхъ возрастовъ или „становъ“ человѣчества, по Татищеву, четыре: четвертый простирается отъ обрѣтенія тисненія книгъ до новѣйшаго времени включительно.

[3]) Древняя и новая Россія, II, стр. 261.

своей философіи исторіи. Нашъ просвѣщенный идеологъ дворянства шелъ въ этой области за умѣренными нѣмецкими просвѣтителями, видѣвшими въ религіи божественное средство „воспитанія человѣческаго рода“, а не за крайними французскими просвѣтителями, смотрѣвшими на нее какъ на одно изъ важнѣйшихъ препятствій успѣхамъ человѣческаго разума.

Впрочемъ, разница между тѣми и другими давала себя чувствовать только тамъ, гдѣ рѣчь шла объ откровенныхъ религіяхъ. Во взглядѣ же на происхожденіе языческихъ религій умѣренные просвѣтители XVIII в. сближались съ крайними. Вотъ, напримѣръ, касаясь ученія Пиѳагора о переселеніи душъ, Татищевъ выражается такъ, что съ нимъ безъ труда согласился бы самъ Дидро. Онъ говоритъ: „Пиѳагоръ для воздержанія людей отъ злодѣянія и для наставленія къ благонравію и благочестному житію, вымыслилъ прехожденіе душъ изъ одного въ другое животное по дѣламъ каждаго“ [1]). Религіозные догматы измышляются вліятельными личностями чаще всего съ цѣлью эксплуатаціи, но иногда и для „воздержанія“ своихъ соплеменниковъ. Сущность этого взгляда усвоена была отъ просвѣтителей XVIII в. даже нѣкоторыми выдающимися соціалистами-утопистами XIX столѣтія. Отъ него получили свое происхожденіе „новое христіанство“ Сэнъ-Симона и „истинное христіанство“ Кабэ.

„Обрѣтеніе Моисеева закона“ и „пришествіе Христово“ представляютъ собою, во всякомъ случаѣ, явленія чудесныя, т.-е. исключительныя. А при нормальномъ ходѣ историческаго процесса главную роль играетъ накопленіе и распространеніе знаній. Въ процессѣ ихъ накопленія и распространенія очень многое зависитъ отъ „прилежности“ народовъ, а также,—Татищевъ не былъ бы просвѣтителемъ XVIII вѣка, если бы думалъ иначе,— отъ заботливости правителей. „Ибо какъ человѣкъ и кромѣ природныхъ невозможностей за лѣность и нерадѣніемъ собственнымъ, паче же родительскимъ несмотрѣніемъ того благо лишится, такъ прилежностью и снисканіемъ единъ болѣе другого пріобрѣсти можетъ; равно сему и въ общественномъ единъ народъ или государство предъ другимъ прилежаніемъ собственнымъ и случаями отъ властей учрежденныхъ училищъ болѣе успѣваютъ“. Такъ, въ Англіи науки умножались „черезъ труды и прилежаніе“ Генриха VIII и Елизаветы, а во Франціи—Генриха IV и Людовика XIV [2]).

---

[1]) „Исторія Россійская“, книга вторая, стр. 383. Тутъ онъ руководствуется философскимъ лексикономъ Вальха.

[2]) „Разговоръ“, стр. 121. Въ другомъ мѣстѣ Татищевъ категорически говоритъ, что „всѣ дѣянія отъ ума или глупости происходятъ“. Но онъ прибавляетъ: нельзя

По методу своего мышленія,—прошу читателя замѣтить: по методу мышленія, а не по отдѣльнымъ взглядамъ,— Татищевъ является какъ бы главою многочисленнаго рода просвѣтителей, очень долго игравшаго вліятельную и плодотворную роль въ нашей литературѣ. Если онъ былъ первымъ выдающимся представителемъ этого рода, то Чернышевскій и Добролюбовъ были самыми передовыми, крупными и блестящими его представителями. Послѣ нихъ онъ началъ быстро мельчать и клониться къ упадку.

Что касается спеціальныхъ работъ Татищева, то оцѣнка ихъ давно уже сдѣлана авторитетнымъ спеціалистомъ С. М. Соловьевымъ. Вотъ что говоритъ этотъ послѣдній о Татищевѣ, какъ объ историкѣ:

„Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ первый началъ дѣло такъ, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи, однимъ словомъ, указалъ путь и далъ средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіею... Не говорю уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописей, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны; важность же этихъ извѣстій для науки становится день ото дня ощутительнѣе“ [1]).

Немало сдѣлалъ Татищевъ также для исторіи русскаго права. По мнѣнію С. М. Соловьева, онъ и здѣсь является первымъ издателемъ памятниковъ и первымъ ихъ истолкователемъ. Онъ при-

считать глупость „за особое существо (sic!), но оное слово токмо недостатокъ или оскудѣніе ума, властно какъ стужа, оскудѣніе теплоты, а не есть особое существо или матерія“. Татищевъ называетъ умъ „главнымъ природнымъ дѣйствомъ, или силой души“. Просвѣщенный умъ называется у него *разумомъ*. „Освященіе же ума,—продолжаетъ Татищевъ,—равно какъ свѣтъ видимый отъ огня небеснаго или земного происходящій, освѣщаетъ всѣ тѣлеса и видимы намъ творитъ, тако ученіе и прилѣжное вещей испытаніе намъ всѣ въ мысляхъ воображенныя свойства къ понятію и разсужденію мысленнымъ очамъ просвѣщаетъ“ („Исторія Россійская“, книга первая, часть первая. Предъизвещеніе, стр. XXVI—XXVII). О „дѣяніяхъ“ рѣчь идетъ здѣсь потому, что слово исторія „то самое значитъ, что у насъ дѣи или дѣянія“ (тамъ же, стр. I).

[1]) „Писатели русской исторіи XVIII вѣка“ въ Собр. Соч. С. М. Соловьева, стр. 1346—1347. Ср. „Главныя теченія русской исторической мысли“ П. Н. Милюкова, Москва, 1897, стр. 15—23.

готовилъ къ изданію русскую правду и Судебникъ царя Ивана съ дополнительными статьями. Въ примѣчаніяхъ Татищева къ Судебнику С. М. Соловьевъ видѣлъ первую попытку объяснить наши древніе юридическіе термины.

Наконецъ, этотъ же замѣчательный человѣкъ былъ авторомъ первыхъ трудовъ и по русской географіи [1]).

Въ виду всего этого С. М. Соловьевъ правильно отводилъ Татищеву, рядомъ съ Ломоносовымъ, „самое почетное мѣсто въ исторіи русской науки въ эпоху начальныхъ трудовъ“ [2]).

Какъ и всѣ птенцы Петровы, В. Н. Татищевъ выступалъ въ самыхъ различныхъ областяхъ практической дѣятельности: онъ былъ и горнымъ инженеромъ, и артиллеристомъ, и администраторомъ. Служилъ онъ умно и усердно, но, какъ сказано выше, не любилъ прислуживаться. Въ царствованіе Анны онъ, не угодный Бирону, попалъ подъ судъ и страдалъ отъ судебной волокиты чуть не до самой смерти своей. Не наше дѣло разбирать, былъ ли онъ такъ безупреченъ въ своей служебной дѣятельности, какъ это ему казалось. Въ то время передовые люди смотрѣли на практическую дѣятельность совсѣмъ другими глазами, нежели теперь..

III. А. Д. Кантемиръ.

Кромѣ очень многаго другого, отъ вниманія Татищева не ушелъ и вопросъ о чистотѣ русскаго языка. Татищевъ понималъ, что никакъ нельзя было обойтись безъ заимствованій изъ другихъ языковъ. „Однакожъ,—предостерегалъ онъ,—между пріятыми изъ чужихъ много такихъ словъ, что таковы жъ на нашемъ имѣемъ и лучше разумѣемъ, и для того оныхъ вносить въ употребленіе весьма не полезно“ [3]). Это—святая истина, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ слишкомъ часто забываемая русскими писателями, даже тѣми, которые принадлежатъ къ демократическому лагерю и которымъ слѣдовало бы помнить, что у насъ, какъ и во всемъ мірѣ, трудящаяся масса иностранныхъ языковъ не изучаетъ.

Но литература собственно такъ называемая мало влекла къ себѣ Татищева. Въ „ученой дружинѣ“ спеціалистомъ по части литературы былъ князь А. Д. Кантемиръ.

---

[1]) По замѣчанію А. Н. Пыпина, Татищевъ первый нашелъ необходимымъ изучать, для цѣлей исторіографіи, „народную жизнь съ ея бытовыми особенностями, нравами, обычаями и преданіями“ („Исторія русской литературы“, т. III, стр. 366).

[2]) Тамъ же, стр. 1350.

[3]) „Разговоръ“, стр. 95—96.

Его сатиры могутъ быть названы классическими въ томъ смыслѣ, что мы знакомимся съ ними еще въ школѣ. Но онъ писалъ не только сатиры. Онъ сочинялъ также „пѣсни“, „письма“, разнаго рода мелкія стихотворенія, а иногда грѣшилъ даже такими произведеніями, какъ цитованная мною выше „Петрида“ и „рѣчь Благочестивѣйшей Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской“ [1]). Кромѣ всего этого, онъ усердно занимался переводами въ стихахъ (Анакреонъ, Горацій) и въ прозѣ (Фонтенель, Монтескье). Наконецъ, до насъ дошло, правда, въ весьма плохомъ спискѣ, одиннадцать философскихъ писемъ его о природѣ и человѣкѣ. Для исторіи русской общественной мысли во всемъ этомъ находится много очень интереснаго матеріала.

Начать съ того, что подобно Татищеву Кантемиръ не только писалъ, но и служилъ. Такъ и долго послѣ него дѣлали почти всѣ русскіе писатели: не даромъ они были выходцами изъ служилаго сословія. Какъ человѣкъ, относившійся къ литературѣ съ огромнымъ интересомъ, Кантемиръ, можетъ быть, съ гораздо большомъ увлеченіемъ писалъ свои тяжелые стихи или переводилъ иностранныхъ авторовъ, нежели составлялъ дѣловыя бумаги. Но если это въ самомъ дѣлѣ было такъ, то онъ, вѣроятно, не одинъ разъ самъ осуждалъ мысленно свою слабость. Въ глазахъ этихъ служилыхъ людей, посвящавшихъ свои досуги „сочинительству“, служба была важнѣе литературы. Кантемиръ, не обинуясь, высказываетъ такой взглядъ въ „письмѣ“, озаглавленномъ: „Къ стихамъ моимъ“, и написанномъ въ 1743 г., когда онъ готовилъ къ печати свои поэтическіе опыты. Предупреждая нападки людей, которые упрекнутъ его въ томъ, что онъ „упражнялся“ въ трудѣ, неприличномъ ни чину его, ни лѣтамъ, нашъ чиновный сатирикъ говоритъ (повторяю, онъ обращается при этомъ къ своимъ стихамъ):

...Станете напрасно
Вы внушать, и доводить слогомъ своимъ ясно,
Что молодыхъ лѣтъ плоды вы не ущербили
Ни малой мнѣ къ дѣламъ часъ важнѣйшимъ и нужнымъ;
Что должность моя всегда нашла мя досужнымъ...

Кантемиръ, въ самомъ дѣлѣ, напрасно внушалъ и доводилъ это настоящимъ служакамъ, не вкушавшимъ отъ плодовъ познанія литературнаго добра и зла. Всѣ русскіе писатели, тянувшіе служебную лямку, постоянно должны были чувствовать себя въ

---

[1]) Увы! тоже стихотворная!

неловкомъ положенiи людей, приставленныхъ къ серьезному дѣлу, но время отъ времени забывающихъ объ его интересахъ ради пустой забавы. Начальство не упускало случаевъ дать имъ понять, что они какъ бы злоупотребляютъ его довѣрiемъ, и подчасъ предлагало имъ выбирать между службой и „сочинительствомъ". Къ счастью для русской литературы и для русскаго общественнаго развитiя, въ душѣ наиболѣе даровитыхъ изъ этихъ людей слабость къ литературѣ не безъ успѣха сопротивлялась ихъ же собственной чиновничьей солидности. Порой она приводила ихъ даже къ совсѣмъ иному взгляду на литературу. Это мы увидимъ уже у Кантемира.

Извѣстно, что онъ не былъ „русакомъ" по своему происхожденiю. Кромѣ того, онъ оставилъ Россiю совсѣмъ молодымъ человѣкомъ,—22 лѣтъ,—и умеръ за границей, въ общественной обстановкѣ, мало походившей на тогдашнюю русскую. Но—такова сила раннихъ впечатлѣнiй!—онъ все-таки цѣликомъ усвоилъ себѣ и сохранилъ понятiя тогдашняго русскаго дворянства,—разумѣется, какъ они сложились въ самой просвѣщенной части этого сословiя. Вотъ, напримѣръ, дорогое Кантемиру западно просвѣщенiе не заронило въ его душу ни тѣни сомнѣнiя относительно правомѣрности крѣпостной зависимости крестьянъ. Зависимость эта представлялась ему чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ. Иногда онъ пытался даже взглянуть на нее черезъ очки пасторали.

Отвѣчая Ѳ. Прокоповичу на его стихотворенiе: „Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастiи", онъ такъ изображаетъ свои собственныя потери:

У меня было мало козлятокъ,
Ты извѣстенъ,
Сей былъ мой паствы начатокъ
Некорыстенъ,
Но и сихъ Егоръ и его други
Отогнали [1]).

Егоръ это—ростовскiй архiепископъ Георгiй Дашковъ, принадлежавшiй къ враждебной Прокоповичу и Кантемиру партiи, а козлятки—крѣпостные крестьяне. Они были „отогнаны" отъ нашего поэта собственно не Дашковымъ, а Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, постановившимъ, что тѣ имѣнiя, которыя остались послѣ стараго князя Дмитрiя Кантемира, должны принадлежать его среднему сыну Константину [2]).

---

[1]) „Epodos consolatoria".

[2]) Тогда еще былъ въ силѣ такъ называемый (неправильно) законъ о маioратахъ. Кн. Дмитрiй Кантемиръ предоставилъ правительству рѣшить, какой именно изъ его сыновей долженъ владѣть его имѣнiями.

Конечно, съ точки зрѣнія положительнаго права крѣпостная зависимость „козлятокъ“ была вполнѣ правомѣрна. Но вѣдь молодой Антіохъ Кантемиръ имѣлъ очень ясное понятіе о „естественномъ законѣ“. Въ одномъ изъ примѣчаній къ своей первой сатирѣ онъ говоритъ: „Законъ естественный есть правило отъ самой натуры намъ предписанное, которое всегда непремѣнно и безъ котораго никакое сообщество устоять не можетъ“. Казалось бы, что вопросъ о крѣпостной зависимости „козлятокъ“ слѣдовало разсмотрѣть съ точки зрѣнія именно этого „самой натурой намъ предписаннаго“ и „всегда непремѣннаго правила“. Однако въ сочиненіяхъ А. Кантемира незамѣтно сколько-нибудь глубокихъ слѣдовъ подобнаго пересмотра. Въ этомъ отношеніи міросозерцаніе его осталось почти незатронутымъ критикой. Говорю: „почти незатронутымъ“, потому что нѣкоторое вліяніе критики все-таки обнаруживается и въ его сочиненіяхъ. Во второй своей сатирѣ („на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“) онъ возстаетъ противъ жестокаго обращенія съ прислугой и говоритъ даже: „плоть въ слугѣ твоей однолична“. Однако сознаніе „одноличности“ крѣпостной плоти съ дворянскою не вызываетъ у Кантемира сомнѣнія въ нравственной правомѣрности крѣпостной неволи. Онъ мирится даже съ тѣлесными наказаніями слугъ господами, требуя только, чтобы наказанія эти были заслуженными и „беззлобными“. „Должно бы и къ виновнымъ поступать съ милостью,—говоритъ онъ въ примѣчаніи къ 290-му стиху названной сатиры—а когда и нужда настанетъ къ наказанію, наказывать беззлобно и въ одномъ намѣреніи, чтобъ наказуемаго исправить, и его примѣромъ другихъ отъ злочинства удержать, а не для насыщенія склонности своей къ озлобленію человѣка, который обороны противъ насъ не имѣетъ“.

Разумѣется, писатель, совѣтовавшій наказывать *такимъ образомъ*, былъ гуманнѣе огромнѣйшаго большинста владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ. Но съ фактомъ владѣнія крѣпостными душами вполнѣ мирился даже и этотъ гуманный писатель. Онъ не возставалъ противъ *безчеловѣчной основы* тѣхъ нравовъ, въ которые онъ хотѣлъ ввести струю *человѣчности*.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ отношеніи Кантемира къ „козляткамъ“, прибавляю, что тамъ, гдѣ онъ не находилъ нужнымъ писать языкомъ пасторали, онъ всегда изображалъ ихъ существами очень грубыми и тупыми. Въ одномъ изъ своихъ писемъ о природѣ и человѣкѣ онъ, распространяясь о власти ума надъ тѣломъ, замѣчаетъ, между прочимъ, что власть эта „не точію господственна“, но и слѣпа, такъ какъ „мужикъ

простой и безсмысленный" (sic!) умѣетъ ворочать своимъ тѣломъ не хуже философа, искуснаго въ анатоміи [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что возникшая въ народной средѣ латинская комедія первоначально „столько же груба и гнусна была, каковы суть наши деревенскія игрища" [2]). И онъ такъ поясняетъ, почему она не могла не быть гнусной и грубой: „Не трудно судить, каковой грубости были тѣ стихи, которые голое движеніе природы производило въ мужикахъ, всякаго искусства лишаемыхъ, безъ всякаго предыдущаго размышленія" [3]).

Покойный В. Стоюнинъ отказывался признать Кантемира исключительнымъ сторонникомъ той или другой партіи. „Его мы можемъ назвать сторонникомъ только науки,—писалъ онъ,—въ чемъ и видимъ тѣсную его связь съ эпохою Петра Великаго" [4]). Это неправильно. Даже по своимъ политическимъ воззрѣніямъ Кантемиръ, вмѣстѣ со всей „ученой дружиной", примыкалъ къ совершенно опредѣленной партіи: онъ не былъ бы связанъ съ эпохой Петра, если бы это было иначе. Но, оставляя въ сторонѣ его политическіе взгляды, надо имѣть въ виду, что какъ бы ни дорожилъ данный писатель интересами науки, его міросозерцаніе всегда носитъ на себѣ глубокіе слѣды свойственныхъ его времени соціальныхъ отношеній. Кантемиръ въ самомъ дѣлѣ очень дорожилъ интересами просвѣщенія. Этотъ важный дипломатъ [5]), печатно соглашавшійся съ тѣмъ, что серьезному человѣку прилично заниматься литературной только „промежду дѣла", потерялъ интересъ къ книгамъ лишь за два—три дня до своей смерти, а потерявъ этотъ интересъ, вполнѣ основательно рѣшилъ, что пора готовиться къ смерти. И при всемъ томъ онъ,—

---

[1]) Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира, изд. и ред. П. А. Ефремовымъ, Спб. 1868, т. II, стр. 61.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 529, примѣчаніе.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 528. Тутъ онъ прибавляетъ, что „мы и сами много такихъ стиховъ имѣемъ, которые суть вымыслъ простолюднаго нашего народа". Для примѣра онъ приводитъ начало одной изъ народныхъ пѣсенъ объ Иванѣ I:

Какъ въ годы-то старые
Во времена было прежныя,
При старомъ при славномъ царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ;
Соизволилъ да царь-государь
Соизволилъ жениться—ста... и т. д.

Читатель согласится, можетъ быть, что „пѣсни" Кантемира были бы болѣе удобочитаемы и отличались бы болѣе „пріятнымъ звономъ", если бы походили на подобные „вымыслы простолюднаго нашего народа".

[4]) См. его вступительную статью къ соч. Кантемира, стр. XLV перваго тома.

[5]) Онъ умеръ,—31 марта 1744 г., 35 лѣтъ,—тайнымъ совѣтникомъ.

подобно Татищеву,—до конца своихъ дней былъ идеологомъ европеизованнаго русскаго дворянства. Именно потому его міросозерцаніе и представляетъ интересъ для историка русской общественной мысли. Примѣръ, Кантемира, можетъ быть, еще съ большею ясностью, чѣмъ примѣръ Татищева, показываетъ, какимъ образомъ просвѣщенные представители русскаго привилегированнаго сословія приспособляли къ нашему домашнему употребленію идеи, постепенно вырабатывавшіяся въ процессѣ борьбы непривилегированнаго населенія Запада съ тамошней духовной и свѣтской аристократіей.

Говоря о Татищевѣ, я уже обращалъ вниманіе читателя на то, что во взглядахъ этого замѣчательнаго дѣятеля пореформеннаго времени свѣтскій элементъ рѣшительно преобладалъ надъ богословскимъ. То же приходится сказать и о Кантемирѣ. Онъ чрезвычайно охотно распространялся о морали. Но, распространяясь о ней, онъ апеллировалъ не къ житіямъ святыхъ, какъ это дѣлали моралисты Московской Руси, а къ такимъ свѣтскимъ, — и даже языческимъ, — писателямъ, какимъ былъ, напримѣръ, Горацій. Но сильно и нелѣпо ошибались тѣ его современники, которые, видя преобладаніе въ его взглядахъ свѣтскаго элемента надъ богословскимъ, подозрѣвали его въ безбожіи. „Аѳеистомъ" онъ былъ еще гораздо меньше, нежели Татищевъ. Уже въ юности имъ, какъ видно, владѣло религіозное настроеніе: первымъ печатнымъ его трудомъ явилась (въ 1727 г.) „Симфонія на псалтырь". И до гробовой доски его не переставали занимать основные вопросы религіи. Его письма о природѣ и человѣкѣ представляютъ собою попытку отстоять религіозныя вѣрованія, которыя начали тогда сильно колебаться на Западѣ подъ вліяніемъ просвѣтительной философіи [1]). Дѣло только въ томъ, что и здѣсь, какъ въ области морали, онъ обращался не къ духовнымъ, а къ свѣтскимъ писателямъ. Упорно отстаивая свои религіозныя вѣрованія, онъ апеллировалъ не къ теологіи и не къ священному писанію, а къ философіи.

---

[1]) Кстати, письма эти написаны Кантемиромъ, во время уединеннаго пребыванія на минеральныхъ водахъ, для какой-то русской дамы. Излагая свои философскія взгляды, русскіе писатели и впослѣдствіи любили обращаться къ женщинамъ.

Статья безвременно умершаго Д. Веневитинова о философіи озаглавлена „Письмо къ графинѣ N. N". Къ дамѣ же обращался и Чаадаевъ въ своихъ „философическихъ письмахъ". Положимъ, что тутъ не обошлось безъ подражанія, по крайней мѣрѣ, у Кантемира: „Разговоры о множествѣ міровъ господина Фонтенелла, парижской академіи секретаря", которые нашъ авторъ „перевелъ и потребными примѣчаніями изъяснилъ" еще въ 1730 г., выводятъ на сцену „жену", не обладающую никакой научной подготовкой („николи ничего не слыхивала о такихъ дѣлахъ", какъ читаемъ мы въ Кантемировомъ переводѣ), но одаренную

Какъ трудно было въ тогдашней Россіи писать о философскихъ вопросахъ, хорошо видно уже изъ предисловія и изъ примѣчаній Кантемира къ книгѣ Фонтенеля. „Мы до сихъ поръ недостаточны въ книгахъ философскихъ,—говоритъ онъ,—потому и въ рѣчахъ, которыя требуются къ изъясненію тѣхъ наукъ". Онъ имѣлъ полное право выразиться сильнѣе: у насъ не было даже сколько-нибудь выработанной и понятной читателямъ философской терминологіи. Кантемиръ долженъ былъ начать съ объясненія того, что же собственно называется философіей. И онъ терпѣливо и добросовѣстно исполнялъ трудъ просвѣтителя, вынужденнаго начинать буквально съ азовъ.

„Философія,—толковалъ онъ,—слово греческое, по-русски—любомудріе. Симъ генеральнымъ именемъ разумѣется основательное и ясное знаніе дѣлъ естественныхъ и преестественныхъ, которое достается прилежнымъ разсужденіемъ о тѣхъ дѣлахъ". Затѣмъ слѣдуетъ сообщеніе о томъ, что философія раздѣляется на логику, нравоученіе, фисику (sic) и метафисику. Сообщеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, сопровождается новыми поясненіями:

„Логика, или словесница, учитъ право о вещахъ разсуждать и извѣстныя истины другому правильно доказывать".

„Нравоученіе, или ифика, учитъ добрымъ нравамъ, т.-е. даетъ знать худыя и добрыя дѣла и представляетъ правила, по которымъ доставать себѣ добродѣтели и отбѣгать злонравій".

Фисика, или естественница, учитъ познавать причину и обстоятельства всѣхъ естественныхъ дѣйствъ и вещей".

„Метафисика, или преестественница, даетъ намъ знаніе сущаго въ обществѣ (? *Г. П.*) и о сущихъ безплотныхъ, каковы суть душа, духи и Богъ" [1]).

В. Стоюнинъ замѣтилъ, что переводъ книги Фонтенеля можно считать первымъ шагомъ въ развитіи нашего философскаго язы-

---

яснымъ природнымъ умомъ. Однако и подражаніе представляетъ здѣсь собою довольно характерное явленіе. Просвѣщенные идеологи европеизованнаго слоя русскаго дворянства подражали не педантическому тону ученыхъ нѣмецкихъ семинаристовъ, а свѣтскому тону французскихъ искателей, усвоивавшихъ лоскъ дворянской культуры Франціи. Старый Бальзакъ (т.-е. Жанъ-Луи Бальзакъ) поставилъ себѣ задачей „de civiliser la doctrine en la depaysant des colleges et la delivrant des mains des Pédants". Логика положенія рано поставила ту же задачу и передъ идеологами русскаго дворянства XVIII и XIX столѣтій. Но первый шагъ всегда труденъ. Даже европеизованные русскіе дворяне много уступали французскимъ въ изяществѣ. Это отразилось и въ литературѣ. У Фонтенеля ученый собесѣдникъ любознательной, но неученой дамы говоритъ ей, разумѣется, вы, а въ переводѣ Кантемира онъ обращается къ ней на ты.

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 392—393 Подчеркнуто у Кантемира. Въ общемъ, языкъ Кантемира лучше въ прозаическихъ его сочиненіяхъ, нежели въ стихахъ.

ка. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что,—какъ указалъ тотъ же изслѣдователь,—Кантемиръ подчасъ весьма удачно справлялся съ терминологическими трудностями. Онъ сталъ употреблять такія выраженія, какъ начало (элементъ) и средоточіе („средняя точка, центръ", пояснялъ онъ). Греческое слово идея онъ называлъ по-русски понятіемъ и т. д. Бѣдный Кантемиръ! Ему приходилось доводить до свѣдѣнія своихъ читателей не только то, что значитъ слово система или слово матерія, но также и то, что Парижъ—столица Франціи, а „ѳеатръ" есть слово греческое, означающее „то мѣсто, гдѣ комедіанты стоя изображаютъ дѣйство свое". Читатели, нуждавшіеся въ подобныхъ разъясненіяхъ, еще болѣе нуждались, разумѣется, въ такихъ примѣчаніяхъ, изъ которыхъ они узнавали, напримѣръ, что Пиѳагоръ, „начальникъ секты италіанской, былъ философъ греческой, въ царствованіе Тарквинія, послѣдняго короля римскаго, 586 лѣтъ прежде Христа", между тѣмъ какъ Аристотель былъ „начальникомъ" перипатетической секты и родился въ Стагирѣ, городѣ македонскомъ, въ 384 г. „прежде Христа". Для насъ теперь нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній цѣнны въ качествѣ указаній на собственныя философскія воззрѣнія Кантемира Нынѣшнему читателю интересно будетъ услышать отъ него такой отзывъ о философіи Пиѳагора: „она была гораздо сумятна, для того что онъ склоненъ былъ къ суевѣрію волшебства, къ которому, какъ и къ нѣкоей непонятной ариѳметическихъ числъ силѣ, причину многихъ дѣйствъ естественныхъ приписывалъ". Изъ древнихъ греческихъ философовъ нашъ авторъ одобрялъ, какъ видно, больше всѣхъ другихъ Аристотеля, который, по его словамъ, такъ въ философіи „предуспѣлъ", что первый „науку сію въ порядочное расположеніе привелъ, расположивъ ея основаніе и различивъ ея части". Слѣдуя за Фонтенелемъ, Кантемиръ отмѣчалъ и слабую сторону метода Аристотеля: „Со всѣмъ тѣмъ невозможно будучи одному всѣхъ вещей силу и дѣйства вызнать, когда причину чего уразумѣть не зналъ, говаривалъ, что дѣлается сокровенною силою".

Между мыслителями новаго времени онъ съ особенной похвалой называетъ въ одномъ изъ примѣчаній Декарта, который „древнюю аристотельскую философію столько исправилъ, что его и ему потомъ слѣдовавшихъ трудами стали мы яснѣе разумѣть тварь всю". Наибольшую заслугу Декарта составляетъ, по Кантемиру, то, что онъ „въ философіи своей доказательства употребляетъ математическія, т.-е. вѣроятныя, и толкуетъ всякія вещей дѣйства ясно, или признаетъ, что ихъ причину не разумѣетъ" [1]).

---

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 405.

Такъ говорится въ примѣчаніи. Но въ одномъ изъ писемъ Кантемира къ „командиру" академіи наукъ барону Корфу находится просьба исправить ошибку, закравшуюся въ примѣчаніе 36-ое къ переводу Фонтенеля: „L'Article „Декартъ" il faut ôter la description de sa philosophie, car elle convient plus à M-r Newton [1]). Баронъ Корфъ, должно быть, не исполнилъ просьбы Кантемира, потому что „статья" о Декартѣ безо всякихъ оговорокъ напечатана, по крайней мѣрѣ, въ изданіи П. А. Ефремова.

Что Кантемиръ могъ написать о философіи Декарта отзывъ, по его же словамъ болѣе подходящій къ философіи Ньютона, какъ будто показываетъ, что въ ту пору, когда онъ дѣлалъ свои примѣчанія къ Фонтенелю, взглядъ его на исторію философскихъ идей и методовъ не былъ вполнѣ выработаннымъ и яснымъ. Этому, впрочемъ, нельзя и удивляться, такъ какъ его свѣдѣнія въ области философіи были гораздо менѣе обширны, нежели его литературныя знанія. По всему видно, что философскія ученія были знакомы ему лишь изъ вторыхъ рукъ. Но Кантемиръ и не выдавалъ себя за спеціалиста по части философіи. И хотя „статья" о Декартѣ подходитъ болѣе къ г. Ньютону, но отъ этого она не перестаетъ быть интересной. Очень характерно для просвѣтителя, какимъ былъ Кантемиръ, требованіе, предъявляемое имъ къ философамъ: ясно толковать всякихъ вещей дѣйства, или же прямо признавать, что причина данныхъ дѣйствъ неизвѣстна.

А всего замѣчательнѣе то, что самъ же Кантемиръ совершенно забывалъ объ этомъ требованіи тамъ, гдѣ рѣчь шла о тѣхъ теоретическихъ соображеніяхъ, съ помощью которыхъ онъ пытался отстоять свои религіозныя вѣрованія. Тутъ онъ безпрестанно прибѣгалъ къ тому пріему, который, по его же словамъ, составлялъ слабую сторону метода Аристотеля: „Когда причину чего разумѣть не зналъ, говаривалъ, что дѣлится сокровенною силою".

Въ сущности ничего другого, кромѣ ссылокъ на особаго рода „сокровенную силу", и не заключаютъ въ себѣ его письма о природѣ и человѣкѣ. Однако и это понятно. Даже между передовыми французскими просвѣтителями второй половины XVIII вѣка,—и даже между дѣятелями великой революціи,—очень немного было людей достаточно смѣлыхъ духомъ для того, чтобы совсѣмъ не оставить мѣста „сокровенной силѣ" въ своемъ представленіи о вселенной. Совершенно несправедливо было бы требо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 327.—Письмо написано по-французски. (Русскій переводъ: „Статья „Декартъ", надо удалить описаніе его философіи, потому что оно больше подходитъ къ г. Ньютону".)

вать подобной смѣлости отъ русскаго просвѣтителя первой половины этого столѣтія.

Извѣстно, что Ньютонъ, такъ хорошо умѣвшій обращаться съ математическими доказательствами и такъ рѣшительно отказывавшійся прибѣгать къ гипотезамъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, до конца своей жизни оставался религіознымъ человѣкомъ. Въ своемъ міропониманіи онъ не сумѣлъ обойтись безъ „гипотезы Бога". И Кантемиръ отнюдь не расположенъ былъ ставить это въ вину великому англійскому естествоиспытателю. Напротивъ! Онъ вѣрилъ въ бога и, видя, что вѣра въ него стала колебаться въ средѣ наиболѣе просвѣщенныхъ людей наиболѣе просвѣщенныхъ странъ Европы, особенно дорожилъ философскими доводами въ защиту бытія божія. Наиболѣе убѣдительнымъ казался ему едва ли не самый слабый между ними: такъ называемый ф и з и к о - т е о л о г и ч е с к і й д о в о д ъ. Кантемиръ не перестаетъ на всевозможные лады излагать и повторять его въ своихъ философскихъ письмахъ [1]).

Чтобы дать понятіе о ходѣ его мыслей, я сдѣлаю довольно длинныя цитаты изъ его десятаго письма.

Онъ говоритъ тамъ, подводя итогъ всѣмъ своимъ предыдущимъ разсужденіямъ:

„И тако мы довольно видѣли слѣды божественные или, такъ сказать, печать живаго Бога во всемъ томъ, что называютъ твореніе натуры; когда же всѣ тонкости лишнія оставимъ, то первымъ взоромъ увидимъ руку, которая держитъ всѣ части свѣта,

---

[1]) Впрочемъ, говоря о физико-теологическомъ доказательствѣ бытія Божія, надо помнить, что ему вообще очень посчастливилось въ XVIII в., и что на это была своя причина. „Оно, казалось, съ высшей точки зрѣнія примиряло самыя строгія требованія науки относительно причиннаго взгляда на природу съ потребностями религіознаго чувства", говоритъ Виндельбандъ („Исторія новой философіи", т. I, Спб., 1908, стр. 248). И онъ справедливо прибавляетъ: „Это воззрѣніе было пригоднѣе всѣхъ остальныхъ, чтобы поставить на мѣсто историческаго откровенія естественное и такимъ образомъ отстранить вѣроисповѣданія доводомъ научнаго разума" (тамъ же). Съ точки зрѣнія старыхъ понятій даже и этотъ половинчатый взглядъ долженъ былъ представляться чудовищнымъ. И мы знаемъ, что Кантемира подозрѣвали въ невѣріи. Въ 1757 г. императрицѣ Елизаветѣ представленъ былъ „Докладъ о книгахъ противныхъ вѣрѣ и нравственности", въ которомъ Синодъ просилъ запретить указомъ „дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался, а находящуюся бы нынѣ во многихъ рукахъ книгу о множествѣ міровъ, Фонтенеля, переведенную... княземъ Кантемиромъ... указать вездѣ отобрать и прислать въ Синодъ" (соч. К а н т е м и р а, т. II, стр. 446). Бывшій сторонникъ Петровской реформы, М. П. Аврамовъ, ставилъ Кантемиру въ большую вину признаніе имъ системы Коперника (Ч и с т о в и ч ъ, назв. соч., стр. 692).

небо и землю, звѣзды, растущее, живущее, наше тѣло, нашъ умъ; все являетъ порядокъ, точную мѣру, премудрость, искусство, духъ вышній и владычествующій надъ нами, Который такъ какъ душа цѣлаго свѣта и который все ведетъ къ своему концу отъ начала своего тихо, нечувствительно, но притомъ всемогущій" [1]).

Далѣе Кантемиръ утверждаетъ, что премудрость, которая есть въ каждой твари, очевидна даже „всякому несмысленному человѣку". Она сдѣлалась бы еще поразительнѣе, если бы „мы вступили во всѣ изобрѣтенія и доказательства физики, сбирая самыя сокровенныя части во всякомъ существѣ и во всякомъ звѣрѣ, разсматривая крайнее искусство механики совершенной". Но въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ намъ и безъ того ясно, что „Богъ единъ, всемогущъ и властенъ надъ нами, и отъ него единаго человѣческое зависитъ счастіе, и для того мнѣ съ моей стороны повиноваться волѣ его должно и почитать божественное его опредѣленіе въ моей жизни" [2]).

Нашъ авторъ, — замѣтьте это,—очень хорошо знаетъ, что именно можно возразить противъ „доказательствъ" этого рода. „Прежде были философы и нынѣ можетъ быть есть ихъ подражатели, которые мнѣ на сіе мое доказательство скажутъ,—говоритъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ,—что всѣ сіи разговоры о искусствѣ и премудрости видимой въ натурѣ не что иное какъ софизмъ, неправильное заключеніе разума... вся натура, они мнѣ скажутъ въ пользу человѣку, но ты худо заключилъ, что она сдѣлана съ нарочнымъ искусствомъ ради человѣка, развѣ хощешь, самъ себя обманывая, искать и находить то, чего не бывало" [3]).

Но Кантемиръ не вдумывается въ это возраженіе. Онъ только отмахивается отъ него, повторяя все тотъ же физико-теологическій доводъ. „Что скажутъ,—спрашиваетъ онъ,—о такомъ человѣкѣ, который самую субтильную философію знать чаетъ и хочетъ слыть философомъ, но войдя въ домъ, увѣрять и спорить станетъ, что онъ единою нечаянностью построенъ и что искусство и прилежность ничего не прибавили для покою и пространства жителямъ" и т. д. [4]).

Тутъ очень нетрудно было бы уличить его въ „софизмѣ, неправильномъ заключеніи разума". Въ самомъ дѣлѣ, для доказательства правильности физико-теологическаго довода Канте-

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 81.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 81—82.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 82.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 83.

міръ заранѣе предполагаетъ его правильнымъ [1]). Но моя задача состоитъ здѣсь не въ томъ, чтобы спорить съ Кантемиромъ, который во всякомъ случаѣ имѣлъ ту заслугу, что былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ по времени русскихъ писателей, вплотную подходившихъ къ философскимъ вопросамъ, а въ томъ, чтобы дать читателю возможность составить себѣ правильное представленіе о его философскихъ взглядахъ. Поэтому я буду не критиковать, а только излагать.

Само собою разумѣется, что идею о Богѣ нашъ авторъ считаетъ врожденною человѣку. „Сія идея, — говоритъ онъ, — всегда со мною присносущна, и дѣйствительно со мною родилась“ [2]). Какъ нельзя болѣе понятно и то, что онъ признавалъ наличность въ человѣкѣ двухъ „естествъ“, и что самая эта наличность служила ему новымъ доказательствомъ бытія Божія: „Натура души моей совсѣмъ отмѣнна отъ тѣла. Кто такія разныя существа совокупилъ вмѣстѣ и во всѣхъ операціяхъ держитъ въ согласіи? Сіе соединеніе не можетъ быть такъ, какъ отъ существа всевышняго, которое два рода совершенства соединило въ свое безконечное совершенство“ [3]).

Это плохо изложено [4]), но разсужденіе ведется здѣсь, какъ видно, въ духѣ Декарта, философія котораго оставила глубокій слѣдъ въ умѣ Кантемира.

У Декарта же заимствовалъ Кантемиръ и свое ученіе о свободѣ воли. „Моя воля такъ отъ меня зависитъ, — писалъ онъ, — что въ томъ ни на комъ взыскивать кромѣ меня не можно, если я не захочу того, что надобно хотѣти; когда я къ чему имѣю волю, я воленъ не имѣть; когда же не имѣю, я воленъ имѣть; я въ моей волѣ свободенъ... Я чувствую волю размышляющую, которая къ согласному или противному еще обратиться можетъ, къ

---

[1]) Кромѣ того, уже Спиноза обнаружилъ слабость физико-теологическаго довода. Люди находятъ въ природѣ много вещей, помогающихъ имъ достигать ихъ цѣлей. Поэтому они смотрятъ на природу съ точки зрѣнія своей пользы. „Принявши вещи за средства, они не могли думать, чтобы эти вещи сдѣлались сами собою; но по средствамъ, какія они имѣютъ обыкновеніе приготовлять сами для себя, они должны были прійти къ заключенію, что есть одинъ или нѣсколько правителей природы, одаренныхъ свободой, которые обо всемъ для нихъ позаботились и все сдѣлали для ихъ пользы“. („Этика“, переводъ В. И. Модестова, стр. 45.) Неизвѣстно, слышалъ ли когда-нибудь Кантемиръ объ этомъ соображеніи Спинозы. Впрочемъ, если и слышалъ, то долженъ былъ оттолкнуть его отъ себя, какъ совершенно несоотвѣтствовавшее тому, чего самъ онъ искалъ въ философіи.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 76.

[3]) Соч., т. II, стр. 79.

[4]) Не забудемъ, что философскія письма Кантемира дошли до насъ въ очень плохомъ спискѣ.

тому или другому объекту; а иной причины той моей воли не знаю, какъ та же самая воля" [1]).

При такомъ пониманіи свободы воли вопросъ объ отвѣтственности людей за ихъ поступки рѣшается до послѣдней степени просто. „Сія власть въ дѣлахъ моихъ,—разсуждаетъ Кантемиръ,—чинитъ меня виннымъ и недостойнымъ прощенія, когда я хочу худаго, а напротивъ хвалою вѣнчаетъ, когда я добрую имѣю волю. Сіе есть самое основаніе достоинства и недостоинства; сіе учиняетъ правильнымъ наказаніе или награжденіе; отъ сего побуждаютъ, постигаютъ, грозятъ и обѣщаютъ; сіе есть истинное основаніе прямого порядка и наставленія во нравахъ и нашей жизни" [2]).

Около ста двадцати лѣтъ послѣ того, какъ написаны были эти строки однимъ изъ первыхъ идеологовъ русскаго дворянства, одинъ изъ первыхъ идеологовъ русскаго пролетаріата, Чернышевскій, внушалъ своимъ читателямъ, что когда человѣкъ поступаетъ дурно, то, внимательно всмотрѣвшись въ обстоятельства его жизни, мы увидимъ въ его дурныхъ поступкахъ не вину его, а бѣду его. И съ нимъ согласны были всѣ наши просвѣтители шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Ученіе Чернышевскаго и его единомышленниковъ было гораздо гуманнѣе, нежели ученіе Кантемира. Но всему свое время. Странно было бы ожидать отъ птенца Петрова такихъ взглядовъ, которые какъ будто грозятъ поколебать „основаніе прямого порядка". Да и на Западѣ подобные взгляды въ эпоху Кантемира только еще подготовлялись ходомъ развитія общественной жизни въ наиболѣе передовыхъ странахъ.

Въ одномъ изъ писемъ о природѣ и человѣкѣ (именно въ четвертомъ) есть очень толковое изображеніе того, что Молешоттъ назвалъ впослѣдствіи к р у г о в о р о т о м ъ ж и з н и. „Пища, будучи бездушна, животворитъ звѣря,—читаемъ мы тамъ,—и потомъ сама бываетъ звѣремъ; части прежнія тѣла его исчезли нечувствительно въ непрестанной премѣнѣ; что было за четыре года лошадь, уже прахъ и гадъ одинъ остался, а что овесъ было и сѣно, то стало самая сильная лошадь" [3]). Но если „бездушная" пища животворитъ звѣря, если овесъ и сѣно превращаются въ

---

[1]) Тамъ же, та же стр. Спиноза говорилъ: „люди воображаютъ себя свободными потому, что сознаютъ свои желанія и свои стремленія, тогда какъ о причинахъ, которыя располагаютъ ихъ къ желаніямъ и стремленіямъ, поелику онѣ имъ неизвѣстны, они и во снѣ не думаютъ". („Этика", стр. 44.) Какъ видимъ, Кантемиръ тоже „и во снѣ" не думалъ объ этихъ причинахъ.

[2]) Тамъ же, стр. 80.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 46.

лошадь, а лошадь съ теченіемъ времени становится „прахомъ и гадомъ“, то это значитъ, что между организмомъ, обладающимъ чувствительностью, и „бездушной“ матеріей нѣтъ той пропасти, которую придумали дуалисты. Правда, послѣдователь Декарта сказалъ бы намъ, что лошадь, какъ и всякое другое животное, не обладаетъ чувствительностью. Однако въ глазахъ Кантемира это выраженіе было бы неосновательнымъ. Онъ утверждаетъ, что „скотъ, хотя во многомъ несмысленъ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ очень (т.-е. имѣетъ очень большой смыслъ. *Г. П.*) и для того нельзя почитать, чтобъ въ сеѝ машинѣ не было резону“ [1]) Но вѣдь изъ этого слѣдуетъ, что въ лошадиной машинѣ „резонъ“ является продуктомъ поглощенія ею „бездушной пищи“. Какъ же согласить это съ поколебимымъ дуализмомъ Кантемира?

Затрудненіе опять обходится у него съ помощью гипотезы творца: „Всякое движеніе, которое отнимаетъ силу, требуетъ подкрѣпленія, и для того находимъ покой въ забвеніи или снѣ... Кто опредѣлилъ сіе междучасіе и кто уставилъ время, котораго для покою необходимо требуютъ утомленные члены“ [2]), и т. д

Матерія,—гнусная матерія, какъ называетъ ее Кантемиръ,—сама по себѣ инертна. Только воля божества приводитъ ее въ движеніе. Кантемиръ твердо убѣжденъ также въ томъ, что „матерія не можетъ думать“ [3]). Однако онъ допускаетъ на минуту, что это для нея возможно, и опять выдвигаетъ доводъ отъ „междучасія“: „Надобно, чтобы была нѣкоторая степень, въ которыхъ оная матерія не помышляетъ о томъ (т.-е. не обладаетъ сознаніемъ. *Г. П.*); другіе наступаютъ (т.-е. достигается другая „степень“ движенія. *Г. П.*), въ которыхъ (на которой. *Г. П.*) она вдругъ станетъ познавать себя и разсуждать. Кто избралъ точную степень ихъ движеній, кто нашелъ линію, по которой части въ движеніи приходятъ, кто нашелъ мѣры точности, величину и фигуру, которыя всякая часть пріемлетъ и имѣть нужно, чтобы въ своемъ обращеніи не потерять препорціи между собою?“ [4]).

Къ матеріализму Кантемиръ относится, конечно, съ полнымъ пренебреженіемъ. „Всѣ философы эпикуровой секты такъ слабы въ своихъ смятеніяхъ,—пишетъ онъ,—что они ни съ которой (стороны) яснымъ доказательствомъ утвердить не могутъ, признаютъ атомы вѣчные, отчего не знаютъ“. Вообще „эпикуры сами своими принципіями себя въ неправости изобличаютъ“ [5]). Кромѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 48—49. Ср. также стр. 58.
[2]) Тамъ же, стр. 46.
[3]) Тамъ же, стр. 58.
[4]) Тамъ же, стр. 49.
[5]) Тамъ же, т. II, стр. 88.

„эпикуровъ", онъ, повидимому, не имѣлъ представленія ни о какихъ другихъ матеріалистахъ. Да и насчетъ „эпикуровъ" у него встрѣчаются отзывы, рѣзко противорѣчащіе одинъ другому. Въ своемъ примѣчаніи къ тому мѣсту одного изъ переведенныхъ имъ писемъ Горація, гдѣ упоминается іонійскій поэтъ „Мимнермусъ", Кантемиръ, сообщивъ, кто былъ и когда жилъ Мимнермъ, прибавляетъ: „Сей стихотворецъ крайнее блаженство поставлялъ въ сластолюбіи... однимъ словомъ въ насыщеніи всякой похоти; которое мнѣніе съ 300 лѣтъ послѣ него болѣе основалъ Эпикуръ философъ, начальникъ секты эпикурской" [1]). Невозможно высказать болѣе отрицательное (и болѣе несправедливое) сужденіе о системѣ Эпикура. Но Горацій тоже причислялъ себя къ „стаду Эпикурову", а Кантемиръ очень высоко ставилъ Горація. И вотъ, когда любимый его латинскій поэтъ, въ первомъ посланіи къ Меценату, даетъ понять, что слѣдовать Аристиппу,—ученіе котораго онъ отожествляетъ здѣсь съ ученіемъ Эпикура,—значитъ вещи себѣ, а не себя вещамъ подчинять, Кантемиръ спѣшитъ сдѣлать примѣчаніе, въ которомъ читаемъ: „И правда, секта аристипова и эпикурская то всего лучшее въ себѣ имѣла, что можно было по ихъ наукѣ все употреблять, но ничему надъ собою власть не дая" [2]). Онъ не замѣчаетъ, что подобная „наука" чрезвычайно далека отъ совѣта предаваться „сластолюбію и всякой похоти".

Еще разъ: Кантемиръ лишь очень поверхностно зналъ исторію философіи и далеко не всегда сводилъ концы съ концами въ своихъ сужденіяхъ объ отдѣльныхъ философахъ. Татищевъ мыслилъ логичнѣе и основательнѣе [3]). Но какъ ни слабы доводы, выдвигаемые Кантемиромъ въ своихъ философскихъ письмахъ, они заслуживаютъ нашего вниманія не только потому, что являются первыми плодами работы европеизованной русской мысли въ области „любомудрія" и „преестественницы", но еще и потому, что очень многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые стремился, хотя

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 434—435. Ср. примѣчаніе на стр. 394 того же тома.

[2]) Соч., т. I, стр. 394—395.

[3]) Въ бытность свою въ Парижѣ Кантемиръ очень дружилъ съ Пьеромъ Моро де-Мопертюи. Но Мопертюи (1698—1759), много писавшій о философскихъ предметахъ, подходилъ къ нимъ съ несравненно большей силой мысли, нежели Кантемиръ (Вольтеръ напрасно насмѣхался надъ нимъ). Приходится прямо удивляться тому, что бесѣды съ Мопертюи оказали такъ мало вліянія на философскія понятія Кантемира. Ничтожные размѣры этого вліянія могутъ быть объяснены только тѣмъ, что умъ нашего просвѣтителя былъ мало открытъ для дѣйствительно глубокихъ вопросовъ философіи. Права, главныя сочиненія Мопертюи появились уже послѣ смерти Кантемира. Но вѣдь не вдругъ же дошелъ ихъ авторъ до заключающихся въ нихъ важныхъ философскихъ теорій.

и безъ успѣха, рѣшить Кантемиръ, не переставали занимать русскихъ просвѣтителей до Чернышевскаго и Добролюбова включительно. Таковъ былъ, напримѣръ, вопросъ о свободѣ воли и о теоретической основѣ права наказанія. Скажу больше: Чернышевскій и Добролюбовъ,—самые выдающіеся и самые благородные образцы типа русскихъ просвѣтителей,—тоже не мало говорили о матеріализмѣ. Конечно, они были знакомы съ нимъ несравненно основательнѣе, нежели Кантемиръ, и, кромѣ того, въ противоположность Кантемиру, относились къ матеріалистической „сектѣ",—особенно въ лицѣ современнаго имъ „начальника" ея, Фейербаха,—съ безраздѣльнымъ сочувствіемъ. Но эта разница была вызвана обстоятельствами, выясненіе которыхъ и составитъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ моей дальнѣйшей работы.

Нравственныя понятія Кантемира навлекли на него впослѣдствіи упрекъ въ недостаткѣ строгости и въ эклектизмѣ. Такъ, по мнѣнію А. Д. Галахова, у него не было положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добродѣтели,—такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ полудобродѣтельные поступки... Философія Кантемира стыдлива и не смѣла, какъ его характеръ: она проповѣдываетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Характеризуя эту нравственную философію, Галаховъ сравнивалъ ее съ эпикурейской моралью Горація, какъ извѣстно, принадлежавшаго къ числу любимыхъ авторовъ Кантемира. Вся практическая философія Горація сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или три желанія: „Покой, пріятная умѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ—вотъ что ему нужно... Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ будетъ ровный, какъ и у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними".

Сходство между ними дѣйствительно ясно. Но это чисто поверхностное сходство. Тутъ едва ли не больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, нужно помнить, что когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. „Златая умѣренность" Горація явилась плодомъ общественнаго индиферентизма, распространившагося въ Римѣ вслѣдствіе упадка республики. Это—„упадочная" мораль. „Златая умѣренность" Кантемира произошла совсѣмъ изъ другого источника. Она свидѣтельствовала не объ *упадкѣ* даннаго строя, а только о нѣкоторыхъ, правда, очень тяжелыхъ, особенностяхъ положенія той *новой* общественной группы, которая явилась плодомъ Петровской реформы и которой суждено было расти и подниматься вверхъ, хотя и съ мучительными для ея членовъ остановками.

Птенцы гнѣзда Петрова явились родоначальниками русской интеллигенціи. Послѣ смерти царя-реформатора, къ дѣятельности котораго пріурочивались, какъ извѣстно, всѣ ихъ упованія, птенцы почувствовали себя въ довольно затруднительномъ положеніи, которое начало казаться почти безнадежнымъ въ царствованіе Петра II. Въ своей первой сатирѣ, написанной въ 1729 г., двадцатилѣтній А. Кантемиръ горько жаловался, вспоминая время преобразованій, представлявшееся ему какимъ-то золотымъ вѣкомъ:

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы она раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ уже посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ!
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

Что оставалось дѣлать молодому просвѣтителю въ эту безотрадную эпоху? Ожидать лучшаго будущаго, а въ ожиданіи его помнить, что удалиться отъ зла иногда значитъ сотворить благо. Кантемиръ, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ, что только это ему и оставалось. Сообразно съ этимъ онъ и рѣшилъ устроить свою жизнь:

Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своему углу молчаливъ таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

Тутъ вся тайна той „златой умѣренности", правиламъ которой слѣдовалъ нашъ авторъ. Тогдашній россійскій „шляхтичъ" обязанъ былъ служить. Но, выступая на обязательную служебную арену, можно было захватить съ собою большій или меньшій запасъ честолюбія. Кто стремился достичь степеней извѣстныхъ, тому прежде всего нужно было не стѣсняться въ выборѣ средствъ. А кто былъ разборчивъ въ этомъ выборѣ, тому приходилось „сидѣть въ незнатности". А „не скучать", сидя въ ней, могъ

только тотъ, кто былъ, по выраженію того же Кантемира, малымъ доволенъ.

И для чего нужно было, по Кантемиру, довольствоваться малымъ? Для того, чтобы остаться хоть относительно свободнымъ? А для чего нужна свобода? Для того, чтобы тайно веселить себя усвоеніемъ всеблагой мудрости и разсужденіемъ о пользѣ наукъ. Будемъ справедливы и скажемъ, что только выдающійся въ нравственномъ отношеніи человѣкъ могъ „веселить" себя такимъ образомъ.

Кантемиръ серьезно собирался слѣдовать тому совѣту, который онъ давалъ „уму своему". Онъ самъ говоритъ, что первая его сатира была написана имъ для одного только „провожденія времени", безъ всякаго намѣренія ее „обнародить". Тогда онъ чувствовалъ себя почти совсѣмъ одинокимъ. „Но,—продолжаетъ онъ,—по случаю одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, архіепископу новгородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсказалъ, и тѣмъ недоволенъ, возвращая ее, приложилъ похвальные сочинителю стихи (уже знакомые намъ стихи „Не знаю кто ты пророче рогатый" и т. д. *Г. П.*) и въ даръ къ нему прислалъ книгу: „Гералдія о богахъ и стихотворцахъ. Тому архіепастору слѣдуя, архимандритъ Кромекъ многіе въ похвалу творцу стихи надписалъ... [1]), чѣмъ онъ ободренъ, сталъ далѣе прилежать къ сочиненію сатиръ". Убѣдившись въ томъ, что его литературная дѣятельность можетъ встрѣтить сочувствіе, Кантемиръ перестал ограничиваться тайнымъ увеселеніемъ самого себя посредствомъ усвоенія всеблагой мудрости и выступилъ на тотъ „путь преславный, коимъ,—по выраженію Прокоповича,—книжные текли исполины".

Прокоповичъ, обладавшій не только волчьимъ ртомъ и лисьимъ хвостомъ, но также большимъ умомъ и широкимъ образованіемъ, отлично зналъ, что „течи" по этому пути не весьма было удобно въ тогдашней Россіи. Но онъ утверждалъ, что кого „объемлетъ" Аполлонъ (тогда у насъ писали: Аполлінъ), не долженъ бояться „сильныхъ глупцовъ":

Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ счастья довольно счастливый.

---

[1]) Латинскіе стихи:

Ars est celebris stultitae genus... и т. д.

См. сочиненія Кантемира, изданіе Ефремова, томъ I, стр. 23—24.

Это сказано превосходно. Но я поставлю читателю на видъ, что быть счастливымъ безъ счастья можно было тогда именно, только держась дорогой Кантемиру умѣренности.

При Аннѣ положеніе „ученой дружины" нѣсколько улучшилось. Но и при ней оно было далеко не изъ легкихъ. А главное, и при ней достигать степеней извѣстныхъ можно было только съ помощью всякаго рода интригъ и происковъ. Какъ прекрасно сказалъ Чистовичъ, вліятельные дѣятели того времени въ смутахъ и интригахъ низвергали одинъ другого, чтобы въ свою очередь и себѣ ожидать такой же участи. Вспомнимъ сыскные подвиги „дивнаго первосвященника" Ѳ. Прокоповича. При такомъ положеніи дѣлъ „златая умѣренность" Кантемира являлась единственнымъ средствомъ обезпечить себѣ нѣкоторую долю благородной независимости.

Любознательность Кантемира распространялась также и на политику. Иностранный его біографъ, аббатъ Венути, сообщаетъ, что онъ очень увлекался сочиненіемъ Боссюэ „Politque sacrée". Это сочиненіе, очевидно, есть не что иное, какъ „La politique tirée des proprеs paroles de l'écriture sainte". По словамъ того же біографа, „собственная политика русскаго посла вытекала болѣе изъ философіи священнаго писанія и интересовъ человѣчества, чѣмъ изъ книги Маккіавелли и придворныхъ хитростей. Въ политикѣ, по его мнѣнію, должна быть одна цѣль—забота о счастіи людей, а имя отца народа должно опредѣлять обязанности государя; интересы государя и народа всегда должны идти рука объ руку, и если государи и могутъ покупать себѣ безопасность и спокойствіе цѣною народной крови, то проливать ее только для удовлетворенія своего честолюбія значило бы нарушить законы природы и правленія" [1]). Кантемиръ думалъ, что счастливыми могутъ быть только тѣ народы, у которыхъ правила эти лежатъ въ основѣ государственнаго управленія. Наконецъ, отъ того же біографа мы узнаемъ, что однажды Кантемиръ сказалъ, выходя изъ театра, гдѣ онъ встрѣтился съ однимъ министромъ: „Я не понимаю, какъ можно спокойно отправиться въ театръ, подписавъ смертный приговоръ сотнямъ тысячъ человѣкъ". Тогда только что была объявлена война [2]).

Это замѣчаніе рисуетъ Кантемира съ очень привлекательной стороны. А что сказать о его увлеченіи политикой Боссюэ?

Кантемиръ, живя въ Россіи, какъ и всѣ птенцы Петровы, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ абсолютизма и, какъ увидимъ ниже,

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. XCVIII (вступительная статья В. Стоюнина).

[2]) Тамъ же, стр. XCIX. Повидимому, рѣчь идетъ о войнѣ за испанское наслѣдство. Но аббатъ Флёри, которымъ, вѣроятно, и было подписано постановленіе объ участіи Франціи въ этой войнѣ, какъ кажется, не одобрялъ его.

принималъ довольно дѣятельное участіе въ дворянской реакціи противъ попытки верховниковъ ограничить власть императрицы Анны. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ (въ сентябрѣ 1738 г.), тамошніе просвѣтители уже вели энергичную атаку противъ „стараго порядка“ Политическій вопросъ еще не ставился тогда въ рѣзкой формѣ; однако оппозиціонное настроеніе передовыхъ умовъ довольно ясно сказывалось въ большомъ ихъ сочувствіи къ англійскимъ пріемамъ управленія и въ требованіи гражданскаго равенства. Монтескье, посѣтившій Англію въ 1729 г., писалъ оттуда: „A Londres, liberté et egalité“ (въ Лондонѣ—свобода и равенство), а десять лѣтъ спустя маркизъ д'Аржансонъ доказывалъ необходимость уничтоженія дворянскихъ привилегій: „les nobles ressemblent à ce que sont les frelons aux ruches“ (благородные похожи на трутней въ ульѣ), говорилъ онъ. Что нашъ членъ „ученой дружины“ не остался равнодушнымъ къ тому, что происходило тогда въ передовыхъ литературныхъ кругахъ Франціи, доказывается сдѣланнымъ имъ переводомъ вышедшихъ еще въ 1721 г. „Lettres persannes“ Монтескье [1]). Да и Фонтенель, тоже переведенный Кантемиромъ, можетъ считаться однимъ изъ раннихъ дѣятелей просвѣтительной литературы во Франціи [2]). Но мы знаемъ, что своихъ религіозныхъ вѣрованій Кантемиръ не утратилъ. Уцѣлѣла какъ будто и его преданнность самодержавію: увлекаться „Политикой“ Боссюэ могъ только сторонникъ неограниченной монархіи.

Однако тутъ необходима существенная оговорка. Боссюэ былъ въ своей „Политикѣ“ идеологомъ французской абсолютной монархіи, а не русскаго царизма. Поэтому, энергично настаивая на томъ, что не можетъ быть такой человѣческой власти, которая стояла бы выше самодержавнаго государя, онъ тщательно различалъ самодержавное правленіе отъ произвольнаго (gouvernement que l'on appelle arbitraire). И въ этомъ различеніи онъ вполнѣ сходился съ Бодэномъ.

Произвольное правленіе характеризуется у него четырьмя признаками.

Во-первыхъ, подчиненные монарху народы находятся въ рабской зависимости отъ него, они его крѣпостные (sont nés esclaves, c'est-à-dire vraiment serfs). Свободныхъ людей между ними не существуетъ [3])

---

[1]) Переводъ не сохранился.

[2]) По поводу его книги „Histoire des oracles“ (1687) Г. Лансонъ говоритъ: „Tous les arguments purement philosophiques dont on battra la religion, sont en principe dans le livre de Fontenelle“.

[3]) Oeuvres complètes, vol. XXIV, Paris, 1885, pp. 104 et 105.

Вторымъ признакомъ, отличающимъ произвольное правленіе отъ самодержавнаго, считается у Боссюэ отсутствіе собственности въ государствахъ, подчиненныхъ произвольной власти монарха: все принадлежитъ государю (tout le fond appartient au prince).

Въ-третьихъ, такія государства имѣютъ ту особенность, что въ нихъ монархъ можетъ располагать по своему произволу не только имуществомъ, но и жизнью своихъ подданныхъ, обращаясь съ ними какъ съ рабами.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, государства, управляемыя произволомъ государей, не знаютъ другого закона, кромѣ этого произвола.

Боссюэ называетъ такую форму правленія варварской и гнусной (barbare et odieuse). По его словамъ, она очень далека отъ французскихъ нравовъ и потому не имѣетъ мѣста во Франціи, управляемой самодержавными государями [1]).

Въ самодержавныхъ государствахъ подданные сохраняютъ право собственности и свободу. Поэтому Боссюэ называетъ такую форму правленія также законной (legitime) [2]).

Эту характеристику цѣликомъ принялъ бы не только Бодэнъ, но и Юрій Крижаничъ. Интересно, что Боссюэ ссылается на тотъ же библейскій разсказъ, о которомъ вспоминаетъ Крижаничъ, описывая, съ своей стороны, признаки произвольнаго („людодерскаго“) правленія: разсказъ о томъ, какъ „отписанъ“ былъ на израильскаго государя виноградникъ несчастнаго Навуѳея (Набока, какъ называлъ его, слѣдуя латинскому произношенію, Крижаничъ), побитаго камнями за то, что осмѣлился не желать разстаться съ наслѣдствомъ отцовъ своихъ. По мнѣнію знаменитаго французскаго прелата, Богъ строго наказалъ Ахава и Іезавель именно за то, что они захотѣли произвольно распоряжаться имуществомъ, честью и жизнью своего подданнаго [3]). И опять нельзя не пожалѣть, что у насъ нѣтъ данныхъ, которыя указывали бы на то, какое впечатлѣніе производили подобные взгляды Боссюэ на Кантемира, знакомаго не только съ французской „законной“ монархіей...

Когда Кантемиръ говорилъ, что интересы государя и народа всегда должны идти рука объ руку, онъ повторялъ одно изъ основныхъ положеній (propositions) „Политики“ Боссюэ. Въ подлинникѣ положеніе это гласитъ такъ: „il n'y a que les ennemis publics qui séparent l'intérêt du prince de l'intérêt de l'Etat“ (только враги общества могутъ отдѣлять интересъ государя отъ интереса

---

1) Bossuet. Oeuvres, t. XXIV, p. 105.

2) Тамъ же, стр. 105—106.

3) Тамъ же, стр. 109. Такъ же думалъ и Крижаничъ.

государства) [1]). Но отсюда еще нельзя заключить, что русскій сатирикъ и дипломатъ много задумывался о преимуществахъ „законной“ формы правленія передъ произвольною.

Въ іюнѣ 1732 г., отвѣчая на письмо Остермана, который требовалъ отъ него извѣстія о томъ, кто былъ авторомъ одной англійской статьи, предосудительной для русскаго двора, онъ писалъ: „Трудно знать все, что въ семъ городѣ повседневно печатается... Да и то, сіятельный графъ... дерзаю сказать, что... не знаю, будетъ ли гораздо полезно, потому что здѣшній народъ воленъ... и убѣждается гораздо болѣе о томъ говорить, что говорить запрещено“. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ въ письмѣ къ императрицѣ опять указываетъ на привязанность англичанъ къ свободѣ печати: „И подлинно англичане свободное печатаніе почитаютъ за фундаментъ своей вольности“ [2]). Но если Монтескье, попавши въ Англію, завидовалъ свободѣ англійскаго народа, то кажется, что Кантемиръ оставался къ ней равнодушнымъ. Въ его перепискѣ совсѣмъ незамѣтно сочувствія къ свободѣ.

Въ виду этого невольно вспоминаешь то равнодушіе, съ какимъ относились къ литовской вольности московскіе иноки, попадавшіе въ зарубежные православные монастыри и слышавшіе тамъ, что „на Литвѣ“ можно свободно переходить изъ одной религіи въ другую. Они повторяли ссылки на эту вольность, но у нихъ совсѣмъ не возникало желанія перенести ее въ Московское государство. И опять невольно возникаетъ вопросъ: неужели же нашъ просвѣтитель былъ похожъ на этихъ иноковъ?

Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ для его біографіи даетъ намъ,—оставаясь, правда, не совсѣмъ яснымъ,—пріятную возможность отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Аббатъ Венути говоритъ, что „его восхищала Англія, гдѣ парламентъ сдерживаетъ власть монарха въ опредѣленныхъ предѣлахъ и не позволяетъ ей стать выше законовъ, ограждая подданныхъ отъ печальныхъ послѣдствій самовластія“ [3]).

Неясность этого свидѣтельства состоитъ въ томъ, что нелегко согласить восторгъ передъ англійской конституціей съ увлеченіемъ „Политикой“ теоретика французскаго абсолютизма Боссюэ.

Неизвѣстно, какъ разрѣшалось это противорѣчіе въ умѣ Кантемира. Аббату Венути нашъ сатирикъ говорилъ, что уже и въ

---

1) Bossuet. Oeuvres, t. XXIV, p. 104.

2) Кантемиръ, соч., т. II, стр. 97 и 99.

3) В. Стоюнинъ. Вступительная статья къ сочиненіямъ Кантемира (изд. 1867 г.), стр. LVI. Написанная Венути біографія Кантемира приложена къ французскому переводу сатиръ Кантемира. Къ сожалѣнію, я не могъ найти этого перевода въ парижской Bibliothèque Nationale.

1730 г. онъ умѣлъ цѣнить выгоды политической свободы, но находилъ, что при „настоящихъ условіяхъ лучше было удержать существующій порядокъ". Этимъ будто бы и объяснялось его противодѣйствіе попыткѣ верховниковъ ограничить власть императрицы Анны. Врядъ ли это было дѣйствительно такъ. Вѣрнѣе, что въ то время Кантемиръ, подобно Ѳ. Прокоповичу, являлся безусловнымъ сторонникомъ русскаго самодержавія, а впослѣдствіи, когда онъ пожилъ за границей, у него открылись глаза на преимущества западно-европейскихъ политическихъ учрежденій, и тогда онъ, желая успокоить свою совѣсть, додумался до оппортюнистическаго соображенія о „настоящихъ условіяхъ". Но и тогда его политическіе взгляды оставались очень неопредѣленными, вслѣдствіе чего онъ могъ распространять свое сочувствіе и на французскую неограниченную монархію и на англійскую конституцію. Опредѣленной сдѣлалась тогда только неудовлетворенность собственно русскимъ монархизмомъ. Но все это, конечно, лишь предположенія. Тутъ, повторяю, много неяснаго.

Много утомительныхъ и безплодныхъ хлопотъ причиняли бѣдному русскому просвѣтителю-дипломату иностранные писатели, непочтительно отзывавшіеся о нашихъ порядкахъ. Въ началѣ 1738 г. онъ долго возился съ нѣкимъ Локателли, котораго считали авторомъ книги „Lettres moscovites", предсказывавшей скорое паденіе власти нѣмцевъ въ Россіи. „Я у искусныхъ здѣсь юрисконсультовъ постороннимъ образомъ довѣдывался, можно ли бы его арестовать и наказать за сочиненіе помянутой книги", писалъ онъ въ Петербургъ. Выходило, что никакъ нельзя. Помимо всего прочаго, помѣхой опять служила „вольность" англійскаго народа. Досадуя на это вѣчное препятствіе, а можетъ быть, желая утѣшить петербургское правительство, Кантемиръ увѣрялъ даже, что англійскій народъ „на всякій день въ безстыдныхъ пасквиляхъ противъ самого короля и министровъ показывается". Не видя другихъ способовъ наказать Локателли, онъ предлагалъ „своевольнымъ судомъ чрезъ тайно посланныхъ гораздо побить его". Если бы государыня „изволила опробовать" этотъ неоспоримо „своевольный" способъ, то Кантемиръ готовъ былъ произвести его „въ дѣйство", находя нужнымъ, правда, принять новыя мѣры къ тому, чтобы вполнѣ убѣдиться въ виновности предполагаемаго автора „Московскихъ писемъ" [1]).

Итакъ, очень похоже на то, что Кантемиръ оставался въ неясности насчетъ разницы между „законной" монархіей, съ одной стороны, и „произвольной", съ другой. Но для историка русской

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 101—102.

общественной мысли важно уже то обстоятельство, что, знакомясь съ политической литературой Запада, русскіе люди даже отъ консерваторовъ въ родѣ Боссюэ могли заимствовать такія понятія, которыя въ Россіи должны были представляться совершенно „завиральными".

Но если Кантемиръ и сохранилъ свою политическую невинность, то не надо думать, что ему, какъ писателю, нечего было сказать своимъ современникамъ. Между нимъ и большинствомъ его читателей все-таки была огромная разница, почти пропасть, въ смыслѣ образованія и умственнаго развитія. Въ этомъ насъ убѣждаютъ уже знакомыя намъ отчасти примѣчанія его къ своимъ переводамъ иностранныхъ авторовъ. А еще больше убѣдимся мы въ этомъ, внимательно разсмотрѣвши, въ другой связи, довольно разнообразное содержаніе его сатиръ.

Хотя онъ не считалъ литературу, а особенно поэзію, занятіемъ, достойнымъ пожилого человѣка, достигшаго болѣе или менѣе извѣстныхъ степеней, тѣмъ не менѣе его влекло къ ней, между прочимъ, также и сознаніе своей обязанности передъ родиной. Онъ хотѣлъ приносить пользу Россіи своей литературной дѣятельностью. По всей вѣроятности, не безъ колебаній взялся онъ за переводъ произведеній Анакреона, такъ какъ они не заключаютъ въ себѣ ничего нравоучительнаго. Во всякомъ случаѣ, онъ оговорился заранѣе: „Хотя изъ помянутыхъ пѣсней должно бы признать, что Анакреонтъ былъ пьяница и прохладнаго житья, однакожъ противное изъ многихъ писателей старинныхъ усматриваемъ, почему нужно думать, что веселой его нравъ къ такимъ сочиненіямъ причину подалъ" [1]). Переведенныя имъ посланія Горація очень нравились ему именно своимъ нравоучительнымъ содержаніемъ. „Почти всякая строка,—говоритъ онъ о нихъ,—содержитъ какое-либо правило, полезное къ учрежденію житія" [2]). Свои собственныя „малыя твореньица" онъ тоже писалъ потому, что ждалъ отъ нихъ пользы къ такому „учрежденію". Онъ говорилъ: „Все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ". Но такую же цѣль совѣтовалъ „рогатому пророку" преслѣдовать въ своей литературной дѣятельности „дивный первосвященникъ" и указывалъ ему Ѳеофанъ Прокоповичъ:

А ты какъ началъ течи путь преславный,
Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный,

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 342.
[2]) Тамъ же, т. I. стр. 385.

На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злокровный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны...
Кой плодъ ученій не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ,

Этого благороднаго взгляда на задачи литературной дѣятельности держались просвѣтители всѣхъ странъ [1]). Наши просвѣтители шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія съ такимъ благороднымъ увлеченіемъ предававшіеся литературной дѣятельности,—Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ и другіе,—тоже хотѣли преподать своимъ соотечественникамъ рядъ истинъ, полезныхъ „къ учрежденію житія". Возможная тутъ разница вся сводится къ содержанію этого ряда истинъ: Чернышевскій и Добролюбовъ смотрѣли на вещи совсѣмъ не такъ, какъ Кантемиръ и Татищевъ.

Взглядъ, согласно которому литература не есть дѣло, достойное солиднаго человѣка, совершенно не согласимъ со взглядомъ на нее, какъ на орудіе устроенія человѣческаго „житія". А между тѣмъ оба эти взгляда уживались въ головѣ Кантемира, да и не одного Кантемира. Сначала это кажется страннымъ. Но странность исчезаетъ, если принять во вниманіе, что, усваивая себѣ ученія западно-европейскихъ просвѣтителей, Кантемиръ, какъ и Татищевъ, не переставалъ быть идеологомъ служилаго класса. Въ качествѣ такого идеолога онъ, опять подобно Татищеву, могъ лишь въ извѣстной, довольно ограниченной мѣрѣ, проникаться названными ученіями. Весьма естественно, что далеко не всегда удавалось ему избѣгать очень замѣтныхъ теперь для насъ противорѣчій какъ въ своей жизни и дѣятельности, такъ и въ своихъ понятіяхъ.

---

[1]) О томъ, до какой степени господствовалъ этотъ взглядъ въ средѣ французскихъ просвѣтителей XVIII вѣка, было писано очень много. Какъ на одно изъ недавнихъ сочиненій, укажу на книгу Ф. Гэффа, „Le Drame en France au XVIII siècle", Paris 1910. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ ней третья часть, посвященная разностороннему выясненію вліянія, оказаннаго просвѣтительными идеями на изящную,—преимущественно драматическую,—французскую литературу.

Глава III.

Непосредственное вліяніе Петровской реформы на ходъ развитія общественной мысли.

Всѣмъ извѣстно теперь, какой дорогой цѣной пришлось заплатить русскому народу за реформу Петра Перваго. Ниже намъ еще придется говорить о протестѣ народной массы противъ новыхъ тягостей, наложенныхъ на нее суровымъ преобразователемъ. Но реформа была вызвана общественной потребностью, назрѣвавшей хотя медленно, но неуклонно. Поэтому народъ не могъ видѣть однѣ только отрицательныя стороны ея. Извѣстные, правда, весьма и весьма немногочисленные, представители его рано замѣтили тѣ выгоды, которыя она должна была принести Россіи, и отнеслись къ ней съ сочувствіемъ, иногда довольно сдержаннымъ, а иногда доходившимъ до безпредѣльнаго восторга. Пока достаточно будетъ указать на Посошкова и Ломоносова. Потомъ намъ нужно будетъ познакомиться еще съ интересной семьей Каржавиныхъ.

1. И. Т. Посошковъ.

Самое замѣчательное сочиненіе Ивана Тихоновича Посошкова — „Книга о скудости и богатствѣ" — было напечатано въ 1842 г. М. П. Погодинымъ. Когда Погодинъ ознакомился съ его содержаніемъ, то пришелъ къ тому заключенію, что ему посчастливилось открыть русскаго самородка, который [1]), „родясь лѣтъ за пятьдесятъ до Политической Экономіи въ Европѣ, посчиталъ живо ея правила" и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ Адама Смита [2]).

Такой взглядъ на Посошкова какъ на экономиста былъ, если не во всей полнотѣ, то отчасти принятъ другими послѣдовате-

---

[1]) Род. въ 1652 или 1653 г., умеръ 1-го февраля 1726 г.

[2]) Предисловіе М. П. Погодина къ первому тому сочиненій Посошкова. Москва, 1842 г., стр. VIII; см. статью того же историка въ „Москвитянинѣ" за 1842 г., кн. 3, стр. 101.

ни ее... понеже и она тварь есть Божія" [1]). Да и это еще не все. Посошковъ совѣтуетъ, по возможности, щадить жизнь даже въ растеніяхъ: „Подобно же тому чини, сыне мой, и въ лѣсѣ. Егда бо внидеши въ него, отнюдь древа ни великаго, ни малаго безъ потребы не съсѣцы: понеже Богъ насадилъ древеса на потребу человѣческую, а не на поруганіе, ни на играніе". При другихъ обстоятельствахъ этотъ человѣкъ могъ бы доразвиться до любовнаго сознанія своего субстанціальнаго родства со всей природой и до соотвѣтственныхъ такому сознанію правилъ поведенія, а въ Москвѣ изъ него вышелъ... авторъ „Зеркала" и „Завѣщанія".

Легко догадаться, что Посошковъ былъ монархистомъ: въ Московскомъ государствѣ республиканцевъ не бывало. Но трудно представить себѣ, какъ сильно пропитаны были его взгляды— не только политическіе — духомъ вотчинной монархіи. По его словамъ, у иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ, какъ народъ. „И того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди". Не то въ Россіи. „У насъ самый властительный и всецѣлый монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ." Русскій государь можетъ дѣлать все, что захочетъ: „яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть" [2]). Изъ этой политической теоріи немедленно дѣлается экономическій выводъ, что царь можетъ по произволу опредѣлять стоимость денегъ. Уже отсюда хорошо видно, что сильно ошибались изслѣдователи, считавшіе Посошкова глубокимъ теоретикомъ и полагавшіе, что онъ предупредилъ нѣкоторыя открытія западно-европейскихъ экономистовъ. Ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей. Такъ какъ Московское государство очень сильно отстало отъ передовыхъ странъ Западной Европы въ области экономики, то естественно, что и его „первый экономистъ" весьма значительно отсталъ отъ западно-европейскихъ.

Во Франціи, соціально-политическое развитіе которой неизмѣнно направлялось, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ сторону абсолютизма, публицисты все болѣе и болѣе склонялись къ признанію права государя на вмѣшательство въ самыя различныя стороны народной жизни. Но постепенно складывавшаяся

---

1) „Завѣщаніе". Стр. 13.

2) Сочиненія, т. I, стр. 231 и 254. Въ другой главѣ того же сочиненія (О скудости и богатствѣ) онъ пишетъ: „Царю неслично на людяхъ своихъ судомъ искать; но аще кто виненъ будетъ, то вся можетъ имѣнія его взять" (тамъ же, стр. 73—74). Убѣжденный сторонникъ французскаго монархизма, Боссюэ, ни за что не согласился бы съ этимъ, какъ не согласился бы Боданъ.

Глава III.

Непосредственное вліяніе Петровской реформы на ходъ развитія общественной мысли.

Всѣмъ извѣстно теперь, какой дорогой цѣной пришлось заплатить русскому народу за реформу Петра Перваго. Ниже намъ еще придется говорить о протестѣ народной массы противъ новыхъ тягостей, наложенныхъ на нее суровымъ преобразователемъ. Но реформа была вызвана общественной потребностью, назрѣвавшей хотя медленно, но неуклонно. Поэтому народъ не могъ видѣть однѣ только отрицательныя стороны ея. Извѣстные, правда, весьма и весьма немногочисленные, представители его рано замѣтили тѣ выгоды, которыя она должна была принести Россіи, и отнеслись къ ней съ сочувствіемъ, иногда довольно сдержаннымъ, а иногда доходившимъ до безпредѣльнаго восторга. Пока достаточно будетъ указать на Посошкова и Ломоносова. Потомъ намъ нужно будетъ познакомиться еще съ интересной семьей Каржавиныхъ.

1. И. Т. Посошковъ.

Самое замѣчательное сочиненіе Ивана Тихоновича Посошкова — „Книга о скудости и богатствѣ" — было напечатано въ 1842 г. М. П. Погодинымъ. Когда Погодинъ ознакомился съ его содержаніемъ, то пришелъ къ тому заключенію, что ему посчастливилось открыть русскаго самородка, который [1]), „родясь лѣтъ за пятьдесятъ до Политической Экономіи въ Европѣ, посчиталъ живо ея правила" и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ Адама Смита [2]).

Такой взглядъ на Посошкова какъ на экономиста былъ, если не во всей полнотѣ, то отчасти принятъ другими послѣдовате-

[1]) Род. въ 1652 или 1653 г., умеръ 1-го февраля 1726 г.

[2]) Предисловіе М. П. Погодина къ первому тому сочиненій Посошкова. Москва, 1842 г., стр. VIII; см. статью того же историка въ „Москвитянинѣ" за 1842 г., кн. 3, стр. 101.

ни ее... понеже и она тварь есть Божія“ [1]). Да и это еще не все. Посошковъ совѣтуетъ, по возможности, щадить жизнь даже въ растеніяхъ: „Подобно же тому чини, сыне мой, и въ лѣсѣ. Егда бо внидеши въ него, отнюдь древа ни великаго, ни малаго безъ потребы не съсѣцы: понеже Богъ насадилъ древеса на потребу человѣческую, а не на поруганіе, ни на играніе“. При другихъ обстоятельствахъ этотъ человѣкъ могъ бы доразвиться до любовнаго сознанія своего субстанціальнаго родства со всей природой и до соотвѣтственныхъ такому сознанію правилъ поведенія, а въ Москвѣ изъ него вышелъ... авторъ „Зеркала“ и „Завѣщанія“.

Легко догадаться, что Посошковъ былъ монархистомъ: въ Московскомъ государствѣ республиканцевъ не бывало. Но трудно представить себѣ, какъ сильно пропитаны были его взгляды— не только политическіе — духомъ вотчинной монархіи. По его словамъ, у иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ, какъ народъ. „И того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди“. Не то въ Россіи. „У насъ самый властительный и всецѣлый монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ.“ Русскій государь можетъ дѣлать все, что захочетъ: „яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть“ [2]). Изъ этой политической теоріи немедленно дѣлается экономическій выводъ, что царь можетъ по произволу опредѣлять стоимость денегъ. Уже отсюда хорошо видно, что сильно ошибались изслѣдователи, считавшіе Посошкова глубокимъ теоретикомъ и полагавшіе, что онъ предупредилъ нѣкоторыя открытія западно-европейскихъ экономистовъ. Ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей. Такъ какъ Московское государство очень сильно отстало отъ передовыхъ странъ Западной Европы въ области экономики, то естественно, что и его „первый экономистъ“ весьма значительно отсталъ отъ западно-европейскихъ

Во Франціи, соціально-политическое развитіе которой неизмѣнно направлялось, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ сторону абсолютизма, публицисты все болѣе и болѣе склонялись къ признанію права государя на вмѣшательство въ самыя различныя стороны народной жизни. Но постепенно складывавшаяся

---

[1]) „Завѣщаніе“. Стр. 13.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 231 и 254. Въ другой главѣ того же сочиненія (О скудости и богатствѣ) онъ пишетъ: „Царю неслично на людяхъ своихъ судомъ искать; но аще кто виненъ будетъ, то вся можетъ имѣнія его взять“ (тамъ же, стр. 73—74). Убѣжденный сторонникъ французскаго монархизма, Боссюэ, ни за что не согласился бы съ этимъ, какъ не согласился бы Бодэнъ.

тамъ абсолютная монархія не имѣла „вотчиннаго“ характера [1]), вслѣдствіе чего взгляды обрѣли черты, рѣзко отличающія ихъ отъ взглядовъ московскихъ теоретиковъ. Мы видѣли Бодэна и Боссюэ. Что касается собственно экономическихъ ученій, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что Франція уже въ XIV вѣкѣ выдвинула писателей, имѣвшихъ гораздо болѣе правильное понятіе о деньгахъ, нежели Посошковъ. Такими были Буриданъ и, въ особенности, Николя Орезмъ [2]). Буриданъ доказывалъ, что, хотя государь иногда не только можетъ, но бываетъ обязанъ измѣнить вѣсъ или названіе монеты,—напримѣръ, когда начинаетъ дѣлать ее изъ болѣе дорогого, чѣмъ прежде, металла, — однако онъ не можетъ произвольно опредѣлять ея стоимость. Ученикъ Буридана Николя Орезмъ еще рѣшительнѣе возставалъ противъ королевскаго произвола въ области монетнаго дѣла. Согласно его ученію, монета не составляетъ собственности государя, хотя и носитъ на себѣ его изображеніе. Она принадлежитъ всей странѣ, составляя частную собственность ея жителей. Произвольно измѣнять ея вѣсъ значитъ нарушать ихъ интересы и, слѣдовательно, совершать преступныя дѣянія. И эти преступныя дѣянія обрушаются во вредъ тому, кто ихъ совершаетъ, такъ какъ страна, въ которой появляется дурная монета, скоро лишается хорошей [3]). Такое соображеніе и въ голову не приходило Посошкову. Не лишенъ здѣсь для насъ интереса вотъ какой доводъ Орезма противъ порчи монеты королями. По его мнѣнію, она подорвала бы ихъ власть и потому, — заявляетъ онъ, — что никогда весьма благородные французскіе короли не склонялись къ тираніи и галликанскій (sic) народъ не привыкъ къ рабскому подчиненію, такъ что, если бы короли Франціи измѣнили своей прежней добродѣтели, то, безъ всякаго сомнѣнія, потеряли бы свое королевство...“ Подобныя соображенія тоже никогда не приходили въ голову Посошкову, да и не могли придти по той вполнѣ достаточной причинѣ, что онъ родился, жилъ и мыслилъ не въ „галликанскомъ“ королествѣ, а въ русской вотчинной монархіи.

Онъ рѣшительно осуждаетъ западныхъ купцовъ, которые, по его словамъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ государствѣ, „товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону полагаютъ на нихъ

---

1) Здѣсь опять прошу читателя вспомнить терминологію Бодэна.

2) Или Орэмъ; по-французски пишется Oresme. Онъ родился въ 1320 или 1325 г. и умеръ въ 1381. Его экономическое сочиненіе въ латинскомъ подлинникѣ называлось „De origine natura, jure et mutationibus monetarum“. Онъ самъ перевелъ его на французскій языкъ подъ названіемъ: „Tractie de la invention des monnoies“.

3) Справедливо было замѣчено, что эта мысль Орезма выражена была впослѣдствіи въ знаменитомъ **законѣ Грэшема**.

никовъ ихъ было совершенно ясно, что, заботясь о благосостояніи своихъ подданныхъ, король тѣмъ самымъ ограждаетъ интересы государственной казны, однако, высказывая эту истину, никто изъ нихъ не пытался подкрѣпить ее тѣмъ доводомъ, что король владѣетъ трудящимся населеніемъ своей страны подобно тому, какъ средневѣковый феодалъ—своими крѣпостными. Подъ ихъ перомъ подобный доводъ не имѣлъ бы смысла, потому что не соотвѣтствовалъ бы „галликанскимъ“ соціально-политическимъ отношеніямъ. Правда, въ одномъ изъ своихъ сочиненій Буагильбэръ приглашалъ короля вообразить, что ему, „какъ въ Турціи, принадлежитъ вся земля, а земледѣльцы не больше, какъ его фермеры [1]). Но это приглашеніе вовсе не означало, что Буагильбэръ думалъ, будто Франція, въ самомъ дѣлѣ, похожа на Турцію, а только то, что ему нуженъ былъ какой-нибудь наглядный примѣръ. Онъ зналъ, что въ дѣйствительности французскій король не владѣетъ населеніемъ своего королевства, а только получаетъ отъ него средства, необходимыя для управленія страною и для ея защиты. Это еще яснѣе видно у Вобана, который утверждалъ, что государство не будетъ въ состояніи существовать (se soutenir), если подданные не будутъ его поддерживать, а для того, чтобы поддерживать его, они должны обладать извѣстной степенью зажиточности. Между тѣмъ, когда Посошковъ ищетъ доводовъ въ пользу той своей мысли, что и крестьянское богатство — богатство царственное“, онъ прежде всего ссылается на то, что крестьяне принадлежатъ государю.

„Крестьяномъ помѣщики невѣковые владѣльцы, — говоритъ онъ, — того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять“ [2]). И у него эта ссылка была вполнѣ умѣстна, такъ какъ соотвѣтствовала соціальному строю московской вотчинной монархіи.

Посошковъ прибавляетъ, что крестьянъ слѣдуетъ охранять царскимъ указомъ, чтобы они „крестьянами были прямыми, а не нищими“ [3]). Это опять совершенно въ духѣ старыхъ московскихъ порядковъ.

Вспомнимъ приведенныя мною въ первомъ томѣ слова Котошихина: „А какъ тѣмъ бояромъ и инымъ вышеписаннымъ чиномъ даются помѣстья и вотчины: и имъ пишутъ въ жалованныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 243.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 183.

[3]) Тамъ же, та же стр.

тамъ абсолютная монархія не имѣла „вотчиннаго“ характера [1]), вслѣдствіе чего взгляды обрѣли черты, рѣзко отличающія ихъ отъ взглядовъ московскихъ теоретиковъ. Мы видѣли Бодэна и Боссюэ. Что касается собственно экономическихъ ученій, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что Франція уже въ XIV вѣкѣ выдвинула писателей, имѣвшихъ гораздо болѣе правильное понятіе о деньгахъ, нежели Посошковъ. Такими были Буриданъ и, въ особенности, Николя Орезмъ [2]). Буриданъ доказывалъ, что, хотя государь иногда не только можетъ, но бываетъ обязанъ измѣнить вѣсъ или названіе монеты,—напримѣръ, когда начинаетъ дѣлать ее изъ болѣе дорогого, чѣмъ прежде, металла, — однако онъ не можетъ произвольно опредѣлять ея стоимость. Ученикъ Буридана Николя Орезмъ еще рѣшительнѣе возставалъ противъ королевскаго произвола въ области монетнаго дѣла. Согласно его ученію, монета не составляетъ собственности государя, хотя и носитъ на себѣ его изображеніе. Она принадлежитъ всей странѣ, составляя частную собственность ея жителей. Произвольно измѣнять ея вѣсъ значитъ нарушать ихъ интересы и, слѣдовательно, совершать преступныя дѣянія. И эти преступныя дѣянія обрушаются во вредъ тому, кто ихъ совершаетъ, такъ какъ страна, въ которой появляется дурная монета, скоро лишается хорошей [3]). Такое соображеніе и въ голову не приходило Посошкову. Не лишенъ здѣсь для насъ интереса вотъ какой доводъ Орезма противъ порчи монеты королями. По его мнѣнію, она подорвала бы ихъ власть и потому, — заявляетъ онъ, — что никогда весьма благородные французскіе короли не склонялись къ тираніи и галликанскій (sic) народъ не привыкъ къ рабскому подчиненію, такъ что, если бы короли Франціи измѣнили своей прежней добродѣтели, то, безъ всякаго сомнѣнія, потеряли бы свое королевство...“ Подобныя соображенія тоже никогда не приходили въ голову Посошкову, да и не могли придти по той вполнѣ достаточной причинѣ, что онъ родился, жилъ и мыслилъ не въ „галликанскомъ“ королествѣ, а въ русской вотчинной монархіи.

Онъ рѣшительно осуждаетъ западныхъ купцовъ, которые, по его словамъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ государствѣ, „товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону полагаютъ на нихъ

---

1) Здѣсь опять прошу читателя вспомнить терминологію Бодэна.

2) Или Орэмъ; по-французски пишется Oresme. Онъ родился въ 1320 или 1325 г. и умеръ въ 1381. Его экономическое сочиненіе въ латинскомъ подлинникѣ называлось „De origine natura, jure et mutationibus monetarum“. Онъ самъ перевелъ его на французскій языкъ подъ названіемъ: „Tractie de la invention des monnoies“.

3) Справедливо было замѣчено, что эта мысль Орезма выражена была впослѣдствіи въ знаменитомъ **законѣ Грэшема**.

никовъ ихъ было совершенно ясно, что, заботясь о благосостояніи своихъ подданныхъ, король тѣмъ самымъ ограждаетъ интересы государственной казны, однако, высказывая эту истину, никто изъ нихъ не пытался подкрѣпить ее тѣмъ доводомъ, что король владѣетъ трудящимся населеніемъ своей страны подобно тому, какъ средневѣковый феодалъ—своими крѣпостными. Подъ ихъ перомъ подобный доводъ не имѣлъ бы смысла, потому что не соотвѣтствовалъ бы „галликанскимъ“ соціально-политическимъ отношеніямъ. Правда, въ одномъ изъ своихъ сочиненій Буагильбэръ приглашалъ короля вообразить, что ему, „какъ въ Турціи, принадлежитъ вся земля, а земледѣльцы не больше, какъ его фермеры [1]). Но это приглашеніе вовсе не означало, что Буагильбэръ думалъ, будто Франція, въ самомъ дѣлѣ, похожа на Турцію, а только то, что ему нуженъ былъ какой-нибудь наглядный примѣръ. Онъ зналъ, что въ дѣйствительности французскій король не владѣетъ населеніемъ своего королевства, а только получаетъ отъ него средства, необходимыя для управленія страною и для ея защиты. Это еще яснѣе видно у Вобана, который утверждалъ, что государство не будетъ въ состояніи существовать (se soutenir), если подданные не будутъ его поддерживать, а для того, чтобы поддерживать его, они должны обладать извѣстной степенью зажиточности. Между тѣмъ, когда Посошковъ ищетъ доводовъ въ пользу той своей мысли, что и крестьянское богатство — богатство царственное“, онъ прежде всего ссылается на то, что крестьяне принадлежатъ государю.

„Крестьяномъ помѣщики невѣковые владѣльцы, — говоритъ онъ, — того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять“ [2]). И у него эта ссылка была вполнѣ умѣстна, такъ какъ соотвѣтствовала соціальному строю московской вотчинной монархіи.

Посошковъ прибавляетъ, что крестьянъ слѣдуетъ охранять царскимъ указомъ, чтобы они „крестьянами были прямыми, а не нищими“ [3]). Это опять совершенно въ духѣ старыхъ московскихъ порядковъ.

Вспомнимъ приведенныя мною въ первомъ томѣ слова Котошихина: „А какъ тѣмъ бояромъ и инымъ вышеписаннымъ чиномъ даются помѣстья и вотчины: и имъ пишутъ въ жалованныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 243.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 183.

[3]) Тамъ же, та же стр.

грамотахъ, что имъ... подати съ нихъ (съ крестьянъ своихъ) имати посилѣ, съ кого что мочно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привесть". „Привесть" крестьянъ въ нищіе значило нарушить интересъ царской казны. Если вѣрить Котошихину, то у „разорителей" отбирались ихъ вотчины и помѣстья и отдавались ихъ родственникамъ, „добрымъ людямъ" [1]). Мы не знаемъ, часто ли это случалось: слѣдуетъ думать, что, наоборотъ,— рѣдко. Но, прекрасный знатокъ старой московской жизни, Посошковъ не могъ не слышать о томъ, что не далѣе, какъ въ царствованіе Петрова отца правительство обнаруживало извѣстную заботливость о крестьянахъ. Не могъ онъ не понимать и того, что заботливость эта была, въ своей сущности, лишь заботливостью объ интересахъ государевой казны. Вотъ почему, предлагая Петру ограничить эксплуатацію крестьянъ помѣщиками, онъ немало не измѣнялъ своему охранительному образу мыслей. Его планъ не противорѣчилъ духу старой московской практики. И вотъ почему, выступая съ этимъ планомъ, онъ поспѣшилъ напомнить, что „крестьянское богатство—царственное богатство".

Московское правительство наказывало крестьянскихъ „разорителей" только тогда, когда они слишкомъ явно нарушали его собственный интересъ. Экономическая теорія была тутъ, разумѣется, не при чемъ.

Но старая московская практика была дѣломъ служилаго класса. Такъ какъ крестьянскими „разорителями" сплошь да рядомъ являлись тѣ же самые люди, которые, въ интересахъ казны, кое-когда принимали мѣры къ защитѣ крестьянъ отъ разоренія, то нисколько не удивительно, что мѣры эти не отличались рѣшительностью и не достигали цѣли. Посошковъ не принадлежалъ къ числу „государевыхъ холоповъ". По своему происхожденію онъ былъ „государевымъ сиротою", а по своему классовому положенію—„купецкимъ человѣкомъ" [2]). Поэтому онъ могъ требовать болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Тамъ, гдѣ старая московская практика ограничивалась довольно неопредѣленной, рѣдко исполнявшейся угрозой, онъ настаивалъ на необходимости опредѣленныхъ нормъ.

Чтобы помѣщики не опустошили царства, Посошковъ предлагалъ „учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы

---

1) См. I томъ, стр. 237.

2) Такъ называется онъ въ одномъ офиціальномъ документѣ

извѣстное теоретическое обоснованіе въ ученіяхъ французскаго утопическаго соціализма и будучи значительно расширено, заняло весьма почетное мѣсто въ программахъ многихъ русскихъ публицистовъ XIX вѣка. Однако мысль о земельномъ равненіи не получила у Посошкова дальнѣйшаго развитія. Онъ, повидимому, готовъ былъ удовольствоваться послѣдовательнымъ проведеніемъ принципа обложенія дворовъ согласно размѣрамъ ихъ земельныхъ участковъ. „Буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высѣетъ,—говоритъ онъ,—то того двора не надлежитъ написать (цѣлымъ дворомъ. *Г. П.*), но развѣ шестою долею двора“ и т. д. [1]). Это лишь равненіе податной тягости, но не земельныхъ надѣловъ

Посошковъ настоятельно совѣтовалъ произвести всеобщее межеваніе и даже додумался до Кадастра.

Все это показываетъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень уменъ и хорошо зналъ тогдашнюю русскую жизнь. Хорошо зная русскую жизнь, этотъ очень умный человѣкъ не забылъ о нѣкоторыхъ не безвыгодныхъ для народа сторонахъ старой московской системы управленія и, самъ принадлежа къ числу „государевыхъ сиротъ“, находилъ, что слѣдовало бы сохранить и расширить эти стороны. Такъ какъ крѣпостной крестьянинъ былъ на Руси еще болѣе безправнымъ въ эпоху М. П. Погодина, чѣмъ былъ онъ во времена Посошкова, то неудивительно, что „Книга о скудости и богатствѣ“ перепугала очень многихъ „порядочныхъ людей“ въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка. Но отсюда еще нельзя заключить, что Посошковъ былъ смѣлымъ новаторомъ. А если и называть его прогрессистомъ, то надо всегда прибавлять, что онъ былъ именно московскимъ прогрессистомъ, т.-е. что, выставляя нѣкоторыя дѣйствительно полезныя для народа и въ этомъ смыслѣ прогрессивныя требованія, онъ оборачивался лицомъ не къ будущему, а къ прошедшему. Мы уже знаемъ, что такъ было не съ однимъ Посошковымъ, и что это объясняется не чѣмъ инымъ, какъ неразвитостью нашихъ тогдашнихъ соціально-политическихъ отношеній.

До какой степени пропитанъ былъ Посошковъ старымъ московскимъ духомъ, видно, между прочимъ, изъ его наставленій сыну о томъ, какъ надо вести себя въ церкви. Онъ и небесное царство воображалъ въ видѣ восточной деспотіи. „А и образовъ святыхъ не почитай всѣхъ за едино равенство“, совѣтуетъ онъ. „Но Божіему образу отмѣнную и честь отдавай, и свѣщу бóлшую, нежели рабовъ Его образамъ, поставляй. И образу Пресвятыя

---

[1]) Тамъ же, стр. 187.

грамотахъ, что имъ... подати съ нихъ (съ крестьянъ своихъ) имати посилѣ, съ кого что мочно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привесть“. „Привесть“ крестьянъ въ нищіе значило нарушить интересъ царской казны. Если вѣрить Котошихину, то у „разорителей“ отбирались ихъ вотчины и помѣстья и отдавались ихъ родственникамъ, „добрымъ людямъ“ [1]). Мы не знаемъ, часто ли это случалось: слѣдуетъ думать, что, наоборотъ,—рѣдко. Но, прекрасный знатокъ старой московской жизни, Посошковъ не могъ не слышать о томъ, что не далѣе, какъ въ царствованіе Петрова отца правительство обнаруживало извѣстную заботливость о крестьянахъ. Не могъ онъ не понимать и того, что заботливость эта была, въ своей сущности, лишь заботливостью объ интересахъ государевой казны. Вотъ почему, предлагая Петру ограничить эксплуатацію крестьянъ помѣщиками, онъ немало не измѣнялъ своему охранительному образу мыслей. Его планъ не противорѣчилъ духу старой московской практики. И вотъ почему, выступая съ этимъ планомъ, онъ поспѣшилъ напомнить, что „крестьянское богатство—царственное богатство“.

Московское правительство наказывало крестьянскихъ „разорителей“ только тогда, когда они слишкомъ явно нарушали его собственный интересъ. Экономическая теорія была тутъ, разумѣется, не при чемъ.

Но старая московская практика была дѣломъ служилаго класса. Такъ какъ крестьянскими „разорителями“ сплошь да рядомъ являлись тѣ же самые люди, которые, въ интересахъ казны, кое-когда принимали мѣры къ защитѣ крестьянъ отъ разоренія, то нисколько не удивительно, что мѣры эти не отличались рѣшительностью и не достигали цѣли. Посошковъ не принадлежалъ къ числу „государевыхъ холоповъ“. По своему происхожденію онъ былъ „государевымъ сиротою“, а по своему классовому положенію—„купецкимъ человѣкомъ“ [2]). Поэтому онъ могъ требовать болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Тамъ, гдѣ старая московская практика ограничивалась довольно неопредѣленной, рѣдко исполнявшейся угрозой, онъ настаивалъ на необходимости опредѣленныхъ нормъ.

Чтобы помѣщики не опустошили царства, Посошковъ предлагалъ „учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы

---

[1]) См. I томъ, стр. 237.

[2]) Такъ называется онъ въ одномъ офиціальномъ документѣ.

извѣстное теоретическое обоснованіе въ ученіяхъ французскаго утопическаго соціализма и будучи значительно расширено, заняло весьма почетное мѣсто въ программахъ многихъ русскихъ публицистовъ XIX вѣка. Однако мысль о земельномъ равненіи не получила у Посошкова дальнѣйшаго развитія. Онъ, повидимому, готовъ былъ удовольствоваться послѣдовательнымъ проведеніемъ принципа обложенія дворовъ согласно размѣрамъ ихъ земельныхъ участковъ. „Буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высѣетъ,—говоритъ онъ,—то того двора не надлежитъ написать (цѣлымъ дворомъ. *Г. П.*), но развѣ шестою долею двора“ и т. д. [1]). Это лишь равненіе податной тягости, но не земельныхъ надѣловъ

Посошковъ настоятельно совѣтовалъ произвести всеобщее межеваніе и даже додумался до Кадастра.

Все это показываетъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень уменъ и хорошо зналъ тогдашнюю русскую жизнь. Хорошо зная русскую жизнь, этотъ очень умный человѣкъ не забылъ о нѣкоторыхъ не безвыгодныхъ для народа сторонахъ старой московской системы управленія и, самъ принадлежа къ числу „государевыхъ сиротъ“, находилъ, что слѣдовало бы сохранить и расширить эти стороны. Такъ какъ крѣпостной крестьянинъ былъ на Руси еще болѣе безправнымъ въ эпоху М. П. Погодина, чѣмъ былъ онъ во времена Посошкова, то неудивительно, что „Книга о скудости и богатствѣ“ перепугала очень многихъ „порядочныхъ людей“ въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка. Но отсюда еще нельзя заключить, что Посошковъ былъ смѣлымъ новаторомъ. А если и называть его прогрессистомъ, то надо всегда прибавлять, что онъ былъ именно московскимъ прогрессистомъ, т.-е. что, выставляя нѣкоторыя дѣйствительно полезныя для народа и въ этомъ смыслѣ прогрессивныя требованія, онъ оборачивался лицомъ не къ будущему, а къ прошедшему. Мы уже знаемъ, что такъ было не съ однимъ Посошковымъ, и что это объясняется не чѣмъ инымъ, какъ неразвитостью нашихъ тогдашнихъ соціально-политическихъ отношеній.

До какой степени пропитанъ былъ Посошковъ старымъ московскимъ духомъ, видно, между прочимъ, изъ его наставленій сыну о томъ, какъ надо вести себя въ церкви. Онъ и небесное царство воображалъ въ видѣ восточной деспотіи. „А и образовъ святыхъ не почитай всѣхъ за едино равенство“, совѣтуетъ онъ. „Но Божіему образу отмѣнную и честь отдавай, и свѣщу болшую, нежели рабовъ Его образамъ, поставляй. И образу Пресвятыя

---

[1]) Тамъ же, стр. 187.

Богородицы постави свѣщу таковую же, или мало чимъ и помнѣе. А образамъ святыхъ угодниковъ Божіихъ свѣщи подавай меншее Спасителевыхъ и Богородичныхъ свѣщь. И аще кой и празднуемый святый, обаче не моги болши или лучши Спасителевы свѣщи подати, но, праздника ради, постави развѣе равную; а того не моги учинити, еже бы тебѣ предъ образъ раба Божія поставить свѣща вящшая, нежели Спасителеву образу“ [1]).

Поклоны тоже должны быть разные „Божію образу вящшую и честь твори,—поучаетъ Посошковъ,—образу же раба Божія поклонъ твори со уятіемъ при Спасителеве или і Богородичнымъ образомъ“.

Наконецъ, не ко всѣмъ образамъ слѣдуетъ одинаково прикладываться: „Спасителевъ образъ цѣлуй въ нозѣ, прочіихъ же святыхъ цѣлуй руцѣ, а не нозѣ“ [2]). Въ простомъ народѣ многіе образу Божію кланяются въ поясъ, а образу Николая Чудотворца—до земли. Посошковъ рѣзко осуждалъ это во имя принципа небесной вотчинной монархіи: „И то они творятъ отъ самаго своего несмыслія, и что творятъ, того и сами не вѣдаютъ: какой ихъ разумъ, еже рабу паче Господни отдаютъ честь? [3]).

Современникъ Посошкова, гр. Матвѣевъ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ, что тамъ дѣти „отъ добраго и отъ остраго наказанія словеснаго паче нежели отъ побоевъ, въ прямой воли и смѣлости воспитываются“ [4]). Но гр. Матвѣевъ еще въ Москвѣ испыталъ на себѣ смягчающее вліяніе Западной Европы. Въ качествѣ московскаго прогрессиста Посошковъ мыслилъ по старинѣ. Онъ утверждалъ, что „древніи святіи, соблюдая людей отъ погибели, повелѣвали дѣтей своихъ бить нещадно“ [5]). Оно, пожалуй, такъ и было. Въ „Книгѣ премудрости Іисуса сына Сирахова“ говорится:

„Лелѣй дитя, и оно устрашитъ тебя; играй съ нимъ, и оно опечалитъ тебя. Не смѣйся съ нимъ, чтобы не горевать съ нимъ, и послѣ не скрежетать зубами своими. Не давай ему воли въ юности и сокрушай ребра его, доколѣ оно молодо, дабы, сдѣлавшись упорнымъ, оно не вышло изъ повиновенія тебѣ“ [6]).

Посошковъ безъ критики принимаетъ эти „премудрыя“ педагогическія правила и даже отъ себя прибавляетъ къ нимъ еще немножко суровости. Онъ думалъ, что отцы грѣшатъ непозволи-

---

[1]) „Завѣщаніе отеческое“. Стр. 89.
[2]) Тамъ же, стр. 90. (ср. 95).
[3]) Тамъ же, стр. 95.
[4]) Современникъ, 1856, т. LVII, стр. 25.
[5]) „Завѣщаніе отеческое“. Стр. 44.
[6]) Назв. кн., глава 30, стр. 8—12.

Москвѣ и, между прочимъ, тоже во дворцѣ государя. Въ 1680—1681 гг. село Покровское было „вѣдомо" въ мастерской Палатѣ. Это обстоятельство, вѣроятно, не осталось безъ вліянія на богато одареннаго природой Посошкова. Въ годы его дѣтства дворцовыя мастерскія были преобразованы и расширены подъ руководствомъ иностранцевъ, и г. Прилежаевъ не безъ основанія предполагаетъ, что Иванъ Посошковъ еще мальчикомъ, сопровождая своего отца, уходившаго работать на московскій государевъ дворъ, забѣгалъ въ эти рабочія палаты и присматривался къ мастерому дѣлу [1]). Во всякомъ случаѣ, онъ всегда любилъ это дѣло, — которое называлось у него художествомъ, — и самъ зналъ нѣсколько ремеслъ. Руководимыя иностранными техниками, царскія дворцовыя мастерскія могли научить смышленнаго юношу многому изъ того, что было самою свѣжею новостью въ до-Петровской Обломовкѣ.

Въ сочиненіяхъ Посошкова, посвященныхъ свѣтскимъ вопросамъ, обнаруживается большая и вполнѣ осмысленная заботливость о развитіи производительныхъ силъ Россіи и огромное уваженіе къ техническимъ занятіямъ. Это, вѣроятно, плодъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ дворцовыхъ мастерскихъ. У него замѣтна сильная нелюбовь къ праздности — черта характера, сложившаяся, можетъ быть, подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній: западные люди умѣли дорожить временемъ. Но что же нужно дѣлать для того, чтобы развить производительныя силы Россіи и научить ея жителей чуждаться праздности? Нужно учиться у иностранцевъ, этого миновать нельзя. И вотъ, Посошковъ, несмотря на свое недовѣріе къ иностранцамъ и на свою нелюбовь къ нимъ, пишетъ, что надо оказывать хорошій пріемъ мастерамъ, пріѣзжающимъ въ Россію изъ-за границы. „А буде кто иноземецъ пріѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, — говоритъ онъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ", — и такому надлежитъ дать домъ, и отдать ему въ наученіе человѣкъ десятокъ-мѣста или больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкой, чтобы онъ тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескрытно. И буде станетъ учить съ прилежаніемъ, и буде выучитъ противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескрытно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, что бы на то воздояніе зря и иные мастеровые люди выѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали" [2]). Петръ,

---

[1]) „Завѣщаніе отеческое", вступительная статья, стр. XXXV—XXXVI.

[2]) Сочиненія, томъ I, стр. 145.

Богородицы постави свѣщу таковую же, или мало чимъ и помнѣе. А образамъ святыхъ угодниковъ Божіихъ свѣщи подавай меншее Спасителевыхъ и Богородичныхъ свѣщь. И аще кой и празднуемый святый, обаче не моги болши или лучши Спасителевы свѣщи подати, но, праздника ради, постави развѣе равную; а того не моги учинити, еже бы тебѣ предъ образъ раба Божія поставить свѣща вящшая, нежели Спасителеву образу" [1]).

Поклоны тоже должны быть разные „Божію образу вящшую и честь твори,—поучаетъ Посошковъ,—образу же раба Божія поклонъ твори со уятіемъ при Спасителеве или і Богородичнымъ образомъ".

Наконецъ, не ко всѣмъ образамъ слѣдуетъ одинаково прикладываться: „Спасителевъ образъ цѣлуй въ нозѣ, прочіихъ же святыхъ цѣлуй руцѣ, а не нозѣ" [2]). Въ простомъ народѣ многіе образу Божію кланяются въ поясъ, а образу Николая Чудотворца—до земли. Посошковъ рѣзко осуждалъ это во имя принципа небесной вотчинной монархіи: „И то они творятъ отъ самаго своего несмыслія, и что творятъ, того и сами не вѣдаютъ: какой ихъ разумъ, еже рабу паче Господни отдаютъ честь? [3]).

Современникъ Посошкова, гр. Матвѣевъ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ, что тамъ дѣти „отъ добраго и отъ остраго наказанія словеснаго паче нежели отъ побоевъ, въ прямой воли и смѣлости воспитываются" [4]). Но гр. Матвѣевъ еще въ Москвѣ испыталъ на себѣ смягчающее вліяніе Западной Европы. Въ качествѣ московскаго прогрессиста Посошковъ мыслилъ по старинѣ. Онъ утверждалъ, что „древніи святіи, соблюдая людей отъ погибели, повелѣвали дѣтей своихъ бить нещадно" [5]). Оно, пожалуй, такъ и было. Въ „Книгѣ премудрости Іисуса сына Сирахова" говорится:

„Лелѣй дитя, и оно устрашитъ тебя; играй съ нимъ, и оно опечалитъ тебя. Не смѣйся съ нимъ, чтобы не горевать съ нимъ, и послѣ не скрежетать зубами своими. Не давай ему воли въ юности и сокрушай ребра его, доколѣ оно молодо, дабы, сдѣлавшись упорнымъ, оно не вышло изъ повиновенія тебѣ" [6]).

Посошковъ безъ критики принимаетъ эти „премудрыя" педагогическія правила и даже отъ себя прибавляетъ къ нимъ еще немножко суровости. Онъ думалъ, что отцы грѣшатъ непозволи-

---

[1]) „Завѣщаніе отеческое". Стр. 89.
[2]) Тамъ же, стр. 90. (ср. 95).
[3]) Тамъ же, стр. 95.
[4]) Современникъ, 1856, т. LVII, стр. 25.
[5]) „Завѣщаніе отеческое". Стр. 44.
[6]) Назв. кн., глава 30, стр. 8—12.

Москвѣ и, между прочимъ, тоже во дворцѣ государя. Въ 1680—1681 гг. село Покровское было „вѣдомо" въ мастерской Палатѣ. Это обстоятельство, вѣроятно, не осталось безъ вліянія на богато одареннаго природой Посошкова. Въ годы его дѣтства дворцовыя мастерскія были преобразованы и расширены подъ руководствомъ иностранцевъ, и г. Прилежаевъ не безъ основанія предполагаетъ, что Иванъ Посошковъ еще мальчикомъ, сопровождая своего отца, уходившаго работать на московскій государевъ дворъ, забѣгалъ въ эти рабочія палаты и присматривался къ мастерому дѣлу [1]). Во всякомъ случаѣ, онъ всегда любилъ это дѣло, — которое называлось у него художествомъ, — и самъ зналъ нѣсколько ремеслъ. Руководимыя иностранными техниками, царскія дворцовыя мастерскія могли научить смышленнаго юношу многому изъ того, что было самою свѣжею новостью въ до-Петровской Обломовкѣ.

Въ сочиненіяхъ Посошкова, посвященныхъ свѣтскимъ вопросамъ, обнаруживается большая и вполнѣ осмысленная заботливость о развитіи производительныхъ силъ Россіи и огромное уваженіе къ техническимъ занятіямъ. Это, вѣроятно, плодъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ дворцовыхъ мастерскихъ. У него замѣтна сильная нелюбовь къ праздности — черта характера, сложившаяся, можетъ быть, подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній: западные люди умѣли дорожить временемъ. Но что же нужно дѣлать для того, чтобы развить производительныя силы Россіи и научить ея жителей чуждаться праздности? Нужно учиться у иностранцевъ, этого миновать нельзя. И вотъ, Посошковъ, несмотря на свое недовѣріе къ иностранцамъ и на свою нелюбовь къ нимъ, пишетъ, что надо оказывать хорошій пріемъ мастерамъ, пріѣзжающимъ въ Россію изъ-за границы. „А буде кто иноземецъ пріѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, — говоритъ онъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ", — и такому надлежитъ дать домъ, и отдать ему въ наученіе человѣкъ десятокъ-мѣста или больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкой, чтобы онъ тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескрытно. И буде станетъ учить съ прилежаніемъ, и буде выучитъ противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескрытно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, что бы на то воздояніе зря и иные мастеровые люди выѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали" [2]). Петръ,

---

[1]) „Завѣщаніе отеческое", вступительная статья, стр. XXXV—XXXVI.
[2]) Сочиненія, томъ I, стр. 145.

прежде онъ, вмѣстѣ съ ними, исходилъ изъ того взгляда, что поведеніе людей опредѣляется общественными учрежденіями; теперь онъ думаетъ, что учрежденія не важны; важна добрая вѣра. Послѣдовательно, развивая этотъ новый свой взглядъ, онъ долженъ былъ притти къ тому положенію, что царство божіе—внутри насъ. Однако, послѣдовательности у него хватило не надолго.

Въ 1777 г. онъ перевелъ „Похвальное слово Марку Аврелію", написанное членомъ французской академіи Тома („Томасомъ") и украшенное, напримѣръ, такими размышленіями:

„Вольность есть первое право человѣка, право повиноваться единымъ законамъ и кромѣ ихъ ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся произносить ея имя! Горе той странѣ, гдѣ изрѣченіе его вмѣняется въ преступленіе!"

Или: „Всегда благотворящая природа создала существа въ свободѣ и равенствѣ; настало тиранство и сотворило существа слабыя и несчастныя. Тогда малымъ числомъ все объято стало" и т. п.

Если,—по мнѣнію одного изслѣдователя,—своими переводами Фонъ-Визинъ развивалъ и дополнялъ свои собственныя мысли о лучшемъ политическомъ устройствѣ, то ими же онъ опровергалъ свои собственныя мысли о безполезности политическихъ реформъ.

Разумѣется, въ „Похвальномъ словѣ Марку Аврелію" больше приторнаго академическаго краснорѣчія, чѣмъ мужественной любви къ „вольности" и равенству. Но мысль, положенная въ его основу, все-таки рѣзко противорѣчитъ афоризмамъ, высказаннымъ въ заграничныхъ письмахъ нашего сатирика.

Тотъ же изслѣдователь полагаетъ, что апоплексическій ударъ, „поразившій Фонъ-Визина въ августѣ 1785 г., положилъ конецъ вольнодумнымъ поползновеніямъ, упорно сохранявшимся въ немъ отъ юныхъ лѣтъ". Дѣйствительно, „Разсужденіе о суетной жизни человѣческой", написанное Фонъ-Визинымъ по случаю смерти Потемкина (т. е. въ 1791 г.), показываетъ, что болѣзнь вызвала у него совершенно подавленное настроеніе духа. Онъ рѣшительно осуждаетъ въ немъ свое прежнее „безумное на разумъ надѣяніе". Однако, мы видѣли, что на „разумъ надѣяніе" онъ уже въ семидесятыхъ годахъ, во время перваго заграничнаго своего путешествія, отвергалъ едва ли не столь же рѣшительно, какъ и послѣ удара. Кромѣ того, между статьями, приготовленными имъ для своего,—неразрѣшеннаго полиціей,—журнала „Стародумъ, или другъ честныхъ людей", есть письмо изъ Москвы, помѣченное февралемъ 1788 г. и показывающее,

что и во время болѣзни у Фонъ-Визина возобновлялись иногда приступы политическаго вольномыслія.

Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о причинахъ, препятствующихъ успѣхамъ краснорѣчія въ Россіи. Фонъ-Визинъ, написавшій его отъ имени Стародума, говоритъ, что у насъ мало ораторовъ не отъ слабости природнаго дарованія, а отъ недостатка „случаевъ, при коихъ бы даръ краснорѣчія могъ показаться". При другихъ политическихъ условіяхъ было бы совсѣмъ другое. „Преосвященные наши митрополиты: Гавріилъ, Самуилъ, Платонъ, суть наши Тиллотоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленные по долгу званія его, довольно доказываютъ, какого рода силы было бы россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ, и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ" [1]).

Не поднимая здѣсь вопроса о томъ, насколько великъ былъ въ дѣйствительности ораторскій талантъ Платона, Гавріила, Самуила и... Елагина, нельзя не замѣтить, что здѣсь больной Фонъ-Визинъ опять разсуждалъ совершенно въ духѣ политическаго вольномыслія. А разсужденіе въ этомъ духѣ предполагало извѣстное „на разумъ надѣяніе".

Но вотъ гдѣ самое главное. Воззрѣнія Фонъ-Визина до конца остались вовсе несогласованными между собою и противорѣчивыми. Онъ способенъ былъ почти одновременно высказывать прямо противоположныя сужденія. Для исторіи общественной мысли это важно не только потому, что Фонъ-Визину принадлежитъ большое мѣсто въ нашей литературѣ XVIII вѣка, но еще и потому, что въ этомъ отношеніи на него похожи были очень многіе просвѣщенные россіяне второй половины XVIII столѣтія.

Надо помнить, однако, что консерватизмъ почти всегда преобладалъ въ воззрѣніяхъ нашего сатирика. Екатерина была неправа, когда жаловалась: „Плохо мнѣ приходитъ жить! Уже г. Фонъ-Визинъ хочетъ учить меня царствовать!"

Фонъ-Визинъ не могъ причинить ей какія-нибудь серьезныя политическія непріятности. На практикѣ онъ держался, въ послѣднемъ счетѣ, того высказаннаго Стародумомъ отраднаго убѣжденія, что средство, сдѣлать людей счастливыми, находится въ рукахъ государя и состоитъ въ предоставленіи выгодъ по службѣ единственно тѣмъ чиновникамъ, которые будутъ точно выполнять требованія „благонравія", и въ этомъ онъ тоже походилъ на множество своихъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ.

---

[1]) Сочиненіе, стр. 248—249.

Въ мартѣ 1784 г. умиравшій гр. Н. И. Панинъ, подъ начальствомъ котораго Д. И. Фонъ-Визинъ служилъ, начиная съ 1769 г., продиктовалъ ему свое политическое завѣщаніе, содержащее въ себѣ, между прочимъ, такія строки.

„Верховная власть ввѣряется Государю для единаго блага его подданныхъ... Безъ непремѣнныхъ Государственныхъ законовъ не прочно ни состояніе Государства, ни состояніе Государя... Всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ несчастія времянъ попустили, уступая силѣ, унизить свое человѣческое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находитъ средства разорвать свои оковы тѣмъ же правомъ, какимъ на нее наложены, весьма умно дѣлаетъ, если разрываетъ.. обязательства между Государемъ и подданными суть... добровольная“. Короче, завѣщаніе гр. Н. И. Панина основывается какъ разъ на той мысли о преимуществахъ „вольности по праву“, которую отвергалъ Д. И. Фонъ-Визинъ въ своихъ письмахъ изъ заграницы къ брату Н. И. Панина, П. И. Панину. Надо помнить, что этотъ послѣдній вполнѣ раздѣлялъ взгляды своего брата. Взгляды эти будутъ разсмотрѣны мною ниже; здѣсь слѣдуетъ только сказать, что,—какъ видно изъ письма, написаннаго гр. П. И. Панинымъ къ великому князю Павлу Петровичу на случай его восшествія на престолъ,—Д. И. Фонъ-Визинъ, совершенно одобрялъ политическія стремленія братьевъ Паниныхъ. Какъ согласить это съ приведенными мною выше отрывками изъ его заграничныхъ писемъ?

Это еще не конецъ. Въ одномъ мѣстѣ политическаго завѣщанія, написаннаго Фонъ-Визинымъ подъ диктовку гр. Н. И. Панина, говорится о „государствѣ, въ которомъ люди составляютъ собственность людей“, т. е. существуетъ крѣпостное право. Въ отзывѣ о такомъ государствѣ слышится почти презрительное сожалѣніе. А въ „Прибавленіи“ къ завѣщанію, написанномъ гр. П. И. Панинымъ, требуется законодательное опредѣленіе „должностей“ крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ [1]). Какъ согласить это съ мнѣніемъ Д. И. Фонъ-Визина о завидной участи нашего крѣпостного крестьянина? Имѣемъ ли мы право предположить, что подъ конецъ своей жизни Д. И. Фонъ-Визинъ снова заразился извѣстнымъ вольномысліемъ въ политической и соціальной областяхъ? Для этого у насъ нѣтъ никакихъ основаній.

[1]) Ср. Е. С. Шумигорскаго „Императоръ Петръ I“, Петроградъ 1907, стр. 53, приложеніе, стр. 4, 7, 12 и 17.

3.

Кантемиръ бичевалъ „хулящихъ ученіе“. Ихъ же бичевалъ, въ лицѣ Простаковыхъ и Скотининыхъ, и Фонъ-Визинъ. Кантемиръ написалъ сатиру „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“; Фонъ-Визинъ тоже не упускалъ случая задѣть „злонравныхъ дворянъ“. Сумароковъ обличалъ „крапивное сѣмя“, не щадилъ этого сѣмени и Фонъ-Визинъ [1]). Кантемиръ язвилъ (въ первой сатирѣ) Медора, тужившаго о томъ, что слишкомъ много бумаги идетъ на книги и потому уже нечѣмъ завивать кудри. У Кантемира же Филаретъ (во второй сатирѣ) отчитываетъ Евгенія, этого „новаго Нарцисса“, всецѣло поглощеннаго заботами о своей наружности и изъ долголѣтняго путешествія въ чужихъ краяхъ ничего не вынесшаго, кромѣ совершеннаго знанія моды. Сатирики Екатерининской эпохи тоже выставляли къ позорному столбу разнаго рода „щеголей“ и „щеголихъ“ [2]). Вообще, кругъ тѣхъ предметовъ, которыми занималась сатира, остался тотъ же самымъ въ теченіе всего XVIII вѣка.

На это были двѣ причины. Во-первыхъ, непомѣрное тщеславіе Екатерины, не допускавшей и мысли о томъ, чтобы въ ея славное царствованіе могли оставаться не исцѣленными сколько-нибудь глубокія общественныя язвы, крайне стѣсняло обличительную дѣятельность сатириковъ: мы знаемъ, какъ недолговѣчны были тогдашніе сатирическіе журналы. Во-вторыхъ, сатирики Екатерининской эпохи продолжали смотрѣть на главнѣйшіе устои русской общественно-политической жизни глазами сатириковъ первой половины столѣтія: осмѣивая защитниковъ старины, и тѣ, и другіе сами оставались, въ своемъ отношеніи къ этимъ устоямъ, приверженцами существующаго, отъ старины же унаслѣдованнаго порядка. Поле зрѣнія ихъ обличительной музы значительно ограничивалось ихъ собственнымъ консерватизмомъ.

При всемъ томъ жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ; послѣдствія Петровской реформы давали себя чувствовать, и если не

1) Ср. въ матеріалахъ для журнала „Стародумъ“ талантливое письмо надворнаго совѣтника Взяткина къ его превосходительству ***. Совѣтница въ „Бригадирѣ“ говоритъ (Дѣйствіе I, явленіе 3), что ея мужъ пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ, убѣдившись, что ему въ коллегіи дѣлать стало нечего. Замѣчу мимоходомъ, что эта ссылка на указъ о лихоимствѣ ловко прибавляла къ насмѣшкѣ надъ корыстолюбивыми чиновниками комплиментъ по адресу Екатерины.

2) Иногда кажется, что въ своихъ насмѣшкахъ надъ ними они сознательно возражали Кантемиру (для примѣра можно сослаться на 3-ій и 4-ый листы первой части „Живописца“ за 1772 г.). Но у Кантемира не встрѣчается такихъ грубыхъ выраженій (поросенокъ, свинья и т. п.), какія въ изобиліи встрѣчаются даже у Новикова.

расширился кругъ тѣхъ предметовъ, которыхъ касалась сатира, то измѣнилось отчасти ея отношеніе къ нѣкоторымъ изъ нихъ.

Медоръ и Евгеній возмущали Кантемира тѣмъ, что были равнодушны къ интересамъ просвѣщенія и тратили время,—которымъ всегда такъ дорожили истинные птенцы Петровы,—на модные пустяки. Кантемиру и въ голову не приходило упрекать ихъ въ пренебреженіи къ Россіи и къ русскимъ обычаямъ. Въ его время было несравненно больше основаній опасаться противоположной крайности: пренебреженія къ Западу и западно-европейскому образу жизни. Поэтому для него отстаивать интересы просвѣщенія въ Россіи значило бороться съ національной исключительностью ветхо-завѣтныхъ русскихъ людей. Во второй половинѣ XVIII в. было уже не такъ. О возвратѣ къ до-Петровской старинѣ тогда уже не могло быть и рѣчи. Господствующее въ Россіи сословіе окончательно примирилось съ реформой Петра. Но, какъ это было вполнѣ естественно, оно примирилось съ нею по своему.

Оно воспользовалось ею для упроченія и расширенія своей власти надъ трудящейся массой и для своего освобожденія отъ обязательной службы. Это освобожденіе дало ему досугъ, который оно отчасти употребило на устройство своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Но систематическій и упорный трудъ никогда не былъ въ привычкахъ этого сословія. Тѣ его представители, которые разъѣхались по деревнямъ, не столько занимались сельскимъ хозяйствомъ, сколько охотой и попойками. Тѣ же, которые жили въ столицахъ, продолжая служить, далеко не такъ ревностно занимались дѣломъ, какъ предавались всякаго рода развлеченіямъ. Въ средѣ столичнаго дворянства развелось много щеголей и щеголихъ, доставлявшихъ массу „человѣческихъ документовъ" для сатиры [1]). Въ своемъ увлеченіи иностранными модами и обычаями, эти свѣтскіе элементы благороднаго сословія не только доходили, подобно Кантемировскому Медору, до смѣшныхъ крайностей, но стали пренебрегать своей родиной. Такъ свидѣтельствуютъ сатирики.

---

[1]) Успѣхъ сатирическихъ изданій Екатерининской эпохи въ значительной степени обусловливался нападками ихъ „петиметровъ". Въ письмѣ къ издателю „Живописца" („Живописецъ" 1772 г. часть II, листъ 12) нѣкто *Хуляковъ* сообщалъ, что это изданіе Новикова наперерывъ и „безъ усталости" хвалятъ какъ женщины, такъ и мужчины, говоря: „То-то разумный живописецъ! Онъ такъ малюетъ хорошо своими красками нынѣшніе развратные свѣтскіе обычаи новоманерныхъ петербургскихъ щеголей и щеголихъ, что никто еще, кромѣ его, пороковъ ихъ такъ живо не изобразилъ. Прямо честный и разумный человѣкъ" и проч. Тогдашняя сатира очень много занималась „петиметрами".

Фонъ-Визинъ заставляетъ своего Иванушку въ „Бригадирѣ" говорить совѣтницѣ, за которой онъ ухаживаетъ:

— Все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты русская.

Она отвѣчаетъ ему въ томъ же духѣ:

— Это, ангелъ мой, конечно, для меня ужасная погибель!

Разъ принявшись подражать иностранцамъ, русское „благородное сословіе" скоро должно было понять, что наилучшимъ образцомъ для подражанія является французское дворянство, которое отличалось наибольшею утонченностью („людскостью") и которому весьма усердно подражало дворянство всѣхъ цивилизованныхъ странъ европейскаго материка. Во второй половинѣ XVIII столѣтія воспитать молодого человѣка на иностранный ладъ значило дать ему французское воспитаніе. И тѣ франты, которыхъ бичевали наши сатирики за ихъ пренебреженіе къ Россіи, старались какъ можно больше походить на французовъ.

— Mon cher père!—говоритъ въ „Бригадирѣ" Иванушка своему отцу,—или сносно мнѣ слышать, что хотятъ меня женить на русской?

— Да ты-то что за французъ?—спрашиваетъ его отецъ.

— Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда, — отвѣчаетъ онъ,—однако, духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

Чтобы выяснить зрителямъ комедіи, откуда взялось у Иванушки его смѣшное пристрастіе къ французамъ, Фонъ-Визинъ нашелъ нужнымъ разсказать устами самого Иванушки, что этотъ молодой глупецъ, до отъѣзда своего въ Парижъ, учился въ пансіонѣ у французскаго кучера, который и внушилъ ему любовь къ Франціи и холодность къ Россіи:

— Ежели бы malheurensement я попался къ русскому, который любилъ бы свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Тутъ полезно будетъ вспомнить превосходное замѣчаніе Бѣлинскаго о томъ, что драматическія произведенія Фонъ-Визина представляютъ собою скорѣе плодъ усилій русской сатиры сдѣлаться комедіей, чѣмъ комедіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Рядомъ съ комическимъ въ нихъ очень много карикатурнаго. Карикатура живетъ умышленнымъ преувеличеніемъ изображаемыхъ ею чертъ дѣйствительности. Поэтому надо принимать cum grano salis тѣ картины тогдашней русской жизни, которыя мы находимъ въ комедіяхъ Фонъ-Визина, равно какъ и въ произведеніяхъ другихъ сатириковъ. На самомъ дѣлѣ наши щеголи и щеголихи, вѣроятно, не имѣли такого безпредѣльнаго пренебреженія къ Россіи, какое обнаруживаютъ въ

„Бригадирѣ“ Иванушка и увлеченная имъ совѣтница. Но что подобное пренебреженіе все-таки было свойственно имъ въ весьма значительной степени, это все-таки не подлежитъ сомнѣнію. И вполнѣ понятно, что, въ своемъ крайнемъ увлеченіи французами, русскіе модники безъ критики относились даже къ недостойнымъ дѣтямъ Франціи.

Сатирики Екатерининской эпохи не переставали осмѣивать довѣрчивость русскихъ по отношенію къ французамъ. Въ своихъ сатирическихъ изданіяхъ Новиковъ боролся съ этой довѣрчивостью, какъ съ большимъ общественнымъ зломъ. У него выходитъ, что изъ всѣхъ иностранцевъ одни только французы стремятся эксплуатировать довѣрчивое населеніе Россіи. Въ его „Кошелькѣ“ одинъ французъ, отмѣчая крайнее простосердіе русскихъ людей, говоритъ: „Они слишкомъ полагаются на честность и не могутъ истины различить отъ хитрости; но притомъ сіе весьма достойно замѣчанія, что хотя нѣмецъ и англичанинъ ихъ не обманываютъ и обходятся съ ними правдиво и честно, однакожъ они ихъ не любятъ, обычаевъ ихъ не перенимаютъ, и если бы тѣ захотѣли ихъ обманывать, то никогда бы имъ въ обманъ не далися; напротивъ, французу открыта внутренность души и сердце русскаго человѣка“ [1]). У Крылова, поселившаяся въ Россіи француженка-модистка, сообщаетъ своему брату, бѣжавшему изъ Франціи уголовному преступнику, что „американцы, въ первыя времена прибытія къ нимъ европейцевъ, не столько ихъ уважали, сколько здѣсь уважаютъ французовъ: тѣ побѣдили американцевъ оружіемъ, а мы ихъ хитростью“ [2]).

Въ настойчивыхъ выступленіяхъ нашей сатирической литературы противъ французскаго вліянія на Россію очень явственно слышится голосъ оскорбленнаго національнаго чувства. Оскорбленное національное чувство непремѣнно должно было вызвать и дѣйствительно вызвало у русскихъ писателей стремленіе къ идеализаціи Россіи и русскаго народнаго характера. Этимъ стремленіемъ отчасти объясняется и отмѣченное мною выше превознесеніе Фонъ-Визиномъ въ его заграничныхъ письмахъ—русскихъ порядковъ на счетъ западно-европейскихъ вообще и французскихъ—въ частности. Это же стремленіе привело Новикова къ тому утѣшительному мнѣнію, что „россіяне всѣ къ добродѣянію склонны“ [3]). Особенно добродѣтельны были они въ преж-

---

[1]) „Кошелекъ“ листъ 3-ій, продолженіе „Разговора между нѣмцемъ и французомъ“.

[2]) Письмо гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку въ „Почтѣ Духовъ“, соч. И. А. Крылова, у. III, стр. 139—140.

[3]) См. „Разговоръ между россіяниномъ и французомъ“, во второмъ листѣ „Кошелька“.

нее время: „Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего отечества“ [1]).

Такая идеализація русскаго національнаго характера и русской старины является однимъ изъ тѣхъ элементовъ, которые вошли впослѣдствіи въ составъ славянофильства. П. Н. Милюковъ утверждаетъ, что отрицательное отношеніе къ новымъ культурнымъ заимствованіямъ и восхваленіе, въ пику имъ, древней простоты нравовъ вовсе не было тогда чѣмъ-нибудь новымъ, такъ какъ мы встрѣчаемся съ нимъ еще при Петрѣ и его преемникахъ. Это справедливо. Но дѣло въ томъ, что при Петрѣ противники новыхъ культурныхъ заимствованій превозносили до-Петровскую Русь и отвергали Петровскую реформу, а во второй половинѣ XVIII столѣтія они начали превозносить именно эпоху Петра.

Въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новиковъ ставилъ Ѳеофану Прокоповичу въ особенную заслугу то, что онъ былъ „поборникомъ и провозвѣстникомъ славныхъ дѣлъ Петра Великаго“. Въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина идеализація Петровской эпохи еще больше бросается въ глаза. Его Стародумъ говоритъ:

„Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нынче многіе не стоютъ одного...“ Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ изученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову [2]).

Именно потому, что тогда въ Россіи „къ изученію мало было способовъ“, Петръ усиленно старался набивать русскія головы „чужимъ умомъ“,—умомъ западной Европы. Въ этомъ заключался смыслъ его реформы. Упустивъ это изъ виду, Фонъ-Визинъ сдѣлалъ большую ошибку. Правда, та разновидность „чужого ума“, которой такъ сильно дорожилъ Петръ, совсѣмъ не похожа была на ту его разновидность, которую выше всего ставили „пустыя головы“ дворянскаго происхожденія при Екатеринѣ II: ему рѣшительно не было мѣста въ головахъ нарядныхъ „петиметровъ“. Но—какъ уже замѣчено выше,—появленіе на Руси петиметровъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Недоросль“, дѣйствіе III, явленіе 1-ое.

принадлежало къ числу логическихъ слѣдствій Петровскаго преобразованія. Сдѣланное почти исключительно силами дворянства, преобразованіе привело къ расширенію правъ этого сословія и, обезпечивъ ему извѣстный досугъ, породило въ нѣкоторой его части крайнее увлеченіе свѣтскими развлеченіями и иностранными модами. Если бы, какимъ-нибудь чудомъ, Россія вернулась къ эпохѣ Петра I, которую принялись восхвалять наши Стародумы въ царствованіе Екатерины II, то объективная логика общественной жизни опять заставила бы ее снова пережить всѣ послѣдствія Петровской реформы, къ числу которыхъ принадлежала и дворянская французоманія. Но этой логики почтенные Стародумы совсѣмъ не понимали, какъ не понимали они и того, что только поступательное, а ни въ какомъ случаѣ не попятное движеніе могло избавить Россію отъ этой французоманіи.

Когда переворотъ 1741 г. передалъ верховную власть Елизаветѣ, она возвѣстила, что будетъ править въ духѣ своего отца. Этимъ обѣщаніемъ прикрывалось отсутствіе у нея самой какой-нибудь опредѣленной политической программы. Подобно этому, наши сатирики принялись за идеализацію Петровской старины только потому, что оставались въ полной неясности на счетъ того, какъ бороться съ подмѣченными ими общественными недостатками и куда должна вести Россію имманентная логика Петровской реформы.

Французскіе образцы, которымъ хотѣли подражать русскіе „петиметры“, принадлежали къ свѣтскому французскому обществу. Въ составъ этого общества входили тогда, главнымъ образомъ, члены привилегированныхъ сословій (дворянства и высшаго духовенства). Противъ дворянства и духовенства направлялось во Франціи то движеніе третьяго сословія, идеологами котораго были такъ называемые „энциклопедисты“. Энциклопедисты не только не увлекались образомъ жизни, вкусами и привычками аристократическаго французскаго общества, но, наоборотъ, рѣзко ихъ осуждали. Реакція противъ аристократическихъ привычекъ, вкусовъ и образа жизни давала себя чувствовать во всѣхъ новыхъ теченіяхъ французской литературы и французскаго искусства. Она породила живопись Греза и сантиментальную драму Дидро. Послѣднимъ словомъ этой реакціи явилось, въ концѣ XVIII столѣтія, устраненіе стараго порядка, уничтоженіе всѣхъ привилегій аристократіи. Но изо всѣхъ странъ европейскаго материка только Франція способна была произнести это послѣднее слово. Въ Германіи, едва-едва начинавшееся движеніе третьяго сословія не пошло дальше совершенной Лессингомъ литературной реформы, бывшей одновременно проте-

стомъ какъ противъ свойственнаго тогда дворянству увлеченія французскими литературными понятіями, такъ и противъ его преклоненія передъ французскими дворянскими нравами. Но нужно помнить, что Лессингъ совершилъ свою литературную реформу, слѣдуя примѣру англійскихъ и французскихъ идеологовъ третьяго сословія, въ особенности Дидро, котораго онъ ставилъ чрезвычайно высоко. Благодаря этому, его протестъ противъ французоманіи не былъ протестомъ противъ освободительныхъ французскихъ идей. Лессингъ не шелъ такъ далеко, какъ шли передовые французы XVIII столѣтія; но онъ все-таки шелъ по одной дорогѣ съ ними. Между тѣмъ, наши противники французскаго вліянія выступили также и противниками передовой французской философіи.

Въ своихъ сатирическихъ изданіяхъ Новиковъ не рѣдко такъ выражался, какъ будто въ его представленіи свободные мыслители тогдашней Франціи отождествлялись съ профессорами „Академіи Волосоподвивательной науки“. Нѣсколькими годами позже, въ предисловіи къ изданному имъ „Повѣствователю Древностей Россійскихъ“, онъ обрушился на людей, по его словамъ, зараженныхъ „Французскими натуральной системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностью и всякими наружными украшеніями и безполезными украшеніями [1]). Подъ натуральной системы книгами надо понимать, конечно, сочиненія французскихъ матеріалистовъ. Стало быть, выходило, что Гольбахъ и Дидро отвѣтственны за праздность свѣтскихъ хлыщей,—за ихъ пудру, помаду и карты! Дальше этого смѣшеніе понятій простираться не могло. Но что оно свойственно было не одному Новикову, это лучше всего видно на примѣрѣ Фонъ-Визина, у котораго идеализація Петровской эпохи тоже сопровождалась ожесточенными нападками на проповѣдниковъ новыхъ идей во Франціи (на „ученыхъ вралей“).

Выше я сказалъ, что стремленіе Фонъ-Визина превозносить русскую общественную жизнь на счетъ—французской отчасти объясняется, какъ реакція противъ нашей свѣтской французоманіи. Теперь я прибавлю, что взваливать на идеологовъ французскаго третьяго сословія отвѣтственность за тѣ или другіе недостатки европеизовованнаго русскаго дворянства можно было только вслѣдствіе неразвитости нашихъ общественныхъ отношеній, мѣшавшей русскимъ сатирикамъ разбираться въ явленіяхъ общественной и умственной жизни европейскаго Запада.

П. Н. Милюковъ совершенно справедливо сказалъ, что такъ

---

[1]) См. Незеленова: „Николай Ивановичъ Новиковъ“, стр. 220—221.

какъ западная культура сдѣлалась у насъ исключительнымъ достояніемъ „благороднаго“ сословія, то нападки на его внѣшнюю культурность сливались съ нападками на привилегированное положеніе дворянства. Можно прибавить, что въ нападкахъ на привилегированное положеніе дворянства заключалась прогрессивная мысль, заимствованная у тѣхъ же безбожныхъ писателей Запада, на которыхъ нападали наши благочестивые идеализаторы Петровской старины. Но именно потому, что идеализаторы старины отворачивались отъ тѣхъ смѣлыхъ новаторовъ, у которыхъ была ими заимствована ихъ прогрессивная мысль, они плохо усваивали ее, и ихъ нападки на привилегированное положеніе дворянства, сливавшіяся съ нападками на его культурную внѣшность, оставались крайне робкими и поверхностными. Къ тому же, прогрессивная мысль эта иногда совсѣмъ стушевывалась, уступая мѣсто вовсе уже не прогрессивному превознесенію „простыхъ“ нравовъ провинціальнаго дворянства на счетъ развращенныхъ нравовъ столицъ.

Однако, хотя совсѣмъ безсодержательна была въ теоретическомъ отношеніи идеализація Петровской старины и хотя очень бѣдны были, по своему идейному содержанію, нападки сатириковъ на внѣшнюю дворянскую культурность, и ту, и другія слѣдуетъ признать интересными знаменіями своего времени: онѣ знаменовали зарожденіе вопроса о томъ, *каково должно быть отношеніе Россіи къ Западу на основѣ Петровской реформы*. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что уже въ XVIII в. дѣлались заслуживающія вниманія попытки рѣшить этотъ важный вопросъ или,—если позволительно употребить здѣсь выраженіе, ставшее у насъ ходячимъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія,—найти нашу *формулу прогресса*. Въ той же главѣ мы увидимъ, что по этому вопросу Д. И. Фонъ-Визинъ высказалъ мысль, ставшую ходячей въ XIX вѣкѣ.

Глава VIII.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ взаимной борьбы различныхъ общественныхъ элементовъ.

Коммиссія объ Уложеніи.

I.

Новыя, разнородныя и часто совершенно несогласимыя между собою стремленія, порожденныя Петровской реформой, выразились, между прочимъ, въ пресловутой Екатерининской „Коммиссіи о сочиненіи новаго Уложенія". Но та же коммиссія показала, какъ мало благопріятна была наша тогдашняя объективная дѣйствительность проведенію въ жизнь тѣхъ изъ нихъ, которыя не соотвѣтствовали унаслѣдованнымъ отъ до-Петровской старины и все еще непоколебленнымъ основамъ государственнаго строя.

Извѣстная часть населенія взглянула на посылку своихъ представителей въ эту Коммиссію, какъ на одну изъ докучныхъ натуральныхъ повинностей по отношенію къ государству. И для нея былъ вопросъ въ томъ, какъ бы поскорѣе раздѣлаться съ этой повинностью. Въ наказѣ, данномъ муромскимъ дворянствомъ своему депутату, говорилось: „Мы, будучи въ собраніи, по довольномъ общемъ нашемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаваемъ"[1]. Въ тверскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ отказался принять участіе въ выборѣ депутата, сославшись на указъ Петра III, освободившій дворянъ отъ обязательной службы. Торгово-промышленное сословіе отъ обязательной службы избавлено еще не было. Поэтому, доводя до его свѣдѣнія манифестъ 14-го декабря 1766 г., нѣкоторые городовые магистраты сочли себя въ правѣ принять рѣшительныя мѣры противъ возможныхъ попытокъ уклониться

---

[1]) П. Кудряшевъ. „Отношеніе населенія къ выборамъ въ Екатерининскую коммиссію. Вѣстникъ Европы 1909 г., декабрь, стр. 546 и 541.

отъ выполненія „законодательной“ повинности. Въ Путивлѣ магистратъ предписалъ городовому старостѣ Курдюмову: „Ити тебѣ во дворы путивльскаго купечества всѣхъ не обходя ни единаго, а пришедь каждому объявить, чтобы они неотмѣнно безъ всякихъ оговорокъ явились въ магистратъ... и кому объявлено о томъ будетъ, велѣть въ слышаніи сего подъ симъ подписаться и чтобъ неотмѣнно имѣли явиться“. Если кто-нибудь „паче чаянія ослушаніемъ своимъ не подпишется“, о тѣхъ староста долженъ былъ подать рапортъ. Въ Каргополѣ старостѣ приказано было каждую недѣлю „наистрожайше“ и „со всякой внятностью“ читать какъ самый манифестъ, такъ и приложенія къ нему ради „оныхъ разумѣнія“. Въ Кашинѣ, Архангельскѣ и Переяславлѣ-Рязанскомъ магистраты предписали, чтобы послѣ опубликованія манифеста 14-го декабря никто изъ купцовъ не отлучался безъ разрѣшенія вплоть до выборовъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ съ отлучавшихся брали подписки о возвращеніи ихъ къ надлежащему сроку. Въ Касимовѣ купечество первой и средней статьи обязало старосту „безупустительно“ взыскать денежную пеню съ сорока купцовъ, не явившихся на выборы послѣ многократнаго извѣщенія ихъ о сборѣ. Тѣхъ ослушниковъ, которые оказались бы не въ состояніи заплатить пеню, рѣшено было наказать „тѣлесно батожьемъ, дабы и впредь такъ чинить не отваживались“. Все это было совершенно въ духѣ дореформенныхъ московскихъ порядковъ. Въ томъ же духѣ поступали избиратели, когда выбирали въ депутаты лицъ, почему-либо чуждыхъ мѣстной жизни и вовсе не желавшихъ попадать въ число „излюбленныхъ“. Въ Борисоглѣбской Слободѣ тогдашней Московской губ. избрали въ депутаты купца С. Н. Еболдина, хотя на бумагѣ и принадлежавшаго къ тамошнему обществу, но жившаго въ Выборгѣ. Получивъ депутатское полномочіе и наказъ отъ своихъ избирателей, Еболдинъ сообщилъ подлежащему начальству, что въ Борисоглѣбской Слободѣ у него нѣтъ ни дома, ни торга, и что, кромѣ того, самъ онъ вотъ уже три недѣли, какъ нездоровъ, въ удостовѣреніе чего былъ имъ приложенъ медицинскій „атестатъ“. Началось цѣлое дѣло, восходившее до Сената, который рѣшилъ, что, такъ какъ Еболдинъ во время его выбора еще имѣлъ домъ въ названной слободѣ и былъ здоровъ, а приключившаяся съ нимъ впослѣдствіи болѣзнь не весьма „чрезвычайна“, то онъ не имѣетъ права отказаться отъ исполненія своей депутатской обязанности. Выборгскій губернаторъ выслалъ этого, насильно излюбленнаго человѣка въ Москву для участія въ работахъ Коммиссіи.

Еще болѣе трагикомична была,—съ точки зрѣнія нынѣшняго

европейца, — судьба курскаго депутата Ивана Скорнякова. Проживая въ Нѣжинѣ, онъ отговаривался болѣзнью, которую даже оптимистически настроенный Сенатъ долженъ былъ бы, кажется, признать довольно „чрезвычайной“ для депутата: „затмѣніемъ ума“. Но и этой отговорки не принялъ во вниманіе суровый, магистратъ города Курска. „За недѣльное отбывательство“, Скорняковъ, по предписанію губернатора, высланъ былъ въ Курскъ подъ карауломъ Малороссійской коллегіи, а съ нѣжинскимъ магистратомъ будто бы „закрывавшимъ“ Скорнякова, поступили „по законамъ“

Въ Енисейскѣ роль „излюбленнаго“ умышленно возложена была обывателями на человѣка, пользовавшагося всеобщимъ нерасположеніемъ: нѣкоего Н. С. Самойлова. Напрасно протестовалъ народный избранникъ, говоря, что его выбрали по злобѣ: пришлось ему покориться своей горькой участи. Самойловъ даже принялъ участіе въ исправленіи депутатскаго наказа. Правду говоритъ французская пословица: аппетитъ приходитъ во время ѣды. Но, когда дѣло дошло до подписанія этого наказа, избиратели струсили, вообразивъ, что за это можетъ достаться не только нелюбимому ими излюбленному человѣку, но и имъ самимъ. Кое-какъ затрудненіе уладилось, Самойловъ уѣхалъ въ Москву, и изъ него, говорятъ вышелъ дѣльный членъ Коммиссіи [1]).

Если старо-московскія преданія продолжали жить въ памяти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части обывателей государства россійскаго [2]), то еще прочнѣе коренились они въ головѣ его администраторовъ. Екатерина II утверждала, что ей желательно сдѣлать выборы депутатовъ „вольными“ и предохранить ихъ отъ административнаго давленія. Но мы хорошо знаемъ, до какой степени практика Фелицы расходилась съ ея теоріей. Въ дѣйствительности администрація нисколько не стѣснялась давить на выборы тамъ, гдѣ находила это полезнымъ. Она очень заботилась о томъ, чтобы выборы совершались „съ достодолжнымъ безмолвіемъ и тишиною“; всякое „шумство“ разсматривалось ею,

---

[1]) Объ этой исторіи, разсказанной первоначально С. С. Шашковымъ, см. въ изслѣдованіи г. Флоровскаго: „Составъ законодательной коммиссіи 1767—74 гг.“; въ X выпускѣ записокъ новороссійскаго университета, Одесса, 1915, стр. 407. Тамъ же указаны и другіе, приведенные мною, случаи.

[2]) Впрочемъ, надо замѣтить, что даже въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ демократіяхъ народные избранники не имѣли права отказываться отъ исполненія возложенной на нихъ народомъ политической обязанности. Такъ было, напримѣръ, во Флоренціи XIV-го вѣка (см. F. T. Perrens, La civilisation florentine, Paris, 1893, p. 49).

какъ преступленіе. Если въ Великороссіи рѣдко случалось „шумство", имѣвшее политическое значеніе, то на западныхъ окраинахъ дѣло обстояло иначе. Окраины эти имѣли свои, пріобрѣтенныя въ совершенно другой исторической обстановкѣ, права и вовсе не были расположены отказываться отъ нихъ. Тамошнее населеніе опасалось, какъ бы Коммиссія не уничтожила этихъ правъ, и потому предпочитала совсѣмъ не посылать въ Москву своихъ депутатовъ. Такъ было въ нѣкоторыхъ остзейскихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи. А когда населеніе окраинъ убѣждалось, что посылки депутатовъ избѣжать невозможно, оно, составляя свои наказы, прежде всего ходатайствовало о сохраненіи тѣхъ своихъ привилегій, которыя еще продолжали существовать, и о возстановленіи тѣхъ, которыя уже были отмѣнены центральнымъ правительствомъ [1]). Само собою понятно, что администрація видѣла въ такихъ уклоненіяхъ и пожеланіяхъ лишь „своевольство" и „неблагодарность" по отношенію къ государынѣ, вознамѣрившейся осчастливить своихъ подданныхъ. Малороссійскій генералъ-губернаторъ Румянцевъ писалъ Екатеринѣ изъ Малороссіи:

„Новый проектъ Уложенія не производитъ здѣсь... признанія вашего императорскаго в-ства благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ, ни разсужденіе. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отзывы же у всѣхъ одни: „Зачѣмъ бы намъ тамъ (въ Коммиссіи. *Г. П.*) и быть; наши законы весьма хороши, а буде депутатомъ быть конечно уже надобно, только развѣ бъ искать правъ и привилегій подтвержденія". Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добръ) внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ, всѣмъ искать надлежитъ" [2]).

Подобно Румянцеву, Екатерина рѣшила, что этому „своевольству" долженъ быть положенъ конецъ. „Я надѣюсь,—отвѣчала она Румянцеву,—что вы употребите такія мѣры, которыя непознающихъ собственной своей и общественной пользы степенями приведутъ, наконецъ, къ познанію оной".

Такъ какъ она много раньше Талейрана держалась правила: мы должны пользоваться языкомъ для того, чтобы скрывать

---

[1]) Лифляндскіе дворяне хлопотали о подтвержденіи ихъ привилегій; выборгское дворянство ходатайствовало о сохраненіи тѣхъ привилегій, „коими шведское дворянство въ сихъ завоеванныхъ провинціяхъ пользовались" (sic). См. Сборникъ Имп. Русскаго Историч. общества, томъ 68, стр. 66—67 и 91.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. VI, стр. 315.

свои мысли, то немедленно и тутъ посовѣтовала избѣгать „принужденія или усильныхъ увѣщаній“. Румянцева эта оговорка не обманула. Въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ донесеній онъ сообщалъ своей вольнолюбивой повелительницѣ, что не достало его терпѣнія „симъ вралямъ далѣе попущать“, и что онъ взялъ тонъ прямо „начальничества“. На это она, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣчала ему, что употребленный имъ тонъ начальничества „весьма приличенъ былъ“ [1]). Дѣло „тономъ“ не ограничилось. Въ нѣжинскомъ полку избиратели, недовольные своимъ депутатомъ Селецкимъ, который отказался принять наказъ, требовавшій возстановленія шляхтескихъ вольностей и даже гетманства [2]), выбрали на его мѣсто новаго представителя. Тогда администрація предала „зачинщиковъ непорядка“ суду, военныхъ—военному, а гражданскихъ—гражданскому.

Ихъ обвинили въ томъ, что они „отважились“ нарушить довѣренность депутату Селецкому, „со дня его выбора единственно уже подъ Е. И. В. протекціею состоящему“. Гражданскій судъ приговорилъ подсудимыхъ къ вѣчной ссылкѣ, а военный пошелъ еще дальше: изъ 36 человѣкъ 33 приговорены были имъ къ смерти, остальные 3—къ ссылкѣ! Сенатъ замѣнилъ ссылку шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ отнятіемъ всѣхъ чиновъ. Осужденные на смерть казнены не были. Неизвѣстно, чѣмъ именно замѣнили имъ „лишеніе живота“, но когда въ 1770 г. милостивая Екатерина нашла возможнымъ простить ихъ („Богъ проститъ“), то вѣсть о помилованіи застала ихъ въ тюрьмѣ [3]).

Шляхетство обнаружило болѣе оппозиціонное настроеніе по отношенію къ центральному правительству, нежели другіе слои малорусскаго населенія. Какъ мы видѣли, Румянцевъ находилъ даже, что „простой народъ“ въ Малой Россіи „подлинно добръ“ [4]).

---

[1]) Соловьевъ, тамъ же, стр. 316 и слѣд.

[2]) „Съ вашими наказами въ Москву не ѣду, потому что мнѣ стыдно будетъ ихъ показать“, заявилъ онъ избирателямъ, хотя прежде самъ одобрялъ содержаніе ихъ наказа.

[3]) Подробнѣе объ этомъ см. въ цитированной мною выше статьѣ П. Кудряшева: „Отношеніе населенія къ выборамъ въ „Екатерининскую комиссію“, стр. 532, 533 и слѣд.

[4]) Г. Кудряшевъ говоритъ, что въ Малороссіи, въ эпоху созыва Коммиссіи, зрѣло недовольство и происходило глубокое броженіе „сепаратистнаго характера“ („В. Европы“, 1909, кн. II, стр. 106). Что недовольства было много, это неоспоримо, но чтобы оно имѣло „сепаратискій характеръ“, это очень сомнительно. Въ частности малорусское шляхетство недовольно было тѣмъ, что правительство отказывалось сравнить его въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ. Эта причина его недовольства устранена была Екатериной II въ восьмидесятыхъ годахъ. И тогда,

можно, то надо, чтобы покупать эти товары имѣли право только высокопоставленныя лица [1]). Точно такъ же не слѣдуетъ покупать у иноземцевъ такихъ товаровъ, „кои у насъ въ Россіи обрѣтаются: соль, желѣзо, иглы, стеклянная посуда, скипидаръ, дѣтскія игрушки и пр. Главное дѣло въ томъ, что бы нѣмецкія затейки и прихоти... пріостановить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили“. Въ этомъ отношеніи Посошковъ опять сходился съ западными меркантилистами, гораздо раньше его выдвинувшими тотъ же самый принципъ. Но чтобы иностранцы „не тащили“ денегъ изъ данной страны, она должна по возможности сама производить тѣ товары, которые ввозятся изъ-за границы. Еще болѣе нужно ей позаботиться о производствѣ у себя товаровъ, выдѣлываемыхъ за границей изъ ея же собственнаго сырья. Посошковъ вполнѣ сознательно защищаетъ это правило. Онъ пишетъ: „О семъ же всячески надлежитъ потщиться, чтобы завести въ Руси дѣлати тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то-есть трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки и порусиныя полотна и прочія дѣла, кои изъ Русскихъ матеріаловъ дѣлаются: сіе бо вельми нужно, еже кои матеріалы гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили“ [2]). И Посошковъ опять задумывается о завоеваніи иностранныхъ рынковъ: „Я чаю, что мочно намъ на всю Европу полотенъ наготовить, и предъ ихъ нынѣшнею цѣною гораздо уступнѣе продавать имъ мочно“ [3]). И опять дѣйствительность напоминаетъ ему, что сначала надо научиться ходить на собственныхъ ногахъ. „Трудно намъ тѣ заводы завести“, признается онъ. Но если трудно, то правительство должно взять на себя починъ. „И ради царственнаго обогащенія,—говоритъ Посошковъ,—надлежитъ на такія дѣла въ началѣ состроить домы изъ Царскія казны на пространныхъ мѣстѣхъ въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ хлѣбъ и харчъ дешевле... и наложить на нихъ оброкъ, чтобы люди богатились, а Царская казна множилась“ [4]). Само собою разумѣется, что не слѣдуетъ отказывать въ поддержкѣ и частнымъ предпринимателямъ. Маломочныхъ надо ссужать деньгами „изъ ратуши или откуды Его Императорское Величество повелитъ, дабы всякія дѣла разширялись“ [5]). Наконецъ, надо

---

[1]) Посошковъ стоитъ за то, чтобы всякій чинъ свое опредѣленіе имѣлъ. Даже внутри каждаго сословія, напримѣръ, купеческаго, проектируются имъ особые „чины“, которые, смотря по степени своей зажиточности, могутъ позволять себѣ болѣе или менѣе роскошный образъ жизни.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 148—149.

[3]) Тамъ же, стр. 150.

[4]) Тамъ же, та же стр.

[5]) Тамъ же, стр. 150—151.

какъ можно старательнѣе изслѣдовать естественныя богатства Россіи, которыя Посошковъ считаетъ очень большими: „Я не знаю, чего бы у насъ на Руси не сыскать; да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ, что обрѣтается не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить“ [1]).

Короче, Посошковъ выработалъ цѣлую программу экономической политики. Программа эта заключаетъ въ себѣ всѣ главныя требованія меркантилизма, приспособленныя къ русской соціально-политической обстановкѣ того времени. Весьма знаменательно, что программа эта была выставлена „купецкимъ человѣкомъ“. Конечно, меркантилистами были тогда всѣ русскіе люди, интересовавшіеся экономической политикой: самъ Петръ былъ убѣжденнымъ меркантилистомъ. Но врядъ ли кто-нибудь изъ помощниковъ Петра имѣлъ такую стройную экономическую программу, какъ Посошковъ. Брикнеръ замѣтилъ, что никто изъ птенцовъ Петра не былъ писателемъ-экономистомъ, какимъ можно назвать Посошкова [2]). И это справедливо. Ошибка Брикнера заключается лишь въ томъ, что онъ приписалъ Посошкову такіе передовые взгляды, до какихъ онъ рѣшительно не могъ додуматься при данныхъ общественно-политическихъ условіяхъ. Посошковъ не сдѣлалъ ровно никакихъ открытій въ экономической теоріи, а что касается экономической практики, т.-е. экономической политики, то онъ выставилъ только рядъ такихъ требованій, которыя гораздо раньше его формулированы были западно-европейскими меркантилистами, при чемъ облекъ ихъ въ форму, соотвѣтствовавшую соціально-политической обстановкѣ русской вотчинной монархіи. Когда Брикнеръ говоритъ, что ни Виніусъ, ни Курбатовъ, ни Геннингъ, ни Кирилловъ, ни Татищевъ не могъ бы написать такое сочиненіе, какъ „Книга о скудости и богатствѣ“, онъ опять правъ. Но правъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ думаетъ.

Такой человѣкъ, какъ Татищевъ, навѣрно, обнаружилъ бы больше способности къ обращенію съ экономическими понятіями, нежели Посошковъ, если бы захотѣлъ внимательно вдумываться въ нихъ. Силой мысли онъ, несомнѣнно, превосходилъ Посошкова (объ образованіи, разумѣется, нечего и говорить). Но касательно „правды“, т.-е. управленія и правосудія, которой посвящена значительная часть „Книги о скудости и богатствѣ“, точка зрѣнія „шляхтича“ помѣшала бы Татищеву замѣтить очень многое

---

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 152—153.

[2]) Иванъ Посошковъ.— Часть I, Посошковъ, какъ экономистъ. Спб. 1876, стр. 67.

изъ того, что замѣтилъ „купецкій человѣкъ“ Посошковъ. Самыя сильныя стороны книги Посошкова обязаны своимъ существованіемъ именно тому, что онъ по самому положенію своему не расположенъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на „бремена неудобоносимыя“, наложенныя служилымъ классомъ на работавшую и торговавшую Русь. Взглянувъ на наши тогдашніе порядки съ точки зрѣнія этой Руси, нашъ московскій прогрессистъ, т.-е., значитъ, консерваторъ по преимуществу, сдѣлалъ такія наблюденія, за которыя его посадили въ казематъ, и которыя казались нашимъ бюрократамъ опаснымъ вплоть до эпохи реформъ Александра II.

Мы уже знаемъ, что Посошковъ никакихъ основъ не потрясалъ, а только хотѣлъ утвердить,—правда, расширивъ ихъ со стороны полезной трудящемуся населенію,—старыя основы Московскаго государства. Но тотъ фактъ, что онъ принадлежалъ не къ числу „государевыхъ холоповъ“, а къ числу „государевыхъ сиротъ“, оказалъ очень большое отрицательное вліяніе какъ на ходъ его умственнаго развитія, такъ и на судьбу его проектовъ. Его общественное положеніе помѣшало ему усвоить себѣ европейскія знанія, хотя бы въ томъ объемѣ, въ какомъ усвоивали ихъ птенцы Петровы. Онъ на всю жизнь остался самоучкой стараго московскаго типа. И когда этотъ самоучка придумывалъ какую-нибудь мѣру полезную, по его мнѣнію, для всего государства, ему надо было преодолѣть невѣроятное множество препятствій только для того, чтобы довести о ней до свѣдѣнія власть имущихъ. Еще М. П. Погодинъ отмѣтилъ разсказъ Посошкова о томъ, какъ тщетно пытался онъ добиться свиданія съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ. „Въ 718 году, — повѣствуетъ Посошковъ,—написалъ я доношеніе Е. И. В. о новоначинающихся деньгахъ... И для поданія приходилъ къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщики не могъ получить, ежебы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ его кучеру Куріеву [1]), Егору Сергѣеву, который въ домѣ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему. И вручилъ ли онъ то мое доношеніе... или нѣтъ, про то не вѣмъ“ [2]).

По этому поводу покойный историкъ воскликнулъ: „Курьеръ Макарова былъ вожделѣннымъ меценатомъ для нашего политика!“ Это было въ самомъ дѣлѣ такъ. И это показываетъ, какъ трудно было прійти на помощь къ Петру тѣмъ сторонникамъ его

---

[1]) По предположенію издателя, курьеру.
[2]) Сочиненія, т. I, стр. 251.

реформы, которые не были „шляхтичами“. Если Петръ желалъ, какъ я напомнилъ объ этомъ выше, чтобы „порода“ уступила дорогу „чину“, „выслугѣ“, то практическое значеніе желаніе это могло имѣть только въ предѣлахъ служилаго класса, для лицъ же другихъ классовъ пути къ выслугѣ были почти совершенно закрыты.

Реформа Петра совершилась силами дворянства. Въ лицѣ Посошкова мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, сочувствовавшимъ этой реформѣ, но лишеннымъ возможности принять дѣятельное участіе въ ней. Это вынужденное положеніе сочувствовавшаго наблюдателя, а не дѣятельнаго участника преобразовательныхъ усилій позволяло ему судить объ ихъ результатахъ, не вдаваясь ни въ какія преувеличенія на ихъ счетъ. И надо признать, что было много-много пессимизма въ его отзывахъ объ этихъ результатахъ.

„Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ... трудитъ себя, да ничего неуспѣетъ,—писалъ Посошковъ,—потому что пособниковъ по его желанію не много: Онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то како дѣло его споро будетъ?“ [1]).

Надо замѣтить, что этотъ такъ часто цитируемый отзывъ, относится у Посошкова собственно къ стараніямъ Петра водворить правосудіе въ Россіи. Но даже введенный въ эти сравнительно узкіе предѣлы, онъ лишній разъ напоминаетъ о томъ, что далеко не все обстояло благополучно въ „обновленной“ Россіи. И тѣмъ самымъ онъ выгодно отличаетъ Посошкова отъ тѣхъ безусловныхъ панегиристовъ, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, принадлежалъ даже Ломоносовъ.

2. М. В. Ломоносовъ.

То обстоятельство, что Россія была самодержавно-шляхетскимъ государствомъ, опредѣлило, между прочимъ, какъ ходъ просвѣщенія въ нашей странѣ, такъ и степень его доступности для различныхъ общественныхъ классовъ. „Шляхетство“, особенно въ лицѣ тѣхъ своихъ представителей, которые „тѣснились у трона“, имѣло сравнительно легкую возможность удовлетворить потребность въ знаніи, разъ она возникала у него. Въ Россіи XVIII вѣка оно даже обязано было учиться и подвергалось отвѣтственности за неисполненіе этого своего долга [2]). Наоборотъ, тяглая

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 95.

[2]) Кто по той или по другой причинѣ стоялъ близко къ трону, имѣлъ возможность не только просвѣщать самого себя, но и „командовать“ просвѣщеніемъ. Кириллъ Разумовскій въ 18 лѣтъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ.

Русь обязана была доставлять средства для дворянскаго просвѣщенія, пребывая въ той же темнотѣ, въ какой прозябала она до петровской реформы. Правда, правительство вынуждено было привлекать въ школы не только шляхетскихъ дѣтей: образованныхъ „шляхтичей" не хватало для служенія многочисленнымъ нуждамъ государства. Но даже на школьной скамьѣ разночинцы не смѣшивались съ дворянами. Когда въ Москвѣ возникъ университетъ, тамъ же основано было для подготовки слушателей двѣ гимназіи: одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ. Въ Петербургѣ, гдѣ была одна только гимназія при Академіи Наукъ, правилами 1750 года предписывалось „обучающимся въ гимназіи изъ шляхетства и другихъ знатныхъ чиновъ людей дѣтямъ сидѣть за особеннымъ столомъ, а которые не знатныхъ отцовъ дѣти, тѣхъ отдѣлять особо [1]). По всему видно, что дворянство очень дорожило этими отличіями. Мы знаемъ, какъ заботился просвѣщенный Татищевъ о томъ, чтобы, въ дѣлѣ ученья, шляхетство „отъ подлости отдѣлено было".

Наконецъ, необходимо помнить, что къ числу счастливцевъ, имѣвшихъ хотя бы и очень нелегкій доступъ въ среднюю и высшую школу, не принадлежали дѣти многочисленныхъ крѣпостныхъ людей.

Выходитъ, что Некрасовъ слишкомъ оптимистически представлялъ себѣ положеніе дѣлъ на нашей родинѣ, когда писалъ въ своемъ стихотвореніи „Школьникъ":

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай...

Что русская „природа" отнюдь не бездарна, объ этомъ нечего и говорить. Но, къ сожалѣнію, даровитые люди изъ русской народной среды слишкомъ часто лишены были возможности развить свои духовныя силы и сдѣлаться „славными". Общественно-политическій строй загораживалъ русской народной массѣ дорогу къ знанію. Это до такой степени вѣрно, что возникло преданіе, согласно которому „архангельскій мужикъ", упоминаемый въ томъ же стихотвореніи Некрасова, отворилъ себѣ дверь въ школу только посредствомъ обмана.

Разсказываютъ, что, стремясь попасть въ Славяно-Греко-Латинскую Академію, Ломоносовъ выдалъ себя за сына священника

---

[1]) В. В. Каллашъ. Очерки по исторіи школы и просвѣщенія. Москва, 1902 стр. 96.

(по другому извѣстію дворянина), такъ какъ туда принимали учениковъ только изъ среды дворянства и духовенства. Потомъ, опасаясь наказанія за эту ложь, онъ будто бы открылся Ѳеофану Прокоповичу, который сказалъ ему: „Не бойся ничего; хотя бы со звономъ въ большой колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ“

Съ фактической стороны этотъ разсказъ сомнителенъ. Однако se e non e vero, e ben trovato. Въ немъ есть своя правда. Вѣрно то, что „ученая дружина“, къ которой принадлежалъ Прокоповичъ, больше, нежели кто-нибудь, должна была сочувствовать успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи. Въ разсказѣ позабыто одно: эта дружина тоже совсѣмъ не чужда была сословныхъ предразсудковъ. И уже совсѣмъ вѣрно изображено въ разсказѣ крайне затруднительное положеніе даровитыхъ молодыхъ людей, рвавшихся къ свѣту, но не имѣвшихъ счастія принадлежать къ сословіямъ болѣе или менѣе привилегированнымъ. Въ виду этого крайне затруднительнаго положенія возникаетъ вопросъ: какъ же все-таки вышло, что крестьянское происхожденіе не помѣшало молодому Михаилу Ломоносову сдѣлаться наиболѣе выдающимся русскимъ ученымъ XVIII столѣтія?

Само собою разумѣется, что ему помогла „природа“, одарившая его огромными способностями. Однако однѣхъ способностей было мало: необходимо было добиться возможности примѣнить ихъ къ дѣлу. Откуда вырвалъ ее даровитый крестьянскій юноша?

Тутъ, прежде всего, надо вспомнить ту „благородную упрямку“, о которой не безъ гордости говорилъ впослѣдствіи самъ Ломоносовъ, и которая дѣйствительно была ему въ высшей степени свойственна. Въ письмѣ къ И. И. Шувалову онъ такъ разсказывалъ о своей жизни въ „Спасскихъ школахъ“ (т.-е. въ названной выше московской Академіи).

„Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ... Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня отдадутъ, которые и въ мою бытность предлагали; съ другой стороны, школьники малые

ребята кричать и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться".

Что и говорить! Много „благородной упрямки" обнаружилъ тогда юный „архангельскій мужикъ". Но и она ничего не объясняетъ. Остается непонятнымъ, какъ же могъ попасть въ школу хотя бы и очень даровитый крестьянскій сынъ при тогдашнемъ положеніи крестьянской массы.

Чтобы понять это, мы должны принять въ соображеніе, что Ломоносовъ родился на сѣверѣ, гдѣ крестьянство издавна жило не совсѣмъ такъ, какъ въ другихъ частяхъ русскаго государства. Нельзя сказать, чтобы тамъ совсѣмъ не было крупнаго землевладѣнія: сѣверъ имѣлъ немало монастырей, владѣвшихъ землею и располагавшихъ рабочей силой подчиненныхъ имъ крестьянъ. Но это было только полбѣды. Другая, горшая половина, отсутствовала: тамъ не было помѣстнаго землевладѣнія. Это не могло не оказать благотворнаго вліянія на характеръ и привычки мѣстнаго населенія, которое, кромѣ того, еще отъ временъ „господина Великаго Новгорода" вело очень подвижный образъ жизни и отличалось болѣе независимымъ характеромъ, чѣмъ жители коренныхъ московскихъ областей. Независимость характера сопровождалась болѣе высокой культурой. Ломоносовъ научился читать еще у себя на родинѣ. Правда, его мать была дочерью дьякона, однако учился онъ не у нея, потому что она умерла слишкомъ рано. Правда и то, что, подстрекаемый мачехой, отецъ часто журилъ его за „пустую" трату времени на книги. Но не всѣ его односельцы относились къ ученью такъ пренебрежительно. Есть извѣстіе о томъ, что грамотѣ выучилъ его крестьянинъ Шубный, который будто бы и внушилъ ему мысль объ отходѣ въ Москву. У другого крестьянина той же деревни, Христофора Дудина, Ломоносовъ досталъ сдѣланное Симеономъ Полоцкимъ стихотворное переложеніе псалтыри, грамматику Смотрицкаго и ариѳметику Магницкаго. Подмосковный крестьянинъ Посошковъ мечталъ о томъ, чтобы не было ни одной деревни безъ грамотнаго человѣка. Въ Денисовкѣ эта мечта была дѣйствительностью. И то, что она была тамъ дѣйствительностью, значительно облегчило первый шагъ геніальнаго крестьянина-мальчика на его пути къ свѣту—знанію.

Но еще прежде, нежели научиться читать, юный Ломоносовъ научился путешествовать и выносить лишенія, всегда связанныя съ тѣмъ родомъ путешествій, который выпадалъ на долю трудящагося народа. Отецъ его занимался морскими рыбными промыслами и, уѣзжая изъ дому, часто бралъ сына съ собою. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что величественныя явленія сѣверной

природы впервые заронили въ душу геніальнаго юноши нерѣдко повторявшуюся имъ впослѣдствіи мысль о Божьемъ могуществѣ. Это, конечно, возможно, хотя, какъ увидимъ ниже, мысль эта могла имѣть другое происхожденіе. Но что кажется неоспоримымъ, такъ это то, что раннія, богатыя трудностями и приключеніями путешествія Ломоносова закаляли его характеръ и сообщали ему „благородную упрямку". Еще болѣе вѣроятнымъ считаю я то соображеніе, что, родись Ломоносовъ въ какой-нибудь помѣщичьей деревнѣ центральной Россіи, ему, пожалуй, не пришлось бы сопровождать своего отца дальше, какъ до господской усадьбы и до господской пашни, и тогда отходъ изъ дому въ Москву,— если бы Ломоносовъ и сталъ задумываться о немъ,—показался бы ему слишкомъ затруднительнымъ или даже прямо несбыточнымъ. Наконецъ, если бы онъ все-таки ушелъ, то правило, запрещавшее принимать въ школы крѣпостныхъ дѣтей, явилось бы, можетъ быть, самымъ большимъ препятствіемъ на его пути къ свѣту.

Мы видимъ отсюда, что архангельскій мужикъ сталъ разуменъ и великъ не только по своей и Божьей волѣ.

Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что онъ былъ, именно, архангельскимъ мужикомъ, мужикомъ-поморцемъ, не носившимъ крѣпостного ошейника.

Теперь взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Тамъ, гдѣ отсутствовалъ служилый классъ, не могло быть и борьбы съ нимъ, а слѣдовательно—не могло быть и настроенія, создаваемаго классовой борьбою. Въ смутное время, когда Болотниковъ поднималъ крѣпостныхъ крестьянъ и холоповъ, поморцы не только не пошли за нимъ, но, напротивъ, поддержали московское правительство царя Василія. Да и потомъ ихъ усилія способствовали возстановленію стараго, расшатаннаго смутой, соціальнаго строя Московскаго государства. Въ одушевлявшемъ ихъ духѣ независимости не было ничего бунтовского, ничего, толкающаго на „потрясеніе" какихъ-либо „основъ".

Ровно ничего похожаго на склонность къ потрясенію какихъ-либо основъ не замѣтно и во взглядахъ Ломоносова. Юношескіе годы, проведенные имъ на родинѣ, оставили въ его душѣ богатый запасъ впечатлѣній. Но впечатлѣнія эти порождены были преимущественно картинами природы и борьбою съ нею за существованіе. Взаимныя отношенія людей въ обществѣ, т.-е. взаимныя отношенія общественныхъ классовъ, никогда не возбуждали въ немъ такого интереса, съ какимъ относился къ нимъ Посошковъ. Въ высокой степени свойственная Ломоносову „благородная упрямка" сдѣлали изъ него человѣка, умѣвшаго охра-

нять свое достоинство въ то печальное время, когда образованные разночинцы,—вспомнимъ несчастнаго Третьяковскаго,—покорно гнули шею передъ разнаго рода „милостивцами“. Правда, и Ломоносову приходилось искать покровительства Ив. Ив. Шувалова: безъ покровителей тогда нельзя было обойтись. Но ища покровительства, онъ умѣлъ охранять свою гордую независимость. „Не только у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтителей дуракомъ быть не хочу, — писалъ онъ тому же Шувалеву, заподозривъ его въ желаніи поиздѣваться надъ нимъ,— но ниже у самаго Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ“ [1]). Можно ли не согласиться съ тѣмъ, что „упрямка“, подсказавшая эти слова, была поистинѣ благородной упрямкой? Но духъ личной независимости очень хорошо уживался у Ломоносова съ почти полнымъ — чтобы не сказать просто полнымъ — равнодушіемъ къ основнымъ вопросамъ общественнаго устройства. Н. Буличъ замѣтилъ, что Ломоносовъ не видѣлъ темныхъ сторонъ петровской реформы. Онъ могъ бы сказать больше того: Ломоносовъ не видѣлъ также и темныхъ сторонъ современнаго ему русскаго общественнаго порядка. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно даровитый и разносторонне ученый поморецъ далеко отсталъ отъ подмосковнаго „купецкаго человѣка“, самоучки Посошкова, такъ страстно искавшаго доступной его уму „правды“ въ соціальныхъ отношеніяхъ

Казалось бы, что запрещеніе принимать въ школы крѣпостныхъ дѣтей должно было вызывать со стороны Ломоносова самое рѣшительное осужденіе. Вѣдь онъ по собственному опыту зналъ, какъ трудно было попадать на школьную скамью дѣтямъ тяглой Руси. Прекрасно зналъ онъ и то, что на Западѣ тогда не существовало сословныхъ перегородокъ въ дѣлѣ образованія. „Другія европейскія государства, — писалъ онъ, разбирая академическій регламентъ 1747 года, — наполнены людьми учеными всякого званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, хтобы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился; а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь въ россійскомъ государствѣ ученыхъ людей мало; дворянамъ для безпорядку ранговъ нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть, сочинитель думалъ, что государству великая тягость, ежели оно 40 алтынъ (подушной подати. *Г. П.*) въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина“... Но. критикуя

---

[1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные академ. Билярскимъ, стр. 487.

„сочинителя“ регламента, Ломоносовъ не говоритъ, — какъ навѣрно, сказалъ бы Посошковъ,—что надо позволить „положеннымъ въ подлинный окладъ“ учиться, гдѣ они пожелаютъ. Онъ не идетъ такъ далеко, онъ хотѣлъ бы только добиться извѣстныхъ послабленій для болѣе зажиточныхъ слоевъ народа. Онъ спрашиваетъ: „Чѣмъ тѣ виноваты, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ囗 коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ (sic) людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ?“

Что это значитъ? То ли, что Ломоносовъ, не надѣясь добиться всего, предпочиталъ получить отъ начальства хоть что-нибудь? Или же то, что „хорошіе люди посадскіе“ были ближе сердцу гордаго поморца, нежели помѣщичьи крѣпостные крестьяне? Очень можетъ быть и то и другое.

Г. Сухоплюевъ писалъ недавно, что въ своей извѣстной запискѣ „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“ Ломоносовъ „по существу требовалъ ограниченія правъ дворянъ надъ ихъ крѣпостными“ [1]). Какой характеръ имѣло это требованіе, показываетъ то мѣсто названной записки, гдѣ говорится о крестьянскихъ побѣгахъ.

Изъ пограничныхъ областей крѣпостные уходили за границу и тѣмъ самымъ переставали существовать для государства, превращаясь для него въ живыхъ покойниковъ, по образному выраженію Ломоносова. Правительство множило караулы на русскомъ рубежѣ. Ломоносовъ находитъ, что эта мѣра цѣли не достигаетъ, такъ какъ, — опять по его же образному выраженію, — столь великой скважины силою не запрешь. Остается только прибѣгнуть къ мѣрамъ кротости.

„Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отяготѣній и отъ солдатскихъ наборовъ, — говоритъ Ломоносовъ. — И такъ, мнѣ кажется, лучше пограничныхъ съ Польшею жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству“ [2]).

Во всей запискѣ это единственное мѣсто, гдѣ нашъ авторъ касается положенія крѣпостныхъ крестьянъ. Но касается онъ его, какъ видимъ, не „по существу“, а единственно по тому побочному поводу, что крестьянскіе побѣги уменьшаютъ населеніе

---

[1]) „Взгляды Ломоносова на политику народонаселенія“ въ „Ломоносовскомъ сборникѣ“, 1911 г., стр. 193.

[2]) См. третій выпускъ „Бесѣдъ въ Обществѣ любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ“, стр. 85—86. Москва, 1871 г.

государства. Но замѣчательно, что Ломоносовъ не рѣшается выступить съ проектомъ какихъ-нибудь ограниченій помѣщичьихъ правъ, хотя бы только въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Онъ только совѣтуетъ облегчить тамъ гнетъ податей и тяжесть солдатскихъ наборовъ. Это какъ нельзя болѣе осторожно. Правда, онъ обѣщаетъ предложить еще другіе „способы" въ запискѣ о просвѣщеніи и объ исправленіи народныхъ нравовъ. Записка эта до насъ не дошла. Однако нѣтъ никакого основанія предполагать, что Ломоносовъ высказывалъ въ ней болѣе широкій взглядъ на задачи государства по отношенію къ крѣпостному крестьянству.

Редакція „Москвитянина", еще въ началѣ сороковыхъ годовъ напечатавшая записку о размноженіи россійскаго народа, тогда же замѣтила отъ себя: „Великій ученый и литераторъ не оставлялъ ни одного государственнаго и народнаго вопроса безъ вниманія! Обо всемъ думалъ и обо всемъ имѣлъ собственныя мысли и предположенія" [1]). Это вѣрно. Нельзя не удивляться широтѣ умственныхъ интересовъ Ломоносова. Въ письмѣ къ И. И. Шувалову, сопровождавшемъ записку о народномъ размноженіи, онъ говорилъ, что у него есть еще много замѣтокъ, „простирающихся къ приращенію общей пользы", и что онѣ могутъ быть распредѣлены по такимъ отдѣламъ:

1) о размноженіи и пр. (уже извѣстная намъ записка);
2) о истребленіи праздности;
3) о исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи;
4) о исправленіи земледѣлія;
5) о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ;
6) о лучшихъ пользахъ купечества,
7) о лучшей государственной экономіи;
8) о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира.

Когда онъ находилъ время думать обо всѣхъ этихъ вопросахъ? Хорошо выразился Пушкинъ, назвавъ его нашимъ первымъ университетомъ. Однако не всѣ факультеты этого университета работали съ одинаковымъ прилежаніемъ и съ равнымъ успѣхомъ. Призваніемъ Ломоносова являлось естествознаніе. Тутъ онъ былъ глубокъ и оригиналенъ. Наоборотъ, въ общественныхъ вопросахъ онъ разбирался не очень хорошо, и потому „мысли, простирающіяся къ приращенію общей пользы", не были ни глубоки ни оригинальны.

---

[1]) „Москвитянинъ", 1842 г., кн. 1. Матеріалы для исторіи россійской словесности. стр. 126, примѣчаніе. Записка Ломоносова напечатана тамъ съ пропусками.

Кто внимательно прочтетъ записку о народномъ размноженіи, тотъ съ увѣренностью скажетъ, что въ этого рода замѣткахъ Ломоносова вообще не могло быть критическихъ взглядовъ на основы нашего общественнаго строя. Мы уже видѣли, какъ поверхностно рѣшалъ онъ вопросъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ порубежныхъ губерніяхъ Россіи. Теперь обратимъ вниманіе на нѣчто еще болѣе замѣчательное.

Предложенное имъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса сопровождается такой фразой: „Для расколу много уходитъ россійскихъ людей на Вѣтку; находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ?“ [1]).

Очень похоже на то, что Ломоносовъ совѣтовалъ правительству воспользоваться „военнымъ случаемъ“ для насильственнаго возвращенія нашихъ бѣглецовъ, поселившихся на Вѣткѣ. Надо сознаться, что „по существу“ это было бы не весьма умной мѣрой борьбы съ побѣгами раскольниковъ. Отъ Ломоносова можно было бы ожидать другого. Но въ томъ-то и дѣло, что въ вопросахъ этого рода онъ разбирался весьма плохо [2]).

Дѣлая оцѣнку соображеній, заключающихся въ запискѣ Ломоносова, г. Сухоплюевъ говоритъ, между прочимъ, что ея авторъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ эвдаймонистической философіи, будто бы впервые систематизированной Хр. Вольфомъ. „Содѣйствовать достиженію общаго счастья, доставлять благосостояніе всѣми полицейскими мѣропріятіями во имя естественнаго права составляетъ обязанность и право государственной власти,— поясняетъ г. Сухоплюевъ,—таково было убѣжденіе Хр. Вольфа. Подобно Вольфу, Ломоносовъ стремится къ достиженію общаго счастья, убѣжденъ въ незыблемости велѣній естественнаго права, возлагаетъ преувеличенныя надежды на всемогущество правительственной дѣятельности“ [3]).

На основаніи этихъ словъ г. Сухоплюева можно подумать, что эвдаймонизмъ, будучи приведенъ въ систему, непремѣнно

---

1) „Бесѣда“, вып. III, стр. 85. Записка помѣчена первымъ ноября 1761 г., т.-е. относится ко времени Семилѣтней войны.

2) „Московскій Сборникъ“, стр. 209.

3) Ломоносовъ намекалъ на средство, уже испытанное нашей администраціей. Въ 1733—1734 гг. русскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ въ Польшу, силой возвращали оттуда, пользуясь пребываніемъ на польской территоріи нашихъ войскъ, поддерживавшихъ кандидатуру Августа III вопреки явно выраженной волѣ огромнѣйшаго числа законныхъ избирателей. Мысль о нѣкоторомъ облегченіи участи крестьянъ пограничныхъ мѣстностей тоже высказывалась раньше, нежели къ ней пришелъ Ломоносовъ. Въ 1735 г. смоленскій губернаторъ А. Бутурлинъ предложилъ ее правительству, придавъ ей поистинѣ комическую форму (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 1435).

долженъ держаться точки зрѣнія полицейскаго государства. Это огромное и даже весьма комичное заблужденіе [1]). Но вѣрно то, что Вольфъ былъ сторонникомъ полицейскаго государства, и что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Ломоносовъ шелъ за нимъ. Если бы это было иначе, то нашъ великій ученый не далъ бы совѣта возвращать домой бѣглыхъ раскольниковъ съ помощью военной силы. И если бы его общественные взгляды проникали за предѣлы полицейскаго государства, то онъ и на положеніе крестьянъ взглянулъ бы не только подъ угломъ казеннаго интереса.

Какъ и для Вольфа, идеаломъ для Ломоносова являлось полицейское государство, руководимое просвѣщеннымъ абсолютнымъ монархомъ. Въ проектахъ тѣхъ мѣропріятій, которыя рекомендуетъ Ломоносовъ для сохраненія и размноженія народа, видна непоколебимая вѣра во всемогущество попечительнаго и просвѣщеннаго начальства. Вѣра эта подкрѣплялась у Ломоносова примѣромъ недавняго царствованія Петра Перваго.

Онъ признаетъ, что много препятствій стоитъ на пути къ исправленію указанныхъ имъ недостатковъ, но не надо этимъ смущаться. Препятствія эти „не больше опасны, какъ заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, сообщаться обходительствомъ съ иновѣрными, уничтожить боярство, патріаршество и стрѣльцовъ, и вмѣсто ихъ учредить Правительствующій сенатъ, Святѣйшій синодъ, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое мѣсто и новый годъ въ другой мѣсяцъ! Россійскій народъ гибокъ!“ [2]).

Интересенъ ближайшій поводъ, по которому онъ выражаетъ свою увѣренность въ гибкости нашего народа. Ломоносовъ находилъ, что наши посты и сопровождающія ихъ разговѣнья приносятъ большой вредъ народному здоровью: „Бѣдный желудокъ, привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать тучныя и сальныя брашна въ сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы, и не имѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренныя яденія по жиламъ посылаетъ: онѣ спираются, пресѣкается теченіе крови, и душа изъ тѣсноты тѣла прямо улетаетъ“. Въ доказательство онъ ссылается на церковныя записи, изъ которыхъ можно, по его словамъ, узнать, въ какое время года у поповъ выходитъ всего больше меда на кутью. Обычай поститься возникъ въ тепломъ кли-

---

[1]) Надо еще прибавить, что Вольфъ не былъ такимъ безусловнымъ сторонникомъ эвдаймонизма, какъ это думаетъ г. Сухоплюевъ.

[2]) „Записка“, стр. 81.

матѣ, дѣлавшемъ извѣстное воздержаніе отъ пищи безвреднымъ для здоровья. Нашъ климатъ — совсѣмъ другой. Кромѣ того, мы должны помнить, что Богу пріятнѣе, „когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу", и что злой человѣкъ, обижающій своихъ ближнихъ, не получитъ прощенія отъ Бога, „хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ" [1]). Это разсужденіе вполнѣ одобрили бы всѣ просвѣтители.

Просвѣтителемъ является передъ нами Ломоносовъ и въ остальныхъ частяхъ записки. Такъ, напримѣръ, онъ осуждаетъ обычай крестить младенцевъ зимою въ холодной водѣ. Онъ совѣтуетъ „принудить властію, чтобы всегда крестили водою лѣтней въ разсужденіи теплоты равною". Жалуется онъ еще на то, что у насъ въ народѣ не имѣютъ понятія о повивальномъ искусствѣ и о лѣченіи дѣтскихъ болѣзней. Большое препятствіе къ размноженію народа видитъ онъ также въ „насильномъ" и въ „неравномъ супружествѣ". Подъ неравнымъ супружествомъ онъ понимаетъ большую разницу въ возрастѣ между брачущимися Онъ думаетъ, что невѣста не должна быть старше жениха больше, чѣмъ двумя годами, а женихъ не долженъ быть старше ея на пятнадцать лѣтъ. „Насильное" супружество есть супружество вопреки волѣ одного изъ брачущихся лицъ или обоихъ. „Гдѣ любви нѣтъ, не надежно и плодородіе", замѣчаетъ Ломоносовъ [2]).

Запомнимъ еще его протестъ противъ постриженія въ монашество молодыхъ людей обоего пола. Онъ совѣтовалъ „клобукъ запретить мужчинамъ до 50, а женщинамъ до 45 лѣтъ".

Наконецъ, онъ хотѣлъ бы, чтобы правительство учредило „богадѣленные домы" для незаконнорожденныхъ.

Исходной точкой всѣхъ этихъ, — въ своемъ родѣ весьма разумныхъ, — проектовъ служитъ государственный интересъ. Собственный интересъ жителей уходитъ изъ поля зрѣнія Ломоносова. Да и забота о государственномъ интересѣ подсказываетъ ему только такія мѣры, которыя рѣшительно ни въ чемъ не измѣнили бы установившихся на Руси общественныхъ отношеній.

Ломоносовъ могъ возмущать духовенство своими свободными разсужденіями о постахъ или своимъ насмѣшливымъ гимномъ бородѣ. Но въ общественномъ смыслѣ онъ всегда оставался полнымъ и, конечно, вполнѣ искреннимъ консерваторомъ.

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Тамъ же, стр. 84.

Вольфъ тоже былъ консерваторомъ, хотя его ненавидѣли протестантскіе ортодоксы и піетисты. Но мы ошиблись бы, если бы приписали вліянію Вольфа консерватизмъ нашего геніальнаго поморца. Въ немъ было слишкомъ много самостоятельности для того, чтобы онъ безъ критики подчинился чьему-нибудь вліянію. Болѣе основательнымъ представляется то предположеніе, что Ломоносовъ усвоилъ консервативное міросозерцаніе Вольфа именно потому, что у него самого не было никакой склонности критиковать существовавшій у насъ тогда общественный порядокъ.

Въ отличіе отъ французскихъ просвѣтителей, нѣмецкіе были полны духа компромисса. Взгляды Вольфа надо разсматривать, какъ всесторонне обдуманную попытку устранить изъ просвѣтительной философіи все то, что могло бы привести ее въ сколько-нибудь серьезное противорѣчіе съ германской дѣйствительностью. Но для того, чтобы избѣжать такого столкновенія, освободительная философія непремѣнно должна была, между прочимъ, провозгласить миръ между религіей и наукой: миръ этотъ былъ провозглашенъ еще Лейбницемъ, затратившимъ очень много ума на безнадежное дѣло его теоретическаго оправданія. Вольфъ высказывался за такой миръ, пожалуй, еще энергичнѣе, нежели Лейбницъ. Онъ категорически и настойчиво утверждалъ, что разсказы, содержащіеся въ книгахъ Ветхаго и Новаго завѣта нисколько не противорѣчатъ разуму. Въ своей теологіи онъ отводилъ широкое мѣсто физико-теологическому доказательству бытія Божія. И во всемъ этомъ Ломоносовъ твердо шелъ по слѣдамъ своего учителя. Его „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ заканчивается такимъ обращеніемъ къ Богу:

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный царь.

Положимъ, самъ Вольтеръ охотно прибѣгалъ къ физико-теологическому доказательству бытія Божія и нерѣдко принимался хвалить творца, указывая на „тварь“. Вольтеръ былъ убѣжденнымъ деистомъ. Однако фарнейскій патріархъ всю жизнь стремился „écraser l'infame“, между тѣмъ, какъ Ломоносовъ, подобно Вольфу, никогда не задавался подобной цѣлью. Его раціоналистическія разсужденія о постѣ могли не нравиться духовенству, но, на самомъ дѣлѣ, въ нихъ не заключалось ничего опаснаго для церкви.

Если въ своемъ отношеніи къ ней Ломоносовъ не былъ безусловнымъ консерваторомъ, то лишь постольку, поскольку не былъ имъ самъ Петръ Первый, его идеалъ монарха-просвѣтителя. Петръ безъ церемоніи наложилъ свою желѣзную руку на русское духовенство. Но, окончательно подчиняя церковь центральной власти, онъ не потерпѣлъ бы никакихъ нападокъ на ея догматы. Никогда не нападалъ на нихъ и никогда не сомнѣвался въ нихъ и Ломоносовъ.

Онъ и тутъ ни мало не расположенъ былъ къ потрясенію какихъ-либо основъ. Онъ высказывалъ твердое убѣжденіе въ томъ, что научная истина и религіозная вѣра „суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго родителя“ и что онѣ „никогда между собою въ распрю прійти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на ихъ вражду всклепнетъ“. Нужно ли было ему въ дѣтствѣ видѣть величественныя картины сѣверной природы, чтобъ въ зрѣлые годы составить себѣ такое убѣжденіе? Нѣтъ! Убѣжденіе это раздѣляли тогда всѣ нѣмецкіе просвѣтители, никогда не бывавшіе на сѣверѣ. Чтобы прійти къ нему, нужно было только не имѣть того оппозиціоннаго настроенія, которое въ тогдашней Франціи такъ часто и такъ сильно ссорила науку съ вѣрой. А его-то и не имѣлъ Ломоносовъ.

Что его стихотворныя размышленія о Божьемъ величіи проникнуты полной искренностью, это доказывается тѣмъ духомъ поэзіи, который, безспорно, пропитываетъ ихъ. Въ этихъ своихъ произведеніяхъ Ломоносовъ обнаруживаетъ несравненно больше поэтическаго вдохновенія, нежели въ своихъ одахъ. Но поэтомъ несомнѣннымъ, глубоко чувствующимъ поэтомъ, онъ становится тогда, когда смотритъ на вселенную не съ точки зрѣнія того или другого миѳа, а съ точки зрѣнія современнаго ему естествознанія. такъ хорошо ему знакомаго. Онъ восклицаетъ:

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Языкъ тутъ, разумѣется, тяжелъ, какъ тяжелъ онъ нерѣдко даже въ наиболѣе удачныхъ стихотвореніяхъ той эпохи. Но дыханіе космической поэзіи чувствуется здѣсь въ такой же мѣрѣ, какъ и въ „Вечернемъ размышленіи о Божіемъ величествѣ“:

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна.
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
. . . .
Уста премудры намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ и т. д.

Странно, что Пушкинъ, обладавшій такимъ тонкимъ критическимъ чутьемъ и, въ общемъ, судившій такъ поразительно вѣрно о стихотворной дѣятельности Ломоносова, не обратилъ, вниманія на эту ея сторону. Если, какъ замѣтилъ онъ самъ, вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній, то надо признать, что, именно, научное представленіе о космосѣ располагала душу Ломоносова къ живѣйшему принятію впечатлѣній, получавшихся имъ отъ картинъ природы.

Горячій сторонникъ просвѣщенія, Ломоносовъ не могъ не преклониться передъ монархомъ, который „предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знанія распространить въ отечествѣ, и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить [1]). Непріятно дѣйствуютъ на нынѣшняго читателя только огромныя преувеличенія въ похвальныхъ отзывахъ его о первомъ русскомъ императорѣ. Онъ заявляетъ, напримѣръ, „ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго необрѣтаю“ [2]). Кажется, что дальше итти въ этомъ направленіи не возможно. Но Ломоносовъ идетъ дальше.

„А за великія отечеству заслуги,—читаемъ мы въ томъ же похвальномъ словѣ,—названъ онъ (Петръ. *Г. П.*) отцомъ отечества. Однако малъ ему титулъ. „Скажите, какъ Его назовемъ за то, что Онъ родилъ Дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ

[1]) Соч. М. В. Ломоносова, изд. Ак. Наукъ, т. IV, стр. 368.
[2]) Тамъ же, стр. 368 (Похвальное слово Петру).

враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?“ [1]).

Громкій титулъ отца отечества „малъ“ для Петра, потому что онъ „родилъ“ Елизавету! Это уже слишкомъ даже съ точки зрѣнія собственной риторики Ломоносова, согласно которой „штиль въ панегирикѣ, а особливо въ заключеніи долженъ быть важенъ и великолѣпенъ, и при томъ уклоненъ и пріятенъ“ [2]). Надо прямо сказать: „штиль“ похвальныхъ словъ Ломоносова непріятенъ. Онъ заставляетъ вспоминать не только о панегирикѣ Плинія Младшаго Траяну, на который указывали наши изслѣдователи, какъ на образецъ, избранный Ломоносовымъ, но и о тѣхъ панегирикахъ IV столѣтія, въ которыхъ римскіе ораторы временъ упадка превозносили тогдашнихъ владыкъ Рима. Непріятно чувствуешь себя, когда невольно приходятъ въ голову такія невыгодныя для великаго „архангельскаго мужика“ сравненія. Конечно, царствованіе Елизаветы дало кое-кому возможность облегченно вздохнуть послѣ тираніи Бирона. Но мы знаемъ теперь, что общее положеніе страны очень мало улучшилось и при Елизаветѣ. Это очень хорошо видѣли наблюдательные современники [3]). Неужели не видѣлъ этого очень наблюдательный Ломоносовъ? А если видѣлъ, то откуда почерпалъ онъ свой восторгъ? Какъ могъ онъ воспѣвать „блаженства дней своихъ?“ Можно сказать, пожалуй, что не одинъ онъ готовъ былъ писать панегирики власть имущимъ. Однако это не отвѣтъ. Своими рѣдкими дарованіями Ломоносовъ такъ сильно возвышался надъ окружавшею его средою, что могъ бы хоть немного отклониться отъ установившагося въ ней обычая. Вѣдь умѣлъ же онъ говорить съ И. Шуваловымъ такимъ языкомъ, какимъ не имѣли обыкновенія говорить съ „милостивцами“ другіе образованные разночинцы того времени. Разгадка въ томъ, что иное дѣло Шуваловъ, а иное дѣло Петръ и его „дщерь“. Чтобы написать знакомое намъ письмо къ Шувалову, достаточно было духа личной независимости и „благородной упрямки“, а чтобы усмотрѣть черныя стороны петровской реформы и царствованія Елизаветы нужна была такая склонность къ обдумыванію важнѣйшихъ общественныхъ

---

[1]) Сочиненія, т. IV, стр. 390. Я вездѣ сохраняю правописаніе подлинника.

[2]) Сочиненія, т. III, стр. 70.

[3]) Въ 1757 г. голландскій посланникъ писалъ: „Общество въ Россіи представляетъ ужасающую картину распущенности и безпорядка, распаденіе всѣхъ связей гражданскаго общества. Императрица видитъ и слушаетъ только Шувалова (очевидно, П. И. Шувалова. *Г. П.*), не безпокоится ни о чемъ и продолжаетъ свой привычный образъ жизни. Она буквально покинула свое государство на разгромленіе“ („Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ“, Спб., стр. 73).

явленій, какой никогда и ни въ чемъ не обнаруживалъ Ломоносовъ. Ученый естествоиспытатель, онъ сохранилъ большую наивность въ области политики [1]).

Ломоносовъ высказываетъ то мнѣніе, что у насъ музы могутъ найти себѣ болѣе безопасное убѣжище, нежели гдѣ бы то ни было. Подкрѣпляется это мнѣніе ссылкой на то исключительное спокойствіе, которымъ будто бы пользуется Россія благодаря „прозорливости Монархини нашея“, а также указаніемъ на обширность русскаго государства и на вытекающее отсюда разнообразіе его физическихъ особенностей. „Ибо гдѣ удобнѣе совершится можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной Ея Величества державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно?“ [2]), спрашиваетъ, напримѣръ, Ломоносовъ. Излишне доказывать, что что съ точки зрѣнія исторіи культуры такіе доводы слабы [3]). Но интересно, что здѣсь мы едва ли не въ первый разъ встрѣчаемся съ тою мыслью, что положеніе Россіи имѣетъ такія исключительныя преимущества, которыя позволяютъ ей опередить со временемъ западно-европейскія страны. Мысль эта высказывалась потомъ весьма часто. Больше всего дорожили наши новаторы, мечтавшіе о тѣхъ или другихъ соціально-политическихъ реформахъ, хотя она и не была ихъ исключительнымъ достояніемъ. Ломоносовъ совсѣмъ не попытался дать ей какое-нибудь философско-историческое обоснованіе. Но, какъ увидимъ, уже Фонвизинъ отстаивалъ ее съ помощью соображеній, которыя даже и въ XIX вѣкѣ представлялись убѣдительными всѣмъ сторонникамъ идеалистическаго взгляда на исторію.

Читая „Книгу о скудости и богатствѣ“, чувствуешь, какъ сильно болѣлъ Посошковъ бѣдствіями тяглой Руси. Такой боли не замѣтно ни въ одномъ сочиненіи Ломоносова. Что онъ любилъ Россію и русскій народъ, въ этомъ никакое сомнѣніе невозможно. Но впечатлѣнія дѣтства у него были иныя, нежели у Посошкова, и онъ стремился служить Россіи не посредствомъ исправленія

[1]) Прежде, чѣмъ превозносить Елизавету, Ломоносовъ превозносилъ ея ближайшихъ предшественниковъ: Анну въ одѣ на взятіе Хотина и другихъ. Большой запасъ наивности нуженъ былъ хотя бы для того, чтобы совершенно спокойно позабыть объ этомъ послѣ ноябрьскаго переворота 1741 года.

[2]) Сочиненія, т. IV, стр. 268.

[3]) Ломоносовскій доводъ отъ географіи напоминаетъ обращенное къ Россіи восклицаніе Гоголя (въ первой части „Мертвыхъ Душъ“): „Здѣсь ли въ тебѣ не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему?“

важныхъ общественныхъ «неисправъ», а распространеніемъ въ ней просвѣщенія. Въ этомъ направленіи мысль его работала неутомимо. Даже преувеличенныя похвалы его дщери Петра придумывались имъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, для того, чтобы какъ можно болѣе расположить ее въ пользу просвѣщенія. Въ похвальномъ словѣ, произнесенномъ 26 ноября 1747 г., въ годовщину ея воцаренія, Ломоносовъ, провознося ее до небесъ, намѣтилъ широкую программу просвѣтительной дѣятельности.

„Не токмо мы довольствуясь Ея Величества щедротами,—говоритъ онъ,—иные въ откровеніи естественныхъ таинъ, и въ изслѣдованіи пречудныхъ дѣлъ премудраго Создателя въ спокойствѣ услаждаемся, иные преподая наставленіе учащимся съ радостію чувствуемъ являющіеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащіеся питаемы обыльною Ея рукою безъ попеченія о своихъ потребностяхъ, только о наученіи стараться могутъ: но общее благополучіе предлагается. Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, которой бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы“ [1]).

Взятая въ такомъ общемъ видѣ,—принесеніе пользы родинѣ путемъ распространенія въ ней свѣта науки,—это есть та программа, которую ставили себѣ всѣ просвѣтители всѣхъ странъ. Но въ каждой отдѣльной странѣ конкретная формулировка ея видоизмѣнялась подъ вліяніемъ соціально-политической обстановки. Наши просвѣтители первой половины XVIII в. не примѣшивали къ ней никакихъ пожеланій по части общественныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ, котораго по его же собственнымъ словамъ часто попрекали его крестьянскимъ происхожденіемъ, былъ, пожалуй, самымъ типичнымъ между ними. Онъ усердно просвѣщалъ жителей своей страны, но никогда не позволялъ себѣ „учить“ ея правительство. Въ сравненіи съ этимъ петербургскимъ просвѣтителемъ „московскій прогрессистъ“ Посошковъ, требовавшій исправленія неисправъ и за то окончившій дни свои въ казематѣ, является поистинѣ безпокойнымъ человѣкомъ. Однако и Ломоносову случалось вызывать неудовольствіе начальства.

Россія только недавно выступила на путь западно-европейскаго просвѣщенія. Правительство приглашало иностранныхъ ученыхъ въ Россію. Но приглашенные имъ ученые не всѣ безкорыстно любили науку, да не всѣ были настоящими учеными. Они смотрѣли на русскихъ людей сверху внизъ и старались под-

---

[1]) Сочиненія, т. IV, стр. 266.

чинить ихъ себѣ, сдѣлать образованіе своей монополіей. Ломоносовъ видѣлъ эти, какъ видѣлъ Посошковъ, эксплуататорскія поползновенія иностранныхъ торговцевъ, и опять, подобно Посошкову, стремился избавить русскихъ отъ подчиненія иностранцамъ. Это стремленіе не вызвало и при данномъ ходѣ его умственнаго развитія не могло вызвать націоналистической реакціи въ его міросозерцаніи, но причинило ему много непріятностей. Спокойно смотрѣвшій на „отяготѣнія" крѣпостныхъ крестьянъ помѣщиками, онъ выходилъ изъ себя, доказывая, что иностранцы своекорыстно и недоброжелательно относятся къ дѣлу русскаго просвѣщенія. Раздражительный и несдержанный, онъ придавалъ иногда такой оборотъ борьбѣ своей за это дѣло, что поднимался вопросъ о наказаніи его „на тѣлѣ" и даже о „лишеніи живота". Если онъ избѣжалъ и того и другого, то единственно благодаря своему „довольному обученію".

Въ цитированномъ мною выше похвальномъ словѣ Елизаветѣ, онъ обращался къ „россійскимъ юношамъ" отъ имени императрицы, приглашая ихъ учиться въ интересахъ Россіи.

„Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произваленіе требуетъ".

Потомъ отъ ея же имени онъ указывалъ учащейся русской молодежи цѣлый рядъ задачъ, ожидающихъ своего рѣшенія.

„Не описаны еще дѣла Моихъ Предковъ, и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова". Это—темы для будущихъ историковъ и литераторовъ. А вотъ, насущное дѣло для будущихъ техниковъ: „Въ пространной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны, и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость" [1]).

Мысль о томъ, что русскіе люди должны научиться ходить на своихъ собственныхъ ногахъ, сдѣлаться самостоятельными работниками въ области науки и техники, рѣдко покидало Ломоносова. Ода Елизаветѣ, написанная въ 1747 г., содержитъ знаменитую строфу:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,

---

[1]) Сочиненія. т IV, стр. 269.

Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О Ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Въ той же одѣ Елизаветѣ повторяется та не менѣе дорогая Ломоносову мысль, которая, безъ сомнѣнія, была бы горячо одобрена Посошковымъ,—мысль, что пріобрѣтеніе русскими людьми научныхъ знаній должно способствовать развитію производительныхъ силъ Россіи:

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ рассѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпой отвращаетъ взоръ...

Уже страдая предсмертной болѣзнью, Ломоносовъ продолжалъ заботиться объ отправкѣ за границу русскихъ студентовъ, окончившихъ университетскій курсъ. Вообще надо замѣтить, что къ вопросамъ науки и просвѣщенія онъ относился съ гораздо большимъ увлеченіемъ, нежели сама ученая дружина. Кантемиръ думалъ, что служебная дѣятельность важнѣе литературной. А для Ломоносова служить и значило неустанно работать для русской науки и русскаго просвѣщенія. Читатель согласится, что эта особенность взглядовъ „архангельскаго мужика“ дѣлаетъ ему большую честь.

Въ мой планъ не входитъ оцѣнка литературныхъ произведеній Ломоносова. Тѣмъ не менѣе я не устоялъ передъ искушеніемъ указать на склонность его къ „космической поэзіи“ [1]). Теперь я позволю себѣ напомнить замѣчаніе Бѣлинскаго, что стихи Ломоносова были необыкновенно хороши по своему времени, и что никто изъ его современниковъ не писалъ такихъ хорошихъ сти-

---

[1]) Джордано Бруно имѣлъ большую склонность къ космической поэзіи. Но, въ отличіе отъ Ломоносова, онъ былъ пантеистомъ, что придало особый оттѣнокъ и его космическому вдохновенію.

ховъ. Бѣлинскій прибавлялъ, что Державинъ сдѣлалъ очень малый шагъ впередъ послѣ своего великаго предшественника, и то лишь въ наилучшихъ своихъ стихотвореніяхъ, значительно уступая ему въ менѣе удачныхъ [1]). Между тѣмъ мы знаемъ, что литература никогда не была главнымъ призваніемъ Ломоносова.

Никогда не была не только главнымъ, но вообще серьезнымъ призваніемъ и исторія, хотя онъ и находилъ, что ученые русскіе люди обязаны описать дѣла предковъ Елизаветы, особенно же, конечно, Петра Перваго. Когда Елизавета лично выражала ему свое желаніе „видѣть россійскую исторію, его штилемъ написанную", онъ, слѣдуя своему всегдашнему обыкновенію, постарался хорошо ознакомиться съ источниками. Но изъ его обработки источниковъ не вышло ничего замѣчательнаго. Его мысль не очень хорошо разбиралась во всемъ, относившемся къ настоящей или прошлой жизни общества. Онъ не понялъ задачи историка, какъ говоритъ С. М. Соловьевъ, онъ смотрѣлъ на исторію съ чисто-литературной точки зрѣнія и такимъ образомъ создалъ литературное направленіе въ русской исторической наукѣ, господствовавшее въ ней долго послѣ него [2]). Ломоносовъ счелъ себя обязаннымъ „открыть" древность россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ государей. Вслѣдствіе этого его „Древняя россійская исторія" вышла чѣмъ-то въ родѣ новаго похвальнаго слова. Впрочемъ, въ ней можно найти, по словамъ С. М. Соловьева, правильныя и даже блистательныя замѣчанія о нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ исторіи славянъ [3]).

Предаваясь своимъ историческимъ занятіямъ, Ломоносовъ не забывалъ о такъ больно обижавшемъ его высокомѣрномъ взглядѣ образованныхъ иноземцевъ на Россію и русскій народъ. Онъ хотѣлъ хорошо разукрасить нашу исторію, надѣясь, что „всякъ, кто увидитъ въ Россійскихъ преданіяхъ равныя дѣла и Героевъ Греческимъ и Римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ". Посошковъ, думается мнѣ, и тутъ вполнѣ понялъ бы и вполнѣ одобрилъ бы Ломоносова. Сравнивая русскую исторію съ исторіей Рима, Ломоносовъ находилъ между ними слѣдующее, правда, по его же собственнымъ словамъ, небольшое „подобіе". Эпоха („владѣніе") римскихъ королей соотвѣтствуетъ „самодержавству первыхъ самовластныхъ Великихъ Князей Россійскихъ". Періодъ республики („гражданское правленіе") подобно

---

[1]) См. статью о сочиненіяхъ Державина, соч. Бѣлинскаго, часть седьмая, Москва, 1883 г., стр. 87.

[2]) С. М. Соловьевъ, соч., стр. 1351. Ср. „Главныя теченія" П. Н. Милюкова, стр. 24.

[3]) Тамъ же, стр. 1355.

„раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему“. Наконецъ, періодъ императорскій представлялся Ломоносову „согласнымъ самодержавству Государей Московскихъ“. Разница только въ томъ, что римское государство гражданскимъ владѣніемъ возвышалось, а самодержавствомъ пришло въ упадокъ. Наоборотъ, Россія разномысленною вольностью едва не была доведена до крайняго разрушенія, между тѣмъ какъ самодержавство умножило ее, укрѣпило и прославило. Какъ видитъ читатель, въ этой исторической параллели очень много наивнаго и очень мало поучительнаго. С. М. Соловьевъ, по справедливости, назвалъ ее странной.

По словамъ Ломоносова, Петръ поднялъ Россію на вершину славы. При такомъ взглядѣ естественно было пріурочить всѣ свои дальнѣйшія упованія къ просвѣщенной дѣятельности русскихъ государей. Какъ и „ученая дружина“, Ломоносовъ считалъ, что только правительству можетъ принадлежать у насъ починъ прогрессивной дѣятельности. Такъ думали долго послѣ него многіе русскіе прогрессисты.

Повторяю, главнымъ призваніемъ Ломоносова были естественныя науки, отъ занятія которыми онъ никакъ не хотѣлъ отказаться даже тогда, когда отъ него требовали изложенія подходящимъ „штилемъ“ исторіи Россіи. Въ XIX вѣкѣ наши естествоиспытатели приписывали Ломоносову много крайне важныхъ открытій. Писали, напримѣръ, что онъ первый высказалъ правильный взглядъ на образованіе каменнаго угля и на происхожденіе янтаря. Профессоръ Любимовъ утверждалъ, что, занимаясь воздушнымъ электричествомъ, Ломоносовъ составилъ теорію, которая превышала, можетъ быть, всѣ современныя ему понятія объ этомъ предметѣ. Но несравненно важнѣе всѣхъ остальныхъ его физическихъ теорій было отверженіе имъ гипотезы теплорода и ученіе о теплотѣ, какъ объ особомъ видѣ движенія. Было бы желательно, чтобы спеціалисты вновь подвергли критической оцѣнкѣ естественно-научныя заслуги Ломоносова. Но и теперь уже очевидно, что Ломоносовъ былъ чрезвычайно выдающимся естествоиспытателемъ. „Всѣ записки Ломоносова по части физики и химіи не только хороши, но превосходны,—писалъ одинъ изъ его современниковъ, знаменитый Эйлеръ,—ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизслѣдованные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій“.

Впрочемъ, вопросъ объ естественно-научныхъ заслугахъ Ломоносова долженъ быть разсмотрѣнъ историками естествознанія въ Россіи. Въ исторіи русской общественной

мысли, а также въ исторіи европеизаціи нашего отечества, гораздо умѣстнѣе вопросъ о не совсѣмъ понятной на первый взглядъ судьбѣ, выпавшей на долю ученыхъ работъ Ломоносова.

Его поставилъ Н. Буличъ, съ грустью отмѣтившій, что работы эти не оказали вліянія на ходъ нашего научнаго развитія и привлекли къ себѣ вниманіе русскихъ естествоиспытателей только по случаю чествованія памяти Ломоносова въ 1865 г. (столѣтіе со дня его смерти). „Почему современная европейская наука не воспользовалась его геніальными открытіями?—спрашивалъ г. Буличъ.—Почему русскіе ученые, шедшіе по одной дорогѣ съ Ломоносовымъ, не обратили вниманія на труды его, изученіе которыхъ разомъ дало бы имъ здравыя понятія въ наукѣ и избавило бы отъ тяжелой и ненужной необходимости изучать плохіе зады Европы?“ [1]).

Разсмотрѣнію этого вопроса не мѣшаетъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній.

Представимъ себѣ двѣ страны, находящіяся на неодинаковыхъ ступеняхъ культурнаго развитія. При этомъ отсталая страна учится у передовой и постепенно выдвигаетъ своихъ собственныхъ дѣятелей въ различныхъ областяхъ науки и литературы. Иные изъ этихъ дѣятелей могутъ отличаться большими дарованіями. Но, въ общемъ, научныя и литературныя пріобрѣтенія отсталой страны будутъ въ теченіе нѣкотораго времени по необходимости очень скромными и потому совсѣмъ неинтересными или очень мало интересными для интеллигенціи передовой страны. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что послѣ тридцатилѣтней войны Германія сильно отстала отъ другихъ государствъ Западной Европы и должна была много учиться у нихъ въ теченіе всего XVIII вѣка, а особенно первой его половины. Вслѣдствіе этого нѣмецкая философія и литература оставались мало извѣстными интеллигенціи этихъ государствъ даже тогда, когда и въ литературѣ и въ философіи уже сдѣланы были огромные успѣхи. Другой примѣръ, западные читатели включая сюда и германскихъ, совсѣмъ не знали русской литературы въ такое время, когда въ ней уже дѣйствовали таланты первой величины. Это не все. Пока выдающіеся люди отсталой страны не получатъ признанія въ передовыхъ странахъ, они не добьются полнаго признанія и у себя дома: ихъ соотечественники будутъ питать болѣе или менѣе значительное недовѣріе къ своимъ „доморощеннымъ“ силамъ („гдѣ ужъ намъ!“). Вѣдь нельзя же отрицать, что русскіе люди оцѣнили все колоссальное

[1]) Статья „Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ“ въ изданномъ С. А. Венгеровымъ сборникѣ „Русская поэзія“, Спб., 1893, стр. 94.

значеніе своей литературы только послѣ того, какъ передъ ней преклонился Западъ [1]). Я не спрашиваю: хорошо это или дурно? Я только говорю: такъ было, такъ будетъ. Такъ было и такъ будетъ по весьма понятной соціально-психологической причинѣ. И если мы примемъ во вниманіе эту причину, то намъ станетъ ясно, почему, какъ спрашиваетъ г. Н. Буличъ, ученая дѣятельность Ломоносова не оказала вліянія на дальнѣйшій ходъ западной науки, и почему она мало обратила на себя вниманія даже русскихъ ученыхъ, шедшихъ съ нимъ по одной дорогѣ. Онъ былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, не получившимъ ни за границей ни у себя дома того вліянія, которое, казалось бы, по праву принадлежало ему, какъ человѣку рѣдкихъ способностей. Но онъ былъ, какъ говаривали у насъ въ старину, „въ родѣ своемъ не послѣдній“.

Выдающіеся умы, подобно книгамъ, имѣютъ свою судьбу. И нельзя сказать, что судьба ихъ „куется“ ими самими. Она опредѣляется той ролью, которую играетъ ихъ родина въ ходѣ культурнаго развитія человѣчества.

Но и это еще не все. Естественно-научныя работы Ломоносова были очень замѣчательны; но онъ далеко не сдѣлалъ всего, что могъ сдѣлать для естествознанія. Обстоятельства его жизни вынуждали его разбрасываться. Я уже не говорю о тѣхъ заказныхъ восторгахъ, которые онъ обязанъ былъ выражать и прозой и стихами при разныхъ высокоторжественныхъ оказіяхъ, хотя оды, похвальныя слова и разныя „надписи“, конечно, отнимали у него не мало времени. Но даже серьезныя занятія его нерѣдко мѣшали ему всецѣло отдаваться тому дѣлу, которое было для него дороже всѣхъ другихъ. А онъ былъ не только ученымъ. Онъ былъ также просвѣтителемъ. „Мое единственное желаніе,—писалъ онъ однажды И. И. Шувалову,—состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вождѣленное теченіе университетъ, откуда могутъ произойти безчисленные Ломоносовы“.

Извѣстно, какъ усердно хлопоталъ онъ объ основаніи Московскаго университета и какъ много сдѣлалъ для того, чтобы упорядочить преподаваніе въ немъ. Нѣсколько позже Ломоносовъ сталъ добиваться коренного переустройства Петербургскаго университета, влачившаго самое жалкое существованіе при Академіи Наукъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и этотъ университетъ сдѣлался независимымъ отъ Академіи учрежденіемъ. Мысль его была осуществлена только при Александрѣ I. Но для учебныхъ заведеній

---

[1]) Давно ли мы убѣдились, благодаря лорду Кельвину, что нашъ Лебедевъ былъ очень большой величиной въ физикѣ.

нужны были учебники и руководства. И вотъ, Ломоносовъ принимается за ихъ составленіе. Онъ пишетъ „Краткое руководство къ риторикѣ" (1744 г.), „Краткое руководство къ краснорѣчію" (1748 г.), „Россійскую грамматику" (1755 г.), „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ" [1]). Всѣмъ этимъ далеко не исчерпываетќя его просвѣтительная дѣятельность, но всякій понимаетъ, что для всего этого нужно было много времени, которое при другихъ условіяхъ досталось бы естественнымъ наукамъ. Просвѣтитель боролся въ Ломоносовѣ съ ученымъ и мѣшалъ ему развернуть во всей полнотѣ свои геніальныя научныя способности. А между тѣмъ Ломоносовъ не могъ отказаться отъ своей дѣятельности—просвѣтителя; этого не позволяла ему его горячая любовь къ родинѣ.

Главными дѣятелями во всей исторіи нашей общественной мысли являются, именно, просвѣтители. Нѣкоторые изъ нихъ обладали огромной силой теоретической мысли. Но собственно просвѣтительная дѣятельность почти всегда отвлекала ихъ отъ занятій „чистой наукой". И они сами хорошо сознавали это. Н. Г. Чернышевскій, самъ занимающій такое почетное мѣсто въ ряду русскихъ просвѣтителей, высказалъ интересный взглядъ на то, какъ, именно, должны передовые русскіе люди служить своей странѣ.

„Многіе изъ великихъ людей Германіи, Франціи, Англіи заслуживаютъ свою славу, стремясь къ цѣлямъ, не имѣющимъ прямой связи съ благомъ ихъ родины,—писалъ онъ въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы,—и, напримѣръ,... многіе

---

[1]) Какого мнѣнія былъ онъ о русскомъ языкѣ, показываютъ слѣдующія его строки: „Карлъ пятый Римскій Императоръ говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятельми, Италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но естьли бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ; то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверьхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство требуетъ другаго мѣста и случая. Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ совершенно увѣряетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи мира и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можетъ; не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ". Соч., т. IV, стр. 10, въ посвященіи „Грамматики" вел. Князю Павлу Петровичу. Эти строки напоминаютъ восторженный отзывъ о русскомъ языкѣ И. С. Тургенева. Ломоносовъ выражался не такъ просто, какъ Тургеневъ, но, конечно, былъ такъ же искрененъ.

изъ величайшихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ имѣли въ виду служеніе чистой наукѣ или чистому искусству, а не какимъ-нибудь исключительнымъ потребностямъ своей родины". У насъ это невозможно. „Со временемъ будетъ и у насъ, какъ у другихъ народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое сердцу—содѣйствіе, по мѣрѣ силъ, дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ [1]). Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины" [2]).

Эти разсужденія объясняютъ многое не только въ судьбѣ Ломоносова, но и другихъ нашихъ просвѣтителей, между прочимъ, и самого Чернышевскаго. Полезно вспомнить о нихъ, когда возникаетъ вопросъ, почему не такъ много сдѣлалъ для „чистой" теоріи тотъ или другой весьма даровитый русскій человѣкъ: очень часто окажется, что у него было другое дѣло, болѣе близкое его сердцу, нежели занятіе „чистой" теоріей.

3. Жалобы крестьянства. — Крестьянскія и казацкія волненія.

Въ планѣ похвальнаго слова Ломоносову, составленномъ Штелиномъ, находятся такія замѣчанія о „характерѣ" Ломоносова: „образъ жизни общій плебеямъ, исполненъ страсти къ наукѣ; стремленіе къ открытіямъ"; „мужиковатъ; съ низшими и въ семействѣ суровъ; желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ" [3]).

Это—только краткія замѣчанія, сдѣланныя въ планѣ, не приведенномъ въ исполненіе. Если бы Штелинъ написалъ свое похвальное слово Ломоносову, то эти краткія замѣчанія, вѣроятно, получили бы надлежащее развитіе, и намъ стало бы яснѣе, *какихъ, именно, „равныхъ" презиралъ* геніальный поморецъ, *и въ какомъ, именно, смыслѣ желалъ онъ возвыситься*. Сослуживцы, *равные* Ломоносову *въ чинахъ*, были *неравны ему по дарованіямъ*. Они рѣдко понимали его и часто мѣшали ему работать для русскаго просвѣщенія. Какъ же было ему не презирать ихъ? Что касается желанія возвы-

---

[1]) Т.-е. дѣятельность просвѣтителя, распространяющаго въ Россіи богатыя пріобрѣтенія западно-европейской науки и философіи.

[2]) Соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. II, Спб., 1906, стр. 120—122.

[3]) См. вторую статью о Ломоносовѣ во второй части третьяго тома сочиненій Н. С. Тихонравова, стр. 30—31.

сится, т.-е. подняться выше по лѣстницѣ чиновной іерахіи,— то оно вполнѣ естественно было у человѣка, который стремился служить своей родинѣ, но благодаря своему „подлому происхожденію“ не могъ осуществить это благородное стремленіе безъ поддержки „высокихъ особъ“. Чѣмъ больше возвысился бы онъ самъ, тѣмъ меньше нуждался бы онъ въ такомъ покровительствѣ. Такимъ образомъ, желаніе возвыситься могло быть порождено самыми идеальными побужденіями. Но само собою разумѣется, что оно могло корениться отчасти въ тщеславіи. Вліяніе среды всегда очень сильно, а Ломоносовъ жилъ въ средѣ, привыкшей судить о людяхъ по табели о рангахъ. Несмотря на свой „образъ жизни, общій плебеямъ“ и на свою „мужиковатость“, онъ сдѣлался членомъ служилаго класса. Служа по „ученому“ вѣдомству, Ломоносовъ умеръ статскимъ совѣтникомъ и даже землевладѣльцемъ: Елизавета пожаловала ему за одно изъ его похвальныхъ словъ мызу Коровалдой. По отношенію къ народу онъ сталъ отрѣзаннымъ ломтемъ. И долго послѣ него образованные разночинцы оставались чуждыми народной массѣ, не отличавшей ихъ отъ настоящихъ „господъ“. Впослѣдствіи образованные разночинцы и примкнувшіе къ нимъ „кающіеся дворяне“ начали мучительно сознавать свою оторванность отъ народа и страстно искать путей, ведущихъ къ сближенію съ нимъ. Но при Ломоносовѣ объ этомъ никто еще не задумывался. Образованные разночинцы болѣе или менѣе усердно служили по разнымъ вѣдомствамъ; дворяне ровно ни въ чемъ не каялись, а трудящаяся масса была предоставлена самой себѣ и собственными средствами разбиралась въ новыхъ для нея обстоятельствахъ, созданныхъ Петровской реформой. Правда, „тамъ, въ глубинѣ Россіи“, почти все оставалось постарому. Но реформа наложила новыя тягости на народъ, и прежде лишь черезъ силу тянувшій свою крѣпостную лямку. Поэтому онъ сталъ роптать чаще и громче, нежели ропталъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Между бумагами страшнаго Преображенскаго Приказа сохранилось много любопытныхъ человѣческихъ документовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на тогдашнее настроеніе народа. Мы видимъ изъ нихъ, что крестьне жаловались, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ его (Петра. *Г. П.*) Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству, нѣтъ“. Имъ вторили соломенныя вдовы, солдатки: „Какой онъ царь? — онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ“. Не отставали отъ крестьянства и холопы. Одинъ изъ нихъ говорилъ такъ: „Если

онъ (Петръ) станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; я удивляюсь тому, что его по ся мѣстъ не уходятъ: ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолюдствомъ и одинъ... Какой онъ царь?— врагъ оморокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы“ [1]).

Откуда происходило народное недовольство, это ясно показываетъ уже цитированное мною въ одной изъ предыдущихъ главъ „возмутительное письмо“ Ларина Докукина:

„Древеса самыя нужныя въ дѣлехъ нашихъ повсюду заповѣдана была, рыбныя ловли и торговыя и завоцкія промыслы отняты многія и вѣздѣ бѣдами погружаемы, на правежехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей... и многія отъ того умерщвляемы, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обветшали древодѣлей и каменосѣчцовъ отгнали... пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ воспріяли и всѣми благами ихъ наградили, а христіянъ бѣдныхъ бьючи на правежахъ и с податей своихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили“ [2]).

Соловьевъ справедливо замѣтилъ, что при Алексѣ Михайловичѣ народъ щадилъ особу царя, складывая вину на бояръ, а теперь о царѣ стали отзываться весьма непочтительно. Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что измѣнившееся отношеніе къ царской особѣ вовсе не означало перемѣны въ политическихъ понятіяхъ народа. Въ глазахъ многихъ представителей народной массы Петръ не былъ настоящимъ царемъ, т.-е. такимъ, какимъ долженъ былъ быть главный представитель центральной власти въ Московскомъ государствѣ. На такого царя можно было роптать, нисколько не теряя уваженія къ царизму. А еще болѣе позволительнымъ казался ропотъ при томъ предположеніи, что Петръ вовсе не былъ царскаго происхожденія. По свѣдѣніямъ того же Преображенскаго Приказа, бабы, стирая бѣлье, толковали:

„Какой-де онъ царь!—родился отъ Нѣмки беззаконной, онъ замѣненный, и какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить сего свѣта, и въ то число ему говорила: „Ты-де не сынъ мой, замѣненный“.

Иногда исторія „замѣны“ царя принимала въ воображеніи народа другой оборотъ. Петра признавали законнымъ сыномъ Алексѣя Михайловича, а при этомъ разсказывали, что онъ по-

---

1) Цит. у Соловьева, Исторія Россіи, кн. III, стр. 1368—1369.

2) Письмо это напечатано у Есипова: „Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія“, Спб. 1861, стр. 182—184. Оставляю правописаніе въ томъ видѣ, какое оно имѣетъ въ книгѣ Есипова.

гибъ во время своего путешествія за границу, а на его мѣсто пріѣхалъ въ Россію нѣмчинъ. Но какой бы оборотъ ни принимала эта исторія, выходило такъ, что Россіей правитъ „замѣненный“ царь, царь-самозванецъ, въ отзывахъ о которомъ можно дать волю своему языку... если близко нѣтъ царскихъ сыщиковъ.

На Дону вспоминали о времени двоевластія. Говорили, что царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и живетъ въ Іерусалимѣ „для того, что бояре воруютъ“. „Онъ любитъ чернь“, между тѣмъ какъ Петръ полюбилъ бояръ. Такимъ образомъ, здѣсь воображеніе массы противопоставляло одного царя другому, но и здѣсь ея мысль не касалась царизма, какъ учрежденія.

Если та или иная „замѣна“ давала объясненіе склонности Петра къ нѣмцамъ, т.-е. отвѣчала на вопросъ о томъ, чѣмъ вызванъ былъ обременительный для народа, — и такой рѣшительный при Петрѣ, — поворотъ къ Западу, то она не устраняла, разумѣется, связанныхъ съ этимъ поворотомъ новыхъ тягостей. Крестьянскіе бунты вспыхивали то тамъ, то тутъ. Петръ видѣлъ, гдѣ лежитъ ихъ причина. Усмиряя крестьянъ съ обычной своей „жесточью“, онъ принималъ извѣстныя мѣры къ облегченію ихъ тяжелой участи. Въ 1719 г. онъ писалъ воеводамъ:

„Понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства или иного какого непостояннаго житя вотчины свои не токмо снабдѣваютъ, или защищаютъ въ чемъ, но и разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ и чинится отъ того пустота, а въ Государевыхъ податяхъ умножается доимка; того ради Воеводѣ и Земскимъ Комисарамъ смотрѣть того накрѣпко, и до токого разоренія не допускать“.

Это распоряженіе было въ духѣ того стараго московскаго правила, о которомъ сообщалъ Котошихинъ и которое внушило Посошкову его проектъ законодательнаго ограниченія повинностей крестьянъ по отношенію къ ихъ помѣщикамъ. Правило это слабо приводилось въ исполненіе въ прежнее время. Можно было бы, пожалуй, ожидать, что при своей желѣзной энергіи Петръ сумѣетъ добиться точнаго исполненія его. Однако вышло не такъ. Петръ предписалъ отдавать помѣщиковъ, разорявшихъ свои деревни, на исправленіе ихъ ближнимъ родственникамъ и свойственникамъ, которые и должны были управлять этими деревнями впредь до исправленія разорителей. Можно съ увѣренностью сказать, что такая мѣра не исправила никого. Во всякомъ случаѣ, она не могла повысить общій, весьма низкій, уровень

благосостоянія крестьянской массы. Положеніе крѣпостного крестьянства ухудшалось все болѣе и болѣе. Самъ Петръ говоритъ въ одномъ изъ своихъ указовъ: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малый вопль бываетъ“. Что же предпринялъ энергичный преобразователь для прекращенія вопля? Онъ приказалъ „оную продажу людямъ пресѣчь“ [1]).

Но онъ и самъ не вѣрилъ въ возможность ея пресѣченія: въ основу его реформы положено было еще большее, чѣмъ прежде, закрѣпощеніе крестьянской массы. Поэтому за приказаніемъ о прекращеніи „оной продажи людямъ“ у него непосредственно слѣдовало такое добавленіе: „а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то-бъ хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь“ [2]). Извѣстно, что крѣпостныхъ людей продавали врознь, „какъ скотовъ“, вплоть до отмѣны крѣпостного права въ 1861 году.

Логика этого права была сильнѣе желѣзной воли Петра. Но тяжелая цѣпь крѣпостной зависимости давила крестьянъ не только на помѣщичьихъ и на монастырскихъ земляхъ. Государство тоже привыкло смотрѣть на нихъ, какъ на свою живую собственность, и ужъ, разумѣется, не Петръ могъ отказаться отъ этой привычки. Онъ считалъ себя полнымъ господиномъ надъ всей тяглой массой и распоряжался ея рабочею силой единственно по своему усмотрѣнію. Если онъ признавалъ тутъ чьи-нибудь права, то развѣ только права помѣщиковъ. Это съ ясностью показываетъ слѣдующее распоряженіе:

„Дмитрію Шулейникову за крестьянина его Ивана Ѳомина съ женою и дѣтьми, который взятъ къ городовымъ дѣламъ въ кузнецы, выдать 35 рублей“ [3]). Помѣщика удовлетворили деньгами, а его крестьянина не спросили, хочетъ ли онъ итти къ городовымъ дѣламъ въ кузнецы. И этотъ крестьянинъ, конечно, не былъ исключеніемъ изъ общаго правила. Къ городовымъ и всякимъ другимъ государевымъ дѣламъ „гнали“ тогда цѣлыя толпы невольныхъ работниковъ. А такъ какъ имъ очень плохо жилось на этихъ невольныхъ работахъ, то естественно, что они не переставали роптать и, по своему старому обыкновенію, искать спа-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. IV, стр. 172.

[2]) Соловьевъ, тамъ же, та же стр.

[3]) Тамъ же, та же страница.

сенія въ бѣгствѣ. Крестьяне бѣжали въ Польшу, но еще больше бѣжало ихъ на юго-востокъ, въ ту „прекрасную мати-пустыню“, которая давала такой широкій просторъ всѣмъ недовольнымъ элементамъ тяглаго населенія Московскаго государства.

Кромѣ крестьянъ, были еще посадскіе люди. Имъ тоже приходилось нести „бремена неудобоносимыя“ въ видѣ разнаго рода податей и обязательныхъ службъ. Они должны были служить: у подушнаго сбора, у полавочнаго сбора, у оброка съ гостинаго двора, у сбора съ дворовъ и другихъ оброчныхъ мѣстъ, у баннаго оброка, у сбора съ мостовъ, у сбора съ торговыхъ бань и т. д. И это еще не все. Кромѣ постоянныхъ службъ, были еще чрезвычайныя, а кромѣ службъ на мѣстахъ, еще службы „отъѣзжія“. Въ 1727 г. петербургское купечество ходатайствовало объ его увольненіи отъ всѣхъ этихъ службъ, потому что онѣ приводятъ его въ крайнее убожество. Въ Москвѣ отъ службъ разорялись не только многіе купеческіе дома, но цѣлыя слободы. Такія же жалобы приходили и изъ другихъ мѣстъ. Онѣ были уважены [1]). Конечно, посадскіе люди умѣли бѣгать не хуже крестьянъ. Бѣглецы изъ посадовъ тоже брали направленіе на юго-востокъ. Въ царствованіе Петра тамъ собралось немало горючаго матеріала, и уже тогда вспыхнулъ пожаръ сначала въ Астрахани (1705 г.), потомъ на Дону (1707—1708 гг.).

Намъ извѣстны имена и происхожденіе тѣхъ, кого считали „заводчиками“ астраханскаго бунта. Между ними было два „синбирянина“, одинъ ярославецъ, одинъ „москвитинъ“, три нижегородца, два павловца и нѣсколько астраханскихъ жителей. Иными словами, волновались не только мѣстные жители, но люди, собравшіеся со всего Поволжья. Къ бунтовщикамъ пристали также многіе стрѣльцы и солдаты. Стрѣльцы не забыли, какъ жестоко расправлялся съ ними Петръ. „Стрѣльцовъ разорили,— роптали они,—платье перемѣнили и тягости въ мірѣ стали потому, что на Москвѣ перемѣнный государь“. Война со шведами дала имъ поводъ надѣяться, что „подмѣнный“ царь на этотъ разъ не будетъ въ состояніи справиться съ ними. Нѣкоторые агитаторы, вышедшіе изъ ихъ же среды, распространяли слухъ, будто Москвою завладѣли четыре боярина столповые и хотятъ Московское государство раздѣлить на четыре четверти. Возможность возникновенія такого слуха показываетъ, какъ твердо было, даже въ недовольной тяглой массѣ, убѣжденіе въ необходимости государственнаго единства. По мнѣнію этой массы, только въ го-

[1]) А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII ст. Москва, 1903, стр. 174—175.

ловы ненавистныхъ ей бояръ могла забрести мысль о раздѣленіи Московскаго государства. Но то самое государство, единствомъ котораго она такъ дорожила, выжимало изъ нея послѣдніе соки и тѣмъ толкало ее на побѣги, на бунтъ и даже на соединеніе съ инородцами, въ родѣ башкиръ, заинтересованными гораздо больше въ нарушеніи единства, нежели въ его сохраненіи. Астраханскіе жители и низшій слой находившихся въ Астраханѣ служилыхъ людей составили цѣлый списокъ обидъ, нанесенныхъ имъ воеводой Ржевскимъ и другими начальными людьми. Онъ очень-очень длиненъ!

„Ржевскій у стрѣльцовъ ружья обобралъ, хлѣбнаго жалованья давать имъ не велѣлъ, съ бань бралъ по рублю и по 5 алтынъ, съ погребовъ по гривнѣ, подымныхъ по 2 деньги съ дыму, валешныхъ по 2 деньги, отъ точенья топоровъ по 4, съ ножа по 2, отъ битья бумаги по 4 съ фунта, съ варенья пивъ и брагъ съ конныхъ по 5 алтынъ, съ солдатъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по гривнѣ, съ малолѣтнихъ, со вдовъ и которые въ Свейскомъ походѣ, и женамъ ихъ и дѣтямъ платить было нечѣмъ, и тѣхъ сажалъ за караулъ и билъ на правежѣ, и многіе дворишки продавали и дѣтей закладывали; у служилыхъ людей и у всѣхъ градскихъ жителей дворамъ спрашивалъ купчихъ, и которые дворы... въ моровое повѣтріе крѣпости утерялись и въ пожаръ сгорѣли, — и съ тѣхъ крѣпостей брали пошлины вдвое и втрое; а съ рыбныхъ и соляныхъ и съ иныхъ всякихъ промысловъ брали откупщики съ струговъ и съ посадовъ привальнаго по рублю и по два, и по три, и по пяти, а съ мелкихъ стружковъ по полтинѣ; а въ тѣхъ откупахъ онъ, Ржевскій, съ начальными людьми были товарищами... Онъ же посылалъ... зимнимъ путемъ для рубки дровъ къ селитряному варенью, и многіе служилые люди отъ стужи помирали и на плаву съ плотами тонули и въ полонъ взяты... Велѣлъ брать крѣпостныхъ дѣлъ подъячимъ сверхъ указу лишнихъ денегъ, и тѣ деньги бралъ себѣ, и о тѣхъ поборахъ къ Москвѣ и въ Казань посылали они челобитниковъ, а указу о томъ не учинено, а о вышеписанныхъ всѣхъ обидахъ хотѣли они для челобитья изъ Астрахани послать, и ихъ не пустили“... [1])

Это еще далеко не конецъ, но выписка становится слишкомъ длинной, и я предпочитаю прекратить ее. Кто знаетъ, какъ хозяйничали воеводы во ввѣренныхъ имъ областяхъ, тотъ безъ труда повѣритъ тому, что бѣднымъ астраханцамъ плохо приходилось отъ Ржевскаго, хотя, можетъ быть, они кое-гдѣ изобра-

[1]) Соловьевъ кн. III, стр. 1384—1385.

зили его подвиги слишкомъ яркими красками. Если они отказались повиноваться своему попечительному воеводѣ, то единственно по той причинѣ, что всякому терпѣнью бываетъ иногда конецъ. Казалось бы, что имъ такъ и слѣдовало говорить: „Возстали потому, что ужъ очень много приходилось намъ выносить, и охотно подчинимся законной власти, когда будетъ облегчено наше положеніе". Но безконечный списокъ обидъ, нанесенныхъ астраханцамъ ихъ воеводой, начинается словами: „Междоусобіе учинилось за брадобритіе и нѣмецкое платье", а однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ бунту послужилъ слухъ о томъ, что астраханцамъ скоро запрещено будетъ играть свадьбы въ теченіи семи лѣтъ, а ихъ дочерей и сестеръ будутъ выдавать замужъ за нѣмцевъ. Въ грамотѣ, посланной ими казанцамъ, астраханцы утверждали, что рѣшились постоять за старину: „Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобритіе (т.-е. собственно противъ него. *Г. П.*), и за нѣмецкое платье и за табакъ". Тутъ же написано было, что воеводы и начальные люди поклонялись болванскимъ богамъ „и насъ кланяться заставляли". Болванскими или кумирскими богами бунтовщики называли „столярной работы личины деревянныя, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся накладные волосы (парики. *Г. П.*), чтобы не мялись" [1]). И тутъ ужъ нельзя не предположить, что противъ Ржевскаго и его помощниковъ выдвинуто было совершенно неосновательное обвиненіе. Ясно, что ни самъ этотъ хищный администраторъ, ни другіе, столь же хищные начальные люди такимъ „богамъ" не поклонялись и ни отъ кого не требовали поклоненія. Какъ же это вышло, что дѣйствительныя,—и поистинѣ достаточныя,—причины астраханскаго бунта перепутались въ изложеніи (и, вѣроятно, также въ воображеніи) его руководителей частью со смѣшными небылицами, а частью съ такими фактами, которые сами по себѣ не могли повредить жителямъ: напримѣръ, съ брадобритіемъ и съ нѣмецкимъ платьемъ [2]).

---

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1383.

[2]) Одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ астраханскаго бунта показалъ впослѣдствіи въ Преображенскомъ Приказѣ, что онъ и другіе бунтовщики собирались идти на Москву, „а пришедъ къ Москвѣ, нѣмцевъ всѣхъ ктобъ гдѣ попался мужеска и женску полу побить было до смерти и сыскать было государя и бить челомъ, чтобъ старой вѣрѣ быть по прежнему, а нѣмецкаго бы платья не носить, и бороды и усовъ не брить. А буде бы государь платье нѣмецкое носить и бородъ и усовъ брить перестать не велѣлъ, и его бъ государя убить до смерти" (Есиповъ. Раскольничьи дѣла, т. I, стр. 130). Правда, обвиняемый объявилъ потомъ все это вымышленнымъ, но показанія другихъ свидѣтелей заставляютъ думать, что вымышленнаго тутъ было очень мало.

Что касается нѣмецкаго платья, то вопросъ становится еще болѣе интереснымъ въ виду того, что удалые добрые молодцы, искавшіе воли въ тогдашнихъ украйнахъ, одѣвались, какъ кому захочется. Донскіе казаки утверждали, что у нихъ „иные любятъ носить платье и обувь по-черкесски и по-калмыцки, а иные обыкли ходить въ русскихъ старо-древняго обычая платьяхъ, и что кому лучше похочется, тотъ такъ и творитъ, и въ томъ между ними, казаками, распри и никакого посмѣянія другъ надъ другомъ нѣтъ“. Это совсѣмъ хорошо! Одѣвайся, какъ тебѣ вздумается! Неужели астраханцы держались другого взгляда? А если нѣтъ, если у нихъ тоже не было исключительной приверженности къ платью одного какого-нибудь „обычая“, то почему же такъ раздражало ихъ „нѣмецкое“ платье?

Во-первыхъ, одно дѣло носить такое платье, какое *нравится*, а другое дѣло одѣваться такъ, какъ *прикажутъ*. Тѣ же донцы, которые говорили, что у нихъ всякому вольно усваивать какой ему угодно „обычай“, съ благородностью заявляли: „Тѣмъ они отъ великаго государя передъ иными народами (sic!) пожалованы и взысканы, что къ нимъ до сихъ поръ о бородахъ и о платьи указу не прислано“. Во-вторыхъ, если астраханскій воевода Ржевскій не поклонялся тѣмъ деревяннымъ личинамъ, служившимъ подставками для париковъ, то онъ очень чтилъ золотого тельца и сумѣлъ создать себѣ доходную статью изъ царскаго указа о нѣмецкомъ платьѣ, дѣйствуя съ той изобрѣтательностью и съ тѣмъ натискомъ, которые всегда были свойственны въ подобныхъ случаяхъ начальнымъ людямъ Московскаго государства.

Астраханскіе обыватели писали: „воевода не далъ срока въ дѣлѣ нѣмецкаго платья для своей корысти, посылалъ по многіе праздники и воскресные дни капитана Глазунова да Астраханца Евреинова къ церквамъ и по большимъ улицамъ и у мужска и у женска полу русское платье обрѣзывали и не по подобію обнажали передъ народомъ, и усы, и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ“. При такихъ условіяхъ поневолѣ возстанешь „за брадобритіе и нѣмецкое платье“, т.-е., какъ уже замѣчено, *противъ* того и другого.

Разумѣется, можно и должно было провести раздѣлительную черту между энергичными пріемами Ржевскаго (обрѣзываніе съ мясомъ усовъ и бороды) и брадобритіемъ, какъ обычаемъ, принятымъ у нѣмцевъ. Но астраханцы не имѣли привычки къ строгому логическому мышленію, да и сами „нѣмцы“, отъ которыхъ заимствовано было брадобритіе, своимъ обращеніемъ съ русскими увеличивали ихъ раздраженіе. По словамъ астраханцевъ, ино-

земцы, поставленные начальниками надъ мѣстными жителями, притѣсняли ихъ еще „горше", нежели природные русскіе начальники. „Полковникъ Дивигнѣй (Девинь) съ иноземцы начальными людьми брали къ себѣ насильствомъ изъ служилыхъ домовыхъ людей въ деньщики и заставляли дѣлать самыя нечистыя работы, они и жены ихъ по щекамъ и палками били, и кто придетъ бить челомъ, и челобитчиковъ билъ и увѣчилъ на смерть, и велѣлъ имъ и женамъ, и дѣтямъ ихъ дѣлать нѣмецкое платье безвременно, и они домы свои продавали и образа св. закладывали, и усы и бороды брилъ и щипками рвалъ насильствомъ" [1].

Ржевскій не считалъ нужнымъ защищать жителей Астрахани отъ притѣсненій со стороны иноземцевъ, которыхъ, къ слову сказать, самъ же онъ и ставилъ начальниками надъ ними, и которые такъ хорошо подражали его просвѣтительнымъ пріемамъ [2]. Посошковъ жаловался: наши правители ни во что ставятъ русскаго человѣка и сами унижаютъ его передъ иностранцами. Читатель видитъ, что онъ былъ правъ. И то, что онъ былъ правъ, то, что начальники пренебрегали русскими людьми и унижали ихъ передъ иностранцами, усиливало націоналистическую реакцію, явившуюся однимъ изъ послѣдствій поворота Россіи къ Западу. Эта націоналистическая реакція и вела къ тому, что тяглые русскіе люди, спокойно смотрѣвшіе на усвоеніе ихъ соотечественниками черкесскаго или калмыцкаго платья, стали считать грѣхомъ ношеніе ими „нѣмецкаго" кафтана. Представленіе о „нѣмецкомъ" платьѣ сочеталось въ умахъ простыхъ русскихъ людей съ представленіемъ о тягостяхъ, непріятностяхъ и обидахъ, которыя испытывали они, попадая въ болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ „нѣмцевъ". А такъ какъ въ Московскомъ государствѣ религія налагала свою санкцію не только на общественный строй, но и на всѣ обычаи, то неудивительно, что указаннымъ сочетаніемъ представленій порождено было у его жителей еще другое: представленіе о „нѣмецкихъ" обычаяхъ сочеталось съ представленіемъ о грѣхѣ. А разъ возникло это послѣднее сочетаніе преставленій, ссылкѣ, на грѣхъ,—доводу отъ благочествія, — стало отводиться первое мѣсто во всѣхъ расужденіяхъ русскихъ людей, такъ или иначе возстававшихъ противъ петровскихъ нововведеній. Его поставили въ первую голову

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1385—1386.

[2]) Понятно, что въ жалобахъ астраханцевъ на обиды, наносимыя имъ иноземцами, тоже не обошлось, можетъ быть, безъ преувеличеній. Но въ нихъ много совершенно очевидной правды. Бояринъ Головинъ, разбиравшій въ Москвѣ жалобы астраханцевъ, такъ потрясенъ былъ ею, что рѣшился просить царя о безусловномъ помилованіи бунтовщиковъ. (Соловьевъ, кн. III, стр. 1386).

и астраханцы, пытавшіеся получить поддержку отъ другихъ городовъ: „Стали мы за вѣру христіанскую, и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье".

При наличности извѣстныхъ условій, указанныя сочетанія представленій были совершенно неизбѣжны. Мы убѣдились въ этомъ, изучая происхожденіе раскола старообрядчества. И тогда же мы убѣдились и въ томъ, что весьма неблагопріятна была для дальнѣйшаго хода развитія общественной мысли та психологическая аберрація, въ силу которой московскіе люди стали считать грѣхомъ усвоеніе западныхъ обычаевъ. Заподозрить иноземцевъ въ поклоненіи „кумирскимъ богамъ" вовсе не значило выяснить себѣ причину превосходства ихъ надъ русскими людьми во всемъ, касавшемся промышленности или торговли, точно такъ же какъ уличить служилый классъ въ пристрастіи къ „нѣмецкому" платью вовсе еще не значило понять, гдѣ лежитъ причина столь многочисленныхъ „неисправъ" въ русской общественной жизни.

Неудобства этой аберраціи обнаружились, между прочимъ, и во время астраханскаго бунта. Возставая противъ обидъ, наносимыхъ имъ Ржевскимъ и другими начальными людьми, астраханцы поспѣшили объявить, что они борются „за" брадобритіе и „за" нѣмецкое платье. Поддержать ихъ могли, главнымъ образомъ, донскіе казаки. Но донскимъ казакамъ не было „указу" насчетъ ношенія нѣмецкаго платья и бритья бородъ. Они прямо говорили, что этимъ они отъ великаго государя пожалованы не въ примѣръ „инымъ народамъ" (см. выше). Поэтому у нихъ не было основанія считать дѣло астраханцевъ своимъ собственнымъ дѣломъ. Разумѣется, государственная власть не оставляла и ихъ въ покоѣ. Донцы имѣли свои основанія жаловаться на распоряженія царя и на дѣйствія его чиновниковъ. Но о томъ, что затрогивало насущные интересы донцовъ, ничего не говорилось въ воззваніяхъ астраханцевъ. Такимъ образомъ доводъ отъ благочестія способствовалъ здѣсь не сплоченію, а разъединенію силъ въ оппозиціонно настроенной части населенія.

То же мы видимъ и въ Поволжьѣ. Астраханцы послали туда Ивана Дороѳеева съ войскомъ. Подойдя къ Царицыну, Дороѳеевъ звалъ его жителей на возстаніе „за брадобритіе" и проч. Но тѣ отвѣчали:

„Пишешь къ намъ, чтобъ пристать къ вашему союзу; и мы къ вашему союзу пристать не хотимъ; съ кѣмъ вы думали въ Астрахани, такъ себѣ и дѣлайте... Да вы жъ къ намъ писали, будто стали за Православную Христіанскую вѣру; и мы, Божіею милостью, въ городѣ Царицинѣ всѣ христіане и никакого рас-

кола не имѣемъ и кумирскимъ богамъ не поклоняемся". Вопросъ о кумирскихъ богахъ заслонилъ собою дѣйствительныя причины неудовольствія на правительство. Кромѣ того, на жителей Царицына подѣйствовалъ примѣръ донцовъ. „И казаки Донскіе къ вамъ пріѣзжали изъ разныхъ станицъ,—писали они Дороѳееву,—и къ вашему пріобщенію приставать не хотятъ и вамъ отказали" [1]).

Терскіе и гребенскіе казаки внимательнѣе отнеслись къ доводу отъ благочестія, но они были слабы. Они извинялись, что не могутъ идти на помощь астраханцамъ: „Живымъ Богомъ клянемся, невозможно намъ войска къ вамъ прислать; сами вы знаете, что насъ малое число, и съ ордою со всею не въ миру; чтобы намъ попрежнему отъ орды женъ и дочерей не потерять" [2])

Если ужъ Алексѣй Михайловичъ умѣлъ справиться съ „гилевщиками", то тѣмъ легче было усмирять ихъ его сыну, располагавшему по-европейски обученнымъ войскомъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ безъ большихъ усилій положилъ конецъ астраханскому бунту. Съ бунтовщиками, какъ водится, жестоко расправились. Но жестокая расправа съ ними не устранила причинъ народнаго неудовольства, и два года спустя Петру пришлось усмирять тѣхъ самыхъ донцовъ, которые не нашли нужнымъ „пристать къ пріобщенію" астраханцевъ.

Донцамъ не было „указу" насчетъ бороды и нѣмецкаго платья. Они благодарили за это. Но они были недовольны тѣмъ, что Петръ запрещалъ имъ принимать бѣглыхъ, цѣлыми толпами устремлявшихся на Донъ. Средняго рѣшенія этого стараго вопроса быть не могло. Надо было рѣшить его или въ пользу русскаго государства или въ пользу земли Войска Донского. Рѣшеніе могло быть только дѣломъ силы. И тутъ интересы этого послѣдняго совпадали съ интересами всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ представителей тяглаго населенія, которые не уживались въ предѣлахъ государства.

За укрывательство бѣглыхъ Петръ, всегда щедрый по части наказаній, грозилъ донцамъ каторгой и лишеніемъ живота, но угрозы не достигали, да и не могли достигнуть своей цѣли; казаки продолжали принимать бѣглыхъ. Для возвращенія этихъ послѣднихъ на мѣста ихъ прежняго жительства Петръ послалъ въ 1707 г. князя Ю. Долгорукаго съ войскомъ. Это и послужило сигналомъ къ возстанію. Атаманъ Кондратій Булавинъ напалъ ночью на Долгорукаго и убилъ его, истребивъ весь его отрядъ.

Булавинъ говорилъ казакамъ о себѣ: „Я прямой Стенька, не

---

[1]) Соловьевъ, кн. III, стр. 1382.

[2]) Тамъ же, стр. 1381.

какъ тотъ Стенька безъ ума своего голову потерялъ, и я вожъ вамъ буду". Онъ вошелъ въ сношенія съ казаками другихъ „земель", въ томъ числѣ и съ запорожцами. Для него, какъ для казака, важнѣе всего были старыя казацкія вольности. Въ своихъ „письмахъ" онъ приказывалъ, „чтобы пришлыхъ съ Руси принимали безовзяточно". Но онъ недаромъ вспоминалъ о Разинѣ. Опытъ Степана Тимоѳеича подсказывалъ, что при подходящихъ условіяхъ тяглое русское населеніе охотно поддержитъ возставшихъ противъ „Москвы" казаковъ. Булавинъ приглашалъ всѣхъ „черныхъ людей" стоять вкупѣ за одно и увѣрялъ, что отъ него не будетъ имъ никакой обиды, такъ какъ ему „до нихъ дѣла нѣтъ", а есть дѣло до князей, и бояръ, и прибыльщиковъ, и нѣмцевъ. Эта мысль еще сильнѣе выражается въ „прелестномъ письмѣ" другого казацкаго „вожа", Голаго. „Намъ до черни дѣла нѣтъ; намъ дѣло до бояръ и которые неправду дѣлаютъ, а вы, голытьба, всѣ идите со всѣхъ городовъ конные и пѣшіе, нагіе и босые, идите не опасайтесь! Будутъ вамъ кони и ружья, и платье и денежное жалованье". Не подлежитъ сомнѣнію, что эти воззванія производили впечатлѣніе на черныхъ людей. Когда тамбовскій воевода, опасаясь нападенія казаковъ, уже появившихся въ его уѣздѣ, готовился къ оборонѣ и звалъ посадскихъ людей въ „городъ" (въ крѣпость), они говорили: „Что намъ въ городѣ дѣлать! Не до насъ дѣло". Въ томъ же Тамбовскомъ уѣздѣ жители нѣкоторыхъ деревень „склонились къ воровству", т.-е. завели у себя казацкое устройство. Это повторилось и въ Козловскомъ уѣздѣ. На Дону дѣла Булавина шли еще лучше. Къ нему со всѣхъ сторонъ стекались охотники, станицы переходили на его сторону одна за другой. Въ маѣ 1708 г. онъ овладѣлъ Черкасскомъ. На Волгѣ булавинцы взяли Царицынъ, а жители Камышина сами перешли на ихъ сторону, побросавъ въ воду офицера, полкового писаря и бурмистровъ соляной продажи. Словомъ, возобновлялось именно то, что происходило при Разинѣ. Этому радовались казаки и черные люди; это безпокоило правительство. „Воровство Булавина отъ часу множится", писалъ Петръ Меншикову. А кн. В. В. Долгорукову, брату убитаго Булавинымъ кн. Ю. В. Долгорукаго, онъ, посылая его противъ бунтовщиковъ, совѣтовалъ читать въ старыхъ „Книгахъ" о томъ, какъ усмиряло правительство Алексѣя Михайловича Разинскій бунтъ. Однако онъ очень преувеличивалъ опасность: силы боровшихся сторонъ были слишкомъ неравны.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Петру В. В. Долгорукій въ слѣдующихъ выраженіяхъ жаловался на лѣнивое исполненіе своихъ обязанностей служилыми людьми высшаго круга: „Царе-

Стенька Разинъ.

дворцы, которымъ вѣлено со мною, не токмо что (не. *Г. П.*) отправлены ко мнѣ, и имянъ ихъ не прислано, а они государь люди молодые и богатые, тѣмъ было и служить, а они отбываютъ отъ службы... а они, государь, зѣло нужны на этихъ воровъ: извѣстно тебѣ самому, каковы Донскіе казаки, не легулярное войско, а царедворцы на нихъ зѣло способны, на Шведовъ они плохи, а на этотъ народъ зѣло способны“ [1]).

Этими его словами прекрасно характеризуется соотношеніе между силами правительства, съ одной стороны, и силами бунтовщиковъ—съ другой. Даже то войско, которое не годилось „на Шведовъ“, способно было защитить существовавшій въ русскомъ государствѣ порядокъ отъ нападеній со стороны „нелегулярнаго войска“ донского и бѣжавшихъ на Донъ тяглыхъ людей. Булавинъ былъ побѣжденъ и застрѣлился, не желая живымъ попасть въ руки Петра. Бунтовщики были усмирены; нѣкоторые непокорные казаки ушли подъ предводительствомъ Некрасова на Кубань. Казачество притихло.

Если Разинъ такъ плохо разбирался въ вопросахъ вѣры, что, стараясь привлечь къ себѣ недовольныхъ, выдавалъ себя за приверженца патріарха Никона, то Булавинъ, очевидно, хорошо зналъ, какъ дорого было многимъ недовольнымъ „древлее благочестіе“. Онъ объявилъ себя его защитникомъ, хотя самъ онъ, можетъ быть, мало дорожилъ имъ и, повидимому, плохо понималъ, чего собственно требуютъ староверы. Въ своихъ воззваніяхъ онъ обѣщалъ бороться съ тѣми, которые „вводятъ всѣхъ въ Елинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прилестны“. На староверовъ доводъ отъ благочестія едва ли производилъ впечатлѣніе большой опредѣленности.

Не производятъ впечатлѣнія опредѣленности и соціально-политическія требованія приверженцевъ Булавина. Въ одномъ изъ его „прелестныхъ писемъ“ содержится такая программа: „А между собою добрымъ начальнымъ, посадскимъ и торговымъ и всякимъ чернымъ людямъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, и будетъ кто станетъ кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь“ [2]). Посошковъ готовъ былъ удовольствоваться, въ случаѣ такихъ неправдъ, нещаднымъ тѣлеснымъ наказаніемъ виновныхъ. Козаки обнаружили больше рѣшительности. Но программа, сводящаяся къ тому, чтобы никто никого напрасно не билъ, не грабилъ и не

---

[1]) См. **Соловьева**, кн. III, стр. 1457—1459, 1463—1464.

[2]) Тамъ же, стр. 1454

разорялъ, есть не болѣе, какъ рядъ добрыхъ пожеланій. Какія учрежденія нужны и возможны были тогда для того, чтобы оградить тяглую Русь отъ „напраснаго“ разоренья, грабежа и битья, этого не зналъ Посошковъ, и это оставалось неизвѣстнымъ всей многострадальной тяглой Руси. Для Булавина или для Голаго этотъ вопросъ рѣшался очень просто: введеніемъ въ Россіи козацкаго устройства. И мы видѣли, что, возставая противъ поставленныхъ царемъ начальныхъ людей, тяглые жители деревень и посадовъ не прочь были сдѣлаться козаками. Но усвоеніе козацкихъ порядковъ развѣ лишь на время устранило бы въ Россіи тѣ общественныя „неисправы“, которыя толкали ея черныхъ людей на возстаніе: раздѣленіе общественнаго труда при данныхъ экономическихъ условіяхъ опять привело бы къ порабощенію трудящейся массы. При этомъ, вѣроятно, исчезли бы нѣкоторыя, наиболѣе тяжелыя и унизительныя послѣдствія ея порабощенія. И это, разумѣется, было бы чистымъ выигрышемъ для нея. Но и объ этомъ можно было развѣ лишь мечтать. Соотношеніе общественныхъ силъ заранѣе обрекало на неудачу всякую попытку сломить установившійся на Руси общественно-политическій строй. „Нелегулярное“ козацкое войско не могло выдержать сколько-нибудь серьезнаго столкновенія съ правительственной арміей. А отъ „черныхъ“ людей русскаго государства сами Булавинъ и Голый, старавшіеся поднять ихъ на возстаніе, врядъ ли ждали значительной военной поддержки. Жестоко угнетенный народъ сильно роптал на Петра и охотно слушалъ разсказы о томъ, что онъ не настоящій царь. Мы видѣли это выше. Но достойно вниманія, что даже Булавинъ и его сподвижники не рѣшились открыто выступать противъ царской власти. Убивъ Ю. Долгорукаго, они оправдывались тѣмъ, что онъ поступалъ „не противъ государева указа“. А въ одномъ изъ булавинскихъ воззваній прямо сказано, что онъ хочетъ постоять за христіанскую вѣру „и за благочестиваго царя“. Несмотря ни на какія испытанія и при всемъ ея недовольствѣ своею участью, тяглая Русь въ огромномъ большинствѣ не расположена была поддерживать царскихъ недруговъ. Съ этимъ ея настроеніемъ считался Булавинъ, какъ считался прежде него Разинъ и послѣ него Пугачевъ.

Вполнѣ естественное желаніе тяглой массы оградить себя,— здѣсь на землѣ,—отъ побоевъ, грабежа и разоренья превращалось у нея, конечно, не безъ остатка, въ фантастическое стремленіе постоять за старую вѣру. Чѣмъ менѣе осуществимымъ оказывалось ея естественное желаніе, тѣмъ сильнѣе должно было упрочиваться у нея это ея фантастическое стремленіе. Расколъ пріобрѣлъ много новыхъ послѣдователей въ царствованіе

Петра [1]). Раскольники повторяли обычныя тогда жалобы на то, что Петръ „не печется о народѣ, а печется о нѣмцахъ“ [2]). Они готовы были объяснять это тѣмъ, что онъ—царь „подмѣнный“. Но они не довольствовались этимъ и объявили Петра антихристомъ. „Книгописецъ“ Григорій Талицкій приглашалъ православныхъ не слушаться государя-антихриста и не платить ему податей. Это звучитъ очень рѣзко: не надо ни платить податей ни повиноваться государю. Но этого не надо потому, что онъ антихристъ, и что наступили послѣднія времена. Значитъ, въ обыкновенное время, не знающее такихъ ужасовъ, какъ пришествіе антихриста, платить царю подати и повиноваться ему слѣдуетъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Даже въ крайнихъ своихъ выводахъ народная масса показывала себя совершенно неспособной отказаться отъ тѣхъ своихъ соціально-политическихъ представленій, которыя сложились и окрѣпли въ историческихъ условіяхъ развитія московскаго государства. Это интересное соціально-психологическое явленіе, совершенно ускользнувшее отъ вниманія теоретиковъ народничества, подробно разсмотрѣно мною въ главѣ, посвященной возникновенію раскола и общей его характеристикѣ. Тамъ же я показалъ, что, борясь съ антихристомъ, раскольники прибѣгали преимущественно къ старому, испытанному народному средству: бѣгству изъ центральныхъ мѣстностей на окраины, въ „прекрасную пустыню“, гдѣ крайне замедлялось дальнѣйшее развитіе народной мысли. Не желая повторяться, я приведу здѣсь лишь нѣсколько новыхъ примѣровъ [3]), подтверждающихъ справедливость сказаннаго тамъ мною и относящихся именно къ эпохѣ Петра.

Расколоучитель Кузьма Андреевъ, допрошенный въ Преображенскомъ Приказѣ жестокимъ княземъ Ѳ. Ю. Ромодановскимъ, сообщилъ, что съ дѣтскихъ лѣтъ онъ проживалъ въ Москвѣ со своимъ отцомъ, монастырскимъ крестьяниномъ, и братьями. Сначала они сильно бѣдствовали и кормились „мірскимъ подаяніемъ“, потомъ нашли кое-какія занятія: лѣтомъ паяли мѣдную и оловянную посуду, а зимой торговали на Москвѣ-рѣкѣ „всякими саньми“. Однако въ городѣ они навсегда не остались: „сошли въ Керженскіе лѣса и жили въ пустыняхъ, ради спасенія душъ сво-

[1]) Въ 1718 г. извѣстный ренегатъ раскола Питиримъ сообщалъ Петру, что „раскольниковъ во всѣхъ городахъ болѣе 200 тысячъ; число ихъ увеличивается: въ Балахонскомъ и въ Юрьевскомъ Повольскомъ уѣздахъ ихъ болѣе 20 тысячъ“ (Есиповъ, назв. соч., т. II, стр. 219). На самомъ дѣлѣ число ихъ было еще значительнѣе, какъ это явствуетъ изъ того же сообщенія Питирима (тамъ же, стр. 220).

[2]) „Государь нашъ принялъ звѣриный образъ и носитъ собачьи кудри“, говорили раскольники.

[3]) Есиповъ. Раскольничьи дѣла. Т. I, стр. 60.

ихъ, для того, что, стало быть, въ Москвѣ вѣрѣ перемѣненіе, началась святая служба неправильно, по новоизданнымъ книгамъ; литургію стали служить на пяти просфорахъ, а по требнику старой печати.. служили литургію на семи просфорахъ; и въ томъ стала убавка“ и т. п. [1]).

А вотъ показаніе по тому же дѣлу другого раскольника Никиты Никифорова.

Посадскій человѣкъ города Шуи, онъ „сошелъ въ Балаханскій уѣздъ въ Керженскіе лѣса, для спасенія души своей, присмотря въ божественномъ писаніи о пустынныхъ жителяхъ, для того, что онъ грамотѣ умѣетъ, и, построя въ тѣхъ лѣсахъ келью, жилъ съ пришлымъ человѣкомъ, со старикомъ Ѳедоромъ Андреевымъ“ и т. д. [2]).

Допрошенный по другому раскольничьему дѣлу, Иванъ Андреевъ сообщилъ о себѣ слѣдующее.

„Прежде сего былъ онъ домовой вотчины святѣйшаго патріарха слободы Благовѣщенской, что въ Нижнемъ Новгородѣ, бобыльскій сынъ и живучи съ отцомъ своимъ изучился иконному письму. И отецъ его умре, а онъ Иванъ послѣ смерти его, тому лѣтъ съ 20, изъ той слободы сошелъ, скитался по разнымъ городамъ и селамъ и деревнямъ и въ пустынѣ за Нижнемъ, въ Керженцѣ, Бога ради...“ [3]).

Можно было бы привести много такихъ же примѣровъ. Но они такъ похожи одинъ на другой, что это было бы ненужной тратой мѣста и времени. Мы поступимъ лучше, кинувъ взглядъ на документъ, позволяющій намъ судить о томъ, въ какую сторону направлялась работа мысли этихъ людей, недовольныхъ тѣмъ, что давала имъ окружавшая ихъ дѣйствительность, и искавшихъ „новаго града“.

Вотъ составленный въ Преображенскомъ Приказѣ списокъ рукописей, отобранныхъ у приверженныхъ къ расколу обитателей Керженской „пустыни“.

1) „Патерикъ азбучный“; 2) Патерикъ скитскій; 3) двѣ тетрадки... о вѣрѣ; 4) тетрадь... объ инокѣ, впадающемъ въ блудъ; 5) тетрадь Символъ; ...6) Три тетрадки... Евсевія епископа самосальскаго; 7) мѣсяца Декабря въ 18-й день слово Опондока (?) о благорѣчіи; 8)... О житіи Алексія человѣка Божія; 9)... О страшномъ судѣ Христовѣ; 10) исповѣданіе мірянамъ; 11) праздники Тихвинскія Богородицы; 12) Скитское покаяніе; 13) Поученіе св.

---

[1]) Есиповъ, тамъ же, т. I, стр. 594.

[2]) Тамъ же, стр. 603.

[3]) Есиповъ, тамъ же, т. II, стр. 61.

отцевъ ко всѣмъ спящимъ; 14)... Марта въ 24-й день слово не просто прощати грѣхи; 15) Канонъ Богородицы, тропари воскресны и богородичны, съ кондаки дневными и полунощными; 16) О покаяніи и исповѣданіи...

Списокъ далеко не конченъ, но приведенная мною часть его даетъ намъ вполнѣ достаточное понятіе о томъ, какую духовную пищу находили въ „пустынѣ“ бѣглецы, искавшіе „новаго града“. Они знакомились тамъ съ литературой, исключительно посвященной вопросамъ вѣры и богослужебнаго обряда; „Іерусалимъ небесный“ привлекалъ къ себѣ все ихъ вниманіе. Да и съ этой стороны поле зрѣнія расколоучителей было до крайности ограничено. Когда священникъ Авраамъ Ивановъ, перейдя въ расколъ, согласился служить по „раскольнической вѣрѣ“, его заставили присягнуть по присягѣ, въ которой написано въ двухъ мѣстахъ: первое: всѣ еретицы, противомыслящіе святымъ всея вселенныя семи соборамъ, да будутъ прокляты. Второе: вси еретицы да будутъ прокляты, отрицаюбося ихъ и заповѣдей ихъ и иже изволитъ съ ними, и по ихъ еретическому преданію бороду брити, и иновѣрныхъ одѣяніе носити и всего заповѣданія еретическаго“ [1]). Нельзя было идти впередъ по этой дорогѣ; можно было только топтаться на одномъ мѣстѣ.

Расколъ старообрядства явился, какъ одинъ изъ видовъ націоналистической реакціи противъ поворота московскаго государства къ Западу. Но при Петрѣ у насъ возникъ другой видъ раскола, находившійся въ непосредственной причинной связи именно съ Петровской реформой. Я говорю о тѣхъ „новыхъ философахъ“, съ которыми такъ упорно, хотя вовсе не доблестно боролся до конца своихъ дней мѣстоблюститель патріаршаго престола Ст. Яворскій. Самымъ виднымъ между ними былъ Дмитрій Евдокимовичъ Тверитиновъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ XVII в. тверской „чернослободецъ“ Тверитиновъ пришелъ въ столицу съ нѣсколькими своими родственниками. Онъ былъ тогда въ „самой мизерности“ и, чтобы найти работу, обратился къ иноземцамъ, которые населяли въ Москвѣ цѣлую слободу нѣмецкую. Какъ видно, ему удалось получить занятіе въ первой частной московской аптекѣ. Умный и любознательный, онъ началъ „искать науки у дохтуровъ и лѣкарей“. Но тогдашняя практическая медицина не удовлетворила его духовныхъ запросовъ. Между тѣмъ какъ большая часть московскихъ жителей съ враждебнымъ недовѣріемъ относилось къ религіознымъ взглядамъ населявшихъ нѣмецкую слободу иноземцевъ

[1]) Есиповъ, т. I, стр. 619—620.

цевъ, онъ заинтересовался ученіемъ протестантовъ и захотѣлъ понять его. Въ этомъ Тверитинову отчасти пришла на помощь религіозная литература литовской Руси. Ему попался напечатанный еще въ 1562 г. въ Несвижѣ, по-бѣлорусски, „лютеранскій катехизисъ, то-есть наука стародавняя христіанская отъ светого писма, для простыхъ людей языка русскаго“. Кромѣ того, онъ досталъ себѣ „Краткій лютеранскій катехизисъ съ молитвами“, вышедшій въ Стокгольмѣ въ 1628 г. Книги эти сильно подѣйствовали на него. О бѣлорусскомъ катехизисѣ онъ говорилъ, что написанное въ немъ есть правда, которую надобно „содержать всякому человѣку“, а лютеранскія молитвы онъ „зѣло хвалилъ и цѣловалъ“. По обычаю протестантовъ, онъ сталъ усердно читать Библію, изъ которой дѣлалъ много выписокъ [1]). Трудно сказать теперь, сдѣлался ли онъ вполнѣ убѣжденнымъ лютераниномъ. Но неоспоримо, что его религіозныя понятія совершенно разошлись съ ученіемъ православной церкви. Онъ осуждалъ поклоненіе иконамъ и посты, отвергалъ церковное преданіе и находилъ ненужной церковную іерархію. Всѣ эти новые взгляды были для него дѣломъ глубокаго убѣжденія. Про него говорили, что онъ называлъ себя апостоломъ, проповѣдникомъ истины. И замѣчательно, что проповѣдь этого апостола встрѣтила сочувствіе въ нѣкоторой части передового населенія Москвы. Въ числѣ его послѣдователей называли сапожника Михайла Чепару, часового мастера Якова Иванова, торговца изъ овощного ряда Андрея Александрова, цырюльника Ѳому Иванова, тяглеца котельной слободы Никиту Мартынова и Михайла Андреева Косого, бывшаго прежде тяглецомъ той же слободы.

Михайло Косой принималъ участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г.; за это его сослали въ Сибирь. Лѣтъ черезъ десять послѣ того онъ вернулся въ Москву, но уже тайно, и, опасаясь быть узнаннымъ, вращался больше между иноземцами. Вліяніе иноземцевъ и подготовило его къ усвоенію новыхъ религіозныхъ взглядовъ Тверитинова. Начитанный „дохтуръ“ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. „То-то патріархъ-отъ былъ (!)“, говорилъ онъ о Тверитиновѣ.

Пусть читатель проститъ мнѣ маленькое отступленіе. Когда открытъ былъ (въ 1908 г.) восьмой спутникъ Юпитера, то оказалось, что въ его движеніи есть интересная особенность. Онъ такъ далекъ отъ своей планеты что сила притяженія его ею только

---

[1]) Онъ читалъ ее не только въ славянскомъ переводѣ, но также на латинскомъ языкѣ, усвоенномъ самоучкой, „неправильнымъ ученіемъ“.

немногимъ сильнѣе, нежели притяженіе его солнцемъ. Поэтому очень велики возмущенія, вызываемыя солнцемъ въ движеніи этого спутника, а орбита, по которой движется онъ вокругъ Юпитера, постоянно измѣняется, такъ что каждое новое обращеніе совершается уже по новой орбитѣ и съ новымъ періодомъ.

Это явленіе, очень интересное съ точки зрѣнія небесной механики, само собою приходитъ на память, когда задумываешься о ходѣ духовнаго развитія Михайла Косого. Въ 1682 г. онъ бунтуетъ вмѣстѣ со стрѣльцами; въ ту пору его, какъ и огромное большинство стрѣльцовъ, притягиваетъ къ себѣ московская старина; можетъ быть, очень немного нужно было для того, чтобы сдѣлать изъ него сторонника „древляго благочестія“ и вызвать въ немъ готовность „умереть за азъ“. Но обстоятельства,—„нелегальность“ его пребыванія въ Москвѣ послѣ тайнаго возвращенія изъ Сибири,—вызываютъ его изъ-подъ стараго вліянія и подчиняютъ новому. И вотъ онъ возстаетъ противъ старыхъ понятій и восхищается религіознымъ вольнодумствомъ Тверитинова. Однако новая орбита движенія его мысли вовсе не отличается опредѣленностью. Увлеченіе идеями Тверитинова, не видѣвшаго никакой надобности въ церковной іерархіи, приводитъ его къ тому неожиданному выводу, что этого противника іерархіи слѣдовало бы сдѣлать патріархомъ. Очевидно, его мысль нерѣдко снова попадала въ сферу стараго вліянія. И Михайло Косой, навѣрно, былъ не одинъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что въ томъ меньшинствѣ русскаго трудового населенія, которое вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ попало въ эту переходную эпоху подъ вліяніе Запада, отнюдь не составляли исключенія личности, плохо сводившія концы съ концами въ своемъ новомъ міровоззрѣніи и попеременно уступавшія то одной, то другой силѣ культурнаго притяженія.

Защитники „старой вѣры“ видѣли въ Петрѣ исчадіе ада; Тверитиновъ горячо сочувствовалъ Петровской реформѣ. „Какъ Левинъ, Талицкій, Докукинъ и цѣлая вереница подобныхъ имъ старовѣровъ отыскала въ священномъ писаніи тексты въ обличеніе скверны новаго направленія, въ доказательство того, что Петръ антихристъ,—говоритъ Н. С. Тихонравовъ,—такъ и Тверитиновъ вписывалъ въ свои тетради изъ Библіи все то, что, казалось ему, доказывало необходимость новыхъ коренныхъ преобразованій въ русскомъ обществѣ и особенно въ духовенствѣ“ [1]).

---

[1]) См. статью „Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій“, во второмъ томѣ сочиненій Н. С. Тихонравова, стр. 161. Изъ этой статьи заимствованы всѣ приводимыя данныя о Тверитиновѣ.

Онъ думалъ, что Петръ далъ своимъ подданнымъ свободу совѣсти. „Нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, повольно всякому, кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ“, утверждалъ Тверитиновъ. И самъ онъ въ противность старообрядцамъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ терпимости. Онъ училъ, что „можно спастись во всѣхъ вѣрахъ“, а защитникамъ старины съ упрекомъ говорилъ: „Только у васъ и разума—грозите огнемъ и кнутомъ“.

Знакомые Тверитинова называли его „человѣкомъ неглупымъ въ политикѣ“. Но, должно быть, отзываясь о немъ такъ, они имѣли въ виду его „политичное“ обращеніе съ людьми. Его всѣ считали большимъ мастеромъ по части такого обращенія. Политикой въ настоящемъ смыслѣ этого слова онъ, повидимому, совсѣмъ не интересовался. Критическая мысль его едва ли выходила когда-нибудь за предѣлы религіозной области. Но зато въ этихъ предѣлахъ Тверитиновъ мыслилъ такъ смѣло (для своего времени и для своей среды), что, при свойственной ему склонности проповѣдывать, не могъ не озлобить противъ себя духовенства. Да и немного новаго нужно было усвоить тогда, чтобы прослыть опаснымъ еретикомъ. Онъ находилъ ненужной церковную іерархію. Стефанъ Яворскій сказалъ о немъ, что онъ возставалъ „contra ordinem ecclesiasticum ejusque potestatem et decorum“. Уже этого было достаточно. Но главное,—Тверитиновъ доказывалъ, что „іереямъ слѣдуетъ отъ своихъ рукъ пищу себѣ востяжати, якоже и Павелъ сотвори“. Этимъ онъ снова поднималъ, *рѣшая его въ отрицательномъ смыслѣ*, старый вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Духовенство тѣмъ болѣе должно было досадовать на него за это, что въ лицѣ Петра свѣтская власть и такъ очень сильно расположена была къ безцеремонному обращенію съ названными имуществами. Тверитиновъ былъ обвиненъ во многихъ ересяхъ сразу.

Въ указѣ отъ 1702 г. Петръ говорилъ: „Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о спасеніи души своей“. На самомъ же дѣлѣ раскольники подвергались при немъ, особенно въ концѣ его царствованія, суровымъ преслѣдованіямъ. И не только тѣ, которые называли его антихристомъ и учили, что грѣшно платить подати и повиноваться ему. Тверитиновъ, всѣми силами души сочувствовавшій его реформѣ, тоже испилъ весьма горькую чашу за свое религіозное вольномысліе. Ему пришлось бы совсѣмъ плохо, если бы не вражда Яворскаго съ фискальнымъ вѣдомствомъ. Въ числѣ членовъ „богопротивной компаніи“ [1])

---

[1]) Такъ называлъ Яворскій Тверитинова съ его послѣдователями.

Тверитинова оказался одинъ фискалъ, благодаря усиліямъ и служебнымъ связямъ котораго Петръ велѣлъ перенести дѣло въ сенатъ. Между сенаторами были люди, мало расположенные поддерживать претензіи Яворскаго, твердившаго имъ о томъ, что иное дѣло власть свѣтская, а иное духовная. Они не упустили случая дать ему почувствовать всю неосновательность этихъ претензій, а Петръ охотно оказалъ имъ при этомъ свою личную поддержку. Испуганный гнѣвомъ царя, мѣстоблюститель патріаршаго престола униженно просилъ у него прощенія, однако не переставалъ преслѣдовать свою жертву. Дѣло Тверитинова тянулось мучительно долго. Арестованный въ 1713 г. и преданный анаѳемѣ Яворскимъ, онъ былъ выпущенъ на свободу лишь черезъ пять лѣтъ, а „прощенія" и „разрѣшенія отъ клятвы" добился онъ отъ синода только въ 1723 г., да и то, главнымъ образомъ, благодаря тому, что тогда уже не было въ живыхъ упрямаго „блюстителя". Прибавлю, что и тогда онъ не былъ бы „прощенъ и разрѣшенъ", если бы не отрекся ото всѣхъ своихъ новыхъ религіозныхъ взглядовъ.

Петръ энергично поддерживалъ своихъ фискаловъ въ ихъ столкновеніяхъ съ Яворскимъ. Хорошо сумѣлъ онъ напомнить этому послѣднему пословицу: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ" [1]). Но свобода совѣсти, *какъ таковая*, не имѣла цѣны въ его глазахъ, а *если и имѣла*, то весьма небольшую. Раздражать изъ-за нея хотя бы того же Яворскаго и его сторонниковъ онъ не находилъ нужнымъ. Тверитиновъ имѣлъ о немъ неправильное представленіе.

---

[1]) Объ этомъ см. въ первомъ томѣ, стр. 149

Глава IV.

Политическое настроеніе дворянства при ближайшихъ преемникахъ Петра. — Замыселъ верховниковъ. — Оппозиція противъ него со стороны рядового дворянства. — Отношеніе къ нему „ученой дружины“.

Все болѣе и болѣе частыя сношенія съ Западомъ открывали русскимъ людямъ такія стороны европейской жизни, которыя прежде оставались недоступными для ихъ умственныхъ взоровъ. Мы уже видѣли, какъ поражали передовыя западныя страны нѣкоторыхъ наиболѣе толковыхъ русскихъ путешественниковъ эпохи Петра тѣмъ, что ихъ граждане, наслаждаясь „вольностью, живутъ безъ страха и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей“ [1]). Московскіе обыватели не имѣли о такой жизни ровно никакого представленія. Но тѣмъ болѣе должна была она интересовать тѣхъ изъ нихъ, которые по своему развитію или уму были выше другихъ и, попадая на Западъ, получали возможность учиться не одной только „навигаціи“. Въ 1712 г. Ѳедоръ Салтыковъ писалъ Петру изъ Англіи: „Доношу вашему величеству... въ свободныя времена, будучи здѣсь, прилежно потщился выбрать изъ правленія уставовъ здѣшняго англійскаго государства и прочихъ европейскихъ“. Ѳ. Салтыковъ дѣлалъ это по желанію царя, имѣвшаго нужду въ западно-европейскихъ образцахъ. Притомъ „изъ правленія уставовъ“ западныхъ странъ онъ „выбиралъ“ собственно то, „которое приличествуетъ токмо самодержавствію, а не такъ какъ республикамъ или парламенту“ [2]). Имѣя дѣло съ Петромъ, нельзя было и поступать иначе. Однако, выбирая для царя то, что „приличествуетъ самодержавствію“, онъ, въ ходѣ своей работы, знакомился съ „уставами“ болѣе свободныхъ государствъ, и въ его умѣ возникалъ, быть можетъ, во-

---

[1]) См. цитированный выше путевой дневникъ П. А. Толстого.

[2]) Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб., 1897, стр. 18.

просъ: почему бы не перенести на Русь тотъ или другой изъ этихъ уставовъ? Павловъ-Сильванскій называетъ Ѳ. Салтыкова крайнимъ западникомъ и приводитъ его слова о томъ, что „россійскій народъ такія же чувства и разсужденія имѣетъ, какъ и прочіе народы, только его довлѣетъ къ такимъ дѣламъ управить“ [1]). Исходя изъ этого убѣжденія, можно было придумать цѣлый рядъ такихъ реформъ, которыя не совсѣмъ хорошо уживались бы съ „самодержавствіемъ“. И дѣйствительно, Салтыковъ дѣлалъ Петру такія «пропозиціи», духъ который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ политическимъ вкусамъ и преданіямъ московскихъ царей.

Ему хотѣлось создать въ Россіи вліятельную аристократію. Онъ предлагалъ сохранить привилегію землевладѣнія за дворянскимъ сословіемъ и надѣлить это сословіе аристократическими „титулами“ ландграфовъ, маркизовъ, графовъ, бароновъ, господъ, смотря по величинѣ ихъ земельныхъ владѣній. Для поддержки дворянскаго сословія онъ проектировалъ также учрежденіе маіората [2]).

Надо замѣтить, что Салтыковъ не оставался одинокимъ въ своемъ сочувствіи къ аристократическому строю. В. Л. Долгорукій, уѣхавшій во Францію молодымъ человѣкомъ, въ свитѣ своего дяди кн. Як. Ѳед. Долгорукова, и остававшійся тамъ цѣлыхъ тринадцать лѣтъ, а кромѣ того, долго жившій въ Даніи и въ Польшѣ, вынесъ изъ своего пребыванія за границей сильное сочувствіе западно-европейской аристократіи. Не меньше сочувствовалъ ей и кн. Д. М. Голицынъ, по выраженію Д. А. Корсакова, „представлявшій собою счастливое сочетаніе стариннаго московскаго боярства съ европеизмомъ и выражавшій лучшія стороны этого боярства“ [3]). Испанскій посолъ герцогъ Де-Лиріа приписывалъ ему слова: „Къ чему намъ нововведенія; развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и предписывали намъ новые законы“. Но если Д. М. Голицынъ и отзывался такъ о нововведеніяхъ, то несомнѣнно, что его отзывъ нужно бы брать cum grano salis. Совершенно понятно, что этотъ „породистый“ человѣкъ не хотѣлъ подчиниться служившимъ въ Россіи иностранцамъ. Реформа Петра должна была вызвать его неудовольствіе тѣмъ, что заставляла породу сторониться передъ чиномъ. Но вполнѣ

[1]) Тамъ же, стр. 22.

[2]) Павловъ-Сильванскій, тамъ же, стр. 25—26. Петръ осуществилъ мысль Салтыкова о маіоратахъ, но передѣлалъ ее по-своему, отнявъ у нея сословный характеръ.

[3]) Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань, 1880 стр. 34.

ясно, что Голицынъ не могъ желать возстановленія стараго московскаго быта, какъ онъ сложился въ эпоху, предшествовавшую Петровской реформѣ. Просвѣщенному князю нельзя было помириться съ этимъ бытомъ уже по одному тому, что въ Москвѣ самые породистые люди являлись царскими „холопами" и принуждены были безропотно сносить отъ нихъ соотвѣтственно этому обращеніе. Онъ недаромъ читалъ Локка, Гроція, Маккіавелли и другихъ политическихъ писателей. Вліяніе Запада пробудило въ немъ сознаніе своего человѣческаго достоинства. Онъ мечталъ о томъ, чтобы сообщить знатнымъ русскимъ семьямъ такое же значеніе въ государственной жизни, какое имѣла шведская аристократія. Когда обстоятельства дали ему возможность сдѣлать попытку осуществленія того, о чемъ онъ прежде могъ именно только мечтать, Голицынъ совершилъ много крупныхъ ошибокъ, дающихъ намъ отчетливое представленіе о томъ, какъ безпомощны были въ вопросахъ политической тактики даже самые просвѣщенные русскіе дѣятели того времени. Но даже въ этихъ его ошибкахъ обнаружился гораздо болѣе широкій политическій кругозоръ, нежели тотъ, которымъ довольствовались бояре до-Петровской Руси.

Рядомъ съ родовитыми людьми, въ которыхъ вліяніе Запада разбудило, усилило и оформило аристократическія стремленія, на высшихъ ступеняхъ іерахической лѣстницы стояли тогда, между прочимъ, и такія „персоны", которыя, стремясь собственно только къ тому, чтобы поскорѣе выслужиться и подальше выдвинуться, невольно сравнивали, однако, положеніе западно-европейскихъ государственныхъ людей съ положеніемъ русскихъ „государевыхъ холоповъ" и въ глубинѣ души отдавали предпочтеніе первому передъ послѣднимъ. Къ ихъ числу принадлежалъ, напримѣръ, гр. П. И. Ягужинскій, возвысившійся при Петрѣ до званія генералъ-прокурора сената. Его личныя цѣли были ему дороже, выше всего на свѣтѣ. Ради нихъ онъ готовъ былъ итти съ кѣмъ угодно и куда угодно. Но мы увидимъ, что при подходящемъ случаѣ и онъ способенъ былъ воскликнуть, обращаясь къ людямъ, отъ которыхъ зависѣла, по его мнѣнію, дальнѣйшая судьба русскаго служилаго класса: „Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли!"

Политическіе взгляды русскихъ людей расширялись и прояснялись не только благодаря участившимся поѣздкамъ ихъ въ болѣе свободныя страны Западной Европы. Со времени реформы они охотно стали знакомиться съ политической литературой Запада. По приказанію Петра переведено было „**Введеніе въ Гисторію Европейскую**" Пуфендорфа, содержащее въ себѣ

краткое описанiе тогдашняго государственнаго устройства разныхъ западно-европейскихъ странъ. И эта книга была не единственнымъ источникомъ просвѣщенiя государевыхъ холоповъ. Въ началѣ XVIII вѣка въ Россiи обращалась рукопись, озаглавленная: „Краткое политическое описанiе государствъ Европейскихъ“. Авторъ ея отдавалъ предпочтенiе неограниченной монархiи. Онъ съ особой любовью останавливается на тѣхъ моментахъ исторiи государствъ, въ которые прежнiя представительныя формы уступили мѣсто самодержавiю (какъ, напр., въ Данiи въ 1682 г., въ Швецiи въ 1680 г.); государственный строй Польши подвергается сильнымъ нападкамъ автора, а положенiе англiйскаго короля, всецѣло ограниченнаго парламентомъ, вызываетъ въ немъ просто соболѣзнованiе и жалость [1]).

Конечно, тутъ съ нимъ согласилась бы не только „ученая дружина“, всецѣло стоявшая, какъ мы видѣли, на сторонѣ абсолютизма. Тогдашнее „россiйское шляхетство“, происходившее отъ московскаго дворянства, усердно помогавшаго Грозному въ дѣлѣ приниженiя бояръ и утвержденiя безграничной царской власти, не склонно было увлекаться ни аристократическимъ строемъ Англiи, ни польской политической анархiей. П. А. Толстой, съ видимымъ удовольствiемъ вписавшiй въ свой путевой дневникъ замѣчанiе о томъ, что граждане Венецiи всегда жили „безъ страху, безъ обиды и безъ тягостныхъ податей“, очень рѣзко отозвался въ томъ же дневникѣ о полякахъ, неспособныхъ, по его словамъ, „никакого государственнаго дѣла сдѣлать безъ шума и безъ драки“ [2]). Шляхетство стояло за самодержавiе частью по унаслѣдованной отъ предковъ привычкѣ: читатель помнитъ, что герои повѣстей, возникшихъ подъ влiянiемъ Петровской реформы, въ цѣлости хранили политическiя воззрѣнiя московскихъ людей. А кромѣ того, готовность отстаивать неограниченную монархiю поддерживалась у россiйскаго шляхетства его промежуточнымъ положенiемъ между родовитыми „фамилiями“, съ одной стороны, и крѣпостнымъ крестьянствомъ, съ другой. Оно опасалось, что если родовитые люди сдѣлаются господами положенiя, то начнутъ тѣснить шляхетство еще больше, нежели тѣснили его неограниченные государи. И въ то же время оно боялось, что движенiе служилаго класса противъ государя вызоветъ движенiе крестьянства противъ служилаго класса. И несмотря на все это, даже тѣ политическiя сочиненiя и компиляцiи, которыя проповѣдывали абсолютизмъ, должны

---

[1]) Д. А. Корсаковъ, назв. соч., стр. 286.

[2]) „Русскiй Архивъ“, 1888 г., кн. I, стр. 196.

были расширять политическіе взгляды своихъ русскихъ читателей, если только знакомили ихъ съ болѣе или менѣе свободными порядками западныхъ странъ. Для примѣра можно сослаться на то же „Краткое политическое описаніе государствъ Европейскихъ“.

Какъ ни строго осуждалъ его авторъ англійскую конституцію, но онъ все-таки доводилъ до свѣдѣнія русскихъ людей, что безъ согласія палаты общинъ (или по его терминологіи: нишшаго сяданія наивышняго двора) невозможно „податки въ королевствѣ ставить“. Онъ же, описывая „Рѣчь посполитую Венеційскую“, такъ характеризовалъ ея могущественныхъ сенаторовъ: „Что речено иногда о давныхъ рымскихъ сенаторахъ согласно нынѣ возможется придати венетицкымъ сенаторамъ, которыи хотя бъ не короли они, однакоже не надобно ихъ въ меньшемъ почтеніи имѣть“. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ его, какъ бы поневолѣ хвалебный, отзывъ о голландскомъ „статусѣ“, т.-е. государствѣ. Нарисовавъ картину матеріальнаго благосостоянія Голландіи, онъ прибавляетъ: „Голландскій статусъ волность свою, съ многою кровію полученою, выше почитаютъ прочихъ богатствъ“. Хвалитъ онъ и Швейцарію: „Хельветы (швейцарцы) воинственною силою толь славны, что едва народъ можется найтись, который имѣлъ бы ихъ цѣною перевосходить. Сего знаки изъявилися прежде 300 лѣтъ, когда за свои домы и за вольность мужественно воевали, которую вольность и до нынешняго дня зѣло содержали сопротивъ нападателей“ [1]). Западно-европейская общественная жизнь имѣла ту особенность, что, говоря о ней, русскому человѣку нелегко было избѣжать болѣе или менѣе частаго употребленія слова „волность“. И поскольку русскіе читатели знакомились съ этой ея особенностью, постольку ихъ понятія возвышались надъ уровнемъ московскихъ политическихъ понятій добраго стараго времени. Мы видѣли это еще на примѣрѣ Котошихина и другихъ западниковъ XVII вѣка. Само собою понятно, что еще больше возвышались надъ уровнемъ старыхъ московскихъ понятій люди, читавшіе такихъ писателей, какъ Гроцій, Томазій, Локкъ или Боккалини, сочиненія которыхъ были переведены на русскій языкъ и обращались въ нашихъ тогдашнихъ образованныхъ кругахъ.

Петровская реформа дала русскимъ людямъ гораздо большую возможность увидать, какъ живутъ „прочіе народы“, и узнать, что думаютъ ихъ умственные представители. Это находится внѣ всякаго сомнѣнія. Но, говоря объ этомъ, надо всегда

---

1) См. Д. А. Корсакова, назв. соч., стр. 286—293.

помнить, что русскіе люди, получившіе возможность ознакомиться съ общественной жизнью и общественной мыслью передовыхъ народовъ Запада, принадлежали почти исключительно къ служилому классу. Даровитые люди этого класса были въ этомъ отношеніи несравненно лучше обставлены, нежели даровитые люди изъ народа. Къ услугамъ однихъ былъ Локкъ, Маккіавелли, Гоббзъ или хотя бы только Томазій и Пуфендорфъ, тогда какъ другимъ крайне рѣдко попадалась духовная пища, болѣе питательная, чѣмъ „Патерикъ Скитскій“, „Тетрадь объ инокѣ, впадающемъ въ блудъ“, или „Слово“ какого-то Опондока „о благорѣчіи“. Въ виду этого естественно, что мысль однихъ подвигалась такъ или иначе впередъ, тогда какъ мысль другихъ, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, топталась на заколдованномъ мѣстѣ старыхъ московскихъ обычаевъ и „древляго благочестія“.

Воспитывающее вліяніе западной жизни и западной литературы подкрѣплялось тѣми впечатлѣніями, которыя получались отъ событій, совершавшихся на Руси. При Петрѣ служилымъ людямъ жилось нелегко: онъ требовалъ отъ нихъ работы, работы и опять работы. Но всѣ они видѣли, что въ его лицѣ на царскомъ престолѣ сидитъ бережливый хозяинъ и неутомимый работникъ. Этой заслуги у него никто не могъ, да, кажется, никто и не пытался отнять. При его ближайшихъ преемникахъ глазамъ служилыхъ людей представилось другое зрѣлище. Екатерина I въ роли правительницы совсѣмъ не походила на своего мужа. Какъ говоритъ Ключевскій, она „мало занималась дѣлами, которыя плохо понимала, вела безпорядочную жизнь, привыкнувъ, несмотря на свою болѣзненность и излишнюю полноту, засиживаться до пяти часовъ утра на пирушкахъ среди близкихъ людей, распустила управленіе, въ которомъ, по словамъ одного посла, всѣ думаютъ лишь о томъ, чтобы украсть, и въ послѣдній годъ жизни истратила на свои прихоти до 6½ милліоновъ рублей на наши деньги, между тѣмъ какъ недовольные за кулисами на тайныхъ сборищахъ пили здоровье обойденнаго великаго князя, а тайная полиція каждый день вѣшала неосторожныхъ болтуновъ“ [1]. Еще хуже пошло дѣло, когда (въ маѣ 1727 г.) воцарился, наконецъ, „обойденный великій князь“. Все время этого очень дурно воспитаннаго мальчика тратилось на пустыя забавы въ обществѣ его любимцевъ. Если при Екатеринѣ I господствовалъ Меншиковъ, то теперь всесильными временщиками сдѣлались кн. Алексѣй Долгорукій и его сынъ

---

[1]) Курсъ, IV, стр. 346.

Иванъ. Испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріа сообщилъ своему двору:

„Въ Москвѣ всѣ ропщутъ на образъ жизни царя, виня въ этомъ окружающихъ его. Любящіе отечество приходятъ въ отчаяніе, видя, что государь каждое утро, едва одѣвшись, садится въ сани и отправляется въ подмосковную съ княземъ Алексѣемъ Долгорукимъ, отцомъ фаворита, и съ дежурнымъ камергеромъ и остается тамъ цѣлый день, забавляясь, какъ ребенокъ, и не занимаясь ничѣмъ, что нужно знать великому государю“ [1]).

Видѣлъ — имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ...

Недовольство поведеніемъ правителей родилось и стало усиливаться въ такое время, когда служилый классъ началъ лучше, нежели прежде, сознавать свое значеніе въ государствѣ. Созданная Петромъ I новая организація военныхъ силъ явилась также новой организаціей силъ служилаго класса. И эти заново организованныя силы служилаго класса, особенно гвардія, выдвинуты были ходомъ событій на русскую историческую сцену сейчасъ же по смерти Петра I: его жена вступила на престолъ при помощи гвардейцевъ, во всеуслышаніе говорившихъ, что они разобьютъ головы боярамъ, если тѣ пойдутъ противъ нея. И съ тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлаго историческаго періода, личная судьба правителей зависѣла отъ настроенія гвардіи, да еще отъ хода интригъ въ придворномъ кругу.

Въ своей „Исторіи Кавалергардовъ“ С. Панчулидзевъ замѣчаетъ, что по способу своего комплектованія, гвардія всегда сохраняла „тѣсную связь съ массой населенія“ [2]). Это совершенно вѣрно, если подъ „населеніемъ“ понимать, какъ это и дѣлаетъ С. Панчулидзевъ, служилый классъ. Къ этому онъ долженъ былъ бы прибавить, что, сохраняя тѣсную связь со служилымъ классомъ, гвардія, естественно, являлась органомъ, съ помощью котораго онъ защищалъ свои интересы. Иначе и быть не могло. Но гвардія—не общество образованныхъ людей, обладающихъ извѣстной степенью развитія. Защищая дворянскіе интересы, она не могла быть носительницей идеаловъ передовой части дворянства. Ея взгляды были взглядами большинства, и въ дѣлѣ защиты сословныхъ интересовъ дворянства она могла прибѣгать лишь къ такимъ средствамъ, которыя были доступны по-

---

[1]) Письма о Россіи въ Испанію. Восемнадцатый вѣкъ. Кн. II, стр. 146.
[2]) Исторія Кавалергардовъ. Спб., 1899 г., т. I, стр. 179.

ниманію „массы населенія“. Вотъ почему ея выступленія на русской политической сценѣ XVIII вѣка даютъ намъ болѣе или менѣе обильныя данныя для сужденія о политическомъ сознаніи нашего шляхетства.

Петръ I постановилъ, что русскій государь самъ назначаетъ своего наслѣдника. Смерть помѣшала ему сдѣлать согласно этому постановленію. Его четырнадцатилѣтній внукъ умеръ тоже безъ завѣщанія. Обѣ эти, невыгодныя для царствовавшаго дома, случайности были выгодны для служилаго класса въ томъ смыслѣ, что какъ въ 1795 году, такъ и въ 1730 году дали ему поводъ для рѣшительнаго политическаго выступленія, по крайней мѣрѣ въ лицѣ гвардіи.

По смерти Петра II возникъ вопросъ, нужно ли считаться съ завѣщаніемъ Екатерины I, согласно которому престолъ, въ случаѣ бездѣтной смерти второго русскаго императора, передавался въ семью дочери Петра I Анны, бывшей замужемъ за принцемъ Гольштинскимъ. По точному смыслу петровскаго закона, Екатерина I имѣла право назначать только своего ближайшаго преемника. Поэтому ея завѣщаніе лишено было законной силы, и по смерти Петра II надо было выбрать новаго государя.

Ближе всего къ престолу стоялъ Верховный Тайный совѣтъ. Его члены быстро сговорились между собою. Въ ту же ночь, когда скончался Петръ II, они выбрали дочь Ивана Алексѣевича, вдову курляндскаго герцога Анну. Они надѣялись, что эта далеко не богатая и почти одинокая женщина гораздо легче остальныхъ членовъ царскаго рода согласится принять выработанныя ими условія („Кондиціи“) избранія. Общій смыслъ „Кондицій“ выраженъ былъ кн. Д. М. Голицинымъ въ словахъ „надобно себѣ полегчить“ или,—какъ тотчасъ же пояснилъ онъ,—„воли себѣ прибавить“.

Прибавить себѣ воли пытались еще бояре, принимавшіе участіе въ выборѣ Василія Шуйскаго. Того же хотѣли родовитые люди при избраніи Михаила Романова. Но теперь, послѣ Петровской реформы и благодаря западному вліянію, боярское желаніе прибавить себѣ воли приняло уже болѣе опредѣленный характеръ. „Кондиціи“, предложенныя Аннѣ Ивановнѣ, точнѣе выражали то, чего собственно добивались отъ новой императрицы ихъ составители. Она должна была подписать слѣдующія обязательства:

„Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи Православныя нашея вѣры Греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны Россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и на-

слѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякого государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ ввосми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія 1) ни съ кѣмъ войны не всчинать, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать, 4) въ значные чины, какъ въ стацкіе, такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничьяго ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, 6) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 7) въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить, 8) государственные доходы въ расходахъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать".

На основаніи этихъ „Кондицій", или „пунктовъ", Анна могла составить себѣ вполнѣ отчетливое представленіе о весьма скромныхъ размѣрахъ своей будущей власти. Ясно указывали, „пункты" и на то, что угрожало ей въ случаѣ нарушенія перечисленныхъ условій: „а буде по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской".

Она подписала всѣ эти условія: мѣняя положеніе бѣдной вдовы курляндскаго герцога на положеніе всероссійской императрицы, хотя бы и съ очень ограниченной властью, она все-таки ровно ничего не теряла и очень много выигрывала.

Главнымъ вдохновителемъ верховниковъ былъ не разъ уже упомянутый выше кн. Д. М. Голицынъ. Онъ находилъ, что условія, подписанныя въ Митавѣ Анной, должны были послужить точкой исхода новыхъ и значительно болѣе широкихъ политическихъ реформъ. Голицынъ,—какъ видно, впрочемъ, не сразу,—рѣшился придать извѣстное политическое значеніе сенату и создать два новыхъ учрежденія: Шляхетскую Палату изъ двухсотъ членовъ и Палату городскихъ представителей, на обязанности которой лежала бы защита интересовъ торговаго сословія, а также и всей вообще непривилегированной, не-шляхетской, Руси[1]). Но, по извѣстному нѣмецкому выраженію,

[1]) „Къ купечеству имѣть призрѣніе и отвращать отъ нихъ всякіе обиды и неволи и въ торгахъ имѣть имъ волю и никому въ одни руки никакихъ товаровъ не давать, и податми должно ихъ облегчить, а прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшатца", — такъ гласилъ двѣнадцатый параграфъ написаннаго Голицынымъ проекта присяги на вѣрность Аннѣ отъ имени Верховнаго Совѣта, Сената, Синода, генера-

Д. М. Голицынъ считалъ безъ хозяина, и его плану не суждено было осуществиться.

Въ моментъ смерти Петра II Верховный совѣтъ состоялъ всего изъ пяти человѣкъ. Его членами были: канцлеръ Г. И. Головкинъ, вице-канцлеръ А. И. Остерманъ, кн. А. Г. Долгорукій, кн. В. А. Долгорукій и кн. Д. М. Голицынъ. Этотъ его составъ немедлено былъ пополненъ кооптаціей трехъ новыхъ лицъ: фельдмаршала кн. М. М. Голицына, фельдмаршала кн. В. В. Долгорукаго и сибирскаго губернатора кн. М. В. Долгорукаго. Такимъ образомъ и получилось „восемь персонъ“, при чемъ Анна обязалась всегда „содержать“ Верховный совѣтъ именно въ этомъ числѣ. Изъ восьми персонъ, составлявшихъ тогда совѣтъ, двѣ— Головкинъ и иностранецъ Остерманъ — отнюдь не были знатной породы; зато остальныя шесть принадлежали къ самымъ родовитымъ „ѳамиліямъ“. Это обстоятельство до извѣстной степени придавало аристократическій характеръ центральному учрежденію, стремившемуся захватить всю власть въ свои руки. Но надо сказать, что русская аристократія — если только существовала она въ XVIII вѣкѣ — состояла не только изъ двухъ княжескихъ родовъ: Голицыныхъ и Долгорукихъ. Князья Трубецкіе, Борятинскіе, Черкасскіе, гр. Мусинъ-Пушкинъ и нѣкоторые другіе тоже могли съ полнымъ основаніемъ причислять себя къ „ѳамильнымъ людямъ“. Выказавъ желаніе навсегда ограничить составъ совѣта восемью лицами, верховники тѣмъ самымъ вызывали неудовольствіе во многихъ другихъ знатныхъ семьяхъ. Недовольные верховниками аристократы сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее для того, чтобы помѣшать осуществленію замысла.

Родовитые люди преобразованной Россіи до извѣстной степени усвоили себѣ политическіе взгляды и стремленія западно-европейскихъ аристократовъ. Но когда дѣло дошло до проведенія въ жизнь этихъ взглядовъ, до осуществленія этихъ стремленій, тогда повторилось то, что было постояннымъ явленіемъ въ Московской Руси: вмѣсто того, чтобы соединенными силами вести борьбу противъ самовластья государей, наши бояре, не будучи въ состояніи подняться выше родовыхъ или кружковыхъ цѣлей, пошли другъ противъ друга, чѣмъ существенно облегчили

литета и „всего россійскаго народа, духовнаго и свѣтскаго всякаго чина людей“. (Корсаковъ, наз. соч. стр. 187—188). Я счелъ полезнымъ отмѣтить выразившееся здѣсь сознаніе вреда монополій и пользы „воли въ торгахъ“. Характерно также обѣщаніе запретить мѣшаться въ купечество „прочимъ всякимъ чинамъ“. Русскіе купцы постоянно добивались такого запрещенія еще до Петра и, какъ увидимъ, не перестали добиваться его въ эпоху пресловутой Екатерининской Комиссіи для составленія уложенія.

побѣду того же самовластія. Несмотря на свой европеизмъ, Долгорукіе и Голицыны не сумѣли отдѣлаться отъ этой странной боярской привычки. Они поставили свой замыселъ на слишкомъ узкую основу, сдѣлали изъ него плохо обдуманную придворную интригу („затѣйку“, по выраженію Ѳ. Прокоповича), тогда какъ имъ представлялся хорошій случай сдѣлать открытый шагъ въ направленіи къ политической европеизаціи Россіи. Противъ „затѣйки“ верховниковъ ополчились не только оттѣсненные ими аристократы. Ей стали вредить разнаго рода чиновные честолюбцы въ родѣ упомянутаго выше Ягужинскаго. По смерти Петра II онъ обратился къ верховникамъ съ уже приведенными мною словами: „батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли“. Какъ видимъ, онъ сознавалъ, что „воля“ гораздо лучше „неволи“. Но онъ смотрѣлъ на вопросъ о борьбѣ за „волю“ съ личной точки зрѣнія. Потерявъ надежду быть кооптированнымъ въ совѣтъ, онъ немедлено началъ смѣлую и ловкую интригу въ пользу самодержавія. Въ его лицѣ „чинъ“ потребовалъ уступокъ отъ захватившей власть „породы“ и, не добившись ихъ, вступилъ въ глухую, но безпощадную борьбу съ нею. Этимъ тоже были уменьшены шансы успѣха задуманнаго Д. М. Голицынымъ предпріятія.

Но теперь, какъ и по смерти Петра I, дѣло зависѣло, въ послѣднемъ счетѣ отъ гвардіи, т.-е. отъ организованнаго шляхетства. Г. С. Панчулидзевъ нашелъ нужнымъ поставить своимъ читателямъ на видъ, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ всѣ участники нашихъ государственныхъ переворотовъ, „сверху до низу“, сознательно стремились къ своимъ цѣлямъ. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ это можно признать справедливымъ.

Описывая „затѣйки“ верховниковъ, Ѳ. Прокоповичъ такъ характеризуетъ впечатлѣніе, произведенное ею на дворянскіе круги.

Всѣ говорили, „что если по желанію господъ оныхъ (т.-е. членовъ Верховнаго Совѣта. *Г. П.*) сдѣлается, отъ чего бы сохранилъ Богъ, то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдствіе. Самимъ имъ Господамъ нельзя быть въ согласіи: сколько ихъ есть числомъ, чуть не толико явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное лицо, каково имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала“ [1]). Тутъ вполнѣ позволительно предположить преувеличеніе. Но свидѣтельство Прокоповича подтверждается донесеніемъ польско-саксонскаго посла У. Л. Лефорта, который писалъ 26 января (6 февраля н. с.):

„Новый образъ правленія, составляемый вельможами, даетъ поводъ къ волненіямъ въ мелкомъ дворянствѣ; среди него слы-

---

[1]) „Затѣйка“ Дюка Лирійскаго и пр. (Приложеніе). Стр. 199.

шатся подобнаго рода разговоры: знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало-по-малу захватитъ въ свои руки бразды правленія; кто же намъ поручится, что со временемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства. У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить, и въ Россіи начнется анархія"[1]).

Дворянство помогло московскимъ государямъ сокрушить бояръ. Теперь, когда два боярскихъ рода захотѣли воспользоваться смертью Петра II для обезпеченія себѣ рѣшающаго вліянія на ходъ дѣлъ въ странѣ, дворянство — ставшее и россійскимъ „шляхетствомъ", т.-е. достигшее нѣсколько болѣе яснаго политическаго сознанія — не могло явиться послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. И надо удивляться тому, что просвѣщенный Д. М. Голицынъ понялъ это только тогда, когда уже нельзя было предпринять что-либо серьезное для привлеченія „шляхетства" на сторону Верховнаго Совѣта.

Мелкое дворянство, безусловно, стояло за самодержавіе. Но средній и высшій слой этого класса готовы были выставить свои условія. Эти слои стремились къ болѣе или менѣе значительному ослабленію своей зависимости по отношенію къ государству и государю. Они хотѣли ограничить обязательную службу дворянства извѣстнымъ срокомъ, обезпечить себя и свои имѣнья отъ произвола верховной власти и, наконецъ, пріобрѣсти законное вліяніе на ходъ государственнаго управленія. Въ различныхъ кружкахъ недовольнаго верховниками шляхетства выработано было до 10 проектовъ, подписанныхъ болѣе чѣмъ 1000 лицами. Эти проекты даютъ намъ прекрасный матеріалъ для сужденія о тогдашнемъ „умоначертаніи" европеизованной части русскаго дворянства.

Наибольшей полнотой и систематичностью изложенія отличается проектъ, составленный В. Н. Татищевымъ и рѣшительно требующій упраздненія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Проектъ находитъ нужнымъ, „въ помощь ея Величества", учредить „Высшее Правительство" или Сенатъ (въ составѣ 21 „персоны"), дѣятельность котораго дополнялось бы дѣятельностью „Нижняго Правительства", изъ 100 „персонъ", предназначавшагося соб-

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. V, стр. 347. — Ср. Корсакова, назв. соч., стр. 92—93.

ственно для завѣдыванія дѣлами внутренней экономіи. „Упалыя мѣста“ въ вышнемъ и нижнемъ правительствѣ должны были пополняться кооптаціей на соединенныхъ засѣданіяхъ этихъ двухъ учрежденій [1]). Въ тѣхъ же соединенныхъ засѣданіяхъ предполагалось производить выборы губернаторовъ, вице-губернаторовъ и главныхъ командировъ войскъ.

Въ проектѣ опредѣлялся также порядокъ составленія новыхъ законовъ: „Какъ скоро ея Величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ нѣсколько дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея Величеству ко утвержденію представили“ [2]).

Не ясно, считалъ ли проектъ императрицу обязанной утверждать законопроекты, „сочиненные“ такимъ образомъ. Очевидно, однако, что ей долженъ былъ принадлежать законодательный починъ.

Далѣе проектъ требовалъ ограниченія срока шляхетской службы двадцатью годами; избавленія шляхетства отъ службы въ матросахъ и ремесленникахъ; отмѣны петровскаго закона объ единонаслѣдіи и приведенія въ извѣстность „подлиннаго шляхетства“. Старинное, столбовое дворянство предполагалось записывать въ особую книгу, отдѣльно отъ новыхъ дворянъ, которые „изъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подьячихъ“. Принадлежность къ дворянству дожна была опредѣляться древностью рода или жалованными грамотами.

Не забыты были и политическіе аресты. При нихъ долженъ былъ присутствовать депутатъ отъ полиціи для охраны пожитковъ арестуемаго, а для наблюденія за справедливостью въ тайную канцелярію предполагалось назначить по два члена Сената.

Проектъ, выработанный авторомъ „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“, не могъ не позаботиться о просвѣщеніи шляхетства. Онъ указывалъ на необходимость устройства во всѣхъ городахъ училищъ съ обезпеченіемъ ихъ помѣщеніемъ и ежегоднымъ содержаніемъ. Татищевъ не былъ бы птенцомъ гнѣзда Петрова, если бы не подумалъ и о торговомъ сословіи. Написанный имъ

---

[1]) Проектъ воспрещаетъ выбирать въ Высшее Правительство двухъ чиновъ одной фамиліи, потому что „весьма безпорядочно бываетъ, когда въ одномъ правленіи отецъ съ сыномъ, или два брата, и дядя съ племянникомъ, тесть съ зятемъ присутствуютъ, которое равно какъ бы одному два голоса присвоены были“. Составитель проекта, очевидно, хотѣлъ помѣшать повторенію того, что совершилось при кооптаціи членовъ Верховнаго Совѣта и что возбуждало всеобщее неудовольствіе.

[2]) Д. А. Корсаковъ. Воцареніе. Стр. 159, 160, 161

проектъ предлагалъ освободить купечество отъ постоевъ, принять мѣры къ огражденію его отъ утѣсненій [1]) и „подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ“ [2]).

Для обсужденія этихъ предложеній надо было выбрать „всѣмъ шляхетствомъ къ разсмотрѣнію сего людей достойныхъ, не меньше ста человѣкъ“. Лица, подписавшія проектъ (ихъ было 249 человѣкъ), просили Верховный Совѣтъ, „чтобъ конечно того жъ дня или на завтра, чрезъ герольдмейстера, шляхетству о собраніи объявить и покои для того назначить“ [3]).

Другіе проекты разработаны не такъ обстоятельно. Отъ только что разсмотрѣннаго они отличаются нѣкоторыми, иногда существенными, частностями. Большинство ихъ не упраздняетъ Верховнаго Совѣта, а идетъ на сдѣлку съ нимъ, настаивая только на томъ, чтобы составъ его былъ расширенъ. Въ одномъ проектѣ выражается довольно большая требовательность по части правъ „ѳ а м и л н ы х ъ о с о б ъ“, которыя должны были составить въ служиломъ классѣ особый слой, отдѣльный отъ п р о с т о г о ш л я х е т с т в а и обладающій большимъ, нежели оно, удѣльнымъ политическимъ вѣсомъ [4]). Нѣкоторые проекты говорятъ объ „отягощенномъ податями земледѣлствѣ“,—т.-е. о крестьянствѣ,—хотятъ облегчить податное бремя [5]). Что касается государственнаго управленія, то всѣ они считали нужнымъ участіе въ немъ всего „общества“, расходились только въ вопросѣ объ его составѣ. Согласно однимъ проектамъ, „верховное собраніе“ должно было состоять изъ совѣта, сената, генералитета [6]) и шляхетства, тогда какъ другіе исключали изъ него сенатъ, а отчасти и совѣтъ (при выборахъ въ верховное собраніе, которые должны были производиться кооптаціей). Въ одномъ проектѣ говорится даже: „впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится сочинить *С е й м у* и утвердить обществомъ“ [7]). Интересно, что именно въ этотъ критическій моментъ нѣкоторые русскіе дворяне не вспомнили о сеймахъ польской и л и т о в с к о-русской шляхты.

Всѣ эти различія не мѣшали проектамъ сохранять свой вполнѣ шляхетскій характеръ и самимъ существованіемъ своимъ

[1]) Мы слышали отъ Посошкова, какъ многообразны были тѣ утѣсненія, которымъ подвергалось купечество со стороны служилаго класса.

[2]) Тамъ же, стр. 161.

[3]) Тамъ же, стр. 162. Проектъ поданъ былъ въ Совѣтъ 5-го февраля.

[4]) К о р с а к о в ъ, тамъ же, стр. 165.

[5]) Тамъ же, стр. 174.

[6]) Т.-е. чиновныхъ особъ первыхъ четырехъ классовъ.

[7]) Тамъ же, стр. 170 (курсивъ мой).

свидѣтельствовать о томъ, что въ тогдашнемъ русскомъ дворянствѣ былъ слой, отнюдь не стремившійся къ безусловному возстановленію стараго политическаго порядка. Осуждая „замѣтку“ верховниковъ за ея исключительность, слой этотъ хотѣлъ воспользоваться предполагавшейся уступчивостью Анны для устраненія или хотя бы только ослабленія „холопской“ зависимости служилаго класса отъ государей. Выходитъ, что не совсѣмъ ошибался Ѳ. Салтыковъ, писавшій: „Русскій народъ такія же чувства и разсужденія имѣетъ, какъ и прочіе народы, только его довлѣетъ къ такимъ дѣламъ управить“. Петровская реформа „управила“ нѣкоторую часть нашего служилаго класса къ дѣлу пріобрѣтенія извѣстныхъ политическихъ правъ. Но если обстоятельства были достаточно благопріятны для того, чтобы заставить ее *стремиться къ пріобрѣтенію такихъ правъ*, то они же были недостаточно благопріятны для того, чтобы *сдѣлать* его стремленіе осуществимымъ.

„Шляхетство сознавало,—говоритъ уже цитированный мною выше историкъ Кавалергардскаго полка,—что какъ территоріальное распространеніе крѣпостного права, такъ и внутреннее развитіе этого учрежденія возможно только при содѣйствіи верховной власти“ [1]). Это едва ли вполнѣ такъ. Вѣроятно, сословный *инстинктъ* шляхетства игралъ здѣсь значительно бо́льшую роль, чѣмъ его сословное *сознаніе*. Но какъ бы тамъ ни было, нельзя сомнѣваться въ томъ, что шляхетское стремленіе раскрѣпостить себя должно было сильно умѣряться съ стремленіемъ *удержать въ крѣпостной зависимости и даже еще болѣе закрѣпостить крестьянъ*. Кромѣ того, большинство дворянства оставалось настолько неразвитымъ въ политическомъ отношеніи, что до него по-старому не достигали никакія сомнѣнія въ преимуществахъ самодержавія. Эта по-старому неразвитая часть дворянства составляла большинство, между прочимъ, и въ *гвардіи*, отъ которой зависѣлъ, въ послѣднемъ счетѣ, исходъ всего дѣла. Неудивительно поэтому, что гвардія показала себя отнюдь нерасположенной поддерживать чьи бы то ни было конституціонныя стремленія.

Силы новаторовъ были слабѣе, нежели силы консерваторовъ. Но это еще не все. Новаторы никакъ не могли согласиться между собою, чѣмъ еще болѣе ослабляли свои силы и облегчали торжество консерваторовъ. И тутъ отвѣтственность едва ли не всецѣло падаетъ на „ѳамилныхъ людей“. Они долго не могли понять, что непремѣнно надо сдѣлать уступки, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) С. Панчулидзевъ, назв. соч., т. I, стр. 221.

наиболѣе вліятельнымъ слоямъ шляхетства и тѣмъ привлечь ихъ на свою сторону. А когда они, наконецъ, поняли это, у нихъ уже не было возможности поправить свою ошибку.

П. Н. Милюковъ находитъ, что въ цѣляхъ верховниковъ не было ничего олигархическаго. Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на слѣдующія слова Генриха Фика, — извѣстнаго сотрудника Петра I, имѣвшаго „вкусъ къ республиканскому правленію" и помогавшаго верховникамъ своими совѣтами: „Нынѣ имперія Россійская стала сестрицею Швеціи и Польшѣ; россіяне нынѣ умны, понеже не будутъ имѣть фаворитовъ такихъ, какъ были Меншиковъ и Долгорукій, отъ которыхъ все зло происходило" [1]). Но слова эти такъ неопредѣленны, что ничего не доказываютъ. Такъ же мало убѣдительна и ссылка П. Н. Милюкова на фразу Д. М. Голицына: „Отнынѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ". Нѣсколько болѣе опредѣленны приводимые отзывы другого Голицына, маршала Михаила Михайловича,—который „разсуждалъ", что у насъ больше не будетъ произвольныхъ казней, ссылокъ, конфискацій и что новое правительство уменьшитъ ненужные расходы, запретитъ лишніе поборы, дастъ свободу торговлѣ, обезпечитъ каждому его имущество и понизитъ высоту процента посредствомъ учрежденія банка. Но и эти „разсужденія" имѣютъ видъ простыхъ обѣщаній, шедшихъ отъ человѣка, принадлежавшаго къ числу верховниковъ и потому существенно заинтересованнаго въ переворотѣ. Вопросъ заключался въ томъ, чѣмъ, именно, т.-е. *какими политическими учрежденіями*, будетъ обезпечено исполненіе обѣщаній, расточавшихся верховниками и ихъ сторонниками. А на этотъ вопросъ верховники не давали другого отвѣта, кромѣ того, который заключался въ явно выраженномъ ихъ нежеланіи удовлетворить политическія требованія просвѣщенной части шляхетства. П. Н. Милюковъ такъ формулируетъ эти требованія конституціонной партіи:

„Она полагала, что новое государственное устройство должно быть выработано особымъ учредительнымъ собраніемъ, болѣе широкимъ, чѣмъ совѣтъ, по соціальному составу. Законодательная власть въ будущемъ строѣ также не должна быть монополіей какой-либо правящей корпораціи, а достояніемъ „общенароднаго" правительства" [2]).

Какъ же отнеслись верховники къ этимъ требованіямъ? Вотъ какъ:

---

[1]) См. статью „Верховники и шляхетство", стр. 20, въ сборникѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи". Спб., 1902.

[2]) Тамъ же, стр. 23.

„Свои уступки шляхетству онъ (Д. М. Голицынъ. *I. П.*) ввелъ въ текстъ сочиненной имъ присяги, которую подданные должны были принести императрицѣ послѣ ея пріѣзда. Первый изъ 16-ти пунктовъ этой присяги формулировалъ обязанности верховнаго совѣта подлинными словами одного изъ представленныхъ совѣту проектовъ. Верховный тайный совѣтъ, по этому опредѣленію, существуетъ „не для иной какой собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ". „Не персоны управляютъ закономъ,—повторяетъ Голицынъ другую красивую фразу того же проекта,—но законъ управляетъ персонами". Изъ этого же проекта взяты въ присягу слова о выборѣ кандидатовъ въ члены совѣта изъ „первыхъ фамилій, изъ генералитета и изъ шляхетства, людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ", не болѣе двухъ отъ одной и той же фамиліи. Но въ самой с у т и д ѣ л а никакой уступки не дѣлается: выборъ кандидатовъ, вмѣсто общаго собранія совѣта, сената и генералитета, передается совѣту и сенату. Для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ Голицынъ соглашается созывать собраніе болѣе широкаго состава, но въ такой формѣ, которая и эту уступку лишаетъ всякаго дѣйствительнаго значенія" [1]).

Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе чины, знатное шляхетство, а въ духовныхъ дѣлахъ также члены синода и архіереи получали т о л ь к о с о в ѣ щ а т е л ь н ы й г о л о с ъ. Правда, другіе пункты присяги давали удовлетвореніе нѣкоторымъ второстепеннымъ и третьестепеннымъ требованіямъ шляхетства, но, какъ справедливо замѣчаетъ самъ П. Н. Милюковъ, уступки эти не могли повести къ примиренію, такъ какъ „шляхетство не находило въ нихъ главнаго участія своихъ представителей въ выработкѣ новаго строя и въ пользованіи высшими правами государственной власти" [2]).

Нельзя не согласиться съ П. Н. Милюковымъ, когда онъ говоритъ, что шляхетскія требованія тоже были узки, такъ какъ подъ „общенародіемъ", которому надлежало обезпечить участіе во власти, понималось собственно одно только шляхетство. Исключительно шляхетскій характеръ всѣхъ протестовъ, подданныхъ въ верховный совѣтъ, уже отмѣченъ мною выше. Но и узость имѣетъ разныя степени. Узокъ былъ политическій кругозоръ тѣхъ, у кого понятіе „о б щ е н а р о д і я" покрывалось понятіемъ ш л я х е т с т в а. Но еще б о л ѣ е у з к и м ъ оказался кругозоръ

[1]) П. Н. Милюковъ, тамъ же, стр. 36—37. Курсивъ П. Н. Милюкова.
[2]) Тамъ же, стр. 37—38.

тѣхъ, которыхъ даже узкое понятіе шляхетскаго общенародія играло своею широтою. А если вспомнить при этомъ, что, не желая подѣлиться властью со шляхетствомъ, верховники ухитрились возстановить противъ себя также и знатныя „ѳамиліи", многіе представители которыхъ пошли во главѣ недовольныхъ, то станетъ совершенно понятнымъ, почему и въ какомъ смыслѣ тогда же упрекали и до сихъ поръ упрекаютъ Д. М. Голицына и его товарищей въ олигархическихъ симпатіяхъ.

Сошлюсь на Ѳ. Прокоповича. По его словамъ, Долгорукіе хотѣли служить не народной пользѣ, а себѣ, стремясь пріобрѣсти хоть часть царской власти, когда не могли цѣлой достать. Это ихъ стремленіе онъ называлъ коварнымъ, при чемъ разсуждалъ такъ: „сіе коварство ихъ потому не тайно, что они не думали вводить народное владѣтельство (кое обычно вольною республикою называютъ); но всю владѣнія крайнюю силу осьмичленному своему совѣту учреждали, который владѣнію образъ, въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарещись владѣтельствомъ избранныхъ, греческая аристократія; но развѣ... тиранствомъ или насильствомъ, которое олигархіа у Еллиновъ именуется" [1]).

Прокоповичъ былъ непримиримымъ врагомъ верховниковъ. Онъ съ радостью распространялся объ ихъ ошибкахъ. Это очевидно. Но не менѣе очевидно и то, что верховный совѣтъ стремился передать власть въ руки „малаго числа владѣющихъ".

Какъ сообщаетъ далѣе Прокоповичъ, всѣ говорили тогда, „что если по желанію господъ оныхъ (верховниковъ. *Г. П.*) сдѣлается, отъ чего бы Богъ сохранилъ, то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдство" [2]). Это, конечно, преувеличено. Такъ говорили не всѣ. До насъ дошло известіе о бригадирѣ Козловѣ, который, пріѣхавъ изъ Москвы въ Казань, съ восторгомъ разсказывалъ тамошнимъ обывателямъ, что при первомъ же нарушеніи Анной „Кондицій" ее вышлютъ назадъ въ Курляндію; что теперь она ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ взять; что она не будетъ раздавать деревень и денегъ, не будетъ приближать ко двору своихъ свойственниковъ, и, — это всего замѣчательнѣе, — что теперь у насъ правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало и пр. Значитъ, были же тогда люди, не смущавшіеся сосредоточіемъ власти въ рукахъ осьмичленнаго совѣта. Но огромное большинство дворянъ, въ самомъ дѣлѣ, очень опасалось печальныхъ послѣдствій такого со-

[1]) Записки Дюка Лирійскаго. (*Приложеніе*, стр. 196).
[2]) Тамъ же, стр. 199.

средоточенія. Разсѣять его опасанія можно было только путемъ немедленныхъ уступокъ политическимъ требованіямъ конституціонной части шляхетскаго „общенародія", но этого-то и не хотѣлъ Д. М. Голицынъ. Послѣднимъ его словомъ, крайнимъ предѣломъ его уступчивости П. Н. Милюковъ называетъ тотъ проектъ присяги, который „въ самой сути дѣла" не оставлялъ неудовлетворенными требованій шляхетства. Этотъ своеобразный „большевизмъ" тѣмъ болѣе удивителенъ, что если русское боярство являлось „зяблымъ деревомъ" уже въ XVII вѣкѣ, то теперь, въ 1730 г., починъ ограниченія верховной власти былъ взятъ на себя даже не всѣмъ этимъ деревомъ, — еще болѣе ослабленнымъ реформою Петра, которая принесла съ собой несравненно лучшую, чѣмъ прежде, организацію военной шляхетской силы, — а только двумя его вѣтвями. Какъ ничтожна была политическая сила этихъ двухъ вѣтвей, ясно видно изъ того, что верховники все время выдавали „Кондиціи" за добровольный шагъ Анны, а также изъ того, что безъ всякаго препятствія съ ихъ стороны всѣ предложили называть новую государыню самодержавной.

Выходило, дѣйствительно, такъ, что верховники надѣялись побѣдить самодержавіе посредствомъ закулисной интриги. Ихъ надежда оказалась несбыточной. Положеніе верховниковъ становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ. Это понялъ, наконецъ, В. Л. Долгорукій, который, повидимому, не такъ сильно страдалъ боярскимъ „большевизмомъ", какъ Д. М. Голицынъ. Онъ согласился и на увеличеніе числа членовъ верховнаго совѣта и на разсмотрѣніе общественныхъ нуждъ выборными отъ шляхетства, „что народъ узналъ, что къ пользѣ народнаго дѣла начинать хотятъ". Но было уже поздно: конституціонная партія пошла на сдѣлку со сторонниками самодержавія.

Эти послѣдніе, собравшись 23-го февраля въ квартирѣ князя И. Ѳ. Борятинскаго, рѣшили просить Анну уничтожить Верховный Совѣтъ и возстановить старый политическій порядокъ. Въ то же время конституціоналисты обсуждали создавшееся положеніе дѣлъ въ квартирѣ кн. А. М. Черкасскаго. Неизвѣстно, что собственно говорилось на этомъ ихъ собраніи. Надо полагать, однако, что конституціоналисты мало вѣрили тогда въ возможность осуществить свои желанія. Они не дали серьезнаго отпора В. Н. Татищеву, явившемуся къ нимъ съ предложеніемъ подписать челобитную, составленную на собраніи консерваторовъ въ домѣ Борятинскаго. Горячо поддержанное А. Д. Кантемиромъ, предложеніе Татищева сильно повліяло на присутствовавшихъ. Нѣкоторая часть ихъ тогда же подписалась подъ просьбой о возстановленіи самодержавія. Послѣ этого Кантемиръ и гр. Матвѣевъ

поѣхали въ казармы собирать новыя, подписи. Весь слѣдующій день затраченъ былъ на эту агитацію; къ вечеру coup d'état было подготовлено; Анну извѣстили, что „согласилися". Ей оставалось только разорвать составленныя верховниками и подписанныя ею „Кондиціи". Это и было сдѣлано ею 25-го февраля, въ четвертомъ часу пополудни.

Правда, при этомъ не обошлось безъ неожиданностей.

Утромъ, 25-го февраля, въ пріемныхъ комнатахъ кремлевскаго дворца собрались кн. Черкасскій со своими единомышленниками и кн. Юсуповъ съ гвардейскими офицерами. Они попросили у государыни аудіенціи и, конечно, сейчасъ же получили ее. Тогда Татищевъ прочелъ Аннѣ челобитную, въ которой прежде всего выражалась ей „рабская благодарность за то, что она изволила подписать „пункты", выработанные „Верховнымъ Совѣтомъ". „И не токмо мы, — говорилось въ челобитной, — но и вѣчно наслѣдники наши имени Вашему безсмертное благодареніе и почитаніе воздавать сердцемъ и устами причину имѣютъ". При этомъ благодарные челобитчики высказывали, однако, извѣстныя „сумнительства", для разсѣянія которыхъ просили государыню позволить генералитету, офицерамъ и шляхетству собраться по одному или по два отъ фамилій для того, чтобы, изслѣдовавъ всѣ обстоятельства, сочинить форму государственнаго правленія [1]).

Анна смутилась, да и было отъ чего: не далѣе, какъ наканунѣ извѣщенная о томъ, что „согласились", она ожидала ходатайства о возстановленіи самодержавія, а отъ нея потребовали созыва учредительнаго собранія. Но при такихъ обстоятельствахъ дорога была каждая минута. Сестра Анны, Екатерина, герцогиня мекленбургская, подбѣжала къ ней съ перомъ и съ настойчивымъ совѣтомъ: „Подпиши сейчасъ!" Анна подписала: „Учинить по сему" и пригласила шляхетство снова и немедленно обсудить свою челобитную въ другой залѣ дворца. Оно послѣдовало этому приглашенію.

Началось что-то въ родѣ перваго засѣданія или импровизированнаго учредительнаго собранія.

Оно продолжалось не очень долго. Чтобы возблагодарить Анну за милостивое принятіе ихъ просьбы, челобитчики, потолковавъ между собой, постановили обратиться къ ней съ новой просьбой, состоявшей въ томъ, чтобы она перестала подчиняться тѣмъ самымъ „Кондиціямъ", за подписаніе которыхъ они же только что обѣщали ей „безсмертное благодареніе" потомства. „Всепокорно просимъ, — написано было въ новой челобитной, — всеми-

---

[1]) Корсаковъ, назв. соч., стр. 271.

лостивѣйше принять Самодержавство таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта пункты уничтожить".

Первый блинъ вышелъ комомъ. Первое засѣданіе учредительнаго собранія оказалось также и послѣднимъ. Этого захотѣло само собраніе. Путемъ обхода (первая челобитная) шляхетство пришло какъ разъ туда, куда идти оно „согласилось" еще наканунѣ, и гдѣ его ждала императрица (вторая челобитная). Кому же и зачѣмъ понадобился такой обходъ?

Нелегко отвѣтить на этотъ вопросъ. Какъ видно, Татищевъ, Кантемиръ, Матвѣевъ и другія лица, агитировавшія въ пользу самодержавія, переубѣдили не всѣхъ конституціоналистовъ, и та часть шляхетства, которая сохранила свои конституціонныя стремленія, рѣшила попытать счастья утромъ 25-го февраля. Ея политическіе взгляды и выразились въ первой челобитной. Это понятно. Не понятно только то, что прочесть эту челобитную Аннѣ взялся именно Татищевъ. Роль Татищева въ 1730 году будетъ подробнѣе разсмотрѣна ниже. Но то обстоятельство, что первая челобитная была прочитана именно имъ, не могло повліять на ея судьбу. А судьба ея оказалась довольно странной, такъ какъ тѣ самыя лица, которыя подписались подъ нею, нашли нужнымъ ходатайствовать о возстановленіи самодержавія. Но необходимо помнить, что ограниченія императорской власти хотѣло лишь меньшинство шляхетства. Его большинство было частью равнодушно къ этому намѣренію, частью враждебно ему. Враждебное конституціонализму настроеніе шляхетскаго большинства ярко выразилось въ поведеніи гвардіи. „Государыня, — кричали присутствовавшіе при чтеніи первой челобитной гвардейскіе офицеры, — мы вѣрные рабы Вашего Величества,.... но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, и мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы" [1]). Напутствуемое подобными криками, шляхетство не могло унести съ собою на первое засѣданіе своего учредительнаго собранія большого запаса политической самоувѣренности. Оно ничего не могло противопоставить гвардейской „критикѣ посредствомъ оружія" и должно было чувствовать себя, какъ въ мышеловкѣ, потому что доброхоты Анны захватили всѣ выходы изъ дворца.

Чтобы выбраться изъ мышеловки, челобитчикамъ пришлось отказаться отъ мысли объ ограниченіи самодержавія и ходатайствовать о возстановленіи стараго политическаго порядка. Но

---

[1]) Корсаковъ, назв. соч., стр. 274.

ходатайствуя объ этомъ, они не отказались отъ другихъ своихъ требованій. Въ ихъ второй челобитной, прочитанной Кантемиромъ, говорилось вслѣдъ за просьбой о „самодержавствѣ“:

„Только всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ, чтобы соизволили сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Его Величествѣ Петрѣ I было, и исполнить его довольнымъ числомъ, 21 персоною, таcожде нынѣ, въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы и въ президенты повелѣно бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ“ [1]).

Въ заключеніе челобитчики выражали надежду на правосудіе, на облегченіе податей и на то, что „мы“, т.-е. дворяне, по природному ея Величества благоутробію „во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ“.

Не совсѣмъ лишена интереса и слѣдующая фраза, прокравшаяся въ новую челобитную: „и притомъ всеподданѣйше просимъ, чтобъ по Вашему Всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить“. Казалось бы, что вопросъ о „формѣ правительства для государства“ безъ остатка рѣшился ходатайствомъ о возстановленіи самодержавія. Но, можетъ быть, внося эту фразу въ свою вторую челобитную, сидѣвшіе въ мышеловкѣ челобитчики хотѣли успокоить свою (или своихъ единомышленниковъ, находившихся за стѣнами дворца) конституціонную совѣсть. Какъ бы тамъ ни было, извѣстно, что природное благоутробіе новой государыни, получившей всю полноту власти, не оставило мѣста для какихъ-нибудь конституціонныхъ мечтаній. Въ царствованіе Анны всякія мечтанія этого рода подвергались жестокому преслѣдованію. Достаточно было имѣть списокъ „Кондицій“, чтобы навлечь на себя обвиненіе въ государственномъ преступленіи. Даже гвардія была заподозрѣна въ свободомысліи. Учреждено было два новыхъ гвардейскихъ полка, — Измайловскій и Лейбъ-гвардіи конный, — и ихъ командирами назначены усердные клевреты Анны. Кавалергарды же, сначала награжденные правительствомъ, были потомъ „раскасованы“, потому что, хотя большинство ихъ требовало возстановленія самодержавія, между ними были также лица, подписавшіяся подъ нѣкоторыми конституціонными проектами. Правительство зорко слѣдило за „раскасованными“ и особенно не же-

---

[1] Корсаковъ, назв. соч., стр. 275.

лало, чтобы они оставались въ Москвѣ[1]. Но при всемъ томъ шляхетству дѣлались уступки, которыя должны были убѣдить его что оно и при самодержавіи можетъ удовлетворить пожеланія, наиболѣе распространенныя въ его средѣ. Уничтоживъ Верховный Совѣтъ, Анна возстановила Сенатъ, согласно желанію шляхетства „въ той силѣ", какъ онъ учрежденъ былъ Петромъ. Допущенъ былъ выборъ офицеровъ баллотировкой; отмѣненъ законъ объ единонаслѣдіи; ограничена 25 годами обязательная служба шляхетства[2]; учрежденъ шляхетскій корпусъ съ выпускомъ окончившихъ его курсъ прямо въ офицеры и т. п.. П. Н. Милюковъ находитъ даже, что для окончанія задуманнаго еще Петромъ I новаго „уложенія" принятъ былъ порядокъ, напоминающій татищевскій проектъ: статьи этого уложенія „должны были обсуждаться въ комиссіи, въ составъ которой входили выборные изъ шляхетства и свѣдующіе люди изъ духовенства и купечества, потомъ разсматриваться въ соединенномъ засѣданіи этой комиссіи и сената и, наконецъ, вноситься на утвержденіе государыни". Такимъ образомъ, заключаетъ только что названный мною ученый, вліяніе идей и желаній, высказанныхъ въ политическихъ проектахъ 1730 года на законодательство императрицы Анны, не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи переворотъ (т.-е. попытка переворота *Г. П.*) 1730 года сдѣлалъ въ миміатюрѣ то же дѣло, какое сдѣлала въ большихъ размѣрахъ знаменитая екатерининская комиссія[3]). Но въ высшей степени замѣчательно, что чѣмъ болѣе раскрѣпощалось шляхетство, и чѣмъ болѣе упрочивалось его вліяніе въ области законодательства и управленія, тѣмъ менѣе интересовалось оно вопросомъ объ ограниченіи власти государя. Ниже мы увидимъ, что исключенія,— какъ мнимое, такъ и дѣйствительное — изъ этого общаго правила на самомъ дѣлѣ только подтверждаютъ его. И былъ совершенно правъ другой изслѣдователь, Д. А. Корсаковъ, который утверждалъ, что, получивъ при Аннѣ нѣкоторыя льготы, шляхетство стало все болѣе удаляться отъ мысли о томъ значеніи, которое оно желало получить въ 1730 году: „идеалы его суживаются, и шляхетскія заявленія въ знаменитой екатерининской комиссіи 1767 года несравненно ниже шляхетскихъ воззрѣній 1730 года"[4]).

---

[1]) Въ сентябрѣ 1731 г. имъ былъ объявленъ именной указъ, „дабы они праздно въ Москвѣ не шатались" (Панчулидзевъ, назв. соч., т. I, стр. 220 и 221).

[2]) Впрочемъ, эта уступка была потомъ взята назадъ.

[3]) Изъ исторіи русской интеллигенціи. Стр. 51. Ср. также Корсакова, назв. соч., стр. 298—299.

[4]) Назв. соч., стр. 302.

Когда „затѣйка“ верховниковъ потерпѣла окончательное крушеніе, Д. М. Голицынъ говорилъ своимъ друзьямъ: „Пиръ былъ готовъ, но гости были недостойны его. Я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть, я пострадаю за отечество; я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы далѣе меня!“

Упрямый „большевикъ“ боярства не обнаружилъ политическаго искусства въ дѣлѣ приготовленія „пира“. Мы знаемъ, что противъ него не безъ основанія выдвигался упрекъ въ стремленіи къ олигархіи, а лучше было бы сказать: къ кружковщинѣ. Но нужно быть справедливымъ. Какъ это писалъ еще Д. А. Корсаковъ, торжество Анны тоже повело къ олигархіи, да еще не русской, а иностранной. „Бироновщина“ явилась жестокимъ наказаніемъ Россіи за то, что она показала себя неспособной положить конецъ своему старому политическому порядку. Конечно, Россія была тутъ безъ вины виноватой, но объективная логика общественной жизни не признаетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Петровская реформа, просвѣтившая политическіе взгляды нѣкоторой (небольшой) части служилаго класса, не измѣнила соотношенія политическихъ силъ въ Россіи и потому не могла непосредственно повести къ измѣненію нашего политическаго строя. Напротивъ, однимъ изъ непосредственныхъ ея послѣдствій было продолжительное упроченіе этого строя. Ему въ значительной степени шло на пользу даже стремленіе передовыхъ русскихъ людей къ свѣту знанія. Если просвѣщенная часть дворянства не могла не сознавать, что западная „воля“ лучше старой русской неволи, что, съ другой стороны, мы уже знаемъ, что „ученая дружина“, вызванная къ жизни Петровской реформой, всецѣло сочувствовала самодержавію. Въ 1730 году она доказала это дѣломъ. Ѳ. Прокоповичъ, А. Кантемиръ и В. Н. Татищевъ совершили все, отъ нихъ зависѣвшее, для того, чтобы поддержать Анну. Правда, можно подумать, что Татищевъ самъ не зналъ, чего собственно ему хотѣлось: онъ, защищавшій въ теоріи самодержавіе, пишетъ конституціонный проектъ; онъ, написавшій конституціонный проектъ, ѣдетъ вечеромъ 23-го февраля въ домъ кн. Черкасскаго для того, чтобы подвинуть конституціоналистовъ на соглашеніе съ партіей, замыслившей возстановленіе самодержавія; наконецъ, онъ же, стремившійся подвинуть конституціоналистовъ на возстановленіе самодержавія, утромъ 25 февраля читаетъ передъ Анной конституціонную челобитную. Какое множество противорѣчій! Но они разрѣшаются сомнѣніемъ Татищева въ способности Анны, — „персоны женской“, которой „знанія

законовъ недостаетъ", — править государствомъ, какъ слѣдуетъ самодержавному государю. Это его сомнѣніе и объясняетъ намъ то, что, составляя конституціонный проектъ [1]), онъ въ то же самое время считалъ нужнымъ упорно оспаривать противниковъ самодержавія.

Его споры съ ними важны для характеристики „умоначертанія" тогдашняго образованнаго шляхетства вообще, а въ частности — образа мыслей самаго просвѣщеннаго члена „ученой дружины".

Ему возражали, что не безопасно „единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ дать, ибо, какъ бы мудръ, справедливъ, кротокъ и прилеженъ ни былъ, безгрѣшенъ и во всемъ достаточенъ быть не можетъ; коль же паче, когда страстямъ своимъ дастъ волю, то нужно наглымъ, неправымъ насиліямъ и глумленіямъ неповинныхъ происходитъ".

Противъ этого возраженія Татищевъ выдвигалъ уже извѣстное намъ соображеніе о происхожденіи власти монарха отъ власти родительской. Всякій отецъ семейства заинтересованъ въ томъ, чтобы заботиться о своихъ домашнихъ. „Если же такой несмысленный случится, что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не понимаетъ и вредъ производитъ, то, — разсуждалъ Татищевъ, — можно принять за божеское наказаніе".

Ему указывали, кромѣ того, на временщиковъ, которые ненавидятъ и гонятъ людей, оказываютъ истинныя услуги государству, „а себѣ ненасытно имѣнія собираютъ".

На это онъ отвѣчалъ, что временщики являются болѣе въ республикахъ, и ссылался на исторію Греціи и Рима: тамъ, „усилився нѣкоторые вельможи междоусобіемъ великія разоренія принесли; и сего намъ наипаче опасаться должно, чего въ монархіи едва въ примѣръ сыскать можемъ ли". Татищевъ утверждалъ, что надо различать временщиковъ „благоразумныхъ и вѣрныхъ" отъ „неистовыхъ". Благоразумные и вѣрные временщики, — Татищевъ называлъ такимъ, напримѣръ, В. В. Голицына, — „великую честь и благодареніе вѣчное заслужили".

Жаловались противники самодержавія и на тайную канцелярію, которая была намъ, по ихъ словамъ, въ стыдъ и поношеніе передъ благоразумными народами и къ тому же разоряла государство, такъ какъ „за едино неосторожное сказанное слово пытаютъ, казнятъ и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ". Но Татищева не смущала и тайная канцелярія. Онъ доказывалъ, что „оная, если токмо человѣку благочестивому поручится, ни-

---

[1]) Извѣстный подъ именемъ проекта кн. Черкасскаго.

мало не вредна; а злостные и нечистивые, не долго тѣмъ наслаждаются, сами исчезаютъ" [1]). Какъ сказано выше, написанный Татищевымъ конституціонный проектъ не упразднялъ тайной канцеляріи, а преобразовывалъ ее, назначая въ нее двухъ депутатовъ отъ сената.

Всѣ эти доводы Татищева свидѣтельствуютъ о значительной ограниченности его политическаго „умоначертанія". Тѣ, противъ которыхъ онъ выдвигалъ эти доводы, несомнѣнно, имѣли гораздо болѣе широкіе политическіе взгляды и обладали болѣе развитымъ чувствомъ гражданскаго достоинства. А между тѣмъ Татищевъ, бывшій однимъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей своего времени, навѣрно, превосходилъ образованіемъ многихъ, если не всѣхъ, своихъ противниковъ. И, какъ мы знаемъ, онъ вовсе не склоненъ былъ холопствовать передъ верховною властью. Въ чемъ же тутъ дѣло?

Вспомнимъ, что Ѳ. Прокоповичъ и Кантемиръ, отстаивавшіе самодержавіе съ еще большею послѣдовательностью, нежели Татищевъ, тоже были людьми чрезвычайно образованными, образованными на тогдашнюю русскую мѣрку. Положимъ, о Прокоповичѣ нельзя съ увѣренностью сказать, что его оппозиція „затѣйкамъ" верховниковъ и конституціоналистовъ не вызвалась, — по крайней мѣрѣ, отчасти, — какими-нибудь личными интересами. Вдобавокъ онъ принадлежалъ къ духовному сословію, находившемуся въ антагонизмѣ со служилымъ классомъ. Но у насъ нѣтъ никакого основанія для того, чтобы заподозрить искренность совсѣмъ еще молодого тогда А. Кантемира. Дѣло тутъ не въ искренности и не въ объемѣ знаній, а во взглядѣ на самодержавіе, какъ на самый надежный залогъ дальнѣйшаго просвѣщенія Россіи. „Ученая дружина", восторжено превозносившая просвѣтительную дѣятельность Петра, была горячей сторонницей просвѣщеннаго деспотизма.

Такимъ образомъ, получилось нѣчто парадоксальное; діалектика русскаго просвѣтительнаго движенія приводила къ тому, что отъ мысли о политической свободѣ отмахивались какъ разъ тѣ, которые, въ своемъ качествѣ наиболѣе просвѣщенныхъ людей, казалось, должны были бы горячѣе всѣхъ остальныхъ дорожить ею. Иначе сказать: просвѣщеніе становилось у насъ источникомъ своеобразнаго политическаго обскурантизма.

Нѣчто подобное этому парадоксальному явленію мы видимъ и на Западѣ, гдѣ просвѣтители тоже питали вѣру въ просвѣщенный деспотизмъ, или, — что будетъ въ данномъ случаѣ болѣе

---

[1]) Корсаковъ, назв. соч., стр. 154—155.

точнымъ выраженіемъ, — абсолютизмъ. Но тамъ явленіе это было гораздо менѣе долговѣчно. У насъ же и въ XIX вѣкѣ въ средѣ прогрессистовъ долго не исчезало то убѣжденіе, что правительство должно и можетъ идти впереди „общества". Въ этомъ заключается одна изъ относительныхъ особенностей развитія нашей общественной мысли, коренящихся въ относительныхъ особенностяхъ нашего историческаго процесса.

Г. В. Плехановъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

Томъ III.

Литературно - Издательскій Отдѣлъ
Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію.
МОСКВА — 1919

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
1919.

Часть III.

ДВИЖЕНІЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПОСЛѢ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

Оглавленіе III тома.

ЧАСТЬ III.

Движеніе русской общественной мысли послѣ Петровской реформы.

Глава V.

I.

Общественная мысль въ изящной литературѣ.

Историки русской литературы не всегда были справедливы въ своемъ отношенiи къ первымъ нашимъ дѣятелямъ въ области художественнаго творчества пореформенной эпохи. У насъ до сихъ поръ довольно значительно распространенъ тотъ взглядъ, что первоначально наша изящная литература отличалась полнымъ или почти полнымъ отсутствiемъ содержанiя. Такъ, напримѣръ, еще совсѣмъ недавно одинъ изслѣдователь утверждалъ:

„Для новой зарождающейся свѣтской литературы, безъ сомнѣнiя, прежде всего необходимо было освоиться съ формой. Начало этому было положено Кантемиромъ. Его сатиры часто совершенно отрѣшены отъ жизни и современной дѣйствительности, и въ этомъ ихъ главный недостатокъ. Однако важно то, что благодаря ему прiобрѣтаетъ права гражданства извѣстная литературная форма. Разъ она есть, при дальнѣйшемъ развитiи литературы найдется для нея и живое содержанiе“.

Это несправедливо и съ точки зрѣнiя теорiи и съ точки зрѣнiя фактовъ.

Вообще говоря, форма тѣсно связана съ содержанiемъ. Правда, бываютъ эпохи, когда она отдѣляется отъ него въ болѣе или менѣе сильной степени. Это — исключительныя эпохи. Въ такiя эпохи или форма отстаетъ отъ содержанiя или содержанiе отъ формы. Но надо помнить, что содержанiе отстаетъ отъ формы не тогда, когда литература только еще начинаетъ развиваться, а тогда, когда она уже склоняется къ упадку — чаще всего вслѣдствiе упадка того общественнаго класса или слоя, вкусы и стремленiя котораго въ ней выражаются. Примѣры: декадентство, футуризмъ и прочiя имъ подобныя литературныя явленiя нашихъ дней, вызванныя духовнымъ упадкомъ извѣстныхъ слоевъ буржуазiи. Литературный упадокъ всегда выражается, между прочимъ, въ томъ, что формой начинаютъ

дорожить гораздо болѣе, нежели содержаніемъ. Но содержаніе такъ тѣсно связано съ формой, что пренебреженіе къ нему быстро влечетъ за собою сначала утрату красоты, а потомъ и полное уродство формы. Для примѣра опять укажу на декадентство и футуризмъ въ литературѣ и еще, пожалуй, на кубизмъ въ живописи. Но въ тѣ эпохи, когда еще только начинается развитіе литературы (или искусства), происходитъ явленіе прямо противоположное тому, которое мы наблюдаемъ въ эпохи упадка. Тогда не содержаніе отстаетъ отъ формы, а наоборотъ — форма отъ содержанія. И это какъ нельзя лучше видно на примѣрѣ сатиръ Кантемира, будто бы совершенно лишенныхъ содержанія и оторванныхъ отъ жизни. Мысли, въ нихъ содержащіяся, таковы, что нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ вполнѣ сохранили свое значеніе (напримѣръ, мысли о воспитаніи). Но форма, въ которую облечены эти мысли, такова, что теперь уже нельзя читать Кантемира безъ довольно большого усилія. Да и послѣ Кантемира литературѣ нужно было долго и много поработать надъ собой для того, чтобы стать въ самомъ дѣлѣ изящной, т.-е. чтобы найти подходящую форму для того с о д е р ж а н і я, которымъ она располагала, и которое въ каждое данное время опредѣлялось общественными отношеніями Россіи.

Въ періодъ своего „примиренія съ дѣйствительностью“ Бѣлинскій, какъ извѣстно, не долюбливалъ сатиры. Но подъ конецъ своей жизни онъ относился къ ней совсѣмъ иначе, и тогда онъ съ удовольствіемъ и, скажу, съ гордостью отмѣчалъ, что наша литература, начавшись сатирой, была для нашего общества живымъ источникомъ даже практическихъ нравственныхъ идей, и что въ лицѣ Кантемира она объявила нещадную войну невѣжеству, предразсудкамъ, сутяжничеству, ябедѣ, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которыя она застала въ старомъ обществѣ не какъ пороки, но какъ правило жизни, какъ моральное убѣжденіе. Этотъ отзывъ Бѣлинскаго о сатирѣ Кантемира ни мало не противорѣчитъ дѣйствительности. Но спрашивается, могла ли бы эта сатира явиться источникомъ нравственныхъ идей для кого бы то ни было, могла ли бы она вести войну съ общественными пороками, если бы она была лишена содержанія и оторвана отъ жизни?

Та мысль, что выработка формы явилась едва ли не исключительнымъ дѣломъ нашей литературы въ теченіе XVIII и отчасти даже XIX столѣтія, была твердо и ясно высказана у насъ Н. Г. Чернышевскимъ. Но у него она еще не имѣла того общаго значенія, какое придалъ ей цитированный мною выше изслѣдователь. Во-первыхъ, Чернышевскій дѣлалъ исключеніе именно

для того „сатирическаго направленія“, которое, по его словамъ, „всегда составляло самую живую или, лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы“. Во-вторыхъ, все, что было за предѣлами сатиры, грѣшило, какъ говорилъ онъ, отсутствіемъ содержанія не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ XIX,— вплоть до появленія Гоголя. Чернышевскій утверждалъ, что многіе его современники уже не удовлетворялись содержаніемъ пушкинской поэзіи. „Но у Пушкина,—прибавлялъ онъ,— было во сто разъ больше содержанія, нежели у его сподвижниковъ, взятыхъ вмѣстѣ“. Въ поэзіи этихъ послѣднихъ почти совсѣмъ не было содержанія: „форма была у нихъ почти все, подъ формою не найдете у нихъ почти ничего“ [1]).

Съ этимъ едва ли согласятся современные намъ изслѣдователи. Да и невозможно согласиться съ этимъ. Невозможно потому, что насъ теперь уже не удовлетворяетъ точка зрѣнія просвѣтителей: ходъ общественнаго и литературнаго развитія представляется намъ уже въ другомъ свѣтѣ.

Чернышевскій находилъ, что сатирическое направленіе изящной литературы правильнѣе было бы назвать критическимъ. А критическое направленіе онъ опредѣлялъ, какъ направленіе, которое, „при подробномъ изученіи и воспроизведеніи явленій жизни, проникнуто сознаніемъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи изученныхъ явленій съ нормами разума и благороднаго чувства“ [2]).

Онъ былъ убѣжденъ, что сознаніе такого соотвѣтствія или несоотвѣтствія было, до выступленія Гоголя, слишкомъ мало развито у дѣятелей нашей изящной литературы. Поэтому онъ и говорилъ, что вплоть до эпохи Гоголя литература эта была почти совсѣмъ лишена содержанія, и что Гоголь впервые пробудилъ въ насъ сознаніе о насъ самихъ.

Какъ и всѣ просвѣтители, онъ слишкомъ склоненъ былъ принимать за абсолютную ту „норму разума и благороднаго чувства“, которой держался онъ со своими единомышленниками. Онъ забывалъ, что норма эта измѣнялась вмѣстѣ съ измѣненіемъ обстоятельствъ времени и мѣста. Такъ какъ его собственные разумъ и благородное чувство во многихъ отношеніяхъ очень сильно отличались отъ разума и благороднаго чувства литературныхъ дѣятелей прежнихъ эпохъ, то онъ и полагалъ, что для этихъ дѣятелей форма была почти все, а за формой у нихъ не было почти ничего.

---

[1]) Н. Г. Чернышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 13. Между сподвижниками Пушкина Чернышевскій называетъ Языкова, Козлова и проч.

[2]) Тамъ же, стр. 12, примѣчаніе первое.

Это—точка зрѣнія раціонализма. Въ настоящее время мы предпочитаемъ смотрѣть на явленія общественнаго развитія не съ раціоналистической, а съ исторической точки зрѣнія.

Какъ не однажды сказано выше, первые литературные дѣятели послѣ Петровской эпохи сами были, въ извѣстномъ смыслѣ, усердными просвѣтителями. Отнюдь не случайнымъ явилось то обстоятельство, что Татищевъ написалъ „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“, а первой сатирой Кантемира была сатира „На хулящихъ ученіе“. Въ предисловіи къ ней Кантемиръ говорилъ: „Сатиру можно назвать такимъ сочиненіемъ, которое забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе, старается исправлять нравы человѣческіе. Потому она въ намѣреніи своемъ со всякимъ другимъ нравоучительнымъ сочиненіемъ сходна“. Совершенно понятно, что при такомъ взглядѣ на задачу сатиры онъ не могъ быть равнодушенъ къ содержанію своихъ сатирическихъ произведеній. Но слѣдуетъ помнить при этомъ, что уже съ первыхъ шаговъ нашей литературы нравоучительный элементъ сильно проникалъ у насъ даже въ такія отрасли ея, которыя вовсе не имѣли прямого отношенія къ морали.

II.

Въ предисловіи къ той же сатирѣ Кантемиръ признавался: „Я въ сочиненіи своихъ (сатиръ. *Г. П.*) наипаче Горацію и Боалу, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ“. Тутъ въ немногихъ словахъ дана правильная оцѣнка дѣятельности нашего перваго сатирика; онъ „послѣдовалъ“ и Горацію и „Боалу, французу“, да и не только имъ: онъ бралъ свое добро всюду, гдѣ находилъ его. Но, „послѣдуя“ иностраннымъ писателямъ, онъ „присваивалъ“ заимствованное къ русскимъ „обычаямъ“. Какъ именно дѣлалъ онъ это, показываетъ исторія пятой его сатиры, разсказанная въ примѣчаніяхъ къ ней.

„Стихотворецъ, предъ отъѣздомъ въ чужіе края,—читаемъ мы тамъ,—сочинилъ было сатиру, на подражаніе осьмой Боаловой, которая надписана на человѣка; но потомъ, усмотрѣвъ, что (его собственная сатира. *Г. П.*) почти вся состояла изъ рѣчей французскаго сатирика, выбравъ изъ нея малую часть стиховъ, составилъ себѣ такую сатиру“. Но пятая сатира—одна изъ самыхъ длинныхъ Кантемировыхъ сатиръ. Заимствованная имъ у Буало „малая часть стиховъ“ почти совсѣмъ пропадаетъ въ томъ, что „составлено имъ самимъ“. И это, имъ самимъ составленное, имѣетъ очевидное и непосредственное отношеніе къ русской общественной жизни. Кто читалъ пятую сатиру, тотъ, навѣрно,

не забылъ поистинѣ превосходнаго описанія всеобщаго пьянства въ праздничный день:

. . . . еще не обѣдалъ
Было народъ, и солнца полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ.
Чаялъ, что моръ у насъ былъ да не пахнетъ стервомъ,
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тѣлъ люди, и съ нихъ самыхъ ины подымаютъ
Руки, ины головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ, всѣ пьяны..

Я съ удовольствіемъ продолжилъ бы эту выписку, если бы она не была длинна и безъ того. Въ ней поражаетъ не оторванность отъ жизни, а, напротивъ, реализмъ воспроизведенія одного изъ самыхъ непривлекательныхъ народныхъ „обычаевъ“. Точно такъ же прямо изъ жизни выхваченъ образъ купца, очень заботливо соблюдающаго всѣ церковные обряды и въ то же время безсовѣстно обманывающаго своихъ покупателей. На упрекъ въ обманѣ богомольный купецъ (онъ торговалъ водкой) отвѣчаетъ:

Кромѣ того, что товаръ дорогъ мнѣ приходитъ
Въ лавку; сколько, знаешь ли, въ подаркахъ исходитъ
Судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ
И крѣпятъ указы мнѣ? И сколько заставятъ
Въ башмакахъ однихъ избить, пока тѣ достану?
Сколько ихъ даромъ испою? Сенькѣ и Ивану
Ходакамъ, и ихъ слугамъ, что и спятъ съ стаканомъ?

Всѣ эти взяточники и всѣ эти полицейскіе служители, которые даже „спятъ съ стаканомъ“, опять заимствованы были не изъ „Боаловой“ сатиры, а прямехонько изъ русской жизни. Но, можетъ быть, всего удачнѣе въ пятой сатирѣ Кантемира описаніе судьбы временщика. Мнѣ очень хочется напомнить читателю это превосходное описаніе:

Болваномъ Макаръ вчерась казался народу,
Годенъ лишь дрова рубить или таскать воду,
Никто ощупать не могъ въ немъ ума хоть кроху.
Углемъ чернымъ всякъ пятналъ совѣсть его плоху
Улыбнулося тому жъ счастіе Макару,
И сегодня временщикъ: ужъ онъ всѣмъ подъ пару
Честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ становится,
Всякъ уму наперерывъ чудну въ немъ дивится,
Сколько пользы отъ него царство ждать имѣетъ!

Тогдашніе русскіе люди, видавшіе немало такихъ временщиковъ, должны были признать, что портретъ совершенно сходенъ со своимъ оригиналомъ...

Не могли они не согласиться и съ тѣмъ, что дальнѣйшая судьба временщика тоже изображена Кантемиромъ съ полной точностью:

. . . . Макаръ скоро поскользнулся
На льду скользкомъ; день его свѣтлый столь минулся
Спѣшно, сколь спѣшно насталъ; въ прежну вдругъ сходитъ
Глупость свою, и съ стыдомъ въ печали проводитъ
Достальную бѣдно жизнь между соболями.
Кои на мѣсто его спѣшатъ, ждутъ и сами
Часто тотъ же себѣ рокъ; однакожъ пихаетъ
Другъ-друга, и на-прерывъ туда поспѣшаетъ.

Да, именно такъ и бывало: побѣдители спѣшили насладиться своей побѣдой и роскошествали въ Петербургѣ, а побѣжденные отправлялись въ Сибирь, гдѣ и проводили остатокъ своей жизни „между соболями“. Тотъ фактъ, что Кантемиръ заклеймилъ своей насмѣшкой эту безпощадную взаимную борьбу аппетитовъ и честолюбій, еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ близка была его сатира къ нашей тогдашней общественной жизни.

Если мы сравнимъ его пятую сатиру съ восьмой сатирой Буало, въ подражаніе которой она была написана, то, не возвращаясь къ сказанному выше о незначительности размѣровъ прямого заимствованія, сдѣланнаго русскимъ сатирикомъ у французскаго, мы придемъ къ такому выводу:

Произведеніе Буало несравненно выше произведенія Кантемира въ смыслѣ формы. Но при этомъ она бѣднѣе его конкретнымъ, прямо изъ жизни взятымъ содержаніемъ.

Этотъ выводъ можетъ быть полезенъ для провѣрки нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ весьма распространенныхъ у насъ мнѣній о русской литературѣ XVIII вѣка.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ подробно разсматривать здѣсь содержаніе другихъ сатиръ Кантемира. Скажу только, что если только пятая сатира его едва ли не самая содержательная, то все-таки ни въ одной изъ остальныхъ авторъ не отрывается отъ жизни.

Возьмемъ хотя бы шестую сатиру, написанную на отвлеченную тему „о истинномъ блаженствѣ“.

Кантемиръ доказываетъ въ ней преимущества умѣренности:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.

На первый взглядъ могло бы, пожалуй, показаться, что это разсужденіе о преимуществахъ умѣренности осуждено вращаться въ области абстракціи. Но это не такъ. Къ убѣжденію въ выгодахъ умѣренности Кантемиръ пришелъ не посредствомъ отвлеченныхъ соображеній, а путемъ близкаго знакомства съ той же общественной жизнью, которая такъ хорошо изображена имъ въ пятой сатирѣ. Мораль сатиры „О истинномъ блаженствѣ“ представляетъ собою логическій выводъ изъ наблюденій именно надъ этой жизнью.

Изслѣдователи, занимавшіеся моралью Кантемира, не всегда принимали это въ соображеніе, и потому сильно ошибались въ своемъ сужденіи о ней. Я уже говорилъ объ этомъ въ другой связи. Но на этомъ стоитъ остановиться.

Моральная философія Кантемира, по мнѣнію Галахова, стыдлива и несмѣла, какъ его характеръ: „она проповѣдуетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Это не мораль во всей ея неприкосновенности, это полумораль, близкая къ равнодушію, къ индифферентизму“. Неудивительно, что Кантемиръ такъ увлекался Горацiемъ, который въ нравственности тоже „бралъ не съ высока“, стремясь лишь къ покою, къ пріятной умѣренности и къ беззаботности о будущемъ днѣ.

У Галахова вышло, что Кантемиръ, подобно Горацію, (см. второй томъ, стр. 151 и слѣд.) не преслѣдуетъ общественныхъ недостатковъ, а „только смѣется“ надъ ними.

Но *какимъ* же способомъ сатирикъ преслѣдуетъ общественные недостатки? Онъ именно „*только*“ смѣется надъ ними. У него вообще нѣтъ другого оружія, кромѣ оружія насмѣшки. И вопросъ вовсе не въ томъ, *преслѣдуетъ ли* онъ общественные недостатки или же „*только*“ *смѣется* надъ ними, а въ томъ, *какъ* онъ смѣется. Сообразно настроенію сатирика, его насмѣшка принимаетъ самые различные тоны. И если мы прислушаемся къ тону сатиръ Кантемира, то мы найдемъ, что онъ вовсе не такъ „ровенъ“, какъ это казалось Галахову. Недаромъ обижались на Кантемира осмѣянные имъ современники. Да что современники! Даже объективному историку С. М. Соловьеву трудно было помириться съ тѣмъ тономъ, какимъ Кантемиръ отзывался о духовенствѣ. Почтенный ученый ворчалъ: „Говоря о зависти, Кантемиръ непремѣнно выставитъ зависть поповъ соборныхъ... Кантемиръ не пропуститъ укорить попа и за то, что онъ „молитвы ворчитъ, спѣша сумасбродно, самъ не зная, что поетъ. Посмѣется и надъ аппетитомъ поповской семьи“ и т. д. [1]).

---

[1]) С. М. *Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, книга IV, стр. 1496—1497.

Согласитесь, что подобныя насмѣшки, что такой „ровный тонъ“ сатирика могъ навлечь на него серьезныя преслѣдованія. Но другимъ, дѣйствительно „ровнымъ“, тономъ Кантемиръ и не способенъ былъ писать, онъ самъ говорилъ о себѣ въ сатирѣ четвертой („Къ музѣ своей“):

... Я знаю, что когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жостки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житье водятъ.
Духъ твой лѣнивъ, и въ зубахъ вязнетъ твое слово
Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю, умняе
Сама ставши, подъ перомъ стихъ течетъ скоряе.
Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю.
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Бѣлинскій, не высоко ставившій Кантемира, какъ поэта, говорилъ, что въ своихъ сатирахъ онъ выступалъ публицистомъ, писавшимъ о нравахъ „энергически и остроумно“. Это сужденіе гораздо болѣе справедливо, нежели отзывъ Галахова. Но кто энергично пишетъ объ общественныхъ недостаткахъ, тотъ, очевидно, далекъ отъ индифферентизма.

Уподобленіе тона сатиръ Кантемира тону сатиръ Горація неосновательно, потому что у Кантемира преобладаетъ тонъ негодованія или, по крайней мѣрѣ, сильнаго неудовольствія, а у Горація тонъ веселой шутки. Да, — какъ отмѣчено мною раньше,—Кантемиръ и не могъ писать тономъ Горація, такъ какъ слишкомъ не похоже было положеніе Россіи временъ „ученой дружины“ на положеніе Рима эпохи Августа. Римляне названной эпохи, въ самомъ дѣлѣ, стали индифферентистами, извѣрившись въ идеалъ старой республиканской добродѣтели, а „ученая дружина“ крѣпко держалась за свой идеалъ, правда, совсѣмъ не республиканскій. Кантемиръ сходился съ Гораціемъ собственно только въ склонности къ „златой умѣренности“. Но склонность эта даже и у Горація не вполнѣ достойна того безусловнаго порицанія, съ какимъ относился къ ней Галаховъ, — да и не онъ одинъ,—у Кантемира же она является неоспоримымъ признакомъ значительной возвышенности нравственныхъ понятій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только принять въ соображеніе историческія условія.

III.

Равнодушіе къ общему благу, распространившееся въ Римѣ вслѣдствіе постепеннаго упадка республиканскаго строя, сопровождалось жаждой наживы и стремленіемъ къ грубымъ матеріальнымъ наслажденіямъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, самъ Горацій, который, въ своемъ первомъ посланіи къ Меценату, жалуется, что всѣ въ одинъ голосъ кричатъ:

„Cives, o cives! quaerenda pecunia primum est.
Virtus post nummos".

При такомъ настроеніи римскаго общества проповѣдь „златой умѣренности" возникла, какъ реакція противъ неумѣренной жадности къ деньгамъ. Разумѣется, она оставалась безсильной, такъ какъ ровно ничего не измѣняла въ тѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, которыми вызвано было пренебреженіе къ старозавѣтной римской добродѣтели. Да она и не задавалась цѣлью какого бы то ни было общественнаго переворота. Сознавая свое безсиліе, она сама,—и вполнѣ естественно,—проникалась скептицизмомъ. Восхищаться ею невозможно; но все-таки не слѣдуетъ забывать, что всякій, кто способенъ былъ вести такую проповѣдь, тѣмъ самымъ доказывалъ свою неспособность дойти до того нравственнаго паденія, до какого дошло огромное большинство тогдашнихъ римскихъ гражданъ.

Мы уже знаемъ, что Кантемиръ перевелъ „Посланія" Горація. Интересующее насъ мѣсто перваго посланія къ Меценату гласитъ въ его переводѣ такъ:

. . . . . . Граждане, граждане!
Деньги вы прежде всего доставать трудитесь,
Добродѣтели потомъ...

Кантемиру нравилось, что „Горацій самъ всегда говоритъ и показать тщится неосновательность сего правила: Virtus post nummos" [1]). И нашъ русскій сатирикъ „самъ всегда говорилъ и показать тщился" то же самое своимъ современникамъ. Онъ призывалъ къ умѣренности въ такомъ обществѣ, въ которомъ жажда наживы и грубыхъ матеріальныхъ наслажденій тоже становилась,—хотя и не по тѣмъ самымъ же причинамъ, по какимъ это произошло въ Римѣ, — безпредѣльной.

Характеризуя состояніе нравственности нашего правящаго класса въ царствованіе Анны, кн. М. Щербатовъ, въ своей извѣстной книгѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи, говоритъ, что тогда господствовали „презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ

---

[1]) Кантемиръ. Сочиненія, т. I, стр. 400, примѣчаніе къ стиху 76

должностей [1]), зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе цѣлать и удовольствовать свои хотѣнія".

Хотя риторическій тонъ этой характеристики можетъ подать поводъ къ сомнѣнію въ ея правильности, но нельзя не признать, что она очень близка къ истинѣ. Высшій кругъ правящаго класса, — тотъ его кругъ, который, „толпясь у трона", распоряжался судьбами всей страны, — въ самомъ дѣлѣ обнаруживалъ полное презрѣніе къ „божественнымъ и человѣческимъ должностямъ" [2]). И вотъ въ такой-то средѣ, гдѣ господствовали „зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть", явился человѣкъ, проповѣдовавшій совсѣмъ другой идеалъ, утверждавшій, что счастье совсѣмъ не тамъ, гдѣ его ищетъ нравственно и умственно неразвитое большинство:

„Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и среднюю забаву,
Гдѣ бы съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бы, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины.
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ.

Въ этомъ идеалѣ нѣтъ ничего радикальнаго. Это, дѣйствительно, идеалъ „златой умѣренности". Но умѣренность Кантемира не имѣетъ ничего общаго съ умѣренностью и аккуратностью Молчалина. Онъ совѣтуетъ не унижаться, а беречь свое человѣческое достоинство, не угождать тѣмъ, отъ которыхъ можно чѣмъ-нибудь попользоваться, а учиться, „изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины". Въ тогдашнемъ обществѣ человѣкъ, проповѣдавшій такую умѣренность, являлся настоящимъ „учителемъ жизни". Правда, что общественныя отношенія Россіи, которыми обуславливалась въ последнемъ счетѣ и крайняя развращенность высшаго круга правящаго класса, нисколько не измѣнялись вслѣдствіе проповѣди Кантемира. Вліяніе этой проповѣди оставалось очень слабымъ уже по одному тому, что невеликъ былъ кругъ его читателей. Его сатиры долго оставались рукописными. Онъ приготовилъ ихъ

[1]) Тогда „должностями" назывались у насъ обязанности.

[2]) Такъ же мало помнилъ онъ о нихъ и при предшественникахъ Анны—Петрѣ II и Екатеринѣ I—но отъ этого было не легче.

къ печати только въ 1743 году. Но и тогда изданіе ихъ не состоялось, такъ что впервые онѣ появились девятнадцать лѣтъ спустя, въ 1762 году, послѣ того, какъ онѣ вышли за границей во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ. Однако, хотя непосредственное вліяніе сатиръ Кантемира было очень слабо, оно шло не противъ историческаго движенія, а въ его направленіи. Число людей, способныхъ увлекаться наукой и пренебрегать ради нея жизненными благами низшаго рода, хотя и медленно, но все-таки увеличивалось на Руси, а по мѣрѣ того, какъ увеличивалось это число, увеличивалось и вліяніе того идеала, къ которому стремился Кантемиръ. Можно сказать, не впадая въ парадоксъ, что если со временемъ даже весьма умѣренный Галаховъ сталъ находить идеалъ Кантемира недостаточно строгимъ,—т.-е. если нравственныя понятія европеизованныхъ русскихъ людей значительно измѣнились къ лучшему,—то это произошло не безъ вліянія Кантемира.

IV.

Habent sua fata scriptores! Кантемиру не повезло. Его обвиняли въ умѣренности изслѣдователи, взгляды которыхъ были какъ нельзя болѣе далеки отъ радикализма. Это само по себѣ нѣсколько странно. Но, пожалуй, еще болѣе странно, что обвинять его вошло въ привычку, и что теперь его обвиняютъ, даже не давая себѣ труда заново пересмотрѣть его „дѣло". Само собою понятно, что при этомъ совершаются непростительные промахи.

И. Я. Порфирьевъ утверждаетъ, напримѣръ, что, для избѣжанія борьбы, гоненій или непріятностей, Кантемиръ „совѣтуетъ и въ выборѣ между правдой и неправдой держаться также середины, и даже позволяетъ быть злымъ, если безъ вреда себѣ нельзя быть добрымъ".

Въ подтвержденіе этого приводится, во-первыхъ, короткій отрывокъ изъ второй сатиры Кантемира, дополняемый еще болѣе короткимъ отрывкомъ изъ седьмой его сатиры.

Остановимся сначала на этомъ послѣднемъ отрывкѣ. Вотъ онъ:

Нельзя ль добрымъ быть, будь золъ, своимъ не къ изъяну.
Изряднѣе всякаго убѣгать порока.
Нельзя ль? Укрой лишняго отъ младенча ока.

По привычкѣ повторяя ставшее ходячимъ обвиненіе противъ Кантемира, И. Я. Порфирьевъ не замѣтилъ, что въ строкахъ, имъ приведенныхъ, говорится не о томъ, каковъ долженъ быть идеалъ взрослыхъ, а о томъ, какъ должны взрослые воспитывать своихъ дѣтей. Кантемиръ го-

ворить имъ: если вы сами порочны, то постарайтесь, по крайней мѣрѣ, скрывать свои пороки отъ глазъ вашихъ дѣтей, чтобъ они не начали подражать дурному примѣру. И онъ подробно разъясняетъ свою мысль:

Гостя когда ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга твой дворъ и крыльцо, другой подметаетъ
И убираетъ весь домъ, третій третъ посуду,
Ты самъ надъ всѣмъ настоишь, обѣжишь повсюду,
Кричишь, безпокоишься, боясь, чтобъ не встрѣтилъ
Глазъ гостевъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не примѣтилъ
Малѣйшу нечистоту; а ты же не тщишься
Поберечь младенцевъ глазъ; ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дѣти,
Большу бережь ты для нихъ долженъ бы имѣти.

Итакъ, сатирикъ совѣтуетъ: закрой свою срамоту отъ невиннаго дѣтскаго взора [1]), а историкъ литературы увѣряетъ, что покладистый сатирикъ отводитъ „срамотѣ“ мѣсто въ своемъ идеалѣ. Гдѣ же тутъ справедливость? Но это не все.

Наши строгіе изслѣдователи почему-то упускали въ данномъ случаѣ изъ виду, что въ лицѣ Кантемира они имѣютъ дѣло съ однимъ изъ птенцовъ Петровыхъ, которые имѣли полное основаніе,—я чуть было не сказалъ: „должность“,—опасаться вреднаго вліянія старой Московской Руси на новую, пореформенную Русь. Въ той же сатирѣ, говорящей, повторяю, не объ идеалѣ, а о воспитаніи, Кантемиръ съ любовью указываетъ на Петра Перваго, который

. . . . . Самъ странствовалъ, чтобы подать собою
Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ то, что надъ Москвою
Сыскать нельзя: сличны человѣку нравы.
И искусства...

Наконецъ, — last not least,—нашъ горячій поклонникъ Петра былъ сыномъ XVIII вѣка, вполнѣ правильно приписывавшаго огромное значеніе воспитанію вообще, а въ процессѣ воспитанія — примѣру. Въ той же сатирѣ Кантемира мы читаемъ:

Большу часть всего того, что въ насъ приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло.

---

[1]) Въ примѣчаніи къ стиху, начинающемуся словами: „Нельзя ли добрымъ быть“, говорится: „Буде тебѣ трудно унять свои страсти и воздержаться отъ злонравій, по крайней мѣрѣ, укрывай свои злые поступки отъ глазъ дѣтей твоихъ; будь золъ, но

Это—мысль Локка, у котораго Кантемиръ почти цѣликомъ заимствовалъ свой взглядъ на воспитаніе [1]). Какъ много значилъ въ глазахъ нашего автора примѣръ, видно изъ слѣдующихъ его строкъ:

Примѣръ наставленія всякаго сильняе.
Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Курицъ во дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ.
Утята лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, не совѣтъ: того не имѣютъ,
Сего нельзя имъ подать, подражать умѣютъ...

Подражать порочнымъ родителямъ значитъ упражняться въ порочности. Вотъ почему, и только поэтому, Кантемиръ желалъ бы, чтобъ испорченные родители, по крайней мѣрѣ, скрывали свою „срамоту“ отъ дѣтей. Что можно возразить противъ такого желанія?

И. Я. Порфирьевъ осуждаетъ еще то мнѣніе, высказанное Кантемиромъ во второй своей сатирѣ, что мы не всегда обязаны высказывать правду:

. . . . . , Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не сталя,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ...

И еще раньше Порфирьева мнѣніе это осуждалось [2]), какъ недостойное человѣка, способнаго доработаться до строгихъ правилъ нравственности. Но и въ этомъ случаѣ упрекъ, выдвигавшійся противъ Кантемира, былъ лишенъ основанія. Можно строго критиковать, какъ это и дѣлалъ Гегель, Кантову теорію нравственности. Однако никто не скажетъ, что Кантъ не былъ достаточно строгъ въ своихъ практическихъ нравственныхъ требованіяхъ. Но и строгій Кантъ совершенно согласился бы съ Кантемиромъ. Извѣстны его слова: „Если все, что говоришь, должно быть истиннымъ, то тѣмъ не менѣе человѣкъ не обязанъ высказывать гласно всякую истину“ [3])

не ко вреду твоихъ дѣтей“. Яснѣе яснаго, что здѣсь рѣчь идетъ о нравственномъ вредѣ дурного примѣра.

[1]) См. „Some thoughts concerning education“, § 32, въ четвертомъ томѣ сочиненій Локка, Лондонъ, MDCCLXVIII, стр. 15.

[2]) Особенно Галаховымъ.

[3]) См. Куно Фишеръ. Исторія новой философіи, т. IV, Им. Кантъ. Спб., 1901. стр. 97.

Въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе и обстоятельства, подавшія Канту поводъ написать эти слова. Король Фридрихъ-Вильгельмъ II въ именномъ указѣ выразилъ ему свое неудовольствіе за его взглядъ на христіанскую вѣру, высказанный въ книгѣ „Религія въ предѣлахъ чистаго разума". Кантъ не могъ, конечно, отказаться отъ этого взгляда. Но онъ счелъ себя нравственно обязаннымъ впредь не высказывать его. Онъ отвѣтилъ королю, что будетъ воздерживаться „отъ всякаго публичнаго изложенія всего, касающагося религіи". И онъ свято выполнялъ это обѣщаніе вплоть до восшествія на престолъ новаго, свободнѣе мыслившаго короля.

Я полагаю, что на мѣстѣ Канта французскій просвѣтитель повелъ бы себя иначе. Онъ счелъ бы себя въ правѣ распространять, при случаѣ, свой взглядъ на религію, несмотря на то, что король рѣзко осудилъ его. Можно ли было заключить отсюда, что нравственныя правила французскихъ просвѣтителей отличались большею или,—если угодно,—меньшею строгостью, нежели нравственныя правила кенигсбергскаго философа? Не думаю. Все, что мы могли бы сказать здѣсь, сводится къ тому, что въ политическомъ смыслѣ Кантъ былъ настроенъ не такъ, какъ французскіе просвѣтители, и что ему было чуждо оппозиціонное настроеніе этихъ послѣднихъ.

Мольеровъ Альсэстъ требовалъ, чтобы люди всегда и вездѣ высказывали все, что думаютъ:

Je veux que l'on soit homme et qu'en toute rencontre
Le fonds de notre coeur dans nos discours se montre,
Que ce soit lui qui parle, et que nos sentiments
Ne se masquent jamais sous de vains compliments [1]).

На это его другъ Филэнтъ возражаетъ:

Il est bien des endroits où la pleine franchise
Deviendrait ridicule et serait peu permise;
Et parfois, n'en déplaise a votre austère honneur,
Il est bon de cacher ce qu'on a dans le coeur [2]).

---

[1]) Надо быть мужемъ и всегда выражать словами то, что лежитъ на сердцѣ. Пусть говоритъ именно сердце, и пусть наше мнѣніе никогда не прикрывается пустыми комплиментами.

[2]) Очень часто полная откровенность была бы смѣшна и непозволительна; и какъ бы ни возмущалась этимъ ваша суровая правдивость, иногда хорошо таить то, что лежитъ у насъ на сердцѣ. — Интересно, что самъ Альсэстъ не сразу рѣшился высказать свое отрицательное мнѣніе о сонетѣ Оронта. А еще болѣе замѣчательно что онъ соглашался назвать этотъ сонетъ хорошимъ, если король прикажетъ ему это. Стало быть, при такомъ исключительномъ условіи онъ готовъ былъ идти дальше Канта, согласившагося только молчать.

Кто правъ? Оба правы. Справедливо то, что обязательна правдивость. Но справедливо и то, что полная откровенность нерѣдко становится непозволительной и даже смѣшной. Чѣмъ разрѣшается это противорѣчіе? Не разсудкомъ, а нравственнымъ чутьемъ, которое учитъ, когда надо высказать правду и когда можно и даже слѣдуетъ хранить ее про себя. Тутъ тоже все зависитъ отъ обстоятельстъ. И не только отъ обстоятельствъ личной жизни собесѣдниковъ, а также и отъ условій эпохи. Въ XIX вѣкѣ у насъ появились свои Альсэсты: вспомните Базарова съ его грубоватой, но почти безпредѣльной правдивостью. Но когда появились Базаровы, ими, навѣрно, стали возмущаться многіе изъ тѣхъ, которые прежде сами упрекали Кантемира въ нравственномъ эклектизмѣ, за то его мнѣніе, что не всегда слѣдуетъ говорить все, что думаешь.

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что въ эпоху Кантемира правдивость Базаровыхъ была просто-напросто немыслима.

Ходъ историческаго развитія обезпечилъ Альсэсту возможность удалиться отъ всякихъ сношеній со своими развращенными современниками [1]). Точно такъ же Базаровы могли сказать себѣ, какъ говаривалъ раньше ихъ Чацкій: „прислуживаться тошно“ — и посвятить свои силы естествознанію. Европеизованные дворяне временъ Кантемира не пользовались даже и такой ограниченной свободой. Какъ и все ихъ сословіе, они обязаны были служить. А кто служитъ, тому необходимо было, если не прислуживаться,— этого можно было избѣжать, слѣдуя дорогой Кантемира „златой умѣренности“,—то практиковать еще съ гораздо большимъ усердіемъ, чѣмъ Кантъ, искусство „держанія языка за зубами...“

V.

Бѣлинскій сказалъ, что, каковъ бы ни былъ талантъ Сумарокова, его нападки на „крапивное сѣмя“ всегда будутъ заслуживать почетнаго упоминовенія отъ историка русской литературы.

Противъ этого можно возразить одно: Сумароковъ (1718—1777) заслуживаетъ почетнаго упоминовенія не только за свои нападки на „крапивное сѣмя“.

Историкъ русской литературы съ одобреніемъ отзовется о тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявлялъ писателю вообще и стихотворцу въ частности

Стихи писать не такъ легко, какъ многимъ мнится,
Не знающій одной и рифмой утомится.
Не должно, чтобъ она въ плѣнъ нашу мысль брала;
Но чтобы нашею невольницей была. . . .

[1]) См. монологъ его въ первомъ явленіи пятаго дѣйствія.

Въ другомъ мѣстѣ той же своей „епистолы“ („О стихотворствѣ“) онъ повторяетъ:

Нечаянно стихи изъ разума не льются,
И мысли ясныя невѣжамъ не даются.

А въ концѣ ея мы встрѣчаемъ поистинѣ золотыя слова:

Все хвально Драмма, ли, Еклога или ода:
Слагай, къ чему влечетъ тебя твоя природа;
Лишь просвѣщеніе. писатель, дай уму!...

И не слѣдуетъ думать, будто въ его глазахъ просвѣщеніе являлось достаточнымъ условіемъ успѣшнаго поэтическаго творчества. При отсутствіи страсти „стихотворство“ останется холоднымъ, утверждалъ онъ, какъ бы ни углублялся въ него писатель „мыслію“. Извѣстно, что тѣмъ, которые хотѣли писать элегіи, онъ совѣтовалъ предварительно влюбиться [1]). Конечно, не всѣ хорошія элегіи обязаны своимъ происхожденіемъ этому средству, котораго нельзя не признать слишкомъ героическимъ. Однако совѣтъ хорошъ хоть тѣмъ, что показываетъ намъ, какую важность приписывалъ Сумароковъ чувству.

Большой заслугой Сумарокова передъ русской литературой является твердое и настойчиво высказывавшееся его убѣжденіе въ томъ, что —

Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему.

Въ теченіе всей своей литературной дѣятельности онъ неизмѣнно хранилъ это убѣжденіе и, какъ умѣлъ, очень заботился о чистотѣ русскаго языка [2]).

Очень ошибаются тѣ изслѣдователи, которые, подобно Н. Буличу, находятъ, что сатиры Сумарокова были содержательнѣе сатиръ Кантемира. Онѣ, наоборотъ, бѣднѣе ихъ содержаніемъ. Но несомнѣнно, что сатирическія произведенія автора „Хора къ превратному свѣту“ заключаютъ въ себѣ немало интереснаго и помимо дѣйствительно ядовитыхъ нападокъ на приказныхъ. Въ качествѣ сатирика Сумароковъ ставилъ себѣ цѣль гораздо болѣе

---

[1]) „Коль хочешь ты писать, такъ прежде ты влюбись“...

[2]) Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ и богатъ;
Но скупо вносимъ мы въ нево хорошій складъ;
Такъ чтобъ незнаніемъ ево намъ не безславить,
Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить.
Не нужно, чтобы всѣмъ надъ рифмами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.

(Ср. его же „басенку“ „Порча языка“).

широкую, нежели борьба съ „крапивнымъ сѣменемъ“. Уже въ первой своей сатирѣ („Піитъ и другъ его“) онъ говоритъ:

Гдѣ я ни буду жить, въ москвѣ[1]), въ лѣсу, иль полѣ,
Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ,
Безъ обличенія презрительныхъ вещей
. . . .
. . . .
Доколѣ дряхлостью иль смертью не увяну,
Противъ пороковъ я писать не перестану.

Какія именно общественныя и нравственныя явленія относилъ онъ къ области порочныхъ, это лучше всего показываетъ названный мною выше „Хоръ къ превратному свѣту“.

Синицу, прилетѣвшую изъ-за моря, спрашиваютъ, каковы „обряды“ въ чужихъ странахъ. Она отвѣчаетъ, что тамъ все превратно: воеводы — правдивы, приказные не берутъ взятокъ, купцы не обманываютъ, пьяные по улицамъ не ходятъ, людей на улицахъ не рѣжутъ, ораторы не мелютъ вздору, стихотворцы не кропаютъ виршей и, что для насъ, пожалуй, всего интереснѣе:

Съ крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.

Эти три послѣднія черты „превратныхъ“ заморскихъ „обрядовъ“ особенно интересны въ виду того, что Сумароковъ былъ, какъ извѣстно, убѣжденнымъ сторонникомъ крѣпостного права. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ удивленія спрашивали себя: какъ же согласить это его убѣжденіе крѣпостника съ его злыми нападками на дурныхъ помѣщиковъ? Но здѣсь, собственно говоря, нечего соглашать. Честные идеологи всякаго даннаго общественнаго порядка, основаннаго на подчиненіи одного класса (или сословія) другому, всегда возставали противъ злоупотребленія тѣми исключительными правами, которыми пользовался господствовавшій классъ. И чѣмъ искреннѣе было ихъ убѣжденіе въ томъ, что существованіе такихъ правъ необходимо для общей пользы, тѣмъ энергичнѣе возставали они противъ злоупотребленія ими. Лицемѣрное желаніе скрыть отъ нескромныхъ глазъ подобныя злоупотребленія возникаетъ только тогда, когда существующій общественный порядокъ близится къ концу, и когда его идеологи сами начинаютъ сомнѣваться въ его правомѣрности. Сумароковъ былъ весьма далекъ отъ подобныхъ со-

---

[1]) Въ стихотворныхъ своихъ сатирахъ Сумароковъ писалъ собственныя имена съ маленькой буквы.

мнѣній. Поэтому онъ и могъ, ни мало не противорѣча себѣ, отстаивать крѣпостное право и одновременно съ этимъ жестоко порицать безчеловѣчныхъ помѣщиковъ. Онъ вѣрилъ въ солидарность интересовъ помѣщика съ интересами его крѣпостныхъ. По его мнѣнію, „блаженство“ деревни состояло не въ одномъ только изобиліи помѣщика, но въ общемъ изобиліи всего ея населенія. И онъ говорилъ, что въ качествѣ „головы“ своихъ подданныхъ помѣщикъ обязанъ сохранять и мизинецъ, „ибо голова тѣла и мизинцу сострадетъ“ [1]). Жадный помѣщикъ не домостроитель, а доморазоритель. Между тѣмъ государству необходимо домостроительство, пріумножающее изобиліе. Доморазоритель вредитъ не только своимъ крестьянамъ, съ которыхъ онъ сдираетъ кожу, но и всему государству. Такъ разсуждалъ Сумароковъ, и насколько было почтенно въ его мнѣніи имя домостроителя, настолько презиралъ онъ „доморазорителей“. Злой и жадный помѣщикъ поступаетъ „противу права моральнаго и политическаго“. Онъ—„извергъ природы“ и,—устами Сумарокова говорилъ здѣсь человѣкъ XVIII столѣтія,—невѣжа и во естественной исторіи и во всѣхъ наукахъ, тварь безграмотная“... [2]).

Въ лицѣ Сумарокова, какъ и въ лицѣ Кантемира, мы имѣемъ дѣло съ идеологомъ европеизованной части русскаго „шляхетства“. Этотъ родовитый воспитанникъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса былъ, по-своему, очень требователенъ въ отношеніи къ дворянству. Но ему и въ голову никогда не приходило, что дворянинъ можетъ покинуть дворянскую точку зрѣнія. Его седьмая сатира заключаетъ въ себѣ цѣлый сводъ житейскихъ правилъ, обязательныхъ, по его убѣжденію, для честнаго человѣка:

Услуженъ буди всѣмъ, держися данныхъ словъ,
Будь мѣдленъ ко враждѣ, ко дружбѣ будь готовъ!
Когда кто каится, прощай его безъ мести,
Не соплетай кому ласкательства и лѣсти,
Не ползай—ни передъ кѣмъ, не буди и спѣсивъ;
Не будь нападчикомъ, не буди и труслнвъ,
Не будь не скроменъ ты, не буди лицемѣренъ,
Будь сынъ отечества и государю вѣренъ!

Нечего и говорить: „шляхетные“ современники Сумарокова далеко ушли бы впередъ въ смыслѣ нравственнаго развитія,

---

1) Въ статьѣ „О домостроительствѣ“.

2) О Сумароковѣ разсказывали, что онъ не могъ слышать равнодушно, когда „въ его присутствіи называли людей: хамово колѣно. Съ сильною досадою вскакивалъ онъ со стула, хваталъ шляпу, убѣгалъ и никогда уже не возвращался въ тотъ домъ“ (Н. Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика, стр. 92).

если бы стали послѣдовательно держаться этихъ правилъ! Но, чтобы подвинуться впередъ въ этомъ смыслѣ, имъ,—думалъ сатирикъ,— не было надобности возставать противъ тогдашняго порядка вещей и проникать своимъ умомъ за предѣлы „шляхетнаго“ кругозора. Умъ Сумарокова никогда и не проникалъ за эти предѣлы[1]).

Правда, иногда въ его сатирѣ слышится какъ будто революціонная нота. Такъ, напримѣръ, разсуждая о „благородствѣ“, онъ спрашиваетъ:

На толь дворяня мы, чтобъ люди работали
А мы бы ихъ труды по знатности глотали.
Какое барина различье съ мужикомъ
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ?

На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ въ духѣ, повидимому, исполненномъ стремленія къ общественному равенству:

Достоенъ я, коли сыскалъ почтенье самъ:
А есть ли ни къ какой я должности не годенъ,
Мой предокъ дворянинъ, а я не благороденъ.

Но это не должно вводить насъ въ заблужденіе. Языкъ Сумарокова идетъ здѣсь дальше, нежели его мысль.

Въ такомъ же будто бы радикальномъ духѣ высказывался еще Кантемиръ. Въ его сатирѣ „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“ Филаретъ говоритъ Евгенію:

Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ блеющее стадо.
Ноевъ ковчегъ съ собой спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей нравами лишь славныхъ,
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

Изъ этого, казалось бы, слѣдуетъ то заключеніе, что надо уничтожить дворянскія привилегіи. Но тогдашніе наши сатирики не расположены были дѣлать изъ него подобный выводъ. Филаретъ спѣшитъ довести до свѣдѣнія своего собесѣдника, что ему извѣстно, „сколь важно“ благородство и какъ „много въ немъ пользы“. Сумароковъ почтительно именуетъ дворянъ „перьвыми

---

[1]) „Я какъ сынъ и членъ отечества не того по разсудку моему желаю, чтобы древніе законы испровержены, а новые установлены были, — говоритъ онъ въ «Словѣ Екатеринѣ II», — но чтобы они при случаѣ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятеленъ законъ, или не ясенъ, на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился“. Типичное разсужденіе „либеральнаго“, какъ выражаются теперь въ нѣкоторыхъ странахъ консерватора!

членами отечества“. Вѣроятно, онъ не способенъ былъ и представить себѣ, какъ могло бы существовать „о т е ч е с т в о“, если бы въ немъ не было „б л а г о р о д с т в а“.

Общественно-политическій идеалъ Сумарокова лучше всего выраженъ слѣдующими его стихами:

Судьба монархинѣ велѣла побѣждать,
И сей имперіей премудро обладать;
А намъ осталося, во дни ея державы,
Ко пользѣ общества въ трудахъ искати славы.

При этомъ предполагается, что матеріальная возможность исканія „нами“ славы прочно обезпечена крѣпостнымъ трудомъ крестьянина. Радикальныя, по внѣшности, тирады, встрѣчающіяся въ сатирахъ Кантемира и Сумарокова, означаютъ только то, что „первые“ члены отечества, пользуясь исключительными правами, не должны успокаиваться на лаврахъ своихъ предковъ. Ихъ „благородство“ должно поддерживаться ихъ собственными трудами и ихъ собственной славой.

Кантемировъ Филаретъ совершенно ясно высказываетъ эту мысль:

Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣсныю и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель,
Благородными явитъ одна добродѣтель.

Сумароковъ говоритъ то же самое:

Дворянско титло намъ изъ крови въ кровь ліется,
Но скажемъ: для чего дворянство такъ дается.
Коль пользой общество мой дѣдъ на свѣтѣ жилъ;
Себѣ онъ плату, мнѣ задатокъ заслужилъ.

Достойны величайшаго вниманія тѣ строки той же сатиры Сумарокова („О б л а г о р о д с т в ѣ“), гдѣ онъ, обращаясь къ дворянину, даетъ ему слѣдующій благой совѣтъ:

А есть ли у тебя безмозгла голова,
Пойди и землю рой или руби дрова:
Отъ низкихъ болѣе людей не отличайся,
И предковъ титлами уже не величайся...

Тутъ цѣлая дворянская утопія: роютъ землю и рубятъ дрова люди „подлые“ не только de jure, но и de facto; люди, лишенные извѣстныхъ правъ не только въ силу своего сословнаго проис

хожденія, но также, — и это самое главное, — вслѣдствіе своей тупости. Въ то же время „славу“ добываютъ себѣ „дворяня“, награждаемые высокимъ общественнымъ положеніемъ не только за заслуги своихъ предковъ (эти заслуги, — „только задатокъ“), но еще и за свою личную даровитость. Иначе сказать, Сумароковъ хочетъ, чтобы „дворяня“ были аристократами въ этимологическомъ смыслѣ этого слова, т.-е. чтобъ „благородное“ сословіе состояло изъ самыхъ лучшихъ людей своей страны. И то обстоятельство, что это кажется ему возможнымъ, ясно показываетъ, какъ наивно и въ то же время крѣпко держался онъ дворянской точки зрѣнія.

У Сумарокова, какъ и у Кантемира, рѣзкія нападки на дворянъ, не желающихъ добывать себѣ славу своими собственными трудами, являются отчасти литературнымъ выраженіемъ той борьбы между породой и выслугой, которая, начавшись еще въ Московской Руси, не прекратилась, да, какъ мы видѣли, и не могла прекратиться и послѣ Петровской реформы. Но послѣ этой реформы она осложнилась новымъ элементомъ: стремленіемъ птенцовъ Петровыхъ къ западно-европейскому просвѣщенію.

Сторонники просвѣщенія не могли помириться съ лѣнивымъ обскурантизмомъ „ѳамильныхъ людей“, ставившихъ породу гораздо выше знанія. Правда, не всѣ „ѳамильные люди“ отличались такимъ обскурантизмомъ. Между ними встрѣчались личности, тоже сильно дорожившія просвѣщеніемъ. Но не противъ нихъ и направлялись стрѣлы нашихъ сатириковъ. Филаретъ оговаривается у Кантемира:

Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ [1]).

Его злыя обличенія направляются лишь противъ тѣхъ родовитыхъ бездѣльниковъ, которые избѣгаютъ труда, не хотятъ учиться и интересуются только западно-европейскими модами, хорошо зная,

. . . . что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситой подшиты и т. д.

Противъ такихъ же бездѣльниковъ направлялась и сатира Сумарокова. Нападки на жалкихъ людей этого калибра имѣли

---

[1]) На однихъ дѣдовъ. *Г. П.*

извѣстное общественное значеніе. И было бы странно, если бы идеологи служилаго класса не нападали на всякаго рода „нѣтчиковъ“. Но борьба съ „нѣтчиками“ не расширяла кругозора нашихъ сатириковъ и не сообщала ихъ мысли болѣе широкаго размаха. Въ своемъ отношеніи къ тогдашнему нашему общественному строю мысль ихъ оставалась консервативной, несмотря на рѣзкость облекавшихъ ее выраженій.

Рѣзкость выраженій сама была плодомъ западно-европейскаго вліянія. Взглядъ на „благородство“, заключающійся въ сатирахъ Кантемира и Сумарокова, напоминаетъ взглядъ на него Ювенала и, чтобы указать на источникъ, болѣе близкій въ хронологическомъ смыслѣ, Буало.

Въ своей пятой сатирѣ („Sur la véritable noblesse“) французскій сатирикъ писалъ, обращаясь къ маркизу Данжо:

La noblesse, Dangeau, n'est pas une chimère,
Quand, sous étroite loi d'une vertu sévère,
Un homme issu d'un sang fécond en demi-dieux
Suit, comme toi, la trace où marchaient ses aïeux.
Mais je ne puis souffrir qu'un fat dont la mollese
N'a rien pour s'appuyer qu'une vaine noblesse,
Se pare insolemment du mérite d'autruis [1]).

Буало выражается еще гораздо рѣзче, нежели Кантемиръ и Сумароковъ. Онъ говоритъ, что если данное лицо ведетъ себя недостойнымъ образомъ, то, хотя бы оно происходило отъ самого Геркулеса, онъ не постѣснится назвать его

. . . . Un lâche, un imposteur,
Un traître, un scélérat, un perfide, un menteur,
Un fou, dont les accès vont jusqu'à la furie,
Et d'un tronc fort illustre une branche pourrie [2]).

И Буало съ удовольствіемъ представляетъ себѣ то счастливое время, когда законы были для всѣхъ одинаковы:

Chacun vivait content, et sous d'égales lois
Le mérite y faisait la noblesse et les rois [3]).

---

[1]) Дворянство—не химера, когда человѣкъ, происходящій изъ рода, къ которому принадлежитъ много полубоговъ, самъ, подобно тебѣ, идетъ по пути своихъ предковъ. Но мнѣ нестерпимо видѣть, что фаты, изнѣженность которыхъ можетъ сослаться только на ихъ пустое благородство, нахально величаются чужими заслугами.

[2]) Подлецомъ, обманщикомъ, измѣнникомъ, мошенникомъ, коварнымъ лжецомъ, безумцемъ, страдающимъ припадками бѣшенства, гнилою вѣтвью знаменитаго дерева.

[3]) Всѣ были довольны, живя подъ равными законами, и только по своимъ заслугамъ люди достигали дворянскаго и королевскаго званія.

Буало принадлежалъ къ той французской интеллигенціи буржуазнаго происхожденія, которая ничего не имѣла противъ стараго порядка и на всѣ лады пѣла его славу. Впрочемъ, въ его время порядокъ этотъ и не успѣлъ еще состариться. И все-таки подъ перомъ Буало разсужденія на тему объ истинномъ благородствѣ имѣли не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой пріобрѣтали они въ произведеніяхъ русскихъ сатириковъ изъ дворянской среды.

Во Франціи монархія побѣдила феодальную аристократію, благодаря поддержкѣ третьяго сословія. Въ Россіи она сокрушила боярскую оппозицію, опираясь на служилый классъ. Это огромная разница. Третье сословіе во Франціи заинтересовано было въ полномъ уничтоженіи всякихъ сословныхъ привилегій. А служилый классъ въ Россіи, возставая противъ привилегированнаго положенія бояръ, самъ стремился сдѣлаться привилегированнымъ сословіемъ.

И именно въ XVIII вѣкѣ, когда возникла наша сатира, это его стремленіе осуществилось въ довольно широкой мѣрѣ. Поэтому его идеологи рѣшительно неспособны были придать нападкамъ на породу тотъ широкій размахъ, какой сообщили имъ во Франціи идеологи третьяго сословія. Конечно, самъ Буало отнюдь не былъ революціонеромъ. Онъ лишь вздыхалъ о томъ золотомъ вѣкѣ, когда всѣ были равны передъ закономъ. Но черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ - шестьдесятъ лѣтъ послѣ него французскіе просвѣтители провозгласили, что надо возстановить тотъ справедливый общественный строй, который существовалъ въ золотую эпоху общественнаго равенства. Вздохъ сожалѣнія о прошломъ довольно быстро превратился, на французской почвѣ, въ практическую программу будущаго. Чтобы наши писатели могли усвоить себѣ эту программу, имъ нужно было предварительно покинуть точку зрѣнія дворянскаго сословія. Кантемиръ и Сумароковъ были еще неспособны на это.

Наивная вѣра во всемогущество просвѣщенія предохраняла нашихъ литературныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка отъ помысловъ объ общественно-политическихъ реформахъ. „Невѣжество,—говорилъ Сумароковъ,—есть источникъ неправды; бездѣльство полагаетъ основаніе храма его; безумство созидаетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся со пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный". Достаточно распространить просвѣщеніе, чтобы искоренить неправду даже въ судахъ. А просвѣщеніе распространяется центральной властью...

Подобно Татищеву, Сумароковъ хотѣлъ, чтобы образованіе сдѣлалось доступнымъ также и для женщинъ. Въ „Хорѣ къ превратному свѣту“ синица разсказываетъ, что

За моремъ того не болтаютъ:
Дѣвушкѣ де разума не надо,
Надобны ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы...

VI.

Сумароковъ — типичный русскій дворянинъ XVIII столѣтія, пріобщившійся къ западно-европейскому просвѣщенію. Во взглядѣ на историческое значеніе и современныя задачи верховной власти онъ вполнѣ сходился съ Татищевымъ. Въ баснѣ („притчѣ“) „Пучекъ лучины“ онъ писалъ:

Нельзя дивиться, что была
Подъ игомъ Росская держава,
И долго паки не цвѣла,
Когда ея упала слава;
Вить не было тогда
Сего великаго въ Европѣ царства,
И завсегда
Была вражда.
У множества князей едина государства [1]).

Теперь татары готовы служить Россіи, а прежде они несли „страхъ россійскимъ сторонамъ“. Такъ было вплоть до „Іоана“ (очевидно, Третьяго);

Надежныхъ не было лѣсовъ, луговъ и пашни,
Доколѣ не былъ данъ
Россіи Іоанъ,
Великолѣпныя въ Кремлѣ воздвигшій башни [2])

Говоря о своемъ времени, Сумароковъ всегда изображаетъ верховную власть источникомъ просвѣщенія и правды въ Россіи. Если онъ смѣло ополчается на борьбу съ пороками, то его мужество поддерживается надеждой на поддержку со стороны государыни:

Когда я истинну народу возвѣщу,
И нѣсколько людей сатирой просвѣщу;

[1]) Басня „Пучекъ лучины“.

[2]) „Совѣтъ боярской“. Знаки препинанія разставлены здѣсь, какъ въ подлинникѣ.

Такъ люди честныя, мою зря миру службу,
Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножатъ дружбу:
Невѣжество меня ничѣмъ не возмутитъ,
И росская меня паллада защититъ;
Не малая статья ея безсмертной славы,
Чтобъ были чищены ея народа нравы.

Въ другомъ мѣстѣ той же сатиры онъ восклицаетъ:

Пускай плуты попрутъ и правду и законы
Мнѣ сыщетъ истинна на помощь обороны:
А есть-ли и умру отъ пагубныхъ сѣтей,
Монархиня по мнѣ покровъ моихъ дѣтей.

При такомъ отношеніи къ верховной власти становится понятнымъ желаніе воспѣть ее въ болѣе или менѣе торжественной одѣ. Намъ теперь рѣшительно невозможно наслаждаться „піическими“ произведеніями этого разряда. Не говоря уже объ ихъ неуклюжемъ языкѣ, они отталкиваютъ насъ своимъ безмѣрно льстивымъ содержаніемъ. Намъ очень подозрительно „странное піанство“, будто бы овладѣвавшее одописцами. Мы презрительно пожимаемъ плечами, когда читаемъ у Третьяковскаго, что Анна— „верьхъ Императрицъ“. И не менѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ на насъ хотя бы вотъ эта риѳмованная лесть, сочиненная по случаю коронованія той же Анны:

Превыспренный весь ликъ и Небо все играетъ,
Изряднѣйшимъ лучемъ насъ солнце просвѣщаетъ:
Несетъ земля свой плодъ;
Намъ воздухъ дышетъ здравый
Цвѣтетъ духъ всюду правый;
Вшелъ благостей къ намъ родъ,
Веселіемъ у насъ всѣхъ блещутъ рѣкъ потоки...
Погибли въ безднѣ премерскія пороки!

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Льстиво до тошноты! Чувствуешь глубокую обиду за литературу, когда читаешь подобныя литературныя упражненія.

Несправедливо было бы попрекать грѣхомъ подобныхъ пѣснопѣній одного многострадательнаго Василія Кирилловича. Въ главѣ, посвященной Ломоносову, я уже отмѣтилъ, что тѣмъ же грѣхомъ грѣшилъ и геніальный „архангельскій мужикъ“. Разумѣется, не свободенъ отъ него и Сумароковъ. Трудно льстить больше, чѣмъ льстилъ онъ Елизаветѣ въ одѣ на день ея рожденія:

Ты наше время наслаждаешь,
Тобою Россовъ вѣкъ цвѣтетъ,

Ты новы силы въ насъ рождаешь,
Тобой прекрасняе сталъ свѣтъ.
Презрѣнны сихъ временъ морозы,
Намъ мнится на поляхъ быть розы,
И мнится, что растутъ плоды:
Играютъ рѣки съ берегами,
Забвенъ подъ нашими ногами
Окамененный токъ воды...

Всякій скажетъ теперь: некрасиво! Однако историкъ долженъ помнить, что есть обстоятельства, значительно смягчающія вину этихъ некрасивыхъ литературныхъ дѣяній. Наши одописцы льстили безъ мѣры. Это, къ сожалѣнію, неоспоримо. Но, во-первыхъ, лесть въ одѣ требовалась обычаемъ того времени. Это былъ отвратительный обычай; но тогдашніе читатели и слушатели знали, что преувеличенныя похвалы, содержавшіяся въ одахъ, должны быть принимаемы cum grano salis. А главное, — на что я собственно и хочу обратить вниманіе читателя,—одописцы были поклонниками самодержавной власти „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“. Отъ нея, и только отъ нея, ждали они почина прогрессивнаго движенія въ Россіи. Какъ же было имъ не превозносить и не воспѣвать ея въ своихъ одахъ?

Наконецъ надо сказать еще и вотъ что. У насъ въ XIX вѣкѣ долго держались обычая хвалить власть не столько за то, что она сдѣлала, сколько за то, что она могла бы и должна была бы сдѣлать, по мнѣнію хвалившаго. А изъ нашихъ одописцевъ XVIII столѣтія кажется одинъ только Третьяковскій не позволялъ себѣ давать власти благіе совѣты подъ предлогомъ восхваленія будто бы свойственной ей безпредѣльной мудрости. Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя оды Ломоносова заключали въ себѣ цѣлый рядъ проектовъ по части просвѣщенія Россіи. Изрядное число хорошихъ практическихъ совѣтовъ напихано было и въ полныя лести оды Сумарокова.

По случаю именинъ Екатерины II, въ ноябрѣ 1763 года, онъ „пѣлъ“:

Вижу Россовъ пышны грады,
И приятны вертограды,
Какъ Едемъ иль садъ Петровъ:
Новы протекаютъ рѣки,
Кои рыли человѣки:
Ходъ по всей Россіи новъ.
Горы злато изливаютъ.
Златомъ плещетъ океянъ:

Села степи покрываютъ
И пустыни многихъ странъ.

Это—наставленія, относящіяся къ области народнаго хозяйства. А вотъ наставленія по части внутренней политики.

Въ одѣ цесаревичу Павлу, написанной ко дню его именинъ, 29 іюня 1771 года, Сумароковъ, возвѣщая „свѣту“ добродѣтели высокаго именинника, доводитъ до свѣдѣнія этого послѣдняго, что монархъ, какъ онъ долженъ быть,

Съ закономъ басенъ не мѣшаетъ,
И разумъ правдой украшаетъ,
Пренебрегая сказки женъ:
Не внемля наглу лицемѣрству,
Не повинуясь суевѣрству,
Которымъ слабый духъ возженъ.

На этомъ дѣло не кончается. Въ той же весьма льстивой одѣ говорится:

Когда монархъ насилью внемлетъ,
Онъ врагъ народа, а не царь;
И тигръ и левъ животъ отъемлетъ,
И самая послѣдня тварь:
Змѣя презрѣнья не умалитъ,
Когда ково, ползя, ужалитъ,
Пребудетъ тажъ она змѣя...
. . . .
Нестройный царь есть идолъ гнусный
И въ морѣ кормщикъ неискусный:
Ево надгробье: былъ онъ ядъ;
Окончится его держава
Окончится ево и слава:
Исчезнетъ лесть, душа во адъ.
Не сносятъ никогда во гробы
Цари сіянія вѣнца;
Сіянья царскія особы
Есть имя подданныхъ отца.

Не знаю, какое дѣйствіе оказывали подобныя наставленія на тѣхъ весьма высокопоставленныхъ читателей, для которыхъ они предназначались. Полагаю, ровнехонько никакого. Но что они должны были способствовать проясненію общественно-политическихъ понятій обыкновенныхъ смертныхъ (хотя бы и шляхетнаго происхожденія), это очевидно. Сколько-нибудь просвѣщенныхъ читателей того времени напыщенно-льстивый языкъ

одописцевъ, какъ сказано, врядъ ли вводилъ въ заблужденіе: они понимали, что это—пустая формальность. Во второй половинѣ XVIII вѣка сатирическая литература стала ѣдко насмѣхаться надъ льстивымъ языкомъ одописцевъ [1]). Иное дѣло — благіе совѣты, преподносившіеся властителямъ тѣми же одописцами. Въ этихъ совѣтахъ выражались политическіе взгляды передовыхъ русскихъ людей того времени. И надъ ними, навѣрно, никто не смѣялся. Напротивъ, давая ихъ, одописцы выступали, подобно сатирикамъ, просвѣтителями читающей публики.

VII.

Но гораздо болѣе, нежели похвальныя слова, оды и диѳирамбы, просвѣщала читателей наша драматическая литература. Н. Буличъ справедливо сказалъ, что сценическія представленія были такимъ благороднымъ родомъ забавъ, который далеко оставлялъ за собой грубыя забавы Московской Руси. Вполнѣ естественно, что, по выраженію того же Н. Булича, „на театръ смотрѣли, какъ на педагогическое средство, не только при дворѣ... но и между мыслящими современниками“ [2]).

Излишне распространяться о томъ, какимъ образомъ могла воспитывать зрителей комедія. Это понятно само собою: совершенно такъ же, какъ и сатира, т.-е. посредствомъ насмѣшки. Менѣе понятно педагогическое дѣйствіе трагедіи.

Наша трагедія XVIII вѣка имѣетъ плохую славу. Такъ, трагедію Сумарокова, съ которой мы исключительно будемъ имѣть дѣло въ этой главѣ, только что цитированный мною изслѣдователь называетъ „раскрашенной яркими красками, но жалкой литографіей съ болѣе достойнаго оригинала“ [3]). Въ виду этого позволительно спросить себя, откуда же бралось педагогическое дѣйствіе жалкой литографіи? И какимъ образомъ ея зрѣлище могло стать благородной забавой?

Трагедія Сумарокова воспитывала зрителей не своими эстетическими достоинствами: они были совершенно ничтожны. Ея воспитательное значеніе обусловливалось тѣми нравственными и политическими понятіями, которыя выражались въ рѣчахъ ея дѣйствующихъ лицъ. Что касается этихъ понятій, то, конечно, ихъ высказы-

---

[1]) Въ статьѣ объ Е. И. Костровѣ Н. С. Тихонравовъ указалъ, какъ удачно язвила „Смѣсь“ 1769 г. одописцевъ: „Имѣетъ ли простой народъ добродѣтели? Я того не знаю. Затѣмъ, что стихотворцы прославляютъ добродѣтели лирическимъ гласомъ, однако я никогда не читалъ похвальной оды крестьянину, также какъ и клячѣ, на которой онъ пашетъ“. Сочин. Н. С. Тихонравова, томъ III, часть I, стр. 188.

[2]) Сумароковъ, стр. 26.

[3]) Н. Буличъ, назв. соч., стр. 152.

ваютъ нерѣдко такія лица, у которыхъ мы бы никакъ не предположили ихъ, если бы судили съ точки зрѣнія психологической вѣроятности. Но совсѣмъ не правъ Н. Буличъ, утверждая, что „вообще понятія о нравственности въ этихъ трагедіяхъ кажутся извращенными потому, что далеко не похожи на наши“ [1]). На самомъ дѣлѣ, многія изъ этихъ понятій до сихъ поръ очень подходятъ къ нашимъ и ничуть не страдаютъ извращенностью.

Возьмемъ одно изъ самыхъ важныхъ: понятіе о долгѣ вообще и о долгѣ передъ своей родиной въ частности. Мы часто встрѣчаемъ его въ монологахъ героевъ Сумарокова. Посмотримъ, какой оттѣнокъ имѣетъ оно тамъ.

Князь Шуйскій говоритъ своей дочери Ксеніи, которой угрожаетъ смерть отъ руки Дмитрія Самозванца [2]):

За градъ отеческій вкушай, княжна, смерть люту!

Подобно этому, новгородскій посадникъ Гостомыслъ наставляетъ свою дочь Ильмену [3]):

Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.
Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ.

Гамлетъ высказываетъ то убѣжденіе, что

. . . . Сердце благородно
Быть должно праведно, хоть плѣнно, хоть свободно [4])!

Отъ нѣжной Офеліи мы слышимъ:

Я чести не хочу безчестіемъ искать...

Борьба между личнымъ чувствомъ и должностью составляетъ „паѳосъ“ первой по времени трагедіи Сумарокова „Хоревъ“.

Братъ русскаго князя Кія, Хоревъ любитъ Оснельду, дочь свергнутаго Кіемъ прежняго князя, Завлоха. Она живетъ какъ плѣнница въ Кіевѣ и отвѣчаетъ Хореву взаимностью. Но онъ — братъ Кія, кровнаго врага ея отца, и она не считаетъ себя въ правѣ слѣдовать своему чувству. Въ третьемъ явленіи перваго дѣйствія она признается ему въ любви, но отвергаетъ, какъ нравственно непозволительную, всякую мысль о своемъ бракѣ съ нимъ:

Престань себя, мой князь, надеждой этой льстить:
Судьба мнѣ жизнь велитъ въ несчастіи влачить.
Судьба меня съ тобой навѣки раздѣлила,

[1]) Назв. сочин., стр. 146.
[2]) „Димитрій Самозванецъ“, послѣднее явленіе пятаго дѣйствія.
[3]) „Синавъ и Труворъ“, первое явленіе третьяго дѣйствія.
[4]) „Гамлетъ“, второе явленіе перваго дѣйствія.

И тщетно насъ любовь съ тобой соединила.
Оснельда можетъ ли супруга зрѣть того,
Чей съ трона братъ отца низвергнулъ моего,
И трупы братіевъ моихъ влачилъ безстыдно,
Взирая на престолъ Завлоховъ звѣровидно;
Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ
И кровью нашею весь городъ обагрилъ,
Оснельду въ пеленахъ невольницей оставилъ.
Перунъ! почто меня отъ смерти ты избавилъ?
А жизнь оставя, далъ ты чувствовать мнѣ честь?
Или — чтобъ было мнѣ труднѣе иго несть?
Мнѣ бъ лучше умереть, чѣмъ въ тяжкой жить неволѣ
И видѣть хищника на отческомъ престолѣ.

Въ сердцѣ Оснельды любовь борется съ чувствомъ долга, какъ борется она съ нимъ въ сердцѣ Шимэны у Корнеля. И ни тутъ, ни тамъ въ психологическомъ процессѣ борьбы нѣтъ ничего извращеннаго. Чувство долга беретъ верхъ надъ любовью какъ у Шимэны, такъ и у Оснельды. Это опять ни мало не свидѣтельствуетъ объ извращенности.

Ровно ничего не свидѣтельствуетъ о ней и переживанія Хорева. Въ немъ совершается борьба тѣхъ же чувствъ: „должность" побуждаетъ его идти сражаться съ подступившимъ къ Кіеву непріятелемъ. Но этотъ непріятель — отецъ любимой имъ дѣвушки, и вотъ Хоревъ не то, чтобы колеблется, а жестоко страдаетъ. При этомъ нравственныя страданія наводятъ его на размышленія, совсѣмъ не безынтересныя и для нашихъ дней. Кій говоритъ ему:

Возьми оружіе, твой долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ.

На это Хоревъ отвѣчаетъ, что онъ давно уже научился не страшиться враговъ и переносить лишенія походовъ. Однако онъ не можетъ не думать о жертвахъ войны:

Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала.
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничьей тонули?
Ахъ, сколько въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечомъ! и сколько душъ взялъ адъ!

Гдѣ же выходъ? Неужели этотъ воинъ додумается до того, что никогда не надо сопротивляться злу насиліемъ? Нѣтъ, онъ только старается установить различіе между самозащитой и несправедливымъ нападеніемъ на другихъ. И онъ не

считаетъ справедливой войну съ Завлохомъ, который добивается лишь освобожденія изъ плѣна своей дочери. Хоревъ говоритъ:

Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,—
Умремъ; но жертвъ она теперь не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ; и первый сниду я:
Но нынѣ страху нѣтъ народу и коронѣ;
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

Онъ не довольствуется этимъ замѣчательнымъ различеніемъ. Мучительное сознаніе того, что справедливое требованіе Завлоха можетъ подать поводъ къ страшному кровопролитію, наводитъ его на мысль о томъ, какъ вообще много ненужной жестокости вносятъ люди въ свои военныя столкновенія:

Довольно безъ того мы кровь взаимно пьемъ
Когда по должности сражаемся съ врагомъ —
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ:
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя злу лесть низкая дала?
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!
Мы, брани окончавъ, отмстительны въ удачѣ,
Не попечительны, зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ.

Въ концѣ-концовъ, и у Хорева любовь отступаетъ передъ долгомъ. Когда (въ третьемъ дѣйствіи) Оснельда, только что покушавшаяся на свою жизнь, проситъ его дать ей возможность убѣжать къ отцу, который, надо замѣтить это, противится ея браку съ Хоревомъ и уже наступаетъ на Кіевъ, онъ отказывается. По его мнѣнію, при данномъ положеніи дѣлъ, такой поступокъ съ его стороны явился бы измѣной, которой не могла бы одобрить сама Оснельда:

. . . . . Помысли, разсуди,
Могу ль я тѣмъ тебѣ свободу возвратить?
Что будетъ обо мнѣ тогда весь градъ гласить?
Что скажешь ты сама?
. . . .
Оснельда можетъ ли измѣнника любить?

Нѣтъ, надо быть справедливымъ! Слѣдуетъ въ полной мѣрѣ воздать должное нашей литературѣ XVIII вѣка. И пора отвергнуть ходячее у насъ мнѣніе объ ея безсодержательности. Она была содержательна, но, разумѣется, на свой собственный ладъ.

Обыватели старой Московской Руси такъ или иначе несли тягло, — когда имъ не удавалось бѣжать отъ него въ „прекрас-

ную пустыню", — или служили государю, когда нельзя было отсидѣться въ „нѣтѣхъ". Но они крайне рѣдко задумывались о своихъ „должностяхъ" передъ родиной и совсѣмъ никогда не размышляли о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя въ случаѣ непріятныхъ столкновеній съ жителями другихъ государствъ. Съ совершенно спокойнымъ сердцемъ жгли, грабили и всячески опустошали они города и села даже единокровной и единовѣрной имъ Литовской Руси. Литература, возникшая послѣ Петровской реформы, тотчасъ же замѣтила крайнюю скудость запаса нравственныхъ понятій, оставшагося отъ добраго, стараго времени, и принялась пополнять его всѣми зависѣвшими отъ нея средствами. Въ эту сторону направили свои усилія всѣ ея отдѣлы, не исключая даже и громогласной оды [1]). По всей вѣроятности, вліяніе сатиры было сильнѣе вліянія всѣхъ остальныхъ родовъ литературы. Но все-таки немало тутъ сдѣлала трагедія вообще и трагедія Сумарокова въ частности [2]). И въ этомъ состоитъ значительная заслуга ея въ великомъ дѣлѣ европеизаціи Россіи.

VIII.

Обыкновенный смертный долженъ забыть свой личный интересъ, когда этого требуетъ благо его страны. Такъ учила трагедія. Что же касается коронованныхъ лицъ, то она требовала отъ нихъ прежде всего уваженія къ закону. Уже извѣстный намъ Хоревъ, братъ русскаго князя Кія, говоритъ:

Тѣ люди, коими законы сотворены,
Закону своему и сами покорены.

Онъ же подробно перечисляетъ необходимыя правителю качества:

Потребно множества монарху проницанья,
Коль хочетъ онъ носить вѣнецъ безъ порицанья:
И есть ли хочетъ онъ во славѣ быти твердъ;
Быть долженъ праведенъ и милосердъ [3]).

Упомянутая выше княжна Ксенія Шуйская проситъ Бога:

Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истинѣ, не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ —

---

1) Исключеніе приходится сдѣлать только для того разряда повѣстей, на который я ссылался. Но это совсѣмъ особая литература.

2) Едва ли не самыми идейными нашими трагедіями въ первой половинѣ XVIII в. должны быть признаны трагедіи ученика Сумарокова, Я. Б. Княжнина.

3) Дѣйствіе пятое, явленіе первое.

Едино только то, чего желаетъ онъ,
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы,
На счастье поданныхъ основаны уставы [1]).

Та же молодая дѣвушка, къ удивленію нашему обнаруживающая такой глубокій интересъ къ политикѣ, требуетъ свободы совѣсти и „снисходительнаго“ отношенія властителя къ своимъ подданнымъ:

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни;
Страшатся коего злодѣи лишь одни [2]).

Суровый, но справедливый князь Кій, объясняя, почему онъ нисколько не опасается измѣны со стороны своихъ подданныхъ, указываетъ на свое отношеніе къ нимъ. Онъ говоритъ боярину Сталверху:

Что можетъ, разсуди, измѣнникъ учинить?
Народъ безчисленный удобно ль возмутить,
Въ которомъ множество мнѣ сердцемъ покоренно?
Владычество мое любовью утвержденно;
Меня подвластные непринужденно чтятъ,
Отца во мнѣ сердца ихъ преданныя зрятъ [3]).

Дочь Гостомысла Ильмена убѣждаетъ князя Синава:

Ты началъ царствовать съ щедротой въ сей странѣ:
Благополучіемъ явилъ себя народа,
И что произвела на то тебя природа;
Чтобъ ты ко истиннѣ свой разумъ простиралъ,
И плачущихъ рабовъ ты слезы отиралъ [4]).

Знаменательный оборотъ рѣчи! Подданные — дѣти правителя. Но въ то же время они — его рабы. И такъ выражается не одна Ильмена. Въ первомъ явленіи того же дѣйствія Синавъ получаетъ отъ своего брата Трувора такой совѣтъ:

Раби твои, о князь! твои любезны дѣти:
Не зачинай инымъ ты образомъ владѣти

---

[1]) „Димитрій Самозванецъ“, дѣйствіе второе, явленіе первое.
[2]) То же явленіе того же дѣйствія.
[3]) „Хоревъ“, дѣйствіе второе, явленіе первое.
[4]) „Синавъ и Труворъ“, дѣйствіе второе, явленіе пятое.

Въ „Гамлетѣ“ Полоній проповѣдуетъ принципъ ничѣмъ не прикрытаго деспотизма:

Кому прощать царя? Народъ въ его рукахъ.
Онъ Богъ, не человѣкъ въ подверженныхъ странахъ.
Когда кому даны порфира и корона,
Тому вся правда, власть, и нѣтъ ему закона.

Но Гертруда возражаетъ ему на это совершенно въ духѣ Ильмены—и... самого Сумарокова:

Не симъ есть праведныхъ наполненъ умъ царей:
Царь мудрый есть примѣръ всей области своей,
Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ,
И всѣ свои на ней уставы созидаетъ,
То помня завсегда, что кратокъ смертныхъ вѣкъ,
Что онъ въ величествѣ таковъ же человѣкъ.
Раби его ему любезныя суть чады,
Отъ скипетра его льется токъ отрады.

Правду наблюдаетъ и льетъ отраду отъ своего скипетра, а его дѣти,—подданные,—тѣмъ не менѣе остаются его рабами! Это очень характерная особенность тогдашней (передовой!) русской идеологіи. Можно сказать, пожалуй, что, подобно всѣмъ передовымъ писателямъ XVIII вѣка, Сумароковъ былъ сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма. Но въ томъ-то и дѣло, что въ его трагедіяхъ говорится собственно о той разновидности просвѣщеннаго абсолютизма, которой нельзя дать другого названія, кромѣ просвѣщеннаго деспотизма.

Русская трагедія шла по слѣдамъ французской. Но, какъ увидимъ ниже, во французской трагедіи нѣтъ идеализаціи деспотизма, хотя бы и просвѣщеннаго. Да оно и понятно, если самъ Боссюэ, бывшій убѣжденнымъ сторонникомъ неограниченной монархіи, находилъ нужнымъ сдѣлать ту оговорку, что рабское подчиненіе подданныхъ своему государю противорѣчитъ французскимъ нравамъ.

Порядокъ идей и въ этомъ случаѣ соотвѣтствовалъ порядку вещей. Ломоносовъ говорилъ: „Понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобъ ничего не угоднаго не ввести, а хорошаго не оставить, надобно смотрѣть, кому и въ чемъ послѣдовать“. А еще раньше его Ѳ. Салтыковъ, изучая въ Англіи „уставы“ разныхъ европейскихъ государствъ, выбиралъ изъ нихъ, для нашего домашняго употребленія лишь то, что приличествуетъ токмо самодержавствію, а не такъ, какъ республикамъ или парламенту“. Подобно этому поступала и наша изящная литература XVIII столѣтія. Она тоже старалась „ничего неугоднаго не

ввести". Изъ богатой сокровищницы западно-европейскихъ общественно-политическихъ идей она брала лишь то, что „приличествовало самодержавствію, а не такъ, какъ республикамъ или парламенту". Да и къ понятію „самодержавствія" она придавала, какъ видимъ, свой домашній оттѣнокъ. Порядокъ идей опредѣлился порядкомъ вещей.

Уважать законы, быть „снисходительнымъ" къ своимъ дѣтямъ-рабамъ, защищать обиженныхъ... Чѣмъ отличаются эти требованія отъ того, чего добивались отъ московскихъ государей сторонники „подкрестныхъ" записей? Ничѣмъ. И это надо запомнить.

Петровская реформа не измѣнила объема требованій, предъявлявшихся къ русскимъ государямъ тѣми ихъ подданными, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не мирились съ „россійской дѣйствительностью". Она и не могла измѣнить его, такъ какъ ближайшимъ ея политическимъ слѣдствіемъ было измѣненіе общественныхъ силъ не въ ущербъ, а къ выгодѣ центральной власти. Разница была лишь въ томъ, что „подкрестныхъ записей" добивался отжившій общественный слой,—боярство,—между тѣмъ, какъ совѣты просвѣщенному деспотизму насчетъ уваженія къ законамъ и „снисходительнаго" обращенія съ подданными шли отъ того слоя русскихъ сторонниковъ западнаго просвѣщенія, которому суждено было расти и укрѣпляться, правда, съ медленностью, нерѣдко доводившей до отчаянія благороднѣйшихъ его представителей.

Въ своемъ „Гамлетѣ" Сумароковъ устами Гертруды напоминаетъ монархамъ о краткости „смертныхъ вѣка", т.-е. о загробной отвѣтственности за злые поступки. Но Гертруда только мимоходомъ касается этого предмета. Зато Димитрій Самозванецъ—тоже совсѣмъ неожиданно! — вдается въ большія подробности по этой части. Ему видится страшная картина его собственнаго мученія въ аду:

Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста,
Во преисподнюю зрю мрачныя степени [1])
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ геенѣ я и въ пламени горю...

Этой страшной картинѣ тотъ же безпощадный тиранъ противопоставляетъ очаровательную картину райскаго блаженства добрыхъ царей:

---

[1]) Т.-е. ступени. *Г. П.*

Воззрю на небеса — селенье райско зрю:
Тамъ добрые цари природы всей красою,
И ангелы кропятъ ихъ райскою росою...

Цѣль противопоставленія очевидна: поразить воображеніе властителей, поставить имъ на видъ, что ихъ собственный интересъ, — и еще какой: не временный, а вѣчный! — предписываетъ имъ уважать законы и быть „снисходительными“ или (что одно и то же) „добрыми“. Если мы вспомнимъ, что еще Курбскій пугалъ Ивана загробнымъ правосудіемъ, то убѣдимся, что Петровская реформа не вызвала никакой непосредственной перемѣны на святой Руси и въ смыслѣ той ultima ratio, къ которой могли апеллировать русскіе обыватели, когда ихъ государи показывали себя слишкомъ мало „снисходительными“.

Отмѣчу еще одну черту Сумароковской трагедіи. Подобно французской трагедіи XVIII вѣка, она нападаетъ на католицизмъ. Мѣстами нападки ея становятся очень рѣзкими. На замѣчаніе Димитрія Самозванца о папской святости, которой не хочетъ подчиниться Россія, его наперстникъ Парменъ возражаетъ:

Мнѣ мнится, человѣкъ себѣ подобнымъ братъ,
И лжеучители разсѣяли развратъ,
Дабы лжесвятости ихъ черни возвѣщались,
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались...

. . . .

Сложила Англія, Голландія то бремя
И полъ-Германіи; наступитъ скоро время,
Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ,
И съ трона свержется прегордый сей монахъ,
Который толь себя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго, какъ Бога почитаетъ.

Самозванецъ находитъ такія рѣчи „дерзостными“. Но ихъ „дерзостность“ весьма значительно умѣряется тѣмъ, что, горячо нападая на западную церковь, герои Сумарокова съ большимъ почтеніемъ относятся къ — восточной. Въ той же трагедіи („Димитрій Самозванецъ“) Георгій, князь Галицкій, молится о томъ, чтобы католицизмъ не восторжествовалъ надъ православіемъ:

О Боже, ужасъ сей отъ Россовъ отведи!

Замѣчательно, что ни въ сатирахъ, ни въ „притчахъ“ Сумарокова мы не встрѣчаемъ нападокъ на русское духовенство, столь частыхъ у Кантемира. Это объясняется тѣмъ, что настроеніе Кантемира было гораздо ближе къ настроенію Петра Перваго, который очень не жаловалъ „большихъ бородъ“. Въ эпоху Су-

марокова власть относилась къ такимъ бородамъ гораздо „снисходительнѣе“. Да и онѣ, съ своей стороны, совершенно отказались даже отъ той пассивной оппозиціи, съ которой относились къ преобразовательной дѣятельности Петра. Исключенія, въ родѣ оппозиціонной вспышки Арсенія Мацієвича, въ счетъ не идутъ и только подтверждаютъ общее правило.

Какъ ни узки были по обстоятельствамъ времени предѣлы политической мысли Сумарокова, но и она, высказываясь въ его стихотвореніяхъ и особенно въ его трагедіяхъ, совсѣмъ не извращала понятій тогдашнихъ русскихъ людей, а очищала ихъ, такъ какъ все-таки предъявляла къ правителямъ извѣстныя требованія, шедшія въ разрѣзъ съ правиломъ московскаго деспотизма: мы можемъ, по одному своему усмотрѣнію, казнить и жаловать своихъ холоповъ. Никто не скажетъ, что безполезно было для политическаго развитія современниковъ Сумарокова, напримѣръ, слѣдующее разсужденіе о чести одного изъ его героевъ (князя Мстислава):

О, честь единственный источникъ нашей славы,
На коей истины основаны уставы,
Геройска дѣйствія и общей пользы мать!
Сильна едина ты санъ царскій воздымать.
Коль нѣтъ тебя съ царемъ, онъ Божій гнѣвъ народу,
И скиптръ его есть мечъ, возъятый на свободу...

Глава VI.

Взаимная борьба общественныхъ силъ въ эпоху Екатерины II.

I.

Въ нашей ученой литературѣ существуетъ два мнѣнія по вопросу о томъ, какъ высокъ былъ уровень экономическаго развитія Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Одно изъ нихъ нашло наиболѣе яркаго выразителя своего въ лицѣ г. Чечулина; другое высказано было Е. В. Тарле.

По словамъ г. Чечулина, „необходимо признать крайне незначительное экономическое движеніе страны впередъ за время цѣлаго (XVIII. *Г. П.*) столѣтія. Въ экономической дѣятельности страны не создалось ничего новаго, и она оставалась на очень низкомъ экономическомъ уровнѣ[1]).

Наоборотъ, Е. В. Тарле утверждаетъ, что въ царствованіе Екатерины II Россія вовсе не была отсталой страной сравнительно даже съ наиболѣе передовыми странами европейскаго материка, напримѣръ, съ Франціей. „Легенда“ объ исключительномъ господствѣ натуральнаго хозяйства въ указанную эпоху должна быть отвергнута. Къ концу царствованія Екатерины II наши фабрики и заводы „отнюдь не были тепличными растеніями, и обрабатывающая промышленность достигла такого развитія, что если и не составляла существенной статьи русскаго вывоза, то, во всякомъ случаѣ, дѣлала Россію — по смыслу неоднократныхъ утвержденій самихъ иностранцевъ, — страною экономически-независимой отъ сосѣдей[2]).

Каждое изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній есть крайность, и потому требуетъ существенныхъ поправокъ.

---

[1]) Н. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. СПБ., 1906 г., стр. 374, 376, 378.

[2]) См. его докладъ: „Была ли екатерининская Россія экономически отсталой страной?“, въ октябрѣ 1909 г. прочитанный въ засѣданіи Историч. Общества при Петроградскомъ университетѣ и напечатанный въ майской книжкѣ „Современнаго Міра“ за 1910 годъ.

Конечно, во второй половинѣ XVIII столѣтія Россія давно уже не была страной „исключительно“ натуральнаго хозяйства. Мы знаемъ, что въ нечерноземной полосѣ Великороссіи преобладала тогда оброчная система эксплуатаціи помѣщиками своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Крестьяне уплачивали свой оброкъ, разумѣется, деньгами. Деньгами же уплачивался и оброчный сборъ въ пользу государства съ черносошныхъ, а также (послѣ „секуляризаціи“ церковныхъ имѣній) съ экономическихъ крестьянъ[1]). Все это предполагаетъ наличность отхожихъ промысловъ и довольно значительнаго денежнаго обмѣна. Иностранные наблюдатели русской жизни издавна отмѣчали, что, какъ выразился одинъ изъ нихъ въ началѣ XIX вѣка, русскій крестьянинъ занимается не только земледѣліемъ, но по большей части еще и другими промыслами. По свидѣтельству того же наблюдателя, встрѣчались цѣлыя села, состоявшія изъ однихъ ремесленниковъ, т.-е. собственно изъ кустарей. Къ числу такихъ принадлежали село Медвѣдицкое и Кимры, уже тогда населенныя почти исключительно сапожниками. Въ Московской и Тверской губерніяхъ было много ткачей, въ Нижегородской — цѣлыя села занимались обработкой желѣза; по берегамъ судоходныхъ рѣкъ сильно развито было судостроеніе и т. д. Кустарная промышленность, значительно развитая еще въ Московской Руси, стала еще болѣе быстро развиваться именно во второй половинѣ XVIII столѣтія. Въ то же время значительно подвинулась впередъ—правда, преимущественно въ количественномъ отношеніи—и крупная промышленность. При вступленіи на престолъ Екатерины II считалось 984 фабрики и завода (кромѣ горныхъ заводовъ), а въ концѣ ея царствованія ихъ было 3161.

Г. Чечулинъ не говоритъ, что въ тогдашней Россіи господствовало исключительно натуральное хозяйство. Но его мнѣніе должно быть признано прямо противоположнымъ мнѣнію Е. В. Тарле, поскольку онъ отрицаетъ движеніе впередъ русскаго народнаго хозяйства. Тутъ онъ неправъ. Движеніе впередъ, несомнѣнно, было. Правда — на сторонѣ Е. В. Тарле, признающаго это движеніе. Но когда этотъ талантливый изслѣдователь утверждаетъ, что Екатерининская Россія не была отсталой страною даже въ сравненіи съ Франціей, необходимо признать, что палка слишкомъ перегнута имъ въ противоположную сторону.

---

[1]) Правда, тутъ были исключенія. Подушная подать, взимавшаяся въ размѣрѣ 70 копеекъ съ души въ 1794 году, была возвышена до рубля, при чемъ, однако, прибавочныя 30 копеекъ въ Вятской и Тобольской губерніяхъ наполовину уплачивались хлѣбомъ (В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. СПБ., 1901 г., стр. 676). Но исключенія эти, какъ видимъ, незначительны.

Къ концу царствованія Екатерины II наша обрабатывающая промышленность достигла, по его словамъ, „такого развитія, что, если и не составляла существенной статьи русскаго вывоза, то, во всякомъ случаѣ, дѣлала Россію—по смыслу неоднократныхъ утвержденій самихъ иностранцевъ—страною экономически независимою отъ сосѣдей[1]).

Это ошибка; начать съ того, что отзывы иностранцевъ гораздо менѣе категоричны, нежели это кажется нашему уважаемому историку.

Возьмемъ Бюшинга, на котораго онъ не одинъ разъ ссылается въ своемъ докладѣ. По словамъ Бюшинга, приводимымъ господиномъ Е. В. Тарле, ни одинъ народъ въ мірѣ не имѣетъ большей склонности къ торговлѣ, нежели русскіе. Но, какъ я указалъ на это въ первомъ томѣ моей „Исторіи", многіе иностранные путешественники совершенно такъ же отзывались и о китайцахъ. Доказываютъ ли такіе отзывы путешественниковъ, что ошибаются люди, говорящіе объ экономической отсталости Китая сравнительно съ европейскимъ Западомъ? Очевидно, нѣтъ. Далѣе, Бюшингъ признаетъ, что русскіе имѣютъ способностъ не только къ торговлѣ, но и къ обрабатывающей промышленности. Онъ указываетъ при этомъ на успѣхи, достигнутые Россіей со времени Петра I. Они показали, думаетъ онъ, что русскимъ недоставало прежде только руководства (со стороны болѣе передовыхъ иностранцевъ)[2]).

Е. В. Тарле вполнѣ правильно отмѣчаетъ, что Бюшингъ съ похвалой отзывается о нѣкоторыхъ русскихъ фабричныхъ издѣліяхъ и находитъ полотняныя мануфактуры лучшими въ Россіи. Но къ этому слѣдовало прибавить, что, по замѣчанію того же Бюшинга, въ тогдашней Россіи выдѣлывали „только грубыя полотна и еще не научились прясть тонкую льняную и конопляную пряжу". Ему извѣстно было только одно исключеніе изъ этого общаго правила: ярославская мануфактура, которая хорошо ткала и бѣлила тонкія полотна[3]). Такъ какъ полотняныя мануфактуры были, по его мнѣнію, все-таки лучшими въ Россіи, то остальныя отрасли русской обрабатывающей промышленности должны были представляться ему еще болѣе отсталыми. Неуди-

---

[1]) „Совр. Міръ", 1910 г., май, стр. 28.—Курсивъ г. Е. Тарле.

[2]) Въ моемъ пользованіи находится французскій переводъ „Землеописанія" Бюшинга. Тамъ сказано: „On voit que les russes ont de la capacité pour les arts et les métiers et qu'il ne leur manqait que d'être guidés" (Géographie universelle, traduite de l'Allemand de Büsching, Strasbourg, 1783, tome second, première partie, contenant l'Empire de Russie, p. 47).

[3]) Тамъ же, стр. 48.

вительно, поэтому, что онъ слѣдующимъ образомъ судитъ объ отношеніи Россіи къ западнымъ странамъ:

„Изо всего этого выходитъ, что русскіе еще не могли бы обойтись безъ помощи иностранныхъ мануфактуръ и фабрикъ“ [1]).

Какъ видимъ, онъ, вопреки Е. В. Тарле, очень далекъ отъ взгляда на Россію, какъ на страну, могущую стать экономически независимой отъ сосѣдей.

Е. В. Тарле указываетъ также на Шторха. Но Шторхъ не расходится съ Бюшингомъ. Онъ тоже не думаетъ, что Россія можетъ довольствоваться своими собственными издѣліями. Чтобы перестать зависѣть отъ иностранцевъ, ей нужно, по его мнѣнію, еще около ста лѣтъ [2]).

Приводимыя Бюшингомъ данныя о состояніи русской торговли могли только подкрѣпить его убѣжденіе въ томъ, что Россія еще не въ состояніи была обойтись безъ помощи иностранныхъ фабрикъ и мануфактуръ. Онъ говоритъ, что въ Россіи есть много „полезныхъ товаровъ“ [3]), которые она можетъ „уступать“ (céder) странамъ, начинающимъ предъявлять спросъ на нихъ. Нѣсколько ниже онъ перечисляетъ эти „полезные товары“, при чемъ они оказываются принадлежащими къ числу сырыхъ произведеній народнаго труда [4]).

Бюшингъ утверждаетъ, что дороги, проложенныя между главными нашими городами, очень хороши (sont très bons). Этотъ неожиданный отзывъ сильно смягчался, правда, тѣмъ замѣчаніемъ, что онѣ хороши особенно зимою (surtout en hiver) [5]). Но и въ смягченномъ видѣ онъ не перестаетъ свидѣтельствовать о томъ, что Бюшингъ былъ большимъ оптимистомъ и совсѣмъ несклоненъ былъ неблагопріятно судить о нашемъ тогдашнемъ экономическомъ положеніи. И все-таки его оптимизмъ не помѣшалъ ему принять къ свѣдѣнію, что наша „огромная имперія насчитываетъ едва нѣсколько сотъ городовъ, въ большинствѣ случаевъ деревянныхъ“. Онъ прибавляетъ, что нѣмцы легко приняли бы эти

---

[1]) Тамъ же, стр. 49.

[2]) Historisch. Statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts, dritter Theil, SS. 46—47. Ср. также стр. 259, 260, 280, 287, 299, 305. На стр. 305—306 Шторхъ, по поводу нашей желѣзной промышленности, говоритъ даже о нашей „постыдной зависимости“ отъ промышленности другихъ народовъ.

[3]) Во французскомъ переводѣ: „marchandises utiles“.

[4]) Тамъ же, стр. 49—50. См. нѣсколько подобныхъ же перечней въ Rüschings Magazin, т. IX, стр. 210 — 225. Надо замѣтить, что и открытая Е. В. Тарле записка Калонна свидѣтельствуетъ, что Франція ввозила въ Россію мануфактурныя издѣлія, а вывозила — сырыя.

[5]) Тамъ же, стр. 14.

крайне дурно обстроенные города „за большія деревни“ [1]). Но онъ совсѣмъ не удивляется жалкому виду русскихъ городовъ, такъ какъ ему извѣстно, что „русскіе буржуа — новые люди и выходятъ изъ крестьянъ [2]).

Если со всѣми этими отзывами Бюшинга объ экономическомъ состояніи Россіи, мы сопоставимъ его же описаніе французской промышленности, то должны будемъ признать, что эта послѣдняя представлялась ему въ совсѣмъ другомъ видѣ. Онъ называетъ „безчисленныя“ французскія фабрики и мануфактуры повсемѣстно знаменитыми и утверждаетъ, что французскія стеклянныя издѣлія и зеркала лучше венеціанскихъ [3]). Во французскомъ вывозѣ, въ противоположность русскому, имъ отмѣчается множество мануфактурныхъ товаровъ [4]).

II.

Е. В. Тарле охотно ссылается еще на Палласа. Собственно говоря, отъ этого, весьма, конечно, серьезнаго изслѣдователя мы узнаемъ гораздо больше о флорѣ России, чѣмъ объ уровнѣ ея экономическаго развитія. Но все-таки, когда Палласъ касается промышленнаго развитія тѣхъ русскихъ мѣстностей, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, тогда читатель неизмѣнно выноситъ изъ его описанія тяжелое впечатлѣніе большой отсталости.

Е. В. Тарле придаетъ большое значеніе отзыву Палласа объ Арзамасѣ. Онъ говоритъ, что, при всей своей нечистотѣ и внѣшней непригладности, Арзамасъ „показался Палласу необыкновенно благоденствующимъ и многолюднымъ, при чемъ онъ своимъ процвѣтаніемъ обязанъ обрабатывающей промышленности, и Палласъ приводитъ даже этотъ городъ въ доказательство того, насколько и для всего государства выгодны фабрики и мануфактуры“ [5]).

Все это такъ. Арзамасъ дѣйствительно произвелъ на Палласа сильное впечатлѣніе. Но почему? Чтобы отвѣтить на этотъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 15.

[2]) „Les bourgeois russes sont nouveaux et sortent des paysans“. Тамъ же, стр. 28.

[3]) Géografhie universelle, tome quatrième, p. 47, 52, 54. — Надо замѣтить, что эти производства заимствованы были французами изъ Венеціи.

[4]) Тамъ же, стр. 55—56. Статистическія данныя, собранныя въ 1788 г. Тонованомъ и приведенныя у Моро де Жоннэса (Statistique de l'Industrie de la France. Paris, 1856, pp. 149, 165, 191, 234 и проч.) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что французская промышленность въ самомъ дѣлѣ находилась тогда на сравнительно высокой степени развитія, чего нельзя сказать о русской.

[5]) „Современный Міръ“, 1910 г., май, стр. 24.

вопросъ, необходимо принять въ соображеніе, что же именно говорится у этого путешественника объ арзамасской промышленности.

Онъ пишетъ: „Въ Арзамасѣ выдѣлываютъ только обыкновенныя кожи; впрочемъ, тамъ встрѣчается нѣсколько заводовъ, выдѣлывающихъ посредственнаго качества юфть... Тамъ выдѣлываютъ лишь обыкновенное бѣлое мыло“... Красильни „почти исключительно“ заняты приготовленіемъ такъ называемой к р а ш е н и н ы, въ большомъ количествѣ покупаемой женщинами изъ простого народа[1]). Кромѣ крашенины, они выдѣлывали еще китайку, расходившуюся въ той же средѣ. Это надо запомнить.

У Шторха мы тоже на каждомъ шагу встрѣчаемъ указанія на то, что русская промышленность доставляла только издѣлія низшаго качества. Издѣлія высшихъ сортовъ привозились, согласно его описанію, изъ-за границы[2]).

Конечно, наши мануфактуры могли бы имѣть широкій сбытъ, работая для удовлетворенія народныхъ потребностей. Но не при тогдашнихъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что кругъ этихъ потребителей былъ съ своей стороны очень ограниченъ тогда какъ бѣдностью крестьянъ, такъ и тѣмъ, что они сами изготовляли большую часть нужныхъ для нихъ предметовъ. Шторхъ категорически утверждаетъ это[3]). Выходитъ, стало быть, что натуральное хозяйство все-таки преобладало у насъ, хотя и не господствовало „и с к л ю ч и т е л ь н о“.

Извѣстно, что для экономиста важно не столько то, ч т о производится, сколько то, к а к ъ производится, т.-е. к а к и м и о р у д і я м и т р у д а и при к а к и х ъ п р о и з в о д с т в е н н ы х ъ о т н о ш е н і я х ъ. Но въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе и вопросъ о томъ, что именно производили арзамасскія фабрики. Мы видимъ, что онѣ работали почти исключительно для удовлетворенія того спроса, который былъ предъявляемъ на нашемъ внутреннемъ рынкѣ „простымъ народомъ“. Спросъ этотъ былъ значительно ограниченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что русскій крестьянинъ удовлетворялъ наибольшую часть своихъ потребностей продуктами собственнаго хозяйства. Кромѣ того, спросъ этотъ былъ очень неприхотливъ, такъ что легко покрывался издѣліями к у с т а р н о й п р о м ы ш л е н н о с т и. Но кустарная промышленность — о т с т а л а я промышленность. Свойственная ей

---

[1]) См. французскій переводъ путешествія Палласа (парижское изданіе 1783 г.), т. I. стр. 71—72.

[2]) См., напр., его отзывъ о суконныхъ мануфактурахъ на стр. 250 третьяго тома и многія другія.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 117.

техника производства до сихъ поръ остается у насъ первобытной. Конечно, и ей не чужда та имманентная логика, въ силу которой товарное производство превращается въ капиталистическое. Но въ ней превращеніе это совершается крайне медленно. Медленность превращенія, которая является тутъ слѣдствіемъ ея отсталости, въ свою очередь, служитъ причиной, упрочивающей отсталость. Глубокая печать этой отсталости всегда лежитъ даже на болѣе или менѣе крупныхъ предпріятіяхъ, мало-по-малу возникающихъ въ кустарной средѣ. Лежала она и на тѣхъ предпріятіяхъ, которыя пришлось наблюдать Палласу въ Арзамасѣ. Мы уже слышали отъ него, что они приготовляли только издѣлія низшаго или посредственнаго качества. Теперь надо прибавить, что, по словамъ того же путешественника, крайне отсталой была и ихъ техника [1]).

Говоря объ экономическомъ строѣ Россіи въ XVIII в., нельзя ни на одну минуту забывать, что у насъ всецѣло господствовало тогда крѣпостничество. По даннымъ третьей ревизіи (1762—1766 гг.), помѣщичьи крестьяне составляли 52,9% всего крестьянскаго населенія Великороссіи и Сибири. Это отношеніе осталось почти неизмѣннымъ до конца вѣка [2]). Крѣпостнымъ запрещено было пріобрѣтать на свое имя дома и лавки. Занимать деньги они могли только съ разрѣшенія помѣщика. То же разрѣшеніе нужно было для вступленія крѣпостного въ купечество и даже для простой отлучки его изъ помѣщичьей вотчины. Разумѣется, экономія была сильнѣе права. Собственный интересъ помѣщиковъ побуждалъ ихъ разрѣшать своимъ крѣпостнымъ всевозможные виды торговой и промышленной дѣятельности. Нѣкоторые крѣпостные наживали даже большія богатства [3]). Но легко представить себѣ, до чего стѣснительны были для успѣховъ торговли и промышленности крѣпостныя цѣпи. Крѣпостное право до крайности затрудняло у насъ возникновеніе класса свободныхъ рабочихъ. Когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ходатайствъ, съ которыми обратились къ правительству Екатерины II депутаты отъ городовъ въ пресловутой комиссіи для составленія уложенія, мы ясно увидимъ, какимъ образомъ недостатокъ свободныхъ рабочихъ рукъ служилъ однимъ изъ многихъ препятствій для развитія самосознанія въ нашемъ торгово-промышленномъ сословіи. Но уже и теперь умѣстно замѣтить, что, гдѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 72. Хорошо устроены были въ Арзамасѣ одни поташные заводы. Но они принадлежали казнѣ (тамъ же, стр. 89—90).

[2]) По даннымъ четвертой ревизіи, оно равнялось 53,3%, а по даннымъ пятой—53,1%.

[3]) Ср. В. И. Семевскаго, названное сочиненіе, т. I, стр. 332, 333 и 334.

отсутствуетъ классъ свободныхъ рабочихъ, тамъ нѣтъ и капиталистическихъ отношеній производства (въ сколько-нибудь развитомъ ихъ видѣ), а гдѣ нѣтъ такихъ отношеній, тамъ неизбѣжна экономическая отсталость.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что вѣдь и во Франціи только революція устранила разные юридическіе пережитки, затруднявшіе развитіе капитализма

Это—вѣрно. Но количественныя различія переходятъ, какъ извѣстно, въ качественныя. Французскій обыватель всегда былъ гораздо меньше связанъ, чѣмъ житель Московскаго государства и Россійской имперіи. На это намъ указывали еще Бодэнъ, Ю. Крижаничъ и многіе другіе. А въ XVIII в. французскій „старый порядокъ“, несмотря на всю несомнѣнную стѣснительность свою для третьяго сословія, все-таки чрезвычайно далекъ былъ отъ того „крутого владанія“, отъ того „людерства“, которое въ пореформенной Россіи процвѣтало не менѣе, чѣмъ въ до-петровской и которое, возникнувъ на основѣ нашей экономической отсталости, само сдѣлалось со временемъ однимъ изъ ея главнѣйшихъ источниковъ. Было бы очень странно, если бы при всемъ этомъ екатерининская Россія догнала—я уже не говорю: опередила!—современную ей Францію.

Еще въ Московскомъ государствѣ крестьяне предпочитали зависимость отъ „государя“ зависимости отъ помѣщика. Но изъ того, что „государевымъ“ крестьянамъ разныхъ названій жилось нѣсколько лучше, нежели помѣщичьимъ, еще не слѣдуетъ, что „государевы“ крестьяне — черносошные, „казенные“ и какъ тамъ ихъ называли — оставались сколько-нибудь свободными людьми. „Земскіе исправники суть тѣ же помѣщики,—писалъ въ 1826 г. Сперанскій о положеніи казенныхъ крестьянъ,—съ той только разностью, что они перемѣняются и на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ“ [1]). Mutatis mutandis, это было вполнѣ справедливо и въ примѣненіи къ XVIII вѣку. „Казенный“ крестьянинъ находился въ крѣпостной зависимости отъ чиновника по той простой причинѣ, что, безправный „страдникъ“, онъ издавна былъ закрѣпощенъ государству. Въ наказѣ, данномъ государственными крестьянами Зубцовскаго уѣзда своему депутату въ комиссію для составленія уложенія, встрѣчаются слѣдующія знаменательныя строки:

„По состоянію насъ государственныхъ крестьянъ находимся не въ призрѣніи не только благороднаго дворянства, но и отъ

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I, Спб., 1888 г., стр. 193, примѣчаніе 2-е.

самыхъ послѣднихъ служителей, ...развѣ не можетъ обидѣть, кто самъ не захочетъ, а кто пожелаетъ, то всегда, чѣмъ захочетъ, тѣмъ и обидѣть можетъ". Особенно обижали ихъ гг. „военнослужащіе", на которыхъ горько жаловался еще Посошковъ.

Государство разсматривало эту беззащитную, по рукамъ и ногамъ связанную трудящуюся массу, какъ полную свою собственность. Оно по своему усмотрѣнію переселяло „казенныхъ" крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую; оно раздавало ихъ помѣщикамъ; оно приписывало ихъ къ фабрикамъ и заводамъ. Но чѣмъ безпредѣльнѣе было закрѣпощеніе „казенныхъ" крестьянъ государству, тѣмъ болѣе затруднено было поступательное экономическое движеніе въ этой средѣ.

Въ своей статьѣ „Крѣпостная фабрика", г. Туганъ-Барановскій говоритъ, что соціальный строй Россіи далъ возможность мануфактурамъ, возникавшимъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, получить нужныя имъ рабочія руки. Въ этомъ онъ видитъ существенное преимущество нашихъ тогдашнихъ мануфактуръ передъ мануфактурами Запада, которымъ не легко было залучить къ себѣ достаточное число (свободныхъ) рабочихъ [1]). Но вѣдь всякому ясно, какой дорогой цѣною могло быть куплено это „преимущество".

Крѣпостной трудъ всегда менѣе производителенъ, чѣмъ наемный. И это тоже не ускользало отъ вниманія иностранцевъ, знакомыхъ съ хозяйственной дѣятельностью русскаго народа [2]).

Кстати Е. В. Тарле не игнорируетъ даже показаній, идущихъ отъ такихъ иностранныхъ наблюдателей, которые могли только очень поверхностно ознакомиться съ состояніемъ русской промышленности. И онъ правъ. Въ этомъ вопросѣ для насъ не лишены важности даже мимолетныя впечатлѣнія иностранныхъ путешественниковъ. Но если это такъ, то жаль, что Е. В. Тарле не обратилъ вниманія на разсужденія Дидро объ условіяхъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго экономическаго развитія Россіи. Разумѣется, Дидро былъ, по преимуществу, философомъ въ томъ смыслѣ, какой это слово имѣло во Франціи XVIII вѣка. Онъ былъ слабъ въ политической экономіи. Но слѣпцомъ онъ отнюдь не былъ и въ этой области. И вотъ, когда онъ въ своихъ совѣтахъ Екатеринѣ настаиваетъ на необходимости развитія производительныхъ силъ Россіи и умноженія въ ней числа

---

1) „Великая реформа" (юбилейное изданіе), т. III, стр. 142 и 143.

2) См., напримѣръ, замѣчаніе Левэка (Histoire de Russie, Paris, 1792, t. IV, p. 539) о недостаткѣ тщательности въ работѣ у русскаго крѣпостного производителя.

промышленныхъ рабочихъ, то чувствуешь, что наше отечество произвело на этого геніальнаго француза впечатлѣніе страны, краіне отсталой въ экономическомъ отношеніи [1]).

И при этомъ бросается въ глаза, что онъ очень хорошо понималъ, какъ сильно задерживается хозяйственное развитіе Россіи господствомъ въ ней крѣпостническихъ отношеній.

Еще разъ: мнѣніе Е. В. Тарле представляетъ собою крайность, подобно мнѣнію г. Чечулина. Истина—между этими двумя мнѣніями. Но я не думаю, чтобы она находилась на равномъ разстояніи отъ каждаго изъ нихъ. Е. В. Тарле такъ перегнулъ палку, что истина, вѣроятно, болѣе далека отъ его мнѣнія, нежели отъ мнѣнія г. Чечулина.

III.

„Насколько возможно частному лицу постичь мысль государя и обыкновенному человѣку понять планы геніальнаго, я вижу, что Ваше Величество потихоньку (sourdement) стремится къ созданію третьяго сословія“.

Такъ говорилъ Дидро, обращаясь къ Екатеринѣ [2]). И онъ ошибался развѣ только въ томъ смыслѣ, что, на самомъ дѣлѣ, мѣры для насажденія у насъ „средняго рода людей“ принимались этой славолюбивой государыней не потихоньку, а съ большимъ шумомъ. Впрочемъ, и трудно было бы ей принимать ихъ sourdement. Ими интересовались, ихъ добивались всѣ тѣ, которые почему-либо желали успѣха Екатеринѣ или добра ея подданнымъ. Весьма извѣстная г-жа Жофрэнъ, въ салонѣ которой много разсуждали на модныя тогда политико-экономическія темы, заботливо напоминала сѣверной Семирамидѣ, что ей невозможно будетъ обойтись безъ третьяго сословія. То же, только иными словами, говорилъ русскій посланникъ при французскомъ дворѣ, кн. Д. А. Голицынъ, въ одномъ изъ писемъ къ вице-канцлеру А. М. Голицыну, внимательно читавшихся Екатериной и трактовавшихъ о пользѣ признанія права собственности за крѣпостными крестьянами.

„Право собственности,—пишетъ Д. А. Голицынъ,—необходимо для образованія третьяго сословія, безъ котораго искусства и науки никогда не могутъ процвѣтать“.

Въ „Архивѣ кн. Воронцова“ напечатано „Краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина“,

---

[1]) См. Maurice Tourneux, Diderot et Catherine II. Paris, 1899, pp. 284, 288 и др. Интересно впечатлѣніе, произведенное на Дидро Петербургомъ (pp. 284—2-5).

[2]) M. Tourneux, назв. соч. p., 183.

тоже относящееся къ XVIII вѣку. Русскій авторъ этого „Изъясненія“ говоритъ, явно намекая на Россію:

„Всякая держава, въ коей не находится третьяго чина, есть не совершенна, сколь бы она ни сильна была; сіе весьма ясно видѣть можно. Рабскій страхъ бываетъ тамъ вмѣсто ободренія; строгость, которую благородные производятъ, будучи ничѣмъ ненасытимы, есть недѣйствительна, потому что нѣтъ иныхъ побудительныхъ причинъ. Что остается требовать отъ народа, лишеннаго надежды и который не можетъ имѣть любочестія? Но о той странѣ, гдѣ находится третій чинъ, сказать сего не можно; нѣтъ тамъ такого мѣста, котораго бы не могъ получить человѣкъ третьяго чина, есть ли онъ только заслужилъ оное. Третій чинъ есть училище великихъ людей, въ немъ воспитываются добрые подданные во всѣхъ родахъ, коихъ государь находитъ при случаѣ со всѣми ихъ способностями“ [1]).

Чтобы сдѣлать свою родину „совершенной“, авторъ находитъ нужнымъ „учредить сей третій чинъ въ Россіи“. Съ этой цѣлью онъ совѣтуетъ „продавать освобожденіе всѣмъ знатнымъ купцамъ и славнымъ художникамъ“. Всѣ „художества“ должны быть раздѣлены по цехамъ, при чемъ каждый цехъ долженъ купить освобожденіе всѣмъ своимъ членамъ. Сверхъ того, должны быть освобождаемы отъ крѣпостной зависимости всѣ получившіе высшее образованіе и снабженные надлежащими аттестатами.

„Когда всякой въ состояніи будетъ упражняться въ томъ, къ чему имѣетъ дарованіе,—говоритъ авторъ,—составятъ всѣ нечувствительно корпусъ третьяго чина съ прочими освобожденными“. А отъ возникновенія этого „корпуса“ казна получитъ прибыль: „третій чинъ, однажды установленный, возвышенный освобожденіемъ и тѣмъ самымъ утвержденный въ своей комерціи или въ своемъ промыслу, придетъ болѣе въ состояніе платить государственныя подати, оставя оныя по прежнему, или перемѣня число оныхъ, какъ заблагоразсудится“ [2]).

Мы уже знаемъ, что доводу отъ интересовъ казны издавна суждено было занимать большое мѣсто въ разсужденіяхъ русскихъ публицистовъ.

Въ этихъ толкахъ о пользѣ, приносимой государству „людьми средняго рода“, сказалось болѣе или менѣе глубокое пониманіе той чрезвычайно важной роли, которую сыграло третье сословіе въ исторіи развитія западно-европейскаго общества. А въ заботахъ объ его насажденіи въ Россіи обнаруживается сознаніе того,

---

[1]) Архивъ князя Воронцова.—Книга двадцать шестая. Москва, 1882 г., стр. 322.
[2]) Тамъ же, стр. 323.

что у насъ это сословіе было развито весьма слабо. Ясно выразилось сознаніе этого послѣдняго обстоятельства и въ отвѣтѣ Екатерины вышеупомянутой г-жѣ Жоффрэнъ: „Еще разъ обѣщаю Вамъ, мадамъ, позаботиться объ этомъ, но какъ же мнѣ трудно будетъ устроить это третье сословіе въ Россіи!"

Къ слову сказать, изслѣдователь не можетъ не считаться съ этимъ мнѣніемъ тогдашнихъ дѣятелей, русскихъ и иностранныхъ, при обсужденіи интересующаго насъ здѣсь вопроса о томъ, была ли екатерининская Россія экономически отсталой страною.

Уже знакомыя намъ данныя о состояніи тогдашней русской промышленности доказываютъ, что дѣятели того времени были правы. Но у насъ есть, кромѣ того, статистическія данныя, еще болѣе подтверждающія основательность ихъ мнѣнія.

Первая ревизія обнаружила, что число обывателей, принадлежавшихъ къ торгово-промышленному сословію (купцовъ, цеховыхъ и мѣщанъ), составляло едва 3% (2,9) общей цифры податного населенія. Въ 1769 г., т.-е. по прошествіи почти цѣлаго полустолѣтія отношеніе этихъ двухъ чиселъ осталось неизмѣненнымъ: торгово-промышленное сословіе попрежнему составляло лишь $^1/_{34}$ часть податного населенія коренной Россіи. Это не значитъ, конечно, что экономика страны не сдѣлала ни одного шага впередъ. Въ теченіе этого почти полустолѣтія расширялось производство на сбытъ, росла кустарная промышленность, увеличивалось число мануфактуръ. Все это происходило очень медленно, однако происходило. И все это, безъ сомнѣнія, вносило извѣстныя перемѣны во взаимныя отношенія русскихъ производителей въ общественномъ процессѣ производства. Со стороны людей, заинтересованныхъ въ сохраненіи того, что было прежде, стали даже высказываться опасенія за будущее [1]. Но перемѣны, совершившіяся тогда въ указанныхъ отношеніяхъ, были еще слишкомъ малы для того, чтобы онѣ могли сколько-нибудь замѣтно повліять на соціально-политическій строй Россіи. Строй этотъ попрежнему опредѣлялся въ своихъ основныхъ чертахъ соотношеніемъ двухъ главныхъ общественныхъ силъ: крестьянства и дворянства. Дворянство не только не утрачивало своего господствующаго положенія въ странѣ, но, наоборотъ, именно во второй половинѣ XVIII столѣтія сложились и окончательно окрѣпли его сословныя преимущества. И это, разумѣется, невыгодно отразилось на положеніи крестьянскаго сословія. Когда дворянство добилось своего увольненія отъ обязательной службы

---

[1] По поводу задолженности дворянскихъ имѣній, получившей у насъ свое начало во второй половинѣ XVIII вѣка.

государству, крестьяне надѣялись, что государство освободитъ ихъ отъ обязательной службы дворянамъ. Это было бы вполнѣ согласно съ логикой внутреннихъ отношеній въ старомъ Московскомъ государствѣ. Но въ новомъ русскомъ государствѣ, въ государствѣ „петербургскаго періода“, господствовала уже другая логика. Высшее сословіе, подготовившее свое освобожденіе отъ обязательной службы, между прочимъ, съ помощью дворцовыхъ переворотовъ, въ которыхъ такъ дѣятельно участвовала дворянская гвардія, стало смотрѣть на обладаніе населенными имѣніями, какъ на такое право „шляхетства“, которое вовсе не находится въ причинной связи съ его службой государству. И оно сдѣлало все, отъ него зависѣвшее, чтобы упрочить это право за собою и отнять его у другихъ сословій. Правда, въ этомъ отношеніи его усилія увѣнчались почти полнымъ успѣхомъ еще раньше, чѣмъ удалось ему раскрѣпостить самого себя. Если при Петрѣ Первомъ позволено было купечеству пріобрѣтать населенныя земли къ фабрикамъ и заводамъ, то при Елизаветѣ, указомъ 1746 г., предписано было „впредь купечеству... и архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ, и боярскимъ людямъ, и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству, въ цѣхѣ, тако жь казакамъ и ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ... людей и крестьянъ, съ землями и безъ земель (кромѣ тѣхъ, кому по Уложенію и по указамъ помѣстья и вотчины и крѣпостныхъ людей имѣть велѣно) покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей онымъ нигдѣ не писать“.

Ко времени вступленія на престолъ Екатерины II право пріобрѣтенія земель, населенныхъ крѣпостными, принадлежало почти исключительно потомственнымъ дворянамъ. Почти однимъ только имъ принадлежало и право покупки крѣпостныхъ безъ земли [1]).

Такимъ образомъ суживался кругъ тѣхъ лицъ, которыя могли быть субъектами крѣпостного права. Параллельно этому процессу шелъ процессъ расширенія круга тѣхъ лицъ, которыя могли стать объектами этого права.

При первой ревизіи записывались за разными лицами, т.-е. закрѣпощались: 1) вольноотпущенные и бывшіе кабальные люди, живущіе на волѣ, негодные въ военную службу; 2) малолѣтніе, не помнящіе родства ниже десяти лѣтъ (за тѣми, кто принималъ ихъ къ себѣ для воспитанія); 3) въ помѣщичьихъ деревняхъ подкидыши и незаконорожденные; 4) дѣти священнослужителей, не находившихся на дѣйствительной службѣ, а также излишніе

---

[1]) См. В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I, Спб., стр. 1—4.

причетники и ихъ дѣти (за тѣмъ „вотчинникомъ“, въ имѣніи котораго они жили). Во время второй ревизіи многіе церковники тоже попали, по свидѣтельству Татищева, въ крѣпостную неволю къ помѣщикамъ, за которыми записывались также дѣти отставныхъ солдатъ, взятыхъ на службу изъ помѣщичьихъ деревень и вернувшихся послѣ отставки на родину. Наконецъ, число крѣпостныхъ увеличивалось еще посредствомъ закрѣпощенія плѣнныхъ, покупкою восточныхъ инородцевъ и раздачею въ неволю бунтовщиковъ [1]). Екатерина II уничтожила нѣкоторые источники закрѣпощенія. Такъ, при ней уже нельзя было закрѣпощать подкидышей, ходившихъ по миру сиротъ, дѣтей церковнослужителей и т. п. [2]). Сохраняя свою свободу, всѣ эти бѣдняки становились „людьми средняго рода“. Если этимъ исполнялось обѣщаніе Екатерины позаботиться о созданіи у насъ третьяго сословія, но зато указомъ 1783 г. та же государыня закрѣпостила крестьянъ въ Малороссіи и въ слободской Украйнѣ [3]). Но это еще не все. Въ XVIII в. еще болѣе усилилась и „безъ того уже большая власть помѣщиковъ надъ ихъ рабами“.

Въ 1726 г. у крестьянъ было отнято право самовольно уходить на промыслы. Въ слѣдующемъ году они утратили право опредѣляться безъ согласія помѣщиковъ въ военную службу. Въ 1732 г. правительство разрѣшило помѣщикамъ переселять своихъ крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Въ 1741 г., по восшествіи на престолъ Елизаветы, приказано было не приводить крѣпостныхъ къ присягѣ, чѣмъ окончательно порвалась, по справедливому замѣчанію одного нашего изслѣдователя, всякая непо-

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 616—617.

[2]) В. И. Семевскій, тамъ же, стр. 15.

[3]) У гр. А. Толстого Вольтеръ и „Дидеротъ“ учтиво писали Екатеринѣ, что при ней на диво процвѣтаетъ порядокъ,

Лишь надобно народу,
Которому Вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать.
Она имъ возразила:
„Messieurs, vous me comblez“
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

Такъ оно и было. Екатерина же раздала своимъ фаворитамъ до 400.000 ревизскихъ душъ. Орловы получили 25.500 д., Г. Потемкинъ—21.540, Завадовскій—8.700, Зоричъ—13.300, Пл. Зубовъ—13.600, Румянцевъ-Задунайскій—около 20.000, гр. Н. И. Панинъ—8.400 (В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, введеніе, стр. XXVI).

средственная связь центральной власти съ милліонами помѣщичьихъ подданныхъ. Въ 1747 г. помѣщики получили разрѣшеніе продавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты, однако съ обязательствомъ,—казна и тутъ не позабыла своего интереса,—платить за проданныхъ подушныя деньги. Въ 1760 г. Елизавета, въ видахъ колонизаціи Сибири,—опять казенный интересъ!—позволила помѣщикамъ ссылать туда своихъ крестьянъ на поселеніе. Указомъ 1765 г. либеральная корресподентка Вольтера и „Дидерота“ не только подтвердила это позволеніе, но еще дополнила его, предоставивъ помѣщикамъ право ссылать своихъ людей въ каторжныя работы и брать ихъ, по своему усмотрѣнію, назадъ. Такимъ образомъ, казенный интересъ совсѣмъ отходилъ теперь на задній планъ передъ рабовладѣльческимъ. Одновременно съ дарованіемъ помѣщикамъ этого невѣроятнаго права, запрещено было подавать челобитныя императрицѣ. Если это запрещеніе распространялось также на дворянъ и чиновниковъ, то указъ 1767 г. имѣлъ въ виду однихъ крѣпостныхъ. Согласно этому указу, за подачу „недозволенныхъ на помѣщиковъ своихъ челобитныхъ, а наипаче Е. И. В-ву въ собственныя руки“, крѣпостные подвергались наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Нерчинскъ, въ каторжныя работы, съ зачетомъ помѣщикамъ въ рекруты! Этимъ отнималась у крестьянъ послѣдняя возможность найти законную защиту отъ притѣсненій помѣщиковъ. И надо замѣтить, что правительство очень хорошо понимало огромное значеніе указа 1767 г.: оно распорядилось, чтобы его цѣлый мѣсяцъ читали въ церквахъ по воскресеньямъ и праздникамъ [1]).

Все это рѣзко противорѣчило просвѣтительной философіи XVIII столѣтія, сторонницей которой называла себя Екатерина, но, конечно, очень нравилось помѣщикамъ.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Екатерина II, повидимому, старалась увѣрить себя и другихъ въ томъ, что положеніе крѣпостныхъ въ Россіи вовсе не такъ дурно, какъ это говорятъ злонамѣренные люди. Одно изъ ея сердитыхъ замѣчаній на извѣстную книгу Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ гласитъ: „Лучшей судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“. Но сначала она была иного мнѣнія на этотъ счетъ и не однажды задумывалась, если не объ уничтоженіи, то о нѣкоторомъ ограниченіи крѣпостного права въ Россіи. Это доказывается какъ ея Наказомъ, такъ и тѣмъ, что она же побудила Вольно-Экономическое Общество поставить щекотливый для тогдашняго русскаго дворянства

---

[1]) В. И. Семевскій, тамъ же, стр. 375, 376.

вопросъ: „Что полезнѣе для общества, — чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?“ Вопросъ этотъ былъ совершенно равносиленъ вопросу о томъ, какъ далеко должны простираться права помѣщика на его „крещеную собственность“. Побуждать къ изслѣдованію такого вопроса значило колебать, хотя бы только въ теоріи, отношенія, установившіяся между крестьянами и ихъ помѣщиками. Екатерина, по ея собственному признанію обобравшая въ своемъ Наказѣ „президента Монтескье“ (да и одного ли Монтескье!), первоначально не прочь была нѣсколько измѣнить эти отношенія въ пользу крестьянъ. Если она скоро отказалась отъ этой мысли, то это произошло вслѣдствіе сопротивленія дворянства. Обязанная престоломъ дворянской гвардіи, крайне практичная и не менѣе эгоистичная Семирамида нашла, что неблагоразумно было бы принимать такія мѣры, которыя возбудили бы великое неудовольствіе сословія, фактически державшаго въ своихъ рукахъ судьбу всей страны. „Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, — съ ироніей замѣтила она по поводу книги Радищева, — да никто не послушаетъ“. Убѣжденіе въ томъ, что „никто не послушаетъ“, созрѣло въ ней очень скоро и опредѣлило собою все послѣдующее отношеніе ея къ крестьянамъ [1]. По всему видно, что ей очень легко было отказаться отъ намѣренія облегчить участь крѣпостныхъ „душъ“.

IV.

Вопросъ, поставленный Вольно-Экономическимъ Обществомъ по почину Екатерины II, совсѣмъ не былъ очереднымъ вопросомъ въ глазахъ русскаго дворянства и его идеологовъ.

Отъ русскихъ авторовъ получено было только семь отвѣтовъ на него [2]. И только одинъ изъ этихъ семи отвѣтовъ удостоенъ былъ занесенія въ число конкурсныхъ. Къ тому же авторъ этого отвѣта, А. Я. Полѣновъ, учился за границей и, подъ вліяніемъ западныхъ идей, въ значительной степени поки-

[1]) Покойный И. И. Дитятинъ справедливо сказалъ, что Екатерина издавала жестокіе указы противъ крестьянъ въ такое время, когда „Наказъ еще только писался“. Крестьянъ, дерзнувшихъ жаловаться на помѣщиковъ, предписано было „допрашивать подъ пристрастіемъ, кто имъ челобитныя писалъ и сочинялъ“. По этому поводу тотъ же И. И. Дитятинъ съ горечью напоминаетъ, что въ Наказѣ Екатерина очень красиво высказалась противъ пытки (Статьи по исторіи русскаго права, Спб., 1896 г., стр. 363).

[2]) Всѣхъ отвѣтовъ было 162: 129 нѣмецкихъ, 21 французскій, 1 голландскій, 1 шведскій и 3 латинскихъ.

нулъ точку зрѣнія русскаго дворянина. Его отвѣтъ написанъ былъ такимъ языкомъ, который не понравился Комитету В.-Э. Общества, назначенному для пересмотра конкурсныхъ сочиненій, да, вѣроятно, и самой государынѣ. Нѣкоторые члены названнаго комитета нашли въ отвѣтѣ Полѣнова „многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія“. Еще бы не такъ! А. Я. Полѣновъ писалъ, напримѣръ, что русскіе крѣпостные, лишенные почти всѣхъ „приличныхъ человѣку качествъ“, не могутъ даже измѣрить величину своего несчастія. По его словамъ, не было людей находившихся въ болѣе бѣдственномъ положеніи, чѣмъ наши крестьяне, „которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься, и придти въ сіе преисполненное бѣдствіе, какъ для ихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ“. Происхожденіе крѣпостного права и вообще рабства объясняется, по мнѣнію А. Я. Полѣнова, только „насильственнымъ дѣйствіемъ войны“, такъ какъ люди не могутъ добровольно подвергать себя „столь жестокому жребію“. Само по себѣ мнѣніе это еще не заключало въ себѣ чего-нибудь совершенно неслыханнаго въ средѣ европеизованнаго русскаго дворянства. Уже Татищевъ хорошо понималъ, какъ трудно оправдать невольничество съ точки зрѣнія „естественнаго закона“. Но худо было то, что неосторожный Полѣновъ непосредственно связывалъ „жестокое право войны“ съ описаннымъ у него бѣдственнымъ положеніемъ русскаго крестьянства. А еще хуже, т.-е. еще непріятнѣе для читателей рабовладѣльческаго образа мыслей, было то, что онъ напоминалъ имъ о возможности крестьянскаго бунта. „Не безъ причины славные люди утверждаютъ, — писалъ онъ, — что конечное угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно“. И онъ указывалъ на возстаніе илотовъ въ Спартѣ, рабовъ въ Римѣ, казаковъ въ Польшѣ. Не удивительно, что его заставили передѣлать свой отвѣтъ и стереть съ него краски, слишкомъ яркія для непривычныхъ глазъ.

Однако не слѣдуетъ думать, будто практическія предложенія Полѣнова имѣли революціонный характеръ. У него не было рѣчи о полномъ уничтоженіи крѣпостной зависимости. Онъ требовалъ только отвода крестьянину достаточнаго земельнаго участка въ наслѣдственное владѣніе, огражденія закономъ его движимой собственности, точнаго опредѣленія повинностей его въ пользу помѣщика и предоставленія ему права жалобы на притѣсненія со стороны этого послѣдняго. Къ тому же окончательное рѣшеніе

по крестьянскимъ жалобамъ должно было приниматься земскимъ дворянскимъ судомъ, въ которомъ—по справедливому замѣчанію В. И. Семевскаго — крестьяне не нашли бы удовлетворенія. Въ довершеніе этого Полѣновъ рекомендовалъ большую осторожность въ дѣлѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса. И тутъ онъ самъ говорилъ языкомъ охранителя: слишкомъ быстрыя перемѣны опасны, такъ какъ „многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго народа“. Вообще вся реформа совсѣмъ не имѣла въ проектѣ Полѣнова принудительнаго характера: правительство приглашалось дѣйствовать на помѣщиковъ своимъ собственнымъ примѣромъ, устроивъ на новыхъ началахъ бытъ дворцовыхъ крестьянъ [1]).

Это, кажется, довольно наивно. И тѣмъ не менѣе отвѣтъ Полѣнова не былъ напечатанъ даже въ своемъ смягченномъ видѣ. Да и самому Полѣнову не давали потомъ хода по службѣ, несмотря на то, что правительство Екатерины II имѣло большую нужду въ образованныхъ людяхъ. Оно и понятно.

Полѣновъ составилъ очень умѣренный планъ реформы. Но теоретическое обоснованіе его очень умѣреннаго плана свидѣтельствовало о такомъ образѣ мыслей, который въ самомъ дѣлѣ былъ „неприличенъ по здѣшнему состоянію“. Какъ уже сказано выше, Полѣновъ въ значительной степени покинулъ дворянскую точку зрѣнія. Долго проживъ на Западѣ, онъ сталъ разсуждать, какъ разсуждали тамъ сознательные представители третьяго сословія. Они тоже побаивались „неистовства подлаго народа“ и тоже готовы были рекомендовать осторожность въ области общественной и политической реформы. Но идеологи русскаго дворянства все-таки никогда не столковались бы съ ними. Теоретики третьяго сословія отвергли то, что было аксіомой въ глазахъ русскихъ дворянъ: святость крѣпостного права. В. И. Семевскій приводитъ мнѣніе Полѣнова, что не слѣдовало слѣпо подражать Западу. Но и это мнѣніе не могло поднять его во мнѣніи идеологовъ дворянства. Французскіе просвѣтители тоже никогда не проповѣдывали слѣпого подражанія одной страны другой, болѣе передовой. Такъ, они многаго не одобряли въ англійскихъ учрежденіяхъ и правахъ. Но, отвергая слѣпое подражаніе, они выдвигали такіе принципы, во имя которыхъ приходилось осудить не одно только крѣпостное право. Полѣновъ тоже ссылался на подобные принципы. Онъ писалъ, что утверждаться слѣдуетъ

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Спб. 1888 г., т. I, стр. 51—53 и 81—87.

„единственно на здравомъ разсужденіи и на правилахъ человѣколюбія, не упущая притомъ никогда изъ глазъ общенародную пользу“ [1]). Но, „утвердившись“ на здравомъ разсужденіи и имѣя въ виду общенародную пользу, легко можно было додуматься до такихъ выводовъ, отъ которыхъ затрещалъ бы весь нашъ тогдашній общественный порядокъ. Это чувствовали идеологи дворянства.

Въ интересахъ дворянской идеологіи гораздо лучше было „утвердиться“ на такомъ разсужденіи, исходной точкой котораго была бы увѣренность въ необходимости сохраненія власти помѣщиковъ надъ крестьянами.

Выше, въ главѣ объ изящной литературѣ, я уже указалъ на то, какъ сильна была эта увѣренность у А. П. Сумарокова. Этотъ искренній обличитель неправды, гремѣвшій противъ „доморазорителей“ и ехидно напоминавшій помѣщикамъ о томъ, что не слѣдуетъ „торговать людьми“ и „сдирать кожу съ крестьянъ“, поспѣшилъ написать свой отвѣтъ на вопросъ, поставленный В.-Э. Обществомъ. Онъ говорилъ въ своемъ отвѣтѣ: „Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи; однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина“. Поэтому, остается рѣшить, что́ же нужнѣе для „общаго блаженства“. И, конечно, у Сумарокова выходило, что общее блаженство предполагаетъ наличность клѣтки для птицы, цѣпи для собаки и крѣпостной неволи для крестьянина. Ту же увѣренность высказалъ онъ и въ своихъ замѣчаніяхъ на Наказъ Екатерины II. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, — говорилъ онъ въ одномъ изъ нихъ, — скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ, вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища; ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ“.

Я полагаю, что, „утвердившись на здравомъ разсужденіи“, Полѣновъ безъ труда опровергъ бы доводы Сумарокова. Сама Екатерина легко справлялась съ ними... въ теоріи. Словамъ Сумарокова о томъ, что крестьянская вольность сдѣлала бы опаснымъ пребываніе помѣщиковъ въ своихъ деревняхъ, между тѣмъ

---

[1]) В. И. Семевскій, тамъ же, стр. 84.

какъ теперь они живутъ въ нихъ покойно, она остроумно противопоставила краткое, но убѣдительное замѣчаніе: „и бываютъ (помѣщики. *Г. П.*) зарѣзаны отчасти отъ своихъ“ [1]). Хотя письмо Сумарокова было только пріобщено къ журналамъ В.-Э. Общества и, по выраженію В. И. Семевскаго, осталось безъ послѣдствій, однако его взглядъ на отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ былъ взглядомъ огромнѣйшаго большинства россійскаго „шляхетства.

Въ архивѣ В.-Э. Общества В. И. Семевскій нашелъ еще два неизданныхъ русскихъ отвѣта на поставленный этимъ обществомъ вопросъ. Почтенный изслѣдователь отзывается о нихъ съ большимъ пренебреженіемъ. Одинъ изъ нихъ, приписываемый В. И. Семевскимъ нѣкоему Степанову, распространявшемуся на ту же тему въ Комиссіи Уложенія, заслуживаетъ вниманія развѣ лишь вслѣдствіе той непріязни, съ которой авторъ его говоритъ о крестьянахъ. Но другой, вышедшій изъ-подъ пера конюшеннаго комиссара С. Александрова, при всей своей безграмотности, свидѣтельствуетъ о сравнительномъ вольномысліи своего автора. Какъ догадывается В. И. Семевскій, С. Александровъ желалъ предоставленія крестьянамъ права наслѣдственнаго владѣнія своими земельными участками за опредѣленныя закономъ повинности. У насъ есть всѣ основанія думать, что большинство членовъ В.-Э. Общества считало такую мѣру вреднымъ и опаснымъ новшествомъ.

V.

Сумароковъ понималъ, что нельзя говорить о „блаженствѣ“ собаки, посаженной на цѣпь, или канарейки, заключенной въ клѣтку. Но онъ и его единомышленники, имя которыхъ было легіонъ, питали наивное убѣжденіе въ томъ, что „блаженство“ крестьянина обусловливается именно его закрѣпощеніемъ. Они противорѣчили сами себѣ; но, повидимому, не замѣчали этого. Ихъ сословная точка зрѣнія дѣлала ихъ неспособными логично разсуждать объ этомъ предметѣ. До какой степени это такъ, показываетъ примѣръ А. Т. Болотова, извѣстныя записки котораго содержатъ въ себѣ цѣлую массу драгоцѣннаго матеріала для характеристики русской дворянской психологіи XVIII столѣтія.

Въ 1772 г. Болотову пришлось проѣздомъ остановиться въ однодворческомъ селѣ Лысыхъ-Горахъ. Какъ человѣкъ наблюдательный и хорошій сельскій хозяинъ, онъ не упустилъ случая присмотрѣться къ быту землепашцевъ, свободныхъ, по крайней мѣрѣ, отъ помѣщичьяго ига. Но то, что увидѣлъ онъ въ Лысыхъ-

---

[1]) В. И. Семевскій, тамъ же, стр. 48, 43 и 44.

Горахъ, вызвало съ его стороны только негодованіе и насмѣшки. Во-первыхъ, его непріятно поразило, что село обстраивалось безъ всякаго плана: „Тамъ дворъ, здѣсь другой, индѣ дворовъ пять въ кучкѣ, индѣ десятокъ. Тѣ глядятъ сюда, сіи сюда, иной назадъ, другой напередъ, иной бокомъ“. Не приглянулась ему и стройка отдѣльныхъ дворовъ: „Дворы ихъ истинно грѣхъ и назвать дворами. Обнесены кой-какимъ плетнишкомъ и нѣтъ ни одного почти сарайчика, ни одной клѣтки, да и плетни — иной исковерканной, иной на боку, иной избоченяся стоитъ, и такъ далѣе“. Словомъ, нашъ рачительный помѣщикъ нашелъ, что однодворцы страдаютъ недостаткомъ хозяйственности. Допустимъ, что, по той или по другой причинѣ, это отчасти такъ и было, хотя самъ же Болотовъ сообщаетъ намъ, что всѣ эти будто бы плохіе хозяева имѣли большіе запасы хлѣба, а также дома, крытые дранью, т.-е. такіе, какихъ, навѣрно, не было въ его крѣпостныхъ деревняхъ. Но спрашивается: какое же средство придумалъ онъ для внесенія порядка въ жизнь богатаго и свободнаго села? Очень простое: лишеніе его свободы и розги!

„Взирая на сіе и крайне негодуя, самъ себѣ я говорилъ: „О, талалаи, талалаи [1]) негодные! Некому васъ перепероть, чтобъ вы были умнѣе, и строились бы и жили бы порядочнѣе. Хлѣба стоитъ у васъ скирдовъ цѣлыя тысячи [2]), и живете вы такъ худо, такъ бѣдно, так безпорядочно! Вотъ слѣдствія, плоды безначалія, мнимаго блаженства и драгоцѣнной свободы. Одни только кабаки и карманы откупщиковъ наполняются вашими избытками, вашими деньгами, а отечеству одинъ только стыдъ вы собою причиняете“ [3]).

Когда Болотову случалось бросить взглядъ на свое собственное положеніе, онъ считалъ себя обязаннымъ поблагодарить небо за то, что оно наградило его крѣпостными работниками. „Безъ мала 600 человѣкъ обоего пола равныхъ мнѣ тварей состояло въ моихъ повелѣніяхъ, — благочестиво размышлялъ онъ, — всѣ они на меня работали, и трудами своими и потомъ меня кормить, поить, одѣвать, обогрѣвать, успокоивать и тысячу увеселеній мнѣ приносить старались, невеликая ли то была для меня выгода и не долженъ ли я былъ благодарить за то Бога“ [4]).

Выгода, точно, была великая, и за нее ему, въ самомъ дѣлѣ, можно было возблагодарить Создателя. Но надо прибавить,

---

[1]) Талалаи—очевидно, мѣстное слово, имѣющее пренебрежительное значеніе.

[2]) Значитъ, не такъ уже плохо было ихъ хозяйство! *Г. П.*

[3]) „Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ“. Спб. 1872 г., т. III, стр. 79—80.

[4]) Тамъ же, стр. 103.

что нашъ благочестивый авторъ очень часто распространяется въ своихъ запискахъ о глупости, грубости и злонамѣренности „подлаго народа“, т.-е. тѣхъ самыхъ ему „равныхъ тварей“, которыя кормили, поили, одѣвали его и проч., и проч., и проч.

Болотовъ былъ человѣкъ образованный. Онъ зналъ иностранные языки, интересовался философіей и даже самъ писалъ сочиненія, которыя, правда, больше по недоразумѣнію назывались философскими. Положимъ, въ философіи онъ придерживался ученія „г. Крузія“; Хр. Вольфъ казался ему, какъ и его учителю, г. Крузію, слишкомъ смѣлымъ, а французскіе энциклопедисты представлялись „извергами и развратителями человѣческаго рода“. Онъ „содрогнулся“, узнавъ, что одинъ изъ его знакомыхъ читалъ книгу „извѣстнаго безбожника Гелфеція“. Но этимъ доказывается только то, что послѣдовательному идеологу русскаго дворянства въ самомъ дѣлѣ невозможно было столковаться съ идеологами третьяго сословія (конечно, передовыхъ странъ Европы). А нашего обличителя свободныхъ „талалаевъ“ все-таки слѣдуетъ признать однимъ изъ плодовъ Петровской реформы, духовнаго сближенія Россіи съ Западомъ. Болотовъ былъ несравненно просвѣщеннѣе многихъ и многихъ русскихъ дворянъ своего времени. И если этотъ, на свой ладъ просвѣщенный, человѣкъ видѣлъ въ крѣпостной неволѣ вѣрнѣйшее средство внесенія порядка въ жизнь трудящейся массы, то можно вообразить, каковы были взгляды непросвѣщенной части „шляхетства“, тѣхъ многочисленныхъ представителей благороднаго сословія, которые ровно ничего не читали и ровно ничѣмъ не интересовались, кромѣ собственнаго благополучія.

Догматъ о неприкосновенности крѣпостного права провозглашался нашимъ дворянствомъ XVIII вѣка при каждомъ удобномъ случаѣ. Депутаты, посланные дворянами въ комиссію Уложенія, не допускали и мысли объ отмѣнѣ этого права. Больше того: они не хотѣли ничего слышать даже о какомъ-нибудь ограниченіи власти помѣщика надъ крестьянами. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ засѣданіи 29 апрѣля 1768 года депутатъ отъ г. Углича И. Сухопрудскій позволилъ себѣ сказать, что крестьянскіе побѣги происходятъ иногда вслѣдствіе притѣсненія помѣщиками своихъ крѣпостныхъ и что поэтому „почитаетъ онъ за нужное сдѣлать въ разсужденіи сего подробное ограниченіе“ (помѣщичьяго произвола. *Г. П.*). Въ отвѣтъ на это дворянскій депутатъ отъ обоянскаго дворянства М. Глазовъ сталъ доказывать, что собственный интересъ помѣщиковъ достаточно побуждаетъ ихъ заботиться о благо-

состояніи своихъ крестьянъ. Что же касается ограниченія правъ помѣщиковъ надъ крестьянами, то онъ „сообщилъ“ (по выраженію дневной записки), „что премудрый монархъ Петръ Великій узаконилъ помѣщикамъ за своихъ подданныхъ во всемъ отвѣтствовать, да и ея И. В., нынѣ благополучно царствующая Государыня Екатерина премудрая, сіе же учредить желаетъ“. Это значило, что полнота отвѣтственности помѣщика за своихъ крестьянъ исключаетъ всякую возможность ограниченія его власти надъ ними [1]).

Мнѣніе Сухопрудскаго выражено было довольно неопредѣленно. Опредѣленнѣе его высказался въ пользу крестьянъ депутатъ отъ иноземцевъ и однодворцевъ казанской провинціи В. Кипенскій. Въ засѣданіи 2-го мая онъ подалъ записку, въ которой предложилъ опредѣлить закономъ крестьянскія повинности, расположивъ ихъ „на три части: первые для платежей государственныхъ податей, вторые для помѣщиковыхъ работъ, третіе для своего пропитанія и экипажа“. Противъ его предложенія ополчился тотъ же обоянскій депутатъ Глазовъ, рѣшительно заявившій въ слѣдующемъ засѣданіи, что такое распредѣленіе работъ противно *чести и спокойствію дворянства* [2]).

„Спокойствіе“ дворянскихъ депутатовъ было еще сильнѣе нарушено выступленіемъ одного изъ представителей ихъ собственнаго сословія, депутата отъ дворянъ Козловскаго уѣзда Григорія Коробьина. Въ засѣданіи 5-го мая онъ повторилъ сказанное Сухопрудскимъ о томъ, что крестьянскіе побѣги вызываются помѣщичьими притѣсненіями (онъ сказалъ: „правленіемъ“), и предложилъ оградить закономъ имущественныя права крестьянъ. Это его выступленіе вызвало большой переполохъ. Возражая ему, кн. М. М. Щербатовъ, едва ли не самый умный и образованный изо всѣхъ тогдашнихъ идеологовъ дворянства,—давалъ почтенному собранію понять что „человѣколюбіе и краснорѣчіе“ Коробьина могутъ произвести „вредъ“. Другой дворянскій депутатъ иронически отзывался о похвальномъ намѣреніи Коробьина „осчастливить государство“, прибавляя, что намѣренію этому суждено остаться „единою мечтою“. Третій утверждалъ, что Коробьинъ стремится „къ снисканію только похвалъ отъ людей легкомысленныхъ“. А знакомый уже намъ обоянскій дворянскій депу-

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Общества, т. 32, стр. 49. Ср. въ 19-мъ приложеніи къ этому тому (стр. 390—391) мнѣніе Глазова, поданное въ видѣ записки.

[2]) Курсивъ мой. См. тамъ же, стр. 400 и 402. Въ предисловіи къ этому тому В. *Сергѣевичъ* говоритъ: „Заслуга перваго слова въ ихъ (крѣпостныхъ крестьянъ. *Г. П.*) пользу принадлежитъ консисторскому чиновнику и однодворцу“ (стр. X).

татъ Глазовъ открылъ, что Коробьинъ, представлявшій козловскихъ дворянъ, „отъ собратій того города дворянства и выбранъ не бывалъ“, а получилъ свое депутатство по довѣренности отъ настоящаго козловскаго депутата [1]. Хотя открытіе это и не лишило Коробьина его права представительства, однако оно важно для насъ въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, слѣдствіе, произведенное М. Глазовымъ о происхожденіи „депутатства“ Коробьина показываетъ, какъ сильно было у дворянскихъ депутатовъ желаніе дойти крестьянскаго защитника если не мытьемъ, то катаньемъ.

Во-вторыхъ, открытіе Глазова естественно вызываетъ вопросъ: былъ ли бы Коробьинъ выбранъ козловскими дворянами, если бы они знали его образъ мыслей? Глазовъ утверждалъ, что нѣтъ, и ссылался на то, что козловскіе дворяне просили своего „бывшаго“ депутата, т.-е. депутата, передавшаго свое полномочіе Коробьину, хлопотать въ комиссіи, „дабы у помѣщиковъ прежняя привилегія неотъемлема была“. Вѣроятно, дѣлая эту ссылку, Глазовъ имѣлъ въ виду наказъ козловскаго дворянства, въ самомъ дѣлѣ не оставляющій никакого сомнѣнія насчетъ крѣпостническихъ стремленій его составителей.

Въ наказѣ нѣтъ ни одного слова объ ограниченіи власти помѣщиковъ надъ крестьянами, но зато въ немъ говорится о томъ, чтобы затруднить „подлымъ людямъ“ подачу „доношеній на знатныхъ и заслуженныхъ дворянъ“ [2]. Этого достаточно, чтобы заставить насъ согласиться съ Глазовымъ: Коробьинъ дѣйствительно не выражалъ взглядовъ тѣхъ, кого онъ представлялъ въ комиссіи. Онъ былъ своего рода отщепенцемъ въ дворянской средѣ. Недаромъ, защищая интересы крестьянъ въ другомъ засѣданіи той же комиссіи, онъ сказалъ, что „имя свободы причиняетъ пользу“. Козловское шляхетство думало совсѣмъ иначе [3].

VI.

Но чего же хотѣлъ онъ? Къ чему сводились его собственныя требованія? Въ сущности къ очень немногому. Подобно В. Кипенскому, Коробьинъ хотѣлъ лишь законнаго огражденія крестьянскихъ правъ. Да и тутъ онъ не рѣшился идти до конца.

---

[1] Тамъ же, стр. 420.

[2] Тамъ же, т. 68, стр. 420.

[3] Подъ наказомъ козловскаго дворянства, „вмѣсто дворянина Алексѣя, Григорьева сына, Фролова, за неумѣніемъ грамотѣ, подпоручикъ Изосимъ, Ивановъ сынъ, Ремизовъ, по его прошенію подписался“ (стр. 421). Тамъ же есть еще два подобныхъ случая. На что была свобода безграмотнымъ эксплуататорамъ чужихъ „душъ“?

„Надлежитъ предписать законами,—говорилъ онъ,—коликую власть имѣютъ помѣщики надъ имѣніями своего крестьянина. Данная нами торжественная присяга, собственная польза дворянъ, благоденствіе крестьянъ и умноженіе хлѣбопашества сего отъ насъ требуютъ“ [1]).

Итакъ, нужды замледѣлія, собственный интересъ помѣщиковъ и данная депутатами присяга требовали законнаго огражденія имущественныхъ правъ крѣпостныхъ крестьянъ. Согласно проекту Коробьина, крестьянинъ долженъ былъ платить помѣщику „мѣрную“ (умѣренную. *Г. П.*) дань, которая взималась бы деньгами, „произрастеніями“ или же „обоими вкупѣ“. При этомъ помѣщики должны были бы брать съ крестьянъ такіе поборы, которые „менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и хозяйства“. А что же говорилъ проектъ Коробьина объ огражденіи личности крестьянина? Ничего! Власть помѣщика надъ крестьяниномъ „остается полная, какъ и нынѣ. Крестьянинъ ему (помѣщику. *Г. П.*) пребываетъ крѣпостнымъ“ [2]). Это была вопіющая непослѣдовательность, которую поспѣшили, разумѣется, отмѣтить защитники дворянства. М. М. Щербатовъ выразилъ ироническое удивленіе тому, что, насколько Коробьинъ заботился объ имуществѣ крестьянъ, настолько же мало прилагалъ „старанія объ избавленіи ихъ отъ утѣсненія, которое можетъ произойти отъ наказаній“. По замѣчанію Щербатова, имѣніе крестьянина осталось бы на дѣлѣ подвластнымъ тому, кому подвластно его тѣло. Это было какъ нельзя болѣе справедливо. Но тѣмъ болѣе характерно, что даже непослѣдовательный проектъ Коробьина вызывалъ такое сильное волненіе въ средѣ дворянскихъ депутатовъ: онъ коснулся того, чего, по ихъ убѣжденію, никто не долженъ былъ касаться, чтобы не нарушить „общаго блаженства“.

Можетъ быть, еще болѣе замѣчательно то, что указанная непослѣдовательность не была личнымъ промахомъ Коробьина. Ею погрѣшилъ и другой дворянскій защитникъ крестьянскихъ интересовъ — депутатъ отъ шляхетства екатерининской провинціи Яковъ Козельскій.

Его мнѣніе, какъ и мнѣніе Коробьина, состояло въ томъ, что законъ долженъ точно опредѣлить размѣры крестьянскихъ повинностей какъ по отношенію къ помѣщику, такъ и по отношенію къ государству. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ требованія Козельскаго были опредѣленнѣе, нежели требованія козловскаго депу-

---

[1]) Сборникъ Историч. Общества, т. 32, стр. 408.

[2]) Тамъ же, т. 32, стр. 410. — Въ своемъ докладѣ Коробьинъ часто говорилъ: „Крестьяне, т.-е. рабы, или: „рабы, т.-е. крестьяне“.

тата[1]). Но и Козельскій находилъ, что крестьяне должны быть попрежнему „крѣпки“ своимъ помѣщикамъ и оставаться подъ ихъ „наблюденіемъ“. Такимъ образомъ, личная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ была тѣмъ порогомъ, о которой споткнулась мысль даже самыхъ передовыхъ и наиболѣе расположенныхъ къ трудящейся массѣ дворянскихъ депутатовъ. Весьма показательное явленіе

Свою рѣшительную оппозицію всякимъ попыткамъ ограниченія помѣщичьей власти надъ крестьянами нѣкоторые дворянскіе депутаты оправдывали, между прочимъ, тѣмъ доводомъ, что „вольность“, сколько-нибудь „прилична нижнему роду“ только въ государствахъ съ „ограниченнымъ правленіемъ“. Это сказалъ возражавшій Коробьину депутатъ Протасовъ. Другіе выдвигали доводъ отъ крестьянской темноты. Такъ, во время обсужденія проекта правъ благородныхъ кн. Щербатовъ краснорѣчиво говорилъ на ту тему, что россійскій народъ еще нуждается въ просвѣщеніи, которое можетъ быть получено имъ только отъ помѣщиковъ. Немаловажную роль игралъ и аргументъ отъ особенностей нашего національнаго „умоначертанія“. Депутаты, проводившіе этотъ аргументъ, видѣли особенность россійскаго „умоначертанія“ въ томъ, что въ нашемъ отечествѣ вообще непримѣнимы свободныя учрежденія. Поистинѣ „блаженной“ страной представлялась Россія этимъ господамъ!

VII.

Помѣщики не только защищали свои собственныя права надъ имуществомъ и личностью крестьянина. Ихъ „умоначертаніе“ вообще несогласимо было съ понятіемъ о свободѣ, хотя бы и очень ограниченной, крестьянина, хотя бы и не помѣщичьяго. Съ этой стороны поучительна судьба одной части выработаннаго Унгернъ-Стернбергомъ проекта „о государственныхъ родахъ“.

Часть эта, касавшаяся „разныхъ родовъ крестьянства“, снабжена была примѣчаніями депутата отъ доргобужскаго дворянства Рыдванскаго, который выступаетъ въ нихъ передъ нами послѣдовательнымъ и яркимъ идеологомъ всероссійскаго крѣпостничества.

По проекту Унгернъ-Стернберга, вольные[2]) крестьяне вполнѣ сохраняли свои права, — „они совершенно вольные люди“, — и

---

[1]) См. Сборникъ Историч. Общества, т. 32, стр. 495.

[2]) Вольными еще были тогда крестьяне въ Малороссіи, въ Финляндіи и нѣкоторыхъ принадлежавшихъ Россіи островахъ Балтійскаго моря.

могли свободно переходить изъ одного мѣста въ другое, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ своей провинціи.

Это мѣсто проекта противорѣчило „умоначертанію" Рыдванскаго. Въ своемъ примѣчаніи на него онъ писалъ: „Въ томъ только ихъ вольность (состоитъ. *Г. П.*), что они переходятъ съ мѣста на мѣсто. Для меня мнится сія вольность ни мало не полезна, а разрушаетъ благоденствіе народа, ибо для приведенія земледѣльчества въ цвѣтущее состояніе стараться должно непосредственно прилѣпить ихъ къ землѣ [1]).

Далѣе проектъ Унгернъ-Стернберга признавалъ за государственными крестьянами право продавать и закладывать свои земли „яко сущее свое имѣніе".

Эта свобода сдѣлокъ ограничивалась тѣмъ постановленіемъ, что земли государственныхъ крестьянъ могли быть продаваемы и закладываемы только крестьянамъ того же „рода". Но Рыдванскій не удовольствовался и этимъ ограниченіемъ. Онъ доказывалъ, что государственные крестьяне пользовались казенными землями, „и собственныхъ земель сіи крестьяне никогда не имѣли и и въ наслѣдство не оставляли: продавать и закладывать ни въ какое время дозволено не было, но еще и указами разныхъ временъ запрещено. Слѣдовательно, земли ихъ не потомственныя и не крѣпостныя [2]), а данныя имъ для пропитанія и умноженія земледѣльства" [3]).

Читатель, раздѣляющій народническіе взгляды и убѣжденный въ преимуществахъ общиннаго землевладѣнія, скажетъ, пожалуй, что въ данномъ случаѣ Рыдванскій отстаивалъ хорошее дѣло, такъ какъ старался помѣшать возникновенію въ средѣ государственныхъ крестьянъ частной собственности. Не вступая съ такимъ читателемъ въ споръ, я приглашу его отдать должное той похвальной логичности, которой отличалась аргументація Рыдванскаго.

Въ проектѣ Унгернъ-Стернберга, государственные крестьяне

---

[1]) Сборникъ Историч. Общества, т. 36, стр. 254.

[2]) Т.-е., очевидно, не пріобрѣтенныя съ составленіемъ купчей крѣпости. *Г. П.*

[3]) Тамъ же, стр. 249. Надо признать, что еще въ Московскомъ государствѣ прочно установился тотъ взглядъ на земли государственныхъ крестьянъ, который былъ высказанъ Рыдванскимъ. Но фактически въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи крестьяне эти до половины XVIII в. располагали своими землями, какъ своею собственностью. Межевая инструкція 1754 г. отнимала у крестьянъ это право. (Ср. предисловіе къ 123 тому Сборника Историческаго Общества, стр. III, IV, XIV и XV). Въ духѣ этой инструкціи, стремившейся довершить экспропріацію крестьянъ государствомъ, высказался и Рыдванскій. Въ сравненіи съ нимъ Унгеръ-Стернбергъ представляется либеральнымъ человѣкомъ.

могли совершать денежные займы. Но дорогобужскій депутатъ возсталъ и противъ этого.

„Крестьянамъ между собой въ долгъ деньги забирать по законамъ далѣе пяти рублей не позволено, — писалъ онъ, — и то съ позволенія своихъ начальниковъ, симъ прекращается вольность отъ мотовства“ [1]).

Унгернъ-Стернбергъ хотѣлъ предоставить государственнымъ крестьянамъ право пользованія своими лѣсами, „яко настоящею собственностью“, съ тѣмъ, чтобы лѣсъ, годный для адмиралтейства, былъ охраняемъ въ интересахъ государства. Понятно, что логичный Рыдванскій и на этотъ предметъ взглянулъ со своей собственной точки зрѣнія. Онъ возразилъ, что государственные крестьяне пользуются „государственнымъ“ лѣсомъ, и потому соглашается признать за ними только извѣстное право пользованія имъ, а отнюдь не право собственности на него [2]).

Взгляды Рыдванскаго получили крайнее свое выраженіе въ разногласіи между ними и Унгернъ-Стернбергомъ по вопросу о половникахъ. Унгернъ-Стернбергъ предоставлялъ государственнымъ крестьянамъ право держать у себя половниковъ и отдавать имъ свои земли. Рыдванскій утверждалъ, что такое право пошло бы въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ нашей жизни. Онъ писалъ:

„Половниковъ подъ самодержавною властью не только государственные крестьяне, ниже дворяне держать не могутъ. А долженъ каждый мыслящій о пользѣ своего отечества стараться такой щетающій (sic) народъ по всѣмъ мѣстамъ принудить ихъ имѣть навсегдашнее пристанище и заставить ихъ быть хозяевами и имѣть свои домы и потомковъ ихъ держать на одномъ мѣстѣ, гдѣ лучше производить хлѣбопашество“.

Членамъ комиссіи (въ данномъ случаѣ подкомиссіи, или „частной комиссіи“) нетрудно было согласиться съ Рыдванскимъ: въ ихъ средѣ преобладали тѣ же крѣпостническія понятія. Вотъ почему въ окончательномъ проектѣ частной комиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, мы читаемъ:

„Государственные поселяне суть тѣ, которые принадлежатъ (sic) только государству и имѣютъ земли, данныя имъ отъ правительства въ вѣчное и потомственное владѣніе для собственнаго ихъ прокормленія“ [3]).

Мы знаемъ, что послѣ Смуты служилые люди Московскаго государства прежде всего позаботились о томъ, чтобы прикрѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 250.

[2]) Тамъ же, стр. 250—251.

[3]) Тамъ же, стр. 278, ср. 367.

пить крестьянъ къ землѣ и утвердить свою власть надъ ними. Въ екатерининской комиссіи замѣчается то же стремленіе служилаго сословія, успѣвшаго статъ „благороднымъ“. Оно всѣми способами защищаетъ свою власть надъ крестьянами; оно старается окончательно прикрѣпить къ землѣ даже ту часть крестьянской массы, которая еще не попала подъ его руку, и объявляетъ эту часть государственнымъ имуществомъ („принадлежатъ только государству“), отнимая у нея не только право перехода и право собственности на ея земли и лѣса, но и право свободнаго распоряженія ея движимостью.

Въ окончательномъ счетѣ депутаты, посланные дворянствомъ въ Комиссію Уложенія, соглашались только на двѣ мѣры въ пользу крѣпостныхъ: на запрещеніе продажи ихъ въ одиночку и на отдачу въ опеку имѣнія владѣльцевъ, слишкомъ притѣснявшихъ своихъ крестьянъ. Въ дѣйствительности ничего не вышло даже и изъ этой крошечной готовности ихъ къ уступкамъ: розничная продажа крѣпостныхъ, равно какъ свирѣпыя притѣсненія ихъ „дикими помѣщиками“, продолжались вплоть до уничтоженія крѣпостного права въ XIX вѣкѣ.

Мы видѣли, что благородное сословіе энергично проводило въ Комиссіи Уложенія мысль о полномъ закрѣпленіи „казенныхъ“ крестьянъ государству. Однако его еще болѣе привлекала идея перехода всего крестьянскаго населенія имперіи подъ власть помѣщиковъ. И когда „секуляризація“ духовныхъ вотчинъ „освободила“ около милліона крестьянъ м. п. [1]), въ его средѣ, естественно, ожила старая мечта служилаго сословія о присвоеніи себѣ этихъ рабочихъ рукъ. Идеологи дворянства принялись доказывать, что „секуляризація“ сильно повредила благосостоянію бывшихъ монастырскихъ крестьянъ. Для его поправленія они, разумѣется, не нашли другого средства, кромѣ отдачи бывшихъ монастырскихъ вотчинъ въ аренду или продажи ихъ въ собственность дворянамъ.

Сдѣлать это совѣтовали еще составители нѣкоторыхъ дворянскихъ наказовъ. Дворяне Крапивенскаго уѣзда предлагали продавать крестьянъ секуляризованныхъ имѣній по 30 рублей за душу м. п., отчего должно было послѣдовать, какъ увѣряли они, казнѣ приращеніе, а „цѣлому обществу польза“. Просвѣщенный и краснорѣчивый кн. Щербатовъ дороже цѣнилъ крестьянскія души. Въ 1787 г. онъ писалъ, что надо распродать всѣ государственныя и экономическія [2]) деревни, „считая кругомъ

---

[1]) Въ началѣ 1760-хъ годовъ ихъ считалось 991.761 душа м. п.

[2]) „Экономическими“ стали называть крестьянъ бывшихъ духовныхъ вотчинъ, потому что ими завѣдывала „Коллегія Экономіи“.

по 80 руб. за душу“. Для облегченія дворянамъ этой сдѣлки, онъ великодушно предоставляетъ имъ право уплачивать только проценты съ продажной цѣны пріобрѣтаемыхъ имѣній.

До поры до времени проекты эти оставались неосуществленными. Екатерина II предпочла сохранить „экономическихъ“ крестьянъ въ непосредственной крѣпостной зависимости отъ государства. Притомъ, раздавъ своимъ любимцамъ, тоже принадлежавшимъ къ благородному сословію, цѣлыя сотни тысячъ крестьянскихъ душъ, она имѣла всѣ основанія думать, что ею и безъ того уже достаточно сдѣлано для „увеселенія“ этого сословія. Зато при Павлѣ 50.000 душъ отчислено было изъ экономическаго вѣдомства для составленія „командорственныхъ“ имѣній кавалерамъ россійскихъ орденовъ, а при Александрѣ I нѣсколько экономическихъ волостей Новгородской губерніи обращено было въ военныя поселенія. Какъ уже замѣчено мною выше, „эмансипація“ церковныхъ крестьянъ означала лишь то, что, бывъ прежде собственностью церкви, они перешли въ собственность государства. И было вполнѣ естественно, что собственностью этой по своему усмотрѣнію располагали верховные носители государственной власти.

VIII.

В. И. Семевскій говоритъ, что наше дворянство опасалось, какъ бы за эмансипаціей „крестьянъ духовнаго вѣдомства не послѣдовало освобожденіе и помѣщичьихъ“ [1]). Этимъ онъ объясняетъ отрицательное отношеніе дворянскихъ публицистовъ къ тому, какъ устроена была судьба экономическихъ крестьянъ. Но ихъ отрицательное отношеніе достаточно объясняется только что указаннымъ стремленіемъ дворянства присвоить себѣ крестьянъ бывшихъ духовныхъ вотчинъ. Если оно, въ самомъ дѣлѣ, опасалось того, что „эмансипація“ будетъ распространена также и на помѣщичьихъ крестьянъ, то ихъ опасеніе едва ли было сколько-нибудь значительно. Разумѣется, Екатерина II не рѣшилась бы секуляризовать духовныя вотчины, если бы эта ея мѣра вызывала ропотъ въ дворянской средѣ. Но все, извѣстное намъ о ходѣ реформы, показываетъ, что дворянство, наоборотъ, охотно ее поддержало. И только потому, что дворянство поддержало ее, Екатерина получила возможность спокойно пренебречь глухой оппозиціей духовенства.

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб., 1901, т. II, стр. 274.

Въ послѣ-петровской Руси вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ занималось еще правительство Елизаветы. Самымъ энергичнымъ защитникомъ правъ церкви выступилъ при ней А. Маціевичъ [1]). По порученію духовенства онъ ѣздилъ въ 1758 г. въ Петербургъ, чтобы тамъ сказать свое слово противъ задуманной правительствомъ мѣры. Отъ его поѣздки ожидали весьма многаго. Провинціальное духовенство говорило ему: Тамъ Васъ вмѣсто новоявленнаго чудотворца пріимутъ и во сладость обо всемъ послушаютъ: причина сему не токмо у насъ здѣсь, но и тамъ отличное объ Васъ мнѣніе" [2]). Извѣстно, что ожиданіе это не оправдалось. Въ Петербургѣ не были отличнаго мнѣнія о Маціевичѣ. Тамъ не нравился тонъ, которымъ онъ говорилъ о правахъ церкви. Дѣло дошло до того, что новоявленный чудотворецъ получилъ отъ синода выговоръ за свои „продерзости и противные Ея И. В-ву проступки" [3]). Однако выговоръ полученный Маціевичемъ, не имѣлъ на него успокоительнаго вліянія. Когда дѣло секуляризаціи перешло въ энергичныя руки Екатерины II, ростовскій митрополитъ опять сталъ протестовать. Но при этомъ показалъ себя весьма неловкимъ и мало находчивымъ.

При описи монастырскихъ имуществъ было,—какъ этого и слѣдовало ожидать,—много злоупотребленій. Опись часто производилась офицерами, что также было въ порядкѣ вещей. Наконецъ, вполнѣ естественно было и то, что духовнымъ лицамъ не нравилась развязность, обнаруженная въ этомъ случаѣ представителями военной силы. Но какъ же выразилъ А. Маціевичъ это вполнѣ естественное неудовольствіе духовенства?

Онъ писалъ: „Итакъ по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ законъ православный издревле... правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ".

Такимъ доводомъ трудно было подѣйствовать на матушку-государыню, состоявшую въ перепискѣ съ Вольтеромъ.

Далѣе, ростовскій митрополитъ утверждалъ, что вслѣдствіе отобранія въ казну монастырскихъ имуществъ, не останется на Руси и слѣда отъ былого ея благочестія. „Развѣ тылько въ памяти многимъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ, и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но

---

[1]) Преемникъ св. Дмитрія на ростовской епископской каѳедрѣ.

[2]) Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Лондонъ, 1895 г., т. 2, стр. 230.

[3]) Н. И. Барсовъ. Арсеній Маціевичъ, митрополитъ ростовскій, въ 1762—1763 гг. „Русская Старина", т. XV, стр. 754.

отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви нарицающихся церковь и благочестіе истребилося“ [1]).

Это было тоже неловко придумано. Такимъ аргументомъ можно было разсердить Екатерину II, но рѣшительно невозможно было заставить ее отказаться отъ своего плана.

Въ теоретическомъ отношеніи аргументація Маціевича поражаетъ своей полной нищетой: она ровно ничего не прибавила къ той совокупности идей, которая обращалась тогда въ европеизованной части русскаго населенія. И если она все-таки можетъ и должна привлечь къ себѣ вниманіе историка русской общественной мысли, то единственно потому, что ея нищета показываетъ, какъ слаба была позиція власти духовной въ этомъ ея столкновеніи со свѣтской властью [2]).

Екатерина оставила всякую мысль объ улучшеніи участи помѣщичьихъ крестьянъ только потому, что боялась дворянства. Вступивъ на престолъ, она сначала побаивалась также и духовенства. Поэтому она отмѣнила изданный еще Петромъ III (21-го марта 1762 г.) указъ объ учрежденіи Коллегіи Экономіи для завѣдыванія духовными имуществами. Но очень скоро она увидѣла безсиліе духовенства и со свойственной ей энергіей приступила къ его экспропріаціи.

Барсовъ утверждалъ, что, за исключеніемъ Дмитрія Сѣченова, всѣ главнѣйшіе представители русской церковной іерархіи были на сторонѣ Арсенія Маціевича [3]). Если это такъ, то тѣмъ болѣе знаменательно, что, какъ выражается г. Бильбасовъ, Синодъ головою выдалъ Арсенія Екатеринѣ: „12-го марта Синодъ получилъ доношеніе Арсенія, заслушалъ его и 13-го марта постановилъ: „Въ доношеніи ростовскаго митрополита все, что ни есть, слѣдуетъ къ оскорбленію Ея Императорскаго Величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію“ [4]). Но высшее духовное учре-

---

[1]) Н. И. Барсовъ, тамъ же, стр. 745.

[2]) Кромѣ доводовъ отъ интереса благочестія, Арсеній не позабылъ и о доводахъ отъ экономическаго интереса духовнаго сословія. Во второмъ своемъ „доношеніи“ онъ указывалъ на то, что отобраніе крестьянъ у духовенства заставитъ это послѣднее прибѣгать къ наемному труду. А это не соотвѣтствуетъ условіямъ нашей хозяйственной жизни. У насъ „не Англія“. Освобожденный крестьянинъ будетъ слишкомъ дорого продавать свою рабочую силу, требуя „за малое дѣло вдвое и втрое денегъ“. Конечно, дворяне нашли бы этотъ аргументъ вполнѣ убѣдительнымъ, если бы рѣчь шла объ его собственныхъ крестьянахъ, но, выдвинутый на защиту интересовъ духовенства, онъ, какъ видно, не произвелъ на нихъ впечатлѣнія.

[3]) „Русская Старина“, т. XV, стр. 737.

[4]) Бильбасовъ, тамъ же, та же страница. Надо замѣтить, что, отмѣняя, по своемъ восшествіи на престолъ, указъ Петра III объ учрежденіи Коллегіи Экономіи, Екатерина увѣряла (въ августѣ 1762 г.): не имѣемъ мы намѣренія и желанія при-

жденіе и тутъ не рѣшилось поступить самостоятельно. Оно передало Арсенія „въ Высочайшее благоразсмотрѣніе и высокомонаршую Ея Императорскаго Величеста безприкладную милость“.

Екатерина отвѣтила на это, что ею усмотрѣны въ доношеніяхъ Арсенія „превратныя и возмутительныя истолкованія многихъ словъ св. Писанія и книгъ святыхъ“ [1]). Вслѣдствіе этого благочестивая корреспондентка Вольтера для „сохраненія своихъ вѣрноподанныхъ всегдашняго спокойствія“ (а также и для отклоненія отъ себя отвѣтственности за желательный для нея исходъ дѣла. *Г. П.*), благоразумно постановила предать Арсенія суду... того же Св. Синода!

Арсеній былъ приговоренъ къ лишенію клобука и сана и сосланъ въ отдаленный монастырь на „крѣпкое смотрѣніе“. Екатерина запретила давать ему тамъ чернила и бумагу, чтобы „невозможно было ему развращать ни письменно ни словесно слабыхъ и простыхъ людей“ [2]).

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что на судѣ ростовскій митрополитъ велъ себя съ большимъ смиреніемъ. Онъ заявилъ, что у него не было ни малѣйшаго намѣренія сказать въ своихъ „доношеніяхъ“ что-нибудь оскорбительное для высшей власти, а если тѣмъ не менѣе въ нихъ что-нибудь „ко оскорбленію Ея Императорскаго Величества имѣется“, то онъ, „всесмирнѣйше и всеподаннѣйше припадая къ ногамъ Ея Императорскаго Величества, проситъ прощенія и помилованія“ [3]). Никонъ велъ себя не совсѣмъ такъ [4])...

Духовенство покорилось. Проницательная государыня уже заранѣе узнала, что оно не можетъ не покориться. Зная это, она

своить себѣ церковныя имѣнія но только имѣемъ данную намъ Богомъ власть предписывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи во славу Божію“. Это было столько же благочестиво, сколько и двусмысленно. Возможно, что Барсовъ былъ правъ, утверждая, что когда Арсеній выступилъ съ протестомъ противъ секуляризаціи,—къ которой Екатерина приступила уже въ слѣдующемъ году,—онъ отнюдь не думалъ расходится съ видами императрицы. И какъ нельзя болѣе характеренъ для Екатерины II тотъ фактъ, что указъ отъ 12-го августа 1762 г., которымъ она отмѣнила указъ Петра III объ отобраніи духовныхъ вотчинъ, написанъ былъ „подъ диктовку Арсенія“ (Барсовъ).

[1]) Бильбасовъ, назв. соч., т. II, стр. 239.

[2]) Тамъ же, стр. 247.

[3]) Тамъ же, стр. 312—314.

[4]) Остальные пастыри русской церкви вели себя еще смирнѣй, нежели ростовскій митрополитъ. Онъ былъ все-таки смѣлѣе ихъ всѣхъ. Арсеній родился во Владимірѣ-Волынскомъ, въ „Польскомъ государствѣ“, какъ сообщаетъ онъ въ своемъ „Автобіографическомъ показаніи“ („Осьмнадцатый вѣкъ“, книга вторая, стр. 255). Вѣроятно, впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ Польши, объясняется его, правда, очень слабая попытка стать въ независимое отношеніе къ свѣтской власти.

сочла нужнымъ высказать ему нѣсколько истинъ, которыя, навѣрно, были очень горьки для него, но очень полезны для напоминанія ему объ истинномъ соотношеніи русскихъ общественныхъ силъ.

„Вы преемники апостоловъ, которымъ повелѣлъ Богъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ и которые были очень бѣдны,—говорила она въ своемъ обращеніи къ Синоду.—Царство ихъ было не отъ міра сего—вы меня понимаете? Я слышала эту истину изъ устъ вашихъ. Какъ можете вы, какъ дерзаете, не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти, обладать безчисленными богатствами, имѣть безпредѣльныя имѣнія, которыя дѣлаютъ васъ въ могуществѣ равными царямъ. Вы просвѣщены: вы не можете не видѣть, что всѣ сіи имѣнія похищены у государства: вы не можете владѣть ими не будучи несправедливы къ нему". Если духовные пастыри въ самомъ дѣлѣ питаютъ къ ней тѣ вѣрноподданническія чувства, о которыхъ они гогорятъ, то они немедленно должны возвратить государству все то его имущество, которымъ они неправильно завладѣли. И съ великолѣпнѣйшей ироніей Екатерина прибавляла, что, не развлекаемые болѣе заботами о мірскихъ благахъ, они тѣмъ съ большимъ удобствомъ будутъ посвящать себя дѣлу просвѣщенія своей паствы. Въ этомъ дѣлѣ заключается все ихъ призваніе: „Вы должны заниматься только тѣмъ, чтобы наставлять людей въ ихъ должностяхъ, возжигать въ сердцахъ ихъ память добродѣтели... наконецъ, увѣщавать ихъ, угрожать будущимъ наказаніемъ, возбуждать въ нихъ вѣру и любовь къ Богу и ближнему обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства, воспламенять сердца усердными молитвами, спасительными совѣтами и т. д. и т. д. [1]).

Это энергичное, полное ума и насмѣшки, обращеніе свѣтской власти къ духовной, очевидно, много способствовало безпрепятственному рѣшенію вопроса объ отобраніи въ казну духовныхъ вотчинъ: Синодъ понялъ государыню и не только согласился на секуляризацію, не только „выдалъ" Мацѣевича, но и самъ произнесъ надъ нимъ суровый приговоръ.

IX.

Трудящаяся масса показала себя менѣе сговорчивой, нежели духовенство. Чѣмъ туже затягивалась петля крѣпостного права на шеѣ крестьянъ, тѣмъ больше росло недовольство закрѣпощенныхъ. Сохранился (въ рукописи) чрезвычайно интересный лите-

[1]) Бильбасовъ, изв. соч., т. II, стр. 246, 247.

ратурный памятникъ, трогательно выразившій чувства и отчасти понятія народной массы. Онъ былъ напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ сборникѣ „Починъ“ подъ названіемъ „Плачъ холоповъ прошлаго вѣка“. Въ немъ дѣйствительно слышится горькій плачъ. Уже въ самомъ началѣ его мы встрѣчаемъ такія строки:

О! горе намъ, холопемъ, отъ господъ и бѣдство!
А когда прогнѣвишь ихъ, такъ отъимутъ и отцовское наслѣдство.
Что въ свѣтѣ человѣку хуже сей напасти.
Что мы сами наживемъ—и въ томъ намъ нѣтъ власти.
Пройди всю подселенную—нѣтъ такова житья мерзкова!

Идеологи дворянства, въ родѣ Сумарокова и Болотова, были убѣждены, что крѣпостное право выгодно для интересовъ не только дворянъ, но также и для крестьянъ. Авторъ „Плача“, какъ видно, самъ бывшій крѣпостнымъ, хотя и вкусившій отъ плодовъ грамотности, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Онъ восклицаетъ:

Неужель мы не нашли бы безъ господъ себѣ хлѣба!

Онъ высказываетъ ту мысль, что лѣса и поля созданы для бѣдныхъ, и совершенно правильно отмѣчаетъ огромный ростъ господской власти надъ крѣпостными. По его словамъ, она увеличилась, какъ въ Невѣ вода. Онъ, конечно, съ полнымъ основаніемъ огорчается и тѣмъ, что крѣпостнымъ запрещено было жаловаться на своихъ владѣльцевъ:

Бояринъ умертвитъ слугу, какъ мерина,—
Холопьему доносу и въ томъ вѣрить не велѣно,
Неправедны суды составили указъ.
Чтобъ сѣчь кнутомъ тирански за то насъ.

Должно, быть „Плачъ“ написанъ во время созванія Комиссіи Уложенія. Не дурно освѣдомленный о составѣ этой комиссіи авторъ его жалуется:

Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ.
Холопей въ депутаты затѣмъ не выбираютъ.
Что могутъ де холопы тамъ говорить?
Отдали бъ имъ волю до смерти насъ морить?

Весьма характерно для послѣ-петровской Руси указаніе крѣпостного писателя на другія земли, осуждающія наши порядки:

Всѣ земли насъ бранятъ и глупости дивятся,
Что такіе глупые у насъ въ Россіи родятся.

Но указаніе на другія страны не мѣшаетъ крѣпостному грамотею сохранять старый московскій взглядъ на соціальную роль царской власти. Онъ желаетъ служить царю. Интересно, впрочемъ, что служить царю онъ желаетъ не въ качествѣ земледѣльца, а въ качествѣ солдата. Въ этомъ его желаніи сказывается своеобразное революціонное настроеніе. Онъ пишетъ:

Ахъ! когда бъ намъ, братцы, учинилась воля,
Мы бъ себѣ не взяли ни земли, ни поля,
Попіли бъ мы, братцы, въ солдатскую службу
И сдѣлали бъ между собою дружбу,
Всякую неправду стали бъ выводить
И злыхъ господъ корень переводить.

Послѣ такихъ рѣзкихъ нападокъ на господъ нѣсколько странно читать строки, въ которыхъ авторъ „Плача“ какъ будто беретъ подъ свою защиту русское дворянство, обиженное по его словамъ иностранными „набродами“. Этихъ набродовъ „пущали“ въ Россію затѣмъ, чтобъ они просвѣтили ее, а они принялись ее угнетать.

Когда въ Россію набродовъ сихъ пущали,
Тогда намъ лучшее правленіе обѣщали,
А они россійскихъ дворянъ со однодворцами опредѣлили,
А насъ, безсчастныхъ, по себѣ раздѣлили.
Пропали наши бѣдныя головы
За господами лихими и голыми!

Ненависть къ дворянству осложнилась въ душѣ автора,— идеолога народной массы, — той нелюбовью къ иноземцамъ, которой такъ богата была еще Московская Русь, и которую особенно сильно поддержали въ XVIII вѣкѣ ужасы бироновщины. Въ результатѣ получилось нѣчто поистинѣ неожиданное. Обличая иностранныхъ „набродовъ“, авторъ превращается въ защитника „россійскихъ дворянъ“. Очевидно, противъ этихъ „набродовъ“ авторъ не прочь идти вмѣстѣ съ „господами“ русскаго происхожденія. Какъ идти? Мечта автора слѣдуетъ здѣсь за тогдашней русской дѣйствительностью. Столь частые въ XVIII в. дворцовые перевороты совершались съ помощью военной силы. Вотъ почему въ „Плачѣ“ и говорится, что хорошо было бы пойти въ солдатскую службу. Но дворцовые перевороты были дѣломъ дворянской гвардіи, которая, ненавидя иностранныхъ „набро-

довъ“, не только ровно ничего не имѣла противъ привилегій русскаго дворянства, но настойчиво стремилась къ ихъ упроченію и расширенію. Авторъ „Плача“ понималъ, что мало хорошаго дождется народная масса отъ дворянской военной силы. И вотъ у него родилась мечта о сформированіи такой силы изъ крѣпостныхъ. Военная сила народнаго происхожденія, мечталъ онъ, положитъ конецъ неправдѣ и переведетъ корень злыхъ господъ.

Впрочемъ, нашъ авторъ, должно быть, самъ не очень вѣрилъ въ возможность осуществленія такой мечты. Его „Плачъ“ заканчивается поистинѣ плачевной нотой:

Господи нашъ Боже!
Даждь въ небесномъ твоемъ полѣ ложе:
Ты бо намъ Творецъ:
Сдѣлай бѣднымъ одинъ конецъ! [1])

Къ смерти пріурочиваются въ послѣднемъ счетѣ упованія крѣпостного стихотворца. Когда люди находятся въ такомъ настроеніи, они имѣютъ мало склонности къ дѣйственной борьбѣ со своими угнетателями. Но въ шестидесятыхъ годахъ восемнадцатаго вѣка угнетенная народная масса не находилась въ такомъ настроеніи. Она не потеряла надежды „здѣсь, на землѣ“, измѣнить къ лучшему свою участь. Напротивъ, какъ упомянуто выше, эта надежда была поддержана у нея фактомъ отмѣны обязательной службы дворянства.

Уже при Петрѣ III начались крестьянскія волненія. Правительство поспѣшило объявить, что крестьяне должны попрежнему повиноваться помѣщикамъ. Это не помогло. Крестьянскіе бунты продолжали вспыхивать то здѣсь то тамъ. Противъ бунтовщиковъ посылались военныя команды съ пушками. Мѣстами происходили настоящія сраженія между крестьянами и войскомъ. Сверженіе Петра III и вступленіе на престолъ Екатерины II, разумѣется, не могло успокоить крѣпостную массу. Новая государыня увидѣла себя вынужденной подтвердить отрицательное обѣщаніе, данное этой массѣ Петромъ III. „Понеже благосостояніе государства требуетъ, чтобы всѣ и каждый при своихъ благонадежныхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобы никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности,—писала новая государыня въ манифестѣ отъ третьяго іюля 1762 г.,—то и намѣрены мы помѣщи-

---

[1]) См. „Починъ“, Сборникъ обозр. любителей россійской словесности, 1895 г., стр. 10—14.

ковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать". Однако легче было написать это, нежели исполнить.

Крестьянскія волненія продолжались. Они такъ пугали дворянское правительство Екатерины II, что въ октябрѣ 1763 г. выработанъ былъ военной коллегіей цѣлый рядъ правилъ, которыхъ должны были держаться начальники военныхъ командъ, посылавшихся противъ непокорнаго крестьянства. Кромѣ бунтовъ, грознымъ знаменіемъ времени служили также тѣ убійства помѣщиковъ ихъ крѣпостными, на которыя намекала Екатерина въ своемъ возраженіи на возраженіе Сумарокова. Въ 1764—1769 гг. въ одной Московской губ. убиты были 21 помѣщикъ и 9 помѣщицъ, а кромѣ того, произошло пять неудавшихся покушеній на убійство. Наибольшимъ числомъ убійствъ ознаменовался 1767 г., т.-е. тотъ самый годъ, въ которомъ началась дѣятельность Комиссіи Уложенія. Вполнѣ понятно, что въ засѣданіяхъ комиссіи дворянскіе депутаты не обошли молчаніемъ этого „бытового явленія". „Безъ ужаса представить себѣ не могу плачевное позорище умерщвленныхъ своими собственными крестьянами помѣщиковъ", говорилъ депутатъ серпейскаго дворянства гр. Строгановъ [1]). Вообще созваніе комиссіи сначала повело за собою усиленіе волненій въ народѣ. Крѣпостные крестьяне, повидимому, полагали, что въ ней поднимется также и вопросъ объ ихъ тяжелой участи. Но, будучи лишены права послать въ комиссію своихъ депутатовъ, — на что жаловался авторъ „Плача холоповъ",—они только „бунтами" и могли напомнить ей о себѣ.

Потомъ въ народную массу проникло какъ будто иное настроеніе. Въ 1770—1773 гг. волненія стали гораздо болѣе рѣдкими, если не прекратились совсѣмъ. „Крестьяне терпѣливо ждутъ", говоритъ В. И. Семевскій [2]). Чего? Почтенный изслѣдователь думаетъ, что они ждали указа комиссіи, если не о волѣ, то, по крайней мѣрѣ, объ облегченіи рабства. Какъ бы тамъ ни было, мы знаемъ, что затишье 1770—1773 гг. было затишьемъ передъ бурей, глубоко всколыхнувшей все податное населеніе русскаго государства.

X.

Чтобы понять происхожденіе и психологію „пугачевщины", надо имѣть въ виду, что постоянно усиливавшійся гнетъ крѣпостного права неизмѣнно сопровождался усиленіемъ по-

---

[1]) В. И. Семевскій, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 414.
[2]) Тамъ же, стр. 443.

датного гнета. „Финансовая и вообще экономическая сторона является наиболѣе слабою и наиболѣе мрачною стороною екатерининскаго царствованія“ [1]). Казна постоянно испытывала сильнѣйшій недостатокъ въ деньгахъ. Государственные расходы росли несравненно скорѣе, нежели производительныя силы страны. По расчету г. Чечулина, каждому плательщику пришлось въ концѣ царствованія Екатерины II платить въ два съ половиной раза больше, чѣмъ платилъ онъ вначалѣ [2]). Только въ царствованіе Петра I переживала наша страна подобное податное обремененіе.

Чѣмъ труднѣе было правительству Сѣверной Семирамиды сводить концы съ концами въ области финансовъ, тѣмъ меньше было у него матеріальной возможности разорвать тѣ путы, которыя связывали податное населеніе и затрудняли его хозяйственную дѣятельность. Городскіе депутаты ясно и опредѣленно говорили въ Комиссіи Уложенія о томъ, какъ тяжело отзывается на экономическомъ положеніи торгово-промышленнаго сословія обязательная служба его государству. Въ наказѣ отъ жителей „царствующаго города Санктъ-Петербурга“ мы читаемъ:

„Купечество здѣшняго города во всякія казенныя службы выбора приходитъ въ изнеможеніе, отлучаясь чрезъ то отъ торговъ своихъ, а наипаче по производимымъ чрезъ многіе годы счетамъ приводится до крайняго разоренія. Чего ради просимъ о всемилостивѣйшемъ на всегдашнее время увольненіи отъ оныхъ службъ“ [3]).

Суздальцы жаловались: „Нестерпимое и тяжкое претерпѣваемъ мы, купечество, разореніе отъ службы, при зборѣ казенномъ, ибо обязанъ быть неотлучно годъ въ службѣ, два или три года при щетѣ. Въ такомъ случаѣ должно отстать отъ купечества и лишиться всякаго торговаго промыслу“ [4]).

Подобныхъ жалобъ можно было бы привести великое множество. Въ глубинѣ души императрица, навѣрно, признавала ихъ совершенно основательными. Въ своемъ собственномъ Наказѣ (ст. 317) она правильно говорила: „Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ“. Но удовлетворить просьбы городскихъ обывателей было много труднѣе, чѣмъ написать въ томъ же На-

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб., 1906 г., стр. 380.

[2]) Назв. соч., стр. 378. Этотъ расчетъ основанъ на томъ, что государственные расходы возросли въ 4,3 раза, между тѣмъ какъ населеніе увеличилось нѣсколько менѣе, чѣмъ вдвое.

[3]) Сборникъ Историческаго Общества, томъ 107, стр. 219—220.

[4]) Тамъ же, стр. 18.

казѣ: „Россія есть европейская держава". Чтобы исполнить требованія городскихъ депутатовъ, государство должно было — и, конечно, на дѣлѣ, а не только на словахъ—европеизовать свое отношеніе къ податной массѣ, т.-е. перестать смотрѣть на нее, какъ на свою собственность.

Но на это не было серьезныхъ намековъ въ нашемъ законодательствѣ второй половины XVIII столѣтія.

Если стѣснено было купечество, составлявшее верхній слой торгово-промышленнаго сословія, то еще хуже приходилось городскимъ мѣщанамъ. Ихъ положеніе часто было совершенно невыносимо. Стараясь найти себѣ облегченіе, они обращались къ давно уже испытанному русскими людьми средству: какъ и въ доброе старое время Московскаго государства, они, подобно крѣпостнымъ крестьянамъ, „разбредались разно", „ударялись въ бѣга". „Число бродягъ такъ увеличивается,—писалъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ,—что тюрьмы ими переполнены". Но увеличеніе числа бродягъ означало увеличеніе количества горючаго матеріала. Н. Н. Ѳирсовъ справедливо говоритъ, что тяжелымъ положеніемъ и недовольствомъ низшаго слоя городскихъ обывателей объясняется, почему такъ легко досталось Пугачеву большинство взятыхъ имъ городовъ.

„Это общее недовольство соціальныхъ низовъ народа своимъ положеніемъ,—продолжаетъ Н. Н. Ѳирсовъ...— проявилось весьма рельефно незадолго до пугачевщины, въ московскомъ бунтѣ во время чумы, каковой бунтъ нельзя не считать какъ бы прелюдіей, прологомъ къ пугачевскому возстанію, подобно тому, какъ московскій мятежъ 1662 г. явился аналогичнымъ фактомъ по отношенію къ разиновщинѣ" [1]).

Это такъ. Но вопреки тому, чего, казалось бы, можно было ожидать, городской прологъ пугачевщины вышелъ гораздо болѣе слабымъ во всѣхъ отношеніяхъ, нежели прелюдія возстанія Ст. Разина. Во-первыхъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича бунтовала не только Москва. Во-вторыхъ, московскій чумной бунтъ 1771 г., со своими нелѣпыми сборами „Богоматери на всемирную свѣчу", поражаетъ полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь яснаго идейнаго содержанія, сколько-нибудь опредѣленныхъ соціально-политическихъ требованій.

Руководителямъ народнаго движенія при Екатеринѣ II, какъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ, выступило казачество. Однако

---

[1]) Пугачевщина. Опытъ соціолого - психологической характеристики. Стр. 170 — 171.

и тутъ есть достойная вниманія разница. „Помошничками“ Степана Тимоѳеича выступили безпокойные элеметы донского казацкаго населенія. Пугачева же поддерживало преимущественно Яицкое (Уральское) казачество, между тѣмъ какъ донцы помогали возстановителямъ порядка. Это значитъ, что въ теченіе столѣтія, протекшаго со времени бунта Разина, государство далеко расширило предѣлы своего консервативнаго вліянія.

Но во всякомъ случаѣ именно казачество выработало тѣ требованія, которыя написаны были на знамени возставшихъ. Посмотримъ, въ чемъ они заключались.

Пугачевъ „жаловалъ“ своихъ сторонниковъ „землями, морями и лѣсами, крестомъ и бородой и всякою вольностью“ [1]). Иначе сказать, онъ сулилъ избавить ихъ отъ всего того, въ чемъ выражался тогда гнетъ дворянскаго государства. „Мы отеческимъ нашимъ милосердіемъ и попеченіемъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ «указовъ», — жалуемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ, кои помнятъ долгъ своей къ намъ присяги, вольностію, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору, коими казна сама собою довольствоваться можетъ, а войско наше изъ вольножелающихъ къ службѣ нашей великое исчесленіе имѣть будетъ. Сверхъ того, въ Россіи дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будетъ, понеже каждый возчувствуетъ прописанную вольность и свободу“ [2]).

Это была та же самая программа, за которую билось населеніе, возставшее подъ знаменемъ Разина. Правда, въ новомъ ея изданіи замѣчается нѣкоторый новый оттѣнокъ. Теперь съ большимъ, чѣмъ прежде, удареніемъ говорится о притѣсненіи крестьянъ дворянами. Это понятно, такъ какъ въ промежутокъ времени, отдѣляющій движеніе Пугачева отъ движенія Разина, указанныя притѣсненія весьма чувствительно усилились, а дворянство пріобрѣло немалыя сословныя преимущества. Но въ общемъ содержаніе программы не измѣнилось. Теперь, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, оно имѣло въ себѣ значительную долю того, что можно назвать утопизмомъ „матери пустыни“, т.-е. утопизмомъ государевыхъ сиротъ, искавшихъ избавленія отъ своихъ бѣдъ не въ городскихъ центрахъ, а на окраинахъ государства, весьма отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи. Выступая въ роли законнаго государя, Пугачевъ обѣщаетъ изба-

[1]) Его собственныя слова. См. Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники— эпизодъ изъ исторіи царствованія Екатерины II, 1773—1774 гг.—По неизданнымъ источникамъ. Спб., 1884 г., стр. 103.

[2]) Н. Дубровинъ, назв. соч., т. III, стр. 53.

вить своихъ „дѣтушекъ“ отъ всякихъ вообще податей, наивно предполагая, что „казна сама собою довольствоваться можетъ“. Конечно, наивныя обѣщанія такого рода давались отчасти для красоты слова. На самомъ дѣлѣ, какъ Пугачевъ и его сообщники, такъ и тѣ порабощенные обыватели, къ которымъ они обращались въ своихъ манифестахъ, стремились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобъ достичь своихъ ближайшихъ цѣлей, не спрашивая себя, каковы будутъ болѣе или менѣе отдаленныя послѣдствія ихъ достиженія. И тѣ и другіе были чужды всякой склонности къ идеологическимъ построеніемъ. Очевидно также, что хотя Пугачевъ и его „дѣтушки“ рѣшительно возставали противъ существовавшаго тогда соціально-политическаго порядка, но и сами они сильно пропитаны были духомъ тѣхъ крѣпостническихъ отношеній, которыя сложились на почвѣ Московскаго государства.

Такъ, крѣпостные крестьяне собирались на сходкѣ и посылали къ самозванцу ходоковъ съ просьбой освободить ихъ отъ помѣщиковъ и сдѣлать вольными. Пугачевъ очень охотно соглашался сдѣлать это. Но какое же представленіе связывалось въ его умѣ со словами: „вольные крестьяне“? На это отвѣчаетъ одно изъ его воззваній:

„Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ, находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою“ [1]) и т. д.

Итакъ, въ представленіи Пугачева крестьянская вольность была равносильна „рабской“ зависимости по отношенію „къ нашей коронѣ“. Это какъ разъ тотъ взглядъ, который высказывалъ еще Посошковъ въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“, утверждая, что помѣщики крестьянамъ не вѣковые владѣльцы, а владѣлецъ имъ царь. И съ этимъ взглядомъ вполнѣ согласны были крестьяне, посылавшіе къ Пугачеву ходоковъ съ просьбой сдѣлать ихъ „вольными“. Стать вольнымъ человѣкомъ значило для нихъ перемѣнить владѣльца.

И нужно помнить, что Пугачевъ твердо держался этого взгляда на царя, какъ на рабовладѣльца. Еще въ началѣ его карьеры, когда онъ только что открывался яицкимъ казакамъ, у него произошелъ слѣдующій разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ:

---

[1]) Н. Дубровинъ, назв. соч., т. III, стр. 112.

— Такъ-то, дѣтушки, — говорилъ онъ, — еще Богъ велѣлъ по двѣнадцатилѣтнемъ странствованіи свидѣться съ вами: много претерпѣлъ я въ это время бѣдности...

— Ну, что, батюшка, о прошедшемъ много разговаривать,— перебилъ его казакъ Караваевъ,—предъяви-ка ты намъ лучше свои царскіе знаки.

—- Рабъ ты мой, а повелѣваешь мною,—сказалъ смѣло Пугачевъ и посмотрѣлъ сердито на Караваева.

Казаки смутились и стали извиняться.

— Батюшка, — замѣтилъ Шигаевъ, — наше дѣло казачье, не прогнѣвайся, что мы говорить-то хорошо не умѣемъ.

Кто умѣетъ хорошо говорить, тотъ всегда помнитъ, что даже казаки „должны быть" вѣрноподданными рабами царя и сообразно съ этимъ разговаривать съ нимъ.

Если эти, такъ сказать, профессіональные протестанты противъ государственнаго гнета требовали, чтобы Пугачевъ показалъ имъ свои „царскіе знаки", то это происходило отъ того, что царь представлялся имъ какимъ-то сверхчеловѣкомъ. Фантастическіе знаки эти должны были служить какъ бы свидѣтельствомъ самой природы о сверхчеловѣческомъ достоинствѣ царской личности. И тутъ они были довѣрчивы, какъ дѣти. Когда Пугачевъ, разрѣзавъ ножомъ воротъ рубашки, обнажилъ свою грудь и показалъ на ней нѣсколько пятенъ отъ заросшихъ ранъ, они,— люди бывалые и, конечно, видавшіе заросшія раны,—струсили. А одного изъ нихъ „такой страхъ обуялъ, что руки и ноги затряслись" [1]).

Пугачевъ тотчасъ же замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и счелъ полезнымъ усилить его.

— Такъ вотъ, други мои, видывали ли вы когда-нибудь знаки на простыхъ людяхъ?

— Нѣтъ, надежа-государь, не видывали,—отвѣчали казаки.

— А вотъ примѣчайте, друзья мои, какъ царей узнаютъ,— продолжалъ Пугачевъ, отодвигая волосы на лѣвомъ вискѣ.

Казаки замѣтили на указанномъ мѣстѣ какъ бы пятно отъ золотухи, но какой былъ именно знакъ разглядѣть не могли.

— Что это тамъ, батюшка,—спрашивалъ Шигаевъ, раздвигая волосы Пугачева,—орелъ, что ли?

— Нѣтъ, другъ мой, — отвѣчалъ Пугачевъ, — это царскій гербъ.

— Всѣ цари съ такимъ знакомъ родятся или это послѣ Божіимъ изволеніемъ дѣлается?

---

[1]) Эта сцена разсказана у Дубровина (назв. соч., томъ I, стр. 206).

— Не ваше это дѣло, мои други, простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ.

Послѣ этихъ словъ казаки всѣ какъ бы оробѣли и не посмѣли больше никакихъ вопросовъ задавать [1]).

Впослѣдствіи Пугачевъ показывалъ на допросѣ: „Все отъ меня злодѣяніе произошло чрезъ яицкихъ казаковъ, ибо они точно знали, что я не государь, а донской казакъ“ (показаніе отъ 5-го декабря 1774 г.). Яицкіе казаки, въ самомъ дѣлѣ, скоро догадались, что Пугачевъ—самозванецъ. Да и какъ было имъ, казакамъ, не замѣтить, что передъ ними—казакъ, хотя бы и донской? Сообразивъ это, они стали сознательно поддерживать его самозванство.

Тотъ же самый Мясниковъ, у котораго руки и ноги затряслись, когда онъ увидѣлъ на груди Пугачева „царскіе знаки“, говорилъ потомъ: „Мы изъ грязи сумѣемъ сдѣлать князя. Если онъ не завладѣетъ Московскимъ царствомъ, такъ мы на Яикѣ сдѣлаемъ свое царство“ [2]). Но, во-первыхъ, это было потомъ. Во-вторыхъ, яицкіе казаки оттого и нашли нужнымъ сдѣлать себѣ „изъ грязи князя“, что безъ „князя“ у нихъ не было бы никакихъ шансовъ на успѣхъ. Фактъ подстановки ими бѣглаго казака на мѣсто настоящаго царя ничего не измѣнилъ въ представленіи казаковъ о томъ, что такое настоящій царь, и какъ безпредѣльны прерогативы его власти. Еще меньше могъ онъ измѣнить что-нибудь въ понятіяхъ крестьянства,—черни, по выраженію казаковъ, смотрѣвшихъ на крестьянъ сверху внизъ,—которое не подозрѣвало обмана. Крестьянству нуженъ былъ царь. Но, разумѣется, оно предпочитало добраго царя немилостивому. И такъ какъ Пугачевъ обнаруживалъ гораздо болѣе доброты, нежели Екатерина II, то оно охотно стало на его сторону. Но становясь на его сторону и ходатуйствуя передъ нимъ о томъ, чтобы онъ освободилъ ихъ, они сами, повинуясь преданію, унаслѣдованному отъ Московскаго государства, добровольно и быстро входили въ роль государевыхъ сиротъ и вѣрноподданныхъ рабовъ. Вотъ недурной примѣръ.

Въ прошеніи, поданномъ ими 23 іюля 1774 г. Пугачеву („Милостивому Государю Петру Өеодоровичу“), бурмистръ и староста села Алферьева, Алатырскаго уѣзда, просили указать имъ, на какомъ имъ быть основаніи, такъ какъ команда, присланная въ ихъ село государемъ, никакого опредѣленія не объявила.

---

[1]) Дубровинъ, тамъ же, стр. 207.

[2]) Показаніе казака Горшкова отъ 8-го мая 1774 г. Цит. у Дубровина, назв. соч., томъ I, стр. 220—221.

„А нынѣ у насъ въ вотчинѣ имѣется господскій хлѣбъ, лошади и скотъ, — писали эти представители «освобожденнаго» села,—и что вы, государь, объ ономъ изволите приказать; такожь и что оставшее въ домѣ господскомъ послѣ вашей команды (т.-е., очевидно, послѣ грабежа, учиненнаго ею. *Г. П.*). На оное просимъ у васъ, великаго государя, милостиваго приказанія“.

Далѣе бурмистръ и староста почтительно доводили до свѣдѣнія Пугачева, что у нихъ въ вотчинѣ много бѣдняковъ, которые не только не могутъ платить подати, „а просятъ изъ милосердія у васъ, великаго государя, чтобъ повелѣно было изъ господскаго хлѣба намъ дать на пропитаніе и осѣмениться, за что мы, сироты ваши, должны вѣчно Бога молить за ваше здравіе великаго государя“.

Въ томъ же прошеніи взбунтовавшіеся государевы сироты села Алферьева жаловались на государевыхъ сиротъ села Верхняго Талызина, прежде принадлежавшихъ одному съ ними помѣщику: „Оные крестьяне были на оброкѣ, а мы сѣяли на ихъ землѣ хлѣбъ господскій, которая у нихъ земля излишняя взята была на господина; а нынѣ оные крестьяне такой господскій посѣянный нами хлѣбъ намъ не даютъ, а оный хлѣбъ имъ не слѣдуетъ, а принадлежитъ оный хлѣбъ взять намъ. О семъ просимъ васъ, великаго государя, учинить рѣшеніе“ [1]).

Крестьяне, не способные собственными силами рѣшить даже такой ничтожный споръ между двумя сосѣдними селами, конечно, не могли ждать и желать для себя отъ пугачевскаго возстанія ничего, кромѣ перехода отъ одного владѣльца къ другому: отъ помѣщика къ царю.

Но этого съ нихъ было довольно. Крѣпостную зависимость отъ царя они всегда предпочитали крѣпостной зависимости отъ помѣщика и всюду, гдѣ это было возможно, объявляли себя сторонниками „Петра Ѳедоровича“. Въ Исетской провинціи „самозванный капралъ Матвѣй Евсевьевъ, сопровождаемый только шестью человѣками мятежниковъ, 31 января прибывъ въ село Теченское, былъ встрѣченъ народомъ и священникомъ съ иконами, колокольнымъ звономъ и пѣніемъ“ [2]).

Такъ шло дѣло на окраинахъ. Въ центральной Россіи, гдѣ государственный порядокъ былъ прочнѣе, крестьяне не возставали открыто противъ помѣщиковъ. Но и тамъ они съ нетерпѣніемъ ждали своего освободителя. Каково было тамъ ихъ настроеніе, видно изъ слѣдующаго случая.

---

[1]) Дубровинъ, назв. соч., томъ III, стр. 113—114.
[2]) Дубровинъ, назв. соч., томъ II, стр. 361.

А. Болотовъ, бывшій тогда управителемъ одной дворцовой волости, получилъ приказъ набрать изъ среды подчиненныхъ ему крестьянъ отрядъ улановъ, вооружить ихъ копьями и отправить въ Коломну для охраненія общественнаго спокойствія. Передъ самымъ ихъ отправленіемъ ему „разсудилось за благо" произнесть подходящее къ случаю напутствіе. Послѣ напутствія онъ, обратившись къ одному изъ новоизпеченныхъ „улановъ", самому видному и бойкому, сказалъ:

„Вотъ этакому какъ бы не драться, одинъ десятерыхъ можетъ убрать".

Къ величайшему удивленію и испугу оратора, новоиспеченный уланъ, „злодѣйски усмѣхаясь", отвѣтилъ:

— Да, сталъ бы я бить свою братію! А развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе".

Положеніе было таково, что эти слова не навлекли на произнесшаго ихъ смѣльчака немедленной кары. Огорошенный начальникъ только прикрикнулъ на него: „Что ты это мелешь!", а потомъ поспѣшилъ прибавить: „хорошо, хорошо, братецъ; но ступай-ка, ступай! Можетъ быть, сіе тебѣ и не удастся, а тамъ мы посмотримъ [1]).

XI.

Когда Пугачевъ взялъ Пензу, онъ сказалъ купцамъ: „Ну, господа купцы, теперь вы и всѣ городскіе жители называетесь моими казаками. Я ни подушныхъ денегъ, ни рекрутъ съ васъ брать не буду и соль казенную приказалъ я раздать безденежно, по три фунта на человѣка, а впредь торгуй ею, кто хочетъ [2]) и промышляй всякій про себя". Нельзя сказать, что это была очень опредѣленная „экономическая политика". Къ тому же зажиточная часть пензенскаго городского населенія имѣла всѣ основанія опасаться за свои имущества, такъ какъ, войдя въ городъ, войско Пугачева принялось грабить и освободило изъ острога всѣхъ колодниковъ. Но государственный гнетъ, тяготѣвшій надъ нашимъ торгово-промышленнымъ сословіемъ, былъ такъ великъ, что оно готово было помириться даже и съ весьма „вольнымъ" отношеніемъ пугачевской арміи къ обывательскому имуществу. Жители

---

[1]) „Жизнь и приключенія Андрея Болотова", томъ III, стр. 40—41. „Сіе", въ самомъ дѣлѣ, не удалось. Возстаніе не распространилось на центральныя губерніи. И смѣлому „улану" пришлось пострадать: „Ибо, какъ случалось ему въ чемъ-то прошерститься и надобно было его наказывать,—торжествуетъ Болотовъ,—то припомнилъ я ему сіи слова и поутроилъ за нихъ ему наказаніе". Тамъ же, та же страница.

[2]) Тогда существовала казенная соляная монополія.

Пензы торжественно встрѣтили Пугачева за городомъ, а бургомистръ пригласилъ его обѣдать [1]).

Радость населенія была такъ велика, что смутила даже руководившаго городской обороной секундъ-майора Герасимова. „Признаюсь чистосердечно,—показывалъ онъ на слѣдствіи, — что я и самъ при семъ случаѣ поколебался было въ мысляхъ, думая, что Пугачевъ и въ самомъ дѣлѣ государь, какъ въ томъ утверждало меня сіе, что многіе города и крѣпости побралъ и вся чернь вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, прилѣплялась къ нему безъ сумнѣнія" [2]).

То, что произошло въ Пензѣ, происходило и во многихъ другихъ городахъ. Весьма неопредѣленная „экономическая политика" Пугачева имѣла въ глазахъ городского населенія то преимущество, что сулила избавить его отъ обязательной службы государству и отъ многочисленныхъ обидъ со стороны дворянства и „крапивнаго сѣмени". Перечисленіе купцовъ въ казаки означало именно избавленіе отъ этого гнета и отъ этихъ обидъ. Когда воевода города Осы добровольно пришелъ на поклонъ къ одному изъ сподвижниковъ Пугачева, Зарубину, называвшему себя графомъ Чернышевымъ, тотъ велѣлъ ему остричь волосы показачьи.

— Будь ты отнынѣ казакъ, — сказалъ онъ, — а не воевода, полно тебѣ мірскую кровь-то сосать [3]).

Говоря объ отношеніи торгово-промышленнаго сословія къ Пугачеву, важно замѣтить слѣдующее.

Сословіе это неизмѣнно высказывалось противъ предоставленія свободы торгово-промышленной дѣятельности дворянамъ и крестьянамъ. Оно требовало, чтобы названная дѣятельность стала его исключительной монополіей. Мы увидимъ, какъ настоятельно защищали это требованіе купеческіе депутаты въ Комиссіи Уложенія. Но то же самое сословіе ни мало не смущалось зачисленіемъ его въ казачество, сразу отнимавшимъ у него возможность получить какія бы то ни было монополіи. Откуда это противорѣчіе!

Когда помѣщики или крестьяне принимались за торгово-промышленную дѣятельность, они оставались свободными отъ той обязательной службы государству, которая тяжелымъ гнетомъ лежала на купечествѣ. Точно такъ же они не исполняли и многихъ другихъ повинностей, падавшихъ на долю торгово-промыш-

---

[1]) Пугачевъ, разумѣется, не отклонилъ приглашенія. За обѣдомъ „пища его состояла болѣе въ томъ, что велѣлъ принести толченаго чесноку глубокую тарелку и, наливъ въ оную уксусу, посоля ѣлъ".

[2]) Дубровинъ, назв. соч., т. III, стр. 164, 165, 166.

[3]) Дубровинъ, назв. соч., томъ II, стр. 201.

леннаго сословія. Это ставило ихъ въ болѣе выгодное положеніе, позволяло имъ успѣшно конкурировать съ купцами и промышленниками, занесенными въ тяглые списки. И противъ этого зла купцы и промышленники не видѣли другого средства, кромѣ предоставленія имъ исключительнаго права заниматься торговлей и промыслами. Требованіе этого исключительнаго права явилось естественнымъ слѣдствіемъ сословной организаціи государственныхъ службъ и повинностей. Казацкая „вольность" устраняла эту сословную организацію и тѣмъ самымъ лишала монополію привлекательности въ глазахъ торговцевъ и промышленниковъ. Они очень легко мирились тогда съ правиломъ: „промышляй всякій про себя".

Впрочемъ, не всѣ города такъ охотно принимали Пугачева, какъ Пенза. Нѣкоторые энергично сопротивлялись ему. Но это были исключенія. Такія исключенія объясняются разнообразными мѣстными причинами, между которыми большую роль долженъ былъ играть страхъ передъ инородцами.

Въ войскѣ Пугачева было много инородцевъ восточной и юго-восточной окраинъ: башкиръ, калмыковъ, киргизъ-кайсаковъ. Русское государство и его служилое сословіе такъ жестоко ихъ угнетали, что у нихъ давно уже накопилось очень много недовольства [1]). Но, присоединяясь къ русскимъ сторонникамъ Пугачева, эти сыны природы часто не дѣлали ни малѣйшаго различія между своими новыми союзниками и своими прежними угнетателями. Они нападали на всякаго, кто подвертывался имъ подъ руку, жгли сѣно, угоняли скотъ, грабили и отводили въ плѣнъ русскихъ жителей тѣхъ мѣстностей, которыя сами готовы были подняться противъ петербургскаго правительства. Казакамъ Пугачева приходилось подчасъ вступать въ настоящія битвы съ инородцами. Заводское населеніе Урала, горячо сочувствовавшее бунту и само принимавшее въ немъ дѣятельное участіе, мѣстами вынуждено было принимать серьезныя военныя мѣры противъ инородческихъ нашествій. Поэтому понятно, что торгово-промышленное сословіе нѣкоторыхъ восточныхъ и юго-восточныхъ городовъ отказывалось переходить на сторону пугачевцевъ.

Но все это, повторяю, были исключенія. Податная масса русскаго государства частью *шла* за Пугачевымъ, частью *готовилась пойти за нимъ*. На сторонѣ дворянства было только духовенство, глубокій консерватизмъ котораго заставилъ

[1]) Въ своихъ бѣдствіяхъ они, подобно русскому населенію, винили не центральную власть, а чиновниковъ. Башкиры говорили объ Екатеринѣ II: „Она правосудна, но правосудіе отъ нея не отошло и къ намъ не пришло" (Дубровинъ, назв. соч., т. I, стр. 257).

его позабыть обиды, еще такъ недавно нанесенныя ему „секуляризаціей“ духовныхъ вотчинъ. Церковные витіи гремѣли „противу всѣхъ безумныхъ свободолюбцевъ“, дерзко возмущавшихъ покой обывательской души и „чинъ государственный“ [1]). Но „безумные свободолюбцы“ находились даже въ его собственной средѣ: между сельскими попами и причетниками, много терпѣвшими отъ своихъ архіереевъ [2]).

Дворянство было страшно перепугано. Страхъ почти парализовалъ его силы въ мѣстностяхъ, охваченныхъ движеніемъ. Извѣстный Михельсонъ, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ усмирителей пугачевщины, доносилъ князю Щербатову 1-го августа 1774 г.: „въ Саранскѣ... ни одинъ дворянинъ не думалъ о своей оборонѣ, а всѣ, какъ овцы, разбѣжались по лѣсамъ“. Благородное шляхетство оборонялось изъ рукъ вонъ плохо, возлагая всѣ свои упованія на войска матушки-государыни. Если годы, прошедшіе отъ воцаренія Екатерины II до пугачевскаго бунта, показали, какъ необходима была царицѣ поддержка со стороны дворянства, то пугачевскій бунтъ, въ свою очередь, показалъ, какъ необходима была дворянству сильная власть царицы. Дворянство не забыло этого урока...

Чѣмъ хуже чувствовало оно себя во время бунта, тѣмъ больше ликовало оно послѣ его прекращенія. „Настало то вожделѣнное намъ время,—писалъ государынѣ одинъ изъ усмирителей,—въ которое премудрость Вашего Величества, блаженство Россіи и счастье подданныхъ Великой Екатерины взойдетъ на горнюю степень“. Въ Москвѣ, куда везли Пугачева, готовили для содержанія его и его сообщниковъ особый домъ. Побѣжденный самозванецъ прибылъ туда утромъ 4 ноября 1774 г. „Народу въ каретахъ и дамъ столько было у Воскресенскихъ воротъ,—писалъ Екатеринѣ князь Волконскій,—что проѣхать съ нуждою было можно“. По свидѣтельству Болотова, „Москва вся занималась однимъ только Пугачевымъ“ [3]). Казнь его состоялась въ Москвѣ же, 10 января 1775 года. Дворяне смотрѣли на это кровавое событіе, какъ на праздникъ. „Судя по тому, что Пугачевъ

---

[1]) См. увѣщаніе, съ которымъ обратился къ своей паствѣ архіепископъ Казанскій. Дубровинъ, т. II, стр. 154—155.

[2]) Уже знакомый намъ митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ наказывалъ священниковъ веревками, обмоченными въ горячую смолу и снабженными на концѣ проволочными когтями. Распекая своихъ подчиненныхъ, онъ бранилъ ихъ неприличными словами. Устюжскій епископъ Варлаамъ жестоко истязалъ свой клиръ. Дм. Сѣченовъ держалъ одного священника шесть лѣтъ въ тюрьмѣ, въ оковахъ, билъ его смертнымъ боемъ, вымогалъ у него деньги, раззорилъ его домъ и т. д. (Дубровинъ, назв соч., т. I, стр. 361).

[3]) Болотовъ, назв. соч., т. III, стр. 486.

наиболѣе противъ ихъ возставалъ, то и можно было происшествіе и зрѣлище тогдашнее почесть и назвать истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ“ [1]).

Въ Петербургѣ дворянство ликовало не меньше, чѣмъ въ Москвѣ. Когда получено было тамъ извѣстіе о плѣненіи Пугачева, дворяне радостно поздравляли другъ друга, а „россійскій Расинъ“, А. П. Сумароковъ, написалъ оду, въ которой говорилъ, обращаясь къ Пугачеву:

Отбросилъ ты, разбойникъ, мечъ
И въ наши преданъ нынѣ руки,
То мало, чтобъ тебя сожечь
Къ отмщенію невинныхъ муки,
Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить
Достойнаго мученья вѣчно!
Твоей подобья злобы нѣтъ
И не видалъ донынѣ свѣтъ
Злодѣя толь безчеловѣчна!

Еще прежде, чѣмъ Пугачевъ былъ привезенъ въ Москву, вдохновленный его плѣненіемъ Сумароковъ написалъ „Стансъ городу Симбирску“ [2]). Воспѣвая городъ, отразившій Разина XVII столѣтія и содержавшій въ своихъ стѣнахъ „Разина нынѣшняго“, авторъ „Хорева“ осыпалъ всевозможными ругательствами этого послѣдняго, а главное—неистово торжествовалъ по случаю одолѣнія опаснаго для дворянства врага.

Восходитъ веселѣй изъ моря солнцѣ красно,
По дняхъ жестокости, на Волгинъ горизонтъ.
Взыграли Донъ, Яикъ съ Волгою согласно,
И съ ней Каспійскій понтъ.
Народы тамошни гласятъ Екатеринѣ:
О матерь подданныхъ! спасла отъ золъ ты насъ,
Она рекла: всегда готова я, какъ нынѣ,
Спасати, чада, васъ.

Другой крупный дѣятель русской литературы, тогда, впрочемъ, еще мало извѣстный, Г. Р. Державинъ, трудился надъ усмиреніемъ пугачевскаго бунта въ качествѣ офицера.

Долго помнило дворянство самозваннаго Петра Θеодоровича. И не только дворянство. Какъ сообщаетъ адмиралъ А. С. Шиш-

---

[1]) Болотовъ, тамъ же, стр. 488.

[2]) До отправленія Пугачева въ Москву его продержали нѣкоторое время въ Симбирскѣ.

ковъ, въ его время разсказывали, что Павелъ, раздавшій своимъ слугамъ множество казенныхъ деревень, руководился въ этомъ случаѣ больше страхомъ, нежели щедростью. Онъ будто бы „думалъ раздачей казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній“ [1]). Se non e vero, e ben trovato!

Въ сущности, пугачевскій бунтъ далеко не былъ такъ опасенъ для дворянства, какъ оно думало. Соединенныя силы участвовавшихъ въ движеніи разнообразныхъ элементовъ населенія были гораздо слабѣе, нежели силы правительства Екатерины II. Военное искусство Пугачева и его сообщниковъ во многомъ уступало не весьма хитрой наукѣ его противниковъ. Войско его не выдерживало серьезныхъ столкновеній съ регулярнымъ войскомъ. Все это хорошо извѣстно намъ теперь. Но тогдашнее дворянство этого не знало и не могло знать. Съ другой стороны, оно прекрасно видѣло, какъ сильно расходятся его интересы съ интересами податной массы населенія, и какъ озлоблена эта масса. Поэтому оно имѣло полное основаніе трепетать за свою участь. И этотъ трепетъ, испытанный благороднымъ сословіемъ въ виду возстанія закрѣпощенной массы, глубоко запечатлѣлся въ его сословномъ сознаніи. Онъ окончательно скрѣпилъ союзъ дворянства съ самодержавной монархіей.

А закрѣпощенная масса? Она присмирѣла надолго. „Вся чернь,—писалъ Панинъ, еще въ концѣ октября 1774 г.,—нынѣ дѣйствительно въ такомъ подобострастномъ подданническомъ законной власти повиновеніи, какого она и прежде не имѣла“ [2]). Жестокое усмиреніе сопровождалось голодомъ. Тотъ же Панинъ писалъ, что всюду, гдѣ онъ проѣзжалъ въ губерніяхъ Воронежской, Нижегородской и Казанской, жители не имѣли иного хлѣба, „какъ съ лебедою, желудьми, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ мохомъ“ [3]).

Послѣ пугачевщины волненія крестьянъ становятся въ царствованіе Екатерины II гораздо менѣе частыми, чѣмъ они были до нея [4]). Народъ издержалъ тотъ запасъ энергіи, который былъ у него прежде, и надолго сталъ неспособнымъ къ дѣйственному протесту. Въ періодъ, слѣдовавшій за пугачевскимъ бунтомъ, его недовольство стало выражаться преимущественно въ ре-

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина. Berlin, 1870 г., т. I, стр. 22.

[2]) Дубровинъ, назв. соч., т. III, стр. 318.

[3]) Дубровинъ, тамъ же, стр. 321.

[4]) Въ 1762—1772 гг. извѣстно 40 волненій помѣщичьихъ крестьянъ, а съ 1774 г. до восшествія Павла I, т.-е. въ теченіе 22 лѣтъ, было только 20 волненій (Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 441—456).

лигіозныхъ исканіяхъ. Такъ и всегда бываетъ. Потерявъ надежду обезпечить себѣ сносное житье-бытье на землѣ, люди начинаютъ искать пути, ведущаго въ царство небесное. Это мы видѣли, напримѣръ, въ восьмидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, когда въ нашей интеллигенціи быстро распространилось ученіе гр. Л. Толстого. Видѣли и въ годы, еще болѣе близкіе къ нынѣшнему времени.

Расколъ, послѣ пугачевщины значительно усилившій свое вліяніе на народную массу, не былъ ученіемъ о непротивленіи злу насиліемъ. Читатель помнитъ, какъ страстно совѣтовалъ протопопъ Аввакумъ царю жестокимъ насиліемъ устранить новшества, закравшіяся въ русскую церковь. Движеніе Пугачева было энергично поддержано раскольниками. Пугачевцы не повторили крупной тактической ошибки сообщниковъ Разина, вздумавшихъ увѣрять народъ, что они защищаютъ патріарха Никона. Напротивъ, Пугачевъ жаловалъ податное населеніе „крестомъ",— старымъ осьмиконечнымъ крестомъ, и „бородою". Онъ и самъ говорилъ языкомъ раскольниковъ и, можетъ быть, раздѣлялъ ихъ взгляды [1]). Разсказывали, будто яицкіе казаки провозглашали, что Петръ Ѳедоровичъ приказалъ ломать нынѣшнія церкви и строить семиглавыя, а креститься не трехперстнымъ, а двухперстнымъ сложеніемъ. Говорили даже, что подобныя заявленія сопровождались угрозами: „если кто будетъ иначе креститься, то батюшка (царь. *Г. П.*) прикажетъ отрубить пальцы" [2]). Это разсказывали враги Пугачева; можетъ быть, они сочинили это. Но и тутъ мы имѣемъ право сказать: se non e vero, e ben trovato. Старообрядство отнюдь не склонялось къ вѣротерпимости, да и вообще оно не вносило ничего новаго въ сознаніе народа.

Идя за Пугачевымъ, народъ стремился свалить съ себя гнетъ помѣщичьяго государства и такъ или иначе, въ той или другой мѣрѣ, вернуться къ старымъ порядкамъ, существовавшимъ до того времени, когда это государство окончательно сложилось и окрѣпло. Онъ смотрѣлъ не впередъ,—куда смотрѣло во второй половинѣ XVIII вѣка третье сословіе во Франціи,—а

---

[1]) Въ своемъ обращеніи къ донскимъ казакамъ онъ писалъ: „Во время царствованія нашего разсмотрѣно, что отъ... злодѣевъ дворянъ, древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанскій совсѣмъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ зловреднаго умысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россію другой законъ и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ какъ въ крестѣ, такъ и прочемъ неистовства" и т. д. (Дубровинъ, т. III, стр. 225). Какъ видимъ, въ движеніи Пугачева былъ также элементъ реакціи противъ Петровской реформы.

[2]) Дубровинъ, назв. соч., т. II, стр. 81 и 109.

назадъ, въ темную глубь прошедшихъ временъ. И въ этомъ отношеніи онъ поступалъ совершенно такъ, какъ поступало когда-то ненавистное ему боярство. Вѣдь Курбскій, обличая дикое самодурство Ивана IV, тоже смотрѣлъ назадъ, а не впередъ. Назадъ смотрѣли и раскольники, приглашавшіе народъ умирать за древлее благочестіе.

Это была своего рода историческая необходимость, коренившаяся въ знакомыхъ уже намъ относительныхъ особенностяхъ русскаго историческаго процесса. Какъ видимъ, необходимость эта не исчезла и послѣ Петровской реформы. Лишь по прошествіи продолжительнаго времени, лишь во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія, отдаленныя послѣдствія преобразованія, связаннаго съ именемъ Петра, привели къ появленію въ народной массѣ сознательныхъ элементовъ, способныхъ, въ борьбѣ за лучшее будущее, обратить свои умственные взоры не назадъ, а впередъ, не туда, куда смотрѣли бояре, роптавшіе на грознаго царя, и раскольники, умиравшіе за старую вѣру, а туда, куда смотрятъ сознательные слои трудящейся массы во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Глава VII.

Западная общественная мысль въ XVIII вѣкѣ и ея вліяніе на Россію.

I.

Винскій говорилъ въ своихъ „Запискахъ", что „французы одни гораздо болѣе способствовали нашему ученію, нежели совокупно вся Европа". Это вполнѣ справедливо, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ нашей передовой общественной мысли XVIII столѣтія. Французскому вліянію она обязана гораздо больше, нежели вліянію всей остальной Европы. Впрочемъ, вся остальная Европа тоже находилась тогда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Франціи [1]). Поэтому намъ нужно нѣсколько ближе ознакомиться со стремленіями, взглядами и вкусами передовыхъ французовъ того времени.

Уже не разъ, мимоходомъ упоминая о французскихъ просвѣтителяхъ, я говорилъ, что они были идеологами третьяго сословія въ его борьбѣ съ духовной и свѣтской аристократіей. Но третье сословіе не было однороднымъ по своему соціальному составу. Къ нему принадлежали какъ тѣ общественные элементы, изъ которыхъ сложилась потомъ буржуазія, такъ и тѣ, изъ которыхъ образовался пролетаріатъ. Въ нѣдрахъ третьяго сословія уже тогда существовали и мало-по-малу развивались экономическія противорѣчія, опредѣлившія собою ходъ общественной жизни и мысли въ слѣдующемъ столѣтіи. Весьма естественно ожидать, что противорѣчія эти, хотя сравнительно мало развитыя въ то время, не остались безъ вліянія на всѣ,—и, конечно, прежде всего на экономическіе и политическіе,—взгляды французскихъ просвѣтителей. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Франція XVIII вѣка внесла крупный вкладъ въ экономическую науку. Марксъ недаромъ такъ высоко ставилъ французскихъ физіократовъ. Но физіократы смотрѣли на капиталистиче-

[1]) Итальянецъ Беккаріа говорилъ, что онъ „всѣмъ обязанъ французскимъ книгамъ". Корсиканцы просили Руссо написать для нихъ конституцію, о томъ просили его поляки и т. д.

ся самой природой. Капиталистическій порядокъ былъ въ ихъ глазахъ „естественнымъ и существеннымъ порядкомъ“ цивилизованныхъ обществъ (Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques). Они учили, что только земледѣльческимъ трудомъ создается въ этихъ обществахъ чистый доходъ. Но этотъ чистый доходъ есть не что иное, какъ прибавочная стоимость. Вопросъ о томъ, какой именно родъ труда создаетъ эту стоимость, и былъ для нихъ основнымъ вопросомъ всей политической экономіи. И они много занимались имъ. Марксъ сказалъ, что физіократамъ принадлежитъ заслуга „анализа капитала въ предѣлахъ буржуазнаго кругозора“ [1]).

Капиталистическій порядокъ характеризуется тѣмъ, что средства производства принадлежатъ не работнику, который обладаетъ только своей рабочей силой и потому вынужденъ продавать ее на рынкѣ, а предпринимателю, покупающему эту силу и заставляющему работника употреблять ее въ дѣло. Предприниматели и работники составляютъ два главнѣйшихъ класса развитого капиталистическаго общества. Рядомъ съ ними стоитъ еще классъ землевладѣльцевъ, который мѣстами самъ выступаетъ въ предпринимательской роли. Вотъ такое-то общество, состоящее изъ землевладѣльцевъ, предпринимателей и наемныхъ рабочихъ, и было, по ученію физіократовъ, естественнымъ порядкомъ. Родоначальникъ ихъ школы Ф. Кенэ, доказывалъ, что Франція выиграла бы очень много, если бы въ ней установился такой порядокъ. Правда, считая земледѣльческій трудъ единственнымъ родомъ труда, способнымъ создавать „чистый доходъ“, онъ рекомендовалъ капиталистическія отношенія производства преимущественно,—чтобы не сказать: исключительно,—въ области земледѣлія. Но это—частность, отнюдь не отнимающая у физіократіи ея характера буржуазной идеологіи [2]).

---

[1]) Карлъ Марксъ. Теоріи прибавочной стоимости, выпускъ I, переводъ П. Стрѣльскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Плеханова, стр. 35.

[2]) Ф. Кенэ принадлежитъ положеніе: „бѣдны крестьяне, бѣдно королевство; бѣдно королевство, бѣденъ король“.

Это положеніе очень напоминаетъ замѣчаніе нашего Посошкова о томъ, что „крестьянское богатство—богатство царственное“. А такъ какъ Посошковъ писалъ раньше, нежели Кенэ, то у насъ, вслѣдъ за М. П. Погодинымъ, стали говорить, что Посошковъ предупредилъ открытія величайшихъ западныхъ экономистовъ. Я подробно разобралъ это мнѣніе во второмъ томѣ (глава III). Теперь прибавлю, что Посошкову и въ голову не приходило отстаивать тотъ экономическій порядокъ, проповѣдникомъ котораго выступилъ Кенэ. Согласно взгляду этого послѣдняго, крестьянское богатство предполагаетъ наличность богатыхъ фермеровъ, у которыхъ они работаютъ по найму. Это ясно высказано и подробно обосновано въ статьяхъ

Если отъ экономистовъ мы перейдемъ къ писателямъ, носившимъ тогда общее названіе философовъ [1]), то увидимъ, что тѣ видѣли въ капиталистическихъ отношеніяхъ естественныя отношенія производства. Такъ, Вольтеръ, остроумно осмѣявшій физіократическое требованіе единаго налога въ своемъ „L'homme au quarante écus", съ полнымъ убѣжденіемъ говорилъ въ своемъ „Dictionnaire philosophique":

„Человѣческій родъ, такой, каковъ онъ есть, не может существовать безъ того, чтобы не было множества полезныхъ людей, не имѣющихъ ровно ничего (une infinité d'hommes utiles, qui ne possèdent rien du tout), ибо зажиточный человѣкъ, навѣрно, не покинетъ своей земли для того, чтобы обработать вашу, и если вамъ нужна пара башмаковъ, то шить ее не станетъ лицо, болѣе или менѣе высоко поставленное [2]).

Такимъ образомъ, равенство есть нѣчто наиболѣе естественное и въ то же время наиболѣе химерическое".

Другими словами: нѣтъ ничего естественнѣе равенства правъ и нѣтъ ничего болѣе несбыточнаго, какъ требованіе экономическаго равенства. Это былъ взглядъ, общій всѣмъ французскимъ просвѣтителямъ. Буржуазный порядокъ, исключающій экономическое равенство, былъ до такой степени à l'ordre du jour, что даже тѣ писатели, которые въ теоріи предпочитали коммунистическій строй, находили его совершенно невозможнымъ при данныхъ условіяхъ [3]).

Кенэ: „Les fermiers" и „Les grains". Въ первой изъ нихъ онъ пишетъ: „чѣмъ богаче земледѣльцы, тѣмъ больше увеличиваютъ они производительность земли и могущество націй. Бѣдный же фермеръ можетъ обрабатывать землю только въ ущербъ государству" (Encyclopedie, tome XIV, p. 49, швейцарскаго изданія). Во второй—онъ оговаривается: „подъ богатымъ фермеромъ мы понимаемъ не работника, лично обрабатывающаго свою землю; это—предприниматель, руководящій предпріятіемъ и поддерживающій его посредствомъ своего ума и своего богатства". (Encyclopedie, tome XVI, p. 447). Стало быть, вышеприведенное положеніе Кенэ можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: король бѣденъ тамъ, гдѣ бѣдно королевство; королевство бѣдно тамъ, гдѣ бѣдны крестьяне, а крестьяне бѣдны тамъ, гдѣ они являются самостоятельными хозяевами". Ясно, что Посошковъ не говорилъ и не могъ сказать ничего подобнаго.

[1]) Впрочемъ, физіократовъ тоже называли философами: „les philosophes économistes".

[2]) Вольтеръ говоритъ: un maître des requêtes.

[3]) Въ защиту „пріятной идеи общности имуществъ" Мабли написалъ цѣлую книгу противъ физіократовъ. Но и онъ заявлялъ, что зло частной собственности слишкомъ вкоренилось теперь и что оно неустранимо. (См. его „Doutes proposées aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques". A la Haye, MDCCLXVIII, pp. 15 et 24). Такъ же думалъ и Руссо, несмотря на то, что всѣ отрицательныя стороны жизни цивилизованныхъ обществъ пріурочивались имъ къ исчезновенію первобытнаго равенства между людьми.

Съ этой стороны разница между тогдашними передовыми писателями разныхъ оттѣнковъ сводилась собственно къ тому, что одни считали экономическое неравенство не только неизбѣжнымъ, но и выгоднымъ, а потому старались обнаружить преимущества, проистекавшія изъ него для народнаго хозяйства,—Кенэ и его ученики,—другіе же мирились съ нимъ, какъ съ необходимымъ зломъ, и, выставляя его вредныя послѣдствія, старались придумать мѣры, способныя смягчить ихъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежали, напримѣръ, Гольбахъ и Гельвецій [1]).

Убѣжденіе въ невозможности экономическаго равенства перешло отъ просвѣтителей къ дѣятелямъ великой революціи. За самыми немногими исключеніями (Бабёфъ и его единомышленники) даже самые крайніе революціонеры отвергали экономическое равенство, какъ неосуществимую и вредную для ихъ дѣла утопію.

Больше того. Убѣжденіе просвѣтителей XVIII столѣтія въ невозможности экономическаго равенства унаслѣдовано было отъ нихъ соціалистами-утопистами XIX вѣка, которые, въ противоположность коммунистамъ, тоже стремились не устранить, а только смягчить это неравенство.

II

Естественный порядокъ вещей господствуетъ всюду, гдѣ онъ не былъ нарушенъ тѣми или другими исключительными обстоятельствами. Вольтеръ полагалъ, что даже въ „дикихъ“ обществахъ существуютъ тѣ же экономическія отношенія, которыя были, по его твердому убѣжденію, необходимы въ цивилизованныхъ странахъ. „Кѣмъ созданы ваши законы?—спрашиваютъ дикаря въ одномъ изъ его произведеній.—Общественнымъ интересомъ, отвѣчаетъ дикарь. Я хочу этимъ сказать, что тѣ, у кото-

---

[1]) У Гольбаха мы встрѣчаемъ мысль, подробно развитую впослѣдствіи Сэнъ-Симономъ: онъ говорилъ, что правительства, какъ и всѣ справедливые частные люди, должны постоянно имѣть въ виду благо возможно большаго числа жителей и не жертвовать имъ ради какого-нибудь отдѣльнаго класса (Systême social etc., tome troisième, Londres, MDCCLXXIII, p. 74). Гельвецій утверждалъ, что для счастья людей необходимо diminuer les richesses des uns, augmenter celles des autres (уменьшить богатство однихъ и увеличить богатство другихъ) См. его Oeuvres complètes, парижское изданіе 1818 г., томъ II, стр. 430—431. Подробнѣе о Гольбахѣ и Гельвеціи см. въ моемъ сочиненіи „Beiträge zur Geschichte des Materialismus.—Holbach, Helvetius, Marx“. Stuttgar., 1895. Здѣсь прибавлю еще, что когда Гольбахъ и Гельвецій хотѣли пояснить свою мысль о вредѣ имущественнаго неравенства, они никогда не заимствовали своихъ примѣровъ изъ области капиталистическихъ отношеній. Это характерно для склада понятій въ головахъ передовыхъ французовъ того времени.

рыхъ были кокосовые орѣхи и маисъ, запретили посторонним накладывать на нихъ руку, а тѣ, которые ихъ не имѣли, должны были работать, чтобы получить право съѣсть нѣкоторую часть ихъ. Все, видѣнное мною въ нашей и въ вашей странахъ, показываетъ, что другого духа законовъ и не бываетъ" (намекъ на „Esprit des lois" Монтескье).

Естественный „духъ законовъ" долженъ опредѣлять собою не только гражданское, но и политическое право. Вольтеръ пришелъ бы въ большое изумленіе, если бы ему сказали, что „его" фернейскіе крестьяне и даже его слуги должны пользоваться такими же политическими правами, какъ онъ, просвѣщенный фернейскій помѣщикъ, и другіе люди „хорошаго общества" (de la bonne compagnie).

Въ своей „Энциклопедіи" Дидро высказался въ пользу представительнаго правленія. Однако и онъ признавалъ избирательное право только за имущими. „C'est la propriété qui fait le citoyen,—писалъ онъ,—tout homme qui possède dans l'état, est intéressé au bien de l'état" (гражданиномъ дѣлаетъ собственность; всякій, у кого есть въ государствѣ имущество, заинтересованъ въ государственномъ благѣ). Такъ какъ въ тогдашнемъ государствѣ существовали нѣкоторыя сословія, обладавшія извѣстными политическими привилегіями, то Дидро нашелъ нужнымъ пояснить, что привилегіи эти не должны распространяться на право представительства: „каково бы ни было то положеніе, въ которое ставятъ человѣка извѣстныя условныя отношенія, право быть представленнымъ пріобрѣтается имъ, какъ собственникомъ" [1]). Это значитъ, что политическія права должны опредѣляться классовымъ положеніемъ человѣка, а не принадлежностью его къ тому или другому сословію. Между тѣмъ Дидро былъ однимъ изъ крайнихъ между просвѣтителями [2]).

Извѣстно, что впослѣдствіи французское учредительное собраніе признало избирательныя права только за „активными гражданами", удовлетворявшими извѣстнымъ цензовымъ требованіямъ. И это показываетъ, что большинство депутатовъ, входившихъ въ его составъ, раздѣляло взглядъ на собственность, какъ на источникъ избирательнаго права.

Выступая идеологами третьяго сословія, французскіе просвѣтители отстаивали интересы имущихъ его элементовъ тамъ, гдѣ имъ противорѣчили интересы неимущихъ. Ихъ идейная

---

[1]) Encyclopédie, tome 28, p. 366.

[2]) Руссо иначе смотрѣлъ на эти вопросы. Но его взгляды въ очень многомъ расходились со взглядами просвѣтителей.

освободительная борьба была борьбой „въ предѣлахъ буржуазнаго кругозора". Это неоспоримо. Но было бы крайне ошибочно предполагать, будто они всегда и всюду сознательно стремились отстаивать эгоистическій интересъ буржуазіи.

Марксъ очень хорошо замѣчаетъ въ сочиненіи объ „18-омъ брюмерѣ Луи-Бонапарта": „не слѣдуетъ думать, что всѣ демократы (буржуазные. *Г. П.*)—лавочники или поклонники лавочниковъ. По своему образованію и индивидуальному положенію они могутъ быть далеки отъ лавочниковъ, какъ небо отъ земли. Ихъ дѣлаетъ представителями мелкой буржуазіи то, что ихъ мысль не выходитъ за предѣлы жизненной обстановки мелкой буржуазіи, что они поэтому теоретически приходятъ къ тѣмъ же задачамъ и рѣшеніямъ, къ которымъ мелкій буржуа приходитъ практически, благодаря своимъ матеріальнымъ интересамъ и своему общественному положенію".

Къ этому Марксъ прибавляетъ: „таково всегда общее отношеніе между политическими и литературными представителями класса и представляемымъ классомъ". Именно таково было и отношеніе между французскими просвѣтителями съ одной стороны, и буржуазіей,—крупной и мелкой,—съ другой. Реформаторскія стремленія просвѣтителей не выходили за предѣлы буржуазныхъ производственныхъ отношеній и соотвѣтствующей этимъ отношеніямъ общественной обстановки. Но противорѣчія, свойственныя буржуазному способу производства, тогда еще слабо обнаруживались, а потому и соотвѣтствующая имъ общественная обстановка должна была представляться въ видѣ несравненно болѣе привлекательномъ, чѣмъ ея нынѣшній видъ. Скажу больше. Когда просвѣтители отстаивали права собственниковъ, они имѣли въ виду не эксплуататоровъ, а эксплуатируемыхъ.

Вотъ примѣръ. Руссо говоритъ въ „Эмилѣ", что идея собственности должна быть внушена ребенку даже раньше идеи свободы. На этомъ основаніи легко построить цѣлое обвиненіе въ архи-буржуазной узкости понятій. Но прочтите со вниманіемъ относящееся сюда мѣсто второй книги „Эмиля",—и вы увидите полную неосновательность подобнаго обвиненія. Какимъ образомъ слѣдуетъ внушать ребенку идею собственности? По мнѣнію Руссо, надо выяснить ему, что предметы составляютъ собственность тѣхъ, кто произвелъ ихъ своимъ трудомъ. Это, какъ видите, вовсе не капиталистическое понятіе о собственности. Въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ собственность есть, по мѣткому выраженію Лассаля, чужесть (Eigenthum ist Fremdenthum), такъ какъ доходъ

богатаго создается не его собственнымъ, а чужимъ трудомъ, трудомъ наемныхъ рабочихъ. Но въ томъ обществѣ, въ которомъ капиталистическія отношенія производства еще не стали господствующими, главнымъ основаніемъ собственности служитъ трудъ собственника. И потому ее съ убѣжденіемъ и жаромъ защищаютъ люди, дорожащіе интересами трудящейся массы. Однако трудящаяся масса можетъ быть эксплуатируема не только посредствомъ найма. Въ эпохи, предшествующія капиталистической, она нерѣдко находится въ извѣстной юридической зависимости отъ господствующаго сословія, которому она отдаетъ большую или меньшую часть продуктовъ своего труда. При такомъ положеніи дѣлъ понятіе „собственникъ" можетъ имѣть двоякій смыслъ. Собственникъ это—или тотъ, кому принадлежитъ право обложенія производителя извѣстною данью, или же тотъ, кто обязанъ уплачивать эту дань, т. е. производитель. Когда начинаетъ клониться къ упадку общественный порядокъ, основанный на такихъ отношеніяхъ, тогда идеологи господствующаго сословія понимаютъ подъ собственниками получателей дани, а идеологи сословія подчиненнаго—тѣхъ, которые уплачиваютъ ее. И когда идеологи этого послѣдняго сословія защищаютъ права собственности, они отстаиваютъ интересъ эксплуатируемыхъ, а не эксплуататоровъ. Именно такъ и было съ идеологами третьяго сословія во Франціи XVIII столѣтія, гдѣ капиталистическія отношенія еще не сдѣлались господствующими, и гдѣ въ то же время продолжали существовать нѣкоторыя старыя, феодальныя, формы эксплуатаціи производителей [1].

Понятіе эксплуатаціи само измѣняется въ зависимости отъ измѣненія способовъ производства. Въ другомъ мѣстѣ я показалъ, что еще французскіе соціалисты-утописты знали только два вида дохода, основаннаго на эксплуатаціи чужого труда: поземельную ренту и процентъ на капиталъ, между тѣмъ какъ доходъ предпринимателя представлялъ собою, по ихъ мнѣнію, одинъ изъ видовъ вознагражденія трудящихся. Это необходимо помнить, чтобы понять образъ мыслей, по крайней мѣрѣ, лѣваго крыла французскихъ просвѣтителей.

Я указалъ на Руссо, который въ очень многомъ расходился съ просвѣтителями. Но въ данномъ случаѣ взглядъ Руссо былъ совершенно сходенъ съ ихъ взглядомъ [2]). На Руссо я пред-

---

[1]) Этимъ объясняется психологическая возможность того благороднаго энтузіазма, какимъ пропитаны ихъ сочиненія.

[2]) Ср. хотя бы седьмую главу десятаго отдѣла „De l'Homme" Гельвеція.

почелъ сослаться единственно потому, что его примѣръ показался мнѣ самымъ нагляднымъ.

Спора нѣтъ, когда люди защищаютъ интересы эксплуатируемыхъ, не выходя,—въ данномъ случаѣ надо сказать: не имѣя объективной, а потому и субъективной, психологической, возможности выйти,—за предѣлы буржуазнаго кругозора, они неизбѣжно попадаютъ въ противорѣчія. Попадали въ нихъ и французскіе просвѣтители, особенно тѣ, которые принадлежали къ числу умѣренныхъ. Такъ, когда скептическій Вольтеръ,—который велъ такую жестокую войну съ католицизмомъ,—заговаривалъ о загробномъ возмездіи за грѣхи, совершаемые нами при жизни, то это плохо вязалось съ его собственнымъ философскимъ понятіемъ о душѣ и нужно было ему главнымъ образомъ для назиданія трудящейся массы. Если онъ постоянно и рѣшительно отвергалъ матеріализмъ, то дѣлалъ это не только потому, что не умѣлъ отдѣлаться отъ стараго, спиритуалистическаго, взгляда на матерію, но также и потому, что ему внушали страхъ опасныя, съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія, послѣдствія („les conséquences dangereuses") матеріалистической проповѣди[1]). Да и его неумѣнье понять несостоятельность спиритуалистическаго взгляда обусловливалось тѣмъ же самымъ, но только не сознаннымъ страхомъ. То, что представлялось ему полезнымъ съ точки зрѣнія буржуазнаго общества, было для него важнѣе истиннаго въ теоретическомъ смыслѣ. Его возможно, пожалуй, назвать предшественникомъ нынѣшнихъ прагматистовъ. Но между нимъ и этими прагматистами есть, къ его большой выгодѣ, огромная разница.

Въ эпоху Вольтера буржуазный строй не только не былъ отживающимъ, но, напротивъ, пріобрѣталъ все большую и большую жизненную силу, все шире и шире развертывалъ тѣ свои стороны, которыя выгодны были для всей массы населенія. А пока данный общественно-политическій строй не пережилъ этой фазы своего развитія, до тѣхъ поръ его радостно привѣтствуютъ,—какъ справедливо замѣтилъ Энгельсъ въ своей полемикѣ съ Дюрингомъ,—даже тѣ, которымъ суждено остаться въ немъ обездоленными. И если, выступая въ роли идеолога этого новаго порядка, иной писатель иногда руководствуется соображеніями пользы больше, нежели требованіями теоретической истины, то въ концѣ концовъ это не мѣшаетъ ему служить прогрессу, такъ какъ польза, которую онъ имѣетъ въ

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у Ж. Пелиссье, „Voltaire philosophe". Paris, 1908, pp. 173—175.

виду, является въ послѣднемъ счетѣ общественной пользой. А современные намъ прагматисты, живя въ такую эпоху, когда буржуазный способъ производства отживаетъ свое время и самъ готовится стать „старымъ порядкомъ", уже не могли бы сослаться на это смягчающее обстоятельство, огромную важность котораго долженъ признать всякій изслѣдователь, возвысившійся до научнаго пониманія исторіи общественной мысли.

III.

Гегель назвалъ эпоху французской просвѣтительной философіи величественнымъ восходомъ солнца (ein herrlicher Sonnenaufgang). Этимъ своимъ характеромъ она обязана была тому, что звала передъ судилище разума всѣ старыя вѣрованія, преданія и учрежденія. И хотя, произнося надъ нимъ свои приговоры, разумъ не выходилъ за предѣлы „буржуазнаго кругозора", но предѣлы эти были тогда настолько широки, что, какъ сказалъ тотъ же Гегель, міръ проникся энтузіазмомъ духа. Просвѣтители являлись защитниками всѣхъ тѣхъ, кого тѣмъ или другимъ способомъ угнеталъ старый порядокъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ слѣдуетъ, вспомнить, напримѣръ, драматическую литературу того времени.

Философія овладѣла сценой и превратила ее въ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ распространенія освободительныхъ идей. Какъ не одинъ разъ было замѣчено мною выше просвѣтители мирились съ абсолютной монархіей, однако они мирились съ абсолютизмомъ лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она служила дѣлу просвѣщенія. Хулители Вольтера до сихъ поръ нерѣдко ставятъ ему въ вину его безчисленные комплименты коронованнымъ особамъ. Но они, во-первыхъ, упускаютъ изъ виду, что Вольтеръ льстилъ этимъ особамъ, надѣясь подвинуть ихъ на борьбу съ ненавистными ему предразсудками и учрежденіями. Во-вторыхъ, они забываютъ, какіе уроки давалъ онъ власть имущимъ въ своихъ трагедіяхъ. А. Фонтэнъ прекрасно характеризовалъ перемѣну въ настроеніи французскаго образованнаго общества, сопоставивъ „Эдипа" Корнеля съ „Эдипомъ" Вольтера. У Корнеля мы встрѣчаемъ характерную для Франціи XVII вѣка фразу:

Le peuple est trop heureux quand il meurt pour ses rois.

У Вольтера же, наоборотъ, Эдипъ говоритъ:

Mourir pour son pays c'est le devoir d'un roi.

Это цѣлый переворотъ во взглядѣ на отношеніе монарха къ своимъ подданнымъ. Не меньшій переворотъ произошелъ и въ понятіи правовой основы королевской власти. Въ „Меропѣ“ Вольтеръ провозглашаетъ устами Полифонта:

Le premier qui fut roi fut un soldat heureux.
Qui sert bien son pays n'a pas besoin d'aïeux...

Его Брутъ говоритъ о королѣ:

Il romp tous nos serments lorsqu'il trahit le sien,
Et dès qu'aux lois de Rome il ose être infidèle,
Rome n'est plus sujette, et lui seul est rebelle.

Католическому духовенству Вольтеръ преподносилъ еще менѣе лестныя истины. Всякій понималъ тогда, что преимущественно въ это духовенство мѣтилъ онъ, провозглашая:

Nos prêtres ne sont point ce qu'un vain peur le pense;
Notre crédulité fait toute leur science.

Нечего и говорить объ его „Магометѣ“, въ которомъ выражался господствовавшій тогда между просвѣтителями взглядъ на происхожденіе религіи. А вѣдь Вольтеръ былъ не одинъ; по его слѣдамъ шло много авторовъ, не имѣвшихъ его могучаго таланта, но раздѣлявшихъ его воззрѣнія. У Мармонтеля (La Mort d'Hercule) Деянира восклицаетъ, обращаясь къ Демофонту по поводу оракула, возвѣстившаго, что Церера требуетъ человѣческой жертвы:

M'ozez-vous démentir un oracle odieux?
Et quoi! Si dans leur temple un fourbé assez farouche
Prête son âme au Dieu que fait parler sa bouche,
Est-ce à vous d'écouter son horrible fureur?
Je reste une hydre à vaincre, et cette hydre est l'erreur;
Oser la terrasser... и т. д

Это, какъ двѣ капли воды, похоже на вольтеровское „écrasons l'infâme!“.

Но французская классическая трагедія, служившая во время своего расцвѣта самымъ яркимъ выраженіемъ понятій и вкусовъ аристократическаго общества, не вполнѣ соотвѣтствовала психологіи третьяго сословія, вступившаго въ борьбу съ аристократіей. Литературнымъ плодомъ освободительныхъ стремленій этого сословія явилась буржуазная драма. Однимъ изъ ея творцовъ былъ Дидро, главный редакторъ знаменитой Энциклопедіи“. Если буржуазная драма не блистала художественными достоинствами, то она, безспорно, много сдѣлала для распространенія освободительныхъ идей. Она и создана была ради ихъ пропаганды.

Тогдашняя трегедія не удовлетворяла идеологовъ буржуазіи уже однимъ тѣмъ, что, согласно старому правилу, ея героями выступали только высокопоставленныя лица. „Думали, что въ трагедіи должны выступать короли,—говорилъ С. Мерсье въ письмѣ къ Тома отъ 10 іюля 1770 года.—Внѣшній признакъ величія принимали за величіе дѣйствительное. Поэтъ... вводилъ людей въ заблужденіе,—смѣю сказать, что онъ обманывалъ ихъ. Но имъ слѣдуетъ, думается мнѣ, показать, что мужество, героизмъ и добродѣтель принадлежатъ темнымъ классамъ общества (aux classes obscures de la société), что каждый можетъ надѣяться стать героемъ въ глазахъ своихъ современниковъ и своихъ потомковъ, исполнивъ обязанности, вытекающія изъ его общественнаго положенія, что человѣкъ—все, а стимулы—ничто“ [1]).

Католическое духовенство утверждало, что человѣческая природа испорчена грѣхопаденіемъ Адама и Евы. Просвѣтители совсѣмъ иначе смотрѣли на этотъ вопросъ. Одни изъ нихъ держались того мнѣнія, что человѣкъ по своей природѣ не дуренъ и не хорошъ, а становится дурнымъ или хорошимъ въ зависимости отъ обстоятельствъ его развитія. Другіе раздѣляли то убѣжденіе Руссо, что природа дѣлаетъ человѣка добрымъ, и что онъ портится лишь въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе рѣшительно отрицали взглядъ Церкви. „Поэтъ,—говоритъ Мерсье, бывшій однимъ изъ самыхъ видныхъ теоретиковъ буржуазной драмы,—поэтъ долженъ вѣрить, что человѣкъ родится хорошимъ... Если бы я думалъ, что онъ родится злымъ, я сломалъ бы мое перо, и чернила высохли бы въ моей чернильницѣ. Кто ты, осмѣливающійся утверждать, что человѣкъ родится злымъ? Чудовище, кто воспиталъ тебя? Люди родятся поистинѣ братьями... Всѣ великія преслѣдованія, всѣ великія преступленія, покрывающія лицо земли, совершаются, такъ сказать, во имя призрака, которымъ люди наполняютъ и горячатъ свое воображеніе“.

Подъ „призракомъ“ надо понимать религіозныя суевѣрія, а подъ преступленіями, которыя совершаются во имя призрака,—кровавыя историческія событія, въ родѣ Варѳоломеевской ночи, и вообще преслѣдованія за вѣру. Такимъ образомъ тирада Мерсье направлена здѣсь прямо и рѣшительно противъ духовенства. Но ни онъ и никто другой изъ свободомыслящихъ драматурговъ XVIII в. отнюдь не думалъ, что человѣческая природа портится только подъ вліяніемъ религіознаго „призрака“. Въ буржуаз-

[1]) Sébastien Mercier, sa vie, son oeuvre, son temps, par Léon Béclard. Paris, 1903, pp. 790—791.

ной драмѣ выражался протестъ противъ общественныхъ учрежденій, не имѣвшихъ въ себѣ ровно ничего „призрачнаго", противъ всѣхъ вообще привилегій высшихъ сословій. Эти привилегіи и разсматривались драматургами какъ основная причина искаженія природы человѣка. Притомъ обладатели привилегій изображались,—что, впрочемъ, не противорѣчило дѣйствительности,—болѣе испорченными, нежели тѣ, которые отъ нихъ страдали. „Между 1760 и 1790 г. существуетъ насчетъ природы предразсудокъ навыворотъ,—говоритъ Ф. Гэффъ:—если выводятъ двухъ дѣтей неодинаковаго происхожденія, то можно быть увѣреннымъ, что дворянчика наградятъ смѣшными ужимками, значительными недостатками и даже какимъ-нибудь гнуснымъ порокомъ, между тѣмъ какъ молодой разночинецъ (roturier) выкажетъ самыя великодушныя и самыя благородныя чувства" [1]).

Дѣти воспитываются въ семьѣ, а буржуазная семья того времени, несомнѣнно, представляла собою болѣе здоровое общественное учрежденіе, нежели аристократическая. Неудивительно поэтому, что буржуазная драма въ неодинаковомъ свѣтѣ выставляла эти двѣ разновидности семейныхъ отношеній. Когда она изображала аристократическую семью, то заставляла супруговъ нарушать взаимную вѣрность, а дѣтей расти безъ всякихъ нравственныхъ правилъ и слѣдовать дурнымъ примѣрамъ; наоборотъ, буржуазная или крестьянская семья представлялась спокойной и счастливой, и между ея членами царила взаимная привязанность [2]).

То же самое видимъ мы и въ живописи, гдѣ Грёзъ красками превозносилъ мѣщанскіе и крестьянскіе нравы, что вызывало горячія похвалы со стороны Дидро и его литературныхъ единомышленниковъ [3]).

А комедія? Кто не знаетъ мольеровскаго „мѣщанина во дворянствѣ"? Насъ теперь приводятъ въ веселое расположеніе духа его смѣшныя попытки усвоить себѣ утонченныя дворянскія манеры. Не такое впечатлѣніе производила названная комедія въ XVIII вѣкѣ на идеологовъ третьяго сословія. Мерсье ставилъ Мольеру въ вину, что онъ, въ лицѣ Журдэна, осмѣялъ „простую и чистую честность" (l'honnêteté pure et simple) и хотѣлъ „унизить буржуазію,—сословіе самое почтенное въ государствѣ или, вѣрнѣе, то сословіе, которое и составляетъ государство" [4]). И вотъ, если

[1]) La drame en France au XVIII-e siècle. Paris, MCMX, pp. 364—365.

[2]) Тамъ же, стр. 368.

[3]) Объ этой сторонѣ художественной дѣятельности Греза см. Louis Hautecoeur, Greuze. Paris, 1913.

[4]) Гэффъ, назв. соч., стр. 91.

французская комедія XVII вѣка дала міру Журдэна, то въ слѣдующемъ столѣтіи она выдвинула Вандерка-отца, который не только не смѣшитъ зрителя, но умиляетъ его благородствомъ своихъ дѣйствій, и который, вдобавокъ, почти вдохновенно говоритъ о нравственномъ достоинствѣ торговли [1]).

Дидро, по весьма понятной психологической причинѣ пришедшій въ восторгъ отъ пьесы Седэна, жаловался на несправедливость французской комедіи къ прислугѣ. Впослѣдствіи Бомарше отомстилъ за прислугу въ своемъ „Barbier de Seville" (1775) и особенно въ „Mariage de Figaro" (1784), отведя лакею несравненно лучшую роль, нежели его знатному барину, и провозгласивъ, устами Фигаро, что если судить по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ слугамъ, немного найдется господъ, достойныхъ занять ихъ мѣста. Но это—шутка, хотя и чрезвычайно ядовитая. Остроумный и веселый Фигаро умѣлъ также говорить серьезно, и когда онъ говорилъ серьезно, въ его словахъ слышалась угроза...

Еще слышнѣе она въ устахъ бѣднаго ткача Жозефа, выводимаго Мерсье въ драмѣ „L'indigent". Жозефъ живетъ съ своей сестрой Шарлоттой въ жалкой конурѣ, и оба они надрываются надъ работой, чтобы хоть какъ-нибудь перебиться самимъ и, кромѣ того, выкупить изъ тюрьмы своего отца, который попалъ туда потому, что, будучи приставленъ властями къ сбору подати,—знаменитой taille,—онъ не хотѣлъ описывать имущество бѣдныхъ неплательщиковъ. Но скупщикъ, на котораго они работаютъ, платитъ мало, а жизнь дорога, и Жозефъ ропщетъ: „Je ne suis pauvre que parcequ'il y a trop de riches" (Я бѣденъ только потому, что слишкомъ много богатыхъ), говоритъ онъ.

Людовикъ XIV терпѣть не могъ голландской живописи. Это такъ же понятно, какъ и то, что его преемникъ не любилъ буржуазной драмы. Скорѣе нужно удивляться тому, что привилегированное общество не дало болѣе энергичнаго отпора литературнымъ и художественнымъ стремленіямъ идеологовъ третьяго сословія. Впрочемъ, оно не сумѣло дать сильный отпоръ даже ихъ политическимъ и соціальнымъ ученіямъ, логическимъ выводомъ изъ которыхъ являлось устраненіе стараго порядка. Оно весьма плохо понимало ту связь, которая всегда существуетъ между явленіями общественнаго бытія и произведеніями общественнаго сознанія.

Буржуазная драма, подобно картинамъ Грёза, имѣла огром-

---

[1]) Вандерки, — отецъ и сынъ, — дѣйствующія лица въ пьесѣ М. Ж. Седэна, „Le philosophe sans le savoir" (1765).

ный успѣхъ. Въ 1769 г. директоръ одного изъ французскихъ театровъ хотѣлъ поставить „Гамлета“, о чемъ и довелъ до свѣдѣнія находившейся въ театральномъ залѣ публики. Но публика стала кричать: „Point d'Hamlet, Le père de famille!“ [1]).

IV.

Та же социальная причина, которая вызвала новыя стремленія въ литературѣ и въ искусствѣ, повела и къ широкому распространенію во Франціи идей, въ своей совокупности составлявшихъ философію XVIII вѣка. По своему теоретическому содержанію названная философія была прямымъ и безпощаднымъ отрицаніемъ идеалистической метафизики, господствовавшей во Франціи въ эпоху расцвѣта сословной монархіи. Въ этомъ смыслѣ она была матеріалистической даже тогда, когда ея сторонники считали себя противниками матеріализма. Вольтеръ, всегда и рѣшительно отвергавшій матеріализмъ, самъ разсуждалъ, какъ матеріалистъ, всякій разъ, когда, не довольствуясь остроумными скептическими замѣчаніями по адресу мыслителей всѣхъ школъ и язвительными насмѣшками надъ „метафизиками“, давалъ себѣ трудъ серьезно обдумать коренной вопросъ всей философіи: вопросъ объ отношеніи субъекта къ объекту, сознанія къ бытію. „Я тѣло, — говорилъ онъ,—и я мыслю; больше я ничего не знаю“. Если это скептицизмъ, то, очевидно, такой, который не распространялся на ученіе матеріалистовъ о способности матеріи ощущать и мыслить безъ помощи другой, не матеріальной, субстанціи.

Консервативные французскіе писатели нашихъ дней изображаютъ это невольное тяготѣніе Вольтера къ матеріалистической философіи какъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ его грѣховъ. Если, принимая матеріалистическія посылки, онъ упрямо отвергалъ матеріалистическіе выводы, то его непослѣдовательность объясняется,—какъ это сказано выше,—частью тѣмъ обстоятельствомъ, что ему не удалось вполнѣ освободиться отъ вліянія спиритуалистическихъ понятій, завѣщанныхъ добрымъ временемъ, а частью—тѣмъ, что я назвалъ его прагматизмомъ, т.-е. его нежеланіемъ поддерживать такія философскія истины, которыя казались ему опасными съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія.

То, чего пугался Вольтеръ, пугало по всей вѣроятности, многихъ тогдашнихъ идеологовъ третьяго сословія. Матеріализмъ,

---

[1]) Гэффъ, назв. соч., стр. 176, примѣчаніе.—Пьеса Дидро „Le père de famille“ вовсе не отличается художественными достоинствами.

какъ стройная система, никогда не господствовалъ въ ихъ средѣ. За него открыто и послѣдовательно держались только самые смѣлые. Зато эти смѣльчаки сумѣли сдѣлать изъ его теоретическихъ посылокъ всѣ тѣ выводы, которые могли быть разумно сдѣланы изъ нихъ при тогдашнемъ состояніи естествознанія и общественной науки.

Необходимо помнить, что выводы эти, дѣйствительно, имѣли не только теоретическое значеніе. Марксъ уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка отмѣтилъ тѣсную связь между матеріализмомъ и соціализмомъ. Онъ справедливо сказалъ, что если человѣкъ получаетъ всѣ свои ощущенія, знанія и т. д. изъ внѣшняго міра, то надо, стало быть, такъ устроить этотъ окружающій его внѣшній міръ, чтобы онъ получалъ оттуда достойныя его впечатлѣнія; что если правильно понятый личный интересъ есть основа всякой нравственности, то надо позаботиться о томъ, чтобы интересы отдѣльнаго человѣка совпадали съ интересами человѣчества; наконецъ, что если свобода человѣка заключается не въ отрицательной способности избѣгать тѣхъ или другихъ поступковъ, а въ положительной возможности проявленія своихъ личныхъ свойствъ, то надо уничтожить противообщественные источники преступленій и отвести въ обществѣ свободное мѣсто для дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка.

Каково должна быть та общественная организація, при которой интересы отдѣльнаго человѣка совпадутъ съ интересами всего человѣчества или, по крайней мѣрѣ, съ интересами его согражданъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, соціалисты расходились съ французскими просвѣтителями XVIII в. Но вѣдь и въ лагерѣ соціалистовъ долго не было единомыслія на этотъ счетъ: разныя соціалистическія школы давали различные отвѣты. И все-таки совершенно неоспоримо, что, давая свой особый отвѣтъ, каждая соціалистическая школа, не только во Франціи, но и въ Англіи, опиралась на выводы французскаго матеріализма XVIII вѣка, хотя иногда и отвергала при этомъ его „безбожное“ и будто бы безнравственное ученіе.

Если сами французскіе матеріалисты не дѣлали,—да по обстоятельствамъ времени и никакъ не могли дѣлать, — соціалистическихъ выводовъ изъ своей доктрины, то они все-таки очень усердно стремились перестроить, согласно требованіямъ разума, окружающій человѣка „міръ“, т.-е. общественныя отношенія. Такъ много нашумѣвшее въ свое время и въ самомъ дѣлѣ замѣчательное сочиненіе „Système de la Nature“, которое называли библіей матеріализма, даетъ ясное представленіе о томъ, какими горячими и смѣлыми реформаторами были авторы этого замѣча-

тельнаго сочиненія. Наиболѣе поучительна въ интересующемъ насъ здѣсь отношеніи двадцать четвертая глава второго тома, озаглавленная: Agrégé du Code de la Nature (краткій сводъ законовъ природы)[1]).

Отправляясь отъ того положенія, что ошибочное не можетъ быть полезно людямъ, а вредное не можетъ быть истиннымъ, авторы „Системы природы"[2]) энергично возстаютъ противъ всѣхъ „фантомовъ", вводящихъ человѣчество въ заблужденія, которыя, въ свою очередь, порождаютъ все общественное зло. Если авторы разбиваютъ старыхъ „идоловъ", то дѣлаютъ это затѣмъ, чтобы, ознакомившись съ истиной, люди перестали, наконецъ, влачить въ бѣдности жалкое существованіе рабовъ, отягощенныхъ цѣпями. Если авторы отвергаютъ старую нравственность, то единственно затѣмъ, чтобы „поставить науку о правахъ на твердое основаніе человѣческой природы". Иногда они почти вплотную подходятъ къ коммунизму. Такъ, отъ имени природы, они говорятъ человѣку: „наслаждайся и давай другимъ наслаждаться благами, отданными мною въ общее пользованіе (que j'ai mis en commun) всѣхъ моихъ дѣтей". Они гремятъ противъ богатыхъ, обирающихъ своихъ согражданъ и дѣлающихся жертвами пресыщенія и скуки. По ихъ мнѣнію, справедливы только тѣ общественныя учрежденія, которыя согласованы съ законами природы. Мы уже знаемъ, что для согласованія общественно-политическаго строя Франціи съ законами природы, какъ понимали ихъ французскіе просвѣтители, надо было совершенно устранить старый порядокъ, и что его устраненіе было въ интересахъ огромнѣйшаго большинства французовъ. Поэтому авторы „Système de la Nature" имѣли полное право смотрѣть на себя, какъ на защитниковъ народа.

То же надо сказать и о Гельвеціи, сочиненія котораго такъ усердно читались мыслящими русскими людьми, напримѣръ, лейпцигскими товарищами Радищева. Хотя Гельвецій то же смотрѣлъ на буржуазную собственность, какъ на естественное и необходимое условіе существованія человѣческихъ обществъ, но въ его сочиненіяхъ нѣтъ ни одной строчки, которая доказывала бы, что интересы имущихъ классовъ были ему дороже, нежели интересы народа. Напротивъ, Гельвецій съ убѣжденіемъ повторялъ: „salus populi suprema lex" (благо народа—высшій законъ) и считалъ демократическую конституцію наиболѣе соотвѣт-

---

[1]) Какъ увидимъ ниже, она производила сильное впечатлѣніе и на русскихъ читателей.

[2]) Извѣстно, что книга эта писалась всѣмъ кружкомъ Гольбаха, къ которому также принадлежалъ геніальный Дидро.

ствующей народному благу. Общество, въ которомъ господствуетъ дворянское сословіе—le corps des nobles,—никакъ не могло, по его мнѣнію, содѣйствовать развитію у своихъ членовъ, чувствъ справедливости и гражданскаго долга [1]). Онъ былъ врагомъ всякихъ привилегій и говорилъ, что въ основѣ каждый изъ нихъ лежитъ несправедливость [2]).

V.

Когда просвѣтители приступили къ изданію своей знаменитой „Энциклопедіи“, они начали литературное дѣло имѣвшее колоссальное общественное значеніе. Уже въ самомъ объявленіи объ ея изданіи (Prospectus), написанномъ Дидро, слышался голосъ демократіи, если хотите—народничества. Въ объявленіи говорилось, что „свободныя искусства“ достаточно занимались сами собою, и что имъ пора обратить вниманіе на искусства „механическія“, пора покончить съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ къ нимъ относились благодаря старому предразсудку. Ремесленники, поденщики, вообще люди, живущіе трудами рукъ своихъ, составляютъ большинство націи. Если они несчастны, то вмѣстѣ съ ними несчастна и вся нація. Обращаясь къ поденщикамъ и ремесленникамъ, Дидро говорилъ имъ, что они „считали себя достойными презрѣнія только потому, что ихъ презирали другіе“, и что имъ слѣдуетъ быть о себѣ болѣе высокаго мнѣнія [3]). Съ такими рѣчами французская интеллиген-

---

[1]) Oeuvres complètes, Paris, MDCCCXVIII, t. II, pp. 236—237.

[2]) Oeuvres complètes, t. III, p. 308.

[3]) Diderot par Joseph Reinach. Paris, 1894, pp. 43—44. Въ другомъ мѣстѣ (статья „Art“ въ III томѣ „Энциклопедіи“) Дидро, нападая на пренебрежительное отношеніе къ тѣмъ, которые занимаются „механическими“ искусствами, говоритъ, что этотъ предразсудокъ способенъ населить наши города праздными резонерами и паразитами, живущими на счетъ невѣжественныхъ маленькихъ тирановъ. Высказывая все это, Дидро повиновался тому же чувству, подъ вліяніемъ котораго французскіе историки совершили впослѣдствіи цѣлый переворотъ въ своей наукѣ. „Кто изъ насъ—писалъ въ 1818 г. Огюстенъ Тьери,—слышалъ о томъ классѣ людей, который сохранилъ для человѣчества промышленныя искусства и привычку къ труду во время наводненія Европы варварами? Постоянно подвергаясь притѣсненіямъ и грабежу со стороны своихъ побѣдителей и повелителей, эти люди вели тягостное существованіе, получая въ вознагражденіе за свой трудъ лишь сознаніе того, что они поступаютъ хорошо и спасаютъ цивилизацію для своихъ дѣтей и для всего міра. Эти спасители нашихъ искусствъ были нашими отцами. Мы дѣти тѣхъ крѣпостныхъ, тѣхъ данниковъ, тѣхъ буржуа, которыхъ безпощадно попирали завоеватели... Мы всѣмъ восхищались и все изучали за исключеніемъ того, что было совершено ими“. Дидро тоже происходилъ отъ тѣхъ „данниковъ, тѣхъ буржуа“, которыхъ угнетали завоеватели и потомки завоевателей

ція никогда еще не обращалась къ трудящемуся населенію своей страны [1]).

Но здѣсь, во избѣжаніе важныхъ недоразумѣній, мнѣ слѣдуетъ оговориться. Не должно впадать въ преувеличенія и воображать, будто французскіе просвѣтители сознательно подготовляли революціонную бурю, разразившуюся въ концѣ XVIII вѣка. Ихъ настойчиво обвиняли въ этомъ охранители. Однако охранители ошибались.

Нѣкоторые тогдашніе проповѣдники новыхъ идей замѣчали, что народъ теряетъ терпѣніе и можетъ, пожалуй, возстать противъ своихъ притѣснителей (Вольтеръ, Руссо и другіе). Но, не будучи сторонниками революціоннаго способа дѣйствій, они пугались приближавшагося взрыва, а не привѣтствовали его. Они отъ всей души предпочли бы мирную реформу насильственной революціи. Это мирное настроеніе проповѣдниковъ революціонныхъ идей ярко отразилось какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ. Буржуазная драма, въ образахъ выражавшая стремленія третьяго сословія, совсѣмъ не знаетъ боевыхъ мотивовъ. Нѣтъ такихъ мотивовъ и въ живописи, напримѣръ, въ картинахъ Грёза. Хотя просвѣтители ставили третье сословіе несравненно выше привилегированныхъ сословій и, единодушно превознося его добродѣтели, не упускали случая оттѣнить порочность аристократовъ, однако они еще не теряли надежды на то, что эти послѣдніе сами сознаютъ, наконецъ, несправедливость своего привилегированнаго положенія и, по крайней мѣрѣ, постараются значительно смягчить его вредныя для народной массы послѣдствія. Недаромъ они твердили: „la raison finit toujours par avoir raison“. Въ дѣлѣ такого смягченія они уповали и на монарховъ, которые, думали они, должны же понять, что имъ гораздо пріятнѣе будетъ господствовать надъ свободными и счастливыми, нежели надъ порабощенными и несчастными подданными. Во Франціи эти упованія очень оживились со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI и съ началомъ реформъ Тюрго. Но Тюрго недолго продержался у власти, и за его паденіемъ послѣдовала откровенная реакція. Разумѣется, это не могло не огорчить просвѣтителей. Въ ихъ взгляды проникла значительная доза пессимизма. Это было тогда тѣмъ болѣе неизбѣжно, что уже и раньше, въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV, нѣкоторые, наиболѣе впечатлительные и нетер-

---

[1]) Приведенныя слова Дидро напоминаютъ одну изъ пѣсенъ, распѣвавшихся во время революцій. Въ этой пѣснѣ говорилось: les grands ne nous paraissent grands— que parce que nous sommes à genoux, levons nous!

нѣливые, просвѣтители, не ожидая ничего хорошаго отъ французскаго правительства, стали крайне мрачно смотрѣть на будущность Франціи. Въ предисловіи къ своему, не разъ уже упомянутому мною, сочиненію „De l'Homme,“—напечатанному лишь послѣ его смерти,—Гельвецій говоритъ, что его страна окончательно попала подъ иго деспотизма и уже неспособна его сбросить, а потому она можетъ надѣяться развѣ только на иностранное завоеваніе. Мы видимъ отсюда, что „пораженчество“,—да проститъ мнѣ читатель этотъ варварскій терминъ, къ моему величайшему сожалѣнію, ставшій у насъ общеупотребительнымъ,—вовсе не такъ ново, какъ это думаютъ нѣкоторые наивные „новаторы“. Легко видѣть также, откуда взялось своеобразное „пораженчество“ Гельвеція. Оно было вызвано двумя психологическими причинами: полнымъ разочарованіемъ во французскомъ правительствѣ и недовѣріемъ къ способности французскаго народа своими собственными силами справиться съ деспотизмомъ[1]. И надо согласиться, что какъ разочарованіе въ монархіи, такъ и недовѣріе къ народу имѣли въ то время достаточную психологическую причину.

Нѣтъ нужды доказывать это относительно перваго; но что касается второго, то я напомню, что **народная масса** еще не доказала тогда своего пониманія освободительныхъ идей и своего сочувствія къ нимъ. Этимъ и объясняются тѣ, очень рѣзкіе, отзывы о ней, которые вырывались порой у просвѣтителей, и которыми реакціонеры пользуются теперь для доказательства будто бы *антинароднаго* характера ихъ стремленій. Въ средѣ французской интеллигенціи издавна уже было немало людей, отличавшихся широтою своихъ политическихъ воззрѣній и готовыхъ горячо отстаивать интересы народа. Въ первомъ томѣ я приводилъ отрывки изъ рѣчей купеческаго головы Роберта Мирона на собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1614 года. Въ нихъ уже звучала революціонная нота. Но зала, въ которой происходили засѣданія Штатовъ, была заперта правительствомъ подъ тѣмъ невѣроятнымъ предлогомъ, что она нужна *для балета*, депутаты распущены по домамъ, а рабочій французскій народъ остался равнодушнымъ и далекимъ отъ пониманія того, какое наглое оскорбленіе нанесли ему его правители въ лицѣ его представителей. Въ 1789 г. онъ совсѣмъ иначе отнесся къ закрытію залы засѣданій Генеральныхъ Штатовъ. Tempora mutantur! Но въ то время, когда Гельвецій писалъ свое предисловіе къ „De

---

[1]) Гельвецій такъ и говорилъ о французахъ: „nulle crise salutaire ne leur rendra la liberté.“

l'Homme“ онъ не могъ знать, какой оборотъ примутъ событія въ 1789 г.,—до котораго онъ, мимоходомъ сказать, и не дожилъ,—какъ не могли предвидѣть это и другіе просвѣтители. Они могли судить только на основаніи прошлаго.

Правда, уже въ серединѣ XVIII в. французскій народъ мало по малу становился болѣе сознательнымъ, болѣе отзывчивымъ и, главное, менѣе выносливымъ. Это раньше всего стало обнаруживаться въ Парижѣ. Уже въ 1750—51 гг. тамъ произошли,—вызванные циничнымъ произволомъ полиціи,—весьма значительные безпорядки, участники которыхъ поговаривали, что надо итти на Версаль и сжечь королевскій замокъ, построенный „на счетъ народа“. Волненія эти были какъ бы зарницей, напоминавшей о возможности грозы. Во второй половинѣ XVIII вѣка подобныя явленія дѣлались все болѣе и болѣе частыми. Но въ высшей степени замѣчательно, что, возставая противъ администраціи и даже очень рѣзко осуждая самого монарха, парижскій народъ тогда еще вовсе не отказывался отъ монархизма. Во время волненій 1757 г. появились прокламаціи, угрожавшія королю смертью. Но угрозы по адресу Людовика XV дополнялись разсужденіями о томъ, что на престолъ слѣдуетъ возвести герцога Орлеанскаго [1]). Дальше смѣны лицъ на королевскомъ престолѣ народная мысль не шла и долго послѣ этого.

Итакъ, народное настроеніе не могло побудить просвѣтителей къ отказу отъ старой привычки пріурочивать надежду на реформу къ доброй волѣ „просвѣщенныхъ государей“ (des princes éclairés). А сохраняя эту привычку, просвѣтители могли, нисколько не измѣняя себѣ, вступать въ сношенія съ тѣми государями, которые въ данное время казались имъ болѣе или менѣе исполненными добрыхъ намѣреній, болѣе или менѣе способными осуществить хотя бы только небольшую часть ихъ освободительныхъ требованій.

Въ дѣйствительности освободительныя требованія просвѣтителей осуществлены были не монархами, а Національнымъ французскимъ Собраніемъ, получившимъ названіе Учредительнаго. Оно и понятно: только революція могла провести въ жизнь требованія, революціонныя по своему существу. Но такъ какъ, выдвигая требованія, имѣвшія революціонный характеръ, просвѣтители стремились и надѣялись въ то же время осуществить ихъ мирнымъ путемъ и, между прочимъ, въ союзѣ съ „просвѣщенными“ монархами, такъ

---

[1]) См. интересную статью Марселя Руффа: „Les mouvements populaires“ въ сборникѣ: „La vie parisienne au XVIII siècle“. Paris, 1914.

какъ, съ другой стороны, монархамъ порой приходилось тогда противиться нѣкоторымъ совсѣмъ уже устарѣлымъ феодальнымъ притязаніямъ привилегированныхъ сословій, то иные монархи, въ свою очередь, могли находить небезполезной дружбу съ передовыми французскими философами. И тогда они писали имъ любезныя письма, приглашали къ себѣ въ гости, дарили имъ шубы, награждали ихъ пенсіями, слушали ихъ комплименты и даже, хотя и гораздо менѣе охотно, ихъ совѣты.

Все это измѣнилось уже послѣ первыхъ порывовъ революціонной бури. И даже въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи, молодые французы, воспитавшіеся подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, все болѣе и болѣе обнаруживали иное настроеніе. Они съ упоеніемъ читали Плутарха и увлекались античными республиканцами. Эта перемѣна настроенія тоже выразилась въ литературѣ и въ искусствѣ. Буржуазная драма и картины Грёза, одно время имѣвшія такой большой успѣхъ въ передовыхъ слояхъ населенія, теперь уже не удовлетворяли ихъ. Имъ дорога была теперь не столько буржуазная домашняя добродѣтель, изображавшаяся въ этихъ картинахъ и въ этой драмѣ, сколько гражданская доблесть политическихъ борцовъ. Съ цѣлью изображенія этой героической доблести сдѣлана была попытка вновь оживить классическую трагедію[1]. И въ то же самое время въ живописи Грёзъ отступилъ передъ Давидомъ.

Для новыхъ пѣсенъ понадобились новыя птицы. Но о нихъ потомъ.

VI.

Французская философія XVIII вѣка главное свое вниманіе направляла на вопросъ о томъ, каковы должны быть, — съ точки зрѣнія разума,—взаимныя отношенія между людьми, т. е. на вопросы общественнаго устройства. Этимъ она и заслужила названіе—освободительной.

Если мы обратимся къ XVII вѣку, то увидимъ совсѣмъ другое. По мнѣнію Декарта, главное преимущество новой философіи сравнительно съ философіей среднихъ вѣковъ состояло въ томъ, что она способна сдѣлать насъ „господами и обладателями природы“ (maîtres et possesseurs de la nature)[2]. Вопросы

[1]) См. чрезвычайно интересное предисловіе (Discours préliminaire) М. Ж. Шенье къ его трагедіи „Charles IX ou l'école des rois“, посвященной „французской націи“ и впервые представленной 4-го ноября 1789 г. Предисловіе помѣчено 22-мъ августа 1788 г., значитъ—написано еще до революціи.

[2]) Discours de la méthode, sixième partie.

общественнаго устройства очень мало интересовали Декарта. Нѣчто совершенно подобное видимъ мы и въ Англіи. Бэконъ Веруламскій видѣлъ главную задачу новой философіи въ томъ же, въ чемъ видѣлъ ее Декартъ: Tantum possumus quantum scimus,—говорилъ онъ, тоже имѣя въ виду не общественное переустройство, а именно увеличеніе власти человѣка надъ природой.

Увеличить власть человѣка надъ природой значитъ увеличить находящіяся въ его распоряженіи производительныя силы. А изъ этого слѣдуетъ, что въ исторіи новой философіи былъ такой періодъ, въ продолженіе котораго она считала главной своей задачей содѣйствіе росту названныхъ силъ или, другими словами, накопленію техническихъ знаній. Это—чисто утилитарный взглядъ на задачу философіи. Поэтому можно сказать, что мыслящіе европейцы XVII в. были во взглядѣ на философію такими же утилитаристами, какъ и просвѣтители XVIII столѣтія. Все различіе состоитъ здѣсь въ характерѣ утилитаризма.

Въ эпоху Бэкона и Декарта ходъ экономическаго развитія передовыхъ обществъ Западной Европы сдѣлалъ особенно ощутительной нужду въ увеличеніи производительныхъ силъ. Великіе мыслители отозвались на эту общественную нужду тѣмъ, что придали философіи новое направленіе, имѣвшее чрезвычайно благотворное вліяніе на естественныя науки, а черезъ нихъ и на технику. Но ростъ производительныхъ силъ, съ своей стороны, очень значительно повліялъ на внутреннія отношенія передовыхъ европейскихъ обществъ. Благодаря ему, третье сословіе стало играть въ жизни этихъ обществъ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ прежде. А такъ какъ этой новой, гораздо болѣе важной, роли его не соотвѣтствовали старыя общественныя отношенія, то оно захотѣло уничтожить ихъ. Это стремленіе и выразилось въ выработкѣ идеологами третьяго сословія освободительной философіи XVIII вѣка. Польза, которой ожидали отъ этой новой философіи, заключалась уже не въ умноженіи производительныхъ силъ, а въ такомъ переустройствѣ общества, которое соотвѣтствовало бы уровню, достигнутому этими силами.

Теперь взглянемъ на Россію. Выше было замѣчено, что птенцы гнѣзда Петрова смотрѣли на просвѣщеніе главнымъ образомъ съ точки зрѣнія его непосредственной, практической пользы. Они учились у Западной Европы прежде всего съ тою цѣлью, чтобы увеличить запасъ всякаго рода техническихъ знаній въ своей странѣ. Вспомните разсужденіе В. Н. Татищева о пользѣ наукъ и ученія.

Реформа Петра дала весьма значительный толчокъ развитію русскихъ производительныхъ силъ. Но если онѣ стали расти у насъ гораздо быстрѣе, чѣмъ росли до реформы, то все-таки ростъ ихъ былъ не настолько быстръ, чтобы сдѣлать устраненіе прежняго общественнаго порядка очереднымъ вопросомъ въ Россіи XVIII вѣка. Знаменитая Екатерининская комиссія о составленіи новаго уложенія какъ нельзя болѣе ясно показала, что тотъ „средній родъ людей", который существовалъ въ тогдашней Россіи,— нашъ торгово-промышленный міръ,—не былъ затронутъ вліяніемъ французской освободительной философіи и не задумывался о созданіи новаго общественнаго порядка. Онъ былъ консервативенъ, а отчасти даже и реакціоненъ, ходатайствуя о возстановленіи такихъ сторонъ нашего стараго порядка, упадокъ которыхъ,—отчасти вызывавшійся умноженіемъ дворянскихъ привилегій,—наносилъ вредъ его интересамъ. Что касается дворянства, то хотя его образованные представители очень охотно читали Вольтера и другихъ модныхъ французскихъ просвѣтителей, но, *какъ сословіе*, оно не могло увлечься тѣмъ, что составляло живую душу освободительной философіи: стремленіемъ *уничтожить всѣ сословныя привилегіи* и тѣмъ поставить трудящуюся массу въ новыя, болѣе свободныя условія существованія. Дворянство не только желало сохраненія крѣпостного права, но, какъ мы знаемъ, съ большимъ успѣхомъ добивалось его расширенія. Тогдашняя дворянская гвардія очень легко и быстро справилась бы съ такимъ правительствомъ, которое вздумало бы освобождать крестьянъ. Этимъ послѣднимъ, разумѣется, глубоко ненавистна была тяжелая цѣпь крѣпостной зависимости: временами оно пыталось разорвать ее. Но самыя попытки его показываютъ, какъ слабы были его силы, и какъ далеко было оно отъ стремленія установить дѣйствительно новый общественный порядокъ.

Изо всего этого слѣдуетъ, что если во второй половинѣ XVIII столѣтія затронутые западнымъ вліяніемъ русскіе люди уже гораздо меньше склонны были смотрѣть на просвѣщеніе съ точки зрѣнія той непосредственной, практической (технической) пользы, какую оно можетъ принести государству, то у нихъ еще не могло быть серьезнаго интереса къ философскимъ теоріямъ, провозглашавшимъ необходимость кореннаго общественнаго переустройства.

VII.

Часто говорятъ до сихъ поръ, что если тогдашнее русское общество не желало осуществленія практическихъ требованій

французской освободительной философіи, а потому и не имѣло серьезнаго интереса къ ней, то и тогда уже были у насъ отдѣльныя личности, относившіяся къ ней весьма серьезно и готовыя всячески содѣйствовать проведенію въ жизнь ея практическихъ выводовъ. Въ ряду такихъ личностей первое мѣсто отводится императрицѣ Екатеринѣ II. Довольно многочисленныя литературныя произведенія этой государыни разсматриваются какъ доказательство ея искренняго желанія поднять грамотнаго русскаго обывателя на высоту передовыхъ понятій и стремленій XVIII столѣтія. Наибольшихъ похвалъ удостаивается при этомъ ея знаменитый „Наказъ".

„День изданія „Наказа",—писалъ въ радикальныхъ „Отечественныхъ Запискахъ" Гр. Елисѣевъ по случаю столѣтней годовщины его перваго изданія,—былъ днемъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую жизнь, нашего внутренняго пріобщенія къ европейской цивилизаціи, днемъ. въ который русскіе въ первый разъ получили право именоваться гражданами". По словамъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей, въ „Наказѣ" „царятъ Монтескье, Беккаріа и Дидро, великіе умы и благородныя сердца, вліяніе которыхъ отразилось на многихъ поколѣніяхъ [1]).

Къ восторженнымъ отзывамъ этого рода пора отнестись критически. Неоспоримо, что уже при Екатеринѣ II у насъ начали появляться личности,—пока еще только отдѣльныя личности!—способныя искренно увлечься передовыми освободительными стремленіями своей эпохи и посвятить свои силы ихъ проведенію въ жизнь. Извѣстно, какъ дорого поплатились они за эту свою способность. Но сама Екатерина не принадлежала къ ихъ числу. Она никогда не увлекалась серьезно освободительной философіей, хотя ей нравились нѣкоторые взгляды французскихъ просвѣтителей и ихъ литературные пріемы, особенно—пріемы Вольтера. Екатерина называла и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ считала себя ученицей Вольтера. Но,—какъ превосходно замѣтилъ П. Н. Милюковъ,—„ея вольтерьянство скорѣе отзывало фривольной эпохой регентства, чѣмъ эпохой Людовика XVI" [2]). Въ замѣткахъ, писанныхъ ею задолго до воцаренія, она говорила, между прочимъ, о своей свободѣ отъ предразсудковъ. Это правильно. Предразсудковъ у нея не было. И несомнѣнно, что освободиться отъ нихъ помогла ей геніальная насмѣшка Вольтера надъ старыми понятіями. Но, освободившись отъ вліянія

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ. Памятники русскаго законодательства.—Наказъ императрицы Екатерины II. С.-Пб., 1907. Введеніе, стр. CXLV.

[2]) Очерки по исторіи русской культуры, выпускъ II, С.-Пб., 1903, стр. 398.

старыхъ понятій, Екатерина ни мало не подчинялась вліянію новыхъ. Подобно Іосифу II австрійскому и Фридриху II прусскому, она являлась сторонницей новой французской философіи, когда это обѣщало ей извѣстныя выгоды, и принималась высокомѣрно смѣяться надъ нею, когда философы имѣли дерзость предъявить ей тѣ или другія практическій требованія, шедшія вразрѣзъ съ ея выгодами. За примѣромъ ходить недалеко.

Во время извѣстнаго пребыванія Дидро въ Петербургѣ, Екатерина часто бесѣдовала съ нимъ о созванной ею комиссіи для составленія уложенія и, конечно, не упускала случая похвастаться либерализмомъ своего „Наказа". Одна замѣтка великаго энциклопедиста показываетъ, что его тщеславная собесѣдница изображала себя непонятой своимъ народомъ, будто бы не сумѣвшимъ оцѣнить благодѣянія, оказаннаго ему созваніемъ комиссіи. Дидро внимательно слушалъ свою любезную собесѣдницу, но объяснялъ дѣло по своему. Читатель помнитъ, можетъ быть, что нѣкогда Юрій Крижаничъ приписывалъ всѣ недостатки русскаго народнаго характера „крутому владанію". Дидро пришелъ къ тому же самому выводу. Онъ рѣшилъ, что главное зло русской общественной жизни заключается въ р а б с т в ѣ, а вѣрнѣйшее средство устраненія этого зла состоитъ въ с в о б о д ѣ. И—замѣтьте это!—въ свободѣ не только г р а ж д а н с к о й, но и п о л и т и ч е с к о й. Задача просвѣщенныхъ монарховъ сводилась, по его мнѣнію, къ тому, чтобы развивать въ своихъ подданныхъ свободолюбіе и пріучать ихъ устраивать свои дѣла своими собственными силами. Геніальный въ теоріи, но наивный на практикѣ, Дидро пресерьезно обращалъ вниманіе Екатерины на ту большую опасность, которая кроется въ „справедливомъ и просвѣщенномъ деспотизмѣ" (un despotisme juste et éclairé). Подъ продолжительнымъ вліяніемъ такого деспотизма,—убѣжденно говорилъ свободолюбивый философъ,—народъ погружается въ сонъ,—„сладкій, но смертельный" („un sommeil doux, mais c'est un sommeil de mort")[1]. Чтобы противодѣйствовать усыпляющему вліянію своего просвѣщеннаго деспотизма, либеральная царица должна была сдѣлать свою комиссію п о с т о я н н о й и ф о р м а л ь н о п е р е д а т ь е й ч а с т ь с в о е й з а к о н о д а т е л ь н о й в л а с т и. Желая побудить ее къ такому „весьма великодушному поступку" (acte bien généreux), Дидро увѣрялъ ее, что „несчастны не тѣ государства, въ которыхъ увеличивается власть народа, а тѣ, въ которыхъ становится неограниченной власть государей"[2]. Екатерина слушала его съ тѣмъ любезнымъ

[1]) M a u r i c e T o u r n e u x. Diderot et Catherine II. Paris, 1899, p. 144.

[2]) Тамъ же, стр. 150.

вниманіемъ, которое такъ нравилось ея собесѣдникамъ, читала его записки, но, само собой разумѣется, оставалась при своемъ собственномъ мнѣніи насчетъ „несчастья“ неограниченной монархической власти. Однажды, поспоривъ съ нимъ объ его освободительныхъ планахъ, она сказала ему, что онъ забываетъ о разницѣ положенія: „вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ... между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе чувствительна“ [1]). Но Дидро не потерялъ надежды переубѣдить ее. Покинувъ Петербургъ, онъ на возвратномъ пути въ Парижъ остановился на довольно продолжительное время въ Гаагѣ и тамъ имѣлъ,—по его собственному выраженію, — дерзость прочитать „Наказъ“ съ перомъ въ рукѣ, т. е., говоря проще, написать свои возраженія на него. Первое изъ нихъ гласитъ:

„Нѣтъ и не можетъ быть истиннаго государя, кромѣ народа“.

Въ одномъ изъ послѣднихъ сказано, что хорошо составленное уложеніе должно начинаться такъ:

„Мы, народъ, и мы, государь народа, вмѣстѣ присягаемъ въ вѣрности законамъ, согласно которымъ мы подлежимъ одинаковому суду: если намъ, государю, случится нарушить ихъ и потому стать врагомъ народа, то онъ, по всей справедливости, перестанетъ быть обязаннымъ присягой въ вѣрности и можетъ враждовать съ нами, преслѣдовать насъ, низложить, а въ случаѣ надобности даже и осудить на смерть“.

Уже это было, какъ видите, довольно сильно. Но Дидро не остановился на этомъ. Онъ прямо и рѣзко высказалъ свой взглядъ на русскій политическій строй. „Екатерина,—писалъ онъ,—несомнѣнно обладаетъ деспотической властью (est une despote). Намѣревается ли она сохранить эту власть и передать ее своимъ наслѣдникамъ или отречется отъ нея? Если она сохранитъ ее, то пусть она составляетъ свое Уложеніе, какъ хочетъ: ей не нужно одобренія націи. Если же она откажется отъ нея, то надо, чтобы ея отреченіе было оформлено [2]).

Дидро почему-то не послалъ Екатеринѣ своихъ возраженій: можетъ быть, потому что самъ зналъ, какъ трудно пройти верблюду въ игольное ушко. Они дошли до нея уже послѣ его смерти. Излишне прибавлять, что „ученица Вольтера“ совсѣмъ не одобрила ихъ. Въ письмѣ къ М. Гримму она отзывалась о нихъ, какъ о „настоящей болтовнѣ, въ которой нѣтъ ни знанія

---

[1]) Такъ передала она впослѣдствіи это свое замѣчаніе Сегюру.

[2]) М. Tourneux, назв. соч., стр. 563—564.

вещей, ни осторожности, ни проницательности". „Если бы мой „Наказъ",—прибавляла она,—пришелся по вкусу Дидро, то онъ былъ бы способенъ все поставить вверхъ дномъ (mettre les choses sans dessus dessous) [1]). И съ тѣхъ поръ въ ея переепискѣ съ Гриммомъ лишь очень рѣдко встрѣчается имя дерзкаго философа.

Этотъ примѣръ проливаетъ яркій свѣтъ на разномысліе между передовыми французскими просвѣтителями XVIII столѣтія и современными имъ „просвѣщенными государями". Лучшіе изъ просвѣтителей готовы были поддерживать абсолютную власть государей съ тѣмъ, чтобы они какъ можно скорѣе воспользовались ею для освобожденія своихъ подданныхъ, т. е. для уничтоженія абсолютной власти. Наоборотъ, „просвѣщенные" государи заигрывали съ философами для того, чтобы съ ихъ помощью какъ можно больше укрѣпить эту власть, уничтоживъ всѣ старинныя учрежденія, налагавшія на нее какую-нибудь узду. При такомъ разномысліи сговориться было невозможно, несмотря на взаимные комплименты, раздававшіеся тѣмъ чаще, чѣмъ меньше серьезнаго вліянія могли они имѣть на дѣятельность обѣихъ сторонъ.

VIII.

Защищая свой „Наказъ" отъ непочтительной критики неблагодарнаго энциклопедиста, Екатерина писала въ томъ же письмѣ къ М. Гримму: „Я утверждаю, что мой „Наказъ" былъ не только хорошъ, но даже превосходенъ и хорошо приспособленъ къ обстоятельствамъ, такъ какъ въ продолженіе своего осьмнадцатилѣтняго существованія онъ не только не вызвалъ никакого зла, но все добро, имъ причиненное и всѣми признаваемое, вытекало изъ установленныхъ въ немъ принциповъ" [2]).

Принципы, „установленные" въ „Наказѣ", были, какъ въ этомъ признавалась сама Екатерина, заимствованы у французскихъ просвѣтителей. Если они были „хороши и даже превосходны", то это дѣлало честь не ей, а французской освободительной философіи. Екатеринѣ могла принадлежать лишь честь осуществленія „хорошихъ и даже превосходныхъ принциповъ". И она хорошо понимала это. Она писала г-жѣ Жоффренъ: „скажите, прошу васъ, д'Алямберу, что я скоро пришлю ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ служить сочиненія геніальныхъ людей, когда хотятъ дѣлать изъ нихъ употребленіе; надѣюсь,

---

[1]) Тамъ же, стр. 519—520.

[2]) Тамъ же, стр. 520.

что онъ будетъ доволенъ этимъ трудомъ; хотя онъ и написанъ перомъ новичка, но я отвѣчаю за исполненіе на практикѣ". Рѣчь идетъ о томъ же „Наказѣ". Но хотя Екатерина ручалась за исполненіе на практикѣ принциповъ, положенныхъ ею въ его основу, она хорошо знала, что уже въ то время ея практика шла вразрѣзъ съ ними. „Сочиненія геніальныхъ людей" требовали свободы, а Екатерина тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ взяла на себя,—указомъ отъ 3-го іюля 1762 г.,—торжественное обязательство ненарушимо сохранить власть помѣщиковъ надъ крестьянами. И это обязательство было выполнено ею даже свыше мѣры, такъ какъ она не только сохранила крѣпостное право, но значительно расширила его предѣлы.

Д'Алямберъ не могъ этого знать, какъ не могъ онъ знать и о томъ, что либеральный „Наказъ" Екатерины очень скоро подвергся запрещенію, конечно, съ ея согласія. Сенатскимъ указомъ отъ 24-го сентября 1767 г. предписано было разослать въ высшія учрежденія 57 экземпляровъ его, при чемъ подтверждалось, чтобы „оные содержаны были единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ присутственныхъ" и не выдавались не только посторороннимъ лицамъ, но даже и канцелярскимъ служителямъ ни для списыванія ни для чтенія. Во всякомъ случаѣ, надъ трудящейся массой „царили"—вопреки мнѣнія г. Чечулина,—не просвѣтители, а ихъ антиподы: Ханжахины, Скотинины и Простаковы.

У Фонъ-Визина Простакова возмущается той мыслью, что дворянинъ не воленъ высѣчь, когда захочетъ, своего слугу. „На что же намъ данъ указъ о вольности дворянства?"—спрашиваетъ она. По этому поводу Стародумъ иронически замѣчаетъ: „Мастерица толковать указы!" Ссылка на указъ о вольности дворянства здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, неумѣстна. Однако просвѣщенная императрица предусмотрительно издала довольно много другихъ указовъ, вполнѣ подтверждавшихъ дворянскую „вольность" по части наказанія своихъ слугъ. Стало быть, Простакова ошибалась совсѣмъ не такъ уже сильно, какъ на это хотѣлъ намекнуть Фонъ-Визинъ [1]).

Воспитанная внѣ условій русскаго быта, Екатерина не могла имѣть пристрастія къ той формѣ эксплуатаціи народнаго труда, которая господствовала въ тогдашней Россіи. Она не прочь была смягчить эту форму. Однако она никогда не стремилась къ этому очень сильно. Притомъ она очень скоро сообразила, что это

---

1) „Въ годъ перваго представленія „Недоросля" (1782) за дворянствомъ числилось болѣе половины (53%) всего крестьянскаго населенія",—весьма кстати замѣчаетъ Ключевскій въ своей статьѣ „Недоросль Фонъ-Визина" (Очерки и рѣчи, Москва, 1913, стр. 304).

не понравится дворянству, а ея всегдашнимъ правиломъ было избѣгать ненужной для нея борьбы съ огнемъ. Вскорѣ послѣ сверженія Петра III французскій посланникъ Бретейль писалъ о ней: „удивительно, какъ эта государыня, всегда слывшая за храбрую, слаба и нерѣшительна, когда нужно рѣшить какой-нибудь малѣйшій вопросъ, который можетъ вызвать противорѣчіе внутри страны". Укрѣпившись на своемъ новомъ мѣстѣ, она съ годами пріобрѣла значительную самоувѣренность. Но никогда не забывала она о томъ предѣлѣ, перешагнуть который ей ни въ какомъ случаѣ не позволила бы ея дворянская гвардія. Человѣческая кожа, на которую она ссылалась въ разговорѣ съ Дидро, и которая отличалась, по ея словамъ, большой чувствительностью, была дворянской, а не крестьянской кожей.

Дворянская кожа дѣйствительно обнаруживала огромную чувствительность всякій разъ, когда поднимался „проклятый вопросъ" объ улучшеніи участи крѣпостного населенія. Этимъ въ значительной степени объясняется вопіющее противорѣчіе между теоріей и практикой Фелицы. Екатерина была не изъ тѣхъ, которые способны рискнуть ради теоріи своимъ личнымъ практическимъ интересомъ.[1]).

Дидро жестоко ошибался, воображая, будто она можетъ добровольно отречься отъ своей неограниченной власти въ цѣляхъ политическаго и нравственнаго воспитанія своего народа. Власть была необходима ей, какъ воздухъ, и ради власти она готова была на все. Болѣе или менѣе либеральный инстинктъ „ученицы Вольтера" немедленно умолкалъ при видѣ хотя бы и незначительной опасности, угрожавшей потерей того, что она имѣла,— по выраженіи Бретейля,—смѣлость взять.

Такъ, въ своемъ „Наказѣ" Екатерина, слѣдуя за Беккаріа и другими просвѣтителями, осуждала пытку. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что къ теоретическому осужденію пытки она пришла гораздо раньше составленія „Наказа". Но въ дѣлѣ Гурье-

[1]) По вступленіи своемъ на престолъ Екатерина щедро наградила своихъ приверженцевъ раздачей имъ крѣпостныхъ душъ и денегъ. Сорокъ лицъ, побудившихъ „Ея Величества сердце милосердное къ скорѣйшему принятію престола россійскаго и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожавшихъ ему бѣдствій", получили 526.000 рублей и 18.000 душъ. Въ своемъ манифестѣ о сверженіи Петра III Екатерина изображала дѣло такъ, будто эти люди явились къ ней въ качествѣ „отъ народа избранныхъ вѣрноподданныхъ". Значитъ, „избранники" были награждены отдачей имъ въ рабство нѣкоторой части „избирателей". Не позабыла новая государыня и избирателей. Она наградила ихъ пониженіемъ цѣны на соль въ размѣрахъ десяти копѣекъ съ пуда. „Нужно было съѣсть пудъ соли, чтобы восчувствовать императорскую благодарность на 10 копѣекъ", справедливо говоритъ В. А. Бильбасовъ (Исторія Екатерины II, томъ II, Берлинъ, 1900, стр. 92).

ва и Хрущевыхъ, уличавшихся въ заговорѣ противъ нея, она,— вопреки передовой теоріи и даже вопреки постановленію слѣдственной коммиссіи,—приказала пытать обвиняемыхъ. „1762 года октября 6-го дня по силѣ Ея императорскаго величества всевысочайшаго повелѣнія Петръ Хрущевъ противъ его допросовъ и очныхъ ставокъ для изысканія істинны съ пристрастиемъ подъ батажьемъ разспрашиванъ"! Тому же былъ подвергнутъ Семенъ Гурьевъ [1]). Монтескье, Беккаріа и Дидро, великіе умы и благородныя сердца, конечно, совсѣмъ не одобрили бы батожья. Но просвѣщенной государынѣ было не до нихъ.

Утверждаютъ, что Екатерина сильно измѣнилась къ концу своего царствованія, особенно подъ вліяніемъ французской революціи. И дѣйствительно, французская революція заставила ее отказаться даже отъ либеральной фразеологіи, къ которой она такъ охотно прибѣгала прежде. Но совершенно ошибочно говорить объ ея разочарованіи въ своихъ прежнихъ взглядахъ. Если она разочаровалась въ чемъ-либо, то развѣ только въ возможности съ успѣхомъ выдавать себя за убѣжденную сторонницу либеральныхъ,—а подъ часъ даже и „республиканскихъ"!—взглядовъ, неуклоно стремясь въ то же время къ упроченію и расширенію своей власти. „Ничто ей не можетъ быть досаднѣе,—писалъ о ней кн. М. М. Щербатовъ,—какъ то, когда, докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ: развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить?" Такою она стала вовсе не подъ вліяніемъ какого-нибудь разочарованія. Такою она была всегда, и такою сдѣлало ее безграничное властолюбіе,—склонность къ самовластію, какъ выражается тотъ же М. М. Щербатовъ.

Въ манифестѣ отъ 19-го октября 1762 г. она возвѣстила, что „тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отъ нынѣ навсегда." Ея подданные съ восторгомъ встрѣтили это извѣстіе объ упраздненіи страшной канцеляріи, однако торжественно возвѣщенная реформа ограничилась одной перемѣной названія [2]).

Извѣстенъ отвѣтъ, данный ученицей Вольтера Фонъ-Визину на его вопросъ, отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе: „Предки наши,—отвѣчала она,—не всѣ грамотѣ умѣли". Это неясно, но зато тѣмъ яснѣе продолженіе отвѣта: „Сей вопросъ ро-

[1]) В. А. Бильбасовъ, назв. соч., т. II, стр. 192—193.

[2]) Тайная канцелярія получила при Екатеринѣ названіе Тай-Экспедиціи. Въ ней распоряжался благочестивый Ст. Ив. Шешковскій, который, допрашивая обвиняемыхъ,—даже „знатныхъ персонъ",—наносилъ имъ ударъ палкой „подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ, а иногда и повыскакиваютъ".

дился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли". Фонъ-Визинъ хорошо понялъ смыслъ этихъ словъ и рѣшилъ: „заготовленные еще вопросы отмѣнить, чтобы не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію". Можно, пожалуй, сказать, что, когда Екатерина давала этотъ отвѣтъ, она уже была разочарована. Но съ ея замѣчаніемъ о свободоязычіи можно сопоставить манифестъ „О молчаніи",—такъ она сама называла этотъ манифестъ,—изданный двадцатью годами раньше.

Въ манифестѣ этомъ, съ барабаннымъ боемъ прочитанномъ на улицахъ Москвы 4-го Іюня 1763 г., доводилось до всеобщаго свѣдѣнія, что между подданными Екатерины есть такіе „развращенныхъ нравовъ и мыслей люди", которые позволяютъ себѣ разсуждать о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ. Такихъ людей государыня матерински уговаривала замолчать и заняться исключительно своими частными дѣлами. „А если сіе Наше матерніе извѣщеваніе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ и не обратитъ на путь истиннаго блаженства (sic): то вѣдалъ бы всякъ изъ такихъ невѣждей [1]), что Мы поступимъ уже по всей строгости законовъ, и не минуемо преступники почувствуютъ всю тяжесть нашего гнѣва, яко нарушители тишины и презрители Нашей Высочайшей воли" [2]).

Это грозное требованіе „молчанія" предъявлено было къ русскимъ обывателямъ по поводу толковъ, вызванныхъ дѣломъ Хитрова, который находилъ, что слѣдуетъ всѣми способами противодѣйствовать вступленію императрицы въ бракъ съ Гр. Орловымъ.

Екатерина много распространялась о необходимости народнаго образованія, хотя сдѣлала для него въ сущности весьма немного. Къ дѣлу распространенія образованія она приглашала разныхъ людей вплоть до извѣстнаго серба Янковича-де-Миріево (т. е. изъ Миріева). Однако она не пригласила къ этому дѣлу Н. И. Новикова, усердно и безкорыстно работавшаго для него по своему личному почину. Для нея Новиковъ былъ слишкомъ независимымъ человѣкомъ.

„Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?"—спрашивалъ Фонъ-Визинъ, обращаясь къ „сочинителю былей и небылицъ".

— „Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ", отвѣчалъ „сочинитель" (т. е. та же Екатерина).

---

[1]) Сохраняю правописаніе подлинника.

[2]) Бильбасовъ, тамъ же, стр. 295—296. Ср. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. V, стр. 1457. Манифестъ былъ обнародованъ во всѣхъ городахъ имперіи.

Этимъ отвѣтомъ ученицы Вольтера въ значительной степени предвосхищалось то пониманіе нашей народности, которое заслужило одобреніе Николая I, никогда никакими философіями не интересовавшагося.

И не подумайте, что Екатерина отвѣтила такъ Фонъ-Визину подъ вліяніемъ какого-нибудь мимолетнаго настроенія. Нѣтъ, она всегда требовала отъ своихъ подданныхъ „образцоваго" послушанія. А что разумѣла она подъ такимъ послушаніемъ, видно изъ ея сказки о царевичѣ Февеѣ. По приказанію своего отца, онъ усердно поливалъ сухой сучокъ, возражая тѣмъ, которые осмѣивали его безсмысленное занятіе: „кто повелѣваетъ, тому и разсуждать; а наше дѣло слушаться, исполняя повелѣнное съ покорностью, безропотно, не разсуждая того".

Вотъ какихъ образцовыхъ подданныхъ желала имѣть Фелица!

Противорѣчіе между теоріей и практикой Фелицы перестанетъ удивлять насъ, если мы примемъ во вниманіе, что теорія была для нея не болѣе, какъ средствомъ достиженія личныхъ цѣлей.

„Главнымъ побужденіемъ для ея правительственныхъ предпріятій,—правильно сказалъ М. Тумановъ,—являлось личное честолюбіе, а вовсе не какія-нибудь соображенія, имѣвшія въ виду общественную и государственную пользу". Если нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій и принесли извѣстную пользу странѣ, то вызваны они были единственно желаніемъ заставить,—какъ говоритъ тотъ же авторъ,—не только Россію, но и всю Европу провозглашать о ней восторженныя похвалы. Вообще же говоря, всѣ громкія и пышныя начинанія Екатерины почти никогда не доводились до конца и такъ же быстро проваливались, какъ наскоро затѣвались" [1]).

Въ характерѣ Фелицы есть много чертъ, сближающихъ ее съ итальянскими тиранами эпохи Возрожденія: та же даровитость; та же свобода отъ „предразсудковъ"; та же способность интересоваться успѣхами культуры; та же упругая энергія; то же холодное самообладаніе; то же безсердечіе; то же властолюбіе и та же безпредѣльная неразборчивость въ средствахъ. Говоритъ

---

[1]) „Вліяніе русской литературы второй половины XVIII вѣка", въ „Сборникѣ отдѣленія русск. языка и словесности импер. Академіи Наукъ", томъ 75-ый, стр. 9. Ср. отзывъ Державина: „Она управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ" (Сочиненія, академич. изданіе, т. VI, стр. 626—627). Мы имѣемъ право прибавить къ чести Державина, что этотъ строгій отзывъ былъ имъ сдѣланъ послѣ того, какъ написаны были его восторженныя стихотворенія въ честь Фелицы. Онъ самъ говоритъ, что, когда онъ писалъ ихъ, онъ еще не зналъ характера государыни.

объ ея идеалахъ и объ ея разочарованіяхъ—то же, что говорить объ идеалахъ и разочарованіяхъ какого-нибудь Людовика Моро или Цезаря Борджіа.

IX.

Тѣ русскіе люди, которые усвоили себѣ стремленія передовыхъ просвѣтителей XVIII в., видѣли противорѣчіе, существовавшее между теоріей Екатерины и ея практикой, и раздражались имъ. Но такихъ было крайне мало. Огромное большинство не замѣчало противорѣчія, а если и замѣчало, то не видѣло нужды въ его устраненіи. Оно было довольно.

„Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи,—писалъ впослѣдствіи Карамзинъ [1]),—едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго, едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время".

Подъ россійскимъ гражданиномъ тутъ слѣдуетъ понимать, конечно, россійскаго *дворянина*. Если положеніе трудящейся массы было тогда очень тяжело, то дворянству жилось, дѣйствительно, лучше, нежели когда-либо прежде. Хотя и велико было противорѣчіе между теоріей и практикой Екатерины, но оно могло только нравиться помѣщикамъ, *поскольку означало сохраненіе и расширеніе крѣпостного права*. А что касается до „самовластія", то надо помнить, что при всей своей склонности къ нему Фелица, какъ женщина, хорошо знавшая людей и обладавшая большимъ тактомъ, устроила дѣло такъ, что тутъ и волкъ былъ сытъ, и овцы чувствовали себя хорошо. Она сохранила всю полноту самодержавной власти, но обращалась съ дворянами уже не такъ, какъ обращались съ ними прежніе государи и государыни. При Аннѣ кн. А. М. Черкасскій жаловался: „нынѣ опасно жить, безмѣрно на всѣхъ напрасная суспиція". При Екатеринѣ безмѣрной суспиціи уже не было, и кто не становился матушкѣ-государынѣ поперекъ дороги, кто, согласно манифесту „о молчаніи", не мѣшался въ дѣла, до него не принадлежавшія, тотъ чувствовалъ себя спокойнымъ. Екатерина умѣла мягко стлать. По сравненію съ прежними царствованіями, даже съ царствованіемъ Елизаветы, ея царствованіе казалось,—опять таки *дворянству*,—кроткимъ и милостивымъ [2]). Одописецъ громко воспѣлъ эту перемѣну:

---

[1]) Въ запискѣ „О Древней и Новой Россіи".

[2]) „Соціальный строй государства,—говоритъ М. М. Богословскій,—весь сверху до низу носитъ печать крѣпостного права, такъ какъ всѣ общественные классы были закрѣпощены. Самый императорскій дворъ временъ Анны и Елизаветы, устроенный

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души людей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить:
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно ея на землю уронить
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ,
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не мараютъ рожъ...
. . . .
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть... и т. д.

Карамзинъ, въ цитированной мною выше запискѣ, короче выразилъ ту же самую мысль: „Екатерина,—сказалъ онъ,—очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства“. Кн. М. М. Щербатовъ не призналъ бы этого безъ большихъ оговорокъ. Но онъ былъ гораздо требовательнѣе большинства дворянскаго сословія. Большинство считало себя, въ самомъ дѣлѣ, освобожденнымъ отъ тиранства. Перемѣна въ обращеніи съ нимъ верховной власти была естественнымъ слѣдствіемъ постепеннаго раскрѣпощенія служилаго сословія [1]). Однако именно это обстоятельство и дѣлало настоятельной нравственную потребность въ ней.

по западному образцу, поражавшій блескомъ и великолѣпіемъ иностранцевъ, служившій проводникомъ европейскаго тона въ русское общество, былъ все-таки, въ сущности, обширною помѣщичьей усадьбой. Обѣ названныя императрицы были типичными русскими помѣщицами-крѣпостницами XVIII в.“ („Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в.“—„Научное Слово“, Москва 1904 г., книга VI, стр. 37—38). Тутъ Екатерина съ большимъ удобствомъ могла выступить въ либеральной роли, ни мало не поступаясь неограниченной своей властью.

[1]) Перемѣна въ обращеніи съ лицами служилаго класса подсказывалась Екатеринѣ уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что она изображала свое возстаніе противъ Петра III настоящимъ подвигомъ милосердія по отношенію къ русскимъ людямъ, страдавшимъ отъ самовластія государя. Въ манифестѣ отъ 7-го іюля 1762 г. она го-

Замѣчательно, что освободительная французская философія пригодилась и въ дѣлѣ раскрѣпощенія русскихъ служилыхъ людей. Она являлась полезнымъ духовнымъ оружіемъ всюду, гдѣ ставился на очередь вопросъ объ устраненіи,—хотя бы только частичномъ,—„крутого владѣнія“. Если идеологи русскаго дворянства рѣшительно отвергали всѣ тѣ взгляды французскихъ просвѣтителей, которые были несогласимы съ его привилегіями, то они, напротивъ, сочувственно встрѣчали всѣ тѣ, которые могли быть использованы для „очищенія самодержавія отъ примѣсовъ тиранства“. Такъ, напримѣръ, имъ очень нравилось то, что говорилъ Монтескье о различіи между европейскимъ монархомъ, апеллирующимъ къ чести своихъ подданныхъ, и азіатскимъ деспотомъ, управляющимъ посредствомъ страха. Устанавливая это различіе, Монтескье высказывалъ уже знакомый намъ взглядъ Бодена [1]). Но когда Боденъ писалъ свою книгу, европейская политическая литература была недоступна русскому служилому сословію, а когда Монтескье повторилъ мысль Бодена, она пришлась по вкусу европеизованнымъ элементамъ этого сословія. И поскольку она повторялась въ „Наказѣ“, постольку наше дворянство одобряло и должно было одобрять „Наказъ“

Въ „Наказѣ“ турецкимъ странамъ, гдѣ очень мало смотрятъ на стяжанія, на жизнь и на честь подданныхъ, противопоставляются „государства умѣренныя, гдѣ и самаго меньшаго гражданина имѣніе и честь во уваженіе принимается“ [2]). Разъ убѣдившись въ томъ, что подъ самымъ меньшимъ гражданиномъ Екатерина понимаетъ отнюдь не крѣпостного крестьянина, европеизованные русскіе дворяне могли только рукоплескать такому противопоставленію турецкихъ странъ „умѣреннымъ государствамъ“. Оно было равносильно обѣщанію ввести у насъ управленіе, свойственное этимъ послѣднимъ [3]).

По словамъ „Наказа“, въ умѣренныхъ государствахъ „не лишаютъ никого жизни, развѣ когда само отечество противъ оныя

ворила: „Самовластіе, необузданное добрыми и человѣколюбивыми качествами, въ Государѣ, владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиною“. Въ виду этого, ей необходимо было показать, что, „владѣя самодержавно“, она умѣетъ себя обуздывать.

[1]) Подобно Бодену, Монтескье („Esprit des lois“, livre XV, chap. VI) относилъ „московитовъ“ къ числу народовъ, управляемыхъ деспотически.

[2]) См. параграфы 113 и 114 „Наказа“.

[3]) „Дворовый не имѣлъ своего имущества, все его добро принадлежало барину; а что было менѣе гарантировано и прочно въ XVIII в., чѣмъ дворянское имущество, движимое и недвижимое, которое могло ежеминутно подвергнуться конфискаціи?“ (М. М. Богословскій, назв. соч., стр. 41.)

возстанетъ: но и отечество ни на чью жизнь не возстанетъ инако, какъ дозволивъ ему прежде всѣ способы защиты“ [1]). Чего же лучше? Вѣдь о подобной „умѣренности“ управленія русскій служилый классъ мечталъ еще въ Московскій періодъ нашей исторіи. Въ тѣхъ подкрестныхъ записяхъ, которыя давались нѣкоторыми царями, рѣчь шла именно только о государственномъ управленіи, а не о государственномъ устройствѣ. Права верховной власти въ нихъ оставались попрежнему неограниченными: принимались только мѣры къ тому, чтобы избѣжать злоупотребленія этими правами. Въ прежнее время проекты такихъ мѣръ были неосуществимы, вслѣдствіе антагонизма между разными слоями служилаго класса: дворянствомъ и боярствомъ. А теперь, когда боярство перестало быть страшнымъ дворянству, служилый классъ общими силами всѣхъ своихъ слоевъ могъ добиться извѣстныхъ уступокъ. Онъ чувствовалъ это; онъ хотѣлъ уступокъ и горячо рукоплескалъ всѣмъ намекамъ на уступки въ либеральныхъ разсужденіяхъ императрицы.

Екатерина жеманно признавалась, что въ своемъ „Наказѣ“ она „обокрала“ Монтескье. Не слѣдуетъ думать однако, что она обкрадывала его безъ оглядки. Она во всемъ знала мѣру и никогда не забывала себя.

Г. Лютшъ правильно замѣтилъ, что между тѣмъ какъ Монтескье являлся послѣдователемъ ограниченной сословной монархіи, „Екатерина исповѣдовала идеалъ такъ называемой монархіи подзаконной, но бюрократической“ [2]). Тутъ было большое различіе. Однако русское дворянство не заходило далеко въ своихъ политическихъ требованіяхъ. Оно готово было удовольствоваться „подзаконностью“.

X.

Авторъ комедіи „О, время!“ въ своемъ письмѣ къ издателю „Живописца“ (Новикову) сдѣлалъ интересное „примѣчаніе“ о толкахъ, вызванныхъ въ публикѣ вышеназванной комедіей, въ которой одно изъ дѣйствующихъ лицъ подвергается побоямъ. „Дошло до меня,—признается авторъ (Екатерина),—что нѣкоторые критики за непристойно поставляютъ, что господинъ Фирлифлюшкинъ за безстыдное словонездержаніе (за многократное неисполненіе обѣщанія заплатить свой карточный долгъ. *Г. П.*) наказанъ палкою. Говорятъ они, что „*какъ*, дескать, дворянина за безчестное дѣло бить палкою“ [3]). Въ свое оправданіе Екате-

---

[1]) Параграфъ 114.

[2]) Сборникъ „Итоги XVIII вѣка въ Россіи“, Москва, 1910, стр. 16.

[3]) „Живописецъ“, 1772 г., ч. II, листъ 7-й, курсивъ въ подлинникѣ.

терина ссылалась на Уложеніе: „въ немъ господа критики найдутъ, чему за несздержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются“. Но такая ссылка не могла удовлетворить дворянства, такъ какъ его новыя стремленія не укладывались въ рамки стараго законодательства. Екатерина поняла, что въ подобныхъ случаяхъ должно и можно уступать. Жалованная грамота дворянству избавила его отъ тѣлеснаго наказанія.

Битье дворянина палкою,—хотя бы и за безчестное дѣло,—безспорно, плохо вязалось съ понятіемъ дворянской чести. Но до какой степени суживалось это понятіе въ головахъ благородныхъ россійскихъ обывателей, показываетъ, напримѣръ, слѣдующее.

Герой комедіи Лукина „Мотъ, любовію и справленный“,—Добросердовъ, — человѣкъ легкомысленный, но совсѣмъ не злой, говоритъ о своемъ старомъ слугѣ Васильѣ:

— Хотя онъ мужикъ добрый, однако замерзѣлое въ ихъ родѣ мщеніе и злость остались.

Потомъ онъ убѣждается, что въ душѣ преданнаго ему Василья нѣтъ ни мщенія ни злости, и восклицаетъ:

— А ты, въ комъ я необычайную твоему роду честь вижу, не щади меня. Выговаривай, обвиняй, пристыжай и угнетай мою гордость.

Растроганный баринъ хочетъ даже выдать вольную своему крѣпостному слугѣ, а когда тотъ отъ нея отказывается, его удивленіе не знаетъ границъ:

— О, рѣдкая въ человѣкѣ такого состоянія добродѣтель! Ты свою честностью меня удивляешь!

Подобныя похвалы обиднѣе брани. Почему же растроганный Добросердовъ обижаетъ своего слугу даже тогда, когда хочетъ похвалить его? Проф. Незеленовъ объясняетъ это тѣмъ, что Лукинъ, говорящій устами своего героя, былъ человѣкомъ „европейскаго просвѣщенія“. Это ни съ чѣмъ несообразно. Благочестивый изслѣдователь, неутомимо, но весьма неудачно разоблачающій „дурныя стороны“ французской просвѣтительной философіи, которой онъ, къ слову сказать, совсѣмъ не знаетъ, былъ сбитъ съ толку тѣмъ обстоятельствомъ, что Добросердовъ,—или, если хотите, Лукинъ,—говоря о ч е с т и, выдвигалъ идею, очевидно, заимствованную имъ у „человѣка европейскаго просвѣщенія“, Монтескье. Но когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. Подъ ч е с т ь ю Монтескье понималъ стремленіе къ отличіямъ, побуждающее дворянина служить государству [1]). И это

[1]) Монтескье говоритъ: „la nature de l'honneur est de demander des préférences et des distinctions“. (De l'Esprit des lois, l. III, chap. VII).

стремленіе противопоставлялось имъ вовсе не „безчестности“ или другимъ, подобнымъ этому, „замерзѣлымъ“ и нравственнымъ качествамъ непривилегированнаго сословія, а тому тупому равнодушію къ почестямъ и отличіямъ, которое онъ считалъ свойственнымъ жителямъ восточныхъ деспотій [1]). Ясно, стало быть, что въ головѣ Добросердова (Лукина) понятіе о чести, несомнѣнно заимствованное имъ у „человѣка европейскаго просвѣщенія“, приняло оттѣнокъ, съ тогдашнимъ европейскимъ просвѣщеніемъ не имѣющій ровно ничего общаго. Если понятіе о чести дворянина дополнялось у насъ понятіемъ о безчестности крѣпостного слуги, то происходило это не отъ чего другого, какъ отъ закрѣпощенія народа. Лукинъ, жаловавшійся на то, что русскіе писатели сочиняютъ для театра пьесы, „не наше поведеніе знаменующія“, въ данномъ случаѣ подсказалъ своему герою разсужденія, „знаменовавшія“ именно нашъ бытъ [2]).

Если во Франціи освободительная работа мысли ограничивалась предѣлами буржуазнаго кругозора,—тогда, въ XVIII столѣтіи, несравненно болѣе широкаго, чѣмъ теперь, въ XX,—то у насъ ее ограничивалъ дворянскій горизонтъ, въ то время, благодаря существованію крѣпостного права, еще болѣе узкій, чѣмъ теперь. Поэтому даже и въ той, крайне малой, части западно-европейскихъ освободительныхъ ученій, которая могла быть усвоена европеизованными русскими дворянами, замѣтны весьма значительные „примѣсы“ нашего домашняго „тиранства“.

Соотношеніе общественныхъ силъ въ шляхетско-самодержавной Россіи было таково, что „тиранство“ помѣщика надъ крестьяниномъ шло рядомъ съ „тиранствомъ“ верховной власти по отношенію къ помѣщику. Процессъ раскрѣпощенія дворянства не могъ привести у насъ къ ограниченію власти государя господствующимъ сословіемъ. Владѣльцы крѣпостныхъ душъ чувствовали это и были очень скромны въ своихъ требованіяхъ. Они,—въ огромномъ большинствѣ своемъ,—были довольны маленькими уступками, сдѣланными имъ Екатериной, потому что большихъ уступокъ они и не требовали. Когда Екатерина распорядилась, чтобы русскіе обыватели въ своихъ обращеніяхъ къ верховной власти подписывались не рабами, а подданными, въ нашей литературѣ началось ликованіе. В. В. Капнистъ, незадолго до того горько оплакавшій,—въ своей „Одѣ на рабство“,—ра-

[1]) „Les hommes,—говоритъ онъ,—y étant tous esclaves, on n'y peut se préférer à rien“.

[2]) Вспомнимъ, какъ французскіе просвѣтители упрекали старую французскую комедію за то, что она была несправедлива къ слугамъ (см. предыдущую главу).

спространеніе крѣпостного права на Малороссію, разразился одой „На истребленіе званія раба въ Россіи“. Его восторгъ былъ такъ великъ, что можно было подумать, будто Россія въ самомъ дѣлѣ стала свободной страной.

О, день свѣтлѣе дни побѣдъ:
Царица небомъ ниспосланна,
Неволи тяжки узы рветъ;
Россія,—ты свободна нынѣ!
Ликуй:—во вѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна:
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена

„Званіе раба“ въ извѣстномъ смыслѣ противорѣчило грамотѣ на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства. Поэтому дворянство имѣло основаніе радоваться „истребленію“ этого званія. Но радовались не одни дворяне Ерминъ-Костровъ, происходившій, какъ извѣстно, изъ экономических крестьянъ, „пѣлъ“ еще громче В. В. Капниста:

Рекла: не буди рабъ, отечества будь сынъ,
Герой, любитель музъ, похвальный гражданинъ;
По долгу своему употребляй всѣ силы,
Мнѣ не названія, сердца мнѣ ваши милы!
Будь добрый человѣкъ, пороковъ убѣгай
И матерью меня отнынѣ называй...
Позволь, богиня, здѣсь пролить мнѣ потоки слезны!
Божественны твои слова сердцамъ любезны.
Но слезы радости... Скажи мнѣ, гдѣ Твой храмъ?
Гдѣ жертвенникъ Тебѣ? Гдѣ милый ѳиміамъ?
Въ груди Россіянъ... [1]).

Разумѣется, нѣтъ надобности быть дворяниномъ для того чтобы съ удовольствіемъ увидѣть себя избавленнымъ отъ унизительной обязанности именоваться рабомъ. Однако, только держась нашихъ тогдашнихъ дворянскихъ понятій, легко было упустить изъ виду, что „истребленіе въ Россіи званія раба“ совсѣмъ не выводило русскихъ крестьянъ изъ ихъ рабскаго положенія. Отъ разночинца Кострова какъ будто можно было ожидать болѣе скептическаго отношенія къ этой реформѣ. Но восторги господствующаго сословія заразительны.

---

[1]) „Эпистола на всерадостный день восшествія на престолъ Ея Имп. Вел. Екатерины II“.

X.

Поскольку освободительная французская философія способствовала у насъ очищенію самодержавія отъ „примѣсовъ тиранства“, постольку ея вліяніе должно быть признано плодотворнымъ, какъ бы ни были малы его размѣры. Этого оспаривать не станутъ даже тѣ изслѣдователи, которые, подобно профессору Незеленову, терпѣть не могутъ французскихъ просвѣтителей. Но когда рѣчь заходитъ о нравственномъ вліяніи названной философіи на русскихъ людей XVIII столѣтія, тогда дѣло быстро принимаетъ другой оборотъ. Кромѣ проф. Незеленова, такъ очевидно враждебнаго такъ плохо знакомой ему освободительной философіи, многіе другіе изслѣдователи признавали, что философія дурно повліяла на русское общество своими „дурными сторонами“. Вопросъ этотъ заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Казалось бы, что тутъ не о чемъ и спорить: разъ имѣетъ данная философія свои дурныя стороны,—а какая же не имѣетъ ихъ?—то вполнѣ естественно, что ими она оказываетъ дурное вліяніе на всѣ тѣ страны, въ которыя проникаетъ. Это очень просто. Бѣда лишь въ томъ, что простыя соображенія такого рода ровно ничего не выясняютъ, именно благодаря крайней своей простотѣ, обусловленной безсодержательностью.

Спора нѣтъ, освободительная французская философія, какъ и всякая другая, имѣла свои „дурныя“ стороны. Но въ чемъ онѣ состояли? Сколько-нибудь серьезно отвѣтить на это можетъ только тотъ, кто далъ себѣ трудъ ознакомиться съ нею. А вотъ этого труда и не даютъ себѣ многіе изъ тѣхъ, которые говорятъ о ней. Поэтому они остаются въ неизвѣстности насчетъ всѣхъ вообще сторонъ ея: какъ „дурныхъ“, такъ и хорошихъ. Ну, а при такомъ отношеніи къ предмету чрезвычайно легко наговорить о немъ вещей, не выдерживающихъ даже и самаго легкаго прикосновенія критики.

Французская философія XVIII в. изучается у насъ чаще по нѣмецкимъ источникамъ. Извѣстный Германъ Геттнеръ до сихъ поръ сплошь и рядомъ цитируется нашими изслѣдователями, какъ серьезный авторитетъ по части этой философіи. Но, во-первыхъ, онъ зналъ ее весьма поверхностно; во-вторыхъ, онъ лишенъ былъ той смѣлости мысли, которая необходима всякому историку, имѣющему дѣло съ писателями революціонной эпохи. Безстрашной логикѣ французскихъ матеріалистовъ Геттнеръ часто умѣлъ противопоставить только негодованіе филистера. Онъ видѣлъ проповѣдь безнравственности тамъ, гдѣ матеріалисты пытались рѣшить новыя теоретическія задачи. Отрицательное

отношеніе къ французскому матеріализму XVIII в. перешло отъ него и ко многимъ русскимъ изслѣдователямъ. Есть всѣ основанія думать, что, когда покойный А. Н. Пыпинъ называлъ матеріализмъ „системы природы" грубымъ" [1]), онъ слѣдовалъ примѣру Геттнера, а вѣдь онъ неоспоримо принадлежалъ къ числу самыхъ серьезныхъ нашихъ историковъ литературы. Чего же ожидать послѣ этого отъ проф. Незеленова? При такой готовности безъ критики повторять отрицательныя сужденія объ ученіяхъ крайнихъ представителей освободительной философіи легко было открыть въ ней сколько угодно „дурныхъ сторонъ" и отнести на ея счетъ многое изъ того, что совсѣмъ не имѣло причинной связи съ нею

Во вступительной статьѣ къ сочиненіямъ Фонъ-Визина, изданнымъ подъ общей редакціей П. А. Ефремова, Ал. Пятковскій, справедливо указавъ на то, что наши писатели XVIII столѣтія часто не умѣли послѣдовательно продумать ученіе французскихъ просвѣтителей, прибавляетъ:

Если въ литературныхъ дѣятеляхъ того времени мы находимъ такъ мало послѣдовательности, то понятно, что въ обыденной жизни французское вліяніе порождало въ большомъ числѣ бригадирскихъ сынковъ, Иванушекъ, которые болтали неосмысленныя фразы о бракѣ и отношеніяхъ къ родителямъ, подслушанныя въ кругу лицъ, знакомыхъ съ ходячими воззрѣніями французскихъ мыслителей. Въ словахъ Иванушки объ уваженіи къ родителямъ отражается въ комической формѣ мысль Гельвеція".

Тутъ что ни слово, то ошибка. Что такое французское вліяніе? Французское аристократическое общество оказывало одно вліяніе, а французскіе энциклопедисты, и вообще мыслящіе представители третьяго сословія, вліяли совсѣмъ иначе. Какое же вліяніе испыталъ на себѣ, проведя нѣкоторое время въ Парижѣ, Иванушка? Онъ говоритъ („Бригадиръ", дѣйствіе I, явл. 3-е). „Педанты думаютъ... что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ". Такъ ли разсуждали сторонники освободительной философіи? Нѣтъ, они разсуждали совсѣмъ иначе. Если нелѣпый Иванушка могъ заимствовать у французовъ свои доводы противъ украшенія головы снутри,—въ чемъ вполнѣ позволительно усомниться, такъ какъ нелѣпость доходитъ здѣсь до преувеличенія, дѣлающаго ее невѣроятной,—то развѣ лишь у французскихъ свѣтскихъ шаркуновъ, никогда не думавшихъ

---

[1]) Исторія русской литературы, т. IV, Спб., 1907, стр. 17. Ср. стр. 148, гдѣ французскій матеріализмъ называется узкимъ.

ни о какой философіи[1]). Только у свѣтскаго французскаго общества могъ заимствовать Иванушка и свой взглядъ на бракъ. Онъ признается, что постоянная жена въ немъ „ужасъ производитъ", и клятвенно обѣщаетъ развестись со своей будущей половиной, если она окажется постоянной. Здѣсь передъ нами какъ разъ тотъ предразсудокъ, который былъ очень распространенъ во французской аристократіи, и противъ котораго Нивелль-деля-Шоссэ возсталъ уже въ 1735 г. въ пьесѣ „Le préjugé à la mode". Просвѣтители ни мало не одобряли этого предразсудка. Расшатанности дворянской семьи они,— какъ сказано въ предыдущей главѣ,— охотно противопоставляли прочность буржуазныхъ семейныхъ отношеній. Изъ этого слѣдуетъ, что и тутъ совершенно не при чемъ рѣчи, будто бы подслушанныя Иванушкой въ кругу лицъ, „знакомыхъ съ ходячими воззрѣніями французскихъ мыслителей" [2]).

Объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ Иванушка, въ спорѣ со своимъ отцомъ, высказывается такъ: „когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ-ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ" [3]).

Подобно этому разсуждаетъ Фидиппидъ въ спорѣ со своимъ отцомъ Стрепсіадомъ въ комедіи Аристофана „Облака". Сходство такъ велико, что невольно возникаетъ вопросъ, не слѣдовалъ ли здѣсь Фонъ-Визинъ Аристофану, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ извѣстно, вообще много заимствовалъ у иностранныхъ писателей. Но во всякомъ случаѣ А. Пятковскій жестоко ошибся, сказавъ: „въ словахъ Иванушки объ уваженіи къ родителямъ отражается въ комической формѣ мысль Гельвеція". Они такъ же мало выразили матеріалистическую мысль Гельвеція, какъ аргументація Фидиппида выражала собою идеалистическую мысль Сократа.

XI.

Нужно замѣтить однако, что признаніемъ „грубости" французскаго матеріализма удивительно упрощается рѣшеніе вопроса о дурныхъ сторонахъ освободительной философіи XVIII столѣтія. Дурно было въ ней все то, что приближалось къ грубому ученію,

---

[1]) Въ стихотвореніи „Байрамъ на Сѣверѣ", напечатанномъ въ „Вечерней Зарѣ" Н. И. Новикова, молодой франтъ говоритъ: „Не къ философіи дворяне родились". Съ нимъ безусловно согласился бы Иванушка.

[2]) Въ другомъ стихотвореніи, напечатанномъ въ томъ же изданіи Новикова, поклоннику моды дается совѣтъ разойтись со своей женой тотчасъ послѣ свадьбы, какъ это водится въ дворянствѣ. Сотрудники Новикова лучше разбирались въ вопросахъ этого рода, нежели А. Пятковскій.

[3]) Дѣйствіе III, явленіе 1-ое.

изложенному въ „Системѣ природы“. А такъ какъ сочиненіе это нашло въ тогдашней Россіи многихъ читателей, то совершенно ясно, чѣмъ могла французская философія оказать дурное вліяніе на русскихъ людей того времени: распространеніемъ въ ихъ средѣ принциповъ грубаго матеріализма. Мы знаемъ, что Вольтеръ не упускалъ случая оспаривать матеріалистовъ. Но и въ его философскомъ ученіи легко открыть весьма замѣтные слѣды матеріалистическаго вліянія [1]). Поэтому и оно непремѣнно должно было расшатывать нравственность русской читающей публики. Въ направленіи такого вывода неустрашимѣе другихъ послѣдователей пошелъ А. И. Незеленовъ, отнесшій на счетъ освободительной французской философіи,—и особенно матеріализма,—едва ли не все то, что не нравилось ему въ русской литературѣ XVIII вѣка. Французская философія вообще представлялась ему въ самомъ непривлекательномъ видѣ. По его мнѣнію, въ ней „начало злое и ложное пересиливало свѣтъ истины“ [2]).

Профессоръ Незеленовъ утверждалъ, что французская освободительная философія способствовала распространенію въ русской литературѣ чувственности, легкомыслія и снисходительнаго отношенія къ жизненному злу. Едва ли нужно пояснять, что не могла снисходительно относиться къ жизненному злу та философія, которая сама была не чѣмъ инымъ, какъ идеологическимъ выраженіемъ борьбы третьяго сословія съ жизненнымъ зломъ стараго порядка. Точно такъ же всякій согласится, что знаменитая „Энциклопедія“ отнюдь не можетъ считаться литературнымъ памятникомъ легкомыслія. Принимать насмѣшку за легкомысліе значитъ смѣшивать педантизмъ съ глубокомысліемъ. Какъ это превосходно сказалъ Марксъ,—с е р ь е з н о относится къ с м ѣ ш н о м у именно тотъ, кто с м ѣ е т с я надъ нимъ.

Не такъ обстоитъ дѣло съ упрекомъ въ чувственности. Тутъ на первый взглядъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ показаться, что

---

[1]) Непримиримый и весьма послѣдовательный противникъ освободительной философіи Жозефъ де Местръ предлагалъ названіе „m a t é r i a l i e n s“ для тѣхъ философовъ, которые, не будучи матеріалистами, „слишкомъ многое“ приписывали матеріи и компрометировали „истинные принципы“ (Examen de la Philosophie de Bacon, t. I, Bruxelles, 1844, p. 263). Вольтеръ очень многое приписывалъ матеріи и потому несомнѣнно принадлежалъ къ „matérialiens“.

[2]) „Литературныя направленія Екатерининской эпохи“, стр. 46. Безпощадный обвинитель вѣка разума, профессоръ Незеленовъ упрекалъ его также... въ н е у в а ж е н і и к ъ р а з у м у! Я не шучу. Излагая содержаніе напечатаннаго въ одномъ изъ періодическихъ изданій Новикова трактата о воспитаніи, онъ хвалитъ его автора за то, что тотъ „не раздѣляетъ тѣхъ взглядовъ вѣка, по которымъ умъ былъ сущей бездѣлицей и развитіе его должно стоять на послѣднемъ планѣ“ (Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ. С.-Пб., 1875, стр. 329). Ниже мнѣ еще придется разбирать эту изумительную путаницу понятій.

А. И. Незеленовъ и другіе изслѣдователи, стоящіе на его точкѣ зрѣнія,—а имя имъ легіонъ,—не совсѣмъ неправы. Въ романахъ Вольтера и въ нѣкоторыхъ разсказахъ Дидро, неоспоримо, есть элементъ—если не чувственности, то чего-то близкаго къ ней. Откуда проникъ онъ въ эти произведенія великихъ французскихъ просвѣтителей?

Между записками, составленными Дидро для Екатерины въ бытность его въ Петербургѣ, есть одна, въ которой онъ шутя говоритъ, какіе законы были бы имъ изданы, если бы сдѣлался государемъ. Въ ней онъ, между прочимъ, заявляетъ, что ровно ничего не имѣлъ бы противъ распространенія въ средѣ подданныхъ „короля Дени" роскоши поскольку она явилась бы плодомъ ихъ экономическаго благосостоянія. Предвидя возраженія моралистовъ, онъ самъ ставилъ вопросъ: какъ повліяла бы такая роскошь на нравы его народа? И онъ даетъ на него замѣчательный отвѣтъ: „прекратились бы преступленія (plus de crimes), но было бы много того, что богословіе называетъ пороками и смертными грѣхами". Между этими грѣхами первое мѣсто отводится у него чувственнымъ наслажденіямъ [1]).

Что это? Проповѣдь безнравственности? Не совсѣмъ. „Король Дени" хочетъ, чтобы въ его государствѣ прекратились преступленія. Ясно, что если бы осуществилось его желаніе, то нравственность выиграла бы чрезвычайно много. Какое же значеніе имѣетъ эта готовность воображаемаго государя-философа помириться съ тѣмъ, что на языкѣ богословія называлось смертельнымъ грѣхомъ и порокомъ? Значеніе протеста противъ христіанской морали. И только!

Въ христіанской морали былъ очень силенъ чуждый античнымъ нравамъ элементъ аскетизма. Какъ реакція противъ этого элемента, явился элементъ чувственности въ свѣтской морали идеологовъ третьяго сословія. Но далеко не всякая чувственность заслуживаетъ осужденія. Аскетическій элементъ въ христіанской морали былъ отрицаніемъ естественныхъ и непререкаемыхъ правъ плоти. Отрицаніе такого отрицанія явилось не чѣмъ инымъ, какъ возстановленіемъ этихъ правъ, составляющимъ одно изъ необходимыхъ условій здоровой нравственности. Тому, кто считаетъ смертнымъ грѣхомъ всякій протестъ противъ аскетическаго элемента христіанской морали, ученіе французскихъ просвѣтителей непремѣнно должно представляться исполненнымъ безнравственности. Тутъ все зависитъ отъ точки зрѣнія. Но кто осуждаетъ освободительную францу-

[1]) Maurice Fourneux, назв. соч., стр. 238—239.

скую философію за ея отрицаніе аскетизма, тому не слѣдуетъ забывать, что совершенно подобнымъ же отрицаніемъ пропитаны были всѣ передовыя культурныя стремленія Западной Европы, начиная съ эпохи Возрожденія. Такъ, напримѣръ, вся исторія искусства этой эпохи была исторіей борьбы эстетическаго идеала, подсказаннаго здоровой чувственностью, съ идеаломъ, выросшимъ на почвѣ болѣзненнаго христіанскаго аскетизма.

Въ одномъ своемъ письмѣ изъ-за границы гр. П. И. Панину Д. И. Фонъ-Визинъ замѣтилъ: „Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ (т. е. тѣхъ же просвѣтителей. *Г. П.*) состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи". Фонъ-Визинъ приписалъ здѣсь философскому ученію просвѣтителей слишкомъ узкое содержаніе: его нельзя ц ѣ л и к о м ъ свести къ провозглашенію независимости морали отъ религіи. Но, въ самомъ дѣлѣ, оно настойчиво провозглашало эту независимость, и въ этомъ состояла одна изъ важнѣйшихъ его особенностей. Вполнѣ понятно, чѣмъ она была вызвана. Идеологи сословія, вступившаго въ непримиримую борьбу со свѣтской и духовной аристократіей, были бы непослѣдовательны, если бы не постарались положить конецъ нравственной зависимости населенія отъ духовенства. Не менѣе понятно и то, что людямъ, воспитаннымъ въ такой зависимости, свѣтская мораль просвѣтителей представлялась проповѣдью безнравственности. Изслѣдователь непремѣнно долженъ считаться съ этимъ психологическимъ явленіемъ, находя въ литературѣ того времени упреки въ развращенности нравовъ, выдвигаемые противъ сторонниковъ освободительной философіи.

XII.

Подобная осторожность особенно необходима при изученіи русской культуры XVIII столѣтія. Въ до-Петровской Руси мораль была покорной служанкой религіи. Петровская реформа не могла сразу положить конецъ такому подчиненію нравственныхъ заповѣдей религіознымъ догматамъ и даже обрядамъ. Не говоря уже о раскольничьей реакціи противъ западнаго вліянія, мы знаемъ что уже „ученая дружина" далеко не была послѣдовательна въ своемъ отношеніи къ вопросамъ этого рода.

Если въ мышленіи В. Н. Татищева господствовалъ свѣтскій элементъ, то все-таки и Татищевъ не разрывалъ съ религіей. Что касается Кантемира, то хотя онъ, охотно и часто распространяясь о морали, ссылался не на житія святыхъ, какъ это дѣлали московскіе начетчики, а на свѣтскихъ,—и даже на языческихъ,—мыслителей, однако религія сохранила огромную власть надъ его умомъ, и онъ уже пугался тѣхъ выводовъ, къ которымъ

начинали приходить французскіе просвѣтители въ своей борьбѣ съ духовенствомъ [1]). Дидро, по всей вѣроятности, показался бы Кантемиру весьма опаснымъ для нравственности безбожникомъ. А между тѣмъ Татищевъ и Кантемиръ были самыми передовыми людьми своего времени. У людей отсталыхъ, сравнительно съ ними, московская привычка подчинять нравственность религіи должна была уцѣлѣть въ гораздо большей степени. И, разумѣется, не только въ теченіе первой половины XVIII вѣка. Правда, въ эпоху Екатерины европеизованный слой русскаго дворянства съ большимъ любопытствомъ прислушивался къ антирелигіозной проповѣди французскихъ просвѣтителей. Увлеченіе этой проповѣдью отчасти стало даже дѣломъ моды. Но какая реакція слѣдовала нерѣдко за такимъ моднымъ увлеченіемъ, видно изъ примѣра И. В. Лопухина.

На короткое время онъ увлекся матеріализмомъ и даже перевелъ, съ цѣлью пропаганды, послѣднюю главу второй части Гольбаховой „Системы природы" [2]). Но, едва закончивъ переводъ, онъ почувствовалъ жгучее раскаяніе, провелъ мучительную ночь безъ сна и сжегъ свою безбожную рукопись [3]).

Фонъ-Визинъ въ молодости заразился вольнодумствомъ, но очень скоро вернулся къ религіознымъ вѣрованіямъ и, по его собственному „чистосердечному признанію", не могъ безъ ужаса вспомнить о своихъ сношеніяхъ съ вольнодумцами.

Какъ извѣстно, онъ былъ впослѣдствіи разбитъ параличемъ, и вотъ разсказываютъ, что однажды, сидя въ московской университетской церкви, онъ обратился къ студентамъ со словами: „возьмите меня въ примѣръ, я наказанъ за вольнодумство". Можетъ быть, это и неправда, однако невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ: взглядъ на болѣзнь, какъ на кару за грѣхъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ самыхъ взглядовъ, противъ которыхъ возставалъ Фонъ-Визинъ въ своей молодости.

Лопухину и Фонъ-Визину естественно было считать безнравственными людей, переставшихъ смотрѣть на религію, какъ на необходимую основу нравственности. Но мы сдѣлали бы огромную ошибку, если бы безъ критики приняли ихъ отзывы о такихъ

---

[1]) См. выше, томъ второй, стр. 141.

[2]) Глава эта называется: „Abérgé du Code de la Nature". Лопухинъ назвалъ ее „Уставомъ Натуры".

[3]) Нѣчто подобное пережила П. Н. Татлина. Сочиненія Вольтера произвели на нее сильнѣйшее впечатлѣніе. „Однако, старыя понятія не уступали новизнѣ,— говоритъ она,—и по прочтеніи Вольтера на меня напалъ такой страхъ, что я хотѣла бросить книги въ огонь; но онѣ были не мои". Въ отличіе отъ И. В. Лопухина, Татлина преодолѣла свой страхъ и стала разумнѣе относиться къ опасному писателю; какъ утверждаетъ она, ея сознаніе вступило въ новую фазу развитія.

людяхъ. Въ „чистосердечномъ признаніи“ Фонъ-Визинъ говоритъ о своемъ знакомствѣ „съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ“, который свелъ его съ цѣлымъ кружкомъ безбожниковъ, проводившихъ время „въ богохуленіи и кощунствѣ“. Проводить время въ богохуленіи и кощунствѣ значитъ проводить его въ праздности, т. е. быть человѣкомъ, не имѣющимъ серьезнаго занятія. И если мы повѣримъ Фонъ-Визину, то придемъ къ тому заключенію, что его вольнодумный менторъ отличался, хотя, можетъ быть, и не безнравственностью, но, во всякомъ случаѣ, пустотою. Съ другой стороны въ одномъ изъ писемъ того же Фонъ-Визина къ роднымъ, написанномъ до покаянія нашего сатирика, тотъ же князь[1]) выступаетъ передъ нами человѣкомъ, имѣвшимъ серьезные умственные интересы. А по другимъ свидѣтельствамъ, онъ оказывается, кромѣ того, и весьма нравственнымъ человѣкомъ. Авторъ „Елисея“, В. И. Майковъ, любилъ молодого вольтерьянца „за его просвѣщенный умъ и благородство его характера“ [2]). Вернувшись къ своимъ дѣтскимъ вѣрованіямъ, Фонъ-Визинъ сталъ считать безнравственнымъ не только русскихъ „вольтерьянцевъ“, но и всѣхъ передовыхъ французовъ. „Д'Аламберты, Дидероты во своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ гр. П. Панину изъ Аахена отъ 18/29 сентября 1778 г.:—всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе“. Согласитесь, что показанія такихъ свидѣтелей довѣрія не заслуживаютъ. А вѣдь ихъ немало. Какъ въ изящной литературѣ того времени, такъ и въ воспоминаніяхъ о немъ преобладаетъ отрицательное отношеніе къ вольтерьянцамъ. И, по справедливому замѣчанію В. В. Сиповскаго, это обстоятельство убѣждаетъ насъ, что въ своей массѣ русское общество было почти враждебно имъ [3]). А это значитъ, что въ своей массѣ оно склонно было вѣрить даже и такимъ разсказамъ о нихъ, которые отнюдь не соотвѣтствовали истинѣ.

Положимъ, у насъ есть показанія свидѣтелей, заслуживающихъ несравненно большаго довѣрія. А. И. Герценъ лично зналъ многихъ русскихъ вольтерьянцевъ. Онъ говоритъ даже,

---

1) Ѳ. А. Козловскій, учившійся въ московскомъ университетѣ, служившій потомъ въ Преображенскомъ полку и убитый въ Чесменскомъ сраженіи.

2) См. вступительную статью Л. Н. Майкова къ сочиненіямъ В. И. Майкова, въ сборникѣ С. А. Венгерова „Русская поэзія“, стр. 268.

3) См. ст. „Изъ Исторіи русской мысли XVIII—XIX в.в.“ (русское вольтерьянство).—„Голосъ минувшаго“, 1914, 1, стр. 125.

что старики, съ которыми приходилось ему встрѣчаться, „были вольтерьянцами или матеріалистами, если не были масонами". И вотъ этотъ,—ужь конечно, заслуживающій вниманія,—свидѣтель тоже находитъ, что философія XVIII вѣка имѣла „въ Петербургѣ" отчасти вредное вліяніе, въ противоположность тому, что было во Франціи. По его мнѣнію, разница эта обусловливалась тѣмъ, что во Франціи новое ученіе, освобождая человѣка отъ его старыхъ предразсудковъ, внушало ему также болѣе высокія нравственныя стремленія, — „дѣлало его революціонеромъ", — тогда какъ у насъ оно разрывало послѣднія узы, связывавшія полу-дикую природу, и ничего не ставило на мѣсто старыхъ вѣрованій, старыхъ нравственныхъ понятій. Русскіе вольтерьянцы охотно откликались на призывъ къ наслажденію жизнью, „но въ ихъ душу не проникалъ торжественный звукъ набата, звавшаго людей къ великому воскресенію" [1])

Нельзя не считаться съ этимъ, показаніемъ. Выше, говоря о кн. Хворостининѣ, я уже замѣтилъ, что нравственность, умѣющая ходить только на религіозныхъ костыляхъ, начинаетъ хромать, когда лишается ихъ [2]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предложеніи, что нѣкоторые европеизованные русскіе люди пользовались новымъ ученіемъ, какъ средствомъ для усыпленія своей совѣсти, т. е. для оправданія передъ самими собой, а иногда и передъ другими, своихъ безнравственныхъ поступковъ. Очень возможно также, что и у насъ повторилось то, что происходило во Франціи значительно раньше эпохи энциклопедистовъ. Привыкнувъ связывать въ своемъ умѣ представленіе о нравственныхъ заповѣдяхъ съ представленіями о религіи и о церкви, нѣкоторые французскіе „libertins" нарушали эти заповѣди изъ-за непріязни къ духовенству. „Они были безнравственны вслѣдствіе анти-религіозности", какъ выражается одинъ французскій изслѣдователь [3]). Винскій говоритъ, что между его русскими современниками распространялось несоблюденіе постовъ и невыполненіе предписанныхъ церковью обрядовъ „съ вольными отзывами на счетъ духовенства и самыхъ догматовъ". Антагонизмъ между служилымъ классомъ и духовенствомъ существовалъ еще въ Московской Руси. Если тогда онъ могъ способствовать усвоенію служилыми людьми религіозныхъ еретическихъ ученій, то въ послѣ-Петровской Россіи онъ могъ содѣйствовать усвоенію нѣкоторой,—очень малой,—частью бла-

---

[1]) Du développement des idées révolutionnaires en Russie, par A. Iskander. Paris, 1851, pp. 46, 47, 48.

[2]) См. выше, томъ первый, стр. 265.

[3]) Louis Ducros. Les encyclopédistes. Paris, 1900, pp. 22—23.

городнаго дворянства отрицательнаго отношенія къ религіи вообще. А разъ усвоено было такое къ ней отношеніе,—неизбѣжно было и у насъ появленіе безнравственности, обусловленной анти-религіозностью.

Но безнравственность этого рода остается обыкновенно весьма поверхностной: тутъ мы имѣемъ дѣло скорѣе съ „фанфаронами порока", нежели съ его настоящими друзьями. Мы знаемъ, что „фанфароны порока" сплошь да рядомъ обнаруживали несравненно болѣе возвышенныя нравственныя чувства, нежели ихъ обличители [1]). Свойственное русскому правящему классу XVIII вѣка „поврежденіе нравовъ",—такъ ярко описанное Щербатовымъ [2]),—обязано своимъ происхожденіемъ вовсе не вліянію энциклопедистовъ. Оно весьма сильно давало себя чувствовать еще при дворѣ малограмотной Екатерины I. И тѣ же французскіе просвѣтители, вліянію которыхъ оно приписывается, выдвинули извѣстныя общія соображенія, помогающія понять его происхожденіе. Гельвецій очень недурно выяснилъ причинную связь между рабствомъ и деспотизмомъ, съ одной стороны, и нѣкоторыми родами разврата—съ другой [3])

Надо принять въ соображеніе еще и то, что люди, обличавшіе у насъ безнравственность „вольтерьянцевъ", нерѣдко сами отличались очень сомнительной нравственностью. Достаточно будетъ назвать Г. Н. Теплова, съ которымъ вернувшійся на путь благочестія Фонъ-Визинъ велъ назидательный разговоръ о вѣрѣ. Извѣстно, какъ много вынесъ Ломоносовъ отъ этого глубоко испорченнаго „подъячаго и плута".

Въ предѣлахъ тѣснаго кругозора русскаго дворянства ученіе, развившееся при иныхъ общественныхъ условіяхъ, порой принимало нелѣпый видъ. Это было естественно. Русскіе послѣдователи освободительной французской философіи бывали весьма непривлекательны. Они бывали также и просто смѣшны. Но бывали между ними и поистинѣ трагическія фигуры. Если въ ихъ

---

[1]) А. С. Пушкину тоже случалось, въ Александровскую эпоху, выступать „фанфарономъ порока", но это не мѣшало ему быть неизмѣримо благороднѣе, чѣмъ его строгіе обличители и каратели. Кн. Хворостининъ, горько сѣтовавшій на то, что жители Московскаго государства „сѣяли землю рожью, а жили ложью", тоже былъ нравственно выше своихъ современниковъ, хотя, можетъ быть, и онъ не чуждъ былъ „фанфаронадъ" и даже отчасти шатался въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ.

[2]) Да и одинъ ли Щербатовъ говорилъ о немъ? „Развращенность здѣшнюю описывать излишне,—говорилъ въ 1773 г. Фонъ-Визинъ въ одномъ изъ писемъ къ своей сестрѣ.—Я ничего у Бога не прошу, какъ чтобъ вынесъ меня съ честью изъ этого ада". Соч. Фонъ-Визина, стр. 403.

[3]) De l'Esprit, Discours III, chap. XVIII, XIX, XX, XXI; De l'Homme, section X, chapitre IX.

души не проникалъ торжественный звукъ набата, звавшаго человѣчество къ воскресенію, то они же первые и поплатились за эту глухоту, которой они страдали не по своей винѣ. Ихъ понятія оставались односторонними. Но несмотря на односторонность своихъ понятій, они все-таки были гораздо выше окружавшей ихъ среды. Ихъ „тошнило“ въ ней, какъ тошнило въ до-реформенной Москвѣ молодого Ордина-Нащокина и „дукса“ Хворостинина. На ихъ долю тоже выпало тяжелое горе отъ ума. И многіе изъ нихъ не вынесли этого горя. Въ 1793 г. богатый ярославскій помѣщикъ Опочининъ, рѣшившись на самоубійство, писалъ въ своемъ завѣщаніи: „Смерть есть не что иное, какъ перехожденіе изъ бытія въ совершенное уничтоженіе... Я никакой причины не имѣлъ пресѣчь свое существованіе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ своевольное и пріятное существованіе. Но сіе будущее миновало бы скоропостижно“. Эти строки какъ будто даютъ поводъ предполагать, что въ лицѣ Опочинина мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, потерявшимъ волю къ жизни вслѣдствіе утраты вѣры въ загробное существованіе. Отсюда можно, пожалуй, заключить, что новая философія не закаляла энергіи европеизованныхъ русскихъ людей, а, напротивъ, ослабляла ее по причинѣ ихъ неподготовленности къ усвоенію нѣкоторыхъ научныхъ истинъ. Но прочтите распоряженіе Опочинина о своихъ книгахъ,—и вы увидите, что дѣло тутъ не въ томъ.

„Книги, мои любезныя книги!—писалъ онъ,—не знаю, кому оставить ихъ. Я увѣренъ, что въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны... Прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню... Онѣ были первое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей жизни... Напослѣдокъ, если бы не онѣ, моя жизнь была бы въ безпрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ съ презрѣніемъ сей свѣтъ“.

Тутъ передъ нами самоубійство отъ полнаго умственнаго одиночества, которое является едва ли не самымъ страшнымъ видомъ горя отъ ума. Самоубійца такъ и говоритъ: „а напослѣдокъ самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу“.

Такъ древніе римскіе стоики отворяли себѣ жилы, чтобы избавиться отъ зрѣлища рабства и разврата. И вѣдь возможно, что окружавшее Опочинина темное царство лжи и зла считало его образцомъ безнравственности!

Говорятъ, что на лицахъ нашихъ вольнодумцевъ XVIII столѣтія лежалъ отпечатокъ какого-то утомленія, душевнаго разлада. Не оттого ли это, что всѣ они въ большей или меньшей степени переживали драму, сведшую Опочинина въ могилу?

Наши вольнодумцы не разслышали торжественнаго набата, будившаго современное имъ цивилизованное человѣчество; „русскій вольтерьянецъ“ часто былъ совершенно равнодушенъ къ политикѣ. Однако религіозное вольнодумство,—разумѣется, поскольку оно не было простымъ обезьянствомъ,—въ извѣстной степени прокладывало, шевеля умы, дорогу политическому вольномыслію. „Если XVIII вѣкъ былъ по преимуществу вѣкомъ безбожія,—говоритъ В. В. Сиповскій,—то начало XIX вѣка, начало и 20-ые годы царствованія Александра I, сдѣлались въ исторіи нашей мысли эпохой либерализма по преимуществу политическаго. Но любопытно, что у этихъ либераловъ-утопистовъ нѣтъ прежней дѣдовской вѣры: либерализмъ политическій шелъ у нихъ рука объ руку съ религіознымъ“ [1]).

Это требуетъ извѣстнаго ограниченія: не всѣ либералы Александровской эпохи были религіозными вольнодумцами. Но многіе изъ нихъ дѣйствительно пришли къ политическому свободомыслію черезъ философію XVIII вѣка и именно черезъ матеріализмъ, какъ это убѣдительно показалъ покойный Павловъ-Сильванскій. Типичными носителями передовой мысли двадцатыхъ годовъ XIX вѣка явились, по его справедливому мнѣнію, „политики и матеріалисты, воспитанные на французской литературѣ Вѣка Просвѣщенія“ [2]).

Это еще не все. Мы скоро увидимъ, что уже и въ XVIII столѣтіи тѣ русскіе люди, которымъ пришлось (не по недоразумѣнію) пострадать за свои передовые политическіе взгляды, воспитались на освободительной французской философіи.

Но и это не все. Мы уже видѣли выше, что эта идеологія третьяго сословія оказалась весьма пригоднымъ духовнымъ оружіемъ даже въ процессѣ раскрѣпощенія нашего служилаго класса. А если ко всему этому прибавить, что ей обязана русская литература вѣка Екатерины рѣшительно всѣмъ, что проникло въ нее человѣчнаго, возвышеннаго, благороднаго, то нетрудно будетъ составить себѣ понятіе о томъ, въ какой огромной степени **положительная** сторона тогдашняго французскаго вліянія была **важнѣе отрицательной** [3]).

---

[1]) Назв. статьи, „Голосъ минувшаго“, январь, 1914, стр. 126—127.

[2]) См. его превосходную статью „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ“, напечатанную первоначально въ „Быломъ“ (іюль 1907 г.), а потомъ вошедшую во второй томъ его сочиненій.

[3]) Къ какому времени жизни А. И. Герцена могли относиться встрѣчи его со стариками, воспитанными на французской философіи XVIII вѣка? Ясно, что главнымъ образомъ къ его молодости. Но въ его молодости у него были годы мистическаго увлеченія. Въ эти годы его, естественно, должны были раздражать взгляды старыхъ

В. В. Сиповскій привелъ въ цитированной мною статьѣ немало данныхъ, могущихъ служить для правильной оцѣнки этого плодотворнаго вліянія. Однако и онъ заимствовалъ „у французскаго историка Мориссона“ крайне пристрастную,—въ отрицательномъ смыслѣ,—характеристику вольтерьянства. Замѣчу мимоходомъ, что историкъ, на котораго онъ ссылается, въ дѣйствительности есть не Мориссонъ, а Нуриссонъ (Jean-Felix Nourisson) [1]), и принадлежитъ къ числу французскихъ консерваторовъ нынѣшняго времени, не могущихъ простить великимъ просвѣтителямъ XVIII вѣка ихъ революціонной роли въ исторіи умственнаго развитія Европы [2]). Не везетъ у насъ „вольтерьянцамъ“!

XIV.

Французская просвѣтительная философія учила, что человѣкъ, по своей природѣ, не добръ и не золъ, а дѣлается добрымъ или злымъ подъ вліяніемъ общественной обстановки. Отюда самъ собою слѣдовалъ тотъ выводъ, что надо сдѣлать эту обстановку какъ можно болѣе разумной, т. е. какъ можно болѣе соотвѣтствующей интересамъ народа. Поэтому старый порядокъ былъ признанъ неразумнымъ, подлежащимъ устраненію. Руссо и его единомышленники разсуждали, правда, не совсѣмъ такъ. Они безусловно признавали естественную доброту человѣческой природы. Но въ практическомъ отношеніи это сводилось къ тому же самому: чтобы предупредить или, по крайней мѣрѣ, ослабить искаженіе человѣческой природы, нужно было рѣшительно устранить недостатки общественнаго устройства.

Во Франціи этотъ выводъ соотвѣтствовалъ настроенію третьяго сословія, которое вскорѣ и принялось за его практическое осуществленіе. У насъ, какъ мы знаемъ, еще не было въ то время такого сословія, настроенію котораго соотвѣтствовало бы революціонное ученіе передовыхъ французовъ о человѣческой природѣ. Вслѣдствіе этого названное ученіе, будучи перенесено на рус-

---

„вольтерьянцевъ“. Его двоюродный братъ, котораго называли химикомъ, какъ видно, былъ матеріалистомъ во вкусѣ XVIII вѣка. Герценъ прямо говоритъ (въ „Быломъ и Думахъ“): „меня возмущаетъ его матеріализмъ“. Но замѣчательно, что,—какъ видно изъ словъ самого Герцена,—„химикъ“ обращался со своими крѣпостными лучше, нежели другіе владѣльцы крѣпостныхъ душъ. Впослѣдствіи Герценъ совсѣмъ отдѣлался отъ мистицизма, но старыя впечатлѣнія оставили свой слѣдъ на нѣкоторыхъ его отзывахъ о вліяніи французской философіи на Екатерининскую Россію.

[1]) См. его книгу „Voltaire et le voltairianisme“. Paris, P. Lethilleux (avant propos помѣчено 1896 годомъ).

[2]) У Нуриссона есть не менѣе ненавистническое сочиненіе и о Руссо: „J.-J. Rousseau et le rousseauisme“. Paris, 1903.

скую почву, непремѣнно должно было претерпѣть существенное измѣненіе. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ.

Если человѣкъ становится дурнымъ или хорошимъ въ зависимости отъ испытанныхъ имъ вліяній, то ясно, что его характеръ опредѣляется воспитаніемъ. Передовые французы XVIII вѣка приписывали воспитанію огромное значеніе. „L'éducation peut tout“ (воспитаніе все можетъ), писалъ Гельвецій. У насъ эта мысль чрезвычайно охотно повторялась Екатериной и тѣми общественными дѣятелями, которые призваны были проводить въ жизнь ея взгляды. „Ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе“— писалъ Бецкій. Это, какъ видимъ, совершенно то же, что говорили французскіе просвѣтители. Но далѣе возникаетъ вопросъ: что нужно для хорошаго воспитанія молодого поколѣнія?

По мнѣнію Бецкаго, достигнуть этого „не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя, т. е. произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія они получили сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣка“. Съ этой цѣлью и заводились правительствомъ Екатерины II разныя,—впрочемъ, весьма немногочисленныя,—воспитательныя заведенія.

По поводу только что приведеннаго мною разсужденія Бецкаго о воспитаніи В. В. Каллашъ замѣтилъ: „Въ этой тирадѣ вся новая теорія, какъ на ладони, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. Искреннее желаніе общаго блага, патріотическое стремленіе поднять нравственный уровень отечества—и наивность пріемовъ, юный оптимизмъ. Казалось такимъ легкимъ созданіе новой породы людей“ [1]).

Съ этимъ нельзя согласиться. Въ тирадѣ Бецкаго далеко не вся новая теорія съ ея сильными и слабыми сторонами. Въ ней именно отсутствуютъ ея с и л ь н ы я стороны.

Созданіе новой породы людей представлялось французскимъ просвѣтителямъ совсѣмъ не такимъ легкимъ дѣломъ, какимъ изобразилъ его Бецкій. Въ доказательство можно сослаться на того же Гельвеція.

Онъ писалъ, что существуетъ д в о я к о е воспитаніе: во-первыхъ, воспитаніе дѣтей (celle de l'enfance); во-вторыхъ, воспитаніе юношей (celle de l'adolescence). Первое дается школой; второе—

---

[1]) В. И. К а л л а ш ъ. Очерки по исторіи школы и просвѣщенія. Москва, 1902, стр. 134.

окружающей юношу общественной жизнью или,—какъ говоритъ нашъ философъ,—формой правительства и народными нравами, при чемъ эти послѣдніе, въ свою очередь, опредѣляются политическимъ строемъ. Если второе воспитаніе противорѣчитъ первому, то оно совершенно подрываетъ его вліяніе.

„Предположимъ, что я съ дѣтскихъ лѣтъ внушалъ моему сыну любовь къ отечеству, и что я пріучилъ его связывать свое счастье съ совершеніемъ добродѣтельныхъ, т. е. полезныхъ большинству населенія, поступковъ. Но если, при своемъ вступленіи въ свѣтъ, мой сынъ увидитъ, что патріоты живутъ въ презрѣніи, бѣдности и угнетеніи; если онъ узнаетъ, что, будучи ненавидимы высокопоставленными и богатыми людьми и пользуясь дурной репутаціей въ городѣ, добродѣтельные граждане, кромѣ того, лишаются доступа ко двору, этому источнику милостей, почестей и богатствъ (безспорно составляющихъ положительное благо), то можно прозакладывать сто противъ одного, что онъ увидитъ во мнѣ лишь нелѣпаго болтуна и суроваго фанатика; что онъ станетъ презирать мою личность, что это презрѣніе распространится также на мои правила, и что онъ предастся всѣмъ тѣмъ порокамъ, распространенію которыхъ содѣйствуетъ форма правительства и нравы его соотечественниковъ“ [1]).

По мнѣнію Гельвеція, въ деспотической Турціи нечего было бы и заикаться о хорошемъ воспитаніи. Правда, существуютъ деспотическіе правители, расточающіе похвалы умѣренности мудрецовъ и доблести древнихъ героевъ. Но эти похвалы никого не обманутъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что эти правители говорятъ одно, а думаютъ другое. Въ странахъ, ими управляемыхъ, тоже невозможно возлагать никакихъ надеждъ на воспитаніе, получаемое въ семьѣ и школѣ [2]).

Если мы примемъ въ соображеніе, что Екатерина II цѣликомъ принадлежала къ числу тѣхъ правителей, дѣла которыхъ противорѣчили ихъ словамъ, то намъ станетъ ясно, что Гельвецій рѣшительно отказался бы раздѣлить радужную увѣренность Бецкаго въ возможности созданія новой породы людей въ тогдашней Россіи. Согласно ученію Гельвеція, всякая серьезная реформа нравственнаго воспитанія предполагаетъ такое же серьезное преобразованіе законовъ и формъ правленія [3]). А такъ какъ на преобразованіе русскаго государственнаго строя тогда не могло быть никакой надежды, то Гельвецій не только не заразился бы оптимизмомъ Бецкаго, но, напротивъ, высказалъ бы совершенно

---

[1]) Oeuvres complètes d'Helvetius, t. second pp. 595—596. Paris, MДCCC. XVIII.

[2]) Тамъ же, стр. 596—597.

[3]) Тамъ же, стр. 598.

пессимистическій взглядъ на наше положеніе. Вспомнимъ, что онъ даже на положеніе Франціи смотрѣлъ глазами пессимиста. Конечно, не всѣ французскіе просвѣтители были такъ послѣдовательны, какъ онъ. Непослѣдовательность мысли позволяетъ иногда питать розовыя надежды даже тамъ, гдѣ теорія подсказываетъ мрачныя умозаключенія. Но все-таки неоспоримо, что всѣ французскіе просвѣтители считали политическую и общественную реформу необходимымъ предварительнымъ условіемъ реформы педагогической.

XV

Мы видѣли, что въ разсужденіяхъ Бецкаго о созданіи новой породы людей не было и намека на необходимость государственной реформы. Не было намека на эту необходимость и въ разсужденіяхъ огромнѣйшаго большинства тогдашнихъ русскихъ просвѣтителей. Когда они говорили о воспитаніи, они всегда имѣли въ виду именно только семейное и школьное воспитаніе. Гельвецій сказалъ бы, что они всегда разсуждали только о воспитаніи дѣтей и не касались воспитанія юношей. Но если они не касались воспитанія юношей, то отъ этого дѣти не переставали постепенно превращаться въ молодыхъ людей, а характеръ молодыхъ людей не переставалъ складываться подъ вліяніемъ окружающей ихъ общественной среды. Русскіе просвѣтители не могли отрицать правильности того вывода изъ ученія французскихъ философовъ о человѣческой природѣ, согласно которому характеръ человѣка становится хорошимъ только тамъ, гдѣ хороша общественная обстановка. Раздѣляли они и тотъ взглядъ, что хороша лишь та общественная обстановка, которая самой организаціей своей убѣждаетъ отдѣльныхъ лицъ въ солидарности ихъ частныхъ интересовъ съ интересами цѣлаго. По ученію французскихъ философовъ, такой общественной обстановки еще не существовало даже въ самыхъ передовыхъ странахъ цивилизованнаго міра. Рѣчь шла именно о томъ, чтобы создать ее посредствомъ общественной и политической реформы. Стремленіе къ такой реформѣ и составляло революціонную сущность французской освободительной философіи.

Въ своемъ огромнѣйшемъ большинствѣ русскіе просвѣтители не раздѣляли этого стремленія. Они еще не пришли къ той мысли, что русская дѣйствительность нуждается въ коренной передѣлкѣ. Спрашивается, какимъ же образомъ могли они надѣяться на то, что окружающая русскаго обывателя общественная среда будетъ убѣждать его въ тождествѣ его частныхъ инте-

ресовъ съ интересами цѣлаго? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Фонъ-Визинъ въ 1-мъ явленіи 5 дѣйствія своего „Недоросля“.

Правдинъ высказываетъ тамъ то мнѣніе, что люди становятся несчастными по своей собственной винѣ: вслѣдствіе своего развращенія; но ему хотѣлось бы знать тѣ способы, которые могли бы сдѣлать людей добрыми. Стародумъ, перебивая Правдина, высказываетъ на этотъ счетъ слѣдующее категорическое убѣжденіе.

„Они (т. е. способы. *Г. П.*) въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми,—тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ“.

Какъ видите, въ головѣ Стародума вопросъ рѣшался несравненно проще, нежели въ головахъ французскихъ философовъ Если эти послѣдніе обращались къ просвѣщеннымъ государямъ, то они ждали и требовали отъ нихъ серьезныхъ реформъ (примѣръ: совѣты, данные Дидро Екатеринѣ). Реформы эти должны были связать личный интересъ каждаго отдѣльнаго гражданина съ общимъ интересомъ страны. Стародумъ гораздо умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. Онъ желаетъ только того, чтобы государь не выводилъ „въ люди“ тѣхъ изъ своихъ слугъ, которые лишены „благонравія“. Когда государь станетъ неуклонно слѣдовать этому прекрасному правилу, тогда всякій будетъ хорошъ, потому что всякій найдетъ, что выгодно быть благонравнымъ. И Стародумъ убѣжденъ, что государь можетъ съ большимъ успѣхомъ послѣдовать указанному правилу. „Повѣрь мнѣ, мой другъ,—говоритъ онъ,—гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно“.

Въ головѣ Стародума взгляды французскихъ просвѣтителей совершенно утратили свое революціонное содержаніе и пріобрѣли консервативный характеръ. Такой же характеръ получили они и въ головѣ собесѣдника Стародума,—тоже весьма симпатичнаго автору,—Правдина. Надобно дѣйствительно, — говоритъ Правдинъ, „чтобы всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе“. Въ противность тому, что мы видѣли у Гельвеція, воспитаніе не только не предполагаетъ здѣсь коренной общественной реформы, но, напротивъ, вполнѣ приспособляется къ существующему порядку вещей.

Когда Фонъ-Визинъ задумалъ издавать (въ 1788 г.) журналъ „Другъ честныхъ людей или Стародумъ“, онъ, въ „Письмѣ къ

Стародуму", такъ объяснилъ выборъ этого заглавія: „Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей: Недоросль одолженъ я Вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ".—Публика слушала ихъ даже охотнѣе, чѣмъ смотрѣла тѣ сцены, въ которыхъ оказывался несомнѣнный и большой сатирическій талантъ Фонъ-Визина. Это показываетъ, что большинство европеизованныхъ россіянъ раздѣляло взгляды Стародума и Правдина. А разъ это было такъ, то неудивительно, что наша тогдашняя литература вообще и наша тогдашняя сатира въ частности сама отличалась, за немногими исключеніями, большимъ „благонравіемъ". Сатирическіе журналы 1769—1779 годовъ возставали,—и иногда довольно смѣло,—противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленій русской общественной жизни, повидимому, даже не подозрѣвая, что явленія эти находились въ неразрывной связи съ самыми глубокими основами тогдашняго порядка вещей. Возьмемъ примѣръ.

Лучшіе изъ сатирическихъ журналовъ бичевали жестокихъ помѣщиковъ. Въ „Трутнѣ" Н. И. Новикова выведенъ нѣкій г. Безразсудъ, твердо убѣжденный, что крестьяне не люди, а только крестьяне. Видя, какъ его крѣпостные кланяются ему, „по восточному", въ ноги, онъ думаетъ: „я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка: они памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора". Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего снеси хлѣбъ твой [1]).

Не лучше Безразсуда и его превосходительство г. Недоумъ, котораго немедленно начинаетъ трясти лихорадка, какъ только въ его присутствіи кто-нибудь упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ: „онъ ихъ въ противность модного нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ [2]).

Въ листахъ XXVI и XXX „Трутня" за тотъ же годъ напечатаны „Отписки" одного старосты къ помѣщику и помѣщиковъ указъ къ крестьянамъ, превосходно изображающіе положеніе тогдашнихъ крѣпостныхъ. Сатирикъ заставляетъ старосту сообщать помѣщику о тѣлесномъ наказаніи на сходѣ и объ оштрафованіи пятью рублями крестьянина Андрюшки за то, что тотъ,

---

[1]) „Трутень", 1769, листъ XXIV. Курсивъ подлинника.

[2]) Тамъ же, листъ XXIII.

въ своей челобитной къ помѣщику, назвалъ его отцомъ, а не господиномъ. „Онъ сказалъ,—прибавляетъ староста,—„я де это сказалъ съ глупости“ и на предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ“ [1]).

Въ „Живописцѣ“ того же Новикова напечатанъ былъ замѣчательный отрывокъ изъ „Путешествія въ И*** Т***“. Подводя итоги своимъ путевымъ впечатлѣніямъ, авторъ отрывка писалъ: „бѣдность и рабство повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы огороженныя плѣтнями, не большія адоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ—тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны [2]). Это напоминаетъ знаменитое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. И мы знаемъ, что отрывокъ этотъ въ свое время произвелъ сильное впечатлѣніе на читателей. Новикову сообщали, что „многія наша братья дворяне пятымъ листомъ (т. е. тѣмъ, въ которомъ напечатанъ былъ отрывокъ. *Г.П.*) недовольны“. Другіе читатели, напротивъ, „за оный же листъ“ хвалили Новикова [3]). Однако продолженія путешествія не появилось: какъ видно, начальство приняло противъ его печатанія свои мѣры.

Новиковъ оправдывается тѣмъ, что авторъ путешествія нападаетъ не на цѣлый „дворянскій корпусъ“, а только на дворянъ, власть свою во зло употребляющихъ. Этому мало вѣрили тогда и мало вѣрятъ до сихъ поръ.

Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что Новиковъ былъ противъ крѣпостного права въ его цѣломъ, а не только противъ злоупотребленій помѣщичьей властью [4]). Возможно, что въ глубинѣ души Новиковъ, дѣйствительно, осуждалъ крѣпостное право, какъ таковое. Однако печатно онъ осуждалъ именно только дурныхъ помѣщиковъ. Говорятъ, что это происходило по причинѣ слишкомъ хорошо извѣстныхъ у насъ „независящихъ отъ редакціи обстоятельствъ“. Это тоже возможно; но и это остается недоказаннымъ. Болѣе того, есть основаніе думать, что не только впослѣдствіи, сдѣлавшись мистикомъ, но и въ эпоху изданія „Трутня“, „Живописца“ и „Кошелька“ Новиковъ не доходилъ до

---

1) „Трутень“, листъ XXVI.

2) „Живописецъ“ на 1772 г., листъ 5-й. Курсивъ подлинника.

3) Тамъ же, листъ 13-ый.

4) Ср. Незеленовъ. Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1774. Спб., 1875, стр. 153 и слѣд.

принципіальнаго осужденія крѣпостного права. Насъ не должны вводить въ ошибку часто встрѣчающіяся въ этихъ журналахъ разсужденія на ту тему, что „крестьяне такіе же человѣки". Вѣдь и Сенека писалъ, что рабы такіе же люди, какъ ихъ господа [1]), а между тѣмъ противъ рабства, какъ общественнаго учрежденія, онъ нигдѣ не высказывался. Кромѣ того, изслѣдователи, приписывающіе Новикову принципіальное осужденіе крѣпостного права, не обращаютъ вниманія на весьма важный литературный документъ, напечатанный въ VI листѣ „Кошелька" (1774 г.) Я имѣю въ виду одноактную комедію „Народное игрище".

Въ ней, какъ бы въ назиданіе злымъ помѣщикамъ, изображается добрый баринъ Толстосумъ, „отецъ, а не господинъ". Одинъ изъ подданныхъ этого добраго барина говоритъ, что сердце радуется, смотря на его крестьянъ, и прибавляетъ, какъ общее правило, что „ежели у доброва помѣщика крестьянинъ бѣденъ, такъ онъ на себя долженъ пѣнять: либо онъ лѣнивецъ, или пьяница". Это, кажется, довольно далеко отъ принципіальнаго осужденія крѣпостного права. Но это еще не все. Тотъ же вѣрный крѣпостной слуга добраго Толстосума высказываетъ слѣдующее, весьма назидательное и въ тоже время очень характерное, соображеніе: „честный слуга не только что угождать господину, но долженъ иногда представлять ему съ учтивостью о его непорядкахъ. Доброй господинъ никогда за ето не прогнѣвается, а хотя сперва и осердится, такъ ето не на долго: послѣ самъ признается. Я ето много разъ испыталъ, представляя старому барину; и за то-то онъ меня ото всѣхъ отмѣнно и жалуетъ".

Замѣтьте, что комедія „Народное игрище" предназначалась для зрителей изъ народа и, по мнѣнію издателя „Кошелька", должна была принести имъ пользу. Однако только что приведенное соображеніе могло быть „полезно" развѣ только въ смыслѣ защиты крѣпостного права, какъ таковово.

Другой крѣпостной Толстосума, лакей его сына Василій, сообщаетъ, что крестьяне очень любятъ стараго помѣщика, „а по немъ и молодова барина также любятъ, хотя онъ имъ ни какова еще добра не сдѣлалъ". Но тотъ же Василій, принимая участіе въ кутежахъ своего молодого господина, очень опасается, что о нихъ узнаетъ старый баринъ. „Какъ онъ до насъ не милостивъ, только спинѣ моей за ето отвѣчать будетъ: и мнѣ послѣ етова гулянья такое будетъ похмелье, что и въ годъ не забудешь". Отсюда видно, что идеальный помѣщикъ Толстосумъ, заботясь о благо-

---

[1]) См. его знаменитое письмо къ Луцилію о томъ, что слѣдуетъ человѣчно обращаться съ рабами.

нравіи своихъ крѣпостныхъ, не чуждался и весьма чувствительныхъ тѣлесныхъ наказаній.

Правда, разбираемая комедія написана была не Новиковымъ. В. П. Семенниковъ считаетъ вѣроятнымъ, что ее написала, по желанію Екатерины, княгиня Е. Р. Дашкова [1]). Однако Новиковъ не только напечаталъ ее, но предпослалъ ей нѣсколько вполнѣ сочувственныхъ замѣчаній. Поступилъ ли бы онъ такъ, если бы не раздѣлялъ основной мысли присланной ему комедіи? А вѣдь мысль эта, безъ всякаго сомнѣнія, сводится къ тому, что баринъ долженъ и можетъ съ успѣхомъ заботиться о своихъ крѣпостныхъ крестьянахъ, а крѣпостные крестьяне должны и могутъ искренно любить своего барина: тутъ нѣтъ ровно ничего общаго съ мыслью о крестьянской эмансипаціи.

Что въ эпоху изданія „Трутня", „Живописца" и „Кошелька" Новиковъ былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ русскихъ людей это совершенно неоспоримо. Но какъ умѣренны были взгляды этого, тогда еще весьма передового человѣка, видно изъ его отношенія къ вопросу о свободѣ печати. Подобно всѣмъ своимъ европеизованнымъ современникамъ, Новиковъ восхищался тѣмъ, что Екатерина дала своимъ подданнымъ свободу мыслить и говорить. Какъ журналистъ, онъ былъ ex-professo заинтересованъ въ возможно большемъ расширеніи предѣловъ этой свободы. Но ему и въ голову не приходило, что можно совсѣмъ отмѣнить цензуру. По его мнѣнію, спокойствіе государства и безопасность гражданъ требуютъ, „чтобы не дозволено было издавать книги опроверженіями Божія закона наполненныя, самодержавію и отечеству противныя, такожь сочиненія язвительныя и соблазнительныя, могущія повредить сердце и душу молодыхъ людей, или привести невинность на злодѣяніе". Люди, пишущіе такія сочиненія, недостойны носить имя авторовъ или, какъ выражается Новиковъ, творцовъ, а должны считаться „вредительными гадинами". Чтобы предохранить общество отъ вреднаго вліянія подобныхъ „гадинъ", правительство должно „свидѣтельствовать" вновь выходящія книги, при чемъ первая роль въ дѣлѣ ихъ освидѣтельствованія отводилась у Новикова духовнымъ цензорамъ [2]). Если мы примемъ въ соображеніе, что Новиковъ былъ, вѣроятно, наиболѣе независимымъ и, навѣрно, самымъ благороднымъ человѣкомъ между издателями русскихъ сатирическихъ журналовъ, то мы убѣдимся, что требованія нашихъ тогдашнихъ сатириковъ, въ самомъ дѣлѣ, были весьма скромными. Тѣмъ не

---

[1]) „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г." С.П.Б. 1914, стр. 58.

[2]) „Живописецъ" на 1772 г., листъ XX_0.

менѣе лучшимъ изъ нихъ пришлось встрѣтить на своемъ литературномъ пути непреодолимыя препятствія.

Первымъ по времени сатирическимъ журналомъ (1764 г.) была, какъ извѣстно, „Всякая всячина“, которая издавалась Г. В. Козицкимъ по желанію и подъ руководствомъ самой Екатерины. Въ одномъ изъ №№ этого журнала появилось восторженное похвальное слово по адресу печати: „О, печать! конечно, самъ Богъ просвѣтилъ того человѣка, кто тебя выдумалъ! Тобою сохраняются описанія великихъ дѣлъ человѣческихъ, тобою летаютъ мысли человѣческія отъ Востока до Запада, отъ Полудня до Полуночи; ты истребляешь вредныя роду человѣческому предразсужденія; тобою открывается истина; тобою изъ примѣровъ научаются цари царствовать, министры охранять отечество, полководцы искусству воинскому, судьи разысканію правды. Колико споспѣшествуешь ты людямъ ко благополучію!“ и т. д. Но въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, практика Фелицы шла въ разрѣзъ съ ея теоріей.

Принимая на себя руководство „Всякой всячиной“ и поощряя изданіе другихъ журналовъ, Екатерина, какъ видно, льстила себя той надеждой, что русская періодическая печать ограничится усерднымъ воспѣваніемъ славы новой государыни. Но какъ ни скромны были наши тогдашніе журналисты въ своихъ общественныхъ стремленіяхъ, они все-таки гораздо серьезнѣе поняли свою задачу. Они считали себя въ правѣ критиковать, между тѣмъ какъ Фелица считала ихъ обязанными восторгаться. Отсюда, естественно, возникъ разладъ, тяжело отразившійся на судьбѣ сатирическихъ журналовъ.

Уже во второмъ листѣ „Трутня“ за 1769 г. напечатано было письмо одного воеводы къ своему племяннику, избѣгавшему приказной службы. „Почему она тебѣ противна?—недоумѣвалъ заботливый дядюшка.—Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ ненаживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли, но со всѣмъ тѣмъ, годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Каково-жъ нажиточно бывало прежде, самъ разсуди, нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба!“

Екатерина увидѣла въ этомъ письмѣ личную обиду, и ея „Всякая всячина“ немедленно начала кампанію противъ „Трутня“.

Журналъ „ученицы Вольтера“ доказывалъ, что суды и судьи вовсе не такъ плохи, какъ думаетъ авторъ цитированнаго мною письма, и что хотя приказные, въ самомъ дѣлѣ, берутъ иногда взятки, но виноваты въ этомъ не столько они, сколько сами

просители. „Подлежитъ еще и то вопросу,—писала „Всякая всячина“,—если бы менѣе было около нихъ искусителей, не умалилась бы тогда и на нихъ жалоба“. Это неожиданное и поистинѣ оригинальное соображеніе вызвало рѣзкій отпоръ со стороны другихъ журналовъ.

Въ „Смѣси“ появилось письмо, ѣдко осмѣивавшее „бабушку“ [1]) за ея защиту подъячихъ... Бабушка говорила, что лучше поменьше тягаться и почаще рѣшать дѣла миромъ. „Смѣсь“ возражала, что это всякому извѣстно, и что никто не станетъ тягаться по пустякамъ. Если бы всѣ были добросовѣстны и всѣ подчинялись бы закону, то не было бы нужды ни въ судахъ, ни въ судьяхъ. Но въ дѣйствительности безъ судовъ обойтись нельзя, и потому слѣдуетъ добиваться, чтобы подъячіе строго исполняли свои обязанности. „Пожалуйста,—говорилъ авторъ письма, обращаясь къ редактору „Смѣси“,—откажитесь отъ бабушки, которая нынѣ сказываетъ простыя сказки и тѣмъ самымъ изображаетъ слабости своего разума“ [2]). „Адская почта“ напоминала бабушкѣ о всѣми уважаемыхъ сатирикахъ древности и ставила ей на видъ, что сатира существуетъ именно для осмѣянія пороковъ. Это замѣчаніе направлялось противъ той мысли „Всякой всячины“, что надо имѣть человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ. „Добросердечный сочинитель,—проповѣдывала бабушка,—изрѣдка касается къ порокамъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорбити человѣчество: но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка украшеннаго различными совершенствами, то-есть добронравіемъ и справедливостью; описываетъ твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалитъ сына отечества, пылающаго любовью и вѣрностью къ Государю и обществу, изображаетъ миролюбиваго гражданина, искренняго друга, вѣрнаго хранителя тайны и. д. [3]).

Здѣсь едва ли не впервые выдвинуто было въ русской литературѣ всѣмъ намъ хорошо знакомое ученье охранителей о томъ, что лучше выставлять положительные типы, нежели — отрицательные. Какъ это много разъ повторялось и впослѣдствіи, органъ ученицы Вольтера утверждалъ, что склонность авторовъ къ изображенію отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности обусловливается отсутствіемъ д о б р о т ы въ ихъ сердцѣ. Отвѣчая нѣкоему „Правдолюбову“, выступившему противъ нея въ пятомъ ли-

[1]) Такъ называли „Всякую всячину“ потому, что она стала выходить раньше всѣхъ другихъ журналовъ.

[2]) „Смѣсь“, листъ XI.

[3]) „Всякая всячина“, 1769 г., новое изданіе редакціи журнала „Будильникъ“, Москва, 1893, стр. 48.

стѣ „Трутня“, „Всякая всячина“ писала: „Добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ ни на есть быть могло снисхожденіе; а можетъ статься, что и умъ его не достигаетъ до подобнаго нравоученія. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все, да про все кнутомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумагѣ, до коей онъ дотрогивается“ [1]. На самомъ дѣлѣ Правдулюбову тѣмъ меньше нужно было лечиться, что въ его взглядѣ на предметъ спора не было и слѣда жестокости. Онъ былъ совершенно правъ, говоря, что жестокимъ является не тотъ, кто возстаетъ противъ беззаконія, а тотъ, кто мирится съ нимъ. „Многіе слабой совѣсти люди,—писалъ онъ,— никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе называть пороколюбіемъ. По моему мнѣнію больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по Руски) потакаетъ“ [2].

Что органъ Фелицы готовъ былъ потакать порокамъ, это совершенно очевидно. Однако происходило это вовсе не потому, что онъ будто бы поддался вліянію „матеріализма и отрицанія“,— какъ это думалъ догадливый А. И. Незеленовъ [3]), а по совершенно другой причинѣ.

Три недѣли спустя по своемъ восшествіи на престолъ, Екатерина обнародовала манифестъ о лихоимствѣ, изображавшій это застарѣлое зло русской общественной жизни такими яркими красками, какими не описывалъ его, пожалуй, ни одинъ изъ сатирическихъ журналовъ ея времени [4]. Но манифестъ, именно

---

1) Тамъ же, стр. 39.

2) „Трутень“, листъ V.

3) Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, стр. 78—80.

4) „Мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ Нашемъ лихоимство выросло, такъ что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялося. Ищетъ ли кто мѣсто, платить; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротивъ того, многіе судящіе освященное ихъ мѣсто, въ которомъ они именемъ Нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ Насъ званіе судьи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу приносимую Богу, Намъ и отечеству и мздоимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, раззореніе государственныхъ въ

потому, что былъ опубликованъ вскорѣ послѣ воцаренія новой государыни, являлся упрекомъ предыдущему царствованію, между тѣмъ какъ нападки, сыпавшіяся на лихоимцевъ со стороны сатирическихъ журналовъ, начавшихъ выходить послѣ того, какъ эта государыня процарствовала уже пять лѣтъ, могли быть поняты, какъ упрекъ ей самой. Такъ и поняла ихъ Екатерина. Тщеславная выше всякой мѣры, она хотѣла, чтобы ея подданные въ серьезъ принимали увѣренія одописцевъ насчетъ всеобщаго благополучія, будто бы установившагося у насъ послѣ ея воцаренія. Впослѣдствіи, въ „Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова“ (1783 г.), она осмѣивала, какъ ветхозавѣтныхъ чудаковъ, тѣхъ, которые полагали, что въ Россіи еще не истреблено взяточничество. Отъ имени автора „Былей и небылицъ“ она выводила одного изъ подобныхъ чудаковъ въ лицѣ стараго друга дѣдушки этого автора. Этотъ старикъ охотно читалъ книги, но, во-первыхъ, имѣлъ слабость безъ критики принимать все, что говорятъ сочинители, а во-вторыхъ,—„мысли и понятія о вещахъ, кои сорокъ лѣтъ назадъ имѣлъ, и теперь тѣ же имѣетъ, хотя вещи въ существѣ весьма перемѣнились... Понынѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ ни гдѣ нѣтъ“. Такимъ образомъ Екатерина увѣряла читателей „Собесѣдника“, что жаловаться на несправедливость органовъ управленія и суда могли только очень отсталые люди. „Въ свое время сей человѣкъ слылъ смышленымъ и знающимъ,—писала она о недовольномъ старикѣ,—но какъ нынѣ вещи перемѣнились и смыслъ распространился, а его понятіе отстало, онъ же къ тому понятію привыкъ и далѣе не пошелъ, то о настоящемъ говоритъ онъ, какъ говаривалъ сорокъ лѣтъ назадъ о тогдашнемъ“.

Въ то время, когда выходилъ „Собесѣдникъ“, въ самомъ дѣлѣ уже не существовало ни воеводъ ни ихъ канцелярій [1]). Однако число лихоимцевъ отъ этого ни мало не уменьшилось. Это извѣстно было всѣмъ и каждому. Но Екатерина не желала объ этомъ и слышать. Она была какъ нельзя болѣе довольна собою. Отъ имени дѣдушки автора „Былей и небылицъ“ она настойчиво твердила: „Припомните мои слова; всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее половодіе;

прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ“. В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Т. II, стр. 209).

[1]) Прежде воеводы стояли во главѣ провинцій, но „Учрежденіе для управленія губерній“, раздѣлившее губернію прямо на уѣзды, уничтожило ея раздѣленіе на провинціи.

вода же, пришедъ въ прежніе границы и берега свои, возъимѣетъ теченіе естественнѣе прежняго".

Когда Фонъ-Визинъ, превознеся литературный талантъ Екатерины, посовѣтовалъ ей,—т. е. собственно тому же автору „Былей и небылицъ",—хлестнуть сатирическимъ бичемъ безсовѣстныхъ судей, она отвѣчала за этого автора: „Въ Быляхъ и небылицахъ гнусности и отвращеніе за собою влекущее не вмѣщаемы; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее, и наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія Драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло; мы и Грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!"

Произведенія „въ улыбательномъ духѣ" нравились Фелицѣ несравненно больше, нежели „гнусность" и „скука" сатиры. Но такъ какъ совершенно обойтись безъ сатиры было невозможно, то Екатерина предъявила къ ней, во-первыхъ, уже извѣстное намъ требованіе будто бы человѣчнаго отношенія къ порочнымъ людямъ, а во-вторыхъ,—и это было вполнѣ естественнымъ дополненіемъ перваго требованія,—она желала, чтобы сатира не касалась отдѣльныхъ лицъ. Наоборотъ, Новиковъ въ своихъ первыхъ сатирическихъ изданіяхъ доказывалъ необходимость „критики на лицо". Это опять весьма знаменательное разногласіе.

Какъ понималъ „критику на лицо" издатель лучшихъ сатирическихъ журналовъ 1769—1774 годовъ?

Я думаю, что это лучше всего можно пояснить примѣромъ.

Въ двадцать пятомъ листѣ „Трутня" за 1769 г. разсказана исторія нѣкоего Пролаза, бывшаго „человѣкомъ чиновнымъ и не послѣднимъ мотомъ". Задолжавъ деньги одному купцу, онъ вотъ что придумалъ для избѣжанія уплаты.

„Случилось имъ быть вмѣстѣ въ гостяхъ, купецъ подпилъ и Пролазъ не упустилъ ево по разгорячить, что онъ ему денегъ не отдастъ, и что ежели онъ будетъ и просить на него, такъ ничего не сыщетъ. Купецъ послѣ сего Пролаза выбранилъ; а Пролазъ ничего ему не отвѣчая сказалъ: милости прошу прислушать, и на другой день подалъ челобитную. На конецъ вмѣсто бещестія взялъ обратно свой вексель съ надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы, супругѣ своей не худой на шубу мѣхъ. Пролазъ долгомъ поквитался, а купецъ за то, что Плута назвалъ бездѣльникомъ, потерялъ свои деньги".

Новиковъ былъ убѣжденъ, что осмѣяніе порока уменьшаетъ его силу больше, нежели нравоученіе, подчасъ вызывающее одну

скуку. Но если сатирикъ ограничивается осмѣяніемъ даннаго порока въ его общемъ видѣ, то ни одно изъ лицъ, этимъ порокомъ зараженныхъ, не отнесетъ осмѣяніе на свой собственный счетъ: всякій подумаетъ, что рѣчь идетъ о комъ-то другомъ. Поэтому нужно сдѣлать камень, благодаря которому данное порочное лицо поняло бы, что авторъ говоритъ именно о немъ, а не о комъ-нибудь изъ его ближнихъ. „Я утверждаю,—писалъ Правдулюбовъ, изобразившій выше указанный подвигъ чиновнаго Пролаза,—что критика, писанная на лицо... больше можетъ исправить порочнаго". Но и тутъ слѣдуетъ поступать очень осторожно: надо, чтобы намекъ, направленный по адресу того или другого лица, служителя порока, оставался не для всѣхъ понятнымъ. „Впротивномъ же случаѣ, естьли лицо такъ будетъ означено, что всѣ читатели его узнаютъ, тогда порочный не исправится, но къ прежнимъ порокамъ прибавитъ и еще новой, то есть злобу".

Изъ этого, по правдѣ сказать, довольно наивнаго разсужденія слѣдуетъ, что подъ „критикой на лицо" Новиковъ и его единомышленники понимали просто-на-просто обличеніе предосудительныхъ поступковъ отдѣльныхъ лицъ. Примѣръ чиновнаго Пролаза и довольно многіе другіе, встрѣчающіеся въ „Трутнѣ" и въ „Живописцѣ", показываютъ, что „критика на лицо" склонна была обличать преимущественно лицъ, имѣющихъ власть и ею злоупотребляющихъ. Осторожное отношеніе къ обличаемому, котораго требовалъ Правдулюбовъ, подсказывалось, можетъ быть, не только опасеніемъ того, что намекъ, для всѣхъ понятный, окажетъ слишкомъ сильное психологическое дѣйствіе, но также и безсознательной боязнью возмездія со стороны обличаемыхъ чиновныхъ особъ.

На первыхъ ступеняхъ своего развитія сатира вездѣ является „критикой на лицо". Но какъ ея начальные шаги, такъ и ея дальнѣйшее развитіе принимаютъ различный видъ въ зависимости отъ общественныхъ условій. Комедіи Аристофана тоже были, какъ извѣстно, „критикой на лица". Но онъ жилъ въ демократической аѳинской республикѣ, пользовался весьма значительной свободой слова и не боялся называть по именамъ лицъ, совершавшихъ дурные, по его мнѣнію, поступки. Наоборотъ, въ Екатерининской Россіи даже и весьма осторожное обличеніе особъ, власть имѣвшихъ, грозило обличителю большими непріятностями. Подобно матушкѣ-государынѣ, высокопоставленныя особы предпочитали „критикѣ на лица" общія изображенія пороковъ, а общія изображенія пороковъ нравились имъ гораздо меньше, нежели сочиненія въ улыбательномъ духѣ. И, конечно,

сатирическіе журналы должны были навлечь на себя большую непріязнь съ ихъ стороны.

Такъ какъ сатирику, достойному этого названія, писать въ „улыбательномъ духѣ“ крайне трудно, то вполнѣ понятно, что положеніе русскихъ сатириковъ-обличителей вскорѣ стало весьма незавиднымъ. Одинъ за другимъ прекратились,—во многихъ случаяхъ по независящимъ обстоятельствамъ,—сатирическіе журналы 1769—1774 гг. Разумѣется, ихъ исчезновеніе не могли удовлетворить тѣ общественныя нужды, которыя находили въ нихъ свое выраженіе. Поэтому потребность въ сатирѣ не исчезала, и время отъ времени появлялись новыя сатирическія изданія. Но трудности, на которыя они наталкивались, не только не уменьшались съ теченіемъ времени, а, наоборотъ, все болѣе и болѣе увеличивались по мѣрѣ того, какъ ученица Вольтера все лучше и лучше уясняла себѣ практическій смыслъ новыхъ французскихъ теорій. Дѣло приняло совсѣмъ плохой оборотъ, когда во Франціи разразилась революціонная буря. Тогда нѣкоторые наши писатели испытали жестокія преслѣдованія. Извѣстна судьба Новикова и Радищева. Менѣе извѣстенъ тотъ фактъ, что неудовольствіе императрицы навлекъ на себя также и еще молодой тогда И. А. Крыловъ.

XVI.

„Одну изъ моихъ повѣстей, которую уже набирали въ типографіи,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—потребовала къ себѣ императрица Екатерина; рукопись не воротилась назадъ, да такъ и пропала[1]). Какъ кажется, Крылова даже брали „подъ караулъ“ и притомъ не одного, а въ цѣлой компаніи. Дѣло происходило въ 1792 г., когда онъ вмѣстѣ съ Дмитревскимъ, Плавильщиковымъ, Клушинымъ и другими издавалъ сатирическій журналъ „Зритель“[2]). Вся эта исторія до сихъ поръ остается не вполнѣ разъясненной. Достовѣрно извѣстно только, что Крыловъ унялся не сразу. Въ слѣдующемъ году онъ, вмѣстѣ съ Клушинымъ, приступилъ къ изданію новаго журнала „С.-Петербургскій Меркурій“. Хотя сатира „Меркурія“ была уже далеко не такой смѣлой и яркой, какъ сатира „Зрителя“, однако новый журналъ тоже навлекъ преслѣдованія на своихъ издателей. Въ его третьей части Клушинъ написалъ разборъ трагедіи Княжнина „Вадимъ“,

---

[1]) См. біографическій очеркъ, приложенный къ 1-му тому „Полнаго собраній сочиненій И. А. Крылова“, изданнаго подъ редакціей В. И. Каллаша, стр. XLIV.

[2]) Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 3-иго января 1793 г. Карамзинъ спрашивалъ: „Мнѣ сказывали, будто издателей „Зрителя“ брали „подъ караулъ“: Правда ли это? и за что?“

какъ извѣстно, сильно не понравившійся государынѣ. Издатели „Меркурія“ получили внушеніе, вслѣдствіе котораго Крыловъ уѣхалъ куда-то въ деревню, а Клушинъ за границу [1]). Послѣ этого литературныя выступленія Крылова прекратились на довольно продолжитльное время. А когда онъ снова взялся за перо, его уже не привлекала къ себѣ сатира. Онъ лишь изрѣдка пописывалъ свои басни, старательно избѣгая раздражать власть имущихъ и неизмѣнно памятуя, что лучше всего держать языкъ за зубами.

„Русская жизнь, — говоритъ В. В. Каллашъ, — загубила въ Крыловѣ одного изъ величайшихъ нашихъ сатириковъ, направивъ его сатирическое дарованіе по узкому и тѣсному руслу, не давъ ему правильно развиться, даже во многихъ отношеніяхъ исказивъ его... Настоящій Крыловъ, какимъ бы онъ могъ выработаться для нашей литературы, проглядываетъ больше всего, хотя и не вполнѣ, въ его сатирическихъ статьяхъ, и въ этомъ заключается ихъ громадное историко-литературное значеніе“ [2]).

Неблагопріятныя условія русской дѣйствительности весьма своеобразно измѣнили, какъ мы видѣли, заимствованное у французскихъ просвѣтителей ученіе о человѣческой природѣ. Это измѣненіе отразилось также и на взглядахъ нашихъ сатириковъ. Мы уже знаемъ, какъ высказался о способахъ исправленія нашихъ нравовъ Фонъ-Визинъ, устами Стародума. Въ сатирической „Почтѣ духовъ“, которую Крыловъ издавалъ съ Рахманиновымъ въ 1789 г., и которая, по справедливому замѣчанію В. В. Каллаша, возвращаетъ насъ къ лучшимъ традиціямъ преданіямъ Новиковской сатиры, было, между прочимъ, напечатано письмо отъ „волшебника Маликульмулька къ Эмпедоклу“, заключающее въ себѣ слѣдующее характерное разсужденіе.

„Изъ всѣхъ доказательствъ, предлагаемыхъ древними мудрецами, — говоритъ Маликульмулькъ, — ни одного нѣтъ яснѣе и правдоподобнѣе того, которое предложилъ одинъ ученый мужъ, что большая часть людей злобны и развращены“. Пессимистическое замѣчаніе это относится, правда, лишь къ „нынѣшняго вѣка людямъ“, такъ что съ нимъ согласились бы, вѣроятно, и многіе французскіе просвѣтители. Только они прибавили бы, что злоба и развращенность господствуютъ преимущественно въ привилегированныхъ сословіяхъ, и что для исправленія нравовъ необходима отмѣна привилегій. Русскій авторъ [3]) раз-

[1]) „Журнальная дѣятельность и сатирическія статьи Крылова“, указ. изданіе соч. И. А. Крылова, томъ II, стр. 301.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) Вѣроятно, самъ Крыловъ.

суждалъ иначе. У него **глубочайшей причиной** развращенности оказываются не общественныя учрежденія, а человѣческія желанія[1]).

Это уже и само по себѣ достойно замѣчанія. Но интереснѣе всего дѣлаемый отсюда выводъ о задачахъ сатирика.

„Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, — продолжаетъ Маликульмулькъ,— много есть такихъ людей, которые впадаютъ въ превеликія несчастія или приходятъ въ совершенное раззореніе, не зная или пренебрегая тѣмъ правиломъ, которое предложено мною въ началѣ сего письма“ (т. е. мнѣніемъ о злобѣ и испорченности людей. *Г. П.*). Сатирикъ и долженъ предостерегать своихъ читателей,—а особенно неопытныхъ молодыхъ людей, — чтобы они не попадались въ разставляемыя имъ сѣти.

„Легковѣріе есть обыкновенная погрѣшность неопытныхъ молодыхъ людей; а потому и нужно бы было почасту имъ твердить, что вступать въ свѣтъ безъ всякой осторожности, въ надеждѣ найти въ немъ справедливость и чистосердіе, есть равно, какъ бы пускаться въ море безъ компаса и безъ карты, въ надеждѣ имѣть всегда благопріятный вѣтеръ и найти у всякаго берега, куда ни пристанешь, спокойную пристань“.

Уже въ этихъ разсужденіяхъ виденъ зародышъ того пессимизма, который впослѣдствіи сдѣлалъ Крылова совершенно равнодушнымъ ко всякого рода общественнымъ вопросамъ[2]).

Но дѣло въ томъ, что пессимизмъ этотъ не былъ личной особенностью будущаго нашего великаго баснописца. Говоря о русскихъ вольтерьянцахъ, я уже отмѣтилъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка между выдающимися русскими людьми то тамъ, то здѣсь встрѣчались трагическія личности, считавшія свое положеніе почти или совершенно безвыходнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что тогда такихъ людей было значительно больше, чѣмъ въ первой половинѣ того же столѣтія. Это можетъ показаться непонятнымъ: откуда взялся пессимизмъ въ такое царствованіе, которое породило великое множество самыхъ отрадныхъ надеждъ? Отвѣта надо искать въ много разъ отмѣченномъ выше противорѣчіи между теоріей Фелицы и ея практикой.

Теорія порождала отрадныя надежды, а практика разбивала ихъ,—конечно, не у всѣхъ: большинство было довольно дѣятельностью Екатерины,—а только у тѣхъ, которые отличались наи-

---

[1]) Полное собраніе соч. И. А. Крылова, т. III, стр. 196—197.

[2]) По словамъ Гнѣдича, Крыловъ въ свои старые годы принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, убѣждаясь очевидностью, „согласны въ томъ, что существующій порядокъ соединенъ съ большимъ зломъ; но утѣшаютъ себя мыслію, что другой порядокъ невозможенъ“. (Полное собраніе соч. Крылова, біографическій очеркъ, стр. LXIII).

большею требовательностью и чуткостью. Такіе люди составляли численно ничтожное меньшинство. Но это численно ничтожное меньшинство шло впереди, оно искало новыхъ путей для русской общественной мысли, и потому разочарованія, имъ испытанныя, представляютъ собою весьма поучительный фактъ тогдашней общественной психологіи.

Уже Крижаничъ возлагалъ свои прогрессивныя упованія на широкую реформу сверху. Онъ видѣлъ въ самодержавіи „Моисеевъ жезлъ", способный извлечь изъ безплодной скалы живой источникъ. Еще больше вѣрили въ чудесную силу Моисеева жезла птенцы гнѣзда Петрова. „Ученая дружина" служила самодержавію не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Лица, державшія въ своихъ рукахъ верховную власть послѣ Петра Перваго, своими дѣйствіями должны были, казалось бы, значительно умѣрить вѣру передовыхъ русскихъ людей въ прогрессивное значеніе самодержавія. Но передовые русскіе люди склонны были разсматривать весьма непохвальные подвиги преемниковъ Петра не какъ общее правило, а какъ случайныя исключенія. Они ждали, что вотъ-вотъ, не сегодня-завтра, исключенія отойдутъ въ область тяжелыхъ воспоминаній, и общее правило обнаружитъ, наконецъ, свою плодотворную силу. Когда на престолъ вступила Екатерина II, они было подумали, что Моисеевъ жезлъ начнетъ теперь работать, какъ не работалъ даже и при Петрѣ Первомъ. А когда они увидѣли, что у жезла два конца, и что конецъ, направленный противъ слишкомъ усердныхъ просвѣтителей, работаетъ гораздо увѣреннѣе и энергичнѣе, нежели конецъ, обращенный противъ слишкомъ тупыхъ защитниковъ старины, то въ ихъ душахъ возникли сомнѣнія, остававшіяся чуждыми передовымъ людямъ Петровской эпохи: „ученая дружина" второй половины XVIII столѣтія,—я хочу с к а з а т ь: наиболѣе передовая часть тогдашней интеллигенціи, — начала мало-по-малу утрачивать вѣру въ самодержавіе.

Я не говорю: у т р а т и л а, а именно только н а ч а л а у т р а ч и в а т ь и только м а л о - п о - м а л у. Эта утрата представляетъ собою длительный процессъ, захватившій часть XIX столѣтія и имѣвшій свои періоды усиленія и ослабленія. Вполнѣ понятно, что различныя мыслящія личности неодинаково переживали этотъ процессъ, и что подъ его вліяніемъ они приходили къ весьма различнымъ выводамъ. Скоро мы увидимъ, какъ отразился онъ на міросозерцаніи и настроеніи нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣтныхъ между ними. Здѣсь же мнѣ нужно было только отмѣтить, что въ указанную эпоху онъ не только начался, но уже далъ себя почувствовать въ литературѣ.

XVII.

Д. И. Фонъ-Визинъ (1744—1792).

1.

И. А. Крыловъ обладалъ большимъ сатирическимъ дарованіемъ. Однако, оно не достигло полнаго расцвѣта. Самымъ крупнымъ сатирическимъ талантомъ былъ у насъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ.

В. Г. Бѣлинскій въ немногихъ словахъ превосходно выяснилъ истинное значеніе литературной дѣятельности Фонъ-Визина. „Бригадиръ“ и „Недоросль“, не могутъ называться комедіями въ художественномъ смыслѣ этого слова, замѣтилъ онъ; онѣ представляютъ собою скорѣе плодъ усилія русской сатиры стать комедіей. Это замѣчаніе Бѣлинскаго не помѣшало ему, однако, признать, что, не будучи истинно художественными, эти комедіи все-таки являются замѣчательными литературными произведеніями, „драгоцѣнными лѣтописями общественности того времени“. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что наша общественность того времени довольно ярко характеризуется ходомъ умственнаго развитія самаго Фонъ-Визина.

Какъ я уже говорилъ выше, работа мысли нашихъ тогдашнихъ просвѣтителей,—по своему, весьма полезная и почтенная,—совершалась въ *предѣлахъ дворянскаго* горизонта. Только немногіе изъ нихъ покидали дворянскую точку зрѣнія и болѣе или менѣе рѣшительно переходили на точку зрѣнія *третьяго сословія*, которой держались тогда передовые просвѣтители западной Европы. Наиболѣе выдающейся личностью между этими немногими былъ А. Н. Радищевъ.

Но если только немногіе способны были совершить указанный переходъ съ одной точки зрѣнія на другую, гораздо болѣе прогрессивную, то довольно велико было число тѣхъ, которые, въ теченіе извѣстнаго періода своей жизни, *колебались* между ними. Для нѣкоторыхъ,—хотя и не для всѣхъ,—такія колебанія были очень тяжелымъ, иногда прямо трагическимъ процессомъ.

Между колебавшимися и много страдавшими отъ колебаній, замѣтнѣе всѣхъ Н. И. Новиковъ. Къ ихъ числу принадлежалъ также и Д. И. Фонъ-Визинъ.

Самъ онъ впослѣдствіи съ ужасомъ припоминалъ то время, когда на него пріобрѣлъ вліяніе вольнодумный кн. Ѳ. А. Козловскій. Я уже сказалъ, что надо критически относиться къ находящемуся въ „Чистосердечномъ признаніи“ Фонъ-Визина отзыву о кн. Козловскомъ и объ его кружкѣ [1]). Но интересно опредѣлить, какими именно воспоминаніями его объ этомъ кружкѣ вызывалось у нашего сатирика чувство ужаса.

По его словамъ, кружокъ кн. Козловскаго предавался богохульству и кощунству. „Въ первомъ, — признается нашъ сатирикъ,—не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательства безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я самъ не послѣднюю роль... Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе“ [2]).

Названное „Посланіе“ заключаетъ въ себѣ много интереснаго. Но выраженное въ немъ „заблужденіе“ совсѣмъ не такъ велико, какъ это казалось Фонъ-Визину послѣ возврата его къ своимъ старымъ вѣрованіямъ. Оно цѣликомъ заключается въ послѣдней строкѣ посланія:

„И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!“

Ужаснаго тутъ очень мало: передъ нами просто на просто одна изъ самыхъ низшихъ стадій развитія скептицизма. Скептицизмъ Фонъ-Визина, очевидно, былъ навѣянъ посредственнымъ или непосредственнымъ знакомствомъ съ сочиненіями Вольтэра. Извѣстно, что скептическое міровозрѣніе Фернэйскаго патріарха служило вовсе не самымъ крайнимъ выраженіемъ взглядовъ французскихъ просвѣтителей. Въ ихъ средѣ были мыслители гораздо болѣе смѣлые и послѣдовательные. Но, конечно, съ точки зрѣнія тѣхъ старыхъ понятій, которыхъ твердо держались въ семьѣ Фонъ-Визина [3]) и къ которымъ онъ вернулся разойдясь съ кружкомъ Козловскаго, всякое сомнѣніе на счетъ

---

[1]) Къ свидѣтельствамъ въ пользу кн. Козловскаго, приведеннымъ мною выше, можно прибавить еще отзывъ далеко не вольнодумнаго Н. И. Новикова. Въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ“ Новиковъ говоритъ, что кн. Козловскій, „по великой склонности къ словеснымъ наукамъ, ничего такъ не желалъ, какъ умножить то просвѣщеніе своего разума, которое пріобрѣлъ своими трудами“.

[2]) Сочиненія Д. И. Фонъ-Визина, указанное выше изданіе, стр. 542.

[3]) Онъ сообщаетъ, что его родители были люди набожные. Его самаго заставляли читать церковныя книги, какъ только онъ научился грамотѣ.

истинной цѣли созданія міра должно было казаться страшнымъ грѣхомъ. Между скептицизмомъ Вольтэра и наивной вѣрой добраго стараго времени—дистанція огромнаго размѣра. И совсѣмъ не удивительно, что, пройдя эту дистанцію въ своемъ попятномъ движеніи къ унаслѣдованному отъ благочестивыхъ предковъ образу мыслей, Фонъ-Визинъ почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, избѣжавшаго смертельной опасности.

Достойно замѣчанія, что, вмѣстѣ съ Вольтэромъ отказываясь отвѣчать на вопросъ, для чего созданъ сей свѣтъ, Фонъ-Визинъ въ томъ же посланіи показалъ себя гораздо большимъ, нежели Вольтэръ, скептикомъ во всемъ, касающемся взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Одно изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ обращался въ своемъ посланіи [1],—его крѣпостной Ванька,—говоритъ, несомнѣнно, выражая мысли своего барина:

Куда ни обернусь вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
Которы-бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги—дворецкаго, дворецкіе—господъ.
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя;
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ и т. д.

При всемъ своемъ скептицизмѣ, Вольтэръ вѣрилъ, что современемъ разумъ восторжествуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ людей, хотя съ будущимъ торжествомъ разума у него и не связывалось такихъ свѣтлыхъ ожиданій, какими полонъ былъ, напримѣръ, его почитатель и біографъ Кондорсэ. Это значитъ, что *скептицизмъ* уживался у Вольтэра съ довольно значительной дозой *оптимизма*. Но въ „Посланіи къ слугамъ“ оптимизмъ совершенно отсутствуетъ. Люди корыстолюбивы, хитры, склонны къ обману. Ихъ взаимныя отношенія неразумны. Фонъ-Визинъ указываетъ на это съ язвительной насмѣшкой. Но всегда ли такъ будетъ? Нѣтъ ли надежды на то, что современемъ цивилизованное человѣчество станетъ разумнѣе и сумѣетъ лучше устроить свою судьбу? На этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ, да и самый вопросъ, повидимому, не возникалъ у автора „Посланія“. И въ этомъ существенная разница съ тѣмъ, что мы нахо-

---

[1]) Оно называется: „Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ, Петрушкѣ“

димъ у Вольтера. Она, конечно, объясняется различіемъ общественныхъ условій.

Во Франціи уже росла та общественная сила, на которую могли, сознательно или безсознательно, разсчитывать просвѣтители; въ Россіи такой силы пока еще не было. Вотъ почему французскіе просвѣтители имѣли психологическую возможность питать отрадныя надежды,—хотя мы знаемъ, что и они, наблюдая печальную дѣйствительность, становились подчасъ пессимистами (Гельвецій),—между тѣмъ какъ ихъ русскимъ послѣдователямъ гораздо труднѣе было заразиться оптимистическимъ настроеніемъ.

Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что съ тѣмъ крайнимъ пессимистическимъ взглядомъ на человѣческія отношенія, который выразился въ „Посланіи къ слугамъ“, очень трудно жить всякому порядочному человѣку, а особенно такому, у котораго есть склонность принять дѣятельное участіе въ общественной жизни. Какъ это сказалъ еще Гегель въ своей „Феноменологіи духа“, скептицизмъ способенъ привести къ безотрадному настроенію (das unglückliche Bewusstsein). Это мы и видѣли на примѣрѣ тѣхъ русскихъ „вольтерьянцевъ“, которые подчасъ добровольно кончали свои счеты съ жизнью. Но самоубійство было, разумѣется, не единственнымъ средствомъ избавиться отъ безотраднаго настроенія. Да и вообще средство это, по самому характеру своему, могло быть выбрано только единицами. Другіе развлекали себя разнаго рода чудачествами; наконецъ, третьи своевременно возвращались въ тихую пристань своихъ дѣтскихъ вѣрованій и тѣмъ благополучно избавлялись отъ безотраднаго настроенія. Такихъ, навѣрно, было гораздо больше, нежели всѣхъ остальныхъ.

2.

Въ непродолжительную эпоху своего религіознаго вольнодумства Фонъ-Визинъ, въ выше названномъ „Посланіи“, спрашивалъ одного изъ своихъ слугъ, почему имъ суждено прожить свой вѣкъ „въ крѣпкомъ снѣ“. Тогда его до извѣстной степени удивляло, если не смущало,—то обстоятельство, что на свѣтѣ существуютъ люди, которые всю свою жизнь проводятъ въ неволѣ,—и—такъ казалось Фонъ-Визину,—даже не сомнѣваются въ томъ, что имъ „быть должно вѣкъ слугами“. Въ томъ фактѣ, что это его удивляло, сказалось вліяніе на него „вольтерьянства“. Правда, съ этой стороны, какъ и со всѣхъ другихъ, „вольтерьянство“ повліяло на него не очень сильно. Уже въ „Посланіи“ онъ грубо издѣвался надъ своими крѣпостными слугами и желая

сказать, что одинъ изъ нихъ задумался надъ поставленнымъ ему вопросомъ о цѣли мірозданія, писалъ:

Сомнѣніе его тревожить начало;
Наморщились его и харя и чело.

Какъ видимъ, вольнодумство не сообщило ему свойственнаго французскимъ просвѣтителямъ человѣчнаго отношенія къ слугамъ. Однако, оно все-таки приводило его къ нѣкоторой неувѣренности въ преимуществахъ крѣпостного права. Покончивъ съ религіознымъ вольнодумствомъ, онъ, какъ будто, покончилъ и съ этой неувѣренностью. Онъ сталъ съ твердымъ убѣжденіемъ повторять ходячія разсужденія крѣпостниковъ о выгодахъ подневольнаго положенія русскаго крестьянина. Въ своемъ письмѣ изъ Парижа къ гр. П. И. Панину, отъ $^{20}/_{31}$ марта 1778 г., онъ говоритъ: „Я видѣлъ Лангедокъ, Провансъ, Дофинэ, Ліонъ, Бургонь, Шампань. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ". Слѣдующія строки того же письма показываютъ, что при этомъ онъ имѣлъ въ виду только экономическое положеніе крестьянъ, забывая объ юридическомъ.

Экономическое положеніе французскихъ крестьянъ было тогда очень плохо. Фонъ-Визинъ, можетъ быть, не сильно преувеличивалъ, говоря: „въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба"? У толковыхъ русскихъ помѣщиковъ, понимавшихъ свою собственную выгоду, крестьяне жили тогда лучше въ матеріальномъ смыслѣ этого слова. Но много ли было толковыхъ помѣщиковъ? Статьи, печатавшіяся въ сатирическихъ журналахъ и, позволительно думать, не оставшіяся неизвѣстными самому Фонъ-Визину, даютъ основаніе утверждать, что—не много. Онѣ доказываютъ, что даже экономическое положеніе крѣпостного крестьянства представлялось передовымъ русскимъ людямъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Но это не все. Какъ ни бѣдствовало тогда крестьянское населеніе Франціи, оно, въ огромнѣйшемъ большинствѣ своемъ, давно уже вышло изъ личной зависимости по отношенію къ помѣщикамъ, и въ этомъ заключалось огромнѣйшее преимущество его положенія сравнительно съ положеніемъ русской „крещеной собственности". Но въ глазахъ Фонъ-Визина это преимущество не имѣло ровно никакой цѣны.

Впрочемъ, это можно утверждать только на основаніи его переписки. Другія данныя позволяютъ усомниться въ этомъ.

В. И. Семевскій приписываетъ Фонъ-Визину упомянутое мною выше „Краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина". Хотя авторъ этого разсужденія, въ сущности, тоже цѣликомъ стоитъ на дворянской точкѣ зрѣнія, но онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ европеизованныхъ россіянъ XVIII в., которые хлопотали о созданіи у насъ „честнаго и просвѣщеннаго мѣщанства". Въ его изображеніи, мѣщанство это является „душою общества". И онъ (хоть отчасти) понимаетъ, что трудно развиваться третьему чину въ государствѣ, основанномъ на закрѣпощеніи производителей. Выводъ его изслѣдованія сводится къ тому, что „въ Россіи надлежитъ быть 1) дворянству вольному, 2) третьему чину совершенно освобожденному, и 3) народу упражняющемуся въ земледѣліи, хотя не совсѣмъ свободному, но по крайней мѣрѣ имѣющему надежду быть вольнымъ, когда будутъ они (крестьяне. *Г. П.*) такими земледѣльцами, или такими художниками, чтобъ современемъ могли привести въ совершенство деревни или мануфактуры господъ своихъ" [1]).

Въ пользу гипотезы В. И. Семевскаго о принадлежности Фонъ-Визину этого разсужденія говоритъ то обстоятельство, что онъ, по крайней мѣрѣ по временамъ, интересовался затронутыми въ немъ общественными вопросами.

Въ числѣ его переводовъ есть одинъ, озаглавленный: „Торгующее дворянство, противуположенное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество". Входящія сюда работы двухъ французовъ относятся къ 1756 г., т.-е. къ тому времени, когда экономическія темы сильно привлекали къ себѣ вниманіе французскихъ читателей. Авторъ первой изъ этихъ работъ настоятельно совѣтуетъ дворянамъ заниматься торговлей. Ни мало не унижая высшаго сословія, такое занятіе улучшитъ его матеріальное положеніе и дастъ новый толчокъ развитію производительныхъ силъ Франціи. Одинъ за другимъ разбираетъ французскій авторъ предразсудки, мѣшающіе дворянству заниматься торговлей, и, въ своей защитѣ этой послѣдней, говоритъ иногда языкомъ Седэна. Замѣчательно, что,—подобно автору русскаго разсужденія, приписываемаго В. И. Семевскимъ Фонъ-Визину,—французскій защитникъ торговли называетъ купечество душою всѣхъ сообществъ. При этомъ онъ такъ описываетъ прежнія отношенія французскаго дворянства къ народу:

---

1) Архивъ князя Воронцова.—Книга двадцать шестая, стр. 324.

„Прежде сего французское дворянство не старалось о землепашествѣ въ деревняхъ своихъ; оно имѣло рабовъ, повиновавшихся его повелѣнію. Народъ иго сіе сбросилъ и нѣкоторымъ образомъ сталъ свободенъ. Когда нынѣ дворянинъ хочетъ собрать жатву, то обязанъ онъ нанимать работниковъ и къ работѣ принуждать ихъ деньгами“ [1]).

Далѣе слѣдуютъ соображенія о томъ, что для хорошей обработки своихъ земель дворянство нуждается въ деньгахъ, которыя и доставитъ ему торговля. Словомъ, французскій авторъ показываетъ себя писателемъ, проникнутымъ новыми стремленіями третьяго сословія и хорошо понимавшимъ, до какой степени капиталистическія производственныя отношенія, основанныя на трудѣ *наемныхъ рабочихъ*, выше феодальныхъ, опиравшихся на *юридическую неволю производителей*. Онъ даже высказываетъ,—хотя непрямо и робко,—сочувствіе къ англійской революціи, которая, въ лицѣ „неправеднаго владѣтеля“ Кромвеля, „память котораго проклинается“, обратила вниманіе на купечество, „яко на *жизненное древо*“ [2]). Все это было такъ ясно, что не могло не броситься въ глаза читателю. И если, ознакомившись съ этимъ разсужденіемъ, Фонъ-Визинъ все-таки нашелъ нужнымъ перевести его на русскій языкъ, то приходится заключить, что оно не испугало его своимъ направленіемъ.

Больше того. Можно думать, что французское разсужденіе о большихъ выгодахъ, которыя принесетъ странѣ занятіе дворянъ торговлею, не осталось безъ вліянія на характеръ Стародума,— главнаго резонера главной комедіи Фонъ-Визина.

Въ самомъ дѣлѣ, Стародумъ наживаетъ себѣ состояніе не службой, а посредствомъ какого-то промышленнаго дѣла (можетъ быть, золотого промысла) въ Сибири, „гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро“ [3]).

Конечно, въ своихъ взглядахъ на общественную жизнь Стародумъ имѣетъ мало общаго со взглядами передовыхъ просвѣтителей. Я уже указывалъ, какой самобытный видъ приняло у него ученіе французскихъ философовъ о вліяніи общественнаго строя на поведеніе отдѣльныхъ личностей. Наконецъ, онъ прямо заявляетъ, что боится нынѣшнихъ мудрецовъ, которые, искоре-

---

[1]) „Сочиненія Фонъ-Визина“, стр. 600 и 579—580.

[2]) Подчеркнуто въ текстѣ: „Сочиненія Фонъ-Визина“, стр. 581.

[3]) „Недоросль“, дѣйствіе III, явленіе 2-ое.

няя предразсудки, въ то же время, съ корня воротятъ, по его словамъ, добродѣтель. Но если вѣрно то, что даже консервативный Стародумъ одной изъ немаловажныхъ чертъ своего характера обязанъ свободолюбивому автору цитированнаго мною сочиненія о торгующемъ дворянствѣ, то ясно, что сочиненіе это оставило значительный слѣдъ въ умѣ нашего сатирика.

Разъ это такъ, то совершенно непонятно, какъ могъ Фонъ-Визинъ увѣрять своего сіятельнаго корреспондента, что русскій строй лучше французскаго и вообще западно-европейскаго. А что онъ увѣрялъ его именно въ этомъ, показываетъ хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ нему отъ 18/29 сентября 1778 года.

„Тяжебныя дѣла во Франціи такъ же несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь безмѣрны... Во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, надлежитъ много сдѣлать церемоній... У насъ же, по крайней мѣрѣ, въ томъ преимущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе, и какъ скоро вступился какой-нибудь полубояринъ, сродни фавориту, то въ самый тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу". Сомнительное преимущество! Но даже не подвергая его сомнѣнію, Фонъ-Визину слѣдовало бы помнить, что фаворитизмъ былъ плодомъ „самовластія" и что всякій фаворитъ всегда имѣлъ большую „власть и возможность къ содѣянію зла".

Въ другомъ письмѣ къ П. И. Панину Д. И. Фонъ-Визинъ „чисто-сердечно признавался" (его подлинное выраженіе): „Если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію". Ознакомившись съ положеніемъ этой страны, недовольный россіянинъ убѣдится, что лгутъ тѣ, которые говорятъ объ ея „совершенствахъ", и что, какъ ни плохо живется иногда въ Россіи, тамъ „можно, однако, быть столь же счастливу, сколько и во всякой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ" [1]). Человѣку, пришедшему къ такому выводу, казалось бы, психологически невозможно было стремиться къ политическимъ реформамъ.

Еще русскіе служилые люди Петровской эпохи, попадая за

---

[1]) Это—то же самое письмо, въ которомъ Д. И. Фонъ-Визинъ утверждалъ, что русскому крестьянину „въ лучшихъ мѣстахъ" живется легче, нежели французскому.

границу,—въ Венецію или въ Парижъ,—скоро подмѣчали, что въ западно-европейскихъ государствахъ больше свободы, нежели въ Россіи. Подмѣтилъ это и Д. И. Фонъ-Визинъ, который все-таки былъ гораздо больше подготовленъ къ наблюденіямъ надъ иностранной жизнью, нежели россіяне конца XVII и начала XVIII столѣтій. Но когда онъ подводилъ итогъ своимъ наблюденіямъ надъ этой жизнью, у него являлась многозначительная консервативная оговорка.

„Разсматривая состояніе французской націи,—писалъ онъ,—научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того, французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ". Фактическое рабство французовъ обусловливается, по его справедливому замѣчанію, тѣмъ, что „король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы". Логически разсуждая въ духѣ вступленія къ конституціонному проекту, слѣдовало бы, въ виду попранія королемъ законовъ, сдѣлать тотъ выводъ, что необходимы „фундаментальныя права", способныя положить конецъ королевскому произволу. Но этого то вывода и избѣгаетъ Фонъ-Визинъ. Онъ довольствуется огульнымъ осужденіемъ французскихъ порядковъ и той отрадной мыслью, что русскій народъ во многомъ „наслаждается" если не вольностью по праву, то дѣйствительной вольностью. Въ другихъ своихъ письмахъ онъ твердитъ, что русскіе порядки совсѣмъ не такъ плохи, какъ это утверждаютъ ихъ несправедливые хулители, и что вообще „славны бубны за горами".

Бѣлинскій хвалилъ заграничныя письма Фонъ-Визина за то, что въ нихъ были, по его словамъ, мѣтко указаны недостатки стараго порядка во Франціи. Онъ ставилъ эти письма выше карамзинскихъ „Писемъ русскаго путешественника". Но если Фонъ-Визинъ лучше Карамзина подмѣтилъ нѣкоторыя слабыя стороны тогдашняго строя Франціи, то въ своихъ письмахъ онъ показалъ себя глухимъ и слѣпымъ по отношенію ко всему тому, что такъ или иначе направлялось къ коренной передѣлкѣ этого строя. Здѣсь онъ обнаружилъ даже больше близорукости, нежели Карамзинъ. Правда, его художественное чутье временами подсказывало ему, что во Франціи происходитъ какое-то новое движеніе, пока еще несуществующее или слабое въ другихъ странахъ европейскаго материка. Но смутное сознаніе этого новаго движенія только усиливало его антипатію къ французамъ. Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ нимъ онъ дошелъ до того убѣжденія, что во Франціи „люди не живутъ, не вкушаютъ истиннаго

счастья и не имѣютъ о немъ никакого понятія" [1]). Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до этого онъ, въ большомъ письмѣ къ роднымъ, рѣшительно заявилъ: „Въ Россіи дворяне по провинціямъ несравненно лучше здѣшнихъ, кромѣ того, что здѣшніе пустомели имѣютъ наружность лучше". Съ этимъ охотно согласились бы всѣ наши Скотинины и Простаковы!

Судя по письмамъ Фонъ-Визина, гораздо менѣе затронутая освободительнымъ движеніемъ, Германія гораздо больше нравилась ему, чѣмъ Франція. „Поистинѣ сказать,—писалъ онъ сестрѣ,—нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе, и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ нѣмцами, нежели съ ними". Но на землѣ нѣтъ ничего безусловнаго. Если въ Германіи живется гораздо лучше, нежели во Франціи, то въ Россіи жить еще гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ Германіи. „Вообще сказать могу безпристрастно,—признавался Фонъ-Визинъ своимъ роднымъ,—что отъ Петербурга до Ниренберга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно.

„Здѣсь во всемъ генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ, словомъ, у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы. Это удостовѣреніе вкоренилось въ душѣ моей, кто бы что ни изволилъ говорить" [2]).

Во всемъ этомъ нѣтъ и слѣда политическаго вольномыслія Да и какой въ немъ смыслъ. Зачѣмъ „вольность по праву"? Зачѣмъ какія бы то ни было реформы въ политической области, если „наилучшіе законы не значатъ ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ—добрая вѣра"? [3])

Покончивъ съ религіознымъ вольномысліемъ и вернувшись къ своимъ дѣтскимъ вѣрованіямъ, Фонъ-Визинъ, повидимому, сохранилъ способность, по крайней мѣрѣ, иногда заражаться вольномысліемъ политическимъ. Но во время перваго заграничнаго путешествія своего, когда были написаны цитированныя мною письма, онъ отказался и отъ политическаго вольномыслія. Въ этомъ была своя неоспоримая логика. Логично было и то, что, отвергнувъ религіозные и политическіе взгляды французскихъ просвѣтителей, Фонъ-Визинъ отвергъ также исходную точку всѣхъ ихъ плановъ общественно-политической реформы:

---

[1]) Письмо къ сестрѣ изъ Парижа, апрѣль 1778 (безъ числа)

[2]) Письмо отъ $\frac{\text{29 августа}}{\text{9 сентября}}$ 1784 г.

[3]) Письмо къ П. Панину отъ $\frac{15}{26}$ января 1778 г.

прежде онъ, вмѣстѣ съ ними, исходилъ изъ того взгляда, что поведеніе людей опредѣляется общественными учрежденіями; теперь онъ думаетъ, что учрежденія не важны; важна добрая вѣра. Послѣдовательно, развивая этотъ новый свой взглядъ, онъ долженъ былъ притти къ тому положенію, что царство божіе—внутри насъ. Однако, послѣдовательности у него хватило не надолго.

Въ 1777 г. онъ перевелъ „Похвальное слово Марку Аврелію", написанное членомъ французской академіи Тома („Томасомъ") и украшенное, напримѣръ, такими размышленіями:

„Вольность есть первое право человѣка, право повиноваться единымъ законамъ и кромѣ ихъ ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся произносить ея имя! Горе той странѣ, гдѣ изрѣченіе его вмѣняется въ преступленіе!"

Или: „Всегда благотворящая природа создала существа въ свободѣ и равенствѣ; настало тиранство и сотворило существа слабыя и несчастныя. Тогда малымъ числомъ все объято стало" и т. п.

Если,—по мнѣнію одного изслѣдователя,—своими переводами Фонъ-Визинъ развивалъ и дополнялъ свои собственныя мысли о лучшемъ политическомъ устройствѣ, то ими же онъ опровергалъ свои собственныя мысли о безполезности политическихъ реформъ.

Разумѣется, въ „Похвальномъ словѣ Марку Аврелію" больше приторнаго академическаго краснорѣчія, чѣмъ мужественной любви къ „вольности" и равенству. Но мысль, положенная въ его основу, все-таки рѣзко противорѣчитъ афоризмамъ, высказаннымъ въ заграничныхъ письмахъ нашего сатирика.

Тотъ же изслѣдователь полагаетъ, что апоплексическій ударъ, „поразившій Фонъ-Визина въ августѣ 1785 г., положилъ конецъ вольнодумнымъ поползновеніямъ, упорно сохранявшимся въ немъ отъ юныхъ лѣтъ". Дѣйствительно, „Разсужденіе о суетной жизни человѣческой", написанное Фонъ-Визинымъ по случаю смерти Потемкина (т. е. въ 1791 г.), показываетъ, что болѣзнь вызвала у него совершенно подавленное настроеніе духа. Онъ рѣшительно осуждаетъ въ немъ свое прежнее „безумное на разумъ надѣяніе". Однако, мы видѣли, что на „разумъ надѣяніе" онъ уже въ семидесятыхъ годахъ, во время перваго заграничнаго своего путешествія, отвергалъ едва ли не столь же рѣшительно, какъ и послѣ удара. Кромѣ того, между статьями, приготовленными имъ для своего,—неразрѣшеннаго полиціей,—журнала „Стародумъ, или другъ честныхъ людей", есть письмо изъ Москвы, помѣченное февралемъ 1788 г. и показывающее,

что и во время болѣзни у Фонъ-Визина возобновлялись иногда приступы политическаго вольномыслія.

Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о причинахъ, препятствующихъ успѣхамъ краснорѣчія въ Россіи. Фонъ-Визинъ, написавшій его отъ имени Стародума, говоритъ, что у насъ мало ораторовъ не отъ слабости природнаго дарованія, а отъ недостатка „случаевъ, при коихъ бы даръ краснорѣчія могъ показаться". При другихъ политическихъ условіяхъ было бы совсѣмъ другое. „Преосвященные наши митрополиты: Гавріилъ, Самуилъ, Платонъ, суть наши Тиллотоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленные по долгу званія его, довольно доказываютъ, какого рода силы было бы россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ, и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ" [1]).

Не поднимая здѣсь вопроса о томъ, насколько великъ былъ въ дѣйствительности ораторскій талантъ Платона, Гавріила, Самуила и... Елагина, нельзя не замѣтить, что здѣсь больной Фонъ-Визинъ опять разсуждалъ совершенно въ духѣ политическаго вольномыслія. А разсужденіе въ этомъ духѣ предполагало извѣстное „на разумъ надѣяніе".

Но вотъ гдѣ самое главное. Воззрѣнія Фонъ-Визина до конца остались вовсе несогласованными между собою и противорѣчивыми. Онъ способенъ былъ почти одновременно высказывать прямо противоположныя сужденія. Для исторіи общественной мысли это важно не только потому, что Фонъ-Визину принадлежитъ большое мѣсто въ нашей литературѣ XVIII вѣка, но еще и потому, что въ этомъ отношеніи на него похожи были очень многіе просвѣщенные россіяне второй половины XVIII столѣтія.

Надо помнить, однако, что консерватизмъ почти всегда преобладалъ въ воззрѣніяхъ нашего сатирика. Екатерина была неправа, когда жаловалась: „Плохо мнѣ приходитъ жить! Уже г. Фонъ-Визинъ хочетъ учить меня царствовать!"

Фонъ-Визинъ не могъ причинить ей какія-нибудь серьезныя политическія непріятности. На практикѣ онъ держался, въ послѣднемъ счетѣ, того высказаннаго Стародумомъ отраднаго убѣжденія, что средство, сдѣлать людей счастливыми, находится въ рукахъ государя и состоитъ въ предоставленіи выгодъ по службѣ единственно тѣмъ чиновникамъ, которые будутъ точно выполнять требованія „благоправія", и въ этомъ онъ тоже походилъ на множество своихъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ.

---

[1]) Сочиненіе, стр. 248—249.

Въ мартѣ 1784 г. умиравшій гр. Н. И. Панинъ, подъ начальствомъ котораго Д. И. Фонъ-Визинъ служилъ, начиная съ 1769 г., продиктовалъ ему свое политическое завѣщаніе, содержащее въ себѣ, между прочимъ, такія строки.

„Верховная власть ввѣряется Государю для единаго блага его подданныхъ... Безъ непремѣнныхъ Государственныхъ законовъ не прочно ни состояніе Государства, ни состояніе Государя... Всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ несчастія времянъ попустили, уступая силѣ, унизить свое человѣческое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находитъ средства разорвать свои оковы тѣмъ же правомъ, какимъ на нее наложены, весьма умно дѣлаетъ, если разрываетъ.. обязательства между Государемъ и подданными суть... добровольная". Короче, завѣщаніе гр. Н. И. Панина основывается какъ разъ на той мысли о преимуществахъ „вольности по праву", которую отвергалъ Д. И. Фонъ-Визинъ въ своихъ письмахъ изъ заграницы къ брату Н. И. Панина, П. И. Панину. Надо помнить, что этотъ послѣдній вполнѣ раздѣлялъ взгляды своего брата. Взгляды эти будутъ разсмотрѣны мною ниже; здѣсь слѣдуетъ только сказать, что,—какъ видно изъ письма, написаннаго гр. П. И. Панинымъ къ великому князю Павлу Петровичу на случай его восшествія на престолъ,—Д. И. Фонъ-Визинъ, совершенно одобрялъ политическія стремленія братьевъ Паниныхъ. Какъ согласить это съ приведенными мною выше отрывками изъ его заграничныхъ писемъ?

Это еще не конецъ. Въ одномъ мѣстѣ политическаго завѣщанія, написаннаго Фонъ-Визинымъ подъ диктовку гр. Н. И. Панина, говорится о „государствѣ, въ которомъ люди составляютъ собственность людей", т. е. существуетъ крѣпостное право. Въ отзывѣ о такомъ государствѣ слышится почти презрительное сожалѣніе. А въ „Прибавленіи" къ завѣщанію, написанномъ гр. П. И. Панинымъ, требуется законодательное опредѣленіе „должностей" крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ [1]). Какъ согласить это съ мнѣніемъ Д. И. Фонъ-Визина о завидной участи нашего крѣпостного крестьянина? Имѣемъ ли мы право предположить, что подъ конецъ своей жизни Д. И. Фонъ-Визинъ снова заразился извѣстнымъ вольномысліемъ въ политической и соціальной областяхъ? Для этого у насъ нѣтъ никакихъ основаній.

---

[1]) Ср. Е. С. Шумигорскаго „Императоръ Петръ I", Петроградъ 1907, стр. 53, приложеніе, стр. 4, 7, 12 и 17.

3.

Кантемиръ бичевалъ „хулящихъ ученіе“. Ихъ же бичевалъ, въ лицѣ Простаковыхъ и Скотининыхъ, и Фонъ-Визинъ. Кантемиръ написалъ сатиру „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“; Фонъ-Визинъ тоже не упускалъ случая задѣть „злонравныхъ дворянъ“. Сумароковъ обличалъ „крапивное сѣмя“, не щадилъ этого сѣмени и Фонъ-Визинъ [1]). Кантемиръ язвилъ (въ первой сатирѣ) Медора, тужившаго о томъ, что слишкомъ много бумаги идетъ на книги и потому уже нечѣмъ завивать кудри. У Кантемира же Филаретъ (во второй сатирѣ) отчитываетъ Евгенія, этого „новаго Нарцисса“, всецѣло поглощеннаго заботами о своей наружности и изъ долголѣтняго путешествія въ чужихъ краяхъ ничего не вынесшаго, кромѣ совершеннаго знанія моды. Сатирики Екатерининской эпохи тоже выставляли къ позорному столбу разнаго рода „щеголей“ и „щеголихъ“ [2]). Вообще, кругъ тѣхъ предметовъ, которыми занималась сатира, остался тотъ же самымъ въ теченіе всего XVIII вѣка.

На это были двѣ причины. Во-первыхъ, непомѣрное тщеславіе Екатерины, не допускавшей и мысли о томъ, чтобы въ ея славное царствованіе могли оставаться не исцѣленными сколько-нибудь глубокія общественныя язвы, крайне стѣсняло обличительную дѣятельность сатириковъ: мы знаемъ, какъ недолговѣчны были тогдашніе сатирическіе журналы. Во-вторыхъ, сатирики Екатерининской эпохи продолжали смотрѣть на главнѣйшіе устои русской общественно-политической жизни глазами сатириковъ первой половины столѣтія: осмѣивая защитниковъ старины, и тѣ, и другіе сами оставались, въ своемъ отношеніи къ этимъ устоямъ, приверженцами существующаго, отъ старины же унаслѣдованнаго порядка. Поле зрѣнія ихъ обличительной музы значительно ограничивалось ихъ собственнымъ консерватизмомъ.

При всемъ томъ жизнь не стояла на одномъ мѣстѣ; послѣдствія Петровской реформы давали себя чувствовать, и если не

---

[1]) Ср. въ матеріалахъ для журнала „Стародумъ“ талантливое письмо надворнаго совѣтника Взяткина къ его превосходительству ***. Совѣтница въ „Бригадирѣ“ говоритъ (Дѣйствіе I, явленіе 3), что ея мужъ пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ, убѣдившись, что ему въ коллегіи дѣлать стало нечего. Замѣчу мимоходомъ, что эта ссылка на указъ о лихоимствѣ ловко прибавляла къ насмѣшкѣ надъ корыстолюбивыми чиновниками комплиментъ по адресу Екатерины.

[2]) Иногда кажется, что въ своихъ насмѣшкахъ надъ ними они сознательно подражали Кантемиру (для примѣра можно сослаться на 3-ій и 4-ый листы первой части „Живописца“ за 1772 г.). Но у Кантемира не встрѣчается такихъ грубыхъ выраженій (поросенокъ, свинья и т. п.), какія въ изобиліи встрѣчаются даже у Новикова.

расширился кругъ тѣхъ предметовъ, которыхъ касалась сатира, то измѣнилось отчасти ея отношеніе къ нѣкоторымъ изъ нихъ.

Медоръ и Евгеній возмущали Кантемира тѣмъ, что были равнодушны къ интересамъ просвѣщенія и тратили время,—которымъ всегда такъ дорожили истинные птенцы Петровы,—на модные пустяки. Кантемиру и въ голову не приходило упрекать ихъ въ пренебреженіи къ Россіи и къ русскимъ обычаямъ. Въ его время было несравненно больше основаній опасаться противоположной крайности: пренебреженія къ Западу и западноевропейскому образу жизни. Поэтому для него отстаивать интересы просвѣщенія въ Россіи значило бороться съ національной исключительностью ветхо-завѣтныхъ русскихъ людей. Во второй половинѣ XVIII в. было уже не такъ. О возвратѣ къ до-Петровской старинѣ тогда уже не могло быть и рѣчи. Господствующее въ Россіи сословіе окончательно примирилось съ реформой Петра. Но, какъ это было вполнѣ естественно, оно примирилось съ нею по своему.

Оно воспользовалось ею для упроченія и расширенія своей власти надъ трудящейся массой и для своего освобожденія отъ обязательной службы. Это освобожденіе дало ему досугъ, который оно отчасти употребило на устройство своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Но систематическій и упорный трудъ никогда не былъ въ привычкахъ этого сословія. Тѣ его представители, которые разъѣхались по деревнямъ, не столько занимались сельскимъ хозяйствомъ, сколько охотой и попойками. Тѣ же, которые жили въ столицахъ, продолжая служить, далеко не такъ ревностно занимались дѣломъ, какъ предавались всякаго рода развлеченіямъ. Въ средѣ столичнаго дворянства развелось много щеголей и щеголихъ, доставлявшихъ массу „человѣческихъ документовъ“ для сатиры [1]). Въ своемъ увлеченіи иностранными модами и обычаями, эти свѣтскіе элементы благороднаго сословія не только доходили, подобно Кантемировскому Медору, до смѣшныхъ крайностей, но стали пренебрегать своей родиной. Такъ свидѣтельствуютъ сатирики.

---

[1]) Успѣхъ сатирическихъ изданій Екатерининской эпохи въ значительной степени обусловливался нападками ихъ „петиметровъ“. Въ письмѣ къ издателю „Живописца“ („Живописецъ“ 1772 г. часть II, листъ 12) нѣкто *Хуляковъ* сообщалъ, что это изданіе Новикова наперерывъ и „безъ усталости“ хвалятъ какъ женщины, такъ и мужчины, говоря: „То-то разумный живописецъ! Онъ такъ малюетъ хорошо своими красками вышѣшніе развратные свѣтскіе обычаи новоманерныхъ петербургскихъ щеголей и щеголихъ, что никто еще, кромѣ его, пороковъ ихъ такъ живо не изобразилъ. Прямо честный и разумный человѣкъ“ и проч. Тогдашняя сатира очень много занималась „петиметрами“.

Фонъ-Визинъ заставляетъ своего Иванушку въ „Бригадирѣ“ говорить совѣтницѣ, за которой онъ ухаживаетъ:

— Все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты русская.

Она отвѣчаетъ ему въ томъ же духѣ:

— Это, ангелъ мой, конечно, для меня ужасная погибель!

Разъ принявшись подражать иностранцамъ, русское „благородное сословіе“ скоро должно было понять, что наилучшимъ образцомъ для подражанія является французское дворянство, которое отличалось наибольшею утонченностью („людскостью“) и которому весьма усердно подражало дворянство всѣхъ цивилизованныхъ странъ европейскаго материка. Во второй половинѣ XVIII столѣтія воспитать молодого человѣка на иностранный ладъ значило дать ему французское воспитаніе. И тѣ франты, которыхъ бичевали наши сатирики за ихъ пренебреженіе къ Россіи, старались какъ можно больше походить на французовъ.

— Mon cher père!—говоритъ въ „Бригадирѣ“ Иванушка своему отцу,—или сносно мнѣ слышать, что хотятъ меня женить на русской?

— Да ты-то что за французъ?—спрашиваетъ его отецъ.

— Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда,—отвѣчаетъ онъ,—однако, духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

Чтобы выяснить зрителямъ комедіи, откуда взялось у Иванушки его смѣшное пристрастіе къ французамъ, Фонъ-Визинъ нашелъ нужнымъ разсказать устами самого Иванушки, что этотъ молодой глупецъ, до отъѣзда своего въ Парижъ, учился въ пансіонѣ у французскаго кучера, который и внушилъ ему любовь къ Франціи и холодность къ Россіи:

— Ежели бы malheurensement я попался къ русскому, который любилъ бы свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Тутъ полезно будетъ вспомнить превосходное замѣчаніе Бѣлинскаго о томъ, что драматическія произведенія Фонъ-Визина представляютъ собою скорѣе плодъ усилій русской сатиры сдѣлаться комедіей, чѣмъ комедіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Рядомъ съ комическимъ въ нихъ очень много карикатурнаго. Карикатура живетъ умышленнымъ преувеличеніемъ изображаемыхъ ею чертъ дѣйствительности. Поэтому надо принимать cum grano salis тѣ картины тогдашней русской жизни, которыя мы находимъ въ комедіяхъ Фонъ-Визина, равно какъ и въ произведеніяхъ другихъ сатириковъ. На самомъ дѣлѣ наши щеголи и щеголихи, вѣроятно, не имѣли такого безпредѣльнаго пренебреженія къ Россіи, какое обнаруживаютъ въ

„Бригадирѣ“ Иванушка и увлеченная имъ совѣтница. Но что подобное пренебреженіе все-таки было свойственно имъ въ весьма значительной степени, это все-таки не подлежитъ сомнѣнію. И вполнѣ понятно, что, въ своемъ крайнемъ увлеченіи французами, русскіе модники безъ критики относились даже къ недостойнымъ дѣтямъ Франціи.

Сатирики Екатерининской эпохи не переставали осмѣивать довѣрчивость русскихъ по отношенію къ французамъ. Въ своихъ сатирическихъ изданіяхъ Новиковъ боролся съ этой довѣрчивостью, какъ съ большимъ общественнымъ зломъ. У него выходитъ, что изъ всѣхъ иностранцевъ одни только французы стремятся эксплуатировать довѣрчивое населеніе Россіи. Въ его „Кошелькѣ“ одинъ французъ, отмѣчая крайнее простосердіе русскихъ людей, говоритъ: „Они слишкомъ полагаются на честность и не могутъ истины различить отъ хитрости; но притомъ сіе весьма достойно замѣчанія, что хотя нѣмецъ и англичанинъ ихъ не обманываютъ и обходятся съ ними правдиво и честно, однакожъ они ихъ не любятъ, обычаевъ ихъ не перенимаютъ, и если бы тѣ захотѣли ихъ обманывать, то никогда бы имъ въ обманъ не далися; напротивъ, французу открыта внутренность души и сердце русскаго человѣка“ [1]). У Крылова, поселившаяся въ Россіи француженка-модистка, сообщаетъ своему брату, бѣжавшему изъ Франціи уголовному преступнику, что „американцы, въ первыя времена прибытія къ нимъ европейцевъ, не столько ихъ уважали, сколько здѣсь уважаютъ французовъ: тѣ побѣдили американцевъ оружіемъ, а мы ихъ хитростью“ [2]).

Въ настойчивыхъ выступленіяхъ нашей сатирической литературы противъ французскаго вліянія на Россію очень явственно слышится голосъ оскорбленнаго національнаго чувства. Оскорбленное національное чувство непремѣнно должно было вызвать и дѣйствительно вызвало у русскихъ писателей стремленіе къ идеализаціи Россіи и русскаго народнаго характера. Этимъ стремленіемъ отчасти объясняется и отмѣченное мною выше превознесеніе Фонъ-Визиномъ въ его заграничныхъ письмахъ—русскихъ порядковъ на счетъ западно-европейскихъ вообще и французскихъ—въ частности. Это же стремленіе привело Новикова къ тому утѣшительному мнѣнію, что „россіяне всѣ къ добродѣянію склонны“ [3]). Особенно добродѣтельны были они въ преж-

---

[1]) „Кошелекъ“ листъ 3-ій, продолженіе „Разговора между нѣмцемъ и французомъ“.

[2]) Письмо гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку въ „Почтѣ Духовъ“, соч. И. А. Крылова, у. III, стр. 139—140.

[3]) См. „Разговоръ между россіяниномъ и французомъ“, во второмъ листѣ „Кошелька“.

нее время: „Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего отечества“ [1]).

Такая идеализація русскаго національнаго характера и русской старины является однимъ изъ тѣхъ элементовъ, которые вошли впослѣдствіи въ составъ славянофильства. П. Н. Милюковъ утверждаетъ, что отрицательное отношеніе къ новымъ культурнымъ заимствованіямъ и восхваленіе, въ пику имъ, древней простоты нравовъ вовсе не было тогда чѣмъ-нибудь новымъ, такъ какъ мы встрѣчаемся съ нимъ еще при Петрѣ и его преемникахъ. Это справедливо. Но дѣло въ томъ, что при Петрѣ противники новыхъ культурныхъ заимствованій превозносили до-Петровскую Русь и отвергали Петровскую реформу, а во второй половинѣ XVIII столѣтія они начали превозносить именно эпоху Петра.

Въ своемъ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новиковъ ставилъ Ѳеофану Прокоповичу въ особенную заслугу то, что онъ былъ „поборникомъ и провозвѣстникомъ славныхъ дѣлъ Петра Великаго“. Въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина идеализація Петровской эпохи еще больше бросается въ глаза. Его Стародумъ говоритъ:

„Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нынче многіе не стоютъ одного...“ Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ изученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову [2]).

Именно потому, что тогда въ Россіи „къ изученію мало было способовъ“, Петръ усиленно старался набивать русскія головы „чужимъ умомъ“,—умомъ западной Европы. Въ этомъ заключался смыслъ его реформы. Упустивъ это изъ виду, Фонъ-Визинъ сдѣлалъ большую ошибку. Правда, та разновидность „чужого ума“, которой такъ сильно дорожилъ Петръ, совсѣмъ не похожа была на ту его разновидность, которую выше всего ставили „пустыя головы“ дворянскаго происхожденія при Екатеринѣ II: ему рѣшительно не было мѣста въ головахъ нарядныхъ „петиметровъ“. Но—какъ уже замѣчено выше,—появленіе на Руси петиметровъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Недоросль“, дѣйствіе III, явленіе 1-ое.

принадлежало къ числу логическихъ слѣдствій Петровскаго преобразованія. Сдѣланное почти исключительно силами дворянства, преобразованіе привело къ расширенію правъ этого сословія и, обезпечивъ ему извѣстный досугъ, породило въ нѣкоторой его части крайнее увлеченіе свѣтскими развлеченіями и иностранными модами. Если бы, какимъ-нибудь чудомъ, Россія вернулась къ эпохѣ Петра I, которую принялись восхвалять наши Стародумы въ царствованіе Екатерины II, то объективная логика общественной жизни опять заставила бы ее снова пережить всѣ послѣдствія Петровской реформы, къ числу которыхъ принадлежала и дворянская французоманія. Но этой логики почтенные Стародумы совсѣмъ не понимали, какъ не понимали они и того, что только поступательное, а ни въ какомъ случаѣ не попятное движеніе могло избавить Россію отъ этой французоманіи.

Когда переворотъ 1741 г. передалъ верховную власть Елизаветѣ, она возвѣстила, что будетъ править въ духѣ своего отца. Этимъ обѣщаніемъ прикрывалось отсутствіе у нея самой какой-нибудь опредѣленной политической программы. Подобно этому, наши сатирики принялись за идеализацію Петровской старины только потому, что оставались въ полной неясности на счетъ того, какъ бороться съ подмѣченными ими общественными недостатками и куда должна вести Россію имманентная логика Петровской реформы.

Французскіе образцы, которымъ хотѣли подражать русскіе „петиметры", принадлежали къ свѣтскому французскому обществу. Въ составъ этого общества входили тогда, главнымъ образомъ, члены привилегированныхъ сословій (дворянства и высшаго духовенства). Противъ дворянства и духовенства направлялось во Франціи то движеніе третьяго сословія, идеологами котораго были такъ называемые „энциклопедисты". Энциклопедисты не только не увлекались образомъ жизни, вкусами и привычками аристократическаго французскаго общества, но, наоборотъ, рѣзко ихъ осуждали. Реакція противъ аристократическихъ привычекъ, вкусовъ и образа жизни давала себя чувствовать во всѣхъ новыхъ теченіяхъ французской литературы и французскаго искусства. Она породила живопись Греза и сантиментальную драму Дидро. Послѣднимъ словомъ этой реакціи явилось, въ концѣ XVIII столѣтія, устраненіе стараго порядка, уничтоженіе всѣхъ привилегій аристократіи. Но изо всѣхъ странъ европейскаго материка только Франція способна была произнести это послѣднее слово. Въ Германіи, едва-едва начинавшееся движеніе третьяго сословія не пошло дальше совершенной Лессингомъ литературной реформы, бывшей одновременно прото-

стомъ какъ противъ свойственнаго тогда дворянству увлеченія французскими литературными понятіями, такъ и противъ его преклоненія передъ французскими дворянскими нравами. Но нужно помнить, что Лессингъ совершилъ свою литературную реформу, слѣдуя примѣру англійскихъ и французскихъ идеологовъ третьяго сословія, въ особенности Дидро, котораго онъ ставилъ чрезвычайно высоко. Благодаря этому, его протестъ противъ французоманіи не былъ протестомъ противъ освободительныхъ французскихъ идей. Лессингъ не шелъ такъ далеко, какъ шли передовые французы XVIII столѣтія; но онъ все-таки шелъ по одной дорогѣ съ ними. Между тѣмъ, наши противники французскаго вліянія выступили также и противниками передовой французской философіи.

Въ своихъ сатирическихъ изданіяхъ Новиковъ не рѣдко такъ выражался, какъ будто въ его представленіи свободные мыслители тогдашней Франціи отождествлялись съ профессорами „Академіи Волосоподвивательной науки“. Нѣсколькими годами позже, въ предисловіи къ изданному имъ „Повѣствователю Древностей Россійскихъ“, онъ обрушился на людей, по его словамъ, зараженныхъ „Французскими натуральной системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностью и всякими наружными украшеніями и безполезными украшеніями [1]). Подъ натуральной системы книгами надо понимать, конечно, сочиненія французскихъ матеріалистовъ. Стало быть, выходило, что Гольбахъ и Дидро отвѣтственны за праздность свѣтскихъ хлыщей,—за ихъ пудру, помаду и карты! Дальше этого смѣшеніе понятій простираться не могло. Но что оно свойственно было не одному Новикову, это лучше всего видно на примѣрѣ Фонъ-Визина, у котораго идеализація Петровской эпохи тоже сопровождалась ожесточенными нападками на проповѣдниковъ новыхъ идей во Франціи (на „ученыхъ вралей“).

Выше я сказалъ, что стремленіе Фонъ-Визина превозносить русскую общественную жизнь на счетъ—французской отчасти объясняется, какъ реакція противъ нашей свѣтской французоманіи. Теперь я прибавлю, что взваливать на идеологовъ французскаго третьяго сословія отвѣтственность за тѣ или другіе недостатки европеизовованнаго русскаго дворянства можно было только вслѣдствіе неразвитости нашихъ общественныхъ отношеній, мѣшавшей русскимъ сатирикамъ разбираться въ явленіяхъ общественной и умственной жизни европейскаго Запада.

П. Н. Милюковъ совершенно справедливо сказалъ, что такъ

---

[1]) См. Незеленова: „Николай Ивановичъ Новиковъ“, стр. 220—221.

какъ западная культура сдѣлалась у насъ исключительнымъ достояніемъ „благороднаго“ сословія, то нападки на его внѣшнюю культурность сливались съ нападками на привилегированное положеніе дворянства. Можно прибавить, что въ нападкахъ на привилегированное положеніе дворянства заключалась прогрессивная мысль, заимствованная у тѣхъ же безбожныхъ писателей Запада, на которыхъ нападали наши благочестивые идеализаторы Петровской старины. Но именно потому, что идеализаторы старины отворачивались отъ тѣхъ смѣлыхъ новаторовъ, у которыхъ была ими заимствована ихъ прогрессивная мысль, они плохо усваивали ее, и ихъ нападки на привилегированное положеніе дворянства, сливавшіяся съ нападками на его культурную внѣшность, оставались крайне робкими и поверхностными. Къ тому же, прогрессивная мысль эта иногда совсѣмъ стушевывалась, уступая мѣсто вовсе уже не прогрессивному превознесенію „простыхъ“ нравовъ провинціальнаго дворянства на счетъ развращенныхъ нравовъ столицъ.

Однако, хотя совсѣмъ безсодержательна была въ теоретическомъ отношеніи идеализація Петровской старины и хотя очень бѣдны были, по своему идейному содержанію, нападки сатириковъ на внѣшнюю дворянскую культурность, и ту, и другія слѣдуетъ признать интересными знаменіями своего времени: онѣ знаменовали зарожденіе вопроса о томъ, *каково должно быть отношеніе Россіи къ Западу на основѣ Петровской реформы*. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что уже въ XVIII в. дѣлались заслуживающія вниманія попытки рѣшить этотъ важный вопросъ или,—если позволительно употребить здѣсь выраженіе, ставшее у насъ ходячимъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія,—найти *нашу формулу прогресса*. Въ той же главѣ мы увидимъ, что по этому вопросу Д. И. Фонъ-Визинъ высказалъ мысль, ставшую ходячей въ XIX вѣкѣ.

Глава VIII.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ взаимной борьбы различныхъ общественныхъ элементовъ.

Коммиссія объ Уложеніи.

I.

Новыя, разнородныя и часто совершенно несогласимыя между собою стремленія, порожденныя Петровской реформой, выразились, между прочимъ, въ пресловутой Екатерининской „Коммиссіи о сочиненіи новаго Уложенія". Но та же коммиссія показала, какъ мало благопріятна была наша тогдашняя объективная дѣйствительность проведенію въ жизнь тѣхъ изъ нихъ, которыя не соотвѣтствовали унаслѣдованнымъ отъ до-Петровской старины и все еще непоколебленнымъ основамъ государственнаго строя.

Извѣстная часть населенія взглянула на посылку своихъ представителей въ эту Коммиссію, какъ на одну изъ докучныхъ натуральныхъ повинностей по отношенію къ государству. И для нея былъ вопросъ въ томъ, какъ бы поскорѣе раздѣлаться съ этой повинностью. Въ наказѣ, даннномъ муромскимъ дворянствомъ своему депутату, говорилось: „Мы, будучи въ собраніи, по довольномъ общемъ нашемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаваемъ" [1]). Въ тверскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ отказался принять участіе въ выборѣ депутата, сославшись на указъ Петра III, освободившій дворянъ отъ обязательной службы. Торгово-промышленное сословіе отъ обязательной службы избавлено еще не было. Поэтому, доводя до его свѣдѣнія манифестъ 14-го декабря 1766 г., нѣкоторые городовые магистраты сочли себя въ правѣ принять рѣшительныя мѣры противъ возможныхъ попытокъ уклониться

---

[1]) П. Кудряшевъ. „Отношеніе населенія къ выборамъ въ Екатерининскую коммиссію. Вѣстникъ Европы 1909 г., декабрь, стр. 546 и 541.

отъ выполненія „законодательной“ повинности. Въ Путивлѣ магистратъ предписалъ городовому старостѣ Курдюмову: „Итти тебѣ во дворы путивльскаго купечества всѣхъ не обходя ни единаго, а пришедь каждому объявить, чтобы они неотмѣнно безъ всякихъ оговорокъ явились въ магистратъ... и кому объявлено о томъ будетъ, велѣть въ слышаніи сего подъ симъ подписаться и чтобъ неотмѣнно имѣли явиться“. Если кто-нибудь „паче чаянія ослушаніемъ своимъ не подпишется“, о тѣхъ староста долженъ былъ подать рапортъ. Въ Каргополѣ старостѣ приказано было каждую недѣлю „наистрожайше“ и „со всякой внятностью“ читать какъ самый манифестъ, такъ и приложенія къ нему ради „оныхъ разумѣнія“. Въ Кашинѣ, Архангельскѣ и Переяславлѣ-Рязанскомъ магистраты предписали, чтобы послѣ опубликованія манифеста 14-го декабря никто изъ купцовъ не отлучался безъ разрѣшенія вплоть до выборовъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ съ отлучавшихся брали подписки о возвращеніи ихъ къ надлежащему сроку. Въ Касимовѣ купечество первой и средней статьи обязало старосту „безупустительно“ взыскать денежную пеню съ сорока купцовъ, не явившихся на выборы послѣ многократнаго извѣщенія ихъ о сборѣ. Тѣхъ ослушниковъ, которые оказались бы не въ состояніи заплатить пеню, рѣшено было наказать „тѣлесно батожьемъ, дабы и впредь такъ чинить не отваживались“. Все это было совершенно въ духѣ дореформенныхъ московскихъ порядковъ. Въ томъ же духѣ поступали избиратели, когда выбирали въ депутаты лицъ, почему-либо чуждыхъ мѣстной жизни и вовсе не желавшихъ попадать въ число „излюбленныхъ“. Въ Борисоглѣбской Слободѣ тогдашней Московской губ. избрали въ депутаты купца С. Н. Еболдина, хотя на бумагѣ и принадлежавшаго къ тамошнему обществу, но жившаго въ Выборгѣ. Получивъ депутатское полномочіе и наказъ отъ своихъ избирателей, Еболдинъ сообщилъ подлежащему начальству, что въ Борисоглѣбской Слободѣ у него нѣтъ ни дома, ни торга, и что, кромѣ того, самъ онъ вотъ уже три недѣли, какъ нездоровъ, въ удостовѣреніе чего былъ имъ приложенъ медицинскій „атестатъ“. Началось цѣлое дѣло, восходившее до Сената, который рѣшилъ, что, такъ какъ Еболдинъ во время его выбора еще имѣлъ домъ въ названной слободѣ и былъ здоровъ, а приключившаяся съ нимъ впослѣдствіи болѣзнь не весьма „чрезвычайна“, то онъ не имѣетъ права отказаться отъ исполненія своей депутатской обязанности. Выборгскій губернаторъ выслалъ этого, насильно излюбленнаго человѣка въ Москву для участія въ работахъ Коммиссіи.

Еще болѣе трагикомична была,—съ точки зрѣнія нынѣшняго

европейца, — судьба курскаго депутата Ивана Скорнякова. Проживая въ Нѣжинѣ, онъ отговаривался болѣзнью, которую даже оптимистически настроенный Сенатъ долженъ былъ бы, кажется, признать довольно „чрезвычайной“ для депутата: „затмѣніемъ ума“. Но и этой отговорки не принялъ во внимаманіе суровый, магистратъ города Курска. „За недѣльное отбывательство“, Скорняковъ, по предписанію губернатора, высланъ былъ въ Курскъ подъ карауломъ Малороссійской коллегіи, а съ нѣжинскимъ магистратомъ будто бы „закрывавшимъ“ Скорнякова, поступили „по законамъ“

Въ Енисейскѣ роль „излюбленнаго“ умышленно возложена была обывателями на человѣка, пользовавшагося всеобщимъ нерасположеніемъ: нѣкоего Н. С. Самойлова. Напрасно протестовалъ народный избранникъ, говоря, что его выбрали по злобѣ: пришлось ему покориться своей горькой участи. Самойловъ даже принялъ участіе въ исправленіи депутатскаго наказа. Правду говоритъ французская пословица: аппетитъ приходитъ во время ѣды. Но, когда дѣло дошло до подписанія этого наказа, избиратели струсили, вообразивъ, что за это можетъ достаться не только нелюбимому ими излюбленному человѣку, но и имъ самимъ. Кое-какъ затрудненіе уладилось, Самойловъ уѣхалъ въ Москву, и изъ него, говорятъ вышелъ дѣльный членъ Коммиссіи [1]).

Если старо-московскія преданія продолжали жить въ памяти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части обывателей государства россійскаго [2]), то еще прочнѣе коренились они въ головѣ его администраторовъ. Екатерина II утверждала, что ей желательно сдѣлать выборы депутатовъ „вольными“ и предохранить ихъ отъ административнаго давленія. Но мы хорошо знаемъ, до какой степени практика Фелицы расходилась съ ея теоріей. Въ дѣйствительности администрація нисколько не стѣснялась давить на выборы тамъ, гдѣ находила это полезнымъ. Она очень заботилась о томъ, чтобы выборы совершались „съ достодолжнымъ безмолвіемъ и тишиною“; всякое „шумство“ разсматривалось ею,

---

[1]) Объ этой исторіи, разсказанной первоначально С. С. Шашковымъ, см. въ изслѣдованіи г. Флоровскаго: „Составъ законодательной коммиссіи 1767—74 гг.“; въ X выпускѣ записокъ новороссійскаго университета, Одесса, 1915, стр. 407. Тамъ же указаны и другіе, приведенные мною, случаи.

[2]) Впрочемъ, надо замѣтить, что даже въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ демократіяхъ народные избранники не имѣли права отказываться отъ исполненія возложенной на нихъ народомъ политической обязанности. Такъ было, напримѣръ, во Флоренціи XIV-го вѣка (см. F. T. Perrens, La civilisation florentine, Paris, 1893, p. 49).

какъ преступленіе. Если въ Великороссіи рѣдко случалось „шумство“, имѣвшее политическое значеніе, то на западныхъ окраинахъ дѣло обстояло иначе. Окраины эти имѣли свои, пріобрѣтенныя въ совершенно другой исторической обстановкѣ, права и вовсе не были расположены отказываться отъ нихъ. Тамошнее населеніе опасалось, какъ бы Коммиссія не уничтожила этихъ правъ, и потому предпочитала совсѣмъ не посылать въ Москву своихъ депутатовъ. Такъ было въ нѣкоторыхъ остзейскихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи. А когда населеніе окраинъ убѣждалось, что посылки депутатовъ избѣжать невозможно, оно, составляя свои наказы, прежде всего ходатайствовало о сохраненіи тѣхъ своихъ привилегій, которыя еще продолжали существовать, и о возстановленіи тѣхъ, которыя уже были отмѣнены центральнымъ правительствомъ [1]). Само собою понятно, что администрація видѣла въ такихъ уклоненіяхъ и пожеланіяхъ лишь „своевольство“ и „неблагодарность“ по отношенію къ государынѣ, вознамѣрившейся осчастливить своихъ подданныхъ. Малороссійскій генералъ-губернаторъ Румянцевъ писалъ Екатеринѣ изъ Малороссіи:

„Новый проектъ Уложенія не производитъ здѣсь... признанія вашего императорскаго в-ства благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ, ни разсужденіе. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отзывы же у всѣхъ одни: „Зачѣмъ бы намъ тамъ (въ Коммиссіи. *Г. П.*) и быть; наши законы весьма хороши, а буде депутатомъ быть конечно уже надобно, только развѣ бъ искать правъ и привилегій подтвержденія“. Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добръ) внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ, всѣмъ искать надлежитъ“ [2]).

Подобно Румянцеву, Екатерина рѣшила, что этому „своевольству“ долженъ быть положенъ конецъ. „Я надѣюсь,—отвѣчала она Румянцеву,—что вы употребите такія мѣры, которыя непознающихъ собственной своей и общественной пользы степенями приведутъ, наконецъ, къ познанію оной“.

Такъ какъ она много раньше Талейрана держалась правила: мы должны пользоваться языкомъ для того, чтобы скрывать

---

[1]) Лифляндскіе дворяне хлопотали о подтвержденіи ихъ привилегій; выборгское дворянство ходатайствовало о сохраненіи тѣхъ привилегій, „коими шведское дворянство въ сихъ завоеванныхъ провинціяхъ пользовались“ (sic). См. Сборникъ Имп. Русскаго Историч. общества, томъ 68, стр. 66—67 и 91.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. VI, стр. 315.

свои мысли, то немедленно и тутъ посовѣтовала избѣгать „принужденія или усильныхъ увѣщаній“. Румянцева эта оговорка не обманула. Въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ донесеній онъ сообщалъ своей вольнолюбивой повелительницѣ, что не достало его терпѣнія „симъ вралямъ далѣе попущать“, и что онъ взялъ тонъ прямо „начальничества“. На это она, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣчала ему, что употребленный имъ тонъ начальничества „весьма приличенъ былъ“ [1]). Дѣло „тономъ“ не ограничилось. Въ нѣжинскомъ полку избиратели, недовольные своимъ депутатомъ Селецкимъ, который отказался принять наказъ, требовавшій возстановленія шляхтескихъ вольностей и даже гетманства [2]), выбрали на его мѣсто новаго представителя. Тогда администрація предала „зачинщиковъ непорядка“ суду, военныхъ—военному, а гражданскихъ—гражданскому.

Ихъ обвинили въ томъ, что они „отважились“ нарушить довѣренность депутату Селецкому, „со дня его выбора единственно уже подъ Е. И. В. протекціею состоящему“. Гражданскій судъ приговорилъ подсудимыхъ къ вѣчной ссылкѣ, а военный пошелъ еще дальше: изъ 36 человѣкъ 33 приговорены были имъ къ смерти, остальные 3—къ ссылкѣ! Сенатъ замѣнилъ ссылку шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ отнятіемъ всѣхъ чиновъ. Осужденные на смерть казнены не были. Неизвѣстно, чѣмъ именно замѣнили имъ „лишеніе живота“, но когда въ 1770 г. милостивая Екатерина нашла возможнымъ простить ихъ („Богъ проститъ“), то вѣсть о помилованіи застала ихъ въ тюрьмѣ [3]).

Шляхетство обнаружило болѣе оппозиціонное настроеніе по отношенію къ центральному правительству, нежели другіе слои малорусскаго населенія. Какъ мы видѣли, Румянцевъ находилъ даже, что „простой народъ“ въ Малой Россіи „подлинно добръ“ [4]).

---

[1]) Соловьевъ, тамъ же, стр. 316 и слѣд.

[2]) „Съ вашими наказами въ Москву не ѣду, потому что мнѣ стыдно будетъ ихъ показать“, заявилъ онъ избирателямъ, хотя прежде/ самъ одобрялъ содержаніе ихъ наказа.

[3]) Подробнѣе объ этомъ см. въ цитированной мною выше статьѣ П. Кудряшева: „Отношеніе населенія къ выборамъ въ „Екатерининскую комиссію“, стр. 532, 533 и слѣд.

[4]) Г. Кудряшевъ говоритъ, что въ Малороссіи, въ эпоху созыва Коммиссіи, зрѣло недовольство и происходило глубокое броженіе „сепаратистнаго характера“ („В. Европы“, 1909, кн. II, стр. 106). Что недовольства было много, это неоспоримо, но чтобы оно имѣло „сепаратискій характеръ“, это очень сомнительно. Въ частности малорусское шляхетство недовольно было тѣмъ, что правительство отказывалось сравнить его въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ. Эта причина его недовольства устранена была Екатериной II въ восьмидесятыхъ годахъ. И тогда,

Однако, у добраго малороссійскаго простонародья тоже было не мало поводовъ къ недовольству. Въ Харьковской провинціи [1]) жители слободы Межиричъ, прежде бывшіе слободскими казаками, а потомъ обращенные въ податныхъ поселянъ, естественно желали возвращенія старыхъ порядковъ. На одномъ избирательномъ собраніи нѣкто Гринченко воскликнулъ: „Кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ на вѣки". Его арестовали и отдали подъ судъ. Нѣкоторые избиратели пытались освободить его; ихъ также арестовали и судили по 1-ой и 18-ой статьямъ Уложенія, каравшимъ умыселъ на государево здоровье, скопъ и заговоръ на государя. Сумская провинціальная канцелярія постановила публично наказать всѣхъ подсудимыхъ (ихъ было 23) плетьми. На самомъ дѣлѣ, наказанію плетьми подвергнутъ былъ, повидимому, только Гринченко, да еще высѣченъ былъ батогами избиратель Вѣтерокъ. Однако, и это являлось весьма „усильнымъ" увѣщаніемъ. Положимъ, что Вѣтерокъ отвѣдалъ батоговъ за попытку насильственно освободить Гринченко. Но этотъ послѣдній пострадалъ единственно за слишкомъ рѣзкое выраженіе своего взгляда на новый порядокъ вещей. А это значитъ, что, давая свои наказы лицамъ, долженствовавшимъ устроить „блаженство каждаго и всѣхъ" [2]), „вольные" избиратели отнюдь не были вольны безъ обиняковъ высказывать все, чего имъ хотѣлось и что наболѣло у нихъ на душѣ.

Согласно положенію, присоединенному къ манифесту о выборахъ, депутаты навсегда освобождались отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; обидѣвшій депутата платилъ двойное „безчестіе". Но практика и тутъ расходилась съ теоріей. Въ Харьковской провинціи депутатъ Прокопъ Гукъ дѣлалъ денежные сборы съ населенія, обѣщая за это имъ свою помощь по части земельнаго межеванія, совпавшаго тамъ съ выборами. Обвиненный въ вымогательствѣ, онъ былъ лишенъ званія депутата и... наказанъ плетьми. Такимъ образомъ,

---

по выраженію А. Ефименко, „прекратилось многолѣтнее томленіе малорусскаго панства: врата въ недоступное до тѣхъ поръ святилище были ему открыты" (Малорусское дворянство и его судьба, въ 1 т. сборника А. Ефименко: „Южная Русь" стр. 191). Какъ мало политическаго смысла обнаруживало въ своемъ недовольствѣ малорусское шляхетство, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго, далеко не единичнаго факта: въ Полтавѣ руководящій выборами въ Коммиссію объ Уложеніи генеральный обозный Кочубей „съ великимъ трудомъ едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію съ городскими жителями" (Кудряшевъ, назв. статья „Вѣстн. Европы", кн. II стр. 113).

[1]) Она принадлежала собственно не къ Малороссіи, а къ Новой Слободской губ., но населена была тогда, какъ и теперь, малороссами.

[2]) Надпись на депутатской медали.

привилегія, пожалованная депутатамъ матушкой государыней, сводилась собственно къ тому, что ихъ нельзя было наказать „на тѣлѣ“, не отнявъ у нихъ предварительно высокаго депутатскаго званія [1]).

Администрація весьма недолюбливала письменныхъ сношеній депутатовъ со своими избирателями. Нѣсколькихъ депутатовъ, посылавшихъ въ провинцію письма, отъ которыхъ, по мнѣнію администраціи, могло проявиться непослушаніе, сама Екатерина признала достойными строгаго выговора, „дабы впредъ осторожнѣе были въ употребленіи пера“. За будто бы возмутительную переписку со своими избирателями исключены были депутаты П. Денисовъ, М. Моренецъ и С.Морозъ [2]). Впрочемъ, подробностями такогорода трудно удивить даже и нынѣшняго русскаго читателя...

II.

„Къ выборамъ, въ общемъ, населеніе отнеслось серьезно, благожелательно и довольно сознательно“,—говоритъ г. П. Кудряшевъ.—Онъ указываетъ на то, что мѣстами избиратели умѣли крѣпко постоять за своихъ избранниковъ, а иногда подвергали ихъ своему постоянному контролю.

И въ самомъ дѣлѣ, хотя и очень много до-Петровской старины было какъ въ отношеніи администраціи къ избирателямъ и ихъ избранникамъ, такъ и во взглядѣ избирателей и избранниковъ на свою обязанность, но все-таки мы видимъ болѣе сознательности и серьезности при выборахъ въ Екатерининскую коммиссію, нежели при выборахъ въ подобныя же коммиссіи, созывавшіяся прежними государями [3]).

---

[1]) Гукъ оправдывался тѣмъ, что принималъ только добровольныя, закономъ разрѣшенныя, приношенія. Во всякомъ случаѣ, есть основаніе думать, что мѣстные землевладѣльцы преувеличили его грѣхъ, такъ какъ онъ, по ихъ убѣжденію, препятствовалъ полюбовному размежеванію съ ними „казенныхъ обывателей“, т. е. мѣстныхъ крестьянъ. Одинъ изъ такихъ землевладѣльцевъ,—сотникъ Ковалевскій,—совѣтовалъ отстранить Гука отъ его депутатской должности, потому что онъ, „какъ мужикъ“, угрюмый, можетъ и въ коммиссіи изблевать какого-либо мужицкаго яду“. (П. Кудряшевъ, наз. ст., В. Е. кн. 11, стр. 120.)

[2]) А. В. Флоровскій, назв. соч., стр. 573.

[3]) Манифестъ 14-го декабря 1766 г. о созывѣ въ коммиссію для выработки новаго уложенія былъ по счету пятымъ. Учрежденіе законодательныхъ коммиссій началось уже при Петрѣ I. Первоначально правительство считало возможнымъ обойтись силами своихъ чиновниковъ. Очень скоро увидя тщету этой надежды, оно стало призывать „добрыхъ и знающихъ людей“ отъ шляхетства, а послѣ, (при Петрѣ II) отъ купечества и (при Аннѣ и Елизаветѣ) отъ духовенства. Насколько мнѣ извѣстно, Екатерина II, такъ охотно бесѣдовавшая со своими заграничными корреспондентами о созванной ею коммиссіи, никому изъ нихъ не сообщила, что идея, которую она осуществляла въ данномъ случаѣ, совсѣмъ не была новой.

Этого нельзя отрицать. Но не слѣдуетъ также впадать въ преувеличеніе. Фактъ тотъ, что лишь очень небольшая доля общаго числа избирателей приняла дѣятельное участіе въ выборахъ. На это указываетъ самъ Г. П. Кудряшевъ. Правда, это въ извѣстной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что весьма многіе дворянскіе избиратели, состоя на службѣ, не жили въ своихъ имѣніяхъ. Г. П. Кудряшевъ приводитъ интересныя статистическія данныя по нѣкоторымъ уѣздамъ тогдашней Московской губерніи.

	Владѣльцы:			
	Общее число	Жило въ уѣздѣ.	Явилось на выборы.	Отзывъ прислали.
Гороховецкій уѣздъ	63	7	6	4
Волоколам. „	60	15	6	10
Звенигород. „	80	2	—	51 [1]).

Вѣроятно и то, что среди лицъ торгово-промышленнаго сословія нѣкоторые, можетъ быть, даже довольно многіе, не участвовали въ выборахъ только вслѣдствіе отлучки, по собственнымъ торговымъ дѣламъ, или же по дѣламъ, обязательной для нихъ, службы государству.

Г. П. Кудряшевъ отмѣчаетъ еще то, конечно, крайне неудобное обстоятельство, что выборы въ Коммиссію назначены были на время весенней распутицы. Но, во-первыхъ, намъ извѣстны случаи, когда городовые магистраты „съ учтивостью“,—и съ успѣхомъ,—просили воеводъ измѣнить неудобные для обывателей сроки выборовъ [2]). Этимъ путемъ можно было, по крайней мѣрѣ, мѣстами и отчасти обойти неоспоримыя затрудненія, причинявшіяся распутицей. Во-вторыхъ, едва ли добровольныя (по собственнымъ дѣламъ) или обязательныя (по дѣламъ службы) отлучки избирателей способны цѣликомъ объяснить то, что, напримѣръ, въ Петербургѣ все число избирателей, лично участвовавшихъ въ выборахъ, дошло только до 15 процентовъ числа жителей, обладавшихъ избирательнымъ правомъ, а въ Москвѣ было и того меньше, составивъ лишь одну десятую часть избирателей [3]).

---

[1]) Назв. стат. В. Е., кн. 12 стр. 542. Дворянскіе избиратели имѣли право, не участвуя лично въ выборахъ, подавать свой голосъ письменно.

[2]) См. у А. В. Флоровскаго, н. с. стр. 379 и 380.

[3]) Фроловскій, н. соч., стр. 386, ср. также Кудряшева, н. ст., В. Е. кн. 12, стр. 543. Конечно, отлучки избирателей съ мѣста ихъ постояннаго жительства не объясняютъ также ни приведеннаго мною выше заявленія Муромскихъ дворянъ о томъ, что никакихъ отягощеній и нуждъ они не имѣютъ, ни заявленія жителей г. Дмитровска о томъ, что „никакихъ къ сочиненію прошеній о желаемомъ поправленіи“ они не приносятъ и, по обстоятельствамъ ихъ города, „никакихъ общихъ нуждъ не имѣютъ представить“. (П. Кудряшевъ, назв. стат., В. Е., кн. 12, стр. 541).

Во избѣжаніе недоразумѣній напомню, что нежеланіе принимать личное участіе въ выборахъ еще не означало полнаго равнодушія избирателей къ ихъ исходу. Избирательный законъ позволялъ, какъ мы знаемъ, дворянамъ письменно посылать свой голосъ или „отзывъ". И мы видѣли, что въ тогдашней Московской губ. этимъ правомъ воспользовались довольно многіе дворянскіе избиратели. Подобное же право было,—на этотъ разъ въ отступленіе отъ законнаго „обряда" выборовъ,—предоставлено избирателямъ обѣихъ столицъ. Возможно, что имъ воспользовались довольно многіе изъ тѣхъ столичныхъ домовладѣльцевъ, которые не захотѣли или почему-нибудь не могли пойти на избирательныя собранія. Но если дворянинъ, скажемъ, Звенигородскаго уѣзда, неся службу въ болѣе или менѣе отдаленной мѣстности, находилъ нужнымъ послать на родину свой избирательный „отзывъ", то это свидѣтельствовало о немаломъ интересѣ его къ судьбамъ законодательной Коммиссіи. А если петербургскій или московскій домовладѣлецъ, вмѣсто того, чтобы лично пойти на избирательное собраніе, ограничился посылкой „довѣреннаго письма", то это говоритъ скорѣе о томъ, что ему свойственно было лишь весьма умѣренное избирательное рвеніе.

Въ такомъ же смыслѣ приходится понимать и то интересное явленіе, что какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Москвѣ при выборѣ повѣренныхъ, т. е. выборщиковъ, прошло много аристократовъ и высшихъ чиновниковъ. Это обстоятельство нѣсколько смутило даже генералъ-полицей-мейстера Чичерина, руководившаго выборами въ обѣихъ столицахъ, и онъ далъ избирателямъ „совѣтъ не въ указъ" выбирать выборщиковъ „изъ всякаго званія жителей способныхъ и знающихъ городскія нужды" [1]).

Въ виду всего этого, мы окажемся ближе къ истинѣ, сказавъ, что болѣе серьезное и сознательное, чѣмъ прежде, отношеніе къ выборамъ проявлено было, при Екатеринѣ II, не всѣмъ населеніемъ „въ общемъ", а только извѣстной, и при томъ сравнительно небольшой, его частью.

Эта часть населенія была наиболѣе энергичной и дѣятельной. Ея избранниковъ надо разсматривать, какъ выразителей нуждъ и носителей стремленій всѣхъ тѣхъ элементовъ населенія, которые получили право представительства въ Коммиссіи.

Извѣстно, что населеніе деревень было представлено въ ней очень слабо. Въ „Положеніи" о выборахъ упомянуты были только однодворцы, пахотные солдаты, старыхъ службъ служилые люди, черносошные и ясашные крестьяне. Послѣ изданія манифеста 14-го декабря, къ этимъ элементамъ прибавлены были нѣкоторые

[1]) П. Кудряшевъ, тамъ же, стр. 543.

другіе. Девятнадцатаго декабря того же года сенатъ принялъ постановленіе, давшее право представительства экономическимъ крестьянамъ. Вскорѣ послѣ этого Екатерина предписала привлечь къ выборамъ также крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ [1]). Возникалъ вопросъ о предоставленіи избирательнаго права также дворцовымъ крестьянамъ, однако, его рѣшили отрицательно, какъ рѣшили, съ самаго начала, вопросъ о представительствѣ крестьянъ помѣщичьихъ [2]).

Наиболѣе дѣятельная часть всякаго даннаго общественнаго класса, сословія или слоя бываетъ обыкновенно и наиболѣе культурной его частью. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Но, къ сожалѣнію, мало культурной была и наиболѣе культурная часть тогдашняго населенія Россіи. Г. В. Бочкаревъ составилъ таблицу, показывающую размѣры безграмотности въ средѣ избирателей [3]).

Губерніи.	Дворяне.			Горожане.		
	Всего избирателей.	Неграмотныхъ.	% отношеніе неграмот. къ общему числу избирателей.	Всего.	Неграмотныхъ.	Процентное отношеніе къ общему числу.
Оренбургская	185	111	60	—	—	—
Архангелогородская	331	93	28,09	—	—	—
Московская	1756	314	17,88	4646	1543	33,17
Новгородская	977	141	14,33	69	3	4,35
Нижегородская	130	15	11,54	680	331	48,97
Новороссійская	309	33	10,68	—	—	—
Смоленская	206	19	9,22	30	—	—
Бѣлгородская	510	43	8,44	1404	441	31,41
Воронежская	553	45	8,14	1471	813	55,27
Малороссійская	884	53	5,99	521	383	73,51
Петроградская	41	2	4,88	100	—	0
Слоб.-Украинская	254	11	4,33	—	—	—
Казанская	205	2	0,97	82	13	15,85
Кіевская	111	—	0	183	93	50,82
Астраханская	—	—	—	682	372	54,54
Эстляндская	165	—	0	—	—	—
Лифляндская	171	—	0	—	—	—
Сибирская	65	—	0	67	—	0
Иркутская	39	—	0	63	—	0
Выборгская	3	—	0	—	—	—

[1]) А. В. Флоровскій (Составъ Зак. Коммиссіи, стр. 423) приводитъ текстъ этого постановленія. Такимъ образомъ, г. П. Кудряшевъ ошибочно отнесъ заводскихъ крестьянъ къ числу лишенныхъ представительства. Ниже мы познакомимся съ нѣкоторыми наказами заводскихъ крестьянъ.

[2]) Интересно, что находившіеся въ помѣщичьемъ владѣніи финляндскіе крестьяне, не въ примѣръ русскимъ, имѣли своихъ представителей въ Коммиссіи. (Флоровскій, тамъ же, стр. 425 и 426).

[3]) См. Изслѣдованіе г. Бочкарева: „Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II по матеріаламъ Законодательной Коммиссіи 1767 года“,

Въ то время, когда русскіе сатирики принялись осмѣивать нашу крайнюю французоманію, въ Московской губерніи, этомъ центрѣ Великороссіи, оказалось около 18% безграмотныхъ между избирателями, принадлежавшими къ „благородному сословію“! Я уже не говорю объ Оренбургской губ., гдѣ такихъ избирателей насчиталось больше половины. Неграмотные дворяне, навѣрно, были не болѣе доступны для западныхъ вліяній вообще и особенно для вліянія освободительной западной философіи, чѣмъ Тарасъ Скотининъ или Митрофанъ Простаковъ. А такъ какъ они гнѣздились преимущественно въ провинціи, то это даетъ намъ полную возможность по достоинству оцѣнить то противопоставленіе нашего городского быта сельскому, которое съ нескрываемой симпатіей къ послѣднему, дѣлалось по временамъ русской сатирой [1]).

Въ торгово-промышленномъ сословіи безграмотность была еще больше распространена какъ въ Великой, такъ и въ Малой Россіи. Если въ Малороссійской губ. между шляхетскими избирателями было только 6 процентовъ безграмотныхъ, то между городскими ихъ было 73,51. Въ Кіевской губ. безграмотные избиратели составляли 50,83% общаго числа, въ Воронежской—55,27%, въ Московской—33,17% и т. д. Петроградская губ. какъ будто составила блестящее и даже нѣсколько странное исключеніе: процентъ безграмотныхъ въ средѣ дворянскихъ избирателей равнялся тамъ 4,88, а въ средѣ городскихъ избирателей онъ опустился до нуля. Однако, число занесенныхъ тамъ въ счетъ городскихъ избирателей сравнительно такъ не велико, что осторожнѣе будетъ воздержаться отъ какихъ-нибудь заключеній по поводу отсутствія въ немъ безграмотныхъ.

Какъ бы то ни было въ частныхъ случаяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ своей массѣ, русское торгово-промышленное сословіе оставалось тогда еще менѣе культурнымъ, чѣмъ дворянство, и когда представителямъ этой, весьма мало культурной, среды пришлось разбираться въ противорѣчіяхъ, вызванныхъ Петровской реформой, они оказались неспособными широко взглянуть на нужды своего сословія и выставить стройный, чуждый внутреннихъ противорѣчій, рядъ требованій.

напечатанное въ январьской, февральской, мартовской, апрѣльской и майской кн. „Русской Старины“ за 1915 г. Приведенная здѣсь таблица находится въ февральской книгѣ.

[1]) Надо помнить, что рѣчь идетъ здѣсь отнюдь не о противопоставленіи крестьянъ другимъ сословіямъ.

III.

Слово: „требованія“ здѣсь, пожалуй, неумѣстно, „Не смотря на полную законность заявленій городскихъ жителей,—говоритъ В. Сергѣевичъ,—ихъ не оставляетъ мысль, что заявленія эти могутъ не понравиться Императрицѣ, поэтому въ заключеніе Наказа они нерѣдко просятъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи, если что либо въ содержаніи Наказа будетъ признано за излишнее“. Для примѣра онъ выписываетъ отрывокъ изъ наказа отъ гражданъ Переяславля-Рязанскаго. „А если изъ сихъ нашихъ прошеніевъ что будетъ неугодно,—читаемъ мы тамъ,—то всеподаннѣйше просимъ высочайшимъ монаршимъ матернимъ милосердіемъ, снисходя къ намъ всеподаннѣйшимъ рабамъ, милостиво простить и не поставить этого въ преступленіе“ [1]). Это языкъ челобитныхъ Московской Руси. Челобитчики не требовали, а именно только выступали съ прошеніями. Русскіе горожане XVIII в. продолжали относиться къ центральной власти такъ же, какъ горожане до-Петровскаго времени. И, однако, въ рѣчахъ депутатовъ, посланныхъ ими въ Екатерининскую коммиссію, звучали иногда неслыханныя прежде ноты. Петровская реформа все-таки давала себя чувствовать!

Слѣдуетъ замѣтить, что городскіе депутаты относятся къ ней съ полнымъ сочувствіемъ. Наказъ отъ г. Суздаля заключаетъ въ себѣ цѣлый панегирикъ дѣятельности Петра I. Составители наказа превозносятъ память преобразователя за его „отеческое попеченіе“ о торговлѣ. Они говорятъ, что Петръ I, „будучи въ европейскихъ государствахъ своею высокою особою, у искусныхъ комерціи народовъ полезные порядки, художества и работы проницательнымъ своимъ окомъ разсматривать изволилъ, дабы всему тому подданныхъ своихъ обучить“, и т. д. Не менѣе достойно вниманія и представленіе ихъ о той цѣли, которую преслѣдовалъ Петръ I, совершая благотворныя для торговли реформы. По ихъ словамъ, онъ съ такимъ намѣреніемъ это „дѣлать изволилъ, дабы россійское свое купечество, собравъ яко разсыпанную храмину, не только (sic) сравнить, но и превысить европейскихъ купцовъ, зная достовѣрно, сколько коммерція нужна государству, какъ то въ самой вещи видимо въ европейскихъ государствахъ [2]).

Тутъ нѣтъ и слѣда той тупой ненависти ревнителей древляго благочестія къ Западу, которой не чуждъ былъ еще Посошковъ.

---

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, томъ 93, предисловіе, стр. XI.
[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, томъ 107, стр. 18.

Нѣсколькими строками ниже, въ Суздальскомъ наказѣ говорится о „счастливыхъ Европейскихъ купцахъ", передъ которыми испытываетъ стыдъ прозябающее въ бѣдности русское купечество.

Въ 62-омъ засѣданіи Коммиссіи депутатъ отъ г. Барнаула Карышевъ выступилъ съ еще болѣе восторженнымъ похвальнымъ словомъ Петру I. Онъ указывалъ на то, что до-Петровская Русь „была въ неизвѣстности у всего свѣта" и, вслѣдствіе бѣдности, которая мѣшала ей содержать армію, не могла защищаться отъ своихъ непріятелей. Теперь же, благодаря Петровской реформѣ, русское государство имѣетъ такое войско, которое „однимъ своимъ видомъ можетъ поколебать и привести въ трепетъ стремящихся на нее непріятелей".

Коренное значеніе Петровской реформы заключалось, по мнѣнію Карышева, въ томъ, что онъ „отворилъ порты и умножилъ торговлю съ разными и неслыханными до того народами". Какъ видите, преобразовательная дѣятельность Петра оцѣнивается, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія торговли. Военный аргументъ лишь подкрѣпляетъ эту точку зрѣнія. И слѣдуетъ замѣтить, что депутатъ Карышевъ вообще приписывалъ торговлѣ чрезвычайно важную роль въ исторіи человѣчества. Онъ утверждалъ, что Финикія и Тиръ, Карѳагенъ и Римъ, Англія и Голландія „своею славою одолжены коммерціи" [1]).

Это не все. Отводя торговлѣ такую важную роль въ ходѣ развитія культуры, Карышевъ ссылается на слова Екатерининскаго наказа: „Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ" [2]). Это даетъ поводъ думать, что его убѣжденіе въ великой пользѣ Петровскаго преобразованія и въ огромной важности торговли связывалось съ сознаніемъ необходимости свободы. И, — что всего интереснѣе,—это сознаніе выражалось не имъ однимъ. Кронштадтскій депутатъ Рыбниковъ, оспаривая кн. М. Щербатова (мы увидимъ ниже, о чемъ шелъ споръ) и сравнивая положеніе русскаго купечества съ положеніемъ западнаго, замѣтилъ что русское торговое сословіе „не имѣетъ надлежащей свободы" [3])

Судя по всему, понимать значеніе свободы научилъ городскихъ депутатовъ не тотъ или другой идеологъ и не вліяніе того Запада, на который они ссылались, а горькій опытъ русской общественной жизни. Нижегородскіе граждане жаловались, что полиція чинитъ „коммерціи великое препятствіе". И вотъ почему

---

1) Сборникъ Рус. Историч. Общества, т. VIII, стр. 275—276.

2) Тамъ же, стр. 275.

3) Тамъ же, т. VIII, стр. 176.

они, — въ первой же статьѣ своего наказа, — просили, „чтобъ состоящей нынѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ Полицеймейстерской Конторѣ не быть, а... полицейскую должность опредѣлить въ вѣдомство Нижегородскаго Губернскаго Магистрата“ [1]). Граждане сѣверной столицы выступили съ ходатайствомъ о томъ, чтобы никто въ своемъ домѣ никакого насилія не претерпѣвалъ; и ежели кого къ суду или въ какое мѣсто взять будетъ потребно, такому прежде повѣщать, а хотя бы по повѣсткѣ въ то мѣсто не явился, однакожъ не брать такого изъ дому или квартиры насильно (sic), а брать внѣ дома и квартиры, кромѣ преступниковъ по дѣламъ криминальнымъ“ [2]).

Московскіе граждане внесли подобное же ходатайство въ наказъ своему депутату кн. А. М. Голицыну: они хотѣли, чтобы полиція охраняла гражданъ отъ разнаго рода насильственныхъ дѣйствій, не внося, съ своей стороны, насилія въ отправленіе правосудія: „а ежели кто потребенъ будетъ въ судъ, и того ни въ какое время силою изъ его собственнаго, буде имѣетъ, или наемнаго дома не брать, кромѣ преступниковъ въ кременальныхъ (sic) дѣлахъ“ [3]). Епифанскіе избиратели просили: „градскихъ жителей разночинцевъ въ магистраты и ратушу, какъ самихъ, такъ и ихъ людей, ни по какимъ дѣламъ не забирать и въ тѣхъ мѣстахъ подъ карауломъ не держать“.

Исключеніе допускалось ими не по „кременальнымъ“ дѣламъ, какъ въ другихъ наказахъ, а только по дѣламъ вексельнымъ. Но „должно дать знать того же времени о задержанномъ въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ“ [4]).

Но всѣхъ энергичнѣе выражались суздальцы: „Нѣтъ никакой пользы (sic) и благополучія купцамъ, что онъ именуется купцомъ, когда у него все достояніе изъ рукъ отъемлютъ... Достохвальное коммерціи обращеніе процвѣтаетъ не отъ иного чего, какъ отъ свободной воли и безпрепятственнаго промыслу“ [5]).

Эти petitions of rights дополнялись просьбами объ усовершенствованіи судебнаго процесса. Жители Петрограда желали, „чтобы повѣлено было учредить ратушу или судъ городской, на основаніи такомъ, какъ оный есть въ протчихъ городахъ европейскихъ (замѣтьте это, читатель, *Г. П.*), и для скорѣйшей управы и искорененія ябедъ, волокитъ, тяжебъ и прочихъ хлопотъ опредѣлить при ономъ и судъ словесный, гдѣ бы всѣ

---

1) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 134, стр. 3 и 4.
2) Сборникъ Р. И. И. Общ., т. 107, стр. 218.
3) Сборникъ Р. И. И. Общ., т. 93, стр. 128.
4) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 107, стр. 12.
5) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 107, стр. 16.

граждане и жители безъ различія, яко въ первомъ судебномъ мѣстѣ судимы были во всякихъ междоусобныхъ ссорахъ и обидахъ" [1]). Москвичи просятъ о томъ же и,—это опять слѣдуетъ запомнить,—также ссылаются на западную Европу: „Для наблюденія лучшаго между гражданами порядка и расправы въ случающихся между мѣщанствомъ дѣлахъ всеподданнѣйше просимъ о учрежденіи здѣсь суда городскова (sic), на основаніи европейскихъ городовъ. А чтобы всѣмъ и каждому доставить скорую управу и удовольствіе со искорененіемъ обидъ и волокитъ, за нужное признаваемъ учрежденіе при ономъ словеснаго суда, гдѣ бы жители безъ отмѣны всѣ, каково бы званія и чина ни были, во всякихъ обидахъ и ссорахъ безпристрастнымъ судомъ пользоваться могли" [2]).

Въ засѣданіяхъ Коммиссіи городскіе депутаты тоже ходатайствовали объ учрежденіи словеснаго суда [3]).

Повторяю, Петровская реформа не прошла безслѣдно для торгово-промышленнаго сословія. Его безграмотная или малограмотная масса начала сознавать необходимость ученія. Московское купечество всеподданнѣйше проситъ въ своемъ наказѣ учредить училища, „гдѣ не токмо достаточныхъ купцовъ дѣти на иждивеніи отцовъ своихъ и матерей, но и малолѣтнія сироты на содержаніи всего здѣшняго купечества разнымъ языкамъ, бухгалтерству и прочимъ купечеству необходимымъ наукамъ и знаніямъ обучаемы были" [4]). Интересно, что наши горожане и тутъ ссылаются на западную Европу. Жители Архангельска говорятъ въ своемъ наказѣ, что вслѣдствіе невѣжества „коммерція лишается искусныхъ негоціантовъ, какими просвѣщенная Европа, наполнена будучи, всегда умѣетъ верхъ одерживать въ своихъ прибыткахъ. И ради того можетъ (наша коммерція. *Г. П.*) быть уподоблена такой мануфактурѣ, которая, имѣя прочіе матеріалы, а неисправные инструменты, не можетъ достигнуть совершенства" [5]).

Дворянскіе депутаты тоже указывали въ Коммиссіи на пользу образованія. Но они смотрѣли на него съ точки зрѣнія нуждъ государственной службы. Такъ, калужскіе дворяне хотѣли, чтобы ихъ дѣти, благодаря образованію, „къ отправленію наложенной впредь на нихъ должности достойными себя учинили". По мнѣнію бѣлевцевъ, школа нужна была для того, „чтобъ дворянство къ достиженію своей славы, къ воинской службѣ Ея Импе-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. 107, стр. 217.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 93, стр. 126

[3]) См. напримѣръ, Сборникъ, т. 8, стр. 140.

[4]) Сборникъ, т. 93, стр. 134. Ср. названную выше статью Г. В. Бочкарева въ мартовской кн. „Рус. Старины", 1895 г., стр. 574.

[5]) См. наз. ст. В. Бочкарева, февраль, стр. 336.

раторскаго Величества наиспособнѣйшимъ себя предъ прочими отличало" [1]). Представители же купечества напирали почти исключительно на потребности торговли и промышленности. Жители города Ряжска добивались, чтобы магистратамъ предписано было „о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы они научены были сверхъ искуснаго понятія закона и письма, ариѳметикѣ, бухгалтеріи, навигаціи и геометріи, а сверхъ того и о прочихъ принадлежащихъ до коммерціи наукахъ стараться; если жъ кто изъ сихъ дѣтей высокимъ наукамъ непонятенъ окажется, таковыхъ обучать рукомесламъ и художествамъ, кто къ чему склоненъ и охотенъ окажется, дабы никто безъ науки въ праздности не закоснѣлъ" [2]).

Составители нѣкоторыхъ городскихъ наказовъ приходили къ мысли о необходимости обязательнаго обученія. Жители г. Вязьмы мечтали о томъ, „чтобъ ни одинъ купеческій и цеховой сынъ, не умѣющій грамотѣ, не былъ и по міру не ходилъ". Избиратели г. Вологды желали, „чтобъ бѣдныхъ купецкихъ малолѣтнихъ сиротъ... по благопристойности кто къ чему будетъ способенъ, обучать, хотя и не по ихъ желанію, но по истинному объ ихъ испопеченію". Составители Архангелогородскаго наказа просили предписать, чтобы всѣ граждане „дѣтей своихъ обоего пола безъ всякаго изъятія подъ чувствительными штрафами россійской грамотѣ и катехизму учили бы". Ряжское купечество предлагало тѣхъ родителей, которые не будутъ отдавать своихъ дѣтей въ школу, „штрафовать на содержаніе сихъ школъ, да сверхъ того, который изъ сихъ дѣтей, согласясь потачкѣ отца своего и матери, съ школы сойдетъ безъ воли и отпуску главнаго учителя тому, въ силу 1714 г. именнаго указа, запретить жениться!"

Впрочемъ, сознаніе пользы ученія выражено было далеко не всѣми городскими избирателями. Вотъ цифровыя данныя, показывающія, въ какихъ губерніяхъ обнаружено было ими это сознаніе на выборахъ 1767 г., и въ какомъ процентномъ отношеніи ко всей массѣ городскихъ наказовъ стоятъ тѣ, въ которыхъ говорится о школьномъ дѣлѣ [3]).

Губерніи	Число наказовъ	% отнош. ко всѣмъ наказамъ
Смоленская	1	20
Архангелогородская	3	15
Воронежская	2	12,5
Новгородская	2	10
Казанская	1	6,06
Московская	2	3,43

[1]) В. Бочкаревъ, наз. статья, мартъ, стр. 565.
[2]) В. Бочкаревъ, тамъ же, стр. 573.
[3]) В. Бочкаревъ, тамъ же, январь, стр. 70, примѣч. 2-ое.

Кромѣ того, просвѣтительныя стремленія городскихъ избирателей ограничивались сословными предѣлами.

Въ засѣданіи 2-го мая 1768 г. депутатъ отъ пахотныхъ солдатъ Иванъ Жеребцовъ подалъ „мнѣніе“ о томъ, что надо учредить въ селахъ школы, въ которыхъ дѣтей учили бы грамотѣ попеременно изъ церковныхъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательства содержатъ“. Противъ этого „мнѣнія“ въ засѣданіи 5-го мая того же года, возражалъ депутатъ отъ г. Пензы, Степанъ Любавцевъ. Онъ находилъ, что земледѣльцамъ, по ихъ состоянію, не требуется другихъ наукъ, кромѣ россійской грамоты, которой можно научить и безъ училищъ. Училища будутъ отвлекать молодежь отъ земледѣлія [1]).

Въ Россіи, гдѣ сильное развитіе кустарной промышленности фактически присоединяло къ торгово-промышленному сословію значительную часть крестьянства, еще менѣе, чѣмъ гдѣ-либо можно было просвѣтить купечество, оставляя во тьмѣ народную массу. Повидимому, на это и хотѣлъ обратить вниманіе Любавцева выступившій противъ него депутатъ отъ той же провинціи,— но только не отъ горожанъ, а опять отъ пахотныхъ солдатъ,—Ег. Селивановъ. Онъ сослался на наказъ Екатерины, провозгласившій важность просвѣщенія, и отмѣтилъ, что въ купеческой средѣ есть два слоя: одинъ, просвѣтившійся благодаря ученію, а другой— вышедшій изъ хлѣбопашцевъ и неимѣвшій возможности учиться. Какъ нельзя болѣе справедливый выводъ ясенъ: если хотите просвѣтить купеческое сословіе въ его цѣломъ, то просвѣтите также и хлѣбопашцевъ. Неопровержима была также та мысль солдатскаго депутата, что просвѣщеніе не повредитъ земледѣлію, а, напротивъ, принесетъ ему пользу.

Взглядъ Любавцева оспаривалъ, кромѣ депутата отъ г. Пензы, С. Любавцева, еще депутатъ отъ Серпейскаго дворянства гр. Ал. Строгановъ, признавшій, что просвѣщеніе полезно и для земледѣльцевъ, такъ какъ только оно различаетъ человѣка отъ скота и притомъ выясняетъ намъ наши обязанности „къ Богу, къ государю и къ обществу“. Графъ выразилъ надежду, что когда крестьяне просвѣтятся, то уже не будутъ проявлять звѣрства по отношенію къ своимъ помѣщикамъ [2]). Безпристрастный читатель согласится, что депутаты отъ пахотныхъ солдатъ,—т. е. отъ тѣхъ же земледѣльцевъ,—высказали несравненно болѣе широкій и свободный отъ примѣсей сословнаго эгоизма взглядъ на просвѣщеніе, нежели депутаты отъ купечества и отъ дворянства.

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 32-ой, стр. 398.

[2]) Тамъ же, стр. 457.

IV.

Мы знаемъ, какъ настойчиво указывали городскіе депутаты на важное значеніе свободы для развитія „коммерціи". Тотъ, кому извѣстны были бы только эти купеческіе панегирики свободѣ, обвинилъ бы въ несправедливости покойнаго С. М. Соловьева, сказавшаго, что въ Коммиссіи объ Уложеніи раздался, отъ дворянства, купечества и духовенства, дружный и страшно печальный крикъ: „рабовъ!" На основаніи купеческихъ панегириковъ свободѣ можно было бы предположить, что купеческіе депутаты, наоборотъ, дружно кричали: „Да здравствуетъ вольность!" Однако, покойный историкъ былъ правъ.

Возьмемъ хоть извѣстное намъ замѣчаніе кронштадскаго депутата Рыбникова о томъ, что русское купечество не имѣетъ надлежащей свободы. Оно сдѣлано было въ видѣ возраженія кн. М. М. Щербатову, энергично возставшему именно противъ ходатайства городскихъ депутатовъ о дозволеніи купцамъ покупать „рабовъ".—„Какъ можно сказать,—воскликнулъ Щербатовъ,—чтобы безъ таковыхъ невольныхъ людей купцамъ невозможно обойтись, когда видимъ цѣлую Европу, гдѣ никто невольныхъ людей не имѣетъ; однако, ни на невозможность обойтиться, ни на недостатокъ усердія никто не жалуется" [1]. Рыбниковъ справедливо подумалъ, что этотъ доводъ былъ бы неопровержимъ, если бы положеніе русскаго торговопромышленнаго сословія признано было одинаковымъ съ положеніемъ—западнаго. Вотъ почему онъ и поспѣшилъ замѣтить, что это совсѣмъ не такъ: въ отличіе отъ западнаго, русское купечество лишено свободы. Къ этому онъ прибавилъ, что, не имѣя надлежащей свободы, оно не имѣетъ также „достаточныхъ привилегій и несетъ службу при казенныхъ сборахъ, простирающихся на многія тысячи". И этимъ своимъ отвѣтомъ кн. Щербатову онъ такъ угодилъ другимъ городскимъ депутатамъ, что многіе изъ нихъ „присоединились къ его мнѣнію [2]).

Точно также и цитированный мною выше суздальскій наказъ превозносилъ дѣятельность Петра, между прочимъ, за то, что Петръ позволилъ купцамъ къ фабрикамъ и заводамъ „крестьянъ покупать безъ излишества, по препорціи печей и становъ" [3]).

О томъ же правѣ покупки купцами „рабовъ" ходатайствовали

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 8-ой, стр. 109.

[2]) Тамъ же, стр. 176—177.

[3]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 107, стр. 18.

многіе другіе города: Мосальскъ, Арзамасъ, Томскъ, Нижній, Серпейскъ и проч., и проч., и проч. [1]).

Короче, западные порядки очень хороши и свобода — превосходная вещь. Но Россія—не Западъ. Само не имѣя свободы, русское купечество не можетъ обходиться безъ крѣпостного труда. И если оно всеподданнѣйше проситъ освободить его отъ обязательной службы государству, а также отъ полицейскихъ путъ, связывающихъ торгово-промышленную дѣятельность, то оно сопровождаетъ это свое ходатайство просьбой о разрѣшеніи пріобрѣтать „рабовъ". Нужды промышленности и торговли лучше всѣхъ другихъ государей понималъ Петръ I. Онъ совершилъ великое преобразованіе. Но его преобразованіе не устранило крѣпостного труда фабрично-заводскихъ рабочихъ, а, напротивъ, впервые дало ему широкое примѣненіе.

Такъ разсуждали городскіе избиратели и ихъ избранники. Соловьевъ правъ! И это даетъ намъ ясное понятіе о предѣлахъ нашего тогдашняго купеческаго западничества. Изъ западныхъ порядковъ надо заимствовать тѣ, которые увеличиваютъ значеніе и свободу купечества, и оставить безъ вниманія тѣ, которые такъ или иначе, съ той или съ другой стороны, обезпечиваютъ личную свободу рабочихъ [2]).

Это купеческое западничество сильно смахиваетъ на—дворянское. Наше благородное сословіе тоже не прочь было хвалить Западъ, поскольку западное дворянство обладало привилегіями, не существовавшими въ Россіи. И оно также готово было чураться Запада, поскольку трудящееся населеніе западныхъ странъ пользовалось личной свободой. Однако, тутъ были и немаловажныя различія.

Если городскіе наказы осыпали похвалами Петра I, то послѣдовательные дворянскіе идеологи половины XVIII в. стали относиться къ нему довольно сдержанно въ виду того, что онъ своей табелью о рангахъ заставилъ породу посторониться передъ чиномъ и вовсе не склоненъ былъ освободить дворянъ отъ обязательной службы. Въ эпоху созванія Законодательной Коммиссіи россійское шляхетство, уже получившее отъ преемниковъ Петра I цѣлый рядъ привилегій,

---

[1]) „Почти всѣ депутаты изъ купцовъ, подававшіе голоса, представляли о необходимости дозволить имъ имѣть у себя крѣпостныхъ людей, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ". (Д. Полѣновъ въ предисловіи къ VIII т. сборника И. Р. И. Общества, стр. XXIV).

[2]) Не нужно забывать, что и о значеніи свободы для торговли городскіе депутаты распространялись, нѣкоторымъ образомъ, съ разрѣшенія начальства: Объ значеніи говорилось въ наказѣ Екатерины.

весьма усердно льстило Екатеринѣ II, разсчитывая, что она не откажется выполнить тѣ его пожеланія, которыя не угрожаютъ ея собственной власти. Ученица Вольтэра весьма охотно шла на встрѣчу такимъ его пожеланіямъ. Но чѣмъ болѣе росли притязанія дворянства, тѣмъ болѣе приходили они въ противорѣчіе съ интересами и правами другихъ сословій. Другія сословія не могли не быть противъ нихъ. Но, робко и совсѣмъ несистематично высказываясь противъ дворянскихъ притязаній, представители промышленнаго сословія выступали, въ самомъ главномъ, не новаторами, а охранителями, точнѣе,—реакціонерами, стремившимися къ возстановленію старины.

В. Сергѣевичъ вполнѣ справедливо указалъ на то, что съ глубокой древности вплоть до XVIII столѣтія всѣ свободные люди могли имѣть холоповъ. Уложеніе запретило монастырямъ и боярскимъ людямъ покупать вотчины, но никому не запрещало покупать людей. При производствѣ первой ревизіи позволено было писать дворовыхъ людей за посадскими и купцами. Только въ половинѣ XVIII столѣтія замѣчается перемѣна въ отношеніи правительства къ этому предмету. При производствѣ второй ревизіи Сенатъ, указомъ 1746 года, позволилъ писать дворовыхъ людей только за тѣми посадскими, за которыми они были записаны при первой ревизіи.

Дворовые, пріобрѣтенные посадскими послѣ первой ревизіи, отбирались у нихъ и, смотря по своему собственному желанію, писались въ посады и цехи или же за помѣщиками. Только съ помощью такихъ, по существу своему незаконныхъ, распоряженій и установилась практика, лишавшая купцовъ права пріобрѣтать крѣпостныхъ людей [1]).

Съ своей стороны купцы старались вернуть себѣ это право. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII в.,—т. е., можно сказать, наканунѣ созванія Коммиссіи объ Уложеніи,—купечество Костромы, Коломны, Переяславля Рязанскаго, Тулы, Твери, Новгорода, Новаго Торжка, Торопца, Каргополя, Вологды, Симбирска, Царевококшайска и Вязьмы подавало въ комиссію о коммерціи прошенія о томъ, чтобы ему позволено было владѣть крѣпостными [2]). Присоединяясь къ общему крику: „рабовъ!“, городскіе депутаты, засѣдавшіе въ Коммиссіи объ Уложеніи, только повторяли прежнія купеческія домогательства о возстановленіи того, что было раньше.

---

[1]) Смотри предисловіе В. Сергѣевича къ 93-му тому Сборника И. Р. И. Общ., стр. VIII.

[2]) См. поучительное изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго: „Русскія торговыя и промышленныя компаніи“, Спб., 1889, стр. 64.

Но право имѣть холоповъ еще не равносильно праву владѣть населенными имѣніями. Въ Московской Руси это послѣднее имѣли только служилые люди. Изъ лицъ, принадлежавшихъ къ сословію торгово-промышленному, его имѣли только лица, входившія въ составъ столичнаго купечества, да еще тѣ посадскіе люди, которые выбирались въ земскіе старосты[1]. Петръ I придалъ совсѣмъ другой видъ этому праву „купецкихъ людей“. Указъ 18-го января 1721 г. позволилъ всѣмъ имъ покупать къ заводамъ и фабрикамъ населенныя деревни „подъ такою кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучны“. Не довольствуясь этимъ, правительство Петра, по старой московской привычкѣ смотрѣвшее на все русское и на всѣхъ русскихъ, какъ на царскую собственность, нерѣдко передавало въ частное содержаніе казенныя фабрики вмѣстѣ съ работавшими на нихъ мастеровыми. Такъ же поступали иногда и преемники преобразователя. Въ царствованіе Анны, вслѣдствіе домогательствъ со стороны крупнѣйшихъ фабрикантовъ того времени, вышелъ указъ, согласно которому всѣ мастеровые, со своими семьями, находившіеся тогда на фабрикахъ, должны были вѣчно оставаться у своихъ владѣльцевъ[2]. Но если этотъ указъ былъ совершенно согласенъ съ характеромъ экономической политики Петра I, то другіе указы его преемниковъ преслѣдовали уже прямо противоположную цѣль. Такъ, въ „Генеральномъ указѣ о всѣхъ фабрикахъ“, правительство той же Анны требовало, чтобы предприниматели пользовались трудомъ наемныхъ рабочихъ. На томъ же настаивало правительство преемниковъ Петра I при выдачѣ грамотъ на заведеніе новыхъ фабрикъ. Наконецъ, 29 марта 1762 г. вышелъ указъ, предписывавшій фабрикамъ довольствоваться одними „вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми“[3]. Г. А. Лаппо-Данилевскій говоритъ, что результаты этого указа обозначались, повидимому, уже въ 1763—65 гг., когда составлена была роспись, доказывающая существованіе у насъ нѣкоторыхъ фабрикъ, пользовавшихся исключительно наемнымъ трудомъ. Этотъ изслѣдователь вообще отвергаетъ то мнѣніе г. М. Туганъ-Барановскаго, что наше крупное производство XVIII столѣтія было крѣпостнымъ, а не капиталистическимъ. На основаніи анализа данныхъ, относящихся къ началу 1760 годовъ, онъ утверждаетъ, что въ то время наемные рабочіе соста-

---

[1]) См. Ключевскаго „Исторія сословій въ Россіи“, Москва, 1913, стр. 198.
[2]) А. Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр. 63.
[3]) А. Лаппо-Данилевскій, стр. 67.

вляли до 33% всего числа рабочихъ, занятыхъ на большинствѣ частныхъ фабрикъ [1]). И, конечно, это обстоятельство должно быть принимаемо во вниманіе.

Но, во-первыхъ, между тѣми „вольнонаемными“ фабрично-заводскими рабочими, число которыхъ доходило до 33%, безъ всякаго сомнѣнія, находилось много владѣльческихъ и дворцовыхъ, т. е. опять же крѣпостныхъ [2]).

Во-вторыхъ, если мы, — предположивъ невозможное, — допустимъ, что процентъ занятыхъ въ фабрично-заводскомъ производствѣ помѣщичьихъ и дворцовыхъ крѣпостныхъ людей равнялся нулю, то все-таки не минуемъ вопроса: какъ же называть то производство, въ которомъ занято было 67% „невольниковъ“ (чтобы употребить одно изъ выраженій Петровской эпохи)? Не очевидно ли, что названіе крѣпостническаго подходитъ къ нему гораздо больше, нежели—капиталистическаго? [3]).

Въ-третьихъ, когда говорятъ, что наше крупное производство XVIII в. было крѣпостническимъ, этимъ вовсе не хотятъ сказать, будто оно совсѣмъ не употребляло наемныхъ рабочихъ.

Наемный трудъ не былъ тогда явленіемъ, неизвѣстнымъ въ Россіи. Это очевидно. Но что основа нашей крупной промышленности продолжала оставаться крѣпостнической, это, помимо статистическихъ данныхъ, подтверждается еще и тѣмъ, что наемный трудъ считался менѣе выгоднымъ для предпринимателей, нежели крѣпостной, какъ это явствуетъ изъ заявленій городскихъ депутатовъ въ Комиссіи Уложенія. При капиталистическомъ производствѣ это совсѣмъ не такъ, что хорошо знаютъ и „работающіе“ при условіяхъ такого производства предприниматели.

V.

Стремясь возстановить свое право покупки крѣпостныхъ, наше тогдашнее купечество смотрѣло не впередъ, а назадъ. Любопытно, что въ своей идеализаціи Петровской эпохи оно сошлось съ нашими сатириками,—Фонъ-Визинымъ и другими,—хотя и пришло въ ней совсѣмъ другимъ путемъ. Его депутаты превоз-

---

[1]) А. Лаппо-Данилевскій, стр. 67—68.

[2]) Въ таблицѣ, приводимой г. А. Лаппо-Данилевскимъ, рубрика „вольнонаемныхъ“ рабочихъ обозначена двумя отдѣльными словами: „вольныхъ и наемныхъ“, не потому ли, что далеко не всѣ наемные рабочіе были также и вольными?

[3]) Самъ г. Лаппо-Данилевскій сообщаетъ, что исключительно наемнымъ трудомъ пользовалось лишь небольшое число бѣдныхъ и незначительныхъ по размѣрамъ фабрикъ. (Тамъ же. стр. 67).

носили Петровскую эпоху не только потому, что Петръ I позволилъ купцамъ покупать крѣпостныхъ людей „по препорціи становъ", между тѣмъ какъ его преемники постепенно отнимали у нихъ это право. Петромъ была сдѣлана попытка передѣлать наше городское управленіе на западно-европейскій ладъ. Въ іюнѣ 1718 г. онъ рѣшилъ „магистратовъ градскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, по всѣмъ городамъ". Правда, суровый реформаторъ, неуклонно и безпощадно подчинявшій интересы отдѣльныхъ сословій интересу государства, не преминулъ наполнить западную форму своимъ, домашнимъ, содержаніемъ. По его мысли, новыя городскія учрежденія должны были „споспѣшествовать пользѣ и благополучію Великаго государя", т. е. обслуживать государственныя нужды. О самоуправленіи городовъ онъ заботился крайне мало: онъ вообще не понималъ самоуправленія. Но въ послѣдующія царствованія было частью совсѣмъ устранено, частью испорчено даже то весьма немногое, что сдѣлалъ для городского самоуправленія Петръ I. Неудивительно, что въ наказахъ депутатамъ, посланнымъ отъ городовъ въ Коммиссію объ Уложеніи, мы, рядомъ съ идеализаціей этого государя, встрѣчаемъ почти ироническое отношеніе къ его преемникамъ. „Но къ крайнему и неоплаканному (sic) нашему несчастію не могло оно (купечество. *Г. П.*) по намѣренію премудраго монарха достигнуть въ желаемое имъ состояніе",—жалуется суздальскій наказъ. Иногда составители городскихъ наказовъ прямо говорятъ языкомъ Петра, т. е., точнѣе, языкомъ Регламента Главнаго Магистрата. Ихъ западничество коренится въ экономической политикѣ преобразователя, и очень рѣдко выходитъ за тѣ предѣлы, которые поставилъ онъ своему собственному западничеству.

Временами предѣлы эти оказывались даже слишкомъ широкими для купеческаго западничества Екатерининской эпохи.

Существовала однако область, въ которой тогдашнее наше купечество не удовлетворялось реформой Петра I: это именно область отношеній полиціи къ городу. Въ томъ же самомъ Регламентѣ Главнаго Магистрата, языкомъ котораго говорили нерѣдко составители городскихъ наказовъ и городскіе депутаты, полиція провозглашается „душою гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальнымъ подпоромъ человѣческой удобности и безопасности". Россійскіе обыватели имѣли основаніе относиться къ такому лестному взгляду на полицію съ нѣкоторымъ скептицизмомъ. Они по собственному опыту знали, что „фундаментальный подпоръ человѣческой удобности и безопасности"

причиняетъ порой большія неудобства и особенно угрожаетъ безопасности гражданъ. Поэтому, въ лицѣ наиболѣе сознательныхъ представителей своихъ, купечество, „на основаніи европейскихъ городовъ“, просило въ Коммиссіи о полномъ подчиненіи полиціи органамъ городского самоуправленія. Чтобы захотѣть этого, надо было хоть на короткое время перестать смотрѣть назадъ и устремить свой взоръ впередъ. Но такъ какъ, выступая съ такимъ ходатайствомъ, купечество совсѣмъ не отказывалось отъ стремленія возстановить свое былое право пріобрѣтать крѣпостныхъ людей, то, украдкой бросивъ бѣглый взглядъ впередъ, оно опять начинало пристально смотрѣть назадъ, и его прогрессивныя пожеланія немедленно парализовались его же реакціонными вожделѣніями. По этой причинѣ оно, можно сказать, не умѣло подвести итогъ своимъ собственнымъ жалобамъ и дѣлало крайне узкіе выводы изъ очень широкихъ посылокъ. Такъ, прочитавши, въ шестьдесятъ второмъ засѣданіи Коммиссіи, цѣлую лекцію о великомъ значеніи „коммерціи“ въ исторіи развитія человѣчества, барнаульскій депутатъ Карышевъ предъявилъ ходатайство: 1) о кое-какихъ перемѣнахъ въ пошлинахъ, взимавшихся кяхтинской таможней; 2) объ облегченіи сибирскаго купечества „въ наложенныхъ на него должностяхъ“; 3) о наикрѣпчайшемъ подтвержденіи и наблюденіи того, чтобы купечество другихъ городовъ своею перекупкою и продажею въ розницу товаровъ не приводило въ разореніе сибирскихъ купцовъ; 4) о подтвержденіи запрещенія брать и давать взятки. Вотъ и все! [1]. Поистинѣ, для этого не было надобности вспоминать о Финикіи, Тирѣ, Карѳагенѣ и Римѣ, и не стоило распространяться о причиненной коммерціей славѣ Англіи и Голландіи!

Мосальскій наказъ, поставивъ на видъ, что „россійское купечество предъ протчими европейскихъ городовъ мѣщанствомъ въ великомъ презрѣніи находится“, объясняетъ это тѣмъ, что оно положено въ подушный окладъ [2]. Объясненіе было, пожалуй, не далеко отъ истины. Подушный окладъ являлся однимъ изъ многихъ слѣдствій, а потому и признаковъ, закрѣпощенія непривилегированныхъ сословій государству. Но именно только однимъ изъ многихъ его слѣдствій и признаковъ. Чтобы поднять россійское купечество на юридическій уровень западнаго „мѣщанства“, недостаточно было бы избавить его отъ обязанности платить подушную подать: для этого потребовалось

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. VIII, стр. 280—282.
[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 107, стр. 34.

бы его полное раскрѣпощенie и пріобрѣтенie имъ тѣхъ правъ, которыми обладало третье сословie „протчихъ европейскихъ городовъ“.

Но мосальцы, повидимому, не додумались до этой мысли и готовы были удовольствоваться избавленiемъ купцовъ отъ подушнаго оклада.

И не одни мосальцы. Граждане г. Ржева жаловались, что „по состоянiю купечества въ подушномъ окладѣ и по положенiю весьма малаго безчестья (оно. *Г. П.*) въ великомъ состоитъ презрѣнiи не токмо отъ благороднаго дворянства, но и отъ самыхъ послѣднихъ служителей“ [1]).

Понятie „безчестье“ заимствовано было петербургской Россiей отъ московской Руси. „Первоначально подъ этимъ терминомъ разумѣлось,—говоритъ Ключевскiй,—значенie, какое придавалъ законъ извѣстному чину и въ которомъ выражалось государственная оцѣнка сравнительной пользы, приносимой государству разными общественными чинами. Наиболѣе осязательной формой, въ которой выражалась эта оцѣнка чиновной чести, служило наказанie за безчестье, т. е. за оскорбленie лица дѣйствiемъ и преимущественно „непригожимъ словомъ“. Наказанiя за безчестье различались по чинамъ какъ оскорбленной, такъ и оскорбившей стороны, и были очень разнообразны“ [2]). Огорчаясь тѣмъ, что за оскорбленie купечества полагается „весьма малое безчестье“, ржевскie граждане обѣими ногами стояли на почвѣ старо-московскихъ понятiй. Держась этихъ понятiй, невозможно было предъявлять сколько-нибудь радикальныя требованiя. И вотъ ржевцы намекали, что надо усилить наказанie за оскорбленie купеческой чести.

Но, разумѣется, одного перехода на почву понятiй, возникшихъ въ петербургскомъ перiодѣ, еще не достаточно было, при тогдашнихъ русскихъ условiяхъ, для возникновенiя сколько нибудь радикальныхъ требованiй. Такъ, депутатъ Серпейска просилъ, чтобъ фабрикантамъ и купцамъ первой гильдiи были пожалованы шпаги, долженствовавшiя поднять ихъ честь даже „противъ прочихъ купцовъ“ [3]). Трудно было превзойти въ скромности пожеланiй этого серпейскаго европейца!

Въ свое оправданie тогдашнее купечество могло бы сказать, что если оно выступало съ пожеланiями, вполнѣ достойными Московской Руси, то на это была совершенно достаточная причина: старая московская дѣйствительность оставалась во мно-

[1]) Сборникъ Р. И. И. Общ., т. 107-ой, стр. 413.

[2]) Исторiя сословiй въ Россiи, стр. 196.

[3]) Сборникъ Р. И. И. Общ., т. VIII, стр. 95.

тихъ отношеніяхъ непоколебимой, не смотря на петровскую реформу. Граждане Петербурга,—этого „Петра творенья“,—жаловались: „Купечество здѣшняго города отъ ежегоднаго во всякія казенныя службы“ выбора приходитъ въ изнеможеніе, отлучаясь черезъ то отъ торговъ своихъ, а наипаче по производимымъ черезъ многіе года счетамъ“. Совершенно основательная жалоба эта неизмѣнно повторяется въ наказахъ другихъ городовъ и во „мнѣніяхъ“ городскихъ депутатовъ. Далѣе. Даже и послѣ Петровской реформы закрѣпощенное государству купечество было жестоко притѣсняемо и унижаемо администраціей и дворянствомъ. На это жаловался еще Посошковъ, и на это не переставали жаловаться „купецкіе люди“ въ продолженіе всего восемьнадцатаго столѣтія [1]). Въ 1745 г. въ Московскую сенатскую контору была подана жалоба на то, что полицмейстеръ Москвы, Нащокинъ, устроилъ цѣлое нападеніе на мелкихъ торговцевъ, при чемъ разрушилъ, съ помощью полицейской команды, цѣлые ряды шалашей и лавокъ [2]). Составители саратовскаго наказа сообщали, что ихъ полицмейстеръ по произволу распоряжается трудомъ и временемъ гражданъ. Не стѣснялись въ обращеніи съ горожанами даже городовые магистраты. Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Салтыковъ уже въ царствованіе Екатерины II доносилъ, что президентъ орловскаго магистрата дѣлалъ купечеству „великія притѣсненія, грабежи и смертоубійства“. Онъ разграбилъ фабрики нѣкоего Кузнецова при чемъ жестоко избилъ рабочихъ. Для его усмиренія военная власть нашла нужнымъ разставить въ городѣ частые пикеты; но какъ только пикеты были сняты, „мятежники (т. е. сторонники президента. *Г. П.*) стали ходить въ городѣ, какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ тѣхъ, которые съ ними несогласны“. Когда людямъ приходится жить въ такихъ условіяхъ, они хватаются, какъ утопающій за соломенку, за все, что попадется: и за „безчестье“, и за право ношенія шпаги и т. п., и т. п.

VI.

Для безпристрастной оцѣнки пожеланій, выраженныхъ городскими депутатами въ Коммиссіи объ Уложеніи, необходимо въ

---

1) Въ наказѣ мосальцевъ говорится, что такъ какъ купцы положены въ подушный окладъ, то всѣ, „а особливо дворянство“, называютъ ихъ мужиками: „у насъ де и свои таковые же мужики въ подушномъ окладѣ есть. Есть ли де и прибить, то и не велико безчестье заплатить“.

2) Дитятинъ, „Устройство и управленіе городовъ Россіи“, стр. 354.

точности представлять себѣ ту историческую обстановку, въ которой они возникали. Странно, что это не всегда дѣлали даже тѣ наши изслѣдователи, которымъ прекрасно извѣстны были очень малыя права и очень тяжелыя обязанности тогдашняго нашего торгово-промышленнаго сословія. Такъ, покойный Дитятинъ упрекнулъ городскихъ депутатовъ въ желаніи обезпечить купцамъ исключительное сословное право на занятія торговлей и ремеслами“ [2]).

Можно подумать, что купечество стремилось къ монополіи. Но этого не было. Монополисты стремятся сдѣлать свою среду недоступной для новыхъ лицъ. Въ противность этому, русское купечество XVIII в. хлопотало о томъ, чтобы къ его сословію причислены были всѣ тѣ, которые занимались на Руси торговлей и промыслами. Суздальскій наказъ съ одобреніемъ напоминаетъ, что Петръ I „торгующее крестьянство вѣчно въ купечество записывать повелѣлъ“. Нижегородцы въ своемъ наказѣ просили, чтобы всѣ крестьяне, которые занимаются торговлей въ прилегающихъ къ Нижнему слободахъ, записаны были въ Нижегородское купечество [3]). Купечество г. Томска даже ходатайствовало, чтобы крестьянамъ облегчено было вступленіе въ торгово-промышленное сословіе. Оно хотѣло, чтобы крестьяне могли записываться въ купцы, „не представляя и не сообщая о увольненіи ихъ къ тому написанія (sic), гдѣ они вѣдомы, но токмо гдѣ они вѣдомы уже по запискѣ давать знать“ [4]). Это не грамотно, однако, понятно.

Вышеприведенную свою просьбу о „написаніи“ въ купцы крестьянъ, торговавшихъ въ слободахъ, нижегородцы подкрѣпляли тѣмъ доводомъ, что нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ, имѣя капиталъ до десяти, двадцати и болѣе тысячъ рублей, жили въ великой льготѣ, такъ какъ „они, кромѣ настоящихъ государ-

---

[1]) Дитятинъ, назв. сочиненіе, стр. 371—372.

[2]) Назв. соч., стр. 408.

[3]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 134-ый, стр. 5. Купеческая торговля была тѣсно связана съ крестьянской. За нѣсколько лѣтъ до созыва Коммиссіи объ Уложеніи, одинъ изъ членовъ коммиссіи о коммерціи говорилъ: „Сами купцы, будучи недостаточны капиталами, не могли никогда пробыть безъ помощи крестьянскаго торгу и всегда въ торговомъ соединеніи во внутреннихъ городахъ съ богатыми крестьянами сообщалися такъ, какъ то и нынѣ явнымъ образомъ въ Нижнемъ городѣ магистратъ не только не препятствуетъ крестьянскому торгу, но, будучи составленъ изъ бѣдныхъ купцовъ, самъ ищетъ и приглашаетъ крестьянъ, чтобы торговали, получая отъ каждаго по состоянію торгу его довольную плату и тою одною себя содержитъ и платитъ подати“ (А. Лаппо-Данилевскій, назв. выше сочиненіе, стр. 103).

[4]) Тамъ же, стр. 320.

ственныхъ податей и платежа помѣщику своему оброку, никакихъ тягощеній, недостатковъ, ни постоевъ, ни полицейскаго исправленія не знали". И такъ разсуждало все тогдашнее купечество. Для него дѣло заключалось собственно не въ правѣ торговли, а въ исполненіи лежавшихъ на купечествѣ обязанностей по отношенію къ государству. Всѣмъ тѣмъ, которые готовы были раздѣлить съ нимъ исполненіе этихъ обязанностей, оно, съ своей стороны, готово было предоставить рѣшительно всѣ права, принадлежавшія ему, какъ сословію.

Въ эпоху Коммиссіи объ Уложеніи посадъ продолжалъ быть,—какъ былъ онъ въ XVII в.,—тяглой общиной. Подобно всякой тяглой общинѣ, обязанной уплачивать опредѣленныя денежныя подати и исполнять извѣстныя натуральныя повинности, онъ заинтересованъ былъ не въ томъ, чтобы уменьшать число членовъ, а въ томъ, чтобы увеличивать его, какъ можно больше. Этого увеличенія и хотѣли добиться составители городскихъ наказовъ и городскіе депутаты своими ходатайствами о запрещеніи вести торговлю лицамъ, не принадлежавшимъ къ торгово-промышленному сословію и потому избавленнымъ отъ несенія посадскаго тягла [1]).

Еще В. Сергѣевичъ, говоря о сословныхъ стремленіяхъ купечества, отмѣтилъ, что, напримѣръ, Любимскій наказъ, возставая противъ веденія торговли крестьянами, ничего не имѣлъ противъ записки ихъ въ купцы, и въ этомъ случаѣ предоставлялъ имъ равныя права со старымъ купечествомъ. Тотъ же изслѣдователь указывалъ на гражданъ г. Ростова, распространявшихся о большой пользѣ, которую принесетъ записка крестьянъ въ купечество, „такъ какъ торги купеческіе распространятся и казна получитъ приращеніе" [2]).

Настойчиво выдвигая свое пожеланіе о переводѣ въ торгово-промышленное сословіе крестьянъ, занимавшихся торговлей и промыслами, наше купечество, держалось, какъ и почти во всемъ, старой московской традиціи. Уложеніе 1649 г. запрещало заниматься торговлей и промыслами всякихъ чиновъ людямъ, не платившимъ государевыхъ податей и не служившихъ въ государевыхъ службахъ [3]).

---

[1]) Подобно этому, въ Флоренціи XV в. мелкая буржуазія добивалась, чтобы иностранцы, жившіе въ городѣ и занимавшіеся ремеслами, обложены были налогомъ наравнѣ съ гражданами, такъ какъ въ противномъ случаѣ этимъ послѣднимъ невозможно было бы выдержать ихъ конкуренцію. (Perrens, назв. соч., стр. 88).

[2]) Предисловіе къ 93-му тому. Сборникъ И. Р. И. Общ., стр. III—IV.

[3]) „Которыя слободы въ Москвѣ патріарши, и митрополичи и владычни, и монастырскія, и бояръ и окольничьихъ и думныхъ и ближнихъ, и всякихъ чиновъ лю-

Петербургское правительство XVIII в. совсѣмъ не торопилось отмѣнять это запрещеніе. По торговому уставу 1755 г., записка въ посадское тягло была обязательной для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя вели торговлю хотя бы и внѣ посадской осѣдлости [1]). Чтобы побудить населеніе городовъ и посадовъ къ отказу отъ этой старой традиціи, надо было предварительно снять съ его шеи тяжелую цѣпь государственнаго тягла. Оно усердно ходатайствовало въ Екатерининской Коммиссіи о снятіи съ него этой тяжелой цѣпи. Но пока цѣпь висѣла на его шеѣ, волей-неволей приходилось ему добиваться того, чтобы отъ ея ношенія не уклонялся никто изъ торговцевъ.

VII.

Уже въ первомъ томѣ этого сочиненія я указывалъ на то, что прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ, препятствовавшее переходу его въ городъ, задерживало у насъ процессъ экономическаго раздѣленія труда между городомъ и деревней и вело къ широкому распространенію кустарной промышленности въ селахъ. Въ ходѣ развитія этой промышленности была своя логика, не совпадавшая съ логикой промышленнаго развитія посадской общины. Тутъ не рѣдко возникали противорѣчія, давшія себя почувствовать, между прочимъ, и въ Коммиссіи объ Уложеніи. Депутаты отъ сельскихъ общинъ доказывали, что, запретивъ крестьянамъ заниматвся торговлей и промыслами, государство причинило бы большой ущербъ не только населенію, но также и самому себѣ. Черносошные крестьяне Хлыновскаго уѣзда жаловались, что купцы препятствуютъ имъ продавать свои издѣлія и заниматься своими промыслами. Однодворцы тоже оспаривали купеческія домогательства о предоставленіи права торговли исключительно тѣмъ лицамъ, которыя несутъ тягости, лежащія на

дей, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслы промышляютъ и лавками владѣютъ; а государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ; и тѣ всѣ слободы, со всѣми людьми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, всѣхъ взяти за государя въ тягло и въ службы безплатно и безповоротно, опричь кабальныхъ людей, а кабальныхъ людей по роспросу будетъ скажется, что они ихъ вѣчные, отдавати тѣмъ людямъ, чьи они, и велѣть ихъ свесть на свои дворы. А которые и кабальные люди, а отцы ихъ и родители ихъ были посадскіе люди, или изъ государевыхъ волостей: и тѣхъ имать въ посады жить. А впередъ, опричь государевыхъ слободъ, ни чьимъ слободамъ на Москвѣ и городахъ не быть".

(Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Изданіе Московскаго Университета. Москва, 1907 г., стр. 134, ср. также стр. 136—137—138).

[1]) Ср. Кизеветтера, „Посадская Община въ Россіи XVIII столѣтія", Москва, 1903, стр. 17.

торговомъ сословіи [2]). Депутатъ отъ однодворцевъ Елецкой провинціи говорилъ: „Мы должны принять во вниманіе, что лицъ купеческаго сословія по обширности Россійскаго государства и сравнительно съ другими сословіями находится весьма мало, и что сверхъ того русское купечество, пріобрѣтя свойства людей образованныхъ (этотъ однодворецъ сумѣлъ позолотить пилюлю. *Г. П.*), ведетъ торговлю съ чужеземными государствами и для того употребляетъ въ большомъ числѣ приказчиковъ изъ своей же братьи. Имѣя все это въ виду, мы усмотримъ, что русскому купечеству даже невозможно вступать въ всякій мелочный торгъ, хотя оно и дѣлало неоднократно къ тому опыты“ [1]).

Наконецъ, крестьянъ рѣшительно и охотно поддерживало въ данномъ случаѣ дворянство.

Солидарность между крестьянами и дворянами была крайне рѣдкимъ явленіемъ. Изъ того, что мы усматриваемъ ее въ спорахъ, вызванныхъ вопросомъ о правѣ торговли, видно, какъ сложенъ былъ вопросъ объ этомъ правѣ и какъ разнообразны были интересы, имъ затронутые.

Предоставленіе торгово-промышленному сословію исключительнаго права заниматься торговлей и промыслами грозило нанести очень большой ударъ деревенскимъ кустарямъ. Больше того, оно могло поставить въ крайне затруднительное положеніе всѣхъ крестьянъ, привозившихъ на рынокъ земледѣльческія произведенія. Это понятно. Однако, кустарь кустарю — рознь. Крестьяне Хлыновскаго уѣзда, жаловавшіеся на то, что купцы мѣшали имъ продавать свои издѣлія и заниматься своими промыслами, признавали въ своемъ наказѣ, что нѣкоторые изъ нихъ, оставивъ земледѣліе, занимались только „кожевенными ремеслами“ [2]). Согласитесь, что деревенскій житель, занимающійся исключительно промысломъ и покинувшій з е м л е д ѣ л і е, въ своей э к о н о м и ч е с к о й дѣятельности выступаетъ, какъ г о р о ж а н и н ъ. И если нашъ г о р о ж а н и н ъ de facto служитъ государству болѣе легкую службу, чѣмъ г о р о ж а н и н ъ de jure („посадскій человѣкъ“), то этому послѣднему естественно призвать его къ порядку и потребовать „равненія“. Чаще всего именно только желаніе такого „равненія“ и заключалось въ интересующихъ насъ домогательствахъ торгово-промышленнаго сословія.

Депутатъ отъ города Астрахани, П. Самарскій, категорически утверждалъ, что если бы „торгующее крестьянство“ (sic) обра-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. VIII, стр. 86.
[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 115, стр. 229—230.

щено было въ купечество, то это послѣднее не почувствовало бы обиды, а, напротивъ, получило бы пользу. Онъ же просилъ, подобно томскому депутату: „Не повелѣно ли будетъ всѣмъ тѣмъ, какъ дворцовымъ и экономическимъ, такъ и помѣщичьимъ людямъ и крестьянамъ, которые имѣютъ у себя довольно капитала и находятся въ торговлѣ, а къ земледѣлію не прилежатъ, позволить закономъ, безъ увольненій и безъ отпусковъ записываться въ купечество“ [1]). Во время споровъ, вызванныхъ этимъ его предложеніемъ, онъ весьма обстоятельно пояснилъ, что рѣчь шла у него какъ разъ объ этихъ крестьянахъ, уже оторвавшихся отъ земледѣлія и жившихъ торговлей. Возражая тѣмъ,— замѣтьте: не-купеческимъ депутатамъ,—которые, врядъ ли искренно, говорили, что „новопришедшіе“ купцы причинятъ утѣсненіе старымъ, онъ указалъ на обширность Россіи, въ которой должно было найтись достаточно простора для всѣхъ купцовъ,—и старыхъ, и новыхъ,—„лишь бы деньги были и торговля велась согласно законному установленію“. Любопытно, что этотъ человѣкъ, опиравшійся на „законныя установленія“, унаслѣдованныя отъ московской Руси, счелъ возможнымъ и полезнымъ дважды сослаться на наказъ Екатерины [2]): тамъ было сказано что къ среднему роду людей принадлежали всѣ тѣ, „кои не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, въ торгѣ и ремеслахъ“. Торговавшее крестьянство, очевидно, принадлежало именно къ этому роду.

Депутатъ отъ архангелогородскихъ черносошныхъ крестьянъ И. Чупровъ, находившій, что никакъ нельзя запретить крестьянамъ „вступать въ купеческіе торги“, привелъ доводъ, проливающій довольно яркій свѣтъ еще на одну сторону вопроса. „Если крестьянамъ запретить торговлю мелочнымъ шелковымъ или какимъ-либо другимъ товаромъ, необходимымъ для крестьянскихъ надобностей,—сказалъ онъ,—то сіе не только крестьянамъ, но и купцамъ можетъ принести вредъ“ [3]).

Тутъ была значительная доля истины. Уже въ 1764 г. купечество одного города жаловалось въ комиссію о коммерціи на указъ, запрещавшій крестьянамъ входить въ долговыя обязательства съ крестьянами. Оно прямо говорило, что купцы вели свои торговыя дѣла, между прочимъ, при посредствѣ крестьянъ [4]). Вѣроятно, такое же явленіе имѣлъ въ виду и депутатъ Чупровъ, распространяясь о торговлѣ шелковымъ товаромъ. Но поскольку

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. XXXII, стр. 46.

[2]) Сборникъ, т. XXXII, стр. 458—459.

[3]) Сборникъ, т. VIII, стр. 97.

[4]) А. Лаппо-Данилевскій, назв. соч., стр. 103.

крестьяне принимали участіе въ торговлѣ шелковымъ товаромъ,— сырой матерьялъ котораго, кстати сказать, вовсе не былъ произведеніемъ русскаго крестьянскаго хозяйства,—постольку они становились купцами и, конечно, должны были нести всѣ тяжести, лежавшія на купечествѣ.

Г. А. Лаппо-Данилевскій держится того мнѣнія, что крестьяне предпочитали фактически войти въ составъ купеческаго класса, не принимая на себя отправленія обременявшихъ его обязанностей [1]). Такъ оно, по всей вѣроятности, и было. И если торгово-промышленное сословіе возставало противъ подобной уклончивости, то невозможно ставить ему это въ вину.

Что дворяне, съ своей стороны, совсѣмъ не осуждали корыстной уклончивости торговавшихъ крестьянъ, этому никакъ нельзя удивляться. Чѣмъ успѣшнѣе уклонялся занимавшійся торгово-промышленнымъ дѣломъ помѣщичій крестьянинъ отъ несенія тягостей, лежавшихъ на торгово-промышленномъ сословіи, тѣмъ болѣе высокій оброкъ способенъ былъ онъ заплатить своему владѣльцу. Кромѣ того, свободный и даже обязательный переходъ всѣхъ,—т. е., значитъ, и помѣщичьихъ—крестьянъ, занимавшихся торговлей и промыслами, въ торгово-промышленное сословіе явился бы нарушеніемъ священнаго крѣпостного права.

Наконецъ, купечество вело войну не съ одной лишь *крестьянской* уклончивостью. Оно хотѣло, чтобы *рѣшительно* всѣ лица, бравшіяся за торгово-промышленную дѣятельность,—къ какому бы сословію ни принадлежали они,—поставлены были въ необходимость: *или* отказаться отъ этой дѣятельности, *или* же принять участіе въ несеніи купеческаго тягла [2]). Такая альтернатива никакъ не могла нравиться дворянству, которому тогда принадлежало уже не малое число фабрикъ и заводовъ.

Гг. помѣщики не только вооружались противъ купеческихъ попытокъ превратить торгово-промышленную дѣятельность въ исключительное право своего сословія (въ не разъ указанномъ мною широкомъ смыслѣ). Они сами стремились отнять у купцовъ право заниматься нѣкоторыми отраслями фабрично-заводской промышленности. Составителямъ наказа отъ ярославскаго дворянства „мнилось“, что фабрики, „сочиняющіяся (sic) изъ льна и изъ пеньки и изъ прочихъ земляныхъ економическихъ произращеній... дворянамъ должны принадлежать“. Но въ виду

[1]) Тамъ же, стр. 104. Выше указано на тѣсную дѣловую связь нижегородскихъ купцовъ съ подгородными крестьянами.

[2]) Такъ, петербургскій наказъ жаловался, что отъ исполненія обязанностей русскаго торговаго сословія избавлены были проживавшіе въ столицѣ иностранные купцы.

того, что въ предпріятія этого рода вложены были купечествомъ, великіе капиталы (это подлинное выраженіе дворянскаго ярославскаго наказа. *Г. П.*), то предлагалось уже существовавшія купеческія фабрики оставить за ихъ владѣльцами „съ нѣкоторымъ небольшимъ и имъ нечувствительнымъ платежемъ корпусу дворянства", право же заведенія новыхъ фабрикъ предоставить исключительно дворянству [1]).

Какъ мало общаго съ безкорыстіемъ имѣла дворянская защита крестьянскаго права заниматься торгово-промышленной дѣятельностью, видно изъ слѣдующаго:

Въ томъ же ярославскомъ наказѣ заключается просьба о запрещеніи купцамъ покупать у крестьянъ хлѣбъ на мѣстахъ („по дворамъ"). По словамъ наказа, „таковая покупка ими хлѣба дѣйствительно къ разоренію крестьянъ клонится; понеже часто купцы, задавая деньги впередъ крестьянамъ, наконецъ, принуждаютъ ихъ за половинную цѣну хлѣбъ имъ отдавать". Всякій признаетъ возможность и даже вѣроятность подобныхъ явленій.

Однако, если бы крестьянинъ пересталъ продавать купцу хлѣбъ у себя на дворѣ, то гдѣ же продавалъ бы онъ его? Въ городѣ? Но тамъ подстерегали его еще болѣе вопіющія и еще болѣе вѣроятныя злоупотребленія. Или, можетъ быть, ему слѣдовало искать у себя въ деревнѣ другого покупщика, не принадлежавшаго къ купеческому сословію? Составители наказа думали, что—да и что такимъ покупщикомъ долженъ былъ явиться дворянинъ. И они вовсе не скрывали цѣли, съ которой выдвинуто было ими ходатайство о запрещеніи купечеству покупать хлѣбъ по дворамъ: „чтобы дворянство,—писали они,—могло пользоваться торгомъ хлѣбнымъ" [2]) Это было весьма простодушно и столь же знаменательно. Впрочемъ, это простодушное признаніе осталось неполнымъ. Для полноты надо было написать: чтобы о д н о т о л ь к о дворянство могло извлекать выгоду изъ покупки у крестьянъ хлѣба.

VIII.

Между тѣмъ, какъ городскіе депутаты восхваляли вѣчной славы достойныя памяти государя Петра Перваго за данное имъ купечеству позволеніе пріобрѣтать „крестьянъ по препорціи печей и становъ", приписанные къ заводамъ крестьяне изображали свое положеніе самыми мрачными красками.

Деревни, обязанныя работать на заводы, находились отъ нихъ

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. IV, стр. 301.

[2]) Тамъ же, стр. 301—302.

иногда на разстояніи 500 верстъ! Для крестьянъ это составляло такое большое неудобство, что они предпочитали посылать за себя наемныхъ рабочихъ, которымъ платили значительно больше, чѣмъ сами получали отъ заводчиковъ. „Намъ крестьянамъ за заводскія работы плата дается плакатная, за поденную въ лѣтнее время по пяти, а зимою по четыре копѣйки въ день; а отъ насъ къ тому въ прибавокъ другимъ, за одиночествомъ и за дальнымъ къ заводу отъ нашихъ жительствъ разстояніемъ, въ наемъ отдаемъ вольнымъ наемщикамъ по шести и по семи копѣекъ въ день". За рубку дровъ крестьяне получали „по плакату" 25 копѣекъ отъ сажени, а сами платили наемнымъ рабочимъ „въ прибавокъ", болѣе тридцати копѣекъ. За обработку угля имъ полагалось 3 рубля 40 копѣекъ съ кучи въ 20 саженъ; между тѣмъ, сами они, нанимая рабочихъ для той же операціи, платили имъ „въ прибавокъ" по 12 и по 13 рублей [1]). Такимъ образомъ, приписанные къ заводамъ, т.-е. несвободные крестьяне уплачивали вольнымъ рабочимъ большую часть той платы, которую эти послѣдніе получали за свой трудъ на заводахъ. Г. А. Лаппо-Данилевскій согласится, что такое парадоксальное явленіе возможно было только благодаря господству крѣпостничества въ нашихъ народно-хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Само собою разумѣется, что заводскіе крестьяне не видѣли ничего привлекательнаго въ этомъ экономическомъ парадоксѣ. Они мечтали о возвращеніи въ прежнее свое состояніе черносошныхъ земледѣльцевъ или, какъ они выражались, объ отпискѣ отъ заводовъ.

Если одна часть черносошныхъ крестьянъ плакалась на то, что, приписавъ ее къ заводамъ, правительство поставило ее въ необходимость собственными средствами содѣйствовать развитію наемнаго труда въ Россіи, то другая часть ихъ чувствовала себя обиженной правительственными распоряженіями по аграрной части.

Межевая инструкція 1754 г. отняла у („свободныхъ") крестьянъ право свободнаго распоряженія своими землями. Этихъ земель нельзя было впредь ни продавать, ни закладывать. Отмѣнено было даже право наслѣдованія. По смерти крестьянина земля его должна была, не дѣлясь между его сыновьями, записываться за его селомъ въ качествѣ государственной. В. Сергѣевичъ на-

---

[1]) См. наказъ Соликамскаго уѣзда разныхъ становъ отъ приписныхъ къ партикулярнымъ заводамъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ, Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 115.

звалъ эти распоряженія правительства древнѣйшимъ опытомъ законодательства въ чисто соціалистическомъ направленіи [1]). Въ историческомъ введеніи [2]) я уже показалъ, что, какъ нельзя болѣе далекія отъ соціализма, распоряженія эти представляли собой лишь послѣдовательное проведеніе въ жизнь того принципа, котораго держалось еще московское правительство въ своемъ отношеніи къ трудящейся массѣ. Согласно этому принципу, какъ сами производители, такъ и всѣ находившіеся въ ихъ владѣніи средства производства,—земля въ томъ числѣ,—разсматривались, какъ собственность государя. Я привелъ примѣры, показывавшіе, что русское крестьянство не всегда покорно встрѣчало мѣропріятія, осуществлявшія этотъ рабовладѣльческій принципъ. Теперь я отмѣчу, какъ аргументировали въ своихъ наказахъ нѣкоторыя общества черносошныхъ крестьянъ нашего Сѣвера противъ распоряженій, вошедшихъ въ межевую инструкцію 1754 г.

Крестьяне Ягрыжской волости, Устюжскаго уѣзда, такъ описывали неудобства, которыя испытывались ими вслѣдствіе отнятія у нихъ права продажи своихъ земель.

По ихъ словамъ, многіе приходили отъ этихъ неудобствъ „внѣ состоянія". Важнѣе всего было то, что, „не имѣющіе дѣтей, а сами за слабымъ здоровьемъ или за старостью домашнею экономіею управлять и состоящую за ними пашенную землю работой снабдѣвать въ несостояніи, а продавать не дозволено, отчего тѣ за ними состояныя деревни приходятъ въ крайнее несостояніе и запустѣніе и написанныя на тѣхъ деревняхъ души располагаются на протчихъ той волости крестьянъ, отчего и происходитъ общественная нужда и отягощенія" [3]).

По опыту зная, что наибольшую цѣну въ глазахъ правительства имѣетъ доводъ отъ государственной пользы, т.-е., собственно, отъ казеннаго интереса, авторы наказа сочли нужнымъ обратить вниманіе также и на эту сторону дѣла.

„Напротиву того,—говорили они,—отъ перекупки между государственными черносошными крестьянами недвижимыхъ имѣній, ежели дозволено будетъ, составляется общественная полза (sic), ибо одинъ отъ другого получа, какъ на предъ сего и дѣйствительно оказывалось, что уже въ родъ доставшееся ему по крѣпостямъ недвижимое имѣніе, то для потомковъ своихъ съ надеждою прикладывали усердное стараніе во ползу государ-

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 123, стр. XIV.
[2]) См. первый томъ этой моей работы.
[3]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 123, стр. 129.

ственную, какъ пашенную землю, такъ и сѣнные покосы расчищали и въ лучшій приводили порядокъ, отчего не малая и составилась общественная полза“ [1]).

В. Сергѣевичъ полагалъ, что въ эпоху созванія Коммиссіи объ Уложеніи еще не существовало земельныхъ передѣловъ. Они возникли, говорилъ онъ, только впослѣдствіи и не сами собой, а въ силу правительственнаго указа 1781 г., предписавшаго „между крестьянами земли и угодья смѣшать, раздѣлить на тяглы по душамъ, а съ того уже быть какъ раскладкамъ подушнаго платежа, такъ всѣмъ службамъ и работамъ“ [2]).

Но дѣло въ томъ, что этотъ указъ былъ лишь послѣднимъ шагомъ въ направленіи аграрной политики, практиковавшейся правительствомъ въ продолженіе очень долгаго времени. Такая политика не оставалась безъ вліянія на умы крестьянъ. Если крестьяне, имѣвшіе такія земли, которыхъ они въ данное время почему-либо не могли обработать и потому желали продать, недовольны были запрещеніемъ свободнаго оборота крестьянскаго недвижимаго имущества, то въ другой части крестьянскаго населенія, почему-либо не имѣвшей достаточнаго земельнаго надѣла, уже въ эпоху созванія Коммиссіи объ Уложеніи начиналъ складываться тотъ взглядъ, что правительство должно было безвозмездно отобрать продажныя крестьянскія земли въ казну и раздѣлить ихъ между неимущими. Эта часть земледѣльческаго населенія, прекрасно усвоившая себѣ смыслъ правительственной аграрной политики, разсуждала, что если всѣ крестьянскія „души“ обязаны платить государству подать, то всѣ онѣ, имѣютъ право на полученіе отъ него достаточнаго земельнаго обезпеченія. На этой почвѣ въ средѣ черносошныхъ и дворцовыхъ крестьянъ возникали большія тренія, ярко отразившіяся въ крестьянскомъ наказѣ Рождественскаго погоста, дворцовой Химаневской волости.

Тамъ говорится, что недостатокъ въ этой волости „распашистыхъ“ земель и ростъ, по „Благости Божеской“, волостного населенія побудили рачительныхъ хозяевъ разработать изъ-подъ лѣса новые участки и унавоживать свои старыя пашни. Между тѣмъ, „другіе протчіе тунеядцы“ мало заботились о своемъ хозяйствѣ и оттого „пришли въ скудость и къ платежу податей внѣ состоянія“.

Вотъ эти-то пришедшіе въ скудость крестьяне и просили, по словамъ рождественскаго наказа, чтобы земли распаханныя и

---

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 123, предисловіе, стр. XV

унавоженныя заботливыми хозяевами, раздѣлены были по душамъ. Наказъ какъ нельзя болѣе рѣшительно осуждалъ эту ихъ просьбу:

„И если такимъ мотамъ и лѣнивцамъ повелѣно будетъ изъ тѣхъ распашныхъ съ великимъ трудомъ и убыткомъ и унавоженныхъ участковъ раздѣлить по душамъ, то оной обойдется на каждую мужескаго пола душу по одной десятинѣ не съ большимъ прибавкомъ, на чемъ содержаться не можно и впредь къ умноженію хлѣбопашества и къ распространенію земли такого старанія и раченія прилагать будетъ никому неохотно и убытковъ имѣть не для чего, потому что, какъ рачительные распахивать, а лѣнивые въ готовые входить и опять проматывать и запустошать будутъ“ [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказались каргопольскіе крестьяне. Въ своемъ наказѣ они доводили до свѣдѣнія Коммиссіи, что „между крестьянами есть много такихъ, которые несостоятельны ко владѣнію своими земельными участками, а слѣдовательно, и къ платежу подушныхъ денегъ“. Несостоятельность ихъ можетъ повести за собой остановку въ сборѣ податей, а также „отягощеніе“ состоятельныхъ хозяевъ. Поэтому каргопольскіе крестьяне изъявили „крайнее желаніе, чтобы продажа и мѣна между ними деревенскихъ земельныхъ участковъ дозволена была по прежнему“ [2]).

„По прежнему“! Вотъ къ чему стремилась та часть крестьянскаго населенія, пользовавшагося правомъ представительства въ Коммиссіи, которую не соблазняла перспектива очутиться въ положеніи рабочаго скота, получающаго болѣе или менѣе сытный кормъ въ своемъ стойлѣ и составляющаго государственное имущество, государственный instrumentum vocale.

Купцы, добивавшіеся права покупать крѣпостныхъ людей къ своимъ заводамъ и фабрикамъ и вообще недовольные политикой правительства, дававшаго дворянамъ одну сословную привилегію за другою, тоже хотѣли, какъ мы знаемъ, чтобы возстановлена была старина и дѣла пошли „по прежнему“.

Даже сатирики склонялись къ идеализаціи „прежняго“— эпохи Петра I.

Такъ было въ XVIII вѣкѣ. И то же наблюдали мы въ XVII и XVI столѣтіяхъ: вспомнимъ Курбскаго и вообще боярскую оппозицію; вспомнимъ расколъ.

Когда недовольные элементы населенія данной страны устремляютъ свой взоръ не въ будущее, а въ прошлое, не впе

---

[1]) Сборн., т. 123, стр. 123—124.

[2]) Цитирую по дневной запискѣ о засѣданіи 20-го августа; Сборн. И. Р. И. Общ. т. IV, стр. 72.

редъ, а назадъ, это значитъ, что въ настоящемъ еще не создалась та объективная дѣйствительность, которая могла бы послужить основой для поступательнаго оппозиціоннаго движенія.

И въ самомъ дѣлѣ, экономическая отсталость Россіи XVIII в. громко вопіетъ о себѣ во всѣхъ наказахъ, посланныхъ въ Екатерининскую коммисію. Она становится особенно поразительной при сравненіи этихъ наказовъ съ „cahiers“ французскихъ избирателей 1789 г.

IX.

Единственнымъ русскимъ сословіемъ, смотрѣвшимъ не назадъ, а впередъ, было тогда у насъ дворянство. Но дворянство не видѣло впереди ничего, кромѣ привилегій для себя, нѣкоторыхъ стѣсненій для купечества и дальнѣйшаго усиленія крѣпостной зависимости крестьянства.

Характеризуя выступленія кн. М. М. Щербатова, какъ члена Комиссіи объ Уложеніи, А. Брикнеръ писалъ когда-то, что хотя этотъ блестящій депутатъ отъ ярославскаго дворянства и не игралъ тамъ той роли, какая выпала на долю Мирабо во французскомъ національномъ собраніи 1789 г., „однако онъ показалъ себя тамъ сторонникомъ либеральныхъ началъ, защитникомъ гуманности, благородно мыслящимъ человѣкомъ, филантропомъ“ [1]).

Филантропическая дѣятельность Щербатова намъ совсѣмъ не извѣстна. И мы не имѣемъ права сомнѣваться въ его благородствѣ и гуманности.

Скажу больше. У насъ есть основаніе считать его человѣкомъ, благородно понимавшимъ свою обязанность передъ родиной [2]). Но то сравненіе его съ Мирабо, которое сдѣлалъ А. Брикнеръ, до крайности наивно. Знаменитый французскій ораторъ выражалъ стремленіе 3-го сословія покончить съ дворянскими привилегіями во Франціи; Щербатовъ былъ самымъ сильнымъ сторонникомъ стремленія упрочить и расширить дворянскія привилегіи въ Россіи.

Говоря въ пользу этихъ привилегій, онъ, въ самомъ дѣлѣ, высказывалъ порой гуманные взгляды. Такъ, напримѣръ, даже

---

[1]) См. его статью „Князь М. М. Щербатовъ, какъ членъ большой коммиссіи 1767 г.“, Историческій Вѣстникъ, октябрь 1881 г., стр. 245.

[2]) „Для чего же я съ изнуреніемъ себя пишу,—спрашивалъ онъ въ своей полемикѣ съ Болтинымъ...—отъ юности моей считая, что каждый гражданинъ, поелику сила его достигать можетъ, долженъ быть полезенъ отечеству“ („Письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи, къ одному его пріятелю“ и проч. Москва, 1789 г., стр. 140.

нынѣшній читатель не безъ сочувственнаго волненія прочтетъ его рѣчь о положеніи рабочихъ на купеческихъ фабрикахъ. Оно представлялось ему „весьма худымъ, какъ относительно ихъ содержанія, какъ и нравственности“. Но, во-первыхъ, немного странно, что суровый обличитель безсердечія предпринимателей изъ купеческаго сословія, лишь мимоходомъ упомянувъ о весьма худомъ „содержаніи“ купеческихъ рабочихъ, распространился исключительно объ ихъ пьянствѣ и нравственной распущенности, вредившихъ, какъ онъ выразился, многонародію и вызывавшихъ безпорядки въ деревняхъ. И уже совсѣмъ странно, что когда онъ началъ рисовать положеніе крѣпостныхъ рабочихъ на дворянскихъ фабрикахъ, съ его палитры тотчасъ же безслѣдно исчезли всѣ темныя краски и остались на ней однѣ—свѣтлыя.

„Заведенныя дворянами фабрики,—говорилъ онъ, — держатъ крестьянъ въ безпрестанномъ трудолюбіи. Сіи же послѣдніе получаютъ отъ господъ своихъ достаточную плату и свое собственное благосостояніе находятъ въ прибыли своихъ господъ. Мнѣ могутъ возразить, что многіе господа такой платы крестьянамъ своимъ не даютъ. Но я не думаю, чтобы были такіе жестокосердые, которые захотѣли бы этихъ подвластныхъ имъ людей лишить достойной мзды за то, что они имъ самимъ дѣлаютъ прибыли“ [1]).

Когда сочувствіе эксплоатируемымъ пріобрѣтаетъ такой односторонній характеръ, оно дѣлается сомнительнымъ, совершенно независимо отъ вопроса о личной искренности человѣка, выражающаго сочувствіе. Сословные предразсудки и пристрастія способны исказить самыя благородныя чувства. И если кн. Щербатовъ доказывалъ, что слѣдуетъ всѣхъ находящихся уже на фабрикахъ приписныхъ людей переписать и болѣе покупать ихъ фабрикантамъ запретить, предоставивъ имъ довольствоваться тѣми, которые у нихъ уже есть, и ихъ потомствомъ; если, по его мнѣнію, надлежало внушить фабрикантамъ, чтобы они принадлежавшихъ къ фабрикамъ рабочихъ „старались мало-по-малу сдѣлать вольными“, то вѣдь онъ первый самымъ рѣзкимъ образомъ осудилъ бы эти мѣры, если бы кто-нибудь вздумалъ распространить ихъ на дворянскія фабрики. Его борьба противъ права купцовъ покупать крѣпостныхъ людей вызвана была только желаніемъ сдѣлать это право исключительной привилегіей благороднаго сословія.

Горячо отстаивая эту привилегію, онъ выдвинулъ щекотливый вопросъ: „прилично ли, чтобы равный равнаго могъ имѣть

---

1) Сборн. И. Р. И. Общ., т. VIII, стр. 58.

у себя въ неволѣ?“ И у него вышло, что—неприлично. Онъ сдѣлалъ даже исполненную негодованія экскурсію въ древность, когда людей „какъ скотину по торгамъ продавали“. Но при этомъ у него молчаливо подразумѣвалось, что равенъ крестьянину „по природѣ“ только купецъ, а отнюдь не баринъ, и что поэтому только купцу и не прилично имѣть крестьянина у себя въ неволѣ. Излишне прибавлять, что Мирабо врядъ ли призналъ бы убѣдительной аргументацію, цѣликомъ основанную на смѣшномъ барскомъ предразсудкѣ и всуе взывавшую къ „человѣчеству“.

Выше я сказалъ, что купцы превозносили дѣятельность Петра I, между тѣмъ какъ дворяне относились къ ней довольно сдержанно. Это было до такой степени такъ, что Щербатовъ нашелъ нужнымъ оговориться.

Въ засѣданіи 12-го сентября онъ заявилъ, что, хотя ему и желательна отмѣна нѣкоторыхъ Петровскихъ законовъ, однако, вовсе не потому, чтобъ онъ недостаточно уважалъ „благодѣянія“ великаго преобразователя. „Обстоятельства времени и разные случаи принудили его сдѣлать для нашего благополучія такія положенія, которыя нынѣ при благополучной державѣ нашей Всемилостивѣйшей Государыни, отъ измѣненія нравовъ не только не полезны, но скорѣе могутъ быть вредны“ [1]).

Къ числу законовъ, изданныхъ Петромъ, примѣнительно къ измѣнчивымъ обстоятельствамъ времени, принадлежалъ законъ, разрѣшавшій купцамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей къ фабрикамъ и заводамъ. Намъ уже извѣстно, что Щербатовъ былъ противъ него. Но главное мѣсто между этими законами занималъ во мнѣніи краснорѣчиваго князя и его единомышленниковъ тотъ, согласно которому каждый, дослужившійся до офицерскаго чина, становился дворяниномъ. „Такое преимущество дослужившимся до офицерскаго чина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, было необходимо для понужденія дворянъ вступать въ службу,—разсуждалъ Щербатовъ,—но нынѣ, когда уже видимъ, что россійское дворянство по единой любви къ отечеству и славѣ и по усердію къ своимъ монархамъ, достаточно наклонно и къ службѣ и къ наукамъ, то, кажется, что право, сравнивающее это сословіе со всякимъ, кто бы, какимъ бы то ни было образомъ, ни достигъ до офицерскаго чина, должно отмѣнить“ [2]).

Добиваясь отмѣны этого закона, Щербатовъ, какъ всегда, не упустилъ обосновать свою мысль нравственными соображеніями.

---

[1]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. IV, стр. 149—150.

[2]) Тамъ же, стр. 150.

Здѣсь точкой исхода послужила для него заимствованная у Монтескье теорія дворянской чести. „Самый естественный разсудокъ,—говорилъ онъ,—убѣждаетъ насъ, что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи". Поэтому, чѣмъ старше дворянскій родъ, тѣмъ продолжительнѣе, а, слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе на его членовъ чести и славы... Каждый изъ нихъ съ самаго появленія своего на свѣтъ слышитъ о знатныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видитъ ихъ изображенія, вспоминаетъ подвиги, ихъ прославившіе. Это предрасполагаетъ его самого къ славнымъ подвигамъ. Наоборотъ, дѣти лицъ, поднявшихся до офицерскихъ чиновъ по старшинству службы, не видятъ вокругъ себя ничего, способнаго развивать ихъ славолюбіе, „а имена предковъ ихъ уже скрываются во тьмѣ".

Значитъ, старые дворянскіе роды по своимъ нравственнымъ качествамъ выше новыхъ? Да! И Щербатовъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе Коммиссіи на тѣ неблагопріятныя для нравственнаго развитія условія, при которыхъ совершается погоня за чинами. Люди низкаго происхожденія, стремясь пробиться къ чину и зная, что „это зависитъ отъ каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для снисканія его благоволенія, что, конечно, послужитъ ко вреду нравовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ". По полученіи офицерскаго чина, а вмѣстѣ съ нимъ и дворянскаго званія, они уже не имѣютъ высокихъ побужденій и думаютъ только о наживѣ. Къ этой цѣли новый дворянинъ тоже идетъ всѣми возможными путями, не отвергая „ни единаго, который бы могъ скорѣе довести его до желаемаго конца; отъ того порождается мздоимство, похищенія и всякое подобное зло".

Барнаульскій городской депутатъ Карышевъ сказалъ. что Англія и Голландія обязаны своей славой торговлѣ. У Щербатова была своя, *дворянская*, философія исторіи культуры. „Гдѣ есть дворяне,—увѣрялъ онъ Коммиссію,—тамъ есть дворянскіе подданные, тамъ заводятся земледѣліе, мануфактуры и, слѣдовательно, богатство; гдѣ богатство, тамъ рождаются и науки и художества".

Допустимъ, что это такъ. Но, вѣдь, когда Адамъ пахалъ землю, а Ева сидѣла за прялкой, тогда ничего не слышно было о дворянахъ. Откуда же они взялись?

По теоріи Щербатова, дворянство возникло вслѣдствіе „отличной доблести нѣкоторыхъ лицъ изъ народа". Такъ какъ потомки этихъ доблестныхъ лицъ тоже отличались доблестью, то народы и государи рѣшили почтить ихъ наслѣдственнымъ дворянскимъ званіемъ.

Эта теорія, несомнѣнно, пріятная для самолюбія старыхъ дворянскихъ родовъ, имѣла ту слабую сторону, что на нее могли опереться также и—новые. Что такое доблесть? Заслуга передъ государствомъ. Но развѣ теперь никто, кромѣ дворянина, не можетъ имѣть такихъ заслугъ? Сибирскіе служилые люди, ходатайствуя,—устами енисейскаго депутата Самойлова,—объ уравненіи своихъ правъ съ правами россійскихъ дворянъ, указывали именно на свои заслуги. Правда, Щербатовъ ихъ не призналъ. Сборъ ясака и другія подобныя этой службы не „довольно важны". Что касается великихъ дѣлъ предковъ, т. е. завоеванія Сибири, то и въ немъ князь не видѣлъ какой-нибудь исключительной доблести. Всѣмъ извѣстно, что россійскія войска непобѣдимы. Храбрымъ обязанъ быть всякій солдатъ. А побѣды достигаются мудростью военачальниковъ. Отсюда у Щербатова слѣдовало, что храбрые воины, покорившіе Сибирь, „сдѣлали это не сами собою, а подъ предводительствомъ воеводъ, которые тогда же и награждены были милостью монарховъ; да и тѣ, которые сопутствовали воеводамъ, имѣли воздаяніе въ полученіи земель, спокойныхъ жилищъ и, наконецъ, жалованья" [1]).

Доводы ярославскаго депутата и здѣсь были не безукоризненны. Лица, положившія основаніе старымъ дворянскимъ родамъ, тоже имѣли за свою доблесть воздаяніе въ полученіи жалованья, спокойныхъ жилищъ, земель и проч. За что же давать какія бы то ни было преимущества ихъ потомкамъ? Если бы депутаты отъ городовъ смотрѣли не назадъ, а впередъ; если бы они были не реакціонерами, а новаторами, то не замедлили бы поймать Щербатова на словѣ. Но они готовы были удовольствоваться возстановленіемъ выгодной для ихъ сословія болѣе или менѣе глубокой старины [2]). Депутаты же, избиратели которыхъ принадлежали къ новому дворянству или хотя бы только хлопотали о полученіи дворянскаго званія, по самому характеру своихъ домогательствъ не могли быть въ принципѣ противъ наслѣдственныхъ дворянскихъ привилегій. Поэтому имъ оставалось лишь выставлять на видъ то, признанное самимъ Щербатовымъ, обстоятельство, что даже самые знатные роды были когда-то совсѣмъ незнатными. На это и налегъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, уже знакомый намъ депутатъ днѣпровскаго пикинернаго полка Я. Козельскій. „Ежели предки россійскихъ дворянъ,—сказалъ онъ, — начало своего достоинства получили

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. IV, стр. 230.

[2]) Правда, въ засѣданіи второго октября депутатъ отъ города Рузы, И. Смирновъ предложилъ совсѣмъ отмѣнить наслѣдственное дворянство, оставивъ только личное. Но къ его мнѣнію присоединился одинъ только путивльскій депутатъ Рожновъ.

черезъ награжденіе по своимъ заслугамъ за вѣрность и добродѣтель, а не черезъ знатность рода, то потомки ихъ не должны бы умалять и презирать офицерскіе чины" [1]). Не смотря на скромную свою форму, возраженіе это задѣло за живое кн. Щербатова, и онъ далъ Козельскому страстную отповѣдь.

„Депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка, — воскликнулъ онъ,—въ мнѣніи своемъ говоритъ, что всѣ древнія россійскія дворянскія фамиліи произошли отъ низшихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ свое званіе людей, того достойныхъ. Весьма удивительно, что этотъ депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ достаточно указать на историческія событія. Одни россійскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владиміра; другіе въѣхавшіе знатные люди берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ россійскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканіе подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги?!" [2])

Россія, собранная въ лицѣ своихъ депутатовъ, имѣла право замѣтить сочинителю россійской исторіи, что его ссылка на исторію русскаго благороднаго сословія основательна въ примѣненіи развѣ только къ старымъ боярскимъ родамъ, а вовсе не къ дворянству, о которомъ, однако, и шла рѣчь въ Коммиссіи.

Кромѣ того, въ отвѣтъ на неудовольствіе, выраженное благороднымъ княземъ по поводу мысли о „подломъ" происхожденіи старыхъ дворянскихъ родовъ, Россія, собранная въ лицѣ своихъ депутатовъ, могла бы напомнить ему слова одного изъ нихъ, депутата гадяцкаго, миргородскаго и полтавскаго полковъ, Н. Мотоника: „Подлаго нѣтъ у меня никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ. Подлы тѣ только, которые имѣютъ дурныя свойства, производятъ дѣла, противныя законамъ..."

---

[1]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. IV, стр. 187.

[2]) Тамъ же, стр. 193.

Слово: подлый уже переставало быть тогда синонимомъ слова: низшій и пріобрѣтало обидный смыслъ. Оно, какъ видимъ, коробило, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ депутатовъ Коммиссіи. И если Щербатовъ не чуждался его употребленія тамъ, гдѣ нужно было особенно старательно избѣгать его, то это свидѣтельствуетъ лишь объ его боярской надменности.

Онъ выставилъ такую программу:

„1) Дабы никто изъ разночинцевъ въ чинъ и право дворянское иначе не могъ вступать, какъ по одной монаршей власти;

„2) Что дворяне, по одному имени своему, имѣютъ преимущественное передъ другими званіями право служить отечеству съ тѣмъ, чтобъ имъ по ихъ службѣ и по преимуществамъ въ оной, опредѣлена была особая милость, соотвѣтственно достоинству сего сословія, столько разъ показавшему свое усердіе къ отечеству.

„3) Дабы дворянинъ, безъ лишенія его дворянскаго званія, не могъ быть подвергнутъ черезъ катскія руки (черезъ палача. *Г. П.*) наказанію...

4) „Поелику же дворянство, какъ выше неоднократно я имѣлъ случай упомянуть, отъ чести происходитъ и честью держится, то и непристойная брань и руганіе дворянина должны быть запрещены закономъ.

„5) Право владѣнія деревнями, обязывая дворянина собственною его пользою къ службѣ отечеству, есть первый способъ содержать себя во всѣхъ мѣстахъ, куда отечество заблагоразсудитъ его употребить. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу полезнымъ предоставить одному этому сословію право употреблять и продавать, какъ свои домашнія произведенія, такъ и другія, о которые считаю лишнимъ здѣсь упоминать“ [1]).

Первымъ параграфомъ этой программы порода хотѣла отгородиться отъ чина. И, разумѣется, чинъ не могъ одобрить этотъ параграфъ. Но остальные четыре параграфа были вполнѣ согласны съ его интересами: разъ обезпечивъ себѣ доступъ къ дворянскимъ привилегіямъ, чинъ самъ становился заинтересованнымъ въ ихъ сохраненіи и расширеніи. Стало быть, только вокругъ перваго параграфа и должна была вестись въ Комиссіи объ Уложеніи борьба между породой и чиномъ.

Аристократическія стремленія Щербатова сочувственно встрѣчены были довольно значительнымъ числомъ дворянскихъ депутатовъ. Его образованіе и темпераментъ увеличивали размѣры его личнаго вліянія. Особенно сильное впечатлѣніе произвела

---

1) Тамъ же, стр. 152—153.

рѣчь, произнесенная Щербатовымъ въ отвѣтъ Козельскому. Онъ говорилъ и окончилъ ее,—по выраженію дневной записки, „съ крайнимъ движеніемъ духа, что по произношенію его голоса примѣтить было можно“ [1]).

Но краснорѣчивый ораторъ не могъ „движеніемъ духа“ измѣнить соотношеніе силъ, издавна сложившееся не въ пользу породы.

Въ Коммиссіи большинство оказалось на сторонѣ чина. И сама Екатерина, впослѣдствіи удовлетворившая своей жалованной грамотой многія пожеланія дворянства, не захотѣла унизить чинъ передъ породой. Такимъ образомъ, выступленія Щербатова и его сторонниковъ не увѣнчались практическимъ успѣхомъ [2]).

X.

Наши историки нерѣдко ставили вопросъ о причинахъ неудачи Екатерининской коммиссіи. Нельзя не признать, что въ извѣстномъ смыслѣ ея созывъ не привелъ ни къ чему осязательному. По замѣчанію профессора С. Ѳ. Платонова, „Коммиссія не только не совершила всего своего дѣла, не только не обработала какой-нибудь части кодекса, но даже въ полтора года, въ двухъ стахъ своихъ засѣданіяхъ, не прочла всѣхъ депутатскихъ наказовъ“. Названный историкъ объясняетъ ея неудачу отсутствіемъ подготовительныхъ работъ, непрактичностью и неопредѣленностью внѣшней организаціи дѣла и неумѣлостью ея руководителей. Однако, и онъ признаетъ, что, если Коммиссія не привела къ общей реформѣ законодательства, то все таки оказала важное вліяніе на послѣдующую законодательную дѣятельность Екатерины II [3]). Екатерина говорила, что Коммиссія дала ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи. Это правда. Изучая мнѣнія депутатовъ, Екатерина увидѣла, какія требованія она можетъ оставить неудовлетворенными и какія она должна удовлетворить въ своемъ собственномъ интересѣ. Она совершенно пренебрегла тѣмъ, чего хотѣли немногочисленные въ Коммиссіи крестьянскіе депутаты; но ея жалованныя грамоты дворянству и городамъ явились, въ 1785 году, прямымъ и положительнымъ отвѣтомъ

[1]) Тамъ же, стр. 193.

[2]) Купечество домогалось, чтобы всякій, кто берется за торгово-промышленную дѣятельность, обязанъ былъ записаться въ купеческое сословіе. Старое дворянство хотѣло, чтобы дверь „благороднаго“ сословія отворялась для служилыхъ людей только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Отсюда видно, что хотя стремленія купечества были, какъ отмѣчаютъ изслѣдователи, проникнуты сословнымъ духомъ, однако въ нихъ не было исключительности, которой отличались дворянскія стремленія.

[3]) Лекціи по русской исторіи, изданіе 6-ое, стр. 596—597.

на просьбы дворянскихъ и городскихъ депутатовъ. И въ этомъ смыслѣ необходимо признать, что созывъ Коммиссіи привелъ, хотя и не такъ скоро, къ немаловажнымъ практическимъ результатамъ.

По своему неудержимому и безпредѣльному тщеславію, Екатерина II очень громко кричала, urbi et orbi, о своей Комиссіи. Подъ вліяніемъ ея громкихъ криковъ нѣкоторые вообразили, будто Коммиссія объ Уложеніи должна была сыграть никогда и нигдѣ небывалую роль чего-то въ родѣ учредительнаго собранія, которому предстояло, съ разрѣшенія и благословенія просвѣщенной государыни, воплотить въ русскую жизнь принципы освободительной французской философіи. Учредительное собраніе, дѣйствующее съ благосклоннаго разрѣшенія самодержавной власти, уже само по себѣ есть просто-на-просто смѣшная утопія. Еще болѣе смѣшной становится утопія эта при воспоминаніи о тогдашнихъ общественныхъ отношеніяхъ Россіи. Положимъ, наши городскіе депутаты горько жаловались въ Коммиссіи на полицію; но уже на земскихъ соборахъ Московскаго государства „излюбленные“ русскіе люди столь же горько жаловались на нестерпимую московскую волокиту. Отъ этихъ жалобъ, какъ отъ земли до неба, далеко было до коренного общественнаго переустройства. Положимъ также, что нашъ „средній родъ людей“ ссылался на Петровскую реформу, завидовалъ „счастливому“ купечеству Запада и напоминалъ правительству, до какой степени коммерція нуждается въ свободѣ. Однако, онъ не только не стремился къ устраненію крѣпостнической основы нашего народнаго хозяйства, но прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы упрочить эту основу, возстановивъ ее во всей ея старинной широтѣ. Его еще не коснулось могучее движеніе революціонной французской мысли. Его депутаты въ Коммиссіи лишь съ трудомъ вникали въ разсужденія, опиравшіяся на общіе принципы. У нихъ не было ни привычки, ни охоты подниматься въ область теоріи. Ихъ мысль всегда оставалась узко практичной. Отвѣчая на одно изъ выступленій кн. Щербатова, депутатъ отъ г. Тихвина С. Солодовниковъ замѣтилъ, что князь „очень рѣдко основывается на прежнихъ узаконеніяхъ и эти (т. е. свои. *Г. П.*) мнѣнія онъ подкрѣпляетъ весьма разумными разсужденіями, которыми онъ отмѣнно одаренъ отъ Бога“. Въ устахъ тихвинскаго депутата это былъ упрекъ! И въ этомъ упрекѣ ярко выражается консервативный характеръ купеческаго мышленія. Но еще болѣе характерно, что ко мнѣнію Солодовникова „присоединилось“ много депутатовъ отъ городовъ [1])

[1]) Сборникъ И. Р. И. общ., т. VIII, стр. 152—155.

Дворянскіе депутаты обнаружили въ Коммиссіи нѣсколько большую привычку къ теоретическому мышленію. Но мы видѣли, что практическія стремленія дворянства были прямо противоположны практическимъ выводамъ передовой французской философіи. На тогдашней стадіи нашего общественно-экономическаго развитія названные выводы могли быть усвоены только небольшой горстью отдѣльныхъ лицъ. Разумѣется, тѣмъ хуже было для этой горсти...

Глава IX.

Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу во второй половинѣ XVIII вѣка.

I.

Если бы какой-нибудь древній писатель,—скажемъ, Цицеронъ,—воскресъ въ эпоху Возрожденія, то въ его умѣ естественно возникъ бы вопросъ: къ чему приведетъ стремленіе новыхъ народовъ Европы усвоить себѣ античную культуру? Подобный этому вопросъ возникалъ у мыслящихъ людей Франціи и другихъ передовыхъ странъ при видѣ начавшихся со времени Петра I попытокъ перенести въ Россію плоды западно-европейскаго просвѣщенія. И само собою понятно, что мыслящіе люди Запада рѣшали его сообразно съ общимъ характеромъ своего взгляда на движущія силы культурнаго развитія.

Просвѣтители XVIII столѣтія полагали, что свойственный данному народу образъ мыслей,—„opinion", мнѣніе, какъ выражались они,—служитъ самой главной, глубже всѣхъ другихъ лежащей, причиной его историческаго движенія. Этотъ идеалистическій взглядъ на исторію нашелъ себѣ наиболѣе полное и яркое выраженіе въ знаменитомъ „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations" Вольтера [1]).

Считая „мнѣніе" главнымъ двигателемъ прогресса, Вольтеръ признавалъ великихъ людей,—особенно тѣхъ изъ нихъ, которые обладали политической властью,—самыми вліятельными его представителями. Можно даже сказать, что эти люди, къ числу которыхъ отнесены въ „Essai sur les moeurs" Миносъ, Залевкъ, Моисей, Магометъ и проч., и проч., были въ глазахъ Вольтера не только наиболѣе вліятельными представителями „мнѣнія", но и его создателями. Дѣйствуя на исторической сценѣ въ роли основателей религіозныхъ ученій, учителей нравственности, законодателей и вообще руководителей народной массы, великіе люди направляли ходъ исторіи въ ту или въ другую сторону.

---

1) Въ окончательномъ своемъ видѣ этотъ „Опытъ" появился въ 1769 г.

Вольтеръ не былъ бы просвѣтителемъ, если бы не держался того убѣжденія, что историческая работа великихъ людей становится особенно плодотворной въ тѣхъ случаяхъ, когда они пользуются своими талантами и своей властью для распространенія просвѣщенія[1]). Онъ осыпалъ похвалами Петра I за совершенную имъ реформу. И, конечно, далеко не все въ этихъ похвалахъ можетъ быть отнесено на счетъ желанія сказать пріятное тогдашнимъ носителямъ верховной власти въ Россіи.

Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу заключалъ въ себѣ собственно два вопроса: 1) Способна ли и если—да, то въ какой мѣрѣ способна Россія усвоить себѣ западно-европейскую цивилизацію? 2) Желательно ли такое усвоеніе? И оба эти вопроса, такъ сильно привлекавшіе къ себѣ вниманіе нашей интеллигенціи XIX столѣтія, были поставлены уже въ XVIII вѣкѣ.

Ж.-Ж. Руссо, какъ извѣстно, состоявшій при особомъ мнѣніи на счетъ той пользы, которую принесла людямъ цивилизація, высказалъ въ своемъ „Contrat Social" [2]) ту странную мысль, что ко времени Петра I русскій народъ еще не созрѣлъ для усвоенія себѣ плодовъ цивилизаціи, и потому его слѣдовало не цивилизовать, а лишь пріучать къ военнымъ дѣйствіямъ. Но такъ какъ Петръ поступилъ наоборотъ, то, заключалъ Руссо, русскіе никогда не сдѣлаются дѣйствительно цивилизованными (les russes ne seront jamais vraiment policés).

Фернейскій патріархъ рѣшительно и рѣзко отвергъ эту мысль Руссо. По его словамъ, удивительные успѣхи, достигнутые Екатериной II и русскимъ народомъ, „служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что Петръ Великій строилъ на твердой и прочной основѣ". Больше того. Послѣ Магомета Петръ былъ тѣмъ законодателемъ, преобразовательная дѣятельность котораго ознаменовалась, думалъ Вольтеръ, наибольшимъ успѣхомъ [3]).

Но если авторъ „Essai sur les moeurs" считалъ дѣятельность Петра весьма плодотворной, то это не мѣшало ему смотрѣть на нее, какъ на рѣдкую историческую случайность. Вѣроятность появленія въ Москвѣ такого царя, какъ Петръ I, была совсѣмъ ничтожна. Между тѣмъ онъ все-таки явился. Вообще великіе успѣхи въ исторіи человѣчества представляютъ собою, по мнѣнію Вольтера, не болѣе какъ случайный подарокъ судьбы. Нужно было поразительное число различныхъ комбинацій и вѣковъ

[1]) „J'appelle grands hommes tous ceux qui ont excellé dans l'utile ou l'agréable,—говорилъ Вольтеръ,—Les saccageurs de provinces ne sont que héros".

[2]) Livre II, chapitre VIII.

[3]) Histoire de Russie; въ Oeuvres complètes de Voltaire, édit. du journal le Siècle. t. V, p. 67; ср. письма Вольтера къ Шувалову отъ 1757 и 1758 гг.

прежде, чѣмъ природа породила того человѣка, который изобрѣлъ соху, и того, который придумалъ ткацкое искусство. Точно такъ же теперь есть въ Африкѣ обширныя страны, имѣющія нужду въ царѣ Петрѣ. Можетъ быть, онъ явится тамъ черезъ милліонъ лѣтъ, такъ какъ,—прибавляетъ Вольтеръ,—все является слишкомъ поздно [1]).

Вдумаемся въ эти его соображенія

Если, какъ сказалъ онъ, возражая Руссо, Петръ I строилъ на основѣ, отличавшейся исключительной твердостью и прочностью, то ясно, что преобразованіе, имъ совершенное, вполнѣ подготовлено было предыдущимъ ходомъ развитія московскаго государства. А если это такъ, то не менѣе очевидно, что вѣроятность появленія въ Москвѣ царя-преобразователя совсѣмъ не была ничтожной, какъ это утверждалъ Вольтеръ. И наоборотъ. Если въ самомъ дѣлѣ ничтожна была эта вѣроятность, то не откуда было взяться и той, исключительной по своей твердости и прочности, основѣ, на которую оперлась, по словамъ того же Вольтера, совершенная Петромъ реформа. Авторъ „Исторіи Петра Великаго“ не замѣтилъ этого своего противорѣчія.

Утвержденіе, относящееся у Вольтера къ исключительной прочности той основы, на которой возводилъ Петръ I зданіе своей реформы, очевидно, подсказано было ему сочувствіемъ къ этой реформѣ, совершенно понятнымъ въ просвѣтителѣ, къ тому же взявшемъ на себя роль ея историка. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что просвѣтители XVIII вѣка очень мало склонны были подвергать анализу историческія условія, подготовлявшія появленіе великихъ людей и опредѣлявшія собою успѣшность ихъ начинаній.

Съ точки зрѣнія историческаго идеализма, поступательное движеніе общества представлялось результатомъ с о з н а т е л ь н о й человѣческой дѣятельности. А сознательная человѣческая дѣятельность людей, въ свою очередь, представляется, какъ это правильно замѣтилъ Шеллингъ, с в о б о д н о й и потому не подлежащей научному анализу. Этому анализу подлежатъ только н е о б х о д и м ы е процессы. Но тамъ, гдѣ отсутствуетъ н е о б х о д и м о с т ь, нѣтъ з а к о н о м ѣ р н о с т и, вслѣдствіе чего тамъ остается апеллировать лишь къ с л у ч а й н о с т и. Мы видѣли, что именно такъ и поступалъ Вольтеръ, объявившій появленіе царя-преобразователя дѣломъ крайне рѣдкаго случая [2]). Противо-

[1]) Anecdotes sur Pierre le Grand, Oeuvres, тотъ же томъ, стр. 139.

[2]) Изъ главы CXC его „Essai sur les moeurs“ ясно видно, что въ жизни Московскаго государства совершенно отсутствовали, по мнѣнію Вольтера, условія, которыя объясняли бы появленіе Петра.

рѣчіе, въ которое попалъ онъ, говоря о Петрѣ, хотя, конечно, вовсе не разрѣшается, но зато вполнѣ объясняется идеалистическимъ взглядомъ его на исторію.

Въ этомъ взглядѣ на исторію было много пессимизма. Если упованія прогрессистовъ могутъ пріурочиваться лишь къ исторической случайности, и если счастливая историческая случайность представляетъ собою нѣчто весьма рѣдкое,—вспомнимъ тѣ „милліоны лѣтъ“, о которыхъ говорилъ Вольтеръ,—то дѣло прогресса есть очень мало надежное дѣло. И кто знакомъ съ просвѣтительной литературой XVIII вѣка, тотъ знаетъ, какъ часто слышались пессимистическія ноты въ разсужденіяхъ даже наиболѣе оптимистически настроенныхъ просвѣтителей. Можетъ, пожалуй, показаться непонятнымъ, откуда вообще бралось оптимистическое настроеніе у прогрессистовъ, которые могли разсчитывать только на крайне рѣдкую въ исторіи счастливую случайность. Но это настроеніе объясняется прежде всего свойственною просвѣтителямъ XVIII вѣка отвлеченной вѣрой въ непреодолимую силу разума. Тотъ же Вольтеръ, который ворчалъ, что въ исторіи все является слишкомъ поздно, успокоительно говаривалъ: „La raison finit toujours par avoir raison“ [1]). Кромѣ того, если просвѣтители думали, что великіе люди являются въ исторіи, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко, то, съ другой стороны, они приписывали имъ почти безпредѣльную способность совершать благодѣтельныя общественныя преобразованія. Они часто говорили, что законодатель все можетъ. А если законодатель все можетъ, то хотя и рѣдко появляются въ исторіи великіе законодатели-прогрессисты, но все-таки можно надѣяться на воплощеніе въ жизнь разумныхъ идей. Еще позволительнѣе было ожидать торжества этихъ идей въ такую эпоху, когда просвѣтительная литература имѣла огромный успѣхъ во всей Европѣ, и когда просвѣтителямъ казалось, что, дѣйствительно, la raison commençait à avoir raison.

Прогрессистъ, имѣющій законодательную власть, можетъ сдѣлать на пользу прогресса все, что захочетъ: это только частный случай того общаго теоретическаго положенія, что законодатель все можетъ. Но какъ ни твердо убѣждены были просвѣтители въ правильности этого общаго теоретическаго положенія, они понимали, однако, что, если бы на западѣ Европы, напримѣръ, во Франціи, появился король, который захотѣлъ бы осуществить требованіе освободительной философіи, онъ натолкнулся бы на сильное сопротивленіе со стороны привилегированныхъ со-

[1]) Въ концѣ-концовъ разумъ всегда оказывается правымъ.

словій. Это было для нихъ очевидно. Выходило, стало быть, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о передовыхъ странахъ, необходимо внести весьма важную поправку въ общее теоретическое положеніе, гласившее: законодатель все можетъ. Но когда поднимался вопросъ объ отсталыхъ странахъ, тогда просвѣтителямъ казалось, что въ этой поправкѣ нѣтъ никакой надобности. И они были очень довольны этимъ.

Вотъ примѣръ. Въ запискѣ, поданной имъ Екатеринѣ II и озаглавленной: „Essai historique sur la Police", Дидро говорилъ, что во Франціи никогда не будетъ новаго уложенія, такъ какъ существующее въ ней законодательство тѣсно связано съ интересами частныхъ лицъ. „Кто вознамѣрился бы низвергнуть это колоссальное чудовище, тотъ поколебалъ бы всѣ имущественныя отношенія (toutes les propriétés)... Дурныя, а въ особенности старыя учрежденія представляютъ собою почти непреодолимое препятствіе для хорошихъ"[1]). Совсѣмъ иное въ Россіи. Въ ней, „къ счастью, Ваше Императорское Величество все можетъ и, къ еще большему счастью, оно ничего не хочетъ, кромѣ хорошаго"[2]). Дидро думалъ, что въ Россіи не было старыхъ и въ особенности дурныхъ учрежденій, которыя могли бы помѣшать Екатеринѣ осуществить истины, изложенныя ею въ своемъ Наказѣ и, по ея собственному выраженію, „награбленныя" ею у французскихъ просвѣтителей, точнѣе—у наиболѣе умѣренныхъ изъ нихъ. Крайне обрадованный отсутствіемъ въ Россіи непреодолимыхъ препятствій для осуществленія самыхъ лучшихъ законодательныхъ намѣреній, Дидро восклицалъ: „Какъ счастливъ народъ, у котораго ничего не сдѣлано. (Qu'un peuple est heureux lorsqu'il n'y a rien de fait chez lui!")[3]).

Мы знаемъ, что на самомъ дѣлѣ очень много было у насъ такихъ учрежденій, которыя помѣшали бы Екатеринѣ II воплотить въ жизнь требованія французскихъ просвѣтителей... даже, если бы она серьезно собиралась воплощать ихъ. Но убѣжденіе Дидро и многихъ другихъ современныхъ ему иностранныхъ прогрессистовъ въ томъ, что отсталость нашей страны даетъ ей счастливую возможность съ гораздо большею легкостью осуществлять практическія требованія разума, часто раздѣлялось и такими лицами, которыя, живя и дѣйствуя въ Россіи, казалось бы, должны были видѣть, что предшествовавшій ходъ развитія „сдѣлалъ" у насъ очень много, хотя, конечно, вовсе не въ же-

---

[1]) Maurice Tourneux, Diderot et Catherine II, p. 45, 46.

[2]) Тамъ же, стр. 106.

[3]) Тамъ же, стр. 95.

лательномъ для прогрессистовъ смыслѣ. Екатерина писала Вольтеру: „Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя". Тутъ передъ нами лишь варіація на пріятную для западныхъ просвѣтителей тему о томъ, какъ легко разуму одерживать великія практическія побѣды въ отсталыхъ странахъ. Конечно, говоря объ Екатеринѣ, мы имѣемъ полное право не довѣрять ея искренности. Кромѣ того, она сама была иностранкой въ Россіи. Но въ данномъ вопросѣ съ нею, т. е., вѣрнѣе, съ западными просвѣтителями, ею „ограбленными", сходились многіе и многіе представители тогдашней русской интеллигенціи.

Въ письмѣ къ Я. И. Булгакову изъ Монпелье отъ $\frac{\text{25 января}}{\text{5 февраля}}$ 1778 г. Фонъ-Визинъ писалъ: „Если здѣсь прежде насъ жить начали, то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, счастливѣе того, кто умираетъ" [1]).

Фонъ-Визинъ разсуждалъ здѣсь, какъ идеалистъ, убѣжденный въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, отсталые народы руководствуются въ выборѣ „формъ" своего послѣдующаго развитія преимущественно, если не исключительно, своимъ „мнѣніемъ". И въ этомъ его разсужденіи заключались зародыши двухъ, прямо противоположныхъ одинъ другому взглядовъ, такъ часто и такъ глубоко сталкивавшихся у насъ между собою въ XIX столѣтіи. Та мысль, что мы родимся въ то время, когда Западъ умираетъ, получила роскошное развитіе въ разглагольствованіяхъ С. Шевырева о томъ, что, поддерживая сношенія съ Западной Европой, Россія имѣетъ дѣло съ гніющимъ трупомъ. Что же касается будто бы находящейся въ распоряженіи русскаго народа счастливой возможности дать себѣ любую „форму", то наши западники указывали на нее по меньшей мѣрѣ такъ же часто, какъ и славянофилы. Если И. С. Аксаковъ благословлялъ счастливую отсталость Россіи, то наши „субъективисты" (Н. К. Михайловскій) и народники (А. И. Герценъ, землевольцы 70 гг., Юзовъ, В. В. и другіе) настойчиво доказывали, что Россія можетъ,—и, въ виду печальнаго опыта Западной Европы, должна, — миновать капиталистическую форму развитія и сразу перескочить въ—соціалистическую. Такимъ образомъ,

[1]) Сочиненія, письма и т. д. Фонъ-Визина, СПБ., 1866 г., стр. 272—273.

авторъ „Бригадира“ и „Недоросля“ замѣчателенъ въ исторіи нашего умственнаго развитія, между прочимъ, тѣмъ, что первый изъ нашихъ писателей далъ видъ общей „формулы прогресса“, одной изъ теоретическихъ ошибокъ, усвоенныхъ русской интеллигенціей XVIII столѣтія отъ современныхъ ей великихъ французскихъ просвѣтителей.

II.

Ошибка эта коренилась въ идеалистическомъ взглядѣ на исторію. Но хотя французскіе просвѣтители являлись идеалистами въ своемъ объясненіи историческаго процесса, они, въ теоретической основѣ своего міросозерцанія, были гораздо ближе къ матеріалистамъ. Нѣкоторые изъ нихъ не безъ успѣха потрудились надъ разработкой и распространеніемъ матеріалистическаго ученія. Французская матеріалистическая литература XVIII вѣка по всей справедливости считается классической въ своемъ родѣ. И вполнѣ понятно, что близкое родство просвѣтительныхъ взглядовъ XVIII в. съ матеріализмомъ должно было оказывать извѣстное вліяніе даже на ихъ историческія разсужденія, въ общемъ пропитанныя идеалистическимъ духомъ.

Тогдашніе французскіе матеріалисты утверждали, что вся психическая дѣятельность человѣка есть не болѣе, какъ видоизмѣненіе ощущеній „sensations transformées“. А такъ какъ они,—именно потому, что были матеріалистами,—ни мало не сомнѣвались въ томъ, что ощущеніе есть результатъ воздѣйствія на живой организмъ окружающей его матеріальной среды, то имъ естественно было смотрѣть, какъ на результатъ такого воздѣйствія, также и на нравственныя чувства, эстетическіе вкусы, научныя понятія, короче,—и на „мнѣніе“ людей. Они такъ и смотрѣли на него. Въ своихъ сочиненіяхъ они безъ устали повторяли, что взгляды и чувства человѣка опредѣляются, во-первыхъ, географической средой, а во-вторыхъ,—средой общественной. Но утверждать это значитъ въ корнѣ отрицать ту основную теорему историческаго идеализма, по смыслу которой „міромъ правитъ мнѣніе“. Общее міросозерцаніе просвѣтителей, болѣе или менѣе ярко окрашенное въ цвѣтъ матеріализма, расходилось съ ихъ идеалистическимъ взглядомъ на исторію.

Не будучи въ состояніи устранить это коренное противорѣчіе и даже рѣдко его замѣчая, они неизбѣжно попадали во многія второстепенныя противорѣчія. Разсматривать здѣсь эти послѣднія

было бы, разумѣется, неумѣстно [1]). Однако намъ нельзя оставить здѣсь безъ вниманія нѣкоторые элементы матеріализма, проникшіе въ историческіе взгляды французскихъ просвѣтителей и оказавшіе извѣстное вліяніе на развитіе русской общественной мысли.

Прежде всего я отмѣчу взглядъ, заимствованный французскими теоретиками,—напримѣръ Бодэномъ, а послѣ него Монтескье,—у нѣкоторыхъ писателей классической древности и объяснявшій дѣйствіемъ климата всѣ главнѣйшія особенности характера даннаго народа и свойственнаго ему общественнаго строя: при одномъ климатѣ возможны только большія деспотическія государства, при другомъ—только республики въ родѣ древнихъ греческихъ и такъ далѣе.

Этотъ взглядъ, несомнѣнно, имѣетъ матеріалистическій характеръ. Онъ діаметрально противоположенъ основному положенію историческаго идеализма: если, подъ вліяніемъ климата, аѳиняне дорожили политической свободой, а восточные народы предпочитали деспотизмъ, то совершенно очевидно, что „мнѣніе“ не только не правитъ міромъ, но само опредѣляется чисто физической причиной [2]). Но это матеріалистическое положеніе есть не болѣе, какъ первая и совсѣмъ неудачная попытка внести понятіе необходимости, а, слѣдовательно, и закономѣрности въ объясненіе историческаго процесса.

Какъ уже говорено было во введеніи, географическая среда оказываетъ огромное вліяніе на развитіе человѣческихъ обществъ. Но она вліяетъ на него не тѣмъ, что такъ или иначе опредѣляетъ собою физіологическіе процессы, отъ которыхъ будто бы зависятъ общественные и политическіе взгляды людей, а тѣмъ, что даетъ большій или меньшій просторъ развитію производительныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи даннаго человѣческаго общества. Состояніемъ этихъ силъ опредѣляется характеръ общественныхъ отношеній. Разъ возникнувъ, данныя общественныя отношенія развиваются уже по своимъ собственнымъ законамъ. Такимъ образомъ, общественный человѣкъ зависитъ отъ „климата“ не непосредственно,—какъ думали сторонники разбираемаго мною положенія, а только посредственно: „климатъ“ вліяетъ на него черезъ посредство общественныхъ отношеній, возникающихъ на основѣ производительныхъ силъ, развитіе которыхъ замедляется или ускоряется свойствами данной географической среды.

---

[1]) Они указаны мною въ первой главѣ моей книги „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ („Французскій матеріализмъ XVIII вѣка“).

[2]) Опредѣляется—черезъ посредство нѣкоторыхъ физіологическихъ процессовъ, понимавшихся тогда крайне наивно.

Совершенно упуская это изъ виду, защитники теорiи „климата“ немедленно возвращались къ тому историческому идеализму, на смѣну котораго они выдвигали эту теорiю.

Допустимъ, что политическое свободолюбiе древнихъ грековъ дѣйствительно явилось слѣдствiемъ влiянiя климата на физiологическiе процессы, происходившiе въ ихъ организмахъ. Разъ это признано, политическiй строй древнихъ греческихъ республикъ представляется непосредственнымъ результатомъ „мнѣнiя“, т. е. политическихъ идей и стремленiй, порожденныхъ влiянiемъ „климата“. Такимъ образомъ, на мѣсто матерiализма опять является уже знакомый намъ историческiй идеализмъ. Въ глазахъ просвѣтителей, очень сильно расположенныхъ къ этому послѣднему, его возвращенiе, конечно, не могло компрометтировать теорiю историческаго дѣйствiя „климата“. Но въ этой теорiи былъ недостатокъ, замѣтный и для просвѣтителей: она оставляла необъясненнымъ какъ разъ то, что требовалось объяснить: процессъ историческаго движенiя.

Уже Вольтеръ, возражая Монтескье, говорилъ, что въ данной географической средѣ, не подвергающейся никакимъ существеннымъ измѣненiямъ, могутъ произойти съ теченiемъ времени существенныя измѣненiя общественнаго и политическаго строя. Онъ былъ совершенно правъ, когда выводилъ отсюда, что измѣненiя эти не могутъ быть объяснены дѣйствiемъ „климата“. Сдѣлавъ такой выводъ и отклонивъ ученiе о „климатѣ“, онъ выдвигалъ все ту же, такъ хорошо знакомую намъ, идеалистическую теорiю „мнѣнiя“, какъ глубочайшей причины историческаго процесса. Однако, уже въ его „Essai sur les moeurs“, мы находимъ интересное указанiе па огромное историческое значенiе нѣкоторыхъ технических открытiй. Такъ, по его словамъ, порохъ все измѣнилъ въ мiрѣ (a tout changé dans le monde). Но дѣйствiе пороха не есть дѣйствiе „мнѣнiя“. Это—дѣйствiе причины, принадлежащей къ числу той категорiи явленiй, которую мы называемъ ростомъ общественныхъ производительныхъ силъ. У другихъ французскихъ просвѣтителей подобныя указанiя встрѣчаются еще чаще. Гельвецiй сдѣлалъ въ высшей степени интересную попытку объяснить ходъ развитiя общественной психологiи тѣмъ ходомъ развитiя общественныхъ отношенiй, который, въ свою очередь, объяснялся бы измѣненiемъ прiемовъ, употребляемыхъ общественнымъ человѣкомъ въ борьбѣ за свое существованiе. Эта замѣчательная попытка оказалась, говоря вообще, неудачной, да, по обстоятельствамъ того времени, и не могла быть иною. Но въ ней, во всякомъ случаѣ, имѣлось несравненно больше научнаго содержанiя, нежели въ

объясненіи историческихъ судебъ народовъ дѣйствіемъ „климата“. Она представляетъ собою весьма достойный вниманія зачатокъ того матеріалистическаго объясненія исторіи, къ которому въ половинѣ XIX вѣка пришли Марксъ и Энгельсъ. Она замѣчательна также правильнымъ пониманіемъ роли третьяго сословія въ ходѣ развитія западно-европейскаго общества. Само по себѣ, пониманіе это не представляетъ собою ничего удивительнаго въ виду того, что просвѣтители были идеологами именно этого сословія: мы знаемъ, въ какихъ, прежде неслыханныхъ, выраженіяхъ говорилось о трудящейся массѣ въ объявленіи объ изданіи Энциклопедіи. Но здѣсь для насъ важно то, что наличность указаннаго пониманія помогала французскимъ просвѣтителямъ разбираться въ вопросѣ объ отношеніи начавшей европеизоваться Россіи къ передовымъ странамъ Запада. Для примѣра укажу на Г. Т. Рэйналя, знаменитое нѣкогда сочиненіе котораго „Histoire philosophique et politique des 'Etablissements et du commerce des Européens dans les deux Indes“ жадно читалось передовой русской интеллигенціей.

По Рэйналю, ходъ развитія культуры обусловливается ходомъ развитія торговли. „Народы, цивилизовавшіе всѣ другіе,—утверждалъ онъ,—были торговыми народами“. Но торговлей занимается именно третье сословіе. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно не развито, нѣтъ ни техническихъ искусствъ, ни нравственности, ни просвѣщенія. Въ Россіи оно отсутствуетъ. Въ этомъ состоитъ ея самое главное отличіе отъ передовыхъ странъ Западной Европы. И пока третье сословіе не появится въ этой странѣ, Петровская реформа останется лишь очень мало плодотворной. „Русскій дворъ будетъ дѣлать безполезныя усилія просвѣтить свой народъ, отовсюду призывая знаменитыхъ людей,—говоритъ Рэйналь.—Эти экзотическія растенія будутъ чахнуть, какъ чахнутъ иноземные цвѣты въ нашихъ теплицахъ. Безъ пользы станутъ заводить въ Петербургѣ академіи и школы; безъ пользы будутъ посылать русскихъ молодыхъ людей учиться у лучшихъ мастеровъ Рима и Парижа. Возвратившись изъ своего путешествія и приспособляясь къ тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, въ которыхъ имъ придется искать себѣ средствъ къ жизни, эти молодые люди вынуждены будутъ оставить безъ употребленія (abandonner) свои таланты“ [1]).

Всегда и вездѣ слѣдуетъ начинать съ начала, а началомъ можетъ въ данномъ случаѣ послужить только развитіе въ Россіи производительныхъ силъ, для котораго необходимо постепенное

---

[1]) Назв. соч., Женевское изд. 1780 г., т. III, стр. 176.

уничтоженіе крѣпостного права. „Научитесь воздѣлывать землю,— продолжалъ Рэйналь,—обрабатывать кожи, фабриковать шерстяныя издѣлія, и у васъ быстро выдвинутся богатыя семьи. Въ этихъ семьяхъ народятся дѣти, которыя, наскучивъ тяжелымъ занятіемъ своихъ отцовъ, примутся размышлять, спорить, сочинять стихи (Рэйналь говоритъ: „сочетать слоги“, arranger des syllabes), подражать природѣ; и тогда вы будете имѣть поэтовъ, философовъ, ораторовъ, ваятелей и живописцевъ. Ихъ произведенія сдѣлаются необходимыми для людей, обладающихъ избыткомъ, и тѣ станутъ покупать ихъ“ [1]). Такимъ образомъ, возникновеніе въ Россіи третьяго сословія естественно поведетъ за собою развитіе въ ней искусствъ, наукъ и вообще просвѣщенія.

Какъ уже сказано, Рэйналь считалъ необходимымъ условіемъ развитія у насъ производительныхъ силъ постепенное уничтоженіе крѣпостного права. Скажу больше. У него рѣчь идетъ вообще объ устраненіи того гнета, который давилъ, по его словамъ, всѣхъ жителей нашей страны. Рэйналь нарисовалъ мрачную картину всеобщаго порабощенія въ Россіи и провозгласилъ, что невозможно осчастливить русскій народъ, не измѣнивъ предварительно форму нашего правительства (la forme du gouvernement) [2]).

При такомъ ходѣ его разсужденій оставалось неяснымъ только одно: кто же можетъ измѣнить существующій политическій порядокъ въ такой странѣ, гдѣ всѣ порабощены и гдѣ отсутствуетъ третье сословіе, безъ котораго немыслимо просвѣщеніе, а стало быть и появленіе людей, стремящихся къ политической свободѣ. На этотъ вопросъ невозможно было найти серьезный отвѣтъ въ тогдашнихъ условіяхъ русской общественной жизни. И не только въ тогдашнихъ. Въ слѣдующихъ томахъ мы увидимъ, какъ долго и мучительно бились надъ нимъ свободомыслящіе русскіе люди XIX столѣтія. Но просвѣтители безъ большого труда рѣшали его путемъ апелляціи къ „просвѣщеннымъ государямъ“ (princes éclairés). Въ Россіи, какъ и во всякой другой деспотической странѣ, можетъ, думали они, явиться государь, до такой степени просвѣщенный, что ему захочется употребить свою деспотическую власть для уничтоженія... деспотизма. Имъ казалось порою, что Екатерина II хочетъ взять на себя роль подобнаго государя. Извѣстно, какъ усиленно склонялъ ее къ этому благородный Дидро. Рэйналь, повидимому, тоже возлагалъ на нее

---

[1]) Тамъ же, стр. 177

[2]) Тамъ же, стр. 168.

большія упованія [1]). Кромѣ того, когда онъ говорилъ, что нельзя осчастливить русскій народъ, не измѣнивъ предварительно формы нашего правительства, онъ имѣлъ въ виду не столько нашъ политическій строй, сколько нашъ способъ управленія. Онъ настоятельно совѣтовалъ смягчить этотъ способъ, но вообще былъ доволенъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ Екатерины II. И эта его апелляція отъ деспотизма къ обладательницѣ деспотической власти переносила его съ той матеріалистической позиціи, которую занялъ онъ, распространяясь о роли третьяго сословія въ дѣлѣ развитія просвѣщенія, на привычную для писателей XVIII вѣка почву чисто идеалистической философіи исторіи.

III.

Въ критическихъ замѣчаніяхъ Маркса о философіи Фейербаха, набросанныхъ весною 1845 г., есть мѣсто, которое небезполезно будетъ припомнить по поводу только что изложенныхъ мною разсужденій Рэйналя.

Марксъ писалъ: „Матеріалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ и воспитанія, и что, слѣдовательно, измѣнившіеся люди являются продуктомъ измѣнившихся обстоятельствъ и другого воспитанія, — забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми, и что воспитатель самъ долженъ быть воспитанъ. Оно необходимо приводитъ поэтому къ раздѣленію общества на двѣ части, изъ которыхъ одна стоитъ надъ обществомъ“ [2]). Для примѣра Марксъ указывалъ на ученіе Роберта Оуэна, которое въ своей теоретической основѣ дѣйствительно было вполнѣ матеріалистическимъ. Но матеріализмъ знаменитаго англійскаго соціалиста-утописта былъ именно матеріализмомъ XVIII вѣка, мирно уживавшимся съ идеалистическимъ взглядомъ на исторію. Р. Оуэнъ, подобно огромному большинству соціалистовъ-утопистовъ, надѣялся, что правительства современныхъ ему цивилизованныхъ странъ, понявъ свою истинную выгоду, пожелаютъ заняться организаціей коммунистическаго общества и воспитаніемъ своихъ подданныхъ для жизни и дѣятельности въ немъ. Онъ упускалъ изъ виду, что „воспитатель самъ долженъ быть воспитанъ“, и что правители, къ которымъ онъ обращался, сами воспитывались при такихъ общественныхъ усло-

---

[1]) Существуетъ извѣстіе, что въ 3-мъ изданіи сочиненія Рэйналя многія страницы принадлежали Дидро.

[2]) См. мой переводъ извѣстной брошюры Энгельса: Людвигъ Фейербахъ.

віяхъ, какія рѣшительно не могли сдѣлать изъ нихъ друзей коммунизма

Эту ошибку гораздо раньше дѣлали его учителя: французскіе матеріалисты и вообще просвѣтители. Мы сейчасъ видѣли, что она была сдѣлана Рэйналемъ въ его интересныхъ соображеніяхъ о возможной судьбѣ западно-европейскаго просвѣщенія въ преобразованной Петромъ Россіи. Отъ французскихъ просвѣтителей она прямымъ путемъ перешла къ передовой русской интеллигенціи. Фонъ-Визинъ повторилъ ее, сказавъ, что Россія можетъ выбрать для себя любую „форму". Ея избѣжали у насъ только тѣ матеріалисты, которымъ, въ ихъ разсужденіяхъ о будущемъ нашей страны, удалось избѣжать всякого вліянія историческаго идеализма. Такими были нѣкоторые (не всѣ) „русскіе ученики" Маркса. Но еще значительно раньше ихъ такимъ выступилъ В. Г. Бѣлинскій въ извѣстномъ письмѣ своемъ, гдѣ онъ утверждалъ, что Россія будетъ въ состояніи сдѣлать серьезный шагъ на пути прогресса только тогда, когда въ ней разовьется буржуазія. Бѣлинскому не приходило въ голову требовать, чтобы правительство Николая I сознательно принялось служить такой экономической политикѣ, которая, содѣйствуя развитію русскаго капитализма, вывела бы, наконецъ, Россію изъ мертвой точки политическаго застоя. А Рэйналь требовалъ этого отъ правительства Екатерины II. Тутъ между ними большая разница. Но если отвлечься отъ этой разницы, то придется признать, что какъ во взглядѣ Рэйналя, такъ и во взглядѣ Бѣлинскаго и въ соотвѣствующемъ взглядѣ „русскихъ учениковъ Маркса" было много общаго. И у Рэйналя, и у Бѣлинскаго, и у „русскихъ учениковъ" Маркса будущая судьба нашего **прогресса** ставилась въ самую тѣсную причинную связь съ будущимъ ходомъ русскаго **экономическаго развитія**. А это значитъ вотъ что.

Фонъ-Визинъ, субъективисты и легальные народники, полагавшіе, что Россія можетъ, не въ примѣръ Западу, выбрать для себя „любую форму" дальнѣйшаго развитія, разсуждали въ духѣ того, въ большой степени свойственнаго міросозерцанію просвѣтителей, **идеалистическаго элемента**, подъ вліяніемъ котораго Дидро могъ,—въ цитированной выше запискѣ,—радоваться отсталости Россіи, а Рэйналь могъ пріурочивать всю будущность русскаго прогресса къ просвѣщенному деспотизму сѣверной Семирамиды. И наоборотъ. Бѣлинскій и „русскіе ученики" Маркса, утверждавшіе, что дѣло русскаго прогресса будетъ имѣть подъ собою твердую почву только тогда, когда въ Россіи разовьется капитализмъ, разсуждали въ духѣ того, тоже свойственнаго міросозерцанію просвѣтителей, **матеріалистиче-**

скаго элемента, подъ вліяніемъ котораго энциклопедисты говорили, что чувства и взгляды человѣка опредѣляются окружающей его средой, а тотъ же Рэйналь писалъ, что ничего не выйдетъ изъ попытокъ насадить западно-европейское просвѣщеніе въ такой странѣ, гдѣ отсутствуетъ третье сословіе, составляющее главную отличительную особенность новѣйшаго западно-европейскаго общества.

Многотомный трудъ Рэйналя произвелъ большое впечатлѣніе на передовыхъ русскихъ людей послѣдней четверти XVIII вѣка. Его внимательно читалъ авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". И, конечно, Рэйналю въ не малой мѣрѣ обязанъ былъ Радищевъ тѣмъ своимъ настроеніемъ, которое онъ выражалъ словами: „Я взглянулъ окрѣсть меня—душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои на внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка происходятъ отъ человѣка и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предметы". Но уже изъ этихъ словъ видно, что наиболѣе сильное впечатлѣніе Рэйналь произвелъ на Радищева не матеріалистическими замѣчаніями своими о возможной судьбѣ русскаго просвѣщенія, а общими, по правдѣ сказать, не всегда свободными отъ реторики, соображеніями о бѣдствіяхъ угнетеннаго человѣчества [1]). Вообще, матеріалистическая мысль о развитіи третьяго сословія, какъ о необходимомъ предварительномъ условіи прогрессивнаго движенія въ области идей и знаній, не привилась въ передовой русской литературѣ XVIII столѣтія.

Разумѣется, мысль эта не осталась неизвѣстной русскимъ читателямъ. Сама Екатерина обѣщала, какъ мы знаемъ, г-жѣ Жоффрэнъ завести въ Россіи третье сословіе. Въ своемъ наказѣ (§ 317) она, „грабя" французскихъ просвѣтителей, провозгласила: „Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ" [2]). Но законодательная дѣятельность нашей Семирамиды направлялась главнымъ образомъ на защиту интересовъ дворянства и ужъ ни въ какомъ случаѣ не была руководима заботой о томъ, чтобы обезпечить будущее торжество свободы въ Россіи.

Люди, мечтавшіе у насъ о свободѣ, были тогда, въ области общественно-историческихъ идей, идеалистами, между тѣмъ какъ на правой сторонѣ,—точнѣе въ центрѣ,—нашей тогдашней интеллигенціи мы встрѣчаемъ писателя, имѣвшаго извѣстную

---

[1]) Эти замѣчанія самъ Рэйналь называлъ hors-d'oeuvre-омъ.

[2]) Предыдущая глава показываетъ, что эту послѣднюю мысль не прочь были иногда повторить за нею депутаты отъ купечества въ законодательной коммиссіи.

склонность къ историческому матеріализму. Это былъ Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735—92.). Онъ заимствовалъ у французскихъ писателей матеріалистическое ученіе о рѣшающемъ вліяніи „климата“ на общественно-политическія отношенія.

IV.

М. О. Кояловичъ сказалъ, что И. Н. Болтина можно, не безъ нѣкотораго основанія, назвать предтечею славянофиловъ[1]). Для этого, дѣйствительно, есть нѣкоторое основаніе. Въ сочиненіяхъ автора „Примѣчаній на Леклерка“ встрѣчаются мысли, занявшія почетное мѣсто въ славянофильской теоріи. Я теперь же отмѣчу ихъ.

„О Россіи судить, примѣняяся къ другимъ государствамъ Европейскимъ, есть тожъ что сшить на рослаго человѣка платье по мѣркѣ снятой съ карлы,—писалъ Болтинъ.—Государства Европейскія, во многихъ чертахъ, довольно сходны между собою; знавши о половинѣ Европы, можно судить о другой примѣняяся къ первой, и ошибки во всеобщихъ чертахъ будетъ не много; но о Россіи судить такимъ образомъ не можно, понеже она ни въ чемъ на нихъ не похожа, а особливо въ разсужденіи физическихъ мѣстоположеній ея предѣловъ“[2]).

Читатель самъ видитъ, что здѣсь передъ нами одно изъ главныхъ положеній славянофильства. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ оно такъ часто повторялось у насъ, что его усвоили даже западники,—напримѣръ, Бѣлинскій. И любопытно, что изъ этого общаго теоретическаго положенія Болтинъ дѣлалъ извѣстные практическіе выводы, тоже нерѣдко выдвигавшіеся славянофилами.

Признавая, что Россія ни въ чемъ не похожа на западныя страны, Болтинъ не долженъ былъ сочувственно смотрѣть на Петровскую реформу. Правда, онъ не осуждалъ ея: онъ былъ слишкомъ остороженъ и, къ тому же, слишкомъ усердно читалъ „Словарь Бейля“, чтобы рѣшиться на это. Но въ его сужденіяхъ о ней слышится неодобрительная нота. Вотъ примѣръ.

Леклеркъ сказалъ въ своей исторіи, что Московское правительство запрещало ученымъ другихъ странъ пріѣзжать въ Россію, а русскимъ ѣздить заграницу для своего просвѣщенія. На это Болтинъ возражалъ, что ученымъ другихъ странъ никогда не былъ запрещенъ пріѣздъ въ нашу страну, а что касается

---

[1]) Исторія русскаго самосознанія, третье изданіе, стр. 129.

[2]) „Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ“, Спб. 1788, т. II, стр. 152—153.

отъѣзда русскихъ заграницу, то для его запрещенія было вполнѣ достаточное основаніе: чтобы извлечь пользу изъ заграничныхъ поѣздокъ, требовался „зрѣлой разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и правахъ. Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, недозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями“.

Болтинъ утверждаетъ, что послѣдующій опытъ вполнѣ подтвердилъ правильность опасеній стараго Московскаго правительства.

„Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ и проч.; и такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и ставъ непохожими на себя, не здѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали“ [1]).

Порчу русскихъ нравовъ подъ вліяніемъ западнаго просвѣщенія Болтинъ объяснилъ тою торопливостью, съ которой велось дѣло преобразованія: „Захотѣли здѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не здѣлавъ прежде надежнаго ему основанія“ [2]).

Болтинъ оставилъ неразъясненнымъ, въ чемъ должно было состоять надежное основаніе нашего просвѣщенія. Онъ ограничился тѣмъ замѣчаніемъ, что „надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ“, и что Екатерина II принимаетъ „ко исправленію поврежденнаго благонадежнѣйшія средства“ [3]). Эта одобрительная ссылка на просвѣтительныя мѣры Екатерины II, которая покровительствовала Болтину и которую онъ не переставалъ осыпать похвалами,—показываетъ, какъ мало настоящаго славянофильства было во взглядахъ этого своеобразнаго Стародума, воспитавшагося на энциклопедистахъ [4]).

Замѣчаніе о томъ, что реформы, подобныя Петровской, могутъ быть совершены лишь въ теченіе „вѣковъ“, даетъ намъ ясное понятіе объ его консервативномъ темпераментѣ, роднящемъ его съ нашими славянофилами XIX столѣтія. Роднило его съ ними и то, что онъ не одобрялъ перенесенія Петромъ столицы изъ Москвы въ Петроградъ. Болтинъ писалъ, что назначеніе

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 252—53.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.

Петрограда столицей русскаго государства непріятно было дворянству, равно какъ и всему русскому народу. И, по его мнѣнію, къ этому имѣлась основательная причина: „Отдаленіе отъ средоточія Государства, почва неплодная, климатъ суровой, мѣстоположеніе низкое и болотное, дороговизна хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, кои должно привозить за нѣсколько тысячъ верстъ, отдаленіе превеликое отъ домовъ всѣхъ служащихъ вообще и проч. [1])“.

Всякій согласится, что въ этихъ соображеніяхъ очень много справедливаго. Неудобства перенесенія столицы въ Петроградъ хорошо знали и наши западники XIX вѣка, часто писавшіе на тему: „Петербургъ и Москва“. Но въ глазахъ западниковъ неудобства эти съ избыткомъ искупались тѣмъ, что духовная атмосфера новой столицы,—этого „окна въ Европу“,—была болѣе благопріятна для дальнѣйшей европеизаціи Россіи, нежели атмосфера консервативной Москвы. Въ ихъ головахъ не возникалъ вопросъ о возвращеніи правительства въ столицу Великороссіи. Напротивъ, славянофилы кричали: пора домой! (вспомнимъ И. С. Аксакова). И въ этомъ отношеніи И. Н. Болтинъ тоже былъ ихъ предтечею.

Онъ признается, что при соображеніи всѣхъ перечисленныхъ имъ обстоятельствъ „прійдетъ мысль въ голову, безъ намѣренія прорицать будущее, что поздно или рано должно будетъ Петербургъ оставить и перенести столицу на прежнее мѣсто, или на другое, обоихъ выгоднѣйшее. Пропасть сія, всѣ сокровища государственныя пожирающая и никогда наполниться не могущая, заставитъ когда-нибудь помыслить о прекращеніи сихъ иждивеній и трудовъ отъ напрасной гибели. Что бъ была Москва, еслибъ всѣ оныя употреблены были на нея!“ [2]).

Мысль о перенесеніи столицы изъ Петрограда въ Москву пріурочивалась славянофилами къ настоящему времени. Болтинъ пріурочивалъ ее къ болѣе или менѣе отдаленному будущему. Но главное различіе не въ этомъ. Оно въ томъ, что онъ охотно мирился съ перспективой перенесенія столицы изъ Петрограда не въ Москву, а въ другое мѣсто, „обоихъ выгоднѣйшее“. Хотя онъ и защищалъ временами нашъ старый московскій бытъ, однако, у Болтина не было того исключительнаго, принципіальнаго пристрастія къ нему, которымъ такъ отличились въ XIX в. послѣдовательные славянофилы, и въ силу котораго Москва служила для нихъ какъ бы символомъ русскихъ „началъ“, противо-

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 549.

[2]) Тамъ же.

положныхъ западно-европейскимъ. Вотъ это-то отсутствіе у Болтина принципіальнаго пристрастія къ этимъ „началамъ“ и не позволяетъ называть его, безъ очень большихъ оговорокъ, предтечею нашего славянофильства.

В. О. Ключевскій чувствовалъ необходимость такихъ оговорокъ, называя Болтина „своего рода боковымъ предкомъ славянофильства“. И онъ же мимоходомъ указалъ, почему родство Болтина со славянофилами можетъ считаться только боковымъ; по его чрезвычайно удачному замѣчанію, авторъ „Примѣчаній на Леклерка“ выступалъ, въ размышленіяхъ объ историческихъ судьбахъ Россіи, со своимъ любимымъ словаремъ Бейля въ рукахъ[1]). Къ этому надо прибавить одно: Болтинъ выступалъ также съ „Essai sur les moeurs“ Вольтера. Понятно, что славянофилы этой его склонности къ Бейлю, Вольтеру и всей вообще французской просвѣтительной литературѣ ни за что не одобрили бы[2]). Привычки ихъ мысли были совсѣмъ другія. Имъ непріятна была та разсудочность, которая свойственна была всѣмъ образованнымъ людямъ XVIII вѣка и въ частности Болтину. Вдобавокъ, онъ все-таки хотѣлъ поставить свое объясненіе историческаго процесса на матеріалистическую основу, между тѣмъ какъ славянофилы были идеалистами до конца ногтей. Наконецъ,—last not least,—у него нѣтъ и слѣда того противопоставленія славянъ другимъ народамъ Европы, которымъ такъ дорожили славянофилы. Онъ даже говорилъ, что, хотя, конечно, славяне были въ числѣ нашихъ предковъ, но они совершенно слились съ русскими,—такъ называлъ онъ соплеменниковъ Рюрика,—и потому въ нашихъ жилахъ едва ли осталась хоть капля чисто славянской крови. Такимъ образомъ, если Россія ни въ чемъ не походила, по его мнѣнію, на Западъ, то онъ объяснялъ это вовсе не племенными нашими особенностями. Да оно и понятно: для него главное дѣло было въ климатѣ, а не въ расѣ.

Въ своихъ „Примѣчаніяхъ на Леклерка“ Болтинъ говоритъ, что „нѣкоторые, любящіе попускаться въ крайности, климату болѣе надлежащаго могущества присвоили, и всѣ перемѣны въ людяхъ и государствахъ изъ него выводили; другіе, напротивъ, все отъ него отняли и оставили его безъ силы и дѣйствія“[3]). Къ числу первыхъ онъ относилъ Монтескье („Монтескю“), къ числу вторыхъ, не совсѣмъ основательно, „Гелвеція“. Самого

---

[1]) Очерки и рѣчи, Москва, 1913, стр. 175.—Курсивъ мой.

[2]) Онъ усердно читалъ и даже переводилъ Энциклопедію.

[3]) Томъ I, стр. 5.

себя онъ причислялъ къ тѣмъ, которые держатся средней дороги, т. е. „хотя и полагаютъ климатъ первенственною причиною въ устроеніи и образованіи человѣковъ, однакожъ и другихъ содѣйствующихъ ему причинъ не отрицаютъ". Однако, изъ дальнѣйшихъ его объясненій выходитъ, что онъ былъ какъ будто ближе къ крайнимъ сторонникамъ теоріи климата, нежели къ „Гелвецію". Онъ утверждалъ, что климатъ имѣетъ главное вліяніе на „наши тѣла и нравы; прочія-жъ причины, яко воспитаніе, форма правленія, примѣры и проч., суть второстепенныя или побочныя: онѣ токмо содѣйствуютъ или, приличнѣе, препятствуютъ дѣйствіямъ онаго" [1]).

Чтобы убѣдить своихъ читателей въ важномъ значеніи климата, нашъ авторъ приводитъ примѣры,—иногда очень мало достовѣрные. Растенія, перенесенныя изъ одного климата въ другой, видоизмѣняются. Овцы съ курдюками, попадающія изъ киргизскихъ степей въ Россію, тоже пріобрѣтаютъ другую „природу". Арапы (т. е., должно быть, негры. *Г. П.*), переселившись въ Европу, становятся бѣлыми, а европейцы, переселившіеся въ Африку, „перерождаются, по нѣсколькихъ колѣнахъ, въ черныхъ (!), и весь складъ лица получаютъ такой же, каковъ у тамошнихъ жителей". Изъ всего этого дѣлается тотъ выводъ, что перемѣна климата вызываетъ въ растительныхъ и животныхъ организмахъ очень важныя перемѣны. А такъ какъ тѣло и душа „очень тѣсно сопряжены, то все, что устроятъ, образуетъ и измѣняетъ тѣло, тѣжъ дѣйствія производитъ и надъ душею" [2]).

Слова: „тѣжъ дѣйствія", очевидно, имѣютъ здѣсь не тотъ смыслъ, что, если у европейца, переселившагося въ Африку, чернѣетъ кожа, и душа изъ бѣлой превращается въ черную. Но какъ же слѣдуетъ понимать ихъ? Болтинъ, повидимому, самъ чувствуетъ, что сказанное имъ до крайности не ясно. Онъ старается пояснить и подкрѣпить свою мысль новыми примѣрами, заимствуя ихъ на этотъ разъ отчасти у древнихъ писателей. Вслѣдъ за Витрувіемъ, онъ повторяетъ, что въ южныхъ странахъ „люди боязливы, ради малаго количества крови, но по причинѣ чистаго воздуха мыслятъ живѣе и поспѣшнѣе; въ сѣверныхъ же странахъ жители суть медлительнаго разсужденія; но къ войнѣ способны, крѣпки, храбры и безстрашны" [3]). Допустимъ, что это такъ, хотя и легко было бы обнаружить слабыя стороны

---

[1]) Томъ I, стр. 6; ср. стр. 11

[2]) Тамъ же, стр. 6 и 7.

[3]) Тамъ же, стр. 7 и 8.

подобныхъ выводовъ и соображеній. Главная задача теоріи заключается здѣсь въ томъ, чтобы выяснить, какимъ же образомъ обусловленное „чистымъ воздухомъ“ болѣе живое и поспѣшное мышленіе южныхъ народовъ отражается на ходѣ ихъ общественнаго развитія, и въ чемъ обнаруживается причинная связь медлительнаго разсужденія и храбрости сѣверныхъ народовъ съ общественнымъ строемъ и исторіей сѣверныхъ государствъ. Но этой задачи сторонники ученія о преобладающемъ значеніи климата никогда не могли рѣшить. Очень понятно— почему: невозможно дать научное объясненіе такой связи явленій, которая не существуетъ въ дѣйствительности. Вѣроятно, Болтинъ потому и высказался въ пользу средней дороги, что убѣдился въ неразрѣшимости указанной задачи. Но его „средняя дорога“ не вела никуда.

Во-первыхъ, самъ „Монтескю“ никогда не пытался объяснить дѣйствіемъ климата всѣ перемѣны въ людяхъ и государствахъ. Онъ вовсе не былъ такимъ крайнимъ, какимъ его считалъ Болтинъ; на самомъ дѣлѣ онъ апеллировалъ къ „второстепеннымъ или побочнымъ“ причинамъ гораздо чаще, нежели къ климату.

Во-вторыхъ, Болтинъ все-таки призналъ, что климатъ имѣетъ главное вліяніе на наши тѣла и нравы. Поэтому въ своихъ разсужденіяхъ объ историческихъ судьбахъ народовъ онъ обязанъ былъ прежде всего считаться съ климатомъ. Такъ, если Россія ни въ чемъ не похожа была, по его мнѣнію, на западныя страны, то слѣдовало объяснить эту ея самобытность своеобразнымъ измѣненіемъ русскихъ тѣлъ и нравовъ подъ вліяніемъ нашего климата. Но, повторяю, это невозможно было сдѣлать. Да Болтинъ даже и не попытался направить въ эту сторону работу своей теоретической мысли. Онъ удовольствовался „второстепенными или побочными причинами“, при чемъ и тутъ обнаружилъ большой эклектизмъ и значительную неясность мысли.

Если климатъ имѣетъ главное вліяніе на наши тѣла и нравы, то очевидно, что такія важныя стороны народной жизни, какъ „воспитаніе“ и „форма правленія“, опредѣляются его дѣйствіемъ: тѣла и нравы, видоизмѣненные этимъ дѣйствіемъ въ извѣстномъ направленіи, должны обусловливать своими свойствами одну форму правленія и одни пріемы воспитанія, а тѣ тѣла и нравы, которые климатъ измѣнилъ въ иномъ направленіи, непремѣнно вызовутъ къ жизни иную форму государственнаго устройства и иное воспитаніе. Кто не признаетъ причинной связи правленія и воспитанія съ климатомъ, тотъ не долженъ признавать вліяніе климата главнымъ,

т. е. преобладающимъ. А если онъ все-таки считаетъ его таковымъ, то попадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Болтинъ и попалъ въ такое противорѣчіе. И, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, это его коренное противорѣчіе выразилось въ множествѣ „второстепенныхъ или побочныхъ".

Всего лучше видно это изъ разсужденій нашего обзора о „вольности" въ ея отношеніи къ Россіи.

V.

Какъ ни велико было легкомысліе Леклерка, онъ правильно отмѣтилъ нѣкоторыя, наиболѣе печальныя, явленія тогдашней русской жизни. Порабощеніе трудящейся массы и деспотизмъ правительства подверглись рѣшительному его осужденію, выраженному, правда, не всегда умно и всегда очень крикливо. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи онъ высказалъ ту, несомнѣнную тогда для передовыхъ французскихъ деистовъ, мысль, что свобода есть самый драгоцѣнный изо всѣхъ даровъ, полученныхъ людьми отъ Бога. Болтинъ не рѣшился оспаривать эту мысль, хотя онъ и могъ бы, по его словамъ, сдѣлать тутъ кое-какія ограничительныя замѣчанія. Но онъ нашелъ нужнымъ поставить вопросъ:

„Во всякомъ ли состояніи, во всякое ли время и всякому ли народу одинакая приличествуетъ свобода, или, по различенію оныхъ, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, изъятіемъ, съ нѣкоторыми условіями, предписаніями, правилами?"

На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ, что намъ не „приличествуетъ" та свобода, какую безъ вреда для себя могутъ вынести народы запада: „земледѣльцы наши Прусской вольности не снесутъ, Германская не здѣлаетъ состоянія ихъ лучшимъ, съ Французскою помрутъ они съ голода, а Англійская низвергнетъ ихъ въ бездну погибели" [1]).

У насъ, вмѣсто вольности, существовало тогда крѣпостное право. Не желая, чтобы его сочли „апологистомъ" рабства, Болтинъ признавалъ, что слѣдуетъ ограничить власть помѣщика надъ крестьяниномъ, но сейчасъ же оговаривался, что это можетъ быть лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и во всякомъ случаѣ лишь послѣ того, какъ наши крѣпостные „созрѣютъ" для свободы [2]). Такимъ образомъ выходило, что впредь до лучшихъ временъ именно крѣпостное право

---

[1]) Тамъ же, томъ II, стр. 235—36.

[2]) Тамъ же, стр. 236.

и являлось тѣмъ видомъ „вольности“, который наиболѣе „приличествовалъ“ русскому земледѣльцу. Отчего же это было такъ?

Не ясно ли, что и это парадоксальное явленіе должно было объясняться дѣйствіемъ климата? Однако, мы тщетно стали бы искать подобнаго объясненія его у нашего автора. Напротивъ, мы находимъ у него такія теоремы, изъ которыхъ слѣдуетъ, что русскому народу приличествуетъ не рабское состояніе, а какъ разъ вольность. Онъ самъ говорилъ, — и это, дѣйствительно, было согласно съ его теоріей климата,—что „всѣ вообще древніе сѣверные народы вольность за первѣйшее благо, и рабство за гнуснѣйшее и посрамительнѣйшее для человѣчества состояніе признавали“ [1]). Нашъ народъ онъ относилъ къ числу—сѣверныхъ. Стало быть, населеніе древней Руси тоже должно было испытать на себѣ облагораживающее вліяніе климата. И самъ Болтинъ отмѣчаетъ, что во времена первыхъ князей у насъ рабами „не иные были, какъ только плѣнные; прочіижъ чиносостоянія государственныя были вольные“ [2]). Чѣмъ же вызванъ былъ нашъ переходъ отъ вольности къ неволѣ? По теоріи Болтина, дѣйствіе климата иногда „учиняется безсильнымъ“, вслѣдствіе вліянія причинъ побочныхъ. Именно этимъ вліяніемъ объяснялъ онъ то, что „нынѣшніе наши нравы со нравами нашихъ праотцовъ никакова сходства не имѣютъ“ [3]). Къ побочнымъ причинамъ и слѣдовало, значитъ, обратиться для объясненія того историческаго парадокса, что русскіе земледѣльцы, такъ сильно дорожившіе вольностью во времена Рюрика, Олега и Игоря, въ XVIII в. оказались неспособными „сносить“ ея блага.

Побочныя причины, парализующія дѣйствія климата, „суть многія и различныя,—говоритъ Болтинъ, — яко обхожденіе съ другими народами—кои прежде были не знакомы, чужестранныя ѣства и пряныя коренья имѣющія вліяніе въ кровь, образъ жизни, обычаи, перемѣнная (т.-е. повидимому, измѣненная. *Г. П.*) одежда, воспитаніе, промыслы и проч.“ [4]).

Какіе же промыслы, какія сношенія съ другими народами, какія перемѣны въ воспитаніи и одеждѣ, какія „пряныя коренья“ отняли у русскаго земледѣльца его любовь къ вольности и предрасположили его къ рабскому состоянію? На эти неизбѣжные вопросы Болтинъ не отвѣчаетъ. Онъ ограничивается простымъ констатированіемъ фактовъ: тогда-то наши крестьяне были свобод-

---

1) Тамъ же, т. I, стр. 242.

2) Тамъ же, стр. 241—242.

3) Тамъ же, стр. 9.

4) Тамъ же, та же страница.—Замѣчу, что, comme de raison, я оставляю неизмѣненнымъ правописаніе Болтина.

ны; тогда-то ихъ свобода была ограничена, и, наконецъ, тогда-то они были совершенно сравнены съ рабами (холопами). Факты указываются имъ правильно: онъ былъ въ свое время едва ли не самымъ лучшимъ знатокомъ исторіи русскаго крѣпостного права [1]). Но причинная связь историческихъ явленій остается у него здѣсь совершенно не разсмотрѣнной. Это отчасти объясняется тѣмъ, что онъ, вопреки своей собственной оговоркѣ, былъ несомнѣннымъ „апологистомъ" крѣпостного права и опасался, что разсмотрѣніе причинъ, его породившихъ, можетъ навести на размышленія, не совсѣмъ пріятныя дворянству. Но въ гораздо большей степени сказывается здѣсь безсиліе теоріи: Болтинъ не въ состояніи былъ бы найти согласное съ его теоріей климата объясненіе процесса возникновенія на Руси крестьянской неволи.

На основѣ народнаго закрѣпощенія выросъ въ Россіи тотъ государственный строй, который иностранцы почти единогласно называли деспотическимъ. Болтину не нравилось это названіе. Онъ старался доказать, что оно не примѣнимо къ нашему политическому порядку. Мы скоро увидимъ, насколько удалось ему это. А пока замѣтимъ, что, не будучи въ состояніи уяснить себѣ причины, уничтожившія у насъ „вольность" крестьянской массы, Болтинъ не могъ понять и этихъ историческихъ причинъ, которыя вызвали появленіе у насъ неограниченной монархіи

Какъ мы уже знаемъ, онъ признавалъ, что на Руси, по крайней мѣрѣ при первыхъ варяжскихъ князьяхъ, всѣ „чиностоянія государственныя были вольные". Это онъ высказывалъ не одинъ разъ. Такъ, споря съ Леклеркомъ объ извѣстномъ замыслѣ верховниковъ, онъ говоритъ: „прежде Рурика, при Рурикѣ и послѣ Рурика, до нашествія Татарскаго, народъ русской былъ вольной. Власть великихъ и удѣльныхъ князей была умѣрена или срастворена властью Вельможъ и народа" [2]). Правда, онъ и тутъ не избѣжалъ противорѣчія съ самимъ собою. Въ другомъ мѣстѣ мы узнаемъ отъ него, что „всѣ государства начались правленіемъ монархическимъ или самодержавнымъ, которое есть естественнѣйшее и удобнѣйшее изъ всѣхъ другихъ правленій". Вполнѣ согласно съ этимъ вторымъ своимъ взглядомъ изображалъ онъ тамъ и русскую исторію. „Многіе вѣки,—писалъ онъ.—

[1]) Во второмъ томѣ „Примѣчаній на Леклерка" (стр. 211) у него встрѣчаются нѣкоторыя указанія, которыя, можетъ быть, навели Ключевскаго на его теорію развитія крѣпостной зависимости крестьянъ. Болтинъ былъ также хорошимъ знатокомъ экономическаго быта Россіи.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 472;—ср. стр. 422.

потребны были для того, чтобы достигнуть новгородцамъ до правленія народнаго и не иначе, какъ по сильныхъ и жестокихъ потрясеніяхъ" [1]). И странно, что онъ не только не замѣтилъ этого противорѣчія, но воображалъ, будто мысль о самодержавной монархіи, какъ о самой естественной исходной точкѣ государственнаго развитія, была высказана и доказана имъ еще въ примѣчаніяхъ на Леклерка [2]). Какъ бы тамъ, однако, ни было, ясно, что мысль о первоначальной вольности русскаго народа болѣе соотвѣтствуетъ какъ исторической истинѣ, такъ и ученію Болтина о климатѣ: вѣдь согласно этому ученію, всѣ сѣверные народы любили вольность. И вотъ спрашивается: почему русскій народъ отказался отъ вольности и установилъ у себя неограниченную монархію?

Такъ какъ онъ оставался, по словамъ Болтина, вольнымъ вплоть до нашествія татарскаго, то надо предполагать, что это нашествіе и послужило тою побочною причиною, которая превозмогла естественное вліяніе на русскій народъ сѣвернаго климата. Но что же измѣнилось у насъ при татарахъ?

Какъ говоритъ Болтинъ, „всѣ лѣтописи являютъ и многія грамоты Татарскія свидѣтельствуютъ", что монгольскіе завоеватели Руси ограничивались сборомъ дани черезъ своихъ баскаковъ, предоставивъ ея населенію управляться по своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ. Если это было такъ, то непосредственнымъ вліяніемъ татарскаго ига никакъ нельзя объяснить возникновеніе у насъ неограниченной монархіи. Остается апеллировать къ посредственному вліянію татаръ, т. е. обратить вниманіе на тѣ новыя на Руси общественно-политическія нужды и на тѣ, новыя тамъ, сочетанія общественно-политическихъ силъ, которыя, возникнувъ подъ вліяніемъ татарскаго ига, должны были вызвать постепенное усиленіе власти русскихъ князей. Но по этой части мы вовсе не находимъ у Болтина сколько-нибудь плодотворныхъ указаній. У него выходитъ, что татарское иго, наоборотъ, причинило ослабленіе у насъ „власти начальства" [3])

---

[1]) Критическія примѣчанія генералъ-маіора Болтина на первый томъ исторіи князя Щербатова. Томъ I, Спб. 1793, стр. 3.

[2]) Онъ ссылался на стр. 477 второго тома этихъ примѣчаній, но тамъ рѣчь идетъ вовсе не объ отправной точкѣ политическаго развитія: тамъ разсматриваются, съ совершенно отвлеченной точки зрѣнія, преимущества монархическаго правленія. А немного выше (на стр. 472) находится приведенное мною мѣсто о вольности русскаго народа при первыхъ князьяхъ. Ср. „Примѣчанія на Леклерка", т. I, стр. 58.

[3]) „Примѣчанія на Леклерка", томъ I, стр 316.

Невозможно представить себѣ, какимъ образомъ историческое явленіе, ослабившее власть начальства въ средѣ вольнаго русскаго народа, могло привести къ возникновенію и упроченію неограниченной власти государей. Въ своей философіи исторіи русскаго государства Болтинъ въ сущности не пошелъ дальше Татищева, историческія изслѣдованія котораго имѣли на него сильное вліяніе [1]). Ему такъ плохо удалось поставить нашъ политическій порядокъ въ связь съ нашимъ климатомъ или хотя бы только съ наиболѣе значительными изъ „побочныхъ“ общественныхъ причинъ, что, когда ему пришлось защищать этотъ порядокъ отъ нападеній на него Леклерка, онъ покинулъ точку зрѣнія закономѣрности историческихъ явленій и отступилъ въ область отвлеченныхъ разсужденій о томъ, какое именно политическое устройство должно быть предпочтено всѣмъ остальнымъ. Основываясь на томъ, что „умъ единаго удобнѣе можетъ предпринимать и совершать важное и великое, нежели умы многихъ“; что „безъ единоначальства всякое политическое тѣло не имѣетъ надлежащія соразмѣрности“, что „болѣзни монархическія суть мимоходящія, легкія, а болѣзни Республики тяжкія и неисцѣльныя“, онъ умозаключилъ, что „монархическое правленіе, содержа средину между Деспотичества и Республики, есть надежнѣйшее убѣжище свободѣ“ [2]).

VI.

Какъ бы мы ни относились къ этому выводу, совершенно очевидно, что Болтинъ получилъ его, держась чисто раціоналистическаго метода. Вотъ почему я не могу согласиться съ П. Н. Милюковымъ, который отверженіе этого метода считаетъ главной заслугой Болтина въ области философіи русской исторіи.

П. Н. Милюковъ назвалъ Болтина представителемъ перваго цѣльнаго органическаго взгляда на русскую исторію [3]). Но авторъ „Примѣчаній на Леклерка“ не заслужилъ такого лестнаго отзыва. У него не было и не могло быть такого взгляда ни на исторію вообще, ни на русскую исторію въ частности. Его заслуга ограничивается тѣмъ, что, неудовлетворенный историческимъ идеализмомъ, онъ попытался, — только попытался, —

---

[1]) Впрочемъ, и это несправедливо: разсужденія Татищева о преимуществахъ „самовластія“ никогда не были такъ отвлеченны, какъ соотвѣтствующіе доводы Болтина.

[2]) „Примѣчанія на Леклерка“, т. II, стр. 477.

[3]) Главныя теченія русской исторической мысли, томъ I, стр. 36.

выработать себѣ „органическій взглядъ" на исторію, для чего и обратился къ одной изъ тогдашнихъ разновидностей (зачаточнаго) историческаго матеріализма. Къ сожалѣнію, выборъ его палъ на ту изъ нихъ, которая была безплодна уже по самой своей природѣ. Именно по причинѣ этого неудачнаго выбора историческій взглядъ Болтина оказался чуждымъ даже той относительной—въ сущности, далеко и далеко еще не полной—стройности, которая достижима была, пожалуй, уже въ XVIII столѣтіи при вдумчивомъ отношеніи къ существовавшимъ тогда зачаткамъ правильнаго объясненія исторіи съ точки зрѣнія матеріализма. Какъ сильно отличается въ этомъ отношеніи неуклюжая, безпомощная попытка Болтина отъ замѣчательной попытки Гельвеція! [1]).

Другой, не менѣе почтенный, русскій изслѣдователь сдѣлалъ слѣдующее неожиданное замѣчаніе: „Боимся взвести напраслину на современныхъ Болтину русскихъ мыслителей, утверждая, что они предвосхитили гегеліанское пониманіе разумности существующаго; но что живущіе люди своимъ неразумѣніемъ могутъ испортить существованіе себѣ и своимъ ближайшимъ потомкамъ—это, по крайней мѣрѣ, у Болтина высказывается не разъ явственно и даже настойчиво" [2]).

Что живущіе люди могутъ своими неразумными дѣйствіями испортить жизнь какъ самимъ себѣ, такъ и своимъ потомкамъ, это такая истина, въ какой никто, никогда и нигдѣ не сомнѣвался. Поэтому ея признаніе отнюдь не составляетъ ни научной, ни публицистической заслуги.

Далѣе. Покойный профессоръ былъ правъ, опасаясь утверждать, что современные Болтину русскіе мыслители предвосхитили гегеліанское пониманіе разумности существующаго или точнѣе,—дѣйствительнаго. Ученіе о разумности дѣйствительнаго предполагаетъ монистическій взглядъ на исторію, совершенно отсутствовавшій у русскихъ людей XVIII вѣка. Мы только что видѣли это какъ разъ на примѣрѣ Болтина.

Но если монизмъ Гегеля какъ нельзя болѣе далекъ отъ историческаго воззрѣнія Болтина, то онъ все-таки облегчитъ намъ пониманіе нѣкоторыхъ особенностей этого воззрѣнія.

Сисмонди, въ своей „Исторіи итальянскихъ республикъ", писалъ, что правительство есть самая дѣйствительная причина характера даннаго народа. По его мнѣнію. это теоретическое по-

---

[1]) Объ этой попыткѣ см. въ моемъ сочиненіи: Beiträge zur Geschichte des Materialismus.—Holbach, Helvetius, Marx".

[2]) И. Н. Болтинъ, Сборникъ очерковъ и рѣчей В. О. Ключевскаго. Москва 1913, стр. 184.

ложеніе составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ изученіе исторіи. И это положеніе было почти общепризнано въ исторической и публицистической литературѣ XVIII вѣка.

Съ другой стороны, писатели этого вѣка рѣдко сомнѣвались въ томъ, что государственное устройство всякой данной страны,— а, слѣдовательно, и свойства ея правительства,—обусловливаются нравами, т. е. характеромъ ея населенія. Такимъ образомъ полагалось, что народный характеръ опредѣляется правительствомъ, а правительство—народнымъ характеромъ. Этотъ противорѣчивый выводъ сначала представляется безусловно нелѣпымъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи онъ оказывается правильнымъ, хотя лишь въ извѣстномъ, очень ограниченномъ смыслѣ. Совершенно неоспоримо, что между характеромъ всякаго даннаго народа и его правительствомъ существуетъ взаимодѣйствіе. И такъ какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, то оно имѣетъ полное право на признаніе со стороны науки. Это превосходно выяснено было именно Гегелемъ. Однако, монистъ Гегель прибавлялъ къ этому, что наука не можетъ довольствоваться понятіемъ взаимодѣйствія. Чтобы оно не заводило насъ въ безвыходныя противорѣчія, научный анализъ долженъ проникнуть глубже: онъ долженъ выяснить происхожденіе тѣхъ сторонъ общественной жизни, взаимодѣйствіе которыхъ признается имъ за неоспоримую истину. Такое выясненіе болѣе или менѣе удается только при монистическомъ взглядѣ на исторію. Эклектики принуждены довольствоваться понятіемъ взаимодѣйствія, что не мѣшаетъ имъ, конечно, приписывать большее или меньшее значеніе той или другой сторонѣ общественной жизни [1]).

Болтину не удалась его попытка выработать себѣ монистическій (матеріалистическій) взглядъ на исторію. Намъ уже извѣстно, что онъ самъ объявилъ себя сторонникомъ „среднія дороги». Но въ своемъ эклектизмѣ онъ шелъ значительно дальше, нежели хотѣлъ и сознавалъ. Усвоенная имъ, хотя бы и съ эклектическими оговорками,—теорія климата не дала ему теоретической возможности разрѣшить антиномію: формы правительства (и „законы“) опредѣляются нравами; нравы—законами (формой правительства). Поэтому онъ вообразилъ, что слѣдуетъ превратить эту антиномію въ орудіе научнаго анализа.

Довольствуясь эклектическимъ понятіемъ взаимодѣйствія, онъ, въ противность многимъ другимъ писателямъ XVIII в., приписывалъ нравамъ большее значеніе, нежели законамъ.

---

[1]) Болѣе подробно это разсмотрѣно въ моей книгѣ объ историческомъ монизмѣ.

„Удобнѣе законы сообразить нравамъ, нежели нравы законамъ,— писалъ онъ,—послѣдняго безъ насилія здѣлать не можно. Солонъ давши Аѳинянамъ законы сказалъ: я издалъ законы не лучшіе изъ возможныхъ, но лучшіе изъ приличествующихъ аѳинянамъ; разумѣя, что могъ бы онъ и лучшіе сдѣлать, но они были бы несообразны нравамъ аѳинянъ, и, слѣдовательно, были бы для нихъ неудобны, неприличны“ [1]). Къ этому сводится та идея, съ помощью которой Болтинъ, по мнѣнію П. Н. Милюкова, соединилъ въ одно цѣлое всѣ подготовленныя Татищевымъ данныя для исторіи русскаго законодательства. Можно сказать больше: къ этому сводится весь „органическій“ взглядъ Болтина на русскую исторію. И легко убѣдиться, что этотъ взглядъ „органически“ таилъ въ себѣ всѣ противорѣчія, неизбѣжныя тамъ, гдѣ изслѣдователь довольствуется точкой зрѣнія взаимодѣйствія.

Въ одномъ изъ своихъ возраженій Леклерку Болтинъ писалъ, что „характеръ племенъ зависитъ отъ состоянія общества, подъ коимъ они живутъ, и постановленій политическихъ, учрежденныхъ между ними“ [2]). Если мы поставимъ это положеніе рядомъ съ тѣмъ, что говорилъ нашъ авторъ выше о зависимости законовъ (т.-е. постановленій) отъ нравовъ (т.-е. отъ характеровъ племенъ), то и у него выйдетъ,—какъ выходило у большинства просвѣтителей XVIII вѣка,—что нравы опредѣляются законами, а законы—нравами. Тутъ такъ много эклектизма, что совсѣмъ не остается мѣста для „органическаго“ взгляда на историческій процессъ.

Отзывъ Болтина о трудѣ Леклерка очень суровъ: „все, что вы ни написали, остается празднымъ и безполезнымъ, понеже изъ него никакова упражненія уму здѣлать невозможно“ [3]). Суровый отзывъ этотъ недалекъ отъ истины. Русская исторія Леклерка была, въ общемъ, весьма неудачна. Болтинъ безконечно превосходилъ этого французскаго писателя знаніемъ русской исторіи и русской жизни. Въ его примѣчаніяхъ есть много весьма цѣнныхъ частностей. Но его философскія соображенія о ходѣ русскаго историческаго процесса совсѣмъ неудачны. Изъ нихъ тоже „никакова упражненія уму здѣлать невозможно“. Я уже сказалъ, что главная причина неудачи, постигшей Болтина,

---

[1]) „Примѣчанія на г. Леклерка“, т. I, стр. 316; ср. съ стр. 317.

[2]) „Примѣчанія на г. Леклерка“, т. II, стр. 423; ср. стр. 158—159. Въ первомъ томѣ (стр. 430—431) Болтинъ съ полнымъ одобреніемъ приводитъ слова Рэйналя, что народъ, лишенный свободнаго самоопредѣленія, становится такимъ, какимъ бываетъ его государь. И онъ признаетъ, что „Русскіе являлися различныхъ характеровъ при разныхъ царствованіяхъ государей своихъ“.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 432.

въ этомъ случаѣ состояла въ полной ошибочности его точки исхода.

Если Болтинъ настаивалъ на томъ, что „легче законы сообразить съ нравами, нежели нравы съ законами“, то это объясняется консервативнымъ характеромъ его образа мыслей. Петровская реформа не нравилась ему своей крайней стремительностью. Осуждая эту стремительность, онъ тѣмъ самымъ напоминалъ Екатеринѣ II, что и ей не слѣдуетъ торопиться съ серьезными реформами, особенно съ измѣненіемъ быта крестьянъ. Исходя изъ того теоретическаго положенія, что законы должны соображаться съ нравами, а не наоборотъ, легко было до безконечности отговариваться отъ освобожденія крестьянъ указаніемъ на ихъ умственную отсталость, т. е. на тѣ самые „нравы“, которые порождались крѣпостнымъ правомъ. „Апологисты“ крѣпостничества никогда и нигдѣ не хотѣли понять, что, ссылаясь на эти нравы, какъ на главный доводъ противъ освобожденія, они вращаются въ безвыходномъ логическомъ кругу

VII.

Что Болтинъ былъ „апологистомъ“ рабства, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Подобно Фонъ-Визину, онъ увѣрялъ, что, несмотря на крѣпостное право, положеніе „земледѣльца“ въ Россіи менѣе тягостно, нежели на западѣ. Русскій земледѣлецъ не имѣетъ понятія о тѣхъ налогахъ и податяхъ, какіе платятся тамошними земледѣльцами, и въ „полной безопасности“ пользуется плодами своихъ трудовъ. „Правда, что состояніе крестьянъ помѣщичьихъ не всѣхъ есть равное,—соглашается онъ,—нѣкоторые изъ нихъ по жестокосердію и нечувствительности господъ ихъ обременены оброками и работами тяжкими и едва сносными; но большая часть и изъ сихъ живутъ въ довольствѣ и покоѣ, слѣдовательно и не признаютъ состоянія своего несноснымъ“ [1]). Немного ниже онъ говоритъ, что „большая часть нашихъ крестьянъ больше имѣетъ прихотей, нежели должно, и по мѣрѣ способностей къ удовлетворенію сихъ кичатся нарядами выше состоянія своего“ [2]).

Пріемы, которые употребляетъ Болтинъ, сравнивая положеніе русскаго народа съ положеніемъ народной массы въ западноевропейскихъ государствахъ, заслуживаютъ вниманія въ виду того, что В. О. Ключевскій видѣлъ въ изслѣдованіяхъ нашего автора зародышъ сравнительнаго историческаго метода [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 174.

[2]) Тамъ же, стр. 223—224.

[3]) Очерки и рѣчи, стр. 186

Вотъ хорошій примѣръ. Болтинъ хочетъ доказать, что наши „работные люди“ лучше удовлетворяютъ свои матеріальныя потребности, нежели французскіе. Для этого онъ ссылается на Мерсье, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Tableau de Paris“ описавшаго бѣдность трудящагося населенія Парижа и, между прочимъ, и тѣ жалкія харчевни, въ которыхъ столовались парижскіе каменщики. Весьма оппозиціонно настроенный Мерсье, конечно, не пощадилъ при этомъ красокъ. У него получилось до послѣдней степени печальная картина. И вотъ рядомъ съ этой печальной картиной Болтинъ ставитъ очеркъ жизни русскихъ рабочихъ, написанный имъ самимъ въ совершенно другихъ тонахъ.

„Похожа ли пища нашихъ работныхъ людей на сію?—спрашиваетъ онъ.—Самый бѣднѣйшій человѣкъ, который роетъ землю, рубитъ дрова и тому подобныя черныя работы исправляетъ, получая въ день отъ 30 до 40 копѣекъ, ѣстъ два раза въ день добрыя щи съ мясомъ и кашу съ масломъ, а въ воскресные дни пироги съ начинкою, блины и тому подобныя кушанья, не меньше сытныя, сколь и вкусныя, не говоря о плотникахъ, каменщикахъ и тому подобныхъ ремесленныхъ людяхъ, кои гораздо лучшее сказаннаго даютъ себѣ содержаніе. И средняго состоянія люди въ Парижѣ хуже ѣдятъ, нежели наши всѣ вообще ремесленники и крестьяне въ привольныхъ мѣстахъ живущіе“ [1]).

Въ результатѣ такого сравненія получается отрадный выводъ. „У насъ все напротивъ“ [2]). Дѣйствительно, напротивъ [3]).

Слѣдующія строки всего лучше характеризуютъ отношеніе Болтина къ крѣпостному праву въ современной ему Россіи.

„Нельзя, чтобъ нѣкоторые не жаловались на состояніе рабства своего, бывъ, по несчастью, подвержены господамъ жестокимъ; но говоря вообще, а особливо относительно къ крестьянамъ государственнымъ не есть сіе софизма, самолюбіе и жестокости Вельможъ, но самая истинна, опытами доказанная, что крестьяне Русскіе не почитаютъ состоянія своего несчастнымъ, въ разсужденіи рабства; а особливо тѣ изъ нихъ, которые въ изобиліи

---

[1]) „Примѣчанія на Леклерка“ т. I, стр. 234—35.

[2]) Тамъ же, стр. 235.

[3]) Тѣ русскіе люди, которые хоть немного склонны были у насъ тогда смотрѣть на крѣпостное право непредубѣжденными глазами, отзывались совсѣмъ иначе о положеніи нашего крестьянина. „Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ русскихъ крестьянъ, — писалъ А. Я. Полѣновъ, — которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены все возможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя тягости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій... состояніе, въ которомъ мы нынѣ ихъ видимъ“. („Записка о крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи“, см. „Русскій Архивъ“, 1865 г., стр. 298).

въ удовольствѣ и покоѣ. Они о лучшемъ состояніи и воображенія себѣ здѣлать не могутъ; а что не понимаютъ, того и желать не могутъ: щастіе человѣческое зависитъ отъ воображенія“ [1]).

Русскій народъ даже и „воображенія себѣ сдѣлать не можетъ“ той самой вольности, которой онъ долженъ былъ бы дорожить подъ вліяніемъ сѣвернаго климата. Такъ велико было дѣйствіе „побочныхъ причинъ“ въ нашемъ историческомъ процессѣ! Ну, а если у русскаго крестьянина все-таки возникнетъ нѣкоторое представленіе о вольности? Это будетъ совсѣмъ не хорошо. Болтинъ съ огорченіемъ говоритъ:

„Съ тѣхъ поръ какъ слабые лучи мнимаго просвѣщенія, по отраженію отъ господъ худо воспитанныхъ, коснулися слегка и до служащихъ имъ, ...примѣчено уменьшеніе въ рабахъ преданности и усердія къ господамъ своимъ“. Однако, его сильно утѣшаетъ то обстоятельство, что „сіе просвѣщеніе не достигло еще до живущихъ по деревнямъ, и не распростерло вредныхъ своихъ содѣятельностей на всѣхъ ихъ“ [2]). Хорошее воспитаніе состояло, какъ видно, въ томъ, чтобы мириться съ неволей.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ я уже обращалъ вниманіе читателя на то, что въ нападкахъ нашихъ сатириковъ на тогдашнюю русскую французоманію слышалась подчасъ консервативная нота. У Болтина, очень рѣзко осуждающаго наше увлеченіе иностранными нравами, такая нота слышится еще болѣе явственно. Слѣдуетъ помнить, что Леклеркъ раздражалъ его не только легкомысленными сужденіями своими о Россіи. Ему не нравилось въ Леклеркѣ также его пристрастіе къ законодательнымъ новшествамъ. Въ своихъ возраженіяхъ ему онъ говорилъ:

„Поражая злоупотребленія и отъемля слабости пороковъ, беречься надобно, чтобъ не уменьшить силу добродѣтелей: и умѣренное исправленіе причиною было разрушенія многихъ царствъ. Исправляя обычаи и нравы, должно быть весьма осторожно“ [3]).

Тутъ онъ выражается даже гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ Стародумъ въ извѣстномъ разговорѣ своемъ съ Софьей [4]). Но тутъ онъ разсуждаетъ все-таки въ томъ же духѣ. А вотъ мнѣніе, котораго мы не слыхали даже отъ Стародума:

„Примѣчено многими, что съ тѣхъ поръ, какъ стали мы устраняться обычаевъ нашихъ предковъ и начали жить, сообразуяся иностраннымъ, здѣлалися мы слабѣе, чаще подвержены стали быть болѣзненнымъ припадкамъ, и меньшее число изъ таковыхъ

---

1) Тамъ же, томъ II, стр. 383; ср. стр. 451.

2) Тамъ же, т. I, стр. 244.

3) Тамъ же, т. II, стр. 355.

4) „Недоросль“, дѣйствіе IV, явленіе 2-ое.

до глубокой старости доживаютъ. Главными тому причинами, по моему скудоумію, полагаю уничтоженіе обычая ходить въ бани и введеніе французской поварни“ [1]).

Къ этой воркотнѣ усерднаго читателя Бейля и Вольтера съ самымъ живымъ сочувствіемъ отнеслись бы Стародумы временъ Кантемира. Вѣроятно, одобрили бы эти Стародумы и экономическіе взгляды ученаго генералъ-майора.

Болтинъ былъ противъ заведенія у насъ торговаго флота. Онъ желалъ, чтобы Россія навсегда лишилась „прибытковъ“, связанныхъ съ корабельнымъ дѣломъ, „обративъ тѣхъ людей, кои должна бы была она употребить на корабляхъ, въ другіе промыслы и упражненія сообразнѣйшія нашему состоянію, климату и мѣстоположенію“ [2]). Какіе же именно? „Все, что служитъ къ роскоши, да будетъ заимствовано отъ услугъ иностранныхъ,— отвѣчаетъ Болтинъ,—а своихъ оставимъ упражняться въ существенныхъ потребностяхъ для жизни: земледѣлецъ и воинъ да будутъ свои“. И какъ будто желая сдѣлать болѣе привлекательной экономическую политику этого рода, онъ указываетъ на Спарту, гдѣ „Лакедемонцы всѣ были воины, а Илоты всѣ земледѣльцы“ [3]).

Столь сочувственное воспоминаніе о соціальномъ строѣ, цѣликомъ опиравшемся на порабощеніи илотовъ, можетъ удивить нынѣшняго читателя. Но надо имѣть въ виду, что вѣдь и въ написанной гр. Л. Н. Толстымъ геніальной эпопеѣ нашихъ войнъ съ Наполеономъ фигурируютъ преимущественно наши „Лекедемонцы“ въ родѣ кн. А. Болконскаго или гр. Н. Ростова да „Илоты“ въ родѣ невозмутимаго Платона Каратаева.

Чрезвычайно любопытно, что въ своемъ крайнемъ консерватизмѣ Болтинъ весьма не долюбливалъ споровъ. „Споръ не служитъ ко исправленію порока, не исцѣляетъ отъ заблужденія, не подаетъ ни малаго успѣха въ познаніи правды, но паче ея затмѣваетъ,—писалъ онъ.—Духъ пререканія перерождается удобно въ ложную тонкость, и пристрастившіеся къ нему попадаютъ въ собственныя сѣти... Что произвели споры? Умножили разнствіе во мнѣніяхъ и искусство защищать ложь съ такою жъ удобностію, какъ и правду“ [4]).

Такъ какъ въ болѣе или менѣе образованномъ русскомъ обществѣ Екатерининской эпохи не мало было Стародумовъ à la Болтинъ, то становится вполнѣ понятнымъ, что еще во „Всякой

---

[1]) „Примѣчанія на Леклерка“, томъ II, стр. 369—370.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 27.

[3]) Тамъ же, т. II, стр. 336 и 337.

[4]) Тамъ же, т. II стр. 364—365.

Всячинѣ“ (1769 г.) подобный ему противникъ споровъ,—подъ псевдонимомъ Аристарха Аристарховича Примирителева,—совѣтовалъ писателямъ „хранить между собою ненарушимую дружбу и вѣчное согласіе“. Понятно и то, что немного было въ этомъ обществѣ людей, способныхъ осудить просвѣщенную матушку-государыню, когда она, запрещая журналы и книги, „примиряла“ съ русской дѣйствительностью слишкомъ рьяныхъ ея порицателей.

VIII.

„Апологистъ“ по отношенію къ крѣпостному праву, Болтинъ выступалъ „апологистомъ“ и въ вопросѣ о государственномъ устройствѣ Россіи. И здѣсь его апологетическія усилія увѣнчались такимъ же малымъ успѣхомъ, какъ и тамъ.

Совершенно отвлеченныя разсужденія его на тему о преимуществахъ неограниченной монархіи не могли быть убѣдительны для западныхъ писателей, такъ какъ тѣ почти всегда говорили, что Россія своимъ государственнымъ устройствомъ напоминаетъ не монархію западно-европейскихъ странъ, а великія деспотіи Востока.

Болтинъ очень хорошо сознавалъ это. И ему очень по душѣ пришлись тѣ страницы въ четвертомъ томѣ „Essai sur les moeurs“, гдѣ Вольтеръ старался доказать, что турецкое правительство далеко не такъ деспотично, какъ это воображаютъ европейцы. „Итакъ, — побѣдоносно умозаключилъ Болтинъ, приведя относящіеся сюда доводы Вольтера,—если правленіе турецкое и тѣхъ государствъ, коихъ Вольтеръ, не именуя ясно, разумѣть заставляетъ (намекъ на Францію. *Г. П.*) не суть деспотическія, то какъ можно правленіе Россійское назвать деспотическимъ“ [1]. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ виды государственнаго устройства похожи одинъ на другой, то совершенно ясно, что русскій государственный строй не отличается отъ строя западно-европейскихъ государствъ. Весь вопросъ въ томъ, насколько допустимъ въ наукѣ тотъ пріемъ анализа, который состоитъ въ отвлеченіи отъ всѣхъ отличительныхъ признаковъ анализуемыхъ явленій. У Вольтера глава, посвященная характеристикѣ турецкаго правительства (по общему счету главъ—XCIII), должна быть признана одной изъ самыхъ неудачныхъ. Остроумный и просвѣщенный авторъ „Essai sur les moeurs“ разсуждалъ въ ней крайне поверхностно, и его выводы, по своей научной цѣнности, далеко

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 466.

уступаютъ соотвѣтствующимъ выводамъ Бодэна [1]). При другихъ условіяхъ Болтинъ, вѣроятно, и самъ замѣтилъ бы неудовлетворительность Вольтеровской аргументаціи. Но здѣсь онъ преслѣдовалъ не научную, а чисто апологетическую цѣль, и потому не только не поправилъ Вольтера, но еще болѣе упростилъ его мысль,—и такъ уже слишкомъ упрощенную.

Опираясь на Вольтера, Болтинъ въ то же время не преминулъ привести доводъ и отъ русской дѣйствительности. „Какъ можно,— писалъ онъ,—правленіе Россійское назвать доспотическимъ, гдѣ дворянство не меньшею вольностію, выгодами и преимуществами пользуется, а купечество и земледѣльцы несравненно меньше несутъ тягости, нежели въ которомъ ни есть изъ государствъ Европейскихъ“ [2]).

Нашъ историкъ принадлежалъ къ числу тѣхъ идеологовъ русскаго дворянства, которые были вполнѣ удовлетворены „вольностями“, дарованными ихъ сословію Екатериной II, а также,— нельзя этотъ грѣхъ утаить,—и крѣпостнической политикой этой государыни по отношенію къ „земледѣльцамъ“. Вотъ почему, когда этотъ, во всякомъ случаѣ умный и весьма свѣдущій, человѣкъ принимался думать объ отношеніи Россіи къ Западу, онъ додумывался лишь до того, уже знакомаго намъ по письмамъ Фонъ-Визина, консервативнаго афоризма, что на Западѣ люди жили и живутъ ничѣмъ не лучше, нежели въ Россіи, или что „славны бубны за горами“. Очень мало утѣшительный въ практическомъ смыслѣ выводъ этотъ былъ, къ тому же, совершенно безсодержателенъ въ смыслѣ теоріи.

Леклеркъ писалъ, что наше Уложеніе давало мужу тираническую власть надъ женою. Болтинъ назвалъ это замѣчаніе безстыднымъ и наглымъ, такъ какъ отношенія мужа къ женѣ опредѣлялись у насъ не Уложеніемъ, а церковными законами. Но ошибка французскаго писателя не уменьшала подчиненія русскихъ женщинъ ихъ мужьямъ. Что же слышимъ мы отъ Болтина собственно объ этомъ подчиненіи? Мы слышимъ, что „въ старину во Франціи мужья не меньшую власть надъ женами имѣли: обычай давалъ имъ, по свидѣтельству Боманоарову, полную волю бить женъ своихъ надосугѣ [3]), только того остерегаться были должны, чтобъ не убить до смерти и не окалѣчить“ [4]).

---

[1]) При томъ же доводы, приводимые Вольтеромъ въ пользу турецкихъ порядковъ, скрывали подъ собою горькіе намеки на французскую дѣйствительность, что не ускользнуло отъ вниманія Болтина.

[2]) Тамъ же, та же страница.

[3]) Подчеркнуто у Болтина.

[4]) Тамъ же, т. I, стр. 469—470.

Коснувшись Боярской Думы, какъ верховной судебной инстанціи, Леклеркъ привелъ тотъ отзывъ Вольтера, что не знаніе, а чинъ и рожденіе дѣлали русскихъ людей членами этого судилища. У Болтина и на это нашлось возраженіе. Онъ спрашиваетъ, гдѣ же есть „такое судилище, въ которомъ засѣданіе имѣть пріобрѣтается однимъ токмо знаніемъ?“ И онъ утверждаетъ, что всегда и вездѣ „степени, рожденіе, богатство и случай предпочитаются знанію, талантамъ и способностямъ“. Это сообщеніе,—сводящееся къ формулѣ: „такъ вездѣ было, такъ вездѣ будетъ“,—дополняется у него той, не менѣе успокоительной, догадкой, что „можетъ быть и въ судилищѣ бояръ бывали изрѣдка такіе, коихъ все достоинство состояло въ одномъ только знаніи, но, безъ сомнѣнія, больше было такихъ, коихъ богатство и порода помѣщали на сѣдалищахъ, принадлежащихъ первымъ“. А чтобы русскій читатель не подумалъ, что у насъ дѣло обстояло на этотъ счетъ хуже, нежели въ Западной Европѣ, Болтинъ поспѣшилъ прибавить: „сказываютъ, что и въ Англіи подобное случается, что, при избраніи въ члены Парламента, болѣе иногда уважается богатство, нежели знаніе и способность“ [1]).

А вотъ еще одинъ замѣчательный примѣръ:

Сопоставляя Францію съ Россіей, Болтинъ пишетъ:

„Лудовикъ XIV не всегда того хотѣлъ, чего имѣлъ право требовать, а чаще и хотѣлъ и требовалъ гораздо того больше...“ Не всегда желанія его были основаны на пользѣ государственной и благосостояніи народномъ, но болѣе на собственномъ славолюбіи и своенравіи; со всѣмъ тѣмъ французы не называютъ его деспотомъ. „Колико кратъ права мечтательныя вольности ихъ были нарушаемы и уничтожаемы; коренные законы уничтожаемы и попираемы; всѣ члены Парламента лишаемы своихъ мѣстъ и во изгнаніе посылаемы; однако жъ не называютъ французы правленія своего деспотическимъ“.

Уже знакомый намъ апологетическій выводъ опять ясенъ: хотя, можетъ быть, и есть недостатки въ русскомъ правленіи, однако, деспотическимъ и его назвать невозможно. Болтинъ совѣтуетъ Леклерку и его „потатчикамъ“ ознакомиться съ нашими законами, уставами, правами и преимуществами разныхъ государственныхъ сословій. Тогда, увѣряетъ онъ, сами они „удостовѣрятся, что Правленіе Россійское весма есть инаково нежели какимъ они его, частію по пристрастію, а частію по невѣденію, представляютъ“ [2]). Но для большей убѣдительности Болтинъ опять ссылается на весьма оппозиціонно настроеннаго Мерсье,

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 607.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 523.

разумѣется, очень рѣзко отзывающагося о французскомъ государственномъ управленіи (произвольные аресты и т. п.). Съ чувствомъ, въ искренность котораго не легко повѣрить, онъ восклицаетъ: „Вотъ изображеніе вѣрное и безпристрастное нынѣшняго состоянія Франціи и тамошняго управленія. Боже сохрани насъ отъ подобнаго!“ [1]).

Если, какъ утверждалъ покойный В. О. Ключевскій, такого рода сопоставленія Россіи съ Западомъ являлись зародышемъ сравнительно-историческаго метода, то необходимо признать зачаткомъ сравнительно-психологическаго метода тотъ полемическій пріемъ, къ которому часто прибѣгаютъ въ своихъ ссорахъ люди, лишенные умственной культуры, и который состоитъ въ томъ, что одинъ изъ противниковъ, будучи обозванъ дуракомъ или воромъ, бойко отвѣчаетъ: „отъ дурака“—или „отъ вора слышу“. Человѣкъ, обладавшій образованіемъ Болтина, могъ бы сказать что-нибудь болѣе серьезное.

Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу уже въ то время становился у насъ вопросомъ о вѣроятномъ направленіи и о возможныхъ шансахъ прогрессивнаго развитія нашей страны. Это былъ самый важный, самый мучительный изо всѣхъ вопросовъ, когда-либо возникавшихъ передъ русской интеллигенціей. Но подъ перомъ Болтина онъ превращается въ вопросъ нашего національнаго самолюбія, обижаемаго тѣмъ видомъ превосходства, съ которымъ иностранцы, обогнавшіе насъ на пути цивилизаціи, отзывались,—какъ и донынѣ продолжаютъ отзываться,—о Россіи. Національное самолюбіе, конечно, не лишено правомѣрности. Невозможно и совсѣмъ нежелательно существованіе народовъ, способныхъ мириться съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нимъ со стороны иностранцевъ. Выступленія Новикова и другихъ сатириковъ противъ нашей французоманіи были отчасти подсказаны вполнѣ законнымъ чувствомъ обиженнаго иностранцами русскаго національнаго достоинства. Плохъ былъ бы народъ, лишенный этого достоинства! Но, ища выхода, чувство это почти всегда вступаетъ въ сочетаніе съ другими чувствами и, въ зависимости отъ ихъ характера, само пріобрѣтаетъ тотъ или иной оттѣнокъ, то или другое общественно-психологическое значеніе. Если уже въ сатирической нашей литературѣ нападки на подражаніе иностранцамъ получали иногда консервативный—чтобы не сказать: реакціонный—привкусъ, то у Болтина онѣ сдѣлались сознательно и откровенно консервативными.

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 525

Слишкомъ пристрастный къ Болтину В. О. Ключевскій [1]) нашелъ у него, кромѣ зародыша сравнительно-историческаго метода, еще нѣкоторое своеобразное развитіе космополитической идеи, будто бы являющейся „довольно неожиданнымъ и гибкимъ оборотомъ русской патріотической діалектики прошлаго вѣка“ [2]). Оборотъ состоялъ въ томъ, что „темныя пятна, выступающія въ жизни отдѣльныхъ народовъ, русскаго, какъ и другихъ“, относились на счетъ общаго несовершенства человѣческой природы, между тѣмъ какъ подвиги и доблести причислялись къ качествамъ русскаго національнаго характера [3]). Но не трудно замѣтить, что этотъ „діалектическій“ оборотъ прежде всего плохо вязался съ общимъ историческимъ взглядомъ Болтина.

Возражая Леклерку, утверждавшему, что всѣ отрасли нашего управленія свидѣтельствуютъ о нашемъ звѣрствѣ, невѣжествѣ и т. д., Болтинъ писалъ:

„Не должно приписывать единому народу пороковъ и страстей общихъ человѣчества (человѣчеству? *Г. П.*). Прочтите первобытные вѣка всѣхъ царствъ, всѣхъ Республикъ, найдете во всѣхъ нравы, поведенія и дѣянія ихъ сходными. Можно привести тысячу примѣровъ, что повсюду человѣки были и нынѣ суть во всемъ одинъ другому подобны, кромѣ нѣкоторыхъ легкихъ чертъ составляющихъ особенность образованія въ ихъ характерѣ“ [4]).

Далѣе у него слѣдуютъ историческіе примѣры, долженствующіе подтвердить это общее положеніе; а потомъ является замѣчаніе о томъ, что дѣянія древнихъ руссовъ совсѣмъ не отличались такимъ звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ, какія свойственны дѣяніямъ древнихъ французовъ [5]). Надобно думать, что эта сравнительная мягкость русскихъ дѣяній и представляетъ собою „легкую черту“ особенности нашего національнаго характера. Но подъ какимъ же вліяніемъ создалась эта черта. Подъ вліяніемъ климата? или подъ вліяніемъ какой-нибудь „побочной причины?“ Болтинъ какъ будто даже и не подозрѣваетъ научной правомѣрности подобныхъ вопросовъ.

Это не все. По его ученію, характеръ всякаго даннаго народа опредѣляется преимущественно дѣйствіемъ климата. Но климаты

---

1) Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что В. О. Ключевскій заимствовалъ у Болтина нѣкоторыя частныя историческія мысли, напримѣръ, ту, что русская исторія отличается отъ западной меньшимъ драматизмомъ. Но здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ.

2) Очерки и рѣчи, стр. 186—187.

3) Тамъ же, стр. 187.

4) Примѣчанія на Леклерка, т. II, стр. 1.

5) Тамъ же, стр. 6.

различны. Стало быть, и характеры народные никакъ не могутъ быть одинаковы. Это хорошо знали еще древніе писатели, у которыхъ нѣкоторые мыслители новой Европы заимствовали ученіе о рѣшающемъ дѣйствіи климата. Они заботливо отмѣчали, что греки, подъ вліяніемъ своего климата, очень любили свободу, тогда какъ народы Востока были равнодушны къ ней. Да и самъ Болтинъ, цитируя Витрувія, пытался объяснить намъ, какимъ образомъ различныя климатическія вліянія создаютъ у различныхъ народовъ самыя существенныя различія въ „силахъ душевныхъ". Какъ же могутъ быть „человѣки во всемъ одинъ другому подобны"? Тутъ противорѣчіе, которое, оставаясь неразрѣшеннымъ, объясняется только тѣмъ, что, преслѣдуя свои апологетическія цѣли, нашъ авторъ позабылъ коренное положеніе свое о рѣшающемъ дѣйствіи климатическихъ особенностей на характеры и историческія судьбы народовъ.

IX.

Впрочемъ, надо и то сказать: апологетическія цѣли можно было преслѣдовать, не придерживаясь опредѣленнаго историческаго воззрѣнія. Даже удобнѣе было выступать въ литературный походъ, не обременяя себя тяжелымъ теоретическимъ багажомъ. Екатерина II, какъ нельзя болѣе убѣдительно, доказала это своей полемикой съ аббатомъ Шаппомъ [1]).

В. О. Ключевскій замѣтилъ, что, хотя въ умѣ ей никто не отказывалъ, кромѣ ея мужа, который былъ очень плохимъ судьей въ этой области, однако, она не поражала ни глубиной, ни блескомъ своего ума [2]). Высокоталантливый историкъ имѣлъ полное право выразиться болѣе рѣзко: Екатерина II отличалась умомъ очень дѣятельнымъ, но при этомъ крайне поверхностнымъ. Всякій разъ, когда она имѣла неосторожность пуститься въ теорію, она безпомощно запутывалась въ понятіяхъ, оперировать съ которыми было, кажется, не такъ уже трудно. Вспомнимъ шестую главу ея пресловутаго Наказа („О законахъ вообще").

Мы узнаемъ отъ нея тамъ, что надъ человѣкомъ господствуютъ многія „вещи": вѣра, климатъ, законы, правила, принятыя въ

---

[1]) Антидотъ или разборъ дурной, великолѣпно напечатанной книги подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Сибирь по приказанію короля въ 1761 г.", содержащая въ себѣ нравы, обычаи русскихъ и теперешнее состояніе этой Державы, Господина аббата Шаппа д'Отероша, изъ Королевской Академіи наукъ, въ Парижѣ 1768 г. Первыя двѣ части этого сочиненія Екатерины изданы были въ 1770 г. Покойный П. Бартеневъ перепечаталъ его въ „Осьмнадцатомъ вѣкѣ", кн. 4-я, Москва 1869 г.

[2]) Очерки и рѣчи, стр. 324.

основаніе отъ правительства, примѣры дѣлъ прешедшихъ, нравы, обычаи. Но если мы захотимъ выяснить себѣ, не существуетъ ли между этими „вещами“ причинной связи, и не оказываетъ ли, напримѣръ, климатъ рѣшающаго вліянія на нравы и обычаи (въ чемъ убѣжденъ былъ Болтинъ), то услышимъ нѣчто поистинѣ странное.

Екатерина сообщала, что „природа и климатъ царствуютъ почти одни во всѣхъ дикихъ народахъ.—Обычаи управляютъ Китайцами.—Законы владычествуютъ мучительно надъ Японіею.—Нравы нѣкогда устраивали жизнь Лакедемонянъ.—Правила, принятыя въ основаніе отъ властей, и древніе нравы обладали Римомъ“.—Въ этой густой кашѣ нѣтъ даже намека на попытку составить себѣ сколько-нибудь стройный взглядъ на ходъ историческаго процесса. Да Екатерина и не чувствовала нужды въ такомъ взглядѣ. Она до послѣдней степени развязно обращалась со всѣми этими „вещами“, сваленными ею въ одну безпорядочную кучу. Иногда она какъ будто подсмѣивалась надъ ученіемъ о рѣшающемъ дѣйствіи климата. Такъ, изъ неуклюжихъ разсужденій аббата Шаппа о грубости нервнаго сока у русскихъ людей и о вѣроятныхъ соціологическихъ послѣдствіяхъ этого физіологическаго явленія она, съ совершенно умѣстной здѣсь ироніей, сдѣлала тотъ выводъ, что „недостатокъ геніальности у Русскихъ, повидимому, есть слѣдствіе почвы и климата“ [1]). Но въ первой же главѣ своего Наказа она сочла нужнымъ обратиться къ ученію о климатѣ въ важномъ вопросѣ о томъ, есть ли Россія „европейская держава“. Екатерина утверждала, что—да, и слѣдующимъ образомъ доказывала это мнѣніе: „Перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали съ климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Великій, вводя нравы и обычаи Европейскіе въ Европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ“.

Здѣсь выходитъ, что успѣхъ Петровской реформы обезпеченъ былъ дѣйствіемъ климата. Но не думайте, что Екатерина расположена была серьезно размышлять о вліяніи географической среды на историческое развитіе народовъ. Она довольствовалась тѣмъ, ходячимъ тогда, представленіемъ, что развитіе это опредѣляется преимущественно, чтобы не сказать исключительно, д ѣ я т е л ь н о с т ь ю г о с у д а р е й. Въ ея „Запискахъ касательно россійской исторіи“ есть чрезвычайно характерныя въ этомъ

[1]) XVIII вѣкъ, книга 4, стр. 445.

смыслѣ строки. „Извѣстно,—говоритъ она тамъ,—что народы и языки народовъ мудростью и тщаніемъ высшихъ правителей умножаются и распространяются. Каковъ государь благоразуменъ, о чести своего народа и языка прилеженъ, потому и языкъ того народа процвѣтетъ. Многіе народные языки исчезли отъ противнаго сему". Значитъ, даже исторія языка объясняется дѣятельностью государей. Трудно сказать, въ самомъ ли дѣлѣ вѣрила Екатерина въ такое всемогущество законодательной власти. Ея крайне осторожное отношеніе къ крѣпостному праву и вообще ея рѣшительное нежеланіе „писать" на щекотливой кожѣ дворянства законы, невыгодные для этого сословія, показываютъ, что на практикѣ она никогда не забывала о фактическихъ предѣлахъ своей власти. Но въ теоріи она легко могла забыть о нихъ именно вслѣдствіе весьма ограниченной своей способности и очень малой склонности къ теоретическому мышленію. И ужъ, конечно, она всѣми силами старалась убѣдить Россіянъ, что ихъ „блаженство" всецѣло находится въ рукахъ Семирамиды Сѣвера. Чтобы достичь этой цѣли, она готова была всячески насиловать всякую теорію.

„Исторія, или Записки Россійской исторіи, предпринимаемыя по моему согласію и утвержденію,—говоритъ она въ одномъ письмѣ къ А. С. Мордвинову,—не могутъ имѣть другого вида и цѣли, кромѣ прославленія Государства и дабы служить потомству предметомъ соревнованія и зерцаломъ. Всякое другое, менѣе блистательное направленіе, было бы вредно" [1]).

Это письмо написано черезъ 20 лѣтъ по выходѣ „Антидота". Но сильнѣйшая склонность къ „блистательному направленію" какъ въ исторіи, такъ и въ публицистикѣ вполнѣ свойственна была Екатеринѣ уже и въ то время, когда она выступала въ литературный походъ противъ аббата Шаппа. И какъ тогда, такъ и потомъ „прославленіе Государства" совпадало, въ ея глазахъ, съ прославленіемъ государыни. Главная ошибка аббата состояла въ томъ, что онъ неодобрительно отзывался о странѣ, въ которой царствовала Фелица. Эту его ошибку и долженъ былъ поправить „Антидотъ".

Екатерина принялась за дѣло даже черезчуръ усердно.

Описывая Нижній-Новгородъ, аббатъ Шаппъ сказалъ, что онъ построенъ изъ дерева, подобно почти всѣмъ городамъ Россіи. Екатерина сочла нужнымъ отозваться на его описаніе такимъ сообщеніемъ:

„Этотъ городъ сгорѣлъ въ 1767 году и перестроенъ изъ кир-

---

[1]) Письмо отъ 4 октября 1790 г.

пича и камня, по правильному плану, какъ и всѣ города, съ которыми случилось это несчастье въ царствованіе императрицы Екатерины II, напримѣръ, Тверь, которая уже устроена, благодаря тремъ стамъ тысячамъ рублей“ [1]).

Неправда этого сообщенія врядъ ли могла ускользнуть отъ вниманія русскихъ читателей. Но раздраженная „ученица Вольтера“ позабыла всякую осторожность. Она сочла нужнымъ и возможнымъ удивиться тому, что „нѣкоторые льстецы посовѣтовали Петру III объявить свободнымъ дворянство, какъ будто бы оно не было всегда свободнымъ“. Если вѣрить блистательной представительницѣ блистательнаго направленія въ исторіи, то наши дворяне прежде могли оставлять службу по своему собственному усмотрѣнію, и только Петръ I, послѣ битвы при Нарвѣ, увидѣлъ себя вынужденнымъ ограничить, — очевидно, только на время,—эту вольность его [2]). Екатерина, по всей вѣроятности, и тогда уже достаточно хорошо знала исторію внутренняго быта Московскаго государства, чтобы знать, какъ мало соотвѣтствовало дѣйствительности ея смѣлое утвержденіе. Но... „всякое другое, менѣе блистательное направленіе, было бы вредно“.

Екатерина весьма недурно освѣдомлена была о крайне тяжеломъ положеніи русскаго крестьянства. Она не однажды сама давала это понять своимъ приближеннымъ. Но если, будучи недурно освѣдомлена объ этомъ положеніи, она способна была издавать указы, еще больше его отягчавшіе, то, разумѣется, она не могла уважать требованія истины тамъ, гдѣ нужно было опровергнуть нескромнаго и непочтительнаго иностранца. „Положеніе простонародья въ Россіи,—писала она,—не только не хуже, чѣмъ во многихъ иныхъ странахъ, но... въ большинствѣ случаевъ оно даже лучше. Народъ менѣе подвергается мелкимъ поборамъ и знаетъ навѣрное, что долженъ платить: въ повинностяхъ нѣтъ ничего произвольнаго; разъ уплативши ихъ, онъ почти совершенно воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ“ [3]).

Такъ какъ „Антидотъ“, навѣрно, былъ знакомъ Болтину, то ясно, откуда заимствовалъ ученый генералъ-майоръ свое радужное представленіе о бытѣ русскаго „земледѣльца“. Вполнѣ возможно, что и Фонъ-Визину случалось заглядывать въ полемическое произведеніе Екатерины. Если это въ самомъ дѣлѣ было такъ, то и онъ обязанъ ей отрадной увѣренностью въ томъ, что трудящемуся населенію Россіи живется лучше, нежели рабочему народу западныхъ странъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не при-

---

1) Осьмнадцатый вѣкъ, кн. IV, стр. 241.

2) Тамъ же, стр. 315.

3) Тамъ же, стр. 328.

знать, что „блистательное направленіе“ литературной дѣятельности Екатерины имѣло значительное вліяніе на ходъ развитія нашей общественной мысли. Оно понравилось многимъ идеологамъ дворянства.

Екатерина недоумѣвала, почему, когда Шаппъ говорилъ о Россіи, у него было „постоянно на устахъ слово рабъ“. Единственное объясненіе этой странности видѣла она въ его злобѣ, „которая предпочитаетъ слова и выраженія наиболѣе годныя для того, чтобы представлять вещи въ низкомъ видѣ“ [1]). Если бы злоба не вводила французскаго аббата въ заблужденіе, то онъ понялъ бы, что не только русскій крестьянинъ, но и всякій вообще русскій обыватель пользуется на дѣлѣ большей свободой, чѣмъ жители западно-европейскихъ государствъ. Съ своей стороны, авторъ „Антидота“ былъ непоколебимо убѣжденъ въ этомъ.

„Если,—увѣрялъ онъ,—мы сравнимъ состояніе каждаго съ тѣмъ же состояніемъ во многихъ другихъ странахъ Европы, то мы легко докажемъ, что въ Россіи граждане (sic!) наименѣе стѣснены, наименѣе подвержены мелочнымъ придиркамъ; что всѣ повинности извѣстны и что, впрочемъ, они дѣлаютъ приблизительно что хотятъ (!); что правительствомъ наказывается лишь нарушеніе законовъ; что эти законы хотя и многочисленны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже противорѣчатъ другъ другу, но далеко не въ той степени, какъ ворохи законовъ въ другихъ странахъ... Легко было бы доказать, что наши законы, каковы бы они ни были, еще самые простые въ Европѣ и во многомъ самые ясные и разумные“ [2]).

Депутаты, засѣдавшіе въ Коммиссіи объ Уложеніи, далеко не такъ увѣрены были въ благополучіи своихъ избирателей. Они съ завистью указывали на права и преимущества „счастливыхъ“ жителей западной Европы. Но вѣдь ихъ жалобы не могли дойти до аббата Шаппа и не могли послужить ему оружіемъ противъ автора „Антидота“! Этому послѣднему извѣстно было, какъ плохо знакомы иностранцамъ частности русской общественно-политической жизни, и потому онъ не стѣснялся въ своихъ утвержденіяхъ.

Бойкая и безцеремонная, Екатерина не упускала случая перейти въ наступленіе. Довольно хорошо знавшая слабыя стороны тогдашняго государственнаго управленія въ западныхъ странахъ, она упорно твердила, что на Западѣ живется хуже, чѣмъ въ Россіи. И едва ли не раньше всѣхъ нашихъ Стародумовъ она стала

---

[1]) Тамъ же, стр. 427.

[2]) Тамъ же, стр. 329.

употреблять тотъ полемическій пріемъ, въ которомъ В. О. Ключевскій нашелъ зачатокъ сравнительнаго историческаго метода.

„Вамъ нечѣмъ попрекать насъ, — отвѣчала она французу Шаппу: — правда, у васъ не ссылаютъ въ Сибирь, потому что у васъ ея нѣтъ; Канада у васъ отнята англичанами и во времена кардинала Ришелье ея у васъ не было; но Бордосскія ланды, Олонскіе пески развѣ не служатъ мѣстами изгнанія? А чрезвычайныя коммиссіи, а Бастилія, а Шато-тромпетъ и прочія подобныя мѣста, охотникъ вы до нихъ, г. аббатъ? Говорятъ, они не пустѣютъ, благодаря удобному изобрѣтенію lettres de cachet, подписанныхъ въ видѣ бланковъ, что, конечно, вполнѣ обезпечиваетъ гражданъ; малѣйшая интрига, если имѣешь врага, можетъ разрушить счастіе цѣлаго семейства“ [1]). Подобныя строки должны были производить на разсудительнаго и безпристрастнаго русскаго читателя такое впечатлѣніе, какого едва ли ожидалъ и желалъ ихъ авторъ. Если онъ даже и убѣждался въ томъ, тто французамъ, дѣйствительно, нечѣмъ попрекать насъ, то онъ все-таки могъ спросить себя: что же въ этомъ утѣшительнаго? Развѣ русскимъ „гражданамъ“, по произволу администраціи ссылаемымъ въ Сибирь, легче отъ того, что въ бордосскихъ ландахъ тоже бѣдствуютъ жертвы самовластья? И легче ли тѣмъ, которые попадаютъ въ казематы русскихъ крѣпостей, отъ того, что Бастилія тоже имѣетъ своихъ узниковъ? Но для того, чтобы возникали такіе вопросы въ головѣ русскаго читателя „Антидота“, ему нужно было обладать именно безпристрастіемъ, которое не всегда имѣлось у представителей тогдашней русской интеллигенціи. Общественная жизнь налагала свою печать на общественную мысль. Господство крѣпостничества во внутреннихъ отношеніяхъ Россіи заставляло людей, заинтересованныхъ въ его поддержаніи, утѣшаться даже такими соображеніями, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ не было ровно ничего утѣшительнаго. Хорошо знавшая человѣческія слабости, Екатерина, должно быть, сознательно разсчитывала на это обстоятельство, когда прибѣгала къ своему, нѣсколько рискованному, сравнительно-историческому пріему.

Но что больше всего поражаетъ въ „Антидотѣ“, такъ это наивное и вмѣстѣ безпредѣльное самохвальство его автора. Опровергая то замѣчаніе Шаппа, что никто въ Россіи не смѣетъ мыслить, и что деспотизмъ заглушаетъ тамъ умъ, талантъ и всякаго рода чувства, Екатерина пишетъ:

„Наше правительство, далекое отъ того, чтобы подавлять

[1]) Тамъ же, стр. 297.

умъ, таланты и чувства всякого рода, занято лишь тѣмъ, что поощряетъ и награждаетъ умъ, таланты и всѣ чувства честныя и полезныя обществу. Могутъ ли Русскіе не мыслить, какъ скоро у нихъ передъ глазами книга, продиктованная всѣми чувствами, дѣлающими честь человѣчеству и подписанная собственными руками ихъ Императрицы—хочу сказать Наказъ для составленія новаго уложенія“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о началахъ, положенныхъ въ основу Наказа, Екатерина, съ увлеченіемъ превозносящая Екатерину, говоритъ: „Эти начала возбуждаютъ удивленіе Европы и въ особенности людей разумныхъ, число которыхъ, правда, на свѣтѣ не велико“ [2]).

Она могла бы прибавить, что эти, возбуждающія удивленіе Европы, начала, по ея же собственному выраженію, „награблены“ были у французскихъ просвѣтителей, и что она никогда не имѣла намѣренія воплотить ихъ въ русскую жизнь. Но этого она, разумѣется, не прибавила...

При своей беззаботности на счетъ теоріи и свободѣ отъ опредѣленнаго историческаго взгляда, Екатерина могла съ большимъ удобствомъ повторять: люди—вездѣ люди. И она охотно повторяла это общее мѣсто. Но, охотно его повторяя, она сочла полезнымъ воспѣть хвалу русскому національному характеру.

„Ученой Дружинѣ“ старая,—до-Петровская,—Русь представлялась темнымъ царствомъ суевѣрія, грубости, невѣжества и застоя. При Екатеринѣ II, рядомъ съ сильнѣйшей идеализаціей Петровской эпохи, въ нашей литературѣ возникаетъ стремленіе пересмотрѣть суровый приговоръ, вынесенный московской старинѣ птенцами гнѣзда Петрова. Мы еще встрѣтимся съ этимъ стремленіемъ у Новикова. Пока же замѣтимъ, что сильнѣе всего выразилось оно именно въ „Антидотѣ“, авторъ котораго такъ охотно повторялъ: люди—вездѣ люди.

Сильно разойдясь тутъ со своимъ „учителемъ“ Вольтеромъ, она рѣшительно отвергла то утвержденіе Шаппа, что, вплоть до воцаренія Петра I, Россія погружена была во мракъ невѣжества. „Мы сказали и повторяемъ,—писала она:—до царствованія царя Ѳедора Ивановича мы шли ровнымъ шагомъ со всѣми прочими націями Европы, за исключеніемъ, быть можетъ, Италіи, и лишь смуты, послѣдовавшія за смертію этого государя, замедлили наше развитіе“ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 449.

[2]) Тамъ же, стр. 259.

[3]) Тамъ же, стр. 424—425. Ср. стр. 289. — Это не мѣшаетъ ей, впрочемъ, признавать, что „Петръ открылъ свое государство для иностранцевъ... Захотѣлъ,

Не уступая западнымъ странамъ въ образованіи, старая Русь,—Русь до смуты,—далеко оставляла ихъ за собою въ области нравственности. Тутъ у автора „Антидота“ получается настоящая идиллія.

„Разводы были почти неизвѣстны. Дѣти имѣли большое уваженіе къ своимъ отцамъ и матерямъ“. Но больше всего умиляла Екатерину приписка, будто бы включавшаяся у насъ во всѣ договоры и сводившаяся къ тому, что сторонѣ, нарушившей свое слово, будетъ стыдно.

„И такъ,—съ торжествомъ восклицаетъ она,—стыдъ былъ тогда наисильнѣйшей сдержкою, которую налагали на себя, какъ non plus ultra. Полагаю, что нѣтъ страны, которая могла бы представить въ пользу своихъ нравовъ свидѣтельство столь же краснорѣчивое, какъ эту формулу. Ее стали опускать лишь, когда перестали жить, какъ жили прежде, когда нравы стали менѣе простыми. Эту перемѣну, повидимому, можно отнести ко времени смутъ, волновавшихъ государство и семью послѣ царя Ивана Васильевича, до тѣхъ поръ нравы были очень просты“.

Можетъ показаться непонятнымъ существованіе жестокихъ уголовныхъ наказаній въ странѣ, отличавшейся такой исключительно хорошей нравственностью. Но Екатерина за словомъ въ карманъ не лѣзла. Она увѣряетъ, что розги и кнутъ перешли къ намъ отъ... римлянъ! И вообще, оказывается, что „всѣ подобные ужасы, къ несчастію, заимствованы нами у другихъ народовъ“. Отсюда вполнѣ естественно вытекалъ тотъ, пріятный для нашего національнаго самолюбія, выводъ, что не Россія должна подражать западнымъ народамъ, а западные народы—Россіи. „Пусть же эти послѣдніе,—совѣтуетъ Екатерина,—въ свою очередь послѣдуютъ нашему примѣру, если они разумны и преобразуютъ свой уголовный судъ на основаніи главы X Наказа Императрицы Екатерины для составленія уложенія, который былъ запрещенъ въ Парижѣ и въ Константинополѣ“ [1]).

Итакъ, Петръ Первый учился у Запада, а Екатерина Вторая сама учитъ Западъ...

Въ нашей литературѣ XIX столѣтія идеализація стараго русскаго быта вызывалась иногда желаніемъ передовыхъ писателей дать историческое обоснованіе своей демократической программѣ.

чтобы его подданные путешествовали... Заставлялъ ихъ учиться на свой счетъ во всѣхъ странахъ Европы“,—короче, именно просвѣтилъ Россію.

[1]) Тамъ же, стр. 294. Выше я сказалъ, какимъ образомъ Наказъ былъ запрещенъ также и въ Россіи, конечно, не безъ вѣдома Екатерины, а, можетъ быть, и по ея же почину.

Поэтому, — замѣчу мимоходомъ, — идеализаціи подвергалась тогда больше Русь удѣльно-вѣчевой эпохи, нежели Русь временъ московскихъ великихъ князей и царей. Само собою разумѣется, что Екатерина II никакъ не могла увлекаться „вольностью“ добраго стараго времени, да и не имѣла о ней ни хорошаго, ни дурного представленія. Она самого Рюрика считала самодержавнымъ государемъ.... не лишеннымъ даже нѣкоторой склонности къ „просвѣщенію“. Отнюдь не демократическіе порывы побудили ее къ идеализаціи старыхъ русскихъ нравовъ. Идеализація эта у нея имѣла смыслъ превознесенія тѣхъ сторонъ русской жизни, благодаря которымъ сложилась и окрѣпла безпредѣльно власть русскихъ монарховъ. „Нѣтъ въ Европѣ народа, который бы болѣе любилъ своего государя, былъ бы искреннѣе къ нему привязанъ“, чѣмъ — русскій, писала Екатерина [1]). Правда, всему цивилизованному міру извѣстно было, какъ много дворцовыхъ переворотовъ пережила Россія въ теченіе XVIII столѣтія. Эти перевороты могли возбудить у иностранцевъ сомнѣніе относительно привязанности русскаго народа къ своимъ государямъ. Однако, Екатерина не смущалась и этимъ. Она писала:

„Я на это скажу вещь, которая удивитъ многихъ. А именно, что въ Россіи никогда не происходило революціи, развѣ когда нація чувствовала, что впадаетъ въ ослабленіе. У насъ были царствованія жестокія, но мы всегда съ трудомъ переносили лишь царствованія слабыя. Нашъ образъ правленія, по своему складу, требуетъ энергіи; если ея нѣтъ, то недовольство дѣлается всеобщимъ и вслѣдствіе его, если дѣла не идутъ лучше, происходятъ революціи“ [2]).

Значитъ, при безпримѣрной въ Европѣ любви русскаго народа къ своимъ государямъ, нужно было только придать „нашему образу правленія“ побольше энергіи, чтобъ обезопасить себя отъ революціонныхъ попытокъ. Въ энергіи у Екатерины II недостатка не было. И она умѣла находить себѣ энергичныхъ помощниковъ. Поэтому ей оставалось только осыпать похвалами характеръ русскаго народа и считать его идеализацію дѣломъ глубокой государственной мудрости. Во всякомъ случаѣ, наша „государыня-публицистъ“ превзошла всѣхъ современныхъ ей русскихъ писателей своимъ усердіемъ по части такой *идеализаціи въ охранительномъ направленіи*.

Излишне говорить, что идеализація эта, равно какъ и всѣ полемическія выступленія Екатерины противъ иностранныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 391.

[2]) Тамъ же, стр. 299

хулителей русскихъ порядковъ, ничего не дала для сколько-нибудь серьезнаго и плодотворнаго рѣшенія вопроса о томъ, какъ можетъ и какъ должна Россія относиться къ Западу.

X.

Екатерина II разсматривала вопросъ объ отношеніи Россіи къ Западу, — а стало быть и о Петровской реформѣ, — съ точки зрѣнія своего личнаго интереса. Это значитъ, что, высказываясь объ этомъ вопросѣ, она руководствовалась не указаніями теоріи, а соображеніями практическаго расчета. Она писала то, что, по ея мнѣнію, могло быть въ данное время полезно для упроченія ея власти или для распространенія ея славы. Точка зрѣнія Болтина была не личной, а сословной. Поэтому его кругозоръ былъ значительно шире. Въ предѣлахъ этого кругозора отчасти находилось мѣсто и для внимательнаго отношенія къ требованіямъ теоріи. Мы видѣли, однако, что Болтинъ переставалъ считаться съ ними тамъ, гдѣ имъ противорѣчилъ сословный дворянскій эгоизмъ. Когда внушенія сословнаго эгоизма сталкивались съ требованіями теоріи, Болтинъ изъ ученаго изслѣдователя превращался въ „апологиста“.

Это было неизбѣжно. Это повторялось и повторяется со всѣми изслѣдователями и публицистами, подчиняющимися вліянію сословнаго (или классоваго) эгоизма. Идеологи русскаго дворянства не составляли исключенія изъ общаго правила. Мы уже знаемъ, какъ сильно подчинялся внушеніямъ сословнаго дворянскаго эгоизма кн. М. М. Щербатовъ при своихъ выступленіяхъ въ Комиссіи объ Уложеніи.

Кн. М. М. Щербатовъ (1733—90) былъ во второй половинѣ XVIII вѣка едва ли не самымъ замѣчательнымъ идеологомъ русскаго дворянства. Но дворянская идеологія имѣла у него свой особый оттѣнокъ. Между тѣмъ какъ Болтинъ, въ борьбѣ между породой и чиномъ, стоялъ на сторонѣ этого послѣдняго, Щербатовъ уже въ Комиссіи горячо защищалъ породу. Позиціей, занятой имъ въ этой борьбѣ, опредѣлилось и его отношеніе къ Петровской реформѣ.

Какъ идеологъ дворянства, онъ вообще не могъ одобрить тѣ ея стороны и тѣ ея послѣдствія, которыя невыгодно отразились на интересахъ служилаго сословія. И тутъ онъ временами очень близко подходилъ къ Болтину. Такъ, въ своемъ политическомъ романѣ „Путешествіе въ землю Офирскую г-на С...., шведскаго дворянина“, онъ даетъ понять, что Петръ сдѣлалъ ошибку, перенеся столицу изъ Москвы въ Петроградъ. Это свое мнѣніе онъ

поддерживаетъ почти тѣми же самыми доводами, съ какими мы уже встрѣтились у Болтина. И, подобно Болтину, онъ выражаетъ надежду, что ошибка Петра будетъ со временемъ поправлена. Но это — второстепенная подробность. А вотъ черта первостепенной важности.

Признавая историческую необходимость реформы и одобряя Петра за то, что онъ учредилъ „порядочное правленіе, познаніе наукъ и военнаго искусства", Щербатовъ не менѣе Болтина смущался ея стремительнымъ характеромъ. Это видно, между прочимъ, изъ его замѣчательнаго отзыва о борьбѣ Петра съ уродливыми выраженіями набожности.

Замѣтьте, что, по своимъ религіознымъ взглядамъ, Щербатовъ, отлично знакомый съ передовой западной литературой своего времени, былъ деистомъ, а вовсе не христіаниномъ православнаго вѣроисповѣданія. Излишняя набожность представлялась ему явленіемъ, могущимъ повести за собою до послѣдней степени вредныя послѣдствія. Такъ, къ числу условій, вызвавшихъ покореніе Руси татарами, онъ относилъ „духъ неумѣренной набожности", проникшій въ сердца русскихъ князей. Подчинившись этому духу, князья, писалъ онъ, „въ суевѣріи (sic) и въ бесновѣріе впали, преставая имѣть попеченіе о всемъ томъ, что мірскимъ и тлѣннымъ называли; но единственно стремились къ вѣчной жизни". Монахи и вообще духовныя лица всѣми силами поддерживали такое настроеніе свѣтской власти и „вкравшись въ мірское правленіе.... твердость и великодушіе отовсюду прогнали, а на мѣсто того духъ монашескій вселился" [1]).

Если „бесновѣріе" могло принести такой страшный вредъ Россіи еще въ тринадцатомъ столѣтіи, то позволительно предположить, что нашъ просвѣщенный князь считалъ борьбу съ нимъ одной изъ важнѣйшихъ обязанностей русскаго правительства. Однако, Щербатовъ не рѣшился одобрить направленныя въ эту сторону мѣропріятія Петра Перваго. Ему нравилось, правда, что Петръ не жаловалъ „чудесъ, безъ нужды учиненныхъ", суевѣрной боязни оскоромиться, „явленныхъ образовъ, рѣдко доказанныхъ" и т. п. Однако, онъ находилъ, что царь-преобразователь слишкомъ рано ополчился на борьбу съ суевѣріемъ.

„Когда онъ сіе учинилъ? — спрашивалъ Щербатовъ въ своемъ извѣстномъ трактатѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи".—Тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному

---

[1]) Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ времянъ — сочинена князь Михайломъ Щербатовымъ, томъ 2-ой, стр. 574—75.

закону отнималъ“ [1]). Это дѣйствіе Петра Щербатовъ сравниваетъ съ дѣйствіемъ садовника, несвоевременно срѣзывающаго древесныя вѣтви. Несвоевременное срѣзываніе вѣтвей ослабляетъ дерево. „Такъ, — продолжаетъ Щербатовъ, — урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; а нравы, за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить“

Передъ нами — варіація той мысли Стародума, что нынѣшніе мудрецы, искореняя предразсудки, съ корня воротятъ добродѣтель. Намъ уже извѣстно, что мысль эта раздѣлялась и Болтинымъ. Да по всему видно, что она была значительно распространена между тогдашними идеологами дворянства. Они не могли не понимать, что все болѣе утверждавшіяся и расширявшіяся привилегіи ихъ сословія были совершенно несогласимы съ тѣмъ, къ чему стремились „нынѣшніе мудрецы“ передовыхъ странъ. Поэтому, знакомясь съ сочиненіями „нынѣшнихъ мудрецовъ“ и даже отчасти увлекаясь ими, они отвергали выраженныя въ нихъ практическія требованія и объявляли эти требованія опасными для добродѣтели. А при такомъ настроеніи идеологовъ русскаго дворянства, ихъ не могла не пугать стремительность, свойственная нѣкоторымъ, — далеко не всѣмъ, — реформаторскимъ пріемамъ Петра. И они съ одобреніемъ вспоминали пословицу: тише ѣдешь, дальше будешь [2]).

Но если Щербатовъ не менѣе Болтина одобрялъ эту пословицу, если вообще его сужденія о задачахъ и ходѣ Петровской реформы опредѣлялись интересами современнаго ему дворянства, то, въ своемъ качествѣ идеолога родовитой части этого сословія, онъ порицалъ такія стороны ея, которыя ускользали отъ вниманія дворянскихъ противниковъ породы или даже одобрялись ими.

Уже въ Коммиссіи объ Уложеніи онъ доказывалъ, что родовитые дворяне воспитываются въ такой нравственной атмосферѣ, которая одна только и способна предрасполагать молодыхъ людей къ благородной гордости и безкорыстному служенію родинѣ. Невозможно было держаться такого мнѣнія, не представляя себѣ

[1]) Русская Старина, 1870 г., т. II, изд. 3-е, стр. 25.

[2]) Держась точки зрѣнія взаимодѣйствія между нравами и законами, они расположены были придавать больше значенія нравамъ, нежели законамъ. Но и это ихъ расположеніе объясняется не столько теоретическими ихъ соображеніями, сколько практическими опасеніями. Они повторяли plus boni mores valent quam bonae leges, опасаясь излишняго усердія правительства по части улучшенія быта крестьянъ.

въ очень привлекательномъ свѣтѣ нравовъ стариннаго дворянства. Этого мало. Русскій историческій процессъ все болѣе и болѣе вынуждалъ породу давать дорогу чину. Въ виду этого у идеологовъ породы естественно возникала склонность къ идеализаціи прошлаго. Но Петровская реформа не щадила прошлаго. Поэтому, даже признавая историческую необходимость реформы, идеологи породы должны были дѣлать по ея поводу болѣе значительныя оговорки, нежели идеологи чина.

Любопытно, что Щербатовъ даже въ своей идеализаціи старины выступаетъ передъ нами писателемъ, испытавшимъ на себѣ вліяніе просвѣтительной французской литературы. Въ этой литературѣ жизнь первобытныхъ народовъ довольно часто изображалась въ самомъ привлекательномъ видѣ. Въ такомъ же видѣ представлялась она и Щербатову. „Худы ли или хороши ихъ законы, — говорилъ онъ объ этихъ народахъ, — они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны и почти не слышно, чтобы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна; они за честь себѣ считаютъ не только безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученій умереть“. Но всего любопытнѣе, что къ числу хорошихъ сторонъ первобытнаго общества нашъ родовитый защитникъ крѣпостного права относитъ его коммунистическій строй и обусловенное этимъ строемъ отсутствіе эксплуатаціи одной части его членовъ — другою. „Щедрость ихъ (первобытныхъ народовъ. *Г. П.*) похвальна, — продолжаетъ онъ, — ибо все, что общество трудами своими пріобрѣтаетъ, то все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобы дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ (ихъ *Г. П.*) трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать“.

При такомъ взглядѣ Щербатова на первобытное коммунистическое общество нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ переходъ его къ „состоянію нравовъ Россіянъ до царствованія Петра Великаго“. Какъ бы кто ни думалъ объ этихъ нравахъ, очевидно, что они могли имѣть лишь крайне мало общаго съ нравами первобытныхъ народовъ. Но Щербатовъ думалъ, что старый московскій бытъ похожъ былъ на счастливый бытъ первобытныхъ народовъ отсутствіемъ въ немъ „сластолюбія“, которое казалось ему главной причиной поврежденія русскихъ нравовъ.

Отсутствіе сластолюбія въ старой Москвѣ вело за собою то, что „почти всякій по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, не простирая къ лучшему своего желанія, ибо лучшаго никто и не зналъ“. Молодежь

воспитывалась въ страхѣ божіемъ, въ повиновеніи родителямъ и въ почтеніи къ старшимъ своего рода. Щербатовъ съ удовольствіемъ описываетъ, какъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія имъ почтенія и какъ „ближніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему". Съ еще большимъ удовольствіемъ перечисляетъ онъ „знаки благородной гордости", которая свойственна была русскимъ боярамъ до-Петровской эпохи. Даже наиболѣе самовластные государи вынуждены бывали, по его словамъ, считаться съ нею и уважать старые обычаи, „нетокмо снизходя на просьбы благородныхъ, но также производя предпочтительно предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ".

XI.

Петровская реформа, которую Щербатовъ называетъ нужной, но, можетъ быть, излишней перемѣной, нарушила старые русскіе обычаи, открыла сластолюбію доступъ въ русскія сердца, привела къ упадку старинныхъ родовъ и породила всеобщую погоню за наживой. Чтобы пріобрѣсти возможность покрыть свои непомѣрные расходы, дворяне стали поддѣлываться къ государю и вельможамъ. „Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ наполнилось; оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе Государя и прочія зла, которыя днесь (1788 г.) при дворѣ царствуютъ и которыя въ дворахъ вельможъ возгнѣздились" [1]).

Таковы были, по Щербатову, слѣдствія совершенной Петромъ I „нужной, но, можетъ быть, излишней перемѣны". Они оказались у него совсѣмъ непривлекательными. Поэтому его тоже называли иногда предшественникомъ славянофиловъ. Но его взгляды не больше походятъ на славянофильскіе, чѣмъ взгляды Болтина. Со славянофилами его, какъ и автора „Примѣчаній на Леклерка", роднитъ лишь консервативное настроеніе, да еще, пожалуй, то или другое пріуроченное къ будущему времени ожиданіе, въ родѣ перенесенія столицы,—славянофилы говорили: резиденціи,—изъ Петрограда въ Москву.

По пріемамъ своей мысли, — хотя, разумѣется, не по практическимъ стремленіямъ, — Щербатовъ опять же, какъ и Болтинъ, былъ ученикомъ французскихъ просвѣтителей. Но между тѣмъ какъ Болтинъ, пытаясь додуматься до научнаго взгляда на ходъ исторіи,

---

[1]) Тамъ же, стр. 20.

усвоилъ себѣ одинъ изъ матеріалистическихъ элементовъ, входившихъ въ міросозерцаніе нѣкоторыхъ французскихъ просвѣтителей, Щербатовъ держался историческаго идеализма.

Глубочайшія причины историческаго движенія сводились для него къ перемѣнамъ во взглядахъ людей и въ ихъ нравахъ. Этой точки зрѣнія держался онъ, разсуждая о первобытномъ коммунистическомъ обществѣ,—когда оно привлекало къ себѣ его вниманіе,—и на нее же становился при своей оцѣнкѣ Петровской реформы.

Въ этомъ отношеніи онъ снова сближался съ Болтинымъ, не сумѣвшимъ выработать себѣ матеріалистическій взглядъ на исторію и въ концѣ-концовъ остановившимся на понятіи о такомъ взаимодѣйствіи между законами и нравами, при которомъ нравы имѣютъ болѣе важное значеніе, нежели законы.

Наконецъ, Щербатовъ напоминаетъ Болтина также и склонностью своею къ идеализаціи старыхъ русскихъ нравовъ. Но, не говоря уже о степени идеализаціи, психологическіе мотивы ея у Щербатова не тѣ, что у Болтина.

Описывая поврежденіе нравовъ въ Россіи, Щербатовъ выражалъ горячее сожалѣніе о томъ, что родовитое дворянство утрачивало свою старую благородную гордость. Болтинъ не жаловался на это, хотя онъ такъ же крѣпко дорожилъ дворянскимъ званіемъ. Сторонникъ чина и противникъ породы, онъ имѣлъ иное представленіе о дворянскомъ достоинствѣ. Въ его представленіи объ этомъ достоинствѣ отсутствовалъ тотъ элементъ независимости по отношенію къ власти, который явственно слышался въ разсужденіяхъ Щербатова. Конечно, свойственное этому послѣднему чувство независимости далеко не было безпредѣльнымъ [1]. Но все относительно, и нашъ идеологъ породы все-таки очень выгодно отличался въ этомъ отношеніи отъ идеолога чина.

Сказать, что русскіе нравы повредились подъ вліяніемъ сластолюбія, это значитъ сказать: они повредились оттого, что из-

[1]) Оно не помѣшало князю почтительнѣйше ходатайствовать передъ Екатериной объ уплатѣ казною его долговъ. Въ письмѣ, въ которомъ онъ обратился къ ней съ этой просьбой, она именовалась „монархиней, соединяющей качества великаго государя съ качествомъ великаго философа" (см. статью В. А. Мякотина: „Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи" въ сборникѣ его статей: „Изъ исторіи русскаго общества", изд. 2-ое, стр. 110). Между тѣмъ, трактатъ „О поврежденіи нравовъ" изображаетъ ту же монархиню въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Правда, трактатъ написанъ въ 1788—89 гг., а письмо—въ 1773. Но свои, во всякомъ случаѣ, не лишенныя благородства сожалѣнія, объ упадкѣ благородной гордости въ дворянскомъ сословіи Щербатовъ высказывалъ еще въ Законодательной коммиссіи.

мѣнились къ худшему. Вѣдь „сластолюбіе“ даннаго общества является составною частью его „нравовъ“. Щербатовъ, утверждавшій, что „наука причинъ есть приключающая наиболѣе удовольствія разуму“, повидимому, самъ чувствовалъ, что, изображая процессъ поврежденія русскихъ нравовъ, онъ слишкомъ неясно опредѣлилъ причины этого процесса. И, подобно всѣмъ тѣмъ изъ своихъ современниковъ, которые не шли дальше понятія о взаимодѣйствіи между нравами и законами, онъ, не справившись съ вопросомъ посредствомъ апелляціи къ „нравамъ“, тотчасъ же апеллировалъ къ законодательной дѣятельности правительства. Въ ней онъ нашелъ двѣ причины порчи дворянскихъ нравовъ. Но первая изъ нихъ начала дѣйствовать еще въ эпоху, предшествовавшую Петровской реформѣ.

„Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости въ дворянѣхъ,— говоритъ Щербатовъ,—ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и такъ каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами льстя и угождая Государю и вельможамъ“ [1]).

Другая причина исчезновенія благородной гордости непосредственно связана была съ преобразовательной дѣятельностью Петра. Она заключалась въ томъ, что онъ заставилъ дворянъ нести солдатскую службу не рѣдко вмѣстѣ со своими холопами. Когда бывшіе холопы дослуживались до офицерскихъ чиновъ, они становились подчасъ начальниками своихъ господъ и били ихъ палками. Кромѣ того, поступая въ солдаты, знатные молодые люди надолго отрывались отъ своихъ родственниковъ. „Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ“, жалуется Щербатовъ [2]).

Это нанесло окончательный ударъ благородной дворянской гордости: „Могла ли, — спрашиваетъ нашъ авторъ, — остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые въ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? Которые иначе какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти, и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ безъ соединенія и защиты оставался единъ, могущій быть преданъ въ руки сильнаго?“

Нельзя не признать, что указаніе Щербатова на эти двѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 24.—На эту тему Щербатовъ говорилъ еще въ Коммиссіи.

[2]) Тамъ же, та же страница

причины дѣлаетъ болѣе понятнымъ описанный имъ процессъ поврежденія нравовъ. Повреждение это оказывается слѣдствіемъ безправія знатныхъ родовъ. Остается неяснымъ одно,—правда, самое главное,—какъ же сложилось въ Россіи то соотношеніе общественныхъ силъ, благодаря которому знатные роды утратили все свое значеніе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Щербатову слѣдовало бы, не ограничиваясь понятіемъ взаимодѣйствія, обнаружить ту болѣе глубокую причину, которая опредѣляетъ собою и нравы, дѣйствующіе на законы, и законы, вліяющіе на нравы. А это было не доступно не только для него, но и для гораздо болѣе глубокомысленныхъ писателей того времени. Онъ ограничился сопоставленіемъ нравовъ съ законами, какъ двухъ параллельныхъ причинъ, у которыхъ нѣтъ общаго корня. „Сказалъ я,—читаемъ мы у него,—что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другія причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искоренили"

Не требуя отъ Щербатова больше того, что онъ могъ дать, замѣтимъ, однако, что понятно, почему ретроспективный обзоръ учрежденій, искоренившихъ твердость и добронравіе, не простирается здѣсь у него дальше времени царя Ѳеодора Алексѣевича. Въ другомъ мѣстѣ порча дворянскихъ нравовъ пріурочивается у него къ эпохѣ значительно болѣе отдаленной, именно—къ эпохѣ Грознаго.

Недовѣрчивое отношеніе этого царя къ знатнѣйшимъ боярамъ отнимало у нихъ возможность служить отечеству. „Ибо,—говоритъ Щербатовъ,—не токмо онъ повсюду Татарскихъ царевичей предпочиталъ единородцамъ своимъ князьямъ Россійскимъ и боярамъ, которые многія столѣтія службъ своихъ предковъ считали, но даже и Сибирскихъ князьцовъ, едва достойныхъ именъ человѣческихъ, имъ предпочилъ. Упало сердце благородныхъ, начала истребляться приличная знатнорожденнымъ гордость, любовь къ отечеству затухла; а мѣсто ихъ заступили низость, раболѣпство, старанія о своей только собственности" [1]).

Если это такъ, то выходитъ, что поврежденіе нравовъ совершилось у насъ гораздо раньше Петровскаго преобразованія. Оказывается также, что въ своемъ отношеніи къ знатнымъ родамъ Петръ остался вѣрнымъ исторической традиціи Московскаго государства, и что его преобразовательная дѣятельность не удовлетворяла Щербатова, главнымъ образомъ, по этой причинѣ. Идеологъ породы не могъ разсуждать иначе.

---

[1]) Исторія Россійская, т. I, часть 3-ья, стр. 223.

Но если онъ былъ предтечей славянофиловъ, то во всякомъ случаѣ не нашихъ московскихъ славянофиловъ XIX вѣка [1]).

Подводя итогъ всему, до сихъ поръ сказанному въ этой главѣ, надо будетъ признать, что на вопросъ о томъ, желательна ли европеизація Россіи, французскіе просвѣтители единогласно отвѣчали въ утвердительномъ смыслѣ; Руссо въ счетъ не идетъ, такъ какъ онъ не былъ настоящимъ просвѣтителемъ.

Что же касается вопроса о способности Россіи къ полному усвоенію западно-европейской цивилизаціи, то на него получался отъ нихъ отвѣтъ не вполнѣ опредѣленный. Нѣкоторымъ изъ нихъ бросалась въ глаза огромная разница между общественно-политическимъ строемъ Россіи, съ одной стороны, и тѣмъ же строемъ передовыхъ западныхъ странъ — съ другой. Весьма основательно считая третье сословіе главнымъ носителемъ новѣйшей цивилизаціи, они сомнѣвались въ будущности русскаго просвѣщенія, такъ какъ въ Россіи сословіе это было развито очень слабо или, какъ имъ казалось, совершенно отсутствовало.

Иначе отвѣчали на эти два вопроса тогдашніе русскіе писатели. Нѣкоторые изъ нихъ были убѣждены, что Россія, въ качествѣ очень молодой страны, можетъ выбрать себѣ любую „форму". Другіе сомнѣвались въ этомъ, принимая въ соображеніе извѣстныя особенности русскихъ „нравовъ" и считая нравы наиболѣе устойчивымъ факторомъ общественнаго развитія. А на вопросъ о желательности усвоенія Россіей западно-европейской цивилизаціи они отвѣчали, хотя и утвердительно, однако съ большими оговорками. И совершенно ясно, что, дѣлая такія оговорки, они повиновались внушеніямъ сословнаго эгоизма: полное усвоеніе Россіей западно-европейской цивилизаціи справедливо представлялось имъ опаснымъ для привилегій того сословія, идеологами котораго они выступали.

XII.

Въ образѣ мыслей всякого даннаго сословія (или класса) всегда есть болѣе или менѣе значительные оттѣнки. Они вызываются тѣмъ, что внутри этого сословія никогда нѣтъ полнаго тождества интересовъ. Мы видѣли, что у насъ идеологи породы расходились съ идеологами чина. Но въ рамкахъ сословнаго образа мыслей могутъ возникнуть довольно значительные оттѣнки также въ связи съ возрастомъ: разногласія

[1]) Ср. статью Ешевскаго: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи (изданное сочиненіе кн. М. М. Щербатова)", въ № 3-емъ „Атенея" за 1858 г.

между „отцами и дѣтьми"—весьма не рѣдкое историческое явленіе.

Молодые, неопытные люди почти всегда обнаруживаютъ большую склонность къ увлеченію отвлеченными идеями, нежели пожилые, умудренные житейскимъ опытомъ. Это вовсе еще не значитъ, что молодежь, принадлежащая къ высшимъ сословіямъ, не дорожитъ сословными привилегіями. Весьма нерѣдко молодые члены даннаго сословія дорожатъ его привилегіями не меньше старыхъ. Они просто рѣже задумываются о нихъ, такъ какъ вообще мыслятъ болѣе отвлеченно. Это какъ нельзя лучше видно на примѣрѣ Н. М. Карамзина (1766—1826).

Въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника" онъ говоритъ: „Всѣ жалкія Іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіономіи, или не что иное, какъ шутка, или происходитъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ вышшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане и Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ".

Можно подумать, что эти строки написаны въ отвѣтъ на „іереміады" Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи подъ вліяніемъ „нужной, но, можетъ быть, излишней" реформы Петра. Называя іереміады этого рода „жалкими", двадцатитрехлѣтній Карамзинъ рѣзко высказывался противъ националистическаго элемента, начинавшаго проникать въ сужденія тогдашнихъ русскихъ людей о Петровскомъ преобразованіи. Наши западники сороковыхъ годовъ XIX вѣка очень одобрили бы это его рѣзкое выступленіе. И они, конечно, охотно подписались бы подъ словами: „что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы человѣка, то мое, ибо я человѣкъ".

Только Бѣлинскій, какъ наилучшій между ними знатокъ исторіи нашей литературы, можетъ быть отнесся бы къ его понятію о „человѣческомъ" съ нѣкоторымъ скептицизмомъ. Онъ былъ бы правъ.

Приведенный мною отрывокъ написанъ Карамзинымъ (въ Парижѣ, въ маѣ 1790 г.) въ отвѣтъ на то замѣчаніе французскаго историка Россіи Левека, что Петра нельзя назвать геніальнымъ, такъ какъ, желая дать русскимъ образованіе, онъ умѣлъ

только подражать другимъ народамъ. Взятое само по себѣ, замѣчаніе это не представляется удачнымъ. Но достаточно вдуматься въ него, чтобы увидѣть, до какой степени французскій историкъ превосходилъ русскаго путешественника глубиною взгляда на Петровскую реформу и, — что еще важнѣе, — человѣчностью своего отношенія къ русскому народу.

Начать съ того, что упрекъ Петру въ подражательности дополняется и поясняется у Левека упрекомъ въ томъ, что Петръ недостаточно подражалъ другимъ народамъ. „Чтобы заставить русскихъ походить на другіе народы, надо было,—говоритъ Левекъ, — поставить ихъ въ одинаковыя съ ними условія. А для этого слѣдовало дать имъ свободу. Когда русскіе станутъ свободными, они сравняются съ другими народами въ области промышленности или даже превзойдутъ ихъ. Именно Петръ, такъ крѣпко державшій власть въ своихъ рукахъ, могъ заставить дворянство освободить крестьянъ. Онъ этого не сдѣлалъ. Петръ еще болѣе увеличилъ рабство русскихъ. Требуя, „чтобы они стали похожими на свободныхъ людей, онъ налагалъ на нихъ цѣпи и въ то же время хотѣлъ, чтобъ они быстро подвигались по пути развитія наукъ и искусствъ“ [1]). Вотъ почему успѣхи, которыхъ онъ хотѣлъ для Россіи, остались недостигнутыми. „Слишкомъ широкіе предѣлы его власти помѣшали исполненію его желаній, — превосходно говоритъ Левекъ. — ...Руками рабовъ онъ могъ построить корабли, но не могъ добиться того, чтобы рабы пользовались довѣріемъ иностранныхъ капиталистовъ“. Въ доказательство этого Левекъ приводитъ примѣръ русскаго торговаго человѣка Соловьева, который, — бывъ посланъ Петромъ по торговымъ дѣламъ въ Голландію, — сумѣлъ пріобрѣсти тамъ и богатство и довѣріе со стороны голландскихъ купцовъ. Но впослѣдствіи, отказавшись дать взятку нѣкоторымъ придворнымъ Петра, онъ былъ очерненъ ими передъ государемъ и получилъ приказъ немедленно вернуться въ Россію. Отъ этого сильно пострадали интересы его голландскихъ кредиторовъ, и упали только что начавшіяся торговыя сношенія русскихъ съ Голландіей [2]).

Мысль Левека о томъ, что Петръ, желая просвѣтить русскихъ, самъ отчасти умножилъ препятствія, мѣшавшія развитію ихъ естественныхъ способностей, осталась совершенно недоступной Карамзину. Утверждая, что „путь образованія или Просвѣ-

---

[1]) Histoire de Russie, tirée des Chroniques originales, des pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nature par M-r Levesque, tome quatrième. A Paris стр. 531 и 542.

[2]) Тамъ же, стр. 543.

щенія одинъ для народовъ“ и что „всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ“, онъ совершенно упускалъ изъ виду, что не всегда одинаковы тѣ условія, при которыхъ народы выступаютъ на этотъ путь. У него оказывается, что весь вопросъ сводился къ вопросу о платьѣ и бородѣ. „Петръ Великій одѣлъ насъ по-нѣмецки, — говоритъ онъ, — для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье неловко, мѣшаетъ ходить“ и т. д. Онъ какъ будто не прочиталъ словъ Левека о томъ, что Петръ, снявъ съ русскихъ длинное платье, наложилъ на нихъ новыя цѣпи.

Другое мнѣніе Левека, сильно удивившее нашего путешественника, состояло въ томъ, что и безъ Петра русскіе сдѣлали бы тѣ же самые шаги по пути просвѣщенія, какіе сдѣланы были ими по его указанію. „То-есть, — иронически истолковываетъ это мнѣніе Карамзинъ, — хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? Сами собою? Но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ. Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться“.

Если бы Левекъ признавалъ, что русскіе не готовы и не расположены были просвѣщаться, то онъ, конечно, попалъ бы въ смѣшное противорѣчіе съ самимъ собою, утверждая, что русскіе могли обойтись безъ Петра. Но въ томъ то и дѣло, что онъ думалъ совсѣмъ иначе. Онъ высказался противъ Руссо, утверждавшаго, что Россія не готова была для усвоенія себѣ цивилизаціи. Указывая на то, что преобразовательныя начинанія Петра немедленно поддержаны были дѣятельностью талантливыхъ русскихъ людей, онъ замѣчалъ, что историки и публицисты, охотно восхваляющіе государей, какъ будто испытывали удовольствіе, клевеща на русскій народъ. Предположеніе о томъ, что и безъ Петра русскіе достигли бы такихъ же успѣховъ по части просвѣщенія, основывалось у Левека на той увѣренности, что еще до начала Петровской реформы въ Россіи обнаружилось сильное желаніе просвѣтиться. Конечно, Карамзинъ могъ найти эту увѣренность не основательной. Но ему во всякомъ случаѣ слѣдовало считаться съ нею и, оспаривая Левека, внимательнѣе разсмотрѣть внутреннее состояніе и общественныя нужды Россіи въ эпоху, предшествовавшую началу реформы. Онъ и этого не сдѣлалъ, ограничившись тѣмъ голословнымъ утвержденіемъ, что „и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ“.

Противопоставленіе дѣятельности личностей естественному

ходу вещей еще не разъ встрѣтится намъ въ слѣдующихъ томахъ. Теоретически оно совершенно несостоятельно. Естественный ходъ вещей совсѣмъ не исключаетъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, а, напротивъ, предполагаетъ ее, совершаясь черезъ ея посредство. Для историка и для соціолога весь вопросъ заключается въ томъ, какія именно общественныя условія вызываютъ дѣятельность данныхъ личностей и какія содѣйствуютъ и мѣшаютъ ей. Однако, указанное противопоставленіе очень долго считалось не только допустимымъ въ теоріи, но и весьма глубокомысленнымъ. И тамъ, гдѣ мы видимъ, что спорящія между собою стороны признаютъ его правомѣрность, намъ позволительно спросить себя: какая же изъ нихъ ближе къ пониманію закономѣрности общественнаго развитія?

Такъ какъ сознательная дѣятельность людей считается ихъ свободной, т. е. незакономѣрной, дѣятельностью, то ясно, что къ пониманію закономѣрности общественнаго процесса гораздо ближе тѣ, которые апеллируютъ къ естественному ходу вещей. Сама эта апелляція есть не что иное, какъ выраженіе смутнаго сознанія закономѣрности. Вотъ почему приходится признать, что, дѣлая свои возраженія Левеку, Карамзинъ высказался, какъ мыслитель гораздо болѣе поверхностный, нежели этотъ французскій историкъ.

Въ отличіе отъ Фонъ-Визина, Болтина и Щербатова, молодой Карамзинъ безусловно стоялъ за просвѣщеніе. Но онъ до послѣдней степени отвлеченно представлялъ себѣ историческій процессъ развитія просвѣщенія. „Изъ темной сѣни невѣжества, — напыщенно восклицалъ онъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія изъ своего заграничнаго путешествія, — должно итти къ свѣтозарной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, несмотря на всѣ препоны, и въ ея эѳирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство“. Какъ же именно придемъ? Карамзинъ этого не объяснилъ. Не подлежитъ сомнѣнію одно: онъ думалъ, что въ эѳирныя объятія богини истины мы никакъ не можетъ попасть путемъ практической борьбы съ ея врагами. Общественная борьба оставалась явленіемъ, совершенно недоступнымъ его пониманію. Поселившись въ Женевѣ, онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 23 ноября 1790 г.):

„Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинаются несогласія. Странные люди! живутъ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хотятъ чего-то!“ А переѣхавъ въ Парижъ, онъ, въ виду тамошней, несравненно болѣе острой, политической борьбы, говорилъ въ одномъ изъ апрѣльскихъ писемъ того же года: „Когда

люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни". При такомъ, крайне поверхностномъ, пониманіи хода общественнаго развитія, Карамзинъ могъ совершенно упускать изъ виду тѣ конкретныя условія, въ которыхъ жили его русскіе современники. Но далеко не все то, что въ данное время уходитъ изъ нашего поля зрѣнія, безразлично для насъ. Карамзинъ сильно, хотя и безсознательно, дорожилъ тѣмъ общественнымъ порядкомъ, для анализа котораго не нашлось мѣста при его крайне поверхностномъ взглядѣ на историческое движеніе. И когда французская революція показала ему, что политическія бури могутъ иногда сверху до низу переворачивать данный общественный строй, онъ сталъ высказываться, какъ совершенно сознательный консерваторъ. Онъ писалъ тогда: „Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ... Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами Властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ".

Эпоха, въ которую были написаны эти строки (1802 г.), выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи: насъ интересуетъ пока лишь Карамзинъ Екатерининскаго времени. Здѣсь нужно только отмѣтить, что, умудренный опытомъ, Карамзинъ, который въ своихъ возраженіяхъ Левеку безусловно одобрялъ Петровскую реформу, подвергъ ее желчной критикѣ въ „Запискѣ о древней и новой Россіи". Такимъ образомъ, изъ поклонника прелестной богини истины и западнаго просвѣщенія онъ превратился въ Стародума и сердито отвергъ свое собственное старое правило: что хорошо для людей, не можетъ быть худо для русскихъ.

Изданія Т-ва „МІРЪ". Москва, Знаменка, 9.

Вышелъ I томъ новаго изданія т-ва „Міръ":

Исторія РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ до XIX в.

под редакціей А. Е. Грузинскаго.

Содержаніе I-го тома: Введеніе. Особенности древне-русской литературы, вліяющія на способы ея изученія. Проф. **М. Н. Сперанскаго.** Территорія и племя. Доисторическій бытъ и вѣрованія. Первыя формы государственнаго общежитія. Проф. **М. К. Любавскаго.** Русскій языкъ, его особенности. Акад. **А. А. Шахматова.** Начало письменности. Характеристика начальнаго періода литературной жизни. Проф. **М. Н. Сперанскаго.** Древнѣйшій періодъ (XI—XII вв.). Историческій очеркъ Кіевской Руси. Проф. **М. К. Любавскаго.** Общій обзоръ литературы кіевскаго періода. Проф. **А. С. Архангельскаго.** Апокрифъ и легенда. Проф. **М. Н. Сперанскаго.** Древне-русское лѣтописаніе. Прив.-доц. **А. Е. Прѣснякова.** Слово о полку Игоревѣ. Прив.-доц. **С. К. Шамбинаго.** Средній періодъ (XII—XVI вв.). Историческая жизнь Руси въ XIII—XVI вв. Проф. **М. К. Любавскаго.** Общая характеристика областной литературы. Проф. **М. Н. Сперанскаго.** Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI вв. Прив.-доц. **А. Е. Прѣснякова.** Литература Московскаго государства въ XVI в. Прив.-доц. **А. С. Орлова.** Переводныя повѣсти древней Руси. Прив.-доц. **А. С. Орлова.** 376 стр. 18 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ, изъ нихъ 6 цвѣтныхъ таблицъ.

Изданіе составитъ 4 тома (3 тома—„**Исторія русской литературы до XIX в.**" и 1 томъ—„**Устное творчество**") по 22—23 листа каждый; многочисленныя иллюстраціи. Цѣна 4 томовъ въ переплетѣ безъ пересылки—36 руб.; при подпискѣ уплачивается 3 руб. и при полученіи каждаго тома по 9 руб. (кромѣ перес.); задатокъ засчитывается при высылкѣ послѣдняго тома.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА.

(1800—1900.)

Подъ редакціей **Ѳ. Д. Батюшкова**, при ближайшемъ участіи проф. **Ѳ. А. Брауна**, акад. **Н. А. Котляревскаго**, проф. **К. Д. Петрова**, проф. **Е. В. Аничкова** и прив.-доц. **К. Ѳ. Тіандера.**

Вышелъ третій томъ. ***Содержаніе III тома:*** **Эпоха романтизма** (окончаніе). Викторъ Гюго—драматургъ и судьбы романтической драмы, *Акад. Нестора Котляревскаго.*—Молодая Германія. *Прив.-доц. П. С. Когана.*—Англійскій романъ послѣ Вальтера Скотта до Ч. Диккенса. *Прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера.*—Т. Карлейль. *Проф. Е. В. Аничкова.*—Мандзони и романтизмъ въ Италіи. *Проф. К. Д. Петрова.*—Испанскій романтизмъ. *Прив.-доц. А. А. Смирнова.*—Польскій романтизмъ. *Л. С. Козловскаго.*—Американская литература. *З. Венгеровой.*—Эдгаръ По. *В. Брюсова.*—Пессимистъ романтизма.—А. Шопенгауэръ. *Проф. Э. Л. Радлова.*—Послѣдніе нѣмецкіе романтики. *В. М. Жирмунскаго.*—Отклики романтизма въ Даніи и Швеціи. *Прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера.*—Нѣмецкій романтизмъ и наука. *В. М. Жирмунскаго* и проф. *Ѳ. А. Брауна.*—500 стр., 173 рисунка, въ т. ч. 35 вкладныхъ листовъ.

Изъ отзывовъ печати: „Предпринятый издательствомъ „МІРЪ" коллективный трудъ о западной литературѣ XIX вѣка обѣщаетъ стать столь же цѣннымъ вкладомъ въ нашу научно-популярную литературу, какъ и ранѣе изданная имъ исторія русской словесности... Всѣ статьи написаны обстоятельно и дѣльно и читаются съ несомнѣннымъ интересомъ".—„Изданіе заслуживаетъ живѣйшаго вниманія, какъ превосходное и незамѣнимое пособіе"... „Изданіе безукоризненное"...—„Авторы подходятъ къ разбираемымъ ими явленіямъ со строго критической оцѣнкой"... *Русскія Вѣдомости* 19 IV 13 г., *День* № 67, 13 г., *Голосъ Минувшаго* 13 г., *Рѣчь* № 40, 14 г.

Изданіе составитъ около 6 томовъ богато иллюстрированныхъ. **Цѣна по подпискѣ** въ роскошномъ переплетѣ безъ пересылки—11 руб. за томъ.

Допускается разсрочка платежа.

Вышли 6 и 7 книги изданія:

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX в. (1890—1910).

Подъ редакціей профессора **С. А. Венгерова.**

Содержаніе 6 и 7 книгъ: Этапы неоромантическаго движенія. (Продолженіе.) X. **Беллетристика 80-хъ годовъ. XI. Публицистика 80-хъ годовъ.** Проф. *С. А. Венгерова*—**Леонидъ Андреевъ.** *Автобіографическіе матеріалы. Ред.* **Леонидъ Андреевъ.** *Л. С. Козловскаго.*—**Иннокентій Анненскій.** Проф. *П. П. Митрофанова.*—**Ю. Балтрушайтисъ.** *Автобіографическая справка.*—**Юргисъ Балтрушайтисъ, какъ лирическій поэтъ.** *Вячеслава Иванова.*—**Александръ Блокъ.** *Автобіографическая справка.*—**Александръ Блокъ.** *Валерія Брюсова.*—**И. Бунинъ.** *Автобіографическая замѣтка.*—**Ив. А. Бунинъ.** *Ѳ. Д. Батюшкова.*—**Андрей Бѣлый.** *Автобіографическая справка.*—**Андрей Бѣлый.** *Иванова-Разумника.* 6 портретовъ, 1 автографъ.

Изъ отзывовъ печати... „Литературнымъ характеристикамъ предшествуютъ біографіи писателей, по большей части написанныя ими самими и потому пріобрѣтающія особую цѣнность... Написанныя компетентными лицами..., монографіи по большой части интересны и исчерпывающи. По своей значительности и важности новое изданіе заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Оно знакомитъ съ очень острымъ моментомъ въ исторіи русской литературы и по полнотѣ свѣдѣній, даваемыхъ для характеристики этого момента, не имѣетъ соперниковъ". „Русскія Вѣдомости", 25 янв. 1917 г.

Изданіе составитъ около 14 книгъ, въ 7—8 листовъ каждая, иллюстрируется портретами писателей, художественными заставками и концовками. **Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 3 р. и при полученіи каждой книги по 2 р. 50 к. (включая пересылку) и за переводъ платежа 10 к.**

